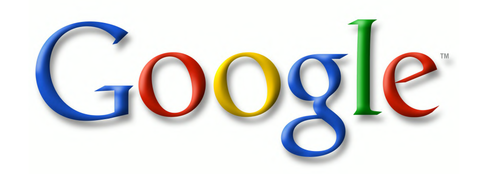

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

Title page
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1896.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1896.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть года въ 1896 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ CCCLIV. — 1/13 ІЮЛЯ, 1896.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

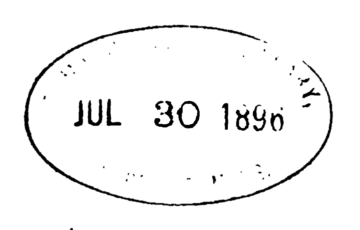
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

2447

ПИСЬМА
Н. В. ГОГОЛЯ

Окончаніе.

XXVII *).

Неаполь.—Февраль 16. 1847.

Назадъ тому недѣли двѣ, я писалъ вамъ довольно длинное письмо со вложеніемъ другого, еще болѣе длиннаго, къ сестрѣ Ольгѣ. Вы его, вѣроятно, уже получили. Вѣроятно, вы уже получили и самую книгу мою, въ которой находится выборъ изъ моихъ писемъ къ тѣмъ близкимъ моему сердцу людямъ, которые меня понимали и любили, просьбы и желанья мои исполняли и стали душой и жизнью своей мнѣ родными людьми. Вы, можетъ быть, уже получили и деньги, двѣ тысячи рублей, которыя я поручилъ прислать къ вамъ изъ Петербурга, какъ только будетъ выпродана моя книга. Тысячу изъ этихъ денегъ употребите въ уплату процентовъ въ ломбардъ, 500 р. въ уплату за ученье моего племянника, остальные 500 р. раздѣлите между собой, для собственныхъ нуждъ своихъ. То-есть, по сту рублей всякой сестрѣ, и двѣсти рублей для маменьки. Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что относительно денежныхъ расходовъ нужно болѣе, чѣмъ когда-либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прійти въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, нуж-

*) См. выше: іюнь, 727 стр.

дающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное,—то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами, и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и наиопытнѣйшій хозяинъ и наиумнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои, именно затѣмъ, чтобы отыскать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума, и Богъ его оставитъ. (Изъ отчетовъ о приходахъ и расходахъ вашихъ, доставляемыхъ мнѣ Лизою, несмотря на то, что они ведены довольно безпорядочно, съ пропусками и безъ обстоятельныхъ означеній, куда и зачѣмъ что̀ пошло, я однакожъ вижу (сдѣлавши приблизительную смѣту и подведя итогъ всему году), что было въ приходѣ въ продолженіе всего года денегъ свыше 16.000, а включая сюда одинъ пропущенный мѣсяцъ, можно предполагать, что доходъ по имѣнью вашему можетъ въ иной годъ простираться до двадцати тысячъ. Положимъ, около шести тысячъ должно выходить на уплаты процентовъ,—все остается на все прочее слишкомъ 10 тысячъ. Съ этими средствами, живя въ собственной деревнѣ, на всемъ готовомъ, грѣхъ гнѣвить Бога, жаловаться на обстоятельства и наполнять жалобами письма, какъ это дѣлали нѣкоторыя изъ сестеръ, и особенно Лиза, въ продолженіе пяти лѣтъ сряду. Я и въ чужой землѣ, будучи нѣкоторое время совершенно безъ всякихъ средствъ, вовсе не живя на всемъ готовомъ, добывая слишкомъ трудно копѣйку для самаго скуднаго содержанія,—протянулся однакоже съ помощію Божіей до сихъ дней и увидѣлъ, что причина скудости человѣка заключается почти всегда въ немъ самомъ. Именно, отъ увѣренности, что онъ уже совершенно ограничилъ себя во всемъ и не издерживаетъ ни на что лишнее. Храни васъ Богъ всѣхъ отъ этой смѣшной увѣренности. Перечтите хорошенько всѣ ваши расходы и приходы (съ тѣхъ поръ какъ ихъ стала дѣлать Лиза), взвѣсьте всякую вещь по степени ея надобности и необходимости, одну передъ другою,—вы увидите сами, что многія издержки были такія, о которыхъ вы и не думали въ началѣ года, которыя—сюрпризъ для васъ самихъ, именно потому, что вы о нихъ не думали въ началѣ года. Вы увидите, что многія издержки сдѣланы

собственно затѣмъ, чтобы не отстать отъ другихъ, чтобы избѣгнуть нареканья, что у васъ что-нибудь не такъ хорошо, или не такъ, какъ у другихъ людей, изъ боязни выставить недостатокъ и бѣдность на многихъ вещахъ, начиная отъ (*зачеркнуто:* „людей“) мебелей, экипажа (*зачеркнуто:* „прислуги, людей“), стола, кушаньевъ, прислуги, дворовыхъ людей и всего, что̀ ни есть въ домѣ. Не говорю я это затѣмъ, чтобы васъ попрекнуть въ чемъ-либо по этой части, но говорю это затѣмъ, чтобы сказать, что для тѣхъ людей, которые смущаютъ себя мыслію въ продолженье года, что имѣнье ихъ опишутъ въ казну за невнесенье процентовъ и что имъ нечѣмъ уплачивать казенныхъ податей, слѣдовало бы подумать прежде, въ началѣ года, о томъ, чтобы первыя деньги отложить для этого дѣла, а на все прочее только въ такомъ случаѣ позволять себѣ расходы, когда уже совершенно обезпечено главное. Иначе никогда не будетъ толку, и сколько ни будемъ увеличивать доходъ, онъ будетъ весь разлетаться невидимо, такъ что и самъ не будешь знать, куда ушли деньги, и все попрежнему будешь всегда въ безденежьи и въ несостояніи ни помочь бѣдному, ни самому за себя внести при какомъ-нибудь внезапномъ требованіи. (Прежде я помню, что по имѣнью доходу было только шесть тысячъ, теперь увеличилось цѣлымъ десяткомъ тысячъ болѣе, а хозяева все также находятся въ вѣчномъ безденежьи, какъ было и прежде). Нѣтъ, да отгонитъ отъ васъ Богъ духъ самоувѣренности въ себѣ, и внушитъ вамъ лучше духъ недовѣрія къ себѣ. Пусть лучше каждая изъ васъ говоритъ себѣ: „А разсмотрю-ка я получше, точно ли все это такъ, какъ мнѣ кажется, точно ли я поступаю такъ безошибочно-умно, какъ мнѣ думается?“ Я писалъ, чтобы всѣ сестры серьезно въ концѣ каждаго мѣсяца свѣряли счеты и повѣряли степень необходимости всякой издержки, и въ концѣ года вновь разсмотрѣли бы всѣ расходы до мельчайшихъ подробностей, подведя вѣрный итогъ всему затѣмъ, чтобы извлечь оттуда себѣ инструкцію въ надоумленье—какъ быть въ слѣдующемъ году. Повторяю и теперь все это. Прибавляю въ придачу: представлять себѣ въ началѣ года всѣ издержки, могущія быть во все продолженіе года, чтобы не имѣть потомъ всякаго рода сюрпризовъ, которые всегда случаются съ тѣми, которые не любятъ соображать впередъ и лѣнятся обнимать умомъ вещи во всѣхъ подробностяхъ. (Повторяю Лизѣ еще разъ: постараться о томъ, чтобы приходъ и расходъ велись исправнѣй, обстоятельнѣй и точнѣй, чѣмъ какъ они ведутся нынѣ, и было бы ясно сказано, кому что̀ продано, на какое употребленіе и куда, въ какой городъ или

деревню). Равно какъ и въ расходахъ тоже не нужно пропускать ничего. Я бы желалъ даже, чтобы тѣмъ людямъ, которымъ поручена продажа, поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ разговаривать со всякимъ продавцомъ и развѣдывать у всякаго продавца (разумѣется, какъ будто бы отъ собственнаго любопытства своего, а не потому, что это ему наказано дѣлать), на что̀ и зачѣмъ онъ покупаетъ, куда и въ какія руки потомъ перепродаетъ, не пропуская при этомъ случая разспросить, откуда и самъ онъ, и какъ у нихъ живутъ, въ чемъ достатокъ и недостатокъ, на чемъ добываютъ копѣйку и выигрываютъ, и въ чемъ терпятъ. Такъ, чтобъ разспросивши хорошенько продавца, могъ бы онъ потомъ разсказать Лизѣ и о бытѣ, и о образѣ жизни тѣхъ людей, которые живутъ не въ вашей деревнѣ. Всѣ эти подробности мнѣ очень нужны, и вы потомъ только узнаете, какая потомъ будетъ польза отъ этого для всѣхъ васъ. Прежде я бы и не просилъ васъ о томъ, зная, что мои просьбы не имѣютъ никакого дѣйствія и слова мои пропадаютъ даромъ, какъ вода, которую льютъ въ рѣшето. Но теперь я излагаю мою просьбу потому, что въ душѣ моей живетъ увѣренность, что если того и не выполнятъ другіе,—то у меня есть одна такая сестра, которая одна все выполнитъ и для которой, я вижу, дорого всякое желаніе мое. При этомъ прилагаю письмо племяннику, котораго заставляйте писать ко мнѣ почаще, но писемъ его сами не читайте: это его свяжетъ, онъ будетъ стыдиться, а ему слѣдуетъ быть со мной откровеннымъ во всемъ. Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ улучилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько-нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки. Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, на *попятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предыдущее, еще не получивши отвѣта на прежнее, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь въ продолженіе цѣлаго года вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ съ извѣщеніемъ, что слава Богу живъ. Потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ позаняться, и которое важнѣй нашей переписки; а потому

совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года такъ, какъ бы новыя.

XXVIII.

Франкфуртъ.—Іюль, 7.

Пріѣхавши во Франкфуртъ, я нашелъ ваши письма. Вы удивляетесь, почему я васъ всѣхъ вознесъ похвалами въ послѣднемъ письмѣ. Я самъ не знаю какъ это случилось; отчасти можетъ быть оттого, что я замѣтилъ въ васъ какое-нибудь уныніе отъ своихъ несовершенствъ, отчасти можетъ быть отъ того, что вы показали сами въ вашихъ письмахъ какія-нибудь хорошія черты свои, отчасти, можетъ, и отъ того, что я почувствовалъ вину свою, попрекнувши васъ (*зачеркнуто*: „несправедливо") въ томъ, въ чемъ не имѣлъ права попрекать, вслѣдствіе этого приписалъ больше цѣны вашимъ достоинствамъ, чѣмъ приписывалъ прежде. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что мы всѣ бываемъ (*зачеркнуто*: „дурны") безобразны. Прекрасны бываемъ тогда, когда почувствуемъ истинно, что мы (*зачеркнуто*: „дурны") безобразны, и безобразны тогда, когда подумаемъ, что мы прекрасны. Безобразные отъ насъ самихъ,—но красота наша отъ Бога, и по мѣрѣ только того, какъ мы пребываемъ въ немъ, мы бываемъ прекрасны. Упреки же, равно какъ и совѣты мои, я прекратилъ, потому что увидѣлъ получше свое собственное безобразіе и почувствовалъ, что мнѣ необходимѣй дѣлать самому себѣ упреки и давать себѣ самому совѣты. Повѣрьте, что это гораздо лучше, если человѣкъ начнетъ самъ себѣ самому дѣлать упреки, а не ожидать ихъ отъ другихъ. Одна изъ сестеръ моихъ сказала, что совѣты мои нужны, но (*зачеркнуто*: „просила"), чтобъ я подавалъ ихъ какъ братъ и другъ, щадя немощь человѣческую. Дѣло въ томъ, что я теперь не нахожусь и не знаю, какой и въ чемъ можетъ быть отъ меня совѣтъ. * Самая наименьшая изъ сестеръ моихъ находится уже въ томъ возрастѣ, который въ женщинѣ есть возрастъ полной зрѣлости ума. Стало быть, всякая можетъ очень хорошо знать въ чемъ дѣло. * Никто не можетъ такъ опредѣлить (*зачеркнуто*: „намъ"), что̀ намъ нужно, какъ мы сами себѣ, если только дадимъ себѣ трудъ разсмотрѣть наши способности и всѣ тѣ орудія, которыя намъ далъ Богъ затѣмъ, чтобы ими работать. Которой же захочется упрековъ и совѣтовъ, та можетъ перечесть мои прежнія письма, гдѣ множество и того и другого, и изъ этого множества выберетъ себѣ тотъ, который ей приличнѣе. Но до слѣдующаго раза. Повторяю вамъ еще, что

отнынѣ я буду рѣже писать къ вамъ. Некогда да и меньше предметовъ.

О себѣ увѣдомляйте попрежнему (*зачеркнуто:* „довольно") почаще. Кто любитъ кого во Христѣ, тотъ не скучаетъ и разлукой, да и врядъ ли есть для того человѣка слово разлука. Во Христѣ всѣ вмѣстѣ, всѣ живы, всѣ неразлучны. Стало быть, намъ нужно стремиться къ нему, если хотимъ стремиться другъ къ другу. Но Богъ да хранитъ васъ. Прощайте.—Н. Г.

* На послѣдней страницѣ адресъ: Poltava. Russie.

Ея Высокоблагородію Марьѣ Ивановнѣ Гоголь-Яновской. *Въ Полтаву*, оттуда въ д. Васильевку,—и почтовый штемпель: Frankfurt. 8 Jul. 1847. *

XXIX.

Неаполь, Генварь, (15) 3.

Наконецъ, я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшая матушка. Вы, слава Богу, здоровы, сестры тоже! Да хранитъ васъ всѣхъ Богъ и впредь. Увѣдомляю васъ, что я полагаю отправиться къ Святымъ мѣстамъ въ срединѣ февраля здѣшняго штиля. Вы пишете о радости, которую принесетъ вамъ пріѣздъ мой. Не радуйтесь ничему заранѣе. Все въ рукахъ Того, кто располагаетъ судьбой нашей. Какъ Онъ повелитъ, такъ тому и быть. Молитесь и больше ничего. Не забывайте также и того, что мы всѣ на землѣ странники, и существованье наше здѣсь минутно. Если и доставитъ намъ Богъ минутное удовольствіе пожить недѣлю или двѣ вмѣстѣ, въ вашей деревнѣ Васильевкѣ, то нужно поблагодарить только безмолвно въ глубинѣ души Бога. А радостью своей мы можемъ только оскорбить; не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду бѣды, повсюду голосъ неудовольствій и вражда на мѣсто любви. Намъ остается только молиться и просить у Бога, чтобы научилъ насъ, какъ молиться ему о спасеньи нашемъ. Прошу васъ отправить молебенъ, и если можно даже не одинъ (во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться), о благополучномъ моемъ путешествіи. Чувствую, что нѣтъ силъ помолиться самому. Силы мои какъ бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа. Я требую отъ васъ всѣхъ помощи, какъ погибающій братъ проситъ у братьевъ. Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться къ Богу моей молитвѣ. За все, что я вамъ когда-либо нанесъ непріятнаго, какъ вамъ, такъ и сестрамъ, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы по добротѣ душъ вашихъ простили, но все объ этомъ прилично въ такую минуту напомнить еще разъ. Передъ отъѣз-

домъ можетъ быть еще напишу нѣсколько строкъ. (Сестрѣ Ольгѣ я просилъ выслать изъ Москвы деньги на молебны и на раздачу бѣднымъ. Письмо мое со вложеньемъ письма къ Аннѣ вы, безъ сомнѣнія, получили тоже). Прилагаю здѣсь на всякій случай на особенной бумажкѣ содержанье того, о чемъ бы я хотѣлъ, чтобы священникъ сверхъ содержимаго въ обыкновенныхъ молебнахъ помолился. Васъ всѣхъ прошу также и въ особенности сестру Ольгу (какъ болѣе другихъ имѣющую время и досугъ для моленій), прочитать нѣсколько разъ въ сердцѣ своемъ эти строки, которыми хотѣлось бы мнѣ всей душой помолиться.—Весь вашъ Н. Гоголь.

(Куда писать мнѣ письма, я васъ извѣщу. Покамѣстъ даю вамъ адресъ слѣдующій:

Въ Константинополь. A Monsieur le Conseiller de la Mission Russe à Constantinople, Jean de Chalczinsky.—Ивану Дмитріевичу Халчинскому для передачи Николаю Васильевичу Гоголю).

Когда будете писать, увѣдомляйте подробно обо всемъ. Мнѣ будутъ больше, чѣмъ когда-либо, интересны и нужны вѣсти изъ родины.

XXX.

1849. Москва. Ноябрь.

Не писалъ къ вамъ долго потому, что все ожидалъ вашихъ писемъ, которыя по случаю отлучки моей изъ Москвы гонялись за мною повсюду и до сихъ поръ еще не пришли сюда. Я ожидалъ ихъ всякій день и прождалъ цѣлый мѣсяцъ. Опасаюсь, чтобъ они вовсе не пропали. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ идетъ. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая однако-жъ начала портиться, а зимы все нѣтъ. Напишите мнѣ, сдѣланы ли были какія посадки деревъ въ саду. Я полагаю, что всѣ тѣ деревья, которыя пропали въ прошломъ году, замѣщены теперь новыми. За этимъ дѣла немного, и потому не думаю, чтобъ сестры полѣнились.

Сейчасъ получилъ ваши письма; изъ одного изъ нихъ вижу, что его долженъ былъ доставить Апол. И. Ознобишинъ; весьма сожалѣю, что не удалось видѣть его. Радъ, если вы поѣдете въ Когорлыкъ къ Андрею Андреевичу, но нахожу неблагоразумнымъ, если никого совершенно не останется дома. На приказчика ни на какого нельзя положиться. Вы уже сколько разъ испытали, что приказчикъ сначала хорошъ, а потомъ портится. Портится же онъ всего пуще тогда, когда господа въ отлучкѣ. Если останется по крайней мѣрѣ сестра Ольга (которой въ самомъ дѣлѣ

нечего дѣлать въ Когорлыкѣ), все будетъ лучше, нежели никого. Передайте Софьѣ Васильевнѣ и супругу ея благодарность за воспоминанье и поклонъ. А почтенному Андрею Андреевичу засвидѣтельствуйте мою искреннюю признательность, если его увидите. Не позабудьте также передать дружескій братскій поклонъ Дмитрію Андреевичу. Затѣмъ, да хранитъ васъ Богъ всѣхъ здраво и невредимо!—Вашъ Н. Г.

22 ноябр. Москва.

Я получилъ ваши письма изъ Полтавы и изъ Когорлыка. (Душевно пожалѣлъ о томъ, что нашъ достойнѣйшій и добрѣйшій Андрей Андреичъ на старости лѣтъ своихъ долженъ испытывать столько непріятностей, но при всемъ томъ не потерялъ и не теряю надежды, что Богъ вознаградитъ за все. Не могу думать, чтобы сынъ его былъ въ такой степени безнадеженъ. Мнѣ напротивъ въ немъ показалось что-то доброе. Онъ несчастливъ только тѣмъ, что попалъ въ это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Онъ не одинъ, много-много другихъ такъ воспиталось. Но это мгновенное общее опьяненіе вѣка, которое не можетъ долго продолжиться. Многіе изъ молодыхъ людей видятъ теперь и сами, на какомъ шаткомъ очутились пути, и начинаютъ искать дороги, съ которой сбились. Это время должно непремѣнно наступить, и для него тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мнѣ сказывалъ въ Одессѣ самъ духовникъ, вовсе не такъ дуренъ въ душѣ своей, какъ о немъ говорятъ. Я самъ начинаю думать, не старается ли кто-нибудь нарочно очернить сына передъ отцомъ. Отъ чего да сохранитъ Богъ. Тутъ всего лучше терпѣнье. Надежда на милосердіе Бога и молитва. Передайте Андрею Андреевичу мой душевный поклонъ и чувство, исполненное самой признательной любви къ нему, въ чемъ, я увѣренъ, онъ не сомнѣвается. Бумаги объ Эмиліи я получилъ и буду стараться. Только не знаю, какъ вы ее доставите въ случаѣ принятія ея. Что же касается насчетъ вашихъ ожиданій моего пріѣзда, то я вамъ опять повѣдаю то, что всегда говорю. Слова я не даю никогда. Обѣщать не обѣщаю тоже. Говорю: можетъ быть, пріѣду, а можетъ быть не пріѣду, разумѣя всегда возможность и устроеніе обстоятельствъ. Я не такъ богатъ, чтобы для одного удовольствія свиданія бросать по 1000 рублей на переѣздъ, и не такъ досуженъ, чтобы жертвовать временемъ, которое у меня дорого. Мнѣ такъ нужно много видѣть мѣстъ еще невиданныхъ мною, что не знаю, успѣю ли я ихъ осмотрѣть. Пріѣхать къ вамъ я имѣлъ намѣреніе только тогда, еслибъ мнѣ

удалось къ этому времени окончить мой трудъ и напечатать его, и управиться совершенно со всѣми хлопотами. У меня напротивъ вотъ какой обычай обѣщать: я къ вамъ пріѣду, можетъ быть, черезъ годъ, а можетъ быть,—пятнадцать лѣтъ; такъ я говорю всѣмъ, зная, что все зависитъ не отъ моей воли, а отъ устроенія обстоятельствъ. А обстоятельства устрояетъ Богъ. Мы всѣ на землѣ поденьщики и работники. Прежде всего должны думать о работѣ своей, а потомъ уже объ удовольствіи свиданія.

О просьбѣ вашей насчетъ Олимпіады Федоровны никакъ не умѣю приложить ума и никакъ не знаю, чѣмъ я могу помочь. Вы даже не объяснили мнѣ, къ кому должно обратиться, чтобы отыскать ея сына. Міръ великъ. Губернатора нашего я не видалъ. Онъ былъ въ Москвѣ тогда, какъ меня еще здѣсь не было. Душевно желаю, чтобы пребыванье ваше въ Когорлыкѣ было пріятно и для васъ, и для Андрея Андреевича.—Вашъ любящій сынъ Н. Г.

XXXI.

Посылаю вамъ сѣмена для огорода. Только прошу васъ посадить ихъ какъ можно скорѣе; если можно, то даже въ тотъ день, когда получите ихъ; намачивать ихъ вовсе ненужно, но просто прямо садить въ землю. Только непремѣнно нужно поливать нѣсколько разъ на день послѣ посадки. Мѣсто выбрать для нихъ лучше поближе къ пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цвѣтной капусты, артишоковъ и брокулей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь изъ комнатныхъ дѣвушекъ поливать ихъ; хотя они садятся нѣсколько поздно, но садовникъ здѣшній увѣряетъ меня, что при аккуратномъ поливаніи они весьма могутъ поспѣть въ іюнѣ.

Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ неурожаемъ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ? Неужели въ винокурнѣ нельзя покамѣстъ выдѣлывать кожъ? Она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что дѣлается внутри. Фабрикантъ большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ: фабрика, но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ бриллiантовою крышею, но что теперь нельзя ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты,—что нѣтъ никакой возможности поступить иначе.

XXXII.

Я получилъ ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннѣйшая и добрѣйшая матушка. Весьма за него благодарю, еще больше за ваши молитвы. Здоровье мое, слава Богу, лучше, но климатъ, можетъ быть, придется перемѣнить. Впрочемъ, ничего еще на этотъ счетъ вѣрнаго не могу сказать. Положеніе бѣднаго Ан. А. меня искренно трогаетъ. Пошли ему Богъ дни утѣшеній въ остальное время его жизни. Передайте отъ меня поклонъ добрѣйшей Софьѣ Васильевнѣ Скалонъ. (Любите всѣхъ васъ любящихъ, и храни васъ Богъ подозрѣвать кого-либо въ нелюбви къ себѣ,—это же и не въ вашемъ характерѣ. Вы способны любить даже и нелюбящихъ, и недобрыхъ. Какъ же можно подозрѣвать въ чемъ-либо добрыхъ? Съ этимъ можно впасть въ большія недоразумѣнія. Отчего вамъ кажется будто А. А. долженъ мнѣ помочь? Во-первыхъ, я не нуждаюсь, во-вторыхъ, у него родственники есть ближе меня, въ-третьихъ, онъ самъ въ такомъ положеніи, что ему нужна помощь, въ-четвертыхъ, наконецъ, скажу вамъ откровенно,—мнѣ бы было очень тяжело что-нибудь отъ него получить. Слава Богу, что онъ такъ благоразуменъ и это понимаетъ самъ). Еще я не понимаю, отчего вы такъ заботитесь о пріобрѣтеніяхъ для дѣтей вашихъ въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и невѣрно и когда имѣющій имущество въ нѣсколько разъ больше неспокоенъ бѣдняка. Слава Богу, Богъ самъ пристраиваетъ дѣтей вашихъ: ни я не женился, ни сестры мои не вступили въ бракъ, стало быть, меньше заботъ и хлопотъ. И въ этомъ великая милость Божія. Какъ посмотришь вокругъ сколько несчастныхъ родителей, незнающихъ куда дѣть своихъ дѣтей! Сердце дрожитъ, когда помыслишь, какая страшная участь грозитъ имъ посреди ихъ ожидающаго разврата. А непристроенныя семейства умножаются съ каждымъ годомъ все больше и больше, а прихоти все ростутъ, и каждому хочется жить такъ же, какъ живетъ его сосѣдъ. Жить по-просту, какъ долженъ жить человѣкъ, никто не хочетъ. Удерживать, умѣрять себя никто не умѣетъ, потому что никто не занятъ истиннымъ дѣломъ, а въ праздности много приходитъ человѣку тѣхъ прихотей, о которыхъ бы онъ и не подумалъ, еслибы точно занятъ. Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденіи свѣжихъ деревъ на мѣсто усохнувшихъ и не принявшихся—вмѣстѣ съ племянникомъ. Можетъ быть, пришлю ей сѣмянъ огородныхъ овощей; а на приглашеніе пріѣхать самому

скажу, что̀ отъ моего пріѣзда немного было бы толку, — еслибы и можно было пріѣхать. Все дѣлается не безъ воли Божіей. Притомъ надобно сказать и то, что издали какъ-то любится лучше, а вблизи, какъ увидишь то да другое, то и это не такъ,—еще и поссоришься. (Издали, напримѣръ, сестры мнѣ кажутся умными, занятыми, трудящими, полезными и въ собственномъ домоводствѣ, и въ отношеніи къ другимъ, а вблизи кажутся проводящими время въ праздности, ѣздящими по гостямъ, читающими пустыя книжки, или занятыми рукодѣліями для пустыхъ украшеній). Очень можетъ быть, что я не правъ, но тѣмъ не менѣе какая-то грусть проникаетъ мнѣ душу, и мнѣ становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всѣми и вижу, что я меньше всѣхъ исполняю долгъ свой, принимая въ соображеніе то, что мнѣ больше другихъ Богъ далъ способностей и силъ къ произведенію дѣлъ полезныхъ.

Сестра Елисавета ничего мнѣ не написала—доказательство, что она меня мало любитъ, а я хотя съ ней и ссорюсь, но люблю ее много. Обнимая мысленно васъ всѣхъ и желая вамъ отъ души всего, что̀ нужно для души, остаюсь всегда признательный сынъ.—Н. Гог.

XXXIII.

Отрывокъ.

(Конецъ пропуска въ письмѣ, помѣщенномъ у Кулиша на 542 стр. VII т.).

* ...... къ Марьѣ Николаевнѣ и въ особенности сблизиться съ Катериной Васильевной, у которой ты многому можешь поучиться относительно того, какъ устроить въ деревнѣ лучшій порядокъ и подѣйствовать благодѣтельно на нравственность крестьянъ и домашнихъ. * Христосъ съ вами, мои добрые и милые, молитесь обо мнѣ всѣ. Молитесь обо мнѣ, добрѣйшая мая матушка. Мнѣ теперь очень нужны молитвы всѣхъ васъ.—Всѣхъ васъ всею душою и всѣмъ сердцемъ любящій—Николай Г.

Въ день вашихъ именинъ, матушка, молился я у мощей св. Сергѣя о васъ и о всѣхъ насъ. Здоровье ваше и новобрач. было пито мной за обѣдомъ у Аксаковыхъ, которые всѣ васъ поздравляютъ.

Къ Владиміру Ивановичу буду писать.

XXXIV.

Москва, 11-го. 1850.

Давно не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая матушка. Здоровы ли вы и какъ у васъ? Я не знаю до сихъ поръ благо-

получно ли вы возвратились изъ Когорлыка въ Васильевку. Я коекакъ живу, но прихварываю больше эту зиму, чѣмъ прежнюю. Какъ видно, холодный климатъ меня прижимаетъ. А, можетъ быть, и оттого, что самъ не живешь и не молишься какъ слѣдуетъ. Я получилъ много отъ Бога и долженъ бы быть лучше васъ всѣхъ, но эти минуты убѣждаюсь, что я хуже васъ всѣхъ. А потому нужно терпѣливо нести болѣзни, какъ должное и праведное наказаніе. Молитесь обо мнѣ, всѣ вмѣстѣ и будьте здоровы,—вашъ весь Н. Г.

Ничего еще не могу сказать вѣрнаго на счетъ помѣщенія Эмиліи. Любезному племяннику хотѣлъ-было писать, но отлагаю до слѣдующаго раза. Покуда обнимаю заочно всѣхъ васъ.

XXXV.

Отрывокъ.

...счастливо. Потому что и умъ, привыкнувъ къ осмотрительности, заранѣе обратитъ вниманіе на то, на что нужно обращать вниманіе сначала. О, счастливъ тотъ, кто мирится съ своими настоящими обстоятельствами. Будущее невѣрно. Вотъ и теперь смущаетъ меня одно печальное событіе, случившееся, говорятъ, во Владимірѣ 21-го мая. Во время хода церковнаго проломился мостъ, такъ что перешли одни священники, несшіе иконы, а весь народъ обрушился въ рѣку. Дай Богъ, чтобы капитана миновала эта опасность. Не помните ли, отъ котораго числа писалъ онъ свое письмо и когда думалъ онъ выѣхать въ Кіевъ? Посылаю вамъ деньги, занятыя мною у васъ въ Когорлыкѣ, Васильевкѣ и на дорогѣ при разныхъ случаяхъ,—по моему разсчету, ихъ набралъ на 10 руб. сереб. Остальные 15 р. с. должны остаться въ капиталъ для произведенія изъ нихъ уплатъ въ свое время столяру, по мѣрѣ изготовленія вещей. Передайте ихъ сестрѣ Аннѣ или сестрѣ Ольгѣ. Другіе же 25 р. на лекарство и церковь Ольгѣ.

Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о всѣхъ васъ.—Многолюбящій, васъ сынъ Н. Г.

XXXVI.

Посылаю вамъ, маменька, банку горчицы. Что же касается до сѣмянъ, то Иванъ Осиповичъ Петрашевскій обѣщался доставить вамъ. Теперь не случилось.

Прощайте и будьте здоровы.

XXXVII.

Москва, 14 іюля.

Странно мнѣ, что вы еще не получили письма моего со вложеніемъ денегъ работникамъ и сестрѣ Ольгѣ. Я писалъ скоро по пріѣздѣ моемъ въ Москву. На нынѣшнее письмо ваше отвѣчаю нѣсколько поздно, потому что былъ въ отлучкѣ и третьяго дня только пріѣхалъ въ городъ. Прошу васъ и умоляю, добрѣйшая матушка, еще разъ не хлопотать и не заботиться ни о чемъ. Вы видите, все строитъ Богъ. Право, намъ только нужно повторять: да будетъ святая воля Божья во всемъ. Не знаю, удастся ли мнѣ пріѣхать на свадьбу сестры, хоть и желалъ бы очень. Обстоятельства мои трудненьки. Но пусть будетъ такъ, какъ устроитъ Богъ. Отправьте одно письмо Владиміру Ивановичу Быкову въ Кіевъ, потому что я не знаю, какъ адресовать, а другое сестрѣ Елизаветѣ.—Вашъ истинно любящій васъ сынъ Николай.

Молитесь обо мнѣ?

XXXVIII.

28 октяб.

Съ большимъ трудомъ добрался я или, лучше сказать, доплылъ до Одессы. Проливной дождь сопровождалъ меня всю дорогу. Дорога невыносимая. Ровно недѣлю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшія дверцы коляски, а другой разстегиваемый вѣтромъ плащъ, и въ это время убѣдился еще болѣе въ томъ, что нужно держаться разъ принятаго правила: выѣзжать до 15-го октября, а съ 15-го сидѣть на мѣстѣ и не отваживаться въ дорогу. Съ 15-го октября рѣшительно всѣ дни *критическіе.* Если и покажется нѣсколько теплыхъ дней, то они уже не въ состояніи поправить разъ испортившуюся дорогу. Еще не могу вамъ сказать ничего рѣшительнаго относительно отъѣзда. Изъ Константинополя пришедшія вѣсти, что тамъ не такъ спокойно, заставляютъ меня призадуматься ѣхать ли въ этомъ году? Съ другой стороны, оставаться въ Одессѣ тоже не весьма заманчиво для моего некрѣпкаго здоровья. Климатъ здѣшній, какъ я вижу, суровъ и съ непривычки кажется суровѣй московскаго. Я же, въ увѣренности, что ѣду въ жаркій климатъ, оставилъ свою шубу въ Москвѣ; но положимъ, отъ внѣшняго холода можно защититься, какъ защититься отъ того же въ здѣшнихъ продувныхъ домахъ? Боюсь этого потому, что это имѣетъ большое вліяніе на мои занятія. Вообще въ этомъ году я весьма поздно распорядился со всѣми моими дѣлами, и причиною этому лѣнь, одолѣв-

шая меня въ Малороссіи. Нечувствительно я выучился откладывать до завтрашняго дня, чего у меня прежде никогда не было. Это самая скверная и губительная привычка. Замѣчаніе это для сестеръ, которыя пока молоды еще не могутъ чувствовать всю ея гадость. Особенно не нужно отлагать исправленіе себя въ чемъ-либо уже замѣченномъ, но нужно начинать его съ сегодняшняго дня, а не съ завтрашняго.

Человѣкъ чувствительно съ лѣтами набираетъ столько гадостей, что самъ не ловитъ себя заблаговременно на всѣхъ мелочахъ. Можно сдѣлаться нечувствительно изъ добраго несноснымъ для всѣхъ. Увѣдомьте меня, говорили ли вы Юркевичу о лѣсѣ, который возлѣ Чарныша; пришло ли разрѣшеніе продавать его? Хорошо бы воспользоваться перевозкой въ то время, когда дороги еще хороши. Прощайте; прилагаю при семъ два письмеца—къ Андрею Андреевичу и Дмитрію Андр. Передайте поклонъ мой отцу Антону, Ивану Григор. Крикуневичу и Нѣмченко. Обнимаю васъ всѣхъ.—Н. Г.

XXXIX.

Москва, іюнь 7.

Письмо ваше отъ 5-го іюня получилъ такъ же, какъ и другое, писанное передъ тѣмъ въ маѣ. Обо мнѣ напрасно вы безпокоитесь, такъ же и о томъ, что меня цѣнятъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Это участь всѣхъ людей. Никого не цѣнятъ такъ, какъ слѣдуетъ. Для того, чтобы цѣнить человѣка, нужно видѣть его со всѣхъ сторонъ, а видѣть со всѣхъ сторонъ человѣка можетъ одинъ только Богъ. Отложите также всякія мысли о воздаяніяхъ въ этой жизни. Въ нынѣшнее время особенно, рѣдко когда кого ожидаетъ великая будущность. Дай Богъ не лишиться только того, что̀ уже имѣешь. На потребу дня немного нужно. Вы давно уже не увѣдомляли меня объ Андреѣ Андревичѣ; получаете ли отъ него письма, и здоровъ ли онъ? Передайте при семъ слѣдуемое ему письмецо. Я намѣренъ сдѣлать маленькую поѣздку по нѣсколькимъ губерніямъ вокругъ Москвы, а такъ какъ всѣ мои знакомые разъѣхались тоже по деревнямъ, то письма адресуйте въ Калугу на имя Смирнова; онъ мнѣ пришлетъ ихъ туда, гдѣ буду находиться. Адресъ выставляйте такъ: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову въ Калугу для передачи Н. В. Гоголю, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ вновь по старому: на имя Шевырева. Посылаю вамъ нѣсколько книгъ, какія накопились. Изъ нихъ для васъ особенно: „О скорбяхъ и болѣзняхъ“. Поученія къ прихожанамъ Путяты пригодятся и для вашихъ кре-

стьянъ. Вы дайте ихъ прочесть священникамъ. Вѣроятно, они изъ нихъ выберутъ кое-что для прочтенія въ праздничные дни. По многимъ церквамъ и городамъ читаютъ изъ этой книги. Прощайте. Сестеръ обнимаю, племянника Колю также. Скажите ему, чтобы онъ пересчиталъ, сколько деревъ числомъ принялось изъ тѣхъ, которыя насадила тетушка его Анна Васильевна, а сколько нѣтъ; и объ этомъ мнѣ бы написалъ также и обнялъ своихъ... Къ ней самой надѣюсь скоро писать. Лизѣ—также.

XL.

Одесса. Марта 21-го.

Вчера пріѣхалъ Димитрій Андреевичъ: съ нимъ пріѣхало и письмо ваше. Я полагаю выѣхать на будущей недѣлѣ, такъ, чтобы къ страстямъ быть въ Когорлыкѣ. Если поможетъ Богъ совершить путь благополучно, то или въ субботу, или въ воскресенье доберусь до Когорлыка. За лошадьми лучше пошлите домой, тѣмъ болѣе, что Дм. Анд., какъ я замѣтилъ, хочетъ тоже въ одно время съ нами ѣхать въ Кибенцы. Да и во всякомъ случаѣ, по-моему, нужно всячески избѣгать жить на счетъ другихъ, хотя бы даже и весьма близкихъ намъ людей. Выѣду я, можетъ быть, или раньше, или позже Дм. Андреевича, затѣмъ, чтобы не мѣшать другъ другу на станціяхъ, потому что лошадей трудно доставать и на одинъ экипажъ, а какъ будутъ два, то придется посидѣть и по дню на станціи, и все-таки разрозниться. Затѣмъ, желая вамъ отъ всей души провесть благодатно остальное время поста, и прося васъ передать это же самое тоже и весьма уважаемому мной Андрею Андреевичу, остаюсь признательный сынъ Н. Г.

XLI.

Отрывокъ.

...читать въ это время наиболѣе такія книги, которыя обличаютъ и поражаютъ душу никакъ ее не щадя, но выказывая всю некрасоту ея. У всѣхъ просите себѣ обличенія и указанія всѣхъ вашихъ недостатковъ. А сами всѣхъ прощайте, въ томъ числѣ и меня.—Вашъ весь Н. Гоголь.

О моемъ выѣздѣ навѣрно еще ничего не могу сказать. Все будетъ зависѣть отъ погодъ и какъ установится дорога. По дурной дорогѣ отваживаться нельзя въ не весьма крѣпкой коляс-

чонкѣ, и безъ того уже пострадавшей въ распутную осеннюю дорогу прошлаго года.

Во всякомъ случаѣ буду стараться пріѣхать къ праздникамъ.

XLII.

Москва.

Сейчасъ получилъ письмо отъ матушки. Она не такъ здорова. Не отъ хлопотъ ли? Ради Бога, будьте при ней и утѣшьте ее. Я самъ надѣюсь пріѣхать вслѣдъ за вами и, можетъ быть, на дняхъ выѣзжаю.—Вашъ весь Н. Гоголь.

XLIII.

Отрывокъ.

...и просить: о, вразуми насъ всѣхъ Богъ прежде исполнить главное, прежде Ему послужить.

XLIV.

VII.—Статья изъ завѣщанія, относящаяся къ дѣламъ семейственнымъ.

Завѣщаю доходы отъ изданій сочиненій моихъ, какіе... (неразборчивое слово) по смерти моей въ собственность моей матери и моимъ сестрамъ на условіи дѣлиться съ бѣдными пополамъ. Какъ бы ни нуждались онѣ сами, но да помнятъ вѣчно, что есть на свѣтѣ такіе, которые нуждаются еще болѣе ихъ. Изъ бѣдныхъ же должны онѣ помогать только такимъ, которые возъимѣютъ желаніе искреннее перемѣнить жизнь и сдѣлаться лучшими, для чего имъ слѣдуетъ подробно входить въ обстоятельства и положеніе каждаго бѣдняка и помогать не прежде, какъ совершенно его узнавши: деньги эти пріобрѣтены не безъ труда, а потому и не должны быть брошены на воздухъ. Все же мое недвижимое имущество, какое имѣлъ я, отдано мною уже давно моей матери; если-жъ актъ, утверждавшій сію дачу и сдѣланный назадъ тому пятнадцать лѣтъ, не покажется довольно утвердительнымъ, то я подтверждаю это вновь здѣсь, дабы никто не дерзнулъ у ней оспаривать ея право. Прошу какъ мать, такъ и сестеръ моихъ, перечитать сызнова послѣ моей смерти всѣ мои письма къ нимъ, писанныя въ послѣдніе три года, особенно не исключая тѣхъ, которыя, повидимому, относятся къ одному хозяйству: многое поймется по смерти моей лучше. По кончинѣ

моей никто изъ нихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но—всѣмъ тоскующимъ, страждущимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь неизмѣнное горе; чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостинницу и странноприимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякій, кто бы ни пріѣзжалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и сердцу близкій человѣкъ; чтобы радушно и родственно разспросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь или же, по крайней мѣрѣ, дабы умѣть ободрить и освѣтить его,—чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь не утѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія, привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко почему-либо помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину на деревнѣ, который былъ бы притомъ жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ, чтобы и онъ разспросилъ своего гостя также радушно обо всѣхъ его обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ, донося потомъ обо всемъ владѣющимъ, дабы и онѣ могли съ своей стороны прибавить къ тому свой совѣтъ или вспомоществованіе, какъ и что найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЭДИПЪ—изгнанный царь Ѳивъ.

АНТИГОНА } дочери Эдипа.
ИСМЕНА }

КРЕОНЪ.

ПОЛИНИКЪ—сынъ Эдипа.

ТЕЗЕЙ—царь Аѳинъ.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ—житель города Колона.

ВѢСТНИКЪ.

ХОРЪ—старцевъ.

Мѣсто дѣйствія: у аттическаго города Колона, вблизи Аѳинъ, предъ заповѣдною рощей Эвменидъ.

Эдипъ — *Антигонѣ*.

Скажи, куда, въ чей городъ мы пришли,
О, дочь слѣпого старца, Антигона?
Кто пріютитъ изгнанниковъ, почтивъ
Несчастнаго Эдипа скуднымъ даромъ?
Я малаго прошу, — даютъ мнѣ меньше,
Чѣмъ малое, но и тому я радъ:
Терпѣть меня страданья научили,
И долгій рядъ годовъ, и гордый духъ.
Но оглянись, дитя, и выбравъ мѣсто,
Чтобъ при пути на камнѣ отдохнуть,
Или въ оградѣ заповѣдной рощи, —
Остановись и усади меня.
Узнáемъ, гдѣ мы, ибо надо гражданъ,
Придя въ чужую землю, разспросить
И то, чтò намъ велятъ они, исполнить.

Антигона.

Отецъ, Эдипъ несчастный, вижу стѣны
И башни тамъ, надъ городомъ вдали.
Мнѣ кажется, что мы въ священномъ мѣстѣ:
Оливъ здѣсь много, виноградныхъ лозъ
И лавровъ, полныхъ сладкозвучнымъ пѣньемъ
Порхающихъ по вѣткамъ соловьевъ...
Вотъ здѣсь присядь, на этомъ камнѣ дикомъ:
Для старика ты сдѣлалъ долгій путь
Сегодня.

Эдипъ.

Дай мнѣ руку, помоги...

Антигона — *усаживая Эдипа*.

Напоминать не надо — я ужъ знаю.
Служить тебѣ привыкла я давно.

Эдипъ.

А какъ названье города?

Антигона.

Аѳины.

Но здѣшнихъ мѣстъ не узнаю.

Эдипъ.

Да, да,

Аѳины: такъ вѣдь говорили всѣ,
Кто по дорогѣ намъ встрѣчался.

Антигона.

Хочешь,
Пойду, узнаю, гдѣ мы?

Эдипъ.

Разспроси,
По близости живетъ ли кто-нибудь.

Антигона.

Живутъ, конечно.—И ходить не надо:
Я вижу,—кто-то къ намъ идетъ...

Эдипъ.

Скажи,
Когда поближе будетъ.

Антигона.

Вотъ—онъ здѣсь,
Ты можешь говорить.

Эдипъ.

О, чужеземецъ,
Услышалъ я отъ той, чьи смотрятъ очи
И за себя, и за меня, слѣпого,
Что къ намъ пришелъ ты въ добрый часъ, затѣмъ,
Чтò я спросить тебя желалъ бы...

Чужеземецъ.

Прежде,
Чѣмъ спрашивать,—ступай отсюда прочь:
Здѣсь быть не должно человѣку.

Эдипъ.

Гдѣ я?
Чей это лѣсъ? Кому онъ посвященъ?

Чужеземецъ.

Ограждено заклятьемъ это мѣсто:
Ужасныя богини здѣсь живутъ,
Святыя дочери Земли и Мрака.

Эдипъ.

Какъ имя ихъ божественное?

Чужеземецъ.

Имя
Мы имъ даемъ всезрящихъ Эвменидъ,
Но ихъ зовутъ въ другихъ мѣстахъ иначе.

Эдипъ.
Благословенъ да будетъ мой приходъ!
Я не уйду отсюда, чужеземецъ!

Чужеземецъ.
Чтò это значитъ?

Эдипъ.
Приговоръ судьбы
Свершается.

Чужеземецъ.
Я гнать тебя не смѣю.
Пойду, сначала въ городѣ скажу,
И какъ велятъ, исполню.

Эдипъ.
Чужеземецъ!
Будь милостивъ, отвѣть на мой вопросъ,
Не откажи бездомному скитальцу.

Чужеземецъ.
Чтожъ, спрашивай, я отвѣчать готовъ.

Эдипъ.
Скажи мнѣ, гдѣ мы, чтò это за мѣсто?

Чужеземецъ.
Скажу тебѣ я все, чтò знаю самъ:
Ты на землѣ боговъ, гдѣ обитаютъ
И Посейдонъ, и Прометей, огонь
Похитившій съ небесъ. А эти камни,
Гдѣ ты сидишь, зовутъ порогомъ мѣднымъ,
Воротами и крѣпостью Аѳинъ,
Славнѣйшему изъ всадниковъ, Колону
Посвящены окрестныя поля.
И отъ него-то имя колонейцевъ
Наслѣдовали жители: такъ вотъ,
Въ какую землю ты пришелъ, о, странникъ!
Здѣсь не однимъ лишь словомъ чтутъ боговъ,
Но и благимъ обычаемъ, и дѣломъ.

Эдипъ.
Такъ, значитъ, много жителей въ странѣ?

Чужеземецъ.
Да, цѣлый городъ, посвященный богу.

Эдипъ.

А кто же царь? Иль правитъ самъ народъ?

Чужеземецъ.

Нѣтъ, въ городѣ есть царь, и надъ страною
Онъ властвуетъ.

Эдипъ.

А какъ зовутъ того,
Чей умъ и сила управляютъ вами?

Чужеземецъ.

Зовутъ его царемъ Тезеемъ, сыномъ
Эгеевымъ.

Эдипъ.

А можно ли отсюда
Кого-нибудь послать за нимъ?

Чужеземецъ.

Зачѣмъ?
Ты что-нибудь сказать ему желаешь,
Или сюда позвать?

Эдипъ.

Затѣмъ, о, другъ мой,
Что малую мнѣ помощь оказавъ,
Получитъ онъ великую награду.

Чужеземецъ.

Царю ли ждать награды отъ слѣпца?

Эдипъ.

Вѣдь то, что̀ я скажу, не будетъ слѣпо.

Чужеземецъ.

А знаешь ли, какъ лучше поступить?
Хотя ты слѣпъ, по виду твоему,
Сдается мнѣ, что мужъ ты родомъ знатный:
Такъ вотъ что: посиди ты здѣсь, а я
Тѣмъ временемъ схожу, но не въ Аѳины,
А къ жителямъ предмѣстія, и все
Имъ разскажу: пускай они разсудятъ,
Остаться ли тебѣ иль уходить.

Эдипъ.

Скажи, дитя, ушелъ ли чужеземецъ?

Антигона.

Ушелъ, отецъ,—ты можешь говорить.
Никто не слышитъ: мы одни съ тобою.

Эдипъ—*къ Эвменидамъ.*

О, страшныя, великія! Найдя
Пріютъ у васъ, у первыхъ въ этомъ краѣ,—
Молю: ко мнѣ враждебными не будьте
И къ Фебу прорицателю, тому,
Кто возвѣщая много бѣдъ, и отдыхъ
Чрезъ долгіе года мнѣ предсказалъ,
Когда, мой путь послѣдній совершивъ,
Вступлю я въ край, гдѣ у богинь великихъ
Найду себѣ пріютъ гостепріимный,
Конецъ печальной жизни и покой,
И сдѣлаюсь врагамъ моимъ—проклятьемъ,
Спасеньемъ тѣхъ, кто пріютитъ меня.
А знаменьемъ ударъ подземный будетъ,
Зевесовъ громъ иль молнія: и нынѣ
Я вѣщую примѣту вижу въ томъ,
Что, самъ того не зная, въ эту рощу
Вступилъ,—затѣмъ, что, проходя случайно,
Я никогда бы не зашелъ сюда,
Страданьями навѣки отрезвленный,
Къ вамъ, трезвыя! и здѣсь бы я не сѣлъ
На вашъ порогъ таинственный и грозный.
О, дайте же какой-нибудь исходъ,
Освобожденье дайте мнѣ, богини!—
Какъ Фебъ предрекъ,—коль отдыхъ заслужилъ
Я, претерпѣвъ такія муки въ жизни,
Какихъ никто изъ смертныхъ не терпѣлъ.
О, древней Ночи сладостныя дѣти,
О, величайшій въ мірѣ городъ, ты,
Аѳиною Палладою хранимый,
Надъ этимъ призракомъ Эдипа сжальтесь,
Затѣмъ, что—призракъ я того, чѣмъ былъ!

Антигона.

Молчи, отецъ: я вижу, старики
Идутъ сюда,—тебя, должно быть, ищутъ.

Эдипъ.

Дитя, пойдемъ скорѣе, уведи
И спрячь меня подальше отъ дороги.
Не разспросивъ, зачѣмъ они пришли,
Я къ нимъ не выйду: будемъ осторожны,
Сперва узнать намъ надо обо всемъ.

Хоръ—*Старцевъ колонскихъ.*

Строфа первая.

Гдѣ онъ?
Кто это былъ и куда онъ исчезъ?
Какъ онъ скрылся отъ насъ, нечестивѣйшій?
Мы обшаримъ кругомъ, мы весь лѣсъ обойдемъ
И отыщемъ безбожнаго,
Это—бродяга, старый бродяга!
Онъ не изъ здѣшнихъ,—о, нѣтъ,
Онъ бы иначе войти не посмѣлъ
Въ рощу заклятую
Гнѣвныхъ богинь,
Тѣхъ, что̀ назвавъ содрагаемся,
Мимо проходимъ, безгласные,
Тихо, съ молитвеннымъ шопотомъ,
Очи потупивъ къ землѣ,
Въ благоговѣніи.
А теперь, говорятъ, темныхъ Дѣвъ не страшась,
Въ рощу къ нимъ онъ вошелъ, оскорбитель святынь:
Ищемъ, ищемъ,—куда онъ сокрылся, не вѣдаемъ.

Эдипъ.

Вотъ, я здѣсь: не видя слышу
Голоса.

Хоръ.

О, ужасъ, ужасъ!
Страшный голосъ, страшный видъ!

Эдипъ.

Нѣтъ, молю: какъ на злодѣя,
Не смотрите на меня!

Хоръ.

Боги, возвѣстите, кто онъ
Этотъ старый, страшный?

Эдипъ.

Тотъ,
О, правители народа,
Кто, какъ всѣ мы въ этой жизни,
Счастливъ былъ, но не вполнѣ:
А не то я по дорогѣ
Не влачился бы слѣпой,
И моимъ усталымъ членамъ

Не служило бы опорой
Это слабое дитя.

Хоръ.

Антистрофа первая.

Горе!
Вѣрно, слѣпымъ ты рожденъ и всю жизнь
Прожилъ, бѣлаго свѣта не видѣвшій.
Бѣдный, бѣдный, тебя мы избавить хотимъ
Отъ проклятія новаго:
Остановись же, не святотатствуй!
Не входи, не входи,
Преступивъ заповѣдный порогъ,
Въ рощу безмолвную,
Полную травъ,
Полную мрака и ужаса,
Гдѣ въ возліяніяхъ жертвенныхъ
Съ трезвой водою сливается
Меда густая волна.
Горемъ постигнутый
Путникъ, слышишь ли насъ? Подойди, не страшись,
Если хочешь сказать что-нибудь,—говори,
Только выйди сперва ты изъ мѣста заклятаго.

Эдипъ.

О, родная, что̀ же дѣлать?

Антигона.

Лучше выйти къ нимъ: ихъ волѣ
Покориться мы должны.

Эдипъ.

Дай мнѣ руку.

Антигона.

Вотъ, отецъ!

Эдипъ.

Къ вамъ иду я, чужеземцы:
Пощадите старика!

Хоръ.

Строфа вторая.

Не бойся: тебя противъ воли никто
Изъ рощи не выведетъ, странникъ!

Эдипъ.

Довольно?

Хоръ.

Поближе, поближе,—сюда.

Эдипъ.

Еще?

Хоръ.

Подойди съ нимъ, о, дѣвушка: видишь,
Что зла мы ему не желаемъ.

Антигона.

Отецъ,
Иди же за мною по темной стезѣ,
Тихонько, тихонько, мой милый!

Хоръ.

Покорись, о, бѣдный странникъ,
И вступая въ нашу землю,
Намъ враждебное—отвергни,
Намъ любезное—почти.

Эдипъ.

Дочь, веди меня туда,
Гдѣ, боговъ не оскорбляя,
Говорить и слушать можно:
Спорить съ тѣми мы не будемъ,
Кто сильнѣе насъ, дитя!

Хоръ.

Антистрофа вторая.

Довольно! Не должно тебѣ преступать
Порогъ этотъ каменный,—стой здѣсь!

Эдипъ.

Здѣсь?

Хоръ.

Да, и не дальше, не дальше,—вотъ такъ.

Эдипъ.

Стоять?

Хоръ.

Можешь съ края на камень присѣсть
Смиренно, какъ должно молящимъ.

Антигона.

Вотъ такъ.
Сиди здѣсь, не бойся, родной, не спѣши,—
Мой шагъ я съ твоимъ соразмѣрю.

Эдипъ —*стонетъ, наклоняясь.*

О-о!

Антигона.

Можешь опереться.
Вотъ, сюда! Склони же, бѣдный,
На возлюбленныя руки
Тѣло старое твое.

Эдипъ.

Тяжко! Тяжко!

Хоръ.

Волю нашу
Ты въ одномъ уже исполнилъ,
А теперь скажи, несчастный,
Изъ какого рода, кто ты,
Гдѣ отечество твое?

Эдипъ.

Я безъ племени, безъ рода—
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Хоръ.

О чемъ ты молишь?

Эдипъ.

Нѣтъ, не надо, не пытайте,
Не разспрашивайте ктó я.

Хоръ.

Что съ тобой?

Эдипъ.

Проклятый родъ!

Хоръ.

Отвѣчай!

Эдипъ.

Увы, чтó дѣлать?
Какъ намъ быть, дитя мое?

Хоръ.

Кто отецъ твой?

Эдипъ.

О, родная,
Какъ отвѣтить?

Антигона.

Говори,—
Все равно уже не скроешь.

Эдипъ.

Правда, лучше сразу.

Хоръ.

Что же
Медлишь, странникъ? Отвѣчай.

Эдипъ.

Знаете Лайоса?

Хоръ.

Горе, о, горе!

Эдипъ.

Племя Лабдаково?

Хоръ.

Боги!

Эдипъ.

Эдипа
Многострадальнаго?

Хоръ.

Это—Эдипъ!

Эдипъ.

Не ужасайтесь того, что̀ скажу вамъ.

Хоръ.

Страшно, страшно.

Эдипъ.

О, сжальтесь!

Хоръ.

Молчи...

Эдипъ.

Что-то будетъ, дитя мое?

Хоръ.

Прочь уходи,
Прочь изъ нашей земли!

Эдипъ.

Пощадите!
Какъ же вы обѣщали не гнать насъ?

Хоръ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Вѣдь и боги возмездьемъ тому не грозятъ,
Кто за зло платитъ зломъ: покорись, не ропщи
И терпи справедливую кару!
Встань, не медли, бѣги же, скорѣе бѣги,
Чтобъ и насъ не постигло проклятье!

Антигона.

Граждане добрые!
Если отца старика не жалѣете
И осудили, не выслушавъ
То, что̀ хотѣлъ онъ сказать о невольной винѣ,—
То хоть меня пожалѣйте, несчастную.
Не отступлю, не уйду я и буду молить,—
Не за себя, за отца моего одинокаго!
Я не слѣпыми глазами смотрю вамъ въ глаза,
Не какъ чужая,—какъ дочь
Единородная!
Сжальтесь! Помилуйте!
Будьте, какъ боги: скорбящаго
Милостью чудной обрадуйте!
Всѣмъ заклинаю васъ, всѣмъ, что̀ вы любите:
Славой, отечествомъ, небомъ, дѣтьми!
Люди, подумайте,
Гдѣ же такой человѣкъ, кто бы могъ устоять,
Если влекутъ его боги къ преступному?

Хоръ.

Обоихъ васъ жалѣемъ, дочь Эдипа!
Но какъ же быть? Ужасенъ гнѣвъ боговъ,
И нашихъ словъ мы измѣнить не можемъ.

Эдипъ.

Что̀ пользы людямъ въ ложныхъ похвалахъ,
Когда похвалъ дѣла ихъ недостойны?
Вотъ говорятъ: въ Аѳинахъ чтутъ боговъ,
Находитъ здѣсь пріютъ гонимый странникъ.
Но на себѣ я этого не вижу:
Послѣдняго убѣжища лишивъ,
Вы гоните меня, боясь лишь звука,
Не дѣлъ моихъ, а имени, затѣмъ,
Что пострадалъ я болѣе, чѣмъ сдѣлалъ,—

Ужъ если то судить, въ чемъ виноватъ
Я предъ отцомъ и матерью моей,
И что̀ такой вамъ страхъ внушаетъ, люди!
Теперь все это ясно для меня:
Какъ могъ я быть преступнымъ, сдѣлавъ то,
Что̀ и со мною сдѣлали другіе?
Но еслибы я даже сознавалъ
Вину мою,—то не былъ бы виновенъ.
А я вѣдь шелъ, не зная самъ, куда,—
Тѣ, отъ кого я гибну это знали.
Вотъ почему, о, граждане, молю,
Теперь, когда я вышелъ къ вамъ, спасите
И отъ кощунства удержавъ меня,
Вы сами не кощунствуйте: вѣдь боги
И злыхъ, и добрыхъ видятъ на землѣ,
И нѣтъ отъ нихъ спасенья нечестивымъ.
Не омрачайте же святыхъ Аѳинъ
Недобрымъ дѣломъ, разъ уже принявъ
Молящаго, повѣрившаго клятвамъ,—
Помилуйте, спасите до конца,
Слѣпыхъ моихъ очей не презирайте,
Не ужасайтесь скорбнаго лица!
Вѣдь нынѣ къ вамъ, святой и благодатный,
Я съ радостною вѣстью прихожу:
Пока вашъ царь объ этомъ не узнаетъ,
Меня, о, старцы, не гоните прочь!

Хоръ.

Намъ кажутся слова твои, Эдипъ,
Разумными, и ничего не можемъ
Мы возразить; хотимъ лишь одного:
Чтобъ обо всемъ узналъ нашъ повелитель.

Эдипъ.

А гдѣ живетъ онъ?

Хоръ.

Въ городѣ отцовъ,
Въ Аѳинахъ,—мы за нимъ уже послали
Того, кто вѣсть принесъ намъ о тебѣ.

Эдипъ.

Скажите, какъ вамъ кажется: слѣпого
Почтитъ ли царь, придетъ ли онъ сюда?

Хоръ.

О, да, придетъ, твое услышавъ имя.

Эдипъ.

А отъ кого онъ знаетъ?

Хоръ.

Путь далекъ,
Но странники вездѣ молву разносятъ.
Отъ нихъ онъ слышалъ о тебѣ: повѣрь,
Онъ будетъ здѣсь. Такъ много объ Эдипѣ
Всѣ говорятъ, что еслибъ даже царь
И почивалъ, услышавъ это имя,
Не медля бы онъ къ намъ пришелъ сюда.

Эдипъ.

Да будетъ же приходъ его на радость
И собственной землѣ его, и мнѣ:
Кто мудръ, тотъ самъ себѣ желаетъ блага.

Антигона.

О, боги! Чтò сказать мнѣ, чтò подумать,
Родимый?..

Эдипъ.

Чтò, дитя?

Антигона.

Я вижу: ѣдетъ
Къ намъ женщина на жеребцѣ этнійскомъ.
Защищена отъ солнца голова
Широкой тѣнью шляпы ѳессалійской.
Она!..
Иль нѣтъ? Ужель обманываетъ зрѣнье?
И да, и нѣтъ! О, горе! Чтò сказать,
Не знаю...
Она! Она! Никто другой,—чѣмъ ближе,
Тѣмъ ласковѣе взоръ ея очей:
Я узнаю лицо моей Исмены!

Эдипъ.

Чтò говоришь!

Антигона.

Я вижу дочь твою:
Сейчасъ ее по голосу узнаешь.

Исмена.

О, милая! отецъ, сестра моя,
Какъ долго я искала и какъ больно
Васъ видѣть вновь въ такихъ страданьяхъ!

Эдипъ.

Ты-ль,
Ты-ль это, дочь моя?

Исмена.

Отецъ мой бѣдный!

Эдипъ.

Пришла ко мнѣ...

Исмена.

И труденъ былъ мой путь.

Эдипъ.

О, обними же...

Исмена—*обнимая Эдипа и Антигону.*

Васъ обоихъ вмѣстѣ!

Эдипъ.

Дитя мое!

Исмена.

О горестная жизнь!

Эдипъ.

Не правда ли?!

Исмена.

Всѣ трое мы несчастны.

Эдипъ.

Зачѣмъ пришла, родная?

Исмена.

Для тебя.

Эдипъ.

Соскучилась?

Исмена.

И вѣсти принесла.
Вотъ этотъ вѣрный рабъ изъ всѣхъ домашнихъ
Былъ спутникомъ единственнымъ моимъ.

Эдипъ.

А что же братья?

Исмена.

Имъ не до тебя:
У нихъ въ дому ужасное творится.

Эдипъ.

О, какъ они похожи на египтянъ
Обычаемъ и нравомъ, ибо тамъ,
Внутри домовъ сидятъ мужи за прялкой,
А жены ихъ работаютъ въ поляхъ.
Такъ тѣ, кому бы должно быть со мною,
Сидятъ въ дому, какъ дѣвушки, а вы
Страдаете за нихъ съ отцомъ несчастнымъ.
Одна изъ васъ, едва не съ дѣтскихъ лѣтъ,
Едва лишь тѣло дѣвичье окрѣпло,—
Ужъ бродитъ всюду, водитъ старика
Слѣпого, нищаго, и сколько разъ
Случалось ей, голодной, босоногой,
Въ ночи по лѣсу дикому блуждать,
Подъ ледянымъ дождемъ иль жгучимъ солнцемъ
Изнемогать,—и не груститъ о домѣ
И терпитъ все, чтобъ накормить отца!
А ты, Исмена, тайно отъ кадмеянъ,
Намъ принесла пророческую вѣсть
О томъ, что̀ суждено отцу, и вѣрной
Защитницей изгнаннику была.
Теперь же вновь съ какой приходишь вѣстью,
Зачѣмъ ты домъ покинула, скажи?
Я чувствую, что къ намъ, дитя, не даромъ
И не безъ горькой вѣсти ты пришла.

Исмена.

Что̀ вынесла пока тебя искала,—
О тѣхъ скорбяхъ не буду говорить,
Чтобъ не терпѣть ихъ дважды, вспоминая.
А принесла тебѣ я вѣсть о томъ,
Что сыновья недоброе готовятъ:
Сперва они хотѣли уступить
Креону власть, чтобъ не навлечь на Ѳивы
Проклятія, что̀ издревле нашъ домъ
Преслѣдуетъ бѣдой неотвратимой.
Но скоро умъ ихъ злой иль Рокъ въ сердца
Вложилъ раздоръ, и братъ возсталъ на брата,
И борются, несчастные, за власть.

Ужъ старшаго лишилъ престола младшій,
Изъ дома отчаго изгнавъ, а тотъ—
Гласитъ молва—бѣжалъ въ глубокій Аргосъ,
Товарищей-воителей собралъ,
Вступилъ въ союзъ и двинулся на Ѳивы:
Равнину Кадма Аргосъ побѣдитъ,
Иль, павъ въ бою, врагамъ даруетъ славу.
Слова мои—не звукъ пустой, а правда
Ужасная! Когда же надъ тобой,
Отецъ мой, боги сжалятся,—не знаю.

Эдипъ.

А развѣ ты надѣялась, что боги
Когда-нибудь помилуютъ меня?

Исмена.

О, да!—судя по новымъ прорицаньямъ.

Эдипъ.

А по какимъ? и что̀ они гласятъ?

Исмена.

Что нѣкогда ѳиванцы пожелаютъ
Въ отечество Эдипа возвратить
Живымъ иль мертвымъ.

Эдипъ.

А на что имъ нуженъ
Такой, какъ я?

Исмена.

Предрекъ дельфійскій богъ,
Что лишь въ тебѣ ихъ сила и надежда.

Эдипъ.

Какая сила въ томъ, кого ужъ нѣтъ?

Исмена.

Сразили боги, боги и подымутъ.

Эдипъ.

Не поздно ли имъ старца подымать?

Исмена.

Такъ знай, отецъ,—Креонъ здѣсь будетъ скоро.
Онъ за тобой придетъ.

Эдипъ.

Креонъ? Зачѣмъ?

Исмена.
Тебя хотятъ близъ Кадмовой земли
Похоронить, чтобы у нихъ во власти
Ты былъ всегда, но въ землю не вступалъ.

Эдипъ.
Какая же имъ польза, если буду
Покоиться внѣ города?

Исмена.
Бѣдой,
Въ землѣ враговъ, грозитъ твоя могила.

Эдипъ.
Да безъ пророчествъ можно бы понять,
Что это такъ.

Исмена.
А потому желаютъ
Они тебя на родину вернуть,
Чтобъ не имѣлъ ты власти надъ собою.

Эдипъ.
Покроютъ ли меня землею Ѳивъ?

Исмена.
Покрыть тебя не могутъ той землею,
Гдѣ нѣкогда ты пролилъ кровь отца.

Эдипъ.
Не будетъ же у нихъ мой прахъ во вѣки!

Исмена.
А если такъ, постигнетъ ихъ бѣда.

Эдипъ.
Скажи, дитя, какая? Что̀ случится?

Исмена.
Постигнетъ ихъ, отецъ, твой поздній гнѣвъ,
Едва лишь вступятъ сыновья твои
Въ тотъ край, гдѣ ты найдешь пріютъ послѣдній.

Эдипъ.
Но отъ кого ты слышала?

Исмена.
Отъ тѣхъ,
Кто посланъ былъ во храмъ дельфійскій къ богу.

Эдипъ.

И все это предрекъ имъ Аполлонъ?

Исмена.

Такъ говорятъ, кто отъ него вернулся.

Эдипъ.

А кто-нибудь изъ сыновей моихъ
Ужъ знаетъ ли объ этомъ?

Исмена.

Оба знаютъ.

Эдипъ.

И все-таки, забывъ любовь, отцомъ,
Презрѣннѣйшіе, жертвуютъ для власти?

Исмена.

Сознаться больно мнѣ,—но это такъ.

Эдипъ.

Такъ пусть еще сильнѣй раздуютъ боги
Огонь вражды,—да будетъ суждено
Мнѣ одному окончить эту битву,
Гдѣ нынѣ братъ на брата поднялъ мечъ,
И да падетъ сидящій на престолѣ,
А изгнанный да не вернется вновь!
Отца они въ бѣдѣ не защитили,
Съ безчестіемъ позволили прогнать
Того, кто жизнь имъ далъ, и были рады,
Когда я, всѣми проклятый, бѣжалъ!
Иль скажете, они меня изгнали
Лишь потому, что я просилъ о томъ?
Но нѣтъ, неправда: ибо въ первый день,
Когда во мнѣ душа еще горѣла,
И было бы отраднѣе всего
Мнѣ умереть, побитымъ быть камнями,
Въ тотъ день меня никто не пожалѣлъ
И моего желанья не исполнилъ.
А лишь потомъ, какъ притупилось горе,
И понялъ я, что превышаетъ казнь
Невольную вину мою безмѣрно,—
Тогда они рѣшили, наконецъ,
Изгнать меня, и сыновья могли бы
Помочь отцу,—могли и не хотѣли,
Не молвили ни слова, потерпѣвъ,

Чтобъ на чужбинѣ я скитался нищимъ,
Чтобъ все имѣлъ отъ этихъ слабыхъ дѣвъ.
Несчастныя,—даютъ отцу, что могутъ:
И кровъ, и хлѣбъ насущный, и любовь!
А тѣ, мужи, отца презрѣвъ, мечтаютъ
Царями быть, людьми повелѣвать!
Но помощи моей имъ не дождаться,
Наслѣдье Кадма въ прокъ имъ не пойдетъ;
То вижу я изъ прорицаній новыхъ
И древнихъ, тѣхъ, что̀ вамъ уже открылъ,
И что̀ теперь надъ нами богъ свершаетъ.
Такъ пусть же, пусть придетъ за мной Креонъ,
Иль кто-нибудь у нихъ вошедшій въ силу;
О, чужеземцы, если только вы
Окажете мнѣ помощь и богини,
Великія царицы этихъ мѣстъ,—
То буду я благословеньемъ вашимъ
И гибелью для всѣхъ моихъ враговъ!

Хоръ.

Воистину вы жалости достойны,
И ты Эдипъ, и дочери твои.
А такъ какъ намъ принесъ ты вѣсть благую,
То и отъ насъ прими благой совѣтъ.

Эдипъ.

Исполню все, что̀ скажете, о, други!

Хоръ.

Священный лѣсъ богинь, гдѣ ты нашелъ
Себѣ пріютъ, вступая въ эту землю,
Обрядомъ искупительнымъ почти.

Эдипъ.

Какимъ обрядомъ? Научите, старцы!

Хоръ.

Воды сперва для жертвы почерпни
Изъ родника, струящагося вѣчно,
Рукой благоговѣйной.

Эдипъ.

А потомъ,—
Когда я свѣтлой влаги почерпну?

Хоръ.

Тамъ кубки есть,—художника созданье;
Ты оберни ихъ ручки и края.

Эдипъ.

Не шерстью ли, иль зеленью древесной?

Хоръ.

Руномъ чистѣйшимъ молодой овцы.

Эдипъ.

Когда же я амфоры увѣнчаю?

Хоръ.

Тогда лицо къ восходу обративъ,
Ты соверши тройное возліянье.

Эдипъ.

Изъ этихъ самыхъ чашъ?

Хоръ.

Лишь три струи—
Изъ первыхъ двухъ, а третій кубокъ—цѣльный.

Эдипъ.

Чтò будетъ въ третьемъ?

Хоръ.

Только медъ съ водой,
Вина же, помни, прибавлять не надо.

Эдипъ.

Когда жъ земля, подъ черною листвой,
Таинственныя приметъ возліянія?...

Хоръ.

То трижды девять масличныхъ вѣтвей
Ты возложи, произнося молитву.

Эдипъ.

Какую? Знать ее важнѣй всего.

Хоръ.

Да будутъ тѣ къ пришельцу благосклонны,
Кому даемъ мы имя Эвменидъ,
Молись о томъ и ты, и всѣ другіе,
Но шопотомъ чуть слышнымъ говори.
Потомъ, лица назадъ не обращая,
Уйди скорѣй. Когда исполнишь все,

Приблизимся къ тебѣ уже безъ страха,—
Не то, Эдипъ, смотри—не быть добру.

Эдипъ.

Вы слышали, о, дѣти?

Антигона.

Да, родной мой,—
Приказывай, чтò дѣлать намъ теперь.

Эдипъ.

Самъ ничего исполнить я не въ силахъ—
По немощи двойной, и слѣпотѣ,
И слабости; пусть кто-нибудь, родныя,
Изъ васъ пойдетъ и должное свершитъ;
Одна душа, но полная любовью,
Въ молитвѣ стòитъ тысячъ. Поскорѣй
Идите же и возвращайтесь, дѣти!
Безъ васъ ни встать, ни двинуть не могу
Я моего безпомощнаго тѣла.

Исмена.

Исполню все. Но укажите мнѣ,
Старѣйшины, гдѣ мѣсто для обряда?

Хоръ.

Ступай ты въ рощу, дѣвушка, и тамъ
Найдешь того, кто все тебѣ укажетъ.

Исмена.

Иду, а ты съ отцомъ побудь, сестра!
Когда съ любовью трудимся для милыхъ,—
То кажется намъ легкимъ всякій трудъ.

Хоръ.

Строфа первая.

Старое, спящее горе будить—
Страшно,—но все же спросить мы хотѣли...

Эдипъ.

О чемъ?

Хоръ.

О несказанномъ, неизгладимомъ,
Явномъ страданьи твоемъ.

Эдипъ.

Именемъ Зевса молю васъ, о, милые,
Не обнажайте позорнаго!

Хоръ.

Здѣсь о тебѣ уже слышали многое,—
Нынѣ же знать мы всю правду хотимъ.

Эдипъ.

Тяжко!

Хоръ.

О, другъ, умоляемъ...

Эдипъ.

Увы мнѣ, увы!

Хоръ.

Не откажи и тебѣ не откажемъ.

Эдипъ.

Антистрофа первая.

Зло я терпѣлъ, лишь терпѣлъ, но, свидѣтель мнѣ богъ,
Сердце мое и не чаяло,—
Все противъ воли...

Хоръ.

Какое же зло?

Эдипъ.

Люди меня сочетали, не зная, что̀ дѣлаю,
Съ матерью въ мерзостномъ бракѣ!

Хоръ.

И несказанную святость родимаго ложа
Ты осквернилъ, говорятъ?

Эдипъ.

Горе мнѣ! Смерть—это слышать; молчите—
Боже! вѣдь эти родныя мои...

Хоръ.

Что̀ говоришь!

Эдипъ.

Эти дочери—обѣ проклятыя...

Хоръ.

Зевсъ!

Эдипъ.

Сыномъ зачаты—о, мерзость!—отъ матери!

Хоръ.

Строфа вторая.

Это—дѣти твои!

Эдипъ.

Дѣти и сестры отца...

Хоръ.

Страшно!

Эдипъ.

Страшно воистину: узелъ изъ тысячей бѣдъ!

Хоръ.

Ты терпѣлъ?

Эдипъ.

То, чего не забыть никогда!

Хоръ.

Совершилъ...

Эдипъ.

Не свершалъ ничего...

Хоръ.

Какъ?

Эдипъ.

Увы!

Только принялъ въ подарокъ отъ города то,
Что̀ не долженъ былъ брать я, несчастный!

Хоръ.

Антистрофа вторая.

Бѣдный! ты—и убійца...

Эдипъ.

Что̀ вы? Тише! О комъ говорите?

Хоръ.

...Отца?

Эдипъ.

Рана за раною,—сжальтесь!

Хоръ.

Убилъ?

Эдипъ.

Да,—но слушайте, есть у меня...

Хоръ.

Что̀? Кончай!

Эдипъ.

Оправданье...

Хоръ.

Какое?

Эдипъ.

Убилъ,—
Отрекаться не буду: но развѣ я зналъ,
Чтò творю? Я предъ богомъ—невиненъ!

Хоръ.

О, странникъ, вотъ сюда идетъ на зовъ твой
Эгеевъ сынъ, владыка нашъ, Тезей.

Тезей—*Эдипу.*

Тебя я знаю: я слыхалъ отъ многихъ,
Какъ ослѣпилъ ты самъ себя, Эдипъ!
Сегодня же узналъ еще и больше,
Молвѣ внимая по пути сюда.
И по твоимъ одеждамъ видно, кто ты,
И по лицу нерадостному; другъ,
Мнѣ жаль тебя. Скажи, зачѣмъ, о, бѣдный,
Съ какой мольбой приходишь въ городъ нашъ,
И ты, и скорбная твоя подруга?
Повѣдай все, и ежели сверхъ силъ
Не будетъ то, о чемъ меня попросишь,—
Я съ радостью готовъ тебѣ помочь:
Вѣдь я и самъ когда-то жилъ въ изгнаньи,
Я тоже скорбь съ младенчества позналъ
И отъ тебѣ подобныхъ, отъ несчастныхъ,
Я никогда лица не отвращалъ:
Я—человѣкъ, и въ томъ, чтò будетъ завтра,
Не болѣе увѣренъ я, чѣмъ ты.

Эдипъ.

О, царь Тезей, являя благородство,
Безъ лишнихъ словъ, ты позволяешь мнѣ
Такою же отвѣтить краткой рѣчью:
Ты знаешь, кто я, изъ какого рода,
И изъ какой земли сюда пришелъ.
Сказать теперь одно еще осталось—
О чемъ прошу, и знать ты будешь все.

Тезей.

Эдипъ, ты можешь говорить,—я внемлю.

Эдипъ.
Такъ знай же, царь: я приношу тебѣ,
Какъ даръ, мое страдальческое тѣло:
Не многаго по виду стòитъ даръ мой,
Но пользы больше въ немъ, чѣмъ красоты.

Тезей.
Скажи, какую разумѣешь пользу?

Эдипъ.
Потомъ ее увидишь, не теперь.

Тезей.
Когда же то, чтò говоришь, свершится?

Эдипъ.
Когда умру, и здѣсь, въ твоей землѣ,
Ты дашь пріютъ костямъ моимъ усталымъ.

Тезей.
Все о могилѣ просишь: но для жизни
Ненужно ли чего-нибудь тебѣ?
Или ее уже такъ мало цѣнишь?

Эдипъ.
Живому дастъ мнѣ хлѣбъ насущный тотъ,
Кто мертвому могилу обѣщаетъ.

Тезей.
Не многаго же хочешь ты, старикъ!

Эдипъ.
Но помни, царь: за этотъ даръ мой скудный
Вы вступите въ великую борьбу.

Тезей.
Не я ль начну, иль сыновья твои?

Эдипъ.
Они хотятъ вернуть меня насильно.

Тезей.
Коль такъ,—зачѣмъ тебѣ въ изгнаньи жить?

Эдипъ.
Когда молилъ, то не дали вернуться!

Тезей.
Старикъ, въ бѣдѣ не помогаетъ гнѣвъ.

Эдипъ.

Не говори, пока всего не знаешь.

Тезей.

Ты правъ, — кончай: я слушаю тебя.

Эдипъ.

Какихъ, какихъ я только мукъ не вынесъ!

Тезей.

Иль древнее проклятье рода вспомнилъ?

Эдипъ.

Нѣтъ, вѣдь о немъ и такъ ужъ знаютъ всѣ.

Тезей.

Какое же еще ты вынесъ горе,
Котораго никто не знаетъ?

Эдипъ.

Царь,
Пойми же: дѣти, кровь и плоть моя,
Изъ собственной земли меня прогнали,
И болѣе нельзя отцеубійцѣ
На родину вернуться никогда.

Тезей.

Но ежели нельзя вернуться, — какъ же
Ты говоришь, что за тобой придутъ?

Эдипъ.

Пророческое слово ихъ принудитъ.

Тезей.

Какою же бѣдой грозитъ имъ богъ?

Эдипъ.

Твоей, о, царь, великою побѣдой.

Тезей.

Изъ-за чего мы вступимъ въ эту брань?

Эдипъ.

Однимъ богамъ, о, милый сынъ Эгея,
Ни старости, ни смерти не видать, —
Но времени все прочее подвластно:
Какъ мощь людей слабѣетъ мощь земли,
Растетъ измѣна, умираетъ вѣрность
И клятвы лгутъ, и никакой союзъ

Межъ городовъ, какъ межъ друзей,—невѣченъ:
Вчерашній другъ становится врагомъ,
Но дни бѣгутъ, и вновь онъ будетъ другомъ.
Пока еще съ ѳиванцами союзъ твой
Безоблаченъ, но времени полетъ
Безчисленные дни родитъ и ночи,
И нѣкогда нарушитъ стукъ мечей
Созвучье клятвъ изъ-за обиды малой.
Тогда напьется дремлющій въ гробу
Холодный прахъ мой ихъ горячей крови,
Коль богъ еще есть богъ и Фебъ не лжетъ!
Повѣрь же, царь, и бóльшаго не требуй:
Запретныхъ тайнъ не должно открывать.
О, лишь теперь исполни обѣщанье,—
Потомъ уже не скажешь никогда,
Что въ тягость былъ Эдипъ землѣ аѳинянъ,
Коль правда есть въ пророчествахъ боговъ!

Хоръ.

О, мудрый царь, объ этихъ прорицаньяхъ
Онъ говоритъ уже не въ первый разъ.

Тезей.

Какъ не принять, о, граждане, того,
Съ кѣмъ издревле нашъ родъ соединяетъ
Товарищества браннаго союзъ,
Кто, именемъ богинь, пришелъ молящій,
И намъ принесъ неоцѣненный даръ?
О, нѣтъ, такого мужа не отвергну
И гостю дамъ въ землѣ моей пріютъ:
Захочешь ли остаться здѣсь, въ Колонѣ,—
Старѣйшинамъ тебя мы поручимъ;
Или пойдешь, Эдипъ, со мной въ Аѳины,—
Я и на то согласенъ,—выбирай!

Эдипъ.

Да наградитъ васъ Богъ, о, чужеземцы!

Тезей.

И такъ скажи: идешь ли ты въ мой домъ?

Эдипъ.

Да, если мнѣ позволишь,—только прежде...

Тезей.

Чтó? Говори, противиться не буду.

Эдипъ.

Я прежде здѣсь враговъ моихъ смирю.

Тезей.

Да будетъ нашъ союзъ тебѣ во благо...

Эдипъ.

Коль сдѣлаешь ты все, что̀ обѣщалъ.

Тезей.

Довѣрься мнѣ: ужъ я тебя не выдамъ.

Эдипъ.

Ты не солжешь: я вѣрю и безъ клятвъ.

Тезей.

Что̀ говорю—вѣрнѣе всякой клятвы.

Эдипъ.

Но какъ же ты...

Тезей.

Чего страшишься вновь?

Эдипъ.

За мной придутъ...

Тезей.

Съ тобою будутъ старцы.

Эдипъ.

А ты уйдешь?

Тезей.

Сперва устрою все.

Эдипъ.

Враговъ боюсь...

Тезей.

А я ихъ жду безъ страха.

Эдипъ.

Но знаешь ли?...

Тезей.

Я знаю, что никто
Изъ рукъ моихъ тебя не вырветъ силой:
Вѣдь мало ли кто въ ярости грозитъ,
Но тщетныя угрозы умолкаютъ,
Какъ только гнѣвъ разсудкомъ побѣжденъ.
А еслибы и вздумали ѳиванцы

Свершить угрозы,—по морю ко мнѣ
Не такъ-то имъ легко еще достигнуть.
Мужайся же, затѣмъ, что кромѣ насъ
Тебя и богъ пославшій охраняетъ.
Когда бъ меня здѣсь не было, повѣрь,—
Враги бѣгутъ предъ именемъ Тезея.

Хоръ.

Строфа первая.

Странникъ, пришелъ ты въ счастливѣйшій край,
Въ гордый конями Колонъ бѣломраморный,
Гдѣ по зеленымъ оврагамъ поютъ соловьи,
Перекликаются, звонкоголосые...
Вѣчно стаями порхаютъ
Въ чернолиственномъ плющѣ,
Въ заповѣдной тихой рощѣ,
Многоплодной, недоступной
Ни для солнца, ни для бурь,
Гдѣ въ кругу богинь-кормилицъ
Бродитъ богъ веселій грозныхъ,
Богъ вакхановъ—Діонисъ.

Антистрофа первая.

Здѣсь же цвѣтетъ, оживляемый вѣчной росой,
Съ пышными гроздьями благоухающій,
Древній вѣнецъ Персефоны съ Деметрой—нарцисъ,
И златоцвѣтный шафранъ распускается.
И безсонные, блуждаютъ
Тихоструйнаго Кефиза
Плодотворные ключи,
Чтобы жаждущей земли
Нѣдра влагой напоить.
Этотъ край и Музы любятъ,
И Киприда,—чьи бразды
Золотыя правятъ всѣмъ.

Строфа вторая.

Есть у нихъ также и дерево чудное:
Слышали мы, что такого нѣтъ въ Азіи,
Ни на дорическомъ островѣ Пелопса,—
Ненасажденное, но первозданное,—
Это—кормилица нашихъ дѣтей,
Ужасъ для копій враговъ—
Тусклосребристая маслина,

Чьихъ побѣговъ святыхъ не ломаетъ никто,
Будь онъ молодъ иль старъ, будь онъ рабъ или царь,
Ибо на маслину окомъ недремлющимъ
Смотритъ и Дій свѣтозарный съ небесъ,
И Аѳина глазами прозрачно-зелеными.

Антистрофа вторая.

Также помянемъ иную, неменьшую
Славу великаго нашего города,—
Бога морского подарки безцѣнные,—
Конную упряжь и снасть корабельную:
Ибо впервые не здѣсь ли, у насъ,
Царь Посейдонъ укротилъ
Буйную силу коней?
Здѣсь же создалъ для насъ онъ и первый корабль,
Что̀ помчался, о, диво! съ волны на волну,
Зыбь разсѣкая упругими веслами,
Радостно прыгая въ пѣнѣ играющей,
Нереидъ провожаемый вѣчною пляскою!

Антигона.

Пришла пора, о, старцы, доказать,
Что этотъ край такихъ похвалъ достоинъ.

Эдипъ.

Что̀ видишь ты, дитя мое?

Антигона.

Отецъ,
Креонъ сюда идетъ съ толпой ѳиванцевъ.

Эдипъ.

Теперь мое спасенье довершить
Вы можете, о, милые!

Хоръ.

Не бойся,—
Не выдадимъ: я старъ, но не старѣетъ
Величіе народа моего.

Креонъ.

По вашимъ лицамъ и глазамъ я вижу,
О, граждане прекраснѣйшей земли,
Что мой приходъ нежданный васъ пугаетъ,
Но успокойтесь: бранныхъ словъ не надо,
Вамъ причинить насилья не хочу;
Вѣдь я и старъ, и знаю, что вступилъ

Въ сильнѣйшее во всей Элладѣ царство.
Пришелъ же я за этимъ старикомъ,
Чтобъ пригласить его обратно въ землю
Священныхъ Ѳивъ: народъ меня послалъ,
Затѣмъ, что горю этого страдальца
Оказывать я долженъ больше всѣхъ
Участія, какъ родственникъ ближайшій.
Итакъ, пойдемъ со мной, Эдипъ мой бѣдный,
Тебя и всѣ кадмеяне зовутъ,
Но больше всѣхъ Креонъ; вѣдь я—не извергъ,
И у меня, старикъ, душа болѣла,
Какъ вспомню я, бывало, что одинъ,
Въ чужой землѣ, бездомный и голодный,
Ты бродишь съ юной дочерью,—увы!
Не думалъ я, что бѣдная такъ пала,
Что милостыню нищему отцу
Вымаливаетъ дочь царя Эдипа,
Почти дитя, безъ матери, безъ мужа,
Добыча первыхъ встрѣчныхъ на пути.
О, горе намъ! какое поношенье—
Тебѣ и мнѣ, и роду моему!
Но ужъ того, что̀ сдѣлано, не скроешь;
Такъ хоть теперь, по крайней мѣрѣ, спрячь,
Спрячь этотъ стыдъ—богами заклинаю—
О, милый братъ, послушайся меня!
Пойдемъ со мной, на родину, въ жилище
Отцовъ твоихъ, а съ этою землей
Простись, какъ другъ; она того и сто̀итъ,
Но все-таки ты долженъ больше чтить
Вскормившую тебя родную землю.

Эдипъ.

О, дерзостный, умѣющій скрывать
Презрѣнное подъ видомъ благородства,
Опять меня ты манишь въ западню,
Гдѣ пойманный наплакался бы вдоволь!
А помнишь ли, въ тѣ дни, какъ я скорбѣлъ
Въ моемъ дому и самъ искалъ изгнанья,—
Тогда вѣдь ты мольбы моей не внялъ,—
Нѣтъ, лишь потомъ, какъ скорбь уже затихла,
И сладкимъ вновь мнѣ сталъ родной очагъ,—
Ты изъ дому меня съ позоромъ выгналъ,

Тогда и узъ родства не пощадилъ.
И вотъ теперь, узнавъ, что я въ Аѳинахъ
Нашелъ прiютъ, опять меня зовешь;
Чтобъ жестко было спать, такъ мягко стелешь.
Зачѣмъ насильно дѣлаешь добро?
Въ годину бѣдъ меня вы оттолкнули,
Просящему не помогли въ нуждѣ,
Чтобы потомъ, какъ все ужъ есть въ избыткѣ,
Навязывать ненужные дары,—
Подумай же, какая въ этомъ радость?
Вѣдь, что̀ теперь ты предлагаешь мнѣ,
По виду сладко, а на дѣлѣ горько.
Но я твое коварство обличу;
Приходишь ты не звать меня въ жилище
Отцовъ моихъ, а хочешь у границъ
Держать въ плѣну, чтобъ не постигла городъ
Отсюда вамъ грозящая бѣда.
Но только знай, не быть тому, и вѣчно
Я буду жить у васъ, какъ демонъ мщенья,
И дамъ земли обоимъ сыновьямъ
Не болѣе, чѣмъ нужно для могилы!
А что, скажи, не лучше ли тебя
Я знаю все о Ѳивахъ?—и вѣрнѣе,
Затѣмъ, что Фебъ и Зевсъ-отецъ не лгутъ,
Твои жъ уста полны хвастливой ложью.
Но берегись: на голову свою
Накличешь ты бѣду,—не вѣришь? знаю,
Ступай же прочь, а намъ и безъ тебя
Здѣсь хорошо, и лучшаго не надо!

Креонъ.

Самъ посуди, кому такою рѣчью
Вредишь ты больше—мнѣ или себѣ?

Эдипъ.

Какъ буду радъ, когда ни этихъ гражданъ
Ты обмануть не сможешь, ни меня!

Креонъ.

Стыдись, стыдись, такихъ годовъ преклонныхъ
Достигъ, а все еще не поумнѣлъ!

Эдипъ.

Языкъ твой остръ, но праведный не долженъ
Съ искусствомъ равнымъ говорить про все.

КРЕОНЪ.
Да, говорить умѣетъ каждый много,
Но коротко и хорошо,—не всѣ.

ЭДИПЪ.
А ты—умѣешь говорить и кратко
И хорошо?

КРЕОНЪ.
Не для такихъ, какъ ты!

ЭДИПЪ.
Одно тебѣ скажу—за этихъ гражданъ
И за себя: ступай ты лучше прочь—
Не сторожи и не шпіонь напрасно!

КРЕОНЪ.
Какъ смѣешь ты съ друзьями говорить,—
Свидѣтели да будутъ эти старцы,
Коль только въ руки попадешься мнѣ!

ЭДИПЪ.
А кто меня въ землѣ аѳинянъ силой
Дерзнетъ схватить?

КРЕОНЪ.
Ну, что-жъ!—не отъ того,
Такъ, можетъ быть, поплачешь отъ другого.

ЭДИПЪ.
Что̀ это значитъ?

КРЕОНЪ.
Дочь твою одну
Ужъ я схватилъ и отослалъ подальше.
Сейчасъ возьму другую...

ЭДИПЪ.
Горе! Горе!

КРЕОНЪ.
Не такъ еще застонешь,—погоди!

ЭДИПЪ.
Исмена, дочь моя!

КРЕОНЪ.
Схвачу и эту!

ЭДИПЪ.
О, граждане! не выдавайте насъ,
Безбожнаго отсюда прогоните!

Хоръ.

Поди ты прочь скорѣе: ибо зло
Всегда творишь ты, нынѣ, какъ и прежде!

Креонъ.

Сюда, рабы! Сама она нейдетъ,
Схватите же и силой уведите!

Антигона.

О, горе мнѣ! Куда, куда бѣжать,
Кто изъ боговъ иль смертныхъ намъ поможетъ?

Хоръ.

Что̀ дѣлаешь? Опомнись...

Креонъ.

Ничего
Не бойтесь: гостя вашего не трону,
Я только дочь сестры моей возьму.

Эдипъ.

Властители народа!

Хоръ.

Ты неправду
Творишь...

Креонъ.

Нѣтъ, правду!..

Хоръ.

Какъ?

Креонъ.

Свое беру!

Эдипъ.

Строфа.

На помощь! На помощь!

Хоръ.

Не смѣй его трогать, а то нашихъ рукъ,
Безумецъ, почувствуешь силу!

Креонъ.

Пустите, пустите!

Хоръ.

При насъ не дадимъ
Свершить беззаконное дѣло!

КРЕОНЪ.

Кто первый ударитъ меня,—оскорбитъ
Священныя Ѳивы...

ЭДИПЪ.

О, старцы!
Вы помните: я вѣдь предсказывалъ вамъ!

ХОРЪ.

Оставь эту дѣвушку... слышишь?.. оставь!

КРЕОНЪ.

Надъ ней не имѣете власти!

ХОРЪ.

Оставь, говоримъ!

КРЕОНЪ.

Говорю вамъ и я:
Прочь, прочь,—а не то берегитесь!

ХОРЪ.

На помощь, на помощь! О, граждане, къ намъ!
Вашъ городъ позорятъ, насилье творятъ!
Сюда! Помогите!

АНТИГОНА.

Увы! Влекутъ меня, о, старцы, старцы!

ЭДИПЪ.

Родная, гдѣ же ты?..

АНТИГОНА.

Уводятъ силой...

ЭДИПЪ.

Подай мнѣ руку...

АНТИГОНА.

Не могу, отецъ!

КРЕОНЪ.

Скорѣй, скорѣй!

ЭДИПЪ.

Несчастный я, несчастный!

КРЕОНЪ.

Теперь безъ этихъ посоховъ обоихъ
Постранствуешь! На родину возсталъ,
На близкихъ, тѣхъ, чью волю исполняю,
Хотя, какъ царь, и самъ имѣлъ бы власть:

Такъ радуйся же,—вотъ твоя побѣда!
Но, можетъ быть, современемъ поймешь,
Что злѣйшій врагъ—ты самъ себѣ, и нынѣ,
Какъ прежде,—всѣмъ друзьямъ наперекоръ,
Предавшійся неистовому гнѣву,
Причинѣ бѣдъ твоихъ...

Хоръ.

Остановись!

Креонъ.

Вамъ говорю—пустите!

Хоръ.

Не позволимъ
Мы увести ее...

Креонъ.

Такъ вотъ же, знайте:
Не только ихъ обѣихъ уведу,
Но и еще заложника другого.

Хоръ.

Что̀ хочешь, дерзкій?

Креонъ—*указывая на Эдипа.*

И его схватить!

Хоръ.

Ты лжешь!

Креонъ.

А вотъ увидите сейчасъ,
Коль только мнѣ вашъ царь не помѣшаетъ.

Эдипъ.

Поднять дерзнешь ты руку на меня?

Креонъ.

Молчи, старикъ, молчи!

Эдипъ.

Вопить я буду,
И голосъ мой достигнетъ до богинь,
Царящихъ здѣсь: о, будь ты проклятъ, извергъ,
За то, что хочешь вырвать у слѣпца
Послѣдній свѣтъ, единственное око!
Подъ старость жизнь такую, какъ моя,
Да ниспошлетъ богъ Геліосъ всезрящій
Тебѣ, злодѣй, и роду твоему!

КРЕОНЪ.

Вы слышите, о, чужеземцы?

ЭДИПЪ.

Слышатъ
Обоихъ насъ и, думаю, скорбятъ,
Что я плачў за дѣло только словомъ.

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, долѣе терпѣть я не могу:
Хоть одинокъ и удрученъ годами,
Схвачу его и силой уведу!

ЭДИПЪ.

Антистрофа.

О, горе мнѣ! Горе!

ХОРЪ.

И хочешь такое ты дѣло свершить
Въ землѣ у чужого народа?

КРЕОНЪ.

Хочу.

ХОРЪ.

Ну, такъ значитъ Аѳинъ уже нѣтъ!

КРЕОНЪ.

Да, въ праведномъ дѣлѣ сильнѣйшихъ враговъ
Порой побѣждаетъ и слабый.

ЭДИПЪ.

Вы слышите, граждане, слышите?

ХОРЪ.

Пусть!
Не бойся,—тебя онъ не тронетъ.

КРЕОНЪ.

Пока это знаетъ одинъ только Зевсъ.

ХОРЪ.

Смѣешься надъ старостью нашей?

КРЕОНЪ.

Смѣюсь,—
И нечего дѣлать,—терпите!

ХОРЪ.

Бѣгите, бѣгите изъ города всѣ,
О, царь и народъ, отомстите за насъ!
Обида! Обида!

Тезей.

Чтò за крикъ? О чемъ тревога? Повелителю морей
Не успѣлъ я кончить жертвы, какъ услышалъ этотъ крикъ.
Чтò случилось? Чтò случилось? Говорите, старики!
И зачѣмъ царя въ смятеньи вы заставили бѣжать?

Эдипъ.

По голосу тебя я узнаю,
Родной! меня обидѣли жестоко!

Тезей.

Чѣмъ? Кто тебя обидѣлъ? Говори!

Эдипъ.

Креонъ, вотъ тотъ, кого здѣсь видишь, отнялъ
Дѣтей моихъ послѣднихъ у меня!

Тезей.

Чтò ты сказалъ?

Эдипъ.

Увелъ, увелъ обѣихъ!

Тезей.

Скорѣй, одинъ изъ слугъ моихъ бѣги
Назадъ, во храмъ, вели всему народу
И конному, и пѣшему, алтарь
И жертвенный обрядъ тотчасъ покинувъ,
Бѣжать и гнать коней во весь опоръ
Туда, гдѣ обѣ сходятся дороги,
Чтобъ не успѣли дѣвушки пройти,
И чтобы намъ для пришлецовъ, насилье
Творящихъ здѣсь,—посмѣшищемъ не быть!
Иди, иди скорѣй.—А этотъ дерзкій
Не вышелъ бы изъ рукъ моихъ живымъ,
Коль волю бъ далъ я праведному гнѣву!
Но вотъ затѣмъ разсудимъ по законамъ,
Съ какими онъ и самъ пришелъ сюда.

Креону:

Пока мнѣ ихъ не приведешь обѣихъ
И не отдашь, не выпущу тебя:
Вѣдь, ты творишь не только намъ безчестье,
Но и своей землѣ, и роду. Какъ?!
Придя въ страну, гдѣ чтутъ законы свято
И правый судъ по нимъ творятъ, презрѣлъ
Ты нашу власть, кидаешься, хватаешь,
Людей уводишь силою! Скажи,

Иль думалъ ты, что нѣтъ мужей въ Аѳинахъ,
Что здѣсь—земля рабовъ и я—ничто?
Или такимъ дѣламъ ты научился
Въ родной землѣ? Но тамъ, какъ и у насъ,
Не любятъ злыхъ, и, думаю, не будутъ
Хвалить за то, что ты, наперекоръ
Богамъ и мнѣ, дѣтей насильно отнялъ
У бѣднаго, молящаго слѣпца.
Вѣдь еслибъ я пришелъ въ твою отчизну,
Хотя-бъ на то имѣлъ я всѣ права,
Наперекоръ владыкѣ, кто-бъ онъ ни былъ,—
Я не дерзнулъ бы гражданъ уводить,
И зналъ бы я, какъ подобаетъ гостю
Въ чужой землѣ съ царями поступать.
А ты позоришь собственную землю
Безвинную, и, кажется, года,
Состаривши тебя, не умудрили.
Вотъ я сказалъ и повторяю вновь:
Вели тотчасъ ихъ привести обратно,
Коль ты остаться не желаешь здѣсь
Въ землѣ моей невольнымъ поселенцемъ!
Сказалъ,—и словъ моихъ не измѣню.

Хоръ—*Креону.*

Вотъ до чего дошелъ ты, родомъ славный,
На дѣлѣ же—безстыдный человѣкъ!

Креонъ.

Не думалъ я, конечно, сомнѣваться
Ни въ разумѣ, ни въ доблести Аѳинъ.
Пришелъ же я, не зная, что къ Эдипу
Вы нѣжностью исполнитесь такой
Ревнивою, чтобъ мнѣ наперекоръ,
Насильственно родныхъ моихъ лелѣять!
И думалъ я—у васъ не принимаютъ
Отцеубійцъ, безбожниковъ съ дѣтьми
Зачатыми въ кровосмѣшеньи гнусномъ.
Я полагалъ: разумнѣйшій совѣтъ,
Великіе мужи Ареопага
Такихъ бродягъ не терпятъ здѣсь, и въ томъ
Увѣренный, я взялъ мою добычу.
Но все-таки не поступилъ бы такъ,
Когда бъ онъ самъ не произнесъ ужасныхъ

Проклятій мнѣ и роду моему.
Но, видно, гнѣва не смиряютъ годы,
А только—смерть: лишь мертвые врагамъ
Прощаютъ все.—Ну, а теперь, какъ знаешь
Ты поступай: васъ много, я—одинъ.
Вы можете невиннаго обидѣть,
Но помните: насколько хватитъ силъ,—
Противиться я буду злому дѣлу!

Эдипъ.

Кого же мыслишь наглыми устами
Ты очернить—меня или себя,
Когда кричишь: злодѣй, кровосмѣситель,
Отцеубійца,—попрекая тѣмъ,
Чтѣ дѣлалъ я, несчастный, противъ воли,
Къ чему Эдипа боги привели,
Давно уже мой родъ возненавидѣвъ?
А самъ я—чистъ, и на душѣ моей
Ни одного пятна ты не отыщешь,
Которымъ бы себя или родныхъ
Я осквернилъ. За чтѣ же ты порочишь
Невиннаго, коль боги предрекли
Въ тѣ дни, какъ я еще и не рождался,
Что сынъ убьетъ отца,—за чтѣ, скажи?
Но если такъ и поступилъ несчастный,
Не вѣдая, ни чтѣ, ни съ кѣмъ творитъ,
Назначенное рокомъ исполняя,
То какъ же смѣешь ты его судить?
И съ матерью еще мой бракъ ты вспомнилъ,
Сестрой твоей, и говорить о томъ
Безбожный твой языкъ не постыдился!
Такъ слушай,—вотъ я обличу тебя
И въ этой лжи: что мать она родная,
Родная мнѣ—о, горе—я не зналъ,
Какъ и она, когда, зачавъ отъ сына,
Дѣтей своихъ, позоръ свой родила.
Но вижу я одно: ты добровольно
Сестру свою позоришь и меня,
А я тогда невольно это дѣлалъ,
Какъ и теперь невольно говорю.
За этотъ бракъ никто меня преступнымъ
Не назоветъ, какъ и за кровь отца,

Чѣмъ ты меня такъ горько попрекаешь.
Но будь же добръ, отвѣть лишь на одно:
Коль здѣсь, сейчасъ, о, мужъ столь непорочный,
Убить тебя хотѣлъ бы кто-нибудь,
Ты сталъ ли бы выпытывать сначала,
Убійца тотъ—не есть ли твой отецъ,
Или ему ты сразу отплатилъ бы?
Мнѣ кажется, что если только жизнь
Тебѣ мила,—обидчика казнилъ бы,
Не размышляя, правъ ты или нѣтъ.
Меня толкали сами боги въ бездну,
Куда я палъ, и мнѣ перечить въ томъ,—
Я думаю,—родитель мой не сталъ бы,
Коль слышать бы онъ могъ мои слова.
А ты, въ душѣ надъ правдою смѣясь,
Всегда сказать готовый съ легкимъ сердцемъ
И то, что̀ можно, и чего нельзя,—
Ты у чужихъ людей порочишь старца,
И говоря, что правда здѣсь царитъ,
Превознося Аѳины и Тезея,
Хоть не жалѣлъ похвалъ, а вотъ забылъ
Вѣдь главное: что лучше всѣхъ народовъ
Аѳиняне умѣютъ чтить боговъ.
Такъ какъ же хочешь ты увлечь, безумецъ,
Отъ Зевса къ нимъ пришедшаго слѣпца,
У бѣднаго дѣтей отнявъ насильно?
Я умолю царящихъ здѣсь богинь,
Усердно къ нимъ взывая: да помогутъ,
Да защитятъ меня, чтобъ ты узналъ,
Какой народъ живетъ въ святыхъ Аѳинахъ!

Хоръ.

Ты видишь, царь, что это человѣкъ—
Несчастнѣйшій, но праведный, достойный
И помощи, и милости твоей.

Тезей.

Довольно словъ: пока враги съ добычей
Спѣшатъ уйти, здѣсь праздно мы стоимъ.

Креонъ.

Я слушаю: тому, кто безоруженъ,
Повелѣвай!

Тезей.

Ступай, ступай впередъ,
Указывай дорогу,—коли спряталъ
По близости похищенныхъ дѣтей,—
Веди насъ къ нимъ. А если и бѣжали
Грабители съ добычей,—не бѣда:
Ужъ всадники мои ихъ нагоняють
И перейти границы не дадуть.
Итакъ, иди впередъ и помни: сѣти
Разставивъ, самъ ты попадешься въ нихъ,
Добытаго обманомъ не удержишь,
А отъ своихъ ты помощи не жди,
Затѣмъ, что я вѣдь знаю: безоружнымъ,
Хотя и наглъ, придти бы ты не смѣлъ
Въ чужую землю для такого дѣла:
На что-то есть надежда у тебя,
И это мы развѣдаемъ, чтобъ не былъ
Народъ слабѣе мужа одного.
Ты понялъ ли, иль все еще, какъ прежде,
Когда ты это дѣло замышлялъ,
Надѣешься, что рѣчь моя безсильна?

Креонъ.

Я здѣсь тебѣ не стану возражать,
Когда вернусь домой—на все отвѣчу.

Тезей.

Ступай, ступай,—потомъ грозить успѣешь.
А ты, Эдипъ, не бойся ничего:
Коль буду живъ,—повѣрь, не успокоюсь,
Пока тебѣ дѣтей не возвращу.

Эдипъ.

Благословенъ да будешь ты, владыко,
За всѣ твои заботы обо мнѣ

Хоръ.

Строфа первая.

Если бъ быть мы могли,
Тамъ, гдѣ врагъ со врагомъ
Скоро скрестятъ мечи,
И въ пыли загремитъ
Мѣднобронный Арей,
Иль у жертвенника Феба,

Иль у рощи Элевзинской
Гдѣ толпы лампадоносцевъ
Ходятъ по ночамъ,
Гдѣ богини Плодородья
Таинства блюдутъ,
Гдѣ уста у посвященныхъ
Строгимъ замкнуты обѣтомъ,—
Элевзинскаго молчанья
Золотымъ ключомъ.
Тамъ—я думаю—ужъ нынѣ
Царь Тезей, освобождая
Юныхъ дѣвъ, побѣднымъ кликомъ
Ужаснулъ врага.

Антистрофа первая.

Иль въ другой сторонѣ
Въ Эатидскихъ поляхъ,
На закатѣ, у горъ,
Гдѣ межъ тучъ, по скаламъ
Бѣлый иней блеститъ,—
Въ быстролетныхъ колесницахъ
Горячатъ коней возжами
Бѣглецы, врага почуявъ,
Но не убѣгутъ.
Ибо нашъ Арей—ужасенъ,
Нашъ Тезей—великъ.
За спиной—погони топотъ,
Дышатъ вспѣненныя морды
Жеребцовъ неукротимыхъ,
Блещутъ удила:
Это наши, наши кони,
Посвященные Палладѣ
И колеблющему Землю,
Богу волнъ морскихъ!

Строфа вторая.

Битву ужъ кончили, или замедлили?
Сердце предчувствуетъ радость великую:
Къ отчему лону вернется невинная,
Дѣва-страдалица, всѣми гонимая,
И свершится воля Зевса!
Битву славную пророчимъ:
Легкокрылой бы голубкой

Намъ взлетѣть подъ облака,
Чтобъ взглянуть на эту битву
Зоркимъ окомъ съ высоты!

Антистрофа вторая.

Зевсъ, олимпійцевъ владыка всевидящій,
Съ дочерью славной, Аѳиной-Палладою,
Даруй воителю силу побѣдную,
Въ сѣти царевы—добычу желанную:
Молимъ Феба-Звѣролова
И Охотницу на ланей
Быстроногихъ, пестрокожихъ,
Аполлонову сестру,—
Да придутъ они на помощь
И народу, и царю!
О, гость чужой земли, пророкомъ лживымъ
Не назовешь меня: уже идутъ,
Идутъ сюда, дѣтей твоихъ я вижу!

Эдипъ.

Что говоришь? Гдѣ?.. Гдѣ?..

Антигона.

Отецъ! Отецъ!
О, еслибъ Зевсъ того благого мужа
Увидѣть далъ слѣпымъ твоимъ очамъ,
Кто спасъ дѣтей твоихъ!

Эдипъ.

Ужели, дѣти,
Вы здѣсь, опять со мной?

Антигона.

Рука владыки
И добрыхъ слугъ освободила насъ.

Эдипъ.

Придите же ко мнѣ, родныя, дайте
Скорѣй обнять нежданныхъ!

Антигона.

Мы идемъ,
Сейчасъ тебя обнимемъ и утѣшимъ.

Эдипъ.

О, гдѣ же? Гдѣ же?

Антигона.

Здѣсь мы обѣ,—вотъ!

Эдипъ.

О, милыя!

Антигона.

Родному все вѣдь мило!

Эдипъ.

Послѣдній свѣтъ, послѣдній посохъ мой!

Антигона.

Для жалкаго скитальца—жалкій посохъ!

Эдипъ.

Теперь, когда онѣ опять со мною,
Совсѣмъ несчастнымъ я ужъ не умру!
О, дѣти, крѣпче, крѣпче обнимите,
Прижмитесь къ тѣлу дряхлому,—вотъ такъ!
Не правда ли, вѣдь кончена разлука?
Вы больше не покините меня?
Ну, разскажите все, что̀ было, кратко,
Какъ подобаетъ въ ваши годы...

Антигона—*указывая на Тезея.*

Вотъ
Спаситель нашъ; его, отецъ, послушай.
Прибавить мнѣ останется потомъ
Немногое...

Эдипъ—*Тезею.*

Не удивляйся, другъ,
Что не могу наговориться вдоволь
Съ дѣтьми, ко мнѣ вернувшимися вновь,
Когда ужъ я возврата ихъ не чаялъ.
Я знаю, ты вѣдь спасъ ихъ, ты одинъ,
Никто другой; тебя за эту радость,
Единственно тебя благодарю!
Безсмертные да наградятъ Тезея
И городъ вашъ, затѣмъ, что на землѣ,
У васъ однихъ нашелъ я справедливость
И вѣрность клятвъ, и благочестье,—да,
По опыту я нынѣ это знаю,
Все, что̀ имѣю, ты одинъ мнѣ далъ,
И болѣе никто, никто изъ смертныхъ!
Коснуться же позволь руки твоей,

Поцѣловать, какъ брата, если можно.
Но нѣтъ, какъ смѣю? что я говорю?
Я чистаго моимъ прикосновеньемъ
Не оскверню, и еслибъ ты хотѣлъ,
Не допущу; къ несчастнымъ подходить
Лишь опытнымъ въ страданьяхъ должно людямъ;
Привѣтствуя же издали тебя,
Молю, владыко: впредь, какъ и донынѣ,
Будь справедливъ и милостивъ ко мнѣ!

Тезей.

О, нѣтъ, за то, что говоришь такъ долго
И ненасытно съ милыми дѣтьми,—
Я не сержусь: тебѣ, конечно, съ ними
Бесѣдовать отраднѣй, чѣмъ со мной,
И я не жду похвалъ твоихъ: не словомъ,
А дѣломъ я прославиться хочу.
Какъ видишь самъ, я не нарушилъ клятвы,
Возлюбленныхъ дѣтей твоихъ вернулъ
И отдаю тебѣ ихъ невредимыхъ.
Какъ было все, узнаешь ты отъ нихъ,
А намъ побѣдой хвастать не пристало.
Послушай же ты лучше, что узналъ
Я по пути сюда: вѣдь какъ ни кратка,—
Достойна удивленья эта вѣсть:
Кто мудръ,—ничѣмъ пренебрегать не долженъ.

Эдипъ.

Что слышалъ ты, владыка, разскажи:
Объ этомъ здѣсь мы ничего не знаемъ.

Тезей.

Тамъ, говорятъ, какой-то чужеземецъ,
Тебѣ родня, хотя и не изъ Ѳивъ,
Сидитъ, обнявъ алтарь морского бога,
Гдѣ только-что я жертву приносилъ.

Эдипъ.

Откуда онъ? О чемъ онъ молитъ бога?

Тезей.

Одно я знаю: у тебя просить
Нетруднаго и малаго онъ хочетъ.

Эдипъ.

Чего? Едва-ль о маломъ проситъ тотъ,
Кто къ жертвеннику бога припадаетъ.

Тезей.

Я слышалъ такъ, что хочетъ онъ съ тобой
Поговорить и мирно удалиться.

Эдипъ.

Но кто же онъ?

Тезей.

Подумай: у тебя
Такого нѣтъ ли въ Аргосѣ родного,
Кто бъ могъ просить о томъ?

Эдипъ.

Молчи, молчи,
О, другъ, молю, довольно!

Тезей.

Чтò съ тобою?

Эдипъ.

Не спрашивай...

Тезей.

Но почему?

Эдипъ.

Я понялъ,
Кто говорить со мною хочетъ...

Тезей.

Кто?
И въ чемъ его вина передъ тобою?

Эдипъ.

Царь, это—сынъ мой, злѣйшій изъ враговъ,
Тотъ, чьи слова мнѣ горше смерти!

Тезей.

Можешь,
Узнавъ, зачѣмъ пришелъ онъ, отказать,—
Но выслушать его ужели трудно?

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Тезей, не принуждай меня,—
Звукъ голоса его мнѣ ненавистенъ!

Тезей.

Но хорошо ли дѣлаешь, смотри:
Вѣдь именемъ боговъ тебя онъ молитъ.

Антигона.

Хотя еще я молода, отецъ,
Не отвергай ты моего совѣта:
Почтить боговъ Тезею не мѣшай,—
Да приметъ онъ молящаго пришельца:
Послушай насъ и брата не гони.
Вѣдь, что бы онъ ни говорилъ, рѣчами
Насильственно тебя не убѣдитъ.
Такъ выслушай,—не бойся, ибо злые
Словами злое сердце обличатъ.
Онъ все же—сынъ твой: еслибы тебѣ
Онъ причинилъ и злѣйшую обиду,—
Не долженъ бы ты мстить ему, отецъ!
Прими его, страдаютъ и другіе,
Не ты одинъ, отъ собственныхъ дѣтей,
Но слушаются добраго совѣта
Друзей своихъ и укрощаютъ гнѣвъ.
О, вспомни мать, отца, какія муки
Ты самъ отъ нихъ, невинный, претерпѣлъ!
Пойми, что гнѣвъ всегда рождаетъ бѣды,
И зло приноситъ злѣйшіе плоды,
Чему твои невидящія очи—
Свидѣтельство и горестный примѣръ.
Не хорошо, чтобы молили долго
О справедливомъ; уступи же намъ
И милостью умѣй платить за милость.

Эдипъ.

Да будетъ такъ, хоть знаешь ты, дитя,
Что нелегко исполнить эту просьбу.
Но только, царь, ужъ если онъ придетъ,—
Ты защити, не дай меня въ обиду.

Тезей.

Зачѣмъ объ этомъ дважды говорить?
Не хвастая, скажу, старикъ, и вѣрь мнѣ:
Коль Зевсъ меня спасетъ, спасенъ и ты.

Хоръ.

Строфа.

Безразсудны и жалки, я думаю, тѣ,

Кто продлить хочетъ жизнь свыше мѣры,
Ибо долгая жизнь—только долгая скорбь,
Каждый день приближаетъ къ страданью.
А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь,
Если слишкомъ ты многаго хочешь.
Вотъ придетъ, смотри, безъ брака
И безъ лиры, и безъ хоровъ,
Всѣ желанья утоляя,
Парка тихаго Аида—
Утѣшительница смерть.

Антистрофа.

Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не рождаться, второе—родившись,
Умереть поскорѣй, а едва прилетитъ
Неразумная, легкая юность,—
То ужъ кончено,—мукамъ не будетъ конца:
Зависть, гнѣвъ, мятежи и убійства!
И предѣлъ всему послѣдній—
Одинокая, больная,
Злая немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука мукъ!

Эподосъ.

Такъ же, какъ я, это знаешь и ты,
Старый, покинутый!
Словно въ пучинѣ на Сѣверѣ
Голый утесъ, ударяемый
Снѣжною бурей и волнами,
Ты одинокій стоишь.
И на тебя отовсюду бѣгутъ
И разбиваются съ яростью
Страшныя волны, страданія вѣчныя,
Тѣ отъ Востока, другія—отъ Запада
И отъ полуденныхъ странъ,
И отъ Рифея ночного, отъ Сѣвера дикаго!

АНТИГОНА.

Отецъ, я вижу, чужеземецъ къ намъ
Сюда идетъ молящій, одинокій,
Глаза его полны слезами...

ЭДИПЪ.

Кто?

Антигона.

Онъ тотъ, кого мы ждали—Полиникъ.

Полиникъ.

Увы, съ чего начну, кого оплачу—
Себя, сестеръ иль дряхлаго отца?
Вотъ у чужихъ людей его я вижу
Покинутаго всѣми, кромѣ васъ,
Въ грязи, въ лохмотьяхъ нищенскихъ, истлѣвшихъ
Отъ старости на этомъ старомъ тѣлѣ,
И спутанные волосы повисли
На впадины слѣпыхъ его очей,
И вѣтеръ ихъ пустынный развѣваетъ,
И думаю, что такова и пища
Утробы жалкой. Горе! Горе мнѣ!
Я все это увидѣлъ слишкомъ поздно
И не пришелъ къ тебѣ и не помогъ.
Теперь ужъ знаю—нѣтъ мнѣ оправданья.
Но пусть, какъ рядомъ съ Зевсомъ возсѣдаетъ
На небѣ милость,—такъ и здѣсь съ тобой.
Прости! вѣдь злого дѣла увеличить
Нельзя уже, но можно искупить.
Молчишь?..
Хоть что-нибудь скажи, отецъ! отъ сына
Не отвращай лица! ужели молча
Меня съ такимъ презрѣньемъ оттолкнешь,
Не удостоивъ даже гнѣвнымъ словомъ?..
Ну, умолите же его хоть вы,
Чтобъ сжатыя въ безмолвіи угрюмомъ,
Уста его открылись, наконецъ,
Чтобы меня, пришедшаго отъ Зевса,
Отецъ съ такимъ безчестьемъ не прогналъ.

Антигона.

Повѣдай самъ, зачѣмъ пришелъ, несчастный:
Изъ многихъ словъ, бываетъ, что одно
Склоняетъ вдругъ къ отвѣту безотвѣтныхъ,
Внушая радость, жалость или гнѣвъ.

Полиникъ.

Да, твой совѣтъ разумный я исполню:
Сперва въ защиту бога призову,
Чей жертвенникъ обнявъ, царя Тезея
Я умолилъ,—и онъ позволилъ мнѣ

Придти сюда, сказать отцу, чтò надо,
И удалиться мирно: вотъ и все,
О чемъ я васъ прошу, о, чужеземцы,
Сестеръ моихъ и моего отца.
Теперь скажу, Эдипъ, зачѣмъ пришелъ я:
Изъ Ѳивъ меня прогнали потому,
Что я хотѣлъ, какъ первенецъ, по праву,
Твоимъ престоломъ царственнымъ владѣть,
Да,—вотъ, за что я младшимъ братомъ изгнанъ!
Не мудростью онъ побѣдилъ меня
И не мечемъ въ открытомъ поединкѣ,
А хитростью народъ мой обольстивъ.
И думаю, что это совершила,
Готовя месть, Эринія твоя:
Такъ говорятъ и вѣщіе пророки.
Тогда въ глубокій Аргосъ убѣжавъ,
На дочери Адраста я женился,
Вступилъ въ союзъ съ храбрѣйшими людьми,
Чтò первыми слывутъ въ метаньи копій,
И семь дружинъ объединивъ, на Ѳивы
Повелъ въ походъ, чтобъ умереть въ бою,
Иль побѣдить, съ престола свергнувъ брата.
Но спросишь ты: зачѣмъ же я теперь
Сюда пришелъ? Чтобы твои колѣни,
Отецъ, съ мольбой усердною обнять
И за себя, и за вождей союзныхъ,
Чтò семеро—у семивратныхъ Ѳивъ,
Уже покрыли всю равнину войскомъ:
Изъ нихъ въ гаданьи по полету птицъ
И въ брани первый—колебатель копій
Амфіарей. Второй—Инеевъ сынъ,
Тидей отважный, родомъ этоліецъ.
Изъ Аргоса же третій—Этеоклъ.
Иппомедонъ—четвертый посланъ къ Ѳивамъ
Отцомъ Талаемъ. Пятый—Капаней,
Опустошить огнемъ грозитъ Кадмею.
Шестой аркадскій вождь—Парѳенопей,
Отъ матери, отъ гордой Аталанты,
Хранившей долго дѣвственность, дитя
Любимое, онъ принялъ это имя.
И я—седьмой, по имени—твой сынъ,
Вѣрнѣе же, что сынъ я злого рока,—

На Өивы рать безстрашную веду.
И этими дѣтьми, твоею жизнью
Тебя, родной, мы заклинаемъ всѣ,
Прости, забудь свой гнѣвъ неумолимый,
Хотя бъ теперь, когда я брату мщу,
Изгнавшему меня съ такимъ безчестьемъ.
Тотъ побѣдитъ, съ кѣмъ вступишь ты въ союзъ,
Коль должно вѣрить прорицаньямъ Феба.
Вотъ, именемъ отеческихъ боговъ,
Источниковъ священныхъ умоляю,—
Такому же несчастному, какъ ты,
Не откажи: вѣдь оба мы скитальцы,
Обоихъ насъ единый гонитъ рокъ,
И хлѣбъ чужихъ людей—обоимъ горекъ.
Межъ тѣмъ, какъ тотъ, увы! властитель Өивъ,
Надъ нашими мученьями смѣется!
Но вѣрь, злодѣя скоро и легко
Мы побѣдимъ, коль будешь ты со мною,
Отецъ! домой я возвращу тебя
И самъ вернусь, съ позоромъ выгнавъ брата.
Я безъ тебя—на гибель обреченъ,
Съ тобой—могу уже побѣдой хвастать.

Хоръ.

Во имя тѣхъ, кѣмъ посланъ онъ, Эдипъ,
Не отпускай пришельца безъ отвѣта.

Эдипъ.

Да, еслибы, о, старцы, не послалъ
И словъ моихъ не счелъ его достойнымъ
Вашъ царь Тезей, то этотъ человѣкъ
Мой голосъ бы во-вѣки не услышалъ!
Теперь же вотъ, отвѣчу я, но такъ,
Что будетъ жизнь ему уже не въ радость.
О, гнусный лжецъ, имѣя тронъ и скиптръ,
Которыми твой братъ владѣетъ нынѣ,
Не постыдился ты отца прогнать,
Обречь его на горькій хлѣбъ чужбины
И на лохмотья нищенскія, тѣ,
Что нынѣ самъ оплакивать приходишь,
Постигнутый моею же судьбой.
Но кончено,—слезами не поможешь:
Молчать, терпѣть до смерти, и тебя

Я, моего убійцу, помнить буду!
Ты, ты одинъ—виновникъ этихъ мукъ:
Меня съ позоромъ выгналъ, сдѣлалъ нищимъ,
Бродягою, и у чужихъ людей
Вымаливать заставилъ хлѣбъ насущный!
Вѣдь еслибы не дочери мои—
Ты предалъ бы отца голодной смерти:
Онѣ меня питаютъ и хранятъ,
Онѣ—мужи въ страданьяхъ, а не жены.
А вы—другимъ, не мною рождены.
Вотъ за тобой слѣдитъ ужъ демонъ мести
И поразитъ, какъ только двинешь рать
На стѣны Ѳивъ,—и ты ихъ не разрушишь,
А самъ падешь въ крови, и братъ—съ тобой!
Я проклялъ васъ и снова проклинаю:
Идутъ, идутъ проклятія мои,
И скоро вы увидите, что̀ значитъ
Родителя слѣпого презирать!
Вѣдь вотъ же сёстры чтить отца умѣли!
Уже теперь они вошли въ твой домъ,
Вошли мои проклятья, овладѣли
Твоимъ престоломъ, если правда есть
На небесахъ въ законахъ вѣчныхъ Зевса.
Поди ты прочь, отверженный отцомъ,
Межъ злыми злѣйшій, извергъ ненавистный,
Возьми съ собой проклятіе мое:
Ни родины копьемъ не завоюешь,
Ни Аргоса ты не увидишь вновь,
Но отъ руки родимой погибая,
Погубишь ты и брата своего.
Вотъ мой завѣтъ, я призываю Тартаръ,
Ужасный мракъ, гдѣ мой отецъ сокрытъ,
На голову твою, отцеубійца!
Я призываю грозныхъ Эвменидъ
И бога брани, буйнаго Арея,
Что̀ яростью наполнилъ вамъ сердца!
Не медли же, бѣги и возвѣсти
Кадмеянамъ и всѣмъ вождямъ союзнымъ,
Какъ наградилъ я сыновей моихъ!

Хоръ.

Увы, сюда пришелъ ты не на радость,
О, Полиникъ,—скорѣе уходи!

Полиникъ.

Все кончено! Чтò сдѣлалъ я, несчастный!
Куда моихъ союзниковъ привелъ!
Туда, откуда больше нѣтъ возврата,
Къ тому, чего нельзя имъ и открыть!
И, зная волю Рока, долженъ молча
Идти навстрѣчу гибели моей:
Но васъ молю, возлюбленныя сестры,—
Ужасныя пророчества отца
Вы слышали: богами заклинаю,
О, ежели вернетесь вы домой
И отчее проклятье совершится,—
Тогда хоть вы не презрите меня,
Усопшаго почтите погребеньемъ,—
Да будетъ вамъ, какъ за любовь къ отцу,
Неменьшая хвала за жалость къ брату.

Антигона.

О, милый мой, послушайся меня...

Полиникъ.

Скажи, о чемъ, родимая, ты просишь?

Антигона.

Братъ, не губи отчизны и себя!
Скорѣй веди назадъ дружину въ Аргосъ.

Полиникъ.

Теперь, сестра, ужъ поздно: отступивъ,
Не соберу я вновь такого войска.

Антигона.

Увы, дитя, зачѣмъ безумный гнѣвъ?
Зачѣмъ тебѣ губить родную землю?

Полиникъ.

Позоръ — бѣжать и старшему терпѣть
Отъ младшаго такое поруганье.

Антигона.

Но ты вѣдь знаешь: вамъ обоимъ—смерть.
Пророчества не могутъ не свершиться.

Полиникъ.

Да, знаю все, но отступить нельзя!

АНТИГОНА.
О, бѣдный мой! услышавъ прорицанье,
Кто за тобой осмѣлится пойти?

ПОЛИНИКЪ.
Отъ нихъ я скрою: вождь на поле брани
Дурную вѣсть не долженъ приносить.

АНТИГОНА.
Ужель твое рѣшенье неизмѣнно?

ПОЛИНИКЪ.
Да, я пойду, отверженный отцомъ,
Эринніями грозными гонимый,
По страшному, послѣднему пути.
А васъ, родныя, наградитъ Зевесъ,
Коль мертвому окажете вы милость,—
При жизни мнѣ уже нельзя помочь.
Простите же, о, милыя, навѣки:
Вы больше не увидите меня!

АНТИГОНА.
О, я несчастная!

ПОЛИНИКЪ.
Сестра, не плачь!

АНТИГОНА.
Какъ надъ тобой не плакать, горькій!—вижу,
Что ты идешь къ погибели своей.

ПОЛИНИКЪ.
Коль Рокъ судилъ,—умру.

АНТИГОНА.
О, нѣтъ! послушай!

ПОЛИНИКЪ.
Не убѣждай!

АНТИГОНА.
О, горе мнѣ! и ты,
И ты погибъ...

ПОЛИНИКЪ.
Да будетъ воля Зевса:
Въ его рукѣ и жизнь моя, и смерть.
Но вы—ничѣмъ не заслужили горя:
О, милыя, да сохранитъ васъ Зевсъ!
(*Полиникъ уходитъ*)

Хоръ.

Строфа первая.

Вотъ еще новыя бѣды, ужасныя
Вѣщій слѣпецъ, напророчивъ, зоветъ,
Ежели Парка его не сразитъ,
Ибо велѣнья боговъ непреложныя
Время всевидящимъ окомъ блюдетъ:
Тѣ—черезъ долгіе годы, медлительно,
Тѣ—совершаетъ мгновенно... Вы слышите,
Слышите—громъ.—О, Зевесъ!

Эдипъ.

Скорѣе, дѣти милыя, велите же
Позвать ко мнѣ Тезея благороднаго.

Антигона.

Повѣдай намъ, отецъ: зачѣмъ зовешь его?

Эдипъ.

Въ Аидъ сейчасъ крылатый громъ божественный
Умчитъ меня: скорѣй, скорѣй,—не медлите!

Хоръ.

Антистрофа вторая.

Загрохоталъ, загудѣлъ ужасающій,
Божеской дланью низринутый громъ.
Слышите, волосы дыбомъ встаютъ,
Духъ замираетъ, а пò небу молнія
Блещетъ во тьмѣ смертоноснымъ огнемъ.
Боже! кого поразитъ она? Страшно мнѣ,
Страшно; вѣдь молнія даромъ не падаетъ.
О, Громовержецъ Зевесъ!

Эдипъ.

Конецъ, конецъ мой, дѣти! вотъ послѣдній часъ:
Теперь ужъ нѣтъ спасенья, некуда бѣжать!

Хоръ.

Но какъ ты знаешь, почему ты смерти ждешь?

Эдипъ.

Я знаю... смерть моя близка... Прошу, молю—
Скорѣй, скорѣй позвать ко мнѣ властителя!

Хоръ.

Строфа вторая.

Ближе, ближе гулъ громовый,

Трескъ пронзительный! Помилуй,
О, помилуй, Всемогущій,
Если ты идешь во мракѣ
Къ нашей Матери-землѣ!
Отъ проклятыхъ, осужденныхъ
Отойдемъ: да будетъ съ вами
Только мужъ боголюбивый.
Зевсъ-отецъ, къ тебѣ взываемъ:
Пощади!

Эдипъ.

Идетъ ли царь, о, милыя? застанетъ ли
Тезей меня въ живыхъ еще и въ разумѣ?

Антигона.

Какую тайну хочешь ты открыть ему?

Эдипъ.

Я отплатить хочу ему за милости,
Исполнить все предъ смертью, чтò обѣщано.

Хоръ.

Антистрофа вторая.

О, приди, приди же, сынъ мой,
Если даже въ отдаленьи
На концѣ равнины, въ жертву
Богу моря—Посейдону
Заколаешь ты быковъ:
Ибо хочетъ гость, какъ должно,
За пріютъ гостепріимный
Наградить тебя и городъ:
О, не медли же, владыка,—
Поспѣшай!

Тезей.

Зачѣмъ опять меня зовете, старцы?
Какое здѣсь смятенье, чтò за крикъ?
Я узнаю и голосъ чужеземца.
Иль молнія ударила, иль градъ
И смерчъ? Коль Зевсъ послалъ такую бурю,
То надо быть готовымъ ко всему.

Эдипъ.

Дождался я, владыка, наконецъ-то:
На радость богъ послалъ тебя ко мнѣ!

Тезей.

Сынъ Лайоса, повѣдай: что̀ случилось?

Эдипъ.

Я умираю и хочу исполнить,
Что̀ обѣщалъ народу и тебѣ.

Тезей.

Что смерть твоя близка,—откуда знаешь?

Эдипъ.

Мнѣ возвѣстили боги мой конецъ
Примѣтами нелживыми.

Тезей.

Какими?

Эдипъ.

Блистаньемъ молній, грохотомъ громовъ,
Кидаемыхъ рукой неодолимой.

Тезей.

Я вѣрю: прорицанія твои
Уже не разъ свершались: что̀ же дѣлать?

Эдипъ.

Я научу тебя, Эгеевъ сынъ,
Я одарю безсмертными дарами
Твой край: пойдемъ, тебя я приведу
Самъ, безъ руки вожатаго, въ то мѣсто,
Гдѣ умереть я долженъ,—но смотри,—
Не открывай ты никому живому
Таинственнаго гроба моего:
Да будетъ онъ тебѣ охраной вѣчной,
Надежнѣе всѣхъ копій и щитовъ.
Святыню этихъ тайнъ неизреченныхъ
Тебѣ открою тамъ, наединѣ.
Не должно знать о нихъ ни этимъ старцамъ,
Ни дочерямъ возлюбленнымъ моимъ.
Молчи и ты, о, царь, лишь передъ смертью
Преемнику открой, чтобъ въ свой чередъ
Грядущему онъ передалъ, и будетъ
Во вѣки городъ твой неодолимъ
Для воинства, посѣяннаго Кадмомъ,
Исчадія драконовыхъ зубовъ.
Ужъ сколько царствъ погублено неправдой

И при царяхъ великихъ: медлитъ Зевсъ,
Но видитъ все,—и тѣхъ не минетъ кара,
Кто, попирая божескій законъ,
Безумствуетъ,—чего въ твоей землѣ,
О, мудрый царь, во вѣки да не будетъ.
Но этому учить тебя не нужно.
Пора! Я слышу: Зевсъ меня зоветъ,—
Пойдемъ скорѣй въ назначенное мѣсто.
И вы, о, дѣти, слѣдуйте за мной:
Васъ поведу, слѣпой вожатый—зрячихъ,
Какъ нѣкогда водили вы отца.
И не давайте мнѣ руки, не надо;
Священную могилу самъ найду,
Гдѣ долженъ я покоиться: идите,
Сюда, сюда, еще правѣй,—вотъ такъ:
Ведетъ меня подземная богиня
И богъ Гермесъ, путеводитель душъ.
О, свѣтъ, и мнѣ въ былые дни сіявшій,
Вотъ озаряешь ты въ послѣдній разъ
Эдиповы невидящія очи:
Я ухожу, и то, чѣмъ жизнь моя
Окончится, въ нѣмомъ Аидѣ скрою..
О, другъ,—ты самъ, народъ твой и земля
Счастливыми да будете во вѣки,—
Но въ счастіи безоблачномъ порой
Умершаго Эдипа вспоминайте!

Хоръ.

Строфа.

Коль чтить мольбой дозволено
Тебя, богиня страшная,
Тебя, о, владыка тьмы,
Аидоней! Аидоней!
То молимъ: дайте страннику
Легко и безболѣзненно
Сойти, окончивъ путь,
Въ обители Стигійскія,
На тѣ поля подземныя,
Гдѣ тихо тѣни спятъ.
Нынѣ за все, что̀ терпѣлъ безъ вины,
Зевсъ справедливый тебя наградитъ
Сладостнымъ отдыхомъ.

Антистрофа.

Внимайте намъ, владычицы
Подземныя, чудовищный,
Неукротимый звѣрь,
Чтд тамъ въ пещерѣ стережетъ
Съ рычаніемъ ужасныя
Блистающія, гладкія
Аидовы врата!
О, смерти богъ невѣдомый,
Дитя земли и Тартара,
Смири ночного пса,
Страннику къ мертвымъ безмолвнымъ полямъ
Путь облегчи,—о, приди же, приди,
Всеусыпляющій!

Вѣстникъ.

Старѣйшины, могу повѣдать кратко:
Все кончено, Эдипа нѣтъ въ живыхъ.
А чтд случилось тамъ и какъ онъ умеръ,—
Нельзя въ словахъ немногихъ разсказать.

Хоръ.

Свершилось: умеръ онъ, многострадальный!

Вѣстникъ.

Навѣкъ ушелъ отъ насъ.

Хоръ.

Повѣдай, какъ?
Божественная смерть была ли тихой?

Вѣстникъ.

Достойна удивленья эта смерть.
Вы видѣли, какъ онъ ушелъ отсюда:
Никто изъ насъ его не велъ,—онъ самъ
Указывалъ намъ путь, слѣпой вожатый!
Когда же мы пришли къ Порогу Бездны,
Сходящей рядомъ мѣдныхъ ступеней
Въ подземный мракъ,—Эдипъ остановился,
Избравъ одну изъ множества дорогъ,
Надъ самымъ устьемъ каменнаго жёрла,
Гдѣ нѣкогда Тезей и Периѳой
Метали дружбы вѣрные залоги,
И сѣлъ какъ-разъ межъ Ѳорикійскихъ скалъ
И гробовой плиты и дикой груши

Съ гнилымъ дупломъ. Потомъ одежду снялъ
И дочерямъ воды для омовеній
И возліяній принести велѣлъ.
Онѣ пошли къ Деметрѣ многоплодной
На ясный холмъ, что̀ виденъ издали,
Исполнили отцовское велѣнье,
Вернулися, обмыли старика
И новою одеждою, какъ должно,
Украсили. Когда же весь обрядъ,
Какъ онъ желалъ, свершили благолѣпно,
То грянулъ богъ подземными громами
И дѣвушки затрепетали: павъ
Къ ногамъ отца, ихъ обняли, рыдая,
И отъ него не отходили прочь,
И били въ грудь себя съ протяжнымъ воплемъ.
И онъ сказалъ, прижавъ дѣтей къ груди:
„О, милыя! простите, умираю,—
Все кончено: чтобъ накормить отца,
Вамъ болѣе страдать уже не надо.
Я знаю, жить со мною было трудно,
Но я любилъ васъ, дѣти, какъ никто
И никогда ужъ больше не полюбитъ:
Моя любовь всѣ муки утоляла!
Но вотъ теперь уйду, и безъ меня
Вы будете совсѣмъ однѣ на свѣтѣ“.
Тогда они всѣ трое обнялись
И долго плакали,—когда же замеръ
Послѣдній вопль,—настала тишина.
Вдругъ чей-то голосъ прозвучалъ въ безмолвьи,
И волосы у всѣхъ насъ дыбомъ встали
Отъ ужаса, а голосъ тихо звалъ:
„Эдипъ! Эдипъ! Пойдемъ со мной,—не медли!“
И услыхавъ божественный призывъ,
Онъ подойти велѣлъ царю Тезею
И произнесъ: „О, братъ мой, руку дай
Въ знакъ вѣрности ненарушимой дѣтямъ
И вы—ему, родныя; клятвой вѣчной
Мнѣ поклянись, что не предашь дѣтей,
Что сдѣлаешь ты все для нихъ, что̀ можешь“.
Смиряя скорбь, какъ благородный мужъ,
Царь поклялся мольбу его исполнить.
Тогда Эдипъ, слабѣющей рукой

Въ послѣдній разъ дѣтей коснувшись, молвилъ:
„О, дочери, мужайтесь,—мнѣ пора;
Ни видѣть вамъ не слѣдуетъ, ни слышать
Запретнаго,—ступайте же скорѣй!
Да будетъ здѣсь наединѣ со мною
Лишь царь Аѳинъ, чтобъ знать и видѣть все".
И за дѣтьми пошли мы слѣдомъ, плача,
Эдипово велѣнье услыхавъ.
Но отойдя немного, оглянулись
И видимъ, нѣтъ его уже нигдѣ,
Одинъ Тезей стоитъ, окаменѣвъ,
Отъ ужаса закрывъ лицо руками,
Какъ будто бы онъ вдругъ увидѣлъ то,
Чтò вынести не могутъ очи смертныхъ.
Потомъ, спустя немного, царь упалъ,
Простерся ницъ, мольбой благоговѣйной
Почтивъ Олимпъ и Землю. Онъ одинъ,
И болѣе никто изъ всѣхъ живущихъ
Не вѣдаетъ, какъ умиралъ Эдипъ.
Не огненною силою громовъ,
Не на морѣ поднявшеюся бурей,
Онъ тихо взятъ посланникомъ боговъ,
Иль пропастью Аида благосклонной,
Таинственно разверзшейся подъ нимъ:
И такъ легко, такою дивной смертью
Не умиралъ еще никто. Пускай
Слова мои сочтутъ безумьемъ,—правду
Я говорю: кто хочетъ вѣрить,—вѣрь.

Хоръ.

Гдѣ дочери и спутники Эдипа?

Вѣстникъ.

Идутъ сюда, вы слышите ихъ вопли
Протяжные и похоронный плачъ?

Антигона.

Горе! Горе! Однѣ мы навѣки; никто
Никогда не проститъ
Намъ рожденья проклятаго;
За отца мы терпѣли и будемъ терпѣть
Несказанное!

Хоръ.

Чтò случилось?

Антигона.
Увы, догадаться легко!...

Хоръ.
Умеръ?..

Антигона.
Смертью желанною,—
Не во брани погибъ, не въ пучинѣ морской,
Но безшумная бездна открылась подъ нимъ,
Приняла безболѣзненно
Въ смерти таинственной.—
Горе! очи покрыла мнѣ вѣчная тьма!
Снова, нищія, по̀ міру обѣ пойдемъ,
И по землямъ чужимъ, и по бурнымъ морямъ
Мы скитаться должны, одинокія!

Исмена.
Что̀ насъ ждетъ,—подумать страшно!
Поглотила бы ужъ сразу
И меня съ отцомъ несчастнымъ
Бездна темнаго Аида,—
Больше жить я не могу!

Хоръ.
Нѣтъ, возлюбленныя дѣти,
Эта смерть—благодѣянье
Милосерднѣйшаго Зевса;
Покоритесь, не ропщите:
Зевсъ помилуетъ и васъ.

Антигона.
Значитъ, сердце жалѣетъ о прошлыхъ скорбяхъ:
Вѣдь когда онъ, бывало, обниметъ меня,—
То казалось и горькое сладостнымъ!
О, родимый мой, бѣдный, ушедшій въ страну
Мрака вѣчнаго,
Никогда, никогда не разлюбимъ тебя
Мы, несчастныя!

Хоръ.
Онъ имѣетъ...

Антигона.
Имѣетъ желанное.

Хоръ.
Правда.

Антигона.

Умеръ далеко отъ Ѳивъ,
На чужой сторонѣ, какъ и самъ онъ хотѣлъ.
Ложе имѣетъ спокойное,
Осѣненное тѣнью подземною,
И въ могилу сошелъ онъ оплаканный:
Вѣдь пока я дышу, о тебѣ никогда
Не изсякнутъ въ очахъ моихъ слезы, отецъ!
Не забуду я, горькая,
Что ты умеръ одинъ, далеко отъ меня,
Не въ объятьяхъ моихъ!..

Исмена.

О, сестра, какая участь
Ждетъ обѣихъ насъ, бездомныхъ,
Одинокихъ?...

Хоръ.

Нѣтъ, родныя,
Свыше мѣры не скорбите,
Ибо смертью благодатной
Развязалъ онъ узелъ жизни.
А изъ жившихъ отъ страданья
Не избавленъ былъ никто.

Антигона.

Исмена, родная, вернемся...

Исмена.

Зачѣмъ?

Антигона.

Томитъ мое сердце желанье...

Исмена.

Какое?

Антигона.

Взглянуть на обитель подземную...

Исмена.

Чью?

Антигона.

Родимаго,—горе мнѣ!..

Исмена.

Или не знаешь,
Что къ этому мѣсту нельзя подходить?

АНТИГОНА.
О, ты упрекаешь меня!

ИСМЕНА.
И еще...

АНТИГОНА.
Ну что? говори!

ИСМЕНА.
Безъ могилы,
Онъ принятъ землею вдали ото всѣхъ.

АНТИГОНА.
Отведи же меня ты къ нему и убей!

ИСМЕНА.
Горе! что со мною будетъ?
Коль и ты меня покинешь,
Какъ дожить мнѣ горькій вѣкъ?

ХОРЪ.
Не бойтесь, о, милыя!

АНТИГОНА.
Какъ избѣжать?

ХОРЪ.
Одной ужъ бѣды вы избѣгли.

АНТИГОНА.
Какой?

ХОРЪ.
Насилья Креона и плѣна.

АНТИГОНА.
Я думаю, старцы!...

ХОРЪ.
О чемъ?

АНТИГОНА.
Я думаю, какъ мы вернемся домой?

ХОРЪ.
Забудь же, не думай!

АНТИГОНА.
Тоска!..

ХОРЪ.
Покорствуй, тоска вѣдь и прежде была.

Антигона.

О да, нестерпимая, хуже, чѣмъ смерть!

Хоръ.

Удѣлъ вашъ—великое море скорбей.

Антигона.

Воистину!

Хоръ.

Бѣдныя дѣти!

Антигона.

Отнялъ, отнялъ, всемогущій,
Ты послѣднюю надежду!
О, за что невинныхъ гонишь,
И куда меня ведешь?

Тезей.

Дѣти, не плачьте: о тѣхъ, кто почилъ
Въ мирѣ, угодный подземнымъ богамъ,
Плакать грѣшно.

Антигона.

О, владыка,
Молимъ тебя на колѣняхъ...

Тезей.

О чемъ?

Антигона.

Дай намъ взглянуть на могилу отца!

Тезей.

Нѣтъ, подходить къ ней нельзя никому.

Антигона.

Что говоришь, повелитель?!

Тезей.

Онъ завѣщалъ, чтобъ никто изъ живыхъ
Къ тайной могилѣ не смѣлъ подступать,
Чтобъ похоронные вопли
Не нарушали надъ ней тишины;
Ежели все я исполню, предрекъ
Благословенье Аѳинамъ.
Этимъ великимъ обѣтамъ внималъ
Оркосъ, всеслышащій демонъ.

АНТИГОНА.

Если такъ онъ велѣлъ,—покорюсь; а теперь
Отошли же насъ въ древнія Ѳивы.
Тамъ погибель, грозящую братьямъ моимъ,
Я хочу отвратить, коль не поздно.

ТЕЗЕЙ.

Отошлю васъ на родину, сдѣлаю все,
Чтó могу я для вашего блага,
Чтобы память умершаго друга почтить:
Безконечна моя благодарность.

ХОРЪ.

Нынѣ кончено все,—тише, тише, дитя,
Больше стоновъ не надо: свершилось!

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ

и

ЕГО РУКОПИСИ

III *).

Біологическія науки въ рукописяхъ да-Винчи.

Мы ознакомились съ работами да-Винчи въ области явленій, такъ сказать, мертвой природы, въ такъ называемыхъ „общихъ" отдѣлахъ естествознанія. Но и біологическія науки занимали его не менѣе,—и въ этой области онъ также не разъ опережалъ свой вѣкъ.

Пристрастіе къ живописному ландшафту повело Леонардо да-Винчи къ занятіямъ ботаникою, и этимъ объясняется изобиліе въ его рукописяхъ рисунковъ различныхъ листьевъ. Онъ открылъ законы расположенія листьевъ на вѣтви и вѣтвей на деревѣ, доискивался впервые имъ придуманнаго объясненія того явленія, что углы, образованные вѣтвями дерева со стволомъ, по направленію отъ корня къ вершинѣ, все болѣе и болѣе уменьшаются. Ранѣе Грью (1628—1711) и Мальпиги (1628—1694), считаемыхъ творцами анатоміи растеній, онъ умѣлъ опредѣлять возрастъ дерева по числу слоевъ поперечнаго сѣченія его ствола, и по толщинѣ слоя опредѣлять—былъ ли данный годъ дождливымъ или нѣтъ, а равно по различію въ толщинѣ одного и того же слоя, въ разныхъ мѣстахъ его поперечнаго сѣченія, узна-

*) См. выше, іюнь, 475 стр.

вать—которою стороною живое дерево было обращено на сѣверъ и которою на югъ. Значеніе тепла и свѣта, испускаемаго солнцемъ, для жизни растенія да-Винчи зналъ, хотя, конечно, истинную роль этихъ факторовъ въ жизни растенія представлялъ себѣ не вполнѣ вѣрно. Вообще онъ солнцу приписывалъ для жизни на землѣ столь большое значеніе, что въ одной изъ своихъ замѣтокъ принялъ „солнцепоклонниковъ" подъ свою защиту, искренно сознаваясь въ томъ, что онъ это поклоненіе понимаетъ скорѣе, чѣмъ всякое иное.

Вотъ что̀ говоритъ да-Винчи въ рукописи С: „Природа помѣстила листья на вѣтвяхъ многихъ растеній такимъ образомъ, что всегда шестой листъ находится надъ первымъ, и это справедливо для всякаго листа, если законъ почему-либо случайно не нарушенъ. Природа такъ поступаетъ съ двоякою для растеній выгодой. Во-первыхъ, такъ какъ вѣтвь или плодъ будущаго года зарождается въ пазухѣ листа, то вода, попадающая на стволъ, можетъ свободно стечь въ него и служить для питанія почки, благодаря тому, что капли воды могутъ собраться въ этой пазухѣ, образуемой влагалищемъ листа съ вѣтвью; во-вторыхъ, это полезно для растенія въ томъ отношеніи, что вѣтви, которыя выростутъ въ слѣдующій годъ, не будутъ одна другую закрывать отъ солнца, такъ какъ пять ближайшихъ вѣтвей образуются вокругъ ствола въ пяти различныхъ мѣстахъ, и только шестая будетъ находиться надъ первою, и то въ довольно значительномъ отъ нея разстояніи".

Гораздо значительнѣе тѣ результаты, которыхъ да-Винчи достигъ въ своихъ занятіяхъ зоологіею, и особенно анатоміей человѣка и животныхъ. Еще въ 1498 году онъ окончилъ съ величайшею заботливостью книгу о живописи и о движеніяхъ человѣка. Да-Винчи начинаетъ съ наблюденій и измѣреній чисто антропометрическаго характера и въ этомъ отношеніи является, можно сказать, основателемъ ученій, разработанныхъ весьма недавно, съ юридически-полицейскими цѣлями, практическою антропометріею. Онъ находитъ весьма точно всевозможныя пропорціи въ частяхъ человѣческаго тѣла и старается установить, изучая множество человѣческихъ фигуръ, тѣ пропорціи, которыя обязательны въ нормальномъ тѣлѣ. Въ виндзорской рукописи, относящейся къ 1489 году, мы находимъ указанія и рисунки, свидѣтельствующіе о томъ, что да-Винчи уже тогда занимался анатоміей совершенно такъ же, какъ ею занимаются нынѣ, то-есть, методически и многократно разсѣкая трупы и ихъ части,—то для изученія мускуловъ, то для изученія кровеносныхъ сосудовъ,

внутренностей, и т. д. Онъ со страстью профессіональнаго анатома предавался занятіямъ анатоміею, притомъ не книжною, арабско-греческою, а анатоміей надъ трупами, со скальпелемъ въ рукахъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о ночахъ, проведенныхъ имъ среди труповъ! „Ты проникнуть любовью къ этой наукѣ, — говоритъ онъ, — но, можетъ быть, тебѣ отвращеніе помѣшаетъ заниматься анатоміей? Если тебѣ въ томъ не помѣшаетъ отвращеніе, то, можетъ быть, ты станешь бояться проводить ночи напролетъ въ обществѣ четвертованныхъ, ободранныхъ и на видъ столь страшныхъ мертвецовъ? Положимъ, что ты станешь выше этой боязни; но не почувствуешь ли ты, что ты не въ состояніи точно нарисовать то, что̀ желаешь описать? Если съумѣешь нарисовать то, что̀ видишь, и если въ твоей власти будетъ также перспектива, то ты, можетъ быть, остановишься передъ геометрическими доказательствами и вычисленіями силы мускуловъ. Наконецъ, у тебя можетъ не хватить терпѣнія, этого необходимѣйшаго условія для точности работы. Обладалъ ли я самъ всѣми этими свойствами, или нѣтъ, о томъ засвидѣтельствуютъ сто-двадцать книгъ, которыя я написалъ по предмету анатоміи, не встрѣчая къ тому препятствій ни въ корыстолюбіи, ни въ оплошностяхъ разнаго рода, и страдая только недостаткомъ времени“... Что̀ да-Винчи разумѣлъ подъ ста-двадцатью книгами, посвященными анатоміи,—неизвѣстно. Теперь, кажется, существуютъ только четыре или пять тетрадей, посвященныхъ анатомическимъ вопросамъ.

Да-Винчи изучалъ женскіе органы, человѣческій зародышъ и его развитіе, а также „промежутокъ времени, протекающій отъ одной ступени его развитія до другой“, т.-е. эмбріологію. Онъ также изучалъ ростъ человѣка, костную, мускульную, нервную системы, жилы, сухожилія, внутренности. Его не только какъ художника и психолога занимали перемѣщенія мускуловъ при радости, горѣ, гнѣвѣ, ужасѣ, смѣхѣ, крикѣ, плачѣ, бѣганіи, ходьбѣ, прыганіи, ударѣ, несеніи тяжестей, при исполненіи той или иной механической работы. Хотя онъ и не завершилъ своихъ, почти тридцатилѣтнихъ, трудовъ по анатоміи изготовленіемъ одного систематическаго сочиненія по этому предмету, но мы въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ находимъ даже отдѣльныя главы этого труда съ чисто-анатомическими рисунками. Эти послѣдніе не только для того, но и для настоящаго времени и научно-вѣрны, и художественно исполнены.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ рукописи да-Винчи, показывающее до какой степени подобные люди могутъ быть въ то же

время и геніальными спеціалистами въ разныхъ областяхъ знанія: „Если ты скажешь, что лучше видѣть, *какъ* анатомируютъ, чѣмъ разсматривать предлагаемые мною рисунки, то ты скажешь правду. Но, къ сожалѣнію, невозможно на одномъ и томъ же трупѣ видѣть все то, что тебѣ могутъ показать подобные рисунки. Какимъ бы ты способнымъ человѣкомъ ни былъ, ты увидишь и узнаешь лишь нѣсколько жилъ; для того же, чтобы получить объ этихъ жилахъ вѣрное и полное знаніе, ты долженъ будешь разсѣчь, подобно мнѣ, болѣе десяти человѣческихъ труповъ, разрушивъ всѣ остальныя части, расщепивъ всѣ мускулы, которые окружаютъ эти жилы, до самыхъ послѣднихъ ихъ элементовъ, и не проливъ при этомъ иной крови, кромѣ той, которая находится въ едва видныхъ капиллярныхъ жилкахъ. Одинъ трупъ не могъ мнѣ служить во все время моего изслѣдованія, и мнѣ пришлось идти постепенно впередъ съ помощью разсѣченія столькихъ труповъ, сколько ихъ требовалось для полнаго уразумѣнія дѣла. Кромѣ того, я долженъ былъ продѣлать всѣ наблюденія по два раза для того, чтобы усмотрѣть различныя уклоненія“...

Въ области сравнительной анатоміи Леонардо да-Винчи является предтечею науки XIX столѣтія. Онъ первый обратилъ вниманіе на тѣ аналогіи, которыя существуютъ между соотвѣтственными органами у разныхъ животныхъ, принадлежащихъ „какъ бы къ одному виду“ (quasi di simile spetie): между органами человѣка, обезьяны и животныхъ четвероногихъ. Въ своихъ сближеніяхъ этого рода онъ идетъ такъ далеко, что склоняется даже причислить человѣка къ классу четвероногихъ, считаетъ крылья птицы и руки человѣка органами соотвѣтственными и даже утверждаетъ слѣдующее: „мускулы, нервы и одинаковые члены разныхъ животныхъ отличаются другъ отъ друга только длиною и толщиною своею, какъ это будетъ показано въ анатоміи“ (рукоп. G). Этими и другими своими взглядами сравнительно-анатомическаго содержанія да-Винчи, еще въ началѣ XVI в., разрываетъ всѣ связи съ наивно-схоластическими взглядами и измышленіями его времени и переходитъ къ философско-анатомическимъ концепціямъ и воззрѣніямъ, въ основу которыхъ у натуралистовъ нашего вѣка легла идея эволюціи. Даже въ своей „Лэдѣ“—Леонардо да-Винчи изображаетъ Діоскуровъ и лебедя такъ, что Тэнъ, въ своемъ сопоставленіи „Лэдъ“ у да-Винчи, Микель-Анджело и Корреджіо,— сопоставленіи, приводимомъ Тэномъ для охарактеризованія того, какъ трудно отдать преимущество тому или другому произведенію искусства,— говоритъ о „Лэдѣ“ да-Винчи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Лэда у него стоитъ

стыдливая, опустивъ глаза, и гибкія, извивающіяся линіи ея тѣла проникнуты высокимъ утонченнымъ изяществомъ; какъ настоящій супругъ, лебедь своимъ крыломъ почти по-человѣчески обнимаетъ ее, а маленькіе близнецы, вылупливающіеся изъ яйца, стоятъ подлѣ и глядятъ какъ-то особенно, по-птичьи скосивъ глаза. Тайна первобытныхъ временъ, родство человѣка съ животнымъ, смутное философско-языческое чутье единой и всемірной жизни нигдѣ не выражались съ такимъ художественнымъ вкусомъ и не обнаруживали такого вѣщаго прозрѣнія будущихъ теорій, какое обнаружилъ этотъ проницательный и всеобъемлющій геній" (ср. стр. 138 русскаго перевода „Чтеній объ искусствѣ", М. 1874).

Весьма охотно обращаясь къ точкамъ зрѣнія механики во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта, по мнѣнію да-Винчи, „царица наукъ" могла быть ему полезна, онъ, конечно, не могъ не обратить вниманія на механику членовъ человѣческаго организма, которую онъ свелъ, гдѣ это только было возможно, къ рычагамъ, приводимымъ въ движеніе мускулами. Онъ считаетъ прямо необходимымъ, чтобы анатомъ владѣлъ „способами геометрическаго доказательства и вычисленія силы мускуловъ". Онъ такимъ образомъ является отчасти предшественникомъ творца такъ-называемой „іатроматематической" медицинской школы, Джіованни Борелли (1608—1679), считавшаго механику и физику основою анатоміи, а также предшественникомъ идей современнаго англійскаго анатома и физіолога Джемса Петтигрью, французскаго физіолога Этьенна Марэ (Marey) и другихъ сторонниковъ механическихъ взглядовъ въ области анатоміи. Леонардо да-Винчи говоритъ въ рукописи „о полетѣ птицъ" слѣдующее: „Наука объ инструментахъ, или механика, весьма благородна и, сверхъ того, весьма полезна для другихъ наукъ потому, что всѣ одушевленныя тѣла, которыя способны двигаться, совершаютъ всѣ доступныя имъ движенія въ зависимости отъ положенія ихъ центра тяжести, который помѣщается въ срединѣ или внѣ ихъ, и въ зависимости отъ того—бѣденъ ли онъ или богатъ мускулами, рычагами и сопротивленіемъ".

Мечтою жизни да-Винчи былъ, между прочимъ, летательный аппаратъ. Но эта мечта привела его только къ изученію анатоміи птицъ, изслѣдованію свойствъ воздуха и уразумѣнію механики полета. Методъ этого изученія поразителенъ, какъ яркое доказательство способности да-Винчи къ точному естественно-научному расчлененію даннаго явленія природы. Онъ изучаетъ тѣла, подымающіяся въ воздухѣ безъ вѣтра, тѣла, подымаемыя

вѣтромъ, самый вѣтеръ, движенія тѣлъ въ водѣ, самое явленіе поднятія, анатомію крыла, лишеннаго перьевъ, крыла, снабженнаго перьями, лишенными бородки, сгущеніе и разрѣженіе воздуха подъ давленіемъ, вліяніе упругости пера, такъ называемое „пареніе птицы", невидимую вибрацію крыла, и т. д.

Въ вопросахъ физіологіи Леонардо да-Винчи также стоялъ выше своихъ современниковъ. Онъ утверждалъ, что „тѣло всякаго принимающаго пищу существа безпрестанно умираетъ и возрождается", хотя нѣтъ пока никакихъ положительныхъ данныхъ для уразумѣнія того, какъ именно онъ представлялъ себѣ этотъ процессъ. Онъ зналъ, что „сердце весьма могущественный мускулъ"... Леонардо очень многое знаетъ также и изъ области нервной физіологіи, точно формулируетъ сущность рефлекторныхъ движеній, превосходно изучаетъ глазъ и его функцію, сближаетъ, ранѣе Кардана, глазъ съ камерой-обскурой, уясняетъ себѣ значеніе не только зрачка, но и хрусталика (рукоп. D); ранѣе изобрѣтенія стереоскопа онъ уясняетъ себѣ роль бинокулярнаго зрѣнія при воспріятіи рельефа тѣлъ, отмѣчаетъ расширеніе и съуженіе зрачка, а также условія этихъ явленій. Онъ знаетъ даже многіе факты, если можно такъ выразиться, „психологіи зрѣнія", напр., вліяніе окружающихъ предметовъ на сужденіе о величинѣ одного изъ нихъ (рукоп. I), а также явленіе сохраненія глазомъ впечатлѣнія на нѣкоторое время, и т. п.

Математикою да-Винчи занимался, судя по дошедшимъ до насъ показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, особенно усердно. Не только Лука ди-Борго, но и Фра-Піетро ди-Нуволарія, крайне несочувственно о томъ свидѣтельствуютъ. Послѣдній, въ отвѣтъ на просьбу герцогини Изабеллы Гонзаго, пишетъ, по поводу ея желанія пріобрѣсти нѣкоторыя работы кисти да-Винчи, между прочимъ, слѣдующее: „что касается жизни Леонардо, то она весьма и весьма разнообразна и прихотлива (varial indeterminata forte), такъ что можно сказать, онъ живетъ изо дня въ день (à giornata)... Онъ сильно предается занятіямъ геометріей, весьма неохотно обращаясь къ кисти" (impacientissimo al penello). Въ сочиненіяхъ по исторіи математики да-Винчи отводится довольно скромное мѣсто. Но это не мѣшаетъ ему, много ранѣе Декарта, смотрѣть на математику съ довольно вѣрной методологической точки зрѣнія. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на могущественное орудіе не только для выраженія количественныхъ отношеній, но и законовъ природы. Такъ, напр., въ рукоп. К читаемъ слова, напоминающія собою взгляды Платона и Пиѳагора: „пропорціи мы нахо-

димъ не только въ числахъ и мѣрахъ, но также въ звукахъ, вѣсахъ, времени и пространствахъ и во всякихъ свойствахъ, каковы бы они ни были". Въ третьей Виндзорской рукописи по предмету анатоміи читаемъ: „кто изрекаетъ хулу на математику и ея высшую достовѣрность, тотъ сбивается съ настоящей дороги и никогда не освободится отъ противорѣчій разныхъ софистическихъ наукъ, не производящихъ ничего, кромѣ вѣчнаго шума (uno eterno gridore)". Въ „трактатѣ о живописи" встрѣчаются еще болѣе знаменательныя слова: „никакое человѣческое изысканіе не можетъ называться наукою, если оно не прошло сквозь систему математическихъ доказательствъ". Это мѣсто напоминаетъ слова и взгляды философа Канта въ его „Метафизическихъ основаніяхъ естествознанія": „я утверждаю, что во всякомъ частномъ естественно-научномъ знаніи можно найти лишь столько *дѣйствительной* науки (eigentliche Wissenschaft), сколько въ немъ можно найти *математики*". Очевидно, да-Винчи хорошо понималъ силу дедуктивнаго метода,—онъ считаетъ опытъ основою также и математики, но разъ уже математика дана, онъ ее считаетъ основою множества практическихъ знаній, изъ нея какъ бы вытекающихъ. „Тѣ, которые со страстью предаются только одной практикѣ безъ науки, подобны мореплавателю, отправляющемуся въ плаванье безъ руля и буссоля: они не могутъ достовѣрно знать, куда идутъ. Всегда практика должна быть построена на хорошей теоріи" (рукоп. G). „Изучи предварительно науку, затѣмъ займись той практикою, которая порождается этой наукой". Въ рукописи F, да-Винчи отмѣчаетъ для памяти: „когда ты (у да-Винчи это обычная форма обращенія къ самому себѣ) изложишь науку о движеніяхъ воды, вспомни—подъ каждымъ предложеніемъ привести практическія ея примѣненія въ виду того, что подобная наука весьма небезполезна".

IV.

Леонардо да-Винчи, какъ личность.

Многосторонность да-Винчи поражаетъ въ наше время преимущественно потому, что нашъ вѣкъ характеризуется спеціализаціей занятій и умственной работы его представителей. Не такова была вообще эпоха итальянскаго возрожденія. Въ XV и XVI столѣтіяхъ рѣдкая біографія сколько-нибудь выдающагося человѣка того времени не заключаетъ въ себѣ указаній на его

многосторонность, далеко выходящую за предѣлы дилеттантизма: купцы, государственные люди, представители разнообразнѣйшихъ профессій нерѣдко владѣли древними языками, бойкимъ стихомъ, художественными вкусами; ремесленники иногда доходили, въ смежныхъ съ ихъ ремесломъ отрасляхъ техники, до высшихъ степеней художественнаго совершенства; женщины получали иногда весьма тщательное и многостороннее, гуманитарное и художественное образованіе; дѣтей воспитывали физически, умственно и эстетически. Примѣромъ чрезвычайной многосторонности, кромѣ извѣстнаго Джіованни Пико делла-Мирандола, можетъ служить сравнительно мало извѣстный Леонбаттиста Альберти (1404—1472), главнѣйшая заслуга котораго передъ итальянскою литературою заключается въ томъ, что онъ первый рѣшился дать народному тосканскому нарѣчію права литературнаго языка и такимъ образомъ замѣнить имъ латинскій языкъ. Съ ранняго дѣтства Леонбаттиста вездѣ былъ первымъ: о его гимнастическихъ и атлетическихъ способностяхъ разсказываютъ чудеса, онъ прыгалъ выше своего роста безъ разбѣга и укрощалъ самыхъ дикихъ лошадей; музыкѣ онъ научился безъ помощи руководителя, и сочинилъ нѣсколько музыкальныхъ произведеній, приводившихъ въ восторгъ знатоковъ музыки; онъ былъ юристомъ, физикомъ, писалъ сходные съ оригиналомъ портреты, по памяти превосходно лѣпилъ, устроилъ удивительную панораму астрономическо-метеорологическаго содержанія... „И все же,—добавляетъ Буркгардтъ въ своей характеристикѣ Леонбаттисты Альберти и другихъ подобныхъ людей той эпохи,—Альберти относится къ Леонардо да-Винчи такъ, какъ начинающій относится къ мастеру, какъ дилеттантъ относится къ знатоку своего дѣла". Сила и тайна генія да-Винчи заключается главнымъ образомъ въ дѣятельной и безусловной любви къ правдѣ, въ неодолимой потребности неустаннаго творчества, въ ясности и смѣлости взгляда, въ наклонности къ постоянному философскому обобщенію.

„Ложь настолько презрѣнна,—говоритъ да-Винчи въ своей рукописи „о полетѣ птицъ",—что если она и хорошо говоритъ о возвышенныхъ и божественныхъ предметахъ, то тогда она только лишаетъ тѣмъ божественное его прелести. Истина же настолько превосходна, что если она хвалитъ даже низкія вещи, то она облагораживаетъ ихъ. Безъ сомнѣнія, существуетъ такая же пропорція (tal proporzione) между правдой и ложью, какъ между свѣтомъ и тьмою, и истина настолько превосходна, что, касаясь предметовъ обыденныхъ и низменныхъ, она все-таки безъ сравненія выше заблужденій и лжи, касающихся вещей возвышен-

ныхъ и благородныхъ. Еслибы ложь для человѣческаго ума была даже пятою стихіею, то и тогда истина все-таки оставалась бы наилучшею пищею для людей съ тонкимъ умомъ, а ложь—для людей съ безпутнымъ мышленіемъ (vagabondi ingegni)". На поляхъ той же рукописи въ этомъ мѣстѣ приписано рукою да-Винчи еще слѣдующее: „но, конечно, если ты живешь разными сновидѣніями, то софистическія разсужденія и увертки всякихъ болтуновъ относительно возвышенныхъ и туманныхъ предметовъ тебѣ болѣе пріятны, чѣмъ достовѣрныя и естественныя разсужденія о вещахъ, не столь возвышенныхъ" („Codice sul volo deglinccelli", стр. 12 оригинала, 100 транскрипціи). Эта точка зрѣнія не уступитъ той практической, которую провозгласилъ Гёте, говоря: „я предпочитаю вредную истину полезному заблужденію: истина исцѣляетъ то страданіе, которое она же, можетъ быть, причинила".

Да-Винчи былъ чрезвычайно кротокъ и незлобивъ. „Однажды,—разсказываетъ Анонимъ,—когда Леонардо, въ сопровожденіи да-Гавины, проходилъ близь лавки Спини, у церкви св. Троицы, нѣсколько знатныхъ людей стояли здѣсь и разговаривали о какомъ-то мѣстѣ изъ Данта. Увидѣвъ Леонардо, они попросили его подойти и дать имъ объясненіе этого мѣста. Въ то же время здѣсь случайно проходилъ Микель-Анджело; его тоже попросили подойти, и Леонардо сказалъ: „вотъ Микель-Анджело,—онъ вамъ это объяснитъ"!—Послѣдній подумалъ, что тотъ желаетъ посмѣяться надъ нимъ, и рѣзко отвѣтилъ: „объясни это самъ! ты вѣдь сдѣлалъ модель лошади, которую не въ состояніи выполнить, и ты постыдно бросилъ ее на произволъ судьбы". Микель-Анджело при этомъ отвернулся и, съ явною цѣлью оскорбить Леонардо, добавилъ: „и которую тебѣ довѣрили сдѣлать эти миланцы-лицемѣры!".. Да-Винчи считали миланцемъ... Еслибы что-нибудь подобное кто-либо сказалъ самому Микель-Анджело, то послѣдній, конечно, отплатилъ бы обидчику еще болѣе язвительнымъ и острымъ словомъ; Бенвенуто Челлини, вѣроятно, дошелъ бы до драки и, вѣруя, что его рукою Провидѣніе наказываетъ виновныхъ и нечестивцевъ, можетъ быть, даже присоединилъ бы, въ запальчивости своей, къ совершоннымъ имъ уже ранѣе подвигамъ мщенія еще одно убійство. Леонардо же ограничился тѣмъ, что примѣнилъ выработанное имъ правило, по которому обидчику надо отвѣчать только терпѣніемъ. „Терпѣніе,—говорится въ его атлантической рукописи,—такъ же защищаетъ отъ обидъ, какъ одежда отъ холода: одѣнься получше, и холодъ, какъ бы онъ ни увеличился, не будетъ въ состояніи тебя донять; рав-

нымъ образомъ, чѣмъ болѣе нанесенная тебѣ обида, тѣмъ сильнѣе увеличь свое терпѣніе, и она не будетъ въ состояніи добраться до души твоей"... Въ отношеніи друзей, учениковъ и слугъ, да-Винчи дѣйствовалъ съ чрезвычайной добротою, щедростью и благодушіемъ. Вольнодумство сильно повредило да-Винчи въ глазахъ его біографовъ, принявшихъ сужденія Вазари о нравственномъ характерѣ да-Винчи. Впрочемъ, изъ просвѣщенныхъ людей XV вѣка многіе гуманисты были довольно индифферентны въ вопросахъ религіозныхъ, хотя, конечно, не всѣ осмѣливались такъ рѣзко формулировать свои раціоналистическіе взгляды.

Но въ сравненіи съ поверхностнымъ свободомысліемъ того времени, раціонализмъ да-Винчи былъ болѣе основателенъ и болѣе сдержанъ, насколько можно объ этомъ судить по извѣстнымъ небольшимъ замѣткамъ подобнаго содержанія, цитируемымъ изъ его рукописей въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, ему посвященныхъ. Да-Винчи только мимоходомъ касается того или иного схоластико-богословскаго вопроса, отвергаетъ возможность разрѣшить его и переходитъ къ очереднымъ художественнымъ, техническимъ, научнымъ и этическимъ вопросамъ. Не только завѣщаніе да-Винчи, но и приказъ его относительно всего того, чѣмъ надо обставить его похороны, доказываютъ, что обвиненіе его въ полномъ атеизмѣ было неосновательно. Многаго, противъ чего Лютеръ возставалъ и чтò свободомыслящіе XV-го вѣка критиковали, да-Винчи едва касался тонкой насмѣшкой. Иногда онъ въ видѣ невинныхъ, казалось бы, „пророчествъ" говорилъ о явленіяхъ современной ему жизни католическаго духовенства, какъ будто не замѣчая, что его „пророчества"—давно свершившійся фактъ. Такъ, напр., онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ „будущее торжество" католическаго духовенства: „множество людей перестанутъ трудиться и работать, оставятъ заботы о житейскихъ благахъ, злобу дня и всю суету жизни, предадутся величайшей роскоши, поселятся въ великолѣпнѣйшихъ дворцахъ и при этомъ будутъ вполнѣ увѣрены, что такая жизнь—единственное средство для угожденія Богу"...

Что касается политическаго индифферентизма, въ которомъ обвиняютъ да-Винчи, то это было результатомъ всего, чтò совершалось тогда въ Италіи.

Мелкія частныя войны не затрогивали общихъ интересовъ и велись руками наемниковъ; сами итальянцы слишкомъ дорожили своею изящно-обставленною жизнью, чтобъ рисковать ею. Кажущееся изобиліе политическихъ событій не можетъ прикрыть

7*

равнодушія, съ которымъ большинство интеллигенціи относилось къ такимъ важнымъ принципамъ, какъ самоуправленіе; теперь не могло быть и рѣчи о такой энергической борьбѣ партій, какую переживалъ Данте и его современники, о такой любви къ славѣ и свободѣ, какая воодушевляла Ріенци и его друзей. „Прежде борьба фамилій переходила въ борьбу принциповъ, теперь, наоборотъ, масса городского населенія оставляла безъ поддержки людей, рисковавшихъ всѣмъ для сверженія тирановъ, если только эти тираны умѣли доставлять ему эстетическія наслажденія и поддерживали искусство и литературу" („Ист. всеобщей литературы" Корша и Кирпичникова, 7, IV, ст. 239). При такихъ условіяхъ да-Винчи не имѣлъ сколько-нибудь надежной арены для политической дѣятельности, и онъ поэтому предпочиталъ,—чего ему не могъ простить Микель-Анджело,—лелѣять въ душѣ своей почти исключительно общественно-нравственные идеалы, а отнюдь не идеалы богословскіе или политическіе...

Да-Винчи, по мнѣнію Тэна, былъ „преждевременнымъ изобрѣтателемъ идей, интересующихъ новѣйшее время, всеобъемлющимъ и утонченнымъ геніемъ, одинокимъ и ненасытнымъ искателемъ новыхъ путей, заходящимъ въ своихъ прозрѣніяхъ за предѣлы своей эпохи и идущимъ на встрѣчу нашей" („Чтенія объ искусствѣ"). Да-Винчи мечталъ о „благоденствіи народовъ", о подчиненіи человѣку всей природы, и понятно, что ни Дантовъ „Адъ", ни учиняемыя, по требованію Савонаролы, ауто-да-фе надъ книгами и произведеніями искусства, ни неизбѣжныя тогда формы политической жизни Италіи, не могли его ни радовать, ни огорчать, ни разогрѣть до того, чтобы привлечь его къ политической дѣятельности, преисполненной условій, для да-Винчи несимпатичныхъ. У него, какъ и у многихъ людей, живущихъ въ неблагопріятныя для политической дѣятельности эпохи, не было отзывчиваго и чувствительнаго, если можно такъ сказать, органа политическаго чувства, и поэтому онъ къ политической жизни своего времени остался равнодушенъ и не могъ смотрѣть на философію ея съ точки зрѣнія флорентинскихъ, миланскихъ или даже общеитальянскихъ интересовъ. Онъ былъ космополитомъ, и его манили даль и перспективы, недоступныя даже для такого генія, какъ Микель-Анджело...

Какъ да-Винчи смотрѣлъ вообще на страсти и на инстинкты животной природы человѣка? „Кто не обуздываетъ, — говоритъ онъ,—своихъ вожделѣній, тотъ унижаетъ себя до ступени животнаго", и этимъ онъ весьма ясно обрисовываетъ свой нравственно-

здоровый идеализмъ, не совпадающій ни съ мистическимъ аскетизмомъ, чуждымъ ему какъ и всякому типичному итальянцу и вполнѣ здоровому человѣку, ни съ грубымъ эпикуреизмомъ и предоставленіемъ человѣческой природы однимъ лишь животнымъ вожделѣніямъ и инстинктамъ (рукоп. H). Интересно то, какъ съ нравственной точки зрѣнія онъ смотритъ даже и на анатомическое строеніе человѣческаго организма, говоря во второй части „Виндзорской рукописи", по поводу „превосходнаго" устройства человѣческаго организма, слѣдующія важныя для характеристики его нравственныхъ идеаловъ слова: „Мнѣ не кажется, чтобы люди грубые, съ низменными привычками и съ малымъ разумѣніемъ заслуживали обладанія такимъ превосходнымъ организмомъ, какъ человѣческій, и такою совокупностью разнообразныхъ аппаратовъ, какая умѣстна только для людей мыслящихъ и съ значительнымъ разумѣніемъ. Первымъ достаточно было бы обладать мѣшкомъ для собиранія и изверженія пищи, потому что они представляютъ собою только дорогу для нея (un transito di cibo) и принадлежатъ къ роду человѣческому лишь благодаря своей рѣчи и фигурѣ, на самомъ же дѣлѣ будучи ниже животныхъ". Въ другой рукописи, принадлежащей Соуткенсингтонскому музею, онъ ту же мысль выражаетъ еще рѣзче и съ добавленіемъ такого рода, что Сеайль (стр. 332) отказался отъ перевода ея и привелъ только итальянскій текстъ. Въ познаніи истины онъ видитъ средство къ нравственному усовершенствованію, находя, что „слѣпое невѣжество совлекаетъ насъ съ истиннаго пути, благодаря грубымъ радостямъ жизни, — con effetto di lascivi sollazzi" (Туринская рукопись). Въ „Атлантической рукописи" онъ формулируетъ необходимость истиннаго познанія вещей и человѣка слѣдующимъ образомъ: „Пріобрѣтенное въ юности предупреждаетъ бѣдствія въ старости, и если ты только понимаешь, что старости питаніе — мудрость, то и веди себя такимъ образомъ, чтобы на старости лѣтъ не пришлось нуждаться въ этой пищѣ"... Чувство безъ разумѣнія да-Винчи не считаетъ для человѣка приличнымъ и полезнымъ: „больше чувства, больше мученичества, великаго мученичества" („Трактатъ о живописи"). Одну любовь къ чему бы то ни было безъ стремленія къ познанію предмета любви онъ считаетъ недостаточною, и эта мысль повторяется у него во многихъ варіантахъ. Въ „Атлантической рукописи", напримѣръ, читаемъ: „ничего нельзя искренно любить или ненавидѣть, если совсѣмъ не знаешь того, что̀ ты любишь или ненавидишь; любовь къ предмету—дочь познанія этого предмета; чѣмъ знаніе болѣе достовѣрно, тѣмъ любовь горячѣе".

Весьма интересенъ взглядъ да-Винчи на любовь лицъ разнаго пола, но для уразумѣнія этого взгляда надо припомнить, что да-Винчи, отецъ эмпиризма въ философіи, считаетъ однакоже душу какъ бы формовщицей тѣла. Въ разныхъ его рукописяхъ мы находимъ указаніе на то, что „душа управляетъ тѣломъ“, „что она зиждительница его“; подъ этимъ да-Винчи разумѣетъ, что душевныя движенія вліяютъ на тѣло иногда облагораживающимъ, иногда прямо противоположнымъ образомъ, смотря по тому, какихъ движеній душѣ приходилось переживать больше: благородныхъ или низкихъ. Зная эту сторону міросозерцанія да-Винчи, весьма ярко отмѣченную въ его „Трактатѣ о живописи“, мы легко поймемъ слѣдующее мѣсто „Атлантической рукописи“: „Если душа человѣка встрѣчаетъ другого, по тѣлу котораго она судитъ о создавшей его душѣ и о сходствѣ своемъ съ душою другого человѣка, она начинаетъ чувствовать любовь, влюбляется, и въ этомъ кроется та причина, что многіе любятъ и берутъ себѣ въ жены женщинъ, на нихъ похожихъ, и что даже самая некрасивая женщина можетъ встрѣтить человѣка, которому она понравится“, и т. д.

Трудъ и творчество у да-Винчи являются не только обязанностью и результатомъ необходимости, но также источникомъ чистой совѣсти и истиннаго счастья. Не менѣе возвышенна, при всей своей простотѣ, не менѣе свободна отъ мистицизма и преисполнена истинной мудрости та точка зрѣнія, которую вовсе не сантиментальный да-Винчи устанавливаетъ на жизнь и смерть; послѣднюю этотъ человѣкъ труда и сознательной жизни сдѣлалъ краеугольнымъ камнемъ своего существованія: „Какъ хорошо употребленный день,—говоритъ онъ,—дѣлаетъ для насъ возможною радость хорошаго сна, такъ и жизнь, надлежащимъ образомъ нами употребленная, подготовляетъ насъ къ радости смерти (da lieto morire)“. Этою послѣднею радостью проникнуты и его завѣщаніе, и послѣдніе дни его жизни: они не порадовали его ни внѣшними успѣхами, ни приведеніемъ въ исполненіе какихъ-либо плановъ его, ни радостями семейными, но „радости смерти“ они, конечно, помѣшать не могли. Онъ имѣлъ полное нравственное право признать, что его жизнь имъ употреблена надлежащимъ образомъ...

Несомнѣнно, художественно-эстетическіе идеалы да-Винчи многосторонне и сильно повліяли на искусства, а также разработаны величайшими художниками слѣдующихъ за нимъ вѣковъ. Раціонализмъ да-Винчи, вмѣстѣ съ раціоналистическимъ направленіемъ мышленія многихъ людей той эпохи, получилъ дальнѣйшее раз-

витіе свое, конечно, въ XVIII и XIX вѣкахъ и, вѣроятно, заканчалъ весь циклъ своего развитія; такъ что то, что этотъ раціонализмъ могъ дать полезнаго человѣчеству, имъ, вѣроятно, уже дано. Далѣе: науки, конечно, дали человѣчеству безчисленные дары, хотя, по мнѣнію Брюнетьера, сами дошли будто бы до банкротства, не давъ ему всяческаго благополучія—матеріальнаго и нравственнаго... Какъ бы то ни было, научные идеалы да-Винчи нашли болѣе или менѣе совершенное воплощеніе въ развитіи точнаго знанія въ XVIII и особенно въ XIX столѣтіяхъ: математика, физика, химія, астрономія и біологія достигли такого развитія, о которомъ даже да-Винчи наврядъ ли былъ въ состояніи мечтать. То же справедливо относительно техники и промышленности, и вообще относительно подчиненія возможно бо̀льшаго количества силъ природы человѣческому знанію и волѣ.

С. Шохоръ-Троцкій.

МИТЮХА—УЧИТЕЛЬ

ОЧЕРКЪ.

I.

...Зеленая, безграничная степь... надъ степью гуляетъ вѣтеръ, несутся облака... трава шумитъ—чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!.. Три казака верхами, скачутъ, ныряя въ травѣ... надъ ними вьется вольный степной орелъ...

...А вотъ Запорожская Сѣчь. Запорожецъ раскинулся посреди дороги—спитъ... Три казака остановились надъ нимъ—любуются... Экій просторъ! Экая воля! Набѣги, сраженья, разгулъ; веселые казацкіе пиры; суровая казацкая рада...

...Осажденный городъ... Жители мрутъ отъ голода, а за стѣнами бушуютъ запорожцы. Вотъ молодой казакъ, тайкомъ отъ своихъ, пробирается черезъ подземелье съ мѣшкомъ хлѣба. Тамъ, въ городѣ, ждетъ его красавица-панна... Какъ не забыть о грозномъ отцѣ, о Сѣчи, о казацкой чести? И онъ все забылъ, все отдалъ за любовь красавицы-панны...

...А вотъ и отецъ... Грозный, суровый и печальный стоитъ онъ надъ тѣломъ убитаго сына. Ружье его еще дымится... Сѣдой усъ дрожитъ... „И чѣмъ былъ не казакъ?..“

— Митюха, а Митюха? Митрій! Тебѣ я говорю, аль нѣтъ? Это ты что же такое? Надоть лошадей поить, а ты опять съ книжкой?

Митрій поднимаетъ голову и тупо глядитъ передъ собою. Голова его все еще полна чуждыхъ дѣйствительности образовъ и картинъ, и онъ долго не можетъ сообразить, что онъ не въ Запорожьѣ, а у себя дома, на дворѣ, подъ застрѣхой, и что

надъ нимъ стоитъ не грозный Тарасъ съ винтовкой въ рукѣ, а его собственный отецъ, Иванъ Жилинъ, съ длинной хворостиной, выдернутой изъ плетня.

— Ну... чего вылупился? Ай очумѣлъ? —сердито говоритъ отецъ, чувствуя непреодолимую потребность пустить въ дѣло хворостину.—О, Господи, такъ бы вотъ... Возьму вотъ, да и вытяну... не погляжу, что женатый... Ужъ подожди ты у меня,— ужъ пожгу я твои книжки дурацкія, право-слово пожгу!

Митрій, наконецъ, приходитъ въ себя и медленно вылѣзаетъ изъ-подъ застрѣхи, гдѣ ему такъ славно было лежать на животѣ и читать. Знакомое тоскливое чувство начинаетъ сосать ему сердце.

— Да чего надо-то?—спрашиваетъ онъ, запрятывая книжку поглубже въ карманъ.

— Чего? Зачитался... своего дѣла не знаешь! говорю, лошадей поить пора.

— Пора... гдѣ же пора? — ворчитъ Митрій, недовѣрчиво глядя на солнце.—Ишь, солнце-то еще гдѣ...

— Вотъ я тебѣ дамъ солнце...

Но Митрій больше уже не возражалъ,—онъ по опыту зналъ, что молчкомъ скорѣе отдѣлаешься,—и со вздохомъ покорно пошелъ исполнять приказаніе отца, хотя въ душѣ убѣжденъ былъ, что поить лошадей еще не слѣдовало. „Нарочно вѣдь выдумалъ, ей Богу!—съ горечью думалъ онъ.—Увидалъ, что я съ книжкой, вотъ и выдумалъ. Эхъ ты, Господи! И что я ему мѣшаю? Ну, кабы я лѣнился, аль отъ дѣла отлынивалъ, а то вѣдь нѣтъ! Дочитать не далъ... а дальше-то, должно, еще лучше будетъ“.—„И чѣмъ былъ не казакъ?“ вспомнилось ему, и передъ глазами, какъ живые, встали—суровый Тарасъ, красавица-панна, задумчивый, восторженный Андрій. „И за что убилъ? Жалко Андрія... хорошій былъ парень, душа-человѣкъ... И панну жалко... то-то, небось, сердечная, ждала, убивалась!.. Нѣтъ, видно, отцы-то, всѣ они такіе! Имъ бы все на свой салтыкъ, а того не думаютъ, каково дѣтямъ“...

Онъ подошелъ къ лошадямъ, мирно жевавшимъ траву, и сталъ ихъ отвязывать. Лошадей было двѣ—Чалый и Васька-рыжій. Чалаго Митрій любилъ; это была добрая, работящая лошадь съ большими кроткими глазами и уступчивымъ нравомъ. Она всегда безпрекословно лѣзла въ хомутъ и въ запряжкѣ тянулась изо всѣхъ силъ, какъ бы сознавая всю неизбѣжность своей судьбы; когда же ее выпрягали и ставили на кормъ, она помѣщалась у самаго краешка и спокойно принималась за свою порцію, не

залѣзая въ чужую. А Васька-рыжій—это былъ сущій подлецъ, и Митрій совершенно серьезно съ нимъ враждовалъ и ненавидѣлъ его отъ всей души. Онъ—не то что Чалый съ своимъ открытымъ честнымъ взглядомъ; онъ никогда не глядѣлъ на тебя прямо, а все косился и подрягивалъ ушами, словно придумывая, какую бы пакость половчѣе устроить; когда же Митрій велъ его на водопой или заводилъ въ оглобли—Васька такъ и норовитъ исподтишка тяпнуть его за плечо или за ухо. Бѣднягѣ Чалому отъ него просто житья не было: онъ кусалъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, залѣзалъ къ нему въ кормушку и разбрыкивалъ сѣно, а когда они шли вмѣстѣ въ запряжкѣ,—Чалый въ корню,—Васька преднамѣренно распускалъ постромки, увиливалъ въ сторону, и Чалый, пыхтя, всю тяжесть волочилъ на себѣ.

Вотъ и теперь, когда Митрій хотѣлъ надѣть Васькѣ оброть, Васька сейчасъ же сдѣлалъ злодѣйскую попытку поддать задомъ, но убѣдившись, что изъ этого все равно ничего не выйдетъ, онъ только приложилъ уши, оскалился и, сощуривъ глаза, отчего морда его приняла злое и насмѣшливое выраженіе, уставился на Митрія. Митрію показалось даже, что онъ-таки и на самомъ дѣлѣ издѣвается надъ нимъ,—что, молъ, съѣлъ давеча? Дочитался? Вотъ и веди теперь поить...

— У-у... чортъ рыжій!..—не вытерпѣлъ Митрій, выругался и поддалъ Васькѣ кулакомъ подъ губы.

Васька сердито захрапѣлъ, замоталъ головой и, улучивъ минуту, впился зубами Чалому въ ухо. Чалый только закряхтѣлъ и, просовывая морду въ оброть, кротко взглянулъ на Митрія, какъ бы говоря: „что, братъ, скверно намъ съ тобой, а?“

— Ужъ чего и говорить, Чалый, плохо, братъ, обижаютъ насъ съ тобой,—отвѣчалъ Митрій на нѣмой вопросъ четвероногаго друга.

Напоивъ лошадей и поставивъ ихъ на мѣсто, Митрій пошелъ въ избу. Въ избѣ было душно; мухи тучей носились надъ столомъ и назойливо жужжали; по полу бродила насѣдка съ пушистыми желтыми цыплятами, похожими на живыя яйца. Въ углу за станомъ, постукивая бердами, сидѣла мать Митрія, Николавна, молчаливая, сосредоточенная женщина, еще не старая на видъ, а у печи жена Митрія, Домна, ставила хлѣбы. Митрій сѣлъ на лавку и сталъ глядѣть на жену. Она была молода и недурна собой, но въ настоящую минуту казалась и старой, и некрасивой, потому что была не въ духѣ и кромѣ того грязно и неряшливо одѣта. Отрепанная синяя юбка была высоко подтыкана, и изъ-подъ нея выглядывали толстыя ноги въ грязныхъ онучахъ, безо-

бразно обмотанныхъ суконными покромками; веревочныя бродни, облѣпленныя комками навоза, были сбиты на бокъ; платокъ на головѣ съѣхалъ на затылокъ и изъ-подъ него во всѣ стороны торчали спутанные, пыльные волосы, отъ пота слипшіеся въ безобразныя косицы. Голыя руки ея, до локтей, были вымазаны сажей; но Домна, нисколько не смущаясь этимъ обстоятельствомъ, брала изъ мѣшка муку и сыпала ее въ квашню, а иногда вынимала веселку изъ тѣста и обчищала ее пальцами. Митрій замѣтилъ все это, и ему стало непріятно. „Хоть бы руки-то вымыла!" подумалъ онъ и снова брезгливымъ взглядомъ окинулъ жену. „Чистая волоха... небось, и волосъ-то не чешетъ никогда. Вѣдь бываютъ же аккуратныя... а эта вотъ нѣтъ... Ишь ты, ишь ты, что̀ дѣлаетъ!.."

Домна въ эту минуту поскоблила у себя въ головѣ, потомъ поплевала на руки, вытерла ихъ объ юбку и, какъ ни въ чемъ не бывало, полѣзла опять въ мѣшокъ съ мукой.

— Тьфу!—не вытерпѣлъ Митрій и даже глаза зажмурилъ.

Домна обернулась и поглядѣла на мужа. Лицо ея имѣло недовольный надутый видъ.

— Чего ты плюдаешь? — сварливымъ голосомъ закричала она.—Ну чего плюдаешь, а?

— Да смотрѣть на тебя противно, вотъ что̀. Ставишь ты хлѣбы, берешь муку, а руки не вымыла. Ты поглядикось, а?

— Вотъ тебѣ еще чего?—возопила уязвленная до глубины души Домна.—Чего ты суешься куда тебя не просятъ? Какой хозяинъ выискался! Матушка ничего не говоритъ, а онъ на-ка... плюдаетъ!

— Да чего ты орешь-то? Чего ты лаешься?—озадаченный этимъ бурнымъ натискомъ возразилъ Митрій.—Слова ужъ нельзя сказать, сейчасъ лаяться начнетъ, и что это за баба!

— Я не лаюсь, это собака лаетъ! А ты еще, слава Богу, не хозяинъ, плюдаться-то... Зачитался, знать... умъ за разумъ зашелъ! Читатель... тоже!..

— А тебѣ что? Ты свое дѣло знай... умылась бы лучше, а то сажей заросла... словно чумичка...

— Будешь чумичка съ эдакимъ дьяволомъ!—отпарировала Домна, подступая къ мужу и размахивая веселкой. — Ты объ женѣ-то обдумалъ? Платчишка ситцеваго, какой ни на есть, не купилъ женѣ-то.. все на книжки, да на книжки!.. Мало тебя батюшка-то училъ? А туда же—„умойся!" Изъ чего мнѣ аблимантъ-то наводить! Я книжки, небось, не читаю, цѣлый день въ работѣ, какъ лошадь, жировать неколи, наряжаться не во что...

— Не ври, не ври...—перебилъ Митрій расходившуюся супругу.—Люди въ работѣ живутъ, да чистоту соблюдаютъ. Вонъ учителева жена, сама и корову доитъ, и бѣлье стираетъ, и съ курами, и съ свиньями, а погляди-ка на нее—чистота! А ты... тьфу! Глядѣть тошно.

Эти послѣднія слова задѣли Домну за самое живое мѣсто; бабье самолюбіе не могло вынести сравненія съ другой женщиной, и Домна чуть не захлебнулась отъ ярости.

— А, вонъ что? Учительша хороша? — закричала она, не помня себя.—Жена-то, знать, потому плоха и стала? Можетъ, ты не за книжками туда и ходишь? Ужъ не завелъ ли себѣ какую-нибудь?..

И Домна разразилась грубой бранью, честя на чемъ свѣтъ стоитъ и мужа, и воображаемую соперницу. Свекровь, не вмѣшиваясь въ перебранку, продолжала невозмутимо постукивать бердами; сконфуженный Митрій посмотрѣлъ-было на нее, какъ бы ища въ ней поддержки, но встрѣтивъ ея холодный и равнодушный взглядъ, махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ изъ избы.

— И зачѣмъ я съ ней связывался?—думалъ онъ, мучимый угрызеніемъ совѣсти.—Сколько разовъ обѣщался не связываться,— неймется! Экая дура баба... ну, дура! Да и я-то дуракъ. Все равно, говори не говори съ ней, — ничего она не понимаетъ. Чистая колода! Ну и выходитъ одна ругань—больше ничего. Эхъ, ты, Господи!..

Онъ остановился посреди двора, въ раздумьѣ поглядѣлъ на кучи навоза подъ сараемъ, на покосившіеся навѣсы, на гнилую солому во всѣхъ углахъ; поглядѣлъ на себя, на свои стоптанные рваные сапоги, грязную рубаху; корявыя расцарапанныя руки, потомъ вспомнилъ про Андрія, панну... почему-то про учителя и его жену... про свою жену, Домну... и ему стало нестерпимо скучно...

II.

Митрію было всего 23 года, но онъ самъ себѣ казался уже совсѣмъ отжившимъ, старымъ-престарымъ старикомъ. Во-первыхъ, онъ уже пять лѣтъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей, изъ которыхъ одного успѣлъ даже схоронить; во-вторыхъ, его личная жизнь казалась ему совершенно поконченною, разъ навсегда установившеюся, и впереди нечего было ждать какихъ-нибудь перемѣнъ къ лучшему, не на что надѣяться. Будетъ онъ такимъ же сѣрымъ мужикомъ, какъ отецъ, какъ сосѣдъ Филиппъ, какъ

сотни и тысячи другихъ такихъ-же мужиковъ; будетъ онъ изо-дня въ день, изъ года въ годъ пахать и перепахивать свои полторы десятины, будетъ сѣять и собирать тотъ же скудный хлѣбъ, котораго часто не хватаетъ до-нова, будетъ каждую осень биться изъ-за податей, копить недоимку, изворачиваться передъ волостнымъ начальствомъ, чтобы не быть посаженнымъ въ „одноглазку", кланяться передъ каждой кокардой, передъ каждымъ краснымъ околышемъ, чтобы ни съ того, ни съ сего не получить „по мордѣ" — и такъ далѣе, и такъ далѣе, всю жизнь, до тѣхъ поръ, пока не снесутъ его на погостъ и не поставятъ надъ его могилой деревяннаго креста, къ которому его дѣти и внуки по родительскимъ субботамъ будутъ носить поминальные блины; по несмотря на то, что Митрій ясно представлялъ себѣ всю свою будущую судьбу и хорошо сознавалъ, что онъ ничѣмъ не лучше другихъ, чтобы ждать для себя чего-то лучшаго,—все-таки онъ постоянно грустилъ, постоянно тяготился настоящимъ и смутно желалъ чего-то въ будущемъ,—чего, онъ самъ хорошенько не зналъ, но во всякомъ случаѣ не похожаго на его теперешнюю жизнь. Эта тоска въ немъ началась еще давно, съ самой школы и съ чтенія книжекъ, къ которому Митрій пристрастился въ училищѣ, а вмѣстѣ съ этимъ начался и семейный разладъ, который сильно удручалъ Митрія и еще болѣе усиливалъ его недовольство и самимъ собою, и настоящей его жизнью.

Семья Митрія была небольшая,—отецъ, мать, старшій братъ, Кириллъ, съ женой и ребятами, Митрій съ женой, и еще братишка-подростокъ, Ленька; были и сестры, но давно уже ихъ повыдали замужъ по сосѣднимъ селамъ. Отецъ Митрія былъ обыкновенный мужикъ, то, что въ деревняхъ называется „средній хозяинъ",—работящій, дѣловитый, заботливый о своемъ домѣ и хозяйствѣ, но ограниченный и пришибленный вѣчной борьбой съ бѣдностью, которая, несмотря на всѣ ухищренія, неотступно стояла у порога, заглядывала во всѣ окна, норовила забраться въ каждую щель, если во-время не успѣли ее заткнуть. Вся жизнь Ивана Жилина именно въ томъ и проходила, чтобы ежечасно и ежеминутно затыкать и замазывать эти предательскія щели, ежечасно и ежеминутно безпокоиться о томъ, какъ бы не насидѣться голодомъ, не лишиться послѣдней коровы, не быть выдраннымъ за неуплату податей. Когда же тутъ было думать о чемъ-нибудь другомъ? Кириллъ удался весь въ отца,—такой же хозяйственный, работящій и здоровенный, какъ ломовая лошадь. Когда онъ выровнялся и началъ, по мужицкому выраженію, „ворочать"— отецъ, выше всего цѣнившій въ человѣкѣ рабочую силу, не могъ

вдоволь налюбоваться на Кирюху — дѣло у него такъ и горѣло въ рукахъ. И дѣйствительно, съ Кирюхой хозяйство какъ будто пошло ладнѣе, прикупили другую лошадь, поправили избу, а когда Кирюха женился на придурковатой, но то же здоровенной Анисьѣ, да начали они „ворочать“ вдвоемъ, — Иванъ совсѣмъ возмечталъ, и въ душѣ его явилась смутная надежда на старости лѣтъ „вздохнуть“... Чего же еще больше желать уставшему, измученному на работѣ мужику? Теплая печь, кусокъ хлѣба, почетъ и ласка отъ дѣтей, а послѣ смерти, чтобы было на что справить христіанскій поминъ души—вотъ и все. И вдругъ эти горделивыя мечты были омрачены самымъ непредвидѣннымъ образомъ: въ крѣпкой, дружной, рабочей семьѣ Ивана Жилина завелось зловредное зелье, нарушило весь мужицкій порядокъ, поселило раздоръ и смуту и въ мирное теченіе деревенской жизни внесло какія-то новыя, совершенно чуждыя струи. Это зловредное зелье—были Митюхины книжки и новыя Митюхины мысли, вынесенныя имъ изъ училища.

Когда росъ Кирюха—школы у нихъ въ селѣ еще не было, и Кирюха такъ и остался безграмотнымъ. Впрочемъ ему и учиться-то было бы некогда, такъ какъ онъ, въ качествѣ старшаго сына, чуть не съ пяти лѣтъ началъ помогать отцу въ работѣ. Митрій же былъ по счету четвертымъ, въ избѣ у нихъ въ это время стало тѣсно и людно, и его стали посылать въ школу, чтобы не вертѣлся подъ ногами и не мѣшалъ. Въ школѣ Митрію понравилось, ребятъ много, весело, въ перемѣну разныя игры, пѣніе, учительница „не бьется“, свѣтло, тепло, между тѣмъ какъ дома и сыро, и дымно, и скучно зимой, и подзатыльникъ иной разъ влетитъ. Вначалѣ именно только эта веселая сторона школьной жизни — товарищи, игры, шалости и привлекали Митюху, но потомъ, когда онъ сталъ постарше, онъ полюбилъ школу иначе, серьезно, полюбилъ все, что̀ касалось школы и занятій,—книжки, грифеля, доски, школьнаго сторожа Потапыча. Онъ, какъ драгоцѣнность, собиралъ и хранилъ обрывки бумаги, обломки карандашей, перья, тетрадки, и поднималъ страшный ревъ, когда Кирюха въ простотѣ души выдиралъ у него изъ задачника страничку и свертывалъ изъ нея „чортову ножку“. Однажды онъ съ кулаками бросился на здоровеннаго парня, который назвалъ учительницу „слѣпой тетерей“, потому что она носила очки, а въ другой разъ онъ даже на отца зафыркалъ, когда тотъ выразилъ мнѣніе, что у нихъ въ училищѣ одно баловство, а не ученье. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, Митрій ждалъ начала ученья! Съ какимъ восторгомъ надѣвалъ на себя холщевую сумку, запи-

хивалъ туда ломоть хлѣба, грифельную доску, тетрадки и мчался въ училище! Учился онъ прилежно, но не лучше другихъ, а были и такіе, которые учились лучше его, напримѣръ, Семенъ Латневъ, его первый другъ и пріятель. Тому все давалось легко, соображалъ онъ быстро, задачи рѣшалъ такъ, что учительница еле за нимъ поспѣвала, а Митюха шелъ себѣ потихоньку, заучивалъ медленно, надъ задачами потѣлъ, но въ концѣ концовъ все-таки до всего „доходилъ" своимъ умомъ, а главное, дѣлалъ все это охотно, съ любовью и вниманіемъ. Особенно онъ любилъ поумствовать, потолковать о прочитанномъ, но такъ какъ говорить не умѣлъ, то предпочиталъ излагать всѣ волновавшія его мысли на бумагѣ, пробовалъ даже писать стихи и исписывалъ вдоль и поперекъ каждый, попадавшій ему въ руки, клочокъ бумажки. Но и писалъ онъ туманно, многословно, любилъ употреблять вычурныя выраженія, красивыя книжныя словечки, часто вдавался въ сантиментальныя отступленія, и въ этомъ отношеніи тоже не походилъ на Семена Латнева. Зададутъ имъ, бывало, сочиненіе—описать пожаръ, случившійся у нихъ въ селѣ—Семенъ въ двухъ словахъ изобразитъ, какъ было дѣло. „Лежу я на печкѣ, вдругъ слышу: донъ, донъ, донъ!.. Побѣгъ на улицу, гляжу, а Филькина изба ужъ занялась. Прибѣгли мужики, притащили багры, ведра, топоры,—потушили". Вотъ и все. А Дмитрій не такъ; Дмитрій опишетъ сначала, какъ онъ „съ вольнымъ духомъ пошелъ въ поле вдыхать чистые ароматы", да что онъ въ это время думалъ, какъ потомъ онъ услышалъ „женскіе вопли и дѣтскій крикъ", какъ побѣжалъ, да не просто побѣжалъ, а непремѣнно „стрѣлою" и какъ увидалъ „убогую хижину Филиппа, объятую зловѣщимъ пламенемъ"... Вообще въ немъ преобладала склонность къ сочинительству и фантазерству, между тѣмъ какъ Семенъ Латневъ отличался необыкновенной точностью и совершенно ясными, опредѣленными стремленіями. Общаго между ними было только одно—страсть къ чтенію, хотя и тутъ они нѣсколько расходились и у каждаго были свои вкусы, свои излюбленныя книжки. Семенъ, когда былъ помоложе, любилъ читать „про войну" и бредилъ солдатчиной, особенно послѣ того, какъ къ нимъ на побывку приходилъ его старшій братъ, солдатъ, въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами и съ безконечными разсказами о смотрахъ, ученьѣ, генералахъ. Въ это время онъ обнаруживалъ воинственныя наклонности, дрался, затѣвалъ игры съ кровопролитіями и синяками и за это не однажды стоялъ въ углу наказанный. Потомъ увлеченіе солдатчиной смѣнилось другимъ,—Семенъ полюбилъ читать путешествія, интересовался разсказами странниковъ и странницъ,

заходившихъ къ нимъ въ село, и мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было имъ съ Митюхой поступить въ матросы на какой-нибудь корабль и объѣхать весь свѣтъ. То-то навидались бы всего!.. Но Митюха нисколько не раздѣлялъ его увлеченій ни солдатчиной, ни путешествіями; онъ тоже мечталъ, но мечты его были неопредѣленны, смутны; онъ самъ не зналъ, чѣмъ бы онъ хотѣлъ быть, зачитывался стихами и самъ потихоньку что-то писалъ на клочкахъ бумаги, запрятывая свои писанія подальше отъ Кирюхи, который постоянно покушался употребить ихъ на цыгарки.

Митрій весьма быстро перечиталъ всю несложную училищную библіотеку и сталъ наконецъ забираться въ учительскую. Въ это время учительницу отъ нихъ перевели въ другое село, а къ нимъ назначили учителя. Этотъ учитель самъ любилъ читать, и у него была небольшая сборная библіотечка, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ. Было кое-что Тургенева, Гоголя, Пушкина, Успенскаго, Левитова, разрозненныя книжки старыхъ журналовъ, сочиненія Кольцова, монографіи Костомарова и даже нѣсколько романовъ Дюма и Ксавье-де-Монтепена, — все это старое, изношенное, замусленное, очевидно купленное за дешевку гдѣ-нибудь по случаю на толкучкѣ. Тѣмъ не менѣе въ глухомъ селѣ, гдѣ кромѣ батюшкиныхъ святцевъ, да неизбѣжнаго „Странника“, и Сонника да Пѣсенника у волостного писаря, никакихъ другихъ книгъ не было — учителева библіотека имѣла большой успѣхъ, и книги читались на расхватъ. Самъ батюшка прочелъ Костомарова и одобрилъ; его дочери упивались романами Дюма и списывали стишки изъ Пушкина и Кольцова; волостному писарю понравился Гоголь, потому что „всѣ животики надорвешь“. У Митюхи тоже разгорѣлись глаза на учителевы книжки, но онъ долго не рѣшался просить, потому что учитель былъ строгій, несообщительный и держалъ себя съ учениками оффиціально. Но, наконецъ, Митюха улучилъ-таки удобную минуту и робко попросилъ учителя дать ему книжечку „почитаться“. Учитель поглядѣлъ на него съ удивленіемъ, но книжку все-таки далъ, хотя и неохотно.

— Все равно ничего вѣдь не поймешь! — сказалъ онъ.—А то пожалуй на цыгарки издерешь.

— Да что вы? Да я... Господи Боже мой!—отвѣчалъ счастливый Митрій, бережно принимая изъ рукъ учителя книжку.

Дѣйствительно онъ возвратилъ ее въ цѣлости и сохранности, и учитель началъ давать ему книги охотнѣе. Его поражало только то, что Митрій необыкновенно быстро ихъ возвращалъ.

— Послушай, Жилинъ, — говорилъ онъ, принимая отъ Ми-

тюхи книгу, съ просьбой дать еще.—Да ты, братъ, глотаешь ихъ что ли? Ты вѣрно ничего не понимаешь!

— Какъ же не понимать, Петръ Иванычъ? — весь красный отъ волненія возражалъ Митюха. — Все, какъ есть, понимаю! Я даже и своимъ семейскимъ вслухъ читалъ, и они понимаютъ!

— А ну-ка разскажи! — съ недовѣріемъ спросилъ учитель.

Митюха, отдуваясь, вытеръ предварительно потъ, выступившій у него на лбу отъ волненія, и сталъ передавать содержаніе книжки, правда, не совсѣмъ красно, но въ достаточной степени вразумительно.

Учитель заинтересовался деревенскимъ любителемъ чтенія, сталъ изрѣдка приглашать его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ о прочитанномъ. Митюха былъ на седьмомъ небѣ.

Такъ постепенно перечиталъ онъ всю учителеву библіотеку, нѣкоторыя книжки даже по два раза. Впечатлѣній получилось масса, и передъ Митюхой словно весь міръ сразу открылся. Въ головѣ зашевелились новыя мысли; то, чтò прежде было непонятнымъ, стало ясно. Но отношеніе къ книжкамъ было различное. Пушкина, напримѣръ, онъ не совсѣмъ понималъ,—„ловко пишетъ и дюже складно, да больно ужъ не по нашему", — говорилъ онъ учителю. Зато Гоголь произвелъ на него огромное впечатлѣніе. Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ онъ перечелъ разъ пять и каждый разъ съ одинаковымъ эффектомъ, умирая со смѣху. „Вѣдь чисто какъ живые!—передавалъ онъ свои впечатлѣнія. „Вѣдь—вотъ будто ихъ видишь, таково явственно написано!"—Но больше всего ему понравилась Записки Охотника Тургенева, нѣкоторыя поэмы Некрасова и Кольцова. Онъ выучилъ наизусть многія стихотворенія Кольцова и Некрасова, выписалъ ихъ себѣ въ тетрадку и походя декламировалъ излюбленныя мѣста.

Учителя очень забавляли наивные восторги Митюхи, и онъ до слезъ хохоталъ надъ нѣкоторыми его замѣчаніями по поводу прочитаннаго. Напримѣръ, прочитавъ „Отцы и Дѣти", онъ ужасно возмущался поведеніемъ Одинцовой и, не стѣсняясь, высказывалъ свое негодованіе въ очень рѣзкой формѣ.

— Я бъ ее... У, подлая эдакая!..

— Да чѣмъ же она подлая?—подзадоривалъ его учитель.—Чудакъ ты, за что ты ее ругаешь?

— Да какъ же? Эдакій человѣкъ черезъ нее померъ... Да я бы на ея мѣстѣ... Сама же навязалась, да и... Нѣтъ, сволочь она, больше ничего.

Учитель хохоталъ.

— Хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть, какіе они были! — говорилъ онъ въ другой разъ: рѣчь шла о Некрасовѣ и Кольцовѣ.—Эдакіе люди... Да я бы имъ въ ножки поклонился! Вѣдь какъ они про мужика понимали... Мы и сами-то объ себѣ не знаемъ столько, сколько они знали. Эхъ, посмотрѣлъ бы!

— Что же, вѣдь ихъ портреты есть.

— Да гдѣ ихъ достанешь? У насъ ихъ и не продаютъ. Нешто въ городѣ, а у насъ на ярмаркѣ, такъ вѣдь глядѣть тошно, что̀ они тамъ продаютъ. Какія-то лупоглазыя дѣвки... на кой онѣ? Иль еще вдругъ дьяволъ нарисованъ... во-какой чертище, рога чисто у козла... тьфу, я и глядѣть-то на него не хочу! А продаютъ.

— Да вѣдь покупаетъ же кто-нибудь, оттого и продаютъ.

— То-то что покупаютъ. Нашъ лавочникъ во̀ сколько ихъ накупилъ, всю горницу изувѣшалъ. Пущай, говоритъ, жена радуется... Ужъ и радость, на чорта глядѣть... И помолчавъ, Митюха добавилъ:—А я, Петръ Иванычъ, ихъ себѣ представляю.

— Кого? Чертей-то?

— Нѣтъ, на кой они! Кольцова, да Некрасова.

— Какіе же они были по твоему?

— Некрасовъ, напримѣръ, сердитый, должно, былъ. Вонъ онъ какъ пишетъ-то... очень строго. „Будь ты проклятъ, растлѣвающій, пошлый разумъ, умъ глупцовъ"! съ увлеченіемъ продекламировалъ Митюха, самъ наслаждаясь своей декламаціей. Эна вѣдь какъ... сурово! И самъ былъ суровый. Говорилъ толстымъ голосомъ...

— Да почему же непремѣнно толстымъ голосомъ? — смѣясь, спрашивалъ учитель.

— Да ужъ такъ... подходитъ. А Кольцовъ — энтотъ другой былъ. Худенькій такой, нѣжный. Голосокъ у него былъ тоненькій...

— Э, ну тебя... уморишь ты меня! Вѣдь выдумаетъ же!

— Нѣтъ, право,—оправдывался Митюха.—Вотъ лежу намедни въ сараѣ и думаю объ нихъ, — такъ вѣдь какъ живые они мнѣ представляются, право!..

Учитель обѣщалъ Митрію достать портреты излюбленныхъ имъ поэтовъ и дѣйствительно ему удалось гдѣ-то достать Некрасова, котораго онъ и подарилъ Митюхѣ. Но Митюха былъ разочарованъ; Некрасовъ представлялся ему совсѣмъ не такимъ.

— Вонъ онъ какой! Я думалъ, не эндакій. Ишь, лысый, бородка клинышкомъ... носище-то какой здоровый! Чисто нашъ дьячекъ, Семенычъ... Одначе, нѣтъ, въ глазахъ то все-таки оказываетъ... Видать, что уменъ!

И въ концѣ концовъ онъ остался очень доволенъ подаркомъ и даже дома его всѣмъ показывалъ и хвалился. А Кольцова такъ и не удалось ему посмотрѣть, потому что вскорѣ учитель вдругъ что-то заскучалъ, началъ пить мертвую, простудился пьяный и умеръ отъ скоротечной чахотки. На его мѣсто поступилъ новый, Андрей Сидорычъ, съ женой, тоже учительницей, которая была назначена ему помощницей, такъ какъ учениковъ въ школѣ прибавилось и одному стало трудно справляться. Это были совсѣмъ другіе люди, и прошло много времени, пока Митрій съ ними познакомился. У него самого въ это время начались новыя заботы, дѣла, непріятности; счастливые школьные дни съ книжками, мечтами, разговорами миновали, какъ хорошій сонъ, и сумрачная дѣйствительность во всѣ глаза глянула ему въ лицо.

III.

Вначалѣ, когда еще Митрій бѣгалъ въ школу и таскалъ оттуда книжки,—Иванъ относился къ нему снисходительно и даже самъ любилъ иной разъ послушать, лежа вечеромъ на полатяхъ, какъ Митрій читаетъ вслухъ какую-нибудь занятную исторію про старуху и золотую рыбку, или про то, какъ жили люди въ старину. Часто, впрочемъ, онъ засыпалъ, не дослушавъ, но случалось, и заинтересовывался, особенно, когда читалось что-нибудь страшное или же божественное, напримѣръ, о мученіяхъ святой Варвары. Нѣкоторыя вещи онъ одобрялъ и хвалилъ; другія порицалъ и забраковывалъ; не нравились ему басни и стихи, которыя онъ окрестилъ не совсѣмъ цензурнымъ словомъ. Это время было самое хорошее для Митюхи, и онъ даже пользовался въ семьѣ авторитетомъ единственнаго грамотнаго человѣка. Матери и Анисьѣ онъ списалъ по два экземпляра „Сна Богородицы", который, по ихъ мнѣнію, помогалъ во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ; сосѣдямъ сочинялъ письма, условія, росписки; отецъ тоже часто обращался къ нему съ просьбами.

— Ну-ка вотъ на, прочитай, что̀ тутъ написано!—говорилъ онъ, вытаскивая изъ кармана замусленную бумажонку.

„Долженъ Ивану Жилину за солому рубь"!—читалъ Митрій.

— Вѣрно!—восклицалъ Иванъ Жилинъ и, бережно спрятавъ бумажку обратно, уходилъ удовлетворенный.

Даже Кириллъ заинтересовался грамотой и однажды пожелалъ выучиться читать. Но Митюхѣ съ нимъ было много хлопотъ, и какъ онъ ни старался „обучить" Кирилла—ничего изъ

этого не вышло. Во-первыхъ, Кириллъ, научившись кое-какъ писать, началъ вырисовывать вездѣ ругательныя слова, во-вторыхъ, онъ не понималъ самыхъ простыхъ вещей и страшно злилъ Митрія своимъ какимъ-то простодушнымъ тупоуміемъ. Такъ, напримѣръ, онъ никакъ не могъ понять, что дѣйствующія лица повѣстей и разсказовъ—выдуманныя, и ни за что не хотѣлъ вѣрить, что ихъ никогда и не было. Какъ ни старался Митюха разъяснить это брату, тотъ остался при своемъ и во время чтенія выводилъ Митрія изъ себя своими замѣчаніями въ родѣ того: „а вѣдь это, должно, про нашего волостного писаря написано!" или: „это какой-такой Иванъ Иванычъ? Это не Кузякинскій ли помѣщикъ?"

— Дурья-голова, какой помѣщикъ?—сердился Митюха.—Вѣдь это выдумано все, этого не было, а такъ написано... къ примѣру.

— Ври! Выдумано! Откуда же оно взялось?

— Просто изъ головы. Взялъ вотъ и сочинилъ... для науки, что вотъ, молъ, какіе люди бываютъ на свѣтѣ.

— Ишь ты, выдумалъ! Поди-ка, выдумай эдакъ. Небось не выдумаешь.

— Что жъ, по твоему, вонъ въ сказкахъ что̀ разсказываютъ—это тоже было?

— А то нѣтъ? Извѣстно, было. Не зря же разсказываютъ.

— Да чортъ ты эдакій, да чтожъ, по твоему, волки и лисицы по человѣчьи говорили?

— А можетъ, и говорили! Мало ли что въ старину было?

Но особенно Митрій бѣсился, когда ему приходилось читать какую-нибудь хорошую книжку, а ея красоты не производили на Кирюху никакого впечатлѣнія, или же эффектъ получался совсѣмъ не тотъ, котораго ожидалъ Митрій, судя по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Случалось, что Кириллъ хохоталъ въ самыхъ жалостныхъ мѣстахъ и, наоборотъ, тамъ, гдѣ надо было смѣяться, онъ зѣвалъ, чесался или начиналъ играть съ своей женой. Тогда огорченный Митрій складывалъ книжку и уходилъ куда-нибудь на огороды наслаждаться чтеніемъ въ одиночествѣ, давая себѣ слово никогда больше не дѣлиться съ Кирюхой своими впечатлѣніями. Но проходилъ день-другой, не утерпитъ Митрій и опять идетъ просвѣщать Кирюху.

Когда учитель подарилъ ему портретъ Некрасова, онъ немедленно показалъ его Кириллу.

— Это кто же такой?—спросилъ Кириллъ, разсматривая портретъ.

— Это Николай Алексѣичъ Некрасовъ, сочинитель...—тор-

жественно объяснилъ Митюха.—Который про мужиковъ-то писалъ. Помнишь, я тебѣ про Коробейниковъ-то читалъ?

— Ну, ну... Чтожъ онъ одноглазый? (Портретъ былъ въ профиль).

У Митюхи при этомъ наивномъ замѣчаніи даже духъ занялся отъ негодованія.

— Какъ одноглазый? Да вѣдь это онъ сбоку нарисованъ!

— Сбоку, сбоку...—упрямо твердилъ Кириллъ.—Чтожъ, что сбоку? Ты вотъ стань-ка бокомъ, все жъ у тебя не одинъ глазъ, а два. А у него только одинъ и есть.

Впрочемъ, и самъ Митрій, очутившись въ роли домашняго наставника своего старшаго брата, портилъ дѣло своей излишней горячностью. Гордясь превосходствомъ надъ Кирилломъ, онъ разыгрывалъ изъ себя настоящаго учителя, нестерпимо важничалъ, обрывалъ Кирюху на каждомъ шагу, а во время уроковъ страшно придирался къ нему, ругался на чемъ свѣтъ стоитъ и очень сожалѣлъ, что не можетъ наказывать своего ученика, напримѣръ, поставить его въ уголъ или выдрать за вихры. Занятія ихъ были необыкновенно комичны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ принимала участіе вся семья, и даже вѣчно озабоченный Иванъ нерѣдко не могъ удержаться отъ смѣха, слѣдя съ полатей за ходомъ занятій.

Обыкновенно это происходило послѣ обѣда въ свободные отъ домашнихъ дѣлъ часы, когда Иванъ ложился отдыхать, мать садилась за прялку, а бабы мыли посуду. На столѣ торжественно раскладывались грифельная доска, букварь, грифель, маленькій учитель занималъ почетное мѣсто подъ образами, а рядомъ съ нимъ помѣщался его огромный ученикъ, нѣсколько сконфуженный, волнующійся въ глубинѣ души, но снаружи старающійся показать, что вѣдь это онъ только „такъ", больше для смѣху, а не то чтобы въ серьезъ...

— Читай молитву!—серьезно и отрывисто приказывалъ учитель.

— Ну вотъ тебѣ еще, молитву!..—возражалъ Кирюха.—Каждый день, что ли, тебѣ ее читать?

— У насъ въ училищѣ каждый день читаютъ и передъ ученьемъ, и послѣ ученья.

— Читай, читай!—отзывался съ палатей Иванъ.—Какъ же безъ молитвы? Молитва дѣло хорошее.

Кириллъ неуклюже подымался и, путаясь, прочитывалъ молитву.

— Это какая буква?—еще строже спрашивалъ Митрій.

— Эта?..—Кириллъ начиналъ потѣть и чесаться.—Постой... никакъ—у?

— Ну, ну? Тяни.

— У-у-у...—тянулъ Кириллъ и вдругъ разражался хохотомъ.

— Чего жъ ты ржешь-то, чортъ эдакій?

— Да чудно... А ты что ругаешься?

— Ну, будетъ разговаривать-то! А это какая?

— Мм.

— Ну... а это вотъ какъ выйдетъ?

— М-у-у,—нерѣшительно произносилъ Кириллъ.

— Тяни, тяни!

— М-м-у-у-у!—на всю избу мычалъ Кириллъ; но въ эту минуту въ углу, гдѣ бабы мыли посуду, слышится фырканье, и онъ останавливается.—Да ты что же это меня мычать-то заставляешь? — протестуетъ онъ.—Что я тебѣ, корова, что ли? Ты мнѣ кажи настоящее... а не то чтобы пустяковину заставлять.

— Да нешто это пустяковина? У насъ въ училищѣ всегда такъ учатъ.

— Ну у васъ въ училищѣ—ребятъ-то что хошь заставляй. А я тебѣ не маленькій. Ишь ты!.. Мычи ему! Что я тебѣ дался? На смѣхъ, что ли?

Митрій выходилъ изъ себя и начиналъ ругаться.

— У, дуроломъ эдакій! Полѣно дубовое!

— А ты его за виски!—совѣтовала изъ угла жена Кирилла,—и вся изба помирала со смѣху.

— Охъ, грѣховодники!—говорилъ Иванъ, ворочаясь на полатяхъ.—Вотъ ужъ грѣховодники-то... уснуть не дадутъ, право!

Иногда недоразумѣніе кое-какъ улаживалось, Кирюха добродушно хохоталъ и снова принимался мычать, но бывало и не такъ. Случалось, что Кириллъ, выведенный изъ себя придирками и руганью Митрія, поднималъ бунтъ, давалъ затрещину своему учителю и прерывалъ ученье.

— Э, ну тебя къ шутамъ!—говорилъ онъ, вылѣзая изъ-за стола и отправляясь на полати.—Не хочу я больше...

Но дня черезъ два, черезъ три Кирюхѣ становилось скучно, и онъ начиналъ снова подъѣзжать къ Митрію, который все это время дулся и молчалъ.

— Митюха... а Митюха!—ласково говорилъ онъ, въ то же время украдкой подмигивая женѣ: дескать, какую я сейчасъ съ нимъ штуку разыграю!—Митюха... ну-ка, гдѣ у насъ букварь-то? Поучимся что-ль ноньче?

— Ну тебя!..—отвѣчалъ Митрій, все еще сохраняя надутый видъ, но польщенный въ душѣ.—Ты опять драться будешь.

— Ну вона еще!.. Чтожъ я, больно, что-ль? Такъ, мазнулъ... А ты вонъ что, ты не серчай. Гдѣ букварь-то? Какую бишь букву-то мы начали?

— Цы,—сдаваясь, подсказывалъ Митрій.

— Во-во! Цы! Я еще ее помню, съ хвостикомъ она. Ну давай!

— А ты драться не будешь?

— Не буду. А ты не ругайся. Небось у васъ въ училищѣ и то эдакъ не ругаются.

— Да кабы ты слушался! А то ты не слушаешься.

— Я стану слушаться.

Митрій снова начиналъ мучить своего непонятливаго ученика, и снова точка въ точку повторялась старая исторія. Подъ конецъ Кирюхѣ все это надоѣло, и онъ бросилъ учиться. Но въ семьѣ надолго сохранилось воспоминаніе объ этомъ времени, а за Митріемъ такъ и осталось навсегда прозвище „учителя".

IV.

Мы уже говорили, что Иванъ снисходительно относился къ Митюхину ученью и даже ничего не имѣлъ противъ того, чтобы и Кириллъ выучился грамотѣ, такъ какъ это ничему не мѣшало, дѣлалось въ свободное время и какъ бы въ родѣ забавы, да и Митрій еще былъ подросткомъ, съ котораго и спрашивать было нечего. Но когда Митрій кончилъ курсъ и получилъ льготное свидѣтельство и все-таки, несмотря на это, продолжалъ интересоваться школьными дѣлами, бѣгалъ по вечерамъ къ учителю и таскалъ оттуда книжки, въ которыя утыкался при каждомъ удобномъ случаѣ,—Иванъ забезпокоился и началъ косо посматривать на сына. Это ему сильно не нравилось; слава Богу, не маленькій ужъ, шестнадцать лѣтъ парню, пора глупости-то бросить. Мужику некогда этими дѣлами заниматься, мужика кормитъ мученье, а не ученье... И мысль, что пожалуй сынъ отобьется отъ работы и отъ дому, не давала покоя Ивану Жилину. Мучимый этой страшной мыслью, боясь, что все ихъ благосостояніе, стоившее такихъ трудовъ и мученій, рухнетъ, Иванъ зорко сталъ слѣдить за Митюхой, всячески старался отбить его отъ книжки и съ этой цѣлью даже выдумывалъ ему работу, посылая дѣлать то, чего вовсе и не слѣдовало дѣлать.

— Митюха, а Митюха!—кричалъ онъ, заставъ сына гдѣ-нибудь на огородѣ за чтеніемъ.—Никакъ ты опять за книжкой? Это ты что же, братъ... Смотри! Не мужицкое это дѣло... Взялъ бы лучше косу, да травы бы накосилъ...

Травы и такъ былъ цѣлый ворохъ, но Митрій бралъ косу и шелъ косить. А потомъ, глядь, опять уткнулся въ книжку, и хоть ты колъ ему на головѣ теши.

Но этого было еще мало,—Митрій началъ умничать и своевольничать. Дѣло началось съ покупки лошади и съ поѣздки на ярмарку.

Въ это время, благодаря золотымъ рукамъ Кирюхи, Жилинское хозяйство стало расширяться, семья тоже росла, потребности увеличились, пришлось принанять земли. А вмѣстѣ съ этимъ оказалось необходимымъ купить другую лошадь, и на семейномъ совѣтѣ рѣшено было пріобрѣсти ее на Покровской ярмаркѣ въ уѣздномъ городѣ. Покупка лошади—это цѣлое событіе въ крестьянской семьѣ, и потому на ярмарку отправились втроемъ—Иванъ, Кириллъ и Митюха,—послѣдній, впрочемъ, не въ качествѣ знатока, а больше для того, чтобы поучиться, какъ надо выбирать хорошую лошадь. Пріѣхали, остановились на знакомомъ постояломъ дворѣ и отправились глядѣть лошадей. Митрій въ первый разъ былъ въ городѣ на ярмаркѣ, и у него разбѣгались глаза во всѣ стороны. Но останавливаться и смотрѣть было некогда; Иванъ и Кириллъ, работая локтями, проталкивались все впередъ и впередъ и стремились къ лошадямъ. Лошадей оказалось масса, и отецъ съ сыномъ совсѣмъ растерялись. Они переходили отъ одной къ другой, присматривались, выбирали, сравнивали и не знали, на чемъ остановиться. Но Митрій въ ихъ хлопотахъ не принималъ участія; его занимали собственныя мысли... Проходя рядами, онъ увидѣлъ цѣлую кучу разноцвѣтныхъ книжекъ и картинъ, разложенныхъ на землѣ, и теперь эти книжки не давали ему покою. Онъ про себя рѣшилъ во что бы то ни стало урваться и посмотрѣть эти книжки... а тутъ кстати вспомнилось ему и то, что у него давно вышли чернила, бумага и перья. Онъ все собирался попросить у учителя, да совѣстно было, а безъ бумаги, да безъ чернильца просто бѣда. Иной разъ смерть хочется „пописаться“, — и мысли хорошія бываютъ, и стишки какіе-нибудь списать,—хвать, а бумаги-то и нѣтъ. Пробовалъ-было отцу намекать,—куда! Осерчалъ, заругался; въ другой разъ и не сунешься. Тѣмъ не менѣе у Митрія была смутная надежда пріобрѣсти и бумаги, и чернилъ; у него давно уже изорвался картузъ, и передъ отъѣздомъ на ярмарку отецъ обѣщалъ дать

ему полтинникъ на покупку новаго картуза. „Вотъ если дастъ, думалъ Митрій, я и куплю себѣ чернильца, да и бумажки. А картузъ можно и подешевле купить, не за полтинникъ, а за двугривенный. На что его дорогой-то! Вотъ какъ пойду картузъ покупать—и книжки посмотрю. Эхъ, скорѣй бы они тамъ“!..

Между тѣмъ Иванъ съ Кирилломъ остановили свое вниманіе на одной лошадкѣ. Она была такая гладкая и такъ бойко на нихъ посматривала, что они не могли отвести отъ нея глазъ. Ушли-было и опять къ ней воротились. На возу сидѣлъ мужикъ и закусывалъ арбузомъ; Иванъ обратился къ нему съ разспросами. Оказалось, что лошадь—пятилѣтокъ; осмотрѣли ей зубы, копыта, пощупали бока, тыкали подъ ребра—ничего, все оказалось въ порядкѣ.

— Митюха, ты что же не глядишь? Гляди! — пригласилъ Иванъ Митрія.

Митрій подошелъ и тоже посмотрѣлъ на лошадь, хотя продолжалъ думать о полтинникѣ и чернилахъ.

— Сколько просишь?—обратился Иванъ къ мужику.

— Пять красныхъ,—невозмутимо отрѣзалъ мужикъ.

— Н-ну!..—въ одинъ голосъ воскликнули Иванъ и Кириллъ.— Эко что сказалъ?

И они снова принялись ходить вокругъ лошади и щупать ей бока. Около нихъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стала собираться толпа. Дѣло шло въ серьезъ, и всякому любопытно было посмотрѣть, чѣмъ оно кончится. Слышались совѣты, поощрительныя критическія замѣчанія, возгласы... „Ты ей въ зубы-то смотри!.. Ишь, желтые,—не лѣнива!..—Подъ зебры-то ее хорошенько!.. Чего подъ зебры? Много ты понимаешь? Ты гляди стать-то какая!.. Запалу нѣтъ ли!..“

Шумъ стоялъ невообразимый; каждый считалъ непремѣннымъ долгомъ протискаться поближе къ лошади, открыть ей ротъ и заглянуть въ зубы, почесать за ухомъ и т. д. Возбужденные этимъ гвалтомъ, обуреваемые сомнѣніями и желаніемъ пріобрѣсти лошадку,—желаніемъ, еще болѣе подогрѣтымъ толпой и всеобщимъ вниманіемъ,—отецъ и сынъ Жилины совсѣмъ потерялись и дѣйствовали какъ въ чаду. А хозяинъ лошади продолжалъ невозмутимо сидѣть на возу и только изрѣдка произносилъ, вполнѣ увѣренный въ достоинствахъ своей лошади: „Чего тамъ смотрѣть? Лошадь—мертвая!..“

Вдругъ одинъ изъ мужиковъ, красный, взволнованный и больше другихъ хлопотавшій вокругъ лошади, словно дѣло касалось лично его, упомянулъ имя Потапыча... Мгновенно это было подхвачено

толпой. „Прямое дѣло—Потапыча!.. Надо его спросить!.. Потапычъ, онъ, братъ... Не курицу, чай, покупаешь, а лошадь... На вѣкъ дѣло-то!.. Потапыча и есть!..“

— Да гдѣ онъ, Потапычъ-то?—спросилъ Иванъ.

— Въ трактирѣ, небось, сидитъ... Пошли парня-то, пущай онъ добѣжитъ!

Отрядили за Потапычемъ Кирюху, и черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся съ человѣкомъ рѣшительнаго вида, въ сѣрой поддевкѣ, въ смазныхъ сапогахъ, съ кнутомъ въ рукѣ. Бритое лицо его съ большими щетинистыми усами было серьезно, почти строго; черные на выкатѣ глаза смотрѣли твердо и настойчиво, вся осанка была исполнена необычайнаго достоинства. При видѣ его толпа притихла и разступилась, а хозяинъ лошади потерялъ свою невозмутимость и безпокойно завозился на возу. Ни на кого не глядя, Потапычъ прямо подошелъ къ лошади, заткнулъ кнутъ за поясъ и, не обращая вниманія на Ивана, который, распустивъ полы халата, безпомощно топтался около него, схватилъ лошадь за морду. Лошадь рванулась и замотала головой. Потомъ онъ поднялъ ей ногу и поглядѣлъ на копыто; потомъ вытащилъ кнутъ и огрѣлъ ее по спинѣ; лошадь метнулась, захрапѣла и осѣла на заднія ноги. Все это было продѣлано въ одну секунду.

— Гдѣ хозяинъ?—спросилъ Потапычъ отрывисто.

Хозяинъ слѣзъ съ воза и подошелъ. Видъ у него былъ далеко не такой увѣренный, какъ давеча.

— Вотъ онъ—я,—сказалъ онъ и вдругъ прибавилъ съ видомъ человѣка, бросающагося въ пропасть: Пять красныхъ... больше никакихъ!

— Сорокъ!

— Пять красныхъ!

— Сорокъ! Сымай шапку, молись Богу...

Оба быстро сняли шапки, перекрестились и снова уставились другъ на друга, какъ пѣтухи.

— Сорокъ!

— Пять красныхъ!

— Сымай шапку, молись Богу!.. Сорокъ съ пятакомъ!

— Пять красныхъ... Вѣдь это не капуста.

— Тебѣ говорятъ,—дѣломъ-то, дѣломъ сколько! Сымай шапку, давай руку...

Началось что-то, неизобразимое словами. Потапычъ то наступалъ на мужика, а мужикъ отъ него пятился, то они снова сходились и били другъ друга по рукамъ. То они снимали шапки и крестились, то снова надѣвали ихъ и опять принимали позу

пѣтуховъ, собирающихся драться. „Сымай шапку!.. Молись Богу!.. Сорокъ два!.. Пятишницу накинь!.. Лошадь—мертвая!.. Да ты дѣломъ, дѣломъ-то говори!.. Сымай шапку!.. Молись Богу!.. По рукамъ, чтоль?"... Слова такъ и сыпались, какъ горохъ, такъ что постороннему трудно было понять, въ чемъ дѣло; потъ съ обоихъ валилъ градомъ, голоса охрипли. Всѣ съ разинутыми ртами, съ выпученными глазами, затаивъ дыханье, слѣдили за этой сценой, а у Митрія начала кружиться голова и подъ ложечкой засосало. Ему было жалко мужика, а Потапыча онъ почему-то вдругъ возненавидѣлъ; ему казалось, что будь онъ на мѣстѣ мужика—онъ давно бы отдалъ и лошадь, и даже телѣгу въ придачу, чтобы только отвязаться отъ Потапыча и не видѣть его выпученныхъ глазъ...

Мужикъ, наконецъ, дѣйствительно сталъ сдаваться. Онъ какъ-то вдругъ весь размякъ, опустился, ослабѣлъ, между тѣмъ какъ Потапычъ все больше и больше насѣдалъ на него, все чаще и чаще заставлялъ снимать шапку и молиться Богу, что̀ мужикъ продѣлывалъ уже совсѣмъ автоматически, и все упорнѣе, все настойчивѣе долбилъ свое. И обезумѣвшій, ошеломленный, сбитый съ позиціи мужикъ не выдержалъ. Бросивъ шапку объ земь, онъ махнулъ рукой и со всего размаху ударилъ Потапыча по рукѣ.

— Ладно... Бери! Владай! Съ Господомъ!..—упавшимъ голосомъ вымолвилъ онъ.

— Слава тебѣ, Господи!..—сказалъ и Потапычъ, и послѣ крѣпкаго рукопожатія они на этотъ разъ какъ слѣдуетъ сняли шапки и стали молиться. Въ толпѣ пронесся одобрительный шопотъ, и многіе тоже крестились; крестился и Иванъ, и Кирюха, и Митрій.

— Ну, теперь запрягай!—скомандовалъ Потапычъ, когда молитва кончилась. Мигомъ къ лошади бросилось нѣсколько добровольцевъ изъ толпы, подкатили телѣгу, запрягли лошадь и вывели ее на дорогу.

— Садись!—командовалъ Потапычъ.—Старикъ, садись! Эй, вы, кто еще тамъ? Еще, еще садись! Ну, будя... трогай!..

На телѣгу вмѣстѣ съ Жилиными и Потапычемъ ввалилось еще человѣкъ восемь, и вся эта орава съ гиканьемъ, свистомъ, галдѣньемъ понеслась во весь опоръ вдоль ярмарки. Публика, оставшаяся на мѣстѣ, съ интересомъ слѣдила за этимъ ристаніемъ и оживленно обмѣнивалась впечатлѣніями.

— Ловко бѣжитъ!.. Ничего, ногами здорово подкидываетъ! Чего тамъ... лошадь добрая! Потапыча, небось, не обманешь; первый барышникъ...

— Нѣтъ, паря, ловко онъ!—воскликнулъ кто-то восхищен-

нымъ голосомъ. — Какъ онъ его остолпилъ сразу... мужикъ-то обалдѣлъ совсѣмъ!

— Онъ это умѣетъ! Чай онъ видитъ, что къ чему сообразно... Онъ, братъ...

И всѣ стали восхищаться Потапычемъ, не обращая вниманія на хозяина лошади, который уныло стоялъ въ сторонѣ и, повидимому, никакъ не могъ еще придти въ себя. И только смутное сознаніе, что онъ „здорово продешевилъ", грызло и сосало его сердце.

Тѣмъ временемъ нагруженная телѣга съ трескомъ и грохотомъ подкатила къ мѣсту дѣйствія. Бѣдная лошадь тяжело дышала и была вся въ мылѣ, но у сѣдоковъ, и особенно у Ивана и Кирюхи, лица были довольныя и сіяющія. Лошадь оказалась хоть куда, и теперь оставалось только получить ее изъ полы въ полу съ прибавкой копѣйки „на поводокъ", расплатиться и идти въ трактиръ пить могарычи.

Счастливый Иванъ дрожащими руками отсчитывалъ засаленныя бумажки, а хозяинъ лошади, нѣсколько утѣшенный видомъ денегъ, стоялъ около него и считалъ вслухъ: „пятишна... трешна... бумажка!.. [1]) Еще бумажка... двѣ бумажки"... Иногда оба они сбивались со счету, растерянно глядѣли другъ на друга, беззвучно шевеля губами и сопя, потомъ сближались еще тѣснѣе надъ кучкой бумажекъ и снова принимались считать. Одинъ боялся „передать", а другой—недополучить... Потапычъ стоялъ въ сторонѣ, дожидаясь своего цѣлковаго „за хлопоты", и величественно разговаривалъ съ какимъ-то мужиченкомъ, который всячески около него лебезилъ и заискивалъ.

Наконецъ, кое-какъ разочлись, еще разъ помолились, пожали руки и поздравили другъ друга, одинъ—съ покупкой, другой—съ продажей. Кирюха повелъ лошадь на постоялый дворъ, а Иванъ, Потапычъ и бывшій хозяинъ лошади отправились въ трактиръ спрыскивать покупку. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Митрій выпросилъ у отца обѣщанный на картузъ полтинникъ и пошелъ на ярмарку.

Онъ скоро нашелъ торговца книжками и картинами и, остановившись около него, принялся разсматривать его разноцвѣтный товаръ. Но ни книжки, ни картинки ему не нравились; на картинахъ были изображены то голубые, зеленые, оранжевые черти, являющіеся за душой грѣшника (одинъ изъ нихъ, особенно представительный, былъ нарисованъ даже съ огромными красными

---

[1]) Такъ называютъ крестьяне рубль.

пуговицами на голомъ животѣ и съ портфелемъ подъ мышкой,— ни дать-ни взять становой приставъ, собирающій недоимки!), то разныя разодѣтыя барыни, цѣлующіяся съ франтами въ розовыхъ галстухахъ и во фракахъ, то какъ „Ванька Таньку полюбилъ", то „Вечоръ поздно изъ лѣсочку я коровъ домой гнала"... и все въ этомъ родѣ, а книжки и вовсе никуда не годились. На первомъ планѣ, конечно, былъ „Милордъ Аглицкій"; потомъ „Спящая Красавица"... „Разбойникъ Чуркинъ"... „Мартынъ Задека или 100.000 сновъ"... „Секретныя наставленія холостому"... и, наконецъ, неизбѣжный оракулъ или такъ называемый „Соломонъ", съ круглой и какой-то глупо-безмятежной рожей на первой странпцѣ. Митрій уже слышалъ отъ учителя, что эти книжки—дрянныя, что отъ нихъ у мужика въ головѣ только муть заводится, и съ разочарованіемъ въ душѣ глядѣлъ на ихъ пестрыя, заманчивыя обложки, съ яркими картинками и виньетками, скрывавшими грязно-сѣрую бумагу и безсмысленное содержаніе. „Ишь, дрянь какую вывалилъ! думалъ онъ, читая заглавія: „Хороша Маша, да не наша, или чортъ въ бутылкѣ". Чортъ, чортъ!.. Ужъ будто, коли мужикъ, такъ ему только чорта и нужно. И на картинкахъ черти, и въ книжкахъ черти... а вонъ учитель-то говоритъ, что чертей вовсе нѣтъ, что это суевѣріе... Кто ихъ знаетъ, не то правда, не то нѣтъ... а вотъ пишутъ же, рисуютъ! И кто ихъ видѣлъ? А вона какой нарисованъ!"

Къ книжкамъ изрѣдка подходили мужики, мѣщане, разглядывали картинки, обмѣнивались замѣчаніями, хохотали надъ чертями и вслухъ читали заглавія: „Чортъ въ бутылкѣ" произвелъ впечатлѣніе и былъ купленъ какимъ-то испитымъ малымъ въ поддевкѣ, съ серьгой въ ухѣ, бойко шли „Соломоны", соблазнявшіе горничныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ; „Чуркинъ" тоже привлекалъ вниманіе. Но мужики относились къ книжкамъ больше платонически, прочитывали названіе, любовались обложкой и, спросивъ о цѣнѣ, отходили прочь. Хотѣлъ-было уходить и Митрій, но вдругъ увидѣлъ лежавшую въ сторонѣ истрепанную, засаленную, запятнанную чернилами книжку съ заглавіемъ: „Учебникъ русской исторіи" и остановился. „Эхъ, вотъ это такъ занятная, должно"!—подумалъ онъ и спросилъ, сколько она стоитъ.

Торговецъ смѣрилъ его съ ногъ до головы опытнымъ взглядомъ, и, рѣшивъ про себя, что „парень—съ простинкой", небрежно отвѣчалъ: „полтинникъ"!

У Митрія даже духъ занялся. Онъ взялъ книжку и сталъ ее перелистывать. Внутри она была еще грязнѣе и растрепаннѣе, на страницахъ были надписи: „отъ сихъ и до сихъ", на

поляхъ—разные рисунки и росчерки; видно было, что кто-то въ свое время сильно и усердно трудился надъ нею. Но зато чего-чего тамъ не было! Варяги... Татарское иго... Куликовская битва... Царь Иванъ Васильевичъ Грозный... У Митрія тряслись руки.

— Много больно...—нерѣшительно сказалъ онъ.—Вѣдь она растрепанная...

— А растрепанная—клади назадъ! Чего ты ее мнешь ручищами-то?—оборвалъ его торговецъ.

Митрій сконфузился, вздохнулъ и, положивъ книгу назадъ, отошелъ.—Но черезъ минуту вернулся.

— Ну... вонъ чего!.. Дядя! Гривенникъ хочешь?

Хитрый торговецъ молчалъ. Книжка ему стоила грошъ, но торговля что-то плохо нынче шла, и онъ былъ не въ духѣ, а парень попался глупый, за эдакую дрянь гривенникъ даетъ! такъ хоть съ него сорвать барышъ.

— Ну... слушай!.. Пятіалтынный!

Опять молчаніе. Митрій весь даже сразу вспотѣлъ и, какъ всегда это бываетъ, неудача только еще сильнѣе его раззадорила.

— Двугривенный!—крикнулъ онъ отчаянно.

Торговецъ сдѣлалъ какое-то неопредѣленное движеніе... онъ уже хотѣлъ отдать книжку... но поглядѣлъ на взволнованнаго, краснаго Митюху и раздумалъ.

— Тьфу ты, пропасть!—сказалъ онъ, дѣлая видъ, что разсерженъ.—Ну, чего ты присталъ? Чего лѣзешь? Ты погляди книжка-то какая! Сурьезная книжка, а ты съ двугривеннымъ... Проходи, проходи!.. Читать-то, небось, путемъ не умѣешь, а туда же сурьезныя книжки покупать. Э-эхъ!

Митрій пошелъ отъ него какъ въ воду опущенный. Онъ самъ чувствовалъ, что зарвался и что двугривенный такая громадная сумма, которую онъ даже и не въ правѣ тратить на свое удовольствіе. Торговецъ провожалъ его глазами и думалъ: „небось, придешь еще“! Онъ былъ психологъ....

Митрій долго еще бродилъ по ярмаркѣ, толкался около балагановъ, слушалъ музыку, хохоталъ надъ „Петрушкой“, глядѣлъ на пляшущихъ вокругъ костра цыганокъ, но мысль о книжкѣ не выходила изъ головы. Уже стемнѣло, когда онъ вернулся на постоялый дворъ. Кирюха уже давно спалъ подъ телѣгой и такъ храпѣлъ, что на улицѣ было слышно, а подвыпившій Иванъ все еще никакъ не могъ угомониться и лежа на телѣгѣ, то принимался пѣть довольно диво и нескладно, то начиналъ нѣжно разговаривать съ новой лошадью, называя ее „дурачкомъ“ и „ми-

ленькимъ". Митрій поискалъ въ телѣгѣ, чего бы поѣсть, но не найдя, тоже залегъ подъ телѣгу рядомъ съ Кирюхой. Но несмотря на усталость, ему такъ и не пришлось заснуть, и онъ всю ночь напролетъ проворочался подъ телѣгой, думая о книжкѣ и о полтинникѣ, который прежде представлялся ему такимъ громаднымъ, а теперь оказывался такимъ маленькимъ, на который онъ прежде думалъ купить и картузъ, и книжку, и перьевъ, и бумаги, а вышло, что и ничего, пожалуй, не купишь. Эта мучительная мысль, вмѣстѣ съ страстнымъ желаніемъ во что бы то ни стало купить книжку, не давала ему успокоиться... а тутъ еще блохи, а тутъ Кирюха храпитъ... у Митюхи просто голова кругомъ пошла. Не мудрено послѣ этого, что подъ утро онъ совсѣмъ пересталъ здраво разсуждать и окончательно рѣшилъ пожертвовать картузомъ въ пользу Русской Исторіи.

Какъ только ярмарка проснулась,—проснулись гудки, свистульки, барабаны, шарманки, Петрушки, цыгане, фокусники; проснулись трактиры, кабаки, полупьяные мужики и барышники, торговцы и покупатели, Митюха былъ уже около книжекъ. Полусонный офеня, зѣвая, раскладывалъ свой товаръ, Митрій издали наблюдалъ за нимъ. „Его" книжки что-то не видать... Вотъ голубые и зеленые черти выстроились въ рядъ, а книжки нѣтъ... Вотъ и „Соломоны" наивно вытаращили круглые глаза и завертѣлись въ воздухѣ—книжки все нѣтъ. „Продалъ"...—подумалъ Митрій, и сердце у него захолонуло. Не вытерпѣлъ, подошелъ ближе,—глядь, вотъ она, голубушка, лежитъ на прежнемъ мѣстѣ... Слава тебѣ, Господи!

Въ эту минуту офеня увидѣлъ его и поманилъ къ себѣ.

— Эй, полупоштенный! Пожалте... Вамъ чего-съ?—предупредительно говорилъ онъ, дѣлая видъ, что не узнаетъ Митрія. Эту-съ? Пожалте... Полтинничекъ!.. Книжка—первый сортъ!..

— Двадцать пять...—едва слышно вымолвилъ Митрій.

Торговецъ съ минуту молчалъ въ раздумьи, потомъ вдругъ рѣшительно махнулъ рукой.

— Ладно! Давай деньги! Убытокъ несу... только для почину уступилъ. Ну... твое счастье—получай!

Но Митрій уже не слушалъ его. Онъ схватилъ книжку, тщательно завернулъ ее въ платокъ и побѣжалъ чуть не бѣгомъ, словно боясь, что его догонятъ и отнимутъ покупку. О картузѣ онъ больше уже и не думалъ; картузъ, что называется, „улыбнулся"... Поэтому Митрій уже безъ всякихъ сомнѣній и колебаній зашелъ въ первую лавку и на оставшіеся 25 коп. купилъ пузырекъ чернилъ, десть бумаги и пять перьевъ. Семь бѣдъ,

одинъ отвѣтъ! Отъ полтинника у него осталось ровнымъ счетомъ 3 копѣйки!

Около полденъ Жилины выѣхали изъ города домой. Отецъ былъ опять выпивши, Кириллъ тоже повидимому „съ мухой", и оба они всю дорогу распѣвали самыя развеселыя пѣсни. Новая лошадь шла въ пристяжкѣ, впрочемъ, не обнаруживая особенной прыти, а Митрій сидѣлъ на грядкѣ, правилъ и безпрестанно ощупывалъ пазуху, гдѣ у него были запрятаны покупки. Домой пріѣхали поздно, и отецъ сейчасъ же завалился спать, но Митрій улучилъ таки минуту, побѣжалъ на гумно и прочелъ нѣсколько страницъ изъ новой книжки. Книжка оказалась чудесная...

Утромъ отецъ проснулся съ головной болью, но въ духѣ, и сейчасъ же пошли разспросы, разсказы, воспоминанія, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которыхъ была, конечно, лошадь. Впрочемъ, Потапычъ тоже игралъ въ нихъ не послѣднюю роль, и разсказъ о немъ особенно произвелъ сильное впечатлѣніе на Анисью, жену Кирюхи, бабу вообще экспансивную и склонную ко всему необыкновенному. Когда предметъ былъ исчерпанъ, пошли всей семьей смотрѣть лошадь, которую тутъ же и нарекли Васькой. Васька всѣмъ понравился, его ласкали, гладили, ему не въ очередь подсыпали овсеца, а Анисья выразила искреннее желаніе, чтобы Васька пришелся по вкусу „хозяину", т.-е. домовому... Къ этому желанію присоединились всѣ и вернулись въ избу довольные и счастливые. Вопросъ о Васькѣ тоже былъ на время поконченъ... и вотъ тутъ-то Иванъ и вспомнилъ о злосчастномъ картузѣ.

— Да... Митюха! Ну-ка покажи, какой картузъ-то ты купилъ?

Митрій весь загорѣлся и мысленно пожелалъ себѣ провалиться сквозь землю.

— Не... Нѣту его... картуза-то! Я того... у меня и энтотъ еще хорошъ...

— А... ну ладно! Дѣло твое,—равнодушно сказалъ отецъ.— Такъ давай полтинникъ-то сюда.

Митрій, весь пылая, сталъ рыться въ карманахъ. Рылся долго, старательно, выворачивая всѣ карманы, и наконецъ торжественно выложилъ на столъ три копѣйки.

— Это что же такое?—съ удивленіемъ спросилъ Иванъ, глядя на мѣдякъ.

Митюха молчалъ. Въ избѣ всѣ притихли, всѣ глаза были обращены на Митрія.

— Куда-жъ ты полтинникъ-то дѣлъ, а? Слышь, что-ль?— уже грозно заговорилъ отецъ.

Митрій вздохнулъ, и растерянно улыбаясь, вытащилъ изъ кармана свою покупку.

— Вотъ я... книжку себѣ...—началъ онъ.

Иванъ поглядѣлъ на книжку, всталъ и молча вцѣпился сыну въ волосы. Но волосы—это-бы еще ничего; это-бы Митрій, пожалуй, стерпѣлъ; обиднѣе всего было то, что Иванъ, оттрепавъ сына, взялъ книжку и тутъ же бросилъ ее въ топившуюся печь. Этого Митрій не вынесъ. Онъ разрыдался и въ первый разъ въ жизни нагрубилъ отцу, попрекнувъ его тѣмъ, что онъ вчера пропилъ въ трактирѣ гораздо больше полтинника.

V.

Между отцомъ и сыномъ установились холодныя отношенія. Иванъ донималъ Митрія разными жалостными словами въ родѣ того, напримѣръ, что вотъ-де, нынче, какъ,—отцы стали пьяницы и дураки, а дѣти—умники, и т. д., а Митрій въ свою очередь дулся и молчалъ, сторонясь отъ всѣхъ и не входя въ семейные интересы. Это временное отчужденіе его отъ семьи привело къ тому, что онъ сталъ больше наблюдать и присматриваться, и то, чего прежде онъ не замѣчалъ, теперь стало бросаться ему въ глаза и заставляло его задумываться. Митрій вдругъ какъ-то понялъ, что Кирюха и его жена—глупы и невѣжественны, что отецъ часто бываетъ несправедливъ и никто ему не смѣетъ противорѣчить, и что вообще все идетъ какъ-то нелѣпо, совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало по настоящему. Вотъ, напримѣръ, замужнія сестры; до замужества онѣ были веселыми, бойкими и горластыми дѣвками, а теперь стали желтыми, худыми и, приходя къ нимъ въ гости, постоянно чего-то шушукаются съ матерью, жалуются и хнычутъ. Значитъ, имъ плохо жить замужемъ, а между тѣмъ никто не обращаетъ вниманія на это, Кирюха только хохочетъ, отецъ постоянно занятъ хозяйствомъ, мать тоже какая-то равнодушная, все молчитъ, такъ что ея и не слышно никогда, и либо прядетъ, либо постукиваетъ себѣ бердами. Пряжа и холсты были ея страстью, и хотя у нея всѣ укладки ломились отъ нихъ, она неустанно продолжала прясть и ткать, такъ что даже сосѣдки удивлялись и говорили между собою: „И Господи Боже мой, и куда это она все готовитъ? И на что это ей? Диви-бы, дочери—невѣсты были, а то вѣдь нѣтъ... а она все тчетъ, все тчетъ“... И предоставленный своимъ мыслямъ Митюха, слыша это безпрерывное жужжанье прялки, мелочную кропотню отца,

грубыя шутки Кирилла и безсмысленный хохотъ его жены, начиналъ чувствовать тоску и глухое недовольство...

Между тѣмъ, жизнь въ домѣ шла своимъ порядкомъ. Вставали до-свѣту, топили печь, завтракали, убирались на дворѣ, молотили, обѣдали, ужинали, въ свое время ложились спать. Новый Васька былъ веселъ, исправно ѣлъ и повидимому былъ доволенъ своимъ новымъ помѣщеніемъ и хозяевами. Только Анисья все это время обнаруживала какое-то необычайное волненіе и безпокойство. Вставъ утромъ, она раньше всѣхъ выбѣгала на дворъ, что-то тамъ дѣлала около Васьки и возвращалась въ избу сумрачная и недовольная.

— Нѣту!..—конфиденціально сообщала она Кирюхѣ.—Ничевошеньки нѣту...

— Нѣту?—озабоченно спрашивалъ и Кирюха.

— Ни званія... Вотъ бѣда-то, Господи!..

Оба вздыхали и невеселые принимались за работу. А на слѣдующій день повторялась опять то же самое.

Но однажды Анисья ворвалась въ избу сіяющая и торжественно объявила:

— Есть, есть!.. Слава тебѣ, Господи!

— Есть?—воскликнулъ Кирюха и сталъ поспѣшно надѣвать шапку.

— Есть... Вся грива до капельки!.. Слышь, матушка?—обратилась она къ свекрови. — Ваську-то нашего... прилюбилъ вѣдь хозяинъ-то!

— Ну?

— Вотъ-те Христосъ! Всю гриву заплелъ... Ей Богу правда. А я-то ужъ боялась... Ну, слава тебѣ, Господи!

И она благоговѣйно крестилась на образъ. Кирюха вернулся со двора тоже сіяющій, и они съ Анисьей принялись обсуждать радостное событіе. Митюха сидѣлъ тутъ же и слушалъ. Онъ все еще дулся, но тутъ ему стало не втерпежъ, и онъ рѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Да нешто домовой-то есть? — сказалъ онъ насмѣшливо.

И Кириллъ, и Анисья, и даже мать уставились на него съ изумленіемъ.

— А то нѣтъ по твоему? — спросилъ Кирюха и даже засмѣялся,—до того ему чудно показалось, что можно сомнѣваться въ существованіи такого лица, какъ домовой.

— Конечно, нѣтъ,—не задумываясь, отвѣчалъ Митрій.

На лицахъ всѣхъ присутствующихъ изобразился ужасъ, а

Анисья даже присѣла на полъ, замахала обѣими руками и заголосила.

— Батюшки, родимые мои! Да онъ сбѣсился... Глеко-ся, матушка-свекры, что онъ говоритъ-то!..

— Да вотъ и нѣтъ!—упрямо повторилъ Митрій.—Домовой, домовой... Ишь чего выдумали! Все это сказки бабьи... одно суевѣріе. Какой чортъ—домовой?

— Ну ужъ нѣтъ, — твердо и рѣшительно сказалъ Кирюха, вначалѣ ошеломленный заявленіемъ Митрія, но теперь пришедшій въ себя и рѣшившійся отстаивать домового изо всѣхъ силъ.— Домового-то нѣтъ? Ну, ужъ, это ты, братъ, не говори... это дудки!

— Да гдѣ онъ? Кто его видалъ-то?

— Да я самъ видалъ!..—торжественно объявилъ Кириллъ.— Помнишь, Анисья? Я тебѣ сказывалъ... Пошелъ я въ Чалому корму задавать, а *онъ* въ углу и сидитъ... Самъ зеленый, а глаза красные... да лохматый, да въ шерсти... однова дыхнуть!

— Пьянъ, должно, былъ... вотъ оно тебѣ и померещилось.

— Ой, батюшки! Ой, Царица небесная!—запричитала Анисья. —Кирюха, да что же это онъ? Аль онъ оглашенный? Ничего ужъ и не боится...

— Да чего мнѣ бояться? Домового-то твоего, что-ль? Да— тьфу я на него, вотъ тебѣ...

Анисья взвизгнула и присѣла, какъ будто ее ударили, а Кирюха въ страхѣ оглядѣлся по сторонамъ и замахалъ на брата руками.

— Да тише ты, непутевый!.. Одурѣлъ, что-ль? Услышитъ еще... да чего-нибудь сдѣлаетъ...

— Да, ну васъ!.. — сказалъ Митрій и пошелъ изъ избы.— Я съ вами, съ дурачьемъ, и говорить-то не хочу...

Пріѣхалъ съ мельницы Иванъ, и сѣли обѣдать. За обѣдомъ Анисью такъ что-то и подмывало. Она дѣлала Кирюхѣ какіе-то знаки, мигала, кивала, наконецъ не вытерпѣла и вдругъ фыркнула.

— Батюшка, а батюшка!.. Чего у насъ Митрій-то... говоритъ, домового не бываетъ...

Отецъ строго посмотрѣлъ на Митрія. Митрій молчалъ.

— Не быва-и-итъ? — протянулъ Иванъ. — Это кто-жъ тебѣ сказалъ?

— Въ училищѣ учили... — отвѣчалъ Митюха не совсѣмъ твердо.—Учитель сказывалъ... и батюшка тоже... и въ законѣ Божьемъ ничего нѣту...

Отецъ медленно прожевалъ кашу, положилъ ложку на столъ и пристально поглядѣлъ на сына.

— А вотъ, ежели взять тебя и съ учителемъ-то вмѣстѣ,— сказалъ онъ,—да разложить, да всыпать лозановъ съ полсотни,— вотъ ты и будешь тогда умничать...

Анисья торжествовала, и весь вечеръ въ избѣ шли страшные разсказы про домовыхъ, лѣшихъ и кикиморъ, про бабушку Ѳеклу, которую домовой такъ исщипалъ, что она цѣлую недѣлю сѣсть не могла, про дядю Дементія, который свою смерть видѣлъ, и т. д. Шестилѣтній Ленька-братишка, прижавшись къ матери, съ замираніемъ сердца слушалъ всѣ эти разсказы и шепталъ: „ой, мамушка, боюсь!"—а Митюха лежалъ на полатяхъ, и ему было скучно, скучно...

Подошли короткіе зимніе дни, длинныя, угрюмыя ночи, и Митрій заскучалъ еще пуще. Его тянуло въ училище; вспоминался покойный Петръ Ивановичъ, веселые вечера съ нимъ, разговоры... Еще день кое-какъ проходилъ въ домашней вознѣ, ну, а ужъ вечеромъ рѣшительно некуда было дѣваться. На улицу ходить Митрій еще какъ-то не привыкъ, заигрывать съ дѣвками стѣснялся, да и дѣвки смотрѣли на него какъ на подростка, гоняли отъ себя и дразнили „пискленкомъ". Оставалось лежать на печи, дремать и слушать жужжанье материной прялки и нескончаемую трескотню Анисьи. Иногда въ избу заходили сосѣдки, и начинались пересуды, сообщались разныя деревенскія новости въ родѣ того, напримѣръ, что въ Лаврухинѣ колдунья испортила молодыхъ, что у Ѳедотыча на гумнѣ появился оборотень, весь бѣлый и большущій, какъ копна,—и т. д. У мужиковъ разговоры были посерьезнѣе, но все одно и то же, — податя, недоимки, земли мало, хлѣба мало, земскій строгъ, снѣгу нѣтъ, зеленя плохи... Изрѣдка, въ видѣ развлеченія, Кирюха садился съ женой или съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей играть въ „носки", и вплоть до ужина въ избѣ только и слышалось хлопанье картами по носу, да раскатывался дружный хохотъ игроковъ. А тамъ, заваливались спать... и скука, кромѣшная скука, висѣла надъ селомъ, и казалось, что ей конца-краю нѣтъ.

Наконецъ, Митрій не вытерпѣлъ и пошелъ къ новому учителю за книжками. Андрей Сидорычъ былъ совсѣмъ не похожъ на прежняго учителя. Ему было уже лѣтъ за 30, но онъ казался еще старше своихъ лѣтъ. Худенькій, лысенькій, подслѣповатый, въ морщинахъ, съ сѣдиной въ жидкихъ русыхъ волосахъ—онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сильно помятаго жизнью. И дѣйствительно, прошлое его было не очень веселое, хотя въ

настоящее время Андрей Сидорычъ смотрѣлъ на него какъ на тяжелый, но неизбѣжный урокъ, подготовившій его къ теперешней дѣятельности, которою онъ былъ доволенъ и лучшаго ничего не желалъ. Учился онъ въ реальномъ училищѣ, но курса ему кончить не удалось, и онъ чуть не со школьной скамейки попалъ въ солдаты. Два года солдатчины сильно перевернули его, и онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Прежде онъ любилъ комфортъ, разныя нѣжности, сладкую ѣду, красивую одежду и мечталъ сдѣлаться по крайней мѣрѣ инженеромъ, чтобы получить все это,—въ солдатахъ его заставили жить въ душной казармѣ, вставать по барабану въ шесть часовъ утра, ѣсть протухлыя щи, носить грубое сукно. А главное, здѣсь, въ казармѣ, онъ увидѣлъ и въ первый разъ понялъ, что на свѣтѣ не одни только инженеры съ ихъ аппетитами, а существуетъ еще огромное человѣческое стадо, и это человѣческое стадо живетъ въ тѣснотѣ, темнотѣ и грязи, потому что инженерамъ нужно сладко ѣсть и мягко спать, и что если не будетъ этого темнаго и дикаго стада, то не будетъ и красивыхъ, выхоленныхъ инженеровъ. Многое по этому поводу передумалъ Андрей Сидорычъ, лежа въ казармѣ, на своей койкѣ, или стоя на часахъ, и вся прежняя его жизнь, прежнія его мечты показались ему подлыми, отвратительными. Тутъ подвернулся еще одинъ человѣчекъ съ неизданными сочиненіями Толстого, и довершилъ нравственный переломъ молодого человѣка. Выйдя изъ солдатчины, Андрей Сидорычъ сдалъ экзаменъ на сельскаго учителя и поступилъ на мѣсто въ глухомъ уѣздѣ одной изъ среднихъ губерній. Здѣсь онъ зажилъ суровой деревенской жизнью, зимой — училъ, лѣтомъ — работалъ въ полѣ съ мужиками, ѣлъ мужицкую ѣду, самъ все для себя дѣлалъ. Такъ какъ онъ не пилъ, не курилъ, его сначала считали за сектанта и сторонились, но потомъ привыкли, а послѣ и полюбили. Главное, онъ въ деревнѣ оказался просто незамѣнимымъ человѣкомъ: и лѣчить умѣлъ, и прошеніе написать, и столяръ, и маляръ, и все, чтὸ ни попросишь, дѣлаетъ съ охотой, съ удовольствіемъ, такъ что и просить его не страшно. Мужики бы ни за что не разстались съ такимъ учителемъ, да не понравился онъ кому-то изъ начальства, и его перевели. А потомъ опять перевели... не уживался Андрей Сидорычъ долго на мѣстахъ. Во время своихъ странствованій онъ женился тоже на учительницѣ, и они начали странствовать вмѣстѣ. Но, или онъ самъ усталъ и смирился, или времена настали другія, но его почему-то оставили въ покоѣ, и онъ вторую зиму благополучно учительствовалъ на мѣстѣ покойнаго Петра Иваныча.

Когда Митюха пришелъ къ нему за книжками, Андрей Сидорычъ куда-то собирался и видимо спѣшилъ, потому что, выслушавъ просьбу Митюхи, мелькомъ взглянулъ на него изъ-подъ очковъ и, снявъ съ полки двѣ-три листовки, подалъ ему.

— Вотъ тебѣ, голубчикъ, книжки!—сказалъ онъ (голосочекъ у него тоже былъ жиденькій, слабенькій, не то что у Петра Иваныча!).—Прочтешь, приходи въ другой разъ, у меня много. А теперь мнѣ некогда!

Митрій поблагодарилъ и вышелъ, вертя книжки въ рукахъ. Онъ былъ недоволенъ: во-первыхъ, учитель ему не понравился,— хоть онъ былъ и ласковый, и все, а видно, какой-то ужъ очень серьезный! Во-вторыхъ, размѣры книжекъ его совсѣмъ разочаровали. „Чего тутъ читать-то? думалъ онъ. Въ одинъ часъ, небось, сглонёшь. Нѣтъ, Петръ Иванычъ былъ лучше, и книжки у него все были здоровенныя. А этотъ... чисто воробей!.. и книжечки надавалъ какія-то тоненькія“...

Однако, вернувшись домой и напоивъ лошадей (кстати сказать, Васька при ближайшемъ знакомствѣ обнаружилъ множество всякихъ пороковъ и недостатковъ, но Иванъ никакъ не соглашался этого признать, сердился, когда ему объ этомъ говорили, и увѣрялъ всѣхъ, что Потапычу-то ужъ лучше знать...), Митрій улучилъ минуту и, крадучись ото всѣхъ, набросился на книжки. Это были сказки Толстого и еще кое-какія изданія Посредника, но Митюхѣ онѣ не понравились. Онъ былъ избалованъ чтеніемъ, и сказки его уже не удовлетворяли. „Это бы вотъ Кирюхѣ!—думалъ онъ.—Онъ про чертей любитъ“.

И на другой день онъ понесъ книжки обратно. На этотъ разъ учитель сидѣлъ дома и что-то строгалъ, а жена, некрасивая, но замѣчательно свѣженькая и бѣленькая блондинка, кормила кашкой ребенка. Въ крошечной комнаткѣ, гдѣ, бывало, у Петра Иваныча стоялъ дымъ коромысломъ, теперь было необыкновенно чисто, свѣжо и уютно. Надъ столомъ висѣлъ портретъ какого-то бородастаго старика, на стѣнахъ полки, а на нихъ пропасть книгъ, столы, табуретки—все это чистое, бѣлое. Митюхѣ очень здѣсь понравилось,—вѣкъ бы не ушелъ... Понравилась и учительница, и онъ засмотрѣлся на ея бѣлое лицо съ нѣжнымъ румянцемъ и бѣлые волосы.

Учитель сначала его не узналъ, но когда Митрій подалъ ему книжки, онъ вспомнилъ и спросилъ,—понравились ли ему онѣ?

— Я не люблю сказокъ-то...—уклончиво отвѣчалъ Митюха, не желая обидѣть учителя.—Вы мнѣ какую-нибудь другую дайте... Тургенева чтоль... а то нѣтъ ли исторіи какой... про Россію.

Учитель быстро переглянулся съ женой, и оба они съ любопытствомъ посмотрѣли на Митрія. Митрій сконфузился; ему показалось, что онъ сказалъ какую-то глупость. Но учитель вѣжливо подвинулъ Митрію табуретку, пригласилъ его сѣсть и сталъ разспрашивать,—когда онъ кончилъ курсъ, что̀ читалъ, какія книжки ему больше нравятся. Митюха отвѣчалъ осторожно, не очень высказывался, боясь что-нибудь „ляпнуть" и осрамиться, но просидѣвъ около часу, нѣсколько освоился, а подъ конецъ почувствовалъ себя такъ, будто онъ вѣкъ былъ знакомъ съ учителемъ, и уходя, уносилъ совсѣмъ не такое впечатлѣніе, какъ вчера. „Нѣтъ, ты не гляди, что онъ эдакій...—воробей! думалъ онъ, шагая по пустынной улицѣ и нѣжно прижимая къ себѣ связку книгъ, полученныхъ отъ Андрея Сидорыча.—Это далеко не родня Петру Иванычу... Тому, бывало, только бы погрохотать, да скажи чего почуднѣе, а этотъ—тихенькій, не улыбнется, ну ужъ зато говорить-то какъ!.. Прямо, такъ бы сидѣлъ всю ночь, да и слушалъ! Умный, страсть, и все, должно, знаетъ. Э-эхъ!"

Послѣднее восклицаніе вырвалось у него уже вслухъ отъ избытка чувствъ и какой-то необычайной радости, наполнявшей его душу. И ему непремѣнно захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь этой радостью. Онъ вспомнилъ про Сеньку Латнева и пошелъ къ нему.

Семенъ кончилъ курсъ на годъ позже Митюхи, и житье его теперь тоже было не сладкое. Отецъ его былъ человѣкъ тяжелый, мрачный и деспотъ по натурѣ. Иванъ Жилинъ—тотъ только въ своей приверженности къ старинѣ пересаливалъ, вообще же, по характеру, онъ былъ мужикъ добродушный, даже мягкій, въ хорошія минуты не прочь былъ и самъ пошутить, посмѣяться, попѣть пѣсни. А Прокофій Латневъ и самъ никогда не смѣялся, и терпѣть не могъ, когда другіе при немъ смѣются. Онъ любилъ, чтобы всѣ передъ нимъ гнулись, трепетали, были тише воды, ниже травы. Въ избѣ у нихъ всегда точно покойникъ былъ,—ни смѣха, ни говору; даже малыши боялись пикнуть. Когда-то, въ ранней своей молодости, Прокофій былъ первый на селѣ гуляка и буянъ, любилъ пофрантить и задать форсу, дебоширилъ по кабакамъ, участвовалъ во всѣхъ уличныхъ бояхъ и одно время даже сильно подозрѣвался въ конокрадствѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ его однажды до полусмерти исколотили мужики сосѣдняго села, онъ сильно измѣнился. Долго прохворалъ онъ послѣ побоевъ, чуть не померъ, а когда всталъ—никто не могъ узнать прежняго „Прошки-Оторвяги". Онъ замкнулся въ себѣ, водку пить бросилъ, женился и зажилъ по-крестьянски. Но его тяже-

лый нравъ, строптивость, желаніе властвовать дали себя знать въ отношеніи къ семьѣ. Жену свою онъ заколотилъ до того, что бѣдная баба впала въ идіотизмъ, при его входѣ терялась, мыкалась, какъ угорѣлая, несла всякій вздоръ, и все у нея валилось изъ рукъ. Дѣти отъ одного его взгляда прятались по угламъ, кто куда поспѣлъ. Одинъ только Сенька удался не трусливаго десятка и чуть не съ пеленокъ повелъ съ отцомъ войну. Въ дѣтствѣ это былъ шустрый мальчуганъ, бойкій на слова, забіяка и мастеръ на всякія выдумки. Бѣдняга-мать вѣчно тряслась за него и пугала его отцомъ, но на него это ничуть не дѣйствовало.

— Сенька, Сенька, отецъ идетъ!—кричала она, бывало, когда мальчуганъ черезъ-чуръ расшалится.

— А пущай его идетъ!—отзывался Сенька.

— Да вѣдь прибьетъ онъ тебя, каторжный!

— А я сдачи дамъ!—не задумываясь, отвѣчалъ мальчишка.

— Ай, ай, ай! Батюшки! Это отца-то, отца-то? Ахъ, ты, отчаянный!—въ ужасѣ восклицала мать, озираясь по сторонамъ, какъ бы не услыхалъ Прокофій.

Прокофій, впрочемъ, и самъ, неизвѣстно почему, угнеталъ Сеньку меньше, чѣмъ другихъ дѣтей, билъ его рѣдко, а иногда даже Сенькины выходки какъ-будто забавляли его, и Сенькѣ часто сходило съ рукъ то, за что другимъ не было спуску. Можетъ быть, при взглядѣ на Сеньку, ему вспоминалось собственное дѣтство; можетъ быть, онъ уловлялъ въ сынѣ какія-нибудь родственныя черты... кто его знаетъ?

Но когда Сенька сталъ подростать, и въ характерѣ его начали рѣзко обнаруживаться вспыльчивость, настойчивость, самостоятельность,—Прокофій какъ-будто раскаялся въ своей уступчивости и повелъ себя съ сыномъ очень круто. Но было уже поздно: Сенька не уступалъ ему ни въ чемъ, огрызался на каждомъ шагу, а когда однажды Прокофій вздумалъ-было его постегать вожжами по старой памяти,—Сенька весь поблѣднѣлъ, оскалился и, схвативъ полѣно, такъ посмотрѣлъ на отца, что тотъ плюнулъ и, пробормотавъ что-то насчетъ волостного, отошелъ прочь. Онъ почувствовалъ въ сынѣ силу, почти равную себѣ, и это въ одно и то же время и испугало, и обозлило его. Съ этого дня между отцомъ и сыномъ началась ожесточенная борьба: отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало сломить и подчинить себѣ непокорнаго сына, а сынъ не поддавался и стоялъ на своемъ. Вѣчная грызня пошла въ домѣ Латневыхъ, и запуганная жена Прокофія со дня на день ожидала неминучей бѣды.

По старой школьной дружбѣ Митюха съ Семеномъ часто

сходились вмѣстѣ, дѣлились впечатлѣніями и размышляли о своей горькой судьбѣ. Въ ихъ положеніи было много общаго, и это еще болѣе сближало ихъ, а задушевныя бесѣды приносили имъ облегченіе и удовольствіе. Часто они принимались мечтать и заносились такъ высоко, что самимъ становилось смѣшно. Съ теченіемъ времени дружба ихъ стала еще тѣснѣе и ихъ все чаще и чаще тянуло другъ къ другу. Свиданія ихъ происходили—зимой гдѣ-нибудь на улицѣ, подальше отъ народа, а лѣтомъ—за Латневскимъ огородомъ, на берегу рѣчки, подъ старой дуплистой ракитой. И много-таки пришлось наслушаться этой старой ракитѣ!

Такъ было и теперь. Пріятели долго сидѣли на ветхомъ крылечкѣ хлѣбнаго амбара и разговаривали о домашнихъ дрязгахъ, объ учителѣ и его книгахъ, о своихъ мысляхъ и мечтахъ. Семенъ заинтересовался учителемъ, и они рѣшили въ слѣдующій разъ пойти къ нему вмѣстѣ. На нихъ тихо глядѣли звѣзды; холодное зимнее небо было торжественно и печально; съ улицы доносились пѣсни разгулявшейся деревенской молодежи. На душѣ у пріятелей было тихо, хорошо и немножко грустно. И мечтательный увлекающійся Митюха, глядя на звѣздное небо, вдругъ воскликнулъ восторженно:

— Ахъ, Сенька, да вѣдь не пропадать же намъ, а? Чай, мы то же люди!..

Сенька помолчалъ, подумалъ, потомъ самоувѣренно тряхнулъ головой и сказалъ:

— Небось, Митюха, не пропадемъ!..

Наивные деревенскіе парни не знали еще, что и посильнѣе ихъ люди пропадали, добиваясь права мыслить и жить „по-человѣчески“, и что не однихъ ихъ ломала и коверкала страшная темная сила, именуемая бѣдностью и невѣжествомъ.

VI.

Митюха опять повадился ходить въ школу и таскать оттуда книжки. Книжки у Андрея Сидорыча были особенныя, но тоже занятныя—про звѣзды, про животныхъ и птицъ, про человѣка, какъ онъ внутри устроенъ,—и много другихъ. Но такъ какъ времена были не прежнія, то Митюхѣ приходилось читать ихъ тайкомъ отъ своихъ во избѣжаніе ссоръ и руготни. Это было очень трудно, особенно зимой, поэтому Митрій очень любилъ, когда его посылали ночью караулить овинъ. Туда къ нему приходилъ и Семенъ, они садились около печи, пекли въ золѣ картошку и при свѣтѣ

пылающей соломы всю ночь напролетъ читали и разговаривали. И это были самыя хорошія минуты въ ихъ жизни.

Но однажды Кирюха полѣзъ на полати за тулупомъ, да по нечаянности стащилъ не свой, а Митюхинъ. Сталъ онъ его закидывать обратно,—глядь, изъ рукава книжка какая-то торчитъ. Кирюха вынулъ ее, осмотрѣлъ, прочелъ по складамъ—„о травосѣяніи"—и сейчасъ подѣлился своимъ открытіемъ съ Анисьей. Оба они долго смѣялись, и за обѣдомъ, когда, по обычаю, всѣ были въ сборѣ, начали подтрунивать надъ Митюхой.

— Слышь, батюшка, учитель-то нашъ...—сказалъ Кириллъ, подмигивая женѣ.—Ужъ вонъ онъ какія книжки-то теперича читаетъ... какъ траву сѣять!..

Анисья фыркнула. Митрій покраснѣлъ и потупился; отецъ молча взглянулъ на него.

— Учитель! А учитель! — продолжалъ Кирюха, пользуясь случаемъ всласть похохотать.—Ты бы насъ поучилъ, какъ траву-то сѣютъ, а? А то, можетъ, поучишь, какъ пахать надо? Мы, можетъ, и пашемъ-то не по твоему? Извѣстно, по мужицкому дѣлаемъ, а не по ученому... ты ужъ поучи, сдѣлай милость!..

Онъ захохоталъ; Анисья за нимъ. Отецъ продолжалъ молчать. Митюха наконецъ не вытерпѣлъ.

— Ничего тутъ смѣшного нѣтъ!—съ досадой вымолвилъ онъ.—Эка... ротъ-то разинулъ — гляди, галка влетитъ! Ты траву, небось, не сѣялъ... ну, и поучись!

Кирюха съ женой залились еще пуще; Анисья даже кашей поперхнулась, замахала руками, закашляла и убѣжала въ сѣни.

— Ну, поучи, поучи...—сквозь смѣхъ вымолвилъ Кирюха.

— Чтожъ... а ты думаешь, плохо, что ли, пишутъ въ книжкѣ-то?—неувѣренно началъ Митрій.—Вонъ у насъ кормовъ не хватаетъ... а земля подъ паромъ зря пропадаетъ. А вонъ ежели взять, да засѣять ее клеверомъ, такъ вотъ тебѣ и кормъ... А земля отъ клевера еще лучше родитъ... Вотъ бы взять, и попробовать... Аль еще тимофеевка есть...

Но тутъ уже Кирюха не выдержалъ и разразился такимъ хохотомъ, что спавшій въ люлькѣ сынишка его проснулся и закричалъ, а вернувшаяся изъ сѣней Анисья по своему обыкновенію присѣла на полъ и завизжала. Смѣялся, глядя на брата, и Ленька, хотя не понималъ хорошенько, въ чемъ дѣло; только Иванъ угрюмо молчалъ и пристально смотрѣлъ на Митюху.

— Какой-такой еще клеверъ?—спросилъ онъ.

— Трава такая... ея у насъ въ лугахъ много. Цвѣтъ у ней красный, а листикъ...

— И энту траву сѣять?—перебилъ его Иванъ.

— Сѣять...

— На пару?

— На пару...

— Дуракъ ты, дуракъ и есть!—рѣшилъ Иванъ и полѣзъ на печь. Но лежа уже на печи, онъ добавилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:—Аль ужъ мы дураки стали... а вы больно умны... Нѣтъ, видно помирать пора...

И онъ долго еще что-то ворчалъ, ворочаясь съ боку-на-бокъ и вздыхая. Непобѣдимое ничѣмъ упорство Митюхи въ его стремленіяхъ къ книжкѣ не на шутку начало безпокоить старика, и въ его неповоротливомъ мужицкомъ мозгу, придавленномъ вѣками рабства, нужды и невѣжества, закопошились какія-то странныя мысли. Книжки... клеверъ... отрицаніе домового... все это пугало его, и Ивану чудилось, что на него идетъ что-то грозное, непонятное, въ родѣ чумы, голода, холеры и всякаго другого божескаго насланія.

Тѣмъ же вечеромъ, когда ни Митрія, ни Ивана не было въ избѣ,—всегда молчавшая „матушка“ вдругъ заговорила, обращаясь къ Кириллу:

— И что ты, Кирюха, на Митьку отцу наговариваешь? Чего вы на парня взъѣлись?

Кирюха опѣшилъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать.

— Да чудно больно...—сказалъ онъ.

— Что̀ чудно-то?.. А и чудно, ну посмѣялись бы промежъ себя, а не то что отца тревожить. Диви бы парень озорствомъ какимъ займался, аль безъ дѣла гулялъ, а то вѣдь нѣту этого. А ты его норовишь подъ гнѣвъ подвести... гдѣ бы помолчать, такъ нѣту,—надоть ротъ разинуть пошире. А отецъ серчаетъ.

— Да вѣдь нешто я, Господи!.. — воскликнулъ взволнованный Кирюха.—Кабы я со зла что-ль... аль бы мнѣ что... а то вѣдь я для смѣху...

— Для смѣху... Пора бы ужъ смѣяться-то бросить — самъ тятя... И ты, матушка, тоже!—обратилась она и къ Анисьѣ.—Хи-хи, да ха-ха, а чего смѣшно, и сама не знаетъ. Ровно дитя малое.

— Ну ужъ ты, матушка... что ужъ это такое? Ужъ и посмѣяться нельзя...—сказала Анисья обиженно и надулась. Но мать замолкла и сѣла за свою прялку.

Впрочемъ на Кирюху материнскія увѣщанія мало подѣйствовали. Дня два онъ крѣпился, а потомъ опять началъ приставать къ Митрію и дразнить его клеверомъ. „Ну-ка, Митюха, раз-

скажи-ка, разскажи про клеверъ-то, мы послушаемъ! Такъ клеверъ, а?" И богатырскій хохотъ его раскатывался по всей избѣ. Только что Митрію сровнялось 18 лѣтъ—отецъ рѣшилъ немедленно его женить, полагая этимъ выбить у него изъ головы всю дурь. Невѣста у него давно уже была на примѣтѣ. Митюха не протестовалъ,—что-жъ, жениться, такъ жениться!.. Но Семенъ Латневъ былъ противъ этого и всячески старался отговорить пріятеля отъ женитьбы.

— И охота тебѣ съ бабой связываться!—говорилъ онъ.—Пропащій человѣкъ будешь. Вотъ ужъ я на твоемъ мѣстѣ ни за что бы не женился!

— А что же ты сдѣлаешь?

— Да—сказалъ бы не хочу, и конецъ!

Но Митюха по натурѣ неспособенъ былъ на такое энергическое сопротивленіе и женился. Притомъ бѣлокурая Домна съ своими большими голубыми глазами ему нравилась, и въ глубинѣ души онъ надѣялся найти въ ней друга, съ которымъ можно будетъ поговорить по душѣ и который будетъ съ нимъ за-одно. Его ожидало горькое разочарованіе. Домна обнаружила полнѣйшее равнодушіе ко всему, что̀ интересовало Митрія и, напротивъ, всей душой тяготѣла къ тому, что̀ ему не нравилось. Когда онъ пробовалъ говорить съ ней о разныхъ высокихъ матеріяхъ, Домна видимо скучала, тупо глядѣла на него, зѣвала, чесалась и выказывала явное нетерпѣніе, но стоило только Анисьѣ подмигнуть ей и сдѣлать какую-нибудь смѣшную гримасу, на которыя вообще она была большая мастерица—и Домна оживлялась, хохотала и заводила съ Анисьей нескончаемую болтовню о разныхъ пустякахъ. Иногда въ этихъ разговорахъ принималъ участіе и Кирюха; они начинали щипать другъ друга, бороться; поднималась возня, хохотъ, драка въ шутку, а Митрій сидѣлъ въ углу всѣми забытый и съ грустью думалъ, что грубыя шутки и остроты брата гораздо больше нравятся Домнѣ, чѣмъ его „умственные" разговоры. Съ Анисьей Домна подружилась, и у нихъ завелись свои бабьи секреты, какія-то шушуканья по угламъ, хотя, впрочемъ, это нисколько не мѣшало имъ по временамъ грызться между собою и завидовать другъ другу изъ-за какой-нибудь ленточки, платка или стеклянныхъ бусъ. Но хуже всего было то, что когда Кириллъ съ женой принимались вышучивать Митрія,—Домна присоединялась къ нимъ и тоже начинала разсказывать про мужа разные смѣшные случаи. Кромѣ того у нея и другіе недостатки оказались: она была неряшлива—по цѣлымъ недѣлямъ ходитъ въ грязной рубахѣ, а на улицу непремѣнно вырядится въ плисо-

вую корсетку; потомъ лѣнива и все дѣлала кое-какъ, только бы сбыть скорѣе съ рукъ, наконецъ, страшно груба и бранчива. Ей ничего не стоило изъ-за пустяковъ поднять гвалтъ на всю избу, а огрызалась она на каждомъ шагу, не то что Анисья, которая все больше молчкомъ отдѣлывалась и ругалась очень рѣдко, когда ужъ очень „занапрасно" обидятъ. Все это Митрій очень скоро разглядѣлъ, но и тутъ по неумѣнью, какъ прежде съ Кирюхой, поступилъ очень круто. Вмѣсто того, чтобы постепенно отучать жену отъ ея недостатковъ и подчинить ее себѣ, онъ сталъ съ ней ругаться и этимъ ее ожесточилъ и оттолкнулъ отъ себя. Начались у нихъ ссоры; разочарованный Митрій придирался къ женѣ и пилилъ ее за все, что ему въ ней не нравилось; подозрительная, упрямая, своенравная Домна не поддавалась и возмѣщала свои обиды сторицею.

Когда Домна забеременѣла, Митрій почувствовалъ къ женѣ жалость и нѣжность, и на нѣкоторое время между супругами водворился миръ. Митрій былъ и смущенъ и въ то же время радъ, что у него родится ребенокъ, котораго ужъ онъ во всякомъ случаѣ будетъ воспитывать по своему. Онъ пошелъ къ учителю совѣтоваться и былъ очень тронутъ участіемъ и Андрея Сидорыча, и его жены, которые отнеслись къ дѣлу очень серьезно, надавали ему разныхъ книжекъ, наставленій, а учительша, кромѣ того, обѣщала и крестить ребенка и нашить ему распашонокъ. Онъ ушелъ отъ нихъ взволнованный, въ страшно восторженномъ настроеніи, но къ удивленію и разочарованію его, дома отнеслись къ этому не только не радостно, но даже подозрительно и враждебно. Во-первыхъ оказалось, что крестить младенца будетъ Анисья, это уже давно было рѣшено и подписано; во-вторыхъ, кто ее знаетъ, что это тамъ за учительша такая и зачѣмъ ей вдругъ ни съ того, ни съ сего рубашки чужому ребенку шить, въ третьихъ, наконецъ, роды дѣло бабье, и мужику соваться сюда вовсе не слѣдъ. Выслушавъ все это, Митрій ощутилъ въ сердцѣ своемъ отчаяніе, словно у него отнимали что-то необыкновенно дорогое, собственно ему принадлежащее, и рѣшилъ не сдаваться.

— Ну ужъ нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Это вы тамъ вѣдьму какую-нибудь позовете, да ворожить будете, ужъ этого я не позволю! Я земскую акушерку позову.

— Съ нами крестная сила! Вѣдьму!—закричала Анисья.—Онъ, дѣвушка, сбѣсился! Какія слова говоритъ? Это кто же вѣдьма-то (тьфу, тьфу!)? Ужъ не бабка ли наша, Кириллиха?

— Кириллиха или еще тамъ другая какая, а только я ее отсюда турну.

— Матушка, слышь-ка, чтò онъ?.. „Турну"! Да она, старушка божья, дай ей Богъ здоровья, все село на своихъ рукахъ принимала, и у меня принимала, и у матушки твоей тебя же, небось, непутеваго, повивала, а ты—„турну"!

— И турну! Да еще соли на хвостъ насыплю, чтобы назадъ не верталась!

— Ну такъ я же акушерку твою турну—вотъ что!—входя въ азартъ возопила Анисья.—Я ей всѣ ноги ухватомъ переломаю, а не дамъ до младенчика коснуться! Видала я ее тоже, поганую! Стриженная, табачищемъ вся провоняла, не дай-то Господи! Не съ Кириллихой сравнять...

— Это, можетъ, она-то и есть вѣдьма, а не Кириллиха,— замѣтила молчавшая до сихъ поръ Домна.

Это замѣчаніе сразу убило Митрія. Онъ безнадежно взглянулъ на жену и замолчалъ. Темная сила обступала его со всѣхъ сторонъ, и онъ не умѣлъ, не зналъ, какъ съ нею бороться, а только портилъ дѣло своей излишней горячностью.

Однако онъ продолжалъ крѣпиться, старался не сердить жену и всячески за нею ухаживалъ, оберегая ее отъ лишней работы. Домнѣ это нравилось, но она понимала это ухаживанье совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и поэтому страшно капризничала, ломалась и преувеличивала тягость своего положенія, желая вызвать въ Митріи еще бòльшую нѣжность. Она и не подозрѣвала, что Митрію иногда страшно хотѣлось ее отколотить за ея капризы, но онъ боялся за ребенка, и облегчалъ себя только тѣмъ, что уходилъ на огородъ, бралъ топоръ и принимался изо всѣхъ силъ рубить ни въ чемъ неповинную колоду, испоконъ вѣка смиренно лежавшую подъ плетнемъ въ крапивѣ.

Еще тяжелѣе было Митрію, когда въ избу набирались сосѣдки и между ними завязывался разговоръ, близко касавшійся ожидаемаго событія. Бабы одна передъ другой наперерывъ подавали Домнѣ совѣты, какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ, и каждая изъ нихъ, умудренная собственнымъ опытомъ, непремѣнно начинала съ мельчайшими подробностями разсказывать, какъ она сама рожала, да чтò съ ней въ это время дѣлали, чтò ей помогло, отъ чего стало хуже. Одна совѣтовала пуще всего бояться „притки" и „ускопа",—таинственныхъ болѣзней, ежеминутно подстерегающихъ бѣдную роженицу; другая сообщала, что отъ „младенской" непремѣнно надо имѣть наговоренную нитку; третья рекомендовала достать „овечій пузырь", высушить

его и носить на шеѣ вмѣстѣ съ образомъ. И бѣдная Домна, напуганная всѣми этими ужасами, блѣднѣла, не спала по ночамъ, потеряла аппетитъ и наконецъ дѣйствительно захворала. Все это тщательно скрывалось отъ Митрія, и однажды онъ, вернувшись откуда-то, засталъ въ избѣ высокую худую старуху, съ орлинымъ носомъ и величавою осанкой. Она сидѣла на почетномъ мѣстѣ и что-то говорила густымъ басомъ, а Домна и Анисья подобострастно ее слушали. Это и была „старушка божія", Кириллиха.

— Это у тебя, дѣвка, „глазовая",—говорила она, обращаясь къ Домнѣ.—Ты не бойся, это брюхомъ у всѣхъ бываетъ. Время ужъ такое, что лихой глазъ сильнѣе беретъ.

— Вѣрно, баушка, правда твоя!—подхватила Анисья.—Вотъ и у меня было *это*, когда я Петяшкой была брюхата! А съ чего? Иду я къ обѣднямъ, а Анютка подлая встрѣлась, да и говоритъ: что это ты, Аниська, аль двойни хочешь родить, росперло тебя какъ свинью супоросую?.. Такъ меня съ энтихъ словъ и прострѣлило...

Опухшая, пожелтѣвшая Домна слушала все это, и въ ея глазахъ свѣтились тоска и страхъ, такъ что Митрію стало ее жаль, и онъ не рѣшился выполнить своей угрозы, посыпать бабушкѣ Кириллихѣ соли на хвостъ. Но когда Кириллиха ушла, онъ чуть не со слезами сталъ умолять Домну не слушать бабъ, а когда придетъ время—обратиться къ акушеркѣ. Къ удивленію его ни Домна, ни Анисья ничего не возражали, напротивъ, смиренно съ нимъ соглашались, и Митюха успокоился. „Видно, не помогла Кириллиха-то!"—думалъ онъ.—Однако вышло все иначе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Это было въ ноябрѣ, въ самую невылазную грязь и распутицу. Ивану вдругъ понадобилось взять у зятя, жившаго въ сосѣднемъ селѣ, какую-то овчину, и Митюхѣ велѣно было запрячь лошадь и ѣхать къ зятю. Митюха поѣхалъ, замучилъ лошадь, самъ чуть не утонулъ, да и овчины у зятя никакой не оказалось, а когда онъ вернулся, все уже было кончено. Домна измученная, блѣдная, какъ смерть, лежала на примостѣ, около нея что-то пищало и ворочалось въ дубленомъ полушубкѣ, а у печи бабушка-Кириллиха что-то полоскала въ корытѣ.

— А, вотъ и Митюха!—встрѣтила Митрія Анисья особеннымъ какимъ-то сладкимъ голосомъ.—А мы тутъ безъ тебя управились... И не чаяли не гадали...—продолжала она, виляя глазами и избѣгая смотрѣть прямо на Митюху.

— Съ сынкомъ поздравляю!—пробасила бабушка-Кириллиха.

Ошеломленный Митюха тупо глядѣлъ на жену, на сына, на Анисью. Онъ понялъ, что былъ обманутъ... и такъ ему стало горько и обидно, что онъ чуть не заплакалъ. Не подходя къ сыну, онъ вышелъ изъ избы, ушелъ на огородъ и, присѣвъ на изрубленную колоду, погрузился въ мрачныя думы.

Но увидѣвъ красненькаго здоровенькаго мальчугана, барахтавшагося въ корытѣ, онъ примирился съ своей обидой и опять началъ воевать съ бабами. Пуще всего онъ боялся, чтобы онѣ его не обкормили чѣмъ-нибудь, и дѣйствительно, разъ ему удалось накрыть Анисью, которая пихала въ ротикъ ребенку какую-то сѣрую жвачку. Онъ разсвирѣпѣлъ, вырвалъ ребенка изъ рукъ Анисьи и поднялъ такой шумъ, что даже храбрая Анисья испугалась.

— А ну васъ къ ляду!—сказала она.—Имъ же добра хочешь, а они... Да плевать мнѣ на васъ!..

Нѣсколько дней она не подходила къ ребенку, но наконецъ не вытерпѣла и посовѣтовала Домнѣ кормить сына тюрькой.

— Чего на него глядѣть-то!—говорила она.—Не помирать же ребенку? Молоко-молоко... что въ немъ, въ молокѣ-то? Никакой сытости нѣту,—одна вода. Ты вонъ погляди на моихъ-то,—всѣ на кашѣ выросли, а чисто налитые. Много Митька твой смыслитъ!—Анисья, говоря это, позабыла, что уже двоихъ она снесла на погостъ. Домна послушалась и начала кормить малютку тюрькой изъ окаменѣлыхъ баранокъ. Отъ этой тюрьки у мальчика весь ротикъ покрылся плѣсенью, а животикъ начало пучить, и онъ на крикъ кричалъ день и ночь и сучилъ ножками.

— Что это такое съ нимъ?—спрашивалъ Митрій, съ ужасомъ глядя на бѣлыя губы ребенка.

— А это онъ „цвѣтетъ"!—объяснила Анисья.—Это у нихъ всегда бываетъ...

Но Митюха испугался и побѣжалъ къ учителю. Учительша дала ему лекарство, велѣла чище держать ребенка, а главное—ничѣмъ не кормить, кромѣ молока. Отъ лекарства плѣсень прошла, но животикъ продолжалъ болѣть, и здоровый прежде мальчикъ началъ хирѣть не по днямъ, а по часамъ. Его постоянно рвало; животъ сталъ огромный, а ручки и ножки тоненькія, какъ лучинки, и самъ онъ весь сталъ какъ восковой. Митюха не зналъ, что дѣлать, да и бабы испугались.

— Это у него „сухая стѣнь",—рѣшила Анисья.—Надо бабушку-Кириллиху позвать...

Явилась бабушка-Кириллиха и, осмотрѣвъ ребенка, подтвердила діагнозъ Анисьи.

— Вотъ лечили-лечили, да и долечили!—иронически сказала она, намекая на учительшины лекарства.—Какія тутъ лекарства! Его перепекать надоть!

Истопили жарко печь, какъ для хлѣбовъ, посадили ребенка на лопату и начали его „перепекать“. Митрій засталъ уже только конецъ этой операціи, когда полумертваго отъ нестерпимой жары ребенка вытаскивали обратно изъ печи. Это зрѣлище такъ его поразило, что онъ даже остолбенѣлъ и долго не могъ вымолвить ни слова.

— Что это вы дѣлаете?.. Зачѣмъ это?—произнесъ онъ наконецъ, еле ворочая побѣлѣвшими губами и дрожа какъ лихорадкѣ.

— А это мы его перепекаемъ...—нетвердо вымолвила Домна.—Бабушка-Кириллиха велѣла...

Бабы были испуганы и ждали бури. Но Митрій не сказалъ ни слова, только махнулъ рукой и вышелъ. „Ничего, видно, не подѣлаешь!“—рѣшилъ онъ.

Мальчикъ вскорѣ умеръ, и его снесли на погостъ. Послѣ его смерти Митюха впалъ въ апатію, ни во что больше не вмѣшивался, а съ женою совсѣмъ пересталъ разговаривать. Она ему опротивѣла.

Между тѣмъ и Домна начала что-то прихварывать. Она осунулась, постарѣла лѣтъ на пять и по лицу ея пошли желтыя пятна. Прежняя веселость ея исчезла, а сварливость увеличилась. Она постоянно брюзжала, жаловалась на поясницу и стала еще лѣнивѣе и неряшливѣе. Бабушка-Кириллиха нѣсколько разъ „правила“ ей животъ, но это не помогало, а вторые роды были у нея такіе трудные, что даже „божья старушка“ ничего не могла подѣлать и сама посовѣтовала позвать земскую акушерку. Это было тяжелое время въ домѣ Жилиныхъ; всѣ пріуныли, Анисья забилась за печку и не подавала голоса, даже хохотунъ-Кирюха имѣлъ убитый видъ и ходилъ какъ въ воду опущенный.

Когда пріѣхала акушерка, да не одна, а вмѣстѣ съ докторомъ, бабушка-Кириллиха такъ растерялась, что у нея даже руки тряслись, и Анисья, наблюдавшая за ней изъ-за печки, сразу потеряла къ ней уваженіе. Впрочемъ и на доктора съ акушеркой она глядѣла недовѣрчиво и видя, какъ они распоряжаются въ избѣ, раскладываютъ какіе-то ящики, бутылки и покрикиваютъ на Кириллиху, думала про себя: „Господи!.. Срамота-то! Сроду ничего такого не было, а теперь вонъ что“... И ей даже досадно было на Домну, которая была причиной всей этой „срамоты“, вздумавъ родить „не по-людски“.

Домнѣ пришлось дѣлать операцію. Операція была трудная

и мучительная и для роженицы, и для доктора. Всю ночь въ избѣ Жилиныхъ горѣлъ огонь, всю ночь въ печи кипѣли чугуны съ водой, и растерянная Кириллиха мыкалась изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая. Она потеряла всю свою величавость, изъ рукъ у нея все валилось, и докторъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ отказаться отъ ея услугъ. Ее замѣнила Николавна и оказалась такой расторопной и дѣловитой помощницей, точно сама вѣкъ была въ бабкахъ. А Анисья продолжала сидѣть за печкой и, прислушиваясь къ стонамъ Домны, думала: „Господи, страсти-то какія! И чего ужъ они ее мучають,—все равно помреть... Ужъ коли „царскія врата“ не разрѣшили, такъ чего ужъ тутъ... небось, и ребенокъ-то давно мертвый“.

Но операція кончилась благополучно, и къ утру Анисья услышала слабый дѣтскій крикъ. Это ее такъ поразило, что она выползла изъ-за печи и подошла къ Домнѣ. Домна увидѣла ее и слабо улыбнулась.

— Жива?—полушопотомъ спросила Анисья, и вдругъ засмѣялась и заплакала. Потомъ въ дикомъ порывѣ она бросилась къ доктору, который мылъ у корыта руки, схватила его за рукавъ и, заливаясь слезами, принялась цѣловать ему мокрый локоть.

— Эта откуда взялась?—спросилъ удивленный докторъ.— Вотъ, когда тебя нужно было, небось, не являлась, а когда все сдѣлали, ты и выскочила.

— Господи!.. Кормилецъ!.. Да вѣдь кабы мы не дураки были...—восклицала Анисья.

И, бросившись къ акушеркѣ, она стала и ее цѣловать, при чемъ чуть было не вышибла у нея изъ рукъ ребенка. „Кормилица ты наша!.. Ангелъ Божій!“—причитала она, совершенно забывъ, что эту же самую акушерку недавно называла „поганкой“ и табашницей“. Всѣ были тронуты этой сценой, а у Домны по щекамъ катились слезы, и она, подозвавъ къ себѣ Анисью, прошептала: „Кабы не они,—померла бы“...

— И очень просто померла бы!—подтвердила Анисья, утирая фартукомъ слезы. Но въ эту минуту взглядъ ея упалъ на Кириллиху, смиренно сидѣвшую въ уголку, и ей захотѣлось какъ-нибудь уязвить ее и показать, что она въ ней совершенно разочаровалась.

— А ты что же, бабка, сидишь?—грубовато крикнула она ей.—Ишь... разсѣлась... барышня сама ребенка моетъ, а она... Хошь бы помои-то вынесла!

Бѣдная Кириллиха покорно встала и принялась выносить помои.

Послѣ этого случая бабы, да и Кирюха тоже, на нѣкоторое

время притихли и оставили Митрія въ покоѣ. Но это было не долго; Домна скоро поправилась и все пошло по прежнему; даже Кирилиха какъ-то съумѣла вернуть себѣ прежній авторитетъ. Опять появились соски, жвачки, наговоренныя нитки и прочіе аттрибуты деревенской медицины, но на этотъ разъ ребенокъ стойко перенесъ все и, несмотря на кривыя ноги и огромный животъ, остался жить. Впрочемъ, Митюхѣ теперь было все-равно: онъ какъ-то вдругъ ослабѣлъ, пересталъ входить въ домашнія дѣла и жилъ себѣ въ одиночку съ своими неопредѣленными желаніями и мечтами; о которыхъ зналъ только одинъ Семенъ Латневъ. Случалось, что домашніе по цѣлымъ днямъ не слыхали отъ него слова и, глядя на молчаливаго и разсѣяннаго, съ блуждающимъ растеряннымъ взглядомъ, сына, Иванъ съ горечью думалъ, что, должно быть, Митюха-то за наказаніе божіе уродился дурачкомъ...

VII.

Поссорившись съ женой и почувствовавъ щемящую тоску, Митрій рѣшилъ пройтись къ старой ракитѣ и посидѣть тамъ на бережку. Рѣчонка была скверная, вонючая, вся заросшая зеленой плѣсенью; ракита корявая, морщинистая, облѣзлая, но Митюхѣ казалось, что лучше этого мѣста и быть не можетъ, потому что здѣсь всегда было пусто и тихо и никто не мѣшалъ сидѣть и думать сколько душѣ угодно. А, можетъ быть, и Семенъ прибѣжитъ... Спустившись съ обрыва, Митюха заглянулъ сначала въ Латневскій огородъ, — не видать ли товарища. Но въ огородѣ было пусто, только подсолнухи важно покачивали головами, глядя на заходящее солнце, да красные маки, вздрагивая и перешептываясь, собирались спать. Митрій подождалъ-подождалъ и спустился еще ниже, къ ракитѣ. И какъ только онъ сѣлъ на облупленный, покрытый лишаями корень ракиты, такъ то знакомое ему, торжественное и тихое настроеніе, которое онъ такъ любилъ, овладѣло имъ. Все, что было тамъ вверху,—всѣ эти мелочныя дрязги, брань съ женой, воркотня отца, хозяйственныя нужды и заботы,—все было забыто, ушло куда-то далеко-далеко. Здѣсь было все другое, особенное; рѣчка какъ-то тихо и таинственно журчала, въ травѣ радостно и беззаботно пѣли кузнечики, и чувствовалось такъ легко и свободно, и мысли являлись другія, хорошія, какъ то высокое свѣтлое небо, которое какъ будто тоже думало важную думу, глядя на затихающую землю. И Митрію казалось, что и рѣка, и небо, и ракита думаютъ одну и ту же думу: зачѣмъ

ссориться и браниться, когда на свѣтѣ такъ хорошо, когда солнце такое ясное, трава такая зеленая, и такъ славно пахнетъ коноплей и даже какой-то крошечный кузнечикъ изо всѣхъ силъ стрекочетъ и радуется...

Вдругъ трескъ плетня надъ головой Митрія вспугнулъ его мысли и заставилъ его оглянуться. Черезъ плетень перелѣзалъ Семенъ Латневъ. Это былъ высокій ловкій парень совсѣмъ другого типа, чѣмъ Митрій. Въ смугломъ лицѣ его, въ курчавыхъ темныхъ волосахъ и тонкихъ черныхъ бровяхъ было что-то цыганское, подвижное, безпокойное; небольшіе черные глаза смотрѣли твердо, рѣшительно и самоувѣренно; тонкія ноздри такъ и играли. А Митюха былъ приземистый, нескладный, съ неувѣренными движеніями, съ длинными руками, болтавшимися какъ-то зря; волосы у него были сѣрые, лицо сѣрое, большіе глаза растерянно блуждали по сторонамъ; притомъ онъ имѣлъ привычку постоянно открывать ротъ, что̀ придавало ему глуповатый видъ и дѣйствительно дѣлало похожимъ на дурачка.

Митрій, взглянувъ на пріятеля, сейчасъ же замѣтилъ, что онъ не въ духѣ. Надъ бровями морщина, ноздри прыгаютъ и губы скривились на правую сторону.

— Покурить есть?—отрывисто спросилъ онъ, располагаясь на животѣ у ногъ Митрія.

— Есть,—отвѣчалъ Митрій и поспѣшно вытянулъ изъ кармана полинялый ситцевый кисетъ, сшитый Домной еще въ первый годъ ихъ свадьбы.

Пріятели молча сдѣлали себѣ крючечки и закурили.

— Опять поругался!—сказалъ Семенъ послѣ пятой затяжки.

— Поругался?—испуганно спросилъ Митрій.

— Да какъ же!—раздражительно началъ Семенъ, перевертываясь и садясь на землю какъ слѣдуетъ.—Все драться кидается! Ну ужъ билъ бы меня, что ли (да я еще не дамся!—вставилъ онъ между прочимъ), а то на мать лѣзетъ! И такъ ужъ она еле жива ходитъ, хрипитъ, кашляетъ, а онъ на нее съ обротью... Ну ужъ, говорю, нѣ-ѣ-тъ!.. Взялъ оброть, да и закинулъ ее на сарай. Вотъ тебѣ, говорю, что!.. Распалился страсть. Весь трясется...

— Ишь ты!—сочувственно воскликнулъ Митюха и вздохнулъ.

— Да еще что загнулъ,—продолжалъ Семенъ, и нижняя губа у него затряслась, что̀ было признакомъ крайней степени нервнаго возбужденія.—Ужъ я, говоритъ, выпорю тебя въ волостномъ... подожди! „Выпорю"!.. А?

Онъ взглянулъ пылающими глазами на Митрія и даже вско-

чилъ на ноги. Руки и плечи у него дрожали, мускулы лица ходили ходуномъ.

— Н-ну...—протянулъ Митрій и, помолчавъ, добавилъ успокоительно.—Зря болтаетъ... Себя только тѣшитъ! Нешто будутъ въ волостномъ ни за что драть?

— Да ужъ попробуй только!—успокоиваясь такъ же быстро, какъ вскипѣлъ, сказалъ Семенъ и опять сѣлъ.—Ну-ка, дай-ка еще табачку-то...

Онъ сдѣлалъ себѣ новый крючекъ и сталъ усиленно затягиваться, мрачно глядя на голубые столбы дыма, поднимавшіеся кверху и таявшіе въ воздухѣ.

— А я, братъ... тоже!—уныло проговорилъ Митрій.—Жена опять... Вѣдь эдакая злыдня! Одно только слово и сказалъ ей, а она и почала, и почала... И не радъ былъ... Ужъ, кажется, и то молчу, какъ зарѣзанный, а имъ все неймется. Силдвъ никакихъ нѣту!

— Ну ужъ съ женой-то я бы не посмотрѣлъ!—угрюмо проговорилъ Семенъ.

— А какъ же?

— Изволочилъ бы, да и все. Живо бы у меня усмирилась.

— Нну...—нерѣшительно проговорилъ Митрій.—Изволочилъ бы!.. Чего съ ней взять? Баба...

— А баба, такъ и молчи... Эхъ, Митька!—съ сердцемъ воскликнулъ Семенъ. —Розя ты, погляжу! Какъ барана тебя женили, да и баба еще помыкаетъ! Терпѣть не люблю тебя за это дѣло!

— Розя? Ты говоришь,—розя? Нѣтъ, постой!..—горячо заговорилъ Митрій и остановился, какъ всегда затрудняясь сразу высказать волновавшія его мысли. Онъ и самъ удивлялся не разъ, отчего это въ головѣ у него все такъ хорошо и складно выходитъ, а какъ начнетъ говорить или писать — чортъ знаетъ, что̀ получается, даже совѣстно. Семенъ смотрѣлъ на него сердито и насмѣшливо.

— Розя и есть!—повторилъ онъ. — Съ бабой не справится, какой же ты есть мужикъ!..

— Нѣтъ, погоди, погоди! — продолжалъ Митрій, мучительно волнуясь и напрягаясь, чтобы поймать ускользнувшую мысль.— Какъ такъ розя? Это, значитъ, по твоему, чуть что, кулакомъ? А ежели я не хочу? Моихъ правилъ на это нѣту? Человѣкъ— дуракъ, понимать не можетъ, а я его вдругъ кулакомъ за это— ррразъ!.. Хорошо, по твоему это, а?

— Хорошо, не хорошо, а не приставай.

— Постой, постой, Сеня! Изволочить — что! Изволочить не долго, и очень даже просто можно! А толку-то что? Ну, я тресну ее... ну, что же? Прибавится у ней ума, что ли, отъ этого, а? Какъ по твоему?

— А шутъ ее знаетъ! Я почемъ знаю.

— То-то и оно-то!.. Нѣтъ, братъ... Вонъ тебя отецъ пороть хочетъ, ты что же послѣ этого будешь? Усмиришься, ай нѣтъ?

Семенъ молчалъ. А Митюха, въ порывѣ внезапнаго вдохновенія и поймавъ, наконецъ, нужную ему мысль, продолжалъ:

— Эхъ, Сеня!.. Вѣдь живемъ-то мы какъ, аль ты не знаешь? Темно у насъ... бѣдно... податься некуда... Чего мы знаемъ? Чего мы видали? Зарылись въ навозѣ, да и сидимъ, и дохнуть некогда. За что же ты ихъ бить-то будешь? а? Ты вотъ погляди, вотъ рѣчка, скажемъ, бѣжитъ... Такъ вѣдь въ ней одна капля, можетъ, въ тыщу разовъ больше нашего перевидала, а у насъ все одно, да одно... И тыщу лѣтъ было одно, и еще, можетъ, тыщу лѣтъ будетъ тоже самое. А капля-то все бѣжитъ, да бѣжитъ... и до моря она добѣжитъ, а мы все будемъ въ своемъ навозѣ сидѣть. Одурѣешь вѣдь, Сеня, а? И будешь ты и драться, и ругаться, и водку пить отъ тоски, и чорту какому-нибудь лысому кланяться, а я тебя за это приду, да въ морду кулакомъ... Такъ, что ль? Поставилъ синякъ, и правъ?

Семенъ опять ничего не отвѣчалъ. Митюха его пронялъ; каждое слово товарища било его по сердцу словно молоткомъ, и, уткнувшись лицомъ въ землю, Семенъ чувствовалъ, какъ отъ сердца и до самаго горла подымается у него что-то горячее, и жжетъ, и душитъ. А Митюха, уставившись покраснѣвшими неподвижными глазами въ пространство, продолжалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Это я тебѣ про мужиковъ все сказывалъ... а бабы-то? Имъ еще тошнѣе нашего. Мужикъ все-таки и туда, и сюда, и въ волость ходитъ, и въ кабакъ, и на заработки онъ... а баба безперечь дома. Что ей? Откуда ума-то набраться? Погляди-ка... Корыта, да горшки, да квашня... да мужикъ свой же придетъ пьяный, аль такъ, со зла, двинетъ кулачищемъ... гдѣ ни попадя, словно лошадь она... Рѣдко кто не бьется-то... а то всѣ. На что Филиппъ вонъ, — доберъ, доберъ, а тоже видалъ я, какъ онъ свою за косы волочилъ. Ну ка-сь, что, хорошо бабѣ-то это? Аль хошь бы и твою мать взять, — отчего она такая? Много ль ей годовъ-то, а у ней и голова трясется, и согнулась вся... вотъ оно, бабье-то житье! „Доля ты, долюшка русская, женская,

врядъ ли труднѣе сыскать“! — продекламировалъ онъ вдругъ, и самъ растревоженный собственными словами и пришедшими на память стихами Некрасова замолчалъ.

Кругомъ было все такъ же тихо, и темнѣющее небо такъ же торжественно думало свою важную думу. Солнце давно сѣло; заря догорѣла и потухла. Рѣчка невнятно что-то шептала и потихоньку бѣжала впередъ, а пріятели все сидѣли подъ ракитой, охваченные тоской, и глядѣли, какъ струйка за струйкой пробиралась сквозь вонючую плѣсень и уходила все дальше и дальше, торопясь покинуть родные берега.

Вдругъ Семенъ поднялся и изо всѣхъ сихъ ударилъ кулакомъ по ракитѣ. Ракита встрепенулась и застонала; Митрій вздрогнулъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на друга.

— Нѣтъ, будетъ!—вымолвилъ Семенъ.—Уйду я!..

— Куда уйдешь-то?—спросилъ Митрій.

— Куда глаза глядятъ. Аль мѣста нѣту? Только бы мнѣ пачпортъ выправить.

— А я то... какъ же?—упавшимъ голосомъ вымолвилъ Митрій.

— И ты пойдешь! Вмѣстѣ и закатимся. Айда, ребята, прощай! Только вы насъ и видѣли... Э-и-ихъ!

Онъ гикнулъ, пронзительно засвисталъ и, схвативъ огромный комъ сухой земли, изо всѣхъ силъ запустилъ его въ рѣку. Въ водѣ что-то ахнуло, мирныя лягушки въ испугѣ посыпались въ рѣчку, плѣсень заколыхалась и разступилась во всѣ стороны.

— Во какъ! — весело сказалъ Семенъ и обернулся къ пріятелю.—Ну... а ты чего молчишь?

— Нѣтъ... мнѣ нельзя уйти...—прошепталъ Митрій.—Какъ я уйду... самъ третей... Куда жена-то дѣнется? А они-то?.. Отецъ... и мать, жалко... и... Нѣтъ ужъ!..

Онъ безнадежно махнулъ рукой, замолчалъ, и скорчившись, сталъ глядѣть на рѣку, которая все бѣжала впередъ и нашептывала тихонько о томъ, какъ скучно и тѣсно ей здѣсь, и какъ хорошо тамъ, далеко, гдѣ широко и вольно раскинулась зеленая степь, гдѣ гуляютъ на просторѣ бурливыя, синія волны.

VIII.

А у Домны, между тѣмъ, тоже были свои волненія и тревоги. Ее давно уже безпокоила холодность къ ней мужа, и она никакъ не могла взять въ толкъ, отчего это происходитъ? По ея бабьимъ понятіямъ, она была баба хоть куда, не хуже другихъ,

и свое бабье дѣло исполняла какъ должно. Работать работала, умѣла и хлѣбы испечь, и щи сварить, и пряла, и ткала, и дѣтей рожала, — чего же еще нужно? У всѣхъ такъ, а вѣдь живутъ же другія бабы въ ладу съ мужьями. Вонъ Кириллъ съ Анисьей, — и женаты давно, и дѣти у нихъ уже большія, а до сихъ поръ душа въ душу живутъ: иной разъ поднимутъ между собою такую возню и грохотню, хоть святыхъ вонъ выноси, точно молоденькіе. Отчего же у нихъ съ Митькой этого нѣтъ? Отчего Митька идоломъ на нее смотритъ,—ни пошутитъ, ни посмѣется, ни подойдетъ къ ней никогда, словно она ему и не жена, а дерево какое-нибудь? Да хоть бы мужикъ-то былъ настоящій, а то глупый какой-то, пустой,—„читатель", надъ которымъ походя всѣ смѣются, какъ надъ дурачкомъ, и котораго отецъ съ утра до ночи бранитъ за лѣнь и ротозѣйство. И вдругъ этотъ ледащій мужиченко, который, по настоящему, долженъ бы цѣнить такую жену, какъ Домна, не обращаетъ на нее никакого вниманія, дуется, молчитъ, а если и заговоритъ, то все попреками, да укорами... обидно было это Домнѣ! А тутъ еще и сосѣдки стали поговаривать, да жалѣть, да покачивать головами,—что это, Домнушка, аль у васъ съ мужемъ-то неладно?.. аль, Домнушка, мужъ-то тебя не любитъ?.. Слушая эти намеки, Домна мучилась и злилась; досадно и завидно было ей глядѣть на чужое счастье; зло брало на сосѣдокъ, на Митьку-дурака, на свою несчастную долю, а придумать ничего она не могла, да и думать не умѣла... И вотъ въ одну изъ особенно горькихъ минутъ, когда Кирюха привезъ изъ города Анисьѣ кумачу на сарафанъ, и Анисья прибѣжала къ Домнѣ въ клѣть похвастаться подаркомъ, Домнѣ пришло въ голову, что и вправду, должно быть, Митрій ее не любитъ... а коли не любитъ, такъ навѣрное у него „какая-нибудь" есть... Ревность и злость запылали въ уязвленномъ сердцѣ Домны; она принялась подсматривать за Митюхой, перебрала всѣхъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ и даже выслѣдила Митрія, когда онъ ходилъ подъ ракиту. Но нигдѣ ничего подозрительнаго она не нашла; подъ ракитой Митюха только и дѣлалъ, что лежалъ на животѣ, да глядѣлъ чего-то въ воду; ни съ кѣмъ изъ дѣвокъ и бабъ особенно не былъ ласковъ, напротивъ, даже избѣгалъ ихъ; въ гости никуда не ходилъ, только развѣ забѣжитъ къ сосѣду Филиппу, женѣ котораго, Аннѣ, уже давно за сорокъ перевалило. Несмотря на это, Домна не унялась и продолжала доискиваться причины охлажденія къ ней мужа. И вдругъ ее осѣнило... зачѣмъ Митюха такъ часто въ школу бѣгаетъ? Книжки-то книжками, да вѣдь не однѣ же книжки... И не даромъ Митрій при

каждой ссорѣ учительшей ее попрекаетъ... Учительша и такая, и сякая, у учительши чистота, учительша слова грубаго не скажетъ, а она, Домна, и неряха, и лѣнтяйка, и лается походя. Эти попреки и раньше очень обижали Домну, и она заочно возненавидѣла учительшу; теперь же, когда она додумалась до того, что у Митрія съ учительшей неладно, каждая мелочь получала для нея особенный смыслъ и значеніе. Съ затаенной злобой она замѣтила, что Митрій, отправляясь въ школу, непремѣнно надѣвалъ чистую рубаху и причесывалъ волосы; замѣтила также, что возвращался онъ оттуда веселый, а однажды въ церкви Домна къ ужасу своему увидѣла, что Митрій поздоровался съ учительшей за руку. Это обстоятельство почему-то особенно утвердило Домну въ ея подозрѣніяхъ, и она рѣшила во что бы то ни стало вывести все дѣло на свѣжую воду, „накрыть“ и осрамить, а пока молча злилась и вымещала злость на горшкахъ и ухватахъ. Но терпѣнія ея не хватило надолго; при первой же стычкѣ съ мужемъ она не выдержала, прорвалась и выложила все, что накипѣло на душѣ. А когда Митюха вмѣсто того, чтобы оправдываться и защищаться, плюнулъ и ушелъ, Домна почувствовала себя совсѣмъ покинутой и глубоко несчастной. Въ страшномъ душевномъ разстройствѣ она испортила хлѣбы, перебила нѣсколько горшковъ, оттаскала за волосы сынишку, поругалась съ Анисьей, наконецъ, заперлась въ клѣти и стала во весь голосъ выть.

Это было черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ послѣдней ссоры съ Митріемъ. Все это время Митрій проводилъ въ полѣ и потому не зналъ, что дѣлается съ женой, а о ссорѣ своей съ нею совершенно забылъ. Ничего не подозрѣвая, онъ возвращался домой; на душѣ у него было хорошо и весело; любимецъ—Чалый тоже былъ веселъ и бѣжалъ торопливою рысцой; день былъ свѣтлый, но не жаркій. Митрій вообще любилъ бывать въ полѣ, любилъ полевыя работы, полевую кашу съ дымкомъ, веселый лязгъ косъ, веселый шумъ травы и хлѣбовъ; онъ любилъ и росистыя ночи въ полѣ, и спанье подъ телѣгой, и бродячіе туманы по оврагамъ, и ржанье лошадей, и утренній пронизывающій холодокъ, и утреннее пѣніе жаворонковъ... Все это возбуждало въ немъ какое-то особенное настроеніе, особенное, захватывающее чувство простора, свободы; въ душѣ вспыхивали неясныя, но сладкія ощущенія: впереди мерещилось что-то свѣтлое, огромное; вспоминались стихи Некрасова, Кольцова, Тургеневскія „Записки Охотника“; хотѣлось куда-то туда, въ другую жизнь, такъ хорошо описанную этими поэтами, и въ то же время казалось, что

уже и самъ жилъ когда-то „тамъ" и вмѣстѣ съ ними думалъ, чувствовалъ, видѣлъ...

— Эхъ, ты, степь моя, степь широкая!..—декламировалъ Митюха, зажмурившись, и ему чудилось, что это онъ самъ—кольцовскій косарь, что у него „плечо—шире дѣдова", что русы кудри его—„лежатъ скобкою", и въ лицо ему дуетъ вольный степной вѣтеръ, и цвѣты ему кланяются до земли, и добываетъ онъ своей вострой косой золотую казну для невѣдомой красавицы-дѣвицы... Тпру!.. Чалый остановился у воротъ, и Митюха очнулся. Степь куда-то ушла, исчезла, передъ глазами растрепанная гнилая крыша; на завалинкѣ роются въ землѣ грязные пузатые ребятишки, и Митюхинъ тутъ же съ своими кривыми ножками и большой головой, а самъ Митюха уже не косарь, поэтическій и красивый, съ кудрями и румянцемъ въ видѣ алой зори, а просто Митюха, растрепанный, въ грязной рубахѣ, пропотѣвшей насквозь, въ рваныхъ лаптяхъ, въ засаленной шапкѣ. „Эка, куда заѣхалъ"!—подумалъ Митрій, и ему самому стало смѣшно надъ собою и немножко грустно. Кривоногій сынишка увидалъ его и съ крикомъ: „тянька, тянька"! заковылялъ къ нему на встрѣчу, но зацѣпился нога объ ногу и упалъ. Митюха поднялъ его, приласкалъ и опять посадилъ на завалинку, потомъ отпрягъ Чалаго, поставилъ его подъ навѣсъ и вошелъ въ избу.

— Ну, здравствуйте!—сказалъ онъ весело.—Поѣсть нѣтъ ли чего?

Анисья, сумрачная, завозилась у печи, гремя ухватами и ворча.

— Поѣсть, поѣсть... Небось, поѣсть-то всякій спроситъ,—это ужъ небось! А вотъ ты ворочай, какъ каторжная, день-деньской, и помоги тебѣ нѣту. Дьяволы...

— А Домна гдѣ же?—спросилъ Митрій, оглядываясь.

— Да ужъ твоя Домна!.. Поди, поцѣлуйся съ нею! Она нонѣ у насъ барыня; ея нонѣ день-то въ избѣ убираться, а она, ишь ты, разбросала все, раскидала... прибирай за ней. Я на васъ не крѣпостная, работать-то!..

— Да гдѣ же она?—повторилъ Митюха, чуя недоброе.

— А чума-е-знать! Въ клѣти залегла, ровно медвѣдица... всѣхъ облаяла, да еще и воетъ. Ишь, и робенка-то бросила, съ утра не ѣмши...

Въ эту минуту ребенокъ съ плачемъ перелѣзалъ черезъ порогъ и что-то лепеталъ, показывая на голову и протягивая рученки къ отцу. У Митрія сжалось сердце; онъ взялъ ребенка на руки, далъ ему хлѣба, и ребенокъ утихъ.

— Мама... бія... силился онъ объяснить.—Боня... Бо-оня!..

Митрій посадилъ его на лавку и пошелъ посмотрѣть, что̀ дѣлается съ женой.

— Поди, поди, покланяйся ей...—ворчала ему вслѣдъ Анисья. —О, чтобъ васъ, дьяволы...

Клѣть дѣйствительно была приперта изнутри, и оттуда слышались какіе-то странные звуки. Митрій постучался.

— Домна, а Домна!

Звуки прекратились; настала гробовая тишина.

— Домна, ты что же это дуришь? Иди, обѣдать собирай! Тамъ Ванюшка отъ крику надсѣлся, а ты разлеживаешься. Слышишь, иди?

Молчаніе, Митрій началъ терять терпѣніе.

— Да ты больна, что ли? Аль нѣтъ? Слышишь, что ли? Домна!

Ни звука. Митрій плюнулъ.

— А, ну тебя... задурила! Коли не хочешь говорить, такъ и сиди, а мнѣ тутъ некогда съ тобой валандаться.

И онъ повернулся-было уходить. Но въ разсчеты Домны вовсе не входило покончить дѣло такимъ образомъ. Затаивъ дыханіе, съ бьющимся сердцемъ, съ злобной радостью она ожидала, что Митюха будетъ ломиться въ дверь, подниметъ шумъ, и ужъ тогда она ему все „выгвоздитъ", за все отплатитъ. Ей хотѣлось задѣть его за живое какъ можно больнѣе, довести до злости, до остервенѣнія, чтобы онъ тоже ругался и кричалъ, чтобы онъ даже побилъ ее... И услышавъ, что Митрій уходитъ, Домна живо бросилась къ дверямъ.

— Ну... Ты чего? Чего тебѣ надоть?—грубо закричала она.

Митрій поддался на удочку и остановился.

— Не дури, вотъ чего! Ишь, моду какую выдумала? Что̀ на тебя наѣхало? За что Ваньку побила? Выходи, поѣсть собери.

Дверь вдругъ неожиданно распахнулась, чуть не ударивъ Митрія по лбу, и на порогѣ предстала Домна, растрепанная, съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ и злобно сверкающими глазами.

— Чего ты ко мнѣ присталъ, чего присталъ, нечистый духъ? —завизжала она, наступая на мужа и размахивая руками.— Самъ вихрится бо-знать гдѣ, идолъ, а какъ жрать захотѣлъ и про жену вспомнилъ? Не жена я тебѣ, чорту, вотъ тебѣ что̀... Руки на себя наложу, и Ваньку придушу, и домъ сожгу, подлецъ ты эдакій...

— Да что ты, что ты?—отступая отъ натисковъ жены, говорилъ оторопѣвшій Митрій.—Что ты, сбѣсилась, что ли?

— Подлецъ, распутникъ!—кричала Домна, входя все болѣе и болѣе въ азартъ.—Къ учительшѣ своей ступай, пущай она тебѣ обѣдать собираетъ, а я не буду... Я къ отцу сейчасъ уйду, и Ваньку возьму, а ты сиди съ учительшей... обнимайся съ ней, съ потаскухой...

Митрій поблѣднѣлъ и во всѣ глаза поглядѣлъ на изступленную жену.

— Что ты болтаешь, дура?—проговорилъ онъ, сдерживаясь, но чувствуя, что въ сердцѣ его что-то закипаетъ.—Ты вотъ что̀, братъ... ты не мели зря-то... кабы худо не было. Ругаться-ругайся, коли хочется, а учительшу трогать не смѣй...

— Анъ ужъ нѣтъ! Ужъ я не замолчу! Я на все село васъ осрамлю, подлыхъ эдакихъ! Чужемужница она, учительша-то твоя, вотъ что! Съ женатыми парнями путается, своего-то мужа мало ей! Полюбовниковъ завела...

Домна кричала все громче и громче, и грубыя, гадкія слова градомъ сыпались на голову Митрія. Безмысленная злоба ея передалась и ему; у него потемнѣло въ глазахъ и онъ бросился къ женѣ.

— Молчи, гадина!—крикнулъ онъ, и, схвативъ жену за воротъ рубахи, ударилъ ее въ спину.

Домна только этого и дожидалась. Она неистово закричала, вырвалась изъ рукъ мужа и съ разорваннымъ воротомъ, съ растрепанными волосами бросилась на улицу.

— Ой, батюшки, убилъ, убилъ!.. Ой, родимые, помогите, убилъ, съ учительшей связался, меня убить хочетъ... Ой, караулъ!..

Митрій кинулся-было за нею, но опомнился и остановился. Онъ весь трясся какъ въ лихорадкѣ, зубы его стучали, сердце колотилось. „О, Господи, да что же это такое"?—растерянно шепталъ онъ, прислушиваясь къ воплямъ Домны. Злость его мигомъ прошла и смѣнилась стыдомъ и раскаяньемъ. Въ первый разъ онъ ударилъ жену и теперь съ какимъ-то ужасомъ глядѣлъ на свои сжатые кулаки, въ которыхъ еще сохранялось противное ощущеніе удара о человѣческое тѣло. „Небось, больно я ее... Тьфу, до чего довела... И какъ это я? Господи... А она-то, она-то... на всю улицу кричитъ... люди сбѣгутся... срамота"!

Дѣйствительно, на крики Домны сбѣгались сосѣди, а главное, сосѣдки, и всѣмъ она показывала разорванную рубаху, причитала во весь голосъ и жаловалась на мужа и на учительшу. Сосѣдки ахали, качали головами, сочувствовали; Анисья побросала горшки и тоже вертѣлась въ толпѣ, а въ избѣ заливался всѣми брошенный и голодный Ванька. Но Митрій уже не пошелъ въ избу.

Онъ проскользнулъ въ заднія ворота, вышелъ на гумно и побрелъ, куда глаза глядятъ, стараясь поскорѣе убѣжать отъ всего, если бы можно, даже отъ самого себя.

Но окружающая тишина, теплый вѣтерокъ, вѣющій въ лицо, и полное безлюдье привели его въ себя. Онъ перевелъ духъ, вытеръ выступившій на лбу потъ и присѣлъ на ворохъ прошлогодней соломы. „Ну, дѣла!—проговорилъ онъ вслухъ.—Что теперь дѣлать-то, а"?

Все происшедшее представилось ему во всемъ своемъ безобразіи; все было такъ противно, гадко, что даже и думать не хотѣлось. Гадко, что кричала Домна про учительшу, гадко, что онъ ее ударилъ, гадко, что собрался народъ и все это видѣлъ и слышалъ... Теперь разнесутъ сплетки по всему селу, дойдетъ до учителя, и Митрій хоть глазъ не кажи въ школу. А что подумаетъ о немъ учительша, когда узнаетъ грязную сплетню?.. При этой мысли Митрія даже въ жаръ бросило. Онъ такъ уважалъ учителя и его жену, такъ высоко ихъ ставилъ, что даже подумать о нихъ дурное казалось ему невѣроятнымъ. И вдругъ глупая баба во все горло кричитъ на улицѣ про учительшу, про эту недосягаемую для него женщину, что она—его полюбовница... Митрій отъ стыда и обиды даже зажмурился и замоталъ головой. „Фу-у, батюшки вы мои!—шепталъ онъ.—Что же я теперь дѣлать-то стану? Какъ на людей глядѣть, на учительшу?.. Вотъ такъ, скажутъ, гусь! Вѣдь откуда-нибудь да взяла она это, Домна-то? Ну и прямо на меня... онъ-де выдумалъ... чтобы похвалиться дескать... фу-фу-фу-у! И еще бить кинулся... а туда же тогда съ Сенькой расписывалъ... и то, и сё"... и какъ это бабу бить... а самъ сейчасъ и съ кулаками... у, дьяволъ"!..

Митюхѣ захотѣлось плакать. Можетъ быть, онъ и заплакалъ-бы, но въ эту минуту его вниманіе привлекла какая-то унылая фигура, копошившаяся неподалеку около омета соломы. „Да это никакъ Филиппъ! — подумалъ Митрій и, оглядѣвшись, увидѣлъ, что онъ самъ сидитъ на Филипповомъ гумнѣ.—Чего это онъ тамъ дѣлаетъ? Ему бы въ полѣ надо быть, а онъ дома... Аль что стряслось?"

Филиппъ былъ ихъ ближайшій сосѣдъ, и Митюха любилъ его за тихій нравъ и за то, что съ нимъ, какъ и съ Семеномъ, можно было поговорить обо всемъ, безъ боязни встрѣтить насмѣшку или равнодушіе. Труженикъ и хлопотунъ, онъ такъ же, какъ и Иванъ Жилинъ, всячески старался поддержать свое хозяйство въ равновѣсіи, но, несмотря на неимовѣрныя усилія въ этомъ направленіи, ему какъ-то не везло. Несчастія преслѣдо-

вали его: то у него сгорѣла изба, то старшій сынъ, уже большой парень, померъ отъ горячки, то украли лошадь. Дѣла его запутывались все больше и больше, но онъ не падалъ духомъ и всегда былъ ровенъ; неудачи не ослабили его, не расшатали, а закалили. Другой на его мѣстѣ давно бы махнулъ на все рукой, запьянствовалъ или сбѣжалъ куда-нибудь, но Филиппъ крѣпился и боролся съ нуждой изо всѣхъ силъ, хотя никакихъ надеждъ на лучшее будущее у него не было. Напротивъ, онъ сознавалъ, что жизнь съ каждымъ днемъ становится все сложнѣе и ставитъ современному мужику такія мудреныя задачи, которыхъ онъ своими силами, пожалуй, и не разрѣшитъ. Онъ сознавалъ, что мужикъ слишкомъ теменъ для этого, что однимъ каторжнымъ трудомъ ничего не подѣлаешь и что нужно мужику еще что-то такое, кромѣ здоровыхъ рукъ, здоровой спины, да матушки—Сохи Андреевны. На эту тэму у нихъ съ Митріемъ часто происходили долгіе разговоры, при чемъ Митрій, по своему обыкновенію, ударялся въ самыя розовыя мечты, а Филиппъ со вздохомъ приговаривалъ: „Эхъ, братъ, такъ-то оно такъ, да мы то, старики, этого не увидимъ... Ну, а вы, молодые, живите, учитесь, авось и доживете до чего-нибудь"... Самъ онъ былъ неграмотенъ, но любилъ послушать чтеніе, интересовался разными новостями, а дѣтей своихъ всѣхъ посылалъ въ школу, даже дѣвчонокъ, изъ-за чего у нихъ съ женой происходили иногда стычки. Жена его, Анна, была баба умная, но черезъ-чуръ житейская; выше всего на свѣтѣ она ставила хозяйство, и самой задушевной мечтой ея, самымъ страстнымъ желаніемъ было то, чтобы всего у нихъ было много, чтобы амбары ломились отъ хлѣба, чтобы въ клѣтяхъ нанесены были горы яицъ, ветчины, кудели; въ сундукахъ—холсты, овчины, пряжа, на дворѣ—куры, овцы, телята, свиньи... Бѣдность и недостатки были ея больнымъ мѣстомъ, и добродушная по природѣ Анна испытывала болѣзненную зависть и злость при видѣ чужого благосостоянія. „Эхъ, Господи!—горько жаловалась она по временамъ. — Хоть бы денёчекъ пожить такъ, какъ люди-то живутъ, чтобы было у чего хлопотать, къ чему руки приложить... А то выйдешь на пустой дворъ,— глядѣть тошно"...

— Не грѣши, не грѣши!—ворчалъ на нее Филиппъ.—Каша есть, хлѣбъ есть, чего же тебѣ? Сыта, и благодари Господа. Мало ей, ишь ты! Мало, и то ты въ церкву никогда не заглянешь, а много будетъ, и вовсе про Бога-то не вспомнишь!

— А на что я Ему нужна?—возражала Анна. — Онъ, Батюшка, и такъ всѣ мои грѣхи видитъ и знаетъ, а ходи я въ

церкву-то каждый праздникъ, такъ вы бы всѣ голодомъ насидѣлись!

И хотя, по ея же словамъ, Аннѣ „не къ чему было руки приложить", она вѣчно была въ хлопотахъ, вѣчно выискивала какого-нибудь дѣла и всячески старалась хоть немножечко приблизить свою жизнь къ тому идеалу, который мерещился ей во снѣ и на яву. Она неустанно пряла, шила, выворачивала на ново какіе-нибудь никуда негодные обноски, скоблила, мыла, и при помощи этихъ неимовѣрныхъ хлопотъ ей дѣйствительно удавалось кое-какъ замазать и пріукрасить свою нищету. Дѣвчонокъ своихъ, когда онѣ подросли, она тоже запрягла-было въ работу и ужасно протестовала, когда Филиппъ надумалъ посылать ихъ учиться. Грамота, по ея мнѣнію, была пустое дѣло, а для дѣвокъ и вовсе не подходящее, и Анна долго воевала съ мужемъ изъ-за школы. Но Филиппъ уперся, даже, несмотря на свой тихій нравъ, поколотилъ жену и поставилъ-таки на своемъ. Дѣвчонки начали учиться. Впослѣдствіи, впрочемъ, Анна примирилась съ этимъ; одна изъ дѣвочекъ выучилась въ школѣ вышивать, и всѣ деревенскіе щеголи начали заказывать ей рубахи съ расшитыми подолами, а другая пошла читать по покойникамъ и такъ ловко навострилась „выводить голосомъ", что совсѣмъ отбила практику у черничекъ. Послѣ этого практическая Анна принуждена была признать пользу школы и смирилась.

Митрій подошелъ къ Филиппу, который тащилъ лукошко съ соломой, и по его разстроенному лицу увидѣлъ, что опять какая-нибудь бѣда случилась.

— Что это ты нынче дома?—спросилъ онъ.

— Да что, паря, плохо дѣло! Корова издыхаетъ!—отвѣчалъ Филиппъ, поставивъ лукошко на земь и здороваясь съ Митріемъ за руку.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Его черныя, жилистыя руки дрожали, добрые выцвѣтшіе глаза часто моргали, и онъ безпрестанно поводилъ своей морщинистой тонкой шеей, словно ему было неловко. Митюха глядѣлъ на него, на его рваный зипунъ, и ему такъ жалко стало Филиппа, что онъ совершенно позабылъ о своей домашней неурядицѣ.

— Вотъ незадача-то тебѣ, а? — сочувственно воскликнулъ онъ.

— Незадача!—повторилъ Филиппъ. — И вѣдь какъ вышло, самъ не знаю. Вечоръ и въ поле ходила, и кормъ ѣла́, ничего, а нонѣ раздуло всю и лежитъ. То-есть такая бѣда, не знаю что̀ и дѣлать.

Они вошли во дворъ. Посреди двора на голой землѣ лежала бурая корова, тяжело водя раздутыми боками. Изо рта у нея сочилась слюна, большіе глаза были полны слезъ; изрѣдка она глубоко вздыхала. Надъ нею стояла Анна и мрачно смотрѣла на страдающее животное.

— Ишь, лежитъ!—сказалъ Филиппъ съ грустью.—Вотъ соломки хочу подстелить, что же на голомъ-то ей валяться? Може и отлежится, кормилица... а подохнетъ, такъ все-таки... какъ слѣдуетъ...

Онъ отвернулся и высморкался. Тѣмъ временемъ Митрій присѣлъ около коровы на корточки; корова повернула къ нему голову и замычала жалобно, точно прося помощи. Митрій пощупалъ ей носъ,—носъ былъ сухой и горячій; потомъ онъ запустилъ руку подъ пахъ, постучалъ кулакомъ по вздутому животу, который издалъ барабанный звукъ, и вдругъ почувствовалъ, что все это онъ дѣлаетъ зря, что ничего-то онъ не знаетъ и не понимаетъ и ничѣмъ помочь не можетъ. А корова слѣдила за нимъ глазами и какъ будто чего-то ждала отъ него... Митрій отвернулся отъ нея и всталъ.

— Ишь ты, вспучило-то!—сконфуженно вымолвилъ онъ.—Къ коновалу бы надо...

— Былъ!—отозвался Филиппъ.—Отлучился куда-то... Я ужъ ей кладку ставилъ... да не помогаетъ ничего. Видно ужъ одно къ одному!

— А можетъ и того... и выправится... Экое вѣдь дѣло-то! Право!.. Ничего мы не знаемъ... чисто олухи царя небеснаго!—безсвязно бормоталъ Митрій.

Все это было плохимъ утѣшеніемъ, и Митрій сознавалъ, что говоритъ чепуху, и оттого еще болѣе терялся. Ему было досадно на свое невѣжество и безпомощность, совѣстно за пустословіе, а тутъ еще корова смущала своимъ пристальнымъ взглядомъ. Она точно понимала его мысли и, казалось, думала про себя: „что, братъ, и ты тоже ничего не подѣлаешь? То-то... а говорить-то мастера... эхъ, вы“!

— Испорчена она,—вотъ что!—сказала вдругъ Анна, выходя изъ своей мрачной неподвижности. — Съ чего ей больше подѣяться? Испорчена и есть! Кто и испортилъ—знаю!

— Будя молоть-то!—сурово перебилъ ее Филиппъ.—Чего зря болтать... мелетъ, пустая мельница!

— Ты уменъ больно! Здоровехонька была корова, ни хвори въ ей не было, ничего, и вдругъ эдакое дѣло! А корова-то была какая, сытая, да добрая, что твоя купчиха... (Анна всхлипнула

и утерла глаза фартукомъ). Эдакой коровы во всемъ стадѣ не было... вотъ и позавидовали добрые люди! А все Дунька-глазастая, чтобъ ей... Поругались мы съ ней надысь, она и говоритъ: ну, говоритъ, подожди, я тебѣ сдѣлаю!.. Вотъ и сдѣлала, вѣдьма хвостатая! Вечёрось вышла я ее доить, кормилицу, гляжу, а она стоитъ вся будто въ росѣ. Я ее погладила,—вся рука мокрая стала... а на ту пору и росы-то не было. Я еще и подумала: чтой-то, не къ добру это, должно... Охъ, родимая ты моя, не встать тебѣ больше...—запричитала и заплакала она.

— А ну тебя...—проворчалъ Филиппъ и началъ подкладывать подъ корову солому.—Завыла... на свою голову!

Всѣ замолчали. Слышались только вздохи коровы, да всхлипыванье Анны. Митрій стоялъ въ раздумьи и не зналъ, что̀ дѣлать. Вдругъ счастливая мысль осѣнила его.

— Стой, Филиппъ!—воскликнулъ онъ радостно.—Семъ-ка я сейчасъ къ учителю добѣгу, спрошу, можетъ, онъ чего знаетъ! Я что вспомнилъ: у Сенькиныхъ лошадь какъ-то захворала, такъ учитель далъ какіе-то камушки бѣлые, вѣдь отдохла!

— Отдохла?

— Право-слово! Сейчасъ и побѣгу...

— Ну, бѣги, что̀-ли! Може, съ твоей съ легкой руки...

Но Митрій уже не слышалъ словъ Филиппа и почти бѣгомъ побѣжалъ въ школу. Онъ совсѣмъ забылъ, что дома его, вѣроятно, ждутъ, что онъ не обѣдалъ нынче, что съ женой у него вышло неладно. Онъ думалъ только объ издыхающей коровѣ и о Филиппѣ, который съ этой коровой лишался самой большей части своего состоянія. Вѣдь она на худой конецъ рублей 25 стоитъ, а гдѣ ихъ взять-то, такія деньги?

Запыхавшись онъ подошелъ къ школѣ и заглянулъ въ открытыя настежь окна. Никого не было видно, только гдѣ-то слышно было, какъ плакалъ ребенокъ. Митрій покашлялъ,—никто не выходитъ. Тогда онъ рѣшился войти въ сѣни и увидѣлъ учительшу, которая съ засученными рукавами, въ длинномъ бѣломъ фартукѣ, мыла въ корытѣ бѣлье, а около нея въ корзинкѣ сидѣлъ ребенокъ и капризничалъ.

— А... Дмитрій!—сказала она. — Заходи, заходи, ничего... Ты что?

— Я къ Андрей Сидорычу... — нерѣшительно проговорилъ Митюха.

— Его дома нѣтъ,—въ городъ уѣхалъ. Тебѣ книжекъ?

— Нѣтъ... я по другому...—И Митрій разсказалъ о коровѣ.

Учительница вытерла мокрыя руки и взяла на руки плакавшаго ребенка.

— Какъ же это вы такъ?.. Къ ветеринару бы нужно...—въ раздумьи сказала она.—Я ужъ право и не знаю, что вамъ посовѣтовать. Впрочемъ, постой, я пойду, посмотрю... Да не плачь же ты, крикса!—обратилась она къ ребенку.—Ступай къ дядѣ! Ребенокъ уставился на Митрія и пересталъ плакать. Митрій агукнулъ ему; онъ улыбнулся сквозь слезы и потянулся къ нему.

— Ну, вотъ и ступай! Возьми его, Дмитрій, а я пойду, поищу чего-нибудь.

— А онъ не забоится?—спросилъ Митрій, неуклюже принимая отъ нея ребенка, который такъ и вцѣпился ему въ бороду.

— Нѣтъ, ничего. Онъ бабъ не любитъ, а мужиковъ ничего.

Она ушла, оставивъ Митрія въ неловкой позѣ съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ былъ славный, чистенькій, съ толстыми розовыми ножками, синими глазами и бѣленькимъ тонкимъ пушкомъ на головѣ. Глядя на него, Митюха вдругъ вспомнилъ своего сопливаго кривоногаго Ваньку, и сердце у него заныло отъ жалости къ сынишкѣ. Онъ вдругъ представился ему такимъ жалкимъ, покинутымъ... сидитъ, небось, теперь гдѣ-нибудь въ навозной кучѣ, облѣпили его мухи, кричитъ,—и никто не слышитъ, никто къ нему не подойдетъ... И тутъ же Митрій вспомнилъ и о ссорѣ съ женой. При этомъ воспоминаніи его кинуло въ жаръ, и онъ чуть-было не выронилъ изъ рукъ ребенка.

Вошла учительша съ книжкой въ одной рукѣ и съ какимъ-то пакетикомъ въ другой.

— Ну вотъ, попробуйте это,—сказала она, заглядывая въ книжку.—Нужно сейчасъ развесть это въ теплой водѣ... 1/4 ведра воды... да вотъ возьми самъ, сдѣлай по книжкѣ,—тутъ отмѣчено. Ну что, не плакалъ?

— И ни крошечки! Какъ пришитый сидѣлъ, и не гукнулъ ни разу!

— Вотъ молодецъ! Ну, давай его сюда. Тебѣ бы нянькой быть, Дмитрій!—пошутила учительша, наклоняясь къ Митюхѣ, чтобы взять ребенка.

Въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное. Дверь въ сѣни широко растворилась съ улицы, и на порогѣ появилась Домна съ блуждающими глазами и искаженнымъ лицомъ. Она видимо прибѣжала впопыхахъ, кое-какъ накинувъ на голову платокъ и не успѣвъ вытереть слезъ, которыя оставили на ея лицѣ длинныя грязныя полосы. Увидѣвъ ее, Митрій обомлѣлъ...

— Чего тебѣ, милая?—обратилась учительша къ Домнѣ:

она не знала, что это жена Митрія и приняла ее за какую-нибудь деревенскую просительницу.

Домна молчала. Она сама почувствовала, что сдѣлала какъ-то неладно, и оторопѣла въ первую минуту. Но, взглянувъ на блѣднаго какъ смерть мужа и вспомнивъ всѣ свои воображаемыя и дѣйствительныя обиды, она сейчасъ же оправилась и понеслась, какъ лошадь съ горы, сама себя разжигая и подшпоривая.

— Вотъ ты гдѣ, миленькій? — начала она хриплымъ отъ злости голосомъ.—То-то мое сердце чуяло... гдѣ-гдѣ Митька пропалъ,—а онъ у сударки... Да ты что же это дѣлаешь-то, безстыжіе твои глаза? Да ты хоть бы людей-то добрыхъ постыдился отъ живой жены къ чужой женѣ бѣгать...

Она кричала на весь домъ, обезумѣвъ отъ ревности и злости, осыпая мужа и воображаемую соперницу циническими ругательствами. Учительша сначала ничего не могла понять, но взглянувъ на помертвѣвшаго Митрія, догадалась, въ чемъ дѣло, и схвативъ ребенка, убѣжала въ училище. Послышался звонъ два раза поворачиваемаго ключа... этотъ звукъ заставилъ Митрія придти въ себя.

— Пойдемъ отсюда,—твердо сказалъ онъ, беря жену за руку.

— Куда еще? Аль убить хочешь? Ну, бей, бей, одинъ конецъ!—продолжала кричать и бѣсноваться Домна, вырываясь отъ мужа.

— Пойдемъ, тебѣ говорятъ! — еще настойчивѣе повторилъ Митрій.

Особенный звукъ его голоса и выраженіе лица сразу охладили Домнинъ пылъ. Она притихла, съежилась и пошла за Митріемъ, все еще продолжая повторять: „бить хочешь? Бей, бей... хоть убей,—мнѣ все равно"...

Они вышли на улицу. Здѣсь Митрій оставилъ Домнину руку и взглянулъ женѣ въ лицо. Она стояла передъ нимъ все такая же растрепанная, съ неуспѣвшими еще остыть отъ злобной вспышки щеками, но въ глазахъ ея ясно выражался страхъ. Страшная ненависть и отвращеніе поднялись въ душѣ Митрія при взглядѣ на это знакомое и когда-то нравившееся ему лицо. Ему захотѣлось убить ее... задушить сейчасъ же... захотѣлось, чтобы она умерла какъ можно скорѣе, вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ... У него даже въ глазахъ потемнѣло отъ этихъ мыслей... „Хоть бы издохла ты, проклятая"...

— Ну... вотъ что, слышь ты,—вымолвилъ онъ хрипло, подавивъ въ себѣ вспышку ярости и стараясь говорить спокойно.— Ты не кричи... не стану я тебя бить... на кой ты мнѣ... дрянь!—

съ презрѣніемъ добавилъ онъ.—Я вотъ что̀ тебѣ скажу: коли ты такъ, значитъ, я тебѣ не мужъ, ты мнѣ не жена.... Слышишь? И не лѣзь, значитъ, ко мнѣ...

Съ этими словами онъ повернулся и пошелъ по улицѣ. А Домна долго еще стояла посреди улицы ошеломленная, испуганная, не зная, что̀ ей дѣлать, куда бѣжать, кому жаловаться... Да и на что̀ жаловаться? Кабы побилъ, ну такъ, а то вонъ что сказалъ: „ты мнѣ не жена, я тебѣ не мужъ"... И чувствуя, что совершилось что-то страшное, безповоротное, смутно сознавая свою вину, Домна уже не завыла, не закричала на весь міръ о своей обидѣ, а тихо заплакала и смиренно побрела домой.

Въ этотъ день домашніе такъ и не дождались Митрія.

В. Дмитріева.

ГРАФЪ

С. Г. СТРОГОНОВЪ

Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.

Веніаминъ въ семьѣ университетскихъ наукъ, украдкой, незванною гостьей пробравшаяся въ университетскій уставъ 1835 года, славянская каѳедра или славяновѣденіе, для обезпеченія своего будущаго, нуждалась въ особенно благопріятныхъ условіяхъ.

Правда, появленіе новой каѳедры на свѣтъ было встрѣчено отъ людей, привыкшихъ къ разсужденію, а не къ одному выкрикиванію, не только тепло, но даже съ слишкомъ смѣлыми надеждами, не только какъ эра въ будущей исторіи разработки отечественнаго языка, но и какъ желанный политическій моментъ для самобытнаго развитія русской народности, истиннаго просвѣщенія. Такъ привѣтствовалъ ее профессоръ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ". Говоря проще, славянская каѳедра была необходима, чтобы невѣденіе, раздававшееся слишкомъ громко даже съ университетской исторической каѳедры, смѣнилось знаніемъ, чтобы прекратились наивныя заявленія о славянскомъ населеніи Средней Европы даже до Рейна, какъ это имѣло мѣсто во вступительной лекціи Погодина въ 1832 году, въ присутствіи министра Уварова, чтобы въ оцѣнкѣ славянской народной пѣсни, напр., знаменитой сербской, перестали говорить о ней, о ея красотѣ,—„особенно если смотрѣть на *изобрѣтеніе* мыслей", какъ это было у Плетнева, въ его критикѣ перевода сербскихъ пѣсенъ, изданнаго знаменитымъ Востоковымъ [1]).

---

[1]) Плетневъ, Сочиненія и переписка, I, 211. Нѣсколько позже вышелъ другой переводъ—„переложеніе"—тѣхъ же сербскихъ пѣсенъ, М. Касторскаго, и тотъ же

Но если замѣщеніе старыхъ университетскихъ каѳедръ въ самомъ авторѣ устава 1835 года, министрѣ Уваровѣ, вызывало чувство тревоги; если, не скрывая опасенія, онъ сейчасъ же писалъ петербургскому попечителю съ полною откровенностью, что самое преобразованіе университетовъ оставалось бы тщетнымъ предпріятіемъ, разъ оно не будетъ сопровождаться и выборомъ болѣе способныхъ, болѣе пригодныхъ орудій, то тѣмъ болѣе загадочна была судьба только-что появившейся славянской каѳедры. Гдѣ и когда найдутся для нея сколько-нибудь удобныя орудія? Не останется ли онъ какъ мертвая буква закона, какъ мимолетный проблескъ здоровой мысли, но въ жизни самой пронесется празднымъ звукомъ? Благія пожеланія Сперанскаго, интеллектуальнаго виновника славянской каѳедры, быть можетъ, такъ и останутся не при чемъ, при немъ...

Въ сферахъ науки Петербурга того времени — одна темная ночь, безъ просвѣта, остановимся ли на Россійской Академіи Шишкова, или на его университетѣ. Познакомимся съ образчикомъ поученія жреца академической науки, обращеннаго къ поколѣнію молодому.

„Вслѣдствіе вашей ко мнѣ записки,—пишетъ непремѣнный секретарь академіи, историческій, по заслугѣ ославленный Воейковымъ, Петръ Соколовъ, въ апрѣлѣ 1825 года, памятному въ исторіи отечественнаго просвѣщенія П. И. Кеппену (онъ только-что возвращался изъ славянскаго путешествія, за наукой, на Западъ),—съ особеннымъ удовольствіемъ препровождаю къ вамъ, яко любителю словесности, а особливо славянороссійской, книжки Извѣстій академическихъ. Отъ искренняго сердца желаю и *совѣтую* вамъ пользоваться оными. Въ нихъ найдете вы весьма глубокія и основательныя сужденія о древности, составѣ и богатствѣ языка россійскаго. Въ нихъ ясно доказывается, что между россійскимъ и славенскимъ или нашимъ церковнымъ языкомъ нѣтъ никакой другой разности, кромѣ той, что церковное языка нашего нарѣчіе прилично важному слогу, а особливо въ томъ случаѣ, когда

Плетневъ—очень доволенъ. „Касторскій,—говоритъ онъ въ своемъ „Современникѣ",—съ оригинала, если можно такъ сказать, снялъ только сѣтку ортографіи и этимологіи, чуждую для русскаго языка, не повредивъ ни одной изъ тѣхъ красотъ поэзіи, которыя такъ свѣжи и нѣжны во всякомъ народномъ созданіи" (тамъ же, II, 259, сл.). Въ подтвержденіе приведены три „переложенныхъ" пѣсни, но онѣ и опровергаютъ благосклоннаго критика: вмѣсто передачи поэтической сербской пѣсни вышло что-то вычурное, непріятное, не то русско-церковно-славянская рѣчь, не то полу-сербская. Предпріятіе было не по силамъ. Ниже мы встрѣтимся съ наивнымъ признаніемъ Гоголя (1839 г.) о „Слав. Древностяхъ" Шафарика—о предвосхищеніи.

человѣкъ, яко твореніе разумное, возноситъ благоговѣйный, благодарственный и молебный гласъ свой ко Творцу вселенныя" [1]).

При такомъ, академическомъ, взглядѣ на живой русскій языкъ, на низменную сферу его употребленія, не непонятны и нѣкоторые практическіе выводы изъ него, какъ, напримѣръ, „мученическое" сожженіе на кирпичномъ заводѣ въ Петербургѣ перевода на русскій языкъ Пятикнижія Моисея, сдѣланнаго еписк. Филаретомъ — событіе, котораго знаменитый святитель не забывалъ долго-долго. Защищая уже въ 1857 году противъ Филарета кіевскаго пользу перевода священнаго писанія на отечественный языкъ, московскій владыка писалъ: „что касается до упоминаемаго кіевскимъ владыкою сожженія нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ перевода пяти книгъ Моисея, напечатаннаго Библейскимъ обществомъ, соглашаюсь съ нимъ въ томъ, что нельзя сего вспомнить безъ глубокой скорби. Это темное пятно на томъ, кто выдумалъ сію мѣру и своею необдуманною ревностью увлекъ другихъ. Въ переводѣ не было ничего такого, что̀ заслуживало бы такую строгую мѣру. Онъ пострадалъ мученически" [2]).

Принялъ ли Кеппенъ (а онъ былъ лютеранинъ) совѣтъ и наставленіе отъ вѣщателя науки, не знаемъ. Но Соколовъ и позже не забывалъ его своимъ наставительнымъ вниманіемъ. „По словесному соглашенію его в—ва, г. Президента Академіи Россійской и по вашему желанію,—писалъ Соколовъ Кеппену въ ноябрѣ 1829 года,—честь имѣю препроводить при семъ къ вашему высокородію по одному экземпляру Словаря Россійской Академіи, по азбучному порядку расположеннаго, и 12 книжекъ Извѣстій Академіи, о полученіи коихъ покорнѣйше прошу не оставить меня увѣдомленіемъ" [3]).

Еще страннѣе была наука по языку столичнаго университета: не даромъ академикъ, но настоящій, Парротъ рукою махнулъ на возможность какого-либо исправленія его въ своемъ проектѣ реорганизаціи имперскихъ университетовъ, въ началѣ царствованія императора Николая. Дѣйствительно, съ каѳедры злополучной русской словесности преподносились слушателямъ невѣроятныя нелѣпости. Остановимся на минуту на одномъ изъ многихъ, на профессорѣ Толмачевѣ, типѣ, очень живучемъ въ русскихъ универ-

---

[1]) Изъ нашихъ матеріаловъ.

[2]) Мнѣнія и пр. М. Филарета, IV, 261. „Переводъ Новаго Завѣта для меня,—писалъ въ маѣ 1819 года старикъ И. И. Дмитріевъ А. И. Тургеневу,—наилучшій подвигъ нашего Библейскаго Общества" (Сочиненія. Спб. 1893).

[3]) Изъ нашихъ матеріаловъ. На послѣднемъ сообщеніи, № 241, рукою Кеппена: „получ. 14 ноября 1829 г."

ситетахъ среди словесниковъ,—впрочемъ, профессоръ былъ сейчасъ же послѣ новаго устава 1835 года спугнутъ съ своей каѳедры Уваровымъ, въ сознаніи болѣе чѣмъ безполезности подобнаго университетскаго орудія науки.

„Страсть проф. Толмачева,—вспоминаетъ одинъ изъ его слушателей,—къ корнесловію и производству словъ въ иностранныхъ языкахъ отъ славянскихъ корней извѣстна была тогда всѣмъ. Приведу одинъ примѣръ—производство слова *хлѣбъ* на разныхъ языкахъ. Сначала, — говорилъ онъ, — когда мѣсятъ хлѣбъ, дѣлается хлябь, отсюда наше хлѣбъ; эта хлябь начинаетъ бродить, отсюда нѣм. Brod; перебродивши, хлябь опадаетъ, отсюда лат. panis; затѣмъ поверхъ его является пѣна, откуда франц. pain“ [1]).

Слабый лучъ славянской науки блеснулъ на столичномъ горизонтѣ съ учрежденіемъ въ 1830 г. славенской библіотеки при академіи Шишкова и приглашеніемъ трехъ библіотекарей туда изъ чеховъ, съ Шафарикомъ во главѣ. Новое смѣлое учрежденіе должно было коснуться и университета. Вмѣстѣ съ приглашеніемъ прибыть на службу въ академію, Кеппенъ, этотъ горячій агентъ Шишкова, сообщалъ Ганкѣ, въ Прагу, что уже снова носятся въ министерствѣ съ мыслью основать въ университетахъ славянскую каѳедру, сначала въ петербургскомъ, а потомъ, можетъ быть, и въ другихъ. Радость была въ Прагѣ общая, и Ганки, который самъ себя тотчасъ же предназначилъ на славянскую каѳедру въ Петербургѣ, и третьяго библіотекаря, поэта Челаковскаго, и Челаковскій 25-го янв. 1830 г. отвѣчалъ по-русски Кеппену: „Извѣстіе, поданное вами пріятелю моему г. Ганкѣ о намѣреніяхъ Академіи Россійской, и меня весьма обрадовало. За такое важное дѣло, котораго вы преимущественно поводомъ и попечителемъ, стяжали вы себѣ безсмертное имя и заслужили благодарность всякаго вѣрнаго славянина. Выгоды, происходящія изъ сочиненія всеславянскаго словаря, не только для россіянъ самихъ, но и для другихъ отраслей народа нашего очевидны, равнымъ образомъ основаніе библіотеки всеславянской россійскому языку и литературѣ не малую пользу принесетъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ той для меня радостной поры, которая мнѣ позволитъ лично изъявить вамъ искреннюю благодарность мою и высокопочитаніе, съ которымъ“ и пр. [2]).

---

[1]) Фортунатовъ, студентъ до 1831 г., въ „Р. Архивѣ“, 1869, 329—330.

[2]) Изъ нашего портфеля, въ копіи. Рукою Кеппена замѣчено: „Письмо Фр. В. Челаковскаго изъ Праги, писанное на второмъ полулистѣ письма ко мнѣ В. В. Ганки, отъ 25-го янв. (6-го февр.) 1830 г., по поводу вызова его въ Россію Имп. Россійскою Академіею, вмѣстѣ съ Ганкою и Шафарикомъ. См. письма Ганки“. Изъ

Но торговыя соображенія Ганки, затѣмъ, скаредно-экономическія и самой академіи, разрушили славянскія надежды на мѣстѣ, разбили горячія безкорыстныя стремленія благороднаго Шафарика—„in S. Petersburg für die slawische Wissenschaft thätig zu seyn“, какъ онъ на радостяхъ писалъ тогда, въ своей наивности, въ ту же академію, и промелькнувшій отрадный лучъ свѣта погасъ и—надолго. Петербургъ былъ безнадеженъ. Но не улыбнется ли судьба новой каѳедрѣ въ другой столицѣ? Вѣдь тамъ какая ни на есть, но все же была давно уже славянская каѳедра, годами утверждалось научное преданіе, просвѣтлялось сознаніе пользы славянскихъ занятій и въ университетѣ, и въ обществѣ, прежде всего благодаря дѣятельности въ двѣ руки, профессорской и журнальной, знаменитаго скептика Каченовскаго...

Конечно, наука оффиціальнаго слависта старой столицы, Гаврилова, была младенчески наивна, образчикъ ея мы имѣли въ статьѣ о графѣ Сперанскомъ, но самый фактъ существованія каѳедры, какъ ни ничтоженъ былъ ея представитель, обращалъ пытливое вниманіе на Москву и поддерживалъ вѣру въ возможность здѣсь лучшаго будущаго. Когда въ Петербургѣ, въ комитетѣ 14-го мая, проектъ Шишкова открыть по всѣмъ университетамъ славянскія каѳедры при помощи иностранныхъ силъ—чеховъ, поколебался и, повидимому, остановились на вскользь пророненной мысли Копитара, слависта Вѣны, въ письмѣ къ Кеппену—не надѣяться на князи, а только на себя, свои силы: горячій посредникъ въ томъ дѣлѣ между Шишковымъ и Прагой, Кеппенъ, тотчасъ же поворачиваетъ фронтъ и обращается въ Москву помочь новому дѣлу—авось, тамъ что-нибудь есть... 27-го января 1827 года Кеппенъ запрашиваетъ друга Погодина: нѣтъ ли при московскомъ университетѣ молодыхъ людей, которые съ пользою могли бы объѣхать славянскія земли, а со временемъ „могли бы быть профессорами славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ“? [1])

Пока отвѣтъ изъ Москвы могъ быть отрицательный. Что же касается самого пріема—послѣдовательнаго изученія на мѣстѣ, перебираясь отъ однихъ славянъ къ другимъ, то, помимо указаній Копитара изъ Вѣны, мы лично были уже не безъ нѣкоторыхъ опытовъ такого рода изъ недавнихъ лѣтъ.

адреса видно, что Кеппенъ жилъ тогда на Больш. Мѣщанской, близъ Камен. моста, д. Кракова, № 45. Ср. наши „Начальные годы“, 302.

[1]) Барсуковъ, Погодинъ, II, 150.

Не далѣе какъ въ 1822 году такой славянскій объѣздъ, какъ мы мелькомъ упоминали выше, совершилъ самъ Кеппенъ, правда, въ качествѣ ученаго дилеттанта, но съ несомнѣнною пользою для науки: имъ вызванъ былъ вопросъ о вызовѣ славянскихъ ученыхъ. Предложенный имъ, подъ свѣжими впечатлѣніями славянскаго путешествія, нормальный планъ славянскихъ изученій на мѣстѣ (въ его журналѣ „Библіографическіе Листы", 1825), правда, былъ преждевремененъ для русской науки и пролежалъ безъ дѣйствія долго, прежде чѣмъ вызвалъ охотниковъ. Но онъ въ значительной мѣрѣ былъ выполненъ сейчасъ же молодымъ польскимъ ученымъ изъ Варшавы, гдѣ благодатная славянская струя готова была смыть еще свѣжіе кровавые счеты сосѣдей-братьевъ и приготовить условія для согласной дѣятельности обоихъ недавнихъ враговъ. Мы говоримъ о Кухарскомъ, посланномъ королевско-императорскимъ университетомъ въ Варшавѣ на пять лѣтъ въ славянскія земли, осенью 1825 года.

Варшавскій избранникъ, кромѣ болгаръ, познакомился со всѣми славянами и вывезъ массу цѣннаго матеріала. Правда, Кухарскій не былъ изъ числа удачныхъ избранниковъ, своими матеріалами воспользовался мало или не умѣлъ [1]), такъ что вынудилъ у Шафарика, лишеннаго самыхъ элементарныхъ пособій при своихъ славянскихъ занятіяхъ [2]), рѣзкое замѣчаніе о себѣ, что онъ скорѣе похожъ на собаку на сѣнѣ (въ письмѣ къ увлек-

[1]) Главная масса книгъ по исторіи права, отчасти рукописей и славянскихъ инкунабулъ, вывезенныхъ Кухарскимъ, составляетъ особенно цѣнную часть библіотеки Имп. Новороссійскаго университета. Ср. изданный нами III и частію I томъ каталога этой библіотеки. Знаменитая „Vulgarizatio Dalmatica" 1492 года—едва ли не единственный на свѣтѣ полный экземпляръ—въ этой библіотекѣ изъ книгъ Кухарскаго. Имъ пользовалась при недавнемъ переизданіи труда Bernardino Загребская Академія наукъ.

[2]) Не можемъ не привести нѣсколькихъ строкъ изъ письма Шафарика къ Кеппену—„благодѣтелю своему" (какъ онъ его обыкновенно титуловалъ) отъ 4-го (16-го) іюля 1826 г. изъ Новаго Сада, въ переводѣ: „Какъ ни лестно для меня, что книга тѣми, для которыхъ она предназначалась—нашею славянскою занимающеюся молодежью—была принята хорошо (рѣчь идетъ о „Geschichte der slaw. Literatur"), но я не могу не опасаться, что испытующій взглядъ знатоковъ объявитъ ее совсѣмъ неудавшейся. Большинство ея недостатковъ объяснимо изъ моего очень стѣсненнаго литературнаго положенія... При моихъ теперешнихъ литературныхъ работахъ я лишенъ нашего Калайдовича, его Іоанна Эксарха. Объ этомъ трудѣ я знаю только изъ рецензіи на него Добровскаго, изъ которой я и вижу, что мнѣ безъ него жить нельзя. Путемъ нашей книжной торговли мнѣ достать этой книги невозможно... Еслибы вы мнѣ прислали ее какимъ-нибудь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ!".. Какъ счастливъ былъ Шафарикъ, когда онъ наконецъ получилъ Іоанна Эксарха, митроп. Евгенія извѣстный Словарь, Калайдовича и Строева описаніе славянскихъ рукописей, Стриттера, „Memorial populorum"!. (Изъ нашихъ матеріаловъ).

шемуся Погодину); но для историка русской науки интересенъ тотъ фактъ, что избранникъ Варшавы, окончивъ свой славянскій объѣздъ, уже весной 1830 г. былъ въ Москвѣ, чтобы здѣсь, такъ сказать, разгрузиться и предложить свой славянскій отчетъ, конечно, не предъ оффиціальнымъ славистомъ Гавриловымъ (онъ уже и умеръ), а предъ людьми соприкасающихся интересовъ, возбудить сочувствіе. И Кухарскій не ошибся.

На страницахъ „Московскаго Вѣстника", молодомъ органѣ молодыхъ любителей славянства старой столицы (сюда Кеппенъ посылалъ свои сообщенія изъ славянскихъ земель литературнаго характера, которыя онъ получалъ съ мѣста, особенно отъ Шафарика [1]), тогда какъ раньше онъ печаталъ такія же славянскія письма у Полевого въ „Московскомъ Телеграфѣ", писалъ сюда и Востоковъ), появленіе польскаго слависта въ Москвѣ нашло восторженный пріемъ. Редакція поспѣшила помѣстить „программу и систему славянской филологіи" Кухарскаго и, конечно, со словъ его предложенъ обстоятельный отчетъ о его многолѣтнихъ странствованіяхъ среди славянъ, съ указаніемъ характера его занятій на мѣстѣ, открытій, ученой добычи, вообще всяческихъ заслугъ [2]). Отголосокъ системы Кухарскаго мы позже встрѣчаемъ въ указаніи задачъ для русскаго слависта у нашего перваго университетскаго преподавателя славяновѣденія, Бодянскаго.

Такимъ образомъ, не только у себя, въ Петербургѣ, но и на сторонѣ складывался особенный взглядъ на ученую атмосферу Москвы—атмосферу съ славянской научной окраской, съ сознательными симпатіями къ славянскимъ изученіямъ, гдѣ работали и стремились къ работѣ, новизнѣ, оживленію, гдѣ были даже признаки настоящей жизни. Такъ, еще недавно мертвая славян-

[1]) „Нѣкоторыя литературныя новости уже я напечаталъ въ „Моск. Вѣстникѣ", —отзывается Кеппенъ предъ Шафарикомъ въ январѣ 1827 г. (Оттуда же).

[2]) Подробности у Барсукова, Погодинъ, III, 125—127. Изъ Москвы уже Кухарскій направлялся въ Петербургъ и Варшаву, гдѣ предполагалось основаніе славянскаго музея. (Ср. „Снегиревъ и его Дневникъ", Спб. 1871, 194). По словамъ московскаго журнала, польскій славистъ вывезъ изъ Черногоріи большое собраніе народныхъ пѣсенъ. Но такъ ли? Могъ ли Кухарскій самъ записывать сербскія пѣсни? Къ тому же и народъ черногорскій былъ тогда совсѣмъ дикаремъ. Ср. событія при смерти Петра I Нѣгоша въ книгѣ Лаврова: „Петръ II Нѣгошъ" (М. 1887), 22, сл. Не была ли это просто копія пѣсенъ изъ собранія извѣстнаго сербскаго поэта и ученаго скитальца, Милутиновича (оно было издано въ 1833, въ Лейпцигѣ), который именно съ 1827 г. по 1832 пребывалъ въ Черногоріи въ качествѣ митрополичьяго секретаря и придворнаго педагога. Объ этомъ замѣчательномъ сербѣ начала XIX стол., его разнообразной дѣятельности, см. рядъ статей въ новосадскомъ журналѣ „Летопис матице српскоj", 1892.

ская каѳедра Гаврилова готова была освѣжиться чрезъ открытіе при ней спеціальной каѳедры польской литературы и въ соперничество съ выживающимъ Гавриловымъ готовъ былъ выступить на новую московскую каѳедру самъ вдохновенный Мицкевичъ (онъ служилъ тогда въ канцеляріи генералъ-губернатора, кн. Д. В. Голицына).

Плавая въ роскоши московской жизни, еще добродушный, Мицкевичъ, въ маѣ 1828 года писалъ въ Оренбургъ своему суровому другу, фанатику Зану (который готовъ былъ проклясть его за общеніе съ „моабитами", т.-е. русскими): „Учу по-польски нѣкоторыхъ дамъ. Вообще, много учатся здѣсь по-польски и попечитель, кн. Голицынъ, подумываетъ объ основаніи *польской каѳедры* въ университетѣ. Я могъ бы ее давно получить, но, не думая оставаться въ Москвѣ, отложилъ въ сторону этотъ вопросъ" [1]).

Стремленіе вывести преподаваніе такъ называвшейся россійской словесности изъ избитыхъ традиціонныхъ рамокъ риторизма на новый путь настоящей науки весьма рельефно сказалось въ требованіяхъ, которыя предъявилъ московскій университетъ, послѣ смерти извѣстнаго витіи-профессора Мерзлякова, отъ соискателя его каѳедры и которыя были продиктованы умнымъ Каченовскимъ. Этимъ „оракуломъ университетской молодежи", по словамъ старика Дмитріева, въ 1820 году [2]), требовалось не только научное знаніе русской діалектологіи, въ ея главныхъ представителяхъ, но и знаніе историко-сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Въ этомъ вопросѣ Каченовскій шелъ объ руку съ своимъ журнальнымъ врагомъ, Полевымъ, который въ „Моск. Телеграфѣ" постоянно говорилъ о необходимости живыхъ славянскихъ языковъ для научной грамматики русскаго языка. Та-

---

[1]) Chmielowski P., „Ad. Mickiewicz", I, 418. Дѣйствительно, въ 1829 г. лѣтомъ Мицкевичъ былъ уже въ Прагѣ, гдѣ Ганка уговорилъ его написать поэму „Жижка" —изъ чешской исторіи. Поэма была написана, но затерялась („Biblioteka Warszawska", październik, 45; ср. „Korrespondencyja Mickiewicza", wyd. 4, t. III, 117). Въ 1830 г. Мицкевичъ въ Германіи, гдѣ кн. Зин. Волконская, историческая москвичка, пригласила Мицкевича въ Римъ и поселиться прямо у себя во дворцѣ Feruccі, гдѣ жилъ и Шевыревъ, учитель сына. У русскаго посла въ Римѣ, Гагарина, онъ познакомился съ Ал. Тургеневымъ, Брюловымъ. (Ср. Odyniec, Listy z podróży, I, pass.). Какъ ни тревожна судьба польскаго поэта была позже, но нѣкоторые отголоски московскихъ мнѣній, напр., проклятіе Западу, его гнилой цивилизаціи, à la славянофилы и Гоголь, слышны даже въ „Книгахъ странничества польскаго", гдѣ онъ топчетъ въ грязь науку и цивилизацію Запада, какъ покоющуюся на преклоненіи предъ индивидуальнымъ разумомъ и эгоистическомъ интересѣ. Любопытно бы прослѣдить связь между политическимъ ученіемъ Гоголя и мессіанизмомъ Мицкевича.

[2]) Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, мартъ 1820.

кимъ образомъ, вліяніе формирующейся лингвистической науки на Западѣ въ историческомъ направленіи проявлялось замѣтно въ Москвѣ. Здѣсь не было арены для петербургскихъ Толмачевыхъ. Тогда же и первые будущіе славянофилы стали подъѣзжать въ Москву изъ своихъ первыхъ, робкихъ путешествій по землямъ австрійскихъ славянъ (Хомяковъ, Кирѣевскій) [1]), съ нѣкоторымъ запасомъ живыхъ свѣденій и живыхъ, новыхъ интересовъ.

Въ виду этого замѣтнаго подъема серьезнаго славизма въ университетѣ понятенъ отвѣтъ молодого Шевырева, жившаго тогда въ Италіи, своему другу Погодину, не привыкшему еще считаться съ условіями новаго теченія, на рѣшительный призывъ его—брать каѳедру въ Москвѣ по смерти Мерзлякова. „Я еще молодъ,—благоразумно писалъ тогда Шевыревъ.—Требованія увеличились съ вѣкомъ. Мнѣ надо сосредоточиться, пропасть прочесть, ...цѣлый годъ ничѣмъ не заниматься, какъ русскимъ, включивъ сюда и славянское со всѣми нарѣчіями и исторіей“ [2]).

Появленіе карпато-роса Венелина изъ Венгріи на московскомъ горизонтѣ, человѣка въ извѣстной мѣрѣ талантливаго, но необузданнаго, безъ школы ученаго, сначала (1823—25) призрѣннаго въ Кишиневѣ образованнымъ ректоромъ Иринеемъ Нестеровичемъ (что позже нѣсколько историческій архіерей Иркутскій), потомъ медицинскаго студента въ Москвѣ у Лодера, подбавило славянскій интересъ. По признанію самого Погодина, знакомство его съ Венелинымъ много содѣйствовало его любви къ славянамъ, и въ знакъ признательности онъ издалъ на свой счетъ его книгу о болгарахъ, гдѣ и скиѳы, и гунны объявлялись славянами—шишковизмъ въ новой исторической области;—но книга Венелина встрѣтила умный отпоръ со стороны трезваго Каченовскаго, къ ужасу издателя. „Написать страничку,—отвѣчалъ Погодинъ,—съ пошлыми насмѣшками очень легко; но писать такія насмѣшки прилично только Телеграфу, а не профессору“ [3]). Обидѣвшійся забылъ только, что наука вездѣ одна.

Но появленіе Венелина расшевелило славизмъ не въ одной Москвѣ: зашевелился и Шишковъ съ своей Россійской Академіей.

---

[1]) Ср. Р. Архивъ, 1882, VI, 146. Колюпановъ, Матеріалы для біографіи А. И. Кошелева, passim.

[2]) Барсуковъ, Погодинъ, III, 176.

[3]) Тамъ же, III, 108, 112. Странно встрѣчать иногда въ современной русской литературѣ какіе-то плачи, что русскіе ученые въ свое время мало оцѣнили „геніальнаго“ (!!) Венелина, но еще страннѣе встрѣчать невозможное для человѣка съ научнымъ образованіемъ сопоставленіе Венелина и Шафарика и предпочтеніе перваго послѣднему.

По представленію его, Венелинъ былъ высочайше командированъ къ румынамъ и болгарамъ для *мѣстныхъ* изученій, для составленія болгарскаго словаря, грамматики и пр. Ласково принятый Шишковымъ, восторженный его „огромнымъ свиткомъ съ безконечной вѣтвью корня *кр*, *гр* и *хр*", Венелинъ писалъ Погодину: „прежде толковали о вызовѣ Шафарика, Ганки и Челаковскаго; послѣ рѣшено приступить къ моему дѣлу. Къ моему проекту прибавить не нашли ничего, кромѣ Хиландаря" [1]).

Ученый результатъ отъ болгарской поѣздки Венелина былъ не великъ, когда осенью 1831 года онъ возвратился въ Москву: нѣсколько неважныхъ грамотъ, дурно имъ позже изданныхъ, нѣсколько пѣсенъ. Конечно, важно признаніе Венелина, что византійцы—„богатый источникъ, безъ нихъ не обойтись". Но выигрышъ серьезный былъ болѣе моральный—новое освѣженіе славянской струи въ Москвѣ, а самъ болгарскій путешественникъ (говоря строго, едва понюхавшій Болгаріи) сталъ намѣчаться, какъ кандидатъ на славянскую каѳедру въ университетѣ.

Когда послѣ освѣжительной ревизіи университета Уваровымъ (осенью 1832 г.) сиротствовавшая каѳедра Мерзлякова была занята, по приглашенію самого министра, Шевыревымъ, Погодинъ, два года хлопотавшій о своемъ другѣ и достигшій, наконецъ, своего, останавливается теперь на своемъ славянскомъ наставникѣ: „теперь,—пишетъ онъ,—пристроить бы Венелина, столь нужнаго для славянскихъ нарѣчій!" Но если даже юркій Погодинъ и имѣлъ рѣчь объ импровизированномъ славистѣ съ Уваровымъ, его предстательство должно было встрѣтить возраженіе со стороны Каченовскаго, конечно, тогда единственнаго судіи въ славянскихъ вопросахъ, какъ и вообще единственнаго авторитета. Да и помимо этого, неумѣстно было серьезно поднимать вопросъ о случайныхъ правахъ случайнаго кандидата, съ образованіемъ лѣкаря, когда стали называть, хотя и со стороны, кандидатуру знаменитаго и несчастіемъ своимъ, неудачливаго Шафарика.

При предполагавшемся въ 20-хъ годахъ учрежденіи славянской каѳедры по всѣмъ университетамъ въ министерство Шишкова, именно Шафарикъ предназначался для Москвы. И послѣ

---

[1]) Тамъ же, III, 113—118. Ср. откровенный отчетъ о болгарскомъ путешествіи, о трудностяхъ и неудачахъ, въ письмѣ Венелина къ извѣстному болгарскому дѣятелю въ Одессѣ, Априлову, отъ 1835 года, въ журналѣ болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія—„Сборникъ", т. I, 1889. По соображеніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ слѣдуетъ, кажется, думать, что повторившій черезъ 10 лѣтъ путешествіе въ Болгарію, и путешествіе настоящее, знаменитый Григоровичъ имѣлъ въ рукахъ это письмо Венелина къ Априлову. Григоровичъ началъ свое путешествіе изъ Одессы.

второй неудачи Шишкова—съ „славянскими библіотекарями" при Россійской Академіи—Шафарикъ, жившій въ венгерскомъ захолустьѣ, въ своемъ убогомъ Новомъ Садѣ (Neusatz), и ничего не знавшій о судьбѣ второго проекта, долго еще продолжалъ считать себя на службѣ въ Россіи, пока не вскрылась и передъ нимъ картина дѣйствительности: а онъ было „въ Македонію и на Аѳосъ намѣреваетъ", какъ писалъ Ганка въ Петербургъ тогда же на своемъ, ганковскомъ, русскомъ языкѣ. Тяжелое было для Шафарика пробужденіе отъ сладкихъ грезъ!.. Нищій, онъ перебирался теперь въ Прагу на ту же нищенскую жизнь. Славянскіе ученые, горько сѣтовалъ и позже бѣдный Кеппенъ, увидѣли себя скомпрометтированными передъ своимъ правительствомъ, а нами оставлены безъ всякаго вниманія [1]).

Среди постоянныхъ неудачъ Шафарикъ, естественно, останавливался мыслью на Германіи: и, какъ лютеранину, ему не было мѣста на государственной службѣ въ католической Австріи. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до Варшавы и оттуда другъ Погодина, Мухановъ, съ упрекомъ пишетъ ему: „Шафарика приглашаютъ въ Бреславль для занятія учреждаемой тамъ каѳедры славянской литературы. Каково? Въ Пруссіи заводятъ каѳедру для славянизма, въ Берлинѣ также ищутъ профессора. Что же у васъ подремливаютъ? Жаль, что не въ Москвѣ цвѣты славянщины". Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1833 года, Мухановъ уже прямо указываетъ, что̀ дѣлать: вмѣсто Праги направить Шафарика въ Москву. „Не худо бы Шафарика перетащить въ Москву", —пишетъ онъ Погодину:—по его письму явствуетъ, что онъ весьма обезкураженъ" [2]).

Но предложеніе Муханова, какъ видно изъ всего, хода не получило. Погодинъ упорно лелѣялъ свою мечту—укрѣпить кандидатуру Венелина. Варшавское вмѣшательство лишь оттянуло вопросъ о Венелинѣ на годъ, до весны 1834 года, когда совѣтъ московскаго университета остановился, наконецъ, на мысли Погодина и рѣшилъ—испытать Венелина, насколько онъ могъ бы быть удобенъ на славянской каѳедрѣ Гаврилова, сообразно съ требованіями современной науки. Предварительно же Венелинъ

---

[1]) „Die auswärtigen Gelehrten (die sich bei ihren Regierungen compromittirt sahen)—wurden nicht weiter berücksichtigt". (Изъ бумагъ Кеппена, въ нашемъ портфелѣ).

[2]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 87, 42, 170. Имѣется въ виду письмо къ извѣстному польскому славянисту-юристу В. Мацѣёвскому котораго Шафарикъ уважалъ, какъ человѣка, хотя и не высоко цѣнилъ, какъ ученаго. О письмѣ, о намѣреніи поселиться въ Германіи—см. нашу книгу: „Начальные годы", стр. 318.

представилъ въ факультетъ свою рукописную грамматику болгарскаго языка, которая найдена „заслуживающею вниманія", но—кѣмъ?—Профессоромъ Давыдовымъ. Каченовскій, очевидно, устранился; онъ имѣлъ уже свой взглядъ, какъ на Венелина, такъ и на протектора, Погодина.

„По препорученію совѣта университета имѣю честь,—писалъ Венелину секретарь совѣта, проф. Надеждинъ,—увѣдомить васъ, что онъ опредѣленіемъ своимъ отъ 2 сего мая положилъ: предложить вамъ составить конспектъ преподаванія славянскаго языка и литературы вообще и представить въ словесное отдѣленіе на разсмотрѣніе, которое получивъ представитъ о немъ совѣту свое мнѣніе" (отъ 21 мая).

Въ отвѣтъ на желаніе совѣта, выраженное довольно опредѣленно—въ требуемомъ конспектѣ ограничиться задачами преподаванія языка и литературы славянъ, Венелинъ представилъ многорѣчивый трактатъ (29 листовъ), въ которомъ онъ, вѣрный себѣ—непослѣдовательный, повторяющійся, засыпающій собственными именами, съ вычурнымъ языкомъ,—говоритъ объ исторіи изученія древностей вообще и славянскихъ въ частности, но изученія слабаго, обрывистаго, частичнаго, и о возможности, при условіи предварительнаго правильнаго хода филологическихъ занятій надъ языкомъ—этимъ „музеемъ, и богатѣйшимъ" для воскрешенія старины—„курса систематической, всеобщей славянской филологіи и археологіи", необходимости славянской каѳедры. Только въ заключеніи предложена сухая программа порядка обозрѣнія славянскихъ языковъ, начиная съ болгарскаго, но пропуская языкъ церковно-славянскій, за то отдѣляя сербскій языкъ отъ „кроато-далматинскаго", далѣе, обозрѣнія славянскихъ литературъ въ рабскомъ повтореніи извѣстной книги Шафарика 1826 года, и наконецъ дѣлается указаніе, въ двухъ-трехъ словахъ, о характерѣ курса самыхъ древностей („отношенія домашней, общественной и ратной жизни по историческому руководству (!) Prawodawstw Мацѣёвскаго, съ собственными пополненіями; миѳологія и художественныя (!) произведенія, при пособіи разныхъ монографій по собственнымъ запискамъ") [1]).

Безспорно, конспектъ Венелина свидѣтельствовалъ объ извѣстной начитанности любознательнаго автора въ историческихъ трудахъ, о знакомствѣ его съ ходомъ новѣйшей науки на Западѣ по языку (онъ знаетъ труды Джонса, Шлегеля), вообще, о недюжинности его натуры. Мы не можемъ не привести его замѣча-

[1]) Эти бумаги, въ копіи, въ нашемъ портфелѣ.

тельныхъ, въ виду времени, мыслей о значеніи языка для исторіи —для „воскрешенія усопшаго общества“, говоря его языкомъ, мыслей, которыя только послѣ трудовъ Ад. Куна, Пикте и другихъ западныхъ палеонтологовъ языка, т.-е. спустя 30 лѣтъ, сдѣлались прописными истинами науки. „Языкъ относительно къ древностямъ,—говорилъ Венелинъ,—представляетъ самъ собою одинъ изъ *богатѣйшихъ музеевъ*, въ которыхъ весьма многое переходитъ изъ старины, отъ праотцевъ, въ отдаленнѣйшее потомство. Слѣдственно, познаніе языка или филологія составляетъ значительную часть курса древностей, ибо ничто такъ цѣльно и такъ долговременно не сохраняется, какъ слово въ устахъ человѣка, *слово, какъ кладъ, завѣщанный намъ отдаленнѣйшими предками*“. Въ другомъ мѣстѣ Венелинъ смѣло противополагаетъ данныя языка историческимъ свидѣтельствамъ: „нѣтъ необходимости искать за границею славянскаго быта и всѣ краски его народной жизни; она дышетъ, расцвѣчивается, въ его языкѣ, какъ въ богатомъ амбарѣ, въ которомъ археологія найдетъ для себя достаточную пищу“.

Едва ли можно оспаривать, что Венелинъ имѣлъ въ виду блеснуть своею ученостью предъ московскимъ ареопагомъ, хотя по адресу его не упустилъ послать прямо комплиментъ, что „порядочное состояніе русской филологіи и археологіи всякому довольно извѣстно“, но „за успѣхъ ихъ мы обязаны добровольнымъ трудамъ господъ профессоровъ русской исторіи и словесности“. Но еслибы кандидатъ Погодина вмѣсто этихъ цѣнныхъ блёстокъ, блестящихъ мыслей отдѣльныхъ, внѣ спора, приносящихъ ему честь, съ вниманіемъ остановился на томъ, что̀ требовалъ отъ него совѣтъ университета—на программѣ языка и литературы славянъ, то въ результатѣ былъ бы для него личный выигрышъ. Но этого-то онъ не сдѣлалъ, и не въ состояніи былъ сдѣлать, потому что къ наукѣ, къ послѣдовательному преподаванію, онъ, славянскій доброволецъ, естественно, подготовленъ не былъ, и крупными промахами обнаружилъ слишкомъ осязательно свою неправоспособность для занятія каѳедры.

Въ самомъ дѣлѣ, въ ту эпоху, когда *база* славянскаго языкоизслѣдованія или, по Венелину, общей славянской филологіи, языкъ церковно-славянскій уже изъ аналитической, матеріальной школы Добровскаго вступилъ впервые въ стадію научнаго, историческаго изученія, благодаря именно русскимъ трудамъ знаменитаго Востокова (и тоже автодидакта), какъ разъ объ этомъ церковно-славянскомъ языкѣ и помину нѣтъ въ программѣ Венелина. Онъ опущенъ, и преподаваніе открывается съ языка—

новоболгарскаго, изъ славянскихъ — болѣе другихъ знакомаго автору. Совсѣмъ несообразность! [1]) Эти крупные недочеты—матеріальный и методологическій—недвусмысленно указывали, что авторъ при своей начитанности и любви къ задачамъ науки, только любитель, безъ филологическаго образованія, хотя о филологіи и повѣдалъ много, а главное—безъ критики, что программа его, при наилучшихъ условіяхъ, могла дать ему право искать званіе лектора живыхъ славянскихъ языковъ. Объ отсутствіи подготовки говорилъ и характеръ программы: это—одинъ перечень языковъ, безъ всякаго указанія системы и пріемовъ преподаванія. Отсутствіе самостоятельности, личнаго знакомства съ предметомъ доказывалось и историко-литературною частью программы.

Способный автодидактъ, читавшій на своемъ вѣку много ото всего, могъ быть горячимъ публицистомъ, и то съ преобладаніемъ чувства, но на каѳедру серьезно не годился.

Такимъ образомъ послѣ личнаго, не въ свою пользу, засвидѣтельствованія одинъ только отвѣтъ и возможенъ былъ со стороны соблазненнаго имъ университета—отрицательный: искусъ былъ не въ пользу кандидата Погодина. Не забудемъ, что во главѣ университета стоялъ тогда испытанный критическій умъ—Каченовскій, не послѣдній и въ наукѣ славянской. Каченовскій, и помимо своего давняго отрицательнаго отношенія къ Венелину и его фантастическимъ пріемамъ, въ виду представленнаго отвѣта на запросъ университета, могъ рекомендовать совѣту одно—пройти мимо. Конечно, иначе долженъ былъ отнестись къ тому же дѣлу Погодинъ. Вѣдь онъ серьезно упрекалъ въ грубой отсталости свой университетъ, когда въ 1835 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, познакомился съ ослѣпнувшимъ уже Шишковымъ, но не переставшимъ возиться съ своей старой этимологіей. „Я,—пишетъ Погодинъ редактору „Московск. Наблюдателя",—увидѣлъ у Шишкова опытъ производнаго словаря. Въ его корняхъ, стволахъ и вѣтвяхъ есть много глубокаго и новаго, а *мы въ Москвѣ и не знали объ немъ ничего*!" [2]).

Венелинъ, безъ знанія принциповъ науки, поучаетъ; Погодинъ, его протекторъ, съ своими ветхозавѣтными идеями объ языкѣ, также смѣло обличаетъ дѣятелей извѣстнаго порядка въ своемъ университетѣ, а между тѣмъ эти дѣятели, конечно, немногіе, въ

---

[1]) Любопытно вспомнить, что еще въ XVIII стол. извѣстный московскій профессоръ Барсовъ училъ, что церковно-славянскій языкъ—„источникъ, многимъ неизвѣстный или презираемый, много изобильнѣе предъ новѣйшими, часто не весьма чистыми потоками". (Пыпинъ, Ист. рус. этногр., I, 92).

[2]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 268.

своемъ пониманіи современной западной науки (во главѣ ихъ— Каченовскій) стояли въ уровень съ лучшими умами, и эта высота ихъ науки, отчетливое пониманіе строгихъ, не-фривольныхъ требованій науки, обнаруживались на каждомъ шагу ихъ дѣятельности по университету въ разсматриваемое время.

Предъ нами прелюбопытная книжечка: „Програмы гимназическаго курса для испытанія желающихъ поступить въ имп. московскій университетъ", Москва, 1835. Она издана отъ совѣта: цензурное одобреніе его, за подписью секретаря, орд. проф. Надеждина, съ помѣтою 1 марта 1835 г. Университетъ къ своимъ будущимъ питомцамъ по исторіи русской словесности предъявлялъ требованія, строгій научный характеръ которыхъ и болѣе, чѣмъ чрезъ полъ-столѣтія, поражаетъ насъ: такъ прекрасна была въ извѣстномъ кругу его членовъ научная атмосфера, и вообще Москвы уже въ то время...

Вотъ эти требованія: „Пособія для исторіи отечественнаго языка. Какія извѣстны славянскія нарѣчія?

1. Извѣстія о древней словесности.

Показать восточную отрасль славянскихъ нарѣчій.

Показать западную отрасль славянскихъ нарѣчій.

Главнѣйшія отличія восточной и западной отрасли славянскихъ нарѣчій.

Мнѣнія о сходствѣ церковнаго языка съ другими языками славянскими..."

Когда въ томъ же 1835 году Погодинъ посѣтилъ Прагу, то при знакомствѣ съ извѣстнымъ чешскимъ поэтомъ-публицистомъ, „лысымъ" Колларомъ, на привѣтъ-упрекъ его: „какъ вамъ (т.-е. русскимъ) не стыдно не заниматься славянскими нарѣчіями?"—онъ въ состояніи былъ отвѣчать одно: „теперь учреждаются особыя каѳедры для преподаванія славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ" [1]). Погодинъ, очевидно, не зналъ, что именно въ его университетѣ славянскія нарѣчія уже перестали быть книгою за семью печатями, что взглядъ на нихъ, какъ на постулатъ науки для исторіи отечественнаго языка, былъ уже научнымъ убѣжденіемъ, что тамъ уже не только понимали значеніе славянскихъ нарѣчій, но требовали извѣстнаго знанія ихъ отъ школьниковъ и учились имъ.

Итакъ, безъ преувеличенія можно утверждать, что московскій университетъ, въ лицѣ Каченовскаго, Надеждина, отчасти Шевырева, Давыдова, не неприготовленнымъ встрѣтилъ введенную

---

1) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 317.

уставомъ 1835 года новую каѳедру—„исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій". Для него новая каѳедра не была новинкой, нежданностью: уставъ еще разъ узаконилъ и распространилъ теперь на всѣ другіе университеты то, что его личная жизнь постепенно, но самостоятельно выработала для его обихода, пользуясь несчастной славянской каѳедрой Гаврилова, скромнаго труженика еще XVIII столѣтія, случайно попавшаго среди дѣятелей XIX-го.

Вполнѣ естественно, если тревога, внушаемая опасеніемъ за судьбы новой славянской каѳедры: что будетъ съ нею, если невелика наличность „способныхъ орудій" даже для старыхъ каѳедръ?—могла быть разрѣшена единственно въ Москвѣ, и Москва свою очередную историческую задачу дѣйствительно разрѣшила. Благодаря своему прошлому, условіямъ своей полной самостоятельности, московскій университетъ ту каѳедру, которая надолго могла остаться только на бумагѣ и пронестись празднымъ звукомъ въ русской жизни, съ появленіемъ устава немедленно же ввелъ, какъ полноправную въ реальную жизнь...

Университетъ не ждалъ теперь повторенія кеппеновскаго запроса 1827 года, но предупредилъ его, выставивъ самостояльно своего кандидата на новую каѳедру и даже съ ученою славянскою степенью,—которая тогда въ первый разъ была названа,—кандидата со степенью магистра славянской филологіи.

Судьба юной, новорожденной каѳедры была обезпечена.

Но предварительно не былъ забытъ Москвой и старый пріемъ—вызовъ изъ-за моря и именно того, кто десять лѣтъ тому назадъ былъ предназначенъ для Москвы и имя котораго называлось и позже. Мы разумѣемъ знаменитаго Шафарика.

II.

Прошло немного дней послѣ изданія новаго устава университетовъ, и новая славянская каѳедра уже къ началу новаго академическаго года, 1835—1836, не вдовствовала въ Москвѣ. Ее занялъ испытанный человѣкъ науки, который цѣлые десятки лѣтъ не переставая твердилъ, и съ каѳедры, и на страницахъ журнала своего, „Вѣстника Европы", о необходимости славянскихъ изученій для развитія русской исторической науки, и по справедливости столь рѣзко отмѣченный Уваровымъ во время ревизіи 1832 года. Мы говоримъ о пушкинскомъ Курилкѣ—Каченовскомъ. Онъ занялъ новую каѳедру, но, конечно, лишь на первое время:

какъ старику, завершавшему свою общественную дѣятельность, она была уже бременемъ. Какъ на замѣстителя, и на короткое время, смотрѣлъ на него и университетъ.

Успѣхъ новаго дѣла зависѣлъ отъ удачи въ выборѣ лица; каѳедра требовала силы, если не испытанной, то молодой, энергической. Но прежде чѣмъ остановиться на этой комбинаціи, испробовали и пріемъ, который былъ употребленъ при тѣхъ же условіяхъ раньше и который свѣжъ былъ въ памяти многихъ, особенно же того лица, которое теперь стояло во главѣ московскаго университета, какъ предвозвѣстникъ, по удачному выраженію К. Аксакова, новаго порядка,—въ памяти молодого попечителя, графа С. Г. Строгонова.

Графъ Строгоновъ—не новый человѣкъ въ исторіи русскаго просвѣщенія эпохи императора Николая. Это—бывшій членъ комитета 14-го мая 1826 года, съ минуты его образованія, неизмѣнный членъ славянской партіи комитета или славянскаго тріумвирата, который именно составляли: Шишковъ, Сперанскій, Строгоновъ. Онъ не могъ не сохранить еще въ свѣжей памяти и проекта Шишкова создать славянскія каѳедры, и пріема для замѣщенія ихъ, которому онъ лично вполнѣ сочувствовалъ. Мы говоримъ о вызовѣ западно-славянскихъ, чешскихъ ученыхъ въ Россію, о вызовѣ Ганки для Петербурга, Шафарика для Москвы. Этотъ же пріемъ времени Шишкова, въ примѣненіи къ Москвѣ, и воскресилъ теперь гр. Строгоновъ, когда рѣшилъ предоставить честь настоящаго открытія славянской каѳедры въ Москвѣ старому своему избраннику—Шафарику, тогда уже корифею современной славянской науки на западѣ, къ тому же столь чувствительно оскорбленному Россійской Академіей, съ ея бездарнымъ секретаремъ Соколовымъ, въ финалѣ вторичнаго его приглашенія въ Россію—въ „славянскую библіотеку“ [1]).

Собственноручнымъ письмомъ, въ изысканно вѣжливой и привѣтливой формѣ, обратился образованный московскій попечитель къ знаменитому, но нищему ученому Праги. Этимъ пріемомъ графъ, несомнѣнно, желалъ сколько-нибудь ослабить недавнюю горечь воспоминаній о Россіи. Глубокое уваженіе, которымъ проникнуто было каждое слово новаго московскаго приглашенія, радушный тонъ письма, все это, казалось, въ состояніи было побороть ту неохоту, съ которой избранникъ графа долженъ былъ отнестись ко всякому напоминанію о пріемѣ, который еще такъ недавно былъ источникомъ одного тяжелаго разочарованія. Въ

[1]) Ср. нашу книгу: „Начальные годы“, конецъ, и въ настоящей статьѣ, выше.

самомъ дѣлѣ, предъ Шафарикомъ, злополучнымъ ученымъ съ европейскимъ именемъ и въ тоже время нищимъ писателемъ, редакторомъ грошеваго журнала съ картинками („Svĕtozor"), приносившаго ему въ заработокъ нѣсколько десятковъ гульденовъ, открывалась теперь, благодаря обращенію гр. Строгонова, перспектива—быть распространителемъ и организаторомъ славянскаго знанія въ Россіи, вмѣстѣ съ матеріальнымъ обезпеченіемъ и при общемъ уваженіи. Но выслушаемъ самое обращеніе попечителя.

„М. Г., Павелъ Осиповичъ! Въ русскихъ университетахъ,—писалъ графъ,—по новому высочайше утвержденному уставу основаны особыя каѳедры для преподаванія славянскихъ нарѣчій.

Высоко уважая ваши свѣденія по этой части, доказанныя вашими классическими сочиненіями и пріобрѣтшія Вамъ [1]) европейскую славу, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ, м. г., съ предложеніемъ, не угодно ли вамъ принять мѣсто профессора въ московскомъ университетѣ, ввѣренномъ моимъ попеченіямъ?

Не стану говорить о томъ, какъ награждаются въ Россіи услуги, ей оказываемыя. Могу увѣрить васъ только съ своей стороны, что я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства сдѣлать пребываніе ваше у насъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я буду радъ содѣйствовать пріобрѣтенію для университета члена, который положитъ въ немъ прочныя основанія науки, столь важной въ общей системѣ знаній и въ особенности для литературы и русской исторіи. Прибавлю еще, что въ Россіи вы найдете много предметовъ, кои относятся непосредственно къ вашимъ занятіямъ и могутъ доставить вамъ богатую добычу для вашихъ изслѣдованій и пополнить ваши собранія.

Права профессоровъ изложены въ уставѣ, при семъ прилагаемомъ. На проѣздъ вашъ можетъ быть назначена особая сумма. Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашъ отвѣтъ, который благоволите прислать въ Москву на мое имя по приложенному здѣсь адресу. Честь имѣю быть и пр." [2]).

---

[1]) Въ подлинникѣ—„Вами".

[2]) Дата: С.-Петербургъ, 5 генваря 1836 года. Адресъ: A. Son Excellence M le Comte Stroganoff, général aide de camp de S. M. l'Empereur de Russie, Curateur de l'Université de Moscou, à Moscou. (Изъ нашихъ матеріаловъ). Полагаемъ, что письмо самого попечителя дѣлало излишнимъ обращеніе къ Шафарику отъ имени его еще Погодина. Пользуемся этимъ письмомъ гр. Строгонова къ скромному чешскому ученому, чтобы, въ виду его благороднаго типа, показать односторонность характеристики образованнаго московскаго попечителя у Герцена въ его дневникѣ. „Наши вельможи,—пишетъ Герценъ подъ 14 февраля 1843 г.,—не умѣютъ держать себя... всего менѣе относительно иностранцевъ, или дерзко... или унизительно учтиво... Одинъ изъ самыхъ лучшихъ магнатовъ, гр. Строгоновъ, исполненный личнаго благо-

Сжатое, но содержательное, любезное и теплое письмо графа могло разсчитывать на благопріятное дѣйствіе. Дѣйствительно, Шафарикъ былъ глубоко тронутъ вниманіемъ образованнаго русскаго вельможи, но, тѣмъ не менѣе, отвѣчалъ отрицательно на приглашеніе „положить прочныя основанія науки“ въ Москвѣ. Отвѣтъ его, отъ 21 февраля н. ст., копію съ котораго онъ тогда же отправилъ и къ другу Погодину, былъ исполненъ скромности и рѣдкаго благородства чувствъ—рѣдкій примѣръ безсребренности и преданности своему маленькому народу. Благородство отвѣта гармонировало съ деликатнымъ тономъ самаго обращенія.

Скромно и откровенно писалъ знаменитый „Иръ“ своего времени (въ письмахъ къ друзьямъ онъ такъ нерѣдко титуловалъ себя) Строгонову, что первое препятствіе принять приглашеніе —обстоятельства личныя — болѣзненное состояніе его и жены: „было бы неразумно переселеніе въ климатъ болѣе суровый“; но кромѣ того его должны воздержать и общія соображенія—политическаго характера.

„Я представляю себѣ пользу для литературы и науки отъ помѣщенія меня въ московскій университетъ много скромнѣе, чѣмъ какъ это думаютъ мои друзья въ Россіи, которые слишкомъ склонны преувеличивать мои способности и знанія“, и причина—языкъ. „Родной мой языкъ—чешскій; все, что я узналъ теоретически изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, недостаточно, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать, какъ профессору и писателю; въ качествѣ же нѣмца я не могъ бы тамъ ни выступить, ни жить“ [1]). Вторая причина не менѣе симпатична: чувство при-

---

родства, впадаетъ иногда въ страшныя нелѣпости, желая à propos de bottes вдругъ представить изъ себя лорда тори и забывая, что полчаса передъ тѣмъ онъ посмѣялся надъ англійскимъ торизмомъ и излагалъ вещи человѣческія безъ всякихъ предразсудковъ касты. Таковы всѣ, и кн. Д. В. Голицынъ, слывущій либераломъ“ (Стр. 84).

[1]) Въ 1835 же г. гр. Строгоновъ пригласилъ въ московскій университетъ на латинскую каѳедру сербо-лужичанина А. Клина. Въ юности Клинъ былъ патріотомъ и, учась въ Лейпцигѣ до 1817 г., онъ вмѣстѣ съ другомъ Лубенскимъ былъ главнымъ дѣятелемъ студенческаго славянскаго общества. Лубенскій и остался патріотомъ; о немъ переписывался самъ Шишковъ съ Ганкой; нерѣдко рѣчь и въ письмахъ Ганки къ Кеппену, изъ 20-хъ годовъ. Но Клинъ пріѣхалъ въ Москву и—онѣмечился. Мы хорошо помнимъ, какъ этотъ добродушный представитель несчастнаго славянскаго племени на своихъ латинскихъ лекціяхъ иначе не выражался, какъ: „nos, Germani“. (О юности Клина и Лубенскаго ст. М. Шевчика въ сербо-лужицкомъ журналѣ „Lužica“, 1892 г., мартъ, 18). Что Шафарикъ теоретически зналъ русскій языкъ и очень рано обратился къ нему—не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1815 г. вышла книга Фатера въ Лейпцигѣ—„Russiches Lesebuch“. Въ книгахъ Шафарика мы нашли и эту книгу, съ надписью по-чешски: „Пав. Іосифъ Шафарикъ, въ Лейп-

знательности къ своимъ, къ своему роду-племени. „Къ своимъ землякамъ и къ австрійской имперіи я,—продолжалъ Шафарикъ,—привязанъ столь многими узами любви и благодарности, что Прагу, Чехію и Имперію я не желаю оставлять, какъ долго я могу быть полезенъ здѣсь своимъ".

Шафарикъ указываетъ на языкъ. Дѣйствительно, въ его годы (род. 1795 г.) трудно уже было практически освоиться съ русскимъ языкомъ, хотя теоретически онъ зналъ его хорошо. Въ своей юности онъ не былъ въ „русской" школѣ извѣстнаго своими русскими сомпатіями лексикографа Юнгманна, подобно Ганкѣ, Челаковскому. Ганка рано опредѣлилъ значеніе русскаго языка. Въ одномъ изъ писемъ къ Кеппену (6 апр. 1827 г.) онъ смѣло говоритъ: „Прошу, что думаете вы о Геркелѣвой грамматикѣ (искусственнаго общеслав. языка); я ей похвалить не могу, думаючи, что языку всесловянскому совсемъ иною дорогою ити". И тѣмъ не менѣе, только подъ конецъ жизни, несмотря на частое общеніе съ русскими, онъ сносно писалъ по-русски, а то его русскій языкъ былъ комическій. Припомнимъ только его первыя русскія строки Кеппену въ альбомъ: „прошу не показать никому, ни Копитарю самому—желаючи еще разъ благополучнаго путя поручаю ся благосклонности". И долго, долго потомъ блестѣли по его письмамъ къ Кеппену то „имучества", то „поколѣня", то „оно нѣтъ хорошо" и пр. Въ письмѣ—ничего еще, но на каѳедрѣ подобный языкъ бѣда. Памятно и лично намъ историческое „въ кабакў"...

Тонъ отвѣта не позволялъ сомнѣваться въ твердости принятаго рѣшенія. „Я,—заключалъ Шафарикъ,—умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ честь и выгоды, которыя соединены съ предлагаемымъ мнѣ мѣстомъ; я знаю, что здѣсь мнѣ не ожидать ничего подобнаго: но при моемъ образѣ мыслей мнѣ не тяжело матеріальные интересы подчинить духовнымъ или совсѣмъ пожертвовать" [1]). Было ясно, что Шафарикъ не для Москвы. Необходимо было оставить старый, шишковскій пріемъ вызова и остановиться на

цигѣ 1815 г. собственноручно". Слѣд., книга куплена сейчасъ же, когда Шафарикъ былъ еще студентомъ въ Лейпцигѣ. Изученіе книгъ, оставшихся послѣ Шафарика, свидѣтельствуетъ о вниманіи, съ которымъ онъ слѣдилъ за русскою литературою въ 20 и 30-хъ годахъ: онъ не щадилъ послѣдняго гроша для покупки книги, а во что она обходилась ему—легко понять. Зная теоретически, онъ не довѣрялъ своему знанію. Получивъ отъ Шишкова „Краткія Записки" (1831) съ автографомъ старика почеркомъ раскольниковъ: „Господину Шафарику, доктору философіи, отъ сочинителя сихъ записокъ", Шафарикъ сейчасъ же отмѣтилъ, что есть нѣмецкій переводъ, въ Лейпцигѣ, 1832 г.

[1]) Изъ нашихъ матеріаловъ.

иной комбинаціи, и это тѣмъ болѣе, что самъ Шафарикъ препоручалъ теперь ее—разобраться *межъ своихъ*. „Въ Россіи,—писалъ Шафарикъ,—есть уже теперь люди, и число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ, которые съ достоинствомъ и пользою могутъ занять предложенное мнѣ мѣсто“ [1]). Въ выборѣ пріема не могло быть болѣе сомнѣнія. Но гдѣ же они, эти свои замѣстители чужого Шафарика?

III.

Какъ показало ближайшее будущее, Шафарикъ былъ вполнѣ правъ, говоря, что возможно въ Москвѣ обойтись и безъ него. Внимательному графу Строгонову удалось, и безъ особеннаго труда, оріентироваться среди новыхъ условій и остановиться на человѣкѣ, котораго, есть основаніе думать, и имѣлъ въ виду Шафарикъ, указывая на излишество себя для Москвы, и которому такимъ образомъ выпала на долю честь—положить прочныя основанія науки. Это былъ кандидатъ выпуска 1834 года, не первой молодости (род. въ 1808 г.), членъ историческаго студенческаго кружка Станкевича, школьный товарищъ Станкевича, Гончарова, С. Строева, К. Аксакова — Осипъ Максимовичъ *Бодянскій*.

Отмѣченный Погодинымъ на университетскомъ актѣ, Бодянскій тѣмъ не менѣе не былъ ученикомъ его — профессора, витавшаго въ области политики и непосредственныхъ инстинктовъ, а ученикомъ его недоброхота, Каченовскаго, „оракула молодежи“ еще съ 20-хъ годовъ.

При воздѣйствіи освѣжающей духовной атмосферы своего земляка Каченовскаго, который, въ качествѣ образованнаго и внимательнаго проводника идей запада въ русскую науку, съ давнихъ поръ твердилъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“ о существенномъ значеніи занятій этнографіей, если не сложились, то укрѣпились научныя симпатіи Бодянскаго.

Съ легкой руки знаменитаго Вука Караджича, неученаго сербскаго этнографа (1815), началось усердное, въ перегонку, заня-

---

[1]) Погодинъ вѣрно оцѣнилъ достоинство отказа Шафарика. Въ свой „Дневникъ“ онъ занесъ: „Шафарикъ не рѣшается ѣхать; жаль. Но какія благородныя причины! Тронутъ былъ до слезъ“. (Барсуковъ, Погодинъ, IV, 383). Но любопытно, что между русскими друзьями Шафарика тогда же разнесся слухъ, что онъ ѣдетъ въ Бреславль на славянскую каѳедру. Но Шафарикъ назвалъ все это сплетнею „за стаканомъ вина“. „Какъ я вамъ говорилъ и писалъ, я останусь въ Прагѣ“, извѣщалъ онъ Погодина (ib). Дѣйствительно, онъ и умеръ въ Прагѣ, въ 1861.

тіе народной пѣсней у славянъ Австріи, особенно, у словаковъ, и изданія молодого Шафарика въ этнографическомъ направленіи нашли сейчасъ же сочувствіе въ польской литературѣ, а отсюда эти новые научные вкусы коснулись и насъ, и поляки даже занялись русской этнографіей [1]).

Посредникомъ въ польской литературѣ былъ извѣстный критикъ-поэтъ Бродзинскій, профессоръ въ Варшавѣ. Издавая книжку своихъ „Сонетовъ", Мицкевичъ особенно былъ заинтересованъ пріемомъ ихъ у Бродзинскаго. Мицкевичу болѣе всего было симпатично предисловіе Бродзиньскаго къ его переводу словацкихъ пѣсенъ Шафарика, гдѣ онъ, осмѣивая дѣланность чувствъ à la Byron, рекомендовалъ „вглядѣться и вдуматься въ пѣсни славянскихъ народовъ, полныя простоты и горячаго, любящаго чувства". По мнѣнію Бродзинскаго, „всякія романтическія произведенія для насъ, славянъ, чужды, преходящая мода", что „непокой мысли и чувства не имѣетъ мѣста у славянъ" [2]). По словамъ товарища и друга, Э. Одыньца, Мицкевичъ самъ хорошо зналъ и цѣнилъ народную пѣсню. „Ни одна итальянская пѣсня, говорилъ онъ однажды ему, не имѣетъ такой благодарной мелодіи, какъ наша: Pójdźcie, pójdźcie, gąski moje, do domu". Въ тоже время Мицкевичъ зналъ хорошо и русскую (бѣлорусскую) пѣсню и особенно рекомендовалъ Одыньцу одну: „Да черезъ мой дворъ, да черезъ мой дворъ, да цыцера ляцела" [3]). Впрочемъ, непослѣдовательный, увлекающійся Мицкевичъ позже, въ 3-ей части

---

[1]) 10-е и 20-е годы отмѣчены неподдѣльной взаимностью въ отношеніяхъ польскихъ и русскихъ лучшихъ людей. Мы говорили объ этомъ явленіи въ характеристикѣ митр. Евгенія, гр. Румянцева въ нашихъ „Начальныхъ годахъ". Но не лишне освѣжить одинъ забытый литературный фактъ. Знаменитый польскій лексикографъ, начала нашего столѣтія, авторъ грандіознаго польскаго словаря, впервые охватившаго и всѣ славянскія нарѣчія, Сам. Линде, перевелъ и издалъ въ 1824 г. извѣстный „Опытъ исторіи русской литературы", Греча. Переводъ Линде посвящаетъ Новосильцеву и это посвященіе начинаетъ такъ: „Волею провидѣнія милліоны поляковъ вмѣстѣ съ братнимъ, храбрымъ народомъ русскимъ пользуются благодѣяніями управленія пресвѣтлѣйшаго Александра I. Взаимное изученіе духовныхъ интересовъ сближаетъ оба народа къ взаимному уваженію и вслѣдствіе того единитъ ихъ союзомъ братской любви. Трудъ, предлагаемый читателю, картина исторіи развитія русской литературы, которая сейчасъ такъ богата и развивается все быстрѣе и быстрѣе, долженъ обратить на себя самое живое вниманіе поляка, и я почиталъ своею обязанностью мои немногія минуты, свободныя отъ должностныхъ занятій, посвятить изданію польскаго перевода". Къ изданію приложенъ портретъ канцлера Румянцова, съ его русскою подписью.

[2]) Chmielowski, A. Mickiewicz, I, 370.

[3]) Odyniec Ed., Listy z podróży II, 163.

своихъ „Дзядовъ“, злою насмѣшкой помянулъ славянское, идиллическое направленіе Бродзинскаго, что

„Nasz naród się prostotą, gościnnością chlubi,
Nasz naród scen okropnych, gwałtownych nie lubi;
Śpiewać naprzykład wiejskish chłopców zalecanki,
Trzody, cienie... Słowianie, my lubim sielanki“.

Въ Литвѣ особенно сочувствовали Бродзинскому. Здѣсь Чечотъ, университетскій товарищъ Мицкевича, съ любовью трудился надъ собираніемъ и объясненіемъ народныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, самъ только писалъ пѣсни въ народномъ духѣ, а въ Эм. Станевичѣ нашелъ горячаго послѣдователя въ примѣненіи даже къ этнографіи литовской [1]). Въ 1818 году извѣстный полякъ Ходаковскій уже прекрасно зналъ русскія пѣсни сѣвера и и юга, собираясь на изученіе пѣсенъ другихъ славянъ [2]).

Къ тому же времени относятся и собирательные опыты и у насъ, особенно, на югѣ: кн. Цертелева, Максимовича. Около 1825 г. П. В. Кирѣевскій принялся уже за собираніе великорусскихъ пѣсенъ [3]). Современная журналистика, т.-е. 20-хъ годовъ, съ особенною настойчивостью рекомендовала примѣръ другихъ славянъ по занятію этнографіей, т.-е. повторяла Каченовскаго, что „намъ, русскимъ, стыдно уступать сербамъ и богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ“ [4]). Припомнимъ, что еще въ 10-хъ годахъ грезилъ этнографіей знаменитый Мерзляковъ, все въ Москвѣ.

Этнографическое направленіе, т.-е. изученіе настоящаго, а не поддѣльнаго, народа, не могло не вызвать, и очень рано, и запроса о народности въ самой русской литературѣ. Нѣмецъ Кюхельбекеръ, труня надъ нѣмецкимъ направленіемъ поэзіи Жуковскаго въ „Мнемозинѣ“ кн. Одоевскаго на 1824 годъ, смѣло выставлялъ положеніе, что вѣрованія, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя — „лучшій источникъ для нашей словесности“, что „станемъ надѣяться, что, наконецъ, наши писатели сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими“ [5]). Вспомнимъ и Грибоѣдова, политическія мнѣнія его Чацкаго.

---

[1]) Odyniec Ed., Wspomnienia z przeszłości. Warsz. 1884, 152.

[2]) Пыпинъ, Исторія рус. этнографіи, III, 75.

[3]) Колюпановъ, А. И. Кошелевъ, I, 2, стр. 29.

[4]) „Сѣверный Архивъ“ Булгарина на 1824 годъ, у г. Пыпина, XIII, 14.

[5]) Колюпановъ, А. И. Кошелевъ, I, 2, стр. 28. Еще въ 1820 г. Кюхельбекеръ читалъ лекціи въ Парижѣ о славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ, но насильственно прерванныя, по доносу, послѣ лекціи о вліяніи на родной языкъ вольнаго Новгорода. Въ 1822 г. въ Тифлисѣ, подъ вліяніемъ Грибоѣдова, онъ воспѣвалъ

Поэмы Пушкина 20-хъ годовъ были иллюстраціей и нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ запросъ, несмотря на струю байронизма. Народный, этнографическій элементъ въ нихъ понималъ и цѣнилъ такой судья со стороны, какъ Мицкевичъ. Негодуя на классиковъ въ Варшавѣ, Мицкевичъ изъ Петербурга писалъ Лелевелю: „скажи, для чего я долженъ щадить крикливую дворню Парнасса? Тяжелые удары нанесли они своими глупыми совѣтами литературѣ—въ литературѣ мы отстали на полъ-вѣка, *даже отъ Россіи*" [1]).

Такимъ образомъ, этнографическое изученіе *своего* было знаменемъ эпохи, носилось въ воздухѣ всюду, и оно рано увлекло и Бодянскаго. По его собственному признанію, еще до вступленія въ 1831 году въ московскій университетъ, у себя на родинѣ, въ полтавской губерніи, онъ началъ записывать пѣсни и собралъ ихъ нѣсколько тысячъ [2]). Въ собраніи малорусскихъ пѣсенъ Максимовича 1834 года были и пѣсни отъ Бодянскаго и Гоголя. Замѣтимъ, что въ Полтавѣ еще жилъ знаменитый „дьяконенко" (т.-е., сынъ дьякона) Котляревскій, полтавское нарѣчіе возведшій на степень литературнаго языка и своимъ сильнымъ примѣромъ увлекшій современиковъ [3]). Уже семинарскія письма Бодянскаго къ отцу пересыпаны малорусскими поговорками. Въ университетѣ старыя симпатіи отъ лѣтъ юности нашли только поддержку. Бодянскій пытается даже самъ писать по-малорусски („Наськи казки") и, слѣдя за развитіемъ этнографическихъ трудовъ у западныхъ славянъ, пишетъ о нихъ отзывы, напр., двѣ обстоятельныя статьи о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Коллара [4])

стихами въ библейскихъ образахъ возстаніе греческаго народа. Въ своемъ заключеніи онъ услаждался „Вѣстникомъ Европы" Каченовскаго и Киршей Даниловымъ. Любопытно для насъ одно мѣсто изъ его дневника, въ заключеніи, подъ 4 февраля 1832 г.: „прочелъ три сказки Кирши: одну изъ нихъ—„Сорокъ каликъ со каликою" въ 1815 году я перевелъ на нѣмецкій языкъ". Какъ вѣренъ судъ Кюхельбекера о красотѣ языка Грибоѣдова! Въ защиту его онъ возражалъ пуристамъ: „вы говорите слишкомъ правильно; у васъ нѣтъ тѣхъ мнимыхъ неправильностей, тѣхъ оборотовъ и выраженій, безъ которыхъ живой разговорный языкъ не можетъ обойтись, но о которыхъ молчатъ ваши грамматики" („Рус. Старина" за 1875, pass.).

[1]) Chmielowski, A. Mickiewicz, I, 429.

[2]) Въ магистерской диссертаціи. Число, вѣроятно, преувеличено, какъ полагали и нѣкоторые современники, напр., Максимовичъ. Любопытно, что и младшій братъ Ѳедоръ унаслѣдовалъ страсть къ собиранію пѣсенъ; въ 40-хъ годахъ ихъ было у него, по словамъ М. Стаховича, до 4 тыс. (Р. Архивъ, 1886).

[3]) Ср. статью М. Сергіенка „Для ювилея Котляревського" въ львовскомъ журналѣ: „Записки наукового товариства имени Шевченка", II, 148.

[4]) Въ числѣ подписчиковъ на это изданіе изъ русскихъ былъ одинъ Ал. Тургеневъ, отголосокъ славянскихъ симпатій изъ начала XIX столѣтія.

въ „Моск. Наблюдателѣ“. Особнякомъ стоитъ студенческая кандидатская диссертація Бодянскаго („Мнѣнія о происхожденіи Руси“); но она написана подъ прямой диктантъ того же Каченовскаго и чисто библіографическаго характера, вызвавъ позже у товарища Станкевича добродушную каррикатуру.

Раннія этнографическія симпатіи Бодянскаго обосновывали прежде всего его права на вниманіе со стороны образованнаго московскаго попечителя. Но главное, что̀ могло выдвинуть его въ глазахъ графа Строгонова при вопросѣ о замѣщеніи новой каѳедры въ университетѣ, это—благосклонное отношеніе къ энергическому ученику Каченовскаго, изъ Полтавы, самого Шафарика.

При первомъ знакомствѣ съ Шафарикомъ въ Прагѣ въ 1835 году Погодинъ почувствовалъ себя крайне неловко, когда на вопросы его о малорусскомъ нарѣчіи (уже тогда была задумана имъ классическая „Этнографія Славянъ“) не съумѣлъ ничего отвѣтить [1]. Но любознательность Шафарика была въ полной мѣрѣ удовлетворена Бодянскимъ: уже въ самомъ началѣ 1836 г. Погодинъ отослалъ Шафарику статью, спеціально написанную для него Бодянскимъ, о малорусскомъ нарѣчіи—очеркъ географическаго распространенія племени и языка [2].

Шафарикъ встрѣтилъ статью, какъ „превосходный“ опытъ. Съ нетерпѣніемъ ожидая продолженія, онъ проситъ Бодянскаго пояснять болѣе рѣдкія малорусскія слова и совѣтуетъ въ томъ же родѣ написать о нарѣчіи бѣлорусскомъ и новгородскомъ. Такимъ образомъ, Бодянскій вступаетъ теперь въ прямыя отношенія къ Шафарику и, въ обходъ Погодина, сообщаетъ литературныя новости, которыя находятъ въ Прагѣ любезный пріемъ. Соображая время заочнаго знакомства Бодянскаго съ Шафарикомъ, едва ли можно сомнѣваться, что кто-либо иной, а не Бодянскій имѣлся въ виду Шафарикомъ въ извѣстныхъ строкахъ письма его къ гр. Строгонову, 21-го февраля 1836 г. Извѣстный же разсказъ біографовъ, будто бы Бодянскій, скромный учитель

[1]) Собственное признаніе, въ Ж. Мин. Нар. Пр., 1835 г.

[2]) Въ библіотекѣ Шафарика (Музей въ Прагѣ) есть малорусская поэма Шевченка „Гамалія“, Спб. 1844. Она—современный подарокъ Бодянскаго. На ней подпись: „П. І. Шахварикови І. Бодяньськый“. Нѣсколько раньше Бодянскаго знакомилъ, но крайне недостаточно и несистематично, Шафарика съ малорусской этнографіей извѣстный богачъ и полтавскій фантастъ, Платонъ Лукашевичъ, но позже издатель прекрасныхъ червонорусскихъ думъ. Онъ посылаетъ Боплана „Описаніе Украйны“, Спб. 1832, съ надписью: „Велеученому Панови Шафарикови от Пл. Лук.“. Здѣсь же рукою Лукашевича—цѣлый рядъ малорусскихъ поговорокъ, пословицъ, въ родѣ: „Моськовьскій часъ“, „Пропавъ якъ шведъ пóдъ Полтавою“ (Изъ нашихъ матеріаловъ).

1-й гимназіи въ Москвѣ, обратилъ на себя вниманіе своего начальника юмористической критикой дѣтища спекулантскаго патріотизма Булгарина, невѣроятенъ уже потому, что мѣткая критика Бодянскаго на „Россію въ всевозможныхъ отношеніяхъ" относится къ 1837 году, когда вопросъ о Бодянскомъ, о его отправленіи за границу, проходилъ уже министерскую стадію, подходилъ къ концу [1]), а Бодянскій былъ магистромъ.

Такимъ образомъ, ученикъ Каченовскаго долженъ былъ обратить на себя вниманіе гр. Строгонова своимъ личнымъ трудомъ. Тогда же тотъ же Каченовскій, и при самомъ заботливомъ участіи гр. Строгонова, предоставляетъ Бодянскому возможность получить первому въ Россіи степень магистра славянской филологіи и, облегчивъ тѣмъ дальнѣйшій ходъ дѣла по замѣщенію каѳедры, открыть собою, въ старыхъ любителей мѣсто, блестящую эпоху первыхъ четырехъ избранниковъ въ исторіи русскаго славяновѣденія.

Уже въ сентябрѣ 1836 г., слѣдов., спустя немного мѣсяцевъ послѣ февральскаго письма Шафарика, Бодянскій проситъ факультетъ о допущеніи его къ экзамену „преимущественно по предмету исторіи и литературы славянской", а въ октябрѣ было и самое испытаніе у Каченовскаго, именно, по славяновѣденію. Экзаменъ шелъ превосходно. Но любопытна одна подробность— что самъ гр. Строгоновъ присутствовалъ на экзаменѣ, ясный знакъ, что кандидатура Бодянскаго у него давно была рѣшена; онъ теперь провѣрялъ себя. Послѣ второго испытанія, Каченовскій предложилъ молодому слависту и тэму для диссертаціи— изъ области славянской этнографіи—о народной поэзіи у славянъ. „Бодянскій,—сказано въ протоколѣ,—заранѣе объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляли главный предметъ его занятій" [2]).

Присутствіе гр. Строгонова на экзаменѣ, утвердивъ его въ правильности своего выбора, дозволило ему сейчасъ же остановиться на мысли о дальнѣйшемъ шагѣ—объ отправкѣ выдающагося по своей подготовкѣ ученика Каченовскаго за границу, для мѣстныхъ систематическихъ изученій, для полной подготовки къ каѳедрѣ, лишь только формальная сторона дѣла будетъ у конца.

Уже въ началѣ декабря 1836 года, Шафарикъ, получивъ отъ Погодина извѣстіе объ этомъ намѣреніи Строгонова, отвѣчалъ самымъ живымъ одобреніемъ. „Благородное намѣреніе

---

[1]) Даже Н. Полевой книгу Булгарина обозвалъ „пакостной"— но въ письмѣ къ брату. См. „Записки Кс. Полевого". Спб. 1888, р. 426.

[2]) Н. А. Поповъ, въ „Р. Старинѣ", 1879, ноябрь.

графа,—писалъ онъ,—отправить Бодянскаго въ земли западныхъ и южныхъ славянъ, чтобы въ путешествіи онъ могъ приготовить себя къ славянской каѳедрѣ, не должно остаться безъ исполненія. Это единственный путь, который ведетъ къ цѣли. Уже давно слѣдовало обратиться къ этому пріему. Можетъ быть, — пророчески заключалъ письмо Шафарикъ, — вскорѣ послѣ этого последуютъ примѣру Москвы Петербургъ, Харьковъ и Кіевъ" [1]).

Рѣшительное одобреніе со стороны такого компетентнаго судіи не могло быть безразлично для гр. Строгонова, и онъ дѣйствительно своей мысли не оставилъ безъ скораго исполненія, а своего Бодянскаго—на полу-пути.

Тэма для магистерской диссертаціи, предложенная Каченовскимъ, была какъ нельзя болѣе по душѣ молодому этнографу, и самому поэту въ народномъ стилѣ — въ родѣ поляка Чечота, и мы удивляться не будемъ, что сочиненіе было готово уже въ началѣ 1837 года. Быстрота въ трудѣ—ранняя черта характера Бодянскаго.

Въ мартѣ сочиненіе было одобрено въ факультетѣ, печатаніе его поручено Каченовскому, а въ концѣ мая происходила и самая защита: она прошла „весьма удовлетворительно", какъ отмѣчено въ протоколѣ, и опять при непремѣнномъ присутствіи графа Строгонова.

Извѣстный Сенковскій, журналомъ котораго зачитывались даже въ Прагѣ [2]), но самолюбивый самохвалъ, обычнымъ своимъ привѣтомъ — издѣвкой — встрѣтилъ трудъ нашего перваго слависта. Поддерживая мысли Каченовскаго о пользѣ изученія славянскихъ нарѣчій, Сенковскій въ то же время не стѣснялся распространять, въ минуты спазмъ, и нелѣпыя мнѣнія о лучшихъ дѣятеляхъ славянской науки, и, конечно, это легкомысленное отношеніе тѣмъ менѣе извинительно, чѣмъ выше были имена лицъ, подвергавшихся его общественному прещенію, чѣмъ неприготовленнѣе была публика къ печатному слову.

Начавъ съ охуленія трудовъ Добровскаго, Копитара, Шафарика, подчасъ-де хвастливыхъ, всегда неосторожныхъ, одностороннихъ, Сенковскій какъ бы перелагаетъ въ прозу приведенную выше комическую характеристику славянъ у Мицкевича въ

---

[1]) Переписка Погодина, II, 185.

[2]) Ср. письмо Ганки къ Кеппену, безъ даты, но такъ, года 1886—37: „возрасту русскаго слова радуюсь и имъ-же наслаждаюсь; это удивительно, какіе успѣхи литература ваша въ такъ короткое время сдѣлала! Какія хорошія извѣстія подаетъ вамъ мѣс. Апрѣль Библ. для чтенія! Я получаю этотъ журналъ съ начала его существованія"... (Изъ нашихъ матеріаловъ).

„Дзядахъ“, и объявляетъ, что это и есть тэма, на которую Бодянскій предложилъ свои варіаціи. „Съ энтузіастами разсуждать невозможно“ [1]),—заключаетъ Сенковскій.

Но тэма Каченовскаго, обстоятельно разсмотрѣнная его ученикомъ, вполнѣ отвѣчала требованію времени.

Извѣстно, съ какимъ восторгомъ встрѣтили въ Европѣ объявившійся родникъ народной поэзіи у сербовъ, особенно среди славянъ. Въ послѣдующія двадцать лѣтъ послѣ сербскаго изданія Караджича явилось много сборниковъ славянскихъ пѣсенъ. Слѣдовательно, общій обзоръ сдѣланнаго въ этой области этнографіи, съ выясненіемъ этническихъ чертъ народной пѣсни, былъ и своевременнымъ, и полезенъ, толкая новыхъ работниковъ на ту же обширную ниву. Дальнѣйшая судьба науки оправдала Бодянскаго: въ этнографическихъ трудахъ—одна изъ заслугъ русской науки, которая какъ бы въ девизъ для себя поставила сердечныя слова старшаго современника Бодянскаго, сказанныя почти тогда же. „Если можемъ, — говоритъ Амвросій Метлинскій, издавая свои „Думки“ въ 1839 г., — сохранить память хоть одного изъ народцевъ земли и не сохранимъ и сице погибнетъ единый отъ малыхъ сихъ, грѣхъ намъ отъ Бога великій“. Горько сѣтовалъ Бодянскій на Кирѣевскаго въ 1838 г., что тотъ великорусскія пѣсни свои все держалъ подъ спудомъ, хотя началъ собирать еще въ 20-хъ годахъ...

Что же касается самаго выполненія, то диссертація нашего перваго магистра и чрезъ много-много лѣтъ была съ интересомъ новой книги.

И такъ, формальная сторона дѣла на мѣстѣ, въ Москвѣ, была окончена. Теперь гр. Строгоновъ поручаетъ своему избраннику заняться очереднымъ вопросомъ — изготовкой учебнаго и ученаго для себя плана путешествія въ славянскія земли или, выражаясь языкомъ оффиціальнымъ, путешествія „преимущественно въ такія страны, которыя представляютъ для него наиболѣе вспомогательныхъ средствъ“— въ Австрію, Германію и Турцію, при при разсчетѣ его выполненія въ два года. Работа сдѣлана была скоро, и не далѣе какъ 3 іюля гр. Строгоновъ имѣлъ возможность послать въ министерство самый планъ, при самомъ теплымъ ходатайствѣ о самой командировкѣ, вопросѣ нелегкомъ для того времени [2]).

---

[1]) „Библ. для чтенія“, 1837, май.

[2]) Ср. жалобы обманувшагося стипендіата въ Дерптѣ, И. Я. Горлова, будущаго экономиста, въ 1838 г., на министра, не пустившаго его за границу. — Барсуковъ, Погодинъ, V, 142.

„Кандидатъ московскаго университета, Іосифъ Бодянскій,—писалъ энергическій попечитель министру,—объ утвержденіи котораго въ степени магистра я имѣлъ честь представить в. в-ву 29 іюня, съ особенною любовію, знаніемъ и успѣхомъ занимается исторіею и литературою славянскихъ нарѣчій и представилъ уже нѣсколько сочиненій по сему предмету.

„По предложенію моему, Бодянскій изъявилъ согласіе продолжать занятія свои, съ тѣмъ, чтобы для бо̀льшаго усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій отправиться за границу и на мѣстѣ изучать сіи предметы. Планъ сего путешествія изъясненъ въ прилагаемой запискѣ.

„Полагая съ увѣренностью, что Бодянскій впослѣдствіи съ пользою можетъ занимать въ университетѣ каѳедру по означенному предмету въ званіи профессора, имѣю честь покорнѣйше просить в. в-во объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на отправленіе его за границу на два года, на счетъ экономическихъ суммъ ввѣреннаго мнѣ университета, съ выдачею по 4 тыс. руб. въ годъ. Эта сумма, по мнѣнію моему, необходима, потому-что Бодянскій, какъ видно изъ плана, долженъ будетъ дѣлать излишнія издержки на переѣзды изъ одного мѣста въ другое, для полученія свѣденій, для которыхъ отправляется".

Въ отвѣтъ на это, управлявшій министерствомъ, гр. Протасовъ, приказалъ сообщить гр. Строгонову, что онъ готовъ ходатайствовать, но желаетъ, чтобы Бодянскій предварительно былъ обязанъ подпискою прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ [1]). Подписка была взята (и въ формулировкѣ, которая имѣла нѣкоторое значеніе въ позднѣйшей исторіи съ Флетчеромъ у Бодянскаго, въ 1848 году), и 24 августа гр. Протасовъ отправилъ въ Вознесенскъ, гдѣ въ то время происходилъ знаменитый смотръ, къ Его Величеству самое ходатайство.

„Принимая во вниманіе, — писалъ управляющій министерствомъ,—съ одной стороны дѣйствительный недостатокъ въ достойныхъ преподавателяхъ по части исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, вошедшихъ по новому уставу въ курсъ наукъ университетскихъ, а съ другой, что Бодянскій, съ успѣхомъ занимающійся сими предметами, по усовершенствованіи себя за границею, въ состояніи будетъ занять съ пользою помянутую каѳедру, я полагалъ бы отправить его на два года въ чужіе края, въ указанныя гр. Строгоновымъ мѣста. На приведеніе таковаго

---

[1]) Отъ 22 іюля. Архивъ М. Н. Пр., № 54,871.

предположенія въ дѣйствіе, имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія".

Уже 7 сентября статсъ-секретарь Танѣевъ увѣдомилъ гр. Протасова о послѣдовавшей Высочайшей резолюціи 31 августа: „Согласенъ", а 10-го тотъ поставилъ въ извѣстность московскаго попечителя, но съ предложеніемъ—„при отправленіи Бодянскаго вмѣнить ему въ обязанность, чтобы онъ по крайней мѣрѣ черезъ каждые четыре мѣсяца присылалъ донесенія какъ вамъ, такъ равно и министру нар. просвѣщенія о своихъ занятіяхъ".

Нельзя не видѣть, что въ то время какъ гр. Строгоновъ оказывалъ полное довѣріе своему избраннику, не стѣсняя его ничѣмъ, гр. Протасовъ держался иного, канцелярскаго, бумажнаго пріема. Впрочемъ, этотъ взглядъ не помѣшалъ ему тогда же, 11 сентября, обратиться къ нашему послу въ Вѣнѣ, гр. Татищеву, съ теплымъ словомъ быть въ помощь нашему путешественнику. „Поручая сего молодого человѣка вашему покровительству, я,—писалъ графъ,—обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой удостоить его вашимъ вниманіемъ, содѣйствуя ему зависящими отъ васъ средствами къ достиженію цѣли предпринятаго имъ путешествія, при отправленіи изъ австрійскихъ владѣній въ дальнѣйшій путь, снабдить его рекомендательными письмами къ посланникамъ и агентамъ нашимъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ по назначенію долженъ будетъ отправиться" [1]).

Покойный В. И. Григоровичъ одинъ былъ бы въ состояніи дать всю цѣну этой любезной предупредительности гр. Протасова, поминая свои пріемы у нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ въ 40-хъ годахъ...

Въ основу ходатайства гр. Строгонова легъ планъ, выработанный, по его указанію, Бодянскимъ. Этотъ первый проектъ оффиціальной командировки въ славянскія земли былъ найденъ въ министерствѣ настолько правильнымъ, что былъ одобренъ безъ задержки; даже старикъ Востоковъ не былъ запрошенъ—впрочемъ, этотъ пріемъ вошелъ въ обычай нѣсколько позже. Но главное—планъ Бодянскаго становится теперь въ извѣстномъ смыслѣ канономъ для министерства по отношенію къ другимъ университетамъ, какъ самый пріемъ московскаго попечителя — правиломъ для нихъ.

Уже 17 сентября послѣдовалъ циркуляръ министерства къ попечителямъ прочихъ округовъ (петербургскаго, казанскаго и харьковскаго), вызванный командировкой Бодянскаго.

---

[1]) Архивъ Мин. Н. Пр., № 54.871.

„Въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ,—циркулярно писалъ гр. Протасовъ,—полагается въ I отд. философскаго факультета каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Такъ какъ предметъ сей не входилъ прежде въ составъ университетскаго курса, то нынѣ весьма трудно найти вполнѣ способныхъ преподавателей онаго. Посему необходимо, по крайней мѣрѣ, на первый разъ доставить отъ правительства занимающимся означеннымъ предметомъ и желающимъ впослѣдствіи занять въ университетѣ каѳедру—средства къ пріобрѣтенію нужныхъ для того свѣденій [1]).

„Г. попечитель московскаго уч. округа для достиженія сей цѣли представилъ объ отправленіи одного молодого ученаго, посвятившаго себя изученію нарѣчій единоплеменныхъ намъ народовъ, на два года за границу и преимущественно въ такія страны, которыя представляютъ для него въ семъ отношеніи наиболѣе вспомогательныхъ средствъ. Предположеніе г. попечителя удостоилось по всеподданнѣйшему докладу моему Высочайшаго утвержденія.

„Препровождая при семъ доставленный отъ графа Строгонова планъ таковаго путешествія, покорнѣйше прошу увѣдомить меня, не признаете ли вы, м. г., нужнымъ принять подобныя мѣры для замѣщенія каѳедры славянскихъ нарѣчій въ ввѣренномъ вамъ университетѣ и не имѣете ли въ виду способныхъ къ тому лицъ".

Позволительно думать, что безъ гр. Строгонова и его Бодянскаго вопросъ въ самомъ министерствѣ о замѣщеніи новой, славянской, каѳедры оставался бы долго безъ движенія, предоставленный самому себѣ, дѣлу случая. Не забудемъ, что самая каѳедра попала въ уставъ только при послѣдней его редакціи; кому же она на первыхъ порахъ могла быть близка?.. Заслуга графа Строгонова предъ русской наукой едва ли можетъ быть вопросомъ.

Попечители петербургскій, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, и харьковскій, гр. Головкинъ, отвѣтомъ не торопились; за то ихъ отвѣты сопровождались указаніемъ и самихъ желанныхъ кандидатовъ. Первый отвѣчалъ только 30 апрѣля 1838 года и рекомендовалъ дерптскаго учителя Петра Прейса (происхожденіемъ поляка); второй еще позже, 28 мая, и рекомендовалъ адъюнкта политической экономіи, магистра Измаила Срезневскаго. Кромѣ того, отъ Прейса поступилъ самостоятельный планъ славянскаго

[1]) Здѣсь на полѣ карандашная замѣтка: „Студентъ Главнаго Педаг. Института Иванишевъ въ Прагѣ". Очевидно, припоминаніе, что уже Иванишевъ занимается славянскими нарѣчіями. Но Иванишевъ былъ юристъ.

путешествія, изъ Харькова вмѣсто плана прислана была критика плана Бодянскаго, принадлежавшая профессору Гулаку-Артемовскому. Одинъ казанскій попечитель, Мусинъ-Пушкинъ, отвѣчалъ немедля, спустя немного дней послѣ запроса, но съ вѣстями худыми—отъ 7 октября.

Мусинъ-Пушкинъ вполнѣ сочувствовалъ пріему гр. Строганова, но извѣщалъ, что для него онъ невыполнимъ, конечно, по мѣстнымъ условіямъ университета. „Чтобы отправляющійся въ ученое путешествіе, писалъ онъ, по плану г. попечителя московскаго учебнаго округа вполнѣ могъ изъ него извлечь ожидаемую пользу, ему необходимо должно имѣть уже весьма достаточныя теоретическія свѣденія въ нарѣчіяхъ славянскихъ, быть хорошо знакому съ сочиненіями ихъ лучшихъ писателей, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, однимъ словомъ, путешествующій долженъ быть ученымъ, а не ученикомъ. Не имѣя теперь въ виду никого особенно занимающагося изученіемъ славянскихъ нарѣчій, я нахожусь въ необходимости представить вашему с-ву на усмотрѣніе—не изволите ли вы признать возможнымъ назначить способнаго молодого ученаго для путешествія на счетъ казанскаго университета и со временемъ для замѣщенія въ немъ каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій" [1]). Конечно, не этого министерство искало, а—раздѣленія труда по трудному вопросу; менѣе же всего оно могло нуждаться въ казанской инструкціи или въ казанскихъ деньгахъ.

А. Кочубинскій.

[1]) Архивъ М. Н. Пр., № 55. 108—1940.

УПРЯМАЯ

„A Rebel" by A. Mathers.

I.

— Воображеніе?!.. Да оно-то и составляетъ причину по крайней мѣрѣ трехъ четвертей нашихъ бѣдствій. Не будь его на свѣтѣ, намъ приходилось бы испытывать одни только физическія страданія, связанныя съ неудовлетворенными потребностями человѣческаго тѣла. Мы страдали бы отъ болѣзней, отъ голода, отъ холода,—но и только. Тогда мы не сходили бы съ ума отъ горя и скорби за близкихъ и дорогихъ намъ людей, мы не испытывали бы болѣзненнаго состоянія, вызваннаго ревностью или обманутымъ самолюбіемъ; сердце наше не надрывалось бы надъ тѣмъ, что̀, собственно говоря, вовсе насъ не касается и стоитъ въ сторонѣ отъ насъ. Наконецъ, вѣдь и самый актъ жизни, какъ существованія, приноситъ намъ вообще больше муки, нежели радости и ликованія.

Звѣрь на волѣ, вестъ-индскій невольникъ, школьникъ, который вырвался на свободу—вотъ единственные вполнѣ счастливые люди на землѣ, а между тѣмъ, имъ никакого дѣла нѣтъ до воображенія и ему—до нихъ.

— Но развѣ не воображеніе доставило намъ величайшія изъ твореній искусства и ума, а слѣдовательно, и величайшія изъ наслажденій? — возразила Бамъ.

— Пустяки! Величайшее, совершеннѣйшее изъ твореній — человѣкъ, создано изъ самаго состава природы и ея свойствъ; но пусть только этотъ самый человѣкъ попробуетъ дать волю своему воображенію—и онъ натворитъ себѣ бѣды, впадетъ въ ужаснѣйшія заблужденія... если только не сойдетъ съ ума, не начнетъ

гоняться за неуловимыми мечтами. Всякая крайность — ненормальна. Совершенно здоровое живое существо (человѣкъ или животное) никогда не видитъ сновъ или видѣній: оно наслаждается жизнью, слѣдовательно, оно вполнѣ счастливо.

— Хорошо, положимъ,—продолжала Бамъ:—но въ такомъ случаѣ, если вы отвергаете воображеніе, вамъ придется отвергнуть самое существованіе воспоминаній и надеждъ?

— Понятно! Или вы думаете, что воспоминанія могутъ доставить вамъ хотя бы вполовину столько счастливыхъ часовъ или даже минутъ, сколько они въ васъ оживятъ мучительныхъ, тяжелыхъ? Вспомните, Эмерсонъ совѣтуетъ намъ бросить далеко позади нашу „ржавую старину"; Лонгфелло учитъ насъ тому же... Что̀, какъ не память, не воспоминанія, сковываетъ людей цѣпями, принижаетъ и не даетъ подняться людямъ—мужчинамъ или женщинамъ безразлично, которые иначе могли бы возвыситься до иного, лучшаго образа жизни и водворить его на развалинахъ прежней?

— Но почему старая жизнь непремѣнно подлежитъ разрушенію?—тихо спросила Бамъ.

— Какъ: „почему?"—съ горечью возразила лэди Сью [1].— Да почему сіяетъ солнце? Почему условія жизни для всѣхъ живыхъ существъ одинаково тяжелы и почти невозможны? Потому что такъ ужъ оно есть—и никакіе разговоры этого не измѣнятъ.

— Ну, посмотрѣть на васъ, такъ никогда не скажешь, что жизнь васъ поломала! — проговорила Бамъ и внимательно оглянулась на молодую женщину, которая вся, съ ногъ до головы, производила впечатлѣніе того, что называется „maîtresse-femme".

— Все потому, что я—философъ! Я отвергла прежній міръ, въ которомъ я жила, и вызвала его на бой... только не помню, что̀ меня натолкнуло на такія мысли? А, помню, помню: я убѣждала васъ, что исключительно воображеніе ваше виновато въ томъ, что вы отказали Бельмору и отдаетесь какому-то нелѣпому незнакомцу, котораго знаете какихъ-нибудь мѣсяца три, небольше. Кажется, вы могли бы во̀-время предупредить меня, чтобы я успѣла, въ свою очередь, предупредить Бельмора... Нечего было ждать, чтобы онъ вернулся!—заключила она съ негодованіемъ.

— Почему я знала, что вы вызвали его? Я собиралась сама ему писать... а когда увидала его у васъ въ гостиной сегодня передъ обѣдомъ, мнѣ стало очень грустно.

— Такъ, ради Бога, ужъ скорѣй, сегодня же, кончайте, чтобы

---

[1]) Сью—сокращенное „Сусанна".

онъ могъ уѣхать съ первымъ поѣздомъ завтра же поутру!—воскликнула горячо лэди Сью.—А не то онъ погубитъ мою вечеринку: будетъ себѣ копаться въ своихъ сердечныхъ мукахъ или еще, пожалуй, пуститъ себѣ пулю въ лобъ! Но, позвольте спросить, въ чемъ же заключается особое обаяніе *нумера пятаго?*

— *Четвертаго!*—поспѣшно поправила ее Бамъ.—До сихъ поръ я была „настоящимъ образомъ“ помолвлена только *три* раза. Вы знаете, я всегда собиралась выйти за умнаго человѣка, еслибы мнѣ случилось встрѣтиться съ нимъ прежде, чѣмъ я буду женой другого, и вотъ...

Бамъ поудобнѣе положила на перила свои обнаженныя руки и договорила:

— ...Вотъ я и выхожу!

— А! Значитъ, его превосходство исключительно умственнаго рода?—сухо замѣтила милэди.—Ну, а мнѣ, наоборотъ, приходилось слышать, что душевнымъ качествамъ мы скорѣе подчиняемъ свои убѣжденія, а умственнымъ покоряемся лишь по необходимости...

— Сью!—остановила ее мило, но довольно язвительно пріятельница.—Это разсужденіе ужъ слишкомъ глубоко для васъ. Но скажите: вы никогда не думали о томъ, что въ сущности въ глубинѣ большинства вопросовъ лежитъ простое любопытство? Видѣли вы, какъ дѣти ломаютъ свои игрушки, чтобы посмотрѣть, *что тамъ внутри?* Часто вѣдь тамъ ничего нѣтъ; тамъ пустота!

— Игрушкѣ это все равно, а любовнику и мужу—нѣтъ!—возразила Сью все такъ же сухо.—Но вамъ, кажется, никогда и въ голову не приходило, что и надъ вами также могутъ производить подобные же опыты?

— Весьма возможно. И я надѣюсь, что не разсыплюсь въ прахъ, не окажусь обманчивой, какъ призракъ.

— А въ чемъ же состоитъ, въ его глазахъ, *ваша* притягательная сила?—съ любопытствомъ допрашивала Сью.—Неужели вы можете льстить себя надеждой, что онъ васъ полюбилъ за тò, что вы сами на дорогѣ сдѣлаться также умной женщиной? О, душечка моя, взгляните въ зеркало: вы тамъ скорѣе, чѣмъ въ умѣ своемъ отъищете отвѣтъ, почему этотъ человѣкъ вамъ отдается. Развѣ Монтэнь не говоритъ намъ прямо, что въ дѣлахъ любви красота тѣлесная всегда имѣетъ преимущество надъ совершенствами ума? „Онъ“ умный человѣкъ и влюбился не въ васъ самихъ, а въ вашу красоту и свѣжесть.

Бамъ ей не возражала.

Она молча смотрѣла на террасу, за которой далеко внизу

ярко бѣлѣли розы. Мрачная зелень лѣсовъ темнѣла за ними и еще рѣзче выдѣляла прибрежную, серебристую полосу моря, которая трепетала, словно дыша прерывисто и сладко, какъ бѣлоснѣжная грудь могучаго богатыря—океана. Позади, отъ стѣнъ стараго замка вѣяло теплымъ лѣтнимъ воздухомъ, напоеннымъ запахомъ миртъ и жасминовъ. Въ немъ ароматъ цвѣтовъ сливался съ громкимъ, возбужденнымъ говоромъ гостей-игроковъ, который доносился изъ открытаго окна неподалеку.

— Нѣтъ нужды спрашивать, богатъ ли онъ? — насмѣшливо продолжала Сью. — Умные люди никогда не бываютъ богачами. Но что̀ онъ получаетъ?

— Что̀ заработаетъ. Но я умѣю жарить и варить и учусь дѣлать протертые супы...

— А есть у него что-либо впереди?

— Нѣсколько тысячъ въ наслѣдство отъ брата; да и тѣ не навѣрно.

— И вы разсчитываете на нихъ? Вы его разорите. Послушайте! Женщина, воспитанная въ довольствѣ, никогда не будетъ хорошей женой бѣдняку. Ему слѣдуетъ выбирать себѣ въ жены дѣвушку, воспитанную въ скудости,—хозяйку и швею. Какъ ни любитъ мужъ жену свою, онъ скорѣй проститъ ей тяжкій грѣхъ и преступленіе, нежели рубашку безъ пуговицъ или подгорѣлое жаркое.

— Я первымъ дѣломъ буду обращать вниманіе, чтобы ни того, ни другого не случалось, — возразила Бамъ: — а если мнѣ случится много сидѣть одной, противъ скуки у меня найдутся свои занятія...

Лэди Сью насмѣшливо разсмѣялась.

— „Занятія?“ въ девятнадцать-то лѣтъ?.. Нѣтъ, дорогая: ваше *занятіе*—болтать, смѣяться, большими глотками вдыхать въ себя жизнь, какъ это дѣлаютъ сильные, здоровые цвѣты или растенія. Ваше дѣло—веселить другихъ, доставлять имъ радость и утѣху: развѣ съ васъ этого недовольно? Приберегите вы свои всякія „средства“ къ тому времени, когда ваша проворная походка станетъ замедляться, а нѣжный цвѣтъ лица пропадетъ безвозвратно.

— Цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ я жила животной жизнью,— проговорила Бамъ, глядя на луну:—но теперь я намѣрена быть разумнымъ, развитымъ созданіемъ, и другомъ на всю жизнь избрала себѣ умнаго, развитого человѣка. Можетъ быть (почему знать?) онъ откроетъ во мнѣ то, чего не замѣчали прежніе мои женихи: что у меня есть умъ и здравый смыслъ...

— Но чѣмъ у васъ его больше, чѣмъ больше вамъ придется примѣнять его къ дѣлу, тѣмъ больше будетъ ваше недовольство жизнью!—съ досадой прервала ее пріятельница.—Да что вы, неужели собираетесь и въ самомъ дѣлѣ сдѣлать себѣ изъ мужа друга и товарища? Ахъ вы, мой птенчикъ! Да знаете ли вы, что жены въ тысячу разъ больше любятъ тѣхъ мужей, которые къ нимъ равнодушны, а отнюдь не такого, который не дастъ женѣ самой хотя бы развязать ленты у шляпы безъ его помощи. Всѣ мужчины на свѣтѣ дѣлятся на двѣ категоріи: одни хотятъ, чтобы ихъ обожали, а другіе ничего лучшаго и не желаютъ, какъ только, чтобы имъ разрѣшено было обожать предметъ своей страсти... Къ которой же изъ этихъ двухъ категорій принадлежитъ вашъ м-ръ.., м-ръ... право, я не припомню, какъ его зовутъ? Но если вамъ случится быть принесенной въ жертву, помните: у толстыхъ людей бываетъ разрывъ сердца, у худыхъ— порывъ страсти. Берегитесь: въ васъ можетъ разгорѣться страсть, если вы вѣ-время не остережетесь!

— Ну, и что жъ дальше?—спросила молодая дѣвушка.

— А дальше тѣ, что если это съ вами случится, а онъ останется все такимъ же умнымъ и мыслящимъ,—тогда ужъ берегитесь! Вотъ и все. Всякая женщина любитъ, чтобъ ее любили; если же она можетъ обойтись безъ любви мужчины, если она настолько тверда характеромъ, чтобы отстранить отъ себя всѣ соблазны, она уже непривлекательна въ глазахъ мужчины; она не женщина, а просто какой-то неудавшійся мужчина. Ея характеръ, ея обращеніе становятся въ такой же мѣрѣ рѣзкими и непріятными, въ какой они были бы мягкими, пріятными, великодушными, еслибы ей удалось найти подходящаго себѣ мужа.

Пріятельница быстро повернулась къ ней лицомъ.

— Однакоже вы съ Джорджемъ всегда, повидимому, чувствуете другъ къ другу полное расположеніе? А между тѣмъ вы говорите, какъ будто...

— Дорогая моя!—начала сухо и наставительно лэди Сью.— Знайте, что рано или поздно настанетъ время, когда цѣпь, связующая васъ съ мужемъ (какъ бы она гибка ни была), порвется. Иногда случается такъ, что ее можно починить; но если *та,—другая* женщина,—успѣетъ ухватиться за свободные концы и затянуть ихъ въ крѣпкій узелъ, прежде чѣмъ успѣете это сдѣлать вы...

Сью пріостановилась.

— *Другая*?!—глухо воскликнула невѣста.

— Да. Вотъ и все!

Бамъ придвинулась ближе и тихонько положила руку на руку своей собесѣдницы.

Та продолжала:

— Только смотрите, какъ бы удержаться за *вашъ* конецъ цѣпи... Да, да: это—*цѣпь*, это оковы, будь онѣ свиты изъ розъ или изъ бурьяна, все равно, онѣ будутъ и останутся *цѣпями*, и между ними почти нѣтъ различія. Годъ спустя послѣ дня вашей свадьбы, спросите сами себя, милая моя: — нравлюсь ли я своему мужу?—вмѣсто того, чтобъ задавать себѣ вопросъ:—нравится ли *мнѣ* мужъ?—Если въ отвѣтъ получится, что вы пришлись ему по вкусу,—ну, и прекрасно. Можете быть спокойны: значитъ, вы одержали верхъ надъ всѣми другими женщинами, которыхъ онъ знавалъ до тѣхъ поръ; вы стали внѣ ихъ конкурренціи, хотя бы за это время и успѣли страшно подурнѣть и измѣниться. Право, достойно удивленія, до чего женщина-хозяйка, даже дурная собою, умѣетъ угодить мужу лучше всякой красавицы, и взять надъ нею верхъ въ тѣхъ случаяхъ, въ тѣхъ мелочахъ, въ которыхъ самыя хорошенькія женщины съ ними не могутъ тягаться. Повѣрьте мнѣ, душа моя: чѣмъ раньше мы научимся понимать непреложную истину, что мы, женщины, и наше благосостояніе зависитъ всецѣло отъ милости и вниманія мужчины, тѣмъ лучше будетъ для насъ самихъ.

Бамъ сдѣлала отрицательное движеніе рукою, но Сью невозмутимо продолжала:

— Выйти за богатаго удобно тѣмъ, что это значительно ограничиваетъ съ его стороны возможность заставить васъ страдать отъ денежныхъ недостатковъ, быть самой богатой — еще того лучше, потому что на дѣлѣ сводитъ его власть надъ вами (въ денежномъ смыслѣ) къ совершенному нулю. Но если у васъ ни у того, ни у другого нѣтъ никакихъ средствъ...

Она умолкла и только выразительно пожала плечами.

— Вѣдь нельзя же считать, что любовь единственное въ жизни, что ею жизнь начинается и съ нею же кончается,—горячо возразила Бамъ.—У насъ будутъ и другія занятія: книги, наука... Онъ меня будетъ самъ учить... Съ вами, Сью, я испробовала всю прелесть лихорадочнаго вихря, который люди называютъ удовольствіями; я упивалась глубочайшимъ, безмятежнымъ спокойствіемъ, которое одни называютъ миромъ, а другіе—прозябаніемъ, но теперь я хочу найти что-нибудь среднее между этими двумя крайностями. Кто-то изъ писателей сказалъ:—„Мой разумъ—вотъ гдѣ мое царство!“ Можетъ быть, и мой собственный окажется такимъ обширнымъ...

— Итакъ,—безнадежнымъ тономъ замѣтила Сью:—этотъ *новый* человѣкъ поведетъ васъ по вѣщимъ путямъ классической науки. Вы смотрите на него, какъ на нѣчто высшее; а онъ, бѣдняжка, по всей вѣроятности, и не требуетъ, чтобы вы дѣлали изъ него героя или хотя бы брали съ него примѣръ. Ему, бѣдному, горько придется, когда наступитъ ваше разочарованіе, когда вы наконецъ увидите его такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, безъ воображаемыхъ прикрасъ. Говорю вамъ вѣрно, Бамъ: мы, женщины, оказываемъ мужчинѣ плохую услугу, если возводимъ его на пьедесталъ, съ котораго ему, весьма естественно, суждено свалиться,—тѣмъ болѣе, что онъ и не подозрѣваетъ, до какой степени высоко мы его ставимъ. Но онъ тутъ не при чемъ: мы сами виноваты.

— Лишь бы онъ самъ меня не осудилъ за это, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ! Впрочемъ, я думаю, другіе также меня не осудятъ.

— Да бросьте вы его!—вскричала Сью, побуждаемая инстинктивнымъ чувствомъ опасности:—выходите себѣ за Бельмора, живите въ бездѣйствіи, незамысловатой, пустой жизнью и повѣрьте, что это будетъ для васъ же здоровѣе и для всѣхъ полезнѣе. Будетъ у васъ и денегъ вдоволь, и роскошный домъ, и бѣднымъ вы будете въ состояніи помогать. Сама природа создала васъ для того, чтобы благотворить: вы все себѣ разстроите — и душу, и тѣло, если дадите надъ собою волю одиночеству и нуждѣ!.. А кстати: гдѣ онъ теперь живетъ?

Бамъ назвала какой-то невозможный участокъ въ чертѣ города и ея пріятельница чуть не упала, опираясь, словно въ обморокѣ, на перила балкона.

— Да кто же къ вамъ туда пойдетъ?—въ отчаяніи вырвалось у нея.—А домъ Бельмора только вѣдь того и ждетъ, чтобъ вы вошли въ него полновластной хозяйкой!

— Ну, знаете ли, еслибъ это былъ Крэгсъ-Касль,—задумчиво проговорила Бамъ:—я думаю... мнѣ кажется, я не рѣшилась бы... отказать... Бельмору...

— А! Вотъ видите! — торжествующимъ тономъ воскликнула лэди Сью въ то время, какъ взоры ея собесѣдницы слѣдили за причудливыми очертаніями красиваго пейзажа, еще ярче оттѣнявшаго богатый замокъ, серебристую зыбь и темный лѣсъ, и сверкающіе остроконечные утесы, и подножіе замка, которое ласкали бирюзовыя воды.

— Видите, развѣ въ вашихъ словахъ сейчасъ не сказалось все ваше прошлое, ваше воспитаніе и привычки? Вы можете перемѣнить свое имя на другое, но не можете перемѣнить образъ

мыслей, не можете измѣнить своей склонности къ роскоши и удобствамъ, и я отъ всей души жалѣю этого „новаго“ человѣка. Нѣтъ, только то подумать, что вы, *вы* имѣли смѣлость, при вашихъ тщеславныхъ стремленіяхъ, рѣшиться выйти за человѣка, у котораго нѣтъ ничего за душой, нѣтъ даже опредѣленнаго дохода... Да какъ онъ смѣлъ сдѣлать вамъ предложеніе?—воскликнула Сью, уже въ конецъ разгнѣванная.

— Да онъ, кажется, и не дѣлалъ, — чистосердечно призналась молодая дѣвушка:—я никогда его не считала женихомъ.

— Значитъ, вы сами вбили ему это въ голову? *Вы* дали ему понять, что не прочь бы выйти за него?—вскрикнула Сью.

— Конечно, я дала ему замѣтить свою мысль, что онъ могъ бы мнѣ годиться въ супруги,—подтвердила Бамъ серьезнымъ тономъ.—Изъ прочихъ, понимаете, никто бы не годился.

Ея собесѣдница вздохнула съ горькимъ стономъ:

— Я всегда думала, что вы немножко ненормальны; но никогда я не могла бы допустить, чтобъ вы могли сами сдѣлать мужчинѣ предложеніе!

— Да нѣтъ же! Никто никому не дѣлалъ предложенія: ни онъ мнѣ, ни я ему. Право, и я сама не знаю, какъ это такъ вышло, а только—мы женихъ и невѣста, вотъ и все!

— А обручальное кольцо на пальцѣ?—возразила Сью.

— Не знаю; онъ что-то говорилъ про это; но чтò—мы потомъ оба позабыли.

— Онъ вамъ писалъ сегодня утромъ?

— Нѣтъ, онъ корреспондентъ не изъ усердныхъ.

— Ну, Бамъ, вы, кажется, намѣрены сами себя взорвать на воздухъ и притомъ же снарядами своего собственнаго изготовленія: вѣдь онъ, съ своей стороны, повидимому, не питаетъ ни малѣйшаго желанія, ни даже намѣренія на васъ жениться.

— Да нѣтъ же, вы ошибаетесь!—небрежно замѣтила Бамъ.—Положимъ, онъ дѣйствительно до того разсѣянъ, что способенъ позабыть, въ которомъ часу назначена его собственная свадьба; но конечно лучшія стороны его души и сердца до этого его не допустятъ.

— Какъ же его зовутъ?

— Его зовутъ: Денисъ. Денисъ Уильдфайръ.

— Ну, вотъ такъ имя! Да и ваше тоже будетъ хорошо, нечего сказать: Бамъ Уильдфайръ! Совсѣмъ, какъ ѣздоки изъ цирка Хенглера... Впрочемъ, я полагаю, вы оставите свое глупое прозвище и примете снова свое настоящее имя.

— Нѣтъ, я уже привыкла къ своему уменьшительному (меня

вѣдь такъ зовутъ всѣ домашніе) и намѣреваюсь остаться при немъ. А знаете ли, я горю нетерпѣніемъ привести въ порядокъ *его* квартиру...

— Квартиру?!—въ ужасѣ вскричала Сью.—Вы, значитъ, были у него?

— Да, была одинъ разъ съ тетушкой Стевелей.

— И что же, у него прилично?

— Напротивъ: крайне *не*-прилично! То-есть, у него обстановка ученаго. Денисъ только-что кончилъ завтракать и его блюдо съ ветчиной стояло рядомъ съ разобраннымъ черепомъ съ одной стороны и съ костями руки—съ другой. Вездѣ вокругъ и по стѣнамъ, вездѣ все книги, книги и книги,—и пыль... а наверху, въ лабораторіи—и еще того хуже!

— И вы-то, *вы* намѣреваетесь переселиться въ эту яму изъ своего большого, чистаго деревенскаго дома? И въ этой-то ямѣ вамъ придется по цѣлымъ днямъ сидѣть одной, сидѣть съ утра дò ночи послѣ того, какъ дома вокругъ васъ стоялъ веселый шумъ и говоръ вашей многочисленной родной семьи? Да не только хозяйства, вы не знаете хотя бы и того, по чемъ фунтъ масла, сахару, мяса или свѣчей?

— Да и для васъ это покрыто мракомъ неизвѣстности!—торжествующимъ тономъ замѣтила ей Бамъ и выразительно мотнула головой.

— Ну, да. Но я вышла за человѣка, который имѣлъ возможность держать экономку; въ противномъ случаѣ, я разорила бы своего мужа, какъ вы разорите вашего. Кажется, таковъ ужъ порядокъ вещей, что дѣвушки, наименѣе знакомыя съ бѣдностью, такъ сами на нее и лѣзутъ! Когда вы были еще маленькой дѣвочкой, вы были непохожи на другихъ дѣтей (и въ голосѣ лэди Сью зазвучала нотка зависти): вы задавали вопросы, на которые никто не умѣлъ отвѣчать; вы толковали о томъ, чтò вы намѣрены дѣлать, когда подростете.

— *Постараюсь* дѣлать,—поправила Бамъ.

— Вы говорили, что будете непремѣнно вліятельны и богаты... и вы были единственный мелочный членъ вашей семьи. А между тѣмъ, вы сами же рѣшились отказать троимъ женихамъ и въ настоящую минуту пренебрегаете единственной хорошей партіей, которая вамъ когда-либо представлялась.

Милэди остановилась перевести духъ и продолжала:

— И вы еще хотите вдобавокъ быть ученой, набираться ума; а быть умной значитъ дѣлать другихъ счастливыми, но не быть самой счастливой. Къ тому же, это совершенно лишнее!

Бамъ промолчала. Она задумчиво смотрѣла на неопредѣленную дымку надъ моремъ, невольно сравнивая ее съ тою завѣсой, которая скрывала отъ нея ея будущее. Какъ бы то ни было—и тутъ, и тамъ было одинаково неизвѣстно, чтò за ней таится...

— А, вотъ вы гдѣ!—раздался громкій, но пріятный мужской голосъ позади обѣихъ собесѣдницъ.—Я обошелъ уже всѣ террасы,—все васъ искалъ: вѣдь вы мнѣ говорили, что пойдете туда послѣ обѣда,—обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ.

Но она отвернулась въ сторону отъ него и онъ очутился лицомъ къ лицу... съ ея затылкомъ. У нѣкоторыхъ изъ женщинъ бываетъ открытый затылокъ, у многихъ волосы на немъ подстрижены, какъ на лбу челка; но только та женщина можетъ считаться дѣйствительно красивой, которая не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ, можетъ похвалиться стройной посадкой своей красивой головы на художественно правильныхъ плечахъ,—а все художественно-прекрасное въ женской красотѣ Бельморъ цѣнилъ, какъ еслибы самъ былъ художникъ, и даже, пожалуй, еще больше.

Бамъ скорѣе догадалась, нежели замѣтила, что лэди Сью удалилась; а затѣмъ, съ тою рѣшимостью, которая ей была свойственна, обернулась къ нему и проговорила:

— Джэкъ! Черезъ недѣлю я выхожу замужъ!

Она говорила, не глядя на него.

Въ бою, когда одинъ убиваетъ другого, люди рубятъ безъ оглядки, не останавливаются, чтобъ полюбоваться дѣломъ рукъ своихъ; а Бамъ знала прекрасно, что она наноситъ смертельный ударъ всему, чего ей стоило столько трудовъ достигнуть цѣною многихъ лѣтъ и стараній.

— А!.. За кого?—глухо прозвучалъ его голосъ.

— Вы его не знаете. Я встрѣтилась съ нимъ въ городѣ прошлой весною. Джэкъ, да скажите же хоть что-нибудь. Вы понимаете, я никогда не обѣщала... Не могу я жить безсмысленно, какъ колода, какъ жила до сихъ поръ!

— Нѣтъ, это я—колода,—съ горечью замѣтилъ онъ.—Но берегитесь, Бамъ: вы не одному мужчинѣ разбивали сердце: какъ бы онъ не разбилъ, въ свою очередь, ваше. Вы не знаете (да и не можете знать) его хорошенько: его жизнь, его стремленія и наклонности вамъ неизвѣстны. А ваши родные одобряютъ этотъ бракъ?

— Нѣтъ.

— Ваши друзья и знакомые?

— Тоже нѣтъ! Онъ бѣденъ; мы будемъ жить въ какихъ-нибудь двухъ трехъ комнаткахъ во дворѣ; намъ, по всей вѣроят-

ности, придется часто голодать, но я буду работать, я буду ему помогать.

— Значить, вы очень любите его?

— Нѣтъ.

— Такъ, значитъ, онъ васъ сильно любитъ?

— Нѣтъ!.. Что жъ это, наконецъ, такое? Прикажете мнѣ здѣсь стоять и всю ночь напролетъ твердить вамъ только: Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! словно какая-нибудь идіотка! — воскликнула Бамъ, топнувъ ножкой.

— Боже мой! Но вѣдь это ужасно! Придетъ день, когда вы оглянетесь назадъ, вспомните свое прошлое и пожалѣете, что не устроились на всю жизнь съ какой-нибудь здоровой и беззаботной „колодой", съ которой вамъ пришлось бы испытать лишь миръ и тишину, и полное бездѣлье, и можетъ быть даже любовь... А въ вашихъ планахъ на будущее что-то ея не видно: вы точно совершаете какой-то торгъ.

— Нѣтъ, я хочу жить новой жизнью,—тихо сказала Бамъ, и ея умственнымъ очамъ представилась картина скромной комнаты съ большимъ столомъ, освѣщеннымъ лампой, подъ которой склонилось надъ бумагами и книгами умное лицо, отражающее полное спокойствіе и довольство своимъ любимымъ дѣломъ. Для нея какъ бы не существовала вся обстановка à la Meissonier, которая была въ эту минуту передъ нею. Разговаривая съ Бельморомъ, Бамъ не замѣтила, какъ она подошла къ роскошно-обставленной гостиной, въ которой ей, какъ на ладони, были видны разгоряченныя лица игроковъ; бѣлоснѣжныя пышныя плечи дамъ, казавшіяся еще бѣлѣе на черномъ фонѣ мужскихъ сюртуковъ; стѣны, обитыя краснымъ и увѣшанныя картинами въ золотыхъ рамахъ, какъ нельзя лучше дополнявшія общую картину роскоши и веселья. Лэди Сью тоже уже сидѣла за карточнымъ столомъ и такъ же яростно играла, какъ и всѣ другіе, въ то время, какъ ея пріятельница критически взвѣшивала про себя все, только-что высказанное ея другомъ. Она знала, она чувствовала, что она, Бамъ, безконечно сильнѣе, энергичнѣе, нежели той казалось. Вся разница между ними въ томъ и состояла, что Сью говорила, а Бамъ дѣйствовала и такимъ образомъ обѣ они являлись представительницами двухъ совершенно противоположныхъ половинъ, на которыя распадается весь родъ человѣческій: одна изъ нихъ дѣятельна на словахъ, а другая на дѣлѣ.

— До свиданья, Джэкъ!—проговорила Бамъ, чувствуя прекрасно, что слѣдовало бы, собственно говоря, сказать *прощайте*! Она знала, что по утру, до завтрака, Джэкъ ужъ будетъ далеко.

Душевное страданіе, однако, превозмогло его сдержанность: онъ, не говоря ни слова, повернулся и быстрыми шагами пошелъ прочь.

Нѣсколько времени она стояла молча, неподвижно,—вся въ черномъ, высокая и стройная, лицомъ къ морю. Джэкъ не сдѣлалъ ей ни одного упрека,—и это больше ее укололо, нежели всѣ великосвѣтскія возраженія ея пріятельницы Сью. Она взглянула со стороны на свои поступки и ей показалось, что она нечестная, лукавая дѣвушка, для которой ничего не значитъ дать слово и не сдержать его;—получить въ даръ чистое золото и взамѣнъ его отдать мелкую монету. Да, она положительно не понимаетъ настоящаго смысла слова *честь* и не умѣетъ примѣнять его на дѣлѣ въ своемъ обращеніи съ мужчинами... Ну, а возмездіе за такіе проступки?..

Ей вдругъ припомнилось, что въ порывѣ гнѣва одинъ изъ обманутыхъ ею поклонниковъ и жениховъ употребилъ, дѣйствительно, это слово и ей стало немножко жутко. Но затѣмъ она снова высоко подняла голову, искренно возмущенная.

— Если выходишь замужъ исключительно для умственныхъ отвлеченныхъ наслажденій, развѣ могутъ этому помѣшать вопросы чувства? Развѣ можно карать за нихъ тѣмъ, что составляетъ принадлежность сердца?..

II.

— „Изъ вѣка въ вѣкъ боги и люди привѣтствуютъ самостоятельнаго человѣка. Всѣ двери передъ нимъ открыты; всѣ громко привѣтствуютъ его, всѣ почести его вѣнчаютъ; всѣ очи жадно слѣдуютъ за нимъ. Наша любовь идетъ ему на встрѣчу, потому что она ему не нужна. Мы, какъ просители, униженно ластимся къ нему и чествуемъ его, потому что онъ шелъ своей дорогой и пренебрегъ нашимъ осужденіемъ. |Боги любятъ его за то̀, что люди его ненавидятъ".

. . . .

— „Къ настойчивому смертному,—говоритъ Зороастръ,—и боги благосклонны".

— А вѣдь у васъ здѣсь преуютно!—замѣтилъ Поль Фаберъ.

— Да,—отвѣчала Бамъ и окинула взглядомъ всю комнату.— Когда я увидала этотъ безпорядокъ въ первый разъ, мнѣ показалось, что здѣсь разбросанъ по кусочкамъ человѣческій скелетъ... ну, понимаете, въ видѣ книгъ, и рукописей, и разныхъ приборовъ для изслѣдованій; мнѣ чудилось, что частицы его движутся

вокругъ насъ и вмѣстѣ съ нами, и мнѣ становилось жутко смотрѣть на банки съ мариновками изъ боязни, что вдругъ и тамъ какъ-нибудь очутятся анатомическіе препараты.

— Но среди нихъ Денисъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ,—замѣтилъ Фаберъ,—и прекрасно зналъ, гдѣ и чтò взять. Теперь же, готовъ объ закладъ побиться, ему приходится порядкомъ побѣгать, пока онъ чтò найдетъ.

— Да; онъ и то уже ворчитъ частенько,—весело сказала Бамъ.—Кажется, букводы вообще не особенно чистосердечный народъ. Я разставляю его *маринады* въ комнатѣ, сосѣдней съ его лабораторіей, но имѣю злостное намѣреніе порастерять ихъ, пока приведу окончательно въ порядокъ.

Въ то время, какъ она говорила съ Фаберомъ, сидя напротивъ него, лицо ея отражало шаловливое лукавство, но добродушный старикъ что-то пробурчалъ про себя, какъ-будто это было ему не по вкусу.

— А его мысли и стремленія, — вы и ихъ тоже разсовали куда попало?

— Признаюсь, мнѣ бы этого хотѣлось... хоть немножко! Онъ смотритъ на меня, точно видитъ меня насквозь, какъ-будто я прозрачная, а самъ не слышитъ половины того, чтò я ему говорю. Онъ точно складываетъ все слышанное подъ спудъ гдѣ-то у себя въ умѣ и вытаскиваетъ его оттуда на свѣтъ Божій недѣлю или болѣе спустя.

— Нѣтъ во всемъ мірѣ человѣка лучше его!—горячо воскликнулъ Фаберъ.—Дайте только волю и просторъ его дарованію; берегите его отъ тоски и заботъ—и у него впереди откроется блестящая будущность. Знаете, барынька вы моя милая, онъ ужъ и безъ того взялъ на себя обузу съ этой женитьбой и самое меньшее, чтò вы можете для него сдѣлать, это ввести во всемъ, гдѣ только мыслимо, строжайшую разсчетливость.

— О!..—протянула Бамъ съ нѣкоторою обидой въ голосѣ.— Значитъ, я и сама обуза у него на шеѣ?

— Тамъ ужъ какъ вамъ угодно. А только, если вы захотите, вы можете быть его другомъ и помощникомъ; можете быть для него тѣмъ, чѣмъ была Розамунда для Лидгэта.

Румянецъ снова загорѣлся на щекахъ м-съ Уильдфайръ, лицо ея просіяло и она подняла голову движеніемъ, въ которомъ не было и тѣни смиренія:

— Неужели вы полагаете, что нѣтъ середины между женщиной, которая, какъ машина, только и знаетъ, что штопаетъ и

чинить на мужа, и вѣтряной мотовкой, которая спокойно можетъ высосать изъ мужа послѣднюю каплю крови?

— Я только хочу сказать, что не одна свѣтлая голова погубила себя и свою карьеру благодаря тому, что жена его возставала противъ строгой бережливости, а онъ, во избѣжаніе ея воркотни, жилъ не по средствамъ, дѣлалъ долги и страдалъ невыносимо по гробъ своей жизни. Чѣмъ сильнѣй вліяніе женщины на мужа, тѣмъ сильнѣе ея власть измѣнить его въ ту или въ другую сторону... если только онъ не совсѣмъ звѣрь по своимъ инстинктамъ,—чего, конечно, нельзя сказать про Дениса.

— Я хочу ему помогать, и *помогу*!—твердо сказала Бамъ и глаза ея засіяли.—Но я не думаю, чтобъ эта помощь должна была заключаться единственно въ мелочной разсчетливости и корпѣньѣ дома, въ четырехъ стѣнахъ. Ему нуженъ толчокъ, нужно и поощреніе. Надо чтобы онъ поскорѣй переселился изъ этого квартала въ болѣе значительный, гдѣ онъ съ бо́льшимъ успѣхомъ можетъ примѣнять свои знанія...

— Ого-го!—проговорилъ Поль Фаберъ, поглядывая на молодую женщину своими съузившимися старческими глазами.—А позвольте спросить: что̀ вы намѣреваетесь для этого предпринять?

— Да прежде всего—переѣхать отсюда... въ западную часть города, въ чемъ постараюсь убѣдить и его самого: вѣдь сюда (въ такую даль!) и не подумаютъ явиться люди, которымъ его изслѣдованія могутъ оказаться необходимы!

— А позвольте спросить,—съ подозрительнымъ спокойствіемъ продолжалъ старикъ,—на эту перевозку вы намѣрены употребить заработокъ Дениса или устроиться какъ-нибудь иначе?

— А вѣдь у него есть наслѣдство отъ брата, какъ вамъ уже извѣстно. Будутъ опять печататься объявленія и, если никто не откликнется, Денисъ получитъ цѣлыхъ пять тысячъ фунтовъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что *если*!.. Я никогда не бьюсь объ закладъ, а еслибы побился, то, конечно, выигралъ бы, потому что Денисъ никогда ни гроша не получитъ изъ этого наслѣдства. Настоящая или вымышленная, но откуда-нибудь да выплываетъ вдова съ ребенкомъ. Во всякомъ случаѣ, вы еще долго ничего не получите; какъ же вы думаете обойтись пока?

— Мы могли бы занять, взять подъ залогъ наслѣдства...

— Да гдѣ вы это такъ прекрасно научились говорить о нечестныхъ продѣлкахъ?—сердито воскликнулъ Поль Фаберъ.—*Занять*?! Вотъ слово, которое никогда не должно бы вылетать изъ устъ честнаго человѣка,—какъ женщины, такъ и мужчины; а вы его такъ просто и безпечно говорите, какъ будто оно знакомо

не только вашему уму, но и душѣ. Повторяю: откуда взяли вы такія выраженія?

— Мать и отецъ никогда не дѣлали долговъ,—спокойно возразила Бамъ:—я также ни одного пенса ни у кого не занимала за всю мою жизнь. Если же мы съ Денисомъ сдѣлаемъ теперь заемъ, то лишь въ видахъ того, чтобы стать ближе къ цѣли.

— Но и эта цѣль не оправдываетъ такого средства!.. Послушайте: вы хотите влѣзть въ долги и, какъ вамъ кажется, съ самой похвальной цѣлью, но все-таки въ *долги*. И еслибы я или кто другой оказалъ вамъ эту услугу, въ одинъ прекрасный день вы прокляли бы часъ, когда я далъ вамъ взаймы. Вашъ мужъ быстро идетъ впередъ; онъ уже и теперь первый изъ нашихъ современныхъ химиковъ-ученыхъ. Вы полагаете, что ему не хватаетъ только спокойствія и квартирныхъ удобствъ для бо̀льшаго успѣха въ его дѣлѣ; но вы жестоко ошибаетесь. Ему скорѣй необходимы нравственный миръ и тишина, чтобы работать на свободѣ и развивать свои и безъ того уже обширныя познанія. А пока у васъ есть настолько, чтобъ заплатить за помѣщеніе, прокормиться и одѣться,—не забывая, однако, что у васъ *одна* спина, а не шесть и что излишне требовать отъ мужа сразу по полудюжинѣ нарядовъ.

— Приданое не можетъ износиться въ одинъ день,—высокомѣрно возразила новобрачная:—а ходить въ лохмотьяхъ не принято въ порядочномъ обществѣ!

— Вотъ съ обществомъ-то вамъ и не придется имѣть дѣла: вы находитесь въ такомъ же ложномъ положеніи, въ какое попадаютъ тысячи дѣвушекъ, которыя выходятъ за многообѣщающихъ молодыхъ людей; такимъ людямъ и вовсе бы не подобало жениться, пока они не сдѣлаютъ карьеру. Жить на свои средства или умирать отъ голоду и отъ долговъ—вотъ единственный исходъ для честнаго мужчины или честной женщины.

— Такъ неужели ему суждено питаться объѣдками отъ сыра во всю свою жизнь потому только, что у него не хватаетъ мужества отрѣзать себѣ отъ цѣлаго куска?

— Вы прежде всего должны этотъ кусокъ *заработать*. Избѣжать отвѣтственности и обязанностей нѣтъ возможности: надо ихъ встрѣтить грудью или нести на себѣ клеймо безчестья. Долги — ужасное проклятье, тяготѣющее надъ человѣчествомъ съ начала вѣковъ. Долги, какъ пьянство, какъ запой, имѣютъ свои жертвы, которыхъ убиваютъ десятками тысячъ, а калѣчатъ и истощаютъ еще того больше! Бойтесь ихъ, бойтесь, какъ чумы! Не пони-

маю, почему Бёніанъ не предостерегъ своего „Странника“ отъ долговъ, какъ отъ наиболѣе рокового и страшнаго изо всѣхъ другихъ бѣдствій и соблазновъ, которымъ онъ подвергался? Смерть или простая случайность могутъ избавить его отъ послѣднихъ; но отъ позора и отъ гнета долговъ не избавитъ ни время, ни смерть!

— Можетъ быть, во времена Бёніана люди вовсе не дѣлали долговъ?—спокойно возразила Бамъ.

— Нѣтъ; въ его время это строго воспрещалось. (И Поль Фаберъ вынулъ изъ кармана цѣлую кучку писемъ и обрывковъ бумаги). Мнѣ какъ-то попался на глаза Вестминстерскій Статутъ короля Эдуарда III, 1363 года, и я радъ, что изъ любопытства сдѣлалъ изъ него тогда кой-какія выписки: онѣ весьма намъ пригодятся въ данномъ разговорѣ.

Бамъ критически оглянула толстую пачку бумагъ, скрестила руки и, глядя на своего собесѣдника, въ глубинѣ души удивлялась: почему это всѣ старики такъ надоѣдливы и такъ... не красивы?

А старикъ, между тѣмъ, уже читалъ вслухъ:

„Статья VIII. Касательно чрезвычайныхъ расходовъ и слишкомъ широкаго образа жизни разнаго рода людей, превышающаго ихъ званіе и имущественное состояніе, постановлено, чтобы“...—тутъ слѣдуютъ уже строгія распредѣленія пищи и одежды, которую полагается ѣсть и носить лицамъ того или другого сословія, изъ которыхъ никому не разрѣшается преступать постановленія закона. Такъ, напримѣръ, конюхамъ и лакеямъ воспрещалось носить платье стоимостью свыше двухъ марокъ, а равно и одежды шелковыя или расшитыя серебромъ или золотомъ; а ихъ жены и дѣти должны были также поступать сообразно съ этимъ и не носить покрывалъ свыше двѣнадцати пенсовъ за штуку.

— Это, конечно, было бы большой экономіей для всякаго хозяйства,—замѣтила Бамъ, слушавшая съ любопытствомъ.—Но что̀ сказали бы на это Джимсъ и Томасъ?

— Землевладѣльцы,—строго продолжалъ Фаберъ:—не должны носить матерій (какъ въ платьѣ, такъ и въ брюкахъ) стоимостью свыше сорока шиллинговъ; никакихъ другихъ, затканныхъ серебромъ и золотомъ, ни поясовъ, ни ножей, ни пуговицъ, ни перстней, ни подвязокъ, ни лентъ или цѣпей; ни какихъ-либо иныхъ вещей изъ золота или серебра; ни шелку въ какомъ бы то ни было видѣ. „А ихъ женамъ и дѣтямъ подобаетъ соблюдать тѣ же правила въ своихъ одеждахъ и украшеніяхъ“. И не подобаетъ имъ носить никакихъ шелковыхъ покрововъ, но лишь нитяные, изготовляемые въ предѣлахъ королевства; ни какихъ-

либо мѣховъ или овчинъ, а лишь мѣха кроличьи, кошачьи и лисьи.

Бамъ сдѣлала недовольную гримаску:

— Интересно знать, что бы сказали жены и дочери фермеровъ въ наши дни, еслибы имъ пришлось ограничиться однимъ только кошачьимъ мѣхомъ? Воображаю, какъ горячо ненавидѣли Эдуарда III женщины того времени!

— Эсквайрамъ и инымъ дворянамъ ниже званія рыцарскаго, у которыхъ нѣтъ земли или годового дохода въ 100 фунт. стерл... (но я скажу короче): тѣ имѣютъ право тратить лишь по *четыре съ половиной* марки на весь свой нарядъ,— а равно ихъ жены и дочери,—но „безъ подпушки или дорогихъ матерій пурпурнаго цвѣта". Тѣмъ же эсквайрамъ, у которыхъ есть земельное имущество или годовой доходъ въ 200 марокъ и свыше этой цифры, разрѣшается носить наряды въ *пять* марокъ, и матеріи шелковыя, и затканныя серебромъ; ленты и пояса и всяческія украшенія, *въ мѣру* украшенныя серебромъ. А женамъ и дочерямъ носить мѣхъ, опушенный горностаемъ, но безъ хвостиковъ...

— Мнѣ это нравится,—замѣтила Бамъ и одобрительно кивнула головой:—по крайней мѣрѣ, тогда сразу можно было сказать, къ какому сословію принадлежитъ та или другая женщина, а теперь даму можно узнать только по ея шерстяному или атласному платью.

— Купцы, горожане и представители городского управленія и проч.. Если у кого есть имѣній и бумагъ на 1.000 фунт. стерл., тотъ можетъ брать изъ капитала и носить одежду, подобную одеждѣ эсквайровъ и дворянъ, у которыхъ 200 фунтовъ годового дохода.

— Эта статья имѣетъ весьма важное значеніе,—пояснилъ старикъ самъ свои слова:—тѣмъ болѣе, что всѣ слѣдующія за нею правила заключаютъ вопросъ о долгахъ. Всѣмъ людямъ вообще *закономъ воспрещалось* входить въ долги такъ точно, какъ купцамъ; въ силу тѣхъ же статей закона становилось совершенно невозможно навязывать свои товары въ долгъ лицамъ, которыя *не могли* забирать ихъ, потому что *не смѣли* ихъ носить. Каждый могъ покупать только то, на что по закону ему давало право его земельное и подоходное состояніе,—но не больше! Съ перваго взгляда можно было сказать, къ какому сословію кто принадлежитъ—и такимъ образомъ поддерживался безъ труда порядокъ и вѣжливыя отношенія, безъ малѣйшаго оттѣнка заискиванія съ одной стороны или высокомѣрія—съ дру-

гой. Одно правило было дѣйствительно для всѣхъ и каждаго: всѣ знали, на какія средства имъ разрѣшается разсчитывать, и знали, что *только* эти средства они имѣютъ право тратить на житье. Въ наши дни система займовъ даетъ возможность нищему вести княжескій образъ жизни и никому дѣла нѣтъ до того, позволяетъ ли ему его состояніе дѣлать такіе страшные расходы?

Бамъ опять утвердительно кивнула головой.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, разрѣшилъ ли бы Эдуардъ III заниматься посторонними профессіями, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ, пока накопишь состояніе?—спросила она.

— Не думаю. Всякая профессія—своего рода игра въ будущность, болѣе или менѣе азартная, конечно; но пока человѣкъ еще холостъ, это значительно оправдываетъ его смѣлость... У меня еще много замѣтокъ,—продолжалъ старикъ:—но, можетъ быть, съ васъ и довольно этого, чтобы вывести надлежаще заключеніе?

— Постойте! — сказала Бамъ, съ трудомъ сдерживая свое раздраженіе, и протянула руку за бумажкой, на которой стояло:

— „Возчики и земледѣльцы, пастухи и др. могутъ носить лишь полотна и грубую шерсть цѣною въ двѣнадцать пенсовъ; а ѣсть и пить (о, Боже мой!)... соразмѣрно со своими средствами, но не больше“. Но развѣ это не жестоко? Нѣтъ, вы только себѣ представьте: даже голодъ и жажду приходится ограничивать статьями закона! А вотъ еще: „конюхи и прочіе слуги должны ѣсть только разъ въ день мясное или рыбу, а сверхъ того—что останется отъ прочаго съѣстного: масла, молока или сыру“... Хотѣлось бы мнѣ это прочитать кому-нибудь изъ нашихъ современныхъ слугъ!—горячо заключила она.

— Въ наше время *слугъ* не существуетъ: это мы—слуги, а они—господа! Но вотъ, дитя мое, въ чемъ самая суть всего законоположенія: прочтите вотъ это!—и онъ указалъ ей на послѣднюю страничку.

— „А для того (начала молодая женщина читать вслухъ), чтобы этотъ порядокъ въ заготовленіи и ношеніи одежды должнымъ образомъ былъ соблюдаемъ и сохраненъ неприкосновенно и безупречно во всѣхъ своихъ пунктахъ, повелѣвается всѣмъ мастерицамъ, портнымъ и торговцамъ въ предѣлахъ королевства шить лишь такія платья, которыя стоимостью своей не превышаютъ указанныя въ этихъ правилахъ и статьяхъ. Торговцамъ же и суконщикамъ подобаетъ покупать и запасать всякаго рода матеріи согласно съ вышеупомянутыми цѣнами; такъ, чтобы было

сдѣлано такое количество платьевъ и всяческой одежды, на продажу въ каждомъ городѣ, пригородѣ или торговомъ пунктѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не были преступлены вышеупомянутые правила и порядки. Чтобы вышеозначенные суконщики и торговцы повиновались, ихъ будутъ къ тому понуждать всяческими мѣрами и способами, каковые благоугодно будетъ принять Королю и Совѣту. Дѣйствіе же этого постановленія считать вступившимъ въ силу съ праздника Срѣтенія Господня настоящаго года".

— Это показываетъ, до чего велика была настоятельная потребность въ такихъ законахъ и постановленіяхъ. Замѣтьте, до чего выразительна статья, ограничивающая произволъ купцовъ и торгашей, которые не прочь бы отпускать товаръ и въ долгъ, лишь бы побольше его забирали.

— И что за печальный праздникъ былъ въ тотъ годъ для бѣдныхъ женщинъ!—серьезно замѣтила м-съ Уильдфайръ.—Надѣюсь, что онѣ, бѣдныя, все-таки успѣли припасти себѣ кой-какія крохи горностаевыхъ шкурокъ, золотыхъ бездѣлушекъ или дорогихъ колецъ, даренныхъ людьми побогаче ихъ, и при закрытыхъ дверяхъ все-таки иной разъ наряжались, себѣ и своимъ близкимъ на утѣху!

— А я такъ всей душой желалъ бы, чтобы наша королева возобновила всѣ эти порядки,—угрюмо возразилъ старикъ и горячо продолжалъ:—Пусть бы пришелъ конецъ долгамъ и судебнымъ издержкамъ, и всякимъ адвокатскимъ вознагражденіямъ, которыя хуже самихъ долговъ. Долги рвутъ прямо изо рта кусокъ хлѣба, который необходимъ для пропитанія должнику; а судебныя издержки (какъ прямое слѣдствіе долговъ) отнимаютъ у него послѣднюю рубашку. И вотъ онъ остается, благодаря имъ, холоднымъ и голоднымъ навсегда!.. По моему, безразсудные люди сами должны бы ограничить свою власть дѣлать долги, а всякій, наталкивающій ихъ на это—подвергаться строжайшему взысканію.

— Такъ вы... вы, пожалуй, начали бы съ того, что заперли бы меня въ тюрьму?—спросила Бамъ и глаза ея весело сверкнули.

— Конечно, еслибы я имѣлъ основаніе думать, что вы хотите втянуть мужа въ долги.

— Но почему-жъ вы сами не поговорите съ нимъ, какъ сейчасъ со мною?

— Да просто потому, что не имѣю на него и крупицы того вліянія, которое имѣете вы; чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ стоитъ только сравнить себя въ зеркалѣ со мною. И помните къ тому же, что Денисъ такой человѣкъ, который довольствуется

малымъ. Въ немъ самомъ—нескончаемый источникъ ума и наслажденій; чтобы чувствовать себя счастливымъ, ему нѣтъ необходимости сладко ѣсть и мягко спать: онъ прежде всего по преимуществу—ученый; человѣкъ, умъ котораго несравненно превышаетъ размѣры его тѣла...

— Да!—перебила молодая женщина:—его желудокъ никогда не напоминаетъ ему, который часъ, а мой ужъ непремѣнно!

— Дайте ему книгъ, чистое бѣлье, душевное спокойствіе— и ему больше ничего не надо: онъ будетъ совершенно счастливъ. Денисъ—человѣкъ непрактичный, недѣловой человѣкъ и, конечно отнесется безразлично къ переѣзду отсюда; вы можете даже вѣтреничать, сорить деньгами: онъ и этого не замѣтитъ. Вотъ потому-то именно, что онъ такъ слабъ характеромъ, вамъ слѣдуетъ не употреблять свою власть надъ нимъ во зло.

— Не думаю, чтобы моя власть надъ нимъ была такъ безгранична, какъ вы полагаете,—возразила Бамъ, но сознаніе ея могущества невольно выразилось ямочками на ея нѣжно-розовыхъ щекахъ.

— Всего три мѣсяца тому назадъ,—продолжалъ сухо другъ Дениса,—вы вышли замужъ наперекоръ волѣ своей семьи и обманули другого для того, чтобы быть его женою (такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили). Поэтому, вы должны быть вдвое дороже Денису, какъ мужу... то-есть, только теперь, пока. Но онъ не будетъ васъ любить, повѣрьте, если вы ему навяжете на шею бремя заботъ и нужды. Къ счастью для васъ обоихъ, онъ можетъ обойтись безъ тѣхъ излишнихъ мелочей, за которыя другіе платятъ кровавымъ потомъ. Мало ли на свѣтѣ есть такихъ людей, которые изъ всѣхъ силъ тянутся за другими, чтобы другіе видѣли, что и *они не хуже другихъ*; но къ чему приведетъ это старанье? Что дастъ вамъ свѣтъ взамѣнъ такой адской работы, такихъ ухищреній? Чѣмъ онъ вознаградитъ за нихъ, въ концѣ концовъ? Какъ вашимъ ближнимъ это все равно, такъ будетъ все равно и вамъ самимъ, когда вашъ ближній будетъ силиться за вами угоняться.

— Я не для ближнихъ, а для Дениса,—только для него!— желала бы ему успѣха. Я хочу помогать ему: женщина можетъ многое сдѣлать для мужа... конечно, если пожелаетъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ самыхъ видныхъ дѣятелей и ученыхъ сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они есть, благодаря такту и энергіи своихъ женъ, которыя умѣли водить съ кѣмъ слѣдуетъ знакомство, а кого слѣдуетъ заинтересовать въ судьбѣ мужа...

— Какъ? Вы, *вы* хотите быть одной изъ тѣхъ, которыя оби-

ваютъ пороги у вліятельныхъ лицъ, какъ милости ожидая, чтобы васъ подарили словомъ или взглядомъ?—грозно прогремѣлъ старикъ. —Или вы думаете, что женщина можетъ вести подобную игру не позоря себя или свое доброе имя? Всякій порядочный человѣкъ имѣетъ въ себѣ достаточно задатковъ на успѣхъ и презираетъ всѣ тѣ преимущества, которыя онъ можетъ получить чрезъ посредство безчисленныхъ униженій, испытанныхъ его женою. Да и кромѣ всего другого — вамъ никогда до этого не дойти: вы не въ состояніи унижаться! — и онъ взглянулъ на нее проницательно, какъ будто желая насквозь проникнуть въ ея душу.— Нѣтъ у васъ ни той гибкой спины для низкопоклонства, ни того увертливаго языка, ни того полнаго отсутствія самолюбія и гордости, которыя одни только и могутъ обезпечить вамъ полный успѣхъ. Нѣтъ, ужъ вы лучше смотрите за своимъ хозяйствомъ; ходите за цвѣтами; шейте и вышивайте; возитесь съ дѣтьми...

— Которыхъ нѣтъ,—быстро и рѣшительно перебила м-съ Уильдфайръ.

— Ну, такъ смотрите за своимъ большимъ ребенкомъ, у котораго не достаетъ предусмотрительности, предпріимчивости и энергіи; тѣмъ болѣе, что у васъ есть всѣ эти три свойства и даже въ сильной степени! Но помните, что кто прожилъ до двадцати лѣтъ безвыходно въ деревнѣ, кому въ будущемъ не предвидѣлось никакихъ неудачъ или ошибокъ, того смѣлость можетъ увлечь слишкомъ далеко... А если у такого человѣка есть честолюбіе и надежды на лучшее...

— У меня есть и то, и другое!—тихо, но съ сіяющимъ лицомъ подтвердила Бамъ.

— Ну, а затѣмъ,—проговорилъ Фаберъ, вставая и застегивая сюртукъ на всѣ пуговицы:—затѣмъ еще одно и послѣднее слово, какое только можетъ сказать старый и опытный человѣкъ молодой и неопытной женщинѣ. Вы просили моего поручительства по векселю въ шестьсотъ фунтовъ; это, конечно, весьма незначительная сумма, но совершенно достаточная для того, чтобы обратить этотъ долгъ въ постепенно увеличивающуюся лавину, которая не замедлитъ дойти до размѣровъ цѣлаго холма, затѣмъ горы, и васъ задавитъ!.. Я отвѣчалъ вамъ отказомъ, а вы, если вы только уважаете себя, вы никому, надѣюсь, больше не предложите за васъ поручиться. Вы написали мнѣ, и въ отвѣтъ на это я сегодня къ вамъ явился самъ; но вѣдь то, чего вамъ хочется, есть полное безразсудство! Послѣ всего того, что я вамъ сейчасъ говорилъ, повторить эту просьбу было бы съ вашей стороны преступленіемъ. Оставайтесь съ Богомъ въ этомъ красивомъ ста-

ромъ домѣ; старайтесь, чтобы мужу въ немъ жилось счастливо, а когда ему явится возможность уѣхать отсюда, конечно уѣзжайте и будьте счастливы, какъ вы всѣмъ своимъ трудомъ заслужили. Эти ручки (проговорилъ онъ, ласково сжимая ихъ въ своихъ старческихъ рукахъ) слишкомъ нѣжны и хрупки для того, чтобы обратиться въ крѣпкую веревку, безжалостной петлей сжимая шею любимаго человѣка. Ихъ дѣло—холить его и лелѣять отъ брачнаго алтаря и до могилы...

Старикъ остановился, а молодая женщина стояла передъ нимъ и горѣла румянцемъ; но это не былъ румянецъ стыда, а скорѣе смѣлости и надежды. Хмурая тѣнь набѣжала на лицо старика, который пристально глядѣлъ на нее и тихо выпустилъ изъ рукъ ея ручки. Уходя, онъ еще разъ оглянулся и невольно заглядѣлся на ея стройную, но полную мужества фигуру; на молодое, ясное лицо, дышавшее здоровьемъ; красота ея и здоровье поразили его въ эту минуту, точно онъ видѣлъ ее въ первый разъ.

Бамъ тоже вскинула на него глазами и еще рѣзче выступило въ нихъ выраженіе упорства и борьбы, сквозившее и безъ того въ очертаніяхъ ея округленнаго, но твердаго подбородка и въ румяныхъ губахъ, сложенныхъ въ задумчивую, серьезную складку.

— Она неизмѣримо сильнѣе и рѣшительнѣе его,—подумалъ удаляясь Поль Фаберъ.—Она его погубитъ!

И съ грустнымъ лицомъ онъ отдалъ ей издали прощальный поклонъ.

III.

Бамъ и не думала уступать своей позиціи послѣ ухода старика. Не бороться съ собственными своими думами она не могла, но, по обыкновенію, стоя, на ногахъ встрѣтила свои сомнѣнія лицомъ къ лицу. У нея съ малыхъ лѣтъ была привычка, чтобы хорошенько выплакаться не иначе, какъ стоя.

Старый другъ ея мужа рѣзко и грубо изложилъ ей свое мнѣніе, но она понимала, что его волнуетъ нѣжное чувство къ Денису и волнуетъ больше, чѣмъ кого бы то ни было другого. Бамъ была упряма, настойчива, но не легкомысленна отъ природы и слова старика заставили ее призадуматься.

— Бѣдный мой!—думала она:—неужели я захочу быть для него обузой? Да ни за что на свѣтѣ! Но и не дамъ ему здѣсь влачить жизнь въ неизвѣстности; сюда не заглянетъ и тѣнь успѣха, который я всѣми силами постараюсь для него добыть!

Она посмотрѣла на комнату, въ которой стояла и которая, какъ и всѣ комнаты въ домѣ, была высока и просторна. Съ улыбкой припомнила она, что былъ за безпорядокъ въ этой самой обстановкѣ, когда она впервые ее увидала; замѣтила съ удовольствіемъ, какая чистота и даже нѣкоторый комфортъ водворились здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ она повела сама хозяйство мужа. Положимъ, и теперь еще, какъ прежде, вездѣ валялись и стояли книги, книги и книги; но вездѣ и на всемъ была видна заботливая рука женщины, которая не давала имъ лежать безъ присмотра, гдѣ попало; попадались даже уголки, украшенные цвѣтами и убранные съ чисто-женскимъ вкусомъ. Глядя вокругъ, Бамъ примирялась съ окружающей средой; ей даже началъ нравиться старинный дворъ и мирный тѣнистый садъ, подъ изумрудною стѣной котораго безостановочно смѣнялась суетливая толпа. Положимъ, мужъ ея могъ бы жить и при худшей обстановкѣ, думала она.

— Но, Боже мой, еслибы хоть маленькій да свой садикъ!— невольно вздохнулось ей.—Какъ бы чудесно было подышать свѣжестью зеленой листвы; нарвать мимоходомъ чего-нибудь такого, душистаго; пробѣжать по сырой травѣ и смочить лицо утренней росою, вмѣсто того, чтобы лежать взаперти, уже проснувшись, выжидая, пока прилично будетъ показаться утромъ сосѣдямъ, которые могутъ заподозрить ее въ томъ, что она, чего добраго, сама ходитъ на зарѣ къ молочницѣ за молокомъ...

— Бѣдной Бамъ скучно одной! — прокричалъ надъ нею скрипучій голосъ попугая, котораго она сама когда-то учила говорить и въ шутку, за его угрюмый, рѣзкій нравъ прозвала Смоллетомъ.

— Будто ужъ ты, дѣйствительно, *одна?*—воскликнулъ еще кто-то за нею и чьи-то сильныя руки горячо обняли ее.

Еще мигъ и м-съ Уильдфайръ уже была у мужа на колѣняхъ и ласкала, и прихорашивала его, свивая въ ниточку его усики, приглаживая ему волосы своими розовыми ладонями въ то время, какъ онъ еще много разъ повторялъ тревожно свой вопросъ.

Молодая женщина, какъ въ рамку, взяла голову мужа въ обѣ руки, и вмѣсто всякаго отвѣта серьезно заглянула ему въ лицо. Если считать красавцемъ мужчину, стройнаго и крѣпкаго сложенія, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, то, конечно, къ Денису Уильдфайру это выраженіе было вполнѣ приложимо. Не всегда, однако, физическая сила оправдывается силой духа; часто римски-правильныя, энергичныя черты скрываютъ малодушіе или

нерѣшительность. Бамъ это знала хорошо, но и зная, отнюдь не менѣе любила мужа, ей даже нравилось сознавать свою силу, какъ всякой женщинѣ въ юныхъ лѣтахъ. Подъ старость та же женщина думаетъ иначе: ей доставляетъ безконечную отраду чувствовать, что у нея есть свой защитникъ и кормилецъ, на котораго она можетъ положиться.

Бамъ старалась взглянуть на мужа глазами его друга, старика Фабера, и мысленно пробовала примѣнить къ нему слова этого ворчуна, но видѣла только то, что желала видѣть, и Денисъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, показался ей человѣкомъ, который долженъ имѣть успѣхъ, долженъ его добиться съ ея помощью и ея стараніями.

— Да, я и въ самомъ дѣлѣ чувствую себя иной разъ одинокой,—согласилась она, разсудивъ поступить именно такъ, какъ ей не совѣтовалъ старикъ. — Видишь ли, всѣ мои друзья и родные такъ далеко отсюда,—и она съ трудомъ подавила вздохъ.

— И сколько же васъ было! Когда я за тобой пріѣхалъ, мнѣ показалось нѣсколько десятковъ!

— И что̀ за шумъ стоялъ у насъ въ домѣ!—подхватила Бамъ.—Мы, вѣдь, обыкновенно кричали всѣ заразъ и безпрестанно прибѣгали и убѣгали вонъ изъ дому. Жизнь била въ насъ стремительнымъ ключемъ и, хотя мы не дѣлали ничего дѣльнаго, но всегда казались занятыми, все куда-то спѣшили...

— Тебѣ хотѣлось бы опять назадъ домой, къ своимъ?—спросилъ онъ и въ голосѣ его послышалась ревность.

— Нѣтъ!—торжественно заявила м-съ Уильдфайръ.—Выходя замужъ, я приготовилась жить чуть что не на чердакѣ, а здѣсь, вѣдь, не чердакъ, я совершенно счастлива и довольна!

Если женщина говоритъ о своемъ счастьѣ, разбираетъ его на словахъ, пытливый наблюдатель легко подмѣтитъ поводъ сомнѣваться въ ея искренности. Денисъ былъ далеко не наблюдательный человѣкъ, но и въ его глазахъ ясный, правдивый обликъ жены подернулся легкой тѣнью: онъ принялъ ея слова къ сердцу.

— Я бы и самъ хотѣлъ больше бывать съ тобою дома или... жить гдѣ-нибудь поближе отъ твоихъ друзей и знакомыхъ, —прибавилъ онъ, какъ будто сообразивъ что-то.

Жена сидѣла у него на колѣняхъ тихо-тихо и, молча, читала у него на лицѣ его думы. Вдругъ, онъ качнулъ головою, какъ бы прогоняя неисполнимую мысль, и проговорилъ, цѣлуя жену:

— Но это невозможно, если не входить въ долги, значитъ, нечего объ этомъ думать!—и онъ еще разъ нѣжно поцѣловалъ жену,

точно желая вполнѣ насладиться тѣми благами, которыя ему доступны.

— А деньги, которыя мы скоро должны получить?—осторожно начала она.

— Ахъ, да, и то правда!—подхватилъ Денисъ, какъ будто слыша это въ первый разъ.—Надо бы мнѣ напомнить своему адвокату,—и онъ спустилъ ее съ колѣнъ, чтобы присѣсть къ столу и занести это въ свою записную книжку, которая у него и безъ того была переполнена записями для памяти, остававшимися, впрочемъ, безъ послѣдствій. Конечно, когда мы получимъ эти деньги, мы сейчасъ же можемъ переѣхать.

Жена стояла чуть-чуть поодаль отъ него и, слегка поблѣднѣвшая, смотрѣла на него задумчиво.

— Да, но это затянется надолго. Осень на дворѣ, а если переѣзжать, надо бы къ Рождеству уже быть на мѣстѣ. Нельзя ли... (она перевела духъ прежде, чѣмъ приступить къ роковому предложенію, которое она старалась всячески смягчить необычайной нѣжностью въ голосѣ)... нельзя ли намъ... занять нѣсколько сотъ фунтовъ, пока мы все получимъ сполна?

Денисъ нахмурился.

— Послушай, ты сама не понимаешь, что̀ ты говоришь. Бойся долговъ и займовъ, какъ чумы! Избѣгай ихъ такъ же усердно, какъ ты охраняешь свою независимость, свое доброе имя, самую жизнь свою!

Въ голосѣ его слышалась такая рѣшимость, къ которой она не привыкла. Ее это озадачило, остановило на минуту, но она все-таки не намѣревалась покориться и премило надула свои румяныя губки, такъ мило, какъ это выходитъ только у очень молодыхъ женщинъ, да и то, если это не надолго.

Денисъ протянулъ впередъ свои длинныя руки ей на встрѣчу, съ жаждою ласки, но она не обратила вниманія.

— Ну, дѣвинька моя, поди сюда!—проговорилъ онъ.

— Я не дѣвушка,—возразила Бамъ, незамѣтно косясь на дверь.

— Да поди же сюда!—повторилъ Денисъ и всталъ, направляясь за нею.

— Да поди же сюда!—повторила и она, въ свою очередь, бросившись вонъ изъ комнаты, вверхъ по лѣстницѣ, въ спальню, обѣжала вокругъ кровати, и въ ту же дверь, минуя нагонявшаго ее, длинноногаго Дениса, выбѣжала вонъ и очутилась внизу, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сообразить, какъ и почему она могла отъ него ускользнуть.

Признавая себя побѣжденнымъ, онъ все-таки съ довольной усмѣшкой потеръ себѣ руки и, сойдя внизъ неторопливымъ шагомъ, усѣлся за книгу въ своей комнатѣ, гдѣ жены такъ и не оказалось. Вскорѣ онъ совершенно погрузился въ свое занятіе и единственной, да и то небольшой, помѣхой къ его полному удовольствію было то, что ему приходилось вставать за книгами, которыя до женитьбы ему было такъ легко доставать, не вставая съ мѣста,—тогда онѣ лежали около него прямо на полу, цѣлой кучей. Вставая, онъ каждый разъ покачивалъ головою, потому-что, несмотря на всю свою любовь къ женѣ, онъ ненавидѣлъ ея стремленіе къ чистотѣ и порядку.

Кстати, мнѣ приходитъ на память одинъ прелестнѣйшій и грязнѣйшій мальчикъ, который терпѣть не могъ умываться. Какъ-то разъ, когда его словили и, насильно вымывъ, уложили въ чистую постель, его спросили, какъ онъ себя чувствуетъ: по скотски!—съ отвращеніемъ поспѣшилъ онъ отвѣтить.

IV.

Въ хлопотахъ своихъ по хозяйству м-съ Уильдфайръ главнымъ образомъ прилагала свои старанія къ тому, чтобы вездѣ была чистота и аккуратность. Она перерыла всѣ ящики, обошла всѣ закоулки и, наконецъ, добралась до ящика со старыми письмами, которыя мужъ обѣщалъ самъ когда-нибудь привести въ порядокъ, что̀ значило по просту *никогда*, и Бамъ прекрасно это знала.

Вотъ она у завѣтнаго ящика, съ лукавой полу-улыбкой на губахъ. Она готова понести наказаніе за свою дерзость, она знаетъ, что такъ бы не слѣдовало поступать, но она, какъ и ея праматерь Ева, не думаетъ отпираться отъ своихъ погрѣшностей: вѣдь Ева прямо не отпиралась, когда мужъ ея Адамъ свалилъ на нее свою вину. Впрочемъ, мужчина до того эгоистиченъ, что никакія ласки и увѣщанія не могутъ его заставить поступить противъ его воли, и на перваго человѣка, равнодушнаго къ женѣ, подѣйствовали не столько ея ласки, сколько прелесть запрещеннаго плода.

М-съ Уильдфайръ было немножко жутко, когда среди обрывковъ счетовъ и газетъ ей стали попадаться листки почтовой бумаги, исписанные женскимъ почеркомъ. Мало-по-малу, ихъ набралась цѣлая кучка и самыхъ разнообразныхъ почерковъ: косыхъ, прямыхъ, грамотныхъ и даже безграмотныхъ... Бамъ, не-

замѣтно для себя, стала волноваться, дыханіе ея становилось прерывистѣе, глубже, по мѣрѣ того, какъ она убѣждалась, что ея *буквоѣду* наука не мѣшала вести съ женщинами знакомство и даже переписку. Передъ ней, безъ утайки, раскрылась частица прошлаго ея мужа...

— Но они, должно быть, давнишнія!—подумала она про письма и даже сказала это вслухъ.

Сердце ея усиленно и громко стучало, точно требуя, чтобъ она бросила ихъ и не вмѣшивалась въ личныя тайны мужа и... и тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ до брака. Какое право имѣла она вмѣшиваться въ дѣла чужихъ, *другихъ* женщинъ?.. Она колебалась.

— А я-то думала, что онъ такой буквоѣдъ!.. Мнѣ бы слѣдовало раньше обратить вниманіе на его характерный подбородокъ...

Глаза ея упали на самый верхній изъ листковъ, которые были у нея въ рукѣ: онъ былъ помѣченъ числомъ за недѣлю до свадьбы Дениса.

Еще разъ, и еще взглянула молодая женщина на первыя строки и что-то доброе и ясное, частица если не ея самой, то ея беззаботной юности, вдругъ умерла, угасла въ ней безслѣдно въ то время, какъ она стояла одна съ листками въ рукѣ и ощущала какой-то внутренній холодъ при мысли, что отнынѣ она будетъ стоять въ сторонѣ отъ *него*, одна, совсѣмъ одна со своею тайной! Конецъ ея довѣрчивой любви и взаимному чувству искренности: бездушный клочокъ бумаги сталъ навсегда между мужемъ и женой...

— Между нами двоими, между мной и имъ, мной и имъ,— громкимъ шопотомъ, съ тоской въ душѣ говорила она.

Отложивъ въ сторону кучку писемъ, при чемъ ей бросилось въ глаза, что листковъ съ тѣмъ же почеркомъ было больше другихъ, Бамъ машинально, точно кто ее толкалъ уйти куда-нибудь подальше, вонъ изъ дому, взяла шляпу и накидку, сама не зная, куда она идетъ и зачѣмъ. На порогѣ она остановилась и задала себѣ вопросъ: куда она спѣшитъ?

— Мама!—жалобно вырвалось у нея, какъ у ребенка, который находитъ главное и естественное прибѣжище въ материнскомъ сердцѣ, но вдругъ одумалась и, какъ будто для того, чтобы скрыть отъ другихъ свои сердечныя раны, закуталась плотнѣе въ накидку. Она вспомнила, что ея домъ здѣсь, у мужа, тотъ домъ, который она сама выбрала себѣ взамѣнъ родного. На всю жизнь, по своей доброй волѣ, она оставила свою семью и „прилѣпилась

къ мужу“, на радость и на горе,—ея семейныя тревоги ужъ больше не зависятъ отъ материнскаго участія: онѣ въ рукахъ ея мужа и... въ ея собственныхъ...

Пылкая, впечатлительная, чистая помысломъ и душой, молодая женщина чувствовала, какъ все вокругъ нея рушится, падаетъ въ прахъ. Развѣ они не давали оба передъ Богомъ клятвы любить другъ друга, какъ онъ ее, такъ и она его? Гдѣ же эта любовь со стороны Дениса, человѣка не отъ міра сего, человѣка науки и серьезныхъ, обдуманныхъ чувствъ? Гдѣ дѣвались у него эти чувства?.. Ей припомнились слова леди Сью про ея мужа, тогда еще жениха:

— Онъ, со своей стороны, повидимому не питаетъ ни малѣйшаго желанія, ни даже намѣренія на васъ жениться: это *вы* выходите за него замужъ!

Ея самолюбію былъ нанесенъ страшный ударъ, все ея существо, какъ честной и любящей женщины, возмущалось, возставало противъ неравности въ ихъ отношеніяхъ... Да кто же она такая, эта *другая* женщина, чтобы мужъ, уже будучи женихомъ, чуть не наканунѣ свадьбы, отдавалъ *ей* предпочтеніе? Но каково же и ему, уже зрѣлому человѣку, которому подъ сорокъ лѣтъ, чувствовать свою жизнь во власти дѣвушки, почти ребенка, которая сама невинна и не затронута житейской грязью, а потому и думаетъ, что человѣкъ, съ которымъ она связываетъ свою жизнь, такъ же чистъ и невиненъ, какъ она сама?

Если Бамъ еще сомнѣвалась въ глубинѣ своей любви къ тому, за кого она сама пожелала выйти замужъ, теперь, подъ вліяніемъ нежданнаго, сразившаго ее открытія, она уже могла окончательно убѣдиться, до какой степени горячо и преданно она успѣла полюбить его за краткій срокъ своей брачной жизни. Отъ природы гордая и неподатливая, она тѣмъ дороже была для своихъ подругъ и друзей, но тѣмъ сильнѣе ненавидѣли ее легкомысленные юноши и молодые люди, которымъ она не прочь была платить тою же монетой. Обѣщавъ свое сердце Денису, она думала, что все-таки сохранила часть его для себя... но нѣтъ! Теперь ей было ясно видно, что оно все, безраздѣльно принадлежитъ ему. Теперь даже всѣ его слабости казались ей трогательными и привлекательными. Развѣ и самый фактъ запрещенія касаться ящика съ письмами не былъ, самъ по себѣ, наилучшимъ доказательствомъ его довѣрія къ женѣ? Ее это растрогало, смутило и въ сердцѣ ея шевельнулась жалость къ милому, заблуждающемуся созданію, за которымъ, какъ за ребенкомъ, нуженъ заботливый и снисходительный материнскій

уходъ. Но замѣтила она въ себѣ это чувство лишь тогда, какъ мужъ вернулся и, торопливо распахнувъ дверь, подошелъ къ ней, еще издали протягивая руки, чтобы обнять жену.

— Прелесть моя, красавица! Чего ты здѣсь сидишь, въ такомъ холоду?—нѣжнымъ ласковымъ голосомъ привѣтствовалъ онъ ее и, горячо обнявъ, приподнялъ съ полу, чтобы поцѣловать въ лицо.

— Ахъ ты, моя крохотка-женщина!—еще нѣжнѣе проговорилъ онъ и осыпалъ страстными поцѣлуями, которые не дали ему сразу замѣтить, какъ были холодны ея губы и щеки.

— Да что̀ съ тобой? Ты услышала что-нибудь дурное про своихъ и огорчилась? Или, можетъ быть, леди Сью?..

Жена молча качала головой и тихо отстранила отъ себя мужа. Ей больно было думать, что какихъ-нибудь четыре мѣсяца тому назадъ, въ этой же самой комнатѣ, онъ такъ же точно обнималъ и цѣловалъ другую... ту! И той досталось знать его, когда онъ былъ моложе, лучше...

Стыдъ и обида просились наружу, мучили бѣдную Бамъ.

— Я открыла тотъ ящикъ и нашла въ немъ письмо... нѣтъ, много-много писемъ! Но на одномъ стояло число... оно написано за недѣлю до свадьбы... Зачѣмъ, зачѣмъ ты на *ней* не женился?

— Я хотѣлъ всѣ ихъ сжечь!—сердито отвѣчалъ Денисъ и густая краска залила его щеки, а жена увидала въ этомъ признакъ простой досады на то, что его тайна раскрыта, но отнюдь не искреннее сожалѣніе о своей винѣ передъ нею.

— Конечно, онъ ни капли объ этомъ не жалѣетъ; ему только жаль, что онъ во̀-время не успѣлъ схоронить концовъ! — подумала она.

— Вѣрно, все старыя,—проговорилъ онъ сдержанно.

— Онѣ написаны немногимъ болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ; а мы женаты всего—три.

Въ голосѣ жены и въ его собственной совѣсти отразилось чувство стыда, неловкости; и это еще больше его разсердило.

— А что̀ жъ мнѣ было дѣлать? Что̀ сдѣлаетъ мужчина, когда женщина всячески преслѣдуетъ его, ходитъ за нимъ по пятамъ, не отходитъ отъ него, забираясь даже къ нему въ комнату?

— Что̀?! Объявить ей разъ и навсегда, что онъ ее знать не хочетъ, и докажетъ это на дѣлѣ. Какъ же ты думаешь прожить на свѣтѣ, если ты не умѣешь (да и не стараешься) противиться соблазну? Знаю, что для мужчины это тяжелѣй, чѣмъ для женщины; но, мнѣ кажется, чувство порядочности, чувство

чести...—голосъ у нея дрогнулъ и оборвался, а блѣдность, разлитая по щекамъ, больно отозвалась у него на сердцѣ.

— Однако, я женился не на нихъ, а на тебѣ!—возразилъ онъ.

— О, Боже мой! — воскликнула Бамъ, не замѣчая нелѣпости его замѣчанія.—Какъ я желала бы, чтобъ ты лучше женился на *нихъ*, а не на мнѣ! Онѣ были бы для тебя болѣе подходящею женой, чѣмъ я: онѣ знали тебя, а я... я тебя вѣдь совсѣмъ не знаю.

Онъ стоялъ передъ нею молча, еще болѣе пристыженный въ своихъ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что употребилъ злополучное множественное число: *онѣ*. Но, какъ это ни странно, а женщина, съ своей стороны, во сто разъ меньше чувствуетъ измѣну любимаго человѣка, неужели онъ ставитъ ей на счетъ свою вѣрность исключительно ей одной.

— Я и не стала бы оспаривать тебя у *нихъ*; только зачѣмъ ты меня не предупрéдилъ? Я бы не стала ни за чтò вамъ мѣшать...—и Бамъ невольно вспомнились угрозы Джэка о возмездіи, на которое онъ только намекалъ, а леди Сью прямо ей называла.

— Да мнѣ-то никого не нужно было, кромѣ тебя, тебя одной! И „тѣмъ, другимъ" это было извѣстно; онѣ и не разсчитывали никогда...

— А наши говорятъ, что ты самъ во мнѣ не нуждался, — продолжала Бамъ краснѣя:—и леди Сью мнѣ говорила... то же самое. Но я думала, что наше взаимное сочувствіе исключительно умственнаго свойства и надѣялась, что оно будетъ прочнѣе...

Мужъ опять шагнулъ по направленію къ ней, но она отступила назадъ.

— Такъ неужели же это я, *я* въ тебѣ не нуждался?—горячо возразилъ онъ и его прямой, мужественный взглядъ остановилъ ее.—Или ты думаешь, что одни только умственныя совершенства могли меня удовлетворить вполнѣ?—Да нѣтъ же; нѣтъ, моя крошка!—Я тебя люблю всю, люблю твой умъ, твою душу и тѣло; люблю его въ мельчайшихъ атомахъ его... Будь же благоразумна, дорогая; пойми, что прошлое мужа принадлежитъ только одному ему, но его будущее всецѣло отдается на произволъ жены. Или ты думала, что я прожилъ свои тридцать пять лѣтъ, какъ красная дѣвица?—Такъ думаютъ всѣ порядочныя дѣвушки, — но онѣ ошибаются. Въ жизни любого изъ мужчинъ непремѣнно встрѣчалось три-четыре женщины, которыя были не прочь выйти за него... Но вѣдь и ты сама была порядочной кокеткой и разбивала немало сердецъ...

— Только пока не встрѣтила тебя!—поспѣшно возразила въ свою очередь жена.—Правда, я была немножко влюблена въ одного человѣка и готова была выйти за него, но мысли мои были заняты тобою и, какой борьбы мнѣ это ни стоило, я... ему отказала!

Денисъ звонко и задушевно разсмѣялся и вся суровость обстановки вдругъ исчезла, стушевалась. Лицомъ къ лицу остались не мужъ и жена, пытающіе другъ друга, а мужчина и женщина, движимые взаимнымъ чувствомъ нѣжности и любви: онъ—виноватый, но кающійся; она—ничего больше не желающая, какъ имѣть возможность простить любимому человѣку его вину передъ нею. Въ любви познаетъ всю ея отраду только тотъ, кому много приходилось прощать...

Сами для себя незамѣтно, мужъ и жена придвинулись поближе. Денисъ тихонько снялъ съ нея накидку, шляпу и, не спуская съ жены глубокаго взора, нѣжно прижалъ ее къ своей могучей груди.

Съ глухимъ рыданіемъ жена приникла къ нему головою и больше не противилась горячимъ поцѣлуямъ мужа.

V.

— Гм!—проговорила леди Сью, входя безъ доклада въ комнату м-съ Уильдфайръ, которая сидѣла и тихо роняла слезы на пучекъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ.—Раненько она начинаетъ жить воспоминаніями о быломъ; а это вѣрный знакъ, что настоящее ее не удовлетворяетъ.

М-съ Уильдфайръ гнѣвно обернулась, почувствовавъ, что кто-то ее тронулъ за плечо, и съ вызывающимъ видомъ посмотрѣла на гостью, застигнувшую ее врасплохъ.

— Я чуть съ ума не сошла отъ зубной боли,—пояснила она, вытирая глаза:—а вы вѣдь знаете, до чего я боюсь всякаго рода болѣзни... Вотъ я и заливалась слезами!

— Я и не знала, какая вы трусишка,—проговорила гостья, съ трудомъ подавляя страстное желаніе обнять и пожалѣть свою подругу, дать ей выплакаться у нея на груди. Затѣмъ, принявъ по возможности равнодушный видъ, поцѣловала ее холодно, и, выбравъ одинъ изъ цвѣтовъ, приколола его себѣ, какъ можно болѣе къ лицу и тогда только усѣлась въ кресло, которое ей подвинула молодая хозяйка:

— А давно вы вернулись?—прибавила она, рѣшительно ти-

ская въ комочекъ весь мокрый отъ слезъ платокъ и опуская его въ карманъ. Въ голосѣ ея слышалась небывалая жесткость.

— Третьяго дня. Какъ видите, я не теряя времени поспѣшила къ вамъ. Что за изумительный вашъ Истъ-Эндъ! — Я не просила вашу старушку-прислугу доложить обо мнѣ: она и безъ того такъ вытаращила на меня глаза, какъ-будто сомнѣвалась, приличная ли я особа?

Бамъ засмѣялась, окинувъ бѣглымъ взглядомъ эффектный нарядъ пріятельницы: зеленый суконный костюмъ, обшитый соболями, кокетливый токъ, задорно надѣтый бокомъ на черные, какъ смоль, волоса, и на прочія мелочи послѣдней моды, которыя изобличали въ ней свѣтскую женщину.

— Ну да:—она привыкла видѣть женщинъ просто *одѣтыхъ*, но не *наряженныхъ*,—пояснила хозяйка дома.

— А что̀ вы все еще учите ее варить супъ? — спросила леди Сью, мысленно производя должную оцѣнку всей обстановкѣ и платью самой хозяйки.

— Да; я могу поучить ее варить и даже ѣсть!—Денисъ говоритъ, что такого супа онъ никогда въ жизни еще не ѣдалъ.

— А голову ему вы еще натираете, по прежнему, керосиномъ, чтобы растительность на ней становилась гуще?

— Конечно; и даже до того, что мнѣ руки ломитъ.

— Вотъ какъ? — Онъ, значитъ, не противится вашему желанію. Онъ, вѣрно, кротокъ, какъ многострадальный Іовъ? — смѣясь замѣтила гостья.

— Мой керосинъ попадаетъ ему въ лицо, въ ротъ, на руки,—даже на книги, но не могу сказать, чтобъ, результаты были особенно блестящи: макушка у него просвѣчиваетъ, какъ и прежде!

— А удалось ли вамъ смягчить его настроеніе настолько, чтобы онъ согласился уѣхать отсюда?—довольно сухо допрашивала леди Сью.

— Мнѣ... я... не знаю,—запинаясь отвѣчала пріятельница:— рѣшительнаго наступленія съ моей стороны еще не было.

— Но когда часъ пробьетъ, помяните мое слово: вы побѣдите!—и она подтвердила свое мнѣніе кивкомъ головы.—А кстати скажите: чѣмъ вы лечите зубную боль?

— Зубную боль?—Какую?—простодушно переспросила молодая женщина.

Леди Сью въ восторгѣ захлопала въ ладоши.

— Бамъ, милая! Вы не на то созданы, чтобы лгать и притворяться!.. Признайтесь, вы вѣдь плакали, когда я васъ оза-

дачила своимъ приходомъ? И плакали вы оттого, что сами убѣдились, какая была съ вашей стороны огромная ошибка не выйти за Бельмора. Вы думали о немъ и... и обо всемъ, чего лишились.

— О немъ?! Да я о немъ совсѣмъ забыла думать, и, конечно, ни за что не пожалѣю, что не вышла за него.

Сусанна пожала плечами.

— Еще бы! Свѣтъ еще не производилъ той женщины, которая говорила бы иначе въ первое время своего замужества.

— Леди Сусанна!—серьезно проговорила молодая женщина:—если вы только дорожите нашей дружбой, вы больше никогда ни словомъ не намекайте мнѣ на это. Вы не знаете моего мужа, а слѣдовательно и не можете о немъ судить. Если же вамъ трудно ѣздить такъ далеко, чтобы повидаться съ нами, можете не утруждать себя.

— Боже мой!—выпрямившись во весь свой миніатюрный ростъ, воскликнула гостья и ея бирюзовые глаза стали еще синѣе.—Чтò вы за горячка стали! Недаромъ вы избрали себѣ такое *огневое* [1]) имя! Но про него я слышала, что онъ порядочная мямля!

М-съ Уильдфайръ засмѣялась, но невеселымъ смѣхомъ: ей вспомнилась цѣлая куча женскихъ писемъ, которыя не лѣнился читать лѣнивый мямля.

— Положимъ, отъ ученаго нечего ожидать особой живости,—продолжала леди Сью:—но онъ не долженъ заставлять васъ плакать. Ахъ, дорогая моя! Я знала, какой ужасъ одиночества и недостатковъ должна испытывать дѣвушка изъ большой семьи замужемъ за бѣднымъ человѣкомъ. Ну, чтò ее можетъ ожидать?

— Чай!—быстро отвѣчала молодая хозяйка, позвонила прислугу и перемѣнила разговоръ:—Значитъ, вы нѣсколько времени пробудете въ городѣ?

— Я думаю. И мы съ вами ужъ постараемся какъ можно больше быть вмѣстѣ и поддерживать другъ друга...—но рѣчь ея вдругъ оборвалась: въ лицѣ молодой женщины она замѣтила какую-то перемѣну, какое-то новое выраженіе, которое смѣнило прежнее и озадачило ее.—Вамъ вѣдь должна быть страшная тоска въ обществѣ этихъ ужасныхъ книгъ!—заключила она, какъ бы поясняя свои слова.

— Если выходишь замужъ по любви,—чуть дрогнувшимъ голосомъ возразила Бамъ:—тосковать не придется. Ваше платье стòитъ, пожалуй, половину нашего годового дохода.

---

[1]) Wildfire; fire—огонь.

— Вотъ какъ?!. И что же вы имѣете взамѣнъ того, что̀ принесли въ жертву?

Сердце Бамъ немного сжалось и въ немъ больно отозвался вопросъ подруги.

— Да: что же я имѣю взамѣнъ?

Въ эту минуту прислуга, которая родилась и состарилась въ Истъ-Эндѣ, внесла на серебряномъ подносѣ серебряный чайный приборъ, рѣзко отличавшійся отъ всей остальной обстановки и этого не могла не замѣтить свѣтская гостья. Но всего чувствительнѣй было ей то, что изъ ея рукъ, изъ ея общества окончательно ускользала такая блестящая, такая бойкая и веселая подруга, какъ молодая м-съ Уильдфайръ.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу?—начала она:—около насъ есть крохотный домикъ, премиленькій; ну, настоящее гнѣздышко... для двоихъ, конечно! (зазвучалъ строго ея голосъ). Конечно, если вамъ и вздумается обзавестись безчисленнымъ множествомъ дѣтей,—у большинства бѣдняковъ ихъ такая масса!.. Хотите, я узнаю, какая ему цѣна и дамъ вамъ знать?

Бамъ отрицательно покачала головой.

— Вамъ не удастся его убѣдить?—Вздоръ! Еслибъ только вамъ удалось выйти побѣдительницей изъ соперничества съ его возлюбленными книгами, вы бы могли съ нимъ дѣлать, что̀ хотите. На сколько лѣтъ онъ старше васъ?

— На четырнадцать лѣтъ.

— Гм! Вы какъ разъ ему подъ пару и подоспѣли какъ разъ во̀-время. Если онъ до сихъ поръ умѣлъ не даваться въ руки бабьимъ юбкамъ, значитъ, онъ достаточно устойчивъ и разсудителенъ, чтобъ отстоять свою свободу. А все-таки, онъ будетъ еще молодцомъ, когда ваше лицо подернется морщинами отъ нужды и заботъ. Ну, ну простите!—она вскочила и бросилась цѣловать пріятельницу.—Я никакъ не могу забыть Бельмора, а вы... вы созданы блистать въ роскошнѣйшихъ дворцахъ, а не торчать на кухнѣ... красавица вы моя, прелесть!

Бамъ разсмѣялась и на этотъ разъ смѣхъ ея былъ веселъ, беззаботенъ; ей даже странно было чувствовать такое полное душевное спокойствіе, какое она испытывала теперь; только прежняго бѣшенаго веселья и удали въ ней не было и помину.

— Я буду счастлива, если у меня будетъ нѣчто среднее,—спокойно проговорила она:—мнѣ вовсе не хочется всю свою жизнь нуждаться; я вѣдь самолюбива и только выжидаю время.

— Одной!... Одной!... — прокричалъ попугай и леди Сью вскочила, какъ ужаленная, вся вспыхнувъ.

— Вотъ оно гдѣ, это исчадье сатаны!—воскликнула она.— Кажется, я не знаю, съ кѣмъ и съ чѣмъ я бы готова жить неразлучно, но только не съ этою противной птицей! Чего вы его до сихъ поръ не продали? Вотъ у васъ и было бы на что̀ переѣхать.

— Всѣ ли ваши друзья уже съѣхались изъ-за границы?—не смущаясь, спросила хозяйка дома.

— О, да, имъ починили печень и водворили на мѣстѣ почки, а они уже успѣли въ излишествѣ снова наполнить пищей и питьемъ свои злополучные желудки, и только думаютъ, какъ бы дотянуть до слѣдующаго сезона. Всѣ мы полъ-жизни проводимъ въ томъ, что дѣлаемъ глупости, а остальную полъ-жизни въ томъ, что силимся ихъ исправить... только не всегда это оказывается возможнымъ,—прибавила она довольно язвительно по адресу пріятельницы.

Въ то время, какъ леди Сью собиралась уходить и укутывалась въ свои мѣха, Бамъ стояла передъ нею и поглаживала рукой мѣховую опушку; изо всѣхъ мѣховъ соболій былъ единственнымъ, который ей нравился.

— Ну, до свиданія, дорогая! Приходите же скорѣй повидаться, да постарайтесь вернуть себѣ ваше прежнее, милое личико, оно мнѣ теперь что-то незнакомо.

Съ улыбкой распрощалась гостья, но, очутившись одна въ своей каретѣ, она дала волю непривычнымъ слезамъ, которыя душили ее при видѣ унылыхъ улицъ и домовъ глухого квартала.

— Она совсѣмъ, совсѣмъ перемѣнилась,—говорила она сама съ собой:—ломка уже началась, но ее не сломить; жизнь разобьетъ ее и...—она не договорила.

Можетъ быть и не такъ бы плакала она надъ любимою подругой, еслибы могла догадаться, что послѣ ея отъѣзда м-съ Уильдфайръ опять поднесла къ губамъ цвѣты, напоминавшіе ей родные поля и лѣса, и разразилась горячими рыданіями.

Когда ей было грустно, когда она чувствовала себя одинокой, въ самыя тяжелыя минуты въ ея жизни, самымъ вѣрнымъ прибѣжищемъ были для нея воспоминанія о роднѣ и о родной семьѣ.

VI.

Власть женщины надъ мужчиной, главнымъ образомъ, опирается на его слабости въ прошломъ. Такъ было и съ Денисомъ Уильдфайромъ.

Не будь инцидента съ письмами, открывшаго женѣ его жизнь до брака съ нею, онъ никогда не согласился бы перемѣнить квартиру, а тѣмъ болѣе на сравнительно дорогую. Но теперь, когда онъ понималъ, что каждый уголъ можетъ ей быть противенъ по воспоминаніямъ, въ которыхъ она связывала его съ *другими*, онъ ничего не могъ ей возразить. Онъ смутно чувствовалъ, что теперь онъ уже низвергнутъ съ высоты, на которой онъ стоялъ въ ея мнѣніи, и это ему было больно, было положительно не по вкусу. Онъ не хотѣлъ давать женѣ задумываться надъ его грѣшками и потому съ такой готовностью сказалъ, когда жена заговорила о квартирѣ:

— Ну, что жъ, поищемъ другую!

Такимъ образомъ, благодаря простой случайности, его прошлое какъ бы служило поводомъ и даже оправданіемъ къ тому, что̀ и сама Бамъ чувствовала теперь не особенно правымъ по отношенію къ мужу. Но въ то же время, его старая квартира, которую она сначала такъ успѣла полюбить, благодаря трудамъ, которые она въ нее вложила, становилась ей день ото дня непріятнѣе, оскорбляя въ ней чувство собственнаго достоинства и гордости.

Случалось, что она сама спрашивала себя въ сотый разъ:

— Да чѣмъ же, наконецъ, онъ передо мною провинился?

Будь это не Денисъ, а другой, для нея посторонній, она, по всей вѣроятности, не поставила бы ему въ вину то самое, что̀ въ немъ казалось ей преступнымъ; она даже вовсе не стала бы объ этомъ думать или говорить, еслибъ ей это передали, какъ слухъ про другого. Но разъ задѣто свое собственное *я*—все мѣняетъ свой настоящій видъ и принимаетъ тотъ, въ какомъ оно представляется заинтересованному лицу. Какъ часто приходится каждому изъ насъ выслушивать похожденія другихъ и съ какимъ равнодушіемъ относимся мы къ негодованію или скорби тѣхъ, кто отъ этого страдаетъ! Какъ часто намъ самимъ случалось въ утѣшеніе говорить огорченнымъ или обиженнымъ:

— Что жъ дѣлать? Надо мириться съ неизбѣжностью. Таково ужъ свойство человѣческой природы...

Но пусть та же бѣда коснется насъ самихъ,—и намъ станетъ казаться, что весь міръ долженъ откликнуться на нашу печаль и ея поводъ ужъ не будетъ въ нашихъ глазахъ простымъ „свойствомъ человѣческой природы".

Плакать и тосковать одному невыносимо тяжело; но если есть съ кѣмъ раздѣлить свое горе,—оно уже на половину легче. Бамъ чувствовала инстинктивно, что ей тоже было бы вдвое

легче, еслибы она знала, что мужъ наравнѣ съ ней страдаетъ; но она видѣла, что онъ только тогда и поддается своимъ воспоминаніямъ, когда ему о нихъ напомнятъ ея блѣдныя щеки, печальные глаза или холодныя губы, не отвѣчающія на его поцѣлуи.

Случалось, что когда онъ спалъ, она приподнималась на локтѣ и задумчиво, пытливо смотрѣла на его точеное лицо, на умный лобъ, на изящныя, длинныя руки, такъ ловко обращающіяся съ химическими препаратами, и задавала себѣ тревожный вопросъ:

— Неужели, щедро надѣляя Дениса своими лучшими дарами, природа позабыла дать ему чуткую совѣсть?

А между тѣмъ, онъ былъ одаренъ всѣми качествами, какія только могли сдѣлать счастливыми и его самого, и любимую женщину, и всѣхъ окружающихъ: онъ былъ добръ, уменъ, мягкаго и прямого характера; ненавидѣлъ долги; а если у него не было ни энергіи, ни предпріимчивости, которыя были въ сильной степени развиты у его жены, то въ этомъ не было еще большой бѣды. Съ своей стороны, и онъ тоже присматривался къ ней и чѣмъ больше онъ узнавалъ жену, тѣмъ больше начиналъ уважать въ лицѣ ея всѣхъ женщинъ вообще.

— Ты положительно вверхъ дномъ перевернула всѣ мои воззрѣнія на женщинъ,—говаривалъ онъ иногда.—До тебя, я и не подозрѣвалъ, что могутъ быть *такія* женщины на свѣтѣ. Какъ жаль, что мама не дожила до того, чтобы узнать и полюбить тебя! Она любила хорошихъ женщинъ.

Такимъ образомъ, на повѣрку выходило, что м-съ Уильдфайръ невольно вырабатывала въ своемъ мужѣ вѣру въ женщинъ въ то время, какъ онъ самъ,—такъ же непроизвольно,—поколебалъ ея вѣру въ мужчинъ. Впрочемъ, еслибъ она могла разсуждать спокойно, она сама ничего бы не имѣла противъ такого порядка вещей; судьба давала ей въ руки случай сдѣлать такое достойное, такое доброе дѣло, о какомъ она не мечтала даже во дни своей ранней юности. Облагораживая и поддерживая мужа въ самыя трудныя минуты его жизни цѣною личныхъ удобствъ и преимуществъ, она, конечно, совершила бы геройскій подвигъ. Но она вѣдь вступила въ борьбу съ мнѣніемъ свѣта и родной семьи; для нея главное—поставить на своемъ,—переупрямить, доказать, что *она* права, а не другіе!..

И она, стараясь ни о чемъ не думать, очертя голову бросается впередъ, лишь бы не думать, не оглядываться назадъ.

Когда м-съ Уильдфайръ пошла вмѣстѣ съ подругой своей, Сью, осматривать новую квартиру,—это такъ-называемое „гнѣздышко“, она и не подозрѣвала, до чего такое миніатюрное по-

мѣщеніе обойдется дорого. Не говоря уже о самихъ стѣнахъ, здѣсь все, рѣшительно все могло только поражать своей дороговизной. На что уже картофель, и тотъ поднимался въ цѣнѣ, пока его доносили изъ лавки сюда; молоко становилось (на словахъ, конечно) особенно густымъ и также страшно дорогимъ; капуста была не простая, а *особеннаго*, рѣдкаго сорта, а всякаго рода овощи—чуть не роскошью въ этомъ аристократичномъ околоткѣ. Но Бамъ ничего этого не подозрѣвала, когда вошла въ этотъ „райскій уголокъ" вмѣстѣ со своею пріятельницей.

Отъ природы прямая и рѣшительная, выросшая въ большомъ, просторномъ помѣщичьемъ домѣ, привыкшая къ простору полей и лѣсовъ, Бамъ была непріятно поражена тѣснотой и грязью помѣщенія, которое усердно выхваляла передъ нею леди Сью, несмотря на то, что въ немъ не было ванны, что кухня была сущая темница, кладовая приткнута гдѣ-то подъ лѣстницей, а вся квартира кишѣла самыми разнообразными паразитами. Полы плясали подъ ногами и еслибы нашелся такой смѣльчакъ, который рѣшился бы протанцовать на нихъ лихой ирландскій „джигъ", этотъ полъ очутился бы у него не подъ ногами, а надъ головою. Въ деревнѣ такому дому красная цѣна была бы десять фунтовъ; здѣсь же считалось еще снисхожденьемъ брать съ несчастныхъ жильцовъ по триста фунтовъ въ годъ, кромѣ добавочныхъ платежей и налоговъ; сверхъ того, жильцамъ было любезно предоставлено „поддерживать все помѣщеніе въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ" въ теченіе двадцати одного года. Домохозяинъ былъ человѣкъ богатый и не нуждался въ доходахъ, поэтому онъ и былъ извѣстенъ, какъ положительно равнодушный къ требованіямъ людей, нанимавшихъ его жалкую клѣтку. Онъ твердо былъ увѣренъ, что вслѣдъ за однимъ дуракомъ, подписавшимъ контрактъ и открывшимъ всѣ его неудобства, найдутся и другіе, ему на смѣну: не даромъ же его клѣтка находилась въ Модной улицѣ, куда всѣ стремились.

— Посмотрите!—восхищалась леди Сью:—вы будете жить на солнечной сторонѣ. Видъ отсюда превосходный, а въ концѣ улицы паркъ,—рукой подать! Обои премиленькіе, а что форма комнатъ неправильная, такъ это даже лучше; ихъ можно восхитительно отдѣлать за какіе-нибудь гроши...

— Но у меня и грошей-то нѣтъ!—возразила Бамъ, выглядывая въ окно.

По улицѣ сновали экипажи, по тротуарамъ — пѣшеходы, но совсѣмъ иного рода и вида, чѣмъ она привыкла видѣть въ своемъ Истъ-Эндѣ. Лицо ея разгоралось, оживлялось по мѣрѣ того, какъ

она смотрѣла и невольно сравнивала съ окружавшей ее обстановкой отдаленнаго квартала, гдѣ ей до сихъ поръ приходилось жить. Она жадно вдыхала воздухъ, полный суеты и свѣтскаго лоска, къ которому въ глубинѣ души ни одна женщина не остается равнодушной.

— Ну, посмотримъ теперь, какія тутъ нужны будутъ передѣлки?—продолжала оживленно леди Сью.—Интересно знать, чтò они за это возьмутъ?

— Какъ это такъ, передѣлки? Тутъ, кажется, ничего не надо мѣнять?—проговорила Бамъ, окидывая поверхностнымъ взглядомъ голыя стѣны и окна.

— А карнизы? А оконныя рамы и ставни? А стекла и все подобное? — важно возразила Сью. — Впрочемъ, чего и удивляться? Вамъ, моя дорогая, не приходилось имѣть съ ними дѣла. Отецъ вашъ платилъ аккуратно два раза въ годъ по счетамъ; вамъ, дѣвочкамъ и взрослымъ барышнямъ, надо было только пожелать чего-нибудь для того, чтобы оно тотчасъ же явилось; вы могли смѣло думать, что платья и шляпы не покупаются, а готовыя ростутъ на кустахъ. Вотъ вы теперь и стоите, озадаченная самой пустой житейской мелочью, съ которой (какъ и съ другими) отецъ не заблагоразсудилъ васъ познакомить...

— Да нѣтъ, это совсѣмъ не то,—проговорила Бамъ.—Я не могу себѣ представить, куда я дѣну всѣ наши столы и стулья и гдѣ буду доставать съѣстные припасы?

Леди Сью разсмѣялась.

— Голубчикъ вы мой! Гдѣ бы вы ни жили, вездѣ найдется, чтò ѣсть. И ужъ, конечно, здѣсь м-ру Уильдфайру гораздо легче будетъ заработать вдвое больше противъ того, чтò онъ получаетъ въ вашемъ Богомъ забытомъ околоткѣ.

Въ эту минуту на порогѣ появился коммиссіонеръ,—весьма прилично одѣтый господинъ, котораго впослѣдствіи Бамъ окрестила прозвищемъ Маккіавелли.

Онъ былъ весь—покорность и угодливость и лишь тихонько посмѣивался себѣ подъ носъ надъ забавнымъ допросомъ, который леди Сью находила съ своей стороны весьма хитроумнымъ:

— Стоки и трубы?..—допрашивала изящная дама, одѣтая по послѣдней модѣ.

— О, въ совершенной исправности! Заново сдѣланы въ прошломъ году.

— А вода и водопроводы?

— Сколько угодно, и чистоты безупречной!

— Крыша въ порядкѣ?

— Дѣвственно неприкосновенна!

— Крысы здѣсь водятся?

— Такихъ животныхъ не видано и не слыхано во всемъ околоткѣ; если жъ миледи и попались на глаза случайно двѣ-три штуки, такъ онѣ вѣрно мимоходомъ откуда-нибудь забѣжали.

— А таракановъ нѣтъ?

— Помилуйте, миледи! Имъ мѣсто только въ отдаленныхъ, дешевыхъ кварталахъ, а не здѣсь, въ Модной улицѣ!

— А передѣлки?

— О, сущіе пустяки, какихъ-нибудь полтораста фунтовъ, съ которыхъ во всякое время будетъ скидка, если господа уѣдутъ или передадутъ другимъ квартиру. (Эти таинственныя передѣлки каждый разъ стоили жильцамъ сотенъ фунтовъ, изъ которыхъ имъ дѣлали скидку въ нѣсколько сотенъ шиллинговъ, когда они уѣзжали).

— Нѣтъ ли тутъ домовыхъ?

Въ отвѣтъ изящный господинъ лишь оглянулся съ многозначительной улыбкой. Дѣйствительно, бѣднымъ домовымъ пришлось бы очень плохо въ такой квартирѣ, гдѣ не было не только лишняго, забытаго чулана, но даже необходимыхъ полокъ и шкафовъ. Мало того, онъ зналъ прекрасно, этотъ чистенькій господинъ, что въ этомъ домѣ мѣсто полной пустотѣ и безденежью, которое неизмѣнно здѣсь водворялось съ наступленіемъ безчисленнаго множества тратъ и передѣлокъ, которыя тяжелымъ гнетомъ неизбѣжно ложились на бѣдныхъ жильцовъ; не мало ихъ уже перебывало и разорилось на эту лачугу.

Возвращаясь домой, м-съ Уильдфайръ думала о своемъ жилищѣ уже какъ о чемъ-то прошломъ, съ которымъ у нея почти не осталось ничего общаго съ той минуты, какъ она видѣла новую квартиру. Вотъ до чего гибокъ характеръ женщины!..

Въ то время, какъ ея экипажъ обогнулъ площадь, Бамъ увидала въ окнѣ голову мужа, склоненную надъ книгой. Онъ сидѣлъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ ей пришлось такъ много выстрадать, но зато и быть счастливой... Сердце ея сжалось до боли при мысли о томъ, до чего мирно и счастливо жилось до сихъ поръ ея мужу подъ этой скромной кровлей; какія-то заботы и тревоги готовитъ ему она сама, добровольно?

Тихо вошла она въ комнату; но Денисъ все-таки угадалъ, что она здѣсь, и быстро обернувшись, нѣжно обнялъ жену. Обмѣнявшись нѣмымъ поцѣлуемъ, они склонили головы другъ къ другу, и чувство безмятежной тишины и спокойствія охватило обоихъ, точно сердце ихъ чувствовало, что золотое время ихъ любви и

счастья готово отлетѣть на-вѣки и они спѣшили насладиться его послѣдними лучами...

Таковы были смутныя думы молодой женщины; но и мужъ ея также сидѣлъ задумавшись, хоть въ его мысляхъ и преобладалъ исключительно научный интересъ: онъ только-что получилъ отъ своихъ издателей заказъ на грандіозную работу, которая должна была продлиться много лѣтъ и, по всей вѣроятности,— не принести ни гроша.

Первая заговорила Бамъ.

Нѣжно погладивъ ему волосы, подперевъ подбородокъ, чтобы приподнять къ себѣ его лицо, она лукаво спросила, кàкъ она ему нравится сегодня? Затѣмъ, все такъ же шаловливо напомнила ему, что не даромъ въ каретахъ устроены окна и что въ нихъ *кой-кому* прекрасно видно *кой-кого*... кого хочется видѣть.

— Видно ужъ мнѣ приходится напоминать вамъ, сударь, иногда про мои добродѣтели и совершенства,—продолжала она.— А если ихъ оставить безъ вниманія, онѣ пожалуй, вовсе пропадутъ... чтò было бы конечно очень жаль... не такъ ли?

Ея живость и шутки особенно его плѣняли первое время ихъ совмѣстной жизни, вотъ почему онъ порадовался ихъ возврату и поспѣшилъ отвѣтить ей также лаской: похвалилъ ея шляпку, полюбовался ея простенькимъ платьемъ, но особенно ея стройной фигурой и станомъ, не изуродованнымъ массой оборокъ и пышными модными рукавами, которые дѣлаютъ женщинъ похожими на разодѣтыхъ куколъ.

— Денисъ!—вдругъ сказала она:—я видѣла новую квартиру, и думаю, что она можетъ намъ годиться.

Мужъ какъ-то неопредѣленно взглянулъ на нее, и она замѣтила, что у него есть на умѣ что-то важное, чѣмъ онъ хочетъ съ нею подѣлиться, и что его новость гораздо важнѣе, а слѣдовательно, что ее надо обсудить сначала.

— Ну, говори: въ чемъ дѣло?—поспѣшно прервала она сама себя.

— Браунъ и Тартаръ просили меня написать для нихъ одну книгу,—отвѣчалъ онъ, и глаза его заблистали.—Доски имъ будутъ стòить больше тысячи фунтовъ; это будетъ не легкая работа, и мнѣ придется просидѣть надъ ней цѣлые годà.

— И сколько за нее получишь? — съ глубокимъ любопытствомъ проговорила жена.

— О!—нѣсколько опѣшивъ, отвѣчалъ ей мужъ: — по всей вѣроятности, придется потрудиться даромъ; но за то этотъ трудъ дастъ мнѣ сразу значительную извѣстность.

— Я бы лучше хотѣла, чтобы онъ далъ тебѣ хоть маленькій заработокъ,—возразила Бамъ съ тяжелымъ разочарованіемъ.—Мнѣ кажется, ты не слыхалъ, что̀ я сейчасъ сказала?

Денисъ очнулся отъ своихъ научныхъ грезъ, чтобы еще разокъ поцѣловать жену и прибавить, насколько могъ увѣреннѣе:

— Да ты сказала, моя прелесть...

— ...Что я видѣла домикъ, про который говорила лэди Сью Уильдесартъ,—докончила за него жена, поглядывая на него, какъ на большого ребенка, котораго такъ легко было обмануть и который былъ достоинъ самаго нѣжнаго, самаго заботливаго обращенія со стороны жены.—Я говорила вѣдь тебѣ еще сегодня утромъ, что собираюсь ѣхать посмотрѣть.

— Мнѣ тебя недоставало; я чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, когда вернулся домой,—разсѣянно проговорилъ онъ.—Объ этомъ домѣ я и вовсе думать позабылъ. Все время я только и думалъ, что о своей будущей книгѣ.

— Къ сожалѣнію, кажется, и я сама, и мои интересы никогда не сравняются для тебя съ интересной книгой!—возразила Бамъ.—Но вернемся къ дому: онъ очень малъ, но его можно отдѣлать и уютно устроить. Сто̀итъ онъ больше, чѣмъ вдвое противъ того, что̀ мы платимъ теперь; но это въ Модной улицѣ, когда свернешь по направленію къ Беркелей-сквэру.

— Помилуй, да это вѣдь самая дорогая изъ лондонскихъ улицъ!—воскликнулъ Денисъ, уже окончательно придя въ себя.—Кромѣ квартиры, найдутся и еще непредвидѣнные расходы... Мы положительно не можемъ его взять!

Въ волненіи, онъ всталъ и, отойдя отъ жены, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Увеличенные расходы смѣло покроются увеличеннымъ приходомъ, — спокойно возразила Бамъ твердымъ голосомъ.—Вмѣсто одного—двѣнадцать человѣкъ будутъ приходить къ тебѣ за твоими изслѣдованіями, потому-что въ Модную улицу имъ ближе, чѣмъ сюда.

— А мебель?—недовѣрчиво спросилъ Денисъ.

— Вѣдь, она умѣстилась здѣсь; а здѣсь, самъ знаешь, тѣсно.

— Но книги же мои куда дѣвать?—оживился онъ.

— Для нихъ найдется мѣста вдоволь; да не только для нихъ, но и для всей твоей лабораторіи... („и для твоей любовной переписки“, подергивало ее сказать, но она не сказала).

Впрочемъ, онъ видѣлъ ея мысли по лицу, какъ сквозь прозрачное стекло, и угадалъ то, о чемъ она умолчала, и его силы

недоставало противиться ей: онъ сознавалъ, какъ много она за него перестрадала, и считалъ своимъ долгомъ уступить.

— Хорошо. Я завтра же пойду и осмотрю его! — коротко проговорилъ онъ, и этими словами положилъ первый шагъ къ тому процессу разрушенія, которое пророчески предсказывалъ его другъ, Поль Фаберъ.

Съ этого часа навсегда отлетѣли для Дениса Уильдфайра безоблачные дни тихаго довольства своей судьбой и своими учеными трудами.

VII.

На другой день, Денисъ основательно осмотрѣлъ весь домъ, о которомъ говорила ему жена, и убѣдившись, что, потѣснивъ хорошенько свои книги, онъ можетъ ихъ всѣ туда умѣстить, объявилъ, что больше ему ничего не надо. Онъ даже заранѣе назначилъ себѣ мѣсто, на которомъ будетъ сидѣть за своей новой большой работой, изрѣдка прерывая ее для того, чтобы ходить читать лекціи и давать уроки, ѣсть и спать. Во всѣ эти разсчеты Бамъ не входила:—его голова была до того поглощена наукой и работой, что для дома жены не оставалось ужъ ни капли вниманія. Глядя на него и слушая его разсужденія, Маккіавели про себя называлъ его самымъ безразсуднымъ изъ безразсуднѣйшихъ людей, когда-либо пожелавшихъ, себѣ на погибель, занять „приличную" развалину на великосвѣтской улицѣ.

Почему, переступая за порогъ своего новаго жилища, Бамъ ощутила непріятную дрожь? Или солнце свѣтило въ окна меньше, чѣмъ обыкновенно? Или на улицѣ не было того оживленія, какое было наканунѣ? Или привѣтливый паркъ, гостепріимно раскинувшій свои вѣтви тутъ же, по сосѣдству, вдругъ отодвинулся подальше за минувшую ночь?.. Всю дорогу домой, м-съ Уильдфайръ крѣпко держалась за руку мужа, и хоть раскаянія въ ней не было и слѣда, но она не могла не чувствовать, что въ сердце ея стучались какія-то добрыя мысли и чувства. Но въ такихъ людяхъ, въ которыхъ часто борется злое начало съ добрымъ, чаще одерживаетъ верхъ первое надъ вторымъ, и тогда такой человѣкъ, какъ была молодая м-съ Уильдфайръ, изъ гордости и самолюбія никогда не сознается въ своей ошибкѣ и продолжаетъ сознательно идти по тому пути, на который вступилъ подъ вліяніемъ необдуманной горячности...

Слѣдующимъ затѣмъ дѣломъ было — достать деньги, необходимыя для переѣзда и устройства на новой квартирѣ. Бамъ

пришлось самой (и это было для нея довольно жутко) ѣздить къ нотаріусамъ и къ повѣреннымъ мужа, которые безъ всякихъ затрудненій согласились устроить заемъ, если найдутся двое поручителей; они не только нашли этихъ послѣднихъ въ числѣ друзей Уильдфайра, но и его самого (а это было труднѣе всего!) съумѣли убѣдить въ необходимости просить ихъ объ этомъ. Какъ и всякому порядочному человѣку, Денису крайне тяжело и до нѣкоторой степени унизительно показалось продѣлывать всю эту процедуру, которая у всякаго мужчины какъ бы отнимаетъ часть его мужества.

Всѣмъ ли знакомо слово и самое понятіе „поручительства"? Поручитель живетъ въ страхѣ, что съ него вотъ-вотъ могутъ потребовать расплаты за его легкомысліе. Онъ дрожитъ за каждый шагъ того, за кого поручился, и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣетъ остановить его вô-время, образумить, задержать его быстрое паденіе.

— „...И да не будетъ ни заемщиковъ, ни дающихъ въ долгъ"...—говорится въ законѣ и каждое слово изъ этого правила слѣдуетъ цѣнить на вѣсъ золота.

Всю свою жизнь Денисъ прожилъ на скудныя средства, отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы имѣть возможность пріобрѣтать книги и книги; но никогда ему не приходилось никого и ни о чемъ просить. Онъ не подозрѣвалъ, да и не могъ подозрѣвать, какое ужасное бремя бралъ на себя, соглашаясь занять; но первые же шаги въ дѣлѣ займа, поиски за поручителями уже дали ему почувствовать всю горечь его будущаго положенія.

Въ тотъ день жена долго ждала его къ обѣду и не могла дождаться; наконецъ онъ, уже вечеромъ, вернулся и такой изнеможенный, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что она не могла этого позабыть много лѣтъ спустя.

Глядя на него, она съ трудомъ удерживалась отъ рыданій, которыя ее душили отъ ужаса, чтô она натворила.

— Возьми ихъ: вотъ онѣ!—сказалъ онъ съ горечью, бросая на столъ пачку кредитныхъ бумагъ:—ты и вообразить себѣ не можешь, до чего тяжело онѣ мнѣ достались!

И жена не посмѣла ни подойти поцѣловать его, ни хотя бы утѣшить, успокоить. Она молча пошла и спрятала деньги въ комодъ, внутренно изумляясь, что не испытываетъ ничего похожаго на радостное возбужденіе, какого ожидала. Ей снова припомнился разговоръ съ Фаберомъ, и ей показалось, что она уже начала стягивать веревку на шеѣ у мужа...

Въ тотъ вечеръ Денисъ ничего не былъ въ состояніи ѣсть и долго не могъ забыться тяжелымъ, тревожнымъ сномъ; лишь на другое утро онъ сталъ какъ-будто немного бодрѣе и, какъ всегда, усѣлся за работу. Все время, пока вокругъ и около него шла суетливая и разнообразная работа упаковки и перевозки, онъ сидѣлъ невозмутимо за своими книгами и замѣтками у своего стола и, казалось, хоть сейчасъ начнись землетрясеніе—онъ не двинется съ мѣста. Если бы вихрь вдругъ сорвалъ его съ кресла и умчалъ по воздуху,—онъ, кажется, и тогда не выпустилъ бы изъ одной руки—пера, а изъ другой—замѣтокъ и продолжалъ бы отмѣчать даже во время своего воздушнаго странствія.

Жена сама собственноручно связала, по порядку, всѣ его безчисленныя книги въ длинные ряды и поставила на нихъ номера. Она же разсортировала банки съ препаратами, какихъ это ни стоило ей усилій и отвращенія... и даже тошноты; сдѣлала синіе мѣшки для череповъ и, наконецъ, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ перевезла всю лабораторію мужа. Но зато она же сама чуть не спалила весь домъ, предавая огню его переписку и въ томъ же духѣ уничтожая весь ненужный хламъ, среди котораго Денисъ жилъ безмятежно въ теченіе десяти лѣтъ.

Между тѣмъ, подъ ближайшимъ присмотромъ лэди Уильдесартъ, въ будущемъ „гнѣздышкѣ" молодыхъ супруговъ работа такъ и кипѣла. Для дома, который былъ „въ образцовомъ порядкѣ", въ немъ оказалась нужна (сравнительно, конечно!) цѣлая масса передѣлокъ и можно было удивляться до чего много рабочихъ нашли себѣ въ немъ дѣло... пока не привели все въ надлежащій порядокъ. Но условіе уже было по всѣмъ правиламъ подписано Денисомъ и потому приходилось со всѣми неудобствами и расходами мириться. И Бамъ, съ своей стороны, предпочла тотчасъ же приступить къ передѣлкамъ, какъ только обнаружилось (и обнаружилось это весьма скоро), что всѣ газовые рожки, всѣ насосы и трубы отрѣзаны стараніями артелей и газовыхъ обществъ, обозленныхъ на то, что имъ не уплатили за работу;—что первая же гроза учинила цѣлый потопъ, двери и окна не отворяются и не затворяются, замки не дѣйствуютъ и т. п. Ей было жаль смущать покой мужа, ушедшаго въ наслажденіе своей работой; да и къ чему напрасно оплакивать непоправимое и неизбѣжное?

А все-таки, въ письмахъ ея къ роднымъ проглядывалъ оттѣнокъ тоски и недовольства, незамѣтно для нея самой. Мать грустно качала головою, какъ бы желая сказать: вотъ вѣдь вышла наша упрямица за бѣдняка, поставила на своемъ, а теперь мѣняетъ квартиру, что̀ всегда сто̀итъ денегъ... Отецъ смотрѣлъ

озабоченно и хмуро: онъ никогда не могъ себѣ простить, что далъ волю своей любимицѣ. Бамъ была самой блестящей, самой умной и гордой, самой упрямой изъ его дочерей; ей всѣ пророчили большую будущность и вдругъ... вдругъ она закусила удила и помчалась впередъ на встрѣчу своей вѣрной гибели, а также и гибели того, кого она избрала себѣ въ спутники жизни. Насколько онъ видѣлъ и зналъ Дениса Уильдфайра, старикъ успѣлъ даже полюбить его; но это не мѣшало ему чувствовать, что не такого мягкаго и податливаго мужа надо бы горячей и порывистой дѣвушкѣ, для того, чтобы охранять ее и сдѣлать счастливой. Однако, отецъ не вмѣшивался въ сердечныя дѣла Бамъ, какъ и въ дѣла прочихъ своихъ дочерей, которыя всѣ пристроились весьма прилично. Одна изъ нихъ, Роза Уорсестеръ, энергично и убѣдительно писала сестрѣ по поводу ея переѣзда на новую квартиру:

— „Чтò ты затѣяла, дорогая моя? Вышла ты замужъ за человѣка, которому, какъ сама же ты говоришь, книги уже замѣняли жену; а теперь, вдобавокъ, хочешь его разорить. Ты хочешь поселиться въ Модной улицѣ, а въ совѣтницы себѣ берешь лэди Уильдесартъ! Она доведетъ васъ до полнаго разоренія въ какіенибудь полгода: не забывай, что она замужемъ за богачемъ, который если и отказываетъ ей въ своемъ обществѣ, то не отказываетъ въ денежныхъ чекахъ. Замѣть, что она страшно расточительна (между нами будь сказано) и что ты, со своей видной внѣшностью и ученой глупостью, легко можешь впасть въ подражаніе, тѣмъ болѣе, что вы немного похожи одна на другую. Ты говоришь, контрактъ уже подписанъ? Все равно надо его нарушить, во чтò бы то ни стало! Вернись на старую квартиру, разставь всѣ банки и стклянки по старымъ мѣстамъ и благодари судьбу за каждый стулъ, который принадлежитъ тебѣ безраздѣльно!“

Но Бамъ только посмѣялась на увѣщанія сестры и продолжала идти своей дорогой, которая въ то время, правду сказать, обходилась ей довольно дорого. У нея былъ вкусъ, какъ и у большинства благовоспитанныхъ людей, выросшихъ въ большой, благоустроенной семьѣ, въ большомъ, зажиточномъ домѣ. Вліяніе родителей и старшихъ не можетъ не сказаться на дѣтяхъ и подросткахъ: оно выливаетъ ихъ характеръ, свойства и воззрѣнія въ опредѣленную форму, и по этой формѣ въ толпѣ сразу можно отличить человѣка болѣе высокаго происхожденія,—стòитъ только присмотрѣться къ тому, кàкъ онъ держится, ходитъ, говоритъ,

и вы сразу опредѣлите, къ какому сословію онъ (или она) принадлежитъ.

Вкусъ у м-съ Уильдфайръ былъ несомнѣнно; но ему не отвѣчали ея денежныя средства. Отдѣлать квартиру со вкусомъ не представляло для нея никакого затрудненія, но надъ каждой мелочью, какъ бы дешева она ни была, ей приходилось выдерживать борьбу съ необходимостью считать каждый грошъ, а къ этому у нея не было способности отъ природы. Но Бамъ выдерживала борьбу и часто подчиняла требованія своего вкуса требованіямъ кармана, къ немалой досадѣ и полу-презрительному сожалѣнію своей богатой подруги.

— „Fais ce que voudras,—advienne que pourra",—таково было житейское правило этой изящной и милой свѣтской женщины, которой не стоило никакого труда подчиняться требованіямъ своей расточительности и любви къ роскоши.

Бамъ стояла у окна и слѣдила глазами за послѣднимъ возомъ съ вещами, который медленно заворачивалъ за уголъ сквера. Разныя незначительныя мелочи были приткнуты снаружи, наверху и, въ числѣ прочихъ, изображенія предковъ—бабки и матери Дениса и краснолицаго полнаго папеньки, который съ вызывающимъ видомъ, казалось, смотрѣлъ изъ своей золоченой рамы и точно готовъ былъ сказать:

— Ты хотѣла насъ нарочно затерять, бросить на произволъ судьбы; а вотъ мы все-таки не остались на старой квартирѣ! Мы ѣдемъ, ѣдемъ къ тебѣ на новую!

— Куда ихъ тамъ дѣвать? — разсуждала она въ то время, какъ возъ, исчезая вдали, скрылъ отъ нея хорошенькое лукавое личико матери Дениса „въ юности". Она была изображена на портретѣ въ наколкѣ, газовыя оборки которой стыдливо прикрывали ея грудь. Весьма возможно, думала она, что при жизни они были очень добры и привлекательны, но на портретахъ...

М-съ Уильдфайръ оглянулась. Комната стояла пустая и только на столѣ оставались еще куча бумагъ да клѣтка съ крикуномъ-Смоллетомъ, который точно воды въ ротъ набралъ съ перепуга отъ стукотни и суматохи, не прекращавшихся за послѣдніе дни. Бамъ принялась собирать и складывать эти бумаги, остававшіяся неприкосновенными за все это время: Денисъ поручилъ женѣ свято хранить ихъ и никому не довѣрять, кромѣ самой себя. Онъ невозмутимо продолжалъ все это время работать, какъ будто его отнюдь не касалось, что у него изъ-подъ ногъ вытянули коверъ

и замѣнили его рабочее кресло дряннымъ стуломъ. До послѣдней минуты, когда уже нельзя было оставаться на мѣстѣ, онъ не оставлялъ пера и дѣлалъ свое дѣло, какъ бы не чувствуя, что стѣны, на которыхъ красовались его возлюбленныя книги, постепенно пустѣли. Онъ даже думалъ, что вечеромъ снова будетъ продолжать свою работу за тѣмъ же столомъ, въ той же комнатѣ, и только тогда вспомнилъ, что переѣзжаетъ, когда жена напомнила ему, что сегодня же вечеромъ онъ будетъ сидѣть на новосельѣ, въ Модной улицѣ.

Ни мало не волнуясь, не оглядываясь въ послѣдній разъ на тѣ самыя стѣны, въ которыхъ онъ жилъ такъ долго и пережилъ такъ много, Денисъ вышелъ вонъ изъ старой квартиры, чтобы вернуться прямо на новую. Въ сущности, ему было все равно: тамъ его встрѣтятъ жена и книги, — все, что̀ ему нужно и что̀ ему дороже всего на свѣтѣ! Мужъ не принадлежитъ къ числу животныхъ, зараженныхъ сантиментальностью, женщина же, наоборотъ, слишкомъ чувствительна.

Но вотъ всѣ бумаги аккуратно сложены и тщательно увязаны въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ лежали; хозяйкѣ дома остается только позвонить, чтобы въ послѣдній разъ пришла старушка-прислуга; остается попрощаться съ нею и со старымъ домомъ, а затѣмъ увезти съ собой въ каретѣ ящикъ съ бумагами и попугая. Но Бамъ еще не звонитъ, хоть ужъ давно готова.

Она стоитъ неподвижно, глубоко задумавшись. Она живо припоминаетъ, какъ она вошла сюда еще дѣвушкой, невинной и незнакомой съ житейскими мелочами и тревогами, какъ она смѣло шла сюда въ надеждѣ найти здѣсь себѣ друга и товарища на пути умственныхъ интересовъ, а вмѣсто него нашла страстнаго поклонника въ лицѣ мужа. Здѣсь прошла она науку любви, какъ будто только для того, чтобы испытать горькое разочарованіе, чтобы въ часы унынія и борьбы съ собою чувствовать себя одинокой и печально повторять, себѣ въ успокоеніе:

— Всякая любовь—тщета мірская; не тщетна только любовь къ Богу!—Долго пришлось ей работать надъ собою, бороться со своими сомнѣніями; но вышла она изъ этой борьбы неуспокоенная, непокорная и... не сломленная, съ такимъ же необузданнымъ, упрямымъ сердцемъ, какъ и прежде...

Наконецъ, она позвонила; затѣмъ простилась со своей старушкой, съ которой часто трудилась по хозяйству, какъ добрый товарищъ, и въ самую послѣднюю минуту не утерпѣла, чтобы не подбѣжать украдкою поцѣловать тотъ самый подоконникъ, на

которомъ она сиживала рядомъ съ мужемъ, въ тихой, привѣтливой бесѣдѣ.

— Прощай, прощай! — шептала она со слезами. — Я здѣсь не особенно была добра къ другимъ, но тамъ я буду хуже!

Старушка смотрѣла на свою молодую госпожу и удивлялась втихомолку, съ чего бы это плакать такой красавицѣ, которой только бы впору радоваться и веселиться, что она уѣзжаетъ изъ квартиры, напоминающей сорную кучу, въ которой ей не мѣсто, какъ жемчужному зерну...

VIII.

Рождество было на дворѣ, но и сумерки также. Уже почти стемнѣло, когда м-съ Уильдфайръ подъѣхала къ крыльцу своего новаго жилища. Оно привлекало взоръ своею свѣтлою окраской, огнями въ небольшихъ, но красивыхъ окнахъ и блестящей мѣдной доской на дверяхъ. Дверь отворила молодая, расторопная дѣвушка изъ такихъ, которыя ни за какія деньги не пойдутъ служить въ менѣе великосвѣтскихъ кварталахъ.

Леди Сью уже успѣла побывать па новосельѣ и украсить его цвѣтами, выросшими въ Крэгсъ-Каслѣ. Цвѣты придали всей хорошенькой миніатюрной квартиркѣ праздничный видъ, хоть она и не была обставлена во вкусѣ леди Сью, о чемъ та, конечно, глубоко сожалѣла. Бамъ почувствовала себя довольнѣе и бодрѣе, когда переступила порогъ своего новаго дома, и принялась тотчасъ же разставлять по мѣстамъ столъ, кресло и книги мужа. Едва успѣла она все для него приготовить, какъ онъ самъ позвонилъ и прежде всего спросилъ, дома ли барыня?

Заслыша его шаги, она поспѣшно стала за дверь, но мужъ поймалъ ее на мѣстѣ преступленія и горячо расцѣловалъ.

— Богъ да благословитъ тебя, мое сокровище, и нашъ новый очагъ! — сказалъ онъ, и она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, въ которомъ отразилось чувство еще небывалаго къ нему уваженія.

Онъ, грѣшникъ, первый подумалъ о Богѣ, — о томъ, чтобъ испросить Его благословенія на новомъ пепелищѣ, на порогѣ новой жизни; а она, правая, „безгрѣшная“, забыла...

Мало-по-малу свыкаясь съ новой обстановкой, Денисъ Уильдфайръ начиналъ думать, что всѣ затраты и тревоги съ избыткомъ окупаются счастьемъ видѣть оживленное личико жены, въ которой, повидимому, вернулась прежняя веселость, прогнавшая тоску

изъ ея ясныхъ глазъ, которые за послѣднее время были для него нѣмымъ укоромъ. Но Бамъ ничего и не подозрѣвала о безмолвныхъ страданіяхъ мужа и о томъ, чтò за перемѣну въ думахъ и чувствахъ ему приходилось испытать; она такъ и осталась при своемъ убѣжденіи, что она переживаетъ ихъ совсѣмъ одна, что онъ не въ состояніи ее понять.

Денежныя заботы она несла также на своей отвѣтственности съ тѣхъ поръ, какъ мужъ отдалъ въ ея полное распоряженіе всю сумму, полученную имъ подъ вексель. Разграничить необходимое отъ излишества крайне трудно; но если Бамъ и переступала въ своихъ издержкахъ за предѣлъ благоразумія, то по своей, вполнѣ сознательной волѣ, а не по наущенію своей подруги. Впрочемъ, замѣчая, какъ плывутъ изъ рукъ ея деньги, она утѣшалась тѣмъ, что теперь мужъ будетъ заработывать больше, чѣмъ въ своемъ глухомъ кварталѣ; а тамъ подоспѣетъ же еще наслѣдство брата, навѣрно подоспѣетъ!

Для молодой и красивой м-съ Уильдфайръ наступила пора, когда она перестала отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, которыя были ей не по средствамъ, — удовольствіяхъ, роковыхъ для всякаго, кто забываетъ, что за ними неизбѣжно слѣдуетъ тяжкая расплата. День ото дня Бамъ все меньше и меньше обсуждала свои поступки, все меньше думала и все больше поддавалась подхватившему ее теченію, если не вполнѣ свѣтской, то пустой жизни, какою живетъ большинство женщинъ съ момента своего замужества до могилы.

Многіе изъ знакомыхъ молодой женщины, находившіе ея прежнюю квартиру слишкомъ отдаленной, теперь стали навѣщать ее, а родные и друзья и—подавно; наконецъ, явилась даже блестящая плеяда знакомыхъ леди Сью Уильдесартъ. Но, какъ никакое знакомство не обходится безъ угощенья, а Бамъ, кромѣ того, еще въ домѣ отца привыкла къ радушію и хлѣбосольству, то она, весьма естественно, не могла не предложить своимъ гостямъ всего самаго лучшаго, чтò только у нея было.

Расходы все росли и росли быстрѣе, чѣмъ доходы; за-то тѣмъ болѣе трогало ее дѣтски-беззаботное довѣріе, которое оказывалъ ей мужъ, отдавая ей всѣ свои деньги и оставляя себѣ лишь мелочь, въ видѣ карманныхъ денегъ. Онъ слѣпо вѣрилъ въ ея умѣнье сводить концы съ концами.

Бамъ приходила въ восторгъ отъ того, что всѣ мѣста увеселеній такъ были близко, по сосѣдству, а леди Сью взяла на себя обязанность познакомить съ ними подругу, хоть мужу весьма рѣдко было время сопровождать жену.

— А вы не поѣдете ли со мною? — спрашивала Сью иной разъ, готовясь уходить; и почти всегда получался отвѣтъ Дениса по адресу жены:

— Можешь идти безъ меня съ лэди Сью,—и голосъ его звучалъ такой лаской, такой убѣдительностью, какую можетъ найти въ себѣ лишь человѣкъ, самъ исполнявшій свои прихоти и допускающій ихъ въ другихъ. Денисъ былъ радъ, что не помѣшаетъ женѣ веселиться, и радовался еще, что леди Сью любезно вывозила ее, давала ей возможность повидать людей и развлечься.

Сначала, уѣзжая изъ дому безъ мужа, Бамъ чувствовала себя неловко и разставалась съ нимъ крайне неохотно, но затѣмъ это уже стало все меньше ее тревожить, и наконецъ, это чувство тревоги смѣнилось полной беззаботностью и даже—весельемъ. Никого не было у нея близкаго или такого, кто могъ бы предупредить ее, что она идетъ не по тому пути, который нравственно чистъ и безмятеженъ, что атмосфера удовольствій и безпечнаго веселья не сегодня ужъ подтачиваетъ незамѣтно нравственные принципы женщины и ведетъ ее къ вѣрной гибели. Теперь для Бамъ Уильдфайръ наступило время, когда нравственная подкладка ея воспитанія должна была сослужить ей службу и вò время придти на помощь.

Въ то время, какъ Денисъ по-прежнему сидѣлъ, согнувшись надъ своей работой, въ полной неизвѣстности, его жена и ея подруга уже пріобрѣли извѣстность. Въ обществахъ, въ клубахъ и собраніяхъ только и было рѣчи, что о красивой парочкѣ молодыхъ женщинъ; все чаще слышалась фамилія Уильдфайра, но о немъ самомъ никто не заботился и даже не освѣдомлялся,— чтò еще того хуже! Несмотря на это, Денисъ былъ совершенно счастливъ: никогда еще не видѣлъ онъ со стороны жены такого вниманія. Живая, веселая и быстрая, какъ птичка, она вездѣ поспѣвала, и если ея любовь къ мужу казалась порой нѣсколько остывшей, зато привязанность, повидимому, становилась все прочнѣе и надежнѣе. И Денисъ уходилъ весь въ свою работу, радуясь, что дѣла у него прибавлялось, что его Бамъ снова расцвѣла и оживилась. Ему нравилось, что она такъ изящна; нравилось, что модныя платья сидятъ на ней такъ, какъ будто она въ вѣкъ иныхъ и не носила; нравилось даже и то, что окрестности и сосѣди у нихъ стали лучше, хотя если бы они были и другія — ему, въ сущности, было бы все равно. Но главною, непростительной ошибкой съ его стороны было сдѣлать жену полной хозяйкой и безконтрольной распорядительницей ихъ денеж-

ныхъ средствъ, когда ему, наоборотъ, слѣдовало бы знать счетъ каждому грошу, который она тратитъ.

Между тѣмъ, Бамъ безпечно отдавалась веселью, изумляя женщинъ своими успѣхами, которые онѣ не знали чему приписать. Съ ихъ точки зрѣнія, м-съ Уильдфайръ вовсе уже не была такъ особенно прелестна, ни красоты, ни особаго ума въ ней не было въ той степени, которая оправдывала бы выдающуюся роль, выпавшую ей на долю. М-съ Уильдфайръ была молода и впечатлительна; миловидна и проста въ обхожденіи, то-есть пріятно поражала отсутствіемъ жеманности и манеръ, разсчитанныхъ на эффектъ. Она жила, какъ ей нравилось, и любила житейскую суету; сама того не сознавая, своей живостью заражала другихъ и, забавляясь сама, забавляла окружающихъ. Одни—иностранцы и женщины называли ее шалуньей, „espiègle“, другіе же, мужчины, на ухаживаніе которыхъ она не обращала вниманія, величали ее „невозможной“, „неприступной“. Но могли ли они устоять противъ обаянія женщины, которая не пишетъ, не рисуетъ и не пытается быть ничѣмъ другимъ, какъ только просто женщиной,—и женщиной дѣйствительно прелестной? Ея пріятельница, леди Сью, не могла достаточно налюбоваться ея непринужденнымъ оживленіемъ, а сама Бамъ незамѣтно втянулась въ ту самую пустую жизнь, противъ которой всего съ годъ тому назадъ она такъ возставала. Но рѣзкой перемѣны въ ея поведеніи и воззрѣніяхъ, которую предсказывали Сью Фаберъ и многіе другіе, еще не было замѣтно. Ни съ кѣмъ м-съ Уильдфайръ не кокетничала, никого украдкой или явно не трудилась завлекать.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу? Вѣдь эта дама, которая только-что ушла,—писательница и очень умная женщина, начала лэди Сью однажды, сидя со своимъ другомъ, м-съ Уильдфайръ, въ своей гостиной.—Но она грѣшитъ тѣмъ же, чѣмъ и всѣ женщины-писательницы. Она слишкомъ растягиваетъ въ своихъ романахъ „психическій моментъ“, говоря по просту — страстный порывъ любви; любовь выходитъ у нея неестественно продолжительной, какъ будто страстная любовь можетъ долго длиться! Это такое капризное чувство, что, дойдя до высшей точки своего развитія, оно не можетъ на ней удержаться и, весьма естественно, идетъ на пониженіе. Въ книгахъ, замѣтьте, берется лишь одинъ какой-нибудь изъ его моментовъ, который и разбирается на безконечномъ множествѣ страницъ, а вся грубая будничная проза, до и послѣ, опускается и остается для читателя какъ бы вовсе не существующей. Хотѣлось бы мнѣ знать: у васъ съ вашимъ

Денисомъ прошелъ этотъ моментъ?—прибавила она, пытливо глядя на свою подругу.

Но та въ отвѣтъ только звонко разсмѣялась и ничего не сказала.

— Мнѣ казалось, что вы съ нимъ вѣнчались съ цѣлью умственнаго, такъ сказать, товарищества? Какъ же это, скажите пожалуйста, случилось, что вы взаимно влюбились?

Бамъ опять засмѣялась такъ же мягко, какъ сухо звучалъ голосъ лэди Сью.

— И что же: вы ведете между собой ученые разговоры? Я вѣдь, представляла его себѣ совершенно иначе; а вы... вы просто „блестящая" женщина... обыкновенный, но такой яркій газовый рожокъ, что не страшенъ сильный электрическій свѣтъ.

— Я прекрасну лажу съ Денисомъ, и онъ мнѣ совершенно пара! Я даже твердо увѣрена, что разойдись я съ нимъ сегодня,— завтра же я гдѣ-нибудь за угломъ подстерегу его, чтобъ только сойтись съ нимъ опять!—возразила Бамъ.

— Гм!—сказала лэди Уильдесартъ, недовѣрчиво смотрѣвшая на счастіе въ любви, которая, по ея мнѣнію (и по собственному опыту) была заурялнымъ и непривлекательнымъ явленіемъ.—Интересно знать, долго-ли у васъ продержится такое состояніе вещей? Между мужчинами есть вѣдь и такіе, которые не могутъ быть вѣрными женѣ, будь она ангелъ во плоти или самъ дьяволъ, искусившій Адама въ раю: такова ужъ человѣческая природа! говорятъ они. Понятно, разъ онъ вамъ мужъ, вы не можете не любить его; и онъ, въ свою очередь, будетъ на васъ обращать больше вниманія, чѣмъ на другихъ женщинъ. Но замѣтьте, голубчикъ, что ваша свѣжесть и краса въ полномъ расцвѣтѣ, какъ и его любовь... пока вы не увяли. Противьтесь его вкусамъ, даже чувствамъ, но берегитесь мѣшать его удобствамъ: этого ни одинъ мужчина не прощаетъ! Въ его глазахъ это непростительное преступленіе. Относительно васъ же самой, если не ошибаюсь, могу сказать, что ваше воображеніе болѣе пылко, нежели чувства, волнующія ваше сердце. Вы всегда будете принадлежать прежде всего себѣ, а послѣ ужъ мужчинѣ. Какъ бы то ни было, храните свою силу и здоровье неприкосновенно, а главное — ни о чемъ не безпокойтесь: самыя красивыя и здоровыя изъ женщинъ худѣютъ и блѣднѣютъ въ борьбѣ съ мужьями и лишь самыя равнодушныя толстѣютъ, безобразно расплываясь... Но неужели-же вамъ все равно, что онъ не обращаетъ на васъ вниманія?

— Онъ просто ничего не думаетъ объ этомъ и, если не сопровождаетъ меня въ гости и на вечера, такъ за то вѣдь, я

думаю, его работа поважнѣе всякихъ выѣздовъ и гостей!—вспылила м-съ Уильдфайръ.

— Но онъ у васъ страшнѣйшій эгоистъ! И если вы когда явитесь помѣхой въ его личныхъ удобствахъ, увидите: онъ дастъ вамъ себя знать! Большинство мужей таково, что готовы слезы проливать изъ жалости къ себѣ. Конечно, вы можете удержать его посредствомъ лести,—ну, и льстите себѣ на здоровье... только не знаю почему, а мужа не обманешь. Онъ видитъ все насквозь! Но отчего бы вамъ не пристраститься къ нарядамъ, какъ пристрастилась я? Женщина, которая всю душу свою положила на то, чтобы къ лицу одѣться, скорѣе примиряется съ невниманіемъ къ ней мужа. Только вотъ что̀ мнѣ странно: самыя счастливыя и влюбленныя лица видишь у тѣхъ парочекъ, изъ которыхъ женская половина одѣта въ дурно-сшитыя платья, въ юбки, подолъ которыхъ треплется у нихъ въ ногахъ; а мужчины, на рукѣ которыхъ онѣ виснутъ, идя по улицѣ, имѣютъ такой глупо-блаженный видъ! Между тѣмъ, изящныя и хорошо одѣтыя женщины, бо̀льшею частію, ходятъ и ѣздятъ однѣ.

Бамъ невольно вздохнула: Денису никогда не было времени съ нею пройтись, а одной гулять такая скука!

— Но полно унывать!—воскликнула лэди Сью.—Придетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Говорятъ, что теперь царство молодыхъ женъ и новобрачныхъ, но въ дѣйствительности царятъ женщины среднихъ лѣтъ, — добродѣтельныя жены и хозяйки, а не молодыя вѣтреницы и вертушки, которыя красуются себѣ безпечно и сорятъ деньгами, забывая, что имъ даютъ потачку лишь пока онѣ молоды и хороши собой... Лучше совѣтую вамъ, моя дорогая, быть добродѣтельной и скромной: это вознаграждается непремѣнно въ будущемъ. Помните также, чтобы ваша дверь всегда была открыта для мужа: запираясь отъ него, вы отпираете ее той, „другой“ женщинѣ...

У бѣдной Бамъ захолонуло сердце.

— Какой это *другой*?—сурово вырвалось у нея.

Сью пожала плечами.

— Та, неизбѣжная „другая“, безъ которой супружеская жизнь не можетъ обойтись. Или вы думаете, что ваша—составитъ исключеніе? Въ такомъ случаѣ, вы будете первая, которой это удастся... О, ужасъ! — вдругъ воскликнула она, глядя на себя въ маленькое ручное зеркало. — Что̀ я вижу: у меня— усы! А мнѣ еще не кончился тридцатый годъ! M-me де-Сталь говоритъ, что мы, женщины, привѣтствуемъ ихъ появленіе улыбкой, а удаленіе—слезой... Какъ? Вы уже бѣжите? Такъ не поѣдете

со мной въ Крэгсъ-Касль на Рождество? Ну, какъ угодно... A rivederci!

И лэди Сью, чувствуя прекрасно, что м-съ Уильдфайръ на нее сердита, съ особой нѣжностью поцѣловала ее на прощанье, не понимая, почему свѣжія щечки ея друга такъ холодны и блѣдны...

А. Б—г—

ДОМА

Очерки современной деревни.

I.

Въ началѣ лѣта 189... года, по Волгѣ приближался я къ уѣздному городу Р., откуда десять лѣтъ тому назадъ отправился въ Петербургъ съ дерзновеннымъ намѣреніемъ „на чужбинѣ доли-счастья поискать“. Волею судебъ, мнѣ пришлось тогда покинуть родную деревню, гдѣ я родился, выросъ и провелъ золотую юность, гдѣ сложились и первые зачатки моихъ убѣжденій, взглядовъ на окружающій міръ.

Какая пестрая вереница воспоминаній!

И вотъ теперь, когда я снова нахожусь въ преддверіи моей колыбели, предо мной невольно встаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: чтò увижу я въ деревнѣ новаго, чтò сохранилось изъ стараго, чѣмъ жива нынѣшняя деревня, каковы ея радости и печали, въ чемъ ея надежды и упованія?

Конечно, десять лѣтъ не такой замѣтный промежутокъ времени, чтобы измѣнилось въ деревнѣ многое, но ужъ и не такой маленькій, чтобы не найти въ ней ровно ничего новаго. Наша русская деревня еще слишкомъ молода, чтобы не мѣняться, а послѣднія десять лѣтъ не были для нея безразличными: за это время совершилось упраздненіе мировыхъ судей, введены земскіе начальники, учреждена церковно-приходская школа; измѣнилось и многое другое. Какъ все это отразилось на деревнѣ?

Мое совершенно исключительное положеніе въ деревнѣ, о чемъ читатель узнаетъ ниже, дало мнѣ возможность познакомиться съ такими сторонами народной жизни, которыя доступны далеко

не каждому. Предоставляя самому читателю дѣлать выводы и заключенія изъ моего повѣствованія, я намѣренъ передать здѣсь, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтелемъ я былъ въ деревнѣ.

Въ виду родного города, гдѣ я не разъ бывалъ и до поѣздки въ Петербургъ, свѣжимъ, полнымъ радужныхъ надеждъ юношей, я вспомнилъ прошлое. Чтò я былъ и чтò сталъ?.. Сопоставленіе былого съ настоящимъ, къ великой моей радости, привело меня къ довольно утѣшительному заключенію. Чтò же? Только годами сталъ старше, да горизонтъ моихъ наблюденій расширился, да прибавилось житейскаго опыта. Сердце, какъ будто, осталось прежнее, — чтò меня особенно радовало. „Слава Богу,—думалъ я,—не погибъ, не погрязъ въ столичномъ омутѣ, могу снова жить“. И когда засверкали предо мною золотые купола городскихъ церквей, сердце мое забилось дѣтской радостью.

Вотъ и родная рѣка, по волнамъ которой я не разъ ѣзжалъ въ Р.

Лишь только пароходъ отвалилъ отъ Р—ской пристани, на меня пахнуло свѣжестью полей. Доброе солнце какъ нарочно выглянуло на весеннемъ небѣ, только-что разрѣшившемся теплымъ животворнымъ дождемъ. Впереди обрисовалась семицвѣтнымъ полукругомъ радуга, обрисовавъ лучшую въ мірѣ тріумфальную арку. „Это добрая встрѣча“, подумалъ я.

Взобравшись на рубку парохода, жадными глазами вглядывался я въ даль, пытаясь разсмотрѣть на горизонтѣ родное село съ его старенькой церковью. Зеленѣющіе берега родной рѣки радовали мое сердце не менѣе причудливыхъ береговъ кормилицы-Волги. Долетавшія съ берега пѣсни косцовъ, знакомый говоръ, трели жаворонковъ, купающихся въ прозрачномъ воздухѣ, ароматъ луговыхъ цвѣтовъ—все это радовало и согрѣвало сердце. Мнѣ вспомнилась сентиментальная пѣсенка:

Снова мнѣ слышится пѣсня родимая,
Снова мнѣ видится родина—мать,
Ты предо мной, моя нѣжно любимая,
Ты предо мною опять...

Было заговѣнье (начало Петровокъ)—для деревни праздничный день; на берегу попадались группы нарядныхъ дѣвицъ и парней, звонко раздавались ихъ пѣсни, веселый говоръ, смѣхъ. На самомъ пароходѣ я замѣтилъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ лицъ, разговоры ихъ касались знакомыхъ мнѣ мѣстъ, знакомыхъ людей. Тотчасъ же сказалась и прирожденная сообщительность

моихъ земляковъ. Ко мнѣ подсѣлъ какой-то мужичокъ въ сермягѣ; подсѣлъ, заглянулъ мнѣ въ лицо и сразу, заговорилъ:

— Къ заговѣнью-то не поспѣлъ?

— Да, что подѣлаешь!

— Подитко, дома-то ждутъ?

— Какъ же!

— Не жонатъ?

— Нѣтъ.

— Що же, такой хорошой молодечь, а не жонатъ? али тамъ дѣвокъ не было по сибѣ?

— Какъ не быть!

— Гдѣ живешь-то?

— Въ Питерѣ.

— Въ Питерѣ? Що ты тамъ дѣлаешь?

Я сказалъ.

— У меня тамъ братище живетъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ:—въ солдатахъ былъ, да не пожалалъ вернуться къ родителямъ. Онъ въ портильщикахъ какихъ-то служитъ. Зовутъ Иваномъ, а меня Микулаемъ; значитъ, по отчу Яфимовы будемъ. Отечь у насъ былъ Яфимъ Микулаевъ, да померъ, чарство ему небесное...—Мужикъ снялъ картузъ и покрестился на востокъ, вздохнувъ о своемъ „отчѣ", и опять началъ:

— Тебѣ не въ примѣтъ, не знаешь Ивана-то?

Я объяснилъ, что Питеръ такой большой городъ, что невозможно всѣхъ знать.

— Такъ, такъ. Гдѣ же!—согласился мужикъ.

Увидѣвъ у меня бинокль, онъ не преминулъ полюбопытствовать:

— Дай-вё взглянуть,—що увижу?

Я подалъ.

— Ни кляпа не вижу! Экая оказія...

— Да ты не тѣмъ концомъ взялъ.

— Ишь ты, какая штука, ищо конечь не тотъ!.. Видно, братъ, рыло не то, вотъ що,—добродушно заключилъ мужикъ свои соображенія и возвратилъ мнѣ бинокль, присовокупивъ при этомъ:

— Чего, чего нѣмечь не выдумаетъ!..

II.

Деревня Ульево, куда я пріѣхалъ,—небольшая; въ ней было всего дворовъ двадцать пять, да за послѣднее время прибавилось дворовъ пять-шесть отъ раздѣла семей. Ульево живописно

раскинулось по отлогому косогору, спускающемуся къ рѣчкѣ. Церковь находилась за деревней, но все духовенство наше обитало въ самомъ Ульевѣ. Саженяхъ въ десяти отъ церкви стояло старенькое зданіе, пріуроченное для школы. Далѣе, параллельно церковной оградѣ, тянулись два ряда крытыхъ лавокъ, гдѣ въ базарные дни шелъ торгъ; еще подалѣе, за базаромъ, обрѣтается питейное заведеніе, кабакъ съ неизмѣнной елкой на шестѣ, унаслѣдованной учрежденіемъ этимъ еще отъ добраго стараго времени, когда грамотность была рѣдкостью на Руси и когда краснорѣчивое изреченіе: „распивочно и на выносъ", замѣняющее нынѣ елку, прочесть могли бы немногіе. Елка сохранилась по традиціи, хотя, надо сознаться, она и понынѣ служитъ маякомъ утѣшенія для многихъ заблудшихся въ волнахъ житейскаго моря. Года два тому назадъ и въ самомъ Ульевѣ открылось еще заведеніе—ренсковый погребъ.

За десять лѣтъ моего отсутствія внѣшній видъ деревни въ общемъ измѣнился очень мало, только посрединѣ деревни выросъ великолѣпный домъ Петра Семенова, моего школьнаго товарища. Очевидно, мужикъ разбогатѣлъ. Кое-гдѣ примѣчалась новая постройка или старая, перестроенная заново. Старые дворы еще болѣе постарѣли, осѣли; только знакомыя березы подъ окнами замѣтно выросли, выпрямились, окрѣпли и даютъ отличную тѣнь и защиту на случай пожара. Разросся также и садъ у дома моего отца. Яблоки, посаженныя мною на память въ годъ отъѣзда, уже даютъ плоды, а молодая береза заглядывала своей гибкой вершиной черезъ высокій отцовскій домъ. Только уже не было здѣсь старой березы, высокой, вѣтвистой, съ могучимъ бѣлоснѣжнымъ стволомъ, съ которой были связаны многія изъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній. Старая береза, еще при мнѣ поврежденная пожаромъ, подгнила и упала во время бури; теперь только громадный пень торчалъ на ея мѣстѣ.

Перемѣна сильнѣе сказалась на людяхъ. Мои добрые сосѣди встрѣтили меня по-пріятельски: всѣ пришли поздороваться. Старые еще состарѣлись, молодежь замѣтно подросла; изъ подростковъ многіе уже меня не знали, да и самъ я признавалъ ихъ только по породѣ. Кой-кого уже не было на свѣтѣ. Не было Митрофана Краснобаева, типичнѣйшаго сутяги-мужичонка, который, бывало, заваливалъ меня работой по сочинительству разныхъ прошеній и жалобъ. Мужикъ просудилъ цѣлое состояніе, доставшееся ему по наслѣдству, и сына оставилъ въ старомъ, полуразвалившемся домѣ.

Умеръ и добрѣйшій Назарій Кирилычъ, нашъ „подомарь"

(пономарь), отчаянный политикъ, выписывавшій въ теченіе всей своей долгой жизни „Сынъ Отечества“ и только во время последней русско-турецкой войны промѣнявшій „Сына“ на „Свѣтъ“, какъ болѣе воинственную газету. Крупная, сутулая фигура Кирилыча встаетъ передо мной какъ живая. Саженнаго роста свѣтлый блондинъ съ громаднымъ носомъ, занимающимъ большую часть продолговатаго лица, заканчивающагося рѣдкой, бѣлесоватой бородкой. Волосы Кирилычъ носилъ по старинному, съ прямымъ проборомъ, заплетая въ двѣ косички. Обычный костюмъ его—длиннополый подрясникъ изъ „чортовой кожи“ и такіе же штаны „въ заборку“. Дома Кирилычъ оставался обыкновенно въ длинной бѣлой рубахѣ съ поясомъ, въ однихъ полотняныхъ порткахъ. Такъ онъ нерѣдко показывался и на деревнѣ; въ штаны Кирилычъ облекался только идя въ церковь, либо съ требой; курилъ махорку и умѣлъ мастерски сворачивать цигарки изъ газетной бумаги. Онъ былъ неутомимый работяга, самъ пахалъ землю наравнѣ съ мужиками, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами и пилъ запоемъ. Когда Кирилычъ напивался, объ этомъ тотчасъ же узнавала вся деревня. Нрава онъ былъ превеселаго и не прочь бы иногда задать трепака, еслибъ не положеніе „подомаря“, а главное длиннополый подрясникъ, связывавшій его по рукамъ, по ногамъ. Нарѣзавшись „подъ горушкой“ (упомянутое заведеніе за церковью), Кирилычъ только „ухалъ“, возвращаясь домой подъ вечеръ.

— Ухъ, ухъ!.. Да!..—выкрикивалъ онъ въ такихъ случаяхъ, идя прямикомъ домой. Иногда, идучи по околицѣ, Кирилычъ заносилъ на манеръ херувимской, но это у него совсѣмъ не выходило. На клиросѣ онъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ; наши мужики прозвали его „дымоволокомъ“ (такъ у насъ называется еще деревянная длинная труба въ курныхъ избахъ; во время вѣтра труба эта отчаянно завываетъ на всѣ лады: послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и подало поводъ нашимъ острякамъ уподобить Кирилыча дымоволоку). Напивался онъ обыкновенно послѣ какой-нибудь церковной оказіи: свадьбы, крестинъ, благодарственнаго молебствія, когда и на его долю выпадала малая толика деньжонокъ. Съ газеткой Кириллычъ былъ неразлученъ, но любилъ чтобы кто-нибудь слушалъ его чтеніе, особенно про войну. Читалъ Кирилычъ, вопреки установившемуся мнѣнію о пономаряхъ, „не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, смакуя каждое извѣстіе, каждое болѣе или менѣе удачное выраженіе. Помню, какъ онъ, будучи въ подпитіи, неистово выкрикивалъ:

— Да! Наши-то! Вѽ-какъ! Ай? Такъ-ли я говорю, Николаша?—обращался онъ ко мнѣ, десятилѣтнему мальчику.—Ай!.. По-русски! Люблю!..

Его героемъ и предметомъ поклоненія во время послѣдней войны былъ славный генералъ Скобелевъ на бѣломъ конѣ. Стѣны горницы Кирилыча сплошь были завѣшаны батальными картинами, гдѣ „бѣлый генералъ“, съ высоко поднятой саблей, напиралъ бѣгущихъ турокъ. Самъ малограмотный, Кирилычъ душевно любилъ науку. Его единственный сынъ былъ неудачникъ и не дошелъ до третьяго класса семинаріи, бросилъ ученье и пошелъ въ добровольство, но и здѣсь не повезло бѣднягѣ; впослѣдствіи онъ нанялся въ урядники, чѣмъ глубоко оскорбилъ отца, питавшаго честолюбивые замыслы видѣть сына по меньшей мѣрѣ въ санѣ священника, чего онъ самъ не могъ никакъ достигнуть. Кирилычъ жестоко бивалъ своего сына и плакалъ потомъ, видя, что и побои не идутъ его чаду въ прокъ. Въ слезахъ онъ часто приходилъ къ намъ (надо замѣтить, что я былъ его большимъ любимцемъ) и убѣждалъ моего отца отдать меня непремѣнно „въ ученье“.

— Я знаю, онъ пойдетъ; ему поможетъ Мать Пресвятая Богородица. Учись, Николаша. Человѣкомъ будешь. Ученье—свѣтъ, неученье—тьма. Да!.. Вотъ мой дуракъ... да!.. дуракъ!.. Ну, Господь съ нимъ!

Разговоры объ „ученьѣ“, впрочемъ, всегда имѣли одинъ исходъ. Кирилычъ обращался къ моему отцу:—Кумъ! пошли Николашу за сороковочкой (онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ).

Умеръ также Панфила, прозванный въ деревнѣ темногрудымъ разбойникомъ, побоями вогнавшій въ могилу жену свою Анну; умеръ Панфила какъ-то неожиданно, сразу и безболѣзненно, возвращаясь изъ кабака съ шестилѣтнимъ сыномъ на рукахъ. Упалъ въ полѣ—и паръ вонъ. Маленькій Петруха одинъ пришелъ домой, сѣлъ на крылечкѣ и долго поджидалъ своего родителя, въ надеждѣ, что тотъ пролежится и придетъ домой, чтὸ съ нимъ случалось нерѣдко. Умеръ и отецъ Веньяминъ Елеонскій, нашъ бывшій священникъ. Домъ его заколоченъ наглухо. Тяжелой грустью пахнуло на меня отъ этого опустѣвшаго дома. Еще недавно здѣсь кипѣла жизнь. Не находя удовлетворенія въ своей пастырской дѣятельности, отецъ Веніаминъ пилъ горькую и угасъ во цвѣтѣ лѣтъ отъ скоротечной чахотки, заразивъ губительнымъ недугомъ и свою молодую жену, красавицу Наталью Борисовну, которая только годомъ пережила своего несчастнаго мужа. Помню, какъ онъ иногда, придя въ себя, плакалъ громко, кляня свою

участь горькую. Поддавшись своей слабости, отецъ Веніаминъ катился по наклонной плоскости, точно повинуясь закону тяготѣнія, не сдѣлавъ ни одной твердой попытки къ обузданію страсти.

— Все равно, жить мнѣ немного остается, — говорилъ онъ, утирая слезы мимолетнаго раскаянія. — Чую, догораетъ душа моя... Суди, Господи Милосердый, меня, простите, люди-браты, — прибавлялъ онъ, наливая себѣ громадную рюмку губительной влаги.

Не засталъ въ живыхъ я еще двухъ любопытныхъ экземпляровъ, Сеню Ратника и Кузю Дегтя. Оба они были несчастными пасынками деревни. Ряды подобныхъ несчастливцевъ съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ. Это были послѣдніе изъ могиканъ, служаки николаевскихъ временъ, жертва тогдашняго тяжелаго режима солдатскаго. Семенъ Ратникъ и Кузьма Деготь за ихъ службу царскую, пожалуй, могли бы разсчитывать и на нѣкоторую признательность потомства, но этого не случилось; напротивъ, деревня усвоила за ними какое-то полушутовское траги-комическое положеніе. Стариковъ называли полуименемъ: Сеня и Кузя; эти ласкательныя клички даны старикамъ въ виду ихъ полной безпризорности и безотвѣтности въ деревнѣ, подобно дѣтямъ-сиротамъ. Прозвища: Ратникъ и Деготь также придуманы въ насмѣшку старикамъ, и нельзя ихъ было обидѣть больше, какъ назвавъ такъ. Слово „ратникъ“ у насъ почиталось за бранное (вѣроятно потому, что ратничество—призывъ ратниковъ въ Крымскую кампанію—сдѣлало жизнь Семена самою непригляднюю; отсюда и нелюбовь покойнаго къ своему прозвищу). Кузя Деготь получилъ „фамиль“ отъ сходства его лица съ голенищемъ, смазаннымъ худымъ дегтемъ —темнорыжаго цвѣта. По мнѣнію нашихъ остряковъ физіономія получила такую отдѣлку, благодаря его пристрастію къ трубкѣ. И дѣйствительно Деготь постоянно тянулъ трубку отчаяннаго тютюна, отчего будто бы и закоптѣлъ. Лишиться трубки для Дегтя было бы большимъ огорченіемъ. Какъ-то одинъ шутникъ похитилъ у него всю табачную „сбрую“, т.-е. кисетъ съ тютюномъ, огниво и трубку. Случилось это, когда Кузьма, утомившись на пашнѣ, заснулъ на межѣ послѣ завтрака. Старикъ повергся въ неописанное отчаяніе, бросилъ работу и со слезами на глазахъ умолялъ всѣхъ попримѣтить его табачный „струментъ“. Трубка съ кисетомъ было единственное благопріобрѣтенное достояніе старика. Вся жизнь этихъ несчастливцевъ сложилась самымъ прискорбнымъ образомъ. Лучшіе годы оба они были оторваны отъ деревни крымскою войною. Въ дѣлѣ наши ваяки, однако, не были, и потому служба имъ не была сокращена, какъ прочимъ. Когда они вернулись домой, то тамъ о нихъ и помнить пере-

стали: родители давно умерли, а другіе родственники устроились своими домами; вернувшіеся ратники, разбитые походами, никому не были нужны. Слово: солдатъ въ то время еще было страшилищемъ для всѣхъ, и за солдата не хотѣла выйти даже самая послѣдняя на деревнѣ бабенка. Да и отъ деревенской работы наши ратники отвыкли. Ихъ изломанныя на службѣ кости отказывались служить; оставалось одно: пойти въ батраки изъ-за хлѣба и угла. Сеня ратникъ нанялся въ работники къ попу, Кузя Деготь пристроился у своего племянника. Работали они изъ рукъ вонъ плохо и только смѣшили деревенскихъ ловкачей. Семенъ Ратникъ доходилъ до Севастополя и видѣлъ издали непріятеля, чѣмъ часто хвастался, вызывая однѣ шутки и насмѣшки.

— Куда тебѣ, дядя Сеня,—отвѣчали ему,—„изъ-подъ пушекъ гонялъ лягушекъ“.

Послѣдняя шутка особенно не нравилась старику, онъ закусывалъ бороду и бѣгалъ за ребятишками, любившими подразнить его.

— Хамъ, хамъ! — стращалъ храбрый ратникъ удирающихъ шалуновъ.

Мужики косились на ратниковъ и отчаянно вышучивали ихъ бабами. Надо замѣтить, что Сеня и Кузя, пока они были въ силахъ, были страшными бабниками, а какъ неженатые тихонько волочились за всякимъ сарафаномъ. Даже старухи не были застрахованы отъ ихъ ласкъ, а захожимъ нищенкамъ не было прохода. Особенно ловеласничалъ Кузя Деготь, побывавшій подъ Варшавой. Подъ хмѣлькомъ онъ куражился и напѣвалъ:

Какъ полячки дѣвки—добры;
Поцѣлуютъ, обоймутъ,
Поцѣлуютъ, обоймутъ,
Да намъ картофелю дадутъ!

Слабоватъ былъ и дядя Сеня, пока не занялъ вакансію у своей овдовѣвшей снохи. Понятно, старые ловеласы служили общимъ посмѣшищемъ на деревнѣ. Никто и не думалъ вникнуть въ ихъ безъисходное положеніе, заброшенныхъ, обездоленныхъ на всю жизнь бобылей. Послѣдніе дни свои старики доживали въ пастухахъ, питаясь поочередно у сосѣдей.

Умеръ и Евтихій Ипатычъ, причетникъ нашего прихода, типичный дьячокъ стараго времени, непримиримый супостатъ пономаря Кирилыча. Почтенные сослуживцы всю жизнь свою враждовали изъ-за доли дохода. Пономарь—совсѣмъ лишній чинъ въ церковномъ обиходѣ и держался при нашей церкви только по

традиціи. Вся его дѣятельность по клиру ограничивалась возжиганіемъ кадила, да присмотромъ за ризницей. Кирилычъ подпѣвалъ Ипатычу на клиросѣ не по обязанности, а просто такъ, изъ любви къ искусству и для спасенія души своей. Кирилычъ очень кичился высокой родней въ Москвѣ и въ усъ не дулъ на гнѣвъ Ипатыча. Отецъ Веніаминъ называлъ враждующихъ пріятелей пѣснопѣвцами и относился къ нимъ снисходительно, вполнѣ понимая неотвратимую причину ихъ вражды, и всегда самолично дѣлилъ между ними общій заработокъ. Наши мужики заглазно потѣшались надъ пѣснопѣвцами, называя ихъ „косоплетками" (оба были при косичкахъ, откуда и получили такое прозвище: косоплетками у насъ называютъ шерстяные плетежки, вплетаемые бабами въ свои косы). Въ клирномъ дѣлѣ пріятели, зачастую желая подвести другъ друга, доходили до мальчишества: то Кирилычъ собьетъ закладку въ часовникѣ, либо въ апостолѣ, когда Ипатычу читать надлежитъ; то Евтихій зальетъ угли передъ тѣмъ какъ Кирилычу кадило возжигать потребно, либо затянетъ Ипатычъ какую-нибудь стихиру на память, въ надеждѣ на закладку въ случаѣ, если собьется, анъ, глядь, подъ закладкой совсѣмъ другое, а Кирилычъ какъ разъ въ тотъ моментъ замолчитъ и злорадствуетъ, пока Ипатычъ разбирается въ стихирѣ. Пѣли пріятели изъ рукъ вонъ плохо: какъ затянутъ бывало херувимскую, такъ ужъ на что бабы чувствительный и богобоязненный народъ, а и тѣ иногда возропщутъ на косоплетокъ.

Будучи большимъ охотникомъ до деревенскихъ новостей, Ипатычъ, туша свѣчи или поправляя лампадки у образовъ, ухитрялся еще и за этимъ дѣломъ наводить разныя справки у молящихся. „Филька!—бывало спрашивалъ онъ молодого парня, щипнувъ того за руку: „на бесѣдѣ былъ?"... И такъ происходилъ цѣлый разговоръ Ипатыча съ Филькой, нисколько не нарушавшій ни хода службы, ни внѣшняго благочинія. Всѣ знали причуды Ипатыча и не взыскивали. Филька незамѣтно подмигивалъ Ипатычу въ знакъ согласія...

III.

Нѣкоторые изъ моихъ сосѣдей обращались ко мнѣ на „вы". Это было крупной новостью для Ульева. Наши мужики ранѣе обращались просто, даже съ такимъ начальствомъ, какъ исправникъ. Деликатное обращеніе усвоила себѣ молодежь обоего пола, побывавшая въ начальной школѣ, да бывшіе солдатики.

Отдохнувъ денька два съ дороги, я, наконецъ, собрался навѣстить моихъ старыхъ друзей и пріятелей, а также познакомиться съ новыми лицами. Деревня за время моего отсутствія обогатилась нѣсколькими новыми лицами, съ которыми ей приходится не только считаться, но и разсчитываться...

Меня особенно интересовалъ нашъ новый священникъ; о немъ мнѣ многіе уже успѣли поразсказать на деревнѣ. Всѣ какъ одинъ увѣряли, что новый батюшка совсѣмъ и непохожъ на попа, что онъ не поповскаго и рода, а изъ благородныхъ.

Отецъ Анатолій Морошкинъ, какъ звали нашего новаго священника, происходилъ дѣйствительно изъ дворянъ. Попъ изъ дворянъ—явленіе у насъ далеко не заурядное, хотя въ послѣднее время дворянскій элементъ среди духовенства замѣтно увеличился; причину этого указываютъ разно. На Волгѣ мнѣ представился случай и самому бесѣдовать на эту тему.

По дорогѣ къ отцу Морошкину я невольно вспомнилъ объ этой бесѣдѣ. На одномъ пароходѣ со мной ѣхала группа молодыхъ людей. Мы познакомились. Все это оказались студенты столичной духовной академіи, только-что окончившіе курсъ и по Волгѣ поѣхали прокатиться, чтобы поправить свои силы, надорванныя послѣдними экзаменами. Молодежь спѣшила насладиться свободой, надышаться чуднымъ волжскимъ воздухомъ, натѣшиться привольемъ рѣки, а въ длинные вечера не прочь была и поболтать сообща. Кстати сказать, на Волгѣ замѣчательно охотно и легко люди знакомятся. Едва успѣютъ осмотрѣться, какъ всѣ уже знакомы и точно вѣкъ жили вмѣстѣ. Кромѣ прекраснаго насроенія, навѣваемаго раздольемъ царицы родныхъ рѣкъ, къ общительности, къ разговору, располагаетъ здѣсь и то, что нѣтъ причины опасаться какихъ-нибудь послѣдствій: сегодня человѣкъ съ вами, а завтра—прощай! Городской человѣкъ, привыкшій почитать каждое новое лицо чуть ли не за врага или по меньшей мѣрѣ мастера сыскныхъ дѣлъ, здѣсь свободенъ отъ всякихъ подозрѣній. Онъ туристъ и больше ничего. Да и разное начальство, котораго въ другомъ мѣстѣ остерегся бы, на Волгѣ бываетъ проще и показываетъ душу изъ-подъ разстегнутыхъ пуговицъ. Здѣсь всякій чувствуетъ себя просто человѣкомъ безъ всякихъ обязанностей, налагаемыхъ его положеніемъ или формой. Кто ѣдетъ „по своимъ дѣламъ“, кто пользуется „отпускомъ“, отдыхаетъ душой и тѣломъ. На Волгѣ, этой прославленной покровительницѣ разной „вольницы“, вообще какъ-то языкъ развязывается, чувствуешь себя проще, смѣлѣе. Помню, между пассажирами произошелъ жестокій споръ по поводу религіозныхъ воззрѣній графа Л. Н.

Толстого. Юные академики обнаружили крайне враждебное настроеніе къ ученію графа и рѣзкую нетерпимость вообще противъ чужого мнѣнія. Каждый изъ нихъ точно былъ заряженъ противъ Толстого и палилъ изъ всѣхъ родовъ орудій: богословіе, схоластика среднихъ вѣковъ, философія, естественныя науки — все было пущено въ ходъ, чтобы доказать, какъ дважды два четыре, что графъ Толстой — суесловъ и еретикъ, а какъ ученый и философъ—невѣжда. Азартъ молодежи въ отношеніи Льва Николаевича весьма понятенъ. Начиная съ богословскихъ классовъ семинаріи, она усиленно подготовляется къ борьбѣ съ лжеучителями, и въ академіи кладется только послѣдній лоскъ: устраиваются состязанія на краснорѣчіе, на ловкость парировать противника. Опровергнуть Огюста Конта, Ренана, а въ послѣднее время графа Л. Н. Толстого и др. религіозныхъ новаторовъ почитается для каждаго молодого ученаго богослова первѣйшей обязанностью, что̀ и понятно. Молодежь, почуявъ „чужихъ" по убѣжденіямъ, кипятилась и, какъ новобранцы, ежеминутно готова была „разбивать" кого угодно. Видимо, каждый изъ нихъ былъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ и непогрѣшимости своихъ воззрѣній. Рѣчь, между прочимъ, зашла и о составѣ учащихся въ нынѣшнихъ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ. Молодые академики подтвердили фактъ усиленія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ элемента не духовнаго званія и какъ на доказательство указали, что и между ними есть одинъ бывшій крестьянинъ, а другой—дворянинъ. Одинъ изъ пассажировъ поставилъ вопросъ: почему нынѣшніе дворяне и крестьяне идутъ въ духовные? Бывшій крестьянинъ говорилъ:

— Я былъ круглымъ сиротой съ дѣтства. Ни кола, ни двора, ни милаго живота, какъ говорится, не осталось мнѣ послѣ родителей. Никому я былъ ненуженъ. Меня пятилѣтнимъ мальчикомъ пріютилъ у себя священникъ нашего села, человѣкъ бездѣтный и добродѣтельный. Въ сельской школѣ я учился первымъ, читалъ и пѣлъ на клиросѣ, носилъ стихарикъ, подавалъ кадило и вообще прислуживалъ батюшкѣ во время совершенія службы. Ѣздилъ съ нимъ за кучера по требамъ, а когда подросъ, то и помогалъ по дѣлу. Батюшка подумалъ, что изъ меня толкъ выйдетъ, да и отдалъ въ духовное училище... А оттуда я поступилъ въ семинарію, потомъ въ академію, уже по совѣту семинарскаго начальства и съ благословенія преосвященнаго. Вотъ и вся исторія. И, конечно, мой благодѣтель сдѣлалъ самое лучшее, что̀ могъ. Куда жъ я могъ пойти, сирота?

Окончивъ свой разсказъ, молодой академикъ задумчиво устре-

милъ свои взоры вдаль на берегъ Волги, откуда чуть слышно доносилась чья-то заунывная пѣсня, вдали вырисовывалось какое-то селенье съ бѣлѣющей церковью. Заходящее солнце скользнуло въ послѣдній разъ, сверкнувъ яркой звѣздой на высокомъ крестѣ колокольни. Что думалъ въ этотъ моментъ юный академикъ-крестьянинъ? Можетъ быть, въ эту минуту чудилось ему его родное село съ добрымъ отцомъ Николаемъ, воспитавшимъ его. Старикъ ждетъ не дождется своего славнаго питомца.

— Что вы намѣрены теперь дѣлать?

— Пойду въ сельскіе священники, открою школу... Работы много. „Знай работай, да не трусь", помните?—напомнилъ мнѣ собесѣдникъ некрасовскаго школьника.

— А не страшитъ васъ перспектива собиранія съ прихожанъ и пр.?

— Знаете что: кто знаетъ нашъ народъ, тотъ не будетъ задаваться такими вопросами. Нашъ мужикъ не скупъ и признателенъ; кромѣ того, ему свойственно еще одно прекрасное качество: сознаніе, что всякій трудъ долженъ быть оплачиваемъ. Не торопись получать съ него, не требуй и получишь больше; самъ принесетъ съ благодарностью, еще въ ноги повалится... Вѣдь я самъ бывшій мужикъ и, думаю, знаю нѣсколько натуру мужицкую и потому смѣло иду въ деревню. За мной уже и мѣсто обезпечено. Преосвященный обѣщалъ мнѣ мѣсто моего благодѣтеля, отца Николая, по болѣзни подавшаго въ отставку.

Дворянинъ пошелъ въ духовные совсѣмъ по другимъ причинамъ. Сынъ бывшаго крѣпостника усвоилъ на народъ особый взглядъ. По его убѣжденію, мужикъ нашъ—разнузданный звѣрь, грубъ и невѣжественъ, мало того—золъ и мстителенъ, травитъ чужія поля, дѣлаетъ порубки въ чужихъ лѣсахъ, пьянствуетъ, воруетъ, обманываетъ. Безъ энергическихъ мѣръ съ нимъ не обойдешься. Въ духовные этотъ юноша пошелъ по настоянію своего отца, полагавшаго, что въ наше время только съ церковной каѳедры и возможно вліять на отбившагося отъ рукъ мужика, что только отсюда еще есть возможность руководить толпой и вести ее куда слѣдуетъ. Юноша нападалъ на мужика съ такою же увѣренностью и азартомъ, какъ на графа Толстого. Но тутъ мой ораторъ встрѣтилъ довольно коварнаго оппонента.

— Знаете что, молодой человѣкъ,—вмѣшалось въ разговоръ новое лицо:—мнѣ кажется, что вашъ почтенный папенька не безъ хитрости повелъ такую линію. Вы понимаете, куда онъ гнетъ? Вашъ папенька хочетъ ни больше, ни меньше, какъ вернуть на-

задъ доброе старое время, стать снова крѣпостникомъ. Вотъ это что̀, мой милый юноша!

Новый собесѣдникъ замолкъ и отошелъ въ сторону. Воцарилось неловкое молчаніе. Къ общему удивленію задѣтый юноша не возражалъ; точно онъ не понялъ своего оппонента или соглашался съ его ходомъ мыслей о крѣпостническихъ вожделѣніяхъ своего папаши. Чтобы прервать неловкую паузу, я обратился къ нему.

— Что же, вы также пойдете въ деревню?

— Нѣтъ, едва-ли. Я еще не рѣшилъ, что̀ дѣлать. Эта перспектива меня нисколько не прельщаетъ. Не стоило для того корпѣть въ академіи.

— Куда-же вы думаете?

— Въ городъ. Наши, т.-е. дворяне, больше идутъ въ черные. Тамъ дорога шире. Нашъ преосвященный изъ дворянъ. У меня въ Петербургѣ есть протекція. Что̀ я буду дѣлать въ деревнѣ? Ссориться съ мужиками? Вотъ мой пріятель восторгается лаптемъ народнымъ, а для меня этотъ лапоть не представляетъ ничего привлекательнаго.

— Другъ мой,—замѣтилъ на эти слова академикъ-крестьянинъ,—мы на этотъ счетъ съ тобой никогда не сойдемся.

Молодые люди замолчали.

Все это вспомнилось мнѣ теперь. Я думалъ, что̀ за человѣкъ Анатолій Морошкинъ, что̀ его заставило облачиться въ рясу? не преслѣдуетъ ли и онъ какой-либо цѣли сокрытой? А можетъ быть онъ убѣжденный подвижникъ? Вѣдь, бываютъ и такіе. Я самъ зналъ такого священника изъ военныхъ. Тотъ сначала все возмущался образомъ жизни нашего духовенства и кончилъ тѣмъ, что самъ пошелъ въ попы, желая явить образецъ пастыря. И онъ, дѣйствительно, сталъ имъ, но онъ и безъ того былъ человѣкъ замѣчательный, рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Однако онъ кончилъ печально,—заподозрѣнный въ распространеніи или попустительствѣ среди своихъ прихожанъ какой-то раціоналистической ереси.

При входѣ къ отцу Анатолію меня встрѣтила молодая дѣвушка Лиза, дочь Ѳедора Карпова изъ нашей деревни. Я зналъ ее еще почти ребенкомъ. Дѣвка маковъ цвѣтъ, кровь съ молокомъ, слѣды оспы совсѣмъ затушевались на ея полномъ лицѣ. Лиза жила у попа въ работницахъ и прислуживала за столомъ. Работой дѣвка, повидимому, не была занужена. Несмотря на будній

день, Лизавета была одѣта по праздничному. На ней былъ ситцевый сарафанъ; красная кумачевая рубашка широко обнажала ея загорѣлыя грудь и шею. Волосы ея были заплетены въ косу съ хорошенькой ленточкой. Лиза держала себя совсѣмъ, какъ дома.

— Дома батюшка?—спросилъ я.

— Дома, пожалуйте въ залу. Они сейчасъ взойдутъ.

Но пока батюшка не „взошелъ", я поспѣшилъ осмотрѣться кругомъ. Всѣ окна и двери были открыты настежь. Залъ, куда я вошелъ, служилъ столовой и пріемной батюшки. Залъ былъ уставленъ тяжелой, старинной мебелью. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами. На столѣ, покрытомъ клеенкой, красовалась тарелка съ какой-то мутной жидкостью, очевидно смертельной микстурой для мухъ. Въ одномъ простѣнкѣ стояло, нѣсколько покосившись, старинное трюмо съ потускнѣвшимъ отъ времени стекломъ, обдѣланнымъ краснымъ деревомъ съ рѣзьбой. Стѣны были увѣшаны портретами предковъ хозяина, надо полагать, такъ какъ это все были лица статскія или военныя; только въ углу въ самомъ укромномъ мѣстѣ висѣла скромная фотографія сѣденькаго старичка въ камилавкѣ, сидящаго рядомъ съ почтенною дамой въ широкомъ кринолинѣ. „Это вѣроятно родные отца Анатолія съ жениной стороны", подумалось мнѣ. Я зналъ, что отецъ Морошкинъ былъ женатъ на священнической дочери.

Батюшка вышелъ ко мнѣ въ элегантной рясѣ, цвѣта бордо, очень къ нему идущей. Это былъ средняго роста субтильный брюнетъ. Длинные черные волосы, красиво закинутые назадъ, ниспадали по плечамъ; тонкій профиль лица, живые, темнокаріе глаза, небольшая бородка, маленькія красивыя руки, — все это говорило о привилегированномъ происхожденіи хозяина.

— Очень пріятно познакомиться съ вами,—встрѣтилъ меня отецъ Анатолій.—Признаться, я ужъ поджидалъ васъ,—продолжалъ онъ тоненькимъ теноромъ:—садитесь, пожалуйста! Я много о васъ наслышанъ. Надолго прибыть изволили въ наши палестины?

— Думаю погостить.

— Такъ, такъ. Едва ли долго загоститесь. Скучно будетъ послѣ столицы.

Въ комнату вошла матушка Анна Кирилловна, высокая, сухая блондинка. Судя по убору попадьи, она только-что вернулась съ работы и не подозрѣвала встрѣтить незнакомое лицо. Костюмъ ея былъ въ полномъ безпорядкѣ и не гармонировалъ съ шелковой рясой отца Морошкина. Большія красныя руки конфузливо прятались подъ фартукъ матушки. Блѣдное, болѣзненное лицо

попадьи, попорченное мѣстами оспой, было совсѣмъ некрасиво, но большіе сѣрые глаза свѣтились умомъ и энергіею.

Анна Кирилловна конфузливо остановилась посреди комнаты.

— Мать, ты хоть бы немножко того,—обратился къ ней отецъ Анатолій.

Я поздоровался съ матушкой.

— Ужъ не взыщите, у насъ такой безпорядокъ,—начала попадья:—все съ работой возимся. Совсѣмъ измаялась. Просто съ ногъ сбилась съ чужими людьми: то догляди, туда наряди; всякій ладитъ проваландаться безъ дѣла, лишь бы день скоротать. Вздохнуть некогда. Не до нарядовъ. Ужъ извините попадью.

— Ну, что съ тобой дѣлать,—шутливо замѣтилъ батюшка.

— Вы батюшку посылали бы, Анна Кирилловна,—пошутилъ я.

— Батюшка у насъ бѣлоручка. Ничего не знаетъ, какъ дитя несмышленое.

— Ну, ну, мать, не ворчи, пожалуйста! Лучше распорядись насчетъ чайку.

Анна Кирилловна вышла и вскорѣ вернулась въ нѣсколько прибранномъ видѣ.

— Чайку-то и самой смерть какъ охота, въ горлѣ пересохло, да опнуться некогда,—заговорила снова попадья, присѣвъ на стулъ около стола.—Такой грѣхъ съ безтолковымъ народомъ! Казакъ запахалъ сегодня дьяконову полосу. Хорошо, что сама во-время доглядѣла, а то весь уповодъ пахалъ бы на людей.

— Вотъ, поди ты съ ними! Такіе ослы, я вамъ скажу,—вмѣшался батюшка.—Запахалъ чужую полосу!

Лизавета внесла самоваръ. Попадья отыскала брусничнаго варенья. Батюшка потребовалъ „кувшинчикъ".

— Своего производства,—похвасталъ онъ, когда кувшинчикъ, по-просту графинъ съ водкой, появился на столѣ.—По маленькой, для перваго знакомства. Мать, можетъ, и ты того?..

— Ой, ну тебя! И безъ того шатаешься, какъ пьяная, насилу ноги таскаешь. Еще въ полѣ повалишься, людямъ на смѣхъ.

Попадья принялась за чай. Разговоръ не особенно клеился. Отыскать общую почву было довольно затруднительно. Съ Петербургомъ отецъ Морошкинъ былъ хорошо знакомъ, такъ какъ не разъ бывалъ въ немъ. Какъ бывшій свѣтскій, онъ справился о нѣкоторыхъ театральныхъ звѣздочкахъ, уже давно закатившихся для Петербурга, а какъ духовный—освѣдомился о нѣкоторыхъ лицахъ духовнаго вѣдомства, интересовавшихъ его и потому, что недавно имѣлъ съ ними переписку. Церковная жизнь, кажется,

его не особенно интересовала. Для отца Морошкина большой новостью было узнать, что той весной въ одномъ губернскомъ городѣ собирался большой областной съѣздъ церковниковъ, о чемъ въ свое время было подробно напечатано во всѣхъ духовныхъ органахъ.

Попадья оказалась гораздо содержательнѣе, по крайней мѣрѣ въ области своего хозяйства. Она отлично знала, что нынче у всѣхъ мужиковъ ихъ прихода недостача въ хлѣбѣ, что многіе не заплатили весеннихъ взносовъ въ подать, что рабочія руки тѣмъ не менѣе страшно дороги; послѣднее отецъ Морошкинъ объяснялъ исключительно непроходимой лѣнью и невѣжествомъ мужиковъ.

— Представьте,—жаловался онъ,—мой работникъ, можетъ помните, Петра Дробинина, съ Печищъ, тотъ, что дьяконову полосу запахалъ,—самый пустой мужиченка, а двадцать пять рублей въ лѣто, на всемъ при томъ готовомъ, да еще куражится, спитъ до полденъ, пьянствуетъ, а другіе мужики... тѣ ни за что не идутъ.

Анна Кирилловна мужицкое нерадѣнье объяснила совсѣмъ иначе: по ея мнѣнію мужики не идутъ къ попу не потому, чтобы лѣнились или не понимали своихъ интересовъ, а что они „ужъ больно отощали за зиму; вѣтромъ шатаетъ иного. Съ грѣхомъ пополамъ свою работишку справили, да и хлѣбъ берегутъ: за работой много ѣстся, а до новаго еще далеко, и лошаденки ногъ не волочатъ, кормить тоже нечѣмъ. Скотинку выгнали въ поле чуть снѣгъ сошелъ“.

Я невольно удивился мудрости попадьи. Не часто приходится слышать такое безпристрастное сужденіе о мужикѣ.

— А вы не пробовали нанимать на вашемъ хлѣбѣ?—спросилъ я Анну Кирилловну.

— Не напасешься; вѣдь каждому за троихъ надо, а наѣстся, насилу ворочается, чтò корова стельная. Пробовали всяко... Да и то правда, самъ попъ въ поле не ходитъ, а выйдетъ—еще того хуже, только отъ дѣла мужиковъ отнимаетъ своими лясами да балясами, а тѣ и рады. Казакъ—тоже лодырь не маленькій. Чего ужъ захотѣли отъ Петра Дробинина! Не даромъ парня Дробиной дразнятъ, Дробина и есть! Чуть не доглядишь, ужъ и дрыхнетъ на межѣ. Вонъ дьяконъ работаетъ самъ, такъ и въ полѣ спорится, все дѣлается во-время. На зарѣ еще выйдетъ. Любо.

— Ну, ты, мать, разболталась безъ толку,—вмѣшался задѣтый супругъ,—ну какой я работникъ! Съ дѣтства не тѣмъ былъ занятъ, такъ теперь ужъ не передѣлаешься. Твое счастье, что

вы съ дьякономъ выросли среди мужиковъ. Всякому свое,—закончилъ батюшка свою отповѣдь.

— Ужъ вы извините меня, — обратилась ко мнѣ Анна Кирилловна,—оставайтесь съ попомъ, а мнѣ пора бѣжать, какъ бы Дробина опять не заѣхалъ на чужую полосу.

Выбѣжавъ въ сѣни, Анна Кирилловна набросилась на Лизу.

— Полно прохлажаться-то, поглядѣла бы овецъ, вонъ, что-то бѣгутъ, какъ шальныя. Всѣ ли ягнята-то?.. Говорятъ, волкъ подъ скотину забѣжалъ... Храни Богъ! Ой, все сама доглядишь, такъ и ладно.

Послѣднія слова попадья выговорила уже на улицѣ.

На другой день отецъ Анатолій по всѣмъ правиламъ вѣжливости отдалъ мнѣ визитъ. Съ этого времени мы, какъ оба праздные люди, стали частенько навѣдываться другъ къ другу.

На первыхъ же порахъ мнѣ привелось услышать довольно не лестные эпитеты по адресу молодого батюшки. Старики, тѣ и совсѣмъ нехорошо отзывались о немъ. Въ чемъ заключалась причина такой непріязни прихожанъ къ отцу Морошкину, человѣку, какъ мнѣ казалось, весьма смирному и незлобивому? Служилъ онъ очень благолѣпно и умѣло. Надо полагать, старики не мирились съ „мірскимъ" образомъ жизни отца Анатолія. Каждый шагъ, каждое движеніе отца Морошкина, его вспышки, веселость, рѣзкій гнѣвъ, частыя шутки, обличали въ немъ свѣтскаго человѣка. Наши мужики хотя и говорятъ, что кто попъ, тотъ и батька, но они только говорятъ это, въ дѣйствительности же они страшно требовательны къ своему пастырю. Солидность и степенство первое качество для попа.

— Это не настоящій попъ, видно по всему, — разсуждали старики.

Въ деревнѣ сочинили цѣлую исторію о томъ, какъ и почему отецъ Морошкинъ сталъ попомъ. Разсказывали, что священническимъ мѣстомъ онъ обязанъ своему тестю, весьма почтенному и заслуженному іерею, что отецъ Анатолій — сынъ прогорѣвшаго въ прахъ помѣщика. Молодому Морошкину, какъ получившему весьма малое образованіе, грозила если не сума, то очень бѣдственное положеніе. Въ то время онъ близко сошелся съ богатой невѣстой, Анной Кирилловной. Старикъ далъ дочери слово, что онъ выдастъ ее за Морошкина только въ томъ случаѣ, если тотъ приметъ духовный санъ. Благодаря солидной протекціи, Анатолій Морошкинъ, исключенный за что-то изъ третьяго класса гимназіи, поступилъ въ духовную семинарію въ предпослѣдній классъ, проучился два года и былъ рукоположенъ во

дьяконы, а черезъ годъ получилъ мѣсто священника въ Ульевскомъ приходѣ. Женившись на Аннѣ Кирилловнѣ, Морошкинъ получилъ за ней нѣсколько тысячъ приданаго. Денежки эти, однако, были прожиты съ рѣдкой поспѣшностью, и когда отецъ Морошкинъ былъ назначенъ къ намъ, то отъ приданаго оставалось только одно воспоминаніе. Тесть, умирая, не пожелалъ оставить зятю больше ни гроша, и отцу Морошкину пришлось познакомиться съ порядочной нуждой. Домъ только и держался попадьей. Самъ отецъ Анатолій исторію своего священства передавалъ мнѣ совсѣмъ иначе, именно, что онъ съ дѣтства былъ склоненъ къ подвижнической жизни. Роль пастыря казалась ему наиболѣе подходящей къ его стремленіямъ, и самъ Богъ содѣйствовалъ его поступленію въ семинарію.

Въ герои отецъ Морошкинъ во всякомъ случаѣ не годился, скорѣе всего это былъ просто дворянскій недоросль, неудачникъ, которому некуда было дѣваться, а можетъ, и средства родительскія не позволяли. Знаменіе времени.

„Некуда идти" — вопросъ въ наши дни и для деревни не праздный. И тамъ народился человѣкъ, которому уже давненько стало некуда дѣваться. И народный учитель — первый человѣкъ, которому чаще другихъ приходится задаваться этимъ страшнымъ вопросомъ: куда идти?

IV.

Милостивый государь, понимаете ли вы, что значитъ, когда человѣку идти некуда?

Достоевскій.

Этотъ страшный вопросъ Мармеладова становится еще страшнѣе, когда онъ встаетъ передъ человѣкомъ деревни. Когда горожанину идти некуда, ему еще грезится въ болѣзненныхъ мечтахъ деревня съ ея пресловутымъ лономъ природы, тишиной, воздухомъ полей и лѣсовъ, съ ея спасительнымъ невѣденіемъ. Но куда же идти человѣку деревни? Въ городъ, откуда бѣжитъ безъ оглядки все живое, отзывчивое на чужое горе. Передъ такой стѣной или, вѣрнѣе, пропастью первый стоитъ въ деревнѣ народный учитель пожилыхъ лѣтъ, учительница тоже. Стоятъ эти злополучные педагоги на краю пропасти и думаютъ свою тяжкую думу. Куда идти?!.. Оба они по слабости здоровья удалены отъ дѣлъ и оба остались безъ средствъ къ жизни; у учителя кромѣ того семья на шеѣ... Заштатные педагоги, число которыхъ съ

каждымъ днемъ все возрастаетъ, стучатся во всѣ двери, гдѣ только послѣднія предполагаются, стучатся всюду: въ духовные, въ цѣловальники... Но, увы!.. Правда, жизнь все такъ-то устраиваетъ, примиряетъ непримиримое, изыскиваетъ средства. Всѣ въ концѣ концовъ находятъ свое.

Въ слѣдующее воскресенье я отправился въ церковь, въ ту самую церковь, гдѣ я мальчикомъ читалъ „часы" и пѣлъ на клиросѣ въ компаніи знакомыхъ читателю Назарія Кирилыча и Евтихія Иваныча. Чарующее впечатлѣніе произвела на меня и нынѣ наша старенькая церковь, святой Микола, какъ ее у насъ называютъ. Все вокругъ болѣе или менѣе измѣнилось, только Микола по прежнему стоитъ неизмѣнный, величавый, нелицепріятный. Первый ударъ колокола пробудилъ во мнѣ цѣлый рой воспоминаній. Вотъ я, десятилѣтній мальчикъ, поспѣшно одѣваюсь въ ситцевую рубашку, облекаюсь въ лучшее платье, старательно причесываю свои темнорусые кудри съ проборомъ; отецъ даетъ мнѣ три копѣйки на свѣчку, и я благоговѣйно спѣшу въ храмъ Божій. Мѣрные удары колокола, становящіеся все чаще и гуще укрѣпляютъ во мнѣ силу, бодрятъ шагъ. По праву грамотнаго человѣка я становлюсь на клиросъ. Мои сверстники завистливо поглядываютъ въ мою сторону. Вотъ батюшка даетъ возгласъ, я отвѣчаю: „аминь" и начинаю часы. Дѣтскій тенорокъ звучно раздается подъ сводами храма, я самъ невольно заслушиваюсь своего голоса, наддаю въ извѣстныхъ мѣстахъ для большаго эффекта; благочестивые христіане внимательно слушаютъ святое чтеніе. Если какая древняя старушка и заснетъ нечаянно, то тотчасъ же какая-нибудь высокая нота вдохновеннаго чтеца разбудитъ сонливую бабу, и она набожно начинаетъ крестить свои зѣвающія уста и твердить молитву. По окончаніи службы Кирилычъ обыкновенно выносилъ мнѣ вынутую просфору. Какою гордостью, неземнымъ восторгомъ наполнялось мое дѣтское сердце отъ этого отличія! Утренній благовѣстъ и нынѣ поселилъ во мнѣ радостное, благодатное чувство.

Мое появленіе въ церкви послѣ десятилѣтняго промежутка было въ своемъ родѣ первымъ выходомъ въ свѣтъ. Не безъ волненія вошелъ я въ святой храмъ и по старой привычкѣ прошелъ къ клиросу. Здѣсь уже почти никого не встрѣтилъ я изъ прежнихъ пѣвцовъ, только мой бывшій учитель, Θедоръ Петровичъ Лобовъ, по прежнему пускалъ баса и покрикивалъ въ высокихъ нотахъ. На клиросѣ пѣлъ дѣтскій хоръ подъ управленіемъ

молодого псаломщика, учителя церковно-приходской школы. Во время паузы мы сердечно поздоровались съ Θедоромъ Петровичемъ. Мое появленіе было замѣчено многими. Батюшка при кажденіи отвѣсилъ мнѣ особо поклонъ, а когда послѣ молебствія я подошелъ ко кресту онъ особливо обильно покропилъ меня и произнесъ въ полголоса: съ праздникомъ!

По прежнему мнѣ вынесли благословенную просфору, но уже, конечно, на этотъ разъ не за мое участіе въ клирномъ пѣніи, а, вѣроятно, какъ рѣдкому гостю, въ видѣ особой чести.

Обѣдня пролетѣла какъ-то незамѣтно. Вмѣстѣ со мной отъ обѣдни зашелъ къ намъ Θедоръ Петровичъ Лобовъ, который года два тому назадъ былъ переведенъ учителемъ въ сосѣднюю волость, такъ какъ наша Ульевская школа къ тому времени была преобразована въ церковно-приходскую. Лобовъ за эти десять лѣтъ страшно измѣнился: постарѣлъ, осунулся и какъ-то весь осѣлъ, точно старый полусгнившій домишко, въ которомъ окна всѣ до единаго выколочены, рамы перекосились, крылечко рухнуло, труба обвалилась. Грустное впечатлѣніе производитъ подобный домъ-развалина, особенно на того, кто видѣлъ его во всей его красѣ, твердо стоящимъ и не на курьихъ ножкахъ, а на прочномъ фундаментѣ. Также грустно мнѣ было смотрѣть теперь на Лобова. Раньше это былъ неутомимый говорунъ, смѣлый, задорный, готовый схватиться съ кѣмъ угодно. Помню, онъ какъ-то самого исправника такъ отбрилъ, что тотъ только поморщился да поправилъ свою аммуницію. Ныньче онъ казался, какъ говорится, ниже травы, тише воды, совсѣмъ затихъ, смягчился, съежился, какъ высохшій сморчокъ. Стоявшіе когда-то чубомъ волосы вдругъ отчего-то поприлегли, пригладились, точно никогда и не торчали вверхъ. Видимо сильно пошатнулось и его былое желѣзное здоровье. Какое-то уныніе, граничащее съ забитостью, сказывалось въ лицѣ Θедора Петровича. На немъ былъ старый, очень потертый пиджакъ и такіе же брюки въ заборку. Такая метаморфоза крайне огорчила меня. Послали за водочкой „для первой встрѣчи“. Мы разговорились.

— Что съ тобой, Θедоръ-Петровичъ?—началъ я:—я не узнаю тебя: гдѣ твой задоръ! Ты походишь на мокрую курицу. Неужели и тебя среда заѣла? Али умыкали бурку крутыя горки?

— Эхъ, братъ, Николаша (онъ сохранилъ ко мнѣ прежнее отношеніе)! Пожилъ бы ты въ моей шкурѣ!..

— Да что̀ такое случилось?

— А вотъ поприглядись поближе, познакомься съ новыми порядками въ деревнѣ, такъ не станешь спрашивать. Съ тѣхъ

поръ, какъ ты уѣхалъ, много воды утекло. Только, братъ, нынче и выходу нашему брату, что въ церковь, но это уже обязательно, по распоряженію начальства. Нашему брату пришелъ капутъ. Только-было выбрались на широкую дорогу, школу полюбилъ народъ, какъ стопъ машина, „вороти назадъ, держи около" и нашего брата подъ ноготь.

— Можетъ быть, это говоритъ въ тебѣ оскорбленное самолюбіе, что тебя удалили отсюда. Что жъ дурного въ томъ, что у насъ открыли церковно-приходскую школу? Не все ли равно?

— Все, да не все и даже совсѣмъ не все равно, а большая разница. Познакомишься ближе, самъ увидишь. Ты знаешь, я не люблю навязывать своего мнѣнія. Только, вотъ, я вижу, что въ Питерѣ-то у васъ ничего не видятъ, ежели ты задаешь мнѣ такіе глупые вопросы. Извини, братъ, люблю говорить прямо... съ людьми, которыхъ не боюсь,—прибавилъ Лобовъ.—Налѐй-ка еще по рюмочкѣ, да къ домамъ пора.

Ѳедоръ Петровичъ допилъ водку и рѣшительно заявилъ, что онъ идетъ домой, что, вѣроятно, уже безпокоятся жена и дѣти.

— Да вотъ чтò, другъ ты мой любезный,—закончилъ Лобовъ свои доводы,—пойдемъ ко мнѣ, „посѣти домишко мой". Рому и арака не будетъ, но семья рада будетъ тебѣ, это ты и самъ знаешь. У меня, братъ, дочь невѣста. Помнишь Настю? Славная, братъ, дѣвка. Вотъ увидишь.

Только въ половинѣ недѣли мнѣ удалось побывать у него. Лобова перевели въ деревню Ольхово, гдѣ только что была открыта новая земская школа. Ольхово находится въ семи верстахъ отъ Ульева. Дорога идетъ все полями, да перелѣсками и частью берегомъ той же рѣки, по которой я ѣхалъ изъ города Р. Деревня—дворовъ 200—расположена на рѣкѣ, но не по берегу, какъ обыкновенно строится прирѣчное село и деревня, а тычкомъ къ рѣкѣ. На то была особая причина, о чемъ рѣчь ниже. Два ряда высокихъ бревенчатыхъ домовъ, покрытыхъ частью тесовыми крышами, частью соломой, тянулись почти на версту. Посреди деревни красовалась хорошенькая часовенка, сооруженная въ память 19-го февраля. Каждый годъ въ этотъ день ольховскіе крестьяне служатъ въ часовнѣ—раньше молебствіе, а послѣ 1-го марта панихиду по своемъ незабвенномъ освободителѣ. Школьное зданіе, вновь выстроенное по общественному приговору, находится въ концѣ деревни, къ рѣкѣ, откуда открывается великолѣпный видъ. По рѣкѣ то-и-дѣло тянулись связки судовъ, букси-

руемыхъ пароходами, отдѣльныя барки и косяки лѣса, сплавляемаго сверху на Волгу, а частью и вверхъ по рѣкѣ въ Петербургъ. Еще у всѣхъ на памяти то время, когда по этой рѣкѣ не ходили пароходы и всѣ работы по передвиженію грузовъ совершались конной тягой, либо бурлачествомъ. Здѣсь кормилось не мало народа. Унылую бурлацкую пѣсню и я слыхалъ въ дѣтствѣ. Ходовой берегъ рѣки, „бичевной",—по которому ходили бичевой бурлаки и конногоны, таща за собой громадныя баржи и другія суда съ хлѣбомъ и прочими товарами,—и теперь еще напоминаетъ о быломъ времени. Идя по берегу, чуть не на каждой верстѣ натыкаешься на пустынные холмики: на однихъ торчатъ еще остатки крестовъ, на другихъ—камни, сложенные крестообразно, или просто грудой. Холмики эти—остатки могилъ. Здѣсь сложили кости многіе православные мужички, ходившіе бичевой когда-то. Лѣтъ двадцать, а можетъ и больше тому назадъ, какъ разсказываютъ, по всему пути на судовыхъ караванахъ свирѣпствовала какая-то моровая язва, унесшая не мало бурлацкихъ жизней. Православный народъ на ходу меръ, какъ мухи, скоропостижно, безъ напутствія и покаянія. Покойниковъ такъ тутъ и хоронили, завернувъ въ рогожку. Гдѣ человѣкъ умиралъ, тутъ его и зарывали въ яму, отступивъ немного отъ бичевнаго хода. Замѣчательно, что наши мужики очень почтительно относятся къ этимъ одинокимъ безвѣстнымъ могиламъ. Не мало зарыто здѣсь и павшихъ лошадокъ во время послѣдней сибирской язвы, свирѣпствовавшей на всемъ пути. Надъ трупами павшихъ лошадокъ также возвышаются земляныя насыпи. Надъ иной такой могилой пролито не меньше самыхъ горькихъ слезъ, чѣмъ надъ инымъ, погибшимъ въ пути злополучнымъ бурлакомъ, смерть котораго здѣсь оплакивали развѣ одни буйные вѣтры. Иной конногонъ терялъ со своей лошадкой все, на что разсчитывалъ.

Деревня не доходила до этихъ грустныхъ могилъ почти на полверсты.

Школьное зданіе было обнесено молодымъ садомъ съ огородомъ. При школѣ находилась и квартира учителя, состоящая изъ небольшой комнаты съ перегородкою. Школьное зданіе можно было признать и по вывѣскѣ, красовавшейся подъ карнизомъ со стороны дороги съ надписью: „Ольховское народное училище". Прочитавъ эту надпись, я невольно задумался. Какъ много говорятъ эти немногія слова уму и сердцу того, кто знаетъ, что деревня эта еще недавно была крѣпостная, гдѣ безправіе и произволъ были закономъ, гдѣ дикое невѣжество почиталось первѣйшею добродѣтелью для крѣпостного человѣка. Нынѣ сюда сте-

каются десятки крестьянскихъ дѣтей набираться ума-разума; подъ этой скромной вывѣской теплится живой огонь, разсѣевая мрачныя потемки вѣковой ночи. Лучезарной звѣздой сіяютъ слова этой лаконической надписи, какъ спасительный маякъ въ темнотѣ ночи, поселяя въ сердцѣ усталаго путника радость и надежду. Подъ сѣнью этой вывѣски зрѣетъ молодая Русь, свободная, просвѣщенная...

Школа была закрыта. Для деревенской дѣтворы уже наступили лѣтнія каникулы. По скромнымъ занавѣскамъ въ окнахъ не трудно было отличить и собственно квартиру учителя отъ школы. Передъ окнами на лужайкѣ играла группа дѣтей; среди нихъ выдѣлялисъ двое: мальчикъ и дѣвочка. На мальчикѣ были коротенькіе штанчики и чистенькая ситцевая рубашка; бѣловурые волосики коротко подстрижены. Дѣвочка была въ хорошенькомъ платьицѣ городского покроя. Оба они, какъ и другія, игравшія съ ними дѣти, были босикомъ. Дѣти шумно играли, такъ что мнѣ не сразу удалось обратить на себя ихъ вниманіе. Мой незнакомый видъ ни мало не смущалъ дѣтей. Мальчикъ и дѣвочка, конечно, были дѣти Ѳедора Петровича.

Я спросилъ:

— Гдѣ папа?

— Въ огородѣ,—живо отвѣтила дѣвочка.

— Нѣтъ, онъ на русяхъ [1]),—вмѣшался мальчикъ,—сейчасъ ушелъ. Я видѣлъ папу.

— А въ огородѣ,—настаивала дѣвочка:—я тоже видѣла.

— Пойдемте къ папѣ,—сказалъ я,—сначала посмотримъ въ огородѣ, а потомъ къ русямъ пойдемъ.

Въ эту минуту открылось окно въ квартирѣ учителя, и въ немъ показались мои старыя знакомыя: Катерина Николаевна съ Настей.

— Тумановъ, Николай Ивановичъ!—воскликнула Екатерина Николаевна, звавшая меня обыкновенно по фамиліи.—Здравствуйте! Мы васъ давно поджидаемъ. Чего вы не показываетесь? Заходите. Ѳедоръ Петровичъ сейчасъ придетъ. Онъ, кажется, ульи въ огородѣ поправляетъ.

— Пойдемте къ нему.

Мать съ дочерью вышли на улицу. Екатерина Николаевна

---

[1]) Русями у насъ почему-то называются рыболовныя верши, плетеныя изъ ивовыхъ прутьевъ въ родѣ раструбовъ. Интересно было бы знать мнѣніе объ этихъ „русяхъ" лицъ, занимающихся разслѣдованіемъ о происхожденіи слова „Русь". Наши „руси" идутъ съ Бѣлоозера.

Прим. автора.

сильно постарѣла, лицо ея осунулось, выцвѣло. Прежняго здоровья и румянца и слѣда не было. Не было въ ней и прежней игривости. Ея ситцевое платье казалось далеко не новенькимъ, ботинки также давно нуждались въ смѣнѣ. Катерина Николаевна вышла подъ руку съ Настей.

— Рекомендую, Настасья Ѳедоровна,—шутливо представила она мнѣ свою дочь.

Настѣ шелъ уже восемнадцатый годъ. Дѣвушка робко подала мнѣ руку.

— Я васъ помню немножко,—проговорила она и потупилась.

— А я васъ помню еще маленькой Настей, а вотъ нынче, не знаю, какъ къ вамъ и обращаться. Вы такъ выросли. Ужъ разрѣшите по-прежнему называть васъ Настей, Настасья Ѳедоровна!

— Какъ хотите. Мнѣ все равно.

— Конечно, Настя,—примолвила мать.

Мы пошли въ огородъ, находившійся за школьнымъ дворомъ.

Настя произвела на меня довольно безотрадное впечатлѣніе. Худенькая, безформенная блондинка съ свѣтлыми волосами, скрученными на затылкѣ, робкая, неуклюжая, немного сгорбленная, блѣдная съ лица, съ тонкими безцвѣтными руками, въ бѣломъ ситцевомъ платьѣ, она казалась олицетвореніемъ худосочнаго комнатнаго растенія, не знавшаго солнца и воздуха. Отсутствіе загара на рукахъ и на лицѣ дѣвушки указывало на ея затворническую жизнь и худосочіе. Настя была одѣта съ претензіей на городскую барышню, но городского въ ней ничего больше не было, хотя она еще меньше походила па деревенскую дѣвушку. Кромѣ начальной школы, подъ руководствомъ отца, Настя нигдѣ не училась, но кое-что читала и говорила довольно правильно, вставляя иногда и вычитанныя иностранныя словечки, въ родѣ: симпатія, рекомендую и т. п. Мнѣ показалось, что я вижу новый типъ деревенской барышни, живущей совсѣмъ особою жизнью. Несмотря на молодость Насти, въ темно-карихъ глазахъ ея свѣтилась какая-то грусть, она слышалась и въ ея тихомъ голосѣ.

— Что вы дѣлаете цѣлые дни?—спросилъ я дѣвушку.

— Все больше шью.

— Что же именно?

— Шью дѣвицамъ платья, парнямъ рубашки вышиваю, нынче мода на шитыя рубашки.

— А на работу не ходите?

— Куда, на работу?

— Ну косить, жать, сѣно убирать. Все, что̀ дѣлается въ полѣ.

— Куда-жъ я пойду? У насъ нѣтъ поля.

— Ну, гулять бы ходили, а то вотъ вы какая блѣдная.

— Скучно гулять, да и нехорошо, когда всѣ въ полѣ работаютъ: и старый, и малый. Люди осудятъ. Да и некогда. Все шью.

— Читаете иногда?

— Какъ же, читаю.

— Чтò?

— Все, чтò подъ руку попадется. Иногда папа откуда-нибудь принесетъ книжку. Негдѣ брать нынче. Только развѣ у попа, да у фельдшера, да и то одни „приложенія“ разныя. Такъ, глупости. Вотъ раньше папа выписывалъ книги изъ города, такъ хорошо было. Я прочитала Пушкина, Тургенева, Гончарова... Ахъ, какая прелесть!..

— А теперь что?

— Теперь папа не выписываетъ больше книгъ. Библіотеку закрыли въ городѣ.

Въ огородѣ Ѳедора Петровича не оказалось.

— Должно быть, на русяхъ,—рѣшила Екатерина Николаевна.—Вотъ наши ульи. Ѳедя сталъ настоящимъ пчеловодомъ. Его даже пчелы не жалятъ. Берегитесь, онѣ не любятъ чужихъ.

Въ огородѣ стояло до десятка колодъ разныхъ системъ. Пчелы усердно сновали около своихъ гнѣздъ. Мы вернулись къ чаю. Вскорѣ возвратился и Ѳедоръ Петровичъ; въ судкѣ съ водой онъ принесъ пару отличныхъ стерлядей и нѣсколько окуньковъ.

— А! вотъ одолжилъ! Отлично,—заговорилъ Лобовъ еще съ улицы, увидѣвъ меня въ окно.—Вò, сколько на твое счастье!—потрясъ онъ судкомъ съ рыбой.

— Катя, поджарь-ка намъ этихъ пріятелей,—подалъ онъ рыбу женѣ,—да не дурно-бы, знаешь, того... Рыба по суху не ходитъ... Вотъ, братъ, не угодно-ли: Настасья Ѳедоровна, двое—на улицѣ, Анна и Владиміръ, оба на шеѣ, одна у бабушки гоститъ второй годъ, и отлично дѣлаетъ, не мѣшаетъ.

— А гдѣ Коля?—спросилъ я:—тому, кажется, уже лѣтъ пятнадцать?

— Да, тотъ, братъ, у меня молодцомъ, слава Христу: пристроенъ; если не окажется идіотомъ, можетъ выдти въ люди... Ждемъ домой, переведенъ въ послѣдній классъ, вчера получилъ письмо. Такъ обрадовалъ, безъ экзамена перешелъ, идетъ отлично.

— Да, гдѣ онъ учится?

— Въ попы лажу!.. Въ духовномъ училищѣ. Великолѣпно идетъ! Какія отмѣтки, я тебѣ доложу! Первачъ.

— Что это тебѣ вздумалось, въ духовные?

— Что̀, братъ, будешь дѣлать! Станешь придумывать! Надо мѣсто, положеніе человѣку. Думалъ-было въ гимназію, въ реальное училище, да куда нашему брату!.. На одну форму, да на учебники силъ не хватитъ.

— Отчего бы въ учительскую семинарію не попытаться?

— Что я, врагъ, что ли, своимъ чадамъ?—обиженно-шутливымъ тономъ спросилъ Лобовъ.—Довольно, что и отецъ пострадалъ. Нѣтъ, братъ, слуга покорный! Пускай, другіе послужатъ... А тамъ великолѣпно: расходы посильные, а дорога вѣрная, прямо ведетъ къ хлѣбу.

Лобовъ замолчалъ и поникъ головой. Видимо, разсужденіе это ему и самому не нравилось, да ужъ ничего не подѣлаешь.—Да,— продолжалъ онъ,—а сами вкушаемъ акриды и медъ дивій. Мушку Божію эксплуатируемъ... Настя, принеси медку къ чаю-то... Не только, братъ, питаемся,—продолжалъ онъ дальше, а и избытокъ имѣемъ: въ прошломъ году на восемьдесятъ пять рублей сотоваго продалъ, а ты знаешь, что значитъ восемьдесятъ пять рублей при нашемъ жалованьѣ? Благодать! Рѣка тоже помогаетъ. Круглый годъ рыба свѣжая, да малость на сторону идетъ. Кабы не эти плоды земные, давно бы пришлось положить зубы на полку.

Ѳедоръ Петровичъ былъ сегодня въ ударѣ и нѣсколько походилъ на прежняго Лобова, ораторствовавшаго на мірскихъ сходкахъ на ряду съ заправскими крикунами, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ.

Подали медъ. Янтарная жидкость искрилась и просвѣчивала на солнцѣ. Эта была первая проба весенняго сбора. Ѳедоръ Петровичъ такъ и подпрыгнулъ, увидѣвъ соты.

— Отъ трудовъ праведныхъ! вотъ, братъ, вкушай,—торжественно предложилъ онъ, пододвинувъ ко мнѣ медъ. На счетъ выпивки пришлось отложить попеченіе. Катерина Николаевна объявила, что „капли“ всѣ вышли...

За чаемъ я спросилъ Лобова, какъ поживаютъ его коллеги: Коротовскій учитель, Орѣховскій, Запогостскій и другіе. Еще десять лѣтъ тому назадъ все это были почтенные учителя, обремененные семьями, и на силу пробивались. Участь ихъ и тогда меня занимала. Бѣдняги бились, какъ рыба объ ледъ: съ одной стороны, не зная, куда разсовать дѣтей, съ другой—куда дѣваться самимъ въ случаѣ внезапной отставки. Нынѣ этотъ учительскій вопросъ обострился еще больше. Въ ту пору дѣятельно обсуж-

дался вопросъ объ эмеритурѣ, но изъ этого такъ ничего и не вышло утѣшительнаго.

— Эхъ, братъ,—заговорилъ, вздохнувъ, Лобовъ,—всѣ устроились, всѣ вопросы сами собою разрѣшились, когда жизнь прижала, и самымъ неожиданнымъ образомъ. Иванъ Котовъ умеръ, оставивъ на улицѣ больную Марью Никитишну съ кучею дѣтей. Оказались какіе-то родственники въ городѣ, пріютили сиротъ ради Христа. Павелъ Звонцовъ получилъ чистую отставку за выслугу лѣтъ и конечно безъ мундира и пенсіи... Въ сторожа при земской больницѣ пристроился, бѣдняга! Десять цѣлковыхъ получаетъ, на что и проживаетъ. Вѣдь онъ холостой: ему полъ-бѣды. А Михайло Воскресенскій и Аркадій Богословскій возвратились въ лоно Авраамово. Воскресенскій получилъ мѣсто священника, а Богословскій пока въ дьяконахъ, и оба занимаются въ церковно-приходскихъ школахъ.

— А ты какъ думаешь вѣкъ скоротать?—съ грустью спросилъ я Ѳедора Петровича, пораженный неожиданнымъ исходомъ учительскаго вопроса, занимавшаго еще недавно многихъ сердобольныхъ людей.—Тоже разсчитываешь туда?

— Нѣтъ, куда мнѣ! Я уготовалъ себѣ иную будущность. Видишь эти соты. Акриды и медъ дивій — хлѣбъ мой. Дѣло, братъ, не шуточное и даже пріятное. Только бы ребятишекъ пристроить, а мы съ Катей проживемъ, прокормимся. Нынче, если лѣто будетъ благопріятное, надѣюсь собрать пудовъ десять меду, да воскъ пока почти даромъ пропадаетъ. Думаю свѣчную фабрику открыть. Ты не смѣйся, я говорю дѣло. Мы выписываемъ воску изъ-за границы на сотни тысячъ рублей. Я увѣренъ, что дѣло пойдетъ. А ольховскіе мужики за мою службу,—а я думаю еще послужить,—не отнимутъ у меня того клочка земли, гдѣ я развелъ пасѣчку. Отнимутъ, стану кортомить... Ты, знаешь, моя пасѣка представляетъ уже капиталъ свыше двухъ сотъ рублей. Вотъ что̀.

— Это, слава Богу, Ѳедоръ Петровичъ,—искренно замѣтилъ я.—Славная мысль пришла тебѣ въ голову. Твоему примѣру могутъ послѣдовать и другіе.

— И слѣдуютъ. Помнишь. Василія Орлова, корытневскаго учителя? Онъ уволенъ, въ годъ твоего отъѣзда, и нынче живетъ припѣваючи, а началъ тоже доить Божью коровку—пчелку. Нынѣ землей обзавелся.

— Значитъ, слава Богу, отчего-жъ ты какъ будто хандришь иногда?

— Охъ, Николай Иванычъ! Болитъ душа моя... Не о хлѣбѣ

единомъ живъ человѣкъ бываетъ. Тяжело видѣть, какъ дѣло рукъ твоихъ, дѣло двадцати лѣтъ разрушается, плоды нашей дѣятельности гибнутъ.

V.

Разговоръ съ Ѳедоромъ Петровичемъ возбудилъ во мнѣ цѣлый калейдоскопъ мыслей, одна другой безотраднѣе. „Вотъ,—думалъ я,—какъ жизнь распорядилась, разрѣшила давно назрѣвшій учительскій вопросъ, котораго не могли разрѣшить ни лица, ни учрежденія. Жизнь однихъ убрала съ дороги, другихъ перемѣстила, третьимъ дала иное назначеніе... Но сколько еще „неубранныхъ"! И число ихъ съ каждымъ днемъ растетъ, разростается.

Неустройство жизни народныхъ учителей началось почти одновременно съ возникновеніемъ земскихъ учрежденій, т.-е. слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ первыя десять, пятнадцать лѣтъ, учительскій персоналъ былъ еще совсѣмъ свѣженькій, въ ремонтѣ не нуждался; онъ былъ молодъ, здоровъ, безсемейственъ, добръ и счастливъ своей просвѣтительной миссіей. Съ беззавѣтной преданностью и самоотверженіемъ молодые люди обоего пола полными горстями сѣяли на Руси грамотность, сѣяли разумное, доброе, вѣчное... Никому и въ умъ не приходило свое будущее. Всѣ жили настоящимъ, своимъ дѣломъ, вдохновляясь своимъ успѣхомъ. Слѣдующія пять лѣтъ работы уже были нѣсколько спокойнѣе, лихорадочная горячка стала спадать, и наступившее затишье въ земскомъ дѣлѣ тотчасъ же отразилось и на дѣятельности народной школы, а затѣмъ нѣкоторыя земскія и внѣ-земскія мѣры произвели чуть не общую панику среди учительскаго персонала. Нѣкоторыя земства (Вольское и др.) въ концѣ 80-хъ годовъ своими дѣйствіями совсѣмъ обезкуражили деревенскихъ педагоговъ. Передавая свои школы въ вѣдѣніе духовенства, эти земства тѣмъ самымъ выбрасывали за бортъ бывшихъ своихъ ставленниковъ и „первыхъ проводниковъ свѣта въ народныя массы". Друзья народной школы подняли вопросъ объ эмеритурѣ для учителей, о надѣленіи школъ землею и пр. Учителя на первыхъ порахъ съ надеждой и упованіемъ прислушивались къ этимъ утѣшительнымъ рѣчамъ, но потомъ вскорѣ убѣдились въ ихъ безплодности, махнули на все рукой, взяли шапку и вышли на бѣлую улицу, какъ говорится,—пошли куда глаза глядятъ. За десять лѣтъ моего отсутствія, кадры обездоленныхъ учителей, разумѣется, сильно разрослись. Немудрено, что голодные люди, обремененные семьями,

стучатся нынѣ всюду: въ духовные, въ писаря, въ скотники къ помѣщикамъ, въ лѣсные сторожа и пр. Жизнь въ деревнѣ пошла мимо нихъ. Многіе бросились въ городъ, но городъ и безъ нихъ переполненъ интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Куда было толкнуться бѣдному народному учителю? Его образованіе, не дающее никакихъ правъ, въ городѣ поставило его на ряду съ чернорабочимъ людомъ, а нѣкоторыя привычки, пріобрѣтенныя за время учительства, дѣлали положеніе его среди простого рабочаго люда убійственнымъ. Мнѣ лично извѣстны случаи (о нѣкоторыхъ сообщалось и въ печати) попытки народныхъ учителей пристроиться въ Питерѣ. Къ чему привели эти попытки? Бѣдняки пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, должны были вернуться откуда пришли, убѣдившись горькимъ опытомъ, что въ городѣ и безъ нихъ много нищеты и горя. А они, съ дѣтства привыкшіе къ труду, брались за все, но ничто не помогло. Газеты сообщали года три тому назадъ, какъ одинъ изъ учителей, гонимый страшной нуждой, пытался наняться въ швейцары, даже въ лакеи, но ему тотчасъ же отказывали, какъ только обнаруживалось, что онъ не простой „мужикъ". Другой бѣднякъ, испробовавъ всѣ средства найти себѣ „подходящую" службу, опредѣлился въ факельщики; въ свободное время онъ занимался читкой по покойникамъ...

Это одна сторона учительскаго вопроса. Но есть и другая, еще никѣмъ и нигдѣ, кажется, не затронутая. Это уволенныя учительницы и дѣти учителей; вѣдь ихъ тоже десятки тысячъ. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ считать дѣтей вообще всѣхъ учителей, а не только уволенныхъ,—получится весьма внушительная армія.

Для уволенныхъ и имѣющихъ быть уволенными учительницъ одинъ исходъ—болѣе или менѣе удачное замужество. Недурная собой молодая особа выходитъ либо за своего коллегу учителя, либо за урядника, за писаря, иногда и за богатенаго крестьянина, сына мѣстнаго кулака или какого иного тщеславнаго міроѣда, изъ самодурства пожелавшаго „окрутить сына" на благородной. „Учительша", будь она солдатская дочка, въ деревнѣ все-таки почитается благородной, госпожей. Нечего и говорить, что рѣдко счастливая участь выпадаетъ на долю подобной благородной жены. Къ черной работѣ она непривычна, съ свекровью и прочими семейными мужа ладить не умѣетъ, а главное—не пара мужу. Какое счастье тутъ! Одна каторга. Стать женой мужика—прежде всего надо свыкнуться съ мыслью о побояхъ подъ пьяную руку, о наговорахъ со стороны свекрови и золовокъ, съ мыслью забыть все прежнее: и личную свободу, и

книжки, даже чаекъ съ печеньемъ, привезеннымъ изъ города—единственнымъ развлеченіемъ бѣдной учительницы; надо привыкнуть къ черному труду, жить съ человѣкомъ случайно посланнымъ судьбою и еще считать его своимъ спасителемъ отъ нищеты... Бѣдняжка чахнетъ и сходитъ въ преждевременную могилу, никѣмъ не оплаканная.

Немного счастья выйти и за своего брата учителя.

Учительскія дѣти—самый жалкій, несчастный людъ, одинаково сыновья и дочери. Нищенскій размѣръ учительскаго содержанія не позволяетъ отцу дать своимъ дѣтямъ хоть какое-нибудь образованіе; послѣднее заканчивается въ той же начальной школѣ, гдѣ преподаетъ самъ учитель. Ставши подростками, дѣти учителя вынуждены шляться безъ дѣла въ деревнѣ и бременить шею своего родителя. Никакихъ ремеслъ въ деревнѣ, чѣмъ бы могъ призаняться учительскій сынъ, не имѣется, отвезти въ городъ средствъ нѣтъ, да и куда его тамъ пристроить? Духовное училище—единственное учрежденіе, куда народный учитель, скрѣпя сердце, еще можетъ сунуть своего сына. А если случится второй, то съ тѣмъ уже рѣшительно дѣваться некуда: содержать двоихъ ему не по средствамъ; тотъ и живетъ такъ при отцѣ: ходитъ на охоту, удитъ рыбу, прислуживаетъ у попа или помѣщика, если таковой въ данной мѣстности имѣется. Что дальше будетъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, не имѣющимъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, ни малаго живота, ни даже клочка земли? Учитель—человѣкъ обыкновенно пришлый, живетъ по паспорту, не состоя членомъ мѣстнаго сельскаго общества; значитъ, и его сыновья тоже должны жить по паспорту, быть исправными членами общества, безъ права на земельный надѣлъ. Учителю предоставляется распоряжаться съ дѣтьми ужъ какъ онъ тамъ хочетъ... Общество за нихъ не отвѣтствуетъ. Будь съ ними, что будетъ. Отсюда становится понятна радость Лобова, что сынъ его первымъ въ духовномъ училищѣ. „Дорога прямо къ хлѣбу", говоритъ Лобовъ про это училище; а добравшись до хлѣба возможно, что сынъ не оставитъ безъ хлѣба и своихъ родителей и сестренку.

Не лучше положеніе и учительской дочери. Настя Лобова, по моему мнѣнію, представляетъ собой еще идеалъ учительской дочери, хотя и довольно таки печальнаго образа: она не глупа, не совсѣмъ невѣжественна, притомъ еще шьетъ и вышиваетъ, т.-е. зарабатываетъ себѣ хлѣбъ насущный. Но кто захочетъ жениться на круглой безприданницѣ, да еще неспособной ни къ какой работѣ и вдобавокъ привыкшей къ чайку, бѣлоручкѣ? Иголкой весь вѣкъ

не проживешь. При выборѣ жениха дочери учителя приходится конкуррировать только съ учительницами, которыя еще развитѣе ея и опытнѣе, ибо каждая изъ нихъ гдѣ-нибудь да поучилась и жила самостоятельною жизнью, такъ что и въ этой погонѣ за женихомъ дочери учителя предстоитъ борьба неравная. Настя Лобова не виситъ всецѣло на шеѣ отца: мать выучила ее коечему и она въ иныхъ случаяхъ выручаетъ и самого отца; но есть дѣвушки, рѣшительно ничего не умѣющія сдѣлать. Народный учитель въ большинствѣ случаевъ женится на случайной невѣстѣ: мѣщаночкѣ, засидѣвшейся поповнѣ, дьяконовнѣ, чаще же всего на дочери старой матушки-просвирни того прихода, гдѣ онъ учительствуетъ. Дѣвицы этого рода ни къ чему въ жизни не пріучаются, кромѣ собиранія грибовъ и ягодъ въ лѣтнюю пору, да танцамъ по праздничнымъ днямъ. Онѣ въ большинствѣ случаевъ даже мало грамотны, если не совсѣмъ безграмотны. Чему можетъ научить подобная мать свою дочь? Выйдя за учителя, такая особа совершенно распускается: спитъ по цѣлымъ днямъ, пока мужъ занимается въ школѣ; оживляется супруга учителя только тогда, когда появится у нея на свѣтъ „маленькій“; съ каждымъ новымъ ребенкомъ она оживляется больше и больше; но это оживленіе проявляется въ такой оригинальной формѣ, что не хуже, еслибы оно и не проявлялось. Учительша начинаетъ съ того, что коротко знакомится со всѣми школьниками и ихъ семейными. Изучивъ въ точности этотъ предметъ, учительша облагаетъ всѣхъ намѣченныхъ дѣтей своеобразной данью, конечно, не обязательной, въ видѣ просьбы, но просьба эта выражается въ такой формѣ, что не исполнить ее было бы неудобно для учащихся, да и просить учительшѣ особенно не приходится, достаточно намека. Русскій простой человѣкъ любитъ „благодарить“ за всякій пустякъ: благодаритъ онъ писаря, благодаритъ урядника, господина исправника, станового, фельдшера, а какъ учителя не поблагодарить? Во-первыхъ, учитель его не обижаетъ, учитель обучаетъ уму-разуму его парнишку, да коли понадобится, такъ и совѣтъ всякій хорошій преподастъ. И тащитъ мужикъ или посылаетъ съ кѣмъ учителю все, чѣмъ богатъ онъ въ то или другое время года: зимой молоко, масло, сметану, пиво или бражку къ празднику; весной яйца, осенью новинку включительно до „нови“. „Ужъ только ты парнишку-то моего того, не давай воли, любитъ баловаться, озорникъ! Ничего, хорошенько эдакъ. Спасибо скажу“, проситъ мужикъ за своего сына. Не взять этого доброхотнаго приношенія значитъ кровно обидѣть мужика. Конечно, эти, на первый взглядъ, доброхотныя приношенія, нельзя

сказать, чтобы дѣлались ужъ совсѣмъ безъ всякихъ заднихъ мыслей. Какъ ни простъ нашъ мужикъ, но ужъ не такъ и глупъ, чтобы зря отдавать припасы, которыхъ у него никогда особаго излишка не бываетъ, — приносить безъ всякаго умысла. Цѣль всякихъ приношеній одна: задобрить нужнаго человѣка. Учителя перваго призыва возмущались подобными подходами мужиковъ и рѣзко отказывались отъ ихъ приношеній, ссылаясь на то, что они получаютъ за свой трудъ жалованье и ко всѣмъ дѣтямъ относятся одинаково безпристрастно. Иной учитель въ заключеніе дѣлалъ приносителю выговоръ за его недоброе намѣреніе подкупить учителя, дать ему, честному человѣку, взятку. Многіе искренно потомъ просятъ учителя не взыскать съ нихъ за простоту: „потому какъ всѣ берутъ, и даже роются, ежели что принесешь не по вкусу. Велятъ перемѣнить. Ужъ ты прости, коли не требуешь, я такъ, по простотѣ своей глупой“. За то какъ онъ радъ и доволенъ, ежели учитель не погнушается его хлѣбомъ-солью и зайдетъ къ нему! Мужикъ не знаетъ, куда и посадить дорогого гостя, чѣмъ угощать его, какія слова говорить при немъ. На другой день еще придетъ благодарить за посѣщеніе, и ужъ тутъ никакъ не отобьешься, чтобы не принять пивка, бражки, которыя вчера у него пробовалъ и похвалилъ... Оскорбляются отказомъ учителя деревенскіе кулаки и вообще мѣстная знать, желающая покровительствовать учителю. Оскорбится, конечно, и простой мужикъ, когда неопытный учитель отвергнетъ приношеніе неумѣло, въ рѣзкой формѣ, обидной для принесшаго. Опытные учителя не брали приношеній, но и не ссорились съ мужиками. Вѣдь несутъ только тѣмъ, кто беретъ. Лучшіе изъ учителей почитали для себя нравственнымъ долгомъ разъяснять крестьянамъ смыслъ ихъ приношеній и ошибочность ихъ понятій, полагая въ этихъ разъясненіяхъ воспитывающее значеніе для населенія, вѣками пріученнаго къ раболѣпству предъ сильнымъ. Конечно, все это относится къ учителямъ перваго призыва, которые видѣли въ своемъ дѣлѣ не только ремесло, средство къ жизни, но великую обязанность служенія народу. Учителя позднѣйшихъ выпусковъ вышли уже съ другой закваской и на свое дѣло смотрятъ гораздо прозаичнѣе. Они и на счетъ приношеній покладистѣй. Не затруднятъ приношенія также учительницъ. Женщина во всемъ видитъ прежде всего практическую сторону дѣла, и жены даже лучшихъ учителей никогда не видѣли въ этихъ приношеніяхъ ничего другого, кромѣ хорошаго и прибыльнаго для ихъ хозяйства.

Здѣсь однако нельзя не сказать нѣсколько словъ и въ защиту подобныхъ учительскихъ женъ, промышляющихъ поборами.

Несомнѣнно, многія изъ нихъ, если не громадное большинство, къ такимъ экстреннымъ мѣрамъ для пополненія своего хозяйства прибѣгають не столько изъ корыстнаго чувства, сколько въ виду ихъ крайне бѣдственнаго существованія. На 15—20 рублей иной приходится кормить и одѣвать многочисленную семью. „Что̀ тутъ предосудительнаго,—думаетъ такая хозяйка,—что я возьму отъ избытка какую-нибудь кринку молока, парочку яицъ?“ (Вѣдь у другихъ всегда представляется избытокъ, съ которымъ, пожалуй, даже некуда и дѣваться). Не умирать же стать съ дѣтьми. Нуженъ учитель, такъ пускай и содержатъ какъ слѣдуетъ, а не впроголодь. Что̀ сдѣлаешь на 15 рублей!“

Какъ знать, быть можетъ, прежде чѣмъ входить помимо мужа въ рискованное соглашеніе съ крестьянами на счетъ добровольныхъ приношеній, иная бѣдняжка сколько мучилась, страдала, разсчитывала, до слезъ торговалась съ поставщиками провизіи, защищая каждый грошъ изъ мужнина заработка. Мужъ ничего этого не знаетъ. Тутъ же приходитъ бабѣ на умъ и другой резонъ: фельдшериха, попадья беретъ, урядничиха, становиха—не чета имъ, а всѣ берутъ; отчего ей, бѣдной учительшѣ, не взять, морить дѣтишекъ безъ молока? И вотъ, только-что мужъ доказывалъ безнравственность всякихъ приношеній, такъ какъ онъ за свой трудъ получаетъ жалованье, а на кухнѣ жена съ благодарностью принимаетъ украдкой отъ мужа все, что принесутъ ей. Конечно, продѣлки эти не всегда удачно сходятъ съ рукъ и обезкураженный супругъ рветъ на себѣ волосы и бранитъ бѣдную бабенку. Возраженія безплодны. Лучше молча снести незаслуженные попреки въ грѣхахъ, содѣянныхъ не по доброй ея волѣ.

Вотъ въ какой средѣ, омутѣ противорѣчій, выростаетъ учительская дочка. Настя Лобова была еще счастливѣе другихъ. Катерина Николаевна училась въ гимназіи и знала разныя рукодѣлья, чему обучила и дочь свою. У нихъ была швейная машина (приданое Катерины Николаевны). Мать съ дочерью всегда имѣли заработокъ и обходились безъ поборовъ, явныхъ и тайныхъ. Рукодѣлье, перенятое Настей у матери, служа подспорьемъ въ семьѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ спасало и ее самую отъ губительнаго бездѣлья. Чѣмъ заняты руки тѣхъ учительскихъ дочерей, которымъ нечему было научиться у своихъ матерей? Деревенская жизнь со всѣми ея радостями и печалями идетъ мимо нихъ, нисколько ихъ не касаясь, обходя ихъ всѣмъ, что̀ несетъ простая сельская жизнь всѣмъ прочимъ дѣвушкамъ ихъ возраста. Изо дня въ день сидятъ эти мученицы бездѣлья дома у окна за какой-нибудь пу-

стяшной работой, въ родѣ чинки бѣлья и пр., и напѣваютъ грустныя пѣсни, вычитанныя ими изъ книжекъ, либо слышанныя на вечеринкахъ, или подслушанныя у крестьянскихъ дѣвушекъ лѣтомъ на работахъ, либо въ праздникъ на лужайкѣ, да пиликаютъ на гармоникѣ, единственномъ доступномъ имъ инструментѣ. Выйти имъ некуда, пойти къ сосѣду не за чѣмъ. Особенно съѣдаетъ ихъ тоска зимой, въ долгіе зимніе вечера: лѣтомъ еще можно пойти на рѣчку, въ лѣсъ—за грибами, за ягодами, въ поле—поболтать здѣсь съ дѣвушками, поучиться у нихъ, ради шутки, работѣ, вѣдь серьезно нѣтъ цѣли учиться: все равно работать негдѣ, а въ наймы идти не удобно учительской дочери: она почитается на деревнѣ барышней-бѣлоручкой,—смѣяться станутъ. Зимой некуда выйти, не за что взяться и ради шутки, потому-что и самимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ въ эту пору тоже почти дѣлать нечего. Только и занятія, что пряжа, подъ весну—тканье.

А жить бѣдной дѣвушкѣ хочется, хочется счастья, хоть какого-нибудь... Но увы, вся жизнь — вѣчная, добровольная тюрьма, и никакой надежды на свободу. Всякая затворница ждетъ къ себѣ на яву и во снѣ рыцаря-освободителя, который придетъ къ ней изъ-за тридевяти земель...

Когда я, погостивъ дома, снова отъѣзжалъ въ Петербургъ, Ѳедоръ Петровичъ, прощаясь со мной, говорилъ:

— Николаша, другъ мой сердечный, похлопочи, братъ, тамъ въ Питерѣ-то, нельзя ли какъ-нибудь пристроить Настю. Вижу, страдаетъ, мучится, сердечная, томится какъ птичка въ клѣткѣ, сохнетъ, умираетъ съ тоски, а помочь нечѣмъ. Помоги, другъ, дѣвка славная, понятливая, сердечная... Вѣкъ не забуду.

Я заглянулъ въ лицо моему другу. Крупныя, какъ горошины, слезы катились по его суровому лицу.

И. Соколовъ.

ИЗЪ БОРНСА *)

I.

КЪ ШОТЛАНДІИ.

Мое сердце не здѣсь, мое сердце не здѣсь.
Мое сердце въ Шотландіи горной,
На охотѣ лихой за добычей живой
И въ погонѣ за ланью проворной.
    И куда бъ ни ушелъ я отъ жизни родной,—
    Сердце будетъ въ Шотландіи горной!

О, Шотландія, горы, о, Сѣверъ, прощай!
Ты—отчизна отваги и чести!
Гдѣ бъ ни странствовалъ я, но съ тобою, мой край,
Будетъ сердце любовное вмѣстѣ.

О, прощайте вы, снѣжныя горы мои,
Горы, полныя царственной мощи,
И гремучихъ ключей голубыя струи,
И луга, и косматыя рощи!

Мое сердце не здѣсь, мое сердце не здѣсь,
Мое сердце въ Шотландіи горной,
На охотѣ лихой за добычей живой
И въ погонѣ за серной проворной,
    И куда бъ ни ушелъ я отъ жизни родной,—
    Сердце будетъ въ Шотландіи горной.

---

[1]) Въ іюлѣ текущаго года исполняется столѣтіе со времени смерти поэта.

II.

ДЖОНЪ ЯЧМЕННОЕ-ЗЕРНО.

Баллада.

Разъ три восточныхъ короля,
Прославленныхъ давно,
Клялись, что будетъ мертвымъ Джонъ
Ячменное-Зерно.

Они, взрывъ землю, на него
Свалили комъ земли.
„Мертвъ Джонъ Ячменное-Зерно!"
Клялися короли.

Весна повѣяла съ небесъ,
На землю дождь упалъ.
Глядь, Джонъ Ячменное-Зерно
Изъ-подъ земли возсталъ.

Возсталъ къ досадѣ королей!..
Чѣмъ жарче солнца лучъ,
Тѣмъ толще онъ, тѣмъ крѣпче онъ,
Тѣмъ больше онъ могучъ.

И вотъ, щетиной копій онъ
Отъ дерзкихъ огражденъ.

Но осень мирная пришла.
Онъ, зрѣя, сталъ блѣднѣть.
Ослабъ, согнулся, изнемогъ...
Ну, просто жаль смотрѣть!

Что день—болѣзненнѣе цвѣтъ.
Онъ съ каждымъ днемъ дряхлѣй,
Враги воспрянули опять
Отчаяннѣй и злѣй.

Оружьемъ пагубнымъ они
Скосили гибкій станъ,

И, какъ мошенника, сгребли
Въ телѣгу подъ арканъ.

Они всю злость свою на немъ
Повыбили дубьемъ,
Потомъ по вѣтру такъ и сякъ
Бросали вверхъ лицомъ.

И грубо въ ровъ съ водой его
Затискали они.
Тамъ, Джонъ Ячменное-Зерно,
Хоть плавай, хоть тони.

Оттуда на полъ извлекли,
Чтобъ мучить въ свой чередъ,
И чуть онъ только оживалъ,—
Трепали взадъ-впередъ.

И изсушили на огнѣ
Весь мозгъ его костей.
Но злѣй всѣхъ мельникъ: онъ давилъ
Его межъ двухъ камней.

Кровь сердца выжалъ у него,
И пили всѣ ее.
Чѣмъ больше пили, тѣмъ милѣй
Казалось имъ житье.

Вѣдь Джонъ Ячменное-Зерно
Былъ рыцарь и герой.
Кто кровь отвѣдаетъ его,
Тотъ будетъ смѣлъ душой.

Она забвеніе даритъ
И возвышаетъ духъ,
И сердце вдовушки сквозь слезъ
Запѣть заставитъ вслухъ.

Такъ выпить намъ, друзья, подъ звонъ
Стакановъ не грѣшно
За то, чтобъ жилъ во вѣки онъ
Въ родной Шотландіи, нашъ Джонъ
Ячменное-Зерно!

III.

ДЖОНУ АНДЕРСОНУ.

Джонъ Андерсонъ, мой милый!
Когда сошлись мы, Джонъ,
Твой волосъ густъ былъ, черенъ
И лобъ не испещренъ.

Теперь ты, Джонъ, сталъ лысымъ,
Твой волосъ оснѣженъ.
Но будь благословенъ онъ,
Джонъ Андерсонъ, мой Джонъ!

Джонъ Андерсонъ, другъ славный,
Вдвоемъ мы въ гору шли
И много дней веселыхъ
Мы вмѣстѣ провели.

Теперь идемъ мы книзу.
Пойдемъ вдвоемъ подъ склонъ
И тамъ уснемъ мы вмѣстѣ,
Джонъ Андерсонъ, мой Джонъ!

IV.

ОТРЫВОКЪ.

Въ полѣ бродилъ я вечерней порой.
Колосъ метать ужъ хлѣба начинали.
Сѣлъ помечтать я подъ свѣжей листвой
Древняго дерева.. Къ морю бѣжали

Стараго Эйра струи... Надо мной
Дикій витютень стоналъ непрерывно
И за холмомъ, надъ зеркальной рѣкой
Вторило эхо ему заунывно.

V.

ДОБРЫЕ СТАРЫЕ ГОДЫ.

Ужель мы забудемъ знакомство былое,
Не вспомнимъ мы время свободы?!
Ужель мы забудемъ знакомство былое
И добрые старые годы!

Хоръ.

Я знаю, ты чашу охотно поднимешь
 За добрые старые годы.
И звонко мы чокнемся чашами дружбы
 За добрые старые годы!

Съ тобой по зеленымъ холмамъ мы рѣзвились
 И тамъ маргаритки сбирали.
Но добрые старые годы промчались
 И мы ужъ порядкомъ устали.

Мы вмѣстѣ съ тобою въ ручьѣ бултыхались,
 Безпечныя дѣти свободы.
Теперь между нами, какъ море широко,
 Лежатъ невозвратные годы.

Но я тебѣ руку чрезъ нихъ простираю.
 Свою дай. Забудемъ невзгоды
И дружно мы выпьемъ отъ чистаго сердца
 За добрые старые годы!

За добрые старые годы, мой милый!
 За добрые старые годы.
Поднимемъ мы чашу незыблемой дружбы
 За добрые старые годы!

VI.

ПАМЯТИ МЭРИ.

Поздняя звѣздочка съ блѣднымъ сіяньемъ,
Нѣжно встрѣчаешь ты утра зарю,
День возвѣщая, когда я съ рыданьемъ
Мэри утратилъ мою.

Мэри, голубка! Какъ тѣнь ты пропала.
Гдѣ жъ обрѣла ты покой въ забытьи?
Видишь ли, какъ меня скорбь истерзала?
Слышишь ли вздохи мои?

Ахъ, не забуду я часъ тотъ священный!
Въ рощѣ, гдѣ Эйръ извивался, какъ змѣй,
Встрѣтились мы для любви неизмѣнной,
Встрѣтились съ Мэри моей.

Цѣлая вѣчность не скроетъ, ревнуя,
Память о чистыхъ восторгахъ любви,
Образъ твой въ сладостный мигъ поцѣлуя,
Свѣтлые взоры твои!

Ахъ, не могли мы съ тоскою печальной
Думать, что тотъ поцѣлуй былъ прощальный.

Эйръ цѣловалъ берегъ свой каменистый,
Зеленью рощъ осѣненный кругомъ.
Тамъ боярышникъ съ березой душистой
Пышнымъ сплетались вѣнкомъ.

Звали цвѣты на священное ложе,
Птицы любовь воспѣвали для насъ.
Только зачѣмъ же такъ скоро, о, Боже,
День тотъ счастливый погасъ?!

Тамъ моя память уныло блуждаетъ,
Сердце тревожа мое.
Время лишь силу ея укрѣпляетъ...

Такъ быстротечный потокъ углубляетъ
Темное русло свое.

Мэри, голубка, какъ тѣнь ты пропала.
Гдѣ жъ обрѣла ты покой въ забытьи?
Видишь ли, какъ меня скорбь истерзала?
Слышишь ли вздохи мои?

VII.

МОЕ СЕРДЦЕ БОЛИТЪ.

Мое сердце болитъ. Слезы блещутъ въ глазахъ.
Ахъ, давно мою радость развѣяло въ прахъ!
Я влачу свое бремя, друзьями забытъ,
И ничье состраданье мой слухъ не живитъ.

О, любовь! Ты сладка,—я глубоко любилъ.
О, любовь! Ты горька,—я всю горечь испилъ.
Кровью сердце разбитое все изошло.
Близко время покоя... Скорѣе бы шло!

О, зачѣмъ же, зачѣмъ, когда счастливъ былъ я,
Къ замку, къ милому сердцу не шелъ вдоль ручья!
Тамъ блуждаетъ и грезитъ, грустя обо мнѣ,
Та, кто свѣтлый покой принесла бъ въ тишинѣ.

VIII.

СРЕДИ КОЛОСЬЕВЪ ЯЧМЕНЯ.

Хоръ.

Какъ хороши поля ржаныя!
Какъ свѣжи, зелены межи!
Мнѣ не забыть счастливой ночи,
Когда я съ Эни былъ во ржи.

Въ ночь, наканунѣ дня Петрова,
Когда поля красой полны,

Я путь держалъ къ прелестной Эни
При свѣтѣ ласковой луны.

Часы летѣли незамѣтно,
Разсвѣтъ гасилъ небесъ огни,
И убѣдилъ ее легко я
Пойти со мною въ ячмени.

Синѣло небо. Смолкнулъ вѣтеръ,
И мѣсяцъ ласково свѣтилъ,
И съ чистымъ помысломъ я Эни
Съ собою рядомъ посадилъ.

Ее любилъ я беззавѣтно!
Любила и она меня,
И цѣловалъ ее я долго
Среди колосьевъ ячменя.

Я заключилъ ее въ объятья,
Я весь горѣлъ, какъ отъ огня...
Благословенно будь то мѣсто
Среди колосьевъ ячменя!

Луна и звѣзды были ярки.
Свѣтилась ночь, какъ утро дня.
Ночь! Будь и ты благословенна
Среди колосьевъ ячменя!

Была пора: я пилъ съ друзьями
И веселился и гулялъ,
И деньги загребалъ и даже
Себя счастливымъ почиталъ.

Но средь безпечныхъ наслажденій,
Въ душѣ минувшее храня,
Я зналъ, что все довольство это
Не стоитъ ночи до разсвѣта
Среди колосьевъ ячменя!

IX.

КЪ ГОРНОЙ МАРГАРИТКѢ,—

ВЫРВАННОЙ ПЛУГОМЪ ВЪ АПРѢЛѢ.

Малютка, скромный цвѣтикъ мой,
Ты мнѣ попался въ часъ лихой;
Я долженъ погубить сохой
    Твой стебелекъ въ пыли.
Я не спасу отъ смерти злой
    Тебя, о, перлъ земли!

Увы, вѣдь я не твой сосѣдъ,
Товарищъ-жаворонокъ... О, нѣтъ!
Тебѣ не причинитъ онъ вредъ,
    Сгибая стебелекъ,
Когда, взвиваясь, шлетъ привѣтъ
    На пурпурный востокъ.

Морозный вѣтеръ зло подулъ;
На ранній твой восходъ дохнулъ,
Но ты превесело взглянулъ
    На бури и туманъ,
И робко къ верху протянулъ
    Свой нѣжный хрупкій станъ.

Не снесть того цвѣтамъ садовъ!
Хранятъ ихъ стѣны, сѣнь деревъ.
Тебѣ-жъ защитой отъ вѣтровъ
    Случайно камень былъ.
Украсилъ онъ жнивье хлѣбовъ
    Одинъ и грустно милъ.

Въ покровъ свой простенькій одѣтъ,
Грудь распахнувъ на солнца свѣтъ,
Ты на тепло его въ отвѣтъ
    Головку приподнялъ.
Но вотъ сошникъ провелъ свой слѣдъ
    И ты во прахъ упалъ.

Таковъ невинности удѣлъ:
Цвѣтокъ, дитя полей, созрѣлъ,
Но простотой любви успѣлъ
Ввести въ обманъ мечты.
Она лежитъ, такъ рокъ велѣлъ,
Поругана, какъ ты.

Таковъ и твой удѣлъ, пѣвецъ:
Ты въ океанъ людскихъ сердецъ
Свое, неопытный пловецъ,
Направилъ наугадъ.
Ударятъ волны, и конецъ!
На дно тебя умчатъ.

Таковъ достойнаго удѣлъ,
Того, кто зло губить хотѣлъ,
Но самъ отъ злыхъ житейскихъ стрѣлъ
Вершину бѣдъ познялъ,
Кто кромѣ неба не имѣлъ
Ни въ комъ друзей и палъ.

Таковъ, печальникъ о цвѣткѣ,
И твой удѣлъ невдалекѣ:
Сошникъ въ безтрепетной рукѣ
Идетъ на твой цвѣтокъ
И, имъ раздавленный, въ тоскѣ
Ты свой узнаешь рокъ!

X.

КЪ МЫШКѢ,—

вмѣстѣ съ гнѣздомъ выброшенной плугомъ на землю.

Трусливый, гладенькій звѣрокъ,
Зачѣмъ, дрожа, ты на утекъ
Бѣжишь со всѣхъ мышиныхъ ногъ
Прочь отъ меня съ жильемъ?!
Я бъ былъ жестокъ, когда бы могъ
Грозить тебѣ скребкомъ.

Какъ грустно мнѣ, что умъ людской
Разбилъ природы дружный строй
И оправдалъ инстинктъ живой,
Вогнавшій въ страхъ тебя.
Предъ кѣмъ! Вѣдь я товарищъ твой!
Какъ ты, вѣдь смертенъ я!

Пусть ты воруешь иногда.
Но что жъ подѣлаешь?.. Нужда!
Украсть же колосъ изъ скирда
Бѣда не велика.
Вѣдь все мое, а мнѣ труда
Не жаль для бѣдняка!

Разбитъ трудъ зубокъ, домикъ твой,
Всѣ стѣнки вѣтеръ снесъ долой.
Что дѣлать съ этакой бѣдой?!
Для новаго нѣтъ мховъ,
А ужъ декабрь идетъ съ зимой
И мраченъ шумъ вѣтровъ.

Ты видѣлъ: голы нивы, долъ.
Близка зима... Отъ лютыхъ золъ
Пріютъ ты въ келейкѣ обрѣлъ,
И въ ней пожить мечталъ.
Вдругъ, трахъ! Жестокій ножъ прошелъ,
И домикъ твой пропалъ.

Солома... Листья... Сколько тутъ
Работы зубокъ!.. А за трудъ
Вотъ вся награда: твой пріютъ
Разрушенъ. Крова нѣтъ.
Тебя морозъ и голодъ ждутъ
И много зимнихъ бѣдъ.

Но, мышка, не тебѣ одной
Пришлось нести удѣлъ такой:
Разсчетъ мышиный и людской,
Все это прахъ и тлѣнъ;
Онъ часто зло несетъ съ собой
Блаженнымъ снамъ взамѣнъ.

Ты все жъ счастливѣе меня.
Вся въ настоящемъ жизнь твоя.
А я? Я вдаль смотрю, грустя
    На мой прошедшій путь
— Впередъ: Богъ вѣсть, что ждетъ меня,
    Но страхъ ужъ давитъ грудь.

А. М. Ѳедоровъ.

ЛѢТОПИСЬ

и

ИСТОРІЯ

ВЪ СТАРОЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Лѣтопись, историческое сказаніе, житіе во многихъ случаяхъ, повидимому, совсѣмъ не имѣютъ отношенія къ литературѣ въ смыслѣ художества, такъ какъ лѣтопись всего чаще бывала только сухою, дѣловою записью, иной разъ по одной, двумъ строчкамъ на годъ; историческое сказаніе или житіе также бывали часто только подражательной и безжизненной реторикой съ условнымъ содержаніемъ, далекимъ и отъ дѣйствительности и отъ поэзіи,— но, съ другой стороны, этотъ отдѣлъ старой письменности долженъ необходимо остановить вниманіе литературной исторіи. Не говоря о томъ, что скудость собственно поэтическихъ памятниковъ заставляетъ искать хотя бы частныхъ отрывочныхъ отголосковъ поэтическаго содержанія въ произведеніяхъ, по своей цѣли далекихъ отъ искусства,—эти произведенія, хотя бы и ненамѣренно, даютъ иногда весьма характерные эпизоды чисто поэтическаго творчества, въ той или другой формѣ, въ томъ или иномъ отраженіи живой дѣйствительности и народно-поэтическаго преданія; съ другой стороны, въ этомъ отдѣлѣ старой письменности можно въ особенности наблюдать развитіе національно-историческаго сознанія, которое въ самомъ началѣ и бываетъ первымъ мотивомъ къ историческому труду,—и это развитіе принадлежитъ несомнѣнно къ числу важнѣйшихъ интересовъ литературной исторіи. Какъ бы строго ни были отличаемы здѣсь

области чистаго художества отъ области простого знанія и практической письменности, на самомъ дѣлѣ онѣ всегда тѣсно связаны, такъ какъ всѣ жизненныя явленія исторіи совмѣщаютъ въ себѣ дѣйствіе самыхъ разнообразныхъ культурныхъ и психологическихъ мотивовъ, и какъ дѣйствіе, такъ и результаты входятъ въ различныя области историческаго наблюденія. Такимъ образомъ и исторія литературы должна внести въ область своихъ изученій не только произведенія дѣятельности чисто художественной, но и такія, которыя въ письменности имѣютъ къ нимъ болѣе или менѣе близкое культурное и психологическое отношеніе. Въ этомъ смыслѣ лѣтопись, житіе, историческое сказаніе въ особенности подлежатъ историко-литературному изученію, такъ какъ имѣютъ ближайшее, прямое или косвенное, отношеніе къ развитію съ одной стороны національно-историческаго сознанія, съ другой и самаго художественнаго пониманія.

Древняя русская лѣтопись занимаетъ въ литературной исторіи довольно исключительное мѣсто. Наша старая письменность, въ сравненіи съ литературою западно-европейской, имѣла гораздо болѣе скудные образовательные источники. Совершенно чуждая преданію классической древности въ бытовой культурѣ и образованіи, она ограничена была лишь тѣми возбужденіями, какія приходили съ византійскаго юга, частію прямо, частію при южнославянскомъ посредствѣ. Сдѣлано было одно великое пріобрѣтеніе—въ христіанствѣ: но трудъ усвоенія литературнаго матеріала, съ нимъ связаннаго, переводовъ св. Писанія, богослужебныхъ и учительныхъ книгъ и т. п., былъ облегченъ готовыми южно-славянскими переводами, и повидимому, лишь нѣсколько позднѣе появляются опыты собственной переводной работы въ этомъ направленіи. Христіанство было и первымъ началомъ школы. Мы имѣемъ только очень неясныя указанія о томъ, какъ установились впервые христіанство, школа и письменность; но по извѣстіямъ лѣтописи и по фактамъ литературнымъ можно думать, что въ первыхъ поколѣніяхъ послѣ крещенія обнаружилась уже и великая преданность новой вѣрѣ и живой интересъ къ просвѣщенію: въ средѣ самихъ князей бывали ревностные любители „книжнаго почитанія“ и вмѣстѣ любители духовнаго чина и именно черноризцевъ, какъ объ этомъ нерѣдко записываетъ лѣтопись,—послѣднее понятно, такъ какъ люди духовнаго чина были въ то время и авторитетные нравственные руководители и книжные люди. Какъ первые христіанскіе храмы украшались византійскимъ искусствомъ, такъ уже отъ XI вѣка сохранились рукописи, исполненныя съ большимъ каллиграфическимъ искусствомъ, украшенныя

рисунками, гдѣ образцомъ были тѣ же греки (Остромирово Евангеліе, Святославовъ Сборникъ), и такимъ же образомъ греческіе образцы были руководителями въ самомъ писательствѣ: стиль богослужебныхъ и учительныхъ книгъ сталъ первымъ, даже исключительнымъ образцомъ и источникомъ для русскихъ книжниковъ, когда они хотѣли дать нравственное назиданіе. Въ теченіе XII вѣка мы имѣемъ уже произведенія, которыя указываютъ на высокую степень книжнаго искусства. Это—произведенія изъ совершенно различныхъ областей тогдашней жизни: съ одной стороны писанія Кирилла Туровскаго, образчикъ краснорѣчія, воспитаннаго на византійской школѣ; съ другой, Слово о Полку Игоревѣ, авторъ котораго, несмотря на открывшееся уже теперь гоненіе противъ народно-поэтическаго преданія, увлекся однако пріемами народной поэзіи для одушевленнаго изображенія событій, видимо поражавшихъ умы современниковъ. Къ этому настроенію, созданному первыми впечатлѣніями образованія, надо отнести вѣроятно и составленіе той „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (или: дѣй), „откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“,—повѣсти, которая стала потомъ во главѣ русскаго лѣтописанія на всѣ послѣдующіе вѣка древней Руси, составляла обычное начало позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ до самаго XVIII столѣтія и по преданію носитъ имя лѣтописца Нестора.

Въ первый разъ высокое значеніе Несторовой лѣтописи,—или Начальной лѣтописи, какъ называютъ ее съ тѣхъ поръ, какъ возникли сомнѣнія о возможности приписать ее именно Нестору,—указано было въ исторической наукѣ знаменитымъ Шлёцеромъ. Правда, ее изучалъ уже со вниманіемъ одинъ изъ первыхъ начинателей нашей исторіографіи, Татищевъ, но строгая ученая критика приложена была къ ней только этимъ нѣмецкимъ ученымъ, который, какъ извѣстно, изслѣдуя Нестора, приходилъ въ восторгъ отъ его простоты и великой правдивости въ такомъ вѣкѣ, когда бѣдность просвѣщенія дѣлала рѣдкимъ это пониманіе исторической истины: среди баснословія средневѣковыхъ лѣтописцевъ Несторъ представлялъ замѣчательное исключеніе и его лѣтопись, написанная притомъ на самомъ языкѣ того народа, исторію котораго она разсказывала, казалась Шлёцеру памятникомъ феноменальнымъ... Съ тѣхъ поръ, какъ Шлёцеръ высказывалъ свои мысли о Несторѣ, сдѣлано было множество новыхъ изслѣдованій и открытій въ средневѣковой литературѣ западной, очень пополнились свѣденія о нашей старинѣ, но оцѣнка Нестора въ цѣломъ не теряетъ своего значенія, и Начальная лѣ-

топись остается въ глазахъ современныхъ историковъ однимъ изъ самыхъ достопримѣчательныхъ произведеній нашей древней литературы.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), что, собственно говоря, стремленіе правильно возсоздать историческое прошедшее возникаетъ только въ XVIII вѣкѣ, когда почувствовано было вступленіе русской жизни на путь новаго образованія и старая жизнь во многихъ отношеніяхъ была закончена: инстинктивное чувство побуждало подвести итоги старины, и извѣстная степень европейскаго знанія научала первой исторической критикѣ. Таковъ былъ еще задолго до Шлёцера трудъ Татищева; но послѣдній относительно древнѣйшаго періода могъ уже пользоваться трудами нѣмецкихъ ученыхъ въ петербургской академіи, какъ знаменитый Зигфридъ Байеръ. До Шлёцера началъ свои замѣчательные труды Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, которому наша исторіографія въ особенности обязана указаніемъ на архивные матеріалы и изданіемъ многихъ важныхъ историческихъ источниковъ. Время Екатерины II отмѣчено изданіемъ цѣлаго ряда лѣтописей, „Древней россійской Вивліоѳикой“ Новикова, историческими трудами князя Щербатова и Болтина, собирательствомъ гр. А. И. Мусина-Пушкина и т. д. Послѣ „Исторіи“ Карамзина и начинавшихся изысканій Востокова, Калайдовича и другихъ, впервые примѣнявшихъ научные пріемы филологическаго изслѣдованія памятниковъ; послѣ изданій гр. Румянцова, новый богатый запасъ памятниковъ старины, и именно лѣтописи, открылся въ путешествіяхъ Археографической Экспедиціи и сообщенъ былъ ученому міру въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи. Съ этого времени, именно когда для критики стали доступны многочисленные тексты лѣтописей, началось изслѣдованіе самого лѣтописанія. Таковы были послѣ дѣятелей Археографической Коммиссіи (Строевъ, Бередниковъ, Коркуновъ) труды Срезневскаго, Сухомлинова, Костомарова, Бестужева-Рюмина и др., и цѣлаго ряда новѣйшихъ ученыхъ [2]).

---

[1]) Исторія русской Этнографіи, т. I.

[2]) Изъ прежнихъ изслѣдованій назовемъ еще: Кубарева, „Несторъ первый писатель россійской исторіи, церковной и гражданской“, въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“, кн. IV, М. 1842; Бѣляева, о Несторовой лѣтописи, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, 1847, № 5.

— Сухомлиновъ, О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, въ „Ученыхъ Запискахъ“ II отдѣленія Академіи, кн. III, 1856.

— Срезневскій, Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго, въ „Извѣстіяхъ“ Академіи Наукъ, т. III, 1854 (и въ „Историческихъ чтеніяхъ“ и пр. Спб. 1855, стр. 1—26); Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ, въ „Извѣстіяхъ“ т. II.

Изслѣдованія не закончены до сихъ поръ, между прочимъ потому, что имъ приходится имѣть дѣло только съ очень поздними списками лѣтописи, отстоящими на нѣсколько сотъ лѣтъ не только отъ самаго начала лѣтописи, но и отъ того перваго свода, какимъ была такъ-называемая Несторова Лѣтопись. Въ новѣйшихъ трудахъ, нами указанныхъ, читатель можетъ найти спорные вопросы, неразрѣшенные до сихъ поръ. Пріобрѣтенъ одинъ несомнѣнный результатъ—именно, что въ настоящемъ составѣ лѣтописныхъ памятниковъ мы не имѣемъ ни одной первоначальной лѣтописи, принадлежащей тому или другому краю древней Руси, а напротивъ, имѣемъ обыкновенно такъ-называемые своды—лѣтописные памятники, которые, принадлежа данной области, пользуются также извѣстіями изъ другихъ областныхъ лѣтописей, при чемъ обыкновенно дѣлаютъ это безъ указанія на свой источникъ, который можно угадывать только по характеру самыхъ извѣстій или по особенностямъ стиля. Нѣкоторыя изъ старыхъ лѣтописей, повидимому, окончательно погибли, какъ, напримѣръ, „старый лѣтописецъ ростовскій“, о которомъ есть упоминанія XIII вѣка, какъ начало лѣтописей новгородскихъ, слѣдъ которыхъ предполагаютъ въ извѣстной Іоакимовской лѣтописи, сохраненной Татищевымъ; нѣкоторыя извѣстія, приведенныя Карамзинымъ изъ лѣтописей, бывшихъ въ его рукахъ и потомъ погибшихъ, оказывались единственными въ своемъ родѣ,—и если старѣйшіе списки не восходятъ обыкновенно далѣе XIV вѣка, то можно себѣ представить, сколько случайностей и невознаградимыхъ потерь испытала наша лѣтопись, прежде чѣмъ нашла внимательныхъ и бережливыхъ изыскателей въ послѣднія два столѣ-

---

— Костомаровъ, Лекціи по русской исторіи. Спб. 1861.

— Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. 1. Повѣсть временныхъ лѣтъ. 2. Лѣтописи южно-русскія. Спб. 1868 (отдѣльно изъ „Лѣтописи Археографической Коммиссіи“, выпускъ IV).

Изслѣдованія продолжаются и до сихъ поръ. Назовемъ А. Маркевича, О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Одесса, 1883 (выпускъ I); О русскихъ лѣтописяхъ. Одесса, 1885 (выпускъ II).

— Н. Янша, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, въ „Чтеніяхъ“, 1874, кн. II, и отдѣльно.

— И. Тихомирова, изслѣдованія о лѣтописяхъ Тверской, Псковской и Лаврентьевской въ Журналѣ министерства прос. 1876, № 2; 1883, № 10 и 1884, № 10.

— I. Сенигова, Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В. Н. Татищева, въ „Чтеніяхъ“, 1887, кн. IV. и отдѣльно, 1888.

Заслуживаетъ вниманія, къ сожалѣнію неоконченный, трудъ Л. И. Лейбовича: Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи. Выпускъ первый. Повѣсть временныхъ лѣтъ. Спб. 1876.

тія. Какое варварское обращеніе испытывали памятники нашей старины даже въ близкое намъ время, разсказываетъ исторія нашей науки [1]).

При этомъ положеніи лѣтописнаго матеріала понятно, что вопросъ о древнѣйшей порѣ нашего лѣтописанія представляетъ величайшія трудности и часто можетъ быть рѣшаемъ только гадательно. Такъ прежде всего до сихъ поръ расходятся мнѣнія о томъ, когда началась лѣтопись. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось несомнѣннымъ, что лѣтопись началась еще до принятія христіанства и восходитъ не только къ X, но къ IX вѣку, что нѣкоторыя показанія древнѣйшей лѣтописи отзываются еще временами языческими; такъ къ этой древнѣйшей порѣ относимо было не дошедшее до насъ, но предполагаемое начало лѣтописи новгородской. Что касается формы, въ которую издавна сложились лѣтописныя отмѣтки, и здѣсь еще со временъ Шлёцера дѣлались различныя предположенія: находили образецъ лѣтописи въ памятникахъ греческихъ, или открывали сходство съ средневѣковой лѣтописью западно-европейской (напр., англо-саксонской); предполагали первый зачатокъ лѣтописи въ пасхальныхъ таблицахъ, на которыхъ дѣлались краткія замѣтки о важныхъ событіяхъ соотвѣтственнаго года, отысканы были (г. Сухомлиновымъ) даже изъ поздняго вѣка подобныя замѣтки въ пасхальныхъ таблицахъ, но другимъ казалось, что само позднее существованіе такихъ замѣтокъ указываетъ на ихъ случайность, и т. д. Разнообразіе взглядовъ до сихъ поръ не сведено къ убѣдительному результату. Можно считать несомнѣннымъ, кажется, только одно—что, каковы бы ни были первые мотивы къ началу лѣтописи и откуда бы ни явилась ея первая форма, лѣтопись возникала въ различныхъ краяхъ старой русской земли и въ первое время велась отдѣльно. Эти края были, безъ сомнѣнія, тѣ, гдѣ были главные центры политической жизни: Новгородъ, Кіевъ, Ростовъ Великій; къ нимъ присоединились потомъ второстепенные центры, Суздаль, Владиміръ, юго-западный центръ на Волыни, Псковъ, Тверь, Москва, центръ сѣверо-западный; еще позднѣе съ политическимъ распаденіемъ территоріи послѣ татарскихъ нашествій и основанія русско-литовскаго княжества, лѣтописаніе распадается на два главныя теченія: западно-русское (такъ-называемыя литовскія лѣтописи) и восточно-русское, гдѣ лѣтопись все больше сосредоточи-

---

[1]) Не отвлекаясь въ подробности, укажемъ брошюру Н. И. Полетаева: „Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX столѣтія“. Спб. 1892, и извѣстную біографію Строева, г. Барсукова.

вается въ Москвѣ. Въ концѣ концовъ московское лѣтописаніе становится господствующимъ: лѣтопись дѣлается оффиціальною, государственною, совпадая съ разрядными книгами,—хотя еще долго ведется лѣтопись новгородская, пережившая даже паденіе великаго Новгорода.

Возвращаясь къ древней порѣ лѣтописанія, мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ встрѣчаемъ тотъ памятникъ, который, какъ мы замѣчали, становится потомъ обыкновеннымъ началомъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, гдѣ бы они ни составлялись: никогда послѣ въ нашемъ старомъ лѣтописаніи не возникала такая мысль обнять цѣлый составъ русскаго народа и его прошлой судьбы [1]). Мысль о составленіи „Повѣсти временныхъ лѣтъ", разсказывавшей о первыхъ князьяхъ въ Кіевѣ, о томъ, какъ „стала русская земля", чрезвычайно замѣчательна для своего времени, какъ первая попытка начинающей литературы. Авторъ „Повѣсти" ставитъ себѣ задачу широкаго національнаго интереса: онъ хочетъ собрать всѣ доступныя ему свѣденія о началѣ народа, о первомъ возникновеніи княжеской власти, и, какъ можетъ, исполняетъ эту задачу: онъ связываетъ русскій народъ съ цѣлымъ славянскимъ племенемъ, пріурочиваетъ это племя къ библейскому распредѣленію потомства Ноева, какъ часть племени Іафета, дополняетъ библейскія преданія свѣденіями греческаго хронографа, къ этимъ послѣднимъ добавляетъ свои свѣденія объ европейскомъ варяжскомъ сѣверѣ (неизвѣстныя византійскому хронисту), затѣмъ, собираетъ (быть можетъ, изъ западныхъ славянскихъ источниковъ) преданія о разселеніи славянскаго племени, и наконецъ, преданія о племенахъ самого русскаго славянства, ихъ жилищахъ, нравахъ, инородцахъ-сосѣдяхъ и проч. Въ исторіи князей онъ собираетъ старыя хронологическія замѣтки, существовавшіе разсказы и преданія, отчасти окрашенные народной фантазіей, и старается, сколько можетъ, провѣрять ихъ; онъ прибавилъ сюда старые историческіе документы, какъ договоры князей съ греками, и т. д. Лѣтописецъ вообще руководится извѣстной критикой, изъ разныхъ извѣстій указываетъ болѣе вѣроятныя, старается возстановить хронологію первыхъ княженій сличеніемъ данныхъ, и т. п. Словомъ, авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" является писателемъ съ обдуманнымъ планомъ. Понятно, что судить объ этомъ планѣ и выполненіи можно только, принимая во вниманіе условія времени, и первый лѣтописецъ (Несторъ, какъ

---

[1]) Мы имѣли случай останавливаться на этомъ предметѣ („Вѣстникъ Европы", 1876, іюнь) и повторимъ здѣсь общій взглядъ на этотъ памятникъ.

думали прежде) возбуждалъ, еще со временъ суроваго и требовательнаго Шлёцера, справедливое удивленіе новыхъ историковъ, сличавшихъ его съ средневѣковыми современниками.

Различно отвѣчали и на тотъ вопросъ, кто были вообще наши лѣтописатели. Естественнѣе всего было полагать, что это были лица духовныя, какъ наиболѣе книжныя, и дѣйствительно во многихъ случайныхъ замѣткахъ лѣтописи писавшими оказываются лица духовныя. Такъ въ первые годы XII вѣка названъ въ лѣтописи писавшій ее игуменъ выдубицкій Сильвестръ, котораго иные и считали авторомъ Начальной лѣтописи вмѣсто Нестора; въ концѣ XI вѣка при нападеніи половцевъ на печерскій монастырь, лѣтописецъ замѣчаетъ: „когда мы почивали по кельямъ". Извѣстенъ затѣмъ Лаврентій мнихъ, имя котораго осталось за суздальскою (лаврентьевскою) лѣтописью, и не мало другихъ духовныхъ лицъ, писавшихъ лѣтописи. Что лица духовныя были составителями лѣтописи, принималъ и Соловьевъ. Не соглашаясь съ тѣми, которые полагали, что лѣтописи уже тогда были дѣломъ оффиціальнымъ и велись по повелѣнію князей, Соловьевъ замѣчаетъ: „Если между князьями, а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда какъ на Руси существовало сословіе, котораго грамотность была обязанностью и которое очень хорошо сознавало эту обязанность,— сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ; говоримъ: „всѣ средства" потому, что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣденія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословеніе на него, въ монастырь прежде всего являлся съ вѣстью объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣдовательно имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ. Имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущему отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригою? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ

древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ, наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска и, будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить вѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное право заключить, что первыя лѣтописи наши вышли изъ рукъ духовныхъ лицъ, а если еще въ самой лѣтописи мы видимъ ясныя доказательства тому, что она составлена въ монастырѣ, то обязаны успокоиться на этомъ и не искать другого какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составленія первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, краткихъ записокъ" [1]).

Еще болѣе широко ставитъ значеніе духовенства, а также и значеніе древней лѣтописи другой историкъ старой русской жизни. Въ наше время не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы лѣтопись,— которая была ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ возникавшаго историческаго сознанія цѣлаго народа,—могла быть замысломъ единичнаго лица, какого-нибудь начитаннаго черноризца, чтобы она могла быть задумана только въ подражаніе византійскому хронографу (какъ это думали прежде). Въ дѣйствительности лѣтопись была вовсе не плодомъ монашески уединенной литературной мысли, а напротивъ, лѣтописный трудъ былъ только отвѣтомъ на требованія мысли общественной, которая только нашла въ начальномъ лѣтописцѣ своего достойнаго представителя и выразителя. Самая задача, поставленная въ первыхъ словахъ Начальной лѣтописи указываетъ на вопросъ о началѣ Русской Земли.

„Смыслъ этой задачи, — говоритъ г. Забѣлинъ, — въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ ея, такъ сказать, гражданское, иначе мірское, или общественное происхожденіе. Откуда Русь пошла, какъ стала (устроилась), кто первый началъ княжить—это вопросы не очень близкіе и не столько любопытные для монастырскаго созерцанія и для монашескаго благочестиваго размышленія. Они могли возникнуть прежде всего въ княжескомъ дворѣ, посреди дружинниковъ, или посреди того общества, для котораго несравненно было надобнѣе и любопытнѣе знать начало той земли, гдѣ оно было дѣятелемъ, и начало той власти, подъ руководствомъ которой оно совершало и устройство этой земли, и свои великія

[1]) „Исторія Россіи", новое изданіе, кн. I, стр. 772.

и малыя дѣянія. Передовыми же людьми этого общества въ теченіе многихъ вѣковъ всегда были послы-дружинники князя, бояре и гости-купцы, слѣдовательно верхній, самый дѣятельный и самый бывалый порядокъ людей въ древне-русскомъ городѣ". Монастырскій отшельникъ еслибы руководился только монашескими взглядами, далъ бы лѣтописи по преимуществу церковный характеръ. „Между тѣмъ его взглядъ обширнѣе; онъ только мимоходомъ замѣчаетъ, что, напр., еще при Игорѣ въ Кіевѣ много было варяговъ-христіанъ и все свое вниманіе устремляетъ на изображеніе событій и дѣлъ по преимуществу мірскихъ, политическихъ... Для какой надобности черноризецъ вноситъ въ лѣтопись цѣликомъ договоры съ Греціею Олега и Игоря?.. Не внесены ли они съ тою цѣлью, съ какою въ новгородскую лѣтопись внесена русская (кіевская) правда Ярослава, а въ суздальскую лѣтопись духовная Владиміра Мономаха? Эти два послѣдніе памятника въ то время носили въ себѣ интересъ и смыслъ не одной достопримѣчательности, достопамятности, но служили— одинъ, какъ поученье, другой, какъ законъ, дѣйствующими, живущими стихіями народной жизни... Въ другихъ отдѣлахъ Несторова Временника мы точно такъ же очень часто встрѣчаемъ прямыя показанія, что перомъ лѣтописца водитъ больше всего смыслъ княжескаго дружинника, или самого князя, чѣмъ мысль благочестиваго инока... Все, что можно отдать въ этомъ случаѣ монастырю или мыслямъ иночества — это духовное поученье, которое проходитъ по всей лѣтописи... Но и поученье не составляетъ еще исключительной задачи иночества, а принадлежитъ собственно задачамъ всякаго литературнаго труда, почему и духовная Мономаха исполнена тѣхъ же текстовъ поученья. Намъ кажется, что мысль составить и написать повѣсть временныхъ лѣтъ возникла именно въ городской средѣ, что городъ, въ лицѣ княжеской, военной дружины, и въ лицѣ дружины торговой, гостиной, первый долженъ былъ почувствовать и сознательно понять, что онъ есть первая историческая сила русской земли, дѣянія которой поэтому достойны всякой памяти. И впослѣдствіи городъ держитъ лѣтописанье въ своихъ рукахъ цѣлые вѣка".

Такимъ образомъ,—заключаетъ г. Забѣлинъ,—„мысль написать повѣсть временныхъ русскихъ лѣтъ была возбуждена не въ монастырѣ, а въ городѣ, и оттуда получала постоянную поддержку, подкрѣпленіе и всѣ надобные матеріалы. Въ монастырѣ она была исполнена по неизбѣжной причинѣ, потому что тамъ жили люди больше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло". Монастырь былъ средоточіемъ не только церковнаго назиданія,

но и образованности; сюда приходили лучшіе люди изъ города, естественно, что здѣсь началась и лѣтопись. „Иначе и случиться не могло. Необходимо только припомнить, какимъ сильнымъ умственнымъ движеніемъ ознаменовало себя русское общество именно въ этотъ періодъ времени и какое важное мѣсто занималъ въ этомъ движеніи именно Печерскій монастырь. Прочное и твердое основаніе этому умственному разцвѣту положилъ еще Ярославъ Великій, начавшій дѣло съ простого и самаго вѣрнаго начала, отъ котораго начиналъ просвѣтительное дѣло и великій Петръ, именно съ перевода книгъ—собравши писцевъ многихъ и перелагая отъ грекъ на славянское письмо. Отыскивая повсюду и списывая многія книги, онъ самъ читалъ ихъ прилежно и по днямъ и по ночамъ. Любовь къ книгамъ самого вел. князя необходимо возростила свои плоды: она распространилась не только между его дѣтьми и внуками, но и въ обществѣ, особенно между людьми, которые могли свободнѣе другихъ распоряжаться своимъ досугомъ". Самый монастырь Печерскій былъ столько же подражаніемъ византійскому учрежденію, сколько настоятельной потребностью начинавшагося просвѣщенія. Собравъ извѣстныя указанія объ отношеніяхъ князей къ Печерскому монастырю и любви многихъ изъ нихъ къ книжному ученію, нашъ историкъ продолжаетъ: „Здѣсь сосредоточивалось все лучшее передовое общество земли, весь ея умъ и весь опытъ и бывалость ея жизни. Нерѣдко въ кельяхъ монастырскихъ предъ лицомъ братіи разрѣшались междукняжескія важныя дѣла, развязывались спутанные и запутанные узлы ихъ отношеній.

„Исторія, стало быть, живьемъ проходила по самымъ монастырскимъ кельямъ, приносила въ монастырь не только свѣжій разсказъ о событіи, но и окончательную мысль о всякомъ дѣлѣ и о всякомъ лицѣ, совершавшемъ то или другое дѣло. Какъ естественно было здѣсь же ей и народиться въ образѣ первичной литературной обработки прежнихъ хронологическихъ книжныхъ замѣтокъ и теперешнихъ устныхъ разсказовъ. Когда въ обществѣ стали ходить толки о первыхъ временахъ русской земли, поднялись вопросы, откуда она ведетъ свое начало, какъ стала она такою сильною и славною землею, то разсказать объ этомъ грамотно никто конечно лучше не могъ, какъ тѣсный кругъ печерскихъ же грамотныхъ людей"... „Написанная по разуму, по идеямъ и въ отвѣтъ на потребности всего древне-русскаго грамотнаго общества, наша первая повѣсть временныхъ лѣтъ по этой же причинѣ тотчасъ сдѣлалась общимъ достояніемъ всей русской страны, во всѣхъ ея углахъ, гдѣ только сосредоточива-

лась грамотность. Трудъ черноризца Нестора легъ въ основаніе для всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, которые по всему вѣроятію сами собою нарождались во всѣхъ древнихъ городахъ русской земли, и воспользовались повѣстью, какъ готовою связью для прежнихъ записей и для дальнѣйшаго труда".

Но если только въ Кіевѣ могла народиться мысль о единствѣ русской земли, то частное лѣтописаніе распространилось по всѣмъ главнымъ пунктамъ русскихъ областей: каждый большой городъ велъ свою лѣтопись, пользуясь также лѣтописью кіевскою и другихъ городовъ и дополняя своими мѣстными извѣстіями. Отсюда великое разнообразіе списковъ, и когда притомъ лѣтопись дошла до насъ вообще только въ спискахъ позднихъ, между ними невозможно установить точную генеалогію. Здѣсь опять представляется вопросъ, кто были эти мѣстные лѣтописцы. „Кто собственно въ городѣ писалъ лѣтопись,—говоритъ г. Забѣлинъ,—и гдѣ происходило ея пополненіе современными событіями, во дворѣ ли князя, во дворѣ ли епископа, во дворѣ ли тысяцкаго, или въ схожей, вѣчевой избѣ горожанъ, то-есть имѣло ли ея списаніе какой-либо оффиціальный видъ, объ этомъ трудно что-либо сказать". Есть извѣстное показаніе лѣтописи, что въ 1289 году, галицкій князь Мстиславъ „вписалъ въ лѣтописецъ" крамолу жителей Берестья; въ 1409 году московскій лѣтописецъ, желая оправдать помѣщеніе имъ извѣстій о неблагопріятныхъ событіяхъ (нашествіе Едигея), ссылается на то, что первые князья повелѣвали писать въ лѣтописецъ все доброе и недоброе, какъ что̀ случилось [1]). По взгляду г. Забѣлина кромѣ воли князя и общій приговоръ дружины утверждалъ безпристрастіе и правду лѣтописной записи; иныя событія описывали даже сами дружинники, напр., междоусобныя войны, походы и т. п. (какъ въ лѣтописяхъ кіевской, волынской, суздальской и пр.); лѣтопись новгородская описываетъ свои городскія смуты. „Вообще предметы, которыми исключительно занимается лѣтопись, больше всего свѣтскіе, мірскіе, собственно городскіе, каковы даже новгородскія извѣстія о постройкѣ городскихъ церквей, или монастырей и т. п. Все это показываетъ, что лѣтопись велась всегда въ интересахъ своего города и всей русской земли... Извѣстно,

---

[1]) Якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся времена бытства земская необинуяся показуетъ; но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія по нихъ образи явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасѣ онаго великаго Селиверста Выдобитскаго не украшая пишущаго, да аще хощещи прочти тамо прилежно"..

что и царь Иванъ Васильевичъ составлялъ лѣтописецъ, прибирая къ старымъ новыя лѣта за свое время. Быть можетъ, такъ описывали свои лѣта и древніе князья... Лучшимъ подтвержденіемъ, что лѣтописныя записи составлялись не церковниками или монахами, а свѣтскими людьми, служитъ лѣтописный языкъ, господствующій отъ начала и до конца во всѣхъ спискахъ, языкъ простой, дѣловой, больше всего дьячій, и меньше всего церковничій, который всегда очень замѣтенъ только во вставныхъ отдѣльныхъ сказаніяхъ о лицахъ и событіяхъ, бывшихъ почему-либо особенно памятными для монастырскаго церковнаго чина. Все это заставляетъ предполагать, что составленіе лѣтописи было оффиціально въ томъ смыслѣ, что статьи писались и вносились во временникъ съ общаго приговора и обсужденія княжеской дружины или независимой городской дружины, какъ вѣроятно было, напр., въ Новгородѣ и Псковѣ. Вообще можно полагать, что лѣтопись составляли первые люди города, его грамотная, дѣйствующая и бывалая среда" [1]).

Трудно сказать, чтобы это дѣйствительно было такъ, и новѣйшіе изслѣдователи сомнѣваются въ такой организаціи лѣтописанія [2]). Напротивъ, нерѣдко въ немъ дѣйствовали болѣе или менѣе случайныя лица; если далѣе, по словамъ самого историка, каждый переписчикъ могъ становиться лѣтописцемъ, это уже не свидѣтельствовало о какой-либо правильной организаціи; съ другой стороны, если старая лѣтопись нерѣдко представляетъ только самыя сухія указанія событій, въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ о походахъ и битвахъ, такія извѣстія могутъ принадлежать скорѣе единичному лѣтописцу, чѣмъ цѣлой средѣ, напримѣръ, „дружинѣ"; наконецъ, по записямъ въ самыхъ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, лѣтописцами бывали люди весьма скромныхъ общественныхъ или церковныхъ положеній и уже въ силу этого едва ли могли быть довѣренными исполнителями общественнаго дѣла. Но хотя бы предположеніе нашего историка не могло быть поддержано въ его полномъ объемѣ, несомнѣнно одно, что лѣтописцами бывали люди, принимавшіе близко къ сердцу интересы своей области и своего города, а иногда интересы цѣлой русской земли: именно это настроеніе и должно было привлекать ихъ къ подобному труду, къ собиранію свѣденій, записыванію разсказовъ очевидцевъ,—примѣры такого личнаго собиранія свѣденій есть, какъ извѣстно, въ самой древней лѣтописи. Притомъ

---

[1]) Забѣлинъ, „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ". М. 1876, I, стр. 480—498.

[2]) Маркевичъ, О лѣтописяхъ, I, стр. 67, 80 и проч.

самая жизнь была еще несложная и если, напримѣръ, въ древнемъ періодѣ политическіе вопросы рѣшало вѣче не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и на сѣверо-востокѣ, то доступность свѣденій лѣтописцу довольно понятна.

Съ другой стороны, если, быть можетъ, не исключительное, то сильное участіе церковныхъ людей въ лѣтописаніи не подлежитъ сомнѣнію. Не говоря о томъ, что имена лѣтописателей, сохранившіяся въ существующихъ текстахъ, принадлежатъ по преимуществу, если не исключительно, людямъ церковнымъ (Несторъ лѣтописецъ, Сильвестръ игуменъ, Лаврентій мнихъ, Тимоѳей пономарь и т. д.), обиліе церковнаго поученія во всякомъ случаѣ указываетъ скорѣе на человѣка церковнаго, чѣмъ на человѣка свѣтскаго, какъ бы ни было распространено у всѣхъ тогдашнихъ книжныхъ людей благочестивое настроеніе. Примѣръ Поученія Владиміра Мономаха не можетъ говорить противъ этого, потому что самъ князь представлялъ собой личность исключительную: другіе свѣтскіе люди тѣхъ временъ не были такъ обильны въ цитатахъ изъ учительныхъ книгъ, какъ, напримѣръ, Даніилъ Заточникъ; авторъ Слова о полку Игоревѣ совсѣмъ обошелся безъ церковнаго поученія.

Начальная лѣтопись въ особенности соединяетъ историческій разсказъ съ нравственно-религіознымъ назиданіемъ, и это было весьма естественно. На первыхъ порахъ достовѣрной исторіи она должна была разсказать о крещеніи Владиміра и водвореніи христіанства въ русской землѣ. Это былъ величайшій фактъ въ нравственной жизни народа, и лѣтописцу сама собою представлялась мысль о противоположности тьмы язычества и свѣта истинной вѣры, погибели и спасенія, мысль о духовномъ просвѣщеніи, братолюбіи и христіанской добродѣтели, смѣнявшихъ грубые, звѣринскіе нравы язычества; но христіанство было еще ново, не всѣ утвердились въ его истинахъ и монастырскій книжникъ не терялъ случая внушать эти истины, какъ не однажды останавливались на этомъ современные проповѣдники; когда въ средѣ новаго общества проявлялись примѣры христіанскаго благочестія, любви къ книжному ученію, иноческаго подвига, это былъ естественный поводъ къ похвалѣ, особенно когда такую похвалу заслуживалъ князь, который могъ быть примѣромъ для окружающихъ; новая церковь уже въ первомъ вѣкѣ своего существованія имѣла святыхъ подвижниковъ и мучениковъ, — лѣтописецъ объясняетъ величіе ихъ христіанскаго подвига; наконецъ, когда въ современной народной жизни онъ видѣлъ остатки старыхъ языческихъ заблужденій, въ которыхъ пребывали даже люди, назы-

вавшіе себя христіанами, лѣтописецъ гнѣвно ополчался на это двоевѣріе; когда шли раздоры и междоусобія, церковному писателю повелѣвалъ долгъ говорить о мирѣ и братолюбіи. Словомъ, дѣйствительность могла давать постоянные поводы къ христіанскому поученію, и безъ сомнѣнія не свѣтскій, а церковный человѣкъ высказывалъ при этомъ постоянно сопровождавшую его мысль о душевномъ спасеніи. Въ изложеніе лѣтописи вошелъ такимъ образомъ не только подробный разсказъ о крещеніи Владиміра, о чемъ приходилось говорить отчасти уже на основаніи разнорѣчивыхъ преданій, не только житія святыхъ, но и цѣлые отрывки изъ церковныхъ поученій (напримѣръ, о казняхъ божіихъ). Если греческій хронологъ и не послужилъ для русскихъ книжниковъ образцомъ и побужденіемъ къ лѣтописанію, то былъ тѣмъ не менѣе большою помощью: онъ помогъ „положить числа", т.-е. установить хронологію, доставилъ не мало свѣденій о древнихъ народахъ и ихъ обычаяхъ и легендарныхъ сказаній.

Мы замѣтили выше, что въ настоящее время по тѣмъ позднимъ спискамъ, въ какихъ мы имѣемъ старую лѣтопись, почти нѣтъ возможности выдѣлить мѣстныя лѣтописи въ ихъ первоначальномъ видѣ — лѣтопись кіевскую, новгородскую, суздальскую и т. д. Мы имѣемъ обыкновенно своды, въ которыхъ съ теченіемъ времени смѣшались извѣстія лѣтописцевъ изъ различныхъ областей—до такой степени, что иногда ставятся рядомъ извѣстія совсѣмъ различнаго тона, взятыя видимо изъ разныхъ лѣтописей [1]). При всемъ томъ древняя лѣтопись не осталась по своему характеру безразлична. Сказанное выше относится въ особенности къ Начальной лѣтописи. Позднѣе, лѣтопись рѣдко возвышалась до такого широкаго представленія о цѣлой русской землѣ, до такого жизненнаго изображенія событій, до такого теплаго христіанскаго чувства! Правда, въ этомъ послѣднемъ отношеніи благочестивый характеръ лѣтописи остался повидимому неизмѣннымъ, но нѣтъ прежней непосредственности; патріотическое чувство руководитъ лѣтописцемъ какъ и въ старину, но рѣже освобождается отъ мѣстныхъ пристрастій для мысли о цѣльномъ единствѣ русскаго народа, и когда опредѣляется объединительная политика Москвы, лѣтопись московская отражаетъ въ себѣ всю нетерпимость этой политики... Въ самомъ древнемъ періодѣ лѣтопись представляетъ по разнымъ областямъ различные оттѣнки стиля. Давно замѣчены,

---

[1]) Ср. указанія подобнаго рода у Соловьева, Исторія Россіи, I, стр. 785 и далѣе; затѣмъ еще много другихъ сопоставленій дѣлано было позднѣйшими истолкователями лѣтописи, отъ Бестужева-Рюмина до Маркевича и др.

напримѣръ, живой, образный, почти поэтическій стиль волынской лѣтописи, который справедливо сближали съ поэтическимъ стилемъ Слова о полку Игоревѣ, или лаконическая сухость лѣтописи новгородской. Отъ древняго періода, говоритъ Соловьевъ, до насъ дошли двѣ лѣтописи сѣверныя (новгородская и суздальская) и двѣ южныя (кіевская съ явными вставками изъ черниговской, полоцкой и вѣроятно еще другихъ, и волынская). „Новгородская лѣтопись отличается краткостію, сухостію разсказа; такое изложеніе происходитъ, во-первыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договариватъ своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „Тому есмь радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ“. Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостію, образностію, можно сказать,—художественностію; преимущественно волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что новгородская лѣтопись относится къ южной—кіевской и волынской—какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись—кіевская и волынская—относятся къ сѣверной суздальской, какъ Слово о Полку Игоревѣ относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ“ [1]).

Въ послѣдующіе вѣка лѣтопись продолжалась съ тѣмъ же характеромъ погоднаго разсказа, отражая на себѣ волненія политической жизни, хотя, какъ мы замѣтили, уже рѣдко возвышаясь до многообъемлющаго національнаго взгляда. Борьба объединенія въ московскомъ центрѣ оставила въ лѣтописи свои слѣды, когда споры удѣльныхъ княженій съ Москвой отразились выраженіями взаимнаго недружелюбія: такъ, напримѣръ, особенно недружелюбія между Москвой и Новгородомъ, а также и Псковомъ. Историкамъ

[1]) Тамъ же, стр. 802.

бросался въ глаза особенный тонъ лѣтописи въ ту переходную эпоху, когда еще подъ татарскимъ игомъ готовилось московское объединеніе, когда просвѣщеніе падало и при всеобщемъ раздорѣ грубѣли нравы. „Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкѣ,—говоритъ Соловьевъ,—когда онъ остается съ одною Сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи,—а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ:—о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ Южной лѣтописи; въ Сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся, но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно,—все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ неразговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія и, однако, записалъ только, что „много нѣчто нестроеніе бысть“ [1]).

Во времена московскаго царства или еще ранѣе, съ половины XV-го вѣка, когда становится ясно преобладаніе Москвы, московская лѣтопись получаетъ оффиціальный характеръ. Не выяснено до сихъ поръ, кто былъ собственно исполнителемъ лѣтописнаго дѣла. Остались лишь извѣстія въ описи царскаго архива временъ Грознаго, изъ которыхъ заключаютъ, что лѣтопись составлялась при дворѣ [2]); но въ то же время лѣтописи велись, во-первыхъ, и не въ Москвѣ, а во-вторыхъ, составлялись и въ самой Москвѣ также частными лицами. Изъ временъ Ивана III есть лѣтописныя извѣстія никакъ не оффиціальныя,

---

¹) Тамъ же, стр. 1324—1325.

²) Въ этой описи читаемъ: „Списки черные, писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя (Адашева) взяты“; или: „Ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ Лѣтописецъ, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76“, т.-е. отъ 1560 до 1566 и 1568 (Акты Археографической Экспедиціи, т. I, № 289).

потому что въ нихъ съ насмѣшками говорится о походѣ великаго князя противъ Ахмата и о томъ, какъ великая княгиня Софья „бѣгала“ въ это время изъ Москвы, никѣмъ негонимая, а ея свита занималась грабежомъ мирныхъ жителей; во времена Грознаго, когда московская лѣтопись говорила съ похвалами о его дѣяніяхъ, лѣтопись псковская разсказывала съ негодованіемъ объ его казняхъ и другихъ неистовствахъ и т. д. Внѣшній характеръ лѣтописанія остается тотъ же. Историческая любознательность ограничивается, какъ прежде, чисто внѣшнимъ соединеніемъ лѣтописныхъ данныхъ, такъ что теперь составляются обширные лѣтописные своды, каковы, напримѣръ, такъ называемый Софійскій Временникъ, Царственная Книга, Патріаршая Лѣтопись и т. д.; старая Несторова лѣтопись по прежнему служитъ начальнымъ пунктомъ, и исторія ведется механически годъ за годомъ. Эти поздніе своды имѣютъ, однако, свое значеніе и для древняго историческаго періода, такъ какъ составители ихъ имѣли иногда въ рукахъ старыя лѣтописи, не сохранившіяся до нашего времени... Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ эпоха московскаго царства отразилась также стремленіемъ къ литературному объединенію. Такимъ фактомъ литературнаго объединенія были Четь-Минеи митрополита Макарія, въ которыхъ онъ хотѣлъ собрать въ порядкѣ календаря составъ древней русской письменности,— какъ въ церковномъ быту въ то же время совершалось другое объединеніе канонизаціей мѣстныхъ святыхъ и собираніемъ ихъ житій. Подобное стремленіе нашло мѣсто и въ лѣтописаніи. Съ одной стороны оно также стремится къ полнотѣ и своего рода обобщенію, дѣлая Москву центральнымъ пунктомъ исторіи русскаго государства, съ другой стороны, стараясь придать историческому изложенію извѣстное изящество. Главнымъ трудомъ подобнаго рода была Степенная Книга.

Прежде чѣмъ остановиться на этой порѣ московскаго лѣтописанія, должно упомянуть объ особомъ и весьма обширномъ отдѣлѣ старой исторической письменности, начатки котораго являются уже съ первою лѣтописью. Это—историческія сказанія и житія. Толкователи древней лѣтописи находили уже, что къ числу ея составныхъ частей принадлежалъ также цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній, которыя начальный лѣтописецъ имѣлъ передъ собой готовыми. Таковы были, по ихъ мнѣнію, не только болѣе или менѣе обширные историческіе эпизоды, представляющіе очевидную вставку, какъ разсказъ о Печерскомъ монастырѣ и игуменѣ Ѳеодосіи, разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ, новгородскій разсказъ объ Югрѣ и т. п., но даже и менѣе крупные эпизоды.

Съ теченіемъ времени лѣтописный разсказъ видимо представляется недостаточнымъ для исторической любознательности; важнымъ историческимъ событіямъ, наиболѣе замѣчательнымъ личностямъ начинають посвящать особыя, болѣе обстоятельныя повѣствованія, которыя разростаются все болѣе, начиная съ XIII-го вѣка и до временъ московскаго царства. Въ этихъ сказаніяхъ проходятъ вообще два стиля: съ одной стороны, это—распространенная лѣтопись или смѣсь лѣтописи и житія, съ другой,—попытка поэтическаго изложенія, ранній примѣръ котораго представляютъ Волынская лѣтопись и Слово о полку Игоревѣ. Правда, ничего подобнаго послѣднему не явилось въ дальнѣйшей письменности, но что оно не было забыто и сохранило свою привлекательность для старыхъ книжниковъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ явныя подражанія ему въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (въ „Задонщинѣ" и другихъ редакціяхъ). Гораздо болѣе былъ распространенъ первый типъ, соединеніе лѣтописнаго разсказа съ возвышеннымъ стилемъ житія. Если въ Словѣ доходило до письменности далекое отраженіе народно-поэтическаго преданія, то въ житіи авторитетнымъ образцомъ были византійскія житія, издавна знакомыя по южно-славянскимъ, а вскорѣ и русскимъ переводамъ. Житія мы встрѣчаемъ между первыми произведеніями возникавшей литературы, и притомъ уже въ отчетливо выработанной формѣ, каковы были, напримѣръ, Несторово житіе Ѳеодосія, житія Бориса и Глѣба. До какой степени было сильно вліяніе византійскихъ образцовъ, можно видѣть изъ всего характера нашей старой письменности въ ея учительномъ отдѣлѣ, гдѣ первые русскіе писатели не только съ полною точностію повторяли догматическія ученія, но въ тѣхъ же выраженіяхъ излагали и свои нравственныя назиданія, такъ что въ нашей письменности сразу водворился тотъ реторическій стиль, который давнею исторіей, исходя еще изъ преданій классической древности, выработался въ литературѣ византійской, а у насъ являлся вдругъ, неприготовленный ничѣмъ, такъ какъ никакого книжнаго прошлаго до христіанства не было, слѣдовательно, не могло сложиться никакого литературнаго преданія... Въ первое время, конечно, еще не могло быть такихъ извращеній, приведенныхъ недостаткомъ школы, какія бывали, какъ увидимъ, впослѣдствіи. Времена Ярослава считаются не безъ основанія эпохой свѣжаго подъема религіозныхъ и образовательныхъ стремленій, искренняго увлеченія новымъ ученіемъ, которое являлось дѣломъ душевнаго спасенія и вмѣстѣ національнымъ идеаломъ: такова была дѣятельность Печерскаго монастыря; таковъ былъ трудъ первыхъ писа-

телей, возвеличивавшихъ память князя Владиміра, который еще не былъ святымъ, трудъ начальнаго лѣтописца, трудъ монаха Іакова, Нестора, Иларіона, Ѳеодосія, нѣсколько позднѣе, Кирилла Туровскаго, и еще позднѣе, составителей Кіево-печерскаго Патерика. Между ними бывали люди съ большою начитанностію, но обыкновенно, и особливо въ первое время, имъ былъ необходимъ образецъ, какъ руководство. До какой степени они нуждались въ такомъ руководствѣ, можно видѣть по сдѣланнымъ недавно сличеніямъ Несторова житія Ѳеодосія съ его византійскими образцами (въ переводныхъ житіяхъ): когда Несторъ составлялъ это житіе, передъ нимъ былъ уже цѣлый рядъ подобныхъ житій. Такъ въ особенности въ житіи русскаго святого повторены не только отдѣльныя выраженія, но и цѣлые, болѣе или менѣе значительные эпизоды иноческаго подвига изъ житія Савы Освященнаго [1]); въ болѣе раннемъ Несторовомъ чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ, написанномъ подъ вліяніемъ сочиненія о томъ же предметѣ монаха Іакова, находятся также ссылки на житія Евстафія Плакиды, Димитрія Солунскаго и т. д. Такимъ образомъ уже въ первыхъ произведеніяхъ нашей старой письменности открывается вліяніе этого стиля, которое расширяется потомъ все болѣе въ послѣдующіе вѣка.

Рядъ подобныхъ историческихъ сказаній идетъ въ особенности съ XIII-го вѣка. Въ нихъ проходятъ важныя и страшныя событія и героическія лица русской жизни: нашествіе Батыя, о которомъ остались сказанія, частію фактическія, частію легендарныя; гибель въ ордѣ русскихъ князей—Михаила Черниговскаго и Михаила Тверсвого; жизнь князя Александра Невскаго, котораго историческая повѣсть то сравниваетъ съ Ахиллесомъ, извѣстнымъ по сказаніямъ о Троѣ, то изображаетъ какъ святого въ стилѣ житія; таково было нашествіе Мамая и отраженіе его Димитріемъ Донскимъ,—событіе, которое особенно поразило умы въ свое время, такъ какъ Донское побоище было первымъ, хотя еще не вполнѣ успѣшнымъ отпоромъ татарскому игу, и разсказъ о немъ въ различныхъ редакціяхъ, съ большимъ или меньшимъ количествомъ реторическихъ украшеній, переписывался потомъ множество разъ и дошелъ въ народной книгѣ до нашего времени. Затѣмъ разсказана была особо біографія Димитрія Донского: это было, собственно говоря, похвальное слово, написанное, кажется, не только съ книжнымъ, но и съ искреннимъ краснорѣчіемъ. Отдѣльное ска-

---

[1]) Длинный рядъ сопоставленій сдѣланъ г. Шахматовымъ въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, 1896, кн. I, стр. 46—65.

заніе было посвящено литовскому князю Довмонту, защитнику Пскова отъ нѣмцевъ; къ исторіи борьбы Новгорода съ шведами относится любопытный легендарный памятникъ „Рукописаніе Магнуша, короля свѣйскаго". Разсказано было нашествіе Тохтамыша, исторія Тамерлана или Темиръ-Аксака, „желѣзнаго хромца"; было особое сказаніе о паденіи Новгорода, о приходѣ Ахмата на Угру, о паденіи Пскова, объ осадѣ Пскова Баторіемъ и т. д. Въ этихъ сказаніяхъ историкъ найдетъ нерѣдко важныя показанія современниковъ, иногда близкихъ свидѣтелей событій, или найдетъ отголоски народныхъ преданій, но найдетъ также и обильную реторику—образчики распространявшагося тогда книжнаго стиля... Всѣ эти сказанія обыкновенно заносились потомъ въ лѣтопись, которая такимъ образомъ мало-по-малу превращалась въ историческій сборникъ и подготовляла позднѣйшіе обширные своды.

Обширный отдѣлъ старой письменности составили житія. Начало ихъ, какъ мы видѣли, положено было въ самую первую пору нашей письменности: житія князя Владиміра, Бориса и Глѣба, Ѳеодосія и пр. Впослѣдствіи эта литература разростается до весьма обширныхъ размѣровъ. Когда христіанство окончательно установилось, церковная жизнь все болѣе сливается съ жизнью народной: народное міровоззрѣніе строится по церковному содержанію; политическая жизнь еще не была объединена, и каждая область имѣетъ свою особую святыню, предметъ почитанія и гордости, на которомъ сосредоточивается патріотическое чувство и легенда. Религіозность со всею непосредственностію среднихъ вѣковъ окружаетъ ореоломъ святости князей, защищающихъ родину, святителей, охраняющихъ дѣло церкви, благочестивыхъ отшельниковъ, которые, удаляясь отъ міра, основывали обители въ пустынныхъ дебряхъ и становились колонизаторами, или предпринимали подвигъ распространенія христіанства между языческими инородцами и т. д. Ко временамъ московскаго царства это движеніе достигло своего апогея: каждая область, каждый крупный городъ имѣлъ свои святыни—въ древнемъ храмѣ, въ чудотворной иконѣ, въ мощахъ святого и угодника, и на этой почвѣ выросъ своеобразный эпосъ легенды, жившій въ устахъ народа, и затѣмъ болѣе или менѣе проникавшій въ письменность. Говоримъ: болѣе или менѣе, потому, что легенда далеко не всегда находила мѣсто въ книгѣ въ той формѣ, въ какой она жила въ устахъ народа; къ ней прибавился тотъ элементъ книжничества, о которомъ мы говорили, и который во многихъ случаяхъ ли-

шилъ народное сказаніе его непосредственности, закрывъ его условными формами изукрашеннаго стиля.

До сихъ поръ еще не вполнѣ выдѣлены разнородные элементы обширной литературы житій [1]). Лишь въ немногихъ случаяхъ сохранились такъ называемыя первичныя редакціи, въ которыхъ излагались основные факты, развитые потомъ въ пространныхъ житіяхъ; важныя исторически, какъ сообщеніе факта, эти первичныя редакціи [2]) представляютъ мало интереса въ литературномъ отношеніи, какъ нѣчто похожее на черновой набросокъ, не отражающій вполнѣ народной легенды. Съ другой стороны пространныя редакціи, уже издавна принимавшія искусственный книжный стиль, въ силу этого значительно теряли и въ

---

[1]) Этому вопросу посвящено было до сихъ поръ не мало болѣе или менѣе важныхъ трудовъ. Послѣ „Исторіи русской словесности“ Шевырева, „Исторіи русской церкви“ Макарія, „Обзора духовной литературы“ Филарета и пр., которые касались литературы житій, или непосредственно принимая ихъ содержаніе или прилагая къ нимъ лишь первоначальную критику степени ихъ исторической достовѣрности, одними изъ первыхъ трудовъ, гдѣ затронутъ былъ цѣлый вопросъ легендарной поэзіи и даны примѣры детальнаго разбора нѣкоторыхъ сказаній, были:

— Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, Буслаева, Спб. 1861, два тома. Здѣсь: разборъ смоленской легенды о святомъ Меркуріи, ростовской легенды о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ; „Идеальные женскіе характеры древней Руси“ (Марѳа и Марія, Юліанія Лазаревская), „Новгородъ и Москва“, „Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ“, „Видѣніе Мартирія, основателя Зеленой пустыни“, муромская легенда о Петрѣ и Февроніи въ сопоставленіи съ пѣснями древней Эдды о Зигурдѣ и пр. Раньше авторъ касался древней легенды въ „Лѣтописяхъ русской литературы о древности“ Тихонравова, т. III и IV.

— Ив. Некрасова, „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“. Часть первая (второй не было). Одесса, 1870.

— В. Ключевскаго, „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. М. 1871, — лучшее критическое изслѣдованіе объ историческомъ значеніи житій, времени ихъ написанія, ихъ различныхъ редакціяхъ и т. д.; трудъ замѣчательный тѣмъ болѣе, что авторъ работалъ почти исключительно на основаніи рукописей.

— Е. Голубинскаго, „Исторія русской церкви“.

— В. Васильева, „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“. М. 1893 (Изъ „Чтеній“ московскаго Общ. ист. и древн.).

Пересказы содержанія житій въ книгѣ архіепископа Филарета: „Русскіе святые“, 1861—1868. Библіографическій обзоръ рукописей въ книгѣ Н. Барсукова: „Источники русской агіографіи“. Старые тексты житій и легендарныхъ сказаній въ составѣ лѣтописи издавались въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“ и въ старыхъ изданіяхъ Степенной книги, Никоновской лѣтописи и пр.), и отдѣльно въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, Костомарова, въ различныхъ изданіяхъ Срезневскаго, въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности, въ Макарьевскихъ Минеяхъ, издаваемыхъ Археографической Коммиссіей и т. д.

[2]) Которымъ особенное значеніе придавалъ И. Некрасовъ.

исторической важности и въ смыслѣ народно-поэтическаго склада преданій. Вслѣдствіе этого взглядъ на житія, какъ литературный памятникъ, складывался различно. Когда изученіе ихъ только-что начиналось, въ нихъ ожидали найти богатый запасъ какъ исторически-бытового, такъ и народно-поэтическаго содержанія,— и г. Буслаеву въ упомянутыхъ трудахъ удалось дѣйствительно указать въ литературѣ житій эпизоды, очень любопытные и характерные въ томъ и другомъ отношеніи. Но относительно массы этой литературы изслѣдователи, какъ г. Ключевскій, приходили скорѣе къ отрицательному выводу: житія давали меньше для бытовой исторіи и для заключеній о народной поэзіи, чѣмъ можно было бы ожидать. Здѣсь именно сказался общій характеръ старой письменности, которая, устранивши вообще народно-поэтическое преданіе, не могла непосредственно примкнуть къ нему и тамъ, гдѣ это преданіе дѣйствовало уже на христіанско-легендарной почвѣ. Тотъ книжный реторическій стиль, который появился въ первыхъ памятникахъ въ подражаніе греческимъ образцамъ, съ теченіемъ времени возобладалъ до такой степени, что для книги иной, болѣе простой и живой стиль казался уже какъ-будто невозможнымъ. При недостаткѣ школы не было и простого отношенія къ литературному труду: надо было прежде всего казаться книжнымъ человѣкомъ; книжный человѣкъ долженъ былъ умѣть говорить „отъ писанія", старался употреблять изысканныя выраженія, считая недостойнымъ книги простой языкъ жизни; книжные люди за недостаткомъ школы могли быть только начетчиками, знаніе которыхъ было только внѣшнее, буквальное, какъ это послѣ и отразилось на расколѣ XVII-го вѣка.

Наши средніе вѣка отъ татарскаго нашествія и до московскаго царства были, несомнѣнно, упадкомъ относительно тѣхъ началъ, какія мы наблюдаемъ въ первые вѣка нашей письменности. Россія сѣверо-восточная во всякомъ случаѣ была дальше отъ образовательныхъ и культурныхъ возбужденій, чѣмъ былъ старый Кіевъ и даже Новгородъ. Литература теряетъ прежнюю свѣжесть и разнообразіе, и книжная искусственность еще усиливается: съ XIV—XV вѣка, при отсутствіи другихъ образовательныхъ возбужденій, начинается особенное вліяніе письменности южно-славянской, особливо сербской.

Южно-славянскія царства переживали въ XIV вѣкѣ тяжелый историческій кризисъ: за политическимъ подъемомъ болгарскаго и и сербскаго царства послѣдовало страшное паденіе; оба царства были уничтожены турецкимъ нашествіемъ задолго до паденія Константинополя, и національная жизнь искала спасенія въ цер-

ковно-литературной дѣятельности, центромъ которой сталъ Аѳонъ. Въ тревожныхъ событіяхъ византійской жизни послѣднихъ временъ имперіи Аѳонъ, какъ извѣстно, игралъ важную роль, которая отразилась и въ его вліяніи на славянскую письменность. Это было средоточіе религіознаго возбужденія, однимъ изъ созданій котораго была и въ нашей литературѣ дѣятельность Нила Сорскаго; здѣсь было средоточіе и дѣятельности книжной, отголоски которой дошли и до сѣверо-восточной Россіи: русскіе благочестивые книжные люди живали въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, усердно списывали книги, а также и переводили ихъ и приносили ихъ домой; происходилъ новый притокъ южно-славянскихъ книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали приходить въ Россію и южнославянскіе ученые книжники. Таковъ былъ знаменитый митрополитъ Кипріанъ, южно-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Пахомій Логоѳетъ, полу-болгары, полу-сербы. Послѣдній въ особенности ознаменовалъ себя въ литературѣ русскихъ житій.

Южно-славянская письменность XIV—XV вѣка имѣла одну отличительную черту, которая повторилась и въ нашей письменности. Если бывали между южно-славянскими писателями люди съ большою начитанностью и дарованіемъ, то у людей безъ этого дарованія и безъ настоящаго глубокаго содержанія, но желавшихъ блистать ученою книжностію, развилось до непомѣрныхъ размѣровъ то, что называли „доброcловіемъ". Это бывалъ наборъ пышныхъ словъ, доходившій нерѣдко до полной безсмыслицы [1]). Эта манера перешла въ XV столѣтіи и къ нашимъ книжникамъ. Въ это время житіе вообще получаетъ новый характеръ: въ немъ становится важнымъ не столько сообщеніе фактовъ, сколько поученіе въ аскетическомъ духѣ, и для этого послѣдняго въ изобиліи примѣнено было южно-славянское „доброcловіе" и „плетеніе словесъ". Старыя житія, въ которыхъ этого не было, стали казаться неудовлетворительными, и теперь сочли нужнымъ писать ихъ вновь, составлять новыя редакціи. Въ этомъ направленіи работалъ уже Кипріанъ, составившій новую редакцію житія митрополита Петра, но въ особенности Пахомій Логоѳетъ; рядомъ съ ними ставятъ еще „премудраго" Епифанія, автора житій Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго (въ первой половинѣ XV вѣка). Епифаній писалъ уже въ новомъ стилѣ: начитанный въ литературѣ житій русскихъ и переводныхъ, въ церковномъ краснорѣчіи, онъ обильно расточалъ въ своихъ

¹) Примѣры такого доброcловія приведены въ книгѣ Гильфердинга: „Боснія, Герцеговина и старая Сербія". Спб. 1859, стр. 277—279.

житіяхъ реторическія фигуры и многословіе, и такъ любилъ „плетеніе словесъ“, что для описанія нрава Сергія подобралъ восемнадцать прилагательныхъ, а для Стефана двадцать пять. „Епифаній не былъ москвичъ,—замѣчаетъ г. Ключевскій,—и не смотрѣлъ на событія московскими глазами: какъ въ жизни Стефана онъ упрекнулъ москвичей за недостаточное признаніе подвиговъ пермскаго просвѣтителя, такъ въ правдивомъ разсказѣ о переселеніи Сергіева отца изъ Ростова не задумался выставить главной причиной событія московскія насилія“ [1]). Но премудрый Епифаній былъ еще превзойденъ сербиномъ Пахоміемъ, іеромонахомъ Святой Горы, который сталъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей XV вѣка.

Пахомій,—по словамъ г. Ключевскаго,—„вышелъ изъ средоточія православной греко-славянской образованности XIV—XV в., изъ Святой Горы, и вынесъ оттуда высокое понятіе объ охранительной силѣ родной письменности для племени... Пахомія много читали въ древней Руси и усердно подражали пріемамъ его пера: его творенія служили едва ли не главными образцами, по которымъ русскіе агіобіографы съ конца XV в. учились искусству описывать жизнь святого“. Въ глазахъ русскихъ книжниковъ XV в. это былъ человѣкъ „отъ юности усовершившійся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшій всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію“. „Такой человѣкъ былъ нуженъ на Руси въ XV в., и потому, когда онъ явился здѣсь, великій князь и митрополитъ съ соборомъ, новгородскій владыка и игуменъ монастыря обращались къ нему съ просьбами и порученіями написать о томъ или другомъ святомъ. Достаточно пересчитать творенія Пахомія, приведенныя въ извѣстность, чтобы видѣть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что новаго внесло оно въ русскую письменность. Пахомій написалъ не менѣе 18 канановъ и 3 или 4 похвальныя слова святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій; изъ послѣднихъ только 3 можно считать оригинальными произведеніями, остальныя—новыя редакціи или переложенія прежде написанныхъ біографій. Запасъ русскихъ церковныхъ воспоминаній, накопившійся къ половинѣ XV в., надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ ограниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь эти воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія, въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь

[1]) Ключевскій, стр. 131.

вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для простого историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія... Воспроизводя тотъ или другой источникъ, Пахомій нисколько не заботился о томъ, чтобы исчерпать его вполнѣ, и вслѣдствіе разныхъ причинъ допускалъ много неточностей въ своемъ воспроизведеніи... недостатокъ непосредственнаго знакомства съ дѣйствительностью онъ восполнялъ реторикой житій, которая многому давала невѣрную окраску" [1]).

Пахомій былъ какъ бы оффиціальнымъ составителемъ житій и каноновъ и пользовался великой славой; его звали и въ Москву и въ Новгородъ, чтобы пользоваться его искусствомъ, и его дѣятельность не осталась безъ плодовъ [2]). Въ литературѣ житій XVI вѣка и позднѣе прочно установился стиль, выработанный предъидущимъ временемъ.

Особенное распространеніе литературы „житій", „каноновъ", „чудесъ" приведено было дѣятельностью знаменитаго митрополита Макарія, а именно, эти произведенія понадобились при канонизаціи русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ. Тотъ же историкъ житій отмѣчаетъ, что это новое движеніе, возбужденное канонизаціей и церковно-историческими наклонностями Макарія, можетъ быть признано однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ проявленій централизаціи, которая развивалась въ русской церкви, рядомъ съ государственной, но что оно не приносило

[1]) Ключевскій, стр. 165—167. Онъ приводитъ замѣчаніе лѣтописца, „можетъ быть, единственное въ древне-русской литературѣ" (Полн. собр. лѣт. VI, стр. 196), о томъ, какъ Пахомій (исполняя порученіе высшей власти) писалъ слово о обрѣтеніи мощей св. Петра въ 1472: „а въ словѣ томъ написа, яко въ тѣлѣ" (т.-е. нетлѣннымъ) „обрѣли чудотворца, невѣрія ради людскаго, занеже кой только не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ, а того не помянутъ, яко кости наги источаютъ исцѣленія".

[2]) Одновременно съ г. Ключевскимъ, который посвятилъ Пахомію цѣлую главу своей книги, на немъ спеціально остановился Ив. Некрасовъ: „Пахомій сербъ, писатель XV вѣка", въ Запискахъ новоросс. университета, т. VI, стр. 1—99. Одесса, 1871,—изслѣдованіе, написанное впрочемъ весьма запутанно. Относительно сербскаго вліянія ср. А. Соболевскаго: „Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ". Спб. 1894. Между прочимъ наплывъ южно-славянскихъ памятниковъ и прямое вліяніе южно-славянскихъ книжниковъ отразились фальшивой изысканностью языка, въ подражаніе южно-славянскому доброословію, и даже возвращеніемъ къ старо-славянскому правописанію (напр.: сіа, добраа, самодръжецъ; Арсеніе, Діонисіе, вмѣсто: Арсеній, Діонисій и т. п.), что въ русской книгѣ XV в. было совершенно нелѣпо,—но эта нелѣпая манера удержалась у многихъ нашихъ книжниковъ не только въ XVI, но даже въ XVII вѣкѣ.

съ собой никакого новаго литературнаго успѣха: оно „только утверждало господство установившихся литературныхъ формъ житія, не внося потребности въ болѣе широкомъ изученіи и въ менѣе условномъ пониманіи историческихъ фактовъ"; въ результатѣ произошло только внѣшнее размноженіе этой литературы, — „въ четверть вѣка написано было о русскихъ святыхъ не меньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Макарія"[1]. Но рядомъ съ этими изукрашенными оффиціальными житіями, развивались и другія, гораздо болѣе простого стиля, болѣе близкія къ жизни, появленіе которыхъ объясняется тѣмъ, что они составлялись независимо отъ оффиціальныхъ требованій, не ставили себѣ цѣлью быть именно церковнымъ документомъ, а хотѣли только сохранить воспоминаніе о славившемся мѣстномъ подвижникѣ и писались людьми, не ухищренными въ „философіяхъ"[2]: у настоящихъ книжниковъ, конечно, гораздо выше цѣнились тѣ произведенія, которыя преисполнены были доброслові емъ и плетеніемъ словесъ.

Новымъ источникомъ историческихъ свѣденій являлся Хронографъ. Этимъ именемъ обозначалась первоначально переводная византійская лѣтопись—Амартола, Малалы, извѣстныхъ еще нашимъ старѣйшимъ лѣтописцамъ, Манассіи. Позднѣе, подъ Хронографомъ подразумѣвался особаго рода компилятивный памятникъ, собранный главнымъ образомъ изъ тѣхъ же писателей и дополненный изъ другихъ византійскихъ источниковъ, изъ русскихъ лѣтописей, изъ нѣсколькихъ памятниковъ южно-славянской исторической литературы, наконецъ изъ отдѣльныхъ сказаній. Хронографъ въ послѣдніе вѣка старой нашей письменности былъ одною изъ самыхъ распространенныхъ книгъ, потому-что это была единственная книга по всеобщей исторіи, рядомъ съ которою излагалась также и русская. Изслѣдованіе Хронографа, сдѣланное въ шестидесятыхъ годахъ въ замѣчательной книгѣ Андрея Попова, представляло большую трудность именно по массѣ матеріала, какой представляли сотни рукописей въ разнообразныхъ редакціяхъ, произвольно переплетавшихся между собою. По общему обычаю старой книжности, уклонявшейся отъ книгопечатанія, когда оно дѣйствовало уже цѣлыми вѣками, Хронографъ былъ произведеніемъ, авторъ котораго остался неизвѣстенъ; форма его была неустановлена и могла измѣняться по усмотрѣнію

---

[1]) Ключевскій, стр. 227, 231, 243.

[2]) Объясненіе происхожденія этого стиля житій у Ключевскаго, стр. 365 и далѣе. Ср. также стр. 209, 269 и др. (о лѣтописныхъ повѣстяхъ, составленныхъ тайкомъ отъ церковныхъ властей).

каждаго книжника. Это былъ сборникъ, содержаніе котораго можно было измѣнять, переставляя статьи, дополняя ихъ прибавками изъ какихъ-нибудь новыхъ источниковъ, такъ что каждый новый списокъ могъ быть особой редакціей. Разобравшись въ массѣ рукописей изъ разныхъ собраній Москвы и Петербурга, упомянутый изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что рукописи Хронографа распадаются на нѣсколько главныхъ отдѣловъ, которые отчасти были одновременными варіантами его основного содержанія, отчасти были ступенями въ постоянномъ возростаніи этого сборника [1]). Старѣйшей формой Хронографа онъ считаетъ такъ называемый Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, составленный въ XV вѣкѣ; далѣе слѣдуетъ собственный Хронографъ, составленіе котораго помѣчено 1512 годомъ; вторая редакція Хронографа, доведенная до воцаренія Михаила Θедоровича съ новымъ предисловіемъ, съ другимъ распорядкомъ статей и съ новыми добавленіями, составлена въ 1617 году, хотя въ различныхъ спискахъ историческое изложеніе продолжено до воцаренія Алексѣя Михайловича; наконецъ, нѣсколько видовъ Хронографа особаго состава, доходящихъ до второй половины XVII вѣка [2]). Такъ называемая вторая редакція Хронографа отличается отъ его старѣйшихъ формъ въ особенности тѣмъ, что въ то время какъ первыя собраны исключительно изъ византійскихъ и южнославянскихъ источниковъ и русскихъ лѣтописей и историческихъ сказаній, вторая редакція въ первый разъ представляетъ заимствованія изъ Всемірной Хроники Мартина Бѣльскаго и латинскихъ космографій: это былъ одинъ изъ первыхъ фактовъ польскаго вліянія на нашу старую письменность... Изъ того, что̀ мы говорили раньше о томъ, какъ долго послѣ Петровской реформы держалась книжная старина, можно впередъ угадывать, что Хронографъ и теперь имѣлъ своихъ читателей: такъ это дѣйствительно и было,—списки XVIII-го вѣка очень нерѣдки.

Таковъ былъ историческій горизонтъ стараго русскаго книжника. Горизонтъ былъ неширокъ. Историческое пониманіе собственной старины заключалось въ повтореніи старой лѣтописи, въ механическихъ компиляціяхъ, въ повтореніи старыхъ историче-

---

[1]) Обзоръ Хронографовъ русской редакціи. Андрея Попова. Два выпуска, М. 1866—1869, и какъ приложеніе къ Обзору: Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869.

[2]) Новые изслѣдователи, разбиравшіеся въ хронографахъ, находятъ даже обстоятельныя подраздѣленія статей, принятыя Андреемъ Поповымъ, не полными; ср. Платонова, „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ". Спб. 1888, стр. 322.

скихъ сказаній безъ всякой мысли объ ихъ сличеніи и критикѣ, при чемъ извѣстія противорѣчивыя ставились иногда рядомъ не примиренными; обширный отдѣлъ житій святыхъ лишь нерѣдко носилъ живыя черты русскаго быта и нравовъ,—это послѣднее было лишь тамъ, гдѣ писавшій не имѣлъ въ виду принятаго литературнаго обычая и какъ бы только собиралъ воспоминанія для себя и своего ближайшаго круга,—но въ большинствѣ произведенія этого рода съ самаго начала носили печать подражанія, а потомъ подъ вліяніемъ южно-славянскихъ риторовъ впадали въ крайность того книжническаго доброслованія, о которомъ мы выше говорили. Наконецъ, въ Хронографѣ древній русскій историкъ получалъ отрывочныя свѣденія по византійской исторіи: въ непосредственныхъ источникахъ его эти свѣденія кончались 1081 годомъ, и затѣмъ они продолжались только немногими случайными извѣстіями и кончались, безъ связи съ предъидущимъ, отдѣльною повѣстью о завоеваніи Царяграда турками... Для старыхъ русскихъ книжниковъ и этотъ Хронографъ былъ однако драгоцѣнной книгой: они почерпали изъ него ученыя ссылки, отсюда брались поучительные историческіе примѣры, которые служили не только для соображеній книжниковъ, но и для самой правительственной власти [1]... Этотъ запасъ историческихъ познаній, не измѣнявшійся цѣлыми вѣками, былъ наконецъ подновленъ упомянутой хроникой Мартина Бѣльскаго, книгой Конрада Ликостена, которыя опять до самаго XVIII-го вѣка остались историческимъ авторитетомъ... То движеніе, которое повело въ половинѣ XVI вѣка къ составленію Макарьевскихъ Миней, къ собиранію и объединенію житій святыхъ, отразилось и здѣсь опытами объединенія историческаго матеріала въ цѣльные труды по русской исторіи. Мы видѣли, что наша поздняя лѣтопись вообще представляетъ не отдѣльные историческіе труды, веденные спеціально въ данной мѣстности или въ данныхъ интересахъ, а всего чаще, если не исключительно, своды, т.-е. сборники; такъ и теперь цѣльный историческій трудъ могъ представляться только въ формѣ компиляціи и составленіе такой компиляціи является повидимому также дѣломъ оффиціальнымъ... Происхожденіе лѣтописныхъ сводовъ XVI вѣка, которые извѣстны теперь подъ названіями Софійскаго Временника, Воскресенской лѣтописи, Никоновской лѣтописи, Царственной книги, Степенной книги, до сихъ поръ не выяснено. По всей вѣроятности они по общему обычаю составлялись мало-

---

[1]) Ср. книгу Терновскаго, „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси". Кіевъ, 1875—1876, два выпуска.

по-малу, опираясь на болѣе ранніе своды; кромѣ лѣтописи, въ число ихъ источниковъ начинаетъ входить Хронографъ, такъ что въ рядъ русскихъ событій вставляются эпизоды и изъ византійской исторіи; затѣмъ эти своды продолжаются и редактируются лицомъ, которое имѣетъ возможность пользоваться оффиціальными документами и свѣденіями; наконецъ, подобные обширные сборники украшаются сплошь картинами, такъ что получается лѣтопись въ „лицахъ", т.-е. разрисованнная и раскрашенная. Объ изготовленіи такихъ лицевыхъ лѣтописей есть пока немногія извѣстія, извлеченныя г. Забѣлинымъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Оружейной палаты: здѣсь упоминаются въ 1639 году (что̀ приходится во время ученія Алексѣя Михайловича) „книги царственныя знаменныя въ лицахъ", переданныя въ оружейный приказъ изъ казеннаго приказа, быть можетъ, для возобновленія; такимъ же образомъ въ 1677 году „дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ Оружейную палату книгу царственную въ лицахъ, писана на александрѣйской бумагѣ, въ десть, была переплетена и изъ переплету вывалилась и многіе листы означенены, а не выцвѣчены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста; а приказалъ тое книгу расцвѣтить жалованнымъ московскимъ и кормовымъ иконописцамъ; а которые драные листы въ той книги и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ, тое книгу выдалъ ему отъ великаго государя (Ѳеодора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово". Такимъ образомъ эти рукописи изготовлялись художниками оружейной палаты для царскаго двора. При бояринѣ Матвѣевѣ такая художественная дѣятельность, кромѣ оружейной палаты, совершалась и въ посольскомъ приказѣ. До̀ нашего времени дошли образчики подобныхъ лицевыхъ лѣтописей, какъ, напр., „Царственная книга", рисунками которой пользовался г. Буслаевъ для изученія старой русской живописи. Новѣйшій изслѣдователь этой лицевой Царственной книги замѣчаетъ, что, судя по этой рукописи, „текстъ писался раньше рисунковъ, для которыхъ оставлялись мѣста; затѣмъ эти мѣста заполнялись прорисями, сдѣланными свинцовымъ карандашомъ, а потомъ обведенными чернилами; такіе означененные листы выцвѣчивались, то-есть, раскрашивались". Рукописи старой царской библіотеки не сохранились, но о нихъ даютъ вѣроятно понятіе уцѣлѣвшія лицевыя лѣтописи со множествомъ рисунковъ извѣстнаго иконописнаго стиля. Изслѣдуя лицевую „Царственную книгу", принадлежащую синодальной библіотекѣ, г. Буслаевъ относилъ ея рисунки къ XVI вѣку и считалъ ихъ произведеніемъ новгородскихъ художниковъ; съ другой

стороны было высказано мнѣніе, что характерность отдѣльныхъ фигуръ позволяетъ видѣть въ нихъ портреты; но такъ какъ самая рукопись должна быть отнесена ко второй половинѣ XVII вѣка, то эти изображенія могли быть копіей съ болѣе древнихъ оригиналовъ. Новый изслѣдователь Царственной книги сомнѣвается въ возможности этихъ предположеній. „Дѣло въ томъ, — говоритъ онъ,—что даже тамъ, гдѣ, по необходимости поправить текстъ, старый листъ замѣняется новымъ, даже тамъ, гдѣ такъ естественно было сохранить старый рисунокъ, мы такого сохраненія не находимъ. Рисунки тѣхъ листовъ „Царственной книги", текстъ которыхъ переписанъ съ „Никоновской съ рисунками", и тѣхъ листовъ этой послѣдней, которые послужили оригиналомъ для писца „Царственной книги",—разные. Наконецъ, есть прямое свидѣтельство о томъ, что многіе рисунки сочинялись вновь: это помѣты, сдѣланныя скорописью и заказывающія тѣ или другія перемѣны въ рисункѣ: „царя писать тутъ надобе стара", или: „тутъ написать у государя столъ безъ доспѣховъ да столъ великъ" и т. п.; иногда же прямо требуются два рисунка, вмѣсто одного: „ту написати на двое дѣяніе" или: „росписать на двое венчаніе да бракъ". Но, конечно, нѣкоторая самостоятельность художниковъ XVII вѣка не исключаетъ ихъ зависимости въ типахъ и пріемахъ рисованія отъ подлинниковъ XVI вѣка, еслибы существованіе таковыхъ было доказано" [1]).

Но самымъ замѣчательнымъ сводомъ XVI вѣка была такъ называемая „Степенная книга". Новѣйшіе историки обыкновенно называютъ ее Кипріано-Макарьевскою: предполагается, что составленіе ея начато было тѣмъ же митрополитомъ Кипріаномъ, который былъ однимъ изъ главныхъ вводителей и представителей южно-славянскаго вліянія въ нашей старой письменности [2]), и что она довершена была Макаріемъ. Степенною она названа была потому, что изложеніе событій расположено въ ней по родословнымъ *степенямъ* великихъ князей; этихъ степеней отъ Владиміра и до половины XVI вѣка было насчитано семнадцать. Такимъ образомъ первая попытка внести какую-либо историческую систему или расчлененіе въ безформенную массу лѣтописи ограничилась пока чисто внѣшнимъ установленіемъ великокняже-

---

[1]) А. Прѣсняковъ, „Царственная книга, ея составъ и происхожденіе". Спб. 1893, стр. 32—33. Замѣчаніе г. Буслаева о Царственной книгѣ въ „Историческихъ Очеркахъ", II, стр. 308 и далѣе.

[2]) Есть свидѣтельство у Татищева, что Кипріанъ описывалъ „степени великихъ князей русскихъ"; есть списокъ Степенной книги, который доходитъ только до тринадцатой степени, современной Кипріану. Онъ умеръ въ 1406.

ской генеалогіи; возможно, что мысль такого плана заимствована была изъ южно-славянскаго образца. Но было здѣсь и политическое предположеніе, отвѣчавшее опредѣлявшимся тогда стремленіямъ великаго княжества московскаго. Мы видѣли раньше, что возвышеніе московскаго великокняжества имѣло своихъ преданныхъ сторонниковъ въ средѣ духовенства, и какъ церковная дѣятельность московскихъ митролитовъ, со времени перенесенія митрополіи въ Москву, была могущественнымъ содѣйствіемъ политическимъ замысламъ московскихъ князей, такъ это участіе духовенства отразилось и различными литературными явленіями: въ пользу Москвы дѣйствовали монастыри: обители Сергія Радонежскаго, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоцкаго; въ этой средѣ возникала легенда, подготовлявшая убѣжденіе, что московское самодержавіе было прямымъ и единственнымъ преемствомъ православнаго царства, которое съ половины XV вѣка перестало существовать въ Царьградѣ: начало преемства возводилось легендой ко временамъ Владиміра Святого, получившаго царскія регаліи отъ византійскаго императора, а въ самой Византіи эти регаліи шли еще отъ самого Навуходоносора. Мы имѣли случай говорить о томъ, какая роль въ развитіи представленія о царственномъ авторитетѣ, долженствовавшемъ утвердиться въ Москвѣ, принадлежала южно-славянскимъ выходцамъ, какъ митрополитъ Кипріанъ и даже сербинъ Пахомій Логоѳетъ [1]). Съ этимъ согласно и построеніе русской исторіи въ Степенной книгѣ, гдѣ эта исторія представляется именно въ „степеняхъ“ преемства власти со временъ Владиміра Святого и до московскихъ князей: все частное, мѣстное, самостоятельное исчезало или становилась только второстепеннымъ въ исторіи этой власти. Если Степенная книга была задумана въ этомъ смыслѣ митр. Кипріаномъ, то Макарій совершенно естественно могъ быть ея довершителемъ: общіе взгляды были тѣ же и тотъ же былъ стиль изложенія, отмѣченный уже прочно утвердившимся доброcловіемъ.

Настоящее заглавіе Степенной книги въ рукописи [2]): „Сказаніе о святѣмъ благочестіи русскихъ началодержецъ и сѣмени ихъ святаго и прочихъ“, и затѣмъ названіе книги установилось изъ первыхъ строкъ введенія, которое приводимъ, какъ образчикъ торжественнаго тона, который приданъ цѣлому этому творенію: „Книга степенная царскаго родословія, иже въ Рустей землѝ въ благочестіи просіявшихъ Богоутвержденныхъ скипетродержителей,

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1894, январь, стр. 279 и далѣе.

[2]) По изданію Герарда-Фридриха Миллера. М. 1775, двѣ части.

иже бяху отъ Бога яко райская древеса насаждени при исходищихъ [1]) водъ, и правовѣріемъ напояеми, благоразуміемъ же и благодатію возрастаеми, и Божественною славою осіяваеми явишася, яко садъ доброрастенъ, и красенъ листвіемъ и благоцвѣтущъ, многоплоденъ же и зрѣлъ, и благоуханія исполненъ, великъ же и высоковерьхъ, и многочаднымъ благородіемъ, яко свѣтило зрачными вѣтьвми разширяемъ, богоугодными же добродѣтельми преспѣваемъ, мнози отъ корени и отъ вѣтвей многообразными подвиги, яко златыми степеньми, на небо восходную лѣствицу непоколеблемо воздрузиша, по неи же невозбраненъ къ Богу восходъ утвердиша, себѣ же и сущимъ по нихъ. Имъ же бяше благочестію начальница богомудрая въ женахъ, святая и равноапостольная Великая Княгиня Ольга" и пр.

Степенная книга, какъ можно видѣть уже по этимъ строкамъ введенія, являлась въ одно время исторіей церковной и гражданской: это было возвеличеніе царской власти, подкрѣпляемое церковнымъ назиданіемъ; стиль ея тотъ же, какой унаслѣдованъ былъ Макаріемъ или его сотрудниками отъ эпохи Кипріана, Цамвлака, Пахомія Логоѳета и ихъ русскаго соревнователя Епифанія, — историческое введеніе Степенной книги говоритъ языкомъ житія или канона, украшенныхъ плетеніемъ словесъ. Историкъ древнихъ житій предполагаетъ, что составленіе Степенной книги было начато или задумано послѣ собора 1547 года, послѣ Четьихъ-Миней въ послѣдніе годы жизни митрополита Макарія. Въ Степенной книгѣ, изобилующей житіями, эти послѣднія отличаются особыми редакціями, такъ что при всемъ единствѣ общаго тона въ произведеніяхъ книжниковъ, окружавшихъ Макарія, „самъ Макарій и книжники его времени дѣлали различіе между житіемъ для Четьихъ-Миней и исторической біографіей, какая требовалась для историческаго сборника: въ Минеи заносилось житіе, облеченное въ реторику похвальнаго слова; для Степенной нужно было жизнеописаніе менѣе витіеватое, но болѣе обильное біографическими подробностями" [2]).

Степенная книга, какъ мы сказали, исполнена житіями. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ исторія княгини Ольги разсказана какъ житіе, котораго древняя лѣтопись еще не знала. Житіе ведется въ обычномъ тонѣ произведеній этого рода, съ многочисленными рѣчами (напримѣръ, къ князю Игорю, когда Ольга перевозила его на лодкѣ, къ древлянскимъ посламъ, къ визан-

---

[1]) У Миллера: исходящихъ.

[2]) Ключевскій, стр. 242—248.

тійскому императору и т. д.), и все изложеніе ведется въ этомъ торжественномъ тонѣ, котораго реторика становилась уже съ этихъ поръ оффиціальнымъ придворнымъ стилемъ. Между прочимъ эта реторика отвѣчала и вкусамъ самого царя, къ юности котораго относится составленіе Степенной книги [1]). Извѣстно, наконецъ, что въ Степенную книгу была оффиціально занесена та генеалогія, которая производила первыхъ русскихъ князей, а съ ними и царя Ивана Васильевича, отъ Пруса и Августа Кесаря... Вообще Степенная книга была типическимъ литературнымъ памятникомъ, отразившимъ историческія воззрѣнія той эпохи, хотя уже немного позднѣе явилось произведеніе, гдѣ въ противовѣсъ оффиціальной исторія высказалась личная независимая критика: это была исторія временъ Грознаго, написанная княземъ Курбскимъ [2]). Впрочемъ она была и осталась явленіемъ исключительнымъ... Если составленіе Степенной книги было заботою высшей церковной іерархіи независимо отъ того, что̀ могли дѣлать государевы дьяки или другіе близкіе къ царю люди, то лѣтописный интересъ не прекращался въ іерархіи и послѣ. Патріархъ Іовъ составилъ житіе царя Ѳедора Ивановича; есть указанія самого патріарха Гермогена, что онъ вносилъ замѣчательныя событія своего времени въ „лѣтописцы“; есть предположеніе, что „рукопись Филарета“ (названная такъ Карамзинымъ) могла быть дѣйствительно составлена не безъ участія знаменитаго патріарха. Позднѣе лѣтопись опять велась при извѣстномъ оффиціальномъ участіи іерархіи.

[1]) Авторъ изслѣдованія о Царственной книгѣ замѣчаетъ, что въ ней находятся подробности о вѣнчаніи Ивана Васильевича на царство, неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ, и дѣлаетъ любопытное соображеніе: „Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ записью историческаго факта или съ литературнымъ произведеніемъ?“ (Прѣсняковъ, Царственная книга, стр. 13).

[2]) Миллеръ, объясняя въ предисловіи значеніе Степенной книги, дѣлаетъ между прочимъ слѣдующія замѣчанія: „Есть ли сія книга, по упоминанію всѣхъ бывшихъ митрополитовъ, по часто внесеннымъ въ оную рѣчамъ и молитвамъ, по житіямъ Святыхъ чудесами утвержденнымъ, толико же къ церковной, колико къ гражданской Исторіи принадлежащею казаться будетъ, то по сей самой, кажется, причинѣ она многимъ и любима и высокопочитаема быть должна. Преосвященные Митрополиты писали по ихъ сану. Изъ ихъ писанія познавается духъ тогдашняго свѣта, что не послѣднее въ Исторіи намѣреніе быть должно. Къ составленію рѣчей имѣли они въ лучшихъ Греческихъ и Римскихъ Историкахъ знатные примѣры; господствуетъ въ оныхъ при благочестивыхъ мысляхъ восхищающее Краснорѣчіе“...

Упомянувъ, что Степенная Книга доведена Макаріемъ почти до года своей кончины (1564; а Степенная Книга доведена до 1560—61), Миллеръ замѣчаетъ: „Похвальный примѣръ предковъ остался безъ подражанія. Тогдашнее строгое правленіе, повидимому, было сему упущенію причиною“. Дѣйствительно, московскія лѣтописи не описали правдиво временъ строгаго правленія, но Степенная Книга была однако продолжена потомъ 18-ю степенью и доведена до смерти Алексѣя Михайловича.

о чемъ можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, присутствіе оффиціально-церковныхъ историческихъ данныхъ; лѣтописи хранились по монастырямъ и отсюда требовались по царскому указу въ приказъ большого двора [1]).

Исторія московскаго царства, окруженнаго въ XVI вѣкѣ такимъ славословіемъ, на переходѣ къ XVII вѣку была прервана мятежными и бѣдственными событіями междуцарствія. Событія, взволновавшія народную жизнь, грозившія не только цѣлости, но самому существованію русскаго государства, не могли не вызвать историческихъ записей, воспоминаній, попытокъ объяснить происхожденіе смуты и весь ходъ необычайныхъ происшествій. Дѣйствительно, эпоха междуцарствія вызвала довольно обширную литературу разнаго рода историческихъ сказаній, но между ними историкъ не найдетъ произведенія, которое удовлетворило бы его полнотою разсказа или, по крайней мѣрѣ, цѣльностію историческаго взгляда; для историка литературы представится здѣсь только отраженіе тѣхъ же писательскихъ пріемовъ и того же отношенія къ исторической дѣйствительности, какія отличаютъ предъидущую эпоху. Въ старое время извѣстна была только лѣтопись, которая подъ конецъ стала почти исключительно оффиціальнымъ изложеніемъ событій и кромѣ того пріобрѣла еще характеръ „добрословія“; не было мѣста ни для критики событій, ни для простого изложенія, близкаго къ жизни, передающаго настоящіе факты. Письменность стараго времени, нѣкогда старательно изгонявшая изъ книги простую дѣйствительность народнаго быта, кончала тѣмъ, что старинный писатель и въ самомъ дѣлѣ отвыкъ говорить иначе, какъ въ томъ условномъ стилѣ, къ которому пріучала книга, а послѣдніе два вѣка въ особенности привили ему ту реторическую манеру, подъ которой факты пріобрѣтали странное, натянутое и наконецъ фальшивое освѣщеніе. Лишь изрѣдка, когда являлась необходимость прямо говорить о реальныхъ вопросахъ жизни, писатель находилъ оригинальный и образный языкъ, взятый прямо изъ народной рѣчи; если же онъ хотѣлъ говорить о болѣе широкихъ предметахъ, касался вопросовъ нравственныхъ, хотѣлъ поучать и т. п., онъ тотчасъ впадалъ въ обычный тонъ учительныхъ книгъ, считалъ долгомъ говорить мудреными книжными словами и, какъ увидимъ этому примѣры, запу-

[1]) Такая отмѣтка сдѣлана, напр., въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ XVII вѣка: „145-го (1637) Ѳевраля въ 11 день сия книга послана къ Москвѣ къ стряпчему Івану Павлову, а велено ему, по государеву указу, положити въ Приказѣ Болшово Дворца передъ бояриномъ і передъ діяки“. (Полное собраніе лѣтописей, т. IX, стр. VIII). Ср. Платонова, „Сказанія и повѣсти о смутномъ времени“, стр. 249.

тывался въ доброословіи до совершенной невразумительности, до безсмыслицы. Это явленіе было весьма понятно: сказывалось вѣковое отсутствіе школы; не было логическаго воспитанія мысли, не было самостоятельно пріобрѣтаемаго знанія, размѣры мысли ограничивались наличнымъ составомъ письменности (какъ, напримѣръ, въ историческомъ знаніи о другихъ народахъ, въ упомянутомъ Хронографѣ), книжное образованіе сводилось къ механическому навыку начётчика, въ которомъ глубокомысліемъ кажется высокопарный наборъ словъ. Съ другой стороны также въ теченіе вѣковъ, съ мрачныхъ временъ татарскаго ига и до „строгаго правленія" Ивана Грознаго, мысль все больше отучалась отъ какой-либо самостоятельности и въ дѣлахъ общественныхъ и народныхъ: она была подавлена авторитетомъ,—и когда авторитетъ отступилъ, какъ въ эпоху междуцарствія, эта неподготовленная мысль не умѣла разобраться въ явленіяхъ, которыя совершались кругомъ. Государство спаслось народнымъ инстинктомъ—религіознымъ, когда народъ, давно исполненный чувствомъ превосходства своей вѣры, не хотѣлъ допустить вмѣшательства людей чужой ненавидимой религіи, и инстинктомъ политическимъ, когда, справедливо недовѣряя себялюбивому боярству, искалъ спасенія только въ возстановленіи стараго порядка вещей, съ царской властью, господствующей равно надъ всѣми областями національной жизни. Но историки, изучая повѣствованія современниковъ о смутномъ времени, напрасно ищутъ въ нихъ пониманія того сложнаго броженія, которое дѣйствительно происходило въ жизни, — другими словами, мысль современныхъ историковъ не была развита для сознательнаго пониманія и самыхъ событій и того внутренняго процесса національной жизни, уразумѣніе котораго требовало въ концѣ концовъ большей степени образованія.

Литература историческихъ разсказовъ о смутномъ времени довольно значительна и распадается на сочиненія, писанныя въ самое время междуцарствія, или составленныя во времена Михаила Ѳедоровича или еще болѣе позднія, когда о смутномъ времени можно было говорить уже только по прежнимъ сказаніямъ или по слухамъ и легендѣ; но общій складъ всей этой литературы довольно однообразенъ. Это—традиціонная лѣтописная манера, гдѣ, хотя и выдаются собственныя сочувствія или враждебность писателя къ лицамъ и событіямъ, но все-таки нѣтъ объясненія внутренняго значенія и связи событій; когда такой писатель разсказываетъ біографію излюбленнаго дѣятеля, онъ пишетъ условнымъ языкомъ житія, и если желаетъ возвыситься до общаго вывода, основа этого вывода бываетъ не исторія, а нравоученіе; писа-

тели первой половины XVII вѣка стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ лѣтописецъ XII столѣтія. Не сознавая историческихъ явленій, писатель видитъ въ нихъ, собственно говоря, только случайность счастливую или несчастливую; какъ нѣкогда древній лѣтописецъ объяснялъ всякое народное бѣдствіе божіей казнью за грѣхи народа или его правителей, такъ это объясненіе прилагается и теперь, — остается выбрать, за чьи и за какіе именно грѣхи, и по выбору можно было бы наблюдать, куда склоняются политическія понятія писателя; но и здѣсь точка зрѣнія рѣдко выдержана. Какъ прежде составитель лѣтописнаго свода бралъ свои данныя изъ источниковъ, которые случайно были въ его рукахъ, не затрудняясь ставить рядомъ извѣстія разнородныя и даже противорѣчащія, такъ и теперь собиратель свѣденій, пользуясь то однимъ, то другимъ источникомъ, не замѣчалъ ихъ внутренняго противорѣчія и ставилъ ихъ рядомъ; важна была хронологическая послѣдовательность, внутренняго противорѣчія онъ не замѣчалъ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ содержанія этой литературы и значенія ея, какъ матеріала для исторіи того времени [1]): достаточно указать литературную манеру этихъ произведеній, по которой, какъ мы замѣтили, они непосредственно связаны съ литературнымъ стилемъ XV—XVI в.

Наблюдая въ этомъ отношеніи древнерусскія житія, г. Ключевскій приходилъ къ слѣдующему выводу: „Древнерусское писательство не сходило съ той наивно-искусственной ступени развитія, когда литературная форма, соотвѣтствующая извѣстному содержанію, создавалась не столько сущностью самого предмета и настроеніемъ авторской мысли, сколько назначеніемъ литературнаго труда и чисто-внѣшними, условными пріемами слога и общихъ мѣстъ. Смотря по этому назначенію, одинъ и тотъ же предметъ или излагался простой, безыскусственной рѣчью, или наряжался въ торжественную одежду пышныхъ словъ и ухищренныхъ оборотовъ, хотя при этомъ высота мысли и сила чувства являлись очень часто въ обратномъ отношеніи къ литературному стилю. Для древнерусскаго писателя выборъ литературной одежды, идущей къ извѣстному предмету и случаю, облегчался тѣмъ же, изъ чего впослѣдствіи Ломоносовъ создалъ свою теорію трехъ

---

[1]) Въ томъ и другомъ отношеніи эта литература подробно изучена въ упомянутомъ изслѣдованіи С. Ѳ. Платонова, Спб. 1888, и самые памятники изданы въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, издаваемой Археограф. Комм., т. XIII. (Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени). Спб. 1891.

слоговъ, то-есть существованіемъ книжнаго церковно-славянскаго языка рядомъ съ русской разговорной рѣчью". Такъ объ одномъ и томъ же событіи (напр., о построеніи московскаго Успенскаго собора въ XV вѣкѣ) разно говоритъ торжественное слово церковно-оффиціальнаго происхожденія и лѣтописная повѣсть, составленная тайкомъ отъ церковныхъ властей и противъ нихъ; такъ даже одинъ и тотъ же писатель говоритъ совершенно различнымъ языкомъ, когда пишетъ церковную службу въ память святого и свои личныя воспоминанія о немъ [1]). Очевидно, что гораздо больше правдивости, свѣжести и литературнаго интереса бываетъ тамъ, гдѣ писатель остается самъ собою и не взбирается на ходули. То же впечатлѣніе выноситъ изслѣдователь литературы о смутномъ времени. „Условная правильность внѣшней литературной формы, — говоритъ г. Платоновъ, — была писателямъ дороже исторической точности, и поэтому фактами поступались очень легко, если этого требовала историческая красота изложенія. Мы можемъ только удивляться тому, съ какой сдержанностью относились къ изображенію смуты Хворостининъ, Катыревъ-Ростовскій, Шаховской и редакторы Рукописи Филарета. Какъ мало живыхъ, личныхъ впечатлѣній занесли они въ свои труды и какъ за то послушно слѣдовали литературнымъ требованіямъ своего времени! Искусственность формы позволяла писателю съ большимъ удобствомъ скрывать фактъ за фразой,—и необходимо обстоятельное знакомство съ личностью и біографіей самого автора, чтобы понять, какъ мало передалъ онъ намъ изъ того, что̀ онъ видѣлъ и могъ обстоятельно знать. Преобладаніе литературныхъ требованій надъ собственно историческими задачами объясняетъ странную на первый взглядъ привычку писателей-очевидцевъ смуты опираться въ своихъ трудахъ не на личную память, а на источники. Лучшими примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить Повѣсти Шаховскаго, который самъ жилъ въ смуту, но предпочелъ разсказать о ней чужими словами, не прибавивъ отъ себя никакихъ фактическихъ дополненій. Понятно, что подобное преобладаніе литературной стороны въ трудахъ историческихъ значительно уменьшаетъ цѣнность многихъ сказаній въ глазахъ изслѣдователя. Въ качествѣ историческаго источника, большее значеніе имѣютъ именно тѣ произведенія о смутѣ, которыя отступали отъ общаго литературнаго шаблона" [2]).

Къ этимъ общимъ представленіямъ о требуемой красотѣ ли-

[1]) Ключевскій, стр. 368—369.

[2]) „Сказанія и повѣсти о смутномъ времени", стр. 346.

тературнаго стиля, въ нѣкоторыхъ памятникахъ присоединяется прямо стиль житія—не только тамъ, гдѣ могъ давать къ этому поводъ самый предметъ, какъ, напримѣръ, въ сказаніяхъ о царевичѣ Димитріи, но и въ простыхъ біографіяхъ, напр., въ біографіи патріарха Іова; даже преданіе о подвигѣ Минина, замѣчаетъ г. Платоновъ, записано было въ ряду чудесъ преподобнаго Сергія. Если въ этихъ случаяхъ религіозное чувство могло по крайней мѣрѣ смягчить сухость лѣтописнаго стиля, а иногда рядомъ съ реторикой сообщались цѣнныя историческія данныя, то этимъ послѣднимъ давалось все-таки второстепенное мѣсто.

Въ произведеніяхъ болѣе позднихъ сказалось, наконецъ, присутствіе народно-поэтической легенды.

Обычное въ древней Руси пренебреженіе къ народно-поэтическому творчеству вообще не сохранило для насъ не только преданій древней поэзіи, но и тѣхъ произведеній позднѣйшаго времени, какія создавались въ XVI и въ XVII вѣкѣ, между прочимъ о самыхъ временахъ смуты. Что эта поэзія нарождалась одновременно съ событіями или вскорѣ послѣ нихъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Многочисленныя пѣсни и преданія о Грозномъ были конечно созданіемъ его времени; уцѣлѣвшія пѣсни о самозванцѣ, о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ могли возникнуть только въ то время, когда народное воображеніе было еще занято этими историческими лицами. Подтвержденіе этой живой народно-поэтической дѣятельности дается чужимъ свидѣтельствомъ, извѣстнымъ сборникомъ Ричарда Джемса 1619—1620 г., который сохранилъ нѣсколько пѣсенъ той эпохи, уже исчезнувшихъ потомъ изъ народной памяти. Сказаніе о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, замѣчаетъ г. Платоновъ, „можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, что поэзія книжная рано начала заимствовать у народной не только общій пріемъ отношенія къ фактамъ смуты, но и поэтическія детали. Составитель названнаго Сказанія цѣликомъ записалъ народную былину о смерти Скопина и продолжалъ свое повѣствованіе не менѣе поэтическимъ, но болѣе книжнымъ разсказомъ о погребеніи героя“. Извѣстное отраженіе народно-поэтическаго стиля является въ повѣсти князя Катырева-Ростовскаго: обиліе эпитетовъ, повтореніе извѣстныхъ фразъ, картины природы, длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ могутъ, какъ будто, напоминать больше поэму, чѣмъ исторію. Позднѣе, когда ослабѣвали живыя воспоминанія, въ историческихъ разсказахъ появлялась и легенда: извѣстное произвольное показаніе, занесенное въ письменность, мало-по-малу разростается и передается наконецъ за несомнѣнный историческій фактъ. По

различнымъ памятникамъ, замѣчаетъ г. Платоновъ, можно наблюдать постепенное укрѣпленіе такой легенды. Въ другихъ случаяхъ такихъ зародышей легенды нельзя услѣдить въ литературныхъ памятникахъ, и, по мнѣнію того же изслѣдователя, такая легенда „получала окончательный свой видъ, такъ сказать, внѣ литературы и входила въ литературные памятники уже готовою, въ качествѣ дополненія къ сухому историческому тексту". Замѣтимъ впрочемъ, что услѣдить именно литературное или только устное развитіе легенды очень трудно.

Такимъ образомъ историческія сказанія о Смутномъ времени составлялись въ унаслѣдованномъ литературномъ стилѣ, переходя иногда въ тонъ житія, иногда въ личное или народное поэтическое творчество легенды: во всѣхъ случаяхъ болѣе или менѣе терпѣла историческая достовѣрность. Если подъ этими вліяніями терялась фактическая точность, то съ другой стороны не всегда свободно высказывались и самые взгляды писателей. „Общій взглядъ на происхожденіе и развитіе смуты,—говоритъ г. Платоновъ,—очень рано сложился въ московскомъ обществѣ XVII в. и былъ усвоенъ одинаково писателями разныхъ поколѣній, отъ автора Повѣсти 1606 года до позднѣйшихъ компиляторовъ. Русскому обществу смута во всѣхъ ея проявленіяхъ казалась дѣломъ высшаго Промысла, руководившаго поступками людей въ исполненіе своихъ предначертаній. „Не людцкое то дѣло дѣлало, то сила и рука всемогущаго Бога", — говорили еще въ 1608 году русскіе дипломаты польскимъ о воцареніи самозванца. „Сія вся содѣяшася Божіимъ промысломъ,... а не человѣческою хитростью",—писалъ позднѣе по поводу освобожденія Москвы авторъ „Повѣсти о разореніи московскаго государства". На этомъ чисто-религіозномъ воззрѣніи и строились всѣ объясненія смуты въ сказаніяхъ о ней. Смуту считали Господнимъ наказаніемъ за грѣхи русскихъ людей, а въ счастливомъ ея исходѣ видѣли Божью милость, бывшую наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу и правдѣ". Это былъ издавна сложившійся благочестивый взглядъ и для объясненія событій надо было только указать, „отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша", „кіихъ ради грѣхъ попусти Господь... свое наказаніе". Историки расходились въ этомъ опредѣленіи: одни считали смуту наказаніемъ за грѣхи Бориса Годунова, другіе осуждали общее паденіе нравовъ въ цѣломъ обществѣ, — и послѣдніе доходили иногда въ своихъ обличеніяхъ до большой рѣзкости и откровенности; съ другой стороны однако въ писателяхъ того времени, и именно тѣхъ, которые были прикосновенны къ событіямъ, замѣтна большая уклончивость, боязнь

сказать что-нибудь лишнее, такъ что роль самихъ авторовъ объясняется иногда не столько изъ ихъ собственныхъ показаній, сколько изъ постороннихъ свидѣтельствъ. Въ концѣ концовъ въ описаніяхъ Смутнаго времени, составленныхъ послѣ его окончанія, господствуетъ взглядъ, сложившійся независимо отъ историковъ подъ вліяніемъ общаго настроенія времени: она представляется именно борьбой православія съ иновѣріемъ и русской народности съ ея врагами. „Нельзя, конечно, отвергать, — замѣчаетъ г. Платоновъ, — что наши предки обнаружили большую чуткость въ опредѣленіи общаго смысла исторической драмы, едва не погубившей Россію. Но оставаясь всегда на точкѣ зрѣнія религіозно-національной, писатели о смутѣ ею опредѣляли какъ выборъ матеріала для своихъ описаній, такъ и личное свое отношеніе къ матеріалу... Національныя заслуги героевъ смутной эпохи вызываютъ со стороны сказателей восторженные диѳирамбы этимъ героямъ. Но среди похвалъ трудно найти какія-нибудь твердыя данныя для ясной характеристики того или другого лица... Такая односторонность изображенія дѣлаетъ его неточнымъ, сообщаетъ лицамъ невѣрный колоритъ, исторію превращаетъ въ панегирикъ. Искусственность общихъ похвалъ героямъ особенно даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ нѣкоторые писатели, измѣняя обычной точкѣ зрѣнія, впадаютъ въ несдержанную откровенность... Историкъ дорожитъ подобными откровенными отзывами писателей современниковъ, потому что они, рядомъ съ условными похвалами, полнѣе отражаютъ и взгляды общества и мощныя фигуры самыхъ народныхъ дѣятелей. Но письменность XVII вѣка не сознавала всей цѣнности искренняго лѣтописанія. Для того, чтобы выдержать цѣльность общаго взгляда, жертвовали всѣмъ, что шло ей въ разрѣзъ, и этимъ, конечно, уменьшали историческую цѣнность произведеній“.

Сказанія о Смутномъ времени представляютъ особенный интересъ для изученія историческаго пониманія старыхъ русскихъ писателей,—въ которыхъ надо признать наиболѣе образованныхъ и чуткихъ людей своей эпохи,—именно тѣмъ, что народъ переживалъ чрезвычайныя событія, которыя не могли не затронуть самымъ глубокимъ образомъ національное и общественное чувство. Это и замѣтно на самихъ сказаніяхъ, и какъ сама народная жизнь послѣ тяжелыхъ испытаній, тянувшихся многіе годы, вернулась въ старое русло, намѣченное вѣками предъидущей исторіи, такъ и броженіе историческихъ взглядовъ успокоилось на старыхъ началахъ XVI вѣка. Религіозно-національное чувство въ формахъ XVI вѣка было единственной стихіей, которая могла

сплотить народъ въ минуту тяжелаго кризиса, но, какъ говоритъ нашъ историкъ, XVII вѣкъ не понималъ всей цѣнности искренняго лѣтописанія; другими словами, національному чувству недоставало сознанія, то-есть правдиваго и критическаго отношенія къ фактамъ. Народное единеніе, основанное на племенномъ чувствѣ и религіи,—которыя были въ данныхъ условіяхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были исключительнѣе,—сохранили государство авторитетомъ стараго преданія; но какъ одно старое преданіе еще не давало средствъ и указаній для дальнѣйшаго развитія національныхъ силъ, въ томъ числѣ умственныхъ, такъ и въ данномъ случаѣ упомянутое пониманіе Смутнаго времени, какъ борьбы противъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, далеко не обнимало всего сложнаго состава событій; указанія обличителей на тѣ „грѣхи", которые навлекли Божію казнь, также не раскрывали всѣхъ настоящихъ грѣховъ стараго порядка вещей. Совершившійся фактъ, возстановленіе государственнаго порядка,—хотя достигнутое медленно и съ большими жертвами, — для позднѣйшихъ историковъ Смутнаго времени служило подтвержденіемъ ихъ точки зрѣнія, но не прошло полу-столѣтія, какъ въ государствѣ началась новая смута, правда, не столь страшная, но, тѣмъ не менѣе, выдававшая слабыя стороны стараго порядка вещей: раздоръ царя и патріарха, двухъ верховныхъ авторитетовъ государства и народа; церковный расколъ, противъ котораго и церковь и государство оказались безсильны; народныя волненія, какъ бунтъ Разина, указывавшія на недочеты въ государственномъ строеніи; и наконецъ, невидное, но тѣмъ не менѣе существенное книжное броженіе, въ которомъ появленіе новыхъ и чужихъ образовательныхъ вліяній свидѣтельствовало о круглой бѣдности старой школы.

Въ примѣръ того, какую форму принимали сказанія о Смутномъ времени, приводимъ нѣсколько отрывковъ. Положеніе московскаго государства въ 1611—1612 годахъ, послѣ сожженія Москвы и взятія Смоленска, изображается въ „Плачѣ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства". Онъ составленъ по всѣмъ правиламъ стариннаго добрословія [1]). Надо думать, что

[1]) „Откуда начнемъ плакати,—начинаетъ авторъ,—увы, толикаго паденія преславныя ясносіяющія превеликія Россіи? которымъ началомъ воздвигнемъ пучину слезъ рыданія нашего и стонанія? О, коликихъ бѣдъ и горестей сподобилося видѣти око наше! Молимъ послушающихъ со вниманіемъ: О христоименитіи людіе, сынове свѣта, чада церковніи, порожденніи банею бытія! разверзите чювственныя и умныя слухи ваша и вкупѣ распространимъ арганъ словесный, вострубимъ въ трубу плачевную, возопіемъ къ Живущему въ неприступнѣмъ свѣтѣ, къ Царю царьствующихъ и Господу господьствующихъ, къ херовимскому Владцѣ, съ жалостью сердецъ нашихъ, въ перси біюще и глаголюще: Охъ, увы, горе! како падеся, толикій пиргъ бла-

авторомъ руководило искреннее сокрушеніе о бѣдствіяхъ отечества, но когда мы встрѣчаемъ въ первыхъ строкахъ его „арганъ словесный“, „пиргъ благочестія“, „богонасажденный виноградъ“, „илектръ“ и т. п., мы не можемъ не видѣть, какъ кромѣ этого чувства писателемъ постоянно владѣла забота пріискать мудреное слово, изысканный оборотъ, чтобы читатель былъ пораженъ доброcловіемъ. Но, положимъ, это была внѣшняя фальшивая манера и подъ нею все-таки могло быть выражено самостоятельное впечатлѣніе и патріотическое желаніе,—но историкъ находитъ, что это произведеніе кромѣ того и „не богато содержаніемъ, не даетъ намъ ничего новаго и интересно только своими ошибками“ [1]): оказывается, что авторъ „Плача“ заимствовалъ его содержаніе изъ готоваго письменнаго источника, а именно воспользовался прощальными грамотами патріарховъ Іова и Гермогена и особенно тѣми грамотами, которыя разсылались въ 1611 и 1612 годахъ изъ ополченій Ляпунова и князя Пожарскаго. Такимъ образомъ собственностью автора остается его доброcловіе.

Не меньше поражаетъ своимъ доброcловіемъ другое произведеніе—„Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію“. Однимъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ въ старинномъ писательствѣ было вступленіе,—и прежде чѣмъ читатель доберется до „нѣкоей брани“, онъ долженъ пройти торжественное предисловіе [2]). Только послѣ этого вступленія авторъ переходитъ къ

гочестія, како разорися богонасажденный виноградъ, его же вѣтвіе многолиственною славою до облакъ вознесошася, и гроздъ зрѣлый всѣмъ въ сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто отъ правовѣрныхъ не восплачетъ, или кто рыданія не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное паденіе толикаго многонароднаго государства, христіянскою вѣрою святаго греческаго отъ Бога даннаго закона исполненнаго и, яко солнце на тверди небеснѣй, сіяющаго и свѣтомъ илектру подобящася?“ (Р. Истор. Библіотека, т. XIII, ст. 219—220).

[1]) Платоновъ, стр. 105.

[2]) „Великаго Господа Бога Отца страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнѣмъ, въ превелицѣй и въ превысочайшей, велелѣпнѣй, святѣй славѣ величествія своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстѣмъ въ нѣдрѣхъ отчіихъ, и на земнородныхъ насъ призирая милостивнымъ си окомъ, промышляя неизреченными и пребожеественными судьбами своими о новосажденномъ вин598градѣ своемъ, сія рѣчь, о сей нашей благочестивой и превелицѣй Росіи, новопросвященнѣй святымъ крещеніемъ отъ святаго и равноапостольнаго самодержца, великого князя Владимера Святославича Кіевского и всеа Росіи, благочестиваго же во святомъ крещеніи Василія, втораго Констянтина, праведныхъ бо любя, грѣшныхъ же милуя, хотя убо всѣхъ спасти и въ разумъ истинный привести, за благо милуя и храня, за нечестіе же милостивно наказуя, приводя ко спасенію всяко свое созданіе,—не хощетъ бо грѣшнику до конца погибнути, но еже обратитися и живу быти ему. Самъ бо рече Господь: „егда падая не востанетъ ли? или отвращаяся не обратится?“ и паки: „обратитеся ко мнѣ и обращуся къ вамъ“, глаголетъ Господь,

фактамъ, но и здѣсь потребность торжественности его не покидаетъ. Ему встрѣчается имя царя Василія Ивановича Шуйскаго, „Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ помазаннаго, и Богомъ почтеннаго, и христолюбиваго поборника святыя православныя христіанскія вѣры, добляго миротворца, державнаго самодержца и прекроткаго скипетродержателя", и онъ считаетъ необходимымъ сполна прописать весь его титулъ и при этомъ упомянуть даже, что этотъ царь былъ отъ кореня великаго князя Александра Ярославича, Невскаго чудотворца, „изначала же повлечеся того благочестиваго сѣмени корень Россійскихъ нашихъ отъ Августовъ Римскихъ и Греческихъ Анорія и Аркадія, иже бѣ сынове Θеодосія Великаго царя, содержащаго скиѳетродержательство Богомъ спасаемаго царьствующаго града Греческаго царьствія Констянтинополя, Новаго Рима"... Мы удивимся потомъ и вмѣстѣ увидимъ цѣну этого славословія, когда у другихъ современниковъ (дьяка Тимоѳеева и князя Хворостинина) прочтемъ о томъ же самомъ Шуйскомъ, что онъ былъ „нечестивъ всяко", „оставя Бога, къ бѣсомъ прибѣгая", „праведное существо измѣнивъ", „внимающи... ученіемъ бѣсовскимъ".

Однимъ изъ наиболѣе обширныхъ историческихъ сказаній о смутномъ времени былъ „Временникъ" дьяка Ивана Тимоѳеева. Временникъ, по твердому литературному обычаю, начинаетъ въ своемъ вступленіи съ доброслововія, и буквально отъ Адама [1]).

наказуя насъ овогда гладомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожныхъ нахожденьми, и межиусобною бранію, и прочими таковыми, понеже бо согрѣшиша отъ главы и до ногу, сирѣчь, отъ великихъ и до нижайшихъ. И таковый грѣхъ не можетъ очиститися ничимъ же, точію огнемъ и мечемъ и прочими таковыми, яко же содѣася во дни наша". (Р. Историч. Библіотека, т. XIII, ст. 249—250).

[1]) „Иже рукою Божіею древле праотцы наши сотворени быша, супругъ первый Адамъ со Еввою, овъ отъ земля, ова же отъ того ребра, тѣмъ же сей надо всѣми бывшими яко царь самовластенъ поставися твари всей, ему же птицы, звѣріе же и гади вси страхомъ повиновахуся въ покореніе, яко же своему Сотворителю, Владыцѣ всѣхъ и Господу. И донелиже первозданный не запятся всѣхъ врагомъ губителемъ къ первѣй заповѣди преступленію, тогда безсловесная вся, иже по сихъ нынѣ и страшащая ны, созданнаго оного трепетаху повелѣнія. Егда же змія Еввѣ прелесть во уши пошепта, она же наученіемъ тоя и мужа си сопрелсти, абіе оттуда самъ новозданный всего царь міра животныхъ онѣхъ ужесатися начатъ. И отъ преслушанія паденію по нихъ быхомъ оттуда вси причастни донынѣ. И яко же Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, сице, сему подобнѣ, во временахъ послѣднихъ и наша самодержавнія во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими, дондеже они сами держахуся повелѣній, данныхъ Богомъ, егда къ Нему не у еще въ конецъ согрѣшиша. Къ нимъ же быхомъ отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непрекословни, елико по Писанію быти достоитъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повиннѣмъ, во всѣхъ служебнѣ, не уже до

Но кончивъ вступленіе, давши оглавленіе „книги сей" и приступая къ описанію царства Ивана Васильевича, дьякъ опять пускается въ приводимое ниже невразумительное доброслові[1]).

Какъ мы видѣли, въ началѣ XVII столѣтія въ Хронографѣ, который былъ старинной исторической энциклопедіей, появился новый элементъ — заимствованія изъ польскихъ и латинскихъ источниковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше XVII вѣкъ представлялъ заимствованій изъ польской литературы и изъ латинскихъ книгъ, которыя становились доступны въ особенности потому, что въ теченіе этого вѣка въ Москву все больше проникали воздѣйствія кіевской и западно-русской школы. Изъ Кіева приходилось выписывать ученыхъ людей для исправленія старыхъ книгъ и перевода новыхъ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича западно-русскій ученый становится въ Москвѣ человѣкомъ близкимъ ко двору. Наканунѣ Петра не было сомнѣнія въ томъ, что въ русскую жизнь стала настойчиво проникать потребность въ новомъ образованіи и былъ только вопросъ о томъ, изъ какого источника и какимъ путемъ оно будетъ заимствовано: была наклонность къ пути южно-русскому, гдѣ должны были сложиться вліянія польско-

---

крове токмо, но и до самоя смерти быхомъ имъ самопослушни, яко же скотъ водящему и даже до заколенія сопротивитися не совѣсть, тако безоотвѣтни быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, всяко со тщаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ, повинующеся имъ во страсѣ подобнѣ, честь страха ради творяще вмалѣ яко не равну зъ Богомъ, аще Того тако боимся, ни убо унѣе бо, аще се было тако бы. Егда же къ концу лѣта грядяху, предержателе наша поелику начаша древняя благоуставленія законная и отцы преданная превращати и добрая обычая на новосопротивная измѣняти, потолику и въ повинующихся рабѣхъ естественнй страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше изчезая, яко же и земля къ первому угобзенію сѣмянъ нинѣ по премногу своимъ несравняема плодоносіемъ. Отъ дѣлъ бо явѣ познаваемо бѣ всяко излишество и тщета благихъ же и злыхъ, неже отъ нѣдръ темныхъ, яко и въ прочихъ. Восхотѣша бо обдержителе ушеса своя сладцѣ преклоняти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ,—яко же въ ветсѣмъ прабаба всѣхъ Евва змію прелестнику подаде любезнѣ своя слуха"... (Тамъ же, ст. 262—263).

[1]) „Превысочайшаго во-истинну и преславнѣйша всѣхъ бывшихъ, славиму же отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ, яко толице о немъ протекши, до нихъ же мѣста возможна бѣ по вселеннѣй проходити слуху, зане преобладателнѣ сродныхъ на се имя, яко же Макидонъ нѣкогда, вселеннѣй царствуя, свойственѣйши же рещи о немъ,—инорога бывша во бранѣхъ, паче же во благочестнихъ надъ всѣми пресвѣтлыми, государя великаго князя Ивана, новому по крещеніи се бывшу по отцѣхъ въ Росіи съ приложеными ихъ царствіи благоданну царю сына, иже всею великою Росіею господьствующа, государя Василія Ивановича великаго князя и царя корень по колѣнству и мужъ прародителей своихъ прозябенія готовъ, помазанъ къ царству на столъ его и не проходенъ до здѣ лѣтъ и конецъ отъ рода въ родъ, вѣчное благородіе ему бѣ отеческое, неувядаему посланія цвѣтъ, яко утренняя отъ солнца восходитъ заря", и т. д. (Тамъ же, ст. 269—270).

католическія, и была возможность прямого заимствованія образованія западнаго тѣмъ путемъ, на который могло указывать существованіе въ самой Москвѣ нѣмецкой колоніи: эта колонія и образовалась именно потому, что въ Москвѣ все больше требовалось европейское техническое и даже литературное знаніе. Но пока былъ выбранъ этотъ послѣдній путь, на лицо былъ только путь кіевскій— со школьной схоластикой кіевской академіи, съ знаніемъ латинской литературы и съ открытымъ путемъ для польскихъ вліяній, потому что пока самый Кіевъ былъ еще въ польскихъ рукахъ и богословская полемика дѣлала необходимымъ знаніе польскаго языка; притомъ одинъ и тотъ же тонъ схоластической науки господствовалъ и въ кіевской школѣ и въ той католическо-латинской, которая была ея образцомъ. Въ этихъ условіяхъ понятно появленіе той хроники игумена Михайловскаго монастыря Ѳеодосія Сафоновича, которая послужила главнымъ источникомъ знаменитаго Синопсиса, извѣстнаго съ именемъ Иннокентія Гизеля.

Польскіе историки давно уже вносили въ свои труды русскія извѣстія, между прочимъ пользуясь и русскими лѣтописями. Таковы были Длугошъ, Бѣльскій, Кромеръ, Мѣховскій и особливо Стрыйковскій [1]). У польскихъ историковъ давно уже сказалась средневѣковая манера отыскивать древнія библейскія или классическія генеалогіи народовъ и вводить въ исторію произвольное баснословіе; изъ упомянутыхъ польскихъ писателей, особливо изъ Стрыйковскаго, эта манера и самыя генеалогіи относительно славянскаго и русскаго народа перешли къ ихъ южно-русскимъ подражателямъ. Въ Синопсисѣ мы читаемъ цѣлые трактаты объ этихъ древнѣйшихъ временахъ русскаго народа, о которыхъ ничего не знаетъ нашъ начальный лѣтописецъ; но взамѣнъ этого Синопсисъ, какъ и его первообразъ, очень мало знаетъ русскую лѣтопись, а вмѣстѣ съ тѣмъ и событія русской исторіи послѣ татарскаго нашествія. Получилось нѣчто очень странное. Автору Синопсиса извѣстно, отчего происходитъ имя славянъ и русскихъ; прародителемъ „московскихъ народовъ" былъ Мосохъ, упоминаемый въ пророчествѣ Іезекіиля, шестой сынъ Афета, внукъ Ноя, такъ что отъ него произошла и Москва и вся Русь. Онъ подробно разсказываетъ о древней Руси, о крещеніи Владиміра, но и здѣсь ставитъ рядомъ противорѣчащія подробности, напр., въ одномъ мѣстѣ разсказываетъ о Владимірѣ, что онъ добылъ цѣпь,

[1]) Польскіе лѣтописцы еще недостаточно изучены въ этомъ отношеніи. Русскія извѣстія Длугоша до 1386 года, съ указаніемъ нѣкоторыхъ параллелей изъ русскихъ лѣтописей, собраны у Бестужева-Рюмина (О составѣ русскихъ лѣтописей, приложенія, стр. 64—378.)

поясъ и шапку княжую отъ старосты каѳинскаго, котораго побороль на поединкѣ, а тотчасъ затѣмъ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Владиміру изъ Византіи. О сѣверо-восточной Руси онъ ничего не знаетъ и вслѣдъ за разсказомъ о разореніи Кіева Батыемъ говоритъ о Мамаевомъ побоищѣ; митрополію переноситъ изъ Кіева прямо въ Москву. Въ первомъ изданіи Синопсисъ оканчивался присоединеніемъ Кіева къ Москвѣ и уже въ дальнѣйшихъ изданіяхъ прибавлены были кіевскія событія временъ Ѳедора Алексѣевича. Съ перваго своего появленія въ 1674, Синопсисъ перепечатывался до 1861 года до 25 разъ; въ XVIII вѣкѣ его печатала даже Академія наукъ. Этотъ удивительный успѣхъ объясняется тѣмъ, что, какъ говорилъ митр. Евгеній, „книга сія, по бывшему недостатку другихъ россійской исторіи книгъ печатныхъ, была въ свое время единственною оной учебною книгой“; но во всякомъ случаѣ странно то, какъ долго держалось въ обращеніи это дѣтище старой кіевской учености, внушенное въ значительной степени польскимъ средневѣковымъ баснословіемъ.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, Синопсису остался неизвѣстенъ весь ходъ русскаго лѣтописанія: если, какъ произведеніе южно-русское, онъ сосредоточивалъ свой интересъ на Кіевѣ, то судьба Москвы была ему мало извѣстна и онъ не имѣлъ понятія о тѣхъ большихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ, которыя старательно изготовлялись въ Москвѣ въ монастыряхъ и приказахъ,—и тѣмъ не менѣе Синопсисъ сталъ наиболѣе распространенной исторической книгой съ конца XVII и въ теченіе всего XVIII вѣка. Новѣйшій историкъ, указавъ баснословный элементъ Синопсиса (здѣсь въ русскую исторію между прочимъ былъ введенъ и Александръ Македонскій), замѣчаетъ: „Подобныя иностранныя новинки принимались на Руси охотнѣе, чѣмъ простой, но полный пробѣловъ и умолчаній разсказъ древней лѣтописи. На Руси искаженный такимъ образомъ историческій разсказъ продолжалъ искажаться и дополняться новыми легендами подъ вліяніемъ политическихъ тенденцій времени. Эти новѣйшіе продукты историческаго творчества вызвали преимущественный интересъ читателей, такъ какъ отвѣчали на вопросы, наиболѣе возбуждавшіе ихъ любопытство, а старая русская лѣтопись вовсе вышла изъ моды“. Надо прибавить, что въ то время, какъ московская лѣтопись становилась или разрядной книгой, или житіемъ, и украшалась не въ мѣру добрословіемъ, Синопсисъ все-таки представлялъ какое ни на есть литературное изложеніе; и наконецъ, уже въ XVII вѣкѣ онъ былъ напечатанъ. Во всякомъ случаѣ, когда онъ сталъ учебной

книгой, „духъ Синопсиса,—говоритъ историкъ,—царитъ въ нашей исторіографіи XVIII вѣка, опредѣляетъ вкусы и интересы читателей, служитъ исходнею точкой для большинства изслѣдователей, вызываетъ протесты со стороны наиболѣе серьезныхъ изъ нихъ, однимъ словомъ, служитъ какъ бы основнымъ фономъ, на которомъ совершается развитіе исторической науки прошлаго столѣтія. Вопросы, поднятые Синопсисомъ, обсуждаются Щербатовымъ и Болтинымъ въ концѣ XVIII вѣка... Составляя, такимъ образомъ, исходный пунктъ исторіографіи прошлаго вѣка, Синопсисъ, въ то же время, важенъ для насъ какъ резюме всего, что̀ дѣлалось въ русской исторіографіи до XVIII столѣтія. Результатъ этого предъидущаго періода русской исторіографіи былъ, правда, весьма печаленъ. Историкамъ XVIII вѣка, учившимся по Синопсису и проникнутымъ его духомъ, предстояла прежде всего задача — разрушить Синопсисъ и вернуть науку назадъ, къ употребленію первыхъ источниковъ“ [1]).

Первый трудъ въ этомъ направленіи принадлежитъ временамъ Петра Великаго. Это—извѣстное, но довольно забытое „Ядро россійской исторіи“, которое приписывалось въ XVIII вѣкѣ князю Хилкову, русскому резиденту въ Швеціи при Петрѣ, и съ его именемъ было издано, но неисправно, Миллеромъ въ 1770; впослѣдствіи, однако, было доказано, что сочинителемъ „Ядра“ былъ не Хилковъ, а его секретарь Манкіевъ, дѣлившій съ нимъ плѣнъ въ Швеціи. Въ изданіи Миллера было пропущено предисловіе; но въ найденныхъ потомъ новыхъ спискахъ „Ядра“ подъ предисловіемъ оказалась подпись А. М., и еще митрополитъ Евгеній [2]) догадывался, что авторомъ книги не былъ Хилковъ, а его секретарь или переводчикъ; въ описаніи рукописей графа Толстого было названо имя секретаря, и Востоковъ окончательно установилъ авторство Манкіева. Книга была посвящена, изъ плѣна, Петру въ апрѣлѣ 1715 года. Такимъ образомъ хронологически это было первое историческое сочиненіе, явившееся въ періодъ реформы,—оцѣнивать его можно только по сравненію съ тѣмъ, что̀

[1]) Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій, въ „Р. Мысли“, 1893, январь, стр. 47 и д. Не будемъ говорить о другихъ отраженіяхъ польской исторіографіи въ нашей старой письменности. Для примѣра назовемъ еще русское сочиненіе—„Скиѳскую исторію“ Андрея Лызлова, 1692, собственно исторію восточныхъ народовъ, отчасти по польскимъ источникамъ, отчасти прямо переведенную съ польскаго („Дворъ турецкаго султана“). Главные источники Лызлова—Гвагнинъ, Кромеръ, Бѣльскій, Стрыйковскій, Ботеръ, также Бароній, Квинтъ-Курцій (объ Александрѣ Македонскомъ); изъ русскихъ, Хронографъ, „Засѣкинъ лѣтописецъ“, и особливо „Степенная“.

[2]) Въ „Словарѣ“ русскихъ свѣтскихъ писателей, II, стр. 239.

ему непосредственно предшествовало, именно съ Синопсисомъ. Какъ вообще произведенія Петровскаго времени еще носятъ на себѣ много особенностей старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ и нѣчто совершенно новое, такъ и здѣсь. „Ядро" еще имѣетъ нѣчто общее съ Синопсисомъ, но во многихъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше его. Сочиненіе Манкіева могло бы давно съ большой пользой замѣнить Синопсисъ въ качествѣ учебной книги, но надъ нимъ еще продолжалъ тяготѣть обычай старой „письменности": книга Манкіева долго обращалась только въ рукописяхъ, извѣстная повидимому не многимъ любителямъ,—и написанная въ 1715, она была издана Миллеромъ лишь въ 1770, въ качествѣ стараго историческаго памятника; но въ послѣдніе годы XVIII вѣка „Ядро" имѣло уже четыре изданія.

Манкіевъ также начинаетъ производствомъ русскаго народа отъ Мосоха, сына Яфетова, при чемъ, имѣя въ виду средневѣковыя генеалогіи, особенно настаиваетъ на томъ, что русскій народъ ведетъ свое происхожденіе отъ человѣка, а не отъ ложныхъ боговъ [1]).

Онъ счелъ нужнымъ, уже самостоятельно, опровергать неправильное производство имени славянъ, а именно, оспариваетъ тѣхъ, которые, слѣдуя Прокопію, Іорнанду, Блонду, Мавро-Орбину и „другимъ италіанскимъ инако" (т.-е. впрочемъ) „ученымъ и разумнымъ мужамъ и творцамъ", не знавшимъ славянскаго языка, производятъ имя славянъ отъ sclavo, schiavo, когда оно происходитъ отъ славы, а итальянское слово взялось отъ плѣнныхъ сла-

---

[1]) „Народъ русскій... начало свое ведетъ неперерывнымъ порядкомъ отъ Мосоха человѣка, а не отъ притворныхъ боговъ, какъ Греки, Персы и проч., Римляне отъ пастырей, отъ разбойниковъ и бѣглецовъ въ великую силу выросши, стыдились простого своего начатка, и для того притворились, будто ихъ народъ отъ Ромула, сына Бога войны Марса, и черницы Реги Сильвіи произшелъ, который Ромулусъ съ братомъ своимъ Ремомъ будто отъ волчицы воспитаны"... Египтяне производятъ себя отъ земли, англичане и „шкоти" отъ царевны сирійской Альвины, и также отъ Энея троянскаго; венгры—„отъ Магера или Магора и Туннора, сыновъ Немврода Вавилонскаго, хотя по истинѣ отъ рѣки Угры изъ Русскаго государства и княжества Югоры произошли", и пр. „А наши Русскіе, Славяне и прочіе народы Сарматскіе не летаютъ по поднебесію для произведенія предковъ своихъ, но истинною своею добродѣтелію не отъ боговъ, но отъ человѣка, явно начало свое производятъ".

Русскіе отъ Мосоха назывались прежде Мосхами, Мосохами и пр., но потомъ „ради смѣшенія иныхъ народовъ и по рубежности, или для „различныхъ туда и индѣ походовъ и войнъ, старое свое прозваніе пренебрегше, званы и писаны были отъ князя своего Русса, который отъ Мосоха произведеніе свое велъ, Руссіаны, Роксоляны, Роксаны, Руѳоны, Россіаны и держава ихъ Россія" („Ядро" по 3-му изд., 1791, стр. 9 и д.).

вянъ,—причемъ ссылается на „разсужденіе eruditissimi Vossii, какъ его ученые называютъ въ книгѣ 2 de vitiis sermonis, о порокахъ бесѣды, главы 17: Sclavo censet id primitus nominis ortum inditumque illis, quos e forti slavorum gente captos in servitutem redegissent“. Далѣе, однако, онъ опять въ тонѣ Синопсиса считаетъ нужнымъ сказать о доблестяхъ и храбрости славянскаго и россійскаго народа, о чемъ „многіе творцы изрядно поминаютъ“. Славяне побѣждали шведовъ, римлянъ, грековъ; сарматы разбили „на поляхъ Каталонитскихъ“ славнаго короля и лютаго воина Аттилу. Они помогали и Александру Македонскому въ завоеваніи міра, „за которую свою храбрость отъ него грамоту, золотыми словами писанную, достали, которая и нынѣ въ Архивѣ султана Турецкаго лежитъ“ [1]).

Синопсисъ не могъ разобраться въ варягахъ, то называя ихъ славянами, то говоря, что они пришли „отъ нѣмецъ“; Манкіевъ не опредѣляетъ ихъ народности, но еще повторяетъ старую басню, производя Рюрика „отъ сѣмени Пруса, двоюроднаго брата Кесаря Августа“, и по этому случаю ссылаясь на „всѣхъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ, хотя бъ ихъ кто тысячу одни съ другими спустить (т.-е. сравнить) хотѣлъ“. По поводу Ольги Манкіевъ помѣщаетъ „политическое разсужденіе о супружествѣ государей владѣтельныхъ“; въ другомъ мѣстѣ—разсужденіе о римскомъ правѣ... Говоря о князѣ Владимірѣ, онъ вспоминаетъ о его богатыряхъ; сказавъ подробно о боѣ извѣстнаго богатыря съ печенѣжиномъ, онъ продолжаетъ: „кромѣ сего Яна многіе иные храбрые и славные богатыри были у великаго князя Владиміра: Илія Ивановичь Муромецъ, котораго тѣло даже донынѣ въ пещерахъ Кіевскихъ лежитъ нетлѣнно, Рогдай, который на 300 непріятелей одинъ вооруженъ напущалъ, Андріянъ Доблянковъ, Добрыня и прочіе“ [2]).

Но если относительно древнѣйшаго періода Манкіевъ еще не освободился отъ прежняго баснословія, то въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ становится несравненно выше Синопсиса. Онъ знаетъ исторію сѣверо-восточной Руси и знаетъ лѣтопись; если иногда онъ смѣшиваетъ частныя подробности, то главныя событія излагаетъ въ правильной послѣдовательности, старается даже объяснить, почему всероссійскій престолъ былъ перенесенъ изъ Кіева въ сѣверную Русь; онъ высоко ставитъ Ивана Васильевича III и сравниваетъ его съ Владиміромъ Святославичемъ—по великимъ его заслугамъ для государства: онъ освободилъ Россію и „воз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 15—20.

[2]) Тамъ же, стр. 62.

дательно Золотую Орду подъ свое послушаніе привелъ", покорилъ Новгородъ и прочія русскія княженія и „въ одно Монархіи Россійской тѣло привелъ и совокупилъ". О Смутномъ времени онъ сообщаетъ, кажется, новыя оригинальныя извѣстія (о Борисѣ, Шуйскомъ, Филаретѣ), подробно говоритъ о захватѣ Новгорода шведскимъ полководцемъ Делагарди, между прочимъ, разсказывая о шведскихъ грабежахъ по тѣмъ свѣденіямъ, какія собралъ во время своего пребыванія въ Швеціи. И затѣмъ онъ разсуждаетъ: „Сіи-то теперь помянутыя подлинныя и вѣдомыя съ Шведской стороны Руси дѣланныя обиды суть ближайшая вина войны, которую царь Петръ Алексіевичь въ году отъ Р. Х. 1700 противъ Шведской земли поднялъ, желая неправду праведнымъ оружіемъ отсудить, и для того Богъ его праведное оружіе частыми надъ непріятелемъ побѣдами увѣнчать изволилъ" [1]).

Разсказъ доведенъ до 1712 года, то-есть до послѣдняго времени, и въ заключеніе авторъ, великій поклонникъ Петра, далъ въ его изображеніи какъ-будто и цѣлый выводъ изъ русской исторіи.

„Сей Государь Царь Петръ Алексѣевичь своимъ неусыпнымъ промысломъ державу Русскую отъ непріятеля оборонилъ, народъ неученый, который всякими свободными науки прежде брезговалъ, въ ученость привелъ, а чтобы то удобнѣе сдѣлалъ, самъ... въ иныя государства странствовалъ, и молодыхъ господъ изъ подданныхъ своихъ въ Италію, Францію, Германію и индѣ посылалъ, училища многія въ Руси завелъ, всякихъ художествъ какъ гражданскихъ, такъ и воинскихъ подданныхъ своихъ научиться привелъ, и однимъ словомъ сказать, всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ, и будто снова переродилъ. Во истинѣ по преславнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ Его Величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ Вавилонскихъ, Кировъ Персскихъ, Александровъ Великихъ Македонскихъ, Улиссовъ Греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходитъ; по чему бы и исторію о семъ Государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало: но меня отъ того по сіе время удержало, что будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышеписанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, принужденнымъ нахожуся перо покинуть, и прочее для описанія

---

[1]) Тамъ же, стр. 337; ср. стр. 426.

преславнаго нашего Монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить" [1]).

Въ первый разъ справедливая оцѣнка труда Манкіева была сдѣлана С. М. Соловьевымъ. Со времени Карамзина „Ядро россійской исторіи" поминалось обыкновенно, какъ примѣръ устарѣлаго незнанія и безвкусія, но прежде всего надо было вспомнить, къ какому времени принадлежало это сочиненіе: удивительно было другое, что со временъ Петра не было сдѣлано другого краткаго обзора русской исторіи, который могъ бы замѣнить книгу Петровскаго времени. Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на время составленія книги Манкіева, на то, что ей предшествовало, и нашелъ справедливымъ дать ей почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ сочиненіи Манкіева „беззатѣйно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части русской исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію русской исторіи: этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій..." [2]).

Но въ чемъ состояли литературныя средства Манкіева и откуда онъ пріобрѣлъ ихъ? Востоковъ по правописанію и нѣкоторымъ словамъ въ рукописи „Ядра", имъ разсмотрѣнной, считалъ Манкіева малороссіяниномъ; Соловьевъ соглашался съ этимъ, основываясь на внутреннихъ качествахъ слога. Наконецъ, это вѣроятно и по учености Манкіева, которая всего скорѣе могла быть тогда пріобрѣтена въ южно-русской школѣ. У Манкіева есть уже сознательный взглядъ на исторію. Въ посвященіи Петру (по рукописи Румянцовскаго Музея) говорится: „Что о Исторіяхъ обще належить, когда я природу Исторій помышляю, весма помышляю, что они великіе вѣдѣнію человѣческому приносятъ ползы; понеже въ нихъ, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, прежде жившихъ бытія, совѣты, рѣченія и дѣла такъ добрые, какъ злые видимъ... Тамо бо обрящеши безъ труда, яже иніи собраша съ трудомъ, и оттуду изчерпнеши и благихъ добродѣтели и злочестивыхъ пороки, житія человѣческаго различная измѣненіа и вещей въ немъ обращенія; міра сего непостоянство, и нечестивыхъ стремглавные падежи и, да единѣмъ обыму словомъ, злыхъ дѣяній казни и благихъ почести. Изъ нихъ же тѣхъ отбѣгнеши, да не въ пра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 431—432.

[2]) Писатели русской исторіи XVIII-го вѣка, въ „Архивѣ" Калачова, кн. II, пол. 1. М. 1855, стр. 3 и д.

воты божія руцѣ впадеши. Сія обымеши, да почести яже съ ними ходятъ, улучиши"... Словомъ, это—дидактическое пониманіе исторіи, дошедшее у насъ до самаго Карамзина.

Ученость Манкіева шире, чѣмъ у кого-либо изъ его предшественниковъ. Кромѣ твердаго знанія библейскихъ книгъ, онъ хорошо знаетъ географію и ссылается на цѣлый рядъ древнихъ писателей, извѣстныхъ ему отчасти, можетъ быть, по вычитаннымъ указаніямъ, но отчасти несомнѣнно и по собственному чтенію. Изъ древнихъ упоминаются у него Ксенофонтъ, Иродотъ, Птоломей, Аполлоній (Argonautica), Плиній, Трогъ Помпей, Юстинъ, Помпоній Мела, Іосифъ Флавій, Виросъ (Berosus), греческій историкъ Зонаръ; далѣе, нѣмецкіе писатели: Каріонъ, Филиппъ Мелянхтонъ, Курей, Фоссіусъ; итальянскіе: Мавро Орбиній и Энеасъ Силвіусъ; шведскіе: Павлинусъ Готусъ, Петреусъ [1]); польскіе: Мярецкій, Кадлубекъ, „безъименный французъ", Длугошъ, Меховій, Стрыйковскій и пр. Подъ 1492 годомъ, онъ упоминаетъ объ Америкѣ, которую открылъ „Христофоръ Колумбусъ, родомъ Генуэзченинъ, человѣкъ разума остраго, который многія страны и Окіана много переѣздилъ".

Книга Манкіева была введеніемъ къ наступавшей новой разработкѣ русской исторіи, когда изслѣдованіе впервые обратилось къ собиранію и объясненію самыхъ источниковъ съ помощію научной критики, и только съ этихъ поръ стали возможны достовѣрная реставрація и сознательное пониманіе пережитой старины.

А. Пыпинъ.

---

[1]) „Безумный политикъ Попъ шведскій Петреіусъ во всѣхъ своихъ книгахъ народъ Русскій безъ чистой совѣсти и срама ругаетъ"... Стр. 386.

ИЗЪ РОБЕРТА БОРНСА

1.—ВИДѢНІЕ.

У башни стоялъ я, у старыхъ развалинъ,
Наросшихъ стеблями травы;
Вдали раздавался, тревожно печаленъ,
Рыдающій окрикъ совы.

Царило безмолвье надъ спящею степью,
Лишь гдѣ-то кричала лиса,
И падали звѣзды огнистою цѣпью,
Собой бороздя небеса.

Рѣка омывала старинныя стѣны,
И мимо разрушенныхъ плитъ
Катилась къ утесамъ, гдѣ въ облакѣ пѣны
Потокъ не смолкая бурлитъ.

Въ холодномъ сіяньѣ, какъ легкія тѣни,
Какъ дымъ, улетающій въ высь—
Во мглѣ вереницы туманныхъ видѣній
Стезею воздушной неслись.

Я голову поднялъ,—и вдругъ изъ ложбины,
Вперяя сверкающій взоръ,
Явился мнѣ призракъ, носившій старинный
Шотландскаго барда уборъ.

Вся мощь вѣковая родного народа
Свѣтилась въ чертахъ у него,
И явственно лозунгъ священный:—Свобода!—
Виднѣлся на шлемѣ его.

Запѣлъ онъ,—такой вдохновенною силой
Была эта пѣсня полна,
Что мнилось: и взятыхъ навѣки могилой
Для жизни разбудитъ она.

Восторженно пѣлъ онъ о дняхъ миновавшихъ,
О дняхъ наступившихъ съ тоской,
И звукъ этихъ пѣсенъ, мнѣ въ сердце запавшихъ,
Остался навѣки со мной.

2.—СМЕРТЬ.

Ты, бичъ великій мірозданья,
Чье смертоносное дыханье
Уноситъ царства и людей—
Привѣтъ тебѣ съ твоею свитой:
Душой, страданіемъ разбитой,
Я не боюсь грозы твоей.

Стрѣла твоя, сразивъ жестоко
Любви моей и жизни цѣль,
Пронзила сердце мнѣ глубоко
И въ немъ трепещетъ и досель.
И вижу я безъ содроганья,
Какъ надъ поникшей головой
Изъ темной тучи грозовой
Сверкаетъ молніи сіянье.

Зову тебя, слѣпая сила!
Все, что̀ живетъ, и все, что̀ жило—
Тебя страшится и клянетъ;
Но я зову тебя, какъ друга,
Приди ко мнѣ: какъ гнетъ недуга,
Стряхни постылой жизни гнетъ!

—

Желанное успокоенье—
Когда придетъ оно, когда?
И сердца скорбнаго біенье
Въ гробу затихнетъ навсегда?
Въ чертахъ безжизненныхъ—ни страха,
Ни горькихъ слезъ и мукъ былыхъ!
Могильный холодъ, царство праха
И сонъ въ объятіяхъ твоихъ!

3.—ИЗБРАННИКИ.

Чѣмъ прекраснѣй она и нѣжнѣе
На высокомъ и тонкомъ стеблѣ—
Тѣмъ грозой налетѣвшей сильнѣе
Пригибаетъ лилею къ землѣ.

Чѣмъ отраднѣй съ зарею румяной
Пѣсня птички въ лазури звенитъ—
Тѣмъ вѣрнѣй надъ добычей желанной
Черной точкою ястребъ кружитъ.

И чѣмъ дальше отъ насъ совершенство—
Тѣмъ къ себѣ неотступнѣй влечетъ;
Величайшее въ мірѣ блаженство—
Величайшее горе несетъ.

4.—МОЛЬБА.

Осенній день бросаетъ тѣнь
На рощи и луга,
Въ горахъ—глубокъ бѣжитъ потокъ
И бьется въ берега.
Тумана мгла кругомъ легла
И буря—все грознѣй,
Но мнѣ туманъ и ураганъ
Милѣе вешнихъ дней.

Грозы порывъ и водъ разливъ—
Сродни душѣ моей;

Любовь—мертва, она—листва,
Опавшая съ вѣтвей...
Но если свѣтъ минувшихъ лѣтъ
Не свѣтитъ въ вышинѣ,
Дай силу жить и позабыть,
Дай примиренье мнѣ!

5.—ОСЕННІЙ ТУМАНЪ.

Повѣяло первымъ дыханьемъ зимы,
Покровомъ тумана одѣлись холмы,
Скрывая бѣгущій въ долинѣ ручей.
Ни красокъ осеннихъ, ни яркихъ лучей!
Тоскливо поникнулъ безлиственный боръ,
Въ поляхъ, потерявшихъ зеленый уборъ,
Печально брожу я по листьямъ сухимъ,
Одной неотвязною думой томимъ.

Какъ время уходитъ, и день ото дня
Преслѣдуетъ жребій суровый меня;
Какъ много я прожилъ, какъ тщетно я жилъ,
Какъ мало осталось и жизни, и силъ,—
Какъ все измѣнили истекшіе дни
И узы какія порвали они!
Безпечно мы съ пѣснею въ гору идемъ,
Но грустно плетемся обратнымъ путемъ;
Ужель за предѣлами жизни земной
Нѣтъ высшаго смысла и жизни иной?

6.—ВЪ ГРОЗУ.

Мнѣ снилась долина, залитая блескомъ,
Весенняго полдня краса,
И рѣчка, бѣгущая съ радостнымъ плескомъ,
И пташекъ лѣсныхъ голоса.
Но вдругъ отдаленнаго грома угрозы,
Какъ стонъ пронеслись въ тишинѣ,
И вѣтви склонивъ, зашумѣли березы,
Грозя потемнѣвшей волнѣ...

Такъ было и въ жизни со мною когда-то:
Весенняго полдня лазурь
Смѣнили собою въ минуту заката—
Порывы суровые бурь.
Развѣяли бурные вихри собою
Цвѣтущее счастье мое,
И все жъ устоялъ я, какъ дубъ, подъ грозою,
И грудью встрѣчаю ее.

7.—СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

(Народная пѣсня).

Растопились снѣга,
Зеленѣютъ луга,
Омываемы свѣтлой волною,
Только въ сердцѣ печаль,
И кого-то мнѣ жаль,
Кто сюда не вернется весною...

Словно солнечный свѣтъ,
Неизмѣнный привѣтъ
Ежедневно несущій вселенной:
Такъ любила и я,
Такъ была и моя
Молодая любовь неизмѣнной.

Но, увы, холодна
И какъ мѣсяцъ блѣдна
Мнѣ любовь его часто казалась:
Измѣнялась она,
И какъ въ небѣ луна—
Съ каждымъ разомъ она уменьшалась.

8.—КРАСАВИЦѢ.

Прекрасна ты,—въ томъ нѣтъ и спору,
Я жаждалъ бы твоей любви,
Когда бъ ты милости свои
Не расточала безъ разбору.

И кто увлечь тебя не могъ
И обмануть готовой сказкой?
Ты—словно вешній вѣтеръ,
Дарящій всѣхъ своею лаской!

Взгляни на розу: межъ листвой
Она скрывается отъ взора,
Небрежной сорвана рукой,
Она увянетъ слишкомъ скоро.

Ты, къ наслажденію стремясь,
Цвѣтешь такою же красою,
Но дерзкой сорвана рукою,
Погибнешь, брошенная въ грязь.

О. Михайлова.

КАПИТАЛИЗМЪ
ВЪ
ДОКТРИНѢ МАРКСА

I.

Экономическая теорія Маркса, какъ мы видѣли [1]), построена на весьма сложной системѣ внутреннихъ противорѣчій, неразрѣшимыхъ даже съ точки зрѣнія самого автора „Капитала“.

Всѣ разсужденія объ образованіи прибавочной цѣнности во время процесса производства теряютъ почву, если вспомнить, что цѣнность вовсе не составляетъ самостоятельнаго внутренняго качества, присущаго товарамъ, а зависитъ отъ внѣшнихъ условій, надъ которыми производители не властны, т.-е. отъ степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства. Какая прибавочная цѣнность можетъ создаваться до появленія товаровъ на рынкѣ, когда цѣнность существуетъ еще только въ предположеніяхъ и разсчетахъ предпринимателя? Сколько бы ни употреблялось усилій на созданіе и увеличеніе прибавочной цѣнности въ процессѣ производства, никакой прибавочной цѣнности не окажется на дѣлѣ, если она не входитъ въ цѣны производимыхъ товаровъ и не вліяетъ на эти товарныя цѣны. Въ предѣлахъ же существующихъ цѣнъ можно достигнуть „прибавочной цѣнности“ только путемъ удешевленія производства; но удешевленіе произ-

---

[1]) См. выше: май, стр. 267 и слѣд.

водства, дѣлаясь всеобщимъ и общедоступнымъ, понижаетъ цѣны товаровъ и слѣдовательно опять-таки не оставляетъ въ рукахъ производителя никакой специальной прибавочной цѣнности.

Самые термины: „прибавочный трудъ“, „прибавочная цѣнность“ и „неоплаченная часть рабочаго дня“ основаны на софизмахъ, затемняющихъ общій принципіальный вопросъ объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ. Плата за трудъ можетъ быть слишкомъ низкою, и весь договоръ о наймѣ рабочаго можетъ носить на себѣ характеръ односторонней эксплуатаціи, но никакого прибавочнаго труда, сверхъ условленнаго, не требуется и не можетъ требоваться отъ рабочаго, пока обоюдное соглашеніе (хотя бы только формальное со стороны рабочаго) остается необходимымъ элементомъ сдѣлки. Если капиталистъ не нанимаетъ, а покупаетъ рабочую силу, какъ это выходитъ по Марксу, то еще менѣе логично говорить о прибавочномъ неоплаченномъ трудѣ, ибо вся трудовая способность рабочаго принадлежитъ тогда капиталисту и оплачивается имъ по существующей цѣнѣ рабочей силы; плата за самый трудъ тогда вообще не существуетъ, и слѣдовательно нельзя отдѣлять оплаченную часть работы отъ неоплаченной. Самъ Марксъ мимоходомъ сознается, что тутъ есть непослѣдовательность, и что неоплаченный трудъ является только „популярнымъ выраженіемъ“ для прибавочнаго труда [1]); но и понятіе о прибавочномъ трудѣ совершенно не вяжется съ представленіемъ о продажѣ рабочей силы.

Мысль о куплѣ-продажѣ рабочей силы не только не облегчаетъ теоретической задачи, связанной съ вопросомъ о цѣнности, но вноситъ въ него новую путаницу. Трудъ не имѣетъ цѣнности и цѣны будто бы потому, что, наоборотъ, цѣнность измѣряется трудомъ. „Чѣмъ опредѣлялась бы въ такомъ случаѣ цѣнность, напр., двѣнадцатичасового рабочаго дня?—спрашиваетъ Марксъ.— Двѣнадцатью часами работы, заключающимися въ двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ, что̀ было бы безцѣльною тавтологіею“ (стр. 555).

Этотъ доводъ, очевидно, представляетъ собою только обманчивую игру словъ. По собственному ученію Маркса, цѣнность опредѣляется не тѣмъ, что̀ товаръ даетъ потребителю, а тѣмъ, что̀ необходимо для производства или приготовленія товара; поэтому цѣнность двѣнадцатичасового рабочаго дня опредѣляется не двѣнадцатью часами работы, получаемой капиталистомъ, а тѣмъ количествомъ труда, которое нужно для доставленія рабочему средствъ

---

[1]) См. т. I, стр. 554.

дневного существованія. Послѣднее количество труда должно быть непремѣнно меньше двѣнадцати часовъ работы, потому что при помощи орудій и машинъ производится въ теченіе даннаго срока несравненно больше цѣнностей, чѣмъ безъ орудій и средствъ производства, и благодаря этому обстоятельству, рабочій окупаетъ свою плату въ болѣе короткое время, чѣмъ при самостоятельной работѣ съ самодѣльными орудіями. Трудъ, необходимый для производства пищи и другихъ предметовъ потребленія рабочихъ, и трудъ, исполняемый рабочими на фабрикѣ или заводѣ по договору съ капиталистомъ, — это двѣ совершенно различныя величины, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать. По теоріи, рабочій получаетъ эквивалентъ своего рабочаго времени въ заработной платѣ, обезпечивающей сохраненіе и поддержаніе его трудовой способности; а то, что̀ извлекаетъ изъ него капиталистъ при помощи своихъ орудій производства, имѣетъ столь же мало связи съ рыночною цѣнностью труда, какъ и всякія другія выгоды, извлекаемыя покупателемъ изъ пріобрѣтенныхъ товаровъ. Личный реальный трудъ работника, безъ орудій и машинъ, можетъ и долженъ, по Марксу же, цѣниться гораздо ниже продуктовъ того же труда, обставленнаго всѣми усовершенствованіями техники (напр., трудъ ручного ткача и машиннаго); поэтому вполнѣ естественно, что бо̀льшее количество простой человѣческой работы обмѣнивается на продукты меньшаго количества труда, дѣйствующаго при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

„Чтобы быть проданнымъ на рынкѣ, какъ товаръ,—говоритъ еще Марксъ, — трудъ долженъ бы во всякомъ случаѣ существовать передъ продажей. Но еслибы работникъ могъ дать труду самостоятельное существованіе, онъ продавалъ бы товаръ, а не трудъ" (стр. 556). Софизмъ построенъ на предположеніи, что предметомъ продажи можетъ быть только реальная вещь, имѣющая самостоятельное внѣшнее существованіе; но это возраженіе— если оно можетъ считаться возраженіемъ,—одинаково примѣнимо и къ рабочей силѣ, которая также не существуетъ реально, внѣ работника. Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого поправка, предлагаемая Марксомъ? Далѣе, Марксъ подробно опредѣляетъ стоимость рабочей силы, — стоимость, которую долженъ оплачивать капиталистъ при покупкѣ этого „товара": онъ говоритъ объ издержкахъ на его приготовленіе и обновленіе, согласно общимъ правиламъ о производствѣ „всякихъ другихъ товаровъ" и особенно машинъ [1]). Между тѣмъ оплачивать эти затраты на при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 155—157, 263—4 и др.

готовленіе и обновленіе рабочей силы не приходится капиталистамъ по той простой причинѣ, что они не покупаютъ, а нанимаютъ работниковъ, и авторъ вынужденъ тутъ же свести заработную плату къ цѣнности средствъ, необходимыхъ для содержанія рабочихъ съ ихъ семействами, какъ это дѣлаетъ Рикардо, который подъ заработною платою разумѣетъ цѣну труда, а не рабочей силы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Марксъ разсуждаетъ иногда о продажѣ труда, какъ товара, забывая уже о замѣнѣ его рабочею силою [1]), и вся эта необыкновенно важная будто бы поправка, которая, по увѣренію Энгельса, „однимъ ударомъ разрѣшила затрудненіе, погубившее школу Рикардо", уничтожается сама собою.

Прибѣгая къ извѣстнымъ доводамъ для подтвержденія своей теоріи, Марксъ легко отказывается отъ нихъ или даже самъ опровергаетъ ихъ по минованіи въ нихъ надобности. Такъ, между прочимъ, въ первомъ томѣ „Капитала" доказывается невозможность для капиталиста извлечь прибыль изъ товарнаго обращенія на томъ основаніи, что при всеобщей надбавкѣ къ трудовой стоимости товаровъ капиталисты столько же теряли бы въ цѣнѣ покупаемыхъ продуктовъ, сколько выигрывали бы при продажѣ своихъ собственныхъ товаровъ; при этомъ подразумѣвалось, что цѣнность покупокъ фабриканта всегда равняется цѣнности его продажъ. Во второмъ томѣ объясняется уже, что фабрикантъ неизбѣжно продаетъ больше, чѣмъ покупаетъ, и что безъ этой разницы въ цѣнности покупокъ и продажъ капиталъ не исполнялъ бы вовсе своей производительной функціи (стр. 94 и др.). Въ этомъ случаѣ Марксъ, очевидно, отрекается отъ одного изъ существенныхъ своихъ аргументовъ, какъ отъ ненужнаго уже софизма, сослужившаго свою службу. Образчикомъ сознательной софистики можетъ служить и разсужденіе о необычайной важности для фабрикантовъ удлинненія рабочаго дня, въ виду огромныхъ убытковъ отъ бездѣйствія дорого стоющихъ машинъ даже въ теченіе короткаго времени; Марксъ предполагаетъ здѣсь, что непремѣнно одни и тѣ же рабочіе должны приводить машины въ движеніе, при чемъ намѣренно умалчиваетъ о возможности послѣдовательныхъ смѣнъ рабочихъ, съ сокращеніемъ продолжительности работы отдѣльныхъ лицъ даже до шести часовъ въ день. Если принять во вниманіе эту простую возможность смѣны рабочихъ, то выводъ о неразрывной связи капиталистическаго про-

[1]) См., напр., т. II, стр. 93.

изводства съ непомѣрною жаждою прибавочнаго труда, убійственнаго для трудящихся, отпадаетъ самъ собою.

По теоріи Маркса, прибавочная цѣнность вырабатывается лишь тою частью капитала, которая употребляется на покупку живой рабочей силы; поэтому и прибыль въ различныхъ предпріятіяхъ должна соотвѣтствовать количеству наемныхъ рабочихъ и степени ихъ эксплуатаціи. Чѣмъ больше требуется рабочихъ въ данной отрасли производства, и чѣмъ меньше тратится на машины и на сырые продукты, тѣмъ выше размѣръ получаемой прибыли. Такъ какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, а скорѣе мы видимъ обратное, то Марксъ пробуетъ объяснить или устранить противорѣчіе двумя способами: сначала онъ утверждаетъ, что потеря отъ уменьшенія числа рабочихъ уравновѣшивается возростаніемъ производительности и интензивности труда по введеніи машинъ, вслѣдствіе чего прибавочная цѣнность не только не уменьшается, но даже увеличивается; однако это объясненіе приводитъ къ невозможнымъ выводамъ, въ родѣ того, что прибыль цѣлаго предпріятія создается нѣсколькими женщинами и дѣтьми, работающими при машинахъ, или создается даже однимъ рабочимъ, наблюдающимъ за дѣйствіемъ могущественныхъ механическихъ двигателей. Ссылка на удлинненіе рабочаго дня оказывается также безполезною, когда дѣло идетъ о замѣнѣ десятковъ и сотенъ работниковъ двумя или тремя человѣками, изъ которыхъ физически нельзя выжать столько прибавочнаго труда, сколько необходимо для правдоподобнаго объясненія прибыли. Тогда Марксъ прибѣгаетъ къ другому пріему,—онъ не отрицаетъ, что равенство прибылей въ разныхъ предпріятіяхъ несовмѣстимо съ его теоріею, и онъ даетъ понять читателю, что эта несовмѣстимость будетъ устранена дальнѣйшими разъясненіями, заключающимися въ третьемъ томѣ „Капитала“. Но вмѣсто обѣщаннаго разъясненія, читателю предлагается въ концѣ концовъ нѣчто совершенно невѣроятное.

Посвятивъ два обширныхъ тома подробнѣйшему анализу небывалыхъ законовъ и формулъ, касающихся извлеченія прибавочной цѣнности изъ наемной рабочей силы, Марксъ въ третьемъ томѣ дѣлаетъ поворотъ въ другую сторону; онъ вынужденъ признать, что всѣ его законы и формулы прямо противорѣчатъ дѣйствительности и никакъ не могутъ быть съ нею согласованы,—что размѣръ прибавочной цѣнности вовсе не обусловливается количествомъ наемныхъ рабочихъ и степенью ихъ эксплуатаціи въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, и что прибавочная цѣнность, въ формѣ прибыли, получается въ одинаковой мѣрѣ со всякаго вообще производи-

тельнаго капитала, даже при отсутствіи наемныхъ рабочихъ. Вмѣсто прибавочной цѣнности, соотвѣтствующей количеству дарового труда, присвоиваемаго капиталистомъ, выступаетъ на сцену средняя норма прибыли, одинаковая для различныхъ отраслей производства и не имѣющая уже никакой связи ни съ количествомъ употребляемыхъ рабочихъ, ни съ степенью ихъ эксплуатаціи [1]). Цѣны товаровъ опредѣляются уже не внутреннею цѣнностью, измѣряемою трудомъ, а стоимостью издержекъ производства съ присоединеніемъ средней прибыли. Каждый капиталистъ заранѣе присоединяетъ среднюю прибыль къ цѣнѣ издержекъ, и устанавливаемая такимъ образомъ „цѣна производства“ приближается болѣе или менѣе къ цѣнности товаровъ. „Цѣна производства,—говоритъ Марксъ,—заключаетъ въ себѣ среднюю прибыль. Мы назвали ее цѣною производства; это фактически то же самое, что̀ Смитъ назвалъ естественною цѣною, Рикардо—стоимостью или издержками производства, физіократы—необходимою цѣною, при чемъ никто изъ нихъ не объяснилъ разницы между цѣною производства и цѣнностью, ибо эта разница составляетъ постоянное условіе предложенія и воспроизведенія товаровъ въ каждой изъ отдѣльныхъ отраслей производства“ [2]). Марксъ ссылается уже здѣсь на Мальтуса, котораго онъ жестоко отдѣлываетъ въ первомъ томѣ. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ теоретическихъ блужданій, Марксъ возвращается на старую торную дорогу, проложенную „вульгарными экономистами“, и въ то же время съ полною увѣренностью заявляетъ, что этимъ окончательно разъясняется и упрочивается внутренній смыслъ его доктрины. Желаніе во что бы то ни стало увѣрить читателя, что фактическое отреченіе отъ доктрины есть въ сущности ея подтвержденіе, запутываетъ аргументацію до того, что она становится совершенно непонятною.

Придерживаясь своей обычной системы, Марксъ и въ третьемъ томѣ опять повторяетъ прежнія положенія о прибавочной цѣнности, перелагаетъ ихъ въ алгебраическія формулы и дѣлаетъ съ ними разныя примѣрныя выкладки [3]);—однѣ и тѣ же операціи и опредѣленія, сводящіяся часто къ простой тавтологіи, воспроизводятся буквально десятки разъ. Обсудивъ съ различныхъ сторонъ вопросъ о зависимости прибыли отъ размѣра затратъ на за-

---

[1]) Т. III, ч. I, стр. 10 и слѣд., 132 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 178 и др.

[3]) Любопытные примѣры такого безцѣльнаго повторенія азбучныхъ разсчетовъ, облеченныхъ въ математическія формы, можно найти на стр. 25 (въ концѣ), 26, 27 и др., въ 1-ой ч. III-го тома.

работную плату, Марксъ повидимому остается послѣдовательнымъ въ своихъ выводахъ. „Мы показали,—говоритъ онъ,—что въ разныхъ отрасляхъ промышленности, соотвѣтственно различному органическому составу капиталовъ (т.-е. соотвѣтственно относительной величинѣ той части капитала, которая употребляется на наемъ рабочихъ), и смотря по продолжительности оборота этихъ капиталовъ, господствуютъ различныя нормы прибыли, и что только для капиталовъ одинаковаго органическаго состава, при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности и при равныхъ срокахъ оборота, дѣйствуетъ (по своей общей тенденціи) законъ, что прибыли пропорціональны размѣрамъ капиталовъ и что равные по величинѣ капиталы даютъ въ равные сроки одинаковыя суммы прибыли. Изложенное имѣетъ силу при предположеніи, что товары продаются по своей цѣнности. Съ другой стороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительности, независимо отъ случайныхъ, незначительныхъ и выравнивающихся особенностей, не существуетъ и не могло бы существовать различіе среднихъ нормъ прибыли въ разныхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ тогда упразднилась бы вся система капиталистическаго производства. Кажется поэтому, что теорія цѣнности несовмѣстима здѣсь съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей, несовмѣстима съ фактическими явленіями производства, и что, слѣдовательно, надо отказаться отъ надежды понять эти явленія". Еслибы капиталъ, десятая доля котораго расходуется на заработную плату, давалъ такую же прибавочную цѣнность или прибыль, какъ и капиталъ, затрачиваемый почти цѣликомъ на рабочихъ, то „было бы ясно, какъ день,—замѣчаетъ Марксъ, — что прибавочная цѣнность и вообще цѣнность должна имѣть совсѣмъ другой источникъ, чѣмъ трудъ, и что этимъ устраняется всякая раціональная основа политической экономіи" [1]). Это значитъ, что для политической экономіи нѣтъ спасенія внѣ теоріи Маркса: если теорія его несостоятельна, то никакая вообще теорія немыслима, и надо отказаться отъ попытки понять экономическія явленія. А такъ какъ нельзя мириться съ отсутствіемъ раціональной науки, то по неволѣ нужно брать ее въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ ее Марксъ, ибо другой науки нѣтъ и быть не можетъ, по категорическому удостовѣренію автора. Правда, и до книги о „Капиталѣ" господствовало между экономистами ученіе о трудѣ, какъ объ источникѣ цѣнности, и оно можетъ остаться въ силѣ и послѣ того, какъ будетъ отвергнута доктрина Маркса; слѣдовательно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 127 и 131—2.

отказъ отъ этой доктрины вовсе не равносиленъ отреченію отъ трудовой теоріи цѣнности, которой держались и Смитъ и Рикардо. Раціональная основа политической экономіи дана была также ранѣе появленія Маркса, и потому нѣтъ повода думать, что она должна раздѣлить судьбу его спеціальныхъ теоретическихъ взглядовъ и выводовъ. Отожествляя свое ученіе съ разумною политическою экономіею вообще, Марксъ какъ будто снимаетъ съ себя отвѣтственность за несовмѣстимость своей теоріи съ фактами; надо такъ или иначе подогнать факты подъ его теорію, чтобы не остаться совсѣмъ безъ науки и безъ теоріи. Что доктрина сама по себѣ ошибочна и что эта ошибочность именно и обнаруживается въ несогласимомъ противорѣчіи ея съ явленіями дѣйствительности, — объ этомъ не допускается и мысли у читателя. Марксъ предпочитаетъ прямо перейти къ старымъ испытаннымъ точкамъ зрѣнія и разобрать реальные элементы цѣнности и прибыли, не вдаваясь въ туманныя отвлеченности; онъ обращается къ издержкамъ производства, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ избавиться отъ неравенствъ прибавочной цѣнности. „Цѣны издержекъ,—говоритъ онъ, — одинаковы для продуктовъ различныхъ отраслей производства, въ которыхъ расходуются капиталы равной величины, какъ бы различенъ ни былъ органическій составъ этихъ капиталовъ. Въ цѣнѣ издержекъ исчезаетъ для капиталиста различіе между перемѣннымъ капиталомъ и постояннымъ. Товаръ, для производства котораго израсходована извѣстная сумма, обходится капиталисту одинаково въ эту сумму, издержано ли много на рабочихъ или мало. Цѣны товаровъ, опредѣляемыя издержками (Kostpreise), одинаковы для равныхъ расходныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства, какъ бы различны ни были производимыя цѣнности и прибавочныя цѣнности. Это равенство расходныхъ цѣнъ составляетъ основу конкурренціи между разными помѣщеніями капитала, чѣмъ и устанавливается средняя норма прибыли“ (стр. 132). Установленіе средней нормы прибыли для различныхъ предпріятій при крайнемъ разнообразіи количествъ прибавочной цѣнности, извлекаемыхъ отдѣльными предпринимателями, достигается, слѣдовательно, тѣмъ, что прибавочная цѣнность вовсе не принимается въ разсчетъ, а цѣны устанавливаются сообразно издержкамъ производства, путемъ конкурренціи, какъ учили Рикардо и Мальтусъ.

Чтобы не отказываться формально отъ своей теоріи, Марксъ предлагаетъ такую комбинацію, въ которой дѣйствительныя явленія представлены навыворотъ. Капиталисты, по его словамъ, добываютъ прибавочную цѣнность не для себя въ отдѣльности, а

для всей совокупности частныхъ капиталовъ, для всего капиталистическаго общества, которое образуетъ какъ бы акціонерную компанію; каждый участникъ получаетъ свою долю прибыли, въ видѣ дивиденда, изъ общей массы прибавочныхъ цѣнностей, соразмѣрно величинѣ своего капитала. Отдѣльные фабриканты и заводчики могутъ вырабатывать много прибавочной цѣнности, другіе—мало, въ зависимости отъ количества употребляемыхъ рабочихъ и степени ихъ эксплуатаціи; но они не берутъ своей добычи прямо себѣ въ карманъ, а дѣлятъ ее между собою по справедливости, чтобы всѣмъ досталась равная прибыль, съ присоединеніемъ еще платы за рискъ и за особыя заслуги въ отдѣльныхъ случаяхъ. При извѣстныхъ размѣрахъ даровой прибавочной цѣнности, болѣе счастливые капиталисты имѣютъ возможность уступать часть своихъ барышей конкуррентамъ и постороннимъ предпринимателямъ, для того, чтобы никому не было обиды, и такимъ способомъ осуществляется приблизительное равенство прибылей въ различныхъ предпріятіяхъ и въ разныхъ отрасляхъ промышленности.—Марксъ говоритъ объ этомъ съ серьезнѣйшимъ видомъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій или оговорокъ, точно дѣло идетъ о существующихъ фактахъ; онъ просто складываетъ вмѣстѣ частные капиталы, помѣщенные въ разныхъ промышленныхъ дѣлахъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ одинъ общій капиталъ, затѣмъ беретъ сумму предполагаемыхъ прибавочныхъ цѣнностей для опредѣленія средней нормы прибыли, дѣлаетъ обычные примѣрные разсчеты, съ табличками и т. п. [1]).

„Цѣны, образуемыя тѣмъ, что средній выводъ изъ различныхъ нормъ прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства прибавляется къ цѣнамъ издержекъ различныхъ отраслей промышленности,—поясняетъ Марксъ,—суть цѣны производственныя. Онѣ предполагаютъ существованіе одной общей нормы прибыли, которая въ свою очередь предполагаетъ, что размѣры прибыли въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства уже сведены къ такому же числу среднихъ нормъ прибыли. Эти отдѣльныя нормы прибыли должны быть выводимы изъ цѣнности товаровъ. Безъ такого выведенія

---

[1]) Отмѣтимъ одну странность въ этихъ разсчетахъ и табличкахъ. Если стоимость издержекъ равняется 15, а цѣна — 37, то прибыль принимается въ 22% (въ дѣйствительности—около 150%), тѣ же 22% составляетъ разница между 55 и 77, между 91 и 113, между 70 и 92 (стр. 134—5 и слѣд.), т.-е. одна и та же численная разница (въ данномъ случаѣ 22) между какими угодно числами считается процентнымъ выраженіемъ этой разницы. Это характеризуетъ тѣ мнимо-математическіе пріемы, которые производятъ такое импонирующее впечатлѣніе на многихъ читателей „Капитала“.

всеобщая норма прибыли остается безсодержательнымъ и безсмысленнымъ представленіемъ. Производственная цѣна товаровъ равняется, слѣдовательно, цѣнѣ ихъ издержекъ съ прибавленіемъ средней прибыли... Капиталы равной величины приводятъ въ движеніе весьма различныя массы труда, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они употребляются на покупку рабочей силы; они присвоиваютъ поэтому весьма различныя количества прибавочнаго труда и производятъ весьма различныя количества прибавочной цѣнности. Соотвѣтственно этому, господствующіе въ различныхъ отрасляхъ производства размѣры прибыли первоначально (?) весьма различны. Эти разнообразныя нормы прибыли выравниваются путемъ конкурренціи и превращаются въ общую норму прибыли, составляющую средній выводъ изъ всѣхъ этихъ различныхъ нормъ прибыли, и т. д. Такимъ образомъ капиталисты при продажѣ своихъ товаровъ выручаютъ не ту прибавочную цѣнность или прибыль, которая производится въ ихъ собственной сферѣ при производствѣ этихъ товаровъ, но лишь столько прибавочной цѣнности и прибыли, сколько причитается на каждую долю общественнаго капитала съ совокупной прибавочной цѣнности или съ совокупной прибыли, вырабатываемой совокупнымъ капиталомъ общества въ опредѣленный промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ производства, при равномъ распредѣленіи. Всякій израсходованный на производство капиталъ, сколько бы онъ ни употреблялъ рабочихъ, извлекаетъ за годъ или за другой промежутокъ времени такую прибыль со ста, какая приходится по разсчету на данную долю совокупнаго капитала. Различные капиталисты поступаютъ здѣсь, по отношенію къ прибыли, какъ простые акціонеры акціонерной компаніи, гдѣ участіе въ прибыляхъ распредѣляется равномѣрно, и гдѣ дивиденды отдѣльныхъ капиталистовъ различаются по величинѣ капитала, помѣщеннаго каждымъ въ общемъ предпріятіи, по относительному участію каждаго въ этомъ общемъ предпріятіи, по числу его акцій... Слѣдовательно, когда капиталистъ продаетъ свой товаръ по цѣнѣ его производства, онъ получаетъ обратно деньги соотвѣтственно величинѣ израсходованнаго имъ въ производствѣ капитала и извлекаетъ прибыль пропорціонально употребленному капиталу, какъ частной долѣ совокупнаго общественнаго капитала. Его производственныя цѣны или издержки свойственны спеціально его товару; прибавка къ этимъ цѣнамъ или издержкамъ въ видѣ прибыли не зависитъ уже отъ его отдѣльной отрасли производства и составляетъ лишь простой средній процентъ съ затраченнаго капитала". При данной степени эксплуатаціи рабочихъ „количество прибавочной цѣнности,

производимое въ какой-нибудь отдѣльной отрасли производства, важнѣе для совокупной средней прибыли общественнаго капитала, т.-е. для класса капиталистовъ вообще, чѣмъ непосредственно для капиталиста въ каждой отдѣльной отрасли производства; для него, капиталиста, это имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько произведенное въ его промышленной области количество прибавочной цѣнности участвуетъ въ опредѣленіи средней прибыли. Но это процессъ, происходящій за его спиною, котораго онъ не видитъ, не понимаетъ, и который въ самомъ дѣлѣ его не интересуетъ". Если капиталисты хлопочутъ объ увеличеніи прибавочной цѣнности своихъ товаровъ, то скорѣе для пользы другихъ, чѣмъ для самихъ себя; они во всякомъ случаѣ получаютъ прибыль въ видѣ процента съ затраченнаго капитала, соотвѣтственно средней нормѣ общественной прибыли.

Роль конкурренціи въ этомъ уравненіи прибылей изображается Марксомъ крайне неопредѣленно, по шаблону „вульгарныхъ экономистовъ": рабочіе переходятъ изъ одной отрасли производства въ другую, капиталы тоже перемѣщаются туда, гдѣ производится больше прибыли, и такимъ образомъ выравниваются доходы съ промышленныхъ капиталовъ. Другими словами, конкурренція уничтожаетъ различія прибавочныхъ цѣнностей, превращая послѣднія въ равномѣрный процентъ съ капитала; но тогда все изслѣдованіе о нормахъ прибавочной цѣнности дѣлается безпредметнымъ. Если прибыль есть только форма или выраженіе прибавочной цѣнности, извлекаемой изъ наемныхъ рабочихъ, то неравенство прибылей никакъ не можетъ устраняться путемъ конкурренціи, пока существуетъ и дѣйствуетъ причина этого неравенства— разнообразіе въ количествѣ наемныхъ рабочихъ и ихъ прибавочнаго труда въ разныхъ предпріятіяхъ; если же прибыли выравниваются, несмотря на разнообразіе количествъ прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности, то слѣдуетъ заключить, что размѣры прибыли опредѣляются не тѣми условіями, которыя указаны Марксомъ. Неодинаковая численность рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности зависитъ отъ характера самыхъ предпріятій и потому не можетъ быть уравниваема конкурренціею; слѣдовательно, конкурренція не вліяетъ и не можетъ вліять на неравенство прибылей, происходящее отъ разнообразія въ количествѣ рабочихъ и въ массѣ ихъ прибавочнаго труда. Оттого Марксъ такъ глухо говоритъ о дѣйствіи конкурренціи въ данномъ случаѣ, ограничиваясь лишь общими словами и намеками; онъ не могъ не видѣть, что ссылка на уравнивающее дѣйствіе этого фактора нисколько не помогаетъ разъясненію вопроса, почему неравныя

массы прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности превращаютъ въ равныя нормы прибыли. Притомъ эта ссылка на конкурренцію, очевидно, несовмѣстима съ принятымъ раньше предположеніемъ, что всѣ частные промышленные капиталы дѣйствуютъ солидарно, образуя одинъ общественный капиталъ и распредѣляя между собою прибыль въ видѣ дивиденда.

Марксъ впрочемъ тотчасъ же бросаетъ мысль о конкурренціи и опять возвращается къ гипотезѣ совокупнаго общественнаго капитала, вырабатывающаго среднюю прибыль для всѣхъ участниковъ. Эксплуатація рабочихъ отдѣльными капиталистами замѣняется эксплуатаціею всего рабочаго класса совокупнымъ общественнымъ капиталомъ или цѣлымъ классомъ капиталистовъ, такъ что различныя нормы прибавочной цѣнности въ разныхъ отрасляхъ производства уступаютъ мѣсто средней прибыли, составляющей извѣстный процентъ съ затраченнаго капитала. „Капиталистъ, который въ своей отрасли производства вовсе не употреблялъ бы рабочихъ, былъ бы такъ же точно заинтересованъ въ эксплуатаціи рабочаго класса капиталомъ и въ такой же мѣрѣ извлекалъ бы свою прибыль изъ неоплаченной прибавочной работы, какъ и капиталистъ, который весь свой капиталъ тратилъ бы на заработную плату“. Итакъ, говорится далѣе, „мы имѣемъ здѣсь математически точное доказательство, отчего капиталисты, хотя и относятся другъ къ другу въ своей конкурренціи какъ ложные братья, образуютъ однако настоящій масонскій союзъ по отношенію къ совокупности рабочаго класса“. Въ основѣ этой общности интересовъ лежитъ представленіе, что „капиталы каждой отрасли производства имѣютъ право участвовать, пропорціонально своимъ размѣрамъ, въ совокупной прибавочной цѣнности, выжатой изъ рабочихъ совокупнымъ общественнымъ капиталомъ, или что каждый отдѣльный капиталъ долженъ быть разсматриваемъ только какъ часть совокупнаго капитала, каждый капиталистъ— только какъ акціонеръ въ совокупномъ предпріятіи, участвующій въ общей прибыли соразмѣрно величинѣ своей доли капитала“ [1]).

Начавъ съ анализа частныхъ формъ созданія прибавочной цѣнности, Марксъ дошелъ до выводовъ, опровергаемыхъ дѣйствительностью на каждомъ шагу; онъ обходитъ встрѣченныя препятствія тѣмъ, что ставитъ общественныя формы взамѣнъ частныхъ, совокупный общественный капиталъ на мѣсто соперничающихъ отдѣльныхъ капиталовъ, и равный дѣлежъ общей прибыли— на мѣсто добыванія различныхъ количествъ прибавочнаго труда

---

[1]) Тамъ же, стр. 136—190.

и прибавочной цѣнности. Изслѣдованіе элементовъ цѣнности и прибыли должно было установить законы эксплуатаціи труда капиталомъ; но это изслѣдованіе, веденное a priori, привело къ несогласимымъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ нѣтъ логическаго выхода. Тогда Марксъ подходитъ къ предмету съ другого конца и высказываетъ общее, никѣмъ не оспариваемое положеніе, что капиталисты эксплуатируютъ рабочій классъ и пользуются его трудомъ для своего обогащенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтверждаетъ ту старую истину, что равномѣрность прибылей достигается путемъ конкурренціи. Первое положеніе не вытекаетъ изъ анализа, а предшествовало ему, какъ общеизвѣстная аксіома, повторяемая всѣми экономистами, въ томъ числѣ и буржуазными; второе положеніе, вѣрное само по себѣ, несовмѣстимо съ результатами анализа. Третій выходъ — предположеніе о дружелюбномъ равномѣрномъ распредѣленіи промышленныхъ доходовъ между капиталистами, независимо отъ размѣровъ прибавочной цѣнности, извлекаемой каждымъ въ отдѣльности, — принадлежитъ уже къ области фантазіи и принимается только въ видѣ крайней мѣры, за невозможностью найти другую, болѣе правдоподобную комбинацію, которая связала бы концы съ концами въ запутанной доктринѣ Маркса.

Въ „Капиталѣ" излагаются въ сущности двѣ или три теоріи цѣнности и прибыли, исключающія себя взаимно и тѣмъ не менѣе выдаваемыя какъ бы за одну. Мѣновая цѣнность есть, во-первыхъ, цѣнность вообще, опредѣляемая количествомъ воплощенной человѣческой работы, — во-вторыхъ, цѣнность производственная, заключающая въ себѣ цѣну издержекъ, съ присоединеніемъ средней прибыли, — и въ-третьихъ, цѣнность смѣшанная, соотвѣтствующая затратамъ труда и капитала. Цѣнность перваго рода берется за исходную точку и анализируется съ наибольшею обстоятельностью; но она оказывается фиктивною, не вліяетъ ни на реальныя цѣны товаровъ, ни на дѣйствительную прибыль капиталиста, и потому оставляется въ сторонѣ, для одной теоріи. Цѣнность второго рода, зависящая отъ стоимости издержекъ, опредѣляетъ цѣны товаровъ; она бываетъ значительно ниже или выше первой, трудовой, хотя, по увѣренію Маркса, стремится съ нею совпасть. Наконецъ, въ цѣнности третьяго рода принимается въ разсчетъ то обстоятельство, что затраты капитала на машины и продукты окупаютъ не все количество труда, употребленное на производство этихъ машинъ и продуктовъ, и что, слѣдовательно, трудовой элементъ цѣнности не можетъ быть вполнѣ выраженъ, если руководствоваться только количествомъ живой человѣческой работы,

приложенной къ обработкѣ сырыхъ продуктовъ при помощи усовершенствованныхъ орудій. Такъ какъ денежная цѣнность сырья и машинъ не выражаетъ собою трудовой ихъ стоимости, то эта часть издержекъ производства принимается какъ готовая, къ которой присоединяется лишь цѣнность, создаваемая наемнымъ трудомъ рабочихъ. Въ послѣднемъ своемъ выводѣ, Марксъ останавливается, такимъ образомъ, на смѣшанной теоріи, усвоенной всѣми экономистами школы Рикардо. Онъ говоритъ и повторяетъ, что производственная цѣнность, т.-е. цѣнность издержекъ производства съ присоединеніемъ средней прибыли, есть только видоизмѣненіе цѣнности перваго рода, что трудовая цѣнность переходитъ въ цѣнность производства и находитъ въ ней свое реальное выраженіе и т. д.; но этотъ переходъ не только ничѣмъ не объясняется, а дѣлается Марксомъ даже слишкомъ внезапно и рѣзко, безъ малѣйшей попытки указать послѣдовательную логическую связь между его разсужденіями о трудовой цѣнности и объ издержкахъ производства. Что касается прибыли, то въ первой теоріи она представляетъ прибавочную цѣнность, вырабатываемую прибавочнымъ трудомъ наемныхъ рабочихъ, а во второй теоріи, производственной, она есть просто разница между стоимостью издержекъ и продажною цѣною товара; въ первой теоріи размѣры прибыли крайне различны и никакъ не могутъ быть сведены къ какой-нибудь средней нормѣ, а во второй—прибыли болѣе или менѣе равномѣрны, составляя извѣстный процентъ съ затраченнаго капитала. Всѣ усилія примирить и объяснить эти разнообразныя положенія приводятъ лишь къ непомѣрному многословію, которымъ особенно страдаетъ не законченный авторомъ третій томъ.

Послѣ этого разбора мы, кажется, имѣемъ право сказать, что Марксъ не внесъ въ существовавшее ученіе о цѣнности ничего такого, что̀ могло бы считаться серьезнымъ вкладомъ въ науку. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ сопоставить краткія и ясныя указанія Рикардо съ безконечными разсужденіями и комментаріями Маркса, долженъ убѣдиться, что послѣдній во всемъ существенномъ рабски слѣдуетъ учителю, хотя обыкновенно упоминаетъ о немъ не иначе, какъ свысока, приписывая ему ошибки, непониманіе и т. п.; а то новое и самостоятельное, что̀ онъ прибавляетъ и развиваетъ отъ себя, не идетъ далѣе безплодной софистики. Оттого эта часть доктрины Маркса отвергается даже экономистами, сочувствующими его общимъ идеямъ, и принимается только тѣми, которые по недоразумѣнію видятъ въ ней дальнѣйшее логическое развитіе и усовершенствованіе теоріи Рикардо.

Противъ ученія Маркса о цѣнности высказываются лучшіе знатоки предмета, къ какой бы школѣ они ни принадлежали; достаточно назвать здѣсь Шеффле, Карла Книса, Адольфа Вагнера, Бэмъ-Баверка. Шеффле находитъ, что теорія Маркса страдаетъ такими погрѣшностями, которыя отнимаютъ у нея всякое значеніе; Бэмъ-Баверкъ выражается гораздо рѣзче, повторяя отчасти доводы Книса [1]). Критика доктрины Маркса долго была стѣснена ожиданіемъ выхода третьяго тома „Капитала", и это стѣсненіе чувствуется во многихъ отзывахъ и разборахъ, по необходимости неполныхъ и какъ бы недосказанныхъ. Важныя разъясненія и дополненія, обѣщанныя въ третьемъ томѣ, могли значительно повліять на общій характеръ теоріи, и одна возможность ихъ останавливала или затрудняла противниковъ. Не надо также забывать, что горячая защита интересовъ труда и рабочаго класса лежитъ, повидимому, въ основѣ теоретическихъ взглядовъ Маркса, и это обстоятельство побуждало многихъ смотрѣть сквозь пальцы на логическіе недостатки и несообразности его ученія.

На теоріи цѣнности и прибыли построено Марксомъ „научное" рѣшеніе соціальнаго вопроса. Весь этотъ сложный вопросъ становится необычайно яснымъ и простымъ. Капиталъ создается и возстановляется исключительно трудомъ наемныхъ рабочихъ;

---

[1]) Schäffle, Kapitalismus und Socialismus. Tüb., 1870, стр. 46—52 и др., Böhm-Bawerk, Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien. Innsbruck, 1884, стр. 418—447. Даже сторонникъ и, можно сказать, поклонникъ Маркса, какъ ученаго экономиста, фонъ-Бухъ, въ недавно вышедшемъ спеціальномъ изслѣдованіи о трудѣ и цѣнности, долженъ былъ согласиться, что его теорія „не можетъ быть признана научною доктриною" въ томъ видѣ, какъ она изложена въ „Капиталѣ", и что она представляетъ отчасти „невѣроятный сумбуръ" (стр. 169—170); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя дѣльныя возраженія противъ нея по существу, напр. по поводу замѣны понятія о „цѣнности труда" понятіемъ о цѣнности рабочей силы (стр. 63—72). Leo von Buch, Intensität der Arbeit, Werth und Preis der Waaren. Leipzig, 1896; то же соч. на русскомъ языкѣ: Левъ Бухъ, Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб., 1896, стр. 174—6 и 67—78. Впрочемъ, авторъ въ своей критикѣ не касается еще второго и третьяго томовъ „Капитала". Довольно обстоятельно разобрана также доктрина Маркса въ книгѣ покойнаго Н. Хр. Бунге, „Очерки политико-экономической литературы", стр. 113—156, и въ новомъ изданіи курса проф. П. И. Георгіевскаго, „Политич. экономія", ч. II, вып. II, стр. 14—37; тамъ же, вып. I, стр. II—IV, примѣч., о положеніи Маркса въ научной экономической литературѣ. Сужденія двухъ послѣднихъ авторовъ могутъ казаться иногда слишкомъ односторонними, но въ общемъ дѣлаемая ими оцѣнка теоріи Маркса вполнѣ основательна. Въ извѣстной книгѣ Георга Адлера, Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirthschaft. Tübingen, 1887, критика основъ разбираемаго ученія (стр. 81—167) не отличается ни особенною силою, ни полнотою; наиболѣе интересны біографическія и литературныя свѣдѣнія о Марксѣ (стр. 169—290), а также замѣтки объ его взглядахъ на исторію, въ первой главѣ.

ихъ же прибавочнымъ, неоплаченнымъ трудомъ вырабатывается прибавочная цѣнность, служащая единственнымъ источникомъ предпринимательской прибыли, процента съ капитала и земельной ренты. Никакой самостоятельной доли участія въ этихъ доходахъ капиталъ не имѣетъ; онъ только присваиваетъ себѣ продукты чужой работы. Все богатство общества производится рабочимъ классомъ и должно по праву принадлежать ему безраздѣльно. Экономисты теоретики и практики, искавшіе справедливой формулы распредѣленія доходовъ между представителями труда и капитала, находились на ложномъ пути; рабочіе ни съ кѣмъ не должны дѣлиться. Понятно теперь, почему сложные виды труда оставляются безъ вниманія Марксомъ: они нарушили бы простоту и ясность соціальной проблемы. Если принимать въ разсчетъ работу техниковъ, инженеровъ и разныхъ ученыхъ спеціалистовъ, организаторовъ и руководителей промышленныхъ предпріятій, то нельзя говорить объ исключительномъ правѣ рабочаго класса на продукты общественнаго труда. Представители высшихъ формъ труда входятъ уже въ составъ буржуазіи, и тѣмъ не менѣе безъ ихъ непосредственнаго участія немыслимо существованіе и развитіе какой бы то ни было отрасли крупнаго машиннаго производства. Выдвигая на первый планъ простой мускульный трудъ при помощи цѣлаго ряда софизмовъ и недомолвокъ, авторъ „Капитала" думаетъ усилить положеніе носителей этого труда, наемныхъ рабочихъ, и рѣзче оттѣнить ихъ антагонизмъ по отношенію къ буржуазіи. Практическія соображенія, не имѣющія ничего общаго ни съ какою наукою, господствуютъ надъ теоріею Маркса и объясняютъ многія ея странности.

Соціальный вопросъ, однако, никакъ не укладывается въ рамки вопроса о цѣнности товаровъ, и самое предположеніе объ этомъ не свидѣтельствовало бы о широтѣ и смѣлости мысли. Марксъ ставитъ задачу гораздо шире и глубже; онъ съ теоріею цѣнности и прибыли связываетъ судьбу капитализма, какъ особой исторической формы производства, и распространяетъ свои соображенія и выводы на всѣ области экономической жизни народовъ. Къ этой теоріи капитализма мы и перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. Слонимскій.

БИРЖЕВАЯ РЕФОРМА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

I.

Въ началѣ апрѣля 1892 г. въ зданіи имперскаго банка въ Берлинѣ собралась коммиссія, назначенная германскимъ правительствомъ для изслѣдованія учрежденій, порядковъ и злоупотребленій на биржахъ. Задача коммиссіи, конечно, была не академическая, а практическая, и въ поставленныхъ ей вопросахъ уже заключались намеки на предполагаемыя реформы. Биржа подняла тревогу. Въ ея органахъ день-за-днемъ можно было читать горькія жалобы на несправедливость, заключающуюся уже въ одномъ фактѣ изслѣдованія „мнимыхъ" злоупотребленій. Такъ какъ назначеніе изслѣдованія прошло въ періодъ аграрной агитаціи, то вся затѣя представлялась уму биржевыхъ посѣтителей продуктомъ юнкерской алчности и соціалистической ненависти къ капиталу. Болѣе спокойные представители купечества, позволявшіе себѣ критическія замѣчанія о нынѣшней биржевой морали, подвергались остракизму въ собственной средѣ. Какое негодованіе охватило берлинскую биржу, когда изъ отчетовъ назначенной коммиссіи обнаружилось, что предсѣдатель ея собственной „коллегіи старшинъ", тайный коммерціи совѣтникъ Френцель, высказался въ пользу нѣкоторыхъ реформъ биржевыхъ порядковъ!

Съ другой стороны, въ обществѣ возникли ожиданія радикальныхъ измѣненій, чрезмѣрность которыхъ сразу была очевидна всякому, знающему, какъ многочисленны нити, связывающія биржу съ политическимъ и экономическимъ устройствомъ. Ожиданія и потому

уже были неосновательны, что въ нихъ сказывалась дѣйствительно грубая ошибка, смѣшеніе причинъ и послѣдствій. Наивный взглядъ на биржу, какъ на вертепъ заговорщиковъ, съ уничтоженіемъ котораго наступитъ тишина и порядокъ, очень распространенъ въ Германіи, но характерно, что его чаще можно встрѣтить среди юнкеровъ и мелкаго мѣщанства, чѣмъ въ массахъ рабочаго населенія. Массы, сознательно или въ силу превосходной дисциплины, прониклись убѣжденіемъ, что причины экономическихъ невзгодъ, неравномѣрности и несправедливости лежатъ въ характерѣ производства, и что борьба—только вторичное явленіе или необходимый придатокъ существующаго порядка.

Составъ коммиссіи, въ которую входили представители парламента, промышленности, торговли, сельскаго хозяйства, юристы и профессора политической экономіи, гарантировалъ отъ односторонняго рѣшенія возложенной на нее задачи и могъ служить биржѣ порукой, что выработанныя мѣры не задѣнутъ основныхъ условій ея существованія. Börsenenquete-Commission работала усердно, по примѣру англійскихъ парламентскихъ слѣдствій, и допросила массу экспертовъ изъ всѣхъ слоевъ биржевого купечества, биржевой прессы, изъ университетскихъ и промышленныхъ круговъ. Огромные томы стенографическихъ отчетовъ, въ связи съ статистическимъ матеріаломъ, обработаннымъ проф. Шмоллеромъ, представляютъ наиболѣе цѣнное, что̀ до сихъ поръ появлялось въ литературѣ о многообразныхъ формахъ биржевой торговли. Въ концѣ декабря 1893 года коммиссія обнародовала свой отчетъ канцлеру, послужившій основаніемъ для правительственнаго проекта закона о биржѣ, который представленъ въ нынѣшнюю сессію рейхстагу (Entwurf eines Börsengesetzes, № 14, der Drucksachen des Reichstags. IV Session 1895—96). Рейхстагъ передалъ проектъ на обсужденіе особой коммиссіи, посвятившей ему 27 засѣданій и съ своей стороны представившей обстоятельный докладъ съ мотивами. Послѣ продолжительныхъ, подчасъ страстныхъ преній, законопроектъ, съ нѣкоторымъ очень существеннымъ добавленіемъ, получилъ одобреніе парламента, и въ ближайшемъ будущемъ, послѣ 3-го чтенія въ рейхстагѣ и санкціи союзнаго совѣта, станетъ дѣйствующимъ закономъ.

Такъ какъ биржевая реформа и у насъ въ настоящее время стоитъ на очереди, а въ биржевой практикѣ мы только недавно пережили стадію грюндерства, захватившаго, къ сожалѣнію, широкіе слои населенія, то опытъ Германіи для насъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть поучительнымъ. Я отнюдь, впрочемъ, не думаю исчерпать все содержаніе биржевой реформы, а хотѣлъ бы остано-

вить вниманіе на двухъ-трехъ главныхъ вопросахъ. Начнемъ съ формальныхъ постановленій проекта. Взглядъ на биржу, какъ на частный союзъ, члены котораго пользуются полной автономіей и лишь настолько соприкасаются съ общественнымъ правомъ, насколько за государствомъ вообще признается право контроля надъ дѣйствіями частныхъ обществъ,—такой взглядъ существуетъ только въ Англіи и Соед. Штатахъ. Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, кромѣ англійскаго, открытіе биржи зависитъ или отъ разрѣшенія правительства, или отъ согласія мѣстнаго управленія. При свободѣ промышленности очень естественно, однако, что внутренній распорядокъ биржи до сихъ поръ предоставленъ былъ самому купечеству; тѣмъ не менѣе мы и въ Германіи встрѣчаемъ нѣкоторыя черты административной опеки и надъ внутренними дѣлами биржи, напр., биржевой маклеръ хотя и избирается биржевымъ комитетомъ, но утверждается правительствомъ. Во главѣ биржи стоитъ комитетъ, который въ Берлинѣ именуется „коллегіей старшинъ". Онъ изъ своей среды выбираетъ „коммиссаріатъ", къ которому присоединяются еще члены изъ не-старшинъ. Коммиссары слѣдятъ за порядкомъ на биржѣ, устанавливаютъ, вмѣстѣ съ маклеромъ, оффиціальные курсы, дѣлаютъ представленія о нуждахъ и пользахъ, заявленныхъ имъ представителями. Къ посѣщенію биржи въ Гамбургѣ допускаются рѣшительно всѣ желающіе, безъ ограниченій. Въ Берлинѣ требуется входный билетъ, который выдается старшинами; если лицо, желающее посѣщать берлинскую биржу, не принадлежитъ къ мѣстному купечеству, оно должно представить рекомендацію отъ трехъ посѣтителей биржи. Не допускаются на биржу малолѣтніе, женщины, лишенные гражданскихъ правъ, осужденные за злостное банкротство и находящіеся подъ конкурсомъ. Биржевымъ комитетамъ предоставлены дисциплинарныя права: они могутъ дѣлать замѣчанія и удалять изъ биржи, срокомъ отъ 3 дней до 1 года. Наконецъ, для разрѣшенія споровъ биржи располагаютъ своими третейскими судами и арбитражными коммиссіями.

Казалось бы, что при такихъ широкихъ полномочіяхъ органовъ биржевого самоуправленія на биржѣ — все должно бы быть чисто. Когда въ коммиссіи, разсматривавшей биржевые порядки, поднятъ былъ вопросъ объ „очисткѣ" биржъ, нѣкоторые хвалители существующаго дѣйствительно находили, что никакихъ мѣръ не нужно, такъ какъ биржи сами себя чистятъ. Предъ коммиссіей высказано было, однако, еще больше злыхъ истинъ, рисующихъ биржевые нравы въ неприкрашенномъ видѣ. Кому недоступны огромные и дорогіе томы стенографическаго отчета, тотъ можетъ найти любопытную коллекцію

показаній о биржевой морали въ книгѣ, изданной графомъ Арнимомъ [1]). Интереснѣе всего сужденія изъ круга купечества и биржевой прессы. При допросѣ эксперта Канторовича былъ упомянутъ посѣтитель биржи, дѣла котораго, хотя и процвѣтаютъ, но побуждаютъ болѣе порядочныхъ посѣтителей держаться въ сторонѣ отъ этого господина. Если поведеніе фирмы и личность ея владѣльца внушаютъ отвращеніе честнымъ людямъ, то мнѣ казалось, что было бы послѣдовательнѣе исключить ее изъ биржи? — недоумѣваетъ предсѣдатель.—Прошу извиненія,—возражаетъ экспертъ: — вѣдь это субъективная оцѣнка. Другое дѣло, если плутовство становится публичнымъ, напр., если владѣлецъ фирмы за свои продѣлки попадаетъ въ смирительный домъ.

Очевидно, однако, что просто мошенничество, наказуемое обыкновенной тюрьмой, въ укоръ не ставится. „Мы къ своему прискорбію встрѣтили среди посѣтителей господина, только-что выпущеннаго изъ тюрьмы, и ничего противъ него не могли сдѣлать, — жалуется экспертъ Саломонъ, и со вздохомъ добавляетъ:—посѣщеніе берлинской биржи не принадлежитъ къ числу пріятныхъ занятій!..—Правда ли,—спрашиваетъ предсѣдатель,—что крупные банкиры сами не посѣщаютъ биржи? — Да, — отвѣчаетъ экспертъ,—въ послѣднее время они все рѣже сами появляются.

Въ коммиссіи, какъ и въ литературѣ по биржевому вопросу, которая уже можетъ наполнить цѣлую библіотеку, высказано было мнѣніе, что для возстановленія репутаціи биржи необходимо прибѣгнуть къ поднятію не столько нравственной, сколько экономической квалификаціи биржевыхъ посѣтителей. Проф. Шмоллеръ предложилъ допустить на биржу только людей, которые сами могутъ представить залогъ въ 5.000 марокъ, или за которыхъ поручатся на такую же сумму. Другіе идутъ дальше Шмоллера и представляютъ себѣ оздоровленіе биржи только при образованіи закрытой капиталистической корпораціи торговцевъ на биржѣ, съ ограниченнымъ числомъ членовъ. Однако ни правительство въ своемъ первоначальномъ проектѣ, ни рейхстагъ не стали на эту точку зрѣнія, а ограничились моральными и полицейскими мѣрами предупрежденія и пресѣченія. Условія допущенія на биржу должны быть обозначены въ биржевомъ уставѣ, который нуждается въ утвержденіи мѣстнаго правительства. Мотивы исключенія изъ биржи, обозначенные въ самомъ законѣ, несущественно отличаются отъ дѣйствующаго теперь порядка на берлинской биржѣ. За то законопроектъ вводитъ новые органы наблюденія за биржей съ довольно широкими функціями. Рядомъ съ бир-

---

[1]) Ist die Börse reformbedürftig? Aeusserungen aus den Protokollen der Börsenenquete etc. Berlin, Schuhr. 1896. 192 стр. Нужно однако замѣтить, что гр. Арнимъ выбралъ изъ отчета только все, что́ сказано было противъ биржъ.

жевымъ комитетомъ отнынѣ будетъ находиться *правительственный коммиссаръ*, обязанность котораго слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, наблюдать за порядкомъ на биржѣ, обращать вниманіе старшинъ биржи на замѣченныя имъ злоупотребленія и сообщать о своихъ наблюденіяхъ правительству. Такъ какъ мѣстное правительство является высшей инстанціей при обжалованіи дѣйствій биржевого управленія, правительство же имѣетъ своимъ представителемъ коммиссара, то послѣдній фактически является высшей инстанціей по отношенію къ биржевому комитету и едва ли будетъ представлять собою только комическую фигуру, какъ увѣряли сначала противники регламентаціи, ссылаясь на неудачный опытъ въ этомъ отношеніи въ Австріи. Роль правительственнаго коммиссара немаловажна и въ *судѣ чести*, — тоже новинкѣ, вводимой законопроектомъ. Учрежденіемъ суда чести проектъ надѣется устранить изъ биржи неопрятные элементы, дискредитирующіе ее въ глазахъ общества. Судъ—выборный; выбираетъ судей само биржевое купечество. Онъ привлекаетъ къ отвѣтственности биржевыхъ посѣтителей, заподозрѣнныхъ въ совершеніи поступковъ, „несовмѣстимыхъ съ честью или купеческимъ довѣріемъ", но только если поступки состояли въ связи съ дѣятельностью обвиняемыхъ на биржѣ. Правительственному коммиссару предоставлено право возбуждать преслѣдованіе предъ судомъ чести, участвовать въ его засѣданіяхъ, допрашивать свидѣтелей и экспертовъ. Только съ согласія коммиссара разъ начатое слѣдствіе можетъ быть прекращено. Засѣданія суда чести не публичны, но въ исключительныхъ случаяхъ самъ судъ можетъ постановить, чтобы дѣло разбиралось гласно, по требованію же подсудимаго засѣданіе *должно быть* публично. Судъ чести можетъ опубликовать рѣшеніе съ мотивами, и точно также этого можетъ потребовать оправданный подсудимый. Наказанія состоятъ изъ выговора, временнаго и постояннаго исключенія изъ биржи. Противъ рѣшенія суда допускается апелляція въ „апелляціонную камеру", состоящую изъ предсѣдателя по назначенію суда и шести засѣдателей, изъ которыхъ только двое могутъ принадлежать къ членамъ биржи. Такъ какъ въ законѣ не обозначено, какіе поступки идутъ въ разрѣзъ съ купеческой честью, то постановленія о судѣ чести встрѣтили страстныя возраженія со стороны членовъ биржи, увѣряющихъ, будто открываются двери произволу. Это едва ли справедливо уже потому, что судъ—товарищескій, и слишкомъ строгихъ этическихъ требованій отъ биржевыхъ судей нельзя ожидать. Конечно, трудно съ другой стороны думать, чтобы столь слабыми средствами можно было поднять и биржевую этику.

Въ качествѣ представительнаго учрежденія для всѣхъ герман-

скихъ биржъ и совѣщательнаго при союзномъ совѣтѣ, законопроектъ вводитъ биржевой комитетъ, который въ отличіе отъ мѣстныхъ комитетовъ можно назвать высшей коммиссіей. Это такъ назыв. Börsenausschuss изъ 30 членовъ, половина которыхъ назначается изъ выборныхъ биржевого купечества, другая же половина изъ представителей промышленности и сельскаго хозяйства. Члены Börsenausschuss назначаются на 5 лѣтъ и привлекаются правительствомъ къ совѣщаніямъ по вопросамъ, касающимся биржи. Съ своей стороны этотъ высшій комитетъ по биржевымъ дѣламъ въ правѣ дѣлать самостоятельныя предложенія имперскому канцлеру и допрашивать свѣдущихъ людей.

Не станемъ дальше перечислять всѣ формальныя требованія новаго законопроекта и перейдемъ прямо къ тѣмъ его постановленіямъ, которыя заключаютъ въ себѣ вторженіе во внутреннія дѣла, въ биржевой оборотъ. Характернѣйшее свойство этой части проекта—стремленіе оградить интересы частной публики и устранить элементъ игры изъ биржевой торговли.

II.

Значеніе берлинской биржи, какъ центральнаго рынка эмиссіонныхъ операцій, въ послѣдніе годы очень понизилось, но тѣмъ не менѣе и въ пору своего упадка, „Берлинъ" помѣщаетъ среди нѣмецкихъ рентъ сотни милліоновъ экзотическихъ и европейскихъ бумагъ, акцій и облигацій, займовъ государственныхъ, коммунальныхъ и частныхъ предпріятій. Въ этой области наиболѣе отчетливо обрисовались нравы крупнаго финансоваго міра. Въ сознаніи своего величія и услугъ, оказанныхъ ими государственному кредиту, Блейхредеры и Ганземаны не уступаютъ прусскому феодальному дворянству: одни увѣряютъ, что всегда клали головы, другіе, что не жалѣли капитала для короля и отечества. И подобно тому, какъ представители правительства въ аграрныхъ дебатахъ не забывали считаться съ традиціонными заслугами юнкерства, прусскій министръ торговли не упускаетъ изъ виду, что въ мѣрахъ, предлагаемыхъ противъ выпусковъ сомнительныхъ иностранныхъ займовъ, заключается незаслуженное недовѣріе къ патріотизму haute finance.

На первый взглядъ аргументація правительства и противниковъ серьезной реформы очень солидна. Какъ въ слѣдственной биржевой коммиссіи, такъ и въ коммиссіи рейхстага отмѣченъ былъ тотъ безспорный фактъ, что тысячи мелкихъ рентье, чиновниковъ, мѣщанъ, даже прислуги потеряли милліоны своихъ сбереженій на португальскихъ,

аргентинскихъ, греческихъ и т. п. займахъ, выпущенныхъ въ Германіи синдикатами банковъ и извѣстныхъ банкировъ. Конечно, это очень печально,—отвѣчаютъ правительственные коммиссары и защитники банкировъ,—но отъ ошибокъ и несчастныхъ случайностей никто не гарантированъ. Зачѣмъ указываютъ только на мрачныя стороны иностранныхъ выпусковъ и игнорируютъ свѣтлыя? Германскіе рентье нажили на выгодныхъ займахъ, въ особенности на государственныхъ займахъ Соединенныхъ Штатовъ, гораздо больше, чѣмъ потеряли на аргентинскихъ или греческихъ бумагахъ. По приблизительному разсчету, населеніе Германіи ежегодно сберегаетъ около *милліарда* марокъ, между тѣмъ какъ для помѣщенія сбереженій въ вѣрныхъ внутреннихъ займахъ: государственныхъ, коммунальныхъ, ипотечныхъ, можетъ быть употреблено не больше полумилліарда въ годъ. Германскій капиталъ вслѣдствіе этого вынужденъ искать помѣщенія за границей [1]). Съ точки зрѣнія національнаго благосостоянія, а въ частности для сохраненія прочности валюты, такое послѣдствіе весьма желательно, потому что этимъ обезпечивается приливъ большого количества золота въ страну.

Сторонники болѣе серьезныхъ гарантій при выпускѣ иностранныхъ займовъ возразили, что предлагаемыя ими мѣры отнюдь не направлены противъ помѣщенія германскаго капитала въ иностранныхъ займахъ. Они не отрицаютъ выгодныхъ послѣдствій подобнаго употребленія сбереженій, хотя, правда, правительствомъ и защитниками эмиссіонеровъ выгоды представлены въ слишкомъ яркомъ свѣтѣ. Такъ, напр., возвышеніе курса американскихъ и другихъ государственныхъ бумагъ объясняется прежде всего общимъ пониженіемъ процента на капиталъ; вѣдь въ 1870 г. и 5% заемъ сѣверо-германскаго союза выпущенъ былъ по курсу 88 за 100, тогда какъ теперь курсъ 5-ти-процентнаго государственнаго займа, еслибы конверсія его была исключена, достигалъ бы 150. Не надо, далѣе, забывать, что даже солидные иностранные займы часто ведутъ къ вытѣсненію собственныхъ государственныхъ обязательствъ, какъ это можно было видѣть въ послѣднее время: когда на берлинской биржѣ выпускался новый китайскій заемъ, большія суммы германскихъ и прусскихъ консолей уходили въ Лондонъ. Что касается указанія на періодическій приливъ золота въ страну въ видѣ процентовъ по купонамъ иностранныхъ металлическихъ обязательствъ, то оно теряетъ свое значеніе въ виду того, что единовременно вся сумма иностраннаго долга, помѣщеннаго въ Германіи, уходитъ изъ страны за границу. Не отрицая, однако, что введеніе иностранныхъ бумагъ,

[1]) Bericht der IX Kommission (des Reichstages), Stück 246, стр. 16.

хорошо обезпеченныхъ и доступныхъ реализаціи во времена кризисовъ или войнъ, съ точки зрѣнія нѣмецкаго капитала желательно, сторонники серьезной реформы въ биржевой коммиссіи и рейхстагѣ настаивали на необходимости особыхъ гарантій противъ злоупотребленія выпусками сомнительныхъ экзотическихъ цѣнностей. Предложенія ихъ сводились къ тому, чтобы, кромѣ измѣненія порядка допущенія новыхъ выпусковъ на отдѣльныхъ биржахъ въ Берлинѣ, учреждено было еще особое центральное бюро, безъ разрѣшенія котораго ни одно иностранное обязательство не можетъ быть допущено въ Германію. Это Haupt-Zülassungsstelle должно состоять изъ 20 членовъ по назначенію отъ союзныхъ правительствъ, половина изъ кандидатовъ, предложенныхъ торговыми и биржевыми комитетами, другая половина изъ другихъ сословій.

Мысль объ учрежденіи центральной инстанціи встрѣтила однако рѣшительный отпоръ со стороны правительства, заявившаго, что оно не желаетъ взять на себя отвѣтственность, связанную съ существованіемъ подобнаго учрежденія. Всякая неудача при выпускѣ иностраннаго займа поставлена будетъ въ вину центральному бюро; такъ какъ члены его назначаются, то публика легко можетъ думать, что заемъ, допущенный къ выпуску, не только разрѣшенъ, но и рекомендованъ. Въ то же время всякое отклоненіе выпуска можетъ подать поводъ къ дипломатическимъ недоразумѣніямъ, что̀ конечно нежелательно. Правительство давало понять, что оно предпочитаетъ, въ случаѣ надобности, частнымъ образомъ вліять на банкировъ, чѣмъ выступать оффиціально. Такъ какъ и среди сторонниковъ реформы въ данномъ вопросѣ оказался расколъ, правда, по совершенно постороннимъ соображеніямъ (вожаки не желали усиленія Берлина), то предложеніе объ учрежденіи Hauptstelle было отклонено.

Тѣмъ серьезнѣе за то измѣненія, внесенныя рейхстагомъ въ статью 36-ю правительственнаго проекта, трактующую о составѣ и обязанностяхъ биржевыхъ комитетовъ—при допущеніи къ выпуску и обращенію цѣнныхъ бумагъ. Здѣсь рѣчь идетъ одинаково какъ о внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ бумагахъ. Правительственный проектъ только требовалъ, чтобы при каждой биржѣ существовала коммиссія, отъ усмотрѣнія которой зависитъ допущеніе цѣнныхъ бумагъ къ биржевой торговлѣ, и чтобы треть членовъ коммиссіи состояла изъ лицъ, не занимающихся профессіонально торговлей такими бумагами. Рейхстагъ пошелъ дальше и постановилъ, чтобы *половина* членовъ коммиссіи состояла изъ не-профессіональныхъ банкировъ и биржевиковъ („изъ лицъ, не записанныхъ въ биржевой регистръ для цѣнныхъ бумагъ"). Если среди членовъ коммиссіи, далѣе, окажутся лица, участвующія въ выпускѣ, то онѣ устраняются отъ участія при его обсуж-

деніи. Правительство считало возможнымъ предоставить порядокъ дѣлопроизводства усмотрѣнію самихъ коммиссій, рейхстагъ же счелъ нужнымъ включить въ текстъ закона нѣкоторыя существенныя требованія. Коммиссія, по новой редакціи, обязана требовать отъ эмиссіонеровъ представленія документовъ, служащихъ основаніемъ къ выпуску и дающихъ представленіе о гарантіяхъ выпускаемыхъ бумагъ; коммиссія не должна ограничиваться формальнымъ контролемъ, а обязана входить въ оцѣнку представленнаго ей матеріала, и въ случаѣ его неполноты, недостовѣрности или противорѣчія съ другими извѣстными ей фактами — отклонить выпускъ; она должна принимать мѣры къ тому, чтобы „публика, насколько это возможно, была освѣдомлена о фактическихъ и юридическихъ условіяхъ, необходимыхъ для оцѣнки выпускаемыхъ бумагъ“, и, наконецъ, коммиссія обязана не допускать выпусковъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общими интересами страны или очевидно ведущихъ къ эксплуатаціи публики. Отклоняя выпускъ, коммиссія не указываетъ мотивовъ своего рѣшенія, но сообщаетъ эти мотивы всѣмъ другимъ германскимъ биржамъ, и если на одной биржѣ допущеніе новыхъ бумагъ было отклонено, то другія могутъ допустить ихъ лишь съ согласія той, которая высказалась противъ выпуска, если это не произошло по чисто мѣстнымъ причинамъ. Разумѣется, германскимъ государственнымъ займамъ предоставлено изъятіе отъ всѣхъ этихъ ограниченій.

Снабдивъ биржевыя коммиссіи, вѣдающія эмиссіонныя операціи, широкими полномочіями, проектъ биржевой реформы въ редакціи рейхстага стремится какъ можно точнѣе опредѣлить обязанности коммиссій. Недаромъ купечество жалуется, что народные представители еще болѣе проникнуты сомнѣніемъ въ биржевой честности, чѣмъ правительственные чиновники. Правительство въ своемъ проектѣ готово было предоставить биржѣ полную автономію и въ такомъ существенномъ вопросѣ, какъ содержаніе приглашающаго къ подпискѣ „проспекта“: статья 38-ая правительственнаго проекта требовала лишь, чтобы ранѣе допущенія новой бумаги къ выпуску обнародованъ былъ проспектъ, который долженъ заключать въ себѣ „существенныя данныя для сужденія о новой цѣнности“. Въ рейхстагѣ же приняты были дополненія, указывающія, что обязательно должно заключаться въ проспектѣ. Новый заемъ долженъ быть точно названъ, должна быть указана полная его сумма, и составляетъ *ли* подписная сумма весь выпускъ, или же часть его, т.-е. сколько времени остается въ портфелѣ банкировъ и сколько выносится на рынокъ. Тѣ же требованія обязательны при конверсіяхъ и возвышеніи капитала существующихъ уже выпусковъ. Подписка допускается не раньше какъ черезъ 6 дней послѣ обнародованія проспекта. Такъ и облигаціи иностранныхъ про-

мышленныхъ предпріятій допускаются въ томъ только случаѣ, если эмиссіонеры обяжутся печатать балансъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ.

Одно изъ существеннѣйшихъ добавленій, сдѣланныхъ рейхстагомъ, заключается въ статьѣ тридцать-восьмой *a*, которая гласитъ такъ: „акціи предпріятія, превращеннаго изъ частнаго въ акціонерное общество или коммандитное товарищество, допускаются къ торговлѣ на биржѣ не ранѣе, какъ по истеченіи года послѣ внесенія общества въ торговый регистръ и послѣ опубликованія перваго годичнаго баланса". Изъятія изъ этого постановленія допускаются только въ исключительныхъ случаяхъ, съ согласія мѣстныхъ правительствъ. Добавленіе, внесенное рейхстагомъ, уже предложено было въ Börsencommission; тамъ же точнѣе указаны и изъятія, какія можно имѣть въ виду. Правительство не рѣшалось внести это ограниченіе грюндерства въ свой проектъ, тогда какъ радикальные противники биржи (подъ которыми нужно понимать не соціалъ-демократовъ, а аграріевъ съ графомъ Каницомъ во главѣ) настаивали на томъ, чтобы частныя предпріятія, превращенныя въ акціонерныя общества, пользовались правомъ публичнаго выпуска своихъ акцій только черезъ 2—3 года послѣ превращенія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ коммиссіи, изслѣдывавшей положеніе биржи, даже нѣкоторые эксперты изъ круга банкировъ и биржевыхъ публицистовъ категорически высказывались за ограниченія въ томъ же духѣ, какъ и аграріи, потому что въ Германіи, какъ и у насъ въ новѣйшую эру грюндерства, превращеніе частныхъ промышленныхъ предпріятій въ акціонерныя и подобныя компаніи стало излюбленной операціей банкировъ и биржевиковъ дурного сорта.

„Я самъ принадлежу къ маленькой фирмѣ, не могу мѣряться съ такими тузами, какъ, напр., Discontogesellschaft и наши такъ называемы первые дома,—заявляетъ предъ биржевой коммиссіей банкиръ Куссель. Тѣмъ не менѣе, я не вижу бѣды въ томъ, что будутъ приняты мѣры къ защитѣ публики отъ недобросовѣстныхъ превращеній частныхъ предпріятій въ акціонерныя. Можетъ быть, биржа тогда въ глазахъ многихъ пріобрѣтетъ болѣе порядочный и честный видъ, чѣмъ теперь. Неумѣреннымъ грюндерствомъ искусственно создаютъ оживленіе, которое очень скоро оказывается фиктивнымъ и ведетъ къ ужасному Katzenjammer'у"... Въ томъ же духѣ высказывается д-ръ Бамъ, биржевой редакторъ National-Zeitung. По словамъ этого эксперта, принадлежащаго къ бардамъ берлинской биржи и противникамъ государственнаго вмѣшательства, зло грюндерства одинаково выражается какъ въ переформированіи частныхъ предпріятій въ акціонерныя, такъ и въ стремленіи къ увеличенію акціонернаго капитала существующихъ обществъ. За кулисами обыкновенно происходитъ стачка

промышленниковъ съ банкирами; акціи искусственно подымаются въ цѣнѣ какъ путемъ ложныхъ слуховъ, такъ и „регулированіемъ“ предложенія, и публика набрасывается на акціи, которыя ей подносятъ по цѣнамъ, не стоящимъ въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ доходностью предпріятія. За искусственнымъ подъемомъ слѣдуетъ реакція, но когда она наступила, — прибавляетъ другой экспертъ, Винеръ,— акціи уже давно перешли отъ эмиссіонера въ другія руки, и эти другія руки—обыкновенно легковѣрные, посторонніе биржѣ, мелкіе рентье, чиновники и прочіе не-профессіональные игроки.

Кромѣ непосредственнаго финансоваго разоренія многихъ тысячъ людей, грюндерство въ промышленныхъ предпріятіяхъ имѣетъ еще одно печальное экономическое послѣдствіе, на которое справедливо указалъ предсѣдатель коммиссіи для изслѣдованія биржи: оно содѣйствуетъ перепроизводству и кризисамъ. „Капиталъ, который приливаетъ къ предпріятію, естественно ведетъ къ его расширенію на нездоровомъ базисѣ. Затѣмъ новые директора желаютъ „дѣлать дѣло“; производство расширяется непропорціонально потребленію, а это легко ведетъ къ промышленному кризису“.—„Да, отвѣчаетъ экспертъ, проф. Лексисъ, я тоже не сторонникъ подобныхъ превращеній, въ которыхъ мы видимъ злоупотребленіе акціонернымъ принципомъ, потому что форма акціонернаго общества придается дѣлу, которое въ ней нисколько не нуждается, оно существовало и безъ этой формы“.

Въ коммиссіи рейхстага, при обсужденіи правительственнаго проекта, высказаны были еще нѣкоторыя другія соображенія. Даже при полной честности эмиссіонера, данныя о доходности частнаго предпріятія не гарантируютъ одинаковой доходности акціонернаго общества; послѣднее имѣетъ, кромѣ того, расходы, которые вовсе не фигурируютъ въ балансѣ частнаго предпріятія. Тѣмъ болѣе нужна осторожность по отношенію къ эмиссіонерамъ менѣе добросовѣстнымъ, не останавливающимся предъ извращеніемъ фактовъ. На германскихъ биржахъ, замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, существуютъ фирмы, избравшія грюндерство и перегрюндерство акціонерныхъ промышленныхъ обществъ своею исключительной спеціальностью и выбирающія благопріятную *биржевую* конъюнктуру для того, чтобы выбросить на рынокъ акціи новыхъ предпріятій. Эмиссіонеры наживаютъ милліоны, тогда какъ публика расплачивается десятками милліоновъ за легкомысленное увлеченіе перспективой высокихъ дивидендовъ. Рейхстагъ остался вѣренъ своему взгляду на характеръ грюндерства, несмотря на странную защиту послѣдняго представителями правительства. Одинъ балансъ, говорили правительственные коммиссары, ровно ничего не доказываетъ и часто даже, если конъюнктура была очень бла-

гоприятная, ведетъ къ ошибочному представленію о доходности предпріятія. Не допускать же новыхъ выпусковъ раньше, какъ по опубликованіи двухъ балансовъ, значитъ уничтожить вовсе всякую учредительскую дѣятельность въ области акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій. Рейхстагъ однако нашелъ эти аргументы неубѣдительными: ничто не можетъ быть хуже хищничества, нынѣ господствующаго,—отвѣтило большинство правительству, и приняло ограниченіе въ приведенной нами редакціи.

Этимъ однако далеко еще не исчерпаны необходимыя мѣры противъ появленія въ оборотѣ сомнительныхъ цѣнностей и эксплуатаціи публики недобросовѣстными грюндерами. Если акціонерной формой злоупотребляютъ для основанія или „превращенія“ предпріятій, въ этой формѣ нисколько не нуждающихся, то естественно приходитъ въ голову очень простая мѣра для ограниченія хотя бы массы мелкихъ грюндерствъ. Это—опредѣленіе минимума капитала, требующагося для допущенія акцій новой акціонерной компаніи къ котировкѣ на биржѣ. На нѣкоторыхъ германскихъ биржахъ уже теперь установленъ для этого минимумъ основного капитала; въ Берлинѣ, напр., не допускаются къ подпискѣ и котировкѣ акціи предпріятій съ основнымъ капиталомъ менѣе 1 милліона марокъ. Биржевая (анкетная) коммиссія предлагала опредѣлить минимумъ для всѣхъ германскихъ биржъ въ $^1/_2$ милліона, возвысивъ его для Гамбурга и Франкфурта на М. до 2 и для Берлина до 3 милліоновъ. Въ коммиссіи рейхстага это предложеніе также встрѣтило сочувствіе, но въ виду разнообразія условій на мелкихъ биржахъ, рейхстагъ согласился предоставить окончательное регулированіе этого вопроса союзному совѣту, и ст. 40-я поэтому предоставляетъ ему: „опредѣлить минимумъ размѣра основного капитала, необходимаго для допущенія акцій на отдѣльныхъ биржахъ, равно какъ минимальный размѣръ каждой *цѣнной бумаги*, допускаемой къ торговлѣ на биржахъ“. Въ послѣднемъ случаѣ имѣются въ виду уже не только акціи, но и облигаціи, въ особенности иностранныя. Въ преніяхъ рейхстага замѣчено было, что въ то время, какъ германскій акціонерный уставъ допускаетъ выпуски новыхъ акцій не менѣе какъ по 1.000 марокъ за штуку, иностранныя законодательства этого ограниченія не знаютъ. Цѣлью установленія сравнительно высокой нарицательной цѣны для акцій было—предотвратить пріобрѣтеніе спекулятивныхъ бумагъ людьми съ небольшимъ достаткомъ. Желательно поэтому, чтобы та же идея руководила законодателемъ и при допущеніи къ биржевому обороту иностранныхъ акцій, а также и займовъ иностранныхъ городовъ, въ послѣднее время получившихъ широкое распространеніе среди мелкихъ нѣмецкихъ капиталистовъ.

Мы подходимъ теперь къ крупнѣйшему пункту всего отдѣла о гарантіяхъ при эмиссіонныхъ операціяхъ, — къ вопросу объ отвѣтственности банкировъ за потери, понесенныя публикой на выпускахъ недобросовѣстныхъ бумагъ. Учрежденіемъ коммиссій для допущенія новыхъ выпусковъ, включеніемъ въ составъ коммиссій членовъ изъ не-биржевого міра, указаніемъ обязанностей коммиссіи, требованіемъ проспекта и т. д., законъ надѣется предупредить появленіе на рынкѣ цѣнностей, носящихъ, такъ сказать, мошенническое клеймо на лбу. Никакія мѣры предупрежденія не могутъ однако дать увѣренности, что матеріалъ, предоставленный коммиссіи, или проспектъ, обнародованный для подписчиковъ, не заключаютъ въ себѣ грубыхъ ошибокъ и даже извращенія дѣйствительныхъ фактовъ. Не только публика, подписывающаяся на бразильскій заемъ, но и коммиссія, разсматривающая представленный бюджетъ или балансъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ состояніи критически провѣрять ихъ. На берлинской биржѣ торгуютъ цѣнными бумагами, нарицательная цѣна которыхъ достигаетъ 54 милліардовъ, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ находится въ обращеніи бумагъ на 6.603 милліона, которыхъ не котируютъ въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ такихъ бумагъ на $3^1/_2$ милліарда. Мыслимо ли требовать, чтобы члены коммиссіи въ состояніи были провѣрять достоинства всѣхъ выпусковъ? Они очень часто, какъ и публика, ограничатся лишь формальнымъ контролемъ, а въ остальномъ положатся на честность выпускающей фирмы. Ротшильдъ, Мендельсонъ, учетное общество выпускаютъ заемъ Ріо де-Жанейро или румынскихъ желѣзныхъ дорогъ; бумаги всѣ въ порядкѣ; но не заключается ли въ нихъ ошибокъ и искаженій—это дѣло эмиссіонеровъ. Вѣрятъ больше Мендельсону и крупному банку, чѣмъ экзотическому государству или невѣдомой компаніи.

Если же это такъ, если банки и банкиры на эмиссіонныхъ операціяхъ наживаютъ десятки милліоновъ,—вѣдь за 10-лѣтіе 1883—1893 г., по вычисленію проф. Шмоллера, однѣхъ иностранныхъ бумагъ въ Германіи выпущено до 5 милліардовъ, — то естественно напрашивается вопросъ: въ чемъ состоитъ *отвѣтственность* эмиссіонера? Мы отвѣтствуемъ морально и честью своей фирмы,—гордо заявили въ биржевой коммиссіи тузы финансоваго міра, и если намъ иногда случается ошибиться, то гораздо чаще мы даемъ возможность наживаться нѣмецкому капиталу. Тотъ же проф. Шмоллеръ высчиталъ, что на 700—800 милліоновъ, потерянныхъ за послѣднее 10-лѣтіе на иностранныхъ выпускахъ, оказывается около милліарда выиграли на другихъ выпускахъ. Конечно, не одни и тѣ же лица нажили и потеряли, и среди потерявшихъ на аргентинскихъ и подобныхъ зай-

махъ, къ сожалѣнію, много бѣдныхъ людей. Это однако ихъ собственная вина: маленькій человѣкъ долженъ покупать на свои сбереженія прусскіе консоли или берлинскій заемъ, а не аргентинскіе и греческіе займы.

У тузовъ финансоваго міра иногда короткая память. Они забываютъ, какими громкими рекламами достигалось помѣщеніе экзотическихъ займовъ; при чтеніи такихъ рекламъ всякій мелкій рентье, для котораго лишній процентъ на капиталъ часто—величайшее пріобрѣтеніе, соблазнялся обѣщаніями Ганземана и носилъ къ своему банкиру вѣрные прусскіе консоли, чтобы обмѣнять ихъ на аргентинскій заемъ. О пріемахъ менѣе извѣстныхъ фирмъ, занимающихся выпусками внутреннихъ промышленныхъ акцій, мы уже упоминали, говоря о грюндерствѣ. Проектъ поэтому постановляетъ, что эмиссіонеры солидарно отвѣтственны, если въ проспектѣ существенныя для сужденія о достоинствахъ цѣнной бумаги обстоятельства извращены или *упущены*, и если при этомъ можно доказать, что это произошло или по злому умыслу, или по грубой небрежности эмиссіонеровъ. Болѣе скромнаго требованія банкиры, кажется, не могли ожидать, и тѣмъ не менѣе министръ Берлепшъ и директоръ имперскаго банка Коле заявили предъ рейхстагомъ, что haute finance „серьезно встревожена". Это отнюдь не входило въ намѣренія правительства, и когда противникъ биржи настаивалъ на необходимости болѣе серьезной отвѣтственности, хотя бы, напр., такой, которая установлена торговымъ уставомъ для коммиссіонеровъ и купцовъ, дѣйствующихъ по порученію третьихъ лицъ, правительственные коммиссары рѣшительно заявили non possumus. Болѣе строгая отвѣтственность вовсе можетъ парализовать эмиссіонную дѣятельность Берлина, иностранные займы уйдутъ въ Парижъ или Амстердамъ, а это правительству нежелательно не только въ интересахъ народной экономіи, но и по соображеніямъ внѣшней политики. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ даже такой повидимому чуждый банкирскимъ интересамъ экономистъ, какъ молодой фрейбургскій профессоръ Максъ Веберъ. Создавать постановленія, которыя, напр., сдѣлали бы возможнымъ привлечь къ отвѣтственности эмиссіонеровъ аргентинскихъ займовъ, по его мнѣнію, означало бы „уничтожить всѣ германскія эмиссіонныя операціи". Между тѣмъ при урегулированіи выпусковъ рѣшающее значеніе имѣетъ сохраненіе международнаго вліянія Германіи, какъ эмиссіоннаго рынка. Это такъ важно, что всякое съуженіе и стѣсненіе, могущее повести къ потерѣ суприматіи Берлина и выгодамъ иностранныхъ биржъ, для насъ немыслимо, indiskütabel, даже еслибы (вслѣдствіе непринятія мѣръ) пришлось сказать себѣ, что мы рис-

жуемъ огромными потерями нѣмецкихъ капиталистовъ [1]). Нужно однако признать существеннымъ улучшеніемъ уже и то, что принципъ отвѣтственности вообще признанъ въ новомъ биржевомъ законодательствѣ.

III.

При новизнѣ у насъ биржевыхъ операцій, нашъ языкъ, кажется, еще не успѣлъ выработать опредѣленныхъ словъ для разнообразныхъ формъ торговли и игры, фактически уже существующихъ и на русскихъ биржахъ и во всякомъ случаѣ извѣстныхъ всякому ихъ посѣтителю. Правда, и многіе нѣмецкіе термины не отличаются красотою языка Шиллера и Гёте, но тѣмъ не менѣе даже надъ такимъ безобразными словами биржевого жаргона, какъ Schwänze, fixen и т. п., нѣмецкіе изслѣдователи понимаютъ опредѣленныя дѣйствія, конкретныя явленія. Мы затрудняемся, какъ обозначить разницу между различными формами торговли и игры на время, срокъ, разницу, какъ оттѣнить различіе между Terminhandel, Zeitgeschäft, Differenzgeschäft, Stellagen и т. д., т.-е. сдѣлокъ, хотя и близкихъ другъ другу по духу, но имѣющихъ самостоятельныя черты. Остается прибѣгать къ описанію тамъ, гдѣ для понятія достаточно было бы одного слова. Это создаетъ, не скажу: печальное, потому что въ слабомъ развитіи этого сорта капитализма еще бѣды нѣтъ, но курьезное положеніе, прямо противоположное извѣстнымъ словамъ Мефистофеля: не „Begriffe fehlen", а „ein Wort zur rechten Zeit" недостаетъ!

Безспорно, что торговля на срокъ и разницу—главное поле битвы биржевой спекуляціи и арена ея безобразнѣйшихъ оргій. Однако было бы ошибочно считать ее продуктомъ только нашего меркантильнаго вѣка: она существуетъ на фондовомъ рынкѣ уже съ XVII, на товарномъ — съ середины XVIII вѣка; по крайней мѣрѣ въ Голландіи уже въ 1756 г. издано было запрещеніе продавать товары на срокъ, если продавецъ самъ товара не имѣетъ. И не менѣе ошибочно предположеніе, что основная цѣль сдѣлокъ на время, на срокъ—игра; послѣдняя присоединилась къ формѣ торговли, имѣющей свое разумное основаніе, правда, присоединилась настолько, что иные задаются вопросомъ: не пожертвовать ли лучше экономическими выгодами аппарата, дающаго поводъ къ злоупотребленіямъ? Но тѣмъ не менѣе не надо забывать, что первоначальное экономическое назначеніе Terminhandel, Zeitgeschäft — не игра. Съ появленіемъ на де-

[1]) Max Weber, Börsenwesen, въ 1-мъ Supplementband, Handwörterbuch der Staatswissenschaften (1895), стр. 244—245.

нежномъ рынкѣ акцій, бумагъ на предъявителя, съ увеличеніемъ государственныхъ займовъ и расширеніемъ международныхъ оборотовъ, возникла потребность въ организаціи, которая бы облегчала распредѣленіе цѣнностей по отдѣльнымъ мѣстностямъ, предупреждала скопленіе ихъ на короткое время и служила международному обмѣну. По отношенію къ товарамъ, составляющимъ продукты міроваго рынка, задача Terminhandel съ одной стороны состояла въ предупрежденіи неравномѣрности между спросомъ и предложеніемъ, съ другой же—въ учрежденіи своеобразной формы страхованія, при которой возможно обезпеченіе рынка на продолжительное время, безъ риска, связаннаго съ спекуляціями на отдаленные сроки. Такова основная идея реальной торговли въ сроки, effectiver Handel. Въ дѣйствительности однако учрежденіе, предназначенное уменьшить рискъ, превратилось въ средство къ игрѣ на цѣнныя бумаги и товары, которыхъ ни продавецъ, ни покупатель не имѣютъ въ виду покупать или продавать: оба играютъ только на разницу, которая наступитъ къ Ultimo, Medio или концу такого-то мѣсяца. На берлинской биржѣ случалось, что къ Ultimo значилось переданныхъ втрое и вчетверо больше акцій спекулятивнаго банка или излюбленной биржею промышленной коммиссіи, чѣмъ сколько этотъ банкъ и общество въ дѣйствительности имѣли ихъ въ оборотѣ. Десятки милліоновъ пудовъ хлѣба продавались лицомъ, не умѣющимъ отличить пшеничное зерно отъ ржаного. Биржа благодаря этому превращалась въ игорный домъ, „только тѣмъ отличающійся отъ Монте-Карло", — замѣчаетъ одинъ изъ экспертовъ въ биржевой коммиссіи,—„что въ рулеткѣ можно проиграть лишь то, что̀ приносишь съ собою въ карманѣ, тогда какъ на биржѣ играютъ и въ кредитъ". Такъ какъ никакихъ профессіональныхъ знаній такая игра не требуетъ, то частная публика, люди различнѣйшихъ общественныхъ слоевъ, поставляли контингентъ игроковъ, совершенно подавлявшій численность дѣйствительныхъ купцовъ, покупающихъ хлѣбъ ради хлѣба и итальянскія лиры, потому что къ опредѣленному сроку надо платить въ Миланѣ.

Въ коммиссіи, назначенной для изслѣдованія биржевыхъ порядковъ, поэтому, прежде всего возникла и при дальнѣйшихъ допросахъ экспертовъ все больше созрѣвала мысль о необходимости устранить изъ биржевой торговли на сроки всѣхъ являющихся туда, чтобы играть. Биржевая коммиссія предложила, чтобы къ торговлѣ на сроки (Börsentermin-Geschäft) допускались только лица, записанныя въ особые регистры и внесшія за это особую плату, и чтобы имена или фирмы лицъ, записанныхъ въ Börsenregister, доводились до всеобщаго свѣдѣнія черезъ „Имперскій Указатель". Биржевое купечество и въ особенности haute finance возмутились: порядочные люди будто

перестанутъ вообще заниматься биржевыми дѣлами, такъ какъ внесеніе въ биржевой регистръ будетъ почти равносильно выдачѣ желтаго билета. Мы нисколько не отрицаемъ, отвѣтили на это представители коммиссіи, что для помѣщика, профессора или придворнаго внесеніе въ списокъ будетъ не совсѣмъ удобно, но только потому, что биржевая дѣятельность лицъ этого круга—не профессіональное занятіе. Всякому ясно будетъ, что профессоръ или гофмейстеръ — азартные игроки, а этого мы и желали достигнуть своими постановленіями. Вамъ же, купцамъ, не зазорно заниматься дѣлами, которыя отнюдь по существу своему не носятъ на себѣ позорнаго клейма, которыя только извратились вслѣдствіе смѣшенія биржи съ игорнымъ домомъ.

Предложенія коммиссіи вошли въ правительственный проектъ и безъ измѣненія приняты рейхстагомъ. Биржевые регистры ведутся торговыми судами; они публичны, т.-е. доступны каждому желающему съ ними ознакомиться. За внесеніе въ списки въ 1-й годъ установлена плата въ 150, въ слѣдующіе по 25 марокъ. Лица, не внесенныя въ регистры, но давшія порученія банкиру, записанному въ регистры, ничѣмъ не отвѣтствуютъ за потери. Этимъ долженъ быть предупрежденъ обходъ закона: разъ банкиръ знаетъ, что съ кліентовъ нельзя взыскивать за игру на разницу, онъ будетъ осторожнѣе и потребуетъ уже бо̀льщія гарантіи, а это по крайней мѣрѣ уменьшитъ игру. Для лицъ, записанныхъ въ регистры, долгъ по торговлѣ въ срокъ, хотя бы имѣлась въ виду только разница, дѣйствительный долгъ, не карточный.

Даже среди сторонниковъ полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія торговля на сроки бумагами промышленныхъ предпріятій имѣетъ мало защитниковъ. Отчетъ парламентской коммиссіи могъ констатировать, что Евгеній Рихтеръ, воевавшій впереди всѣхъ противниковъ биржевой реформы, ничего не имѣетъ противъ исключенія промышленныхъ акцій изъ торговли на срокъ. Тѣ экономическія достоинства, которыя изслѣдователи биржи находятъ въ Terminhandel'ѣ товарами и валютой: распредѣленіе риска, размѣщеніе запасовъ по мѣсту и времени, устраненіе быстрыхъ колебаній въ зависимости отъ урожаевъ и т. п., въ торговлѣ цѣнными бумагами отсутствуютъ, или проявляются въ столь слабой степени, что далеко не уравновѣшиваютъ оборотныхъ сторонъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ продажа и покупка разсчитана лишь на разницу, и ничто такъ не вовлекаетъ въ биржевую игру, какъ возможность совершать обороты на сроки, переносить обязательства съ Ultimo къ Ultimo, при необходимости расплачиваться не полною суммой, а лишь разницей въ deport или report (плата за отсрочку). Въ

Берлинѣ около 60 бумагъ котируются на сроки, но только о весьма немногихъ изъ нихъ можно сказать, что онѣ удовлетворяютъ потребности торговли. Еще понятно, если защищаютъ торговлю въ сроки бумажными иностранными знаками, какъ это происходитъ до сихъ поръ съ нашими рублями. Правда, и въ этой области широко открывались двери азартной игрѣ, но по крайней мѣрѣ рядомъ съ 10-ю игроками, только спекулировавшими на повышеніе или пониженіе, можно было привести не-игрока, фабриканта, напр., получившаго заказъ изъ Россіи и сейчасъ же обезпечивавшаго себѣ курсъ. Въ срочной торговлѣ акціями промышленныхъ обществъ горныхъ заводовъ, угольныхъ копей и подобныхъ предпріятій такого серьезнаго поощренія торговлѣ уже вовсе быть не можетъ; наоборотъ, благодаря биржѣ и ея вліянію на спекулятивныя предпріятія, нормальный ходъ промышленности парализуется и не производство пользуется посредничествомъ торговли, а торговля, азартная, биржевая, подчиняетъ себѣ интересы производства, вліяетъ на цѣны, создаетъ искусственный спросъ и предложеніе. Каждый крупный заказъ, полученный напр. Бокумскимъ товариществомъ, раздувается въ биржевой фактъ и сразу подымаетъ акціи; биржевикъ, спекулирующій на пониженіе акцій завода, умышленно продаетъ крупную партію изъ его продуктовъ, и на биржѣ начинается паника: уголь понижается, желѣзо обезцѣнено, спѣшатъ продавать акціи. Едва ли поэтому можно что-нибудь возразить противъ рѣшенія рейхстага, не согласившагося всецѣло передать урегулированіе этого вопроса на благоусмотрѣніе союзныхъ правительствъ, а постановившаго въ законѣ (ст. 47-я): торговля на сроки въ паяхъ и акціяхъ горныхъ и фабричныхъ предпріятій *воспрещается* на биржахъ. Акціи другихъ предпріятій допускались лишь въ томъ случаѣ, если капиталъ общества не менѣе 20 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законопроектъ предоставляетъ союзному совѣту: гдѣ это понадобится, еще больше съузить дѣятельность рынка на сроки, какъ на товарной, такъ и на фондовой биржѣ.

Наиболѣе страстные толки и дебаты во время обсужденія всего биржевого проекта вызваны были мѣрами противъ торговли на срокъ *хлѣбомъ*. Такъ какъ сорокъ сельскихъ хозяевъ уже давно агитируютъ въ деревняхъ противъ биржи и „обезцѣненія хлѣба продѣлками биржевиковъ“—одинъ изъ излюбленныхъ тезисовъ на аграрныхъ собраніяхъ, то сторонникамъ биржи нетрудно было внушить нѣмецкому купечеству, что реформа биржи вообще есть дѣло аграрной алчности и невѣжества. Послѣдняго вполнѣ отрицать нельзя: не только слушатели, но и ораторы на многихъ аграрныхъ съѣздахъ обнаруживаютъ совершенно дѣтскіе взгляды на характеръ и организацію биржевой торговли; злой волѣ спекулянтовъ приписывается могущество,

превышающее силу естественныхъ международныхъ факторовъ, вліяющихъ на цѣны хлѣба. Въ глазахъ аграрія биржевой хлѣботорговецъ, вѣроятно, изъ ненависти къ германцу, стремится постоянно понижать цѣны... Но многіе изъ нынѣшнихъ дѣятелей аграрной партіи или поплатились состояніемъ на биржевыхъ спекуляціяхъ, или же, что еще менѣе похвально, зарвавшись на биржевой игрѣ, предпочли не платить разницы, спрятавшись за кассаціонное рѣшеніе, признающее такіе долги равными карточному долгу и потому не подлежащими судебному взысканію. Въ засѣданіи рейхстага соціалъ-демократъ Зингеръ назвалъ даже президента Bund der Landwirthe, барона Плёца (Plötz), однимъ изъ такихъ раскаявшихся, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, грѣшниковъ, и обвиненіе это до сихъ поръ не опровергнуто.

Утвержденіе хвалителей хлѣбной биржи, что тамъ все въ порядкѣ, однако также очень далеко отъ истины. Огромный матеріалъ, представленный биржевой коммиссіи показаніями экспертовъ, преимущественно торговцами, превосходно знающими условія хлѣбной спекуляціи, обнаруживаетъ злоупотребленія, вреднаго вліянія которыхъ на сельское хозяйство нельзя отрицать. Выше мы говорили объ идеѣ, лежащей въ основѣ Terminhandel. Дѣйствительность однако очень далека отъ идеальнаго представленія. Единственная крупная биржа для торговли на сроки—берлинская, всѣ остальныя или незначительны, или вообще исключаютъ торговлю на сроки. За то въ Берлинѣ спекулируютъ на хлѣбъ не только хлѣботорговцы и сельскіе хозяева, но и масса провинціаловъ, изъ отдаленнѣйшихъ захолустьевъ Пруссіи, и притомъ люди всѣхъ сословій: чиновники, учителя, адвокаты, мясники, булочники, вдовы. Существуютъ коммиссіонеры, которые разсылаютъ по провинціи комми-вояжеровъ, вербующихъ игроковъ на хлѣбъ. Понятно, что въ покупкахъ и продажахъ этого рода нѣтъ мысли о фактической сдачѣ, а только о разницѣ. По словамъ одного изъ экспертовъ, допрошениыхъ коммиссіей, 90 сдѣлокъ изъ 100 имѣютъ въ виду не покупку-продажу хлѣба, а только игру.

При естественной тенденціи цѣнъ къ пониженію, по причинамъ, лежащимъ въ условіяхъ снабженія международнаго рынка, существованіе арміи игроковъ временно можетъ повести къ усиленію этой тенденціи, и лишь настолько въ утвержденіи аграріевъ, что биржа понижаетъ цѣны, есть доля правды. Не надо только забывать, что при обратномъ направленіи, когда появляются слухи о плохомъ урожаѣ, о войнѣ и т. п., точно также усиливается тенденція à la hausse. Но если это устраняетъ преувеличенныя нареканія аграріевъ, то въ то же время подобныя явленія говорятъ, что основная функція тор-

говли на сроки не осуществляется: вмѣсто того, чтобы смягчать естественныя колебанія цѣнъ, служить какъ бы страховымъ учрежденіемъ, обезпечивающимъ отъ внезапныхъ скачковъ цѣнъ вверхъ или внизъ, сама торговля въ срокъ усиливаетъ неустойчивость и такимъ образомъ вредитъ какъ производителю, такъ и потребителю. Въ рейхстагѣ обращено было вниманіе на то, что изъ всѣхъ видовъ хлѣба ячмень меньше другихъ понизился въ цѣнѣ. Лежитъ ли это въ условіяхъ производства, простая ли случайность, что *ячменемъ не торгуютъ* въ Terminhandel'ѣ? Не только аграріи, но и хлѣботорговцы находятъ причинную связь между меньшимъ обезцѣненіемъ ячменя и отсутствіемъ срочной торговли, такъ какъ торговля тутъ, при ввозѣ извнѣ, сопряжена съ большимъ рискомъ.

Противники берлинской биржи увѣряютъ далѣе, что господствующіе въ ней порядки всегда ставятъ продавца въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ покупателя, а при спекулятивномъ характерѣ торговли продавецъ значитъ—baissier, покупатель—haussier. Такъ какъ при продажахъ на сроки имѣется въ виду не индивидуальный товаръ, а опредѣленный типъ, то при берлинской биржѣ существуетъ коммиссія, контролирующая качество сданнаго хлѣба и рѣшающая, соотвѣтствуетъ ли онъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ правѣ предъявлять покупатель. Признанное къ сдачѣ качество носитъ названіе Lieferungsqualität. При отсутствіи въ Германіи американской системы элеваторовъ, при многообразіи сортовъ хлѣба, поступающихъ на берлинскій рынокъ, опредѣленіе достоинства хлѣба — сложное дѣло, открывающее доступъ произволу. Прусскіе землевладѣльцы увѣряютъ, что, во-1-хъ, Lieferungsqualität на берлинской биржѣ устанавливается на очень низкомъ качествѣ, а такъ какъ берлинскія цѣны—руководящія для торговцевъ въ провинціи, то они, помѣщики, за свой высокаго достоинства хлѣбъ получаютъ цѣны, опредѣляемыя за низко-сортный товаръ. Во-2-хъ, землевладѣльцы, да и не одни они, но и многіе торговцы, увѣряютъ, что условія сдачи хлѣба еще больше деморализуютъ хлѣбную торговлю. Продавецъ въ Берлинѣ предъявляетъ покупателю такъ назыв. Kündigungsschein, заявленіе, что у него приготовлено такое-то количество товара къ указанному сроку. Соотвѣтствуетъ ли хлѣбъ даже скромнымъ требованіямъ экспертизы, покупатель не знаетъ. Въ большинствѣ случаевъ хлѣбъ купленъ для спекуляціи, сдается онъ чаще всего только при пониженіи цѣнъ (при повышеніи продавецъ предпочитаетъ заплатить разницу), и покупатель, не видавъ хлѣба, какъ его не видѣлъ вѣроятно и продавецъ, спѣшитъ передать его въ другія руки. Вѣдь не хлѣбъ же ему нуженъ, что̀ онъ съ нимъ сдѣлаетъ? Такимъ образомъ одинъ и тотъ же ярлыкъ на извѣстное количество

хлѣба переходитъ изъ рукъ въ руки, и когда наконецъ хлѣбъ дѣйствительно долженъ быть кому-нибудь сданъ, его подвергаютъ экспертизѣ, и оказывается, что онъ полонъ всякой дряни, nicht lieferbar. Умѣренные органы биржи поэтому указывали не столько на злоупотребленія игры, сколько на отсутствіе правильныхъ порядковъ на товарной биржѣ, которые могли бы, по ихъ мнѣнію, предупредить нежелательныя послѣдствія торговли на срокъ, не нарушая въ то же время ея положительныхъ достоинствъ. Они предлагали повысить требованія относительно качества хлѣба, допускаемаго къ сдачѣ, хлѣбъ долженъ быть пригоденъ для внутренняго потребленія, эксперты должны состоять не только изъ членовъ биржи, но также изъ сельскихъ хозяевъ, въ продажной роспискѣ должно быть указано происхожденіе хлѣба. Что не менѣе важно, осмотръ товара долженъ происходить до наступленія срока сдачи, и продавецъ, вручая покупателю Schein, долженъ представить удостовѣреніе отъ экспертовъ, что хлѣбъ осмотрѣнъ и одобренъ.

На этомъ базисѣ состоялся-было компромиссъ между партіями въ парламентской коммиссіи при второмъ чтеніи законопроекта. При обсужденіи въ общемъ засѣданіи настроеніе парламента оказалось круто измѣнившимся: центръ и націоналъ-либералы, раньше склонявшіеся къ компромиссу, присоединились къ аграріямъ. Тщетно противники запрещеній доказывали, что закрытіе торговли на срокъ равносильно уничтоженію берлинской хлѣбной биржи. Вы сами, говорили они аграріямъ, какъ землевладѣльцы, поплатитесь больше другихъ за свой необдуманный поступокъ. Значительная часть урожая каждаго года продается въ Германіи сейчасъ послѣ уборки хлѣба, на сумму отъ 300 до 400 милліоновъ марокъ. Хлѣбная торговля не въ состояніи была бы нести рискъ, связанный съ такими колоссальными покупками, еслибы она не имѣла въ Terminmarkt'ѣ рынка, на которомъ всегда можно „покрыться", т.-е. распредѣлить рискъ на продолжительный срокъ и среди массы лицъ. Вы не въ состояніи измѣнить національнымъ законодательствомъ условія международнаго рынка,—продолжали противники аграріевъ, и своими запретительными мѣрами достигнете только того, что изъ Берлина торговля хлѣбомъ на срокъ перейдетъ въ Лондонъ или Амстердамъ. „Наше сельское хозяйство не погибнетъ отъ запрещенія торговли на сроки, но я убѣжденъ,—восклицалъ депутатъ Бартъ,—что очень скоро изъ вашихъ же рядовъ (аграріевъ) раздастся призывъ: возвратите намъ Terminhandel"!

Прусскій министръ торговли, въ коммиссіи рейхстага категорически высказывавшійся противъ законодательнаго запрещенія, уже менѣе рѣшителенъ предъ окончательнымъ голосованіемъ. Одинъ изъ

либеральныхъ противниковъ закона увѣрялъ, что между первымъ и вторымъ чтеніемъ не произошло ничего такого, что̀ могло бы измѣнить убѣжденія министра, кромѣ случайнаго застольнаго замѣчанія изъ вліятельныхъ устъ. Министръ Берлепшъ, правда, и теперь еще выступаетъ противъ преувеличеній аграріевъ. Не правда, будто спекуляція на берлинской биржѣ только понижаетъ цѣны: она часто столь же искусственно повышаетъ ихъ, и какъ повышеніе, такъ и пониженіе—только временное явленіе, тогда какъ постоянными регуляторами цѣнъ служатъ условія международнаго рынка. Terminhandel, какъ онъ существуетъ теперь, часто ведетъ къ нарушенію интересовъ производителей или потребителей, но заключающаяся въ немъ идея, какъ и его основная задача—страхованіе отъ риска, благотворны. Возможно ли устранить недостатки на практикѣ, сохранивъ благопріятныя черты этого рода торговли, министръ съ увѣренностью не скажетъ, но почему же не попробовать? Измѣненіе въ условіяхъ квалификаціи товаровъ и требованіе предварительнаго осмотра хлѣба экспертомъ—во всякомъ случаѣ очень серьезныя попытки, тѣмъ болѣе, что „чрезвычайно сомнительно, чтобы запрещеніе торговли на срокъ имѣло тѣ благія послѣдствія, которыхъ ждутъ защитники этой мѣры".

Правительство, очевидно, не желаетъ взять на себя отвѣтственность за столь рѣшительную мѣру,—отвѣтилъ министру одинъ отъ вождей центра,—въ такомъ случаѣ мы беремъ ее на себя, хотя и мы не можемъ съ увѣренностью сказать, чтобъ отъ запрещенія торговли на срокъ наступили тѣ золотыя времена, которыя предсказываютъ аграріи. Для клерикаловъ, какъ и для націоналъ-либераловъ рѣшающее значеніе имѣетъ настроеніе сельскаго населенія. Сельскохозяйственныя общества, представительныя учрежденія деревенскаго населенія, земледѣльческая печать и communis opinio сельскаго народа—противъ торговли на срокъ, а каждая профессія, каждое сословіе, какъ выразился Беннигсенъ, лучше другихъ должно знать, что̀ ему выгодно и что̀ вредно.

Такъ какъ намъ, при изложеніи главныхъ постановленій реформы, уже пришлось коснуться взглядовъ на биржу отдѣльныхъ политическихъ партій, то отмѣтимъ кстати и мотивы оппозиціи. Принципіальными противниками законопроекта были свободомыслящіе. Они отнюдь однако не утверждали, что нынѣ существующіе порядки—идеальные. По мнѣнію Рихтера, Барта и другихъ ораторовъ свободомыслящихъ, недостатки и злоупотребленія биржевой торговли только преувеличиваются съ одной стороны—аграріями, съ другой — антисемитами и цеховыми. Тѣ злоупотребленія, которыя дѣйствительно возмущаютъ общественную совѣсть, возмущаютъ и добросовѣстную часть купече-

ства, которая при помощи биржевой автономіи сама стремится къ водворенію добрыхъ нравовъ. Среди свободомыслящихъ не всѣ, впрочемъ, такіе безусловные противники государственнаго вмѣшательства, какъ Евгеній Рихтеръ. Однако и тѣ, которые признаютъ за государствомъ право контролировать и предупреждать, увѣряли въ дебатахъ, что содержаніе биржевого проекта—продуктъ незнанія биржевыхъ порядковъ и слѣпыхъ страстей, ищущихъ въ биржевикѣ козла отпущенія.

Въ послѣднемъ отношеніи между воззрѣніями свободомыслящихъ и соціалъ-демократовъ есть нѣкоторое соприкосновеніе. Для соціалъ-демократіи биржа только зеркало существующаго экономическаго строя. Не отказываясь отъ участія въ устраненіи явныхъ злоупотребленій въ торговлѣ, какъ они не отказываются отъ всякой дѣятельности для улучшенія общественныхъ отношеній въ области фабричнаго законодательства, таможенной политики и т. п., представители ея въ парламентѣ не перестаютъ однако утверждать, что всякая биржевая реформа, въ силу существующаго характера производства, должна неминуемо остаться полумѣрой, и не можетъ повести къ искорененію эксплуатаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціалъ-демократы, какъ выразились ихъ ораторы въ биржевыхъ дебатахъ, депутаты Зингеръ и Шенланкъ, не могутъ не признавать въ организаціи биржи техническаго прогресса, разумной конструкціи центральнаго рынка для товарнаго и денежнаго обращенія. Безспорно, что нынѣшняя организація разсчитана на эксплуатацію, но тотъ же характеръ носитъ и организація крупной промышленности; нападки на биржу имѣютъ аналогію съ жалобами цеховыхъ на фабрики и машины. Точно такъ же безсмысленно бороться противъ естественнаго процесса сосредоточенія торговли и ея техническаго усовершенствованія, какъ безразсудно бороться съ успѣхами въ техникѣ производства. Биржа, какъ и фабрика, знаменуетъ высшія формы развитія экономической жизни, и если плоды прогресса пожинаются немногими, если онъ связанъ съ эксплуатаціей, то причины этого надо искать не въ злой волѣ людей, а въ характерѣ экономическаго строя. Въ частности депутаты соціалъ-демократіи высказались противъ запрещенія Terminhandel хлѣбомъ, усматривая въ торговлѣ на сроки не только остроумный способъ распредѣленія риска, но и средство противъ искусственнаго повышенія цѣнъ хлѣба. Чѣмъ остроумнѣе устроена хлѣбная торговля, тѣмъ лучше она будетъ исполнять свое назначеніе—привлекать хлѣбъ изъ всѣхъ странъ міра на мѣстный рынокъ и не допускать вліянія чисто мѣстныхъ причинъ на движеніе цѣнъ. Какъ партія преимущественно фабричныхъ рабочихъ, соціалъ-демократія,

конечно, считаетъ низкія цѣны на хлѣбъ не зломъ, а благодѣяніемъ для народа.

Большинствомъ 200 голосовъ противъ 51 рейхстагъ высказался за запрещеніе Terminhandel хлѣбомъ и за другія существенныя статьи проекта. Правительство, правда, не во всемъ согласно съ рейхстагомъ, но тѣмъ не менѣе оно не откажетъ проекту въ своемъ согласіи.

IV.

Мы не касались въ своемъ изложеніи биржевого проекта многихъ другихъ интересныхъ для торговаго міра постановленій, какъ, напр., тѣхъ, которыя опредѣляютъ отношеніе между коммиссіонеромъ и коммитантомъ, устанавливаютъ правила для фиксированія курса, и права и обязанности биржевыхъ маклеровъ. Безспорно очень существенныя съ точки зрѣнія биржевого оборота, они играютъ только второстепенную роль въ сравненіи съ тѣми основными измѣненіями, на которыхъ намъ казалось необходимымъ остановиться для характеристики общественнаго вмѣшательства въ міръ биржи. Упомянемъ, однако, въ заключеніе объ одной особенности новаго закона: онъ заключаетъ въ себѣ не только запрещенія и ограниченія частноправовыхъ отношеній, но еще очень серьезныя статьи уголовно-правового свойства.

Въ правительственномъ проектѣ уже заключались нѣкоторыя уголовныя постановленія, имѣвшія въ виду наиболѣе рѣзкія формы злоупотребленія довѣріемъ какъ посторонней биржѣ публики, такъ и биржевого купечества. Проектъ, въ-1-хъ, предлагалъ подвергать тюремному заключенію срокомъ до 1 года и въ то же время денежному штрафу до 10.000 марокъ всякаго, „кто при помощи средствъ, разсчитанныхъ на введеніе въ заблужденіе, и съ мошенническими намѣреніями" станетъ (или попытается) вліять на биржевую цѣну товаровъ и цѣнныхъ бумагъ. Въ этомъ случаѣ суду предоставлено лишить обвиненнаго гражданскихъ правъ, при смягчающихъ же обстоятельствахъ присудить только къ штрафу. Рейхстагъ не только согласился съ этимъ постановленіемъ, но придалъ ему болѣе строгую редакцію: срокъ тюремнаго заключенія не ограниченъ, штрафъ поднятъ до 15.000 марокъ, и къ статьѣ (72) сдѣлано слѣдующее добавленіе: „одинаковому наказанію подлежитъ тотъ, кто для обмана публики сознательно сдѣлаетъ невѣрныя сообщенія въ приглашеніи къ подпискѣ на заемъ или въ другихъ публичныхъ заявленіяхъ, разсчитывая привлечь этимъ къ подпискѣ или побудить къ покупкѣ или продажѣ цѣнныхъ бумагъ". Въ особой статьѣ (72 *a*) коммиссія

рейхстага, а вслѣдъ за нею и рейхстагъ сочли нужнымъ подвергнуть суровымъ наказаніямъ биржевыхъ пиратовъ и ихъ сообщниковъ, злоупотребляющихъ печатнымъ словомъ для введенія въ обманъ легковѣрной публики. По предложенію соціалъ-демократа Шенланка, въ законъ включено слѣдующее постановленіе: кто за сообщенія въ печати, имѣющія цѣлью вліять на биржевую цѣну, предоставляетъ или обѣщаетъ другому, или выговариваетъ себѣ вознагражденіе, находящееся въ очевидномъ противорѣчіи съ характеромъ дѣйствія (т.-е. съ нормальнымъ вознагражденіемъ за трудъ, обычной платой за объявленія и т. п.), подвергается заключенію въ тюрьму срокомъ до 1 года и денежному штрафу до 5.000 марокъ. Такому же наказанію подлежитъ тотъ, кто платитъ или получаетъ плату за умолчаніе о фактахъ, вліяющихъ на биржевую цѣну. Попытка, покушеніе—наказуемы.

Законъ въ этой статьѣ пытается бороться съ одной изъ язвъ современной публицистики, одинаково осуждаемой и порядочными элементами общества, и лучшими представителями печати. Не надо однако думать, что только грюндеры худшаго сорта прибѣгаютъ къ подкупу биржевыхъ редакторовъ: это дѣлаютъ первоклассные банкиры. Въ высшей степени характерные примѣры приведены были въ биржевой коммиссіи экспертомъ, биржевымъ редакторомъ Винеромъ. „Года два тому назадъ, — разсказываетъ онъ, — ко мнѣ подошелъ компаньонъ фирмы Блейхредера (тайный коммерціи совѣтникъ Швабахъ) и сказалъ: г. Винеръ, я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Мы конвертировали закладные листы центральнаго банка поземельнаго кредита, и мнѣ при этомъ указано было привлечь къ участію и вашу газету (Berliner Tageblatt). Какъ мнѣ поступить?.. (Въ стенографическомъ отчетѣ къ этому прибавлено: Heiterkeit!..) Въ другой разъ тотъ же биржевой референтъ получилъ отъ банкира Карла Нейбургера увѣдомленіе, что за его счетъ куплены и проданы акціи эппендорфскаго промышленнаго товарищества и при этомъ выручено „прибыли“ 1.000 марокъ, которыя при семъ прилагаются... Г. Винеръ никогда не поручалъ покупать и продавать акціи эппендорфскаго товарищества. На свой запросъ у Нейбургера, что это значитъ? онъ получилъ въ отвѣтъ: извините, пожалуйста, произошла ошибка служащаго, перепутали имена!..

Большинство биржевыхъ писателей не такъ порядочно и уже навѣрное не такъ наивно, чтобы не понимать смысла „участія“ въ конверсіи или покупки и продажи невѣдомыхъ акцій съ 1.000 марками барыша. „Многіе органы печати,—читаемъ мы въ парламентскомъ отчетѣ,—стали на службу интересамъ биржевыхъ дѣятелей и заставляютъ платить себѣ за свое содѣйствіе успѣху ихъ предпріятій вознагражденіе, далеко превышающее гонораръ писателя“. Существуютъ

десятки варіантовъ взаимныхъ отношеній плутократіи и безсовѣстнаго журнализма, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль: нажиться на счетъ публики. Въ формѣ объявленій по необыкновенно высокому тарифу, рекламъ, подписки на сотни экземпляровъ газеты, привлеченія издателя и биржевого редактора къ подпискѣ при выпускѣ, съ правомъ выиграть, но безъ обязанности терять, вліятельныя изданія тѣсно связаны съ биржей. Даже безусловно порядочныя газеты не могутъ оградить себя отъ того, чтобы столбцы ихъ биржевого отдѣла, противъ воли издателя и главнаго редактора, не служили биржевымъ пиратамъ. Только въ концѣ прошлаго года Vossische Zeitung вынуждена была выгнать своего биржевого редактора, профессора технологическаго института и автора довольно извѣстной, переведенной даже на русскій языкъ, книги по исторіи политической экономіи, который оказался подкупленнымъ однимъ изъ самыхъ спекулятивныхъ банковъ. Возраженія, приведенныя въ рейхстагѣ противъ уголовнаго наказанія за подкупъ печати и продажныя рекламы, заключались въ томъ, что понятіе „обычный авторскій гонораръ" слишкомъ неопредѣленное, чтобы служить критеріемъ наказуемости. Въ законѣ оно поэтому было замѣнено понятіемъ выгоды, превышающей вознагражденіе за реальное дѣйствіе, Leistung, правда, очень растяжимымъ понятіемъ, но по крайней мѣрѣ допускающимъ наказаніе въ конкретномъ случаѣ, когда существованіе подкупа для суда не подлежитъ сомнѣнію.

Другія уголовныя наказанія въ биржевомъ законопроектѣ не вызывали почти дебатовъ, такъ какъ они одинаково одобрялись правительствомъ и большинствомъ парламента. Тюремное заключеніе и высокій денежный штрафъ грозитъ коммиссіонеру, умышленно дающему ложные совѣты коммиттенту или эксплуатирующему его неопытность, чтобы спекулировать на его счетъ. Такое же наказаніе постановлено для биржевика и банкира, соблазняющаго путемъ рекламъ, писемъ и т. п. къ биржевой игрѣ людей, не имѣющихъ отношенія къ биржѣ. Столько неопытныхъ людей разорены вслѣдствіе продѣлокъ профессіональныхъ совратителей, — читаемъ въ докладѣ парламентской коммиссіи, — столько горя и нищеты обрушилось вслѣдствіе этого на неповинныя семейства, что необходимо попытаться положить конецъ спекуляціи публики уголовными мѣрами противъ тѣхъ, которые изъ вовлеченія въ биржевую спекуляцію посторонней публики сдѣлали особую профессію.

Можно не соглашаться со всѣми постановленіями новой законодательной мѣры, можно также думать, что биржа найдетъ путь и средства, чтобъ обойти положенныя ей препоны, но едва ли кто-нибудь откажетъ германской биржевой реформѣ въ признаніи, что она настойчиво и серьезно пытается бороться съ злоупотребленіями. Это

безспорно наиболѣе сильная попытка своего рода въ европейскомъ законодательствѣ. Тѣ, которые опасались, что реформа не затронетъ существа дѣла, могутъ успокоиться, опасенія не исполнились. Два года тому назадъ, когда появился отчетъ коммиссіи, о которой намъ такъ часто приходилось упоминать: старый судья Отто Беръ писалъ въ Grentzboten: „Нужно изумляться мужеству (или дерзости?) коммиссіи, позволяющей себѣ дѣлать подобныя предложенія. Какая страшная сила—биржа, можно судить по тому, что она съумѣла подчинить своимъ интересамъ собраніе людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ и выбранныхъ для того, чтобы придумать мѣры противъ злоупотребленій. Удивительно ли, если все больше въ народѣ распространяется движеніе противъ самаго существованія биржи?"

Проф. Густавъ Конъ, самъ членъ биржевой коммиссіи [1]), сопоставляетъ этотъ отзывъ лейпцигскаго судьи съ мнѣніемъ мюнхенскаго профессора В. Лотца (W. Lotz), увѣряющаго, что предложенія биржевой коммиссіи — продуктъ распространяющейся въ Германіи китайщины, des Mandarinenthums: вмѣсто того, чтобы воспитывать народъ въ духѣ самодѣятельности, выдумываютъ новыя формы государственной опеки, не только для пролетаріата, но уже и для имущихъ. Биржа испытываетъ отеческое попеченіе власти въ видѣ увеличенія налоговъ и наказаній за злоупотребленія, которыя могутъ быть устранены собственной иниціативой купечества, на почвѣ автономіи.

Писатели, разсуждающіе подобно Лотцу, забываютъ только, что биржевая автономія очень часто бывала автономіей „волковъ". Тенденція же закона заключается въ опекѣ надъ „овцами", надъ той наивной и невѣжественной публикой, которая при нынѣшнихъ биржевыхъ порядкахъ свои сбереженія несетъ на биржу, тогда какъ имъ мѣсто въ сберегательной кассѣ.

Г. Б.

Берлинъ, 10-го (22) мая.

---

[1]) Ueber das Bör^enspiel, въ Jahrbücher Шмоллера, 1895, стр. 21—68.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1896.

Желательныя поправки въ функціонированіи и устройствѣ суда присяжныхъ: сообщеніе присяжнымъ о наказаніи, могущемъ постигнуть подсудимаго — сообщеніе имъ актовъ производства—предоставленіе имъ права ходатайства передъ Высочайшею властью — увеличеніе числа лицъ могущихъ быть присяжными—болѣе правильное составленіе списковъ.—Мнимое „заключеніе" преній о судѣ присяжныхъ. — Судебная реформа въ Сибири.

Въ предыдущихъ обозрѣніяхъ мы говорили о тѣхъ перемѣнахъ въ устройствѣ и функціонированіи суда присяжныхъ, которыя представляются съ нашей точки зрѣнія или вредными, или излишними, или, по меньшей мѣрѣ, безразличными; перейдемъ теперь къ поправкамъ желательнымъ и полезнымъ, и начнемъ съ наименѣе спорныхъ. Сюда относится, прежде всего, ознакомленіе присяжныхъ съ наказаніемъ, которому, при произнесеніи ими обвинительнаго вердикта, можетъ подвергнуться подсудимый. Тайна, соблюдаемая по этому предмету—не столько въ силу положительнаго закона, сколько въ силу установившагося обычая—почти не находитъ теперь защитниковъ между нашими юристами; изъ числа двадцати старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ совѣщаніи 1894 г., за сохраненіе ея высказался только *одинъ*. Нарушается она, какъ справедливо указалъ А. Ѳ. Кони, и въ настоящее время, намеками и полусловами сторонъ, которые не всегда успѣваетъ предупредить предсѣдатель и которые, притомъ, весьма легко могутъ быть неправильно поняты присяжными. Приподнять завѣсу можетъ и каждый присяжный засѣдатель, имѣющій—или воображающій себѣ, что имѣетъ — нѣкоторыя свѣденія въ уголовныхъ законахъ; его разъясненіямъ, какъ бы онѣ ни были ошибочны, остальные присяжные часто расположены вѣрить на слово. Бываютъ, конечно, случаи, когда присяжнымъ до конца остается неизвѣстнымъ наказаніе, ожидающее подсудимаго, но именно эта не-

извѣстность можетъ весьма невыгодно отразиться на ихъ вердиктѣ. Во вступительной рѣчи, произнесенной А. Ѳ. Кони на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ, мы находимъ указаніе на оправдательный приговоръ, произнесенный въ процессѣ о шантажѣ исключительно вслѣдствіе предположенія присяжныхъ, что подсудимому грозитъ тяжкая уголовная кара (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ могъ быть присужденъ только къ умѣренному исправительному наказанію). Еще менѣе умѣстной „вредная для судебнаго прямодушія игра въ прятки" (выраженіе одного изъ участниковъ совѣщанія) сдѣлается тогда, когда вступитъ въ силу новое уголовное уложеніе, болѣе мягкое и предоставляющее суду большій просторъ въ выборѣ наказанія, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ даннаго случая. Присяжнымъ должно быть предоставлено право просить предсѣдателя о прочтеніи имъ цѣликомъ текста закона, подъ который подводится преступное дѣяніе; уложеніе о наказаніяхъ должно находиться въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ во время постановленія ими вердикта.

На основаніи нынѣ дѣйствующаго закона (уст. угол. судопр. ст. 805), никакіе акты изъ письменнаго производства присяжнымъ засѣдателямъ не передаются, но предсѣдатель предувѣдомляетъ ихъ, что если они пожелаютъ выяснить какое-либо обстоятельство, то могутъ возвратиться для того въ залу засѣданія. На практикѣ такое возвращеніе встрѣчаетъ много затрудненій и осуществляется рѣдко; поэтому значительное большинство старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ (16 противъ 4) согласилось съ мнѣніемъ А. Ѳ. Кони, что полезнѣе и проще давать присяжнымъ въ совѣщательную комнату, если они того пожелаютъ, всѣ акты изъ дѣла (протоколы осмотровъ, обысковъ, освидѣтельствованій и т. п.), оглашенные на судѣ за силою ст. 687 уст. угол. суд., равно какъ и тѣ вещественныя доказательства, относительно которыхъ они выслушали надлежащія разъясненія сторонъ, свѣдущихъ людей и суда. Меньшинство находило это опаснымъ „въ виду возможности лжетолкованія значенія плановъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ, не могущаго тотчасъ же быть опровергнутымъ". Намъ кажется, что опасенія меньшинства лишены всякаго основанія. Нѣтъ никакой причины предполагать, что при нынѣшнемъ порядкѣ „лжетолкованіе" какого-нибудь акта, возникающее въ средѣ присяжныхъ, тотчасъ же встрѣчаетъ надлежащее опроверженіе. Обыкновенно дѣло бываетъ такъ: между присяжными, во время совѣщанія, оказывается разногласіе относительно содержанія какого-нибудь акта, прочитаннаго на судѣ, или просто никто изъ нихъ не можетъ припомнить въ точности, что̀ сказано въ актѣ по данному вопросу. Они возвращаются въ залу засѣданія и просятъ

прочесть еще разъ цѣлый актъ или отдѣльное его мѣсто, рѣдко мотивируя эту просьбу и не всегда давая суду возможность угадать, въ чемъ собственно заключается ихъ недоумѣніе. Если въ основаніи послѣдняго лежитъ „лжетолкованіе" акта, то оно весьма часто остается неизвѣстнымъ суду, а слѣдовательно и неопровергнутымъ. Весьма можетъ быть, далѣе, что самое „лжетолкованіе" происходитъ отъ торопливаго, невразумительнаго чтенія акта секретаремъ суда. Еслибы этотъ актъ былъ прочитанъ самими присяжными въ совѣщательной комнатѣ и прочитанъ—въ главныхъ своихъ частяхъ — нѣсколько разъ, съ остановками на каждомъ существенно-важномъ словѣ, то отъ недоразумѣнія, грозящаго отразиться на самомъ вердиктѣ, не осталось бы, большею частью, и тѣни. Странно опасаться „лжетолкованій" отъ подробнаго изученія акта—и упускать изъ виду, что гораздо легче можетъ привести къ ошибкѣ слишкомъ бѣглое знакомство съ его содержаніемъ... Кому случалось читать описанія сраженій или походовъ, тотъ, безъ сомнѣнія, помнитъ, до какой степени облегчаютъ ихъ пониманіе *постоянныя* справки съ планомъ или картой. Какъ бы внимательно послѣдніе ни были разсмотрѣны при началѣ чтенія, это не устраняетъ необходимости возвращенія къ нимъ, для уясненія тѣхъ или другихъ деталей. Такую же точно роль играетъ иногда въ уголовномъ процессѣ планъ мѣстности, гдѣ совершилось преступленіе; въ высшей степени важно имѣть его подъ рукою при самомъ обсужденіи дѣла. Мы присоединяемся поэтому всецѣло къ мнѣнію А. Ѳ. Кони и большинства старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ. Другое дѣло—свидѣтельскія показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи и прочитанныя на судѣ. Давать ихъ присяжнымъ въ совѣщательную комнату, значило бы искусственно увеличивать ихъ важность, сравнительно съ устными показаніями свидѣтелей, явившихся въ засѣданіе. Эти послѣднія показанія не записываются въ протоколъ и присяжные по необходимости должны возстановлять содержаніе ихъ или на основаніи собственныхъ воспоминаній, или на основаніи разъясненій предсѣдателя; ничего другого поэтому не слѣдуетъ допускать и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи. Утвердительно, зато, долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о правѣ присяжныхъ брать съ собою въ совѣщательную комнату научныя сочиненія, на которыя были сдѣланы ссылки сторонами во время преній [1]). Эти сочиненія имѣютъ въ уголовномъ дѣлѣ такое же значеніе, какъ и экспертиза: если присяжнымъ будетъ дозволено брать съ собою акты осмотра и осви-

---

[1]) Въ пользу этого права высказывается С. К. Гогель въ брошюрѣ, упомянутой нами въ предыдущемъ обозрѣніи.

дѣтельствованія, составленные экспертами, то нѣтъ причины не давать имъ въ руки судебно-медицинскихъ и тому подобныхъ трактатовъ, отрывки изъ которыхъ были прочитаны на судѣ. Дѣйствіе, ими произведенное, не можетъ быть устранено формальнымъ отказомъ въ ближайшемъ знакомствѣ съ цитированною книгой. Гораздо правильнѣе поэтому предоставить присяжнымъ всѣ средства къ повѣркѣ впечатлѣнія, оставленнаго въ нихъ обвинительною или защитительною рѣчью. Нельзя же допустить, что бѣгло *выслушанное* мнѣніе они усвоятъ себѣ легче и лучше, чѣмъ внимательно *прочитанное*. Намъ возразятъ, быть можетъ, что въ книгѣ присяжные встрѣтятся иной разъ и съ такими взглядами, о которыхъ не было рѣчи на судѣ и противъ которыхъ не могъ поэтому предостеречь ихъ предсѣдатель; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ присяжные прочтутъ, безъ сомнѣнія, только тѣ мѣста книги, на которыя указано сторонами, и не станутъ отыскивать въ ней какихъ-либо новыхъ аргументовъ въ пользу или противъ подсудимаго.

Признавая подсудимаго виновнымъ, присяжные засѣдатели въ правѣ объявить его заслуживающимъ снисхожденія; судъ, въ такомъ случаѣ, *долженъ* понизить ему наказаніе на одну степень, а *можетъ* понизить его и на двѣ степени. Проектъ новаго уголовнаго уложенія значительно расширяетъ, въ этомъ отношеніи, власть суда, но *обязательнымъ* дѣлаетъ для него только назначеніе наказанія не въ самой высшей мѣрѣ, закономъ установленной. Различіе между нынѣшнимъ порядкомъ и будущимъ всего лучше можно объяснить нѣсколькими примѣрами. За предумышленное убійство дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1454) опредѣляетъ наказаніе по 2-й степени ст. 19, т.-е. ссылку въ каторжную работу на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Слѣдующія затѣмъ двѣ степени — каторжная работа отъ двѣнадцати до пятнадцати и отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. При признаніи виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, судъ не можетъ ни присудить его къ каторжной работѣ на срокъ бо́льшій пятнадцати лѣтъ (высшая мѣра третьей степени), ни понизить срокъ работы, собственною властью, болѣе чѣмъ до десяти лѣтъ (низшая мѣра четвертой степени). По проекту уложенія каторжная работа (срочная) назначается вообще на срокъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ и исчисляется годами и полугодіями; виновный въ убійствѣ наказывается каторгою не ниже восьми лѣтъ; при признаніи его заслуживающимъ снисхожденія судъ можетъ, слѣдовательно, понизить срокъ работы до пяти лѣтъ, но можетъ и уменьшить его только на одно полугодіе противъ высшей мѣры, т.-е. опредѣлить его въ $14^1/_2$ лѣтъ. Разстояніе между возможными максимумомъ и минимумомъ наказанія по новому уложенію является, такимъ образомъ, болѣе значительнымъ, чѣмъ по дѣй-

ствующему закону ($9^1/_2$ лѣтъ — вмѣсто пяти); *абсолютно* наказаніе становится менѣе строгимъ, но обязательное вліяніе снисхожденія, даннаго присяжными, *относительно* уменьшается. Другой примѣръ: по уложенію о наказаніяхъ (ст. 1606) умышленный поджогъ обитаемаго зданія наказывается каторжной работой по 5 степени ст. 19, т.-е. на время отъ восьми до десяти лѣтъ. Слѣдующія двѣ степени—каторжная работа на время отъ шести до восьми и отъ четырехъ до шести лѣтъ. Высшимъ наказаніемъ для поджигателя, признаннаго заслуживающимъ снисхожденія, является, такимъ образомъ, восемь лѣтъ, низшимъ—четыре года каторжной работы. По проекту новаго уложенія за поджогъ обитаемаго зданія назначается срочная каторга; такъ какъ низшій срокъ ея здѣсь не опредѣленъ, то судъ, при признаніи виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, можетъ перейти къ исправительному дому (и даже дойти до нисшей мѣры этого наказанія, т.-е. до заключенія въ исправ. домѣ на $1^1/_2$ года), но можетъ и ограничиться наименьшимъ законнымъ пониженіемъ срока каторги, т.-е. присудить поджигателя къ четыремъ съ половиною годамъ каторжной работы. Насколько цѣлесообразны самыя правила, обусловливающія возможность столь ничтожнаго пониженія наказанія, объ этомъ мы теперь говорить не будемъ; для насъ важно только показать, что и при дѣйствіи новаго уложенія признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія далеко не всегда будетъ служить гарантіей *значительнаго* смягченія его участи. Какъ бы ясны и несомнѣнны ни были для присяжныхъ роковыя обстоятельства, вовлекшія подсудимаго въ преступленіе, какъ бы сильны ни были, въ ихъ глазахъ, его права на особую снисходительность суда, они весьма часто не будутъ увѣрены въ томъ, что съ той же точки зрѣнія посмотритъ на дѣло и судъ и широко воспользуется предоставленною ему широкою властью. Отсюда только одинъ шагъ до оправдательнаго приговора, вызваннаго не убѣжденіемъ присяжныхъ въ невиновности подсудимаго, а исключительно опасеніемъ, что мѣрѣ вины не будетъ соотвѣтствовать мѣра наказанія. Лучшимъ средствомъ предупредить подобные приговоры было бы предоставленіе присяжнымъ права прибавлять къ признанію подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія ходатайство о совершенномъ его помилованіи или о смягченіи ему наказанія въ мѣрѣ, превосходящей власть суда, съ тѣмъ, чтобы для суда обязательно было представлять такое ходатайство, съ своимъ заключеніемъ, на Высочайшее усмотрѣніе, въ порядкѣ, установленномъ ст. 775 уст. угол. судопр. Нововведеніе, предлагаемое нами, было бы не чѣмъ инымъ, какъ распространеніемъ на присяжныхъ права, давно принадлежащаго коронному суду. И въ настоящее время присяжные часто пытаются подчеркнуть необходимость чрез-

вычайнаго смягченія наказанія, объявляя подсудимаго заслуживающимъ *полнаго* или *особаго* снисхожденія, хотя ни тотъ, ни другой эпитетъ судебными уставами не предусмотрѣнъ. Узаконить это естественное стремленіе, значило бы, прежде всего, предупредить слишкомъ рѣзкое противорѣчіе между взглядами присяжныхъ и суда на степень наказуемости подсудимаго. По отношенію къ подсудимому, просто признанному заслуживающимъ снисхожденія, судъ можетъ, безъ явной несообразности, смягчить наказаніе лишь въ мѣрѣ наименьшей или близкой къ наименьшей; но по отношенію къ подсудимому, за которымъ присяжные, уполномоченные на то закономъ, признають право на *особое* снисхожденіе, суду будетъ неудобно ограничиться минимальнымъ пониженіемъ наказанія, и онъ почти всегда смягчитъ его въ болѣе значительной степени, хотя бы и не считалъ возможнымъ поддержать ходатайство присяжныхъ передъ Государемъ Императоромъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ присоединится къ этому ходатайству, вердиктъ присяжныхъ будетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ въ пользу испрашиваемой Монаршей милости. Конечно, даже единогласіе суда и присяжныхъ не всегда будетъ служить гарантіей успѣха; но важно уже и то, что правомъ ходатайства присяжные несомнѣнно будутъ пользоваться чаще, чѣмъ теперь пользуется имъ коронный судъ, а съ увеличеніемъ общаго числа ходатайствъ не можетъ не увеличиться и число ходатайствъ удовлетворенныхъ. Ошибочно было бы думать, что съ распространеніемъ на присяжныхъ права ходатайства, теперь принадлежащаго только коронному суду, они перестанутъ оправдывать подсудимыхъ, вина которыхъ имѣетъ чисто-формальный характеръ или совершенно уничтожается исключительными обстоятельствами даннаго случая. Когда обвинительный приговоръ былъ бы прямо противенъ совѣсти и нравственному чувству присяжныхъ, они по прежнему будутъ отвѣчать: *нѣтъ, не виновенъ*; пользоваться своимъ новымъ правомъ они будутъ только тогда, когда въ ихъ глазахъ несомнѣнна виновность подсудимаго, но столь же несомнѣнна и несправедливость примѣненія къ нему общихъ карательныхъ нормъ, установленныхъ закономъ. Поясримъ нашу мысль примѣромъ, заимствуемымъ изъ судебной практики. Въ 1869 г. С.-Петербургскій окружной судъ разсматривалъ, съ участіемъ присяжныхъ, дѣло объ отставномъ унтеръ-офицерѣ Ветховѣ и крестьянинѣ Фроловѣ, по обвиненію въ кражѣ, изъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, листовъ, предназначавшихся для печатанія кредитныхъ билетовъ (кража этого рода наказывается наравнѣ съ подделкой кредитныхъ билетовъ, т.-е. каторжной работой). Во время производства дѣла обнаружилось съ полною ясностью, что Фроловъ

дѣйствовалъ по наущенію нѣкоторыхъ агентовъ сыскной полиціи, желавшихъ отличиться раскрытіемъ важнаго преступленія, а Ветховъ согласился участвовать въ кражѣ только подъ вліяніемъ настойчивыхъ и продолжительныхъ уговоровъ со стороны Фролова. Оправдать Ветхова присяжные не считали возможнымъ, потому что виновность его, юридическая и даже нравственная, была несомнѣнна; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ихъ поразила необыкновенная обстановка преступленія, безъ которой о немъ не могло бы быть и рѣчи — и вотъ, они объявили Ветхова виновнымъ, но заслуживающимъ полнаго снисхожденія. Окружной судъ, раздѣляя взглядъ присяжныхъ, возбудилъ ходатайство о весьма значительномъ смягченіи участи Ветхова (и Фролова), и дѣло окончилось полнымъ помилованіемъ обоихъ подсудимыхъ[1]). Во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ,—а ихъ немало,—самымъ нормальнымъ исходомъ является ходатайство передъ Высочайшею властью, идущее отъ тѣхъ самыхъ судей, которые разрѣшаютъ вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго, т.-е., по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ—отъ самихъ присяжныхъ.

Поправки, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, касались *функціонированія* суда присяжныхъ; обратимся теперь къ его *устройству*, и прежде всего къ вопросу о томъ, кто можетъ и долженъ быть присяжнымъ. Важность этого вопроса очевидна: отъ состава присутствія присяжныхъ зависитъ, въ значительной степени, правильность постановляемыхъ имъ рѣшеній. За силою судебныхъ уставовъ, основаніемъ права и обязанности быть присяжнымъ служитъ либо служебный, либо имущественный цензъ. Послѣ перемѣнъ, произведенныхъ закономъ 28 апрѣля 1887 г., служебный цензъ, въ своемъ чистомъ видѣ, сохраненъ только для крестьянъ (занимавшихъ должности волостныхъ старшинъ, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ и т. п.); для остальныхъ служащихъ или отставныхъ критеріемъ служитъ получаемое ими жалованье или пенсія, какъ одинъ изъ видовъ дохода, т.-е., какъ имущественный цензъ. Наименѣе велики цензовыя требованія по отношенію къ землевладѣльцамъ, особенно послѣ изданія закона 28 апрѣля 1887 г. (прежде минимальная цифра землевладѣнія, дающаго право быть присяжнымъ, была 100 десятинъ, теперь она не превышаетъ одной двадцатой части того количества земли, которое даетъ право самостоятельнаго участія въ земскомъ избирательномъ собраніи, т.-е. простирается иногда до семи десятинъ); невысокъ также цензъ и для другихъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ (стоимость имущества въ 2000 рублей

---

[1]) У насъ нѣтъ подъ рукою судебнаго отчета объ этомъ дѣлѣ, мы пишемъ по памяти и не можемъ поручиться за точность всѣхъ деталей.

въ столицахъ, въ 1000 руб. въ городахъ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ, въ 500 руб. въ остальныхъ мѣстностяхъ). Имущественный цензъ, выражающійся въ вознагражденіи за трудъ или въ доходѣ отъ капитала, занятія, ремесла или промысла, повышенъ въ 1887 г. съ 200 и 500 до 400, 600 и 1000 руб. (смотря по мѣстности). Въ томъ же году изъ числа лицъ, могущихъ быть присяжными, исключены неумѣющіе читать по-русски, впавшіе въ крайнюю бѣдность и домашняя прислуга. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ высказалось въ пользу устраненія еще двухъ категорій—мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, „представляющихъ ненадежный нравственно, неразвитой и въ то же время тенденціозный элементъ въ составѣ присяжныхъ", и содержателей или арендаторовъ питейныхъ заведеній. Относительно мелкихъ торговцевъ голоса совѣщанія раздѣлились: одни считали полезнымъ лишить ихъ права быть присяжными, другіе не видѣли къ тому достаточныхъ основаній. Разногласіе произошло и по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли требовать отъ присяжныхъ умѣнья читать по-русски. Вновь включить въ число присяжныхъ совѣщаніе предложило лишь чиновниковъ, занимающихъ должности третьяго и четвертаго классовъ (въ настоящее время они свободны отъ этой повинности).

Главный недостатокъ системы, созданной учрежденіемъ судебныхъ установленій и измѣненной, не къ лучшему, закономъ 28 апрѣля 1887 г., заключается въ томъ, что въ основаніе ея положенъ почти исключительно имущественный цензъ, и вдобавокъ, въ такой формѣ, которая соединяетъ въ себѣ только слабыя его стороны. Если имущественный цензъ и разсматривается иногда какъ залогъ нѣкоторой независимости и нѣкоторой способности къ общественной дѣятельности, то при этомъ имѣется въ виду цензъ болѣе или менѣе высокій, позволяющій думать, что у его обладателя были средства для пріобрѣтенія опытности и знаній, былъ и есть досугъ для работы на общую пользу. Цензъ, требуемый отъ присяжныхъ, такъ невеликъ, что не обезпечиваетъ ни того, ни другого,—а повысить его еще больше, значило бы чрезмѣрно уменьшить число лицъ, могущихъ быть присяжными. Владѣніе ничтожнымъ участкомъ земли или небольшимъ дворовымъ мѣстомъ не можетъ, очевидно, служить признакомъ состоятельности, даже въ самомъ скромномъ смыслѣ слова,—а затѣмъ не можетъ быть и точкой опоры для презумпцій, связываемыхъ (ошибочно или неошибочно — это вопросъ особый) съ состоятельностью. Ремесленникъ, выручающій отъ своихъ занятій, въ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, менѣе 400 рублей въ годъ, является, сплошь и рядомъ, болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ крестьянинъ, прикупившій нѣсколько десятинъ къ своему надѣлу, или мѣщанинъ, получившій по наслѣд-

ству полу-развалившуюся лачужку на окраинѣ города. Мелкій землевладѣлецъ кормится, сплошь и рядомъ, не отъ земли, а отъ промысла или ремесла; и съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, землевладѣніе не составляетъ той гарантіи, которую, повидимому, усматриваетъ въ немъ законодатель. Допуская въ составъ присяжныхъ множество лицъ, безъ всякой причины предполагаемыхъ способными къ исполненію этой обязанности, законъ отстраняетъ отъ нея множество другихъ, на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе къ тому способныхъ. Когда составлялись и вводились въ дѣйствіе судебные уставы, въ средѣ крестьянскаго населенія было сравнительно мало людей, сколько-нибудь подготовленныхъ къ общественной дѣятельности, и единственнымъ критеріемъ такой подготовки могла служить общественная служба. Теперь положеніе дѣлъ существенно измѣнилось; между крестьянами много найдется людей не только грамотныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и до извѣстной степени образованныхъ. Мы, конечно, не ошибемся, если отнесемъ сюда всѣхъ окончившихъ курсъ въ двухклассномъ училищѣ или въ низшей промышленной школѣ, все равно, ремесленной или сельско-хозяйственной. Число ихъ ростетъ съ каждымъ годомъ, постоянно увеличивая ту категорію крестьянъ, отъ которой съ особенною вѣроятностью можно ожидать осмысленнаго отношенія къ задачамъ правосудія. Спѣшимъ оговориться: способными къ такому отношенію оказываются, сплошь и рядомъ, крестьяне и ничему не учившіеся, даже неграмотные. Разбирая, девять лѣтъ тому назадъ [1]), законъ 28 апрѣля 1887 г., мы возражали противъ той его части, которая требуетъ отъ присяжныхъ умѣнья читать; мы старались доказать, что грамотность—а тѣмъ болѣе полуграмотность—весьма ненадежный признакъ развитія, что неграмотные присяжные, въ соединеніи съ другими общественными элементами, могутъ быть—и бываютъ на самомъ дѣлѣ—весьма полезными судьями факта. Такъ думаемъ мы и теперь, предлагая образовательный цензъ лишь какъ *дополненіе* къ служебному и имущественному, а отнюдь не какъ ихъ *замѣну*. Пускай право быть присяжнымъ пріурочивается, по прежнему, къ извѣстной должности или къ извѣстному числу десятинъ, лишь бы только оно пріобрѣталось, рядомъ съ этимъ, и инымъ путемъ, вѣрнѣе обезпечивающимъ достиженіе цѣли... Не выходя изъ деревни, мы встрѣчаемъ еще цѣлую группу лицъ, изъ которой съ большой пользой могли бы быть пополнены ряды присяжныхъ засѣдателей. Это—учителя начальныхъ школъ (земскихъ, городскихъ, церковно-приходскихъ и др.), которые, по нынѣ дѣйствующему закону (учр. суд. устан. ст. 85 пун. 9), вовсе не включаются въ списки

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе“ въ № 6 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

присяжныхъ. Разумное основаніе для такого исключенія мы можемъ себѣ представить только одно: неудобство отрывать учителя отъ занятій, для которыхъ у него, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, нѣтъ замѣстителя. Нельзя сказать, однако, чтобы это неудобство было особенно велико: вѣдь сессія присяжныхъ въ уѣздномъ городѣ рѣдко продолжается болѣе 2—3 дней, и перерывъ занятій на столь короткое время, разъ въ два или три года, проходилъ бы для учащихся безслѣдно. Весьма легко, притомъ, было бы и вовсе избѣжать перерыва, призывая учителей начальныхъ школъ къ отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя лишь въ каникулярные мѣсяцы. Правда, значительно бо̀льшая часть учителей начальныхъ школъ получаютъ менѣе 400 рублей въ годъ, и уже по этому одному, при дѣйствіи нынѣшняго закона, не могутъ быть присяжными; но мы не видимъ причины, почему нельзя было бы освободить учителей—какъ и всѣхъ вообще получившихъ образованіе выше начальнаго—отъ всякаго имущественнаго ценза или, по меньшей мѣрѣ, возвратиться для нихъ къ прежней минимальной нормѣ дохода, т.-е. къ 200 рублямъ. Подъ эту послѣднюю норму подошли бы, кромѣ народныхъ учителей, и другія лица, безспорно не менѣе способныя быть присяжными, чѣмъ большинство мелкихъ ремесленниковъ и землевладѣльцевъ—напр., земскіе фельдшера, управляющіе небольшими имѣніями, арендаторы небольшихъ участковъ земли. Не слѣдуетъ забывать, что цензъ, какой бы онъ ни былъ—имущественный, служебный, образовательный,—никому не даетъ *абсолютнаго права* на званіе присяжнаго. Кто удовлетворяетъ извѣстнымъ цензовымъ требованіямъ, тотъ включается въ *общій* списокъ присяжныхъ, но изъ общаго списка въ *очередной* переносятся только тѣ, которыхъ особая коммиссія найдетъ способными, по нравственнымъ ихъ качествамъ и другимъ причинамъ, исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя. Расширеніе круга, изъ котораго могутъ быть назначаемы присяжные, не представляетъ поэтому ничего опаснаго или рискованнаго; напротивъ того, оно облегчаетъ пріисканіе лицъ, не только *предполагаемыхъ* способными, но дѣйствительно способныхъ быть присяжными. Гораздо правильнѣе исключать, изъ числа присяжныхъ, представителей извѣстныхъ профессій, напр., содержателей и арендаторовъ питейныхъ заведеній [1]), чѣмъ людей, которымъ не хватаетъ нѣсколькихъ рублей до произвольно опредѣленнаго ценза.

---

[1]) Къ числу такихъ профессій едва-ли справедливо относить профессію канцелярскаго чиновника: умственному развитію она, конечно, не способствуетъ, но никакого пятна на занимающихся ею не налагаетъ. Включеніе или невключеніе канцелярскихъ чиновниковъ въ число присяжныхъ должно быть, по нашему мнѣнію, предоставлено усмотрѣнію коммиссій, составляющихъ очередные списки.

Не отнимая права быть присяжнымъ ни у одной изъ главныхъ группъ, за которыми оно признано дѣйствующимъ закономъ, присоединяя къ нимъ, съ одной стороны, неграмотныхъ крестьянъ, бывшихъ волостными судьями, волостными старшинами, сельскими старостами, съ другой стороны—всѣхъ окончившихъ курсъ въ двухклассномъ или равномъ ему училищѣ, всѣхъ занимающихъ положеніе, требующее извѣстной степени довѣрія, предлагаемая нами система даетъ въ распоряженіе коммиссій, составляющихъ очередные списки, достаточно многочисленный и достаточно разнообразный контингентъ присяжныхъ. Слишкомъ слабо представленной можетъ оказаться, тѣмъ не менѣе, та общественная группа, изъ которой обыкновенно выбираются старшины присяжныхъ—группа людей, получившихъ высшее или среднее образованіе. Способствовать ея увеличенію (помимо перемѣнъ въ *порядкѣ составленія* списковъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже) можетъ, безъ сомнѣнія, намѣченное совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ распространеніе повинности на должностныхъ лицъ третьяго и четвертаго классовъ, теперь отъ нея изъятыхъ; но такихъ лицъ сравнительно немного, въ особенности тамъ, гдѣ всего ощутительнѣе недостатокъ образованныхъ присяжныхъ, т.-е. въ провинціи. Гораздо болѣе замѣтныя послѣдствія могла бы имѣть другая реформа, направленная къ той же цѣли. По дѣйствующему закону (учр. суд. устан. ст. 85 пун. 3 и 4) не подлежатъ внесенію въ списки присяжныхъ, между прочимъ, члены судебныхъ мѣстъ (кромѣ почетныхъ мировыхъ судей), судебные пристава, нотаріусы, лица прокурорскаго надзора и штатные чины судебныхъ и прокурорскихъ канцелярій. Въ чемъ заключается причина этого изъятія? Въ томъ, что судебные чины не должны быть отрываемы, на нѣсколько дней, отъ своихъ постоянныхъ занятій? Едва-ли: перерывъ занятій представляетъ бо́льшія или меньшія неудобства и для должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ, которыя, однако, призываются въ число присяжныхъ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы сдѣлать исключеніе развѣ для тѣхъ лицъ судебнаго вѣдомства, которыя, дѣйствуя единолично, не имѣютъ замѣстителей, а самыя дѣла, имъ ввѣренныя, часто принадлежатъ къ числу нетерпящихъ отлагательства. Таковы, напримѣръ, мировой или городской судья (если онъ одинъ на цѣлый городъ), нотаріусъ (при наличности того же условія), судебный слѣдователь. И они, однако, уѣзжаютъ въ отпускъ, бываютъ больны или экстренно заняты (напр., мировой или городской судья—во время выѣздной сессіи окружнаго суда)—и дѣла отъ этого не останавливаются, интересы службы и частныхъ лицъ страдаютъ не слишкомъ сильно. Членовъ коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ прокурорскаго надзора, изъ кото-

рыхъ каждый, въ каждую данную минуту, можетъ быть замѣненъ другимъ, вышеприведенное соображеніе во всякомъ случаѣ не касается вовсе. Затѣмъ остается предположить, что несовмѣстными съ исполненіемъ обязанностей присяжнаго судебныя функціи признаны *по самому своему свойству*, наравнѣ съ полицейскими. Между тѣмъ, полицейская дѣятельность во многихъ отношеніяхъ прямо противоположна судебной. Для первой достаточно предположеній и подозрѣній—послѣдняя нуждается въ доказательствахъ и ищетъ увѣренности. Отличительныя черты первой—быстрота, рѣшительность, отсутствіе колебаній; отличительныя черты послѣдней—осторожность, разборчивость, обдуманность. Полицейскому чиновнику, еслибы онъ попалъ въ число присяжныхъ, слѣдовало бы, прежде всего, забыть всѣ свои привычки и пріемы; для судьи и даже для прокурора, очутившагося въ томъ же положеніи, вовсе не нужна такая внутренняя ломка. Безспорно, профессіональная юридическая дѣятельность вырабатываетъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣкоторое предубѣжденіе по отношенію къ подсудимымъ, нѣкоторое равнодушіе по отношенію къ дѣламъ—но отрѣшиться отъ того и другого сравнительно легко, разъ что измѣнилась среда и обстановка. Скажемъ болѣе: включеніе судей и прокуроровъ въ число присяжныхъ не только не представляетъ никакихъ существенныхъ неудобствъ—оно весьма желательно, какъ незамѣнимое средство познакомить должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства со взглядами присяжныхъ, съ впечатлѣніями, которыя они выносятъ изъ судебнаго засѣданія, съ формами, въ которыхъ складывается ихъ убѣжденіе. Судьямъ, побывавшимъ въ составѣ присяжныхъ, сдѣлалось бы болѣе ясно, на что̀ нужно обращать особое вниманіе присяжныхъ, чего лучше касаться лишь слегка, что̀ понимается съ перваго слова, что̀ требуетъ болѣе подробныхъ объясненій. Прокурору, прошедшему черезъ тотъ же искусъ, легче было бы приноровиться къ различнымъ составамъ присяжныхъ, легче было бы дать себѣ отчетъ въ наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ веденія дѣла. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что прокуроръ, исполнявшій обязанности присяжныхъ, больше будетъ придавать значенія судебному слѣдствію и меньше—судебнымъ преніямъ, рѣже будетъ возражать противъ предоставленія подсудимому всѣхъ возможныхъ средствъ оправданія, тщательнѣе будетъ избѣгать личныхъ пререканій съ защитой и рѣзкихъ выходокъ противъ подсудимаго. Нельзя не пожалѣть, по этому поводу, что въ списки присяжныхъ засѣдателей такъ рѣдко включаются присяжные повѣренные, хотя законъ и не установляетъ, въ этомъ отношеніи, никакихъ ограниченій. Если нѣтъ основаній предполагать, что прокуроръ, попавшій въ число присяжныхъ засѣдателей, будетъ стремиться, во что бы то ни стало,

къ обвиненію подсудимаго, то нѣтъ, точно такъ же, повода думать, что присяжный повѣренный, исполняя обязанности присяжнаго, непремѣнно станетъ домогаться оправдательнаго приговора. Съ измѣненіемъ положенія и роли неизбѣжно измѣняется и образъ дѣйствій; сознавая и чувствуя себя судьею, невольно освобождаешься отъ пріемовъ, усвоенныхъ въ качествѣ стороны. Еслибы, въ исключительныхъ случаяхъ, прокуроръ или присяжный повѣренный и внесъ въ исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя свое профессіональное настроеніе, онъ непремѣнно встрѣтилъ бы отпоръ со стороны своихъ товарищей, которыхъ вовсе не такъ легко увлечь въ ту или другую крайность, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Для того, чтобы въ составъ присяжныхъ засѣдателей входили, по возможности, всѣ способные къ исполненію этой обязанности, недостаточно раздвинуть рамки закона, опредѣляющаго положительныя и отрицательныя условія, которымъ должны удовлетворять присяжные: необходимо еще обезпечить полноту общихъ списковъ и правильное составленіе очередныхъ. Чтобы достигнуть первой, существуетъ одно очень простое средство, давно уже намѣченное въ оффиціальныхъ сферахъ, но почему-то оставленное въ сторонѣ новеллами 1884 и 1887 г. Это средство—возложеніе на каждаго, имѣющаго, по закону, *право* быть присяжнымъ, *обязанности* заявить о томъ учрежденію или лицу, ведущему соотвѣтственную часть общаго списка присяжныхъ засѣдателей. Въ настоящее время не ускользаютъ отъ включенія въ общій списокъ, при сколько-нибудь внимательномъ его составленіи, тѣ лица, которыя могутъ быть присяжными по своему служебному положенію или по владѣнію недвижимою собственностью, но услѣдить за всѣми остальными, т.-е. за всѣми, право которыхъ на званіе присяжнаго обусловливается доходомъ, превышающимъ извѣстную минимальную норму,—крайне трудно, въ большихъ городахъ даже почти невозможно. Веденіе этой части общаго списка принадлежитъ, по закону (учр. суд. устан. ст. 89 п. 4), начальнику уѣздной или городской полиціи; какъ же ему знать, чей доходъ превышаетъ, чей не превышаетъ 400 рублей? Конечно, каждый имѣетъ право заявлять о неправильномъ невнесеніи кого-либо въ общій списокъ, но наблюдать, исполняютъ ли другіе свои гражданскія обязанности, у насъ не въ модѣ, да и къ собственному своему долгу большинство относится довольно беззаботно. Разъ что заявленіе о пропускѣ не обязательно для самого пропущеннаго, ошибка, за рѣдкими исключеніями, остается неисправленною. Другое дѣло, если незаявленіе будетъ признано проступкомъ, наказуемымъ (какъ это предполагалось въ 1884 г.) арестомъ или денежнымъ штрафомъ; молчать рѣшатся тогда развѣ немногіе, потому что весьма непріятно

не только привлеченіе къ отвѣтственности, но даже сознаніе его возможности.

Составленіе общихъ списковъ—работа почти механическая; каждая ошибка, здѣсь допущенная, можетъ, притомъ, быть исправлена въ слѣдующей инстанціи, т.-е. въ коммиссіи, составляющей очередные списки. Гораздо труднѣе задача этой коммиссіи; отъ нея зависитъ опредѣленіе не только юридической, но и нравственной компетентности каждаго отдѣльнаго лица, могущаго быть призваннымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя—и притомъ опредѣленіе, большею частью, безапелляціонное, такъ какъ жаловаться можно только на включеніе, а не на невключеніе въ очередной списокъ. Многое, очень многое зависитъ, очевидно, отъ личнаго состава коммиссіи, обусловливаемаго, въ свою очередь, мѣстнымъ судебно-административнымъ устройствомъ. До реформы 1889 г. центръ тяжести коммиссіи лежалъ въ средѣ мировыхъ судей; теперь онъ перешелъ къ земскимъ начальникамъ. Если ихъ въ уѣздѣ не менѣе семи, то имъ, вмѣстѣ съ предводителемъ и исправникомъ, принадлежитъ абсолютное большинство въ коммиссіи (представителей судебнаго вѣдомства въ ней три, представителей города и земства—пять). Въ какомъ направленіи это должно вліять на дѣятельность коммиссіи — понятно само собою. Не безполезно было бы, конечно, увеличить число членовъ коммиссіи отъ земства, а также отъ города; но существеннаго поворота къ лучшему и здѣсь можно ожидать только тогда, когда измѣнится общій характеръ мѣстнаго управленія. Чѣмъ меньше можно разсчитывать на правильность дѣйствій коммиссіи, тѣмъ важнѣе регламентироватъ ихъ, насколько возможно, положительными указаніями закона. Еще въ 1880 г. предполагалось принять за правило, что въ очередные списки должны быть включаемы, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ общему числу присяжныхъ данной мѣстности, лица, получившія высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе. Къ сожалѣнію, это предположеніе не получило силы закона. Аналогичный образъ дѣйствій рекомендуется коммиссіямъ въ руководящемъ рѣшеніи Прав. Сената (по общему собранію кассац. д-товъ 1880 г. № 33); но рекомендація и положительное предписаніе закона—далеко не одно и тоже, въ особенности когда на практикѣ замѣчается стремленіе уменьшить тяжесть повинности для болѣе достаточныхъ, а слѣдовательно, говоря вообще, и болѣе образованныхъ классовъ общества... Всего лучше было бы, быть можетъ, составлять нѣсколько списковъ, между которыми присяжные распредѣлялись бы по степени образованія, съ тѣмъ, чтобы въ составъ присутствія входило каждый разъ, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, по нѣскольку лицъ изъ каждаго

списка; иначе можетъ случиться, что по одному дѣлу въ составъ присутствія войдутъ всѣ наличные образованные люди изъ числа присяжныхъ, по другому—не войдетъ никто изъ нихъ.

Никакія перемѣны къ лучшему въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ право и обязанность быть присяжнымъ, и въ порядкѣ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, не приведутъ къ желанной цѣли, если не будетъ обезпечено дѣйствительное исполненіе повинности, установляемой закономъ. Весьма цѣлесообразны мѣры, проектированныя въ этихъ видахъ совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ. Чтобы воспрепятствовать должностнымъ лицамъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжнаго, совѣщаніе признало необходимымъ заблаговременно извѣщать начальство о чиновникахъ, внесенныхъ въ очередные списки, и требовать точнаго обозначенія предмета и срока командировокъ и особыхъ порученій по службѣ, выставляемыхъ какъ препятствіе къ явкѣ на судъ. Оно высказалось, далѣе, въ пользу усиленія штрафовъ за неявку и рекомендовало прокурорскому надзору серьезную борьбу съ лживыми и фиктивными свидѣтельствами о болѣзни... Чѣмъ строже требуется исполненіе извѣстной обязанности, тѣмъ больше должна быть гарантирована возможность ее исполнить. Законъ 1887 г. устранилъ изъ числа присяжныхъ лицъ, „впавшихъ въ крайнюю бѣдность"; но явиться, въ качествѣ присяжнаго, въ болѣе или менѣе отдаленный городъ и прожить тамъ нѣсколько дней или недѣль—тяжело не для однихъ только совершенныхъ бѣдняковъ. Исходя изъ этого убѣжденія, совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ высказалось за предоставленіе присяжнымъ-крестьянамъ вознагражденія изъ земскихъ средствъ. Мы думаемъ, что это вознагражденіе должно быть отнесено къ числу *обязательныхъ* земскихъ расходовъ и что право на его полученіе слѣдуетъ признать не за одними только крестьянами, а за всякимъ присяжнымъ засѣдателемъ, безъ различія сословій и состояній. Достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что просить о вознагражденіи будутъ только дѣйствительно нуждающіеся, должна служить умѣренность вознагражденія, разсчитаннаго только на покрытіе самыхъ необходимыхъ расходовъ.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, имѣющій весьма серьезное значеніе: о *спеціальныхъ* присяжныхъ. Отлагаемъ его до другого обозрѣнія.

Одинъ изъ новоявленныхъ „реформаторовъ" суда присяжныхъ, г. Закревскій, напечаталъ въ „Юридической Газетѣ" рядъ статей, озаглавленныхъ болѣе претенціозно, чѣмъ точно: „Въ заключеніе преній о судѣ присяжныхъ". Пренія по вопросу, столь близко затро-

гивающему интересы правосудія, едва-ли кто-либо признаетъ уже теперь „заключенными" или исчерпанными; они прекратятся и то, вѣроятно, только на время, развѣ тогда, когда приведенъ будетъ къ концу пересмотръ судебныхъ уставовъ. Менѣе всего призванъ „заключить" ихъ г. Закревскій, до сихъ поръ, очевидно, не свободный отъ личнаго раздраженія, послужившаго исходной точкой его нападокъ на судъ присяжныхъ. Его продолжаетъ тревожить мысль о какихъ-то „записныхъ любителяхъ" этого суда, „дѣйствія которыхъ не всегда согласуются съ рѣчами ихъ, возбуждающими, однако, сердца ихъ наивныхъ поклонниковъ обоего пола" (?!). Онъ приглашаетъ этихъ „любителей" „обнажить свои лица"; гораздо проще ему самому назвать ихъ по имени и указать, какія *дѣйствія* ихъ не согласуются съ ихъ рѣчами. Перебирая мысленно „записныхъ любителей" суда присяжныхъ, конечно, изъ числа нашихъ извѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, мы не можемъ припомнить ни одного, который скрывался бы подъ маской,—они всѣ защищали и защищаютъ судъ присяжныхъ совершенно открыто.

Весьма оригинальны соображенія, по которымъ г. Закревскій не захотѣлъ принять участія въ преніяхъ с.-петербургскаго юридическаго общества о судѣ присяжныхъ. „Я не прибылъ въ засѣданія общества,—говоритъ г. Закревскій,—прежде всего потому, что не чувствовалъ потребности въ чемъ-либо и предъ кѣмъ-либо оправдываться. Да кромѣ того я зналъ, что никого я тамъ убѣдить не могъ изъ числа многихъ энтузіастовъ, собравшихся для прославленія института присяжныхъ, и въ глазахъ которыхъ самые жидкіе доводы въ пользу института пріобрѣтали значеніе огромныхъ всесокрушающихъ боевыхъ орудій... Возражая, нужно было бы начать ab ovo. Дѣлать это мнѣ представлялось несоотвѣтственнымъ; равнымъ образомъ нарушать единодушіе демонстраціи, задуманной выдающимися русскими юристами въ пользу современной формы присяжнаго суда, быть какимъ-то trouble-fêt'омъ, какою-то мухою въ стаканѣ вина, я не хотѣлъ". Итакъ, г. Закревскій владѣетъ даромъ предвидѣнія: онъ зналъ заранѣе, что въ засѣданіи юридическаго общества явятся одни только „энтузіасты", безусловно преданные современной формѣ суда присяжныхъ, и что пренія о ней примутъ характеръ „демонстраціи", направленной въ ея пользу. Кромѣ г. Закревскаго, этого не зналъ никто. Въ спеціально-юридическихъ изданіяхъ появлялись, одна за другою, статьи, направленныя противъ „современной формы суда присяжныхъ", появлялись въ числѣ отнюдь не меньшемъ, чѣмъ статьи въ ея защиту. Правда, при совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ значительное большинство высказалось за нынѣшнее устройство суда присяжныхъ; но вѣдь съ тѣхъ поръ

прошелъ цѣлый годъ, въ продолженіе котораго именно и разыгралась агитація противъ этого устройства. О впечатлѣніи, ею произведенномъ, о степени распространенія ея, въ средѣ юристовъ возможны были только догадки. При такомъ положеніи дѣла постановка вопроса о судѣ присяжныхъ въ юридическомъ обществѣ могла имѣть только одну цѣль: всестороннее разъясненіе дѣла, путемъ столкновенія противоположныхъ мнѣній. Разсчитывать на „демонстрацію" въ пользу современной формы суда присяжныхъ не было рѣшительно никакихъ основаній. Если демонстрація, на самомъ дѣлѣ, произошла, то этому способствовалъ именно слишкомъ осторожный образъ дѣйствій противниковъ, блиставшихъ своимъ отсутствіемъ или молчаніемъ... Явясь въ засѣданіе и принявъ участіе въ преніяхъ, они были бы приняты не какъ trouble-fêt'ы, а какъ желанные гости—желанные въ особенности для тѣхъ, кому пришлось бы выдержать ихъ натискъ. Ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ имъ не пришлось бы оправдываться, отъ нихъ ожидали бы только дальнѣйшаго развитія взглядовъ, высказанныхъ въ печати, и откровенныхъ нападеній на тезисы и доводы докладчика и его союзниковъ. Еслибы эти доводы оказались „жидкими", тѣмъ легче было бы ихъ опровергнуть. Во всякомъ собраніи есть контингентъ колеблющихся людей, готовыхъ склониться на сторону побѣдителей—т.-е. на сторону тѣхъ, чья аргументація доказательнѣе, ярче, сильнѣе. Кто вѣритъ въ свою правоту, тотъ не можетъ, слѣдовательно, заранѣе считать борьбу безнадежной; для него нравственно-обязательна попытка отстоять свое мнѣніе. Засѣданіе ученаго общества—не юбилейное торжество, на которомъ неумѣстны диссонансы, споръ является здѣсь не „мухою въ стаканѣ вина", а самымъ виномъ—залогомъ движенія и жизни.

Возражать г. Закревскому по существу, въ виду всего сказаннаго въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ, мы считаемъ ненужнымъ; отмѣтимъ только нѣкоторыя неточности и странности его аргументаціи. Усиленіе репрессіи суда присяжныхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ статистика, г. Закревскій приписываетъ закону 9 іюля 1889 г., изъявшему изъ вѣденія присяжныхъ именно тѣ дѣла, по которымъ они всего чаще произносили оправдательные приговоры. Между тѣмъ процентное отношеніе обвинительныхъ приговоровъ, наиболѣе низкое въ 1883 г. (56,6%), стало повышаться уже въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ 1889 г., когда дѣйствіе новаго закона обнаруживаться еще не могло—дошло до 63% (въ 1890 и 1891 г. 66%). Категоріи преступленій, изъятыхъ изъ вѣденія присяжныхъ, довольно многочисленны, но въ каждой изъ нихъ число дѣлъ невелико, и уже по тому одному въ реформѣ 1889 г. нельзя искать ни единственнаго, ни даже главнаго объясненія усилившейся репрессіи. Гораздо боль-

шее вліяніе могъ оказать, въ этомъ отношеніи, законъ 1884 г., ограничившій право отвода присяжныхъ и упорядочившій составленіе списковъ... Что усиленіе репрессіи, само по себѣ взятое, есть безусловное благо—этого никто, во время полемики о судѣ присяжныхъ, не утверждалъ, и г. Закревскому не было никакой надобности приводить, въ доказательство противнаго, слова Наполеона I-го. Мы желали бы знать, однако, согласенъ ли г. Закревскій съ основною мыслью, выраженною императоромъ? Наполеонъ находилъ, что „для деспотическаго правительства гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ присяжными, чѣмъ съ судьями, которыми оно менѣе располагаетъ и которые всегда болѣе склонны оказывать ему извѣстнаго рода противодѣйствіе; самыя ужасныя судилища имѣли присяжныхъ“. Болѣе вопіющей неправды нельзя себѣ и представить. Кто оказывалъ противодѣйствіе деспотизму Карла I-го—присяжные или судьи звѣздной палаты? Если присяжные временъ Іакова II-го запятнали себя жестокостью, то развѣ главнымъ виновникомъ ея не былъ коронный судья Джеффрейзъ? Развѣ не въ лондонскихъ присяжныхъ нашла, наконецъ, преграду волна реакціи, когда ихъ суду были преданы семь епископовъ англиканской церкви? Развѣ присяжные были орудіями судебныхъ злодѣйствъ, ознаменовавшихъ отмѣну нантскаго эдикта? Развѣ въ парламентахъ, осудившихъ Каласа и Ла-Барра, засѣдали присяжные? Если деспотическое правительство меньше располагаетъ судьями, чѣмъ присяжными, то почему же временное торжество деспотизма всегда и вездѣ влекло за собою временную или частичную отмѣну суда присяжныхъ (припомнимъ превотальные суды временъ реставраціи и смѣшанные суды въ декабрѣ 1851 г.)? Почему передача проступковъ печати въ вѣденіе присяжныхъ всегда и вездѣ знаменовала собою увеличеніе суммы свободы, которою пользуется страна, и наоборотъ? Колоссальный софизмъ, высказанный Наполеономъ, можно объяснить развѣ воспоминаніемъ о парижскомъ революціонномъ трибуналѣ; но вѣдь если съ формальной точки зрѣнія авторами смертныхъ приговоровъ и были здѣсь присяжные, то настоящими ихъ виновниками являлись назначенные обвинители и судьи. Все это, безъ сомнѣнія, извѣстно и г. Закревскому—и мы затрудняемся понять, для чего ему понадобилась ссылка на рѣчь Наполеона I-го.

Говоря въ предыдущемъ обозрѣніи о введеніи судебной реформы въ Сибири, мы выразили сожалѣніе, что на этой окраинѣ Россіи, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, не признано возможнымъ дать мѣсто суду присяжныхъ [1]). Отрадно было узнать, что это ограниченіе не

[1]) Приводя подробности реформы со словъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (текстъ

принадлежитъ къ числу долговѣчныхъ. Государственный совѣтъ, находя, „что развитіе сибирскаго края за послѣдніе годы идетъ впередъ быстрыми шагами", призналъ, что „въ недалекомъ будущемъ наступить быть можетъ пора, когда представится возможность устроить судъ присяжныхъ, если не въ бо̀льшей части Сибири, то хотя бы въ западныхъ ея губерніяхъ" (см. „Русскія Вѣдомости", № 146). Реакціонная печать слишкомъ поторопилась поздравить Сибирь съ избавленіемъ отъ зла, тяготѣющаго надъ Европейской Россіей, слишкомъ поторопилась провозгласить, что судебная организація, данная Сибири, „болѣе совершенна", чѣмъ существующая въ коренныхъ русскихъ областяхъ (см. передовую статью въ № 147 „Московскихъ Вѣдомостей"). Мнимое „совершенство" оказывается недостаткомъ, съ которымъ высшее государственное учрежденіе мирится лишь на время. Остается надѣяться, что довершеніе реформы не заставитъ ждать себя такъ же долго, какъ самая реформа, и коснется, притомъ, не одной только западной Сибири, но и восточной: иркутская губернія, бо̀льшая часть Енисейской, Забайкальская область едва ли въ чемъ-нибудь уступаютъ, по степени развитія, губерніямъ тобольской и томской... Если по вопросу о судѣ присяжныхъ Государственный Совѣтъ ограничился указаніемъ на возможную близость лучшаго будущаго, то другое основное начало судебной реформы, не менѣе важное, ему удалось отстоять въ настоящемъ. Министерство юстиціи предполагало допустить для Сибири нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о несмѣняемости судей; Государственный Совѣтъ не нашелъ къ тому достаточныхъ основаній. Именно въ Сибири, по его мнѣнію, „не только желательно, но совершенно необходимо видѣть судей въ положеніи возможно независимомъ", такъ какъ именно тамъ „вслѣдствіе издавна укоренившихся привычекъ имѣютъ мѣсто постороннія вліянія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ". Самостоятельность судей составляетъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, „одно изъ самыхъ надежныхъ ручательствъ безпристрастнаго отправленія правосудія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ главныхъ условій правильнаго судоустройства". Эти глубоко вѣрныя слова позволяютъ надѣяться, что принципъ несмѣняемости судей останется невредимымъ и при общемъ пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Разрѣшеніе сравнительно маловажныхъ дѣлъ возложено въ Сибири, какъ и въ Архангельской губерніи, на мировыхъ судей, назначаемыхъ

закона 18 мая въ моментъ составленія іюньскаго обозрѣнія не былъ еще распубликованъ), мы повторили ихъ ошибку: окружныхъ судовъ въ Сибири открывается не пять, а восемь (кромѣ названныхъ нами—еще въ Якутскѣ, Благовѣщенскѣ и Владивостокѣ), и къ округу казанской судебной палаты причисляется, изъ сибирскихъ губерній, только одна тобольская (а не томская).

министромъ юстиціи и исполняющихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности судебныхъ слѣдователей. При первоначальномъ обсужденіи законопроекта о сибирской судебной реформѣ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ возбуждено было предположеніе о введеніи въ Сибири земскихъ начальниковъ, которые соединили бы съ завѣдываніемъ дѣлами крестьянскаго управленія отправленіе правосудія по всѣмъ дѣламъ, неподсуднымъ окружному суду. Предположеніе это, отъ котораго отказалось впослѣдствіи само министерство внутреннихъ дѣлъ, было признано „не выдерживающимъ внимательнаго и безпристрастнаго разбора", по слѣдующимъ соображеніямъ: „въ основѣ учрежденія земскихъ начальниковъ лежитъ мысль сдѣлать лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства хранителями мира и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ Сибири не только о помѣстномъ дворянствѣ, но даже объ интеллигентномъ землевладѣніи нѣтъ и помину и, стало быть, въ роли земскихъ начальниковъ — судей съ весьма обширною судебно-юридическою компетенціею, — могли бы явиться только пришлые искатели должностей, даже безъ образовательнаго ценза, или тѣ же мѣстные административные чиновники, которые и теперь не всегда выгодно заявляютъ о себѣ въ должностяхъ окружныхъ исправниковъ и земскихъ засѣдателей". Само собою разумѣется, что этими доводами не убѣждается реакціонная печать, въ глазахъ которой судебно-административныя учрежденія, созданныя въ 1889 г., являются послѣднимъ словомъ государственной мудрости, всегда и вездѣ одинаково примѣнимымъ и одинаково благотворнымъ. „Московскія Вѣдомости" очень жалѣютъ о Сибири, лишаемой „чрезвычайно цѣнимыхъ населеніемъ учрежденій"— учрежденій, которыя успѣли уже принести „превосходные результаты въ губерніяхъ пермской, вятской, оренбургской, по своимъ условіямъ весьма схожихъ съ нѣкоторыми сибирскими областями". Сходства условій, указываемаго московскою газетой, мы не отрицаемъ — но оно приводитъ насъ къ прямо противоположному заключенію. Тѣ же самыя основанія, по которымъ земскіе начальники признаны не подходящими для Сибири, говорятъ, въ нашихъ глазахъ, противъ существованія ихъ въ недворянскихъ губерніяхъ европейской Россіи. Гдѣ нѣтъ помѣстнаго дворянства, тамъ, понятно, не можетъ быть и рѣчи о призывѣ лучшихъ его представителей къ охраненію мира и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ. Скажемъ болѣе: если такова цѣль учрежденія земскихъ начальниковъ, то она далеко не всегда достигается и въ дворянскихъ губерніяхъ. И здѣсь, какъ извѣстно, весьма много земскихъ начальниковъ назначенныхъ, т. е. избранныхъ министерствомъ не изъ среды мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ и не по соглашенію съ мѣстными предводителями дворянства. Это могло казаться

нормальнымъ, пока raison d'être новаго учрежденія усматривалась въ характерѣ предоставленной ему власти; но если его *основой* признается тѣсная связь съ помѣстнымъ дворянствомъ, то аномалія, нами подчеркнутая, становится совершенно очевидной. Во всякомъ случаѣ теперь нельзя уже утверждать, что „организація административно-судебныхъ учрежденій, съ ея основнымъ положеніемъ о назначеніи должностныхъ лицъ отъ правительства [1]), *является вполнѣ приспособляемою къ самымъ разнообразнымъ условіямъ быта какой бы то ни было изъ нашихъ окраинъ*" („Московскія Вѣдомости", № 147). Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 13 мая, признана, наоборотъ, *неприспособляемость* ея къ значительной части имперіи. Несравненно болѣе эластичными оказываются судебно-мировыя учрежденія, и это одно служитъ гарантіей повсемѣстнаго ихъ распространенія.

---

[1]) Назначеніе отъ правительства нельзя считать *основнымъ положеніемъ* реформы 1889 г. уже потому, что оно примѣнимо и къ должностямъ чисто судебнымъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1896 г.

Турецкія дѣла и турецкая политика.—Оффиціальное благополучіе въ Арменіи и на островѣ Критѣ.—Дипломатія Порты и великихъ державъ.—Вопросъ о турецкихъ реформахъ.—Заявленія графа Голуховскаго.—Политическія дѣла въ Англіи и Германіи.

Въ турецкой Арменіи, по оффиціальнымъ сообщеніямъ Порты, водворилось сравнительное спокойствіе. Кое-гдѣ происходитъ еще рѣзня, о которой по обыкновенію аккуратно сообщаютъ англійскіе корреспонденты; въ Ванскомъ округѣ безчинствуютъ курды, но противъ нихъ двинуты войска, которыя по-своему возстановятъ порядокъ, въ турецкомъ смыслѣ этого слова. Крупныя битвы турецкихъ солдатъ съ безоружными жителями прекратились, благодаря великодушнымъ рѣшеніямъ и намѣреніямъ султана. Немногія турецкія газеты изображаютъ положеніе дѣлъ въ имперіи въ весьма привлекательномъ видѣ: повсюду царствуетъ благополучіе подъ управленіемъ добродѣтельныхъ и заботливыхъ пашей, о которыхъ никто не скажетъ—и не можетъ сказать — дурного слова; администрація въ точности исполняетъ мудрые приказы высшаго начальства и руководствуется въ своихъ распоряженіяхъ единственно лишь интересами справедливости, согласно волѣ падишаха, и если гдѣ-нибудь случаются безпорядки или беззаконія, то только подъ вліяніемъ коварныхъ иноземныхъ интригъ. Не будь иностраннаго контроля и вмѣшательства, не будь заграничной печати и ея корреспондентовъ, въ Европѣ ничего не знали бы объ армянскихъ избіеніяхъ, или эти избіенія представлялись бы обычною законною расправою съ бунтовщиками.

Въ Турціи, къ несчастію, очень часто повторяются возстанія, которыя приходится усмирять военною силою. Въ настоящее время, напримѣръ, волнуются греки на островѣ Критѣ, и турецкое правительство, при всемъ своемъ миролюбіи, вынуждено употреблять противъ нихъ оружіе. Изъ-за чего же взволновались кандіоты? Конечно, изъ-за пустяковъ, раздутыхъ злоумышленными людьми и враждебною иностранною печатью. Опять оживились толки о негодности турецкаго режима. Оттоманское правительство сочло своимъ долгомъ возстановить истину. „Нѣкоторыя газеты,—говорится въ турецкомъ оффиціальномъ сообщеніи, — напечатали преувеличенныя и даже фантастическія свѣденія о положеніи дѣлъ на островѣ Критѣ. Между тѣмъ факты заключаются въ слѣдующемъ. Въ Канеѣ произошелъ

инцидентъ, не имѣющій самъ по себѣ большого значенія. Кавасъ русскаго консульства, *безъ всякой причины*, убилъ наповалъ нѣкоего Эмина-эффенди, сидѣвшаго мирно передъ какою-то лавкою. Это неожиданное нападеніе произвело понятное замѣшательство. Шесть мусульманъ и около десяти христіанъ было убито или ранено, и этимъ дѣло окончилось. Турецкія власти, съ присущею имъ энергіею и предусмотрительностью, приняли всѣ необходимыя мѣры. Порядокъ былъ возстановленъ; временное возбужденіе, вызванное этимъ эпизодомъ, улеглось, и дальнѣйшихъ волненій не было". Таковъ оффиціальный разсказъ, сообщаемый въ „Times'ѣ". На бѣду однако существуетъ иностранная журналистика, не подчиненная турецкой цензурѣ и упорно разглашающая непріятные факты относительно оттоманской имперіи. О томъ же самомъ столкновеніи, по поводу котораго сообщены изъ Константинополя эти успокоительныя свѣденія, разсказывается нѣчто совершенно другое мѣстнымъ англійскимъ корреспондентомъ „Times'а". „Кавасы русскаго и греческаго консуловъ направлялись къ своимъ консульствамъ въ Галепѣ съ депешами, но въ пути, у мѣстечка Кале-Каписси, подверглись нападенію мусульманской толпы и *были убиты*. Говорятъ, что русскій кавасъ выстрѣлилъ изъ револьвера, когда былъ остановленъ толпою, и этимъ вызвалъ нападеніе. Полчище мусульманъ, на половину изъ солдатъ, бросилось тогда въ городъ и стало грабить христіанскія лавки. Христіане отвѣчали выстрѣлами изъ верхнихъ оконъ домовъ, и битва распространилась по улицамъ. Въ одномъ мѣстѣ мусульмане, разрушивъ аптечный магазинъ, ворвались въ квартиру христіанскаго семейства, жившаго въ верхнемъ этажѣ, и умертвили отца, мать и ребенка; двое дѣтей спаслись, и корреспондентъ узналъ отъ нихъ подробности этого злодѣянія. Всего убито 17 христіанъ и шесть ранено; мусульманъ убито три человѣка и ранено шесть. Въ теченіе ночи было разграблено турками еще четыре дома. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ 25 мая, всѣ лавки были закрыты, и жители попрятались, такъ что стычекъ не было до вечера. Двое христіанъ по дорогѣ въ Галепу были убиты солдатами; затѣмъ одинъ христіанинъ былъ убитъ кинжаломъ въ Кале-Каписси, и двое христіанъ умерщвлено солдатами близъ бараковъ города. Солдаты принимали вообще дѣятельное участіе почти во всѣхъ убійствахъ и грабежахъ. Они опустошили около пятнадцати лавокъ въ воскресенье. Небольшая схватка произошла еще во вторникъ, 27 мая, передъ самымъ прибытіемъ британскаго броненосца „Hood". Убитыхъ оказалось два человѣка, а раненыхъ пятеро. Съ тѣхъ поръ въ Канеѣ было спокойно". Итакъ, русскій кавасъ, убившій „безъ всякой причины" мирнаго мусульманина, былъ въ самомъ дѣлѣ по-

ставленъ въ необходимость обороняться отъ толпы мусульманъ и палъ жертвою происшедшаго столкновенія, о чемъ умолчало турецкое дипломатическое сообщеніе. „Times" справедливо осмѣиваетъ эту манеру оффиціальнаго замалчиванія и извращенія фактовъ, особенно когда дѣло касается мѣстностей, имѣющихъ непосредственныя телеграфныя сношенія съ Европою.

На Критѣ все спокойно, по увѣренію Порты, и въ то же время сами турецкія власти извѣщаютъ о рѣшеніи Порты отправить 16 батальоновъ войска для усмиренія критянъ. Кого же будутъ усмирять эти батальоны, если на островѣ все спокойно? Новый губернаторъ, Абдулла-паша, тотчасъ послѣ своего пріѣзда, послалъ три тысячи солдатъ противъ инсургентовъ, осаждавшихъ гарнизонъ Вамоса, и эта экспедиція достигла своей цѣли. Турки потеряли около 75 человѣкъ убитыми, сверхъ 40 раненыхъ. Рѣшено занять войсками всѣ стратегическіе пункты въ западной части острова и объявить осадное положеніе. Мусульманскіе обыватели вооружены и заодно съ солдатами „усмиряютъ" критянъ, т. е. жгутъ деревни, грабятъ и убиваютъ жителей. Между тѣмъ, съ оффиціальной точки зрѣнія на Критѣ все спокойно, если не считать горсти революціонеровъ, съ которыми расправляются войска. Турецкое посольство въ Парижѣ напечатало въ парижскихъ газетахъ отъ 13 іюня новыя извѣстія о критскихъ дѣлахъ: „Оттоманскія войска взяли блокгаузъ, занятый инсургентами близь мѣстечка Вуколисъ. Сношенія съ мѣстностями Канеи возстановлены, и полная безопасность господствуетъ въ этой области, гдѣ прежде возставшіе грабили и поджигали дома мусульманъ съ цѣлью побудить ихъ къ репрессаліямъ противъ христіанъ. У холмовъ Музли произошла стычка между турецкимъ отрядомъ и шайкою повстанцевъ, которая была разбита и разсѣяна. Нѣкоторые нотабли изъ христіанъ явились къ мѣстнымъ властямъ, чтобы именемъ своихъ единовѣрцевъ отречься отъ солидарности съ зачинщиками безпорядковъ и засвидѣтельствовать свою вѣрность правительству. Полное спокойствіе царствуетъ въ Канеѣ и въ окрестностяхъ". Рядомъ съ этой телеграммою печатается однако другая, полученная съ острова Крита черезъ Вѣну: „Абдулла-паша отправилъ въ округъ Кидоніи нѣсколько батальоновъ, которые сожгли мѣстныя деревни. То же самое сдѣлано въ Киссамо. Населеніе бѣжало въ горы". Это называется, на оффиціальномъ языкѣ, водворять спокойствіе и безопасность въ странѣ. По свѣдѣніямъ „Times'а", турецкія войска, освободившія мусульманское мѣстечко Вуколисъ отъ осаждавшихъ его инсургентовъ, должны были выдержать сильную борьбу и едва успѣли пройти обратно до берега, хотя получили отъ губернатора подкрѣпленіе изъ четырехъ батальоновъ съ нѣсколькими батареями артиллеріи; они грабили и

сожигали всѣ христіанскія селенія, встрѣчавшіяся имъ на пути, и пламя видно было съ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ гавани Канеи. Войска давно уже не получали жалованья; солдаты мѣстной жандармеріи сами заявляли, что жалованье не уплачивается имъ уже около года. Новые турецкіе отряды, высадившіеся въ Канеѣ, прибыли изъ Зейтуна, гдѣ они сражались съ армянами, и русскому консулу было дано знать, что они не скрываютъ своего намѣренія заняться въ Канеѣ грабежомъ при содѣйствіи мѣстныхъ мусульманъ. Солдаты открыто продаютъ вещи, взятыя ими у армянъ, и производится также публичная торговля вещами, награбленными въ критскихъ селахъ. На мѣстѣ утвердилось убѣжденіе, что въ случаѣ новыхъ безпорядковъ, солдаты будутъ дѣйствовать заодно съ мусульманскою чернью. Въ русскаго консула бросали камнями на дорогѣ между Галепою и Канеею; турецкіе офицеры смотрѣли на эту сцену одобрительно. По жалобѣ консула, губернаторъ велѣлъ арестовать виновныхъ, но затѣмъ отпустилъ ихъ, такъ какъ консулъ отказался отъ ихъ преслѣдованія. Въ концѣ мая тотъ же русскій консулъ, гуляя съ командиромъ русскаго крейсера, замѣтилъ, что стоявшій неподалеку турецкій солдатъ принялъ угрожающую позу и сталъ вырывать свое ружье изъ рукъ другого солдата. Когда консулъ сообщилъ объ этомъ инцидентѣ губернатору, послѣдній успокоилъ его объясненіемъ, что солдатъ просто хотѣлъ отдать ему честь по военному. Турецкія власти стараются смотрѣть сквозь пальцы на безчинства войскъ, ибо избіеніе и ограбленіе невѣрныхъ нисколько не противорѣчитъ понятіямъ и традиціямъ турецкихъ патріотовъ. Туркамъ было бы спокойнѣе, еслибы всѣ неблагонадежные элементы въ ихъ имперіи могли быть повально истреблены; но этому мѣшаютъ неугомонные представители великихъ европейскихъ державъ, съ которыми опасно ссориться. Приходится прибѣгать къ ложнымъ разъясненіямъ и обѣщаніямъ, чтобы оттянуть время и дать военной силѣ возможность, по крайней мѣрѣ отчасти, исполнить кровавое дѣло. Такъ было въ Арменіи, такъ предполагалось устроить и на островѣ Критѣ.

Въ началѣ іюня состоялось въ Канеѣ торжественное чтеніе султанскаго фирмана, которымъ Абдулла-паша утвержденъ въ должности гражданскаго и военнаго губернатора Крита. Вслѣдъ затѣмъ губернаторъ произнесъ маленькую рѣчь. „Нѣкоторые незначительные безпорядки,—по его словамъ,—возникли въ различныхъ мѣстностяхъ острова“, но онъ, губернаторъ, надѣется, что ему удастся возстановить спокойствіе и что всѣ благонамѣренные обыватели „покажутъ свою благодарность султану за его безпредѣльныя милости“. Нѣсколько дней спустя онъ призвалъ къ себѣ епископа, наиболѣе влія-

тельныхъ жителей Канеи и представителей многихъ критскихъ корпорацій, чтобы сообщить имъ содержаніе телеграммы, полученной отъ великаго визиря. Въ этой телеграммѣ выражено сожалѣніе султана о происшедшемъ на островѣ, съ пожеланіемъ скорѣйшаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ въ случаѣ добровольнаго подчиненія непокорныхъ законному правительству. Въ особой прокламаціи губернаторъ подтвердилъ, что предварительное сложеніе оружія инсургентами составляетъ необходимое условіе созыва критскаго законодательнаго собранія. „Рѣшившись,—говоритъ онъ,—не примѣнять суровыхъ мѣръ къ возставшимъ, Порта приглашаетъ ихъ изъявить полную покорность и обѣщаетъ остановить военныя дѣйствія, если они разойдутся спокойно по домамъ. Если они послѣдуютъ этимъ совѣтамъ, собраніе будетъ созвано немедленно, и всѣ ходатайства, согласныя съ закономъ, будутъ приняты благосклонно". Турецкія войска вмѣстѣ съ мусульманскими добровольцами грабятъ и жгутъ мирныя селенія, заставляя жителей ихъ бѣжать въ горы, а Порта важно говоритъ о необходимости покориться законнымъ властямъ, въ надеждѣ на милосердіе и справедливость султана. Подъ прикрытіемъ благозвучныхъ словъ о порядкѣ и безопасности, о великодушіи и милости, на критянъ напускаются баши-бузуки, не признающіе никакихъ законовъ, и губернаторъ принимаетъ тонъ серьезнаго правителя, когда подъ его начальствомъ и отъ его имени совершаются возмутительныя гнусности. Власти распорядились, чтобы ни одна телеграмма съ острова Крита не пропускалась безъ цензуры, и всѣ извѣстія, намекающія на истинное положеніе дѣлъ, задерживаются безъ церемоніи; такимъ образомъ мѣстная турецкая политика была бы обезпечена отъ назойливыхъ разоблаченій и могла бы извнѣ казаться вполнѣ благовидною, еслибы не было на мѣстѣ иностранныхъ наблюдателей, не подвластныхъ туркамъ. Консулы великихъ державъ въ Канеѣ обратились къ Абдулла-пашѣ съ протестомъ противъ его явнаго снисхожденія къ безчинствамъ турецкихъ войскъ, причемъ указали на многочисленные факты прямого или косвеннаго участія офицеровъ въ совершавшихся избіеніяхъ и поджогахъ. Губернаторъ отвѣтилъ, что онъ принялъ мѣры по поводу „нѣкоторыхъ злоупотребленій", допущенныхъ солдатами; онъ велѣлъ арестовать семь человѣкъ, обвиняемыхъ въ сожженіи двухъ селъ, и назначилъ военный судъ надъ офицерами, осквернившими христіанскія церкви въ одной мѣстности. Этимъ оффиціально признавалось, что случаи сожженія селъ и оскверненія церквей принадлежатъ къ числу исключительныхъ, хотя повсемѣстные способы дѣйствія такъ называемой турецкой арміи хорошо извѣстны. Военные отряды, посланные въ западные округа Крита, повсюду оставляли за собою разореніе и

опустошеніе; ихъ обратный путь въ Канею отмѣченъ „дымомъ горящихъ деревень“, по свидѣтельству очевидцевъ. Въ окрестностяхъ Ретимно устроенъ военный кордонъ, подъ предлогомъ предупрежденія грабежей и поджоговъ, а въ самомъ дѣлѣ для облегченія разрушительныхъ дѣйствій мѣстныхъ мусульманскихъ шаекъ. Банда въ 800 человѣкъ, возвращаясь изъ восточныхъ округовъ съ награбленною добычею, была настигнута христіанами и могла бы потерпѣть отъ нихъ сильный уронъ, еслибы не нашла защиты за турецкимъ военнымъ кордономъ. Цвѣтущія прежде области опустошаются съ безсмысленнымъ озлобленіемъ, а представители этой опустошительной системы говорятъ о безпредѣльныхъ милостяхъ султана, о покорности законному правительству, олицетворяемому баши-бузуками.

Изъ-за чего въ сущности бьются кандіоты? Они домогаются права жить и существовать не по волѣ турецкихъ пашей; они хотятъ обезпечить себѣ безопасность отъ насилій и произвола, отъ грабежа и угнетенія; наконецъ, они вынуждены защищаться отъ враговъ, отнимающихъ у нихъ душевное и матеріальное спокойствіе. Нельзя спокойно жить въ странѣ, гдѣ беззаконіе возведено въ принципъ управленія, гдѣ всякій мелкій органъ власти можетъ распоряжаться судьбою обывателей и гдѣ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Исконная религіозная вражда между туземными христіанами и пришлымъ мусульманствомъ придаетъ только болѣе рѣзкій оттѣнокъ спеціальнымъ особенностямъ турецкаго режима. Въ періодъ своего могущества турки безпощадно расправлялись съ невѣрными подданными, истребляя ихъ массами при малѣйшей попыткѣ возстанія; теперь они должны считаться съ Европою и прибѣгаютъ къ разнымъ дипломатическимъ уловкамъ, для оправданія своихъ дѣйствій или упущеній. Оффиціальная ложь служитъ обычнымъ орудіемъ правительствъ, не чувствующихъ подъ собою твердой почвы, и въ этомъ отношеніи беззастѣнчивая лживость все болѣе входила въ нравы и традиціи Порты, по мѣрѣ политическаго упадка Оттоманской имперіи. Маскировать старую практику хорошими словами и обѣщать разныя уступки, не думая объ исполненіи,—въ этомъ заключается главное искусство современной турецкой политики.

Критяне нѣсколько разъ порывались освободиться отъ несноснаго ига: во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ они едва не достигли своей цѣли, но въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ и упорныхъ битвъ, подвергались кровавому разгрому при оффиціальномъ равнодушіи и даже одобреніи тогдашней европейской дипломатіи. Войска пашей Измаила, Мустафы и Омера превратили многія мѣстности острова въ пустыню, разграбили города и села, истребили извѣстную часть населенія, съ женщинами и дѣтьми, — и то, что дипломаты глубоко-

мысленно называли принципомъ неприкосновенности правъ султана и сохраненіемъ status quo на Востокѣ, было соблюдено въ полной силѣ. Однако мысль объ автономіи Крита или о присоединеніи къ родственной Греціи не могла быть истреблена въ головахъ оставшихся жителей. Въ семидесятыхъ годахъ опять повторилась борьба, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Турки заняты были тогда болѣе серьезными дѣлами на Балканскомъ полуостровѣ; они имѣли предъ собою болѣе могущественныхъ враговъ, чѣмъ Кандія, и могли легко пожертвовать нѣкоторою долею своихъ привилегій въ пользу обывателей этого острова. Между предводителями критскихъ патріотовъ и турецкимъ правительствомъ устроилось соглашеніе, по которому мѣстное законодательное собраніе получаетъ опредѣленныя функціи и права въ дѣлахъ мѣстныхъ финансовъ и мѣстнаго управленія. На должность губернатора предполагалось назначать по преимуществу христіанина. Критяне стали серьезно пользоваться своими избирательными правами, и мѣстныя собранія старались положить конецъ невозможнымъ турецкимъ порядкамъ. Но иллюзія продолжалась не долго. Турки вовсе не думали отказываться отъ своего прежняго безконтрольнаго владычества; они постоянно нарушали права и интересы критянъ, не стѣсняясь обѣщаніями и уступками Порты. Недовольство возростало, питаемое все новыми посягательствами и насиліями со стороны властей. И опять повторяются жестокія сцены избіеній. Прибываютъ войска, только-что отличившіяся въ армянскихъ событіяхъ, и показываютъ критянамъ, какъ надо понимать и чувствовать „безпредѣльныя милости" султана. Дипломаты видятъ, что вмѣшаться необходимо, и пробуютъ дѣлать представленія Портѣ; консулы убѣждаютъ губернатора прекратить рѣзню, но Порта и ея губернаторы всегда имѣютъ наготовѣ успокоительныя дипломатическія формулы, при помощи которыхъ можно смѣло продолжать дѣйствовать по прежнему. Европейскіе представители, вынужденные оставаться на мѣстѣ въ роли безсильныхъ свидѣтелей событій, начинаютъ сами подвергаться опасности; заступничество ихъ за укрощаемыхъ христіанъ вызываетъ вражду турецкихъ патріотовъ, тѣмъ болѣе, что оно не подкрѣпляется никакою реальною силою. Командиры иностранныхъ броненосцевъ могутъ свободно слѣдить за пожарами и убійствами въ прибрежныхъ мѣстахъ, но обязаны воздерживаться отъ оказанія активной помощи бѣдствующимъ и погибающимъ. Есть что-то фальшивое и тяжелое въ этомъ безучастномъ присутствованіи представителей вооруженной силы при сценахъ отчаянія, при поджогѣ селеній и бѣгствѣ преслѣдуемыхъ жителей; такія сцены часто бываютъ видны морякамъ съ какого-нибудь иноземнаго крейсера, но о вмѣшательствѣ не можетъ быть и рѣчи, въ

виду необходимости соблюдать нейтралитетъ. Подъ вліяніемъ продолжающихся безобразій, дипломатія становится все болѣе настойчивою и пытается формулировать положительныя требованія, отъ которыхъ нельзя уже отдѣлаться пустыми фразами. И на этотъ разъ дипломаты, дѣйствовавшіе сначала въ одиночку, успѣли наконецъ сговориться: послы великихъ державъ въ Константинополѣ, 23 іюня, коллективно обратились къ султану съ предложеніемъ удовлетворить законныя требованія критянъ, а именно назначить христіанскаго губернатора, объявить амнистію инсургентамъ и немедленно созвать критское собраніе. Послѣднее требованіе было предупреждено Портою, которая еще раньше передала Абдулла-пашѣ приказъ султана созвать собраніе на ближайшій понедѣльникъ, 29 (17) іюня. Этотъ созывъ народныхъ представителей, при полномъ владычествѣ башибузуковъ надъ ними самими и ихъ семействами, представляетъ одну изъ тѣхъ кровавыхъ шутокъ, которыя Турція уже не первый разъ преподноситъ европейской дипломатіи. Абдулла-паша будетъ по-своему умиротворять Кандію, и его войска за одно съ мусульманскими патріотами сожгутъ и разграбятъ, какъ можно больше, христіанскихъ селъ, въ то время какъ въ Канеѣ, подъ руководствомъ того же Абдулла-паши, будутъ совѣщаться выборные представители Крита относительно способовъ обезпеченія общаго благополучія на островѣ. Явятся ли какіе-нибудь представители въ Канею при подобныхъ обстоятельствахъ? Понятно, что явиться могутъ только подставные депутаты, въ родѣ тѣхъ, которые послѣ прибытія новаго губернатора выражали ему чувства преданности отъ имени благонамѣренныхъ христіанъ. Объявленіе амнистіи также значило бы очень мало, пока фактически власть оставалась бы въ рукахъ такихъ дѣятелей, какъ Абдулла-паша и его помощники. Отозваніе турецкихъ войскъ изъ внутреннихъ мѣстностей Крита и назначеніе губернатора изъ христіанъ могли бы вѣроятно успокоить населеніе, но не надолго; самый энергическій и добросовѣстный губернаторъ, — а такой едва ли найдется на турецкой службѣ, — не справится съ злоупотребленіями, присущими турецкой администраціи и турецкимъ военнымъ порядкамъ. Представители великихъ державъ должны были бы выговорить для себя участіе въ выборѣ кандидатовъ на постъ критскаго губернатора; но и въ этомъ случаѣ нельзя было бы ручаться за то, что избранный кандидатъ будетъ въ состояніи исполнять свои обязанности въ духѣ справедливости и миролюбія, пока его дѣйствія будутъ зависѣть отъ распоряженій Порты и отъ случайныхъ, внушаемыхъ придворными интриганами, приказовъ султана.

Остается еще сдѣлать послѣдній шагъ, единственно разумный и цѣлесообразный даже съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ самой

Турціи, — предоставить Криту полную и дѣйствительную автономію, подъ властью особаго выборнаго правителя, утвержденнаго султаномъ и великими державами, съ назначеніемъ извѣстной ежегодной дани въ пользу Оттоманской имперіи. Нѣтъ другого практическаго выхода изъ затрудненій и бѣдствій, вызываемыхъ ненормальнымъ положеніемъ Кандіи. Критяне достаточно натерпѣлись, чтобы заслужить отъ Европы такого же вниманія, какое выпало на долю Самоса еще въ 1832 году. Островъ Самосъ уже въ теченіе болѣе полустолѣтія пользуется самоуправленіемъ, подъ главенствомъ князя греческаго происхожденія, назначаемаго Высокою Портою, съ уплатою ежегодной дани въ тридцать тысячъ піастровъ; это вассальное княжество, не причиняющее съ тѣхъ поръ никакого безпокойства ни туркамъ, ни европейскимъ дипломатамъ, находится подъ охраною трехъ державъ, Франціи, Англіи и Россіи, согласно лондонскому протоколу 11-го декабря 1832 года. Еслибы Критъ былъ поставленъ въ одинаковое положеніе съ Самосомъ, онъ не только избавился бы разъ навсегда отъ хроническихъ замѣшательствъ и частныхъ кровопролитій, но перестал бы также служить источникомъ безплодныхъ жертвъ и усилій для турецкаго правительства. Каждое „усмиреніе" критянъ обходится Портѣ очень дорого и вовлекаетъ ее въ непосильныя военныя затраты въ виду возможной войны съ Греціею или съ другими христіанскими державами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно ставитъ на очередь общій вопросъ о рѣшительной негодности турецкой правительственной системы и о необходимости коренного ея преобразованія, ради сохраненія общаго европейскаго мира,—вопросъ крайне щекотливый и тягостный для оттоманскихъ патріотовъ. Ничего этого не было бы, еслибы дипломатія побудила Турцію освободиться отъ бремени управленія Критомъ. То же самое надлежало сдѣлать и относительно турецкой области, населенной армянами. Къ сожалѣнію, европейская дипломатія, привыкшая подавать свой голосъ и дѣйствовать на Востокѣ отъ имени всей просвѣщенной Европы, гораздо болѣе озабочена взаимными счетами кабинетовъ и даже соображеніями простого самолюбія, чѣмъ общими интересами прочнаго мира и потребностями бѣдствующихъ населеній турецкихъ земель.

Безсиліе такъ называемаго совмѣстнаго вмѣшательства европейской дипломатіи сказалось какъ нельзя яснѣе въ злополучномъ армянскомъ дѣлѣ. Державы имѣли формальное право вмѣшаться въ это дѣло на основаніи берлинскаго трактата, обязавшаго Порту ввести извѣстныя реформы въ Анатоліи, точно такъ же, какъ всякое вообще заступничество за христіанскія области Турціи опиралось и опирается на постановленія парижскаго трактата, поставившаго Оттоманскую имперію подъ охрану великихъ европейскихъ государствъ. Что

же вышло изъ продолжительныхъ переговоровъ и ходатайствъ о турецкихъ реформахъ въ Арменіи? Можно сказать, что все осталось по старому въ армянскихъ округахъ, послѣ опустошенія многихъ мѣстностей и истребленія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ жителей. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ французскими и британскими консулами, американскими миссіонерами и католическимъ духовенствомъ, въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи насчитывается не менѣе полумилліона человѣкъ, съ женщинами и дѣтьми, пострадавшихъ отъ турецкой расправы и нуждающихся въ самомъ необходимомъ; многія тысячи изъ нихъ остались безъ крова и пищи. Лондонскій комитетъ вспомоществованія потерпѣвшимъ армянамъ, подъ предсѣдательствомъ герцога Вестминстерскаго, собралъ около пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ (до полумилліона рублей) для распредѣленія между наиболѣе нуждающимися семьями при ближайшемъ участіи британскаго посла въ Константинополѣ, сэра Филиппа Керри, и его мѣстныхъ агентовъ. Частная благотворительность, особенно англійская, дѣлаетъ сколько можетъ; она временно облегчаетъ бѣдствія пострадавшихъ, но она не въ силахъ обезпечить турецкихъ армянъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ и улучшить общее положеніе дѣлъ въ краѣ. Послѣднее было задачею дипломатіи, и эта задача осталась совершенно неисполненною. Представители державъ едва добились того, чтобы въ Зейтунѣ, который тщетно осаждали турецкія войска, назначенъ былъ христіанскій губернаторъ, какъ обѣщала Порта при переговорахъ съ инсургентами, черезъ посредство консуловъ, объ условіяхъ сдачи этого пункта турецкимъ властямъ. Дипломаты отлично понимали, что безполезно говорить объ административныхъ реформахъ въ Турціи при существующемъ характерѣ государственнаго строя и управленія имперіи, и тѣмъ не менѣе вопросъ о реформахъ серьезно обсуждался до тѣхъ поръ, пока его не сдали въ архивъ. Любопытнѣе всего, что нѣкоторые изъ политическихъ дѣятелей Европы, какъ, напримѣръ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, прямо ставятъ себѣ въ заслугу это сохраненіе печальнаго status quo на Востокѣ.

Объясненія, представленныя графомъ Голуховскимъ 9 іюня (нов. ст.) въ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи, кажутся намъ въ этомъ смыслѣ весьма поучительными. Преемникъ графа Кальноки выражаетъ особенное удовольствіе по поводу того, что во время послѣднихъ событій (въ Турціи) Россія „категорически высказалась въ пользу сохраненія status quo и точнаго соблюденія существующихъ договоровъ“; онъ забываетъ только прибавить, что Россія очевидно высказалась въ этомъ духѣ единственно лишь для избѣжанія разногласій и споровъ между кабинетами, въ виду извѣстнаго всѣмъ на-

правленія австрійской политики и странныхъ попытокъ отдѣльнаго вмѣшательства Англіи. Графъ Голуховскій заявляетъ, что Австро-Венгрія стремится „къ упроченію порядковъ, установленныхъ на Востокѣ международными договорами, къ сохраненію существованія Турціи, къ поддержанію независимости, укрѣпленію и свободному развитію отдѣльныхъ балканскихъ государствъ, къ сохраненію съ ними дружественныхъ связей, и наконецъ къ исключенію преобладающаго вліянія какой-либо одной державы въ ущербъ другимъ". Въ частности, въ армянскомъ вопросѣ Австро-Венгріи удалось, по ея собственной иниціативѣ и при помощи общаго миролюбія державъ, предупредить опасность „общаго столкновенія", и это обстоятельство, по мнѣнію министра, составляетъ несомнѣнную заслугу вѣнской дипломатіи. Другими словами, благодаря премущественно заботамъ Австро-Венгріи, устранено было положительное участіе державъ въ облегченіи судьбы турецкихъ армянъ и дипломатическіе толки объ европейскомъ заступничествѣ сведены къ нулю. Въ то же время министръ называетъ армянскіе ужасы постыднымъ пятномъ въ исторіи текущаго столѣтія, тогда какъ оставленіе этихъ ужасовъ безъ послѣдствій со стороны европейской дипломатіи дѣлаетъ будто бы честь австрійской политикѣ. Турція, по словамъ графа Голуховскаго, должна въ благодарность за свое спасеніе честно ввести и осуществить необходимыя реформы, такъ какъ иначе она не можетъ держаться прочно и сохранить за собою поддержку Европы; но самъ же министръ замѣчаетъ, что при продажномъ турецкомъ управленіи недостаетъ тѣхъ органовъ, которые способны были бы провести какія-нибудь желательныя реформы, и что „тягостныя неудобства" турецкой правительственной системы крайне затрудняютъ мирное разрѣшеніе кризисовъ, періодически возникающихъ въ Оттоманской имперіи. Такимъ образомъ Порта приглашается сдѣлать то, чего она не въ силахъ сдѣлать, и подобное приглашеніе, при всей суровости тона австрійскаго министра, оказывается безцѣльнымъ. Отзывъ графа Голуховскаго о турецкомъ управленіи не можетъ быть пріятенъ въ Константинополѣ, но онъ находится въ явномъ противорѣчіи съ признаніемъ благотворности сохраненія status quo и съ выводомъ о добровольныхъ реформахъ, неосуществимыхъ при этомъ турецкомъ управленіи. Среди такихъ внутреннихъ противорѣчій и безсодержательныхъ дипломатическихъ формулъ вращается вся рѣчь австрійскаго министра. Онъ высказываетъ свои идеи съ замѣчательнымъ самодовольствомъ, какъ будто Австро-Венгрія достигла великихъ результатовъ въ дѣлѣ умиротворенія отдѣльныхъ областей Турціи и надежнаго обезпеченія ея будущихъ судебъ. При господствѣ этихъ идей внутренніе кризисы въ

Турціи будутъ повторяться непрерывно и будутъ всегда грозить „общимъ европейскимъ столкновеніемъ", такъ что Австро-Венгріи придется постоянно спасать Европу отъ войны по своей собственной инициативѣ и при содѣйствіи миролюбія другихъ великихъ державъ; тогда и заслуга, отъ частаго повторенія, перестанетъ быть заслугою, а окажется, пожалуй, чѣмъ-то совершенно другимъ. Нельзя не замѣтить также, что предупреждать „общее столкновеніе" чрезвычайно легко при миролюбіи другихъ заинтересованныхъ государствъ, ибо никакого серьезнаго столкновенія произойти не можетъ, если всѣ державы миролюбивы. Трудно согласиться съ тѣмъ, что прочный миръ обезпечивается заботливымъ поддержаніемъ такого порядка вещей, при которомъ обязательно возникаютъ чуть ли не каждый годъ опасныя политическія осложненія, угрожающія общему европейскому миру. Впрочемъ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ находитъ, что ничто не грозитъ миру Европы, пока австрійская монархія твердо придерживается германскаго союза, ставшаго для нея „второю природою", и пока всѣ остальныя великія державы, особенно Россія, проникнуты искреннимъ миролюбіемъ. Словомъ, все идетъ прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а что касается милліоновъ турецкихъ христіанъ, то для нихъ дипломатія графа Голуховскаго имѣетъ въ запасѣ старое испытанное средство или, вѣрнѣе, словечко—status quo.

Политика нынѣшняго англійскаго правительства всего менѣе можетъ быть названа безцвѣтною, подобно австрійской; напротивъ, она даже слишкомъ опредѣленна и рѣзка, но за то въ еще большей мѣрѣ подвергается неудачамъ,

Британскіе министры не берутъ на себя ни сохраненія общаго европейскаго мира, ни безкорыстныхъ заботъ о status quo относительно Турціи; они вообще избѣгаютъ дипломатическихъ условностей и шаблоновъ, которымъ вѣнскій кабинетъ придаетъ такое серьезное значеніе. Они справедливо полагаютъ, что единственная задача ихъ —соблюденіе интересовъ и выгодъ самой Англіи, такъ какъ завѣдывать дѣлами Европы они не уполномочены. Лордъ Сольсбери—дипломатъ по всей своей прошлой дѣятельности и по оффиціальному своему положенію, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ; притомъ онъ консерваторъ и даже глава англійскаго консерватизма,—и однако никто не назоветъ его рабомъ традицій. Онъ охранялъ Турцію и права султана, пока это было въ интересахъ британской имперіи; но, во-первыхъ, онъ никогда не возводилъ сохраненія status quo на степень общаго и неизмѣннаго принципа, а во-вторыхъ, онъ откровенно старался извлечь изъ занятаго положенія на Востокѣ какія-нибудь

реальныя выгоды для своей страны. По армянскому вопросу онъ готовъ былъ дѣйствовать противъ Порты рѣзче и энергичнѣе другихъ державъ, чтобы добиться положительныхъ уступокъ въ пользу малоазіатскихъ христіанъ; онъ выступилъ бы и за полную автономію Крита, еслибы могъ разсчитывать на согласіе и поддержку остальныхъ европейскихъ кабинетовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ онъ руководствуется соображеніями не объ Европѣ, а о Великобританіи. Англичанамъ ставятъ въ упрекъ эту корыстную разсчетливость ихъ политики; но обвиненія въ политическомъ своекорыстіи чаще всего свидѣтельствуютъ объ ошибочномъ или неясномъ взглядѣ на задачи правительства въ международныхъ дѣлахъ. Всякое правительство обязано заботиться о томъ, чтобы затраты, дѣлаемыя государствомъ, не пропадали даромъ, чтобы онѣ приносили пользу странѣ и народу. Отвлеченная дипломатія, не имѣющая въ виду реальныхъ потребностей государства, была бы ненужною и безцѣльною роскошью. Международная политика обходится націямъ чрезвычайно дорого, даже въ періоды полнаго затишья; она требуетъ огромныхъ ежегодныхъ расходовъ на содержаніе арміи и флота, на дипломатическое представительство, на посольства и консульства въ разныхъ пунктахъ земного шара. Весь этотъ сложный и дорого стоющій аппаратъ не оправдывалъ бы своего назначенія, еслибы служилъ только для неопредѣленныхъ заботъ объ общемъ европейскомъ мирѣ, котораго и безъ того никто не думаетъ нарушить. Дипломаты должны повсюду охранять и поддерживать интересы своего государства и народа, безъ ущерба для мирныхъ политическихъ связей и отношеній.

Такъ понимаютъ дѣло британскіе министры, и они были бы безусловно правы, еслибы твердо придерживались этой точки зрѣнія. Но нерѣдко они идутъ гораздо далѣе и безцеремонно разстраиваютъ международныя отношенія своей страны, ради кажущейся политической выгоды. Въ этомъ причина ихъ неудачъ. Рѣшеніе употребить резервныя суммы египетской кассы государственнаго долга на расходы по экспедиціи въ Донголу, вопреки формальнымъ протестамъ Франціи и Россіи, привело къ неожиданному результату. Смѣшанный судъ въ Каирѣ, къ которому французскіе владѣльцы египетскихъ бумагъ обратились съ требованіемъ взыскать съ правительства взятую изъ кассы внѣшняго долга сумму въ полъ-милліона фунтовъ стерлинговъ, рѣшилъ дѣло въ пользу истцовъ, т.-е. противъ египетской казны и прежде всего противъ Англіи. Англичане настолько привыкли считать себя хозяевами въ Каирѣ, что даже не сомнѣвались въ благопріятномъ рѣшеніи смѣшаннаго суда по иску французскихъ кредиторовъ Египта; но судебный приговоръ разсѣялъ эту иллюзію и нанесъ сильный нравственный ударъ министерству лорда Сольсбери.

Невниманіе къ протестамъ двухъ великихъ державъ оказалось напраснымъ; оно привело къ достойному возмездію. Рѣшеніе смѣшаннаго суда въ Каирѣ противъ господствующей надъ Египтомъ Англіи показываетъ также, какую важную и благотворную роль играетъ независимый судъ даже въ области политики. Дѣло перенесено еще въ высшую, апелляціонную инстанцію, но какова бы ни была дальнѣйшая развязка, впечатлѣніе первой неудачи не изгладится.

По поводу египетскихъ дѣлъ Англія отчасти обострила свои отношенія съ Франціею, безъ особенной къ тому надобности; по поводу Трансвааля она вступила въ раздражающія, хотя и невинныя, пререканія съ Германіею. Министръ колоній Чамберлэнъ потерпѣлъ полное фіаско въ своей южно-африканской политикѣ; торжество трансваальскаго президента, престарѣлаго Крюгера, признается и превозносится самими англичанами, иногда съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора. Четверо осужденныхъ въ Преторіи предводителей революціоннаго движенія выпущено на свободу, съ уплатою весьма значительной пени—по 25 тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ каждаго—и съ обязательствомъ не вмѣшиваться впредь въ политическія дѣла Трансвааля. Переходъ отъ смертной казни къ изгнанію и затѣмъ къ денежному штрафу былъ такъ умно разсчитанъ, что заключительная мѣра показалась уже необычайнымъ актомъ великодушія и произвела всеобщій восторгъ въ мѣстномъ англійскомъ населеніи. Сверхъ ожиданія, президентъ Крюгеръ, уничтожившій коварные планы Сесиля Родса и Джемсона относительно захвата Трансвааля англичанами, пріобрѣлъ огромную популярность въ Англіи и сдѣлался какъ бы героемъ дня. Союзники и единомышленники Сесиля Родса утѣшаются тѣмъ, что они хотѣли увеличить владѣнія и славу Великобританіи и что въ такомъ патріотическомъ предпріятіи не стыдно потерпѣть неудачу. Многіе однако судятъ иначе о набѣгѣ Джемсона, и во всякомъ случаѣ ни тѣ, ни другіе не могутъ быть довольны результатами.

Во внутреннихъ дѣлахъ также не везетъ министерству. Предводитель большинства въ палатѣ общинъ, первый лордъ казначейства Бальфуръ, племянникъ маркиза Сольсбери, не могъ до сихъ поръ провести въ парламентѣ ни одного изъ своихъ болѣе значительныхъ законопроектовъ. Внесенный имъ билль о народныхъ школахъ возбудилъ сильныя возраженія среди самой министерской партіи; онъ оказался недостаточно продуманнымъ и плохо составленнымъ, и послѣ горячихъ, десятидневныхъ преній, правительство само рѣшило взять его обратно. Поправокъ къ этому биллю было заранѣе предложено гораздо больше тысячи (1238), и палата физически не могла бы успѣть покончить съ ними до окончанія сессіи. Предводитель оппо-

зиціи, сэръ Гаркортъ, все болѣе выростаетъ въ общественномъ мнѣніи; его рѣчи соединяютъ въ себѣ замѣчательную силу и гибкость аргументаціи съ трезвою дѣловитостью и съ легкимъ остроуміемъ. Кажется, какъ будто онъ выказываетъ всѣ свои дарованія только теперь, послѣ удаленія Гладстона, при которомъ онъ невольно держался въ тѣни; или, быть можетъ, его таланты были менѣе замѣтны, пока въ парламентѣ дѣйствовалъ самъ „великій старецъ". Какъ бы то ни было, Бальфуръ все чаще отступаетъ предъ старымъ Гаркортомъ.

Въ Германіи закончена обширная и важная работа: проектъ гражданскаго уложенія разсмотрѣнъ и одобренъ имперскимъ сеймомъ. Новое уложеніе вступитъ въ дѣйствіе съ начала двадцатаго вѣка, т. е. черезъ три съ половиною года. Такъ какъ кодексъ вырабатывался учеными нѣмецкими юристами, склонными къ абстрактнымъ опредѣленіямъ и формуламъ, то онъ не будетъ отличаться ясностью и жизненною простотою; но онъ впервые внесетъ въ національную жизнь Германіи юридическое единство, общность права, и въ этомъ нѣмецкіе патріоты видятъ великое значеніе предстоящей перемѣны. Единство права составляло издавна мечту ученой Германіи; еще въ началѣ столѣтія велись горячіе споры о кодификаціи, въ связи съ вопросомъ о размежеваніи элементовъ римскаго права и національно-германскаго,—но теперь завѣтная мечта многихъ нѣмецкихъ юристовъ превратилась въ тяжеловѣсный, объемистый трактатъ, наводящій уныніе не на однихъ только профановъ. Надъ выработкою этого кодекса работала спеціальная коммиссія въ продолженіе около двадцати лѣтъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1896.

— Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ. Томъ VI. Съ приложеніемъ портрета Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и 3-хъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. Томъ VII. Съ приложеніемъ собственноручныхъ рисунковъ Н. В. Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ (двухъ рисунковъ домика) Гоголя. Спб. 1896. Изданіе А. Ф. Маркса.

Двумя настоящими томами заканчивается изданіе сочиненій Гоголя, котораго первые пять томовъ изданы были подъ редакціей покойнаго Тихонравова. Въ свое время мы съ интересомъ слѣдили за этимъ изданіемъ, которое въ первый разъ давало сочиненія Гоголя въ ихъ полномъ объемѣ и съ обширнымъ комментаріемъ, гдѣ не только указывались различныя редакціи, въ какихъ являлись нѣкоторыя и особливо главнѣйшія изъ произведеній Гоголя, но вообще была выяснена исторія каждаго изъ этихъ произведеній, насколько она могла быть раскрыта по рукописямъ Гоголя, его письмамъ и другимъ даннымъ его біографіи. Толкователи и біографы Гоголя давно чувствовали важность этихъ вопросовъ о творчествѣ Гоголя, и давно уже дѣлались объ этомъ частныя изысканія и соображенія; въ настоящемъ изданіи собранъ весь наличный матеріалъ для выясненія этихъ вопросовъ, собранный въ „примѣчаніяхъ редактора", которыя подкрѣпляются также изданіемъ всѣхъ различныхъ редакцій и набросковъ произведеній Гоголя. Кто читалъ эти „примѣчанія" и обратилъ вниманіе на длинный подборъ варіантовъ въ рукописяхъ и различныхъ изданіяхъ Гоголя, тотъ пойметъ, какого тягостнаго труда стоило это изслѣдованіе текстовъ Гоголя; послѣ этой, чрезвычайно внимательно исполненной работы, будущимъ біографамъ данъ уже готовый матеріалъ свѣденій, по которымъ можетъ быть возстановлена исторія творчества Гоголя. Это изданіе останется одною

изъ важнѣйшихъ заслугъ Тихонравова для исторіи русской литературы.

Важность этого изслѣдованія исторіи творчества Гоголя объясняется исключительнымъ значеніемъ Гоголя въ развитіи нашей литературы и его исключительнымъ характеромъ какъ человѣка и писателя. Его дѣятельностью и ея результатами отмѣченъ цѣлый періодъ нашей новѣйшей литературы, особымъ отличіемъ котораго было именно развитіе сознательнаго отношенія къ дѣйствительности и въ смыслѣ критической оцѣнки ея явленій съ нравственно-общественной точки зрѣнія, и въ смыслѣ психологическаго анализа. Дѣйствіе, произведенное главнѣйшими созданіями Гоголя, было потрясающее, — въ иныхъ условіяхъ и оттѣнкахъ по силѣ такого впечатлѣнія съ Гоголемъ можно сравнивать въ прежнее время только Пушкина и Грибоѣдова, а позднѣе гр. Л. Н. Толстого; и для историка литературы становится важной задачей объяснить возникновеніе этого творчества и указать его основныя стихіи. Съ другой стороны, личный характеръ писателя былъ чрезвычайно своеобразный. Необычайное дарованіе оставалось неуравновѣшеннымъ, не имѣло опоры въ прочномъ образованіи и ясно опредѣлившемся міровоззрѣніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ было руководимо возвышенными идеалистическими стремленіями и чувствомъ общественной правды; путь его былъ въ значительной мѣрѣ подготовленъ Пушкинымъ, но тѣмъ не менѣе это были дарованія несоизмѣримыя, и во многихъ отношеніяхъ Гоголю приходилось самому отыскивать новую дорогу, къ которой влекли его глубокіе, иногда полусознаваемые инстинкты. Присоединялась, наконецъ, неподготовленность цѣлой литературы къ тому сильному содержанію, которое приносилъ съ собою Гоголь: напримѣръ, при всемъ могущественномъ дѣйствіи Пушкина на литературу, та область реальнаго изображенія жизни, въ которую вступалъ Гоголь, была еще областью новою, и въ первомъ необычайномъ успѣхѣ его произведеній, безъ сомнѣнія, играла свою роль эта новизна неиспытанныхъ ранѣе впечатлѣній. Наконецъ, еще одну отличительную черту Гоголя составляла его рѣдкая художественная заботливость: онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ художественный трудъ дается легко; напротивъ, онъ съ большими усиліями вырабатывалъ свои произведенія, въ которыхъ, повидимому, такъ легко передавались картины реальной дѣйствительности, такъ естественно велся разговоръ дѣйствующихъ лицъ... По всѣмъ этимъ отношеніямъ исторія творчества Гоголя представляетъ особенный интересъ не только для изученія его собственной писательской особенности, но и самой литературной эпохи. Относительно самого Гоголя мы можемъ наблюдать, сколько труда было имъ положено на

его произведенія, которыя въ своей окончательной формѣ представляются намъ такимъ яснымъ, свѣжимъ созданіемъ великаго таланта, въ которыхъ жизнь бьетъ ключемъ,—и однако при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что эта художественная простота и свѣжесть достигнуты усиленнымъ многолѣтнимъ трудомъ, не только надъ частностями, но надъ всѣмъ составомъ произведенія, которое въ первый разъ складывалось въ фантазіи писателя иногда въ совершенно иной постановкѣ сюжета, частью даже съ другими дѣйствующими лицами. Такова была работа Гоголя надъ той пьесой, которую мы знаемъ теперь подъ названіемъ „Женитьбы": эта пьеса писалась нѣсколько лѣтъ, много разъ переработывалась, пока наконецъ получила свою настоящую форму. Такая же многолѣтняя работа была посвящена „Ревизору". И даже окончивши свое произведеніе, давши ему печатную форму, Гоголь не удовлетворялся, и еще при жизни онъ далъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній въ двухъ редакціяхъ („Ревизоръ", „Портретъ", „Тарасъ Бульба").

Въ этомъ отношеніи, какъ мы сказали, изданіе, приготовленное Тихонравовымъ, дало, кажется, все, что́ можетъ быть сдѣлано для изученія текстовъ Гоголя. Онъ не успѣлъ кончить изданія и довершеніе его труда передано было г. Шенроку,—и едва ли кто-нибудь другой могъ довершить это дѣло съ такою преданностью своей задачѣ. Г. Шенрокъ давно уже извѣстенъ своими чрезвычайно добросовѣстными изученіями Гоголя и его произведеній; ближе чѣмъ кто-нибудь онъ понималъ всю важность труда, положеннаго Тихонравовымъ на изученіе литературнаго наслѣдія Гоголя, и приступилъ къ изданію двухъ послѣднихъ томовъ съ чувствомъ величайшаго уваженія къ труду своего предшественника; конечно, онъ поставилъ себѣ задачей докончить изданіе съ тѣми же пріемами самаго внимательнаго изученія всѣхъ малѣйшихъ подробностей въ печатныхъ изданіяхъ и рукописяхъ Гоголя.

При жизни Тихонравова напечатано было изъ VI тома 20 листовъ (меньшая его половина), окончаніе этого тома и VII томъ напечатаны г. Шенрокомъ. Въ VI томѣ, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ отрывковъ, мы находимъ цѣлый рядъ черновыхъ текстовъ, которые служатъ къ исторіи комедій: „Женитьбы" и „Ревизора", затѣмъ нѣсколько статей, относящихся къ учительству и профессорству Гоголя: программу лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ и выдержки изъ самыхъ лекцій, черновые наброски статьи „О движеніи журнальной литературы 1834 и 1835 года", первоначальную редакцію „Коляски", учебную книгу словесности для русскаго юношества, отрывки и наброски разныхъ лѣтъ, полный текстъ карманныхъ записныхъ книжекъ Гоголя съ 1841 года, наконецъ, обширныя „При-

мѣчанія редактора" и варіанты; Примѣчанія составлены г. Шенрокомъ, за исключеніемъ того, что сюда включенъ „Очеркъ исторіи текста Ревизора", принадлежащій Тихонравову.

Въ VII томѣ помѣщено двѣ полныхъ редакціи перваго тома „Мертвыхъ Душъ" до его окончательной обработки, и въ числѣ другихъ отрывковъ нѣсколько страницъ, передѣланныхъ Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, и вновь найденные наброски изъ перваго и второго тома Мертвыхъ Душъ. Въ обширныхъ „примѣчаніяхъ редактора" данъ очеркъ исторіи текста перваго тома Мертвыхъ Душъ (стр. 475—597) и затѣмъ подробное исчисленіе всѣхъ варіантовъ въ различныхъ редакціяхъ Мертвыхъ Душъ. Затѣмъ дано здѣсь подробное описаніе рукописей Гоголя, при чемъ изъ нихъ извлечено все, что́ не было помѣщено въ текстахъ настоящаго изданія. Наконецъ, страницъ полтораста занято подробнымъ указателемъ ко всѣмъ семи томамъ изданія, а именно, здѣсь находится хронологическій указатель сочиненій Гоголя (даже указатель годовъ, съ 1754 до 1895, упоминаемыхъ въ настоящемъ изданіи) и затѣмъ указатели именной и предметный, каждый отдѣльно, къ самымъ сочиненіямъ Гоголя и къ примѣчаніямъ редактора.

— Поступки и забавы императора Петра Великаго (запись современника). Сообщеніе В. В. Майкова. (Памятники древней письменности, CX). Спб. 1895.

Въ предисловіи къ этой небольшой книжкѣ, составляющей изданіе Общества любителей древней письменности, мы читаемъ, что въ 1774 году былъ напечатанъ въ Петербургѣ русскій переводъ сочиненія Димитрія Ѳеодози: „Житіе и славныя дѣла Петра Великаго", изданнаго впервые на славянскомъ языкѣ въ Венеціи въ 1772 году. Петербургское изданіе вышло въ двухъ томахъ въ четверку. Въ экземплярѣ этого изданія, пріобрѣтенномъ графомъ С. Д. Шереметевымъ и переданномъ въ библіотеку Общества любителей древней письменности, въ концѣ второй части приплетена небольшая рукописная тетрадка, писанная полууставомъ очень четко, всего 16 листовъ. Она содержитъ въ себѣ 14 разсказовъ о Петрѣ Великомъ. Тетрадка имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Я нижеподписавшійся описываю самовидное и вѣрно слышанное мною съ 1717 до 1725 годовъ, дѣла и поступки, и увеселительныя забавы славнаго, великаго императора Петра Алексѣевича, всея Россіи повелителя и милостивѣйшаго отца отечествія".

Эти разсказы въ своемъ цѣломъ составѣ до сихъ поръ не были изданы, но они были извѣстны нѣкоторымъ любителямъ русской исторіи и видимо по этой самой рукописи. Нѣкоторые изъ нихъ

помѣстилъ извѣстный С. Н. Глинка въ своемъ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1808 года, и потомъ въ „Русскихъ Анекдотахъ", 1822. Глинка называлъ и автора этой рукописи; это былъ, по его словамъ, Никита Ивановичъ Кашинъ, который „служилъ при Петрѣ Великомъ солдатомъ и умеръ въ сержантскомъ чинѣ. Любя чтеніе, онъ записывалъ все то, что видѣлъ и слышалъ о великомъ современникѣ своемъ. Рукопись свою присовокупилъ онъ къ печатной книгѣ, изданной 1764 года въ двухъ частяхъ, о Петрѣ Первомъ"; по смерти Кашина книги его достались сыну, отъ котораго переходили потомъ въ разныя руки. Въ 1822 году Глинка упоминаетъ, что послѣ московскаго разоренія ему нечаяннымъ случаемъ достался подлинникъ этихъ разсказовъ, а въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что книгу Ѳеодози вмѣстѣ съ рукописью Кашина онъ подарилъ въ библіотеку гвардейскаго штаба. Разсказы Кашина извѣстны были также Д. Н. Бантышъ-Каменскому, который привелъ нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли".

Изъ разсказовъ Кашина можно убѣдиться, что онъ дѣйствительно записываетъ не только „вѣрно слышанное", но и „самовидное", такъ какъ рѣчь идетъ иногда объ очень мелкихъ подробностяхъ, и по замѣчанію издателя они подтверждаются другими современными указаніями. Особенно важнаго въ нихъ нѣтъ, но они тѣмъ не менѣе очень любопытны, какъ свидѣтельство современника и очевидца, и самый языкъ разсказовъ любопытенъ по своеобразному складу Петровскаго времени. Приводимъ небольшіе образчики въ правописаніи подлинника:

„Сей велики императоръ, богочтецъ и хранитель уставовъ церковныхъ и вѣры содержатель твердой, всякое воскресенье и праздники неотмѣнно пріѣзжаетъ къ церкви Троицкой на Петербургскомъ острову противъ сенату и по входѣ въ церковь никогда въ парукѣ не входитъ, снявъ, отдаетъ денщику и становится на правой крылосъ и при немъ ево дворцовые пѣвчіе; и пѣніе производитъ четвероголосное, партесу не жаловалъ, а во время обѣдни самъ читалъ апостолъ, голосъ сиповатой, не тонокъ и не громогласенъ, лицомъ смуглъ, ростомъ не малымъ, сутуловатъ; когда отъ пристани идетъ до церкви, изъ народу виденъ по немалому росту, головою стряхивалъ: токмо одинъ ево великанъ цесарецъ выше былъ полуаршиномъ. Въ викторіальные дни пріѣзжалъ на верейкѣ, и у пристани во ожиданіи его величества привоженъ былъ въ уборѣ аргамакъ; и какъ изволитъ изъ верейки вытти, то поведутъ передъ нимъ аргамака до церкви; и по отпѣни обѣдни со всѣми министрами и генералы войдетъ въ питейскій домъ, что у Петропавловскихъ воротъ у мосту, самъ выкушаетъ анисной вотки и протчихъ всѣхъ пожалуетъ. Послѣ полудни въ опре-

дѣленной часъ всѣмъ министромъ и генераломъ и разыдентамъ чужестраннымъ и архіереемъ зборъ на Почтовой дворъ, и тутъ трактированы будутъ, и по времени потѣха огненная съ планами и ужинъ, а во дворцѣ того никогда не бываетъ". Едва ли ошибочно будетъ предположить, что и питейскій домъ, куда съ нимъ приходили всѣ министры и генералы, и Почтовый дворъ, куда являлись кромѣ того чужестранные „разыденты" и даже архіереи, были для Петра такимъ же средствомъ вводить общественность, какъ были такимъ средствомъ ассамблеи.

Характеренъ другой разсказъ, гдѣ выказывается простота привычекъ Петра. „Въ лѣтнее и осеннее время по Переведенной и по протчимъ улицамъ ходитъ пѣшкомъ, лѣтомъ въ кафтанѣ, на головѣ картусъ черной бархотной, а въ осень въ сертукѣ суконномъ сѣронѣмецкомъ, въ шапкѣ бѣлой овчинной калмытской на выворотъ; и ежели идущи противу ево величества, снявъ шапку или шляпу, поклонится и, не останавливаяся, пройдетъ, а ежели остоновится, то тотчасъ прійдетъ къ тебѣ и возметъ за кафтанъ и спроситъ—что ты? И отвѣтъ получитъ отъ идущаго, что для ево чести остановился, то рукою по головѣ ударитъ и при томъ скажетъ: „Не останавливайся, иди, куды идешъ!"

Приводимъ, наконецъ, еще одинъ разсказъ, гдѣ опять рисуется характеръ Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ намѣренія писавшаго, сказываются и взгляды тогдашняго общества.

„По указу его величества,—говоритъ Кашинъ,—велѣно дворянскимъ дѣтямъ записыватся въ Москвѣ и опредѣлять на Сухореву башню для ученія навигаци, и оное дворянство дѣтей своихъ записали въ Спаской монастырь, что за Иконнымъ рядомъ, въ Москвѣ, учится полатыни. И услыша то, государь жестоко прогнѣвался, повелѣлъ всѣхъ дворянскихъ дѣтей Московскому управителю Ромодановскому изъ Спаскаго монастыря взять въ Питербурхъ сваи бить по Мойкѣ рѣкѣ для строенія пенковыхъ анбаровъ. И объ оныхъ дворянскихъ дѣтяхъ генералъ-адмиралъ графъ Өедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, свѣтлѣйшей князь Меншиковъ, князь Яковъ Петровичь Долгорукой и протчіе сенаторы, не смѣя утруждать его величества, но просили слезно, стоя на колѣняхъ, милостивѣйшую помощницу ея величества Екатерину Алексѣевну о заступлени малолѣтнихъ дворянскихъ дѣтей, токмо упросить отъ гнѣву его величества не возможно. И оной графъ и генералъ-адмиралъ Опраксинъ взялъ мѣры собою представить; велѣлъ присматривать, какъ его величество поѣдетъ къ пенковымъ анбарамъ мимо оныхъ трудившихся дворянскихъ дѣтей, и по объявленіи ему, Опраксину, что государь поѣхалъ къ тѣмъ же анбарамъ, и пріѣхалъ къ трудившимся малолѣтнимъ,

скинулъ съ себя ковалерію и кафтанъ и повѣсилъ на шестъ, а самъ съ малолѣтними билъ сваи. И какъ государь возвратно ѣхалъ и увидѣлъ адмирала, что онъ съ малолѣтними въ томъ же трудѣ въ битіи свай употребилъ себя, и, остоновяся, государь говорилъ графу: „Ѳедоръ Матвѣевичь, ты—генералъ-адмиралъ и ковалеръ, для чего ты бьешъ сваи?" И на оное ему государю адмиралъ отвѣтствовалъ: „Бьютъ сваи мои племянники и внучаты; а я что за человѣкъ, какое имѣю въ родствѣ преимущество? А пожалованная отъ вашего величества ковалерія виситъ на деревѣ, я ей бещестія не принесъ". И то слыша государь поѣхалъ во дворецъ, чрезъ сутки учиня указъ о свобожденіи малолѣтныхъ дворянъ, и опредѣлилъ ихъ въ чужестранные государства для ученія разнымъ художествамъ, такъ разгнѣванъ, что и послѣ біенія свай не миновали въ разные художества употреблены быть".

Любопытно здѣсь и то, что Апраксинъ при всемъ видимомъ страхѣ, какой внушалъ строгій царь, рѣшился на шутку, чтобы побудить его перемѣнить свое рѣшеніе относительно „малолѣтныхъ" дворянъ (которые впрочемъ были вѣроятно не столько малолѣтны, сколько несовершеннолѣтны), и то, что разсказчикъ, говоря съ прискорбіемъ о томъ, что дворянскія дѣти осуждены были бить сваи, съ такимъ же прискорбіемъ говоритъ и о томъ, что и послѣ біенія свай они „не миновали въ разные художества употреблены быть", чему должны были обучаться за границей.

Разсказы Кашина несомнѣнно заслуживали изданія въ ихъ подлинномъ видѣ: такихъ современныхъ замѣтокъ о Петрѣ вообще немного и онѣ бываютъ особенно любопытны, не только по фактамъ, какіе сообщаютъ, но и по освѣщенію ихъ въ устахъ современника, какъ въ настоящемъ случаѣ.

— Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. (Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній). М. 1896.

Мы не однажды говорили о трудахъ московской коммиссіи для организаціи общеобразовательнаго домашняго чтенія. Если не можетъ не вызывать сожалѣнія тотъ общій фактъ, что потребность въ общемъ образованіи должна удовлетворяться не правильной школой, а этимъ частнымъ, случайнымъ способомъ самообразованія, то съ другой стороны, когда этотъ фактъ существуетъ по общему положенію нашей средней и высшей школы, не могутъ не внушать высокаго уваженія труды частныхъ лицъ, собравшихся въ московской коммиссіи Общества распространенія техническихъ знаній и безкорыстно работаю-

щихъ для содѣйствія общему образованію, запросъ на которое несомнѣнно существуетъ. Мы имѣли случай видѣть, какъ существованіе этого запроса доказывается необыкновеннымъ успѣхомъ программъ московскаго Общества, въ короткое время достигшихъ нѣсколькихъ изданій въ десятки тысячъ экземпляровъ. Передъ нами теперь программы домашняго чтенія на второй курсъ (книга въ 336 страницъ, цѣною въ 40 коп.). Продолжая программу систематическаго чтенія, настоящая книга даетъ программы по наукамъ математическимъ, по наукамъ о природѣ неорганизованной (физика и химія) и организованной (біологія), по наукамъ философскимъ и общественно-юридическимъ, затѣмъ по исторіи—всеобщей (средніе вѣка) и русской (до Смутнаго времени), и исторіи литературы—также всеобщей и русской (по этому послѣднему предмету дано даже двѣ параллельныхъ программы на выборъ читателя). Далѣе продолжаются программы чтеній по отдѣльнымъ наукамъ (этнографія) и чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ (тэмы біологическія). Программы составлены вообще весьма обстоятельно, примѣняясь по необходимости къ наличному составу русской научной литературы, и то, чего могло бы въ нихъ недоставать, можетъ быть дополняемо прямыми сношеніями читателей съ самою коммиссіей. Извѣстно, и мы имѣли случай это указывать, что замѣчательную особенность въ дѣятельности коммиссіи составляютъ эти сношенія съ нею читателей, желающихъ пользоваться ея руководствомъ. Читатель, уплачивая по три рубля за годичный курсъ по каждому изъ семи главныхъ упомянутыхъ отдѣловъ или по одному рублю по какой-либо одной части этихъ отдѣловъ (напримѣръ, педагогика, русская исторія и т. д.), можетъ: 1) обращаться къ коммиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными тэмами вопросовъ; 2) представлять коммиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные коммиссіей; 3) представлять на просмотръ и оцѣнку коммиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія беретъ на себя доставленіе своимъ читателямъ на льготныхъ условіяхъ необходимыхъ книгъ, и въ случаѣ нужды, когда читатель по недостатку средствъ не въ состояніи дѣлать упомянутыхъ взносовъ, коммиссія оказываетъ свое содѣйствіе безплатно. Наконецъ, коммиссія, кромѣ составленія программъ и этихъ сношеній съ своими читателями, предприняла изданіе цѣлой „Библіотеки для самообразованія", частію изъ переводовъ, редактируемыхъ спеціалистами изъ среды коммиссіи, частію изъ трудовъ самостоятельныхъ. Мы находимъ, напримѣръ въ ряду книгъ, находящихся въ печати, книгу г. Чичерина: „Политическіе мыслители древняго и новаго міра".

— Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. Сэра Джона Лёббока. Второе изданіе, исправленное и дополненное по пятому англійскому изданію (1889 г.) подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Спб. (1896). Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле.

Сочиненіе Лёббока,—говорится въ предисловіи издателей,—„пріобрѣло значеніе классическаго сочиненія въ *нашей* научной литературѣ", — точнѣе было бы сказать, что оно пріобрѣло это значеніе вообще въ научной литературѣ, тѣмъ болѣе, что *наша* наука по вопросу о началѣ цивилизаціи состоитъ почти исключительно изъ переводовъ иностранныхъ книгъ, и можетъ представить лишь очень немного самостоятельнаго, какъ, напримѣръ, труды М. М. Ковалевскаго. Книга Лёббока имѣла у насъ два перевода, и этотъ успѣхъ былъ вполнѣ заслуженный, такъ какъ она принадлежитъ къ числу наиболѣе авторитетныхъ сочиненій по этому вопросу въ духѣ современной науки. Настоящее изданіе книги по переводу г. Коропчевскаго сдѣлано потому, что прежнія изданія, петербургское и московское, не находятся въ продажѣ; но теперь текстъ провѣренъ г. Коропчевскимъ по послѣднему англійскому изданію. „Кромѣ значительныхъ дополненій въ текстѣ,—говоритъ предисловіе,—къ настоящему изданію прилагаются двѣ записки автора, составляющія прибавленіе къ его книгѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „О первобытномъ состояніи человѣка", и „Примѣчанія"; то и другое было опущено въ предшествующихъ изданіяхъ. Любопытно еще замѣчаніе предисловія, что сочиненіе Лёббока „является теперь въ томъ видѣ, въ какомъ оно издается въ оригиналѣ. Переводъ сдѣланъ безъ измѣненій и сокращеній; многоточія, вездѣ, гдѣ они встрѣчаются, принадлежатъ автору".

— По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. А. П. Валуевой (Мунтъ). Рисунки скомпонованы Т. И. Никитинымъ. Изд. кн. маг. Ледерле. Спб. 1895.

Книга г-жи Валуевой (Мунтъ) предназначена для популярнаго чтенія. Послѣднее желаніе автора высказано имъ въ концѣ книги: „разставаясь съ Волгой и съ вами, читатель, желаемъ вамъ отъ души, при первой возможности, лично познакомиться съ „матерью русскихъ рѣкъ", подышать ея привольемъ, вдоволь налюбоваться на ея ширь и величавость, изучить ее какъ можно ближе и подробнѣе, а слѣдовательно, и полюбить ее отъ души. Кто не знаетъ Волги — не знаетъ Россіи".

Авторъ начинаетъ свое путешествіе съ Твери, но разсказываетъ также вкратцѣ о верховьяхъ Волги, и объ устройствѣ огромнаго

водохранилища, которое служитъ запасомъ воды во время спада рѣки. Отъ Твери авторъ путешествуетъ по всей Волгѣ до Астрахани и Каспійскаго моря, останавливаясь на всѣхъ главныхъ пунктахъ: авторъ даетъ описаніе всѣхъ нѣсколько замѣчательныхъ городовъ съ ихъ достопримѣчательностями, историческими воспоминаніями, современнымъ бытомъ населенія, промыслами и т. д., даетъ картину Волги отъ ея скромнаго верховья до того нижняго теченія, гдѣ она представляется безбрежнымъ моремъ. Разсказъ ведется очень живо и занимательно; съ предметомъ описанія авторъ хорошо ознакомился и по личному наблюденію, и по литературному матеріалу, которымъ служили не только спеціальныя описанія Волги, но и историки (какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ), поэты и беллетристы (какъ С. Т. Аксаковъ, Гончаровъ, Печерскій). Разсказъ иллюстрируется картинками, изображающими виды городовъ, замѣчательныхъ зданій, мѣстностей, типовъ населенія и т. п. Но иллюстраціи, на нашъ взглядъ, не всегда удовлетворительны: обыкновенно на страницѣ помѣщается по нѣскольку рисунковъ (напримѣръ, до 8-ми) въ рамкахъ, и въ результатѣ получается нѣчто отрывочное и неотчетливое; гораздо лучше было бы, кажется, дать меньше рисунковъ, но болѣе широкихъ и отчётливыхъ. Но вообще изданіе исполнено очень хорошо.—Т.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакціи получены были слѣдующія новыя книги и брошюры:

Булатовъ, П. Н. Книга здоровья. Общедоступное руководство здравохраненія. Обработано въ импер. санитарномъ вѣдомствѣ въ Берлинѣ. Переводъ съ седьмого изданія. Съ 52 рисунками и 2 раскраш. таблицами. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1896. V и 263 стр. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. — Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. IV: Александровъ-Альбовъ. Спб. 96. Стр. 145—192. Ц. 35 к.

Винбергъ, В. К.—Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. 3-е изд., съ 140 рис. Спб. 96. Стр. 328. Ц. 2 р. 50 к.

Гаршинъ, Всеволодъ.—Третья книжка разсказовъ. Съ прилож. 2 портр. и біографіи, написанной А. Скабичевскимъ. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 272. Ц. 1 р.

Горыневскій, В., д-ръ. — Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Спб. 96. Стр. 40. Ц. 25 к.

Гуревичъ, И.—Родители и дѣти. Юридическая Библіотека, № 10. Спб. 96. Стр. 211. Ц. 1 р.

Жбанковъ, Д. Н.—Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ смоленской губерніи. Вып. II. Смол. 96. Стр. 477.

Забѣлинъ, Ив. Ег.—Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. 3-е изд. съ дополн. М. 96. Стр. 316. Ц. 1 р. 50 к.

Кричагинъ, Н., преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 284 рисунками. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1896. XVIII и 371 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Лалаевъ, М. С. — Царственныя заботы имп. Николая Павловича о развитіи военно-учебныхъ заведеній. Спб. 96. Стр. 27.

Лопатинъ, Вал.—Обыденная армейская жизнь. Походъ мирнаго времени. Варш. 96. Стр. 40. Ц. 25 к.

Лѣсеневичъ, В. М. — Очерки изъ исторіи медицины. Вып. II. Кіевъ. 96. Стр. 87. Ц. 60 к.

Мачтетъ, Г.—„Жидъ", разсказъ. Передѣл. Ю. С., подъ ред. автора. Харьк. 96. Стр. 48.

М—ровъ, Г. Т.—Изъ огня да въ полымя. Драма въ 5 акт. и карт. Томскъ. 96. Стр. 77.

Новосельскій, К. Н.—Разсказы. Спб. 96. Стр. 97. Ц. 40 к.

Пущиковичъ, Ѳ. Ѳ.—Изъ народовѣдѣнія: 1) Англичане. 2) Болгары. 3) Румыны. 4) Сербы. 5) Хорваты. 6) Черногорцы. 7) Чехи. 8) Абиссинцы. 9) Китайцы. Каждая брошюра по 5 коп. Чтеніе для народа. Спб. 96.

Суворовъ, Н. С. — Гражданскій бракъ. Юрид. библіотека, № 11. Спб. 96. Ц. 80 к.

Толвинскій, А. И.—Организація труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Вильна. 96.

Ходскій, Л. В.—Основанія теоріи и техники статистики. Спб. 96. Стр. 207. Ц. 2 р.

Шакъ, А. Ф., графъ, фонъ.—Исторія норманновъ въ Сициліи. Перев. съ нѣм. Спб. 96. Стр. 481. Ц. 2 р. 50 к.

Шершеневичъ, Р.—Учебникъ уголовнаго права. 2-е изд. Каз. 96. Стр. 755. Ц. 5 р.

Ш., В. Р.—Дюжинка. XII пѣсенъ для дѣтскаго театра. Спб. 96. Стр. 204. Ц. 1 р.

Янжулъ, Екатерина.—Чѣмъ отличается американская школа отъ русской? На основаніи личныхъ наблюденій и литературныхъ источниковъ (брошюра изъ ж. „Вѣстникъ Воспитанія". М. 96. Стр. 27.

Янишевскій, С.—Сборникъ стихотвореній. М. 96. Стр. 32. Ц. 50 к.

— Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers. Janvier 1896. Sophia. 96. Стр. 85. Ц. 1 лев. 50 ст.

— Годичное засѣданіе Высоч. учрежд. комитета для устройства въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній. 23-я годовщина. М. 96. Стр. 104.

— Каталогъ кабинета уголовнаго права при Имп. Спб. университетѣ. Спб. 96. Стр. 76.

— Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 96. Стр. 39. Ц. 10 к.

— Международная библіотека: № 42. Приходъ и расходъ въ природѣ. Перев. съ нѣм. І. Рейнке. Спб. 96. Стр. 46. Ц. 15 к.

— Памятная книжка Воронежской губерніи. 1896. Ворон. 96. Ц. 1 р. 50 к.

— Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. М. 96. Стр. 332. Ц. 40 к.

— Справочная книга для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Составлено V-мъ отдѣленіемъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ Спб. 96. Стр. 212. Ц. 60 к.

— Харьковское общество распространенія знанія: № 35: Карлъ Великій, С. Р. — № 36: Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ, Д. Миллера.— № 41: Страшная смерть невиннаго человѣка, В. Вересаева. Харьк. 96.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gaston Paris, de l'Académie Française. Penseurs et Poètes. Paris. 1896.

Въ то время, какъ Эмиль Золá потерпѣлъ новую неудачу на выборахъ въ члены французской академіи, его болѣе счастливый товарищъ по кандидатурѣ, Гастонъ Парисъ избранъ на кресло Пастера. Правда, Г. Парисъ не въ первый разъ ставилъ свою кандидатуру и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ его прочили на мѣсто Литтрэ, къ которому онъ всего болѣе примыкаетъ по своей научной дѣятельности. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія, новый академикъ выпустилъ въ свѣтъ сборникъ статей, заглавіе котораго мы выше выписали. „Мыслители и поэты"—это, прежде всего,—извѣстный и рано скончавшійся оріенталистъ Джэмсъ Дармстетеръ, Ренанъ, котораго и Г. Парисъ называетъ своимъ учителемъ, историкъ Альберъ Сорель, поэты — Мистраль и Сюлли-Прюдомъ, и художникъ-поэтъ Александръ Бида, личный другъ Париса. Впрочемъ, всѣ вышеназванныя лица были въ разной степени личными друзьями автора, о чемъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему сборнику, скромно указывая, что въ силу этого его очерки, „за отсутствіемъ другихъ достоинствъ", пріобрѣтаютъ нѣкоторую цѣнность *документовъ*.

Такъ оправдываетъ ученый „медіэвистъ" обнародованіе статей, которыя стоятъ внѣ круга его обычныхъ работъ по средневѣковой литературѣ и французскому языку. Нужно ли было это самооправданіе ученаго, выступившаго на поприще литературной критики? Живой интересъ названныхъ очерковъ говоритъ самъ за себя, и читатели, конечно, не пожалѣютъ о томъ, что ученый рѣшился издать „свои досуги". Къ нимъ можно примѣнить слѣдующее замѣчаніе, которое Г. Парисъ высказываетъ въ своемъ очеркѣ о Сюлли-Прюдомѣ: по мнѣнію автора, излишне „толковать" поэтовъ,—„для тѣхъ, которые способны понять поэта, онъ говоритъ непосредственно чувству; для тѣхъ же, въ душѣ которыхъ нѣтъ отклика его лирѣ, онъ никогда ничего не скажетъ"... Самые очерки Г. Париса также не нуждаются въ толкованіяхъ, — ихъ надо прочесть. Но интересенъ самъ авторъ, интересенъ „дебютъ" маститаго ученаго на поприщѣ публицистики, отъ которой онъ долго и неуклонно отстранялся, строго разграничивая

задачи изслѣдователя, занятаго лишь открытіемъ новыхъ фактовъ въ области знанія, выработкой точныхъ методовъ изысканій, отъ популяризатора научныхъ истинъ и даже отъ мыслителя. Наука и жизнь, положительное знаніе и область мысли представляются ли въ неизбѣжномъ противоположеніи, или между ними возможно и даже желательно соглашеніе? Нѣкоторые моменты въ исторіи духовнаго развитія Гастона Париса, насколько они отразились въ его статьяхъ и рѣчахъ, сказанныхъ по различнымъ поводамъ, представляются намъ небезъинтересными въ этомъ отношеніи, и мы попытаемся ихъ намѣтить.

Уроженецъ департамента Марны (род. 1839 г.), воспитанникъ collége Rollin въ Парижѣ, Гастонъ Парисъ обязанъ прежде всего вліянію своего отца—извѣстнаго Полэна Париса,—любовью и интересомъ къ изученію средневѣковой старины. Вѣроятно по побужденію отца, Гастонъ Парисъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ направился въ германскіе университеты восполнить свое образованіе, и въ Боннѣ слушалъ курсы знаменитаго Фридриха Дица, считающагося основателемъ современной романской филологіи, какъ науки. По возвращеніи въ Парижъ онъ поступилъ въ École des Chartes, и первые его труды по романскимъ языкамъ и средневѣковой литературѣ (двѣ диссертаціи—„о значеніи латинскаго ударенія въ романскихъ языкахъ“ и „Поэтическая исторія Карла Великаго)“ непосредственно примыкаютъ къ традиціямъ нѣмецкой школы, которой молодой французскій ученый усвоилъ пріемы и методы, являясь горячимъ поборникомъ ихъ во Франціи. Однако, продолжая работать въ томъ же направленіи, ученикъ пріобрѣлъ почетную извѣстность среди своихъ же учителей въ Германіи, и его критическое изданіе текстовъ (особенно поэмы XI вѣка—Vie de Saint Alexis) признано даже „пролагающимъ новые пути“ (bahnbrechend), по смѣлости постановки вопроса, строгой методичности пріемовъ и оригинальности выводовъ. Основанный имъ въ сообществѣ съ другимъ французскимъ ученымъ, Поль Мейеромъ, въ 1872 году журналъ „Romania“ сразу занялъ первенствующее мѣсто въ ряду многочисленныхъ періодическихъ изданій, которыми такъ богата современная научная литература въ области такъ называемой нео-филологіи. Въ этомъ журналѣ и въ изданіяхъ парижскаго „Общества старинной письменности“ появились главнѣйшія работы Г. Париса—монографіи, изданія текстовъ, рецензіи и отчеты о разныхъ новременныхъ трудахъ по средневѣковой литературѣ. Кромѣ того онъ сотрудничалъ въ Journal des Savants; отдѣльнымъ выпускомъ появились два томика статей и вступительныхъ лекцій къ курсамъ въ Collége de France, подъ общимъ заглавіемъ: „La poésie au Moyen-Age“—и краткое, но въ

высшей степени содержательное руководство по старо-французской литературѣ.

Являясь воспитанникомъ нѣмецкой школы, Г. Парисъ въ то же время называлъ своими учителями во Франціи — Ипполита Тэна и Ренана, хотя съ первымъ во многомъ расходился въ смыслѣ постановки вопросовъ и пріемовъ изслѣдованія: онъ примыкалъ къ Тэну лишь съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ и философскаго міросозерцанія, ближе придерживаясь все же Ренана. Поборникъ чистаго знанія, науки ради нея самой, независимо отъ того или другого ея прикладного значенія, Г. Парисъ въ самый разгаръ франко-прусской войны, сообщая о раннемъ пробужденіи національнаго сознанія во Франціи въ XI-мъ вѣкѣ, заявлялъ съ каѳедры Collége de France: „я исповѣдую всецѣло и безъ ограниченій ученіе, по которому наука не имѣетъ другой цѣли, кромѣ установленія истины, и истины ради нея самой, безразлично отъ того, какія бы послѣдствія изъ нея ни вытекали, хорошія или дурныя, достойныя сожалѣнія или благопріятныя, съ точки зрѣнія прикладного знанія". Культъ истины онъ противополагалъ тенденціозному и пристрастному изслѣдованію старины изъ патріотическихъ, эстетическихъ или нравственно-утилитарныхъ цѣлей. Таковъ, впрочемъ, лозунгъ цѣлой школы изслѣдователей, возникшей подъ покровомъ романтизма, но впослѣдствіи освободившейся отъ иллюзій первыхъ начинателей новаго научнаго движенія. Настаивая на трезвомъ и безпристрастномъ отношеніи къ научной истинѣ, Г. Парисъ находилъ даже, что „добросовѣстность въ работѣ является болѣе необходимымъ условіемъ, чѣмъ дарованіе, для того, чтобы получить доступъ въ великую лабораторію знанія". Такой взглядъ на науку не пользовался успѣхомъ въ широкомъ кругѣ читателей, въ обществѣ, нетерпѣливомъ къ медленной и кропотливой работѣ научныхъ тружениковъ, въ средѣ лицъ, склонныхъ усвоивать лишь общія мысли, готовыя формулы, идеи, хотя бы и ошибочныя, но заманчивыя по своей доступности. Имя Г. Париса, пользовавшееся почетомъ среди спеціалистовъ, грозное— для рутинеровъ и „отсталыхъ" изслѣдователей, было почти неизвѣстно въ мірѣ литераторовъ и публицистовъ. Парисъ и не искалъ популярности: довольствуясь оцѣнкой собратій по наукѣ, онъ продолжалъ работать въ своей „лабораторіи", сообщая лишь въ спеціальныхъ изданіяхъ результаты своихъ находокъ и наблюденій, критическую провѣрку прежнихъ мнѣній, порой блестящія гипотезы относительно того или другого темнаго вопроса о „зачаткахъ" или генезисѣ извѣстнаго историко-литературнаго явленія, формы слова, звука... Сознаніемъ своей разобщенности съ массой читающей публики

онъ не тяготился и даже, въ кругу своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и учениковъ, высказывалъ мнѣніе, что есть какое-то особое наслажденіе въ этомъ чувствѣ разобщенія съ остальнымъ міромъ („...ce qui nous sépare délicieusement du monde"), въ сознаніи солидарности лишь съ небольшимъ числомъ избранниковъ... Такое мнѣніе было уже безусловно крайностью, вызванною, правда, внѣшними обстоятельствами, быть можетъ временно даже необходимою, но извинительною только какъ временное настроеніе. Тому же Гастону Парису принадлежитъ прекрасное замѣчаніе: „ничто такъ не разобщаетъ людей, какъ убѣжденіе, что они овладѣли истиной; ничто ихъ такъ не соединяетъ, какъ вполнѣ добросовѣстное и безкорыстное исканіе истины", И это стремленіе къ единенію во имя истины, стремленіе, примыкающее къ первоначальному культу истины ради нея самой—является новымъ факторомъ въ исторіи духовнаго развитія Париса. Уже раньше онъ сравнивалъ дѣятельность эрудита, замкнутаго въ своемъ собираніи матеріаловъ, со скупцомъ, накопляющимъ богатства, чтобы самому ими не пользоваться. Теперь, формулируя законъ международнаго литературнаго общенія, Парисъ устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „любите и васъ будутъ любить; открывайтесь и вамъ откроются; общайтесь и вы встрѣтите откликъ среди людей; давайте и воздастся вамъ"... Въ брошюрѣ, посвященной разсмотрѣнію вопроса о высшемъ образованіи во Франціи, Парисъ отстаивалъ вполнѣ правильное мнѣніе, что „наука, какъ и религія, должна быть общимъ достояніемъ". Какъ далекъ этотъ взглядъ отъ прежняго нѣсколько эгоистичнаго чувства самодовлѣющаго значенія науки для избранниковъ! И Парисъ, оставаясь въ то же время вѣрнымъ своимъ основнымъ принципамъ научной объективности въ работѣ, предпринялъ рядъ изданій—руководствъ для лицъ, ищущихъ серьезнаго образованія и основательнаго знакомства съ памятниками старо-французской литературы; онъ выказываетъ живой интересъ и къ явленіямъ, стоящимъ внѣ круга его спеціальности; въ немъ пробуждается мыслитель въ болѣе широкомъ смыслѣ слова и тонкій цѣнитель произведеній художественнаго творчества. Эстетическую оцѣнку произведеній литературы онъ одно время, если, быть можетъ, и не вполнѣ отрицалъ, то все же отстранялъ, при разсмотрѣніи памятниковъ средневѣковой старины: историческое значеніе ихъ представлялось ему достаточнымъ оправданіемъ интереса къ нимъ. Даже въ вышеприведенной фразѣ по поводу Сюлли-Прюдома о толкованіи поэтовъ, которое представляется автору излишнимъ, ощущается еще прежнее отрицательное отношеніе къ задачамъ художественной критики. Однако, у Г. Париса, такъ же какъ это было замѣчено и по поводу Тэна, на-

перекоръ ихъ собственнымъ теоріямъ исключительно историко-культурнаго или филологическаго метода при изученіи литературы, нерѣдко проскальзывала тонкая и умѣлая оцѣнка того или другого произведенія съ чисто художественной точки зрѣнія. Онъ умѣлъ соблюсти мѣру въ похвалахъ, но также умѣлъ и открывать красоты тамъ, гдѣ ихъ раньше не замѣчали; онъ объяснялъ памятникъ съ точки зрѣнія исторической „документальности", но также *ощущалъ* поэзію, въ какой бы формѣ она ни проявлялась; обладалъ способностью непосредственно пережить поэтическій замыселъ и передать свое впечатлѣніе въ выразительной формѣ. И къ его оцѣнкамъ стали прислушиваться. Нѣкоторыя изъ нихъ (какъ, напримѣръ, отзывы о Chanson de Roland, о кельтской поэмѣ о Тристанѣ и Изольтѣ, о Roman de la Rose, о поэзіи Гильома Машо и др.) стали повторяться, какъ повторяются фразы Сентъ-Бёва и Тэна, считающіяся образцовыми по своей мѣткости. Эти сужденія „толкователя" поэтовъ вносятъ нѣкоторую поправку къ сомнѣніямъ эрудита, возстановляя значеніе критики не только съ точки зрѣнія источниковъ и литературной эволюціи, но также критики по существу, „la critique du sens", какъ выражался родоначальникъ французской критики въ XVII вѣкѣ Сентъ-Эвремонъ,—по существу, т.-е. насколько памятники художественнаго творчества какихъ бы ни было отдаленныхъ эпохъ и народностей способны оказывать непосредственное впечатлѣніе на того, кто приспособился къ ихъ пониманію.

И такимъ образомъ „ученый" незамѣтно для себя перешелъ на путь того, что̀ принято называть популяризаціей знанія, т.-е. сталъ писать для всѣхъ, возбуждая общій интересъ непреднамѣренно; такъ, общественнымъ чувствомъ проникнуты его прекрасныя слова объ условіи единенія между людьми и о назначеніи науки, которая должна быть общимъ достояніемъ; художественное чутье одержало верхъ надъ умышленной сдержанностью книжника-изслѣдователя памятниковъ старины; потребность не ограничиваться собираніемъ матеріаловъ, но высказывать сужденія, т.-е. мыслить, выразилась въ оцѣнкахъ явленій прошлаго и въ сообщеніи своихъ впечатлѣній о нѣкоторыхъ современныхъ „мыслителяхъ и поэтахъ", знакомство съ которыми быть можетъ расширило личные взгляды автора на значеніе и задачи литературы, дало критерій для оцѣнки общечеловѣческаго значенія столь хорошо ему знакомыхъ памятниковъ старины, ибо безъ сравненія съ настоящимъ врядъ ли возможно правильное и всестороннее пониманіе прошлаго. Знакомя насъ со своими „друзьями", Г. Парисъ знакомитъ отчасти и съ самимъ собой, ибо, какъ онъ самъ замѣтилъ по другому поводу: „кто не хочетъ быть должникомъ, никогда не

будетъ кредиторомъ". И если своей славой ученаго Г. Парисъ обязанъ главнымъ образомъ кропотливымъ и добросовѣстнымъ трудамъ въ „великой лабораторіи знанія", то благодаря личнымъ дарованіямъ, художественному чутью и гуманитарнымъ стремленіямъ онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность въ средѣ французскихъ писателей, пріобщившихъ его къ числу „безсмертныхъ" парижской академіи. Первый и существенный „заемъ" кабинетнаго ученаго у жизни заключается въ томъ, чтобы побороть въ себѣ „боязнь мысли" подъ предлогомъ, что тотъ или другой вопросъ недостаточно изслѣдованъ, что нельзя высказывать сужденій, пока не собраны всѣ матерьялы, и работать только для себя или для будущихъ поколѣній. Абсолютная полнота научныхъ данныхъ — недостижимый идеалъ, а жизнь не ждетъ.

Ѳ. Батюшковъ.

II.

Amédée Roux. La littérature contemporaine en Italie. Paris, 1896. Стр. 341.

Одновременно съ возростающимъ вліяніемъ сѣверныхъ писателей, русскихъ и скандинавскихъ, на общеевропейскую литературу, за послѣдніе годы, замѣчается большее оживленіе въ литературѣ латинскихъ народностей. Особенно сильно подъемъ художественнаго творчества сказывается въ современной Италіи, по поводу которой все чаще и чаще начинаютъ говорить въ печати о „латинскомъ возрожденіи". Мельхіоръ де-Вогюэ провозгласилъ пророкомъ этого возрожденія Габріэля d'Аннунціо. Итальянскій журналистъ Уго Оджети опросилъ всѣхъ итальянскихъ писателей, молодыхъ и старыхъ, пытаясь установить истинное значеніе новой итальянской литературы; результатомъ его бесѣдъ была книга „Alla Scoperta dei letterati", въ которой обрисовывается литературный прогрессъ современной Италіи и ея обособленность среди господствующихъ теченій въ остальной Европѣ. Книга Амедэ Ру, посвященная разбору и оцѣнкѣ современной итальянской литературы, отмѣчаетъ тѣ же характерныя черты итальянскаго художественнаго творчества и даетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ итальянскихъ поэтахъ, романистахъ, критикахъ и философахъ новаго времени. Отзывы французскаго критика не всегда безпристрастны въ виду его предубѣжденія противъ всякой рѣзкой самобытности, не укладывающейся въ установленныя рамки; такіе

писатели, напр., какъ д'Аннунціо, возбуждаютъ въ немъ негодованіе, и онъ сурово осуждаетъ этого „Бодлэра изъ-за горъ" (Baudelaire d'outre monts), какъ онъ его называетъ; такой же уничтожающей критикѣ онъ подвергаетъ извѣстную поэтессу Аду Негри, за то, что лирика ея носитъ слишкомъ демократическій характеръ и слишкомъ ставитъ на пьедесталъ страданія рабочихъ. Но за исключеніемъ такихъ одностороннихъ сужденій о несимпатичныхъ ему по духу писателяхъ, Амедэ Ру даетъ довольно полные и интересные очерки итальянской литературы въ ея новѣйшихъ представителяхъ и отмѣчаетъ всѣ сколько-нибудь выдающіяся литературныя явленія. Говоря о „латинскомъ возрожденіи" (послѣдняго времени), менѣе всего слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ возобновленіе традицій классическаго итальянскаго возрожденія XV и XVI вѣковъ. Напротивъ того, увлеченіе ренессансомъ, столь сильное въ другихъ европейскихъ странахъ, менѣе всего замѣтно въ Италіи. Намъ лично приходилось слышать отъ одного изъ видныхъ итальянскихъ поэтовъ, Гвидо Маццони, слѣдующія слова: „Французское и англійское тяготѣніе къ раннему ренессансу, къ прерафаэлитамъ, кажется намъ дѣланнымъ, манернымъ; мы—потомки римлянъ и любимъ во всемъ ясность, мистицизмъ насъ пугаетъ—nous avons peur d'être dupes". Эти слова флорентійскаго поэта, профессора литературы въ мѣстномъ университетѣ, какъ нельзя лучше характеризуютъ новое итальянское искусство и литературу.

Во главѣ этого новаго, такъ сказать, римскаго періода итальянской поэзіи стоитъ Кардуччи, ветеранъ 48-го года, въ настоящее время сенаторъ и профессоръ въ Болоньѣ. Прежде онъ увлекалъ молодежь своими пламенными воззваніями, дѣлавшими его профессорскую каѳедру и его литературныя статьи источникомъ общаго патріотическаго возбужденія. Теперь политическія страсти улеглись и вліяніе Кардуччи стало чисто литературнымъ. Вся литературная молодежь признаетъ его своимъ учителемъ, творцомъ непогрѣшимаго поэтическаго языка и хранителемъ традицій римскихъ классиковъ. Его поэзія, спокойно и ритмично воспѣвающая красоты римской „campagna", радости сельскаго быта, простыя чувства, носитъ отдаленный отпечатокъ поэзіи Виргилія. „Значеніе Кардуччи,—говоритъ о немъ одинъ изъ его учениковъ, Энрико Панцаки,—всецѣло въ его стилѣ. Онъ возобновилъ культъ формы въ итальянской поэзіи и въ итальянской прозѣ, и форма эта не лишена содержанія. Въ благородной формѣ онъ воплощаетъ мысли, оставляющія сильное впечатлѣніе. Но все-таки главное его достоинство во внѣшнихъ качествахъ его поэзіи". Не нужно забывать, что въ лицѣ Кардуччи поэтъ сое-

диняется съ критикомъ, и что его историко-литературные очерки также въ значительной степени содѣйствовали развитію литературнаго вкуса въ Италіи.

Цѣлая плеяда молодыхъ поэтовъ воспиталась подъ вліяніемъ Кардуччи, и изъ нихъ Амедэ Ру разсматриваетъ главнѣйшихъ, Пасколи, Джіованни Марради, Гвидо Маццони, Артуро Графа и др. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ среди нихъ является первый, Пасколи, о которомъ, къ сожалѣнію, Амедэ Ру говоритъ лишь вскользь. Этотъ интересный поэтъ въ одинаковомъ совершенствѣ обладаетъ латинскимъ языкомъ и итальянскимъ и получилъ на двухъ конкурсахъ золотыя медали за латинскія поэмы. Его итальянская поэзія проникнута нѣсколько грустнымъ идиллическимъ характеромъ, и лучшіе образцы ея вошли въ сборникъ „Myricae", посвященный памяти рано утраченныхъ имъ родителей и напоминающій своей тихой умиротворенной грустью знаменитыя элегіи Теннисона „In memoriam". Вотъ напр., красивое стихотвореніе „Сонъ" (Sogno), въ которомъ поэтъ прозрачными, но недосказанными образами говоритъ о смерти матери: „На минуту я очутился въ моей деревнѣ, въ моемъ домѣ. Ничто не измѣнилось. Я вернулся туда усталый отъ долгаго пути, усталый къ отцу, къ мертвымъ я вернулся. Я почувствовалъ большую радость и большую печаль, нѣмую радость и тревогу. Мама?—Она сойдетъ позже, къ ужину. Бѣдная мама!—ее я не увидалъ."—Поэтъ не говоритъ, почему не видалъ онъ матери, но въ короткомъ и полномъ искренняго чувства стихотвореніи чувствуется присутствіе смерти, хотя никто не говоритъ о ней въ грустномъ снѣ поэта. Другое изъ лучшихъ стихотвореній Пасколи—„Вѣра" (Fides), въ которомъ въ столь же простомъ и прозрачномъ образѣ сопоставляется поэзія, въ видѣ сновъ довѣрчиваго ребенка, съ темной дѣйствительностью, воплощенной въ мрачномъ кипарисѣ: „Когда блистала радужная вечерняя заря и кипарисъ казался золотымъ, мать сказала маленькому сынку: таковъ тамъ, высоко на верху цѣлый садъ. Ребенокъ спитъ, и снятся ему золотыя вѣтви, золотыя деревья, золотые лѣса; а между тѣмъ кипарисъ среди черной ночи развѣвается по вѣтру, стонетъ во власти бури".

Съ бо̀льшимъ вниманіемъ Амедэ Ру относится къ двумъ другимъ поэтамъ молодого поколѣнія, Джіованни Марради и Артуру Графу. Перваго онъ по мелодичности сравниваетъ съ Ламартиномъ, съ которымъ Марради имѣетъ много общаго по характеру своей поэзіи. Въ „Canti Nuovi", какъ и въ первомъ своемъ сборникѣ, молодой профессоръ изъ Сполето (Марради, какъ и большинство остальныхъ итальянскихъ поэтовъ, соединяетъ лирическое творчество съ препо-

давательской дѣятельностью) описываетъ природу, но всегда въ соединеніи съ людьми. Чувствуется, что для поэта природа неотдѣлима отъ человѣка, и въ каждомъ зрѣлищѣ внѣшней природы онъ находитъ отзвукъ человѣческихъ чувствъ, подобно тому, какъ въ воспѣваемомъ Ламартиномъ озерѣ чувствуется душа его возлюбленной Эльвиры. Такой же любовью къ природѣ и мелодичностью стиха отличается Артуръ Графъ, въ особенности когда онъ воспѣваетъ море; французскій критикъ ставитъ ему въ упрекъ его пессимизмъ шопенгауэровскаго оттѣнка, звучащій нѣсколько искусственно и риторично.

Совершенно отдѣльно отъ этихъ лириковъ, воспѣвающихъ природу и простыя чувства, стоитъ Габріэль д'Аннунціо, единственный представитель современнаго мистицизма и „эстетизма" въ Италіи. По общему характеру своей поэзіи, также какъ и своей прозы, д'Аннунціо примыкаетъ къ французскимъ поэтамъ новѣйшаго типа, и потому, быть можетъ, болѣе оцѣненъ во Франціи и въ другихъ странахъ, чѣмъ на своей родинѣ. Д'Аннунціо—рѣдкій примѣръ ранней и кратковременной славы. Начавъ печатать стихи очень рано, онъ скоро достигъ громкой извѣстности, возроставшей съ каждымъ сборникомъ стиховъ и каждымъ романомъ; въ Италіи критика сразу признала въ немъ большой талантъ, но отнеслась несочувственно къ характеру его творчества, къ его обособленнымъ и оригинальнымъ настроеніямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нашелся журналистъ, который обвинилъ д'Аннунціо въ плагіатѣ, отрицая въ немъ всякую самостоятельность творчества. Изъ послѣдовавшей за этимъ обвиненіемъ полемики выяснилось, что заимствованія д'Аннунціо далеко не лишаютъ его поэзію оригинальности; но все-таки популярность молодого поэта и романиста пострадала отъ этого инцидента, тѣмъ болѣе, что творчество д'Аннунціо слишкомъ идетъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ современной итальянской литературы, чтобы возбуждать прочныя симпатіи.

Амедэ Ру останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на современномъ итальянскомъ романѣ, который въ самомъ дѣлѣ достигъ блестящаго развитія. При этомъ ему опять приходится говорить о д'Аннунціо, самомъ выдающемся представителѣ итальянской беллетристики послѣднихъ лѣтъ. Французскій критикъ справедливо отмѣчаетъ вліяніе русскихъ и французскихъ романистовъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ д'Аннунціо, какъ напримѣръ, въ „Episcopo et Comp." и „L'Innocente". Въ первомъ изъ нихъ рисуется душевная жизнь приниженнаго обстоятельствами человѣка, который съ особеннымъ сладострастіемъ растравляетъ свои раны: близость сюжета и его обра-

ботки съ романами Достоевскаго слишкомъ очевидна. „Innocente“ напоминаетъ собой манеру Бурже разбираться въ искусственно поставленныхъ психологическихъ проблемахъ изъ жизни праздныхъ людей. Амедэ Ру строго осуждаетъ болѣзненность, сказывающуюся во всемъ романѣ; онъ предпочитаетъ ему позднѣйшій романъ, „Trionfo della morte“, нѣсколько скучный благодаря множеству философскихъ и эстетическихъ отступленій, но обличающій въ авторѣ тонкаго психолога и истиннаго художника.

Изъ другихъ современныхъ романистовъ Италіи наиболѣе интереснымъ является Фогаццаро, о которомъ Амедэ Ру даетъ довольно полныя свѣденія. О первомъ романѣ Фогаццаро, „Malombra“, имѣющемъ большой успѣхъ въ Италіи, онъ отзывается осторожно, упрекая его въ туманности, но признавая поэтичность отдѣльныхъ эпизодовъ. Болѣе несомнѣнныя достоинства французскій критикъ находитъ во второмъ и наиболѣе популярномъ произведеніи Фогаццаро, „Daniel Cortis“, чисто психологическомъ романѣ, въ которомъ представлена борьба личнаго чувства и сознанія общественнаго долга. Героями являются мужественный депутатъ Кортисъ и любимая имъ женщина, баронесса Санта-Джулія, жена политическаго негодяя. Кортисъ и баронесса любятъ другъ друга, но жертвуютъ своимъ чувствомъ, чтобы не создавать препятствій общественной дѣятельности депутата. Баронесса слѣдуетъ за мужемъ въ Америку, и Кортисъ, который жаждетъ „страданій во имя любви“, самъ толкаетъ молодую женщину на самопожертвованіе. Интересъ книги увеличивается еще оттого, что рядомъ съ любовной моралью авторъ излагаетъ еще цѣлый трактатъ политической этики и высказываетъ интересныя мнѣнія о разныхъ политическихъ партіяхъ, въ особенности о будущности клерикальной партіи въ итальянскомъ парламентѣ. Религіозные и политическіе вопросы составляютъ также интересъ романа „Piccolo mondo antico“, написаннаго съ обычной поэтичностью Фогаццаро; итальянскій историкъ литературы, Анжело де-Губернатисъ, въ одной недавней статьѣ сравнилъ этотъ романъ, какъ и другія произведенія Фогаццаро, съ знаменитыми „Promessi Sposi“ Маццони по яркости выводимыхъ романистомъ типовъ.

Оставаясь въ области романовъ, разработывающихъ злобы дня, Амедэ Ру упоминаетъ также о нашумѣвшемъ при своемъ появленіи романѣ Ровета „Baraonda“, въ которомъ подъ прозрачными масками выведены герои финансовыхъ скандаловъ. Изъ другихъ романистовъ и новелистовъ, Амедэ Ру упоминаетъ о д'Амичисѣ съ его романами демократическаго характера, о М. Фарина, Матильдѣ Серао, Верга и др.

Кромѣ беллетристики Амедэ Ру разсматриваетъ успѣхи критики, философіи и исторіи въ Италіи и насчитываетъ много выдающихся дѣятелей, какъ напримѣръ, Кардуччи въ его критическихъ этюдахъ, Виллари, автора увлекательной исторіи Савонаролы, де-Губернатиса съ его „Storia universale della letteratura“ и множество другихъ.

З. В.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ Г. ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

„На основаніи § 138 Устава о цензурѣ имѣю честь просить редакцію помѣстить въ № 7 „Вѣстника Европы" слѣдующее опроверженіе:

„Въ статьѣ № 6 „Вѣстника Европы" подъ заглавіемъ „По поводу разъясненія директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ" на стр. 851, на строкѣ 18 сказано: „онъ (т.-е., директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи) объявляетъ попечителей низшими инстанціями".

„Такое извѣстіе совершенно ошибочно, такъ какъ въ Циркулярѣ Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа № 2 за 1892 годъ на стр. 51, напечатано разъясненіе Правительствующимъ Сенатомъ закона 25-го мая 1874 года, касавшееся попечителей начальныхъ училищъ (строки 6-я и послѣдующія): „ближайшее же завѣдываніе училищами, т.-е. завѣдываніе на мѣстѣ каждымъ училищемъ въ отдѣльности, возлагается на попечителей и попечительницъ, избраніе коихъ предоставляется обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ училища, а утвержденіе сихъ лицъ въ должности и увольненіе отъ оныхъ зависитъ отъ Училищныхъ Совѣтовъ. Такимъ образомъ въ установленномъ по положенію 25-го мая 1874 года порядкѣ завѣдыванія училищами, учрежденіе званія попечителей и попечительницъ оныхъ является одною изъ инстанцій такого завѣдыванія, именно низшею мѣстною распорядительною властью по училищамъ".

„Слѣдовательно „низшею инстанціею" попечителей начальныхъ училищъ объявилъ Правительствующій Сенатъ, разъясненія котораго имѣютъ обязательную силу".

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1896.

Столѣтіе со дня рожденія императора Николая I-го. — Дѣло г. Жеденева и общій вопросъ, имъ возбуждаемый.—Оправданіе подсудимыхъ по мультанскому дѣлу.—Литературная жалоба на бездѣйствіе и слабость цензуры.—Н. В. Водовозовъ †.

25-го минувшаго іюня исполнилось столѣтіе со дня рожденія императора Николая I. Воспоминаніямъ о покойномъ государѣ и о его времени посвящены, по этому поводу, цѣлыя книги—напр., іюньскій нумеръ „Русской Старины" и сочиненіе генерала Лалаева: „Императоръ Николай I", упомянутое въ предъидущей книжкѣ нашего журнала. Чрезвычайно любопытна статья г. Н. Д. (въ „Русской Старинѣ"), сообщающая нѣсколько новыхъ данныхъ о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ будущаго императора, о лицахъ, завѣдывавшихъ его обученіемъ и воспитаніемъ — жестокомъ и грубомъ генералѣ Ламсдорфѣ, ученыхъ, но мало даровитыхъ преподавателяхъ важнѣйшихъ предметовъ (Шторхѣ, Кукольникѣ, Балугьянскомъ). Несравненно благопріятнѣе, съ этой точки зрѣнія, были условія, среди которыхъ развивался не только преемникъ Николая I-го, но и его предшественникъ. При Николаѣ Павловичѣ, въ тѣ годы, когда слагается характеръ и установляются взгляды, не было никого, кто напоминалъ бы хоть издалека Жуковскаго или Лагарпа. Неудивительно, что, вспоминая „усыпительные" уроки „несноснѣйшихъ педантовъ", знакомившихъ его съ юриспруденціей и политической экономіей, императоръ Николай I приходилъ къ убѣжденію, что „лучшая теорія права — добрая нравственность", которая „должна быть въ сердцѣ", независимо отъ юридическихъ „отвлеченностей". Не лишено значенія и то, что единственными преподавателями будущаго императора, „соотвѣтствовавшими своему назначенію", были учителя военныхъ предметовъ, полковники Маркевичъ и Джанотти, пользовавшіеся, притомъ, руководствомъ генерала Оппермана, „извѣстнаго въ то время своими познаніями по инженерной части". Особенно цѣнными, въ виду этихъ фактовъ, являются такія мѣры императора Николая I-го, какъ изданіе университетскаго устава 1835 г., признавшаго за совѣтомъ право избранія ректора и профессоровъ и положившаго начало разцвѣту нашихъ университетовъ, не вполнѣ пріостановленному даже реакціей 1849 — 54 г. Съ благодарностью слѣдуетъ вспомнить и о томъ, что при преобразованіи гимназій, состоявшемся въ 1828 г., не былъ проведенъ въ жизнь тотъ узкій и неподходящій къ русской дѣйствитель-

ности классицизмъ, торжество котораго, полвѣка спустя, такъ дорого стоило Россіи. Комитетъ, Высочайше утвержденный 14-го мая 1826 г., съ цѣлью „сличенія и уравненія уставовъ учебныхъ заведеній и опредѣленія курсовъ ученія въ оныхъ", высказался, по большинству голосовъ, за введеніе во *всѣхъ* гимназіяхъ греческаго языка, на ряду съ латинскимъ. Противъ этого возсталъ будущій министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, въ слѣдующихъ словахъ, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія: „преподаваніе древнихъ языковъ есть основаніе всякаго образованія и не я буду утверждать, чтобы можно было достигнуть нѣкоторой твердой степени просвѣщенія безъ сего знанія. Но какую выгоду можно ожидать отъ слабаго, незрѣлаго, поверхностнаго преподаванія греческаго языка, какая будетъ польза отъ сего преподаванія, когда мы обязаны будемъ почитать оное, такъ сказать, побочнымъ предметомъ и когда включается въ учебный курсъ десять разнородныхъ предметовъ постояннаго преподаванія"? Уставъ 1871 г. *наименовалъ* греческій языкъ главнымъ предметомъ—но на самомъ дѣлѣ преподаваніе его осталось, и при данныхъ условіяхъ не могло не остаться, „слабымъ, незрѣлымъ и поверхностнымъ". Теперь, въ виду двадцатипятилѣтняго опыта, менѣе чѣмъ когда-либо можно сомнѣваться въ томъ, что, согласясь съ мнѣніемъ С. С. Уварова, императоръ Николай I-й оказалъ великую услугу многочисленнымъ поколѣніямъ русскихъ юношей. Если и въ наше время не удалось и не удается поставить преподаваніе греческаго языка на ту высоту, при которой оно только и можетъ оказаться не безполезнымъ, то нетрудно себѣ представить, чѣмъ оно было семьдесять лѣтъ тому назадъ, при общей недостаточности, количественной и качественной, педагогическаго персонала...

Въ книгѣ генерала Лалаева перечислены главные сподвижники императора Николая I-го. Просматривая этотъ списокъ и вспоминая, когда именно и какъ дѣйствовало каждое изъ названныхъ въ немъ лицъ, нельзя не замѣтить, что въ первую половину царствованія императора ему удалось окружить себя, по крайней мѣрѣ отчасти, выдающимися людьми, изъ которыхъ одни—гр. Сперанскій, гр. Канкринъ, гр. Мордвиновъ, кн. Кочубей, кн. Воронцовъ—были завѣщаны ему предъидущимъ царствованіемъ, но другіе—С. С. Уваровъ, Д. Н. Блудовъ, Д. Д. Дашковъ, бар. М. А. Корфъ, гр. П. Д. Киселевъ, В. А. Перовскій—были выдвинуты на первый планъ самимъ Николаемъ I-мъ. Правда, одинаковымъ или еще бо́льшимъ вліяніемъ пользовались уже тогда люди совершенно другого рода, напримѣръ гр. Бенкендорфъ, кн. Чернышевъ, гр. Клейнмихель, гр. Закревскій; но общій тонъ управленію давали все-таки первые, и этимъ, въ значительной степени, объясняется перемѣна къ худ-

шему, наступающая во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, послѣ того какъ Дашкова замѣнилъ гр. В. Н. Панинъ, Блудова (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) — Л. А. Перовскій, гр. Канкрина—гр. Вронченко, потомъ П. Ѳ. Брокъ, гр. Уварова—кн. Ширинскій-Шихматовъ, а гр. Клейнмихель сохранилъ свой постъ и гр. Закревскій, одно время находившійся въ немилости, былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Гр. А. Ѳ. Орловъ ни въ чемъ не превосходилъ гр. Бенкендорфа, кн. В. А. Долгоруковъ—кн. Чернышева, и въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ между министрами, кромѣ гр. П. Д. Киселева, былъ Д. Г. Бибиковъ, не оправдавшій, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, тѣхъ ожиданій, которыя могло возбудить его управленіе юго-западнымъ краемъ. Въ какихъ рукахъ, даже въ началѣ царствованія Николая Павловича, находились нѣкоторыя важнѣйшія отрасли администраціи —объ этомъ можно судить по характеристикѣ гр. Бенкендорфа, сдѣланной бар. М. А. Корфомъ и приведенной въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ (стр. 472—3). Въ той же книжкѣ закончена интересная статья о В. А. Перовскомъ, два раза занимавшемъ при императорѣ Николаѣ I-мъ должность генералъ-губернатора оренбургскаго края и безспорно принадлежащаго къ числу замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи. Вотъ что говоритъ о немъ авторъ его біографіи, какъ нельзя лучше расположенный къ своему герою. „Понять характеръ Перовскаго довольно трудно; то онъ былъ слишкомъ добръ и милостивъ, снисходителенъ къ слабостямъ другихъ, то ужъ очень строгъ и взыскателенъ! Иной разъ это былъ звѣрь, а не человѣкъ. Разсказываютъ, что въ кардаиловской станицѣ (оренбургскаго войска) онъ до смерти запоролъ казака за то, что тотъ не хотѣлъ участвовать въ общественной запашкѣ, а причитающійся на долю его семьи хлѣбъ намѣревался прямо засыпать въ общественный магазинъ, безъ всякихъ хлопотъ. Перовскій принялъ это за ослушаніе начальству, за бунтъ, пригласилъ священника, приказалъ ему исповѣдать и причастить виновнаго и тутъ же, не выходя изъ-за стола, за которымъ пилъ чай, велѣлъ въ двѣ нагайки полосовать казака до тѣхъ поръ, пока тотъ не умеръ подъ ударами“. Этотъ фактъ до такой степени ужасенъ, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ полной его достовѣрности. Что наказанія кнутомъ, плетьми, шпицрутенами нерѣдко оканчивались въ то время смертью наказываемаго или наказаннаго—это безспорно, и хуже такой квалифицированной, замаскированной смертной казни ничего нельзя себѣ и представить; но она все-таки назначалась по суду, за преступленіе, и назначавшіе ее судьи могли обманывать себя предположеніемъ, что осужденный выдержитъ наказаніе. Въ случаѣ, разсказываемомъ у біографа В. А. Перовскаго,

казнь опредѣляется произволомъ администратора, безъ всякаго законнаго къ тому повода, и опредѣляется обдуманно и хладнокровно, съ полнымъ сознаніемъ ея послѣдствій. Знаменательна уже одна возможность возникновенія подобныхъ разсказовъ, въ особенности когда они пріурочиваются не къ Аракчееву или аракчеевцамъ, а къ государственному человѣку, отличительною чертою котораго вовсе не была жестокость. Перовскій является здѣсь представителемъ своего времени — времени, которое съ исторической точки зрѣнія можно цѣнить различно, но возвращенія къ которому нельзя желать ни въ какомъ случаѣ. Можно быть справедливымъ къ прошедшему, не возводя его въ урокъ для настоящаго и въ идеалъ для будущаго.

Процессъ г. Жеденева, разсматривавшійся недавно въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ и окончившійся признаніемъ подсудимаго виновнымъ въ причиненіи г. Меньшикову нетяжкой раны, вновь ставитъ на очередь вопросъ о томъ, какъ предупредить, по возможности, личную расправу, вызываемую газетными или журнальными статьями. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ: почему лица, признающія себя оскорбленными въ печати, сравнительно рѣдко обращаются къ суду, предпочитая добиваться удовлетворенія иными способами, менѣе достойными и даже, повидимому, менѣе цѣлесообразными? Причинъ этому, какъ намъ кажется, нѣсколько, и не всѣ онѣ одинаково легко устранимы. Иногда судебное производство представляется обиженному—или считающему себя обиженнымъ—путемъ слишкомъ медленнымъ и недостаточно вѣрнымъ; онъ не хочетъ ждать нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть даже нѣсколько лѣтъ—или не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ оскорбившей его статьѣ будутъ усмотрѣны признаки проступка, караемаго уголовнымъ закономъ. Иногда обиженный не желаетъ огласки, сопряженной съ судебнымъ разбирательствомъ—не желаетъ ея или въ виду особаго характера обиды, затрогивающей, напримѣръ, какія-либо семейныя тайны, или подъ вліяніемъ опасенія, что на судѣ обнаружится еще ярче неправота жалобщика. Иногда, наконецъ, обиженный увлекается порывомъ раздраженія, мѣшающимъ ему взвѣсить значеніе и послѣдствія своего поступка. Въ послѣднемъ случаѣ никакихъ искусственныхъ гарантій противъ самоуправства создать нельзя: оно перестанетъ быть возможнымъ только тогда, когда распространится и окрѣпнетъ убѣжденіе, что выстрѣлы, плевки и удары—плохіе способы возстановленія чести. Нелегко удержать отъ насилія и того, кто сознаетъ правильность обвиненія, взведеннаго на него въ печати, и думаетъ не столько объ оправданіи, сколько о мщеніи. Весьма вѣроятно, однако, что и

такія лица рѣже прибѣгали бы къ кулачной расправѣ, еслибы у нихъ была отнята возможность ссылаться на недостаточность миролюбивыхъ, легальныхъ средствъ самозащиты. Еще важнѣе, конечно, усиленіе этихъ средствъ было бы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, bona fide считающее себя оскорбленнымъ, озабочено только снятіемъ съ себя незаслуженнаго, по его мнѣнію, пятна. Изобличая злоупотребленія и правонарушенія, преслѣдуя безчестность, корысть, жестокость, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, вступаясь за угнетаемыхъ и унижаемыхъ, печать несетъ великое общественное служеніе, заслуживающее и требующее поддержки со стороны общества и государства; но въ ея дѣятельности, какъ и во всякой другой, встрѣчаются ошибки, встрѣчаются и намѣренныя уклоненія отъ правды. Всего лучше обезпечивало бы съ одной стороны права печати, съ другой—права частныхъ лицъ, такое положеніе вещей, при которомъ, на ряду съ обыкновенной судебной жалобой, возможно было бы обращеніе къ суду совѣсти или чести, свободному отъ формальностей, безапелляціонному и ничѣмъ не стѣсненному въ раскрытіи истины. Конечно, всѣ эти условія и теперь соединяетъ третейское производство; но для учрежденія третейскаго суда необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, во-первыхъ—согласіе обѣихъ сторонъ на этотъ способъ рѣшенія дѣла, во-вторыхъ—соглашеніе ихъ относительно выбора посредниковъ или, по крайней мѣрѣ, общаго посредника (суперъ-арбитра). И то, и другое требуетъ времени, требуетъ переговоровъ, требуетъ болѣе или менѣе спокойнаго и примирительнаго настроенія, мало вѣроятнаго именно въ первомъ, жгучемъ фазисѣ спора. Малѣйшее нетерпѣніе, малѣйшая горячность съ той или другой стороны—и противники опять остаются лицомъ къ лицу, съ прежними шансами остраго столкновенія. Совсѣмъ иначе могутъ сложиться обстоятельства, если литературный судъ чести будетъ учрежденіемъ постояннымъ, легко доступнымъ и могущимъ приступить къ разбору дѣла даже безъ прямо выраженнаго согласія отвѣтчика. Такой судъ возможенъ, въ свою очередь, только на почвѣ обширнаго, правильно организованнаго общества или союза профессіональныхъ писателей. Избранные не для опредѣленнаго дѣла, а на извѣстный срокъ, въ такомъ числѣ, при которомъ можно было бы призывать ихъ по жребію, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права отвода, члены суда чести были бы настолько безпристрастны и авторитетны, что къ нимъ все чаще и чаще стали бы обращаться лица, задѣтыя газетой или журналомъ. При существованіи такого суда, общественное мнѣніе относилось бы гораздо строже къ насилію, какъ къ отвѣту на нападеніе въ печати. Самовольную расправу нельзя было бы извинять тѣмъ, что процессъ о клеветѣ или обидѣ слишкомъ продол-

жителенъ и сложенъ, а отъ третейскаго суда уклоняется обидчикъ; предпочесть револьверъ или нагайку суду чести, значило бы заранѣе признать себя неправымъ. Кто дорожитъ *наказаніемъ* обидчика, для того, конечно, судъ чести не можетъ замѣнить обыкновеннаго суда; но въ большинствѣ случаевъ для обиженнаго важно только опроверженіе лжи или ошибки, пущенной въ оборотъ путемъ печати —а эта цѣль всего лучше достигается опредѣленіемъ суда чести, опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе.

Посмотримъ теперь поближе, какъ могло бы быть организовано упомянутое нами общество писателей. Года два тому назадъ нѣкоторые органы нашей печати высказались за учрежденіе *сословія* журналистовъ, центральный органъ котораго былъ бы облеченъ извѣстною властью, аналогичною власти совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Противъ этого проекта мы представили, въ свое время [1]), рядъ возраженій, указавъ на затрудненія, съ которыми была бы сопряжена организація новаго „сословія", на опасность, которою оно угрожало бы и безъ того уже столь мало процвѣтающей у насъ свободѣ слова. Желательно, съ нашей точки зрѣнія, только такое общество писателей, принадлежность къ которому ни для кого не была бы обязательна, вступленіе въ которое было бы обусловлено его согласіемъ и власть котораго по отношенію къ своимъ членамъ не простиралась бы дальше удаленія ихъ изъ общества. Вступая въ составъ общества, писатель подчинялся бы, этимъ самымъ, избираемому изъ его среды суду совѣсти или чести, къ посредничеству котораго могли бы обращаться, по своему усмотрѣнію, какъ сами писатели, въ своихъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, такъ и постороннія лица. Само собою разумѣется, что отъ сторонъ зависѣло бы учредить и особый третейскій судъ, не имѣющій ничего общаго съ постояннымъ судомъ чести, организованнымъ при союзѣ; но послѣдній былъ бы всегда открытъ и всегда доступенъ, на тотъ случай, еслибы между сторонами не состоялось соглашенія относительно третейскаго суда. Всякій, задѣтый въ печати, имѣлъ бы полную возможность добиться въ кратчайшій срокъ, безъ хлопотъ и расходовъ, тѣхъ объясненій со стороны обвинителя, которыя теперь требуются иногда съ оружіемъ въ рукахъ, и затѣмъ—мотивированнаго рѣшенія по существу спорнаго вопроса. Постановленное противъ писателя, это рѣшеніе было бы наилучшимъ удовлетвореніемъ для жалобщика; постановленное въ пользу писателя, оно возводило бы личное его мнѣніе на степень коллективнаго взгляда цѣлаго учрежденія—и этимъ самымъ дѣлало бы нравственно-невозможнымъ дальнѣйшее преслѣ-

---

[1]) См. „Общ. Хронику" въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1894 г.

дованіе первоначальнаго обвинителя. Неподсудными суду чести оставались бы, правда, писатели, не входящіе въ составъ союза; но, во-первыхъ, союзовъ можетъ быть нѣсколько, и каждый изъ нихъ можетъ имѣть свой судъ чести; во-вторыхъ, добровольно подчиниться суду чести, избранному союзомъ, могли бы, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, и писатели, не принадлежащіе къ числу членовъ союза; въ-третьихъ, постепенно распространяющаяся въ обществѣ, благодаря судамъ чести, привычка къ миролюбивому разбору обвиненій, взводимыхъ печатью и противъ печати, могла бы оградить отъ насильственныхъ дѣйствій и тѣхъ писателей, которые остались бы въ сторонѣ отъ союза или союзовъ. Мы надѣемся, поэтому, что нападенія въ родѣ тѣхъ, которымъ подверглись, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, редакторы или издатели трехъ повременныхъ изданій, скоро встрѣтятъ преграду въ лицѣ союза или общества писателей, организованнаго на указанныхъ нами началахъ [1]). Судъ совѣсти или чести будетъ, конечно, только одною изъ составныхъ частей этого общества, миролюбивое разрѣшеніе споровъ—только одною изъ задачъ его. Въ добровольномъ, свободномъ единеніи писателей на каждомъ шагу чувствуется потребность, далеко недостаточно удовлетворяемая литературнымъ фондомъ и состоящею при немъ кассою взаимопомощи. На почвѣ писательской профессіи возникаетъ множество общихъ интересовъ, нуждающихся въ коллективной охранѣ, множество общихъ вопросовъ, требующихъ коллективнаго обсужденія. Единодушіе взглядовъ и стремленій—вовсе не необходимое условіе для такой совмѣстной дѣятельности; достаточно взаимнаго уваженія, признакомъ и выраженіемъ котораго служитъ съ одной стороны желаніе вступить, съ другой—согласіе принять въ члены общества.

Оправданіе всѣхъ подсудимыхъ по извѣстному мультанскому дѣлу—явленіе тѣмъ болѣе отрадное, чѣмъ меньше благопріятствовали ему условія, при которыхъ, въ третій и, надѣемся, послѣдній разъ, слушалось дѣло. Назначеніе разбирательства не въ Казани, а въ небольшомъ городкѣ Мамадышѣ, близкомъ къ мѣстности, гдѣ возникло дѣло и разгорѣлись возбужденныя имъ страсти; порученіе обязанностей обвинителя съ одной стороны тому самому лицу прокурорскаго надзора, чрезвычайное усердіе котораго наложило особую печать на предварительное слѣдствіе и на два первыхъ судебныхъ разбора, съ другой стороны—товарищу прокурора судебной палаты, т.-е. представителю высшей

[1]) Проектъ устройства такого общества, сколько намъ извѣстно, уже составленъ и скоро будетъ пущенъ въ ходъ.

обвинительной инстанціи, выступающей на сцену въ окружныхъ судахъ только тогда, когда обвиненію желаютъ придать удвоенную силу; отказъ въ допросѣ свидѣтелей и экспертовъ, выставленныхъ защитой—все это позволяло опасаться новаго повторенія судебной ошибки, которую, можетъ быть, и не удалось бы въ третій разъ исправить Прав. Сенату (мы рѣшаемся говорить о судебной ошибкѣ не только въ виду оправдательнаго вердикта присяжныхъ, но и въ виду заключеній, данныхъ представителями науки, и злоупотребленій, несомнѣнно допущенныхъ при розыскахъ по мультанскому дѣлу). Опасенія, однако, не оправдались; здравый смыслъ и совѣсть присяжныхъ засѣдателей—все-таки, на этотъ разъ, поставленныхъ въ лучшія условія, чѣмъ въ Сарапулѣ или Елабугѣ—взяли свое, и мнимое человѣческое жертвоприношеніе отошло въ область сказокъ. Оспаривать правильность мамадышскаго вердикта не рѣшаются даже газеты, всегда готовыя стоять на сторонѣ обвиненія—но онѣ ухищряются обратить его въ орудіе противъ... суда присяжныхъ! Указавъ на общераспространенное мнѣніе, что мультанскіе подсудимые обязаны своимъ оправданіемъ энергіи В. Г. Короленко, „Московскія Вѣдомости" (№ 155) восклицаютъ: „велика ли будетъ степень довѣрія къ суду (все равно, съ присяжными или безъ нихъ), если приговоры его будутъ зависѣть отъ присутствія на разборѣ дѣла того или другого писателя?.. Невольно является страхъ за участь множества другихъ обвиняемыхъ, столь же невинныхъ, но которымъ едва ли удастся найти такихъ энергичныхъ и непредусмотрѣнныхъ судебными уставами защитниковъ. Вѣдь дѣла о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, слава Богу, возникаютъ не часто, а въ убійствахъ и грабежахъ каждый день обвиняются десятки и сотни людей. Послѣдствія обвинительныхъ приговоровъ и тутъ не менѣе тяжки для осужденныхъ, а рѣшаютъ ихъ участь тѣ же судьи и тѣ же присяжные, только обыкновенно никому и въ голову не приходитъ докапываться до всѣхъ тонкостей предварительныхъ дознаній и слѣдствій... Чѣмъ руководствовались присяжные (по мультанскому дѣлу), принимая то или другое рѣшеніе, остается, разумѣется, неизвѣстно, а несомнѣнно только, что то или другое изъ нихъ было судебною ошибкой. Нѣтъ надобности входить въ подробное обсужденіе вопроса, кто виноватъ въ подобныхъ ошибкахъ—слѣдствіе, судъ или сами присяжные, но во всякомъ случаѣ ясно, что при существующемъ порядкѣ вещей гарантіи правосудія оказываются весьма шаткими. Какъ бы ни старалась печать, готовая приносить своимъ *идоламъ* въ жертву самое правосудіе, поддерживать въ публикѣ поклоненіе имъ, факты каждый день приводятъ ее къ новымъ противорѣчіямъ и все болѣе расшатываютъ этотъ культъ". Вся эта аргументація шита бѣлыми нитками,

и такъ плохо сшита, что расползается во всѣ стороны. Что судъ присяжныхъ для либеральной печати вовсе не *идолъ*—лучшимъ доказательствомъ этому служитъ именно мультанское дѣло. Еслибы она возводила непогрѣшимость присяжныхъ на степень догмата, въ жертву которому можетъ быть принесено даже правосудіе, развѣ она стала бы на сторону В. Г. Короленко, всѣ усилія котораго были направлены къ раскрытію ошибки, *два раза* допущенной присяжными? Не ясно ли, что ей нужно было бы, наоборотъ, отстаивать первые два вердикта, доказывать виновность вотяковъ? Ни о чемъ подобномъ, однако, на страницахъ либеральныхъ изданій не было и рѣчи. Защищать судъ присяжныхъ, не значитъ еще заранѣе признавать правильнымъ каждое отдѣльное рѣшеніе, постановленное этимъ судомъ. Ошибки возможны и со стороны суда присяжныхъ; онѣ только менѣе вѣроятны при этой формѣ суда, чѣмъ при всякой другой, — и этого достаточно, чтобы отдать ей преимущество передъ остальными. Напрасно, далѣе, московская газета высказывается противъ обсужденія вопроса, кто виноватъ въ судебной ошибкѣ: такое обсужденіе необходимо уже потому, что безъ него нельзя принять мѣръ противъ повторенія ошибокъ. Мультанское дѣло обнаруживаетъ, уже не въ первый разъ, опасность полицейскаго произвола при производствѣ дознаній, опасность запоздалыхъ слѣдственныхъ дѣйствій, опасность излишняго усердія со стороны обвинительной власти, опасность наклоненія вѣсовъ на судѣ въ пользу обвиненія, отказомъ въ дополненіи судебнаго слѣдствія по требованіямъ защиты. Освѣтивъ, съ поразительною яркостью, всѣ пробѣлы, всѣ болѣзненные наросты мультанскаго дѣла, В. Г. Короленко оказалъ великую услугу не однимъ только несчастнымъ мультанскимъ вотякамъ. Онъ выставилъ на видъ слабыя стороны нашей уголовно-судебной практики, слишкомъ часто идущей въ разрѣзъ съ постановленіями судебныхъ уставовъ; а сознаніе недостатковъ—первый шагъ къ ихъ исправленію. Совершенно вѣрно, что „энергичные защитники, непредусмотрѣнные судебными уставами", встрѣчаются крайне рѣдко—но именно потому особенно необходимо улучшеніе судебныхъ нравовъ, возвращеніе къ лучшимъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, сильно пострадавшимъ въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Именно потому, что во множествѣ случаевъ некому „докапываться", въ интересахъ подсудимаго, „до всѣхъ тонкостей дознанія и слѣдствія", желательно такое веденіе того и другого, при которомъ и не было бы надобности въ „докапываніи". Если „гарантіи правосудія" оказываются иногда „весьма шаткими", это зависитъ, сплошь и рядомъ, не отъ несовершенствъ судебнаго строя, созданнаго реформой 1864 г., а отъ порчи, мало-помалу въ него закравшейся и санкціонированной, до извѣстной сте-

пени, обычаемъ или закономъ... Представимъ себѣ, на минуту, что у насъ нѣтъ суда присяжныхъ или что изъ вѣденія его изъяты дѣла объ убійствѣ. Что мультанскій процессъ, предоставленный рѣшенію короннаго суда, окончился бы въ первый и во второй разъ точно такъ же, какъ и въ судѣ присяжныхъ—т.-е. осужденіемъ подсудимыхъ, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что дѣятельность коронныхъ судей (особенно при второмъ разсмотрѣніи дѣла) была всецѣло направлена именно къ достиженію обвинительнаго вердикта; но каковъ былъ бы вѣроятный исходъ третьяго разбирательства? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ: *обвинительный*. Защитѣ, еслибы она имѣла дѣло съ судомъ короннымъ, было бы гораздо труднѣе пробить ту броню предвзятыхъ взглядовъ, которую сковало предварительное слѣдствіе и укрѣпило двукратное судебное производство. Судьи не только сарапульскаго, но и другого, сосѣдняго суда (особенно при участіи сарапульской прокуратуры) отнеслись бы къ подсудимымъ съ гораздо бо̀льшимъ предубѣжденіемъ, чѣмъ присяжные, до тѣхъ поръ стоявшіе въ сторонѣ отъ борьбы между обвиненіемъ и защитой. Съ этой точки зрѣнія мультанское дѣло является, безспорно, сильнымъ аргументомъ въ пользу суда присяжныхъ.

Съ странными противорѣчіями приходится иногда встрѣчаться въ журналахъ, поставившихъ себѣ задачей борьбу съ либерализмомъ. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ книжекъ „Русскій Вѣстникъ" изливаетъ цѣлую чашу негодованія на другой журналъ, обвинившій его въ „политическомъ доносѣ". Обвиненія этого рода, по мнѣнію „Русскаго Вѣстника", должны быть разъ навсегда сданы въ архивъ. Что̀ произносится громогласно, передъ аудиторіей въ нѣсколько тысячъ или даже десятковъ тысячъ человѣкъ, то не можетъ быть подводимо подъ понятіе о доносѣ: отъ обвиняемаго всегда зависитъ обратить противъ обвинителя его же собственное орудіе, т.-е. печатное слово. Не было еще примѣра, чтобы такъ называемый „политическій доносъ", идущій отъ консервативной прессы, причинилъ кому-либо какой-нибудь ущербъ или какую-нибудь непріятность. Никто больше не вѣритъ, что *опасно* вести споръ съ консервативными журналами. Указаніе на такую опасность—избитый пріемъ либеральныхъ полемистовъ, свидѣтельствующій только о томъ, что у нихъ не хватаетъ пороху для отвѣта по существу... Такъ разсуждаетъ „Русскій Вѣстникъ" на стр. 312 майской книжки,—а нѣсколькими страницами раньше (304—5) обвинительный актъ противъ журнала („Русскаго Богатства"), „подъ знаменемъ" котораго „собрался кружокъ либеральныхъ, даже радикальныхъ старовѣровъ", заключается слѣдую-

щими словами: „наши либералы и въ частныхъ разговорахъ, и въ журналахъ, постоянно жалуются на отсутствіе у насъ свободы печати. Эти жалобы проникаютъ и за рубежъ, появляются въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Русская *свобода печати* сдѣлалась синонимомъ чего-то невѣроятно курьезнаго и уродливаго. Но вотъ передъ нами *Русское Богатство*, являющееся живымъ опроверженіемъ подобныхъ сѣтованій. *Русское Богатство* даже не освобождено отъ предварительной цензуры. Каждая его статья просматривается цензоромъ, имѣющимъ право вычеркивать сколько угодно. И что же? *Читая журналъ гг. Михайловскаго и Короленки, совершенно забываешь о существованіи у насъ не только предварительной, но и послѣдующей цензуры*. Не доказываетъ ли это, что наши либералы жалуются и ропщутъ только по привычкѣ вѣчно роптать и жаловаться?"... Не останавливаясь на пріисканіи техническаго термина, наиболѣе примѣнимаго къ этой выходкѣ, спросимъ себя: неужели она обращена только къ читателямъ „Русскаго Вѣстника"? Неужели она не равносильна указанію на бездѣйствіе цензуры, а слѣдовательно и напоминанію, кому слѣдуетъ, о необходимости бо́льшей бдительности и строгости? А разъ что это такъ, то гдѣ же ручательство въ томъ, что указаніе пройдетъ безслѣдно, напоминаніе услышано не будетъ?.. Представимъ себѣ, что въ журналѣ или газетѣ, извѣстныхъ своею благонамѣренностью, появилась статья о вопіющихъ непорядкахъ на улицахъ города, оканчивающаяся такъ: „проходя тамъ-то и тамъ-то, совершенно забываешь о существованіи у насъ городской полиціи". Кто повѣрилъ бы автору статьи, еслибы онъ сталъ увѣрять, что въ его виды вовсе не входило „подтянуть" полицію, навлечь на нее начальственную нахлобучку? Не ясно ли, что начальство, усердное къ своимъ обязанностямъ, не могло бы не обратить вниманія на статью, косвенно упрекающую его въ слабомъ надзорѣ за подчиненными, въ недостаточно энергичномъ пользованіи своею властью? Цензура—это своего рода полиція, съ спеціальнымъ кругомъ дѣйствій; она отвѣтственна за „порядокъ" въ печати, какъ полиція—за порядокъ на улицахъ. Не знаемъ, увеличились ли на самомъ дѣлѣ, послѣ майской статьи „Русскаго Вѣстника", цензурныя строгости по отношенію къ „Русскому Богатству" — но если не увеличились, то въ этомъ виноватъ, очевидно, не петербургскій консервативный журналъ, сдѣлавшій все отъ него зависящее, чтобы помѣшать своему собрату „старательно пригонять статью къ статьѣ и достигать такимъ путемъ ансамбля совершенно опредѣленнаго свойства"...

Часто приходится слышать, въ послѣднее время, сѣтованія на

недостатокъ свѣжихъ литературныхъ силъ, идущихъ на смѣну отживающимъ или отжившимъ. Быть можетъ, эти сѣтованія нѣсколько преувеличенны, но совершенно лишенными основанія ихъ, къ сожалѣнію, назвать нельзя. Тѣмъ болѣе чувствительна всякая убыль въ средѣ молодыхъ писателей, въ короткое время успѣвшихъ выдвинуться изъ толпы и занять опредѣленное мѣсто въ наукѣ, беллетристикѣ или воинствующей печати. Къ числу такихъ писателей принадлежалъ Николай Васильевичъ Водовозовъ, скончавшійся 25 мая, двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. Сынъ одного изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, онъ давно уже поражалъ всѣхъ его знавшихъ рано пріобрѣтенною громадною начитанностью, зрѣлостью мысли, блестящимъ діалектическимъ талантомъ, горячимъ стремленіемъ къ труду на общую пользу. Его политико-экономическія статьи, помѣщавшіяся преимущественно въ „Русской Мысли", сдѣлали его имя извѣстнымъ и въ болѣе широкихъ сферахъ; его докладъ о Мальтусѣ (вошедшій, отчасти, въ составъ біографіи Мальтуса, написанной имъ для изданія г. Павленкова) произвелъ большое впечатлѣніе въ московскомъ юридическомъ обществѣ. Несмотря на слабое здоровье, работа кипѣла въ его рукахъ, одинъ планъ слѣдовалъ за другимъ—и только смерть остановила его дѣятельность. Нужно прочесть статью, посвященную его памяти однимъ изъ его сверстниковъ, г. Булгаковымъ („Русскія Вѣдомости", № 149), чтобы понять, чѣмъ онъ былъ для людей ему близкихъ... Мы часто думали о немъ—конечно, не о немъ одномъ,—когда намъ приходилось отстаивать современную молодежь противъ огульныхъ, несправедливыхъ нападеній.

ПОПРАВКА.—Въ іюньской книгѣ журнала, на стр. 491, въ 17-ой строкѣ сверху, вмѣсто: „накатовъ", слѣдуетъ читать: „канатовъ"; на стр. 508, въ 7-ой строкѣ снизу, вмѣсто: „неподалеку", слѣдуетъ: „вдали".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. Соч. Ив. Забѣлина, 3-е изд. съ дополненіями. М. 96. Стр. 316. Ц. 1 р. 50 к.

Справедливо начинаетъ авторъ свой трудъ словами: „Наше *смутное время* - эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замѣчательная именно со стороны *исторіи народа*". Тогдашнее „материкъ-общество" авторъ изображаетъ въ видѣ трехъ „пластовъ", каждый съ своими интересами и задачами жизни; эти пласты именовали себя, по отношенію къ верховной власти, богомольцами (духовенство), холопами (служилые люди) и сиротами (земство и народъ). Служилые люди всегда стремились къ тому, чтобы „властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ". Основная мысль автора и состоитъ въ томъ, чтобы показать, что именно въ расположеніи и характерѣ „пластовъ"—съ противорѣчащими ихъ интересами, и лежитъ главная причина смутнаго времени, а потому корень этой смуты слѣдуетъ искать гораздо прежде прекращенія дома Рюриковичей, въ концѣ XVI вѣка; „смуту,—говоритъ онъ,—искони производилъ, а теперь (въ началѣ XVII вѣка) распространилъ ее на всю Землю именно пластъ служилый, по-древнему—дружинный, а нынѣ уже холопій, или еще точнѣе—дворовый". Въ концѣ книги приложено около двадцати документовъ изъ той эпохи.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708 — 1893). Редакція С. А. Венгерова. Изд. Г. Юдина. Вып. IV: Александровъ-Альбовъ. Спб. 96. Стр. 145—192. Ц. 35 к.

Настоящее изданіе предназначено послужить подготовительною работою къ другому изданію С. А. Венгерова, а именно: „Критико-біографическому Словарю русскихъ писателей и ученыхъ", достигшему четырехъ томовъ. Какъ справочная книга, новое изданіе, подготовительное, заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ, собраніе котораго составило бы не малую работу для цѣлаго общества, еслибы таковое составилось для подобной цѣли.

Основанія теоріи и техники статистики. Съ приложеніемъ рисунковъ и графиковъ. Л. В. Ходскаго. Спб. 96. Стр. 207. Ц. 2 р.

Прежде всего авторъ имѣетъ въ виду дать пособіе своимъ университетскимъ слушателямъ, но въ тоже время онъ желаетъ распространить и въ обществѣ знакомство съ основаніями теоріи и техники статистики въ такое время, когда скоро наступитъ необходимость привлеченія массы лицъ къ участію въ предстоящей первой въ Россіи всеобщей переписи наличнаго населенія, а также въ виду того значенія, какое пріобрѣла эта наука, благодаря усиліямъ земства и городовъ воспользоваться статистикою съ цѣлью ознакомленія съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ и принятія какихъ-нибудь новыхъ мѣръ. Во введеніи читатель найдетъ историческій очеркъ науки статистики и общія понятія о научныхъ методахъ статистическихъ изслѣдованій; за симъ, въ двухъ частяхъ излагается теорія статистическаго метода и статистическія операціи по переписи населенія, по судебно-уголовной статистикѣ и по сельскому хозяйству. Въ заключеніе, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія объ организаціи центральныхъ и мѣстныхъ статистическихъ учрежденій, объ ученыхъ обществахъ, конгрессахъ и съѣздахъ. Въ приложеніи помѣщена литература статистики, образцы діаграммъ, картограммъ и т. д.

Правовое государство и административные суды Германіи, Руд. Гнейста 2-е изд., исправлен. и дополн. Перев. О. Фустова, п. р. М. И. Свѣшникова. Спб. 96. Стр. 370. Ц. 1 р. 50 к.

Имя Гнейста, знатока англійской конституціи, само по себѣ объясняетъ успѣхъ его книги у насъ и появленіе новаго ея изданія. Его взглядъ на вопросы государственнаго права состоитъ въ томъ, что въ наше время ищутъ существа дѣла не въ нормахъ, признающихъ извѣстныя публично-правовыя отношенія, не въ правахъ народа и власти, а въ способѣ дѣйствія власти, въ тѣхъ техническихъ средствахъ, которыми обезпечивается правильность отправленія государственной власти.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліею Гинджеллъ. Съ портретомъ Герб. Спенсера. Переводъ съ англійскаго А. Гейжевскаго, подъ редакціею Вл. Соловьева. Спб., 1896. Стр. XIII + 200. Ц. 1 рубль.

Избранныя цитаты изъ сочиненій Спенсера распредѣлены въ этой книжкѣ по отдѣламъ и касаются предметовъ общаго интереса; въ нихъ говорится о воспитаніи, справедливости, симпатіи, счастіи, самообладаніи, правдѣ и честности, какъ и объ эволюціи, наукѣ, политикѣ и соціологіи. Мѣткія сужденія Спенсера, собранныя въ видѣ афоризмовъ, дѣлаютъ доступнымъ большинству публики многое изъ того, что скрыто въ трактатахъ „Синтетической философіи". „Афоризмы" читаются легко и понятны всѣмъ; выборъ ихъ сдѣланъ съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ.

К. Вагнеръ. Простая жизнь. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. Спб., 1896. Стр. XVI + 207. Ц. 1 р.

Авторъ этой книги — убѣжденный и горячій проводникъ „упрощенія жизни", отчасти въ духѣ гр. Льва Толстого, но безъ его доктринерства. Проповѣди Вагнера отличаются искреннимъ, задушевнымъ тономъ; онѣ написаны просто, безъ претензій, и затрогиваютъ самыя основы житейскихъ отношеній, условій и обычаевъ, не вдаваясь ни въ область отвлеченной морали, ни въ сферу безплодныхъ утопій. Люди сами усложняютъ свою жизнь множествомъ ненужныхъ заботъ и привычекъ, отъ которыхъ легко было бы избавиться; они дѣлаются рабами приличій и комфорта, и потому никогда не могутъ чувствовать себя довольными и счастливыми; они должны, ради собственнаго своего интереса, вернуться къ безыскусственной простотѣ отношеній и нравовъ. Такова основная идея Вагнера, развиваемая имъ съ большимъ краснорѣчіемъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1896.

☞ Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть года въ 1896 г. ☜
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ГРАФЪ
С. Г. СТРОГОНОВЪ

Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.

Окончаніе.

IV [1]).

Обратимся теперь къ историческому плану Бодянскаго, игравшему такую видную роль въ первыхъ судьбахъ нашего университетскаго славизма.

Программа славянскаго путешествія Бодянскаго живо выдвигаетъ передъ нами энергическую натуру избранника гр. Строгонова: его все интересуетъ, все онъ захватываетъ въ кругъ своего будущаго изученія. О ней можно бы сказать, что̀ о китайской картинкѣ, что все у Бодянскаго главное, какъ тамъ — все герои, первые персонажи.

Мы помнимъ, что первая система для мѣстныхъ славянскихъ изученій принадлежала кандидату изъ Варшавы, Кухарскому, въ 1830 году: характеръ ея повторяется и у Бодянскаго. Для Кухарскаго, въ область славянской филологіи входятъ: діалектологія, географія, политическая исторія, исторія литературы, древности, и даже „исторія изящныхъ искусствъ славянскихъ народовъ". И тамъ, и здѣсь предъ нами не только языкъ, литература, но и исторія, древности, и всякія вспомогательныя науки. Да, по убѣжденію Бодянскаго, новая славянская каѳедра обнимала самыя разнообразныя стороны жизни славянства; во всестороннемъ и

---

[1]) См. іюль, стр. 165.

гармоническомъ изученіи всѣхъ частей — цѣль слависта. Но и этого мало: среди массы предметовъ изученія, Бодянскій не забываетъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на практическихъ занятіяхъ живыми славянскими языками, и это изученіе, на его взглядъ — залогъ самаго успѣха будущаго преподаванія. Излишне касаться, что въ выставленномъ оригинальномъ требованіи — дань увлеченію: говорить безукоризненно на всѣхъ славянскихъ языкахъ почти невозможно, въ виду ихъ близости, да еще въ двухъ-годичный срокъ; но оно свидѣтельствуетъ о строгости его автора къ себѣ, къ новому дѣлу, объ энергическомъ желаніи достичь наибольшихъ результатовъ.

Но главная слабая сторона программы, какъ замѣчено вскользь раньше, отсутствіе *центральнаго* предмета, что̀ естественно вытекало изъ односторонней постановки вопроса. Времени дано немного, а между тѣмъ все изучать. Еще сильнѣе бросается въ глаза неправильность построенія системы, если обратить вниманіе, что цѣлые полъ-года посвящены Прагѣ, первому пункту, гдѣ путникъ долженъ окунуться въ славянскую стихію, и между прочимъ для того, чтобы только сдѣлать предварительныя развѣдки — „оріентировать себя (путемъ разспросовъ) и посовѣтоваться, какъ *начать* и продолжать дальнѣйшее путешествіе съ бо̀льшею пользою“. Но, очевидно, все это надо было сообразить раньше, а не при самомъ открытіи дѣйствія.

Спѣшность работы, излишество отсюда задачъ болѣе чѣмъ второстепеннаго значенія—на каждомъ шагу. При бо̀льшей обдуманности, сосредоточенности эти вопросы отпали бы сами собой — такъ они рѣжутъ глаза. И новизна дѣла, и краткость срока, при массѣ главныхъ задачъ, дѣлаютъ совсѣмъ неумѣстной встрѣчу такихъ вопросовъ, какъ просмотръ бумагъ изъ Венеціи, могущихъ имѣть отношеніе къ Крыму, какъ „занятіе въ Генуѣ предметами, относящимися до пребыванія генуэзцевъ въ Тавріи“, того хуже — „Каппоніевыми таблицами“ въ Ватиканѣ [1]), какъ осмотръ переписки царя Алексѣя въ Готѣ, или многочисленныя экскурсіи въ сторону съ единственною цѣлью—„сведенія личнаго знакомства“.

Далѣе, совсѣмъ странно, что бѣлорусское нарѣчіе авторъ собирается изучить дважды—въ Галиціи и по пути уже назадъ въ Москву. Неумѣстенъ и отводъ слишкомъ большого времени, нагроможденіе цѣлой массы разнородныхъ задачъ—на изученіе земель уже несуществующихъ славянъ полабо-прибалтійскихъ.

---

[1]) О нихъ ср. еще въ Исторіи Карамзина, т. III, прим. 258.

Захватывай побольше—вотъ девизъ автора записки. Передъ его глазами какъ бы носилась дѣятельность только-что успокоившейся Археографической Экспедиціи Строева и Бередникова, только въ болѣе широкомъ масштабѣ. Но новая экспедиція, это—онъ одинъ, Бодянскій. Мѣра соблюдена не была; порывы, при нѣкоторой долѣ самодовольства, ослабили разсужденіе, провѣрку самого себя. Но добрыя зерна въ программѣ, хотя и писанной на-скоро, точность и обстоятельность маршрута, указаніе и лицъ не первой величины, могущихъ быть съ пользою для мѣстныхъ изученій, горячее чувство, съ которымъ обращается авторъ къ каждому изъ этихъ изученій, а это такъ полезно при каждомъ новомъ дѣлѣ,—обусловили заслуженное вниманіе къ ней, и мы видѣли, что она сдѣлалась своего рода оффиціальнымъ наказомъ: за нее не могли не ухватиться, такъ какъ она впервые вносила извѣстный порядокъ въ неясную еще область научныхъ интересовъ для сферъ оффиціальныхъ.

Записка Бодянскаго—проектъ дѣловой бумаги, черновая; редакціонныя поправки были необходимы, и онѣ ждать себя не заставили.

Мы видѣли, записка была тотчасъ же разослана къ попечителямъ другихъ университетовъ, какъ руководство на случай объявленія кандидатовъ. Казанскій попечитель отвѣчалъ сейчасъ же, что поставленный министерствомъ вопросъ не по его умственнымъ средствамъ; оба другіе промедлили, но чтобы явиться съ самостоятельнымъ мнѣніемъ: Петербургскій съ поправками, и по существу, Харьковскій — съ детальными, но оба съ указаніемъ кандидатовъ.

Представителемъ петербургскаго университета былъ его избранникъ—учитель Петръ Прейсъ изъ Дерпта, работавшій тамъ уже десятокъ лѣтъ, подъ воздѣйствіемъ и по сосѣдству науки запада, умъ холодный, но крупный и искушенный, строго критическій. Солидный, угрюмо-молчаливый и уже съ просѣдью (род. 1808), онъ былъ прямою противоположностью увлекающемуся Бодянскому и при первомъ знакомствѣ съ Шафарикомъ онъ произвелъ на него необыкновенно сильное впечатлѣніе: Шафарикъ любилъ повторять, что Прейсъ—замѣчательная голова, что отъ него наука можетъ ожидать многаго [1]). Всѣ эти качества ума Прейса ярко

[1]) Изъ воспоминаній сына, г. Войтѣха Шафарика въ Прагѣ, въ бесѣдахъ съ нами лѣтомъ 1889 года. Въ одномъ изъ современныхъ писемъ къ Погодину, Шафарикъ называетъ Прейса вторымъ Востоковымъ—Востоковымъ будущаго. До личнаго знакомства въ Прагѣ, Шафарикъ уже зналъ Прейса изъ писемъ къ нему друга Кёппена. Кёппенъ тепло отзывался о Прейсѣ. По поводу одного стараго сочиненія Ша-

обнаружились въ поправкахъ, предложенныхъ имъ къ запискѣ Бодянскаго. Представителемъ харьковскаго университета былъ и руководитель его избранника—адъюнкта политико-эконома, Изм. Срезневскаго (род. 1811)—деканъ и поэтъ Гулакъ-Артемовскій.

Не произнося нигдѣ имени Бодянскаго, не только не называя, но нигдѣ ни малѣйшимъ намекомъ не указывая на свое знакомство съ запиской его, перечисляя цѣлую серію славянскихъ путешественниковъ—отъ Кёппена и до Строева (въ самое недавнее время), только не Бодянскаго, Прейсъ свой планъ путешествія начинаетъ именно съ анонимной критики труда московскаго слависта—указаніемъ его излишествъ, суетныхъ увлеченій.

„Отправляющійся въ славянскія земли,—начинаетъ свою записку Прейсъ,—обязанъ *исключительно* имѣть въ виду изученіе языковъ и литературы славянскихъ. Древности, исторія, палеографія и т. д., также *пересмотръ* архивовъ не должны отвлекать его отъ главной цѣли". Выйдя изъ этой правильно поставленной, строго научной точки зрѣнія, Прейсъ, естественно, указываетъ на безполезность экскурсій по сѣверной Германіи и Италіи. Все это не въ бровь, а прямо въ глазъ по адресу Бодянскаго.

Опредѣливъ немногіе, но центральные интересы славянскихъ изученій, Прейсъ, какъ внимательный и умный ученикъ науки запада, въ дальнѣйшемъ изложеніи больше половины своей записки посвящаетъ вопросу, правильная и своевременная постановка котораго приноситъ одинаково честь и автору, свидѣтельствуя о глубокомъ пониманіи имъ очередныхъ вопросовъ новой науки сравнительнаго языкознанія (но не въ стилѣ Венелина), и Россіи. Мы разумѣемъ выдвинутое имъ впередъ, на первый планъ, обязательное для слависта Россіи изученіе *литовскаго* языка—этого благороднѣйшаго члена нашей благородной, „арійской"—семьи языковъ [1]). Въ немногихъ словахъ суммировать

фарика („Ueber die Abkunft"), 21 окт. 1838 года Кёппенъ пишетъ Шафарику изъ Петербурга: „...endlich fand es (книга) sich bei einem Hrn Preis, der früher Lehrer der russischen Sprache in Dorpat war und nun hieher zur Universität versetzt ist. Diess ist ein fleissiger Mann, der mit der Wissenschaft fortschreitet"... Книга была нужна для акад. Круга и ее можно было достать только у Прейса. При этомъ нельзя не вспомнить замѣчаній Плетнева въ некрологѣ Прейса († въ маѣ 1846 г.), что его библіотека—рѣдкое въ своемъ родѣ сокровище (Сочиненія, II, 209).

[1]) Любопытно, что литовскимъ языкомъ интересовался и Кюхельбекеръ, столь рѣзко выдвинувшій вопросъ о народномъ элементѣ. „Литва—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ (въ крѣпости, въ 1832 г.)—это нѣкогда страшное племя, почти совершенно переродилась; всѣ они почти стали поляками или, бѣлорусцами; едва-ли теперь и 20 тыс. литвяковъ муж. пола говорятъ еще по-литовски. („Рус. Старина", 1875, XIII, стр. 516).

и начертать путь дальнѣйшаго развитія новой науки о языкѣ— въ опредѣленіи индивидуализаціи языковъ, это громко свидѣтельствуетъ о Прейсѣ, какъ объ ученомъ высокаго ума, знанія, крупнаго таланта.

Такимъ образомъ, петербургскій (дерптскій) критикъ Бодянскаго уже стоялъ самъ въ уровнѣ съ европейской наукой, какъ никто въ Россіи, и, въ гармоніи съ ней, опредѣлялъ задачи новой славянской каѳедры. Онъ былъ на мѣстѣ теоретически почти готовымъ профессоромъ славяновѣденія для университета.

Просты, но также вѣрны были замѣчанія отъ представителя харьковскаго университета. Онѣ говорили о частностяхъ: о несоотвѣтствіи въ распредѣленіи времени—то много, то мало, тогда какъ задача путешествія „не есть живописное обозрѣніе видовъ природы“, не безъ соли замѣчаетъ Гулакъ; о пропускахъ и желательности подмѣны однѣхъ задачъ другими; объ излишествахъ, отмѣченныхъ уже Прейсомъ, даже о необходимости сосредоточиваться, а не разбрасываться. Но весьма симпатично простое заключеніе: „каково бы ни было начертаніе плана, оно само собою при исполненіи должно будетъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ“. Но измѣненія были одобрены уже на мѣстѣ.

Харьковскій попечитель, предлагая командировку Срезневскаго, испрашивалъ (18 февр. 1839) у министра согласія „на измѣненіе плана сего путешествія противъ предпринятаго московскимъ университетомъ, согласно замѣчаніямъ проф. Артемовскаго“. Министръ направилъ этотъ вопросъ въ Археографическую коммиссію на заключеніе, которая и одобрила вообще замѣчанія Артемовскаго. Она признала полезнымъ „вмѣнить Срезневскому въ исключительную, непремѣнную обязанность основательное изученіе главнѣйшихъ языковъ славянскихъ, не дѣлая ему порученій относительно историко-филологическихъ разысканій, которыя, требуя продолжительнаго времени, могутъ отвлечь его отъ главной цѣли путешествія“.

Такъ постепенно выправлялся и желанно упрощался безбрежный проектъ нашего перваго оффиціальнаго путешественника въ славянскія земли: онъ вошелъ въ границы. Но если изъ редакціи петербургской онъ вышелъ преображеннымъ въ смыслѣ примѣненія его къ настоятельнымъ нуждамъ и современнымъ запросамъ строгой науки запада, то и харьковская переработка его положила свою мѣстную печать: онъ, по мнѣнію харьковскаго университета, долженъ отвѣчать прежде всего требованіямъ *этнографіи*.

Мы видѣли, какою широкою струею охватили этнографиче-

скія изученія, и рано, нашъ малорусскій югъ, вызвавъ даже вслѣдъ за собою и примѣненіе мѣстнаго языка къ изящной литературѣ, въ произведеніяхъ того же Гулака-Артемовскаго, Основьяненки, Бодянскаго и др. Самъ харьковскій намѣченный кандидатъ былъ также южнорусскій этнографъ, помимо своей статистики и политической экономіи [1]). Его личныя симпатіи шли въ согласіи съ московскими этнографическими интересами его университета, который, прежде чѣмъ разстаться съ своимъ избранникомъ, рѣшилъ, что для него еще недостаточно министерской программы Бодянскаго, исправленной сообразно его видамъ, но что необходимо снабдить его своими совѣтами, указаніями и— тягостными условіями. Такъ образовалась многословная, спеціально харьковская инструкція отъ совѣта Срезневскому, съ направленіемъ которой не лишне познакомиться читателю въ небольшихъ выдержкахъ. Она—рядъ рецептовъ, составленныхъ съ заботливостью не въ мѣру рачительной няньки. Въ Петербургѣ Прейсъ властною рукою указывалъ современныя требованія науки; въ Харьковѣ Срезневскій былъ только въ пассивной роли и долженъ былъ выслушивать наставленія даже по такому вопросу—какъ изучать славянскіе народы—пѣшкомъ или нѣтъ, засимъ—что дѣлать когда?...

Предпославъ своему кандидату наставленія, что онъ не находится въ счастливомъ положеніи натуралиста, что ему предстоитъ „не столько заимочный, сколько самодѣятельный и самопроизводящій способъ ученія и усовершенствованія“, инструкція рекомендовала „обратить вниманіе на практическое изученіе нарѣчій“, а затѣмъ изучать „образъ жизни, домашній и общественный, нравы, обычаи, степень образованія, преданья и повѣрья, суевѣрія, игры, увеселенія, одежду, пищу“ и т. д. Она требовала вести самый подробный дневникъ, ученыя свои экскурсіи производить *пѣшкомъ* лѣтомъ, чтобы зимою въ кабинетѣ подводить итоги и пополнять изъ книгъ наблюденія, а предъ совѣтомъ отчитываться каждые полъ-года. Но она уже выходила изъ границъ возможнаго, когда требовала отъ Срезневскаго изученія

[1]) Къ 1838 г. Срезневскій издалъ 2 части „Запорожской Старины“, „Украинскій Сборникъ“ и собраніе словацкихъ пѣсенъ съ устъ захожихъ дротарей. Не зная еще о кандидатурѣ Прейса (котораго онъ позже, какъ будто отъ-разу не возлюбилъ, назвавъ его нѣмцемъ), Бодянскій изъ Праги хвалитъ выборъ харьковскаго университета въ письмѣ къ Погодину, что онъ не ошибся въ выборѣ, пойдя „по стопамъ вашего“ („Переписка“, изд. Н. Поповымъ). В. И. Григоровичъ, болѣе поздній избранникъ казанскаго университета, и изъ Дерпта, въ бытность свою харьковскимъ студентомъ, 1831—1835 г., знавалъ Срезневскаго и часто вспоминалъ о немъ, какъ о юномъ джентльменѣ. Ср. автобіографію Костомарова.

физическихъ условій каждой посѣщаемой страны, даже—развитія промышленности [1]).

Возвращаемся къ Бодянскому.

10 октября сообщено было о разрѣшеніи командировки, а черезъ мѣсяцъ, 14 октября, какъ видно изъ донесенія министру гр. Строгонова, онъ оставлялъ уже столицу, чтобы открыть собою историческія паломничества въ славянскія земли, ставшія вскорѣ прекраснымъ обычаемъ, обязательнымъ пріемомъ, съ благословенія на то незабвеннаго Шафарика.

До Кіева Бодянскій ѣхалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Мурзакевичемъ изъ Одессы (чтò дало поводъ послѣднему къ наивнымъ воспоминаніямъ [2]), а затѣмъ обходнымъ путемъ, чрезъ Царство Польское и Силезію, направился въ Австрію, тщетно попытавшись предварительно проникнуть въ нее прямо отъ Радзивилова, чтобы, въ несогласіе съ планомъ, открыть свои славянскія изученія съ Галиціи. Судьба сама поворотила его на путь плана.

Но кто же былъ этотъ Бодянскій, этотъ московскій избранникъ гр. Строгонова, первый по времени изъ четырехъ новоизбранниковъ, отважный замѣститель Шафарика, безъ котораго, можно думать, и самая славянская каѳедра гр. Сперанскаго имѣла бы участь всякаго новаго дѣла—перспективу тугого, медленнаго роста, если даже и не ту, которая постигла, полъ-вѣка спустя, родственную ей каѳедру—исторіи славянскихъ законодательствъ?...

Бѣдный украинецъ, хотя и съ какими-то крестьянами, священническій сынъ изъ глубины Полтавщины и, какъ замѣчено раньше, уже не первой молодости.

V.

Среди вишневыхъ садочковъ лежитъ мѣстечко Варва, лохвицкаго уѣзда полтавской губерніи, съ двумя приходскими церквами. Въ одной изъ нихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія священство-

---

[1]) Всѣ эти данныя извлечены изъ Архива М. Н. Пр. Какъ видно изъ донесеній, Срезневскаго, онъ всегда имѣлъ передъ глазами навязанную стѣснительную инструкцію. Прося Уварова о продленіи срока на годъ, онъ указываетъ, что ему еще много впереди, а онъ держался инструкціи своей и свои странствованія дѣлалъ преимущественно *пѣшкомъ*. Ср. и современныя письма его спутника среди хорутанскихъ славянъ, Станка Враза, пятый томъ его „Djiela", passim.

[2]) См. Записки Имп. Одес. Общ. исторіи и древностей, т. X, въ некрологѣ Бодянскаго и наши замѣтки по этому поводу въ варшав. „Филолог. Вѣстникѣ", 1882.

валъ о. Максимъ Бодянскій, а въ другой—о. Іоаннъ Константиновичъ. У о. Максима отъ жены, владѣтельницы нѣсколькихъ душъ, было нѣсколько дѣтей, и старшимъ изъ нихъ и былъ нашъ Іосифъ, дѣйствительно „непрекрасный", какъ позже трунили надъ нимъ въ Москвѣ, родившійся 3 ноября 1808 года [1]).

По словамъ о. Іоанна Константиновича, сообщеннымъ въ письмѣ недавно умершаго сына его, Василія Ивановича, уже очень рано въ мальчикѣ Осипѣ обнаружилась необыкновенная любознательность — страсть учиться и все знать. „Лежитъ, бывало,—разсказываетъ со словъ отца молодой Константиновичъ,—Осипъ ночью подъ стѣнкой, вмѣстѣ съ отцомъ, на одной постели и подъ покрываломъ все бредитъ или плачетъ, умоляя отца отвезти его учиться. Но *отець Мáксымъ* (и сегодня, когда въ Варвѣ его воспоминаютъ, то именно такъ произносятъ), постоянно отвлекаемый дѣлами, только послѣ продолжительныхъ настояній сына нашелъ возможнымъ отправить его въ Переяславль (южный), въ бурсу. Взрослый мальчикъ, Осипъ въ бурсѣ, конечно, не бросилъ своей страсти къ книгамъ, учился много и наконецъ объявилъ о своемъ желаніи куда-то ѣхать, держать экзаменъ, чтобы поступить въ какое-то учебное заведеніе. Но куда, въ какое — припомнить теперь не могу. На Мàксыма, т.-е. на отца, надежда была плоха; но мой отецъ предложилъ себя — отправилъ Осипа на свой счетъ и не скупо снабдилъ его деньгами, за что впослѣдствіи Бодянскій при всякомъ случаѣ высказывалъ свою признательность моему отцу, высылая ему всякое свое сочиненіе, изданіе, карты. Такимъ образомъ попали въ наши амбары, а потомъ сгнили, всѣ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ" [2]).

Отвѣтить не трудно—куда порывался изъ Переяславля семинаристъ Осипъ: въ Москву, въ Московскій университетъ, а время дѣйствія — самое начало 30-хъ годовъ, именно 1831 годъ. Въ

---

[1]) Въ собственноручномъ Дневникѣ Бодянскаго подъ 17 іюля 1857 г. находится обстоятельная запись о его вѣнчаніи. Здѣсь читаемъ: „жениху было 47 лѣтъ (съ 3 ноября 1808 года")... Конечно, правильнѣе было сказать—49 лѣтъ. Какъ видно изъ изданной г. Титовымъ переписки Бодянскаго съ отцомъ изъ лѣтъ пребыванія его въ Переяславской семинаріи (1822—1831 г.), ногами, совсѣмъ испорченными позже, онъ страдалъ уже въ юности; тогда же и одинъ глазъ былъ нѣсколько испорченъ, что давало поводъ къ насмѣшкамъ—„Косой".

[2]) Буквально, съ необходимыми пропусками, изъ письма В. И. Константиновича († въ Харьковѣ въ октябрѣ 1891 г.) отъ 3 апрѣля 1888 г. къ профессору А. И. Маркевичу, который любезно и передалъ его намъ, по смерти автора. Приносимъ нашему товарищу глубокую признательность за любезное сообщеніе свѣденій о дѣтствѣ нашего слависта.

1856 году, при представленіи министру Норову въ Москвѣ, на вопросъ его: „давно ли здѣсь?“—„я,—пишетъ Бодянскій въ своемъ Дневникѣ,—отвѣчалъ ему, что съ 1831 года“.

Въ разсказѣ В. И. Константиновича я полагалъ бы необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки. Какъ слушатель Бодянскаго, позволю себѣ сослаться и на свои воспоминанія. Въ нихъ прочно сохранился разсказъ Бодянскаго, что онъ съ большими лишеніями прибылъ изъ полтавскаго захолустья въ Москву; а это было бы невозможно, если бы у него были „обильныя средства“ со стороны. О бѣдности своей Бодянскій припоминаетъ и въ письмѣ къ Погодину изъ-за границы въ 1841 году, собираясь было совсѣмъ умирать: „они (т.-е. родные) дали мнѣ воспитаніе не по своему карману“ [1]).

Но въ Москвѣ нашъ полтавецъ нашелъ добрый пріютъ у своего земляка, профессора ботаники, М. А. Максимовича (извѣстнаго позже историка литературы), и поступилъ на словесный факультетъ (отдѣленіе), гдѣ попалъ въ товарищи Станкевича, Гончарова и другихъ—въ тотъ кружокъ избранной молодежи, о которомъ мы говорили выше. Въ домѣ Максимовича онъ сошелся съ геніальнымъ землякомъ и однолѣткой Гоголемъ, и дружба ихъ не прерывалась до конца. „Посылаю поклонъ,—пишетъ Гоголь въ декабрѣ 1832 года изъ Петербурга Максимовичу,—земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ“, т.-е. Бодянскому, какъ справедливо пояснилъ г. Кулишъ [2]). Дневникъ же Бодянскаго не одною страницею

---

[1]) Изъ указанной переписки видно, что отецъ былъ бѣдный священникъ, и какія-нибудь 20, 40 коп. иногда составляли для него сумму. Но въ то время безденежье было общимъ явленіемъ, какъ, напр., и сегодня въ Сербіи. Но въ случаѣ нужды отецъ могъ высылать сыну на покупку лексикона и 10 рублей, а на „гостинецъ“, т.-е. на взятку, для умилостивленія инспектора, когда Бодянскій мечталъ быть отправленъ въ Педагогическій Институтъ, и 25 рублей. Какъ первый ученикъ, онъ имѣлъ недурныя кондиціи, и въ Москву отправился съ возчикомъ товаровъ, которому отецъ заплатилъ не менѣе 150 р. Можетъ быть, въ составленіи этой громадной суммы участвовалъ своимъ взносомъ и о. Константиновичъ; но во всякомъ случаѣ не видно изъ писемъ даже этого. Въ несчастіи, постигшемъ старика Бодянскаго, подъ конецъ жизни († 1846), послѣдній прямо винитъ Константиновича — „моего недоброхота“. Жаль, что письма изданы дурно: малорусскія поговорки—одна безсмыслица, а извѣстный П. И. Кеппенъ систематически титулуется Ксапеномъ. Въ семинаріи не только съ Бодянскимъ, но и издавна учились и дворяне; учили такъ себѣ, но много пьянствовали. Ср. воспоминанія изъ 1801 г. Е. Ѳ. Тимковскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1894, мартъ. Литературное направленіе господствовало. Это было обще и другимъ южнымъ семинаріямъ, напр. Кишиневской, гдѣ въ 20—30 г. учился мой отецъ, отъ котораго сохранились у меня кипы собственноручно переписанныхъ поэмъ, стиховъ.

[2]) Сочиненія Гоголя, V, 165. 20 авг. 1838 г. Гоголь пишетъ Погодину изъ Неа-

свидѣтельствуетъ о взаимномъ неизмѣнномъ чувствѣ пріязни между нимъ и Гоголемъ, до конца жизни послѣдняго.

Конечно, и нашъ Бодянскій присутствовалъ при знаменитой сценѣ публичнаго примиренія Пушкина съ злымъ Курилкой—Каченовскимъ. Сцена эта такъ мило разсказана пок. Гончаровымъ въ воспоминаніяхъ о своихъ университетскихъ годахъ, совмѣстныхъ съ годами Бодянскаго, въ „Вѣстникѣ Европы".

Въ университетѣ Бодянскій работалъ усердно, какъ только умѣли работать старые бурсаки. „Бодянскій,—вспоминаетъ его младшій товарищъ, К. Аксаковъ,—былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ, серьезно занимался исторіей". Почти феноменальная память была добрымъ помощникомъ ему. Кому не знакомъ пріемъ Бодянскаго—уснащать свой текстъ пословицами, поговорками, на всевозможныхъ языкахъ? Можно бы думать, что эту премудрость онъ каждый разъ черпалъ изъ какого-нибудь руководства летучихъ словъ... Нѣтъ, онъ черпалъ изъ своей памяти. Тѣмъ же характеромъ отличаются и его, предлинныя и скучныя, письма къ Шафарику, не разъ рѣзко осужденныя последнимъ, и страницы его обстоятельнаго и многоглаголиваго „Дневника". Онъ всегда — сама пословица, поговорка, и подчасъ весьма мѣткая. Этотъ поговорочный пріемъ виденъ уже въ его семинарскихъ письмахъ. О необыкновенной памяти Бодянскаго въ студенческіе годы лучше всего свидѣтельствуютъ воспоминанія К. Аксакова, разсказъ его о репетиціи у проф. Надеждина, какъ Бодянскій повторилъ его лекцію слово въ слово и, по обычаю своему, потупя глаза въ скамейку, такъ что профессоръ соблазнился и готовъ былъ думать, что тотъ читаетъ по тетрадкѣ.

Съ видимымъ удовольствіемъ любилъ Бодянскій, уже старикъ, вспоминать и предъ нами про свое студенчество, какъ онъ, шатаясь по Никольской, покупалъ у букинистовъ (Кольчугина и др.) разные лексиконы—Гейма, Кронеберга и другихъ, а дома зудилъ ихъ отъ слова до слова. По всему видно, что особенно трудно доставался ему нѣмецкій языкъ—онъ бралъ даже частные уроки. Чрезъ много лѣтъ (въ 1863 г.), говоря объ оставленіи университета старымъ лекторомъ нѣмецкаго языка, Герингомъ, онъ припоминаетъ въ своемъ Дневникѣ: „въ 1831—34 годахъ я самъ учился у него, какъ студентъ и потомъ, какъ кандидатъ, бралъ особые уроки еще вмѣстѣ съ пок. С. М. Строевымъ, моимъ това-

---

поля: „я получилъ твое письмо въ письмѣ Бодянскаго изъ Карлсбада"; 1 дек. того же года: „о твоемъ пріѣздѣ (въ Римъ) мнѣ писалъ Бодянскій, къ (!) которому я не могъ отвѣчать, потому что онъ мнѣ не далъ своего адреса. Я надѣялся съ нимъ увидѣться въ Римѣ" (тамъ же, стр. 332, 349).

рищемъ по университету". Вообще, знаніе языковъ у Бодянскаго было огромное, но при выговорѣ на всѣхъ языкахъ, не исключая и русскаго, крайне укоризненномъ.

Такимъ образомъ, закаленный въ трудѣ, прежде всего въ бурсѣ, еще болѣе на университетской скамьѣ, Бодянскій и могъ дерзнуть стать первымъ университетскимъ славистомъ, принять мѣсто, отклоненное Шафарикомъ. Его планъ путешествія въ славянскія земли вполнѣ отвѣчалъ его характеру—человѣка энергіи и труда. Никакой трудъ страшенъ ему не былъ: его упрямая натура препятствій въ работѣ не знала. Отсюда понятно намъ и его нѣсколько суровое требованіе практическаго знанія всѣхъ славянскихъ языковъ, которымъ онъ любилъ иногда, нѣсколько наивно, хвалиться, наприм., въ письмахъ къ отцу. Конечно, въ этомъ вопросѣ онъ не руководствовался убѣжденіемъ Погодина, который, повидимому, не зная порядочно ни одного славянскаго языка, серьезно полагалъ, что для усвоенія всѣхъ этихъ языковъ предостаточно одного года, т. е. труда не требуется.

Упорный трудъ, черту эту рано выработалъ Бодянскій въ себѣ, и она проходитъ чрезъ всю его жизнь. Но она и помѣшала гармоническому развитію другихъ сторонъ его богатой натуры,—обстоятельство, которое такъ невыгодно отражалось на его сочиненіяхъ. Вспомнимъ, что его первый ученый трудъ, на степень кандидата—переборъ мнѣній; прибавимъ, что и послѣдній оффиціальный трудъ, на степень доктора, вышедшій черезъ двадцать лѣтъ, конечно, весьма разнящійся отъ перваго, все же только тотъ же переборъ мнѣній („О времени происхожденія слав. письменъ").

Зато только такой человѣкъ труда, какъ Бодянскій, и могъ выносить одинъ на своихъ плечахъ такое изданіе, какъ „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей", и открыть параллельно съ нимъ другое изданіе—памятниковъ старой славянской письменности, которые, еслибы вышли въ свое время, неутомимому труженику предоставляли бы право на двойную признательность. Но мы зашли впередъ, въ иныя времена.

Наконецъ, только Бодянскій, занятый экзаменомъ, диссертаціей, приготовленіями къ славянскому путешествію, могъ съ охотою принять предложеніе находчиваго Погодина—параллельно съ выходомъ въ свѣтъ чешскаго текста монументальныхъ „Славянскихъ Древностей" Шафарика выпускать его русскій переводъ. Этотъ эпизодъ изъ подготовительнаго періода дѣятельности Бодянскаго мы разскажемъ подробно.

Друзья Шафарика въ Россіи съ нетерпѣніемъ ожидали по-

явленія его великаго историческаго компендія. Но его чешскій языкъ ставилъ ихъ въ тупикъ. Кёппенъ чистосердечно сознавался предъ своимъ другомъ Ганкой, что самый чешскій заголовокъ книги ему не въ моготу. И Кёппенъ, и нѣкоторые другіе изъ русскихъ налегали на Шафарика, чтобы онъ велъ параллельно и нѣмецкое изданіе своихъ „Славянскихъ Древностей“, повторяя одно: „горимъ нетерпѣніемъ прочесть книгу, но она по языку недоступна“. „Прекрасно,—писалъ Кёппенъ Шафарику въ іюлѣ 1836 г., что музей обезпечилъ изданіе вашихъ Starožitnosti (!). Но еслибы этотъ трудъ могъ появиться и на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы быть доступнымъ многимъ,—иначе они не могли бы имъ пользоваться“ [1]). Дѣйствительно, въ томъ же письмѣ прося прислать названія 4 чешскихъ статей о санскритѣ для своего тестя Аделунга, онъ прибавляетъ, чтобы они „по возможности были написаны точно и ясно“. Условія понятны. Но эти русскіе друзья Шафарика, не привыкшіе къ тому, чтò такое недостатокъ средствъ въ жизни, забывали, что онъ не могъ одновременно вести двухъ изданій: едва хватало средствъ у него на одно изданіе, и то приходилось урѣзывать себя, отнимая у своей бѣдной семьи кусокъ хлѣба. Сверхъ того, онъ не могъ рѣшиться на нѣмецкое изданіе и какъ патріотъ, притомъ обязанный словомъ предъ своими земляками щадить интересы родного языка. Но чтобы вывести изъ затрудненія своихъ русскихъ друзей, Шафарикъ остановился на мысли объ одновременномъ русскомъ переводѣ, а другъ Погодинъ предложилъ сейчасъ же лично себя къ услугамъ.

Строго взвѣшивая значеніе русскаго изданія своего труда,

---

[1]) Тоже повторяетъ и въ письмѣ 6-го окт. 1836: „Möchte nur Ihr Werk auch bald in deutscher Sprache erscheinen und so einem grösseren Publicum zugänglich werden“. Одно странное исключеніе между русскими друзьями Шафарика составлялъ Гоголь, этотъ еще недавно безнадежный профессоръ: для него чешскій языкъ Шафарика трудности якобы не представлялъ. Получивъ экземпляръ „Древностей“ отъ автора, Гоголь писалъ Погодину изъ Рима, 3-го мая 1839 г.: „Я ихъ читалъ и удивляюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался въ тайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались, прежде моего“ (V, 369). Подобное сужденіе Гоголя о Шафарикѣ и о себѣ совсѣмъ удивительно. Иначе, просто, но вѣрно, судилъ Кёппенъ о нашей неподготовленности къ пониманію интересовъ славянской науки: „большихъ разсужденій,—писалъ онъ Шафарику въ началѣ 1836 года, прося его о сотрудничествѣ для Ж. Мин. Нар. Пр.,—вы намъ не посылайте; но коротенькія извѣстія очень и очень желательны. Мы должны предлагать нашимъ соотечественникамъ немного, такъ какъ лишь весьма немногіе интересуются цѣлымъ славянствомъ. Гдѣ нѣтъ еще вкуса къ нему, тамъ онъ долженъ быть пробужденъ„. (Изъ нашихъ матеріаловъ).

Шафарикъ желалъ одного, чтобы оно вполнѣ отвѣчало оригиналу, и потому просилъ московскаго друга помнить это и не спѣшить; но, зная его, заботливо предупреждалъ, что дѣло нелегкое, вести его надо обдуманно, осторожно. Еще въ маѣ 1836 г., посылая Погодину два „плохіе“ чешскіе лексикона (иныхъ не было), Шафарикъ просилъ его освоиться по нимъ возможно полнѣе съ языкомъ, „чтобы вы,—писалъ онъ,—могли сейчасъ же по появленіи моихъ Славянскихъ Древностей приняться за ихъ переводъ“. „Но я,—заключалъ Шафарикъ,—полагаю крайне необходимымъ, чтобы мое произведеніе было переведено по-русски и правильно, и хорошо“ [1]). Высказанное желаніе было тѣмъ дороже для автора Славянскихъ Древностей, что ему приходилось въ первый разъ выступать предъ русской публикой, которая, какъ писалъ ему Кёппенъ, еще очень слабо обнаруживала интересъ къ славянскимъ вопросамъ. Насколько понялъ точку зрѣнія Шафарика готовый къ услугамъ Погодинъ, мы увидимъ сейчасъ, а между тѣмъ глухое извѣстіе о московскомъ переводѣ проникло въ печать, въ „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, и пробудило въ Кёппенѣ, который былъ такъ заинтересованъ въ болѣе широкомъ распространеніи свѣтлыхъ мыслей Шафарика, чѣмъ то, которое предстояло книгѣ на мало извѣстномъ чешскомъ языкѣ, одновременно и радость, и опасеніе.

„Мнѣ,—писалъ Кёппенъ Шафарику въ ноябрѣ 1836 года,—было пріятно узнать изъ Журнала Мин. Нар. Пр., что вашъ трудъ переводится. Но дай только Богъ, чтобы дѣло было сдѣлано какъ слѣдуетъ. Много лѣтъ тому назадъ я долженъ былъ, къ сожалѣнію, уничтожить переводъ моего „Сѣвернаго побережья Понта“, который вело Историческое Общество (въ Москвѣ), такъ какъ не могъ быть имъ доволенъ. Можно надѣяться, что за вашъ трудъ возьмется Погодинъ, и употребитъ всевозможное стараніе“.

Опасеніе Кёппена, основанное на личномъ опытѣ и московскомъ, было, по несчастію, оправдавшимся предзнаменованіемъ; но именно Погодинъ его и погубилъ.

Мы видѣли, Шафарикъ поспѣшилъ снабдить Погодина, вызвавшагося переводить его „Древности“, чешскими словарями, но они легли на полку. Шафарикъ все наивно думалъ (впрочемъ, такъ думалъ и Кёппенъ въ Петербургѣ) въ московскомъ другѣ найти своего переводчика, но тотъ объ этомъ вовсе не думалъ и искалъ пригоднаго человѣка на сторонѣ и нашелъ—въ на-

[1]) Письма, II, 163.

шемъ Бодянскомъ. Бодянскій, несмотря на крайній недостатокъ свободнаго времени (магистерскій экзаменъ и диссертація), принялъ предложеніе Погодина, принялъ и его условія, чтобы тетради русскаго перевода выходили вслѣдъ за тетрадями оригинала и шли такъ параллельно до конца, и, благодаря своему трудолюбію, сдержалъ обѣщаніе. Уже 24-го февраля 1837 года Кёппенъ изъ Петербурга писалъ Шафарику: „Премного благодаренъ за 3-ю тетрадь вашего сочиненія, одинъ экземпляръ котораго тотчасъ же отправленъ въ Москву. Погодинъ мнѣ пишетъ, что первая тетрадь переведена и печатается. Если она (вѣроятно, онъ разумѣетъ первый выпускъ или, скорѣй, первое отдѣленіе, которое, какъ вы говорите, будетъ состоять изъ шести тетрадей) найдетъ достаточный сбытъ, чтобы расходы были покрыты, то тогда должно послѣдовать и продолженіе" [1]).

Торопливость—условіе, поставленное Бодянскому Погодинымъ, менѣе всего гарантировала успѣхъ пріема, а слѣдовательно, и приведеніе къ концу нелегкаго дѣла. Ясно, что серьезное дѣло было начато не такъ, а нѣсколько легкомысленно, съ однимъ пустымъ желаніемъ—бить на эффектъ, чего такъ опасался Шафарикъ. Погодинъ, держась правила „тяпъ-ляпъ", хвалится предъ самимъ Шафарикомъ быстротой русскаго изданія, приводитъ поденную справку: оригиналъ такого-то числа, а переводъ такого, и не подозрѣваетъ, что бѣднаго автора приводилъ просто въ отчаяніе. Получивъ первую тетрадь перевода, Шафарикъ осудилъ и несоотвѣтствующій форматъ, и разгонистый шрифтъ, бибулу вмѣсто бумаги, но главное, онъ не достигъ своего идеала—изящнаго русскаго текста. Если Шафарикъ для перевода небольшой своей статьи по миѳологіи считалъ, что знаніе чешскаго языка у Бодянскаго еще недостаточно [2]), то тѣмъ недостаточнѣе оно было для монументальныхъ „Древностей". А тутъ еще спѣшность Погодина, погоня за эффектомъ, экономія (бибула)...

Дѣйствительно, язвительный Сенковскій, старый недругъ Шафарика и Бодянскаго, удобнаго случая пропустить не могъ и мѣтко обозначилъ достоинство перевода: „переводъ Славянскихъ Древностей сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ" [3]).

---

[1]) Изъ нашихъ матеріаловъ.

[2]) Переписка, 190. Небольшіе отрывки изъ Славян. Древностей были напечатаны Бодянскимъ уже раньше полнаго перевода въ „Моск. Наблюдателѣ" за 1836 годъ: „Мысли о древности славянъ въ Европѣ", VIII, 48—84, и „О народахъ скиѳскаго племени", VII, 504—538.

[3]) Цитата у г. Барсукова, Погодинъ, V, 95.

Неуспѣхъ русскаго изданія былъ полный. По словамъ самого Погодина, куплено было всего 60 экземпляровъ, да министерство взяло около того же. „Участь Славянскихъ Древностей,—писалъ Григорьевъ изъ Одессы Погодину,—особенно терзаетъ мое славянолюбивое сердце", обвиняя публику въ равнодушіи „къ тѣмъ многочисленнымъ заслугамъ просвѣщенію, которыя оказали вы изданіями вашими" [1]). Изданіе прекратилось, хотя Шафарикъ не разсчитывалъ на это и былъ очень озабоченъ тѣмъ, кто же будетъ переводить, за отъѣздомъ Бодянскаго [2]): оно принесло одни убытки, а Погодинъ по-пусту (говоря его словами) „кланялся, просилъ, убѣждалъ, обращался къ богатымъ людямъ" издать „классическое сочиненіе нашего единоплеменника и моего друга" [3]). На 3-ей тетради дѣло остановилось.

Конечно, нѣсколько виноватъ Бодянскій, принявъ условія Погодина, не соразмѣривъ своихъ силъ, излишне положившись на себя, на свое трудолюбіе. Но главная вина падаетъ на Погодина, на его суетливость: онъ похоронилъ знаменитое сочиненіе Шафарика въ русской литературѣ, какъ раньше уронилъ въ русской школѣ интересы церковно-славянскаго языка такимъ же торопливымъ переводомъ грамматики Добровскаго. Бодянскій и за границей мечталъ о продолженіи изданія; но Погодинъ повторялъ одно: „невыгодно, разоряюсь" [4]). Въ другихъ рукахъ дѣло пошло бы иначе; по крайней мѣрѣ, не было бы fiasco. „Гадилъ ты Шиллера, но за итальянцевъ я вступлюсь", писалъ изъ Рима въ 1833 г. Шевыревъ Погодину, когда тотъ вздумалъ переводить Сильвіо Пеллико [5])...

VI.

Итакъ, нашъ переяславскій бурсакъ, избранникъ графа Строгонова, за границей, у славянъ. У небольшого чешскаго городка Трутнова въ морозный ноябрьскій день Бодянскій вступилъ въ обѣтованную землю, въ землю Шафарика, и въ маскарадномъ нарядѣ: въ московскихъ мѣхахъ, везенныхъ имъ въ подарокъ отъ

---

[1]) Тамъ же, 156.

[2]) Письма, 200.

[3]) Барсуковъ, Погодинъ, V, 93.

[4]) Спустя десять лѣтъ Бодянскій докончилъ изданіе, но уже своими средствами. Онъ самъ призналъ ошибочность перваго пріема. Къ сожалѣнію, и второе изданіе было достаточно неряшливо. Шафарику не повезло у насъ, и самому его, и его сочиненіямъ.

[5]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 148.

Погодина Шафарику и сшитыхъ польскимъ евреемъ на живую нитку въ видѣ шубы, поверхъ своей епанчи.

Уже на небольшомъ пространствѣ отъ Трутнова до Праги (всего нѣсколько часовъ) Бодянскій не позволилъ себѣ оставаться празднымъ зрителемъ, а, вѣрный своей привычкѣ, сталъ учиться и, если вѣрить его признаніямъ, совершалъ чудеса. Только-что занесъ онъ ногу въ „одноутробную“ (выражаясь его языкомъ) Чехію, какъ „пустился вкривь и вкось болтать по-чешски“, пишетъ онъ Погодину. Истинно было кривое болтаніе! Но съ каждою пройденною милею росло его знаніе чешскаго языка, такъ что предъ самой Прагою уже и вѣрить не хотѣли, что онъ не чехъ. Замѣтимъ, что о томъ же обращеніи переяславскаго бурсака въ чеха говорится и въ другихъ письмахъ его къ Погодину, позже: спрашивается — когда же оно собственно совершилось? Но какъ бы то ни было (скорѣе всего, нашъ славянскій путникъ нѣсколько увлекся), Бодянскій всегда и вездѣ былъ вѣренъ себѣ—своей страсти учиться; его любовь къ труду неотступно преслѣдовала его во все продолжительное время посѣщенія имъ „племени за племенемъ нашихъ одноутробныхъ“. Въ результатѣ этого посѣщенія — громадныя свѣдѣнія, и новыя, и освѣженныя старыя. Но пятилѣтнее пребываніе его за границей мало тронуло, мало измѣнило его натуру, въ сторону, напримѣръ, бо̀льшаго анализа, и его замкнутая натура такъ и осталась трудно доступной для впечатлѣній, отчего уже послѣ перваго знакомства съ Шафарикомъ онъ прослылъ у своего наблюдательнаго учителя чудакомъ—ein Sonderling.

Ровно 1 декабря 1837 года Бодянскій „ввалился“ въ Прагу, а черезъ четверть часа былъ уже у Шафарика, чтобы начать новые, подъ его умнымъ руководствомъ, славянскіе уроки.

Такимъ образомъ, открылась, наконецъ давно лелѣянная Шафарикомъ его непосредственная служба Россіи — „für die slawische Wissenschaft thätig zu seyn“, образованіе русскихъ славистовъ для университетовъ Россіи, служба, которая предназначалась-было ему много лѣтъ тому назадъ знаменитымъ адмираломъ въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ, а позже отклонена имъ лично въ отказѣ графу Строгонову.

Въ 1836 году Погодинъ въ первый разъ увидѣлъ Шафарика и близко познакомился съ нимъ. На московскаго ученаго его чешскій собратъ произвелъ самое глубокое впечатлѣніе: ему казалось, что предъ нимъ предсталъ „мужъ временъ апостольскихъ“. Погодина поразили въ Шафарикѣ и величавый, строго-спокойный тонъ рѣчи, и глубина мысли, и мягкое, добродушное, про-

стое обращеніе. Предъ энергическимъ ученикомъ, избранникомъ гр. Строгонова, Шафарикъ открылся другой стороной: „учиться мнѣ у него и учиться", говорилъ Бодянскій, увлеченный своимъ пражскимъ учителемъ, едва не молясь на него; „для меня Шафарикъ—цѣлая академія", писалъ онъ въ Москву, давая отчетъ о своихъ первыхъ занятіяхъ. Какъ ни замкнутъ былъ онъ по своей природѣ, какъ ни былъ онъ въ извѣстной долѣ самонадѣянъ и самолюбивъ, но прямота и искренность души говорила въ немъ сильно, а всегда юношескій пылъ въ работѣ, открывая предъ нимъ новыя стороны вопроса, не допускалъ его остановиться на пути или гордо сказать о себѣ: „мнѣ нечему болѣе учиться у Шафарика". Чувство къ Шафарику, выращенное Бодянскимъ въ періодъ его пражской жизни, осталось для него святынею на всю жизнь.

Въ Москвѣ же графъ Строгоновъ съ неравнодушнымъ вниманіемъ слѣдилъ за судьбою своего славянскаго избранника. Срокъ ученой командировки уже былъ близокъ къ концу, когда московскій попечитель обратился съ новымъ ходатайствомъ въ министерство о своемъ Бодянскомъ. „Бодянскій доставилъ мнѣ,—писалъ гр. Строгоновъ министру Уварову въ апрѣлѣ 1839 г.,—изъ Пешта донесеніе, изъ котораго видно, что онъ изъ Венгріи намѣренъ отправиться въ Сербію и, если можно будетъ, въ Болгарію. Остальные четыре мѣсяца своего срока Бодянскій посвятитъ на путешествіе по Седмиградію, Галиціи, оттуда черезъ Карпаты къ венгерскимъ русскимъ, словакамъ, въ Штирію, Крайну и Истрію. Такимъ образомъ, Бодянскій посѣтитъ почти всѣ славянскія земли и ознакомится съ ихъ историческими достопримѣчательностями. Не имѣя достаточнаго времени для посѣщенія Италіи, Германіи и Пруссіи, не видѣть которыя было бы весьма важною для Бодянскаго потерею, онъ проситъ меня исходатайствовать ему дозволеніе пробыть еще годъ за границею для посѣщенія этихъ странъ. Признавая просьбу Бодянскаго основательною и имѣя въ виду пользу, которую должно принести какъ ему, такъ и ученымъ его занятіямъ, знакомство съ Германіей и Италіей, я считаю долгомъ покорнѣйше просить В. В-во исходатайствовать дозволеніе продолжить срокъ пребыванія Бодянскаго за границею еще шестью мѣсяцами. Кромѣ того Бодянскій проситъ объ увеличеніи заграничнаго содержанія, потому что, переѣзжая безпрестанно съ одного мѣста на другое и принужденный проникать въ мѣста мало посѣщаемыя, съ которыми очень часто нѣтъ прямого и правильнаго сообщенія, онъ испыталъ на самомъ дѣлѣ, что теперешняго оклада его недостаточно

для подобныхъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ разъѣздовъ. Находя и эту просьбу магистра Бодянскаго заслуживающею уваженія, я имѣю честь просить разрѣшить выдать ему за послѣдніе шесть мѣсяцевъ пребыванія его за границею еще тысячу рублей изъ суммъ московскаго университета".

Естественно, авторитетное ходатайство было уважено, и уже 20 іюня послѣдовало высочайшее соизволеніе на представленіе комитета министровъ объ удовлетвореніи обѣихъ просьбъ графа Строгонова. Понятно счастіе „магистра", что его дѣло цѣликомъ покоилось въ рукахъ гуманнаго и авторитетнаго попечителя, а не зависѣло отъ усмотрѣнія совѣта какого-нибудь харьковскаго университета, который могъ рекомендовать своему избраннику Срезневскому при посѣщеніи мѣстъ, „съ которыми нѣтъ прямого и правильнаго сообщенія", простой пріемъ—солдатскій. Для Бодянскаго, нетвердаго на ноги съ дѣтства, харьковскій пріемъ былъ бы нѣсколько неудобенъ. Когда же, между тѣмъ какъ шла переписка о продленіи срока, Бодянскій заболѣлъ и по выздоровленіи сообщилъ гр. Строгонову, что путешествіе въ Италію осенью и зимою для него невозможно, московскій попечитель тотчасъ вошелъ въ положеніе своего магистра, и ради интересовъ науки не постѣснился повторить свое недавнее ходатайство предъ министромъ. Въ сентябрѣ 1839 г. онъ ходатайствовалъ о прибавкѣ къ высочайше разрѣшенной Бодянскому шестимѣсячной отсрочкѣ еще пяти мѣсяцевъ, двухъ весеннихъ и трехъ лѣтнихъ до сентября, „какъ самыхъ благопріятныхъ и выгоднѣйшихъ для странствованія и притомъ составляющихъ конецъ академическаго года и послѣдующее за нимъ время отдохновенія".

И на этотъ разъ просьба гр. Строгонова не осталась безъ вниманія, и 14 ноября послѣдовало высочайшее согласіе на продленіе командировки Бодянскому до сентября 1840 года.

Бодянскій былъ далекъ отъ своего пражскаго учителя, далекъ и отъ своего графа, съ трудомъ оправился отъ тяжелой болѣзни, когда въ глухую осень 1839 года (въ концѣ ноября) трогался въ славянскій путь изъ Россіи второй славянскій избранникъ—харьковскій, уже изъ самаго Петербурга.

15 іюня 1839 года министръ Уваровъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о командировкѣ въ славянскія земли для харьковскаго университета Срезневскаго.

„По встрѣтившемуся затрудненію,—писалъ министръ,—найти вполнѣ способнаго преподавателя по каѳедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, положенной по общему уставу 26 іюля 1835 г., но не входившей прежде въ составъ университетскаго курса, отправленъ былъ Бодянскій. Планъ путешествія Бодян-

скаго сообщенъ былъ и прочимъ попечителямъ съ тѣмъ, не признаютъ ли они нужнымъ принять подобныя мѣры для замѣщенія каѳедры и не имѣютъ ли въ виду способныхъ къ тому лицъ", и что теперь харьковскимъ попечителемъ указанъ Срезневскій.

8 іюля состоялось высочайшее соизволеніе на командировку Срезневскаго, который теперь изъ Харькова долженъ былъ поспѣшить въ Петербургъ за паспортомъ и деньгами. Въ сентябрѣ харьковскій ректоръ, Куницынъ, въ догонку за своимъ избранникомъ, проситъ департаментъ министерства снабдить Срезневскаго рекомендательными письмами къ россійскимъ посланникамъ, консуламъ и повѣреннымъ. Просьба эта была исполнена тотчасъ же, а между тѣмъ заграничный паспортъ для Срезневскаго присланъ былъ въ министерство только въ концѣ октября. Но и тутъ встрѣтилось нежданное препятствіе для отъѣзда: петербургскій губернаторъ гр. Эссенъ потребовалъ трехкратной предварительной публикаціи въ вѣдомостяхъ мѣстной полиціи о неимѣніи препятствій къ выѣзду. Была исполнена и эта формальность, былъ въ рукахъ и паспортъ; но наступила вторая половина ноября, а денегъ все еще не было. Срезневскій не счелъ болѣе возможнымъ тратить время и, пока съ своими средствами, двинулся въ путь. Дѣйствительно, только въ декабрѣ былъ готовъ вексель на Прагу для Срезневскаго и, какъ видно изъ донесенія казначея Артакова въ департаментъ, онъ былъ высланъ 29 декабря. Съ какими удобствами открылъ свое славянское путешествіе избранникъ графа Строгонова, и съ какими препятствіями и волокитою—украинскій провинціалъ, безъ сильной руки... Конечно, все это мелочь, но и она оттѣняетъ съ симпатичной стороны отношеніе гр. Строгонова къ интересамъ дѣла, его участливость, сердечность—черты, знакомыя намъ изъ всего предшествующаго изложенія.

Путь Срезневскаго изъ Петербурга шелъ прямо на Прагу; первая и главная цѣль его, какъ и у Бодянскаго, былъ Шафарикъ, занятія у него.

Въ дорожной сумкѣ харьковскаго путника, помимо его стѣснительнаго солдатскаго маршрута, которымъ его снабдилъ совѣтъ университета, лежалъ еще одинъ небольшой документъ, но который для насъ въ настоящую минуту въ высокой степени интересенъ. Это было оффиціальное письмо министра Уварова на имя пражскаго учителя, нашего перваго слависта, избранника графа Строгонова, на имя „Павла Іосифовича Шафарика". Оно, какъ и письмо гр. Строгонова отъ 5 января 1836 года, было писано по-русски; оно не было такъ тепло, носило лаконическій, оффиціальный характеръ; но, какъ обращеніе высшаго сановника

имперіи въ вопросахъ народнаго просвѣщенія, имѣетъ глубокое значеніе. Письмо помѣчено 20 ноября 1839 года. Министръ Уваровъ препоручалъ вниманію и заботамъ Шафарика второго будущаго русскаго слависта, т.-е. посылалъ его на обученіе къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ Шафарика за прошлое, за уже сдѣланное, благодарилъ какъ „просвѣщеннаго наставника и радушнаго руководителя" русскихъ молодыхъ людей [1]). Услуги Шафарика, такимъ образомъ, были оффиціально документованы.

Силою обстоятельствъ, сынъ бѣднаго протестантскаго пастора, уроженца словацкаго края, на службѣ въ Россіи быть не могъ, какъ упорно и горячо ни желалъ онъ того въ годы своей молодости. Но онъ съ тѣмъ же неслабѣющимъ чувствомъ послужилъ Россіи, ставъ безкорыстнымъ руководителемъ ея первыхъ славистовъ, съ избранникомъ графа Строгонова во главѣ, чтобы, если не самому лично, то чрезъ своего преданнаго ученика открыть ту самую московскую каѳедру, которая когда-то столь лестно препоручалась ему тѣмъ же образованнымъ и авторитетнымъ меценатомъ русской науки 30-хъ годовъ, а затѣмъ помочь открытію славянской каѳедры и въ другихъ университетахъ. Оказалось, что не неправъ былъ другъ Кёппенъ, когда, узнавъ объ отклоненіи Шафарикомъ предложенія гр. Строгонова о Москвѣ, въ іюлѣ 1836 г. какъ бы пророчески писалъ ему: „Dort in Prag werden Sie auf jeden Fall mehr leisten können, als es hier der Fall gewesen wäre" [2]),—въ Прагѣ будете полезнѣе.

Тернистъ былъ путь жизни знаменитаго даже своею неудачливостью ученаго. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ (1854 г.), озираясь на пройденный путь свой, Шафарикъ съ тихою скорбью признавался въ письмѣ къ своему ученому другу, современному ветерану русской науки, академику Кунику, что „тщетно онъ въ теченіе сорока лѣтъ искалъ тихаго пристанища: увы! онъ никогда его обрѣсти не могъ" [3]). Но лучшіе люди Россіи недавняго прошлаго, и старшаго, и младшаго поколѣній, своимъ неизмѣнно теплымъ расположеніемъ и вниманіемъ облегчали обездоленную трудовую жизнь заслуженнаго ученаго. Думаемъ, что и поколѣнія грядущія сохранятъ тоже чувство, имя Шафарика будетъ окружено всегда живою симпатіей.

А. Кочубинскій.

Одесса.

[1]) Всѣ эти данныя—изъ нашихъ матеріаловъ.

[2]) Изъ нашихъ матеріаловъ.

[3]) Изъ нашихъ матеріаловъ.

МИТЮХА—УЧИТЕЛЬ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

IX *).

Митрій переночевалъ у Филиппа и, вставши рано утромъ, остался завтракать вмѣстѣ съ хозяевами. Ему противно было идти домой, а здѣсь онъ чувствовалъ себя такъ легко и уютно, точно весь свой вѣкъ жилъ съ Филиппомъ и Анной. Ни крику здѣсь, ни ругани; Филиппъ такъ добродушно поглядываетъ своими выцвѣтшими глазами; ребята гладкіе, веселые; Анна проворная, такъ у нея въ рукахъ все и горитъ... Спокойно было на душѣ у Митрія, и онъ съ аппетитомъ ѣлъ невкусную, мутную, подбѣленную ржаной мукой, баланду, заѣдая ее огромными ломтями хлѣба. Завтракали молча, и въ избѣ только и слышался дружный стукъ ложекъ о чашку. Анна вихремъ носилась отъ печи къ столу, отъ стола къ печи, подливая баланды, подкладывая хлѣба; коровѣ полегчало, и она повеселѣла; на радостяхъ ей хотѣлось бы какъ можно лучше всѣхъ угостить, употчивать, накормить до отвала...

— Кушайте, кушайте, родимые!—приговаривала она.—Митюша, ты что же не ѣшь, желанный?—Охъ, кабы моя воля, да достатокъ, блинковъ бы я напекла, пирожковъ... мастерица вѣдь я на нихъ!..—Охъ-охо-хо!

— И такъ сыты, благодаримъ покорно!—отозвался Митрій.

---

*) См. выше іюль, стр. 104.

— Ну ужъ гдѣ, чай, сыты... Брюхо, точно, разопретъ съ этой ѣды, а сытость какая!..—Ну, и на этомъ не обезсудь!

— Вѣдь вотъ жадность-то обуяла!—укоризненно сказалъ Филиппъ.—Все ей мало, все мало! Ишь, пироговъ захотѣла! И безъ пироговъ сыты, слава тебѣ Господи. А то вѣдь Богъ-то и наказываетъ!

— Ну, ну, ну,—заворчалъ, старый! Вѣдь это я къ чему? Митрія-то мнѣ бы употчивать... вѣдь онъ хлопоталъ-то вчерась, сердечный, какъ! Кабы не онъ, можетъ, корова-то теперича покойница была-бъ!

Говоря это, Анна вздыхала и какъ-то осебенно поглядывала на Митрія, точно у нея на умѣ было что-то такое про него, извѣстное ей одной. И дѣйствительно, какъ только завтракъ кончился и Митрій съ Филиппомъ закурили—Филиппъ дома табаку не держалъ изъ экономіи, но чужого курнуть иногда былъ не прочь,—Анна вытурила изъ избы ребятъ и, подсѣвъ къ Митрію, жалостливо сказала:—Митюша, а Митюша... а вѣдь Домаха-то нонѣ утромъ прибѣгала...

Все спокойное, благодушное настроеніе Митрія разомъ исчезло. Онъ нахмурился.

— Ну, чтожъ?

— Говоритъ, пущай домой идетъ... тятенька, говоритъ, бр̀нится... А на самой лица нѣту... ажъ мнѣ ее жалко стало. И то, Митюша, ты бы сходилъ, а?

— А чего я тамъ забылъ?—угрюмо сказалъ Митрій, и лицо его приняло злое, жесткое выраженіе.

Но Анна хорошо знала свое бабье дѣло. Она уже знала отъ сосѣдокъ и отъ Домны всю вчерашнюю исторію, и хотя не одобряла поведенія Домны, даже задала ей утромъ хорошую головомойку, но, какъ баба, сочувствовала ей и обѣщала помирить съ мужемъ. Поэтому она подсѣла къ Митрію поближе и, поглаживая его по плечу, начала вкрадчиво и умильно:

— И-и-ихъ, Митріюшка! Что жъ ты подѣлаешь-то! Баба она, правда, дурашливая, натворила бо-знать чего, да и сама кается! Ты думаешь, я ее хвалю? Я ее давеча тоже отчитывала-отчитывала не хуже попа, ажъ ее въ потъ вдарило! А ты ее пожалѣй; все-таки она тебѣ жена... Прости ее... баба она молодая, вотъ дурь-то въ ней и ходитъ!

— Ну и пущай ходитъ!—нетерпѣливо сказалъ Митрій.—А я съ ней и говорить не хочу, опротивѣла она мнѣ.

— Ай-ай-ай!—закачала головой Анна.—Пять лѣтъ съ бабой прожилъ, дѣтей народилъ, и вдругъ въ одночасье опротивѣла!

Нешто это возможно? Мало ли что промежъ мужа съ женой бываетъ, да всякое лыко и въ строку?—Ну, ты поучи ее, коли она неладно сдѣлала, потазай хорошенько, вотъ оно и обойдется. А эдакъ, какъ ты, грѣхъ говорить...—вонъ и Филиппъ скажетъ... а, Филиппъ?

Филиппъ сконфузился, замахалъ руками и замоталъ головой въ знакъ своей полной некомпетентности въ подобнаго рода деликатныхъ дѣлахъ.

— Не... я не знаю... я что жъ...—пробормоталъ онъ.

— Ну вонъ видишь, и Филиппъ то же говоритъ! — подхватила Анна, нисколько не смущаясь тѣмъ, что Филиппъ рѣшительно ничего не говорилъ.—Да и всякій скажетъ, кого ни спроси... Негоже мужу съ женой эдакъ врозь-то смотрѣть. Слышь, чтоль, Митюша?

Но Митюша упорно молчалъ и глядѣлъ въ землю. „Ишь ты, упрямый какой,—подумала Анна. А глядѣть—овца овцой! Ну да ладно, посерчаешь, да и отойдешь! А Домашка-то дура... Господи!“

— Ну что жъ ты молчишь, Митрій?—еще ласковѣе обратилась она къ Митрію. Аль не по нраву мои рѣчи,—такъ скажи, я и замолчу.

— Нѣтъ, ты вотъ чего, тетка Анна...—началъ Митрій.—Это тебѣ спасибо, что стараешься... а только не говори ты мнѣ про нее сейчасъ... Пусть оно того... пройдетъ немножко... а сейчасъ, ей Богу, и вспомнить про это тошно, право слово!

— И впрямь!—вступился Филиппъ.—Ты ужъ больно пристала! Прямо по больному-то да горячимъ... это до кого ни доведись...

— А я лучше вотъ чего... — продолжалъ Митрій, ободренный заступничествомъ Филиппа. — Мнѣ бы уйтить куда-нибудь денька на два на три... я бы отдохнулъ... А то страсть тяжко... да и на улицу срамно показаться. Вотъ какъ она меня осрамила, подлая!—съ внезапной вспышкой злости воскликнулъ онъ.

— Ну-ну-ну! — затараторила Анна, чувствуя, что дѣйствительно ужъ очень сильно задѣла „по больному горячимъ“. Чтожъ, и хорошее дѣло! И сходи куда-нибудь... въ городѣ-то бывалъ когда?

— Въ губерніи-то!—Не бывалъ.

— Ну вотъ и ступай! Я тоже ходила какъ-то къ угоднику, —такъ вотъ гдѣ благолѣпіе, вотъ гдѣ красота, и про горе забудешь! Что же, сто верстъ молодому не бо-знать что,—живо отмахаешь.

— Поглядишь по крайности на губерню!—вставилъ Филиппъ.

Митрій оживился и повеселѣлъ. И вправду, отчего бы ему не сходить въ Воронежъ? Онъ давно уже собирался; вмѣстѣ съ Сенькой какъ-то думали пойти, да что-то помѣшало. Сходить на могилку Кольцова, посмотрить, какъ люди въ городѣ живутъ, что за народъ тамъ...

— Пойду!—сказалъ онъ рѣшительно.

— И ступай! — поддакнула Анна. — Кстати послѣ завтра Петры и Павлы, у насъ престолъ, загуляютъ, запьютъ на три дня, у тебя и время-то не пропадетъ! Сходишь любехонько!

— И пойду!—повторилъ совсѣмъ развеселившійся Митрій. —Ну-ка, Филиппъ, покуримъ еще! Тетка Анна, пойдемъ и ты со мной?

— Ой нѣтъ, куда ужъ мнѣ!

— А что жъ?—Ты говоришь, бывала тамъ? Вотъ оно вмѣстѣ-то и веселѣй, за милую бы душу сходили. А то ну какъ я тамъ потеряюсь?

— Нѣтъ ужъ, Митрій, я не пойду! Да какъ же это я пойду, ты самъ подумай? Кто за меня здѣсь управится-то? Праздникъ, престолъ... и пирожковъ надо затѣять, и бражку слить,—бѣднò-бѣднò, а надоть все по православному...

— У нея одно на умѣ—пироги!—засмѣялся Филиппъ.

— Смѣйся, смѣйся, старый хрычъ, самъ, небось, трескать будешь!—Да не больно разъѣшься пироговъ-то нонѣ; мучки-то своей давно нѣтути—покупаемъ; пшено дорогое, и ума не приложу, какъ праздникъ справить...

И Анна, сѣвъ на своего любимаго конька, пустилась въ безконечныя хозяйственныя вычисленія и соображенія. Митрій всталъ.

— Ну, пойду теперь, покажусь домой!—сказалъ онъ, прощаясь съ хозяевами. Спасибо—за хлѣбъ-за соль, за ласку!

— Не на чемъ, не на чемъ! Тебѣ спасибо!—кричала Анна, нровожая Митрія. — Заходи прощаться-то, какъ въ городъ пойдешь. А учительшѣ скажи, что я ей яичекъ въ гостинецъ принесу, дай Богъ ей здоровья! Эдакое лекарство полезное!..

— Обмякъ парень-то!—сказала она Филиппу, возвращаясь въ избу.—Даве думала, и приступу къ нему нѣту, анъ ничего. Пущай, правда, пробѣгается... только бы эта дурища Домна его опять не растревожила!

— Ну ужъ и ты тоже!.. всѣ вы, бабье, на одну колодку... Ишь, пристала даве,—парень бѣлый весь сидитъ, а она точитъ, она точитъ, чисто сорока бѣлохвостая!

Когда Митрій пришелъ домой, тамъ тоже уже позавтра-

кали. Анисья мыла горшки, мужики собирались на работу, Домны не было. Она даже завтракать отказалась, безвыходно сидѣла въ клѣти и потихоньку выла. При входѣ Митрія всѣ глаза съ любопытствомъ устремились на него; Митрію стало отъ этого немножко конфузно, но онъ постарался не показать этого и принялъ такой видъ, какъ будто ему на все наплевать.

— Гдѣ это ты шляешься?—сурово заговорилъ Иванъ.—Рабочая пора, а онъ лытаетъ! Больно рано праздновать-то началъ.

— Я не праздновалъ, я у Филиппа былъ,—возразилъ Митрій, начиная чувствовать досаду.—У него корова захворала... я ему помогалъ.

— Ишь ты, знахарь какой выискался!—ядовито замѣтилъ отецъ.—Своего дѣла по горло, а онъ по чужимъ людямъ шлындаетъ. Коли не хочешь дома жить, ступай въ батраки...

— И то уйду...—внезапно блѣднѣя вымолвилъ Митрій.—Въ городъ уйду... житья вы мнѣ не даете... брань да попреки, да... уйду!—крикнулъ онъ, уже не владѣя собой. Крикнулъ—и самъ испугался своихъ словъ. Въ избѣ наступило зловѣщее молчаніе; всѣ притихли и со страхомъ глядѣли на Митрія; Иванъ какъ-то вдругъ весь съежился, поблѣднѣлъ и растерянно смотрѣлъ на сына.

— Это что же?... значитъ, въ раздѣлку, что ли, хочешь идти? —нетвердо произнесъ онъ.

Митрію стало жаль отца, и въ душѣ онъ раскаявался въ своихъ грубыхъ и злыхъ словахъ.

— Не въ раздѣлку... зачѣмъ въ раздѣлку?—сказалъ онъ мягко.—Мнѣ ничего не надо... я только говорю,—житья мнѣ нѣту... Тутъ жена донимаетъ, а тутъ... эхъ, батюшка! Ты думаешь, мнѣ сладко? Отъ хорошаго хорошаго не ищутъ...

— Ну, чтожъ, иди, иди...—продолжалъ Иванъ убитымъ голосомъ. — Иди, разоряй отца-то... ноньче старики не нужны стали... Иди, живи по-своему... а мы съ матерью суму надѣнемъ, да въ кусочки пойдемъ... чего на насъ глядѣть? Мы свое отжили... Идите съ Богомъ... тащите все! Владайте!..

Иванъ совсѣмъ раскисъ. Глядя на него, и Кирюха засопѣлъ носомъ, а Анисья побросала горшки и начала сморкаться. Призракъ семейнаго раздѣла и сопряженныхъ съ нимъ скандаловъ, непріятностей, разоренія грозно всталъ передъ ними, и Митрій, изъ жертвы превратившійся вдругъ въ обидчика и разорителя, совсѣмъ растерялся.

— Батюшка!—воскликнулъ онъ.—Да я нешто въ раздѣлку? Я такъ пойду... на праздники только... пойду въ городъ, и опять

приду... Да нешто я, Господи?.. Да нешто мнѣ нужно? Да вѣдь я...

Но Иванъ продолжалъ бормотать свои жалостливыя, безсвязныя рѣчи, Анисья громко всхлипывала, Кирюха сопѣлъ все сильнѣе, и даже невозмутимая Николавна, глядя на Митрія изъ-за стана, укоризненно качала головой. Смущенный Митрій, видя, что съ ними сейчасъ ничего не сговоришь, тихонько вышелъ изъ избы и принялся оттачивать косу. Онъ самъ не радъ былъ, что поднялъ всю эту исторію, и въ то же время злость противъ жены, которую онъ считалъ причиной семейной неурядицы, разгоралась въ немъ все пуще и пуще.

На другой день вечеромъ, вернувшись съ поля, Митрій обратился къ матери:

— Мамушка, ты мнѣ нонѣ собери чего-нибудь въ мѣшечекъ... хлѣбца положи, рубаху чистую... я завтра чѣмъ свѣтъ въ городъ пойду.

— Зачѣмъ идешь-то?—сказала Николавна сурово.

— Скушно мнѣ, мамушка!—съ горечью воскликнулъ Митрій.—Нешто бы я ушелъ, кабы дома было хорошо? Пойду, разгуляюсь... авось полегчаетъ... а то, ей-Богу, стыдно на улицу глаза показать... до чего она меня довела, змѣища!

— Самъ виноватъ! Книжки, да книжки, а про жену и думы нѣту. Она баба молодая, ей тоже обидно... Вотъ и задурила!

— Да вѣдь, мамушка, вѣдь нешто я обижалъ ее когда? Вѣдь я-то хотѣлъ все по хорошему, она сама зачала... Все косится, да все фыркаетъ, чего скажу,—не слухаетъ. Опротивѣла она мнѣ! А тутъ ужъ вонъ до чего... чего сроду не было... до драки довела! На все село ославила... къ учительшѣ побѣжала...

При этомъ воспоминаніи онъ зажмурился и затрясъ головой, какъ отъ мучительной боли. Мать въ раздумьи на него глядѣла.

— Неладно, неладно, Митрій... А ты бы ей поговорилъ, пощунялъ... може, она и одумается. А эдакъ негоже... чай, жена она тебѣ,—не чужая... Она вонъ и сама чуетъ, что неладно сдѣлала... не пьетъ, не ѣстъ, тоскуетъ... И ее пожалѣть надоть.

Митрій хотѣлъ-было возразить, но въ эту минуту въ избу вошла Домна, и мать съ сыномъ замолчали. Домна подозрительно поглядѣла на нихъ своими опухшими отъ слезъ глазами и сѣла въ уголъ. Всѣ эти дни она не переставая ревѣла, и странныя для нея самой мысли начали появляться въ ея огрубѣломъ мозгу. Вспоминалась ей вся жизнь съ Митріемъ съ самаго начала; вспо-

миналось, какой онъ прежде былъ ласковый, какъ разговаривалъ съ ней, какъ жалѣлъ ее во время первой беременности и какъ она сама вмѣстѣ съ другими смѣялась надъ нимъ, называла его „дурачкомъ", дѣлала ему все наперекоръ. Смутное сознаніе, что она сама виновата въ семейномъ разладѣ, пробуждалось въ ней... но она еще не хотѣла сдаваться и старалась увѣрить себя, что во всемъ этомъ виновата учительша, злая разлучница. Можетъ, у нихъ и не было ничего съ Митріемъ, а все-таки она, небось, шушукала что-нибудь ему, да подзуживала,—дескать, ваши бабы деревенскія и такія, и сякія, и неряхи, и лохмотницы... А мужика долго ли съ толку сбить? Вотъ онъ и пошелъ на женѣ взыскивать... и довелъ ее до грѣха, — она тоже вѣдь не деревянная. Въ концѣ концовъ Домна и себя и Митрія оправдала, и еслибы мужъ подошелъ къ ней и приласкался, она бы все ему простила. Но Митрій не подходилъ, и Домна не знала, что ей дѣлать, чтобы помириться съ мужемъ и заставить его забыть жестокія слова: „я тебѣ не мужъ, ты мнѣ не жена"...

Николавна начала собирать сына въ дорогу. Она положила въ мѣшокъ полъ-ковриги хлѣба, соли въ тряпочкѣ, чистыя онучи и перемѣну бѣлья. На Домну никто не обращалъ вниманія, точно ея тутъ и не было, и она терзалась, глядя, какъ Николавна роется въ *ея* собственной укладкѣ, разсматриваетъ на свѣтъ разныя принадлежности Митюхина бѣлья, обсуждаетъ, что положить, что нѣтъ, а ее, жену и Митюхину хозяйку, и не спросятъ и не замѣчаютъ... Наконецъ Домна не вытерпѣла и рѣшила вмѣшаться.

— Матушка, ты что же это рубаху-то некатанную кладешь?—сказала она развязно и взяла изъ рукъ старухи рубаху.— Дайка-съ, я ее сейчасъ выкатаю...

Но Митрій выхватилъ у нея рубаху и, отдавая ее опять матери, сказалъ грубо:

— Не надо... Клади, матушка! И такъ хорошо.

Бѣдная Домна опустилась на лавку,—сердце ея разрывалось отъ горя. Ей хотѣлось завыть на все село, но она скрѣпилась и въ безмолвномъ отчаяніи глядѣла на сборы мужа. Къ довершенію всѣхъ ея несчастій оказалось, что у Митрія нѣтъ ни одной крѣпкой рубахи,—у одной ластовицы вырваны, у другой воротъ оторванъ, у третьей нѣтъ рукава... Трудно описать, что происходило въ душѣ Домны, когда она увидѣла, что свекровь, укоризненно качая головой и хмурясь, взяла иголку и сѣла наскоро подшивать прорѣхи.

— Охъ, глаза-то плохо видятъ!—ворчала она про себя.—И нитку ничѣмъ не вдѣну.

— Да брось, матушка! — нетерпѣливо сказалъ Митрій. — И такъ сойдетъ.

— Ну, что же въ рваномъ-то идти? Кабы холостой былъ, а то женатый; люди увидятъ, смѣяться будутъ!..

Эти слова, не безъ умысла сказанныя, переполнили чашу. Домна вскочила, хлопнула дверью и ушла въ клѣть, гдѣ снова принялась выть. Приходила Анисья, звала ее ужинать,—она не откликнулась; маленькій Ванька гдѣ-то кричалъ на дворѣ и просился къ мамкѣ,—она и къ Ванькѣ не вышла.

Ужинъ прошелъ невесело, въ молчаніи, только маленькіе ребятишки, ничего не понимая въ семейной ссорѣ, исподтишка шалили и хлопали другъ друга ложками по лбу, да Иванъ, поглядывая на приготовленный для Митрія дорожный мѣшокъ, пробуркнулъ что-то насчетъ тѣхъ, которые возвращаются изъ города „босыми“, а то такъ и безъ носа. Кирюха попробовалъ-было фыркнуть, но увидѣвъ, что отецъ насупился, сконфуженно умолкъ и сдѣлалъ постное лицо.

Послѣ ужина Митрій взялъ свой узелокъ и ушелъ спать на дворъ, на телѣгу. Ему долго не спалось; было жарко, кусали блохи, и все думалось о завтрашнемъ путешествіи. Мерещился большой, красивый городъ, большіе дома, церкви, незнакомые люди, кладбище, гдѣ схороненъ Кольцовъ. Вездѣ побываю, все осмотрю...—думалъ онъ, волнуемый радостными чувствами. Наконецъ онъ успокоился и задремалъ. Ему уже начало что-то сниться... вдругъ легкій шорохъ у телѣги и чей-то вздохъ разбудили его.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ, вскакивая въ испугѣ.

— Это я, я...—прошепталъ жалобный голосъ.

Митрій вглядѣлся и узналъ Домну. Она стояла у телѣги, скорчившись и всхлипывая; по лицу ея текли слезы, вся она дрожала.

— Митя... а Митя! — заговорила она шопотомъ, прерываемымъ рыданіями.—Я, Митя, больше не буду... право-слово! Митя, а?.. не ходи въ городъ-то, Митя...

И она пыталась схватить Митрія за руку. Но разсерженный Митрій оттолкнулъ ее отъ себя и опять улегся въ телѣгу.

— Пошла ты отъ меня!..—сказалъ онъ сурово.—Не лѣзь ко мнѣ... а то совсѣмъ уйду и не вернусь... опротивѣла ты мнѣ, какъ горькая рѣдька...

Онъ отвернулся и зажмурился, но заснуть ему такъ и не удалось, и долго еще онъ слышалъ вздохи и плачъ Домны.

X.

На утро, чуть-чуть забрезжило, Митрій поднялся, нащупалъ въ головахъ свою сумку и, приладивъ ее за плечами, осторожно выбрался на улицу. Село еще спало; только въ Филипповой избѣ еле мерцалъ огонекъ. Это, должно быть, заботливая Анна встала до-свѣту мѣсить свои праздничные пироги. Митрій перекрестился на едва бѣлѣвшуюся въ сумракѣ церковь и зашагалъ по улицѣ. Никто не вышелъ его провожать, но еслибы онъ оглянулся, то увидѣлъ бы за воротами темную фигуру, которая долго неподвижно стояла на мѣстѣ и глядѣла ему вслѣдъ. Это была Домна.

Но Митрій не оглядывался и торопливо шелъ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе выбраться изъ села. И когда село осталось далеко позади, и теплый туманъ окружилъ и окуталъ Митрія со всѣхъ сторонъ,—только тогда онъ вздохнулъ свободно и весело. Бодро постукивая палкой, шелъ онъ по узкой межѣ и жадно всматривался во все окружающее. Поля еще дремали и нѣжились подъ душистыми волнами тумана, но въ хлѣбахъ кое-гдѣ уже слышались полусонные голоса жаворонковъ, да страдающій вѣчной безсонницей коростель назойливо скрипѣлъ въ овражкѣ. Небо просыпалось, и ночная блѣдность его смѣнялась жаркимъ румянцемъ утра; легкій вѣтерокъ потянулъ съ востока и разбудилъ придорожныя травы; съ легкимъ шелестомъ поднимали онѣ свои влажныя головки, отряхивались и, глядя на разгорающуюся зорю, шептали: „развѣ уже пора?“ „Пора, пора!“—откликнулся охрипшій отъ безсонной ночи коростель, и по травѣ, по серебристымъ овсамъ, по цвѣтущей ржи пронесся радостный трепетъ,—ранній жаворонокъ высоко взвился въ небѣ и разсыпался звонкою трелью, и все проснулось, все засверкало, засмѣялось и запѣло на встрѣчу торжественно идущему солнцу...

— Эхъ, хорошо! — вслухъ воскликнулъ Митрій. — Жалко, Сеньки нѣтъ, а ловко бы намъ съ нимъ было...

При воспоминаніи о Сенькѣ ему стало немножко грустно. Вчера онъ забѣгалъ къ нему и звалъ его съ собою въ Воронежъ, но Сенька былъ не въ духѣ и отказался наотрѣзъ. Онъ даже не разсказалъ Митрію о причинѣ своего мрачнаго настроенія, а только ругался, плевалъ и на прощаніе обозвалъ пріятеля пареной рѣпой, такъ что Митрій ушелъ отъ него обиженный и огорченный. Но теперь Сеньку ему было жалко, и захотѣлось, чтобы онъ былъ тутъ и рядомъ съ нимъ шелъ бы по росистой межѣ, сбивая палкой душистыя головки ромашки и звѣробоя. Какъ бы

хорошо было имъ вдвоемъ среди этого простора и затишья! Всласть бы наговорились, перечитали бы на память и Кольцова, и Некрасова, спѣли бы что-нибудь... Но Митрій скоро утѣшился и забылъ про Сеньку; и одному было хорошо, и никто не мѣшалъ думать, пѣть и декламировать сколько душѣ угодно.

Отъ ихъ села до Воронежа было 50 слишкомъ верстъ—18 по проселочной дорогѣ, а тамъ, почти вплоть до самаго города, „большакомъ". Митрій разсчитывалъ къ ночи быть въ городѣ. Уже ободняло, когда онъ миновалъ первую деревню на пути; здѣсь въ логу, на днѣ котораго былъ огороженный плетнемъ родничекъ, Митрій сдѣлалъ привалъ, поѣлъ хлѣба, напился холодной воды и проспалъ часа полтора. Его разбудилъ пастушонокъ, пригнавшій въ логъ овецъ и хлопавшій на нихъ длиннымъ кнутищемъ. Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на Митрія изъ-подъ своей большой рваной шапки, надвинутой на глаза, и, изловчившись, такъ хлопнулъ кнутомъ подъ самымъ ухомъ его, что Митрій вскочилъ какъ встрепанный.

— Однако, братъ, ты здорово щелкаешь!—одобрительно сказалъ онъ, глядя на пастуха.

Тотъ самодовольно улыбнулся.

— Я еще шибчѣе умѣю!—сказалъ онъ съ гордостью.

— А ну-ка?

Мальчуганъ опять изловчился и хлопнулъ—точно изъ ружья выстрѣлилъ.

— Ловко, ловко!—похвалилъ Митрій и сталъ собираться въ дорогу.

— А ты куда идешь-то?—спросилъ пастушонокъ.

— Въ Воронежъ. Бывалъ когда тамъ, а?

— Не... я-то не бывалъ, а вотъ тятька сколько разовъ бывалъ!

— Вотъ какъ! Тятька, значитъ, у тебя есть?

— Знамо, есть. И тятька, и мамушка.

— Гдѣ же онъ у тебя, тятька-то? Дома?

— Не... На „линію" ушелъ, въ косари.

— Ишь ты! Значитъ, бѣдные вы?

— Знамо, бѣдные. Кабы не бѣдные, небось я дома бы жилъ, а не въ пастухахъ. А теперича вотъ въ пастухи надоть идтить.

— То-то и есть. А плохо, небось, въ пастухахъ-то, а?

— Зачѣмъ плохо? Не плохо!—сказалъ мальчикъ и, оглядѣвъ свое стадо, усѣлся и проворно сталъ перетягивать оборы на лаптяхъ.—А кабы и плохо, такъ мало тебѣ чего! Небось, подати надо платить!

— Вѣрно! Ты молодецъ, какъ я вижу!—похвалилъ его Митрій и съ удовольствіемъ поглядѣлъ на малыша. А тотъ уже кончилъ переобуваться и опять стоялъ на ногахъ, зорко слѣдя за овцами. На немъ былъ надѣтъ очевидно старый отцовскій зипунъ, потому что талія была до самыхъ колѣнокъ, а полы волочились по землѣ. Но этотъ неудобный костюмъ нисколько не мѣшалъ ему исполнять свои обязанности. Когда какая-нибудь овца отставала отъ стада, малышъ моментально подбиралъ рваныя полы, мчался за овцой, пырялъ ее въ бокъ ногой и возвращалъ къ повиновенію.

— Молодецъ, молодецъ!—повторилъ Митрій.—Подати, братъ, платить надо, это вѣрно. Ну, а въ училище ты ходишь?

— Прошлую зиму ходилъ, а нонѣ нѣтъ.

— Ну вотъ это нехорошо! Отчего же это ты не ходилъ?

— Да не въ чемъ! Шубы нѣтути. Тятька хотѣлъ-было осенью справить, да какъ пришли волостные подати собирать, вотъ-те и шуба! Такъ всю зиму на печѣ и просидѣлъ! Теперича вотъ постой, тятька съ линіи денегъ принесетъ, тогда сошьетъ!

— Ну и давай вамъ Богъ! Учись, братъ, буде намъ, мужикамъ, дураками-то жить! Такъ, что ли, паря?

Мальчикъ въ знакъ своего согласія весело подпрыгнулъ на одной ножкѣ и на прощаніе угостилъ Митрія такимъ залпомъ, что у того долго звенѣло въ ушахъ.

Эта первая дорожная встрѣча настроила Митрія на меланхолическій ладъ. Опять мужицкая бѣдность и тѣснота воочію встала передъ нимъ, заслоняя собою красоты торжествующей природы. Хорошо-то оно, хорошо... и жаворонки поютъ, и цвѣты пышно расцвѣтаютъ, и душистый вѣтерокъ ласково поглаживаетъ по щекамъ, а вонъ у мальчугана шубы нѣтъ... въ училище ходить не въ чемъ... и съ 10 лѣтъ надо зарабатывать „на подати"... А тятька ушелъ на какую-то таинственную „линію", и теперь всѣ упованія, всѣ надежды на его отцовскій горбъ, который теперь, можетъ быть, гнется и трещитъ изъ-за какихъ-нибудь грошей на чужомъ полѣ... А придетъ тятька ни съ чѣмъ,—не будетъ мальчишкѣ и шубы; а не будетъ шубы—не будетъ онъ ходить въ училище, и останется дуракомъ, и будетъ молиться домовому, и будетъ морить своихъ дѣтей „глазовой водой" и „наговоренной ниткой"...

Митрію стало грустно, и онъ далеко уже не такъ весело шагалъ между волнующихся хлѣбовъ. Смутные, неразрѣшенные вопросы осаждали его голову, и онъ подъ конецъ совсѣмъ въ нихъ запутался. Запутался — и съ горя запѣлъ: „ноги босы, грязно

тѣло, и рубашкой чуть прикрыть"... Послѣднія слова были поэтической вольностью, но Митрій позабылъ настоящія и потому придумалъ свои.

А впереди его ждали новыя грустныя впечатлѣнія, новыя печальныя встрѣчи.

Около полденъ Митрій вышелъ на „большакъ", и идти стало веселѣе. Въ поляхъ было пусто по случаю праздника, а здѣсь безпрестанно приходилось или обгонять, или встрѣчать прохожихъ и проѣзжихъ. Чаще всего попадались богомольцы, большею частью бабы, съ сумками, чайничками, въ сбитыхъ лаптяхъ, съ мѣднокрасными отъ зноя и пыли лицами, съ пересохшими, потрескавшимися губами. Иные изъ нихъ уже еле плелись, прихрамывали, но старались не отставать отъ другихъ; всѣхъ ихъ поддерживало и ободряло пламенное желаніе приложиться къ угоднику; каждый несъ къ нему за сотни и тысячи верстъ какое-нибудь свое горе, надѣясь на чудо и глубоко вѣруя въ помощь любимаго святого. И лица у нихъ у всѣхъ были важныя, строгія, немножко восторженныя, и не слышно было среди нихъ ни шутокъ, ни смѣху, ни пѣсенъ; медленно и степенно шли они впередъ, стараясь во всей неприкосновенности донести къ угоднику благоговѣйныя чувства, переполнявшія ихъ сердца. И это были самыя лучшія минуты въ ихъ жизни: всѣ дрязги и житейскія заботы остались позади, ничто не мѣшало сосредоточиться, а нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, именно теперь задумывались впервые надъ такими вопросами, которые прежде и въ голову не приходили...

Выйдя на большую дорогу, Митрій присоединился къ одной группѣ богомольцевъ, состоявшей изъ четырехъ женщинъ и одного старика. Сначала на него посмотрѣли недовѣрчиво и неохотно отвѣчали на вопросы, но мало-по-малу разговорились. Всѣ они были земляки и шли издалека—изъ алексинскаго уѣзда тульской губерніи. Главою партіи, очевидно, была высокая, когда-то красивая женщина лѣтъ 40; у нея прошлую зиму убило въ Москвѣ на фабрикѣ мужа; двое маленькихъ дѣтей тоже работали на фабрикѣ,—затосковала она по нихъ и, оставивъ дома женатаго сына, пошла молиться Богу. У другой женщины была какая-то неизлечимая болѣзнь; желтая, худая какъ тѣнь, пропитанная тяжелымъ, непріятнымъ запахомъ, она совѣстилась идти рядомъ со всѣми и шла сторонкой, что-то бормоча про себя и уставивъ впередъ неподвижные, сверкающіе глаза. Третья богомолка была уже совсѣмъ старая старушка; въ этой жизни для нея все уже

было кончено,—всѣ радости, труды, надежды миновали, и она шла къ угоднику помолиться о своихъ грѣхахъ, передъ тѣмъ, какъ идти въ другой, невѣдомый путь, откуда нѣтъ возврата. А за нею увязалась молоденькая внучка, Танька, дѣвочка лѣтъ 15; горя никакого она еще не видала, на жизнь смотрѣла свѣтло и радостно и пристала къ бабушкѣ не столько ради богомолья, сколько для того, чтобы поглядѣть на міръ Божій. И ея свѣженькое личико съ ямочками на щекахъ и веселыми, любопытными глазами рѣзко выдѣлялось среди блѣдныхъ, сумрачныхъ лицъ ея спутниковъ.

Ознакомившись съ Митріемъ, богомолки перестали дичиться его и охотно повѣдали ему о своихъ дѣлахъ; только одинъ старикъ молчалъ, ко всему относился безучастно и шелъ, какъ сонный, пошатываясь и спотыкаясь. А то вдругъ онъ останавливался, поднималъ голову къ небу и дикимъ голосомъ восклицалъ: „О, Господи! Господи! Боже мой!“ Тогда кто-нибудь изъ спутницъ, по большей части высокая баба, подхватывала его подъ руки, что-нибудь нашептывала и вела дальше. И старикъ замолкалъ и покорно тащился впередъ.

— Что это у васъ дѣдушка-то?—вполголоса спросилъ Митрій у высокой бабы.—Боленъ, что-ли?

— Въ умѣ повредился,—прошептала баба.—Сынъ выгналъ.

— Да ну?

— Право слово. Притѣснялъ-притѣснялъ всячески, а наконецъ дѣла и совсѣмъ, говоритъ, изъ дому ступай! Съ той поры вотъ онъ и сдѣлался такой. Ни словечка отъ него не услышишь; ни ѣсть не проситъ, ни пить; коли не дашь, такъ онъ и не вспомнитъ самъ. Ужъ мы его съ собой взяли; можетъ, Митрофаній-угодникъ пошлетъ ему, батюшка, — опять старичокъ въ разумъ войдетъ. А то бѣда чистая!..

Митрій посмотрѣлъ на безумнаго старика, и сердце у него заныло... Ему почему-то вспомнились собственныя распри съ отцомъ; вспомнилась его жалкая, согнутая фигура, его слова: „тащите все... владайте“... А высокая баба, между тѣмъ, тягучимъ голосомъ продолжала разсказывать про свое несчастіе.

— Мужикъ онъ у меня былъ хоша и нетверезый, а добычникъ хорошій. Бывало, и на подати, и къ празднику пришлетъ, и гостинцевъ всякихъ привезетъ, какъ изъ Москвы пріѣдетъ,—жили, слава Богу! А теперича вотъ и изворачивайся! Какъ его, сердечнаго, угораздило подъ колесо попасть—не вѣдаю. Хмѣльной, должно, былъ, да и не спопашился какъ-нибудь,—она, подлая, его и закрутила. Измолотила, говорятъ, всего, не приведи Гос-

поди, и на человѣка сталъ непохожъ. Такъ, собрали косточки, положили въ дѣтскій гробъ и отвезли на погостъ. Гдѣ и могилка теперича его,—не знаю!

— Тяжелая служба!—сказалъ Митрій.

— Чтожъ подѣлаешь, кормиться надоть! Да мы ужъ привышны; у насъ всѣ, и мужики, и дѣвки, на фабрикахъ работаютъ. Ребята, и тѣ подсобляютъ. У меня у самой двое на фабрикѣ теперича, въ присучальщикахъ.

— Это что же за должность такая?

— Нитки присучивать, у „каретки" стоять.

— У каретки? Это что же еще за „каретка" такая?

— А это, милый мой, машина такая, чтобы нитки наматывать. Вотъ она, эта самая каретка, и ѣздитъ, стало быть, взадъ и впередъ, и мотаетъ нитки, а присучальщикъ должонъ около ней стоять, да смотрѣть. Чуть нитка какая оборвалась, онъ сейчасъ же на всемъ ходу лови, да конецъ къ концу и присучивай.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ заинтересованный Митрій.—Да какъ же это на ходу-то дѣлать,—чай, трудно?

— Конешно, сноровка нужна, привычка! А то, бываетъ, не доглядѣлъ, оплошалъ — и безъ пальца остался. Вотъ у меня сердце-то и болитъ объ ребятахъ,—избави Богъ, несчастный случай, что̀ тогда подѣлаешь?

Баба пригорюнилась.

— Да, вотъ у насъ этого нѣту,—сказалъ Митрій.

— Еще бы у васъ!—воскликнула баба.—У васъ ишь какой просторъ,—поглядѣть любо... А у насъ что̀? Болото, да песокъ, да кочки!

— Ну, дѣвка, и у насъ тоже не больно-то...—возразилъ ей Митрій.—Ты говоришь, просторъ... Какой тутъ просторъ, когда по 8 саженъ на душу?

— Ну? Аль тоже плохо?

— Да ужъ гдѣ же хорошо! Хлѣбъ-то тоже съ поста покупаемъ,—а ты какъ думала? Вотъ тебѣ и просторъ!

— Да, миленькій, видно вездѣ намъ, хрестьянамъ, плохо!—сказала баба со вздохомъ.—Работаешь-работаешь, а помрешь, и похорониться нечѣмъ. Такъ-то-ся! А ты что же, работишки идешь въ городъ искать?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ Митрія. Онъ теперь и самъ хорошенько не зналъ, зачѣмъ онъ пошелъ въ городъ; рядомъ со всѣми этими людьми, обремененными печалями и болѣзнями, его собственныя непріятности показались ему такими пустыми и ничтожными, что изъ-за нихъ, пожалуй, и не стоило ломать

50 верстъ. Какъ скажешь, что, молъ, потому иду, что съ бабой своей поссорился?.. Засмѣются, пожалуй... И Митрій хотѣлъ-было уже выдумать что-нибудь, но почему-то языкъ не повернулся врать, и онъ, самъ не зная, какъ это вышло, взялъ, да и разсказалъ своей спутницѣ все. Баба отнеслась къ его разсказу съ большимъ сочувствіемъ, но отъ всякаго совѣта уклонилась.

— Мудреное твое дѣло, парень!—сказала она въ раздумьи.— Оно точно, мы, бабы, глупы бываемъ, особливо смолоду, а все-таки скажу я тебѣ, молодчикъ, и вашъ братъ тоже ой-ой круто поворачиваетъ! И не втерпежъ! Ты вотъ ушелъ — тебѣ и горюшка мало, а баба-то куда уйдетъ? Ей уйти нельзя, у ней ребята, съ нея и взыску больше. Вотъ она и сидитъ дома, а ты какъ думаешь, легко ей, что ли? Да, можетъ, ей въ тыщу разовъ горчѣе твоего,—она, можетъ, сама бы за тридевять земель ушла... А тутъ сосѣди, да свекоръ, да свекровь, да золовки, въ десять глазъ глядятъ, да судятъ, да смѣются.. Эхъ, парень, не знаешь ты нашего бабьяго дѣла!.. Мудрено мужика съ бабой разсудить. Всегда ужъ такъ ведется, что мужикъ въ свою сторону тянетъ, А баба—въ свою. Поди-ка разбери, кто правъ-то? Мужикъ за мужика скажетъ, баба за бабу — вотъ и понимай. Хоть тыщу человѣкъ собери—никто правильно не разсудитъ.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ Митрій. — Я вѣдь и самъ иной разъ думаю, что не виновата она, а подѣлать ничего не подѣлаю съ собой. Опротивѣла она мнѣ, да и все! Глядѣть не могу!

— А ты себя переломи! На что жъ человѣку разумъ данъ отъ Бога? Вотъ я тебѣ про себя разскажу...—начала она, понизивъ голосъ.—Вѣдь меня силкомъ замужъ-то выдали, да и мужа-то, покойника, царство ему небесное, волокомъ приволокли къ вѣнцу. Онъ въ Москвѣ жилъ, на фабрикѣ, ну и тогда загуливалъ, и сударка у него тамъ была... А старики взяли да и порѣшили промежъ себя—выписать его изъ Москвы и женить, чтобы остепенился. Ужъ какъ мнѣ было непереносно, миленькій ты мой, и сказать тебѣ не могу; ревмя ревѣла я, а что ты подѣлаешь? Такъ мы подъ вѣнцомъ-то ровно волки стояли; онъ въ одну сторону глядитъ, я въ другую... Послѣ вѣнца бить зачалъ... Руки вѣдь я на себя хотѣла наложить; ножикъ изъ рукъ вынули. Бывало, начнетъ корить: дура ты деревенская, ни ходить, ни сидѣть не умѣешь, а у меня, можетъ, въ Москвѣ какія невѣсты-то были— барышни! А я вмѣсто того, чтобы смолчать, отъ себя зачну, крикъ подыму,—ты, молъ, пьяница, ты распутникъ, и то, и се... Онъ съ кулаками! Да,—такое житье было, что не приведи Богъ!

Старики-то и то, глядя на насъ, пригорюнились,—видятъ, что не ладно сдѣлали. Ну, что же, парень, пошли у насъ дѣти, стала я въ разумъ входить, вижу, надо какъ-нибудь жить. Зачала на другой манеръ дѣло дѣлать, зачала его лаской донимать. Онъ меня ругать—я молчу. Онъ пьяный придетъ, бить кинется, а я стерплю, его въ постель уложу, да разными словами уговариваю. Что же вѣдь,—проняло его! Разъ пришелъ пьяный, да въ ноги ко мнѣ... Прости, говоритъ, Маша, вижу, не виновата ты,—старики насъ съ тобой загубили... Ну и пошло у насъ по Божьему... послѣ и въ Москвѣ жилъ опять, а не оставлялъ николи; гулять—гулялъ, а про домъ не забывалъ, и дѣтокъ, покойникъ, любилъ до страсти, все хотѣлъ ихъ къ дѣлу произвесть, въ люди вывесть, да вотъ не привелъ Господь, померъ злою смертью, и оставилъ насъ сиротами... А тоже, бывало, придетъ изъ Москвы на праздники, соберетъ насъ всѣхъ около себя, ну, конешно, выпимши,—плачетъ, сердечный! Эхъ, говоритъ, дѣтки, вы не глядите на меня, что я пьяный, горе мое пьетъ, плохо я жизнь свою прожилъ, ну, зато вы поживете, какъ люди. А вотъ не пришлось...

Растроганная воспоминаніями баба замолчала, вытирая слезы. А Митрій шелъ рядомъ съ нею и все думалъ, и все новыя и новыя мысли возникали у него въ головѣ, точно онъ лежалъ у себя подъ ракитой и читалъ хорошую книжку. Да онъ и читалъ ее,—только эта книжка была жизнь, и чѣмъ дальше подвигался онъ по широкой пыльной дорогѣ, тѣмъ все шире и шире расвидывались передъ нимъ ея страницы.

Солнце уже одной половинкой спряталось за горизонтъ, когда странники подошли къ Дону, откуда до города оставалось около 10 верстъ. Берегъ рѣки представлялъ оживленную картину; тамъ и сямъ трещали костры изъ кизяковъ и сухого камышу; въ котелкахъ, висѣвшихъ надъ кострами, что-то варилось; на сдвинутыхъ телѣгахъ, подъ телѣгами, у костровъ расположились веселыя группы народа, очевидно возвращавшагося изъ города. Кучка разряженныхъ бабъ и дѣвокъ голосила пѣсню, въ которой только и можно было разобрать слова: „ой, ой, ой, а то що же?“ Любопытная Танька сейчасъ же обратила вниманіе на ихъ наряды, которые такъ не похожи были на ихніе, тульскіе, и, толкая бабушку подъ локоть, шептала:

— Бабушка, а бабушка, ты глянь-ко-ся! Ой, бабушка, что это у нихъ въ ушахъ-то? А виски-то подстрижены!..

— А ну тебя, егоза, отстань! — шамкала бабушка, еле волочившая ноги.—Я рада мѣсту, а она про наряды...

А бабы и дѣвки, въ своихъ бѣлоснѣжныхъ съ длинными руковами чекунахъ, накинутыхъ на плечи, въ синихъ и полосатыхъ юбкахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлась бѣлая рубаха съ красною каймой на подолѣ, въ плисовыхъ корсеткахъ съ позументами, съ огромными пуховками вмѣсто серегъ, пестрою лентой опоясали берегъ и, не переставая, пѣли:

Какъ машина засвистѣла,
Во мнѣ сердце закипѣло...
Ой-ой-ой, а то що же?..

Этой нескладной пѣснѣ вторили крикливые возгласы хмельныхъ мужиковъ, сидѣвшихъ у костровъ, чей-нибудь рѣзкій свистъ, дружный хохотъ, ржанье лошадей и грохотъ колесъ какой-нибудь запоздалой телѣги, переправлявшейся черезъ мостъ. А солнце уже совсѣмъ скрылось, и теперь все кругомъ—и рѣка, и пески, и прибрежный кустарникъ,—было точно въ огнѣ.

Странники рѣшили остановиться здѣсь, закусить, отдохнуть, а завтра утромъ уже идти въ городъ. Они подошли къ одному изъ костровъ, попросили повѣсить чайникъ и, развязавъ свои узелки, расположились на землѣ. Высокая баба пригласила Митрія садиться съ ними пить чай, но онъ отказался, отошелъ въ сторону и легъ на землю. Ему не хотѣлось ни ѣсть, ни пить; онъ слишкомъ былъ подавленъ новыми впечатлѣніями. Глядя на пламенѣющій западъ, на засыпающую рѣку, онъ задумался... его доброе и веселое утреннее настроеніе смѣнилось неопредѣленною грустью. Нестройная, безсмысленная пѣсня бабъ, хмельной говоръ мужиковъ у костра, грубыя ругательства, иногда вырывавшіяся изъ какой-нибудь группы—все это ему не нравилось и раздражало его. Ему бы хотѣлось, чтобы этого ничего не было, чтобы онъ одинъ зажилъ теперь на берегу, чтобы никто не мѣшалъ ему думать, слушать посвистываніе куличковъ на той сторонѣ Дона въ камышахъ, вдыхать въ себя свѣжій влажный воздухъ, пропитанный нѣжнымъ ароматомъ какихъ-то бѣлыхъ цвѣтовъ, цѣлыми кустами разбросанныхъ по берегу. Кулички, цвѣты, звѣзды, камыши, журчанье воды подъ мостомъ—это было хорошо; пѣсня бабъ, пьяные мужики, дымъ костровъ — это было непріятно. И то, и другое было все тоже самое, что̀ и прежде, и еще тысячу лѣтъ будетъ такимъ же: отчего же Митрію хотѣлось, чтобы одно было, а другое нѣтъ? Отчего на мужиковъ его беретъ зло и досада, а вотъ куличковъ бы слушать, да на звѣзды глядѣть,—всю

ночь бы на пролетъ просидѣлъ? Отчего это? Митрій никакъ не могъ понять этого, и оттого ему становилось еще грустнѣе.

Взрывъ хохота у костра заставилъ его оглянуться. Какой-то пьяненькій мужичокъ потѣшалъ компанію. Онъ ѣздилъ въ городъ что-то продавать, подвыпилъ, растерялъ деньги и вещи, и теперь жена его съ яростью требовала отъ него отчета, тормошила его, рылась въ телѣгѣ и причитала. Но мужичокъ, добродушно улыбаясь хладнокровно выдерживалъ ея бурные приступы и на всѣ вопросы отвѣчалъ пьянымъ голосомъ:

— А паклю-то давно-о-о ужъ украли!

— Да разбойникъ ты эдакій, да что же это ты надѣлалъ?— кричала жена. — Родимые мои, никакъ и сапогъ нѣту? Нѣту и есть! Ахъ ты, пьяница красноглазый, куда же это ты сапоги-то дѣвалъ?

— Да и паклю, и сапоги давно украли!—отвѣчалъ мужичокъ.

Баба не вытерпѣла и ударила мужа подъ бороду кулакомъ. Мужичокъ качнулся, но сейчасъ же поправился, улыбнулся еще веселѣе и повторилъ:

— И паклю, и сапоги давно-о украли!..

Эти слова каждый разъ возбуждали взрывъ смѣха въ публикѣ, а баба плакала, ругалась и переворачивала все вверхъ дномъ въ своемъ возу.

Еще грустнѣе стало Митрію. „И чего смѣются?—подумалъ онъ.—У человѣка горе, а имъ смѣхъ. Чудно!“ Особенно обидно ему показалось, что его спутница, умная баба, которая такъ ему понравилась—тоже смѣялась вмѣстѣ съ другими.

Ихъ шумный лагерь давно уже затихъ, и костры потухли, и люди спали вповалку на землѣ, а Митрій все не могъ заснуть. Кулички немолчно посвистывали, бѣлые цвѣты пахли еще сильнѣе, рѣка перешептывалась съ звѣздами, и чьи-то могучіе вздохи проносились надъ землею.

XI.

На зарѣ Митрія пробрала дрожь, и когда онъ очнулся отъ своего короткаго забытья, то увидѣлъ, что возы уже разъѣхались, дѣвки разошлись и отъ вчерашняго оживленія на берегу остались только груды золы, да примятая трава. Его спутники уже встали и кто умывался въ Дону, кто молился на пламенѣющій востокъ. Особенно рельефно выдѣлялась на фонѣ зари высокая фигура сумасшедшаго старика; онъ молился долго, съ усердіемъ, съ всхлипываніями и слезами.

— Ну, что, паренекъ, выспался?—ласково спросила Митрія высокая баба.

— Да плохо, тетенька!

— Ужъ въ дорогѣ извѣстно, какой сонъ. Ну, слава Богу, теперь недалече осталось. Вишь, вонъ и городъ видать!

Она показала рукой впередъ. Въ легкой дымкѣ утренняго тумана дѣйствительно что-то маячило... Сердце у Митрія шибко забилось. Вотъ онъ, городъ... этотъ таинственный, заманчивый городъ съ своею чуждою для Митрія жизнью, съ своими особенными людьми, съ училищами, не похожими на деревенскія. Здѣсь жилъ и сочинялъ свои стихи его любимый Кольцовъ; здѣсь онъ умеръ и похороненъ. Здѣсь живутъ и другіе сочинители, которые тоже пишутъ книжки, а въ училищахъ учатся будущіе учителя, доктора, сочинители... И все это онъ, можетъ быть, увидитъ. Митрію стало и какъ-будто немножко боязно, и въ тоже время весело, а деревня, отецъ, Домна,—все это поблѣднѣло и ушло куда-то далеко-далеко, точно было во снѣ.

Странники наскоро закусили и двинулись въ путь. Дорога была тяжелая, песокъ, и эти послѣднія 10 верстъ показались тяжелѣе, чѣмъ предъидущіе десятки и сотни. А тутъ взошло солнышко и сильно начало пригрѣвать. Странники шли молча, красные, потные, еле волоча по песку паболѣвшія отъ ходьбы ноги. Особенно истомилась дѣвочка—Танька. Она нѣсколько разъ принималась хныкать и приставала къ бабушкѣ.

— Бабушка, а бабушка!.. Скоро, что-ль? А то я упаду, ей Богу упаду!

— А зачѣмъ шла, назолъ эдакій!—ворчала старушка. Она, напротивъ, оживилась и шла бойчѣе всѣхъ, несмотря на то, что ноги ея были давно сбиты до крови. Но близость города придавала ей силы; только бы скорѣе приложиться къ святымъ мощамъ, а тамъ хоть и помирать!..

Городъ было появился, потомъ опять исчезъ. По обѣимъ сторонамъ дороги потянулись какія-то канавы и кучи навоза, издававшія нестерпимое зловоніе подъ жаркими лучами солнца. Городъ давалъ себя чувствовать. Послѣ утренней свѣжести поля и его ароматовъ это было непріятно; только высокая баба не смущалась вонью и почти съ завистью сказала:

— Ишь, добро-то зря бросаютъ! У насъ бы въ поле вывезти,—хлѣбушко-то какой бы уродился! А здѣсь вотъ этого нѣту.

— Ну, и у насъ уже навозятъ, только не всѣ!—возразилъ Митрій.—А прежде, старики сказываютъ, и слыхомъ не слыхали

объ этомъ. Да и теперича еще смѣются, кто навозитъ,—навозниками дразнятъ.

— Жирны больно! —со вздохомъ сказала баба.

Наконецъ свалки нечистотъ кончились, и городъ предъявилъ себя въ видѣ цѣлаго ряда кузницъ, дрянныхъ лавчонокъ съ сухой таранью и плохихъ домишекъ, крытыхъ камышомъ. А потомъ потянулись длинныя улицы, дома становились выше и красивѣе, по каменнымъ мостовымъ загремѣли извозчичьи пролетки, ломовыя телѣги, нагруженныя кирпичами, желѣзомъ, пескомъ, съ грохотомъ катились взадъ и впередъ. Широкая улица вывела странниковъ прямо на базаръ, и они очутились въ невообразимой сутолокѣ. Крики торговокъ и торговцевъ, грохотъ колесъ, зазыванія оглушали ихъ; народъ затолкалъ; то ихъ тянули впередъ, то отбрасывали назадъ, и они совершенно растерялись.

— Ой, батюшки! Ой, Митрофаній-угодникъ!—причитала старушка.—А Танька, у которой разбѣжались глаза, безпрестанно тянула ее за рукавъ и шептала: „бабушка, глянь-ко-ся, барыня-то идетъ! Что-й-то у нея сзади-то? Бабушка, а погляди-ко, платки-то какіе“...

Митрій тоже былъ оглушенъ, ослѣпленъ и растерянъ. Его безпрестанно толкали, и онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться и давать дорогу спѣшившимъ куда-то людямъ. Въ одну изъ такихъ остановокъ онъ потерялъ изъ виду своихъ спутниковъ и остался одинъ. Ему было очень жаль, что онъ не простился съ ними, а главное, онъ почувствовалъ себя какъ-то жутко въ этой незнакомой толпѣ и совершенно не могъ сообразить, что̀ же теперь ему дѣлать и куда идти.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьи посреди троттуара, при чемъ всѣ прохожіе немилосердно его ругали за то, что онъ загородилъ дорогу, Митрій рѣшилъ идти такъ себѣ, наудачу, посмотрѣть городъ. Базаръ былъ въ полномъ разгарѣ; на возахъ лежали груды картофеля, моркови, луку зеленаго, и мужики покрикивали, зазывая покупателей: „за картошкой, за картошкой подходи!“ Въ открытыхъ лавкахъ висѣли говяжьи и бараньи туши, съ которыхъ капала кровь; горы ржаныхъ и пшеничныхъ хлѣбовъ высились на прилавкахъ; въ огромныхъ корзинахъ кудахтали куры, крякали утки, бормотали индюки; лотки, наполненные раками, краснѣли какъ кумачъ... Съ другой стороны шелъ цѣлый рядъ лавокъ, заваленныхъ лопатами, кадушками, шапками, лентами, лаптями, мукой, посудой и проч., и проч. У Митрія въ головѣ закружилось отъ пестроты и разнообразія товаровъ, а главное—отъ количества ихъ. Ему казалось, что всего

этого страшно, неимовѣрно много: „неужели это все съѣдятъ, купятъ, износятъ?“—думалъ онъ. Но сейчасъ же самъ себя поспѣшилъ поправить и успокоить. „Вѣдь въ Воронежѣ, говорятъ, 60,000 жителей, вспомнилъ онъ. Ну-ка, по шапкѣ каждому—60,000 шапокъ! Дуракъ же я! Есть кому и съѣсть, и выпить, и износить!“ И глядя на длинный рядъ телѣгъ, наполненныхъ овощами и корчажками молока, онъ съ гордостью подумалъ: „А все, видно, мужикъ кормитъ городъ! Ишь, все мужики, все мужики“... Обиліе мужиковъ было ему пріятно, и онъ смѣлѣе сталъ поглядывать по сторонамъ. Что жъ, конечно, онъ мужикъ... но вотъ же, и мужики городу нужны! Вонъ мужики продаютъ молоко... мужики везутъ дрова... мужики красятъ домъ... Вездѣ мужики!

Однако, когда базаръ остался позади, и Митрій вышелъ на широкую, красивую улицу, по которой ходила конка, его приподнятое настроеніе смѣнилось опять робостью и жутью. На встрѣчу ему попадались уже не мужики, не торговки, а чисто одѣтые господа, офицеры, барыни, чиновники, и всѣ они, казалось, смотрѣли на Митрія странно, какъ будто негодуя, зачѣмъ этотъ мужикъ затесался сюда? И Митрій подъ этими взглядами постарался сжаться, чтобы не очень ужъ попадаться на глаза, и тихонько пробирался по стѣночкѣ, боясь кого-нибудь толкнуть или задѣть. Но вдругъ онъ позабылъ свое намѣреніе и, разинувъ ротъ, остановился. Передъ нимъ открылись зеркальныя окна магазина, и за стеклами онъ увидѣлъ гору книжекъ въ голубыхъ, розовыхъ и желтыхъ обложкахъ. Митрій прильнулъ къ окну и сталъ разбирать заглавія. Но книжки и авторы ихъ были Митрію незнакомы; попадались такія заглавія, которыхъ онъ даже и не понималъ, а главное, его ошеломили выставленныя на нѣкоторыхъ книгахъ цѣны—рубль, два рубля, даже шесть! Его даже морозъ по кожѣ подралъ, и острое, жгучее чувство зависти, смѣшанной съ грустью, зашевелилось въ его душѣ. Нѣтъ, видно, не для него всѣ эти книжки; не для мужиковъ ученье; слишкомъ дорого все это, и никогда, знать, мужику не догнать господъ. Вонъ они, ѣдутъ мимо него, идутъ, нарядные, сытые, веселые люди; это все для нихъ; они читаютъ эти книги, они все знаютъ, оттого имъ и хорошо живется, а вотъ онъ, грязный, неумытый, оборванный мужиченко, съ мѣшкомъ за плечами, въ которомъ болтается ломоть черстваго хлѣба, въ рваныхъ лаптяхъ, жмется къ стѣночкѣ и боится даже глаза поднять. А туда же о книжкахъ думаетъ... къ чему это? Вонъ, сиди, ступай, на возу, на базарѣ, продавай картошку, или дрова таскай, или бочки съ

нечистотами вози—это твое дѣло, на то ты мужикъ. А книжки... не для тебя, Митюха, книжки!

Митрій отошелъ отъ книжнаго магазина и съ нахмуреннымъ лицомъ пошелъ дальше. Онъ уже не испытывалъ того радостнаго подъема духа, какой чувствовалъ давеча утромъ при входѣ въ городъ; на душѣ у него становилось все темнѣе и жутче. Словно темный лѣсъ раздвигался передъ нимъ... и никогда онъ не чувствовалъ такъ сильно свое собственное невѣжество, ничтожество, нищету и оброшенность, какъ теперь, среди этихъ незнакомыхъ, недеревенскихъ людей, пышныхъ домовъ и магазиновъ, всего этого чуждаго и непонятнаго для него строя жизни... Огромная розовая афиша, приклеенная на стѣнѣ, обратила его вниманіе. Онъ остановился и сталъ читать. Афиша гласила, что сегодня въ лѣтнемъ городскомъ театрѣ будетъ дана „Гроза" Островскаго. „Грозу" Митрій читалъ еще при покойномъ Петрѣ Иванычѣ, и хотя Катерину онъ тогда хорошенько не понялъ и даже недоволенъ былъ ею за то, что она обманула своего добродушнаго, забитаго мужа, но зловѣщія фигуры Кабанихи и сумасшедшей барыни очень ему запомнились. „Эхъ, вотъ посмотрѣть бы!"—подумалъ онъ и сталъ читать, сколько стоятъ мѣста въ театрѣ. Но мѣста, такъ же какъ и книжки, выставленныя въ магазинѣ, были дорогія... три рубля, полтора... самыя дешевыя стоили 25 к. А у Митрія въ карманѣ было всего 18 копѣекъ. „Нѣтъ, Митюха, видно, и театръ тоже не для тебя!"—подумалъ Митрій и побрелъ впередъ.

Между тѣмъ становилось все жарче и жарче. Троттуары, мостовыя, каменные дома накалились, и отъ нихъ несло тепломъ, точно отъ натопленной печи. У Митрія отъ усталости, волненія и жажды пересохло во рту. Митрію хотѣлось присѣсть гдѣ-нибудь, отдохнуть, напиться. Въ это время онъ поровнялся съ Петровскимъ садикомъ, и зеленая прохлада среди раскаленнаго камня потянула его. „Зайти бы... а ну какъ вдругъ въ шею накладутъ"?—подумалъ онъ, остановившись у входа. Но видя, что изъ садика и въ садикъ выходятъ и входятъ, онъ рѣшился и самъ зайти. На дорожкахъ, въ тѣни подстриженныхъ акацій и сиреней, было прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ; на площадкѣ, у памятника Петра Великаго стояли скамеечки, и у Митюхи отлегло отъ сердца, когда онъ увидѣлъ, что на одной изъ скамеекъ сидятъ два мужика. Онъ пошелъ прямо къ нимъ и присѣлъ рядомъ.

— Жарко!—вслухъ сказалъ онъ, вытирая потное лицо рукавомъ.

Мужики молча на него поглядѣли. Они имѣли озабоченный и пришибленный видъ; видимо, имъ было не до разговоровъ. Но Митрій былъ радъ, что увидѣлъ „своихъ“, и чувствовалъ себя въ ихъ присутствіи уже не такимъ заброшеннымъ и одинокимъ. Ему хотѣлось говорить, хотѣлось подѣлиться впечатлѣніями.

— Ну городъ!—продолжалъ онъ.—Шелъ, шелъ, ажно взопрѣлъ. А напиться негдѣ.

— Тутъ бассейнъ недалече,—сказалъ одинъ мужикъ.—Ты издалече?

Митрій назвалъ село и уѣздъ.

— А!—равнодушно протянулъ мужикъ.—А мы вотъ съ товарищемъ изъ Землянскова пришли. Думали, работишку какую ни на есть подыскать, да нѣтути. Третій день ходимъ. Обѣщался тутъ одинъ купецъ на мельницу взять, мѣшки таскать, да обманулъ. А тутъ вотъ до чего подперло,—жрать нечего! Все, что было—проѣли.

— Ишь ты! — сочувственно вымолвилъ Митрій. — А дома, знать, тоже плохо?

— Да ужъ чего тамъ дома! Тамъ не у чего и работать,— однѣ бабы управятся. Хотѣли на линію идти, да упоздали, а теперича, вишь, кто и пошелъ, такъ назадъ идутъ, — нечего дѣлать. Народу набилось видимо-невидимо, цѣны посбивали, страсть. Ты не слыхалъ, говорятъ, на задонское шоссе наймаютъ камень бить?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Я только впервой здѣсь.

— Тоже насчетъ работишки, должно?

— Нѣтъ... я такъ...—замялся Митрій.

Мужики посмотрѣли на него подозрительно и даже немножко отодвинулись. Митрій это замѣтилъ, и ему стало немножко обидно. Наступило неловкое молчаніе, потомъ мужики стали между собою совѣщаться, куда имъ толкнуться еще и какъ бы разузнать насчетъ задонскаго шоссе. Митрій отошелъ къ памятнику. Вотъ онъ, Петръ Великій-то! Ишь, бравый какой... Молодецъ былъ, самъ работалъ, не гнушался, плотничалъ, корабли строилъ. Осмотрѣвъ памятникъ, Митрій вернулся на лавочку. Мужики еще сидѣли, и на ихъ сумрачныхъ лицахъ читались: забота, голодъ и печаль.

— Ловко сдѣлано! — сказалъ Митрій, обращаясь къ мужикамъ.—Чисто живой!

— Денегъ много ухлопано, оттого и хорошо,—сказалъ первый мужикъ.—За деньги все можно сдѣлать.

— Тамъ на базарѣ еще есть,—проговорилъ второй, молчаливый мужикъ.

— А энтотъ кому?

— Кто-е-знать! Мы проходили мимо, видѣли, а кому—не вдомекъ! Ну, пойдемъ, что ли!—обратился первый мужикъ къ товарищу.

Они встали. Митрію вдругъ стало жаль съ ними разставаться; ему хотѣлось бы пойти съ ними, но онъ видѣлъ, что они относятся къ нему недовѣрчиво, и рѣшилъ разсѣять ихъ подозрѣнія.

— Вы куда теперича?—спросилъ онъ.

— Да на базаръ пойдемъ,—неохотно отвѣчалъ первый мужикъ, переглядываясь съ товарищемъ.—Посмотримъ, нѣтъ ли на постояломъ земляковъ.

— Вотъ что, братцы... — робко началъ Митрій.—Вы ужъ того... я ужъ съ вами пойду до базара-то... а то я чисто какъ въ лѣсу, ей Богу... боязно одному.—И видя, что мужики переминаются, онъ добавилъ съ жаромъ.—Вы, можетъ, думаете, что я худое что-нибудь... такъ, вотъ-те Христосъ, ей-Богу нѣту ничего.

— Да нѣтъ, мы ничего... иди, что жъ!—сказалъ первый мужикъ.—Оно, конечно, всякій народъ бываетъ... вонъ вчерась на базарѣ тоже эдакъ молоденькій паренекъ вертѣлся-вертѣлся, да и выперъ у барина часы изъ кармана. Ужъ его били, били!..

— Да чего тамъ толковать-то! — вмѣшался вдругъ молчаливый мужикъ, угрюмо усмѣхаясь. — У насъ, братъ, и взять-то нечего... чисто! Самимъ хоть въ пору воровать... Пойдемъ!

Они вышли изъ садика, и опять потянулись огромныя зданія, магазины, раскаленные троттуары. Сначала шли молча, но мало-по-малу разговорились снова. Митрій началъ разсказывать, какъ онъ давеча стоялъ около магазина и что̀ думалъ въ это время, и какъ горько и обидно было ему сознавать, что все это не для нихъ, мужиковъ, обреченныхъ на одну черную работу, а для тѣхъ, которые живутъ въ этихъ большущихъ домахъ... Мужики слушали его повидимому равнодушно, изрѣдка поддакивая; только разъ молчаливый мужикъ одобрительно кивнулъ головой и сказалъ какъ будто про себя:

— Чего тамъ!.. Вѣрно паренекъ-то сказываетъ. Не для насъ и есть! Тутъ вотъ брюхо отъ голоду подводитъ, а не то чтобы что... Э-эхъ!...

Въ это время они проходили мимо булочной. Изъ отворенной двери несся теплый запахъ свѣжаго хлѣба; на окнахъ выставлены были бѣлые калачи, бублики, сайки... Спутники Митрія

какъ-то невольно замедлили шаги, и молчаливый мужикъ жалобно, совсѣмъ по-дѣтски, прошепталъ: „хлѣбца бы"...

Митрія осѣнило. Мужики были голодны; они только и думали объ ѣдѣ, а онъ-то имъ разсказываетъ о книжкахъ, о памятникахъ!.. „Эхъ, дуракъ я, дуракъ"!—подумалъ Митрій и, краснѣя отъ волненія, обратился къ товарищамъ.

— Вотъ что, братцы... купить бы намъ что ль чего... закусить! А?

— Купить-то купить, да купила, братъ, нѣту! — спокойно отвѣчалъ ему первый мужикъ. — Вотъ что, другъ ты мой любезный!

— У меня есть...—сказалъ Митрій и торопливо сталъ выворачивать изъ кармана кисетъ, гдѣ у него вмѣстѣ съ махоркой лежали всѣ его капиталы.

Вотъ три патака, да семишникъ... да копѣйка еще...

Пока Митрій, высыпавъ деньги на ладонь вмѣстѣ съ табакомъ, пересчитывалъ ихъ, молчаливый мужикъ жадно слѣдилъ за нимъ загорѣвшимися глазами, а его спутникъ конфузливо отвернулся въ сторону, точно дѣло совсѣмъ его не касалось,—только глаза его часто-часто моргали.

— 18 копѣекъ!—сказалъ молчаливый мужикъ, когда Митрій кончилъ считать, и весело захохоталъ.—Да ты, паря, богачъ! Эдакъ, выходитъ, не ты насъ ограбишь-то, а мы тебя!...

— Ну, будя болтать-то зря!—съ неудовольствіемъ сказалъ его товарищъ.

Они пошли къ базару. Теперь молчаливый мужикъ оживился и безъ умолку разговаривалъ; напротивъ, спутникъ его замолчалъ и все вздыхалъ, да сморкался. Вотъ и базаръ. Но давешняго оживленія уже не было, мужики съ овощами разъѣхались, покупатели разошлись, только у бассейна еще сидѣли торговки и торговцы съ огурцами, таранью, яйцами, мужики поили лошадей и переругивались, сборщикъ на храмъ гнусавымъ голосомъ просилъ у прохожихъ на построеніе храма. Полупьяная торговка съ подбитымъ глазомъ и зловѣщей наружностью хриплымъ голосомъ пѣла пѣсню:

Я мать свою зарѣзалъ, жену свою убилъ,
Сестрицу родную я въ морѣ утопилъ!..

— Пожалуйте на построеніе храма!..—загнусилъ сборщикъ, подходя къ ней.

— Нечего подать, нечего, иди, иди съ Богомъ!—отвѣчала торговка, прерывая пѣніе.

— Да ты, матушка, хошь яичко!..

— Иди, иди, тебѣ говорятъ,—Господь-батюшка яичка не кушаетъ!

Митрій купилъ у лотка связку таранокъ и пучекъ зеленаго луку, потомъ они зашли въ лавку и взяли полкаравая полубѣлаго хлѣба и, усѣвшись въ тѣни какого-то заборчика, принялись закусывать.

— Вѣришь, миляга, два дня не жрали!—шопотомъ сообщилъ молчаливый мужикъ Митрію, съ ожесточеніемъ обдирая тарань и запихивая въ ротъ огромный кусокъ ситнаго.

Онъ ѣлъ такъ, что глядѣть было страшно. Товарищъ его, напротивъ, все деликатничалъ и особенно старался о томъ, чтобы Митрій ѣлъ побольше.

Какъ разъ насупротивъ того забора, гдѣ они сидѣли, былъ трактиръ, изъ открытыхъ оконъ котораго слышалось нескладное пьяное пѣніе, не заглушаемое даже завываніемъ органа. Въ окна видны были красныя лица мужиковъ, пившихъ чай, мелькали половые въ грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ съ подносами и чайниками въ рукахъ. Вдругъ дверь изъ трактира съ шумомъ распахнулась и на улицу вылетѣлъ оборванный господинъ, безъ шапки, съ крикомъ: „разбой!“ Сначала онъ растянулся на троттуарѣ, но сейчасъ же поднялся и, отчаянно ругаясь, сталъ ломиться въ дверь. Его снова вытолкали.

— Караулъ!—кричалъ господинъ на всю улицу.—Убили! Благороднаго дворянина убили!

— Ишь ты, дворянинъ тоже!—съ удивленіемъ сказалъ Митрій.

— Что-жъ, милый человѣкъ, со всякимъ несчастье бываетъ!—вымолвилъ молчаливый мужикъ, доѣдая таранку.—Вчерась часы-то вытащилъ который, тоже дворянчикъ, говорятъ. Молоденькій, а ишь до чего дошелъ! Нужда, братъ, доведетъ...

На крики благороднаго дворянина собирался народъ, послышались полицейскіе свистки, появились городовые. Дворянина усадили въ пролетку и повезли, при чемъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ городовой по дорогѣ усердно накладывалъ ему въ шею, а другой городовой сталъ разгонять публику. Увидѣвъ сидѣвшихъ подъ заборомъ мужиковъ, онъ кстати набросился и на нихъ.

— А вы чего здѣсь разсѣлись? Ишь, нашли мѣсто! Пошли, пошли отсюдова, а то живо въ участокъ отправлю...

Мужики поспѣшно собрали свои пожитки и отошли къ бассейну.

— Чего это онъ осерчалъ?—спросилъ Митрій.

— Да такъ, нѣтъ ничего! Деньги-то за что ни на есть надо получать, вотъ онъ и старается.

Они напились у бассейна, помолились на Смоленскій соборъ, и молчаливый мужикъ съ чувствомъ обратился къ Митрію.

— Ну, дай Богъ тебѣ здоровья, паренекъ, за твое угощенье! Накормилъ ты насъ досыта, теперича дня на два хватитъ опять. А безъ тебя плохо намъ было, хошь Христа ради проси.

— Еще, можетъ, и придется!—со вздохомъ сказалъ его товарищъ.

— Ну, авось, Богъ дастъ, съ его легкой руки намъ теперича повезетъ. Пойдемъ на постоялый, пошукаемъ еще... А ты съ нами?—отнесся онъ къ Митрію.

— Нѣтъ, ужъ я пойду, еще городъ посмотрю. Гдѣ еще-то памятникъ, вы сказывали?

— А во-вонъ, гдѣ красная башня! Тамъ сейчасъ увидишь.

Они дружески распрощались и разошлись. Митрій скоро нашелъ и кольцовскій скверъ, и памятникъ Кольцову. Сердце его шибко забилось, когда онъ прочелъ надпись... „Родимый мой, Алексѣй Васильевичъ!“—подумалъ онъ, обходя кругомъ памятника и разглядывая бюстъ.—Мраморное лицо поэта грустно смотрѣло на Митюху съ высоты своего облупленнаго аляповатаго пьедестала. Въ скверѣ было пустынно, жалкія, затянутыя пылью деревья поблекли отъ жары, изрѣдка по дорожкамъ поспѣшно проходили люди, озабоченные своими собственными дѣлами, не обращая никакого вниманія на памятникъ. И бѣдный мраморный поэтъ среди этого пыльнаго сквера, окруженнаго шумной суетой базара, казалось, чувствовалъ себя такимъ же одинокимъ, какимъ былъ и при жизни, и безмолвно тосковалъ...

— Надоть на могилку-то сходить!--рѣшилъ Митрій.—По крайности будетъ чѣмъ городъ помянуть. Эхъ, жалко, не спросилъ я мужиковъ, гдѣ кладбище-то, можетъ, они знаютъ! Ну, да небось, здѣсь всякій скажетъ, гдѣ Кольцова могила. Кольцова-то не знать, вона!

Онъ вышелъ изъ сквера и оглядѣлся. Вдали стоялъ городовой, но Митрій не рѣшился къ нему подойтк,—пожалуй, опять пугнетъ ни за что, ни про что. И онъ всматривался въ лица прохожихъ, раздумывая, кого бы спросить. „Кто подобрѣе, того и спрошу“...

Показался молодой человѣкъ съ тросточкой и розаномъ въ петлицѣ. Митрій снялъ шапку и приблизился къ нему.

— Баринъ, а баринъ!.. Позвольте васъ спросить!..

Молодой человѣкъ остановился.

— Вотъ какъ бы мнѣ на кладбище пройти... гдѣ Кольцовъ...

— Какой Кольцовъ?—съ удивленіемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Да вонъ которому памятникъ...

— А-а... Нѣтъ, не знаю. Спроси городового...

И, посвистывая, онъ удалился. Обезкураженный Митрій долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. „Чудно! Баринъ, а не знаетъ, гдѣ Кольцова могила. Пріѣзжій, можетъ. Стой, вонъ еще идетъ! Спрошу... Баринъ, а баринъ!"..

— Богъ подастъ, Богъ подастъ!..—торопливо пробормоталъ баринъ и прошелъ мимо.

Митрій совсѣмъ растерялся и не зналъ, что̀ ему дѣлать. „Ну, городъ!"—воскликнулъ онъ и пошелъ прямо, куда глаза глядятъ.

На встрѣчу ему шла старушка въ шляпкѣ, съ добрымъ лицомъ и книжкой въ рукахъ. Книжка внушила Митрію довѣріе.

— Барыня... можно васъ спросить? Мнѣ вотъ Кольцова могилу розыскать...

— Кольцова? Это какого Кольцова? Павла Степаныча? Купца?

— Нѣтъ, не того... стихи который писалъ... вонъ памятникъ еще ему...

— Ахъ, этого?.. Нѣтъ, голубчикъ, не знаю... этого, право, не знаю.

Недоумѣніе Митрія возростало. Живутъ люди въ Воронежѣ и не знаютъ, гдѣ Кольцовъ похороненъ! „Эдакій человѣкъ на всю Россію... да что же это, батюшки мои? Ужъ это и не знамо что̀ такое... Постой, вонъ еще идетъ, спрошу въ послѣдній разъ. Этотъ ужъ навѣрное знаетъ, въ очкахъ, лицо такое серьезное, на Некрасова похожъ"...

Серьезный господинъ въ очкахъ вытаращилъ на Митрія глаза и долго оглядывалъ его съ ногъ до головы.

— Кольцова могилу? Кольцова?—повторилъ онъ нѣсколько разъ.—Сочинителя Кольцова?.. Хм... На что тебѣ?

Митрія начала, наконецъ, разбирать досада. Ну, Кольцова, ну и что жъ такое... Ужъ коли мужикъ, такъ ему и Кольцова не нужно... ишь ты!...

— Поклониться желаемъ...—сухо отвѣчалъ онъ.

— Хм... Поклониться!.. Странно. Родня, что ли, онъ тебѣ?

— Не родня... а эдакій человѣкъ... на всю Россію!—уже сердито сказалъ Митрій, весь красный отъ волненія.—Всякому желательно...

— Желательно!.. Вотъ какъ! Хм!..—продолжалъ серьезный господинъ.—Любопытно!.. Эт-то любопытно! А откуда ты?

Митрій сказалъ.

— Хм!.. И нарочно для этого пришелъ сюда? (Митрій молчалъ). Удивительно!... Нѣтъ, серьезно, очень удивительно... Но, любезный, вотъ чтò, я самъ хорошенько не знаю, гдѣ его могила. Кажется, на Чугунномъ... а можетъ, и на Новостроющемся... Нѣтъ, постой, постой, на Чугунномъ, непремѣнно на Чугунномъ! Это, видишь ли, какъ надо идти, сейчасъ отсюда направо... Нѣтъ, впрочемъ, не на Чугунномъ, совсѣмъ не на Чугунномъ...

Онъ долго еще что-то толковалъ Митрію и, окончательно сбивъ его съ толку, ушелъ, повторяя: „Удивительно! Нѣтъ, ей Богу, удивительно!..“

— Тьфу!—плюнулъ ему вслѣдъ выведенный изъ терпѣнія Митрій, у котораго въ ушахъ все еще гудѣло: чугунное... новостроющееся... чугунное... нечугунное... „Вотъ очкастый чортъ!.. я думалъ, онъ путный, а онъ тоже... Брёхи вы всѣ, вотъ чтò, а еще господа... Ну городъ!“..

Онъ пошелъ наудачу впередъ и скоро очутился на какой-то длинной и довольно глухой улицѣ. Прохожихъ почти совсѣмъ не было, только впереди Митрія шелъ мальчикъ лѣтъ 12 съ мѣшкомъ муки на плечахъ. Мѣшокъ былъ пуда въ два, и мальчику, очевидно, было тяжело его тащить. Онъ часто останавливался, осторожно прислонялъ мѣшокъ къ тумбѣ и отдыхалъ. Митрій его нагналъ.

— А что, паря, тяжело, чай?—спросилъ онъ.

— Да ничего, есть таки!

— А идти-то далече?

— Да еще языкъ высунешь разовъ десять.

— Сѣмъ-ка, я тебѣ подмогу, давай сюда мѣшокъ-то!

Онъ протянулъ за мѣшкомъ руку, но мальчуганъ не давалъ мѣшка и подозрительно глядѣлъ на Митрія.

— Да ну, давай, что-ли! А то всѣ кишки растрясешь!

— А ты не убѣжишь съ мѣшкомъ-то?—спросилъ мальчикъ недовѣрчиво.

— Эхъ, какъ у васъ въ городѣ-то... о, Господи! Всѣ другъ-дружку боятся... Да куда я убѣгу-то? Ну городъ!

— Ну ладно, тащи... А ты говоришь, боятся другъ-дружку... Да какъ же не бояться? Тутъ вонъ вчерась барина всего обснимали. Шелъ изъ Кольцовскаго сквера, а его за шиворотъ, да все какъ есть, и пальто, и часы, и сюртукъ—все обснимали.

— Ловко! Экіе отчаянные народы есть! А чевой-то ты говоришь—Кольцовскій скверъ? Это чего такое?

— Да гдѣ памятникъ Кольцову стоитъ! На базарѣ, нешто не видалъ?

— Нѣтъ, какъ не видалъ, видалъ! А ты знаешь про Кольцова-то?

— Вона! Какъ же не знать, у насъ въ училищѣ учатъ... И мальчикъ, припрыгивая, запѣлъ: „ну, тащися, сивка, пашней-десятиной!"..

— Вотъ какъ!—воскликнулъ восхищенный Митрій.—Здорово! А вотъ, небось, гдѣ могила Кольцова, и не знаешь?

— Да какъ же не знать, знаю! Насъ учитель сколько разовъ водилъ!

— Ну?

— Сколько разовъ! Тамъ они рядышкомъ и Никитинъ, и Кольцовъ? Я и Никитина стихи знаю: „ясно утро, тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ"...

— Постой, постой... Ты мнѣ сначала про кладбище-то скажи...—попробовалъ-было остановить его Митрій, но мальчуганъ уже не слушалъ его и безъ передышки каталъ заученные стихи. Прочитавъ ихъ до конца, онъ перевелъ духъ и указалъ Митрію на крестъ, чуть-чуть блестѣвшій изъ-за груды домовъ.

— Во-онъ, вонъ крестъ виднѣется, видишь? Это и есть Новостроющая. Тамъ и кладбище тебѣ будетъ, а тамъ и Кольцова могила. Вотъ онъ, проулокъ-то, сейчасъ направо, потомъ налѣво и все прямо, такъ и лупи... Ну, а теперь давай сюда мѣшокъ-то, я сюда...

Они разстались, очень довольные другъ другомъ, и Митрій пошелъ по указанію мальчика. Было уже 4 часа; въ церквахъ звонили къ вечернѣ; улица, на которую вышелъ Митрій, была пустынна, городъ здѣсь уже кончался. На покосившихся воротахъ невзрачныхъ домиковъ часто попадались вывѣски портныхъ, сапожниковъ, лудильщиковъ; въ отворенныя окна виднѣлись фигуры людей, согнувшихся надъ работой. Потомъ потянулся рядъ закопченныхъ кузницъ съ пылающими горнами; слышалось тяжкое дыханіе мѣховъ; черные силуэты кузнецовъ мелькали передъ огнемъ.

Около котельнаго заведенія мальчикъ стучалъ молоткомъ по желѣзнымъ листамъ, и оглушительный лязгъ желѣза отдавался на противоположной сторонѣ улицы. Послѣ базарной сутолоки, пьяной ругани торговокъ, трактирнаго гвалта, праздной суетни разряженнаго городского люда, эти мирныя трудовыя картины произвели на Митрія успокоительное впечатлѣніе. Взволнованныя мысли его приняли обычное теченіе и возвратились къ знакомымъ ве-

щамъ и дѣламъ. „Ишь, жара какая, а они у горна работаютъ!—подумалъ онъ, проходя мимо кузницъ.—Это вѣдь, пожалуй, еще жарче, чѣмъ въ полѣ... тамъ все-таки вѣтеркомъ обдуваетъ. Чай, и мы тоже скоро въ поле поѣдемъ, рожь зачинать... Что-то Филиппова корова?".. И ему вдругъ показалось, что онъ Богъ знаетъ какъ давно ушелъ изъ деревни, что тамъ безъ него все уже измѣнилось, да и самъ онъ сталъ совсѣмъ какой-то другой...

Впереди забѣлѣла стѣна кладбища—городъ кончился. Здѣсь было еще пустыннѣе и глуше, только по большой дорогѣ, проходившей мимо кладбища, тянулась телѣга, нагруженная кирпичемъ и камнемъ. Облако пыли медленно и неохотно ползло за ними; подводчики, лежа на возахъ, лѣниво между собою переругивались. Митрій вошелъ въ отворенную калитку и робко оглядѣлся. Ему все думалось:—а ну какъ и здѣсь гдѣ-нибудь притаился городовой и вотъ сейчасъ ему задастъ окрикъ: „куда прешь"? Но никого не было, никто его не остановилъ; кресты, памятники, могилы—все молчало. Митрій снялъ шапку и перекрестился на церковь съ торжественнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ. Всѣ житейскія мысли — о Филипповой коровѣ, о ржи и о домашнихъ дѣлахъ—вылетѣли у него изъ головы среди этого величественнаго безмолвія смерти. Осторожно ступая, словно боясь потревожить покой мертвецовъ, онъ свернулъ налѣво, по узенькой тропинкѣ, заросшей сочной густой травой. Тропинка извивалась между могилами и терялась наконецъ въ высокомъ бурьянѣ, гдѣ пышно раскидывались жирные лопухи, цвѣли красныя, желтыя и бѣлыя мальвы, колючій тоторникъ гордо покачивалъ своими малиновыми пушистыми шапками. Здѣсь пахло медомъ; отяжелѣвшія пчелы лѣниво жужжали надъ цвѣтами; ласточки нѣжно щебетали въ кустахъ сиреней и жимолости. Изъ-за ограды глухо доносились голоса извозчиковъ и грохотъ нагруженныхъ камнемъ телѣгъ, но эти посторонніе звуки не нарушали мирнаго кладбищенскаго покоя и своеобразной жизни, кипѣвшей здѣсь. Мертвецы крѣпко спали въ своихъ могилахъ, цвѣты благоухали, пчелы собирали медъ, птицы вили гнѣзда и распѣвали свои пѣсни и не было имъ никакого дѣла до того, что̀ творилось за бѣлыми стѣнами кладбища...

Митрій прошелъ уже нѣсколько памятниковъ, тщательно прочитывая надписи на нихъ, но фамиліи были все незнакомыя: „должно быть, все какіе-нибудь богатѣи-купцы"...—думалъ онъ. Наконецъ тропинка вывела его на небольшую утоптанную площадку, посреди которой возвышался высокій бѣлый памятникъ съ бюстомъ, заостренный профиль котораго рельефно вырѣзывался

на фонѣ окружающей зелени. Нѣсколько поодаль стоялъ другой, изъ сѣраго мрамора, и Митрію прежде всего бросилась въ глаза выпуклая надпись: Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ... „Вотъ онъ!" —подумалъ Митрій, чувствуя, какъ въ груди его что-то подымается и захватываетъ дыханіе, а руки и ноги холодѣютъ. „А вотъ и Иванъ Саввичъ Никитинъ"... Поэты лежали рядомъ, и было что-то глубоко трогательное и въ этомъ сосѣдствѣ, и въ этихъ бѣдныхъ, почти убогихъ памятникахъ, собранныхъ кое-какъ на гроши, а теперь забытыхъ, облупившихся и потрескавшихся отъ времени.—Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ закипающими на глазахъ слезами Митрій порывисто снялъ шапку и поклонился въ землю сначала Кольцову, потомъ Никитину... „Да, вотъ они, лежатъ здѣсь оба и не чуютъ, что ихъ пѣсенки по всей Россіи поются и читаются! Пошли имъ, Господи, царство небесное!... Много хорошаго отъ нихъ осталось и даже вотъ до него, глупаго мужика, дошло... А вѣдь еще совсѣмъ молодые померли... тоже, видно, жизнь не сладка была".

О жизни Кольцова Митрій кое-что слыхалъ еще отъ покойнаго Петра Иваныча, но о Никитинѣ ничего не зналъ, и потому съ особеннымъ вниманіемъ сталъ читать надписи на ихъ памятникахъ, ища въ нихъ разгадки ихъ ранней смерти. „Только тѣшилась мной злая вѣдьма-судьба,—прочелъ онъ у Кольцова, —только силу мою сокрушила борьба!"...

— Э-эхъ!—горько воскликнулъ Митюха и перешелъ къ Никитину.

„Вырыта заступомъ яма глубокая"... простоналъ будто кто-то у него надъ ухомъ. „Жизнь безпріютная, жизнь одинокая"...

Митрія точно въ сердце ударило этими словами... онъ растерянно оглянулся кругомъ, и слезы горючимъ потокомъ хлынули у него изъ глазъ. А пѣсня все стонала, и жаловалась, и рыдала...

...Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная..
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается,
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается.
Тише!.. О жизни покончепъ вопросъ...
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ.

Рыдающіе звуки смолкли... только ласточки, эти „пѣвуньи залетныя", о которыхъ пѣла скорбная пѣсня, щебетали надъ могилами, да тамъ далеко, за оградой, смутно слышался городской гулъ, тяжело громыхали возы и все куда-то ѣхали безъ конца, и напряженно, злобно ругались ломовые... Митрій сѣлъ на лавочку, схватился за голову и рыдалъ; нестерпимая боль, жалость и тоска

наполняли его душу; его блуждавшая въ потемкахъ мысль страшно просвѣтлѣла и расширилась. Онъ плакалъ о Кольцовѣ и Никитинѣ, объ ихъ „одинокой и безпріютной“ жизни, такъ рано порвавшейся, объ ихъ молодыхъ силахъ, „сокрушенныхъ борьбой“... Плакалъ о себѣ, простомъ деревенскомъ парнѣ, съ темнымъ будущимъ, съ темною душой, ищущей свѣта,—плакалъ о тѣхъ, которые бились изъ-за куска хлѣба тамъ, за бѣлою стѣною, которые бродили по городу, изнемогая отъ голоду, ругались, везли куда-то камни,—озлобленные, дикіе, приниженные, темные... Ихъ было много,—страшно много... тысячи, милліоны... Тамъ былъ и его отецъ, Иванъ Жилинъ, и Домна, и его жалкій кривоногій сынишка, и Сенька Латневъ; тамъ были и тѣ, которые толпами шли къ угоднику по пыльной большой дорогѣ,—баба, у которой убило мужа на фабрикѣ... старикъ, обиженный роднымъ сыномъ... пьяные мужики и дѣвки на берегу Дона... голодные мужики, ищущіе работы... маленькій пастушенокъ, которому не въ чемъ ходить въ школу... И всѣ они такіе жалкіе, несчастные; всѣ они живутъ въ темнотѣ, въ темнотѣ умираютъ, и некогда подумать имъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ хлѣба, и некуда имъ дѣться отъ бѣдности и темноты... Митрію вспомнилась родная деревня и безпросвѣтная деревенская жизнь... и такихъ деревень сотни, тысячи, и вездѣ одно и то же, вездѣ невѣжество, нищета, суевѣріе,—и съ особенной ясностью представилась Митрію та огромная пропасть, которая отдѣляла эту темную деревню отъ города, гдѣ есть театры и гимназіи, гдѣ живутъ и пишутъ Кольцовы и Никитины, гдѣ читаютъ и сочиняютъ непонятныя книжки, видѣнныя имъ въ магазинѣ... И все это не для мужика, а для тѣхъ, которые живутъ тамъ, въ большихъ домахъ, и, веселые, разодѣтые, гуляютъ по троттуарамъ... *Они* ходятъ въ театръ, *они* читаютъ, и учатся въ гимназіяхъ; все имъ, а мужику ничего,—развѣ только какія-нибудь крохи изъ милости... А мужикъ сидитъ въ трактикѣ и поетъ дикія пѣсни или везетъ куда-то камни и ругается, и не знаетъ даже, что вотъ здѣсь, въ двухъ шагахъ, могилы Кольцова и Никитина, да и кто такіе они были,—тоже, можетъ быть, не знаетъ... Отчего? Чѣмъ они виноваты? За что они должны погибать въ темнотѣ, какъ звѣри, и отовсюду ихъ гонятъ, вездѣ предъ ними затворяютъ двери?...

— Братцы!—рыдая, воскликнулъ Митюха, простирая къ кому-то руки въ жестокой обидѣ и тоскѣ.—Братцы... вѣдь люди же мы, люди, ай нѣтъ?..

Но кругомъ все молчало; никто не отвѣтилъ на страстный призывъ Митрія, да и гдѣ они были, эти „братцы“, къ кото-

рымъ онъ обращался съ своею лютою тоской? Не было ихъ здѣсь... были однѣ безмолвныя могилы, да кресты, да „гостьи погоста“ заливались своей птичьей радостной пѣсенкой, и не было имъ дѣла до Митрія и его горькихъ слезъ.

Тогда глухая злоба и отчаяніе закипѣли въ сердцѣ Митрія. Онъ вспомнилъ свои скитанія по городу, горькія мысли у магазина, окрикъ городового... и чувство обиды за себя, за всѣхъ темныхъ людей поднялось въ его взволнованной пробужденной душѣ. Проклятый городъ!.. шумный, равнодушный, жадный... Это для него они работаютъ; онъ жретъ ихъ хлѣбъ, ихъ кровь, ихъ силы; онъ все взялъ себѣ, а имъ не даютъ ничего... Будь онъ проклятъ!.. Онъ и ихъ погубилъ,—вотъ этихъ, которые лежатъ здѣсь въ могилахъ; онъ измучилъ ихъ, истерзалъ ихъ кроткія сердца, а когда они умерли,—забылъ о нихъ... Вѣдь никто *тамъ* не могъ даже указать ему могилы ихъ... только одинъ маленькій мальчикъ... „Жизнь одинокая, жизнь безпріютная“, застонала у него въ ушахъ тихая жалоба поэта. И Митрію вдругъ почудилось, что эти слова выговариваетъ ему знакомый голосъ... и вспомнились ему тихіе зимніе вечера въ школѣ, учитель Петръ Иванычъ, его молодое доброе лицо, хмурый взглядъ, его смѣхъ. Онъ смѣялся часто, но Митрій только теперь понялъ, что это былъ невеселый смѣхъ... Кто знаетъ?—можетъ быть, онъ тоже тосковалъ надъ ихъ мужицкой глупостью и темнотою, проводя одинокіе вечера въ своей убогой школьной каморкѣ, и наконецъ, не выдержалъ, запилъ, и никѣмъ не понятый, всѣми забытый, умеръ. Даже и похоронить его, кажется, было не на что... земство прислало немного на похороны, попъ даромъ отпѣлъ, и отнесли его на погостъ, и гдѣ теперь его могилка,—не найдешь, пожалуй, потому что некому было поставить на ней ни памятника, ни креста. „Жизнь одинокая, жизнь безпріютная“...

„Не надо проклинать, надо любить“... шепталъ Митрію тотъ же голосъ. „Вотъ и я васъ любилъ, а что̀ вы со мной сдѣлали?.. И не я одинъ... насъ много... посмотри, подумай, не проклинай, люби, терпи“...

Митрій пересталъ плакать, сѣлъ на лавочку и глубоко задумался. Да, мудреная штука—жизнь!..

Была уже ночь, когда Митрій вышелъ на большую дорогу. Городъ, душный, вонючій, негостепріимный, остался далеко позади въ удушливой пыли, въ тускломъ заревѣ своихъ огней. Вокругъ была просторная, вольная степь, по ней носился свободный вѣ-

теръ, на небѣ роились крупныя, яркія звѣзды, и подъ ихъ величавый хороводъ, въ головѣ Митрія роились думы. Тихо было въ степи, тихо и въ его душѣ; онъ шелъ одинъ, ночью, по большой дорогѣ и ничего не боялся; онъ зналъ, что никто не отниметъ у него того, что̀ онъ бережно несъ въ себѣ съ глухого кладбища. Не было злобы, не было отчаянія и тоски; осталась одна любовь, и ее несъ онъ въ деревню, чтобы отдать отцу, Домнѣ, сыну, Филиппу,—всѣмъ, всѣмъ имъ, темнымъ, забитымъ деревенскимъ людямъ.

XII.

Въ деревнѣ праздникъ кончился, пироги съѣли, брагу выпили, гости разошлись, и хозяева принялись за свои будничныя дѣла и хлопоты. Въ избѣ Ивана Жилина тоже шла уборка, и особенно старалась Домна. Подоткнувъ подолъ, засучивъ рукава выше локтя, вся въ поту отъ усердія, она такъ энергично мыла, скребла, вытирала, что всѣхъ повыжила изъ избы, и даже Николавна, собиравшаяся-было засѣсть за свои кро̀сна, сказала ей:

— И что это на тебя нашло? Небось не Свѣтлый праздникъ, а ты ишь какой содомъ подняла! Подмыла бы полы, да и будя!..

Но Домна промолчала и продолжала свое дѣло. Вообще съ того самаго дня, какъ Митюха ушелъ въ городъ, она была неузнаваема: никто изъ домашнихъ не слышалъ отъ нея ни окрика, ни грубаго слова, которыя прежде такъ у нея и сыпались; со всѣми она была ласкова, тиха, предупредительна, всякому старалась угодить, на задиранія Анисьи и насмѣшки Кирюхи отмалчивалась, даже Ванюшку своего, который надоѣдалъ ей походя, ни разу не побила и терпѣливо исполняла всѣ его требованія.

— Что это у насъ съ Домной-то? тьфу, тьфу, кабы не сглазить!..—острила надъ ней Анисья, въ душѣ очень заинтересованная этой перемѣной.

— Должно, Митюшка Митрофанію молебенъ отслужилъ!—вторилъ ей Кирюха.

Въ избѣ все было уже прибрано, на полу ни соринки, лавки и столъ блестѣли, словно новые, а Домна все еще возилась. Изрѣдка она выбѣгала на улицу и смотрѣла на дорогу, но не видя никого, кромѣ играющихъ ребятишекъ, телятъ и куръ, возвращалась въ избу и снова принималась скоблить и мыть.

Около полденъ убралась она совсѣмъ и ушла къ себѣ въ клѣть. Анисья побѣжала за ней, заглянула въ щелочку и вернулась, фыркая.

— Мамушка, ты погляди, что она дѣлаетъ-то! Моется...

— Чтожъ, дѣло не плохое!—сказала Николавна серьезно.— Бабочка молодая, чтожъ растрепой-то ходить!

Анисья обидѣлась, принявъ слово „растрепа“ на свой счетъ, и, иронически поджавъ губы, стала собирать на столъ.

Вошелъ Иванъ и съ удовольствіемъ оглядѣвъ чистенькую, какъ стеклышко, избу, сказалъ весело:

— Ишь у насъ нонѣ изба-то... чисто на пасху!

— Это все Домна старалась!—отозвалась Николавна.

— Молодецъ! Хвалю...

Анисья опять обидѣлась, что похвалили не ее, и язвительно замѣтила:

— Да ужъ... какъ же не молодецъ! Мотри, кабы опять не задурила.

— Ну, ладно! Давай обѣдать-то, да зови ребятъ. А Митюшки нѣту? Загулялъ, видно, въ городѣ...—усмѣхаясь, прибавилъ онъ.

Онъ былъ благодушно настроенъ, потому что праздникъ сошелъ хорошо, обошелся дешево и гости остались довольны, а ржи, которыя онъ нынче ѣздилъ въ поле смотрѣть, оказались на славу,—густыя, рослыя, колосомъ ядреныя, хоть сейчасъ коси. „Съ хлѣбомъ нонѣ будемъ!“—мимоходомъ сообщилъ онъ женѣ, и Николавна перекрестилась на образъ.

Анисья выбѣжала на дворъ, созвала всѣхъ семейскихъ и снова не утерпѣла, — заглянула къ Домнѣ въ щелочку. Когда она вернулась въ избу, смѣхъ такъ ее и разбиралъ.

— Что же Домна-то? — спросилъ хозяинъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ.

— Убирается... Такъ разрядилась — чисто на свадьбу... Уморушка!..

Она не выдержала и разразилась смѣхомъ, зажимая себѣ ротъ фартукомъ. Въ эту минуту дверь отворилась, и въ избу вошла Домна съ Ванькой на рукахъ. Она дѣйствительно принарядилась, намаслила и причесала волосы, надѣла чистую рубаху и опрятную полосатую юбку, онучи аккуратно завертѣла новыми покромками, а на голову повязала бѣленькій платочекъ. Въ этой чистенькой миловидной бабенкѣ трудно было узнать прежнюю растрепанную, грязную неряху-Домну. Ванька тоже былъ одѣтъ въ чистую рубашку, и волосики его были расчесаны. Всѣ замѣтили эту перемѣну и промолчали, но Анисья никакъ не могла съ собою справиться, мигала мужу, фыркала, и наконецъ прорвалась.

— Кирюха, а Кирюха!... Что у насъ, ай праздникъ нонѣ?

— Какой-такой праздникъ?

— Да какъ же?... ишь, Домна-то у насъ... вырядилась...

Кирюха уставился на Домну и, глядя на жену, тоже захохоталъ. Домна вспыхнула, до слезъ оскорбленная этимъ грубымъ вмѣшательствомъ въ какія-то тайныя ея намѣренія, въ которыя она никого не желала посвящать.

— А тебѣ-то что, тебѣ что, злыдня эдакая?—своимъ обычнымъ сварливымъ тономъ закричала она. — Не твое одѣла, чего ты кидаешься? Ай, завидно?..

— Да я чтожъ... я ничего...—преувеличенно кротко возразила Анисья, очень довольная, что уязвила Домну.—Я къ тому, что вотъ, молъ, може праздникъ, а я-то, дурища, растрепой хожу...

— Ну и молчи! Чего грохочешь? Злыдня!..

— Ну, будя, будя!—строго прикрикнулъ Иванъ.

Бабы замолчали, и порядокъ водворился. Иванъ заговорилъ съ Николавной о праздникахъ, о томъ, сколько браги было выпито, какая кума-Пелагея безсовѣстная, и какъ все чудесно обошлось. Анисья вмѣшалась въ разговоръ, начала судачить гостей, и про Домну позабыли.

Какъ только обѣдъ кончился, и старики легли отдохнуть, Домна вышла на улицу, сѣла на завалинку и стала глядѣть на дорогу.

— А вѣдь это она Митюху ждетъ! — шепотомъ сообщила Анисья Кирюхѣ.—Провалиться, Митюху! Для него и вырядилась... задобрить хочетъ!

Домна дѣйствительно ждала Митрія и изнывала отъ нетерпѣнія. Ей хотѣлось встрѣтить его первой, хотѣлось что-то сказать ему, объяснить, приласкаться, такъ, чтобы онъ позабылъ всѣ ея нелѣпыя выходки, въ которыхъ она сама теперь раскаивалась. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ въ городъ, она не переставая думала о немъ, и онъ выросъ въ ея глазахъ въ настоящаго героя... „Дуракъ, дуракъ...—думала Домна, вспоминая насмѣшки всѣхъ семейскихъ надъ Митюхой. — Нѣтъ, онъ не дуракъ... это, можетъ, вы дураки-то!“

И она съ нетерпѣніемъ всматривалась вдоль улицы, вздрагивая каждый разъ, когда въ пыли показывалась какая-нибудь фигура. Но Митюхи все не было... Домнѣ стало скучно, солнце сильно припекало ей голову, и наконецъ ее ударило въ сонъ. Она посадила около себя Ванюшку, а сама прилегла тутъ же на завалинкѣ и задремала. Ей начало уже сниться что-то очень хорошее, какъ вдругъ голосъ Ванюшки разбудилъ ее.

— Тянька!.. Тянька дёть! Тянька дёть!

Домна вскочила и, протирая заспанные глаза, оглядѣлась. Къ воротамъ медленно подходилъ Митрій. Онъ былъ весь сѣрый отъ пыли и видимо сильно притомился. Глаза его смотрѣли ласково и грустно, и какая-то особенная важная мысль свѣтилась въ нихъ, когда онъ оглядывалъ знакомыя избы, тощія ветелки, пустынную улицу. У Домны замерло сердце, и всѣ слова, которыя собиралась она сказать мужу, вылетѣли у нея изъ головы. Она нагнула голову, точно ожидая удара, и испуганно глядѣла на Митрія, машинально обдергивая на себѣ юбку. Ну, какъ опять пройдетъ мимо, взглянетъ косо и ничего не скажетъ?..

Но Митрій остановился, поднялъ на руки ласкавшагося къ нему сынишку и, тихо улыбнувшись Домнѣ, сказалъ ласково:

— Ну, здравствуйте... Живы?

— Слава Богу...—дрожащимъ отъ волненія голосомъ отвѣчала Домна и прослезилась.—Ты какъ?.. Усталъ небось?.. Поѣсть хочешь?

— Чтожъ... пожалуй. Ты хлѣбца принеси,—собирать-то на столъ не надоть.

— Нѣтъ, чтожъ... какъ же... тамъ пироги остались... я сейчасъ... — пробормотала Домна и со всѣхъ ногъ кинулась въ избу.

На ея счастье ни Анисьи, ни Кирюхи не было въ избѣ, а то бы они всѣ смѣхи просмѣяли, глядя, какъ неповоротливая, лѣнивая Домаха горохомъ каталась по избѣ, собирая на столъ, сіяющая и счастливая.

— Мамушка, пришелъ Митюшка-то... — радостнымъ шопотомъ сообщила она свекрови.—Ничего... не сердчаетъ никакъ...

— Ну и ладно,—одобрительно сказала Николавна.

Вошелъ Митрій, помолился, поздоровался съ матерью и, умывшись, сѣлъ за столъ. Домна такъ и увивалась около него, такъ и заглядывала ему въ глаза, подсовывая куски пожирнѣе, но Митюха былъ разсѣянъ, молчаливъ, и не замѣтилъ даже, что въ избѣ у нихъ чистота, что сама Домна принаряжена. Домнѣ стало немножко обидно, и она надулась.

— А!.. Пришелъ? — воскликнулъ Иванъ, входя въ избу.— Ну, что?.. какъ тамъ, въ городѣ-то? — съ оттѣнкомъ насмѣшки спросилъ онъ.

— Ничего...—отвѣчалъ Митрій.

Иванъ зорко взглянулъ на сына, и ему сейчасъ же бросилось въ глаза новое выраженіе его лица. „Обжегся, видно!— подумалъ онъ съ удовольствіемъ.—Прищемили, знать, хвостъ-то въ городѣ, вотъ и отмякъ парень. Ничего, пущай“...

Онъ сѣлъ на лавку и, позѣвывая, завелъ рѣчь о ржи, о сѣнѣ и о прочихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Митрій молчалъ и ѣлъ. Пришли Кирюха съ Анисьей, подняли шумные разговоры и осыпали Митрія вопросами о городѣ, но и имъ Митюха отвѣчалъ односложно и неохотно. И всѣ рѣшили про себя, что „парень обмякъ“...

Домна все время сидѣла какъ на иголкахъ и дождаться не могла, когда Митрій кончитъ ѣсть, пойдетъ въ клѣть отдыхать, и она останется съ нимъ одна.

Но Митрій не двигался съ мѣста, а тутъ какъ на зло Анисья затрещала, какъ сорока, разсказывая праздничныя новости.

— Погуляли хорошо... ужъ и брага была! Дядя-Кузьма плясалъ—уморушка!.. У Левона хозяйка захворала — такъ ввалили въ телѣгу и повезли. А Сенька-то, Сенька твой чтò надѣлалъ? Напился, да какъ зачалъ буянить, гостей разогналъ, посуду побилъ, — отецъ хотѣлъ вожжами скрутить, такъ онъ и отца вдарилъ...

— Да, ужъ нонѣ отъ сыновей-то почтенья не жди!—вставилъ Иванъ.

— Теперича, слышь, отецъ-то жалиться хочетъ на Сеньку, въ волостное...—продолжала Анисья.—Я не я, говоритъ, буду, ежели его не выпорютъ при всемъ сходѣ. Статочное ли дѣло,—отца вдарилъ! Безпремѣнно теперь Сеньку выпорютъ!

— За такое дѣло и слѣдуетъ,—подтвердилъ Иванъ.—Чтобы другимъ наука была... А то вѣдь, ишь ты до чего народъ дошелъ! Рòднаго отца бить!

Это извѣстіе вывело Митрія изъ его тихой задумчивости. Онъ обезпокоился, вылѣзъ изъ-за стола и взялся за шапку.

— Я, батюшка, пойду... Можетъ, чего дѣлать надо?—обратился онъ къ отцу.

— Ничего, ступай...—снисходительно сказалъ Иванъ, очень довольный почтительностью Митюхи.—Чего тамъ дѣлать... нечего, кажись. Ужъ нонѣ какое дѣло, отдыхай; чай, тоже ноги-то отмахалъ.

Митрій вышелъ; Домна послѣдовала за нимъ.

— Митрій... а Митрій!—робко окликнула она его.

Митрій остановился.

— Ты... въ клѣть что-ли теперича пойдешь?.. Я тебѣ тамъ постелила...

— Ну, чтожъ... спасибо. Я вотъ, того... къ Филиппу зайду.

— Скучилась я по тебѣ... — прошептала Домна, задыхаясь,

и схватила его за рукавъ, дѣлая послѣднее отчаянное усиліе удержать мужа около себя.

Но Митрій, хотя и не оттолкнулъ ея руки, но и не отвѣтилъ на ласку. „Ладно, ладно, Домаша, послѣ потолкуемъ!“ — сказалъ онъ и съ озабоченнымъ видомъ вышелъ. Домна остолбенѣла отъ обиды, и въ первую минуту хотѣла-было поднять крикъ, сорвать съ себя всѣ наряды, обругать, побить кого-нибудь... Но ничего этого она не сдѣлала, а побѣжала къ себѣ въ клѣть, бросилась на приготовленную для Митрія постель и тихонько заплакала. А между тѣмъ, она чувствовала себя сегодня гораздо сильнѣе обиженною, чѣмъ тогда, когда Митрій ее ударилъ.

Митрій былъ уже на гумнѣ. Чалый и Васька, брякая желѣзными путами, бродили подъ ветелками и щипали траву. Увидѣвъ Митрія, Чалый высоко поднялъ голову и радостно заржалъ; это тронуло Митрія до слезъ. „Чаленькій... голубчикъ мой, родименькій,—соскучился“!—приговаривалъ онъ, подходя къ нему и лаская его. Чалый ласково глядѣлъ ему въ глаза и скалилъ свои желтые зубы. Даже подлецъ-Васька перестал ѣсть и довольно дружелюбно посмотрѣлъ на Митрія; Митрій и его погладилъ и потрепалъ по холкѣ, и Васька принялъ это снисходительно. Потомъ Митрій поглядѣлъ вокругъ себя, на растрепанныя избы, на почернѣвшіе ометы соломы, и послѣ города все это показалось ему такъ сѣро и убого, и въ тоже время такъ мило и жалко и дорого, что мужицкое сердце его затрепетало. Эхъ, если бы не темные были, все было бы по другому... и съ Домной они жили бы не по-собачьи, а по-людски, и старшій сынишка его не померъ бы отъ прокислой соски и таинственнаго „ускопа“, и отецъ не ругался бы и не билъ его за книжки, а самъ читалъ ихъ... Только что̀ же нужно для этого? Что̀?..

Филиппъ, сидя на приступкѣ, отбивалъ косу, а Анна пахтала масло, когда Митрій вошелъ къ нимъ на дворъ.

— А! Воронежскій! — воскликнулъ Филиппъ, бросая косу и брусокъ.

— Съ приходомъ, Митюша! Милости просимъ въ избу, бражки нашей отвѣдать!—привѣтствовала хлѣбосольная Анна.

Вошли въ избу. Митрія посадили за столъ, накрытый чистымъ столешникомъ, поставили передъ нимъ кувшинъ съ брагой, наклали пироговъ съ кашей и стали разспрашивать.

— Поди, тебѣ теперича на деревню-то и глядѣть не хотца!— сказала Анна, подсмѣиваясь.—Наглядѣлся, небось, чудесъ въ городѣ-то, а?

— Наглядѣлся!—со вздохомъ сказалъ Митрій.

— Что же, хорошо, чай?

— Хорошо-то оно, хорошо... да только кому другому, а не нашему брату. Нѣтъ, ну ихъ къ шуту!.. я какъ въ свое село-то вошелъ, такъ мнѣ здѣсь каждый кустикъ милъ, словно родной... а тамъ... чисто въ лѣсу, право слово... ажно страшно!

— Правильно!—воскликнулъ Филиппъ.—Правильно говоришь, Митюха! Да ты давай мнѣ тыщи, я въ городъ жить не пойду! Ей-Богу!

— А больно ты тамъ нуженъ?—сказала Анна насмѣшливо. —Тоже выискался... тыщи! Кто тебѣ тыщи-то дастъ? Мѣднаго гроша не дадутъ за тебя въ городѣ-то, вотъ что!

— А мнѣ и не надо, плевать я хотѣлъ! Я, братъ, здѣсь самъ себѣ баринъ, а въ городѣ-то всякому кланяться надо! А я кланяться не хочу. За что я буду кланяться? Ну-ка? Пущай мнѣ, мужику, покланяются, вотъ что!—хорохорился Филиппъ.

— Во-во-во... это самое!—согласился съ нимъ Митрій задумчиво.—Тамъ, тетушка-Анна, точно, всякому кланяйся... Ну, а ужъ чтобы *они* намъ кланялись... это подожди, дядя Филиппъ!.. Это ужъ подождать, должно, надоть, вѣрно слово!—съ рѣзкимъ смѣхомъ добавилъ онъ.

— То-то, то-то и я говорю!—подхватила Анна.—Ужъ очень онъ занесся, распузырился — фу-ты, ну-ты! Важная, подумаешь, штука! Еле ужъ дышемъ, ужъ только бы, только бы какъ-нибудь, а вѣдь поди-ты, распушился,—пущай ему кланяются! Кто кланяться-то будетъ?

— Покланяются!—стоялъ на своемъ Филиппъ.—А ты ужъ думаешь, мужикъ-то ни на что не нуженъ? Нужо-о-нъ! Небось! Хлѣбушка захотятъ—покланяются и мужичку,—это небо-о-сь!

— Да кто его у тебя проситъ, — ты самъ его на базаръ возишь, да еще кланяешься, чтобы купили!—возразила Анна.

— Это точно, вожу и кланяюсь! А ну-ка, вдругъ, да я не повезу? Возьму вотъ, да и не повезу? И никто не повезетъ? Кто тогда кланяться-то придетъ, а? Небось, подопретъ, такъ и намъ покланяются! Вотъ вѣдь что дорого-то мужичку, да пріятно... что вотъ, молъ, кормлю всѣхъ,—хочу и кормлю, а не хочу—пропадай всѣ съ голоду!..

Филиппъ воодушевился сознаніемъ своего мужицкаго могущества и, стоя передъ Анной, при послѣднихъ словахъ своихъ принялъ такую величественно-комичную позу, что и Анна и Митрій покатились со смѣху. Филиппъ даже обидѣлся.

— А что-жъ? Нешто не правду я говорю?—сказалъ онъ.

— А ну тебя къ шутамъ! — воскликнула Анна, смѣясь. —

Вотъ вѣдь всегда онъ такъ, право-слово! Носится-носится, да ужъ и сѣсть гдѣ не знаетъ! Эхъ, Филя, Филя! Ты бы на себя поглядѣлъ, чѣмъ мужику гордиться? Живемъ чисто нищіе, ничего-то у насъ нѣту, того-другого не хватаетъ, бьешься-бьешься, вершиться, вертишься, какъ Антипкинъ кобель,—какая ужъ гордость?

Анна перестала смѣяться и пригорюнилась; воспоминаніе о вѣчныхъ недостаткахъ разбередило ея больное мѣсто. Филиппъ махнулъ рукой.

— Э, пошла, поѣхала! Все ей мало, все жадничаетъ... Нищіе! Что̀ сказала? Да кабы всѣ такіе нищіе были, это бы слава Богу!..

— Тьфу, тьфу!—отплюнулась Анна.—Да не дай Господи!

— Чего-же тебѣ надо-то? Чего надо-то, ты хоть скажи?

— Чего мнѣ надо?—спросила Анна, и лицо ея вдругъ расцвѣло.—Чего мнѣ надо?—повторила она съ блестящими глазами.— Вотъ чего... Первымъ долгомъ, коровенку бы хоть еще завесть... что жъ, на эдакую семью, да одна корова, что съ ней подѣлаешь! Ни масла тебѣ, ни творожку, ни сметанки,—откуда наберешь-то? А ужъ будь двѣ коровы, ужъ тогда бы у меня всего было!—воодушевляясь все больше и больше продолжала Анна и даже рукава стала для чего-то засучивать.—Масла набрала бы кадушку—въ городъ отвезла; блины каждый день... кислое молоко безъ переводу... не то, что по дворамъ побираться, а ко мнѣ бы сосѣдки ходили,—и безъ отказу!..

— Вонъ чего она! Вонъ чего!—подсмѣивался Филиппъ, подталкивая въ бокъ Митрія. Но Анна не слушала его ироническихъ замѣчаній.

— Потомъ свиней бы завела! — фантазировала она въ экстазѣ.—Да не простыхъ, а заводскихъ! Откормила бы ихъ, какъ слѣдъ быть,—къ рожеству ветчинка своя, сало свое, да и продать бы еще осталось!.. Ну овченокъ тоже десятокъ-другой... Шерстка своя, знай-пряди; теперича какіе ни на есть валены— купи! а тогда ужъ нѣтъ, все свое, — чулки, вареги, сукно, все есть! Теперь опять птица! Птицы этой я бы развела видимо-невидимо... гусей, утокъ, индюковъ, цыцарскихъ яицъ у попадьи выпросила бы,—цыцарокъ вывела...

— О Господи!—вздохнулъ Филиппъ.— Цыцарокъ еще ей!..

— Цыцарокъ!.. Да вѣдь рай-то бы у меня какой былъ, Господи ты Боже мой! Все есть, все свое, — яйца, масло, сметана, сало, шерсть, валенки, перчатки, поросята, цыплята...

— Ну, ну, передохни̂ маленько,—задохлась!

— Кто ни приди — безъ отказу; гости — милости просимъ,

есть что на столъ поставить, не то что теперь,—изъ-за каждой крупинки жмешься... Одѣться-обуться есть во что; не стыдно на улицу выдти... Деньжонки не переводятся... чуть-что, недохватка въ хозяйствѣ, аль изъ-за податей — бѣжать, высуня языкъ, по селу не надоть!.. Да это тебѣ не рай? Это тебѣ не житье? Господи ты Боже мой!..

Послѣднія слова Анна произнесла какимъ-то разслабленнымъ голосомъ и, ослѣпленная, опьяненная собственными мечтами, въ сладкомъ изнеможеніи опустилась на лавку.

— Ну, все, что-ли, пересчитала?—насмѣшливо спросилъ Филиппъ.

— А чего же тебѣ еще? Аль мало?

— Нѣтъ, ужъ будетъ! Вотъ онѣ, бабы-то, какія!—обратился онъ къ Митрію.—И откуда это въ нихъ жадность берется, Господи Милостивый? Ну, на что это ей все, а? Вѣдь ни съѣсть, ни выпить, чего она насчитала? А все мало... Охъ, бабы, бабы!

— Ну, да ужъ и вы-то, мужики, хороши!—возразила Анна.—Она уже успокоилась и, кажется, немножко конфузилась того, что много наговорила. Тоже разсурепился давеча, чисто канышъ [1])! А Митрій, небось, глядитъ на насъ, да хохочетъ, — сбѣсились старики-то! И то сбѣсились... я-то, дура, масло бросила, кабы собаки не нанюхали... Пойтить, допахтать...

Она пошла было къ двери, но что-то вспомнила и вернулась.

— Ну что у васъ... съ Домахой-то? Какъ? — спросила она Митюху.

— Да что-жъ... ничего...—смущенно отвѣчалъ Митрій.

— То-то... Помирились?

— Да кто-е-знаетъ... Ничего!

— Ну и слава Богу. Хорошее дѣло.

— Нѣтъ, а вотъ дома сказывали, у Семена Латнева что-то неладно?—спросилъ Митрій.

— Да, парень, тамъ дѣло не хвали, — сказалъ Филиппъ.—Кабы не всыпали Семену-то... жалко парня!

— Полосовались страсть!—подтвердила Анна.—Старикъ-то ажно осатанѣлъ,—образъ сымалъ, проклялъ! Эдакій злыдень старый! Мало чего во хмѣлю бываетъ, такъ и проклинать сейчасъ!

— Ну такъ я пойду къ нему, повидаюсь,—сказалъ Митрій, вылѣзая изъ-за стола.—Покорно благодарю за угощенье! Эхъ, Сенька, Сенька!..

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ избу вошелъ самъ Сенька.

---

[1]) Индюкъ.

XIII.

— А, легокъ на поминѣ! — воскликнула Анна. — Мы про волка, а волкъ во дворъ! Милости просимъ...

Семенъ сумрачно со всѣми поздоровался.

— Ну что, какъ дѣла-то?—спросилъ Филиппъ.

— Да что... выпорютъ, должно быть, вотъ и все!

— Ходилъ жалиться?

— Ходилъ ныньче... Ну и пущай порютъ, все едино!

— Ну ужъ...—попробовалъ утѣшить Филиппъ.—А може и нѣтъ!.. Разберутъ дѣло, може и оправятъ. Тоже нонѣ зря-то не очень порютъ!..

— Наплевать! — съ напускнымъ равнодушіемъ сказалъ Семенъ.—Оно, говорятъ, ничего, не больно, мнѣ Микишка сказывалъ,—его лѣтось пороли, хомутину укралъ... Ничего, говоритъ, такъ, стрекаетъ маленько какъ крапива... только и всего!

Онъ засмѣялся, но сейчасъ же поперхнулся и замолчалъ; на глазахъ его выступили слезы.

— Дуракъ онъ, Микишка-то,—сердито отозвался Филиппъ.

— Да изъ чего у васъ вышло-то?—спросилъ Митрій.

— Изъ чего... изъ чего?... Нѣтъ, ни изъ чего!—проглотивъ слезы, отвѣчалъ Семенъ, стараясь говорить какъ можно грубѣе и отрывистѣе, чтобы скрыть свое волненіе. — Гуляли... Я пьянъ былъ... онъ тоже... я и выпилъ-то съ горя; ужъ больно онъ меня донялъ... Ну, сталъ при гостяхъ бахвалиться... я н.. я... мое слово — законъ... люблю почетъ, то, да сё... А я съ-пьяну и посмѣйся... Онъ ругаться, — я отвѣтствую; онъ кричитъ — вонъ пошелъ изъ моего дома, ты мнѣ не сынъ!.. а я: паспортъ, молъ, подайте, — съ великимъ моимъ удовольствіемъ... Онъ взялъ бадикъ, да меня по спинѣ: вотъ, говоритъ, тебѣ паспортъ!.. Ну тутъ ужъ я пополовѣлъ, ничего не помню, кинулся куда зря, столъ свалилъ, его въ дверь высадилъ,—чисто ополоумѣлъ! Вонъ что вышло-то!—докончилъ онъ и криво улыбнулся.

Наступило тяжелое молчаніе. Мужики свернули по цыгаркѣ и закурили; Анна стояла у дверей въ раздумьѣ, вздыхала и покачивала головой. Ея изворотливый бабій умъ работалъ.

— А знаешь, Сеня, вонъ чего я тебѣ скажу!—заговорила она вдругъ, подходя къ Семену и ласково заглядывая ему въ лицо.—Поди ты къ старику, поклонись ему въ ноги,—все-таки онъ тебѣ родитель... Такъ, молъ, и такъ, виноватъ,—прости!... Что жъ, сердчай не сердчай, а ужъ это правда,—виноватъ ты

передъ нимъ. На родителя руку подымать—грѣхъ большой! Вотъ и повинись—поди... размякнетъ старикъ-то, и не будетъ ничего... А? Сеня?

Семенъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Еще хуже будетъ...—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— И ничего не хуже! чай онъ не звѣрь, старикъ-то! А ты по-божьи сдѣлаешь... Ну, ежели и не проститъ—тебѣ-то что? Ты свое дѣло сдѣлалъ! Повинись, Семенушка, послушай моего бабьяго ума-разума!..

Семенъ поглядѣлъ на присутствующихъ. Филиппъ молчалъ, но по лицу его видно было, что онъ одобряетъ совѣтъ жены; Митрій глядѣлъ въ землю и что думалъ — неизвѣстно. Семенъ колебался.

— Ну... ладно!—вымолвилъ онъ, видимо сдаваясь.—Тамъ дѣло видно будетъ...

— Чего тамъ видно! Иди да и все! Охъ, батюшки, а масло-то у меня!.. И забыла съ вами про него... побѣгу, допахтаю...

Она ушла. Семенъ обратился къ Митрію.

— Ну, а ты, Митюха, какъ? Что жъ про городъ-то не разскажешь?

— Да чего разсказывать-то? Пошелъ ни пошто, принесъ ничего... Нечего намъ тамъ дѣлать, въ городѣ-то, вотъ что!

— Какъ такъ нечего?

— Да такъ и нечего... Съ чѣмъ ты туда пойдешь-то? Чего знаешь? Какъ есть ничего... темный ты есть человѣкъ, такая тебѣ и цѣна. Вотъ что!

— Это вѣрно!—поддакнулъ Филиппъ.—Въ городѣ-то, братъ, ходи, да ножку отрясай!

— Ну такъ что жъ?—возразилъ Семенъ.—Такъ ужъ, значитъ, намъ и добиваться ничего не надо, сиди, значитъ, дома на печи, да не суйся съ свинымъ рыломъ въ калашный рядъ? Эдакъ, что ли?

— Да чего добиваться-то?

— Чего-чего!.. Что жъ, вотъ, такъ вотъ, по твоему, все и жить?

— А нешто по другому хочется?

— Извѣстно, по другому...

— Ну такъ я тебѣ скажу, ты самъ сперва другой сдѣлайся...—воодушевляясь, перебилъ его Митрій.—А коли такъ вотъ пойдешь, какъ есть, то и будешь самый послѣдній изъ послѣднихъ. Вотъ живешь ты въ деревнѣ, и всякій тебя знаетъ, что ты Семенъ Латневъ; куда ни пришелъ—ты свой человѣкъ, вездѣ тебя привѣтятъ, за столъ посадятъ, вотъ какъ, примѣрно, Филиппъ

насъ привѣчаетъ... Ну-ка, а пойди ты *туда*, что будетъ? Ты думаешь, *имъ* тамъ что нужно отъ насъ? Вотъ что... (Митрій протянулъ впередъ свои корявыя руки и потрясъ ими въ воздухѣ.) Да еще вотъ что!.. (Онъ указалъ себѣ на шею). Потому ты для *нихъ* все равно, что ломовая лошадь, и такая тебѣ и цѣна. Работаешь—покормятъ; не работаешь—въ загривокъ накладутъ, вотъ тебѣ и все. И вѣрно,—потому ты ни къ чему...

— Какъ-такъ ни къ чему?—спросилъ озадаченный Семенъ.

— Такъ и ни къ чему... Говорю, темнота, темнота насъ одолѣла... землей мы обросли, какъ пни лѣсные, да и не чувствуемъ ничего... Эхъ, Сеня, надоумилъ меня городъ... какъ треснулъ по темной-то, по глупой башкѣ, ажъ тошно стало мнѣ на себя глядѣть...

И Митрій съ чувствомъ и жаромъ, хотя не совсѣмъ складно и связно, принялся разсказывать всѣ свои дорожныя встрѣчи, впечатлѣнія и мысли.

Семенъ и Филиппъ слушали его внимательно; у Семена глаза разгорѣлись, и онъ часто прерывалъ товарища энергичными восклицаніями; вошла Анна и тоже присосѣдилась слушать.

Когда Митрій кончилъ свой разсказъ, между слушателями начался оживленный обмѣнъ мнѣній. Филиппъ продолжалъ утверждать, что „безъ мужика все-таки всѣ подохнутъ"; Анна ему возражала и соглашалась съ Митріемъ, что мужикъ оттого и бѣденъ, что глупъ, а глупъ оттого, что ничего не знаетъ. Больше всѣхъ горячился Семенъ; на него разсказъ Митрія произвелъ совсѣмъ не такое впечатлѣніе, какого Митрій ожидалъ, и онъ доказывалъ, что если захочешь, то всего добьешься, да еще и носъ утрешь кому слѣдуетъ...

— А ну, ну, попробуй!—подзадоривала его Анна.

— А что жъ такое? И попробую!

— Ну, ну, вотъ поглядимъ на тебя,—больно ты прытокъ!

— Погляди, погляди... Эхъ, раззадорилъ ты меня, Митюха, смерть хочется свѣтъ божій посмотрѣть... Уйду и я въ городъ!—весело крикнулъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— Городъ, городъ... Дался имъ этотъ городъ! Ну ужъ молодежь нынче пошла,—не сидится ей на мѣстѣ!—говорила Анна.

И долго еще въ избѣ Филиппа слышался шумъ и споръ, такъ что сосѣди рѣшили, что, должно быть, „праздничное допиваютъ"... Анна сгоряча даже про корову позабыла и долго бранилась и плевалась, когда вспомнила, что вѣдь ее давно уже пора доить...

Уже свечерѣло, когда пріятели вышли изъ избы Филиппа на улицу, надъ которой висѣлъ густой запахъ парного молока. Все

оживленіе ихъ разомъ исчезло: Семенъ задумался о предстоящей ему поркѣ, а Митрію вспомнился вчерашній вечеръ на кладбищѣ. И глядя на тихо мерцающія звѣзды, которыя и вчера также глядѣли на него, прислушиваясь къ замирающимъ голосамъ деревенской жизни, Митрій мысленно перенесся туда... „жизнь безпріютная, жизнь одинокая“...

— Эхъ, тоска какая!—воскликнулъ онъ вдругъ, будучи не въ силахъ побороть въ себѣ скорбное чувство, котораго онъ не могъ ни понять, ни высказать.

Семенъ вздрогнулъ и очнулся отъ своей задумчивости.

— Да, ужъ житье... А что, Митрій, какъ ты думаешь насчетъ этого дѣла-то, а? - спросилъ онъ неувѣренно и какъ будто конфузясь.

— Да что думать-то?—мрачно вымолвилъ Митрій.

— Ежели и вправду пойтить, повиниться... А? Посовѣтуешь аль нѣтъ?

— Извѣстно, посовѣтую,—еще мрачнѣе сказалъ Митрій.

— Вѣдь ужъ больно скверно, Митя, а?—продолжалъ Семенъ, точно оправдываясь, и въ его голосѣ зазвучали жалобныя дѣтскія ноты. Вѣдь при всемъ народѣ... срамота, обида! Да лучше бы меня ножами рѣзали, чѣмъ эдакъ... Не вытерплю я, Митюха, надѣлаю бѣды!..

Митрій молчалъ; замолчалъ и Семенъ. Но черезъ минуту онъ заговорилъ снова.

— Ну... вотъ что, Митюха!—сказалъ онъ рѣшительно.— Пойду, поклонюсь... виноватъ—не виноватъ, ударюсь лбомъ объ полъ,—нà! (Онъ захохоталъ громко и злобно). Только вотъ что... иди и ты со мной... не въ могоготу одному!.. Все полегче съ товарищемъ...

Они молча пошли впередъ. Народъ еще не совсѣмъ угомонился; кое-гдѣ скрипѣли ворота; мелькали огоньки; запоздавшая съ ужиномъ баба скликала съ улицы своихъ дѣтей. Вотъ и Латневская изба... Не спятъ еще. Въ избѣ коптитъ лампочка; собираются ужинать. Въ окна видна мятущаяся тѣнь Семеновой матери, и на улицѣ слышно, какъ она то-и-дѣло роняетъ на полъ то ухваты, то ножикъ. Парни остановились, и Митрій слышалъ, какъ у Семена шибко-шибко билось сердце.

— Ну... постой... Дай духъ перевести...—сказалъ Семенъ, силясь подавить свое волненіе. Пойдемъ къ окнамъ, посмотримъ... здѣсь онъ, что ли...

Они подошли къ избѣ и, ставъ колѣнками на завалинку, прильнули къ окошкамъ. Старикъ Латневъ сидѣлъ на лавкѣ у

стола, сумрачно опустивъ косматую сѣдую голову на грудь. Глазами онъ исподлобья слѣдилъ за женой и кривилъ губы каждый разъ, какъ она что-нибудь роняла. Въ углу у печки робко жались дѣвочки-подростки, сестры Семена. Ни говору, ни смѣху...

— Вотъ у насъ всегда такъ...—лихорадочно шепталъ Семенъ.—Чисто каторжные...

Въ эту минуту старикъ вдругъ поднялъ голову и ударилъ кулакомъ по столу. Даже Митрій съ Семеномъ вздрогнули за окошкомъ.

— Что же ты, скоро, что ль?—закричалъ онъ сварливо.— До утра, что ль, сидѣть? Поворачивайся!..

Запуганная баба какъ разъ въ это время ставила на столъ горшокъ со щами. Грозный окрикъ мужа заставилъ ее вздрогнуть; горшокъ покачнулся въ ея ослабѣвшихъ рукахъ, и часть щей полилась на полъ.

— У-у, дьяволъ неповоротливый!..—проворчалъ старикъ и, поднявшись съ лавки, ударилъ жену по головѣ половникомъ.

Семенъ, весь трясясь и стуча зубами, отскочилъ отъ окошка.

— Нѣтъ, не могу... не хочу...—выговорилъ онъ, задыхаясь.— Родитель... родитель... вотъ онъ, родитель-то... Не пойду!.. Не стану... пущай ужъ лучше поретъ...

Они перелѣзли черезъ заборъ и, путаясь ногами въ высокой жирной крапивѣ, побѣжали внизъ, огородомъ и къ рѣчкѣ. За ними точно гнались... Только подъ своей любимой старой ракитой они остановились, поглядѣли другъ на друга и передохнули. Семенъ хрипло засмѣялся.

— Ну что, видалъ?—сказалъ онъ.—Вотъ ему, такому, и кланяйся... Нѣтъ ужъ, пущай кто другой кланяется, а не я... такъ и Аннѣ скажи. Родитель!.. Добрая она баба, а по-бабьи судитъ. Проститъ онъ, эдакій, какъ же!..

— Ужъ и лютъ, и лютъ же!..—проговорилъ Митрій, содрогаясь отъ мысли, что еслибы при его мягкомъ, податливомъ характерѣ у него былъ такой же отецъ, — такъ онъ, Митрій, дурачкомъ бы былъ, непремѣнно дурачкомъ... въ родѣ несчастной Семеновой матери...

— То-то!—отозвался Семенъ, раскуривая цыгарку.—Вотъ и говори теперь, что̀ дѣлать... Порки, видно, никакимъ родомъ не миновать.

— А знаешь что, Семенъ?—сказалъ Митрій.—Сходи-ка ты къ Андрею Сидорычу... може, онъ что̀ посовѣтуетъ? Какъ тамъ насчетъ законовъ и прочаго... Можетъ, отвертѣться какъ ни на есть можно?

— Не отвертишься... потому родитель!.. Ничего не сдѣлаешь. Нѣтъ ужъ, я самъ по себѣ все обдумалъ... Я знаю, что̀ сдѣлаю!..

— А что?—съ нѣкоторымъ испугомъ спросилъ Митрій.

— Ходу дамъ, вотъ что! Какъ только, Господи благослови, на судъ позовутъ, меня и слѣдъ простынетъ... Удеру. Пущай они тамъ бородами-то потрясутъ!..

Семенъ злорадно захохоталъ, представляя себѣ, какъ судьи будутъ трясти бородами.

— А паспортъ гдѣ?

— Безъ паспорта удеру! Эка, не живутъ, что ли, безпаспортные-то! Только ты молчокъ, Митюха! Чтобы имъ и не помстилось! Я имъ покажу какъ лягушки прыгаютъ! Ха-ха-ха! Гдѣ Сенька? А Сенька—фю-ю-ю!

— Отчаянная твоя башка!—воскликнулъ Митрій.

Когда пріятели разошлись, и Митрій вернулся домой, все село уже спало глубокимъ сномъ; только Домна не спала, дожидалась мужа и плакала. Митрій осторожно пробрался въ клѣть, нащупалъ въ потьмахъ постель и сталъ укладываться. Домна заплакала еще пуще и громко стала сморкаться.

— Никакъ ты не спишь?—съ удивленіемъ спросилъ Митрій, поднимаясь и вглядываясь въ темноту.—Домна! А Домна?

Домна молчала и всхлипывала. Митрію стало ее жаль.

— Ну... что же ты молчишь? Подь-ка сюда... Домаха!—ласково позвалъ онъ жену.—Но Домна рѣшила дуться и не откликалась. Тогда Митрій всталъ и ощупью разыскавъ ее въ углу, на коробѣ, присѣлъ съ ней рядомъ.

— Ну... чего же ты ревешь? А?

— А ты чего шляешься?..—отозвалась наконецъ Домна.—Пришелъ... и не поглядѣлъ путемъ... словно ужъ я и не жена... идолъ ты, вотъ что!

— Ну вотъ, лаяться опять!—съ горечью сказалъ Митрій.—Жена—не жена... Да какая ты жена, когда съ тобой ни поговорить, ни что...

— Да объ чемъ говорить-то?.. – затихая, спросила Домна.

— Мало ли объ чемъ? Чтожъ мы, скоты, что ли, какіе, что намъ и говорить не объ чемъ?.. И такъ бо-знать какъ живемъ... день-деньской колготня, да брехъ, да шумъ, а изъ чего—и самъ не знаешь... Чистые дикари.

Слово „дикари“ показалось Домнѣ очень обиднымъ, и она снова заплакала.

— Ну, вотъ, вотъ!--нетерпѣливо воскликнулъ Митрій.—Съ

ней по-людски хочешь, а она ревомъ донимаетъ... Объ чемъ ревешь-то, хоть бы сказала?

— Ты меня не любишь... опостыла я тебѣ... — прошептала Домна.

— Все это однѣ бабьи глупости! Тебѣ дѣло говорятъ, а ты все свое... Эхъ, Домна, Домна!.. Сказалъ бы я тебѣ слово, да толку не выйдетъ изъ этого. Скверно мы живемъ, вотъ что... а мнѣ какъ получше хочется... Вотъ я тебя тогда ударилъ... ты думаешь, сладко мнѣ было, что ль? Мучился, мучился, и не зналъ, какъ на людей глянуть. А тебѣ что? Сама ты меня довела до эдакой срамоты, да еще на улицу раскосматкой выбѣгла, народъ скликать зачала, наболтала, наврала ни вѣсть чего...

— Да вѣдь это все бабы... да Аниська!—вымолвила Домна. —Зудѣли-зудѣли въ уши—онъ, молъ, тебя, знать, не любитъ... Ну, я и...

— А ты слухай больше! Аль у тебя своего ума-то нѣту? Вотъ за это, за самое и не люблю я тебя! Чего тебѣ ни набрешутъ, все ты вѣришь, а меня хоть бы разъ послухала... Ребенка тогда уморили... вспомнить этого не могу! Такъ ажно тошно сдѣлается, какъ вспомню...

— Такъ вѣдь кто-жъ его зналъ!.. вѣдь все ку-быть думается, люди-то больше нашего знаютъ...

— Да кто люди-то, кто люди-то? Анисья, что ль, аль эта вѣдьма старая? Нашла тоже людей! Нѣтъ, ты кого поумнѣе себя слухай, а энтихъ-то мы сами поучимъ. Такъ, что ль? Домаша?

Съ этими словами Митрій ласково потрепалъ жену по плечу. Домна размякла, но ей вдругъ захотѣлось немножно поломаться, чтобы ужъ не сразу признать себя побѣжденной, и она отодвинулась отъ мужа.

— Кого поумнѣе-то?..—проговорила она.—Учительшу что ль?..

Митрій разсердился.

— Опять свое!—рѣзко сказалъ онъ и всталъ.—Нѣтъ, видно, изъ волка овцу не сдѣлаешь... И я-то дуракъ...

Онъ пошелъ къ постели. Домна испугалась и бросилась за нимъ.

— Прости, Митюша... не стану, вотъ-те крестъ, не стану... И не чаяла, не гадала, какъ съ языка сорвалось... — бормотала она.

— Завиляла хвостомъ-то! Охъ, бабы, бабы...—ворчалъ Митрій.—Ты къ ней съ лаской, она бычится, а отойдешь, — опять лѣзетъ... Ну, ужъ бабы!..

Но Домна ластилась къ нему и всѣми святыми клялась, что теперь словечка насупротивъ не скажетъ. Митрій и вѣрилъ, и не

вѣрилъ... но ему надоѣло „канителиться“, и супруги примирились.

На слѣдующій день рано утромъ они были разбужены обычнымъ деревенскимъ гомономъ, и Иванъ давно уже стучалъ къ нимъ въ дверь, крича, что пора подыматься. Работа на дворѣ кипѣла; ребята поили лошадей, Кириллъ подмазывалъ телѣгу, Анисья доила коровъ, Николавна топила печь и готовила завтракать. Митюхѣ тоже сейчасъ же нашлось дѣло, а Домна пошла помогать Анисьѣ, и черезъ минуту Митрій слышалъ уже, какъ она звонко переругивалась съ невѣсткой. Все пошло по старому... колесо деревенской жизни вертѣлось заведеннымъ порядкомъ... и скоро Митрію стало казаться, что все его путешествіе въ городъ, встрѣча, думы на кладбищѣ—все это было не болѣе, какъ сонъ.

XIV.

Учитель, Андрей Сидорычъ, сидѣлъ на крыльцѣ своей школы и, въ ожиданіи вечерняго чаепитія, отдыхалъ отъ работы въ крошечномъ садикѣ, который онъ вздумалъ развести передъ школой. Сирень, акаціи и тополи онъ разсадилъ еще весной, и они принялись, а сегодня онъ цѣлый день разсаживалъ саженцы, присланные ему изъ губернскаго питомника, и усталъ до смерти. Руки и ноги такъ и гудѣли, но теперь, когда работа уже кончилась, это было даже пріятно. Андрей Сидорычъ съ удовольствіемъ поглядывалъ вокругъ; вечеръ былъ славный, тихій и теплый, несмотря на то, что было половина сентября. Цѣлый день по площади мимо школы тянулись возы, нагруженные снопами, но теперь возка прекратилась, пыль улеглась, и воздухъ былъ чистый, сухой, съ легкимъ ароматомъ спѣлой ржи и пшеницы. Изъ отворенныхъ оконъ школы слышался звонъ чайной посуды, и жена уже раза два кликала Андрея Сидорыча пить чай, но онъ не торопился. Ему было такъ хорошо сидѣть на крылечкѣ, отдыхать и думать о разныхъ пустякахъ, попадавшихся на глаза. Вонъ крапива-то какъ разрослась... надо бы ее выкосить... А воронья-то сколько надъ церковью!.. Вотъ ужъ чисто „клубъ вороньяго рода“... Чья-то корова, должно быть, заблудилась и жалобно мычитъ посреди площади... Какой-то мужикъ съ понурой головой прошелъ къ батюшкѣ... вотъ опять вышелъ, держа шапку въ рукахъ, и остановился въ раздумьѣ у крыльца. Вѣрно, треба какая-нибудь... Стой, да это никакъ Дмитрій Жилинъ! Онъ и есть...

— Дмитрій! Дмитрій!—закричалъ Андрей Сидорычъ, махая рукой.—А, Дмитрій! Зайди-ко сюда...

Митрій услышалъ зовъ и испуганно поднялъ голову. Увидѣвъ учителя, онъ растерянно оглянулся по сторонамъ, точно ища мѣсто, куда бы спрятаться, но такъ какъ спрятаться было некуда, онъ неохотно подошелъ къ крыльцу.

— Давненько, давненько мы съ тобой не видались, Дмитрій! —говорилъ учитель, протягивая Митрію руку. — А ты что же это, братъ, а? Ѣдешь мимо и не зайдешь... а-а-а!.. не хорошо!

Дмитрій молчалъ и комкалъ въ рукахъ свою шапку. Онъ сильно похудѣлъ и осунулся; глаза глядѣли сумрачно и устало. Повидимому онъ только-что вернулся съ работы, потому что руки и лицо у него были въ пыли, въ волосахъ торчала солома, старая заплатанная рубаха, штаны, сбитые лапти — все было покрыто мякиной.

— Не хорошо, не хорошо!—продолжалъ учитель.— А у меня новыя книжки есть,—на-дняхъ изъ города привезъ, да еще коечто надо съ тобой поговорить, а ты вотъ и глазъ не кажешь.

— Рабочая пора...—пробормоталъ Митрій.

— Ну, все же кое-когда можно бы забѣжать! Зачѣмъ къ попу-то ходилъ?

— Мальчонка у меня померъ!..

— Какъ такъ? Отчего?—воскликнулъ учитель, и тутъ только обратилъ вниманіе на убитый видъ парня.

— Да бабы огурцами обкормили... Я на гумнѣ былъ—и не зналъ... Вдругъ схватало... зачало рвать... то огурцами, а то и кровью. Я прибѣгъ—онъ уже и кончился...

— Да какъ же это такъ? Да что же это такое?—твердилъ Андрей Сидорычъ. — Вѣроятно, дѣтская холерина... ужъ очень быстро... Впрочемъ, я слышалъ, что ребята стали мереть часто, батюшка говорилъ.

— Да вотъ отъ этого же, отъ самаго! — со злостью сказалъ Митрій.—Сами жрутъ и ребятъ пичкаютъ. То-есть безъ всякой осторожности... вотъ и помираютъ. Вѣдь какъ есть одни огурцы, Господи ты Боже мой!..

Онъ поперхнулся и вытеръ шапкой выступившія на глазахъ слезы.

— Ну, Дмитрій... ты не того!..—ласково сказалъ учитель.— Ты ужъ не очень... Что же, ничего не подѣлаешь теперь. Богъ дастъ, поживешь, и еще будутъ дѣти...

— Нѣтъ ужъ, пущай, больше не надоть! — мрачно сказалъ Митрій.

— Андрюша, что же ты чай-то пить! — послышался изъ окна голосъ учительши.

При звукахъ этого голоса Митрій вдругъ вспомнилъ о скандальномъ происшествіи лѣтомъ и, густо покраснѣвъ, сталъ прощаться.

— Да куда же ты?—удерживалъ его Андрей Сидорычъ.— Пойдемъ чай пить... да ну, чего ты артачишься? Домой еще успѣешь, тамъ теперь и безъ тебя бабы все сдѣлаютъ... хоронить не сейчасъ. Ну, пойдемъ!

— Да нѣтъ, Андрей Сидорычъ... я не пойду!

— Да отчего, отчего?

Митрій глядѣлъ на свои грязныя руки и рваную одежонку.

— Да вишь я и не убрамши... ку-быть совѣстно.

— Чего тамъ совѣстно? И какое убранство? Я самъ, видишь, какъ... а что руки-то грязныя, такъ мы вымоемъ,—у меня тоже, видишь, какія. Заходи, потолкуемъ.

Митрій помолчалъ и вдругъ заявилъ рѣшительно.

— Нѣтъ, Андрей Сидорычъ, я не смѣю!

— Какъ не смѣешь? Что такое?—воскликнулъ изумленный учитель.

— Да лѣтомъ жена тутъ сдуру набрехала шутъ-те-что...

Адрей Сидорычъ вспомнилъ, что жена ему разсказывала о выходкѣ Домны, и расхохотался.

— Такъ поэтому ты и не смѣешь? Вотъ чудакъ-то... Да тебѣ-то что? Твоя жена накуралесила, а тебѣ за нее отвѣчать?.. Можетъ, поэтому ты и лѣтомъ не ходилъ?

— Я полагалъ, вы сердчаете...—прошепталъ сконфуженный Митрій.

Но Андрей Сидорычъ увѣрилъ его, что ни онъ, ни жена не сердятся на такіе пустяки, и затащилъ-таки Митрія пить чай. Ему хотѣлось какъ-нибудь развлечь и утѣшить бѣднаго парня.

— Ну, братъ, какихъ книжекъ я тебѣ нынче дамъ!—говорилъ онъ.—Просто зачитаешься. Я самъ вчера до полночи просидѣлъ,—даромъ что усталъ!

Андрей Сидорычъ думалъ, что Митрій сейчасъ оживится, начнетъ разспрашивать, какъ это бывало прежде, выкажетъ нетерпѣніе поскорѣе получить книжку въ руки... но ничего этого не случилось. Митрій остался безучастнымъ, даже не спросилъ, какія книжки, и Андрей Сидорычъ съ удивленіемъ взглянулъ на жену. Учительша объяснила дѣло по своему.

— Что ты къ нему съ книжками пристаешь, Андрюша?— обратилась она къ мужу, дѣлая ему укоризненные знаки.—Ему,

я думаю, не до книжекъ теперь, а ты... экій ты какой! Да какія тутъ книжки, когда эдакое несчастье? Ахъ!..

И она даже вздрогнула, представивъ себѣ, что ея ребенокъ тоже когда-нибудь можетъ умереть.

— Ну, такъ что же такое?—возразилъ учитель. — Ну, конечно, горе, а киснуть-то зачѣмъ же? Все равно этимъ не поможешь, а жить-то вѣдь надо.

— Какой ты бездушный, Андрюша!—съ негодованіемъ воскликнула учительша.—Терпѣть не могу, когда ты такъ разсуждаешь! Ну, а вообрази, что у тебя... ахъ, и подумать-то страшно!.. что и у насъ тоже...

— Умретъ нашъ маленькій? Очень скверно будетъ, и совсѣмъ я этого не желаю! Но допустимъ, что онъ умретъ. Что же мы сдѣлаемъ? Ну, поплачемъ, погорюемъ, а все-таки и въ школѣ будемъ заниматься, и пообѣдаемъ, и книжки будемъ читать...

Но учительша уже не слушала его и, заткнувъ уши, закрывъ глаза, отрицательно качала головой. Митрій прислушивался къ ихъ спору; онъ понималъ ихъ обоихъ, видѣлъ, что оба сочувствуютъ ему, каждый по своему, и отъ этого на душѣ у него становилось тепло и хорошо. Ему захотѣлось высказаться, подѣлиться съ ними своими мыслями, которыя мучили его день и ночь и отравляли ему жизнь.

— Нѣтъ, Андрей Сидорычъ, я вотъ чего...—началъ онъ медленно.—Конечно, оно горе-то, горе... а только я не оттого... Ну, померъ... можетъ, оно и къ лучшему! Нѣтъ, а я того... я, значитъ, вовсе хочу это дѣло отставить!..

— Какое дѣло?

— Да вотъ, книжки эти самыя... Бросить я ихъ хочу... потому, на кой онѣ?—съ кривой усмѣшкой прибавилъ онъ.

Андрей Сидорычъ во всѣ глаза поглядѣлъ на Митрія.

— Я, братъ, что-то не понимаю тебя. Зачѣмъ книжки бросать? Что такое?

— Да такъ что, я думаю, Андрей Сидорычъ, ни къ чему онѣ намъ!—продолжалъ Митрій.—То-есть, никакой пользы нашему брату отъ нихъ нѣту! Вотъ я читалъ-читалъ, а что толку? Видно, надоть въ свой мужичій хомутъ влѣзать какъ слѣдуетъ быть,—больше ничего...

Андрей Сидорычъ даже очки снялъ, протеръ ихъ и снова уставился на Митрія. Онъ не узнавалъ въ немъ того довѣрчиваго, добродушнаго парня, который, бывало, съ такой жадностью набрасывался на книжки и ловилъ каждое его слово... учителю стало грустно. „Что̀ это съ нимъ“?—подумалъ онъ.

— Ужъ не знаю, что тебѣ и сказать, Дмитрій! — сказалъ онъ въ раздумьѣ.—Ты меня совсѣмъ съ толку сбилъ... не ожидалъ я отъ тебя этого! Я всегда считалъ, что ты человѣкъ не глупый... признаться, надѣялся на тебя, и вдругъ такія слова слышу... Можетъ, ты шутишь?

— Нѣтъ, зачѣмъ же шутить?—со вздохомъ проговорилъ Митрій.—Я все это обдумалъ какъ слѣдуетъ быть... я, можетъ, ночи не спалъ... и все едино выходитъ. Мужикъ ты, мужикъ и есть, и живи по-мужичьи, какъ отцы и дѣды жили, а къ прочему не лѣзь. Все равно, изъ темноты да изъ нужды никогда не вылѣзешь.

— Ежели такъ разсуждать, такъ, конечно, не вылѣзешь!— какъ бы про себя вымолвилъ учитель, видимо волнуясь въ душѣ и расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ.

Митрій недовѣрчиво и угрюмо усмѣхнулся.

— Какъ вылѣзешь-то?—сказалъ онъ.—Тоже это легко сказать... а поди-ка, попробуй... ничего не подѣлаешь! Вѣдь мы землей-то заросли, насъ и не уколупаешь ничѣмъ... —Митрій съ отвращеніемъ поглядѣлъ на свои грязныя руки и ноги и продолжалъ:—Вѣдь мы чисто меренья рабочіе—право слово! Запрегъ въ хомутъ, треснулъ вдоль спины—вали! И оглянуться вокругъ себя неколи, не то что что!..

Учитель пересталъ ходить, сѣлъ противъ Митрія и сталъ внимательно его слушать. А Митрій говорилъ, одушевляясь все болѣе и болѣе.

— Вотъ хоша бы васъ взять... Вы все знаете, всякую книжку понимать можете, а мы? Мы и говорить-то по вашему не умѣемъ, чего съ насъ взять? Лѣтось вы мнѣ книжку давали, про крестьянскіе банки. Я вамъ тогда ничего не сказалъ, стыдно было... тоже дуракомъ-то оказаться не хочется!.. а вѣдь я почесть ничего не понялъ. Потѣлъ-потѣлъ, и бросилъ... Куда ужъ намъ? Нешто мы люди... Вы небось жену-то пальцемъ не тронете, а мы своихъ бабъ вонъ какъ колотимъ—небу жарко. Сами дураки, и дѣтей такихъ же ростимъ. Огурцовъ имъ напихаемъ съ три горла—ничего, вали!.. Живъ—живъ, а померъ—царство небесное! А то въ печку его, покуда не сгоритъ, али горшковъ на животъ до тѣхъ поръ, что по животу-то пузыри пойдутъ... И ничего-то не подѣлаешь, какъ есть ничѣмъ-ничего!—съ горькимъ смѣхомъ воскликнулъ Митрій.—Потому, темнота одна, землей заросли, а замѣстъ Бога-то у насъ въ каждомъ углу домовой сидитъ!.. Вотъ я и говорю,—ужъ коли въ запряжку, такъ въ запряжку, потому податься больше некуда... А книжки... отъ нихъ

только пуще тоска разбираетъ. Пущай ужъ не надо ихъ! Сколько ихъ ни читай, отъ своей судьбы не уйдешь. Ты думаешь—ты человѣкъ; анъ нѣтъ, не выходитъ дѣло! Скотина ты, больше ничего... Ты про себя-то понимаешь и не вѣсть что, анъ тебя поволокутъ въ волостное, да и вложутъ лозановъ сколько влѣзетъ, не заносись! Про Сеньку-то слыхали? —спросилъ онъ.

— Ну, ну!..—понукнулъ Андрей Сидорычъ. И онъ, и жена его слушали Митрія съ возрастающимъ вниманіемъ, не сводя съ него глазъ.

— Вѣдь убѣгъ!—съ какимъ-то злорадствомъ воскликнулъ Митрій.—Отъ порки убѣгъ! Вѣдь до того парня довели, что какъ полоумный сдѣлался! Пойду, говоритъ, въ волостное, да на воротахъ и повѣшусь—пущай мертваго порютъ! Вонъ вѣдь что выдумалъ... насилу я его отговорилъ. Значитъ, легко было... А за что? За то, что отцу насупротивъ сказалъ, за мать заступался... Тоже думалъ, что человѣкъ, анъ мѣсто-то настоящее и указали... Иди-ка, ложись, мы тебѣ всыплемъ! Ха-ха-ха...

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ Андрей Сидорычъ.

— Да кто же его знаетъ? Безъ паспорта ушелъ,—вѣстей объ себѣ тоже давать не приходится, потому разыщутъ и не такъ еще отдерутъ. Такъ и мытарится, должно, кое-гдѣ... а парень-то какой былъ хорошій!.. Вотъ она, жизнь-то наша какая, Андрей Сидорычъ!

Онъ замолчалъ, а Андрей Сидорычъ всталъ, прошелся по комнатѣ и заговорилъ:

— Ну, Митрій, ты меня прости,—я было на тебя разсердился давеча, думалъ, ты это зря говоришь. Теперь вижу, что виноватъ, не понялъ я тебя. Допекли, братъ, тебя здорово! Только вотъ что̀ я тебѣ скажу,—много ты со зла и правды сказалъ, а много и лишняго хватилъ. Вѣрно вѣдь, а? Сознайся!..

Митрій исподлобья посмотрѣлъ на учителя.

— Не знаю, Андрей Сидорычъ... вамъ, конечно, лучше знать, что̀ къ чему. Извѣстно, по вашему говорить мы не умѣемъ...—угрюмо сказалъ онъ.

— Да нѣтъ, не то, не то!—съ досадой перебилъ его Андрей Сидорычъ.—Напротивъ, ты очень хорошо говорилъ, отлично, и мы съ женой тебя совершенно поняли.

— Ну, гдѣ ужъ тамъ хорошо!..—проворчалъ Митрій, и ему подумалось, что напрасно онъ распустилъ свой языкъ и что ничего, кромѣ насмѣшки, изъ этого не выйдетъ.

— Ну, ладно... пусть по твоему будетъ, коли не вѣришь. А теперь ты меня послушай, что̀ я говорить буду. Что насчетъ

темноты и бѣдности мужицкой,—это ты все вѣрно сказалъ, ну, а вотъ насчетъ того, что будто мужикъ—скотина, это неправда... Не скотина онъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и говоритъ, и думаетъ онъ по-человѣчески, и жить хочетъ по-человѣчески, и законы, и права для него такіе же, какъ для всѣхъ...

— Права, права...—проговорилъ Митрій.—А намедни земскій какъ по мордѣ старосту чистилъ... это тоже права?..

— Ну ужъ, братъ, это на совѣсти земскаго остается, а по настоящему никто не имѣетъ права другъ другу морду чистить, и еслибы мужикъ это зналъ, то онъ тоже не позволилъ бы этого. А вотъ въ томъ-то и бѣда, что онъ этого не знаетъ, да и научиться-то ему, другъ ты мой, было некогда. Ты вспомни-ка о крѣпостномъ правѣ... читалъ вѣдь и слыхалъ о немъ... сколько лѣтъ мужикъ въ рабствѣ былъ, сколько ему пришлось на своей шкурѣ всякой неправды вынесть,—когда тутъ было ему учиться, а? Дай срокъ, вотъ поживетъ на волѣ, поучится, узнаетъ законы и права, тогда ты съ него и спрашивай. А теперь, братъ, это еще рано,—теперь онъ только еще жить начинаетъ, вотъ чтò.

Митрій слушалъ и больше не возражалъ: задушевный голосъ учителя забирался ему въ самую душу, затрогивалъ тамъ какія-то потаенныя струны, и струны эти откликались и, казалось, выговаривали тѣ же самыя слова и рѣчи... Господи, да вѣдь тоже самое и онъ когда-то думалъ, только, можетъ, высказать не умѣлъ! И какъ это вѣрно... и какъ это хорошо... и все это, значитъ, правда... А учитель говорилъ:

— Конечно, всякій народъ бываетъ,—бываютъ и изверги, и скоты,—такъ вѣдь это и у насъ тоже случается. Такіе есть, что только и думаютъ о себѣ, какъ бы кого ограбить, да свой карманъ набить... я тоже, братъ, такой былъ когда-то! Ну а все-таки и до такихъ слово Божіе доходитъ... Глядишь, человѣкъ и пилъ, и дрался, и развратничалъ, и людей обижалъ,—и вдругъ все это бросилъ, опомнился и пошелъ къ нищимъ и убогимъ. Отчего? оттого, что пришелъ къ нему какой-нибудь человѣкъ и сказалъ: „брось, стыдно такъ жить!"... Или попалась ему въ руки книжка, а въ книжкѣ написано: „люби ближняго какъ самого себя"... Или ѣхалъ онъ пьяный и скверный изъ развратнаго дома, а навстрѣчу ему попалась маленькая дѣвочка и протянула ручку и сказала: „баринъ, подай Христа ради!".. Слово Божіе вездѣ отыщетъ тебя и всегда тебѣ напомнитъ, что ты человѣкъ, а не звѣрь... Этого, Дмитрій, никогда забывать не слѣдуетъ, и если ты понялъ самъ, какъ надо жить, то иди и другимъ говори это самое, а если тебя не будутъ слушать, будутъ

смѣяться надъ тобой, гнать тебя,—ты не смущайся, не отчаявайся, а дѣлай свое дѣло. Одинъ разъ не послушаютъ, другой не послушаютъ,—а въ третій, можетъ, и послушаютъ! А ты вонъ сейчасъ же и въ уныніе впалъ, и книжки бросить хочешь, и ругаешься. Это малодушіе!..

Митрій сидѣлъ весь красный и взволнованный, и слова учителя сверлили его въ самое сердце. Весь его давешній задоръ пропалъ, и онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, жалкимъ; напротивъ, учитель казался ему теперь сильнымъ, большимъ и грознымъ. А тутъ еще бородастый старикъ со стѣнки сердито хмурится и какъ будто хочетъ сказать: „эхъ ты, дуракъ, дуракъ, а туда же разговаривать!"..

— Вѣрно, Андрей Сидорычъ! — прошепталъ Митрій. — Вѣрно!..

— Вѣрно, говоришь? Ну и слава тебѣ, Господи,—значитъ, и до тебя мое слово дошло... А теперь я тебѣ, такъ и быть, другое слово скажу,—хоть и разсердилъ ты меня давеча, а все-таки скажу... Сказать, что ли, ему жена, а?—обратился онъ къ учительшѣ.

— Конечно, скажи!—торопливо сказала учительша.

— Вотъ что, Дмитрій,—началъ учитель, подсаживаясь къ парню и ласково положивъ ему руку на плечо.—Знаешь ты деревню, Павловскіе хутора?

— Какъ же не знать,—знаю! Семь верстъ отсюда?

— Ну такъ вотъ земство хочетъ тамъ школу грамотности открыть. Ребята давно уже оттуда къ намъ бѣгаютъ, и все годъ отъ году больше ихъ набирается. А у насъ въ училищѣ и такъ тѣсно, да и холодно зимой за семь верстъ бѣгать! Ну вотъ, можетъ, съ ноября, Богъ дастъ, устроится тамъ школка. Хочешь учителемъ туда?

— Учителе-емъ?—не вѣря своимъ ушамъ вымолвилъ Митрій.

— Ну да. Все равно зимой-то тебѣ на печи лежать, а тамъ дѣло будешь дѣлать, да и самъ отдохнешь,—будетъ тебѣ съ бабами-то воевать! Все равно, не справишься ты съ ними,—одолѣютъ онѣ тебя!—шутливо прибавилъ онъ.

Митрій растерянно глядѣлъ на учителя.

— Господи, Боже мой... Андрей Сидорычъ!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Да какъ же это?.. Да вѣдь я самъ ничего не знаю,—какъ же я учить-то буду?..

— Очень просто! Чай грамоту-то не забылъ... самъ учился, и другого выучишь,—тутъ хитрость небольшая. А вотъ откроются у насъ занятія, походишь къ намъ, посмотришь на наше ученье,

подъучишься, и на Павловскихъ хуторахъ дѣло наладишь. Годика два-три поучишь, а тамъ на сельскаго учителя экзаменъ можно будетъ сдать, и будешь ты у насъ ужъ не Митюха-учитель, а учитель заправскій, Дмитрій Иванычъ! А поживемъ еще, можетъ, и въ земскихъ гласныхъ тебя увидимъ, и будешь ты на земскомъ собраніи за мужицкія дѣла стоять. И дай Богъ тебѣ тогда такія рѣчи говорить, чтобы и до нашего сердца мужицкое горе дошло... Такъ, что ли, Дмитрій Иванычъ, а?

Но Митюха молчалъ. То, чтò говорилъ Андрей Сидорычъ, никогда и во снѣ ему не снилось и въ мечтахъ не чудилось, и такъ все это было хорошо, свѣтло и радостно, что у Митрія даже духъ захватило. Онъ всталъ, опять сѣлъ... хотѣлъ-было что-то сказать, хотѣлъ смѣяться—и заплакалъ. Это было уже совсѣмъ конфузно,—мужикъ, и вдругъ плачетъ... но ни учитель, ни учительша не улыбнулись на его слезы. Андрей Сидорычъ отвернулся къ стѣнѣ и внимательно сталъ ее разсматривать, точно тамъ были какіе-нибудь узоры нарисованы, а учительша встала и тихонько вышла изъ комнаты.

— Ну, Андрей Сидорычъ!—началъ Митрій, когда немножко успокоился и пришелъ въ себя.—Такое вы мнѣ это слово сказали, такое слово, что я ужъ и не знаю... На свѣтъ вы меня народили, Андрей Сидорычъ,—вотъ чтò! Безъ васъ бы мнѣ пропадать, больше ничего...

— Э-э, Дмитрій!—сказалъ учитель.—У всякаго изъ насъ своя несчастная полоса въ жизни бываетъ, и всѣ мы другъ другомъ живемъ, другъ отъ друга учимся... Я самъ, братъ, пропадалъ, а вотъ услыхалъ слово Божіе—и возродился. А знаешь, кто мнѣ его сказалъ? Солдаты въ казармѣ... да еще вотъ кто!..

И Андрей Сидорычъ указалъ на бородастаго старика, который все такъ же сумрачно и величаво смотрѣлъ на нихъ со стѣны.

Вошла учительница, и долго еще они толковали, стѣснившись вокругъ стола, на которомъ тихо шумѣлъ самоваръ. Андрей Сидорычъ вспоминалъ кое-что изъ своей жизни, а Митрій разсказалъ, какъ онъ ходилъ въ городъ и какъ онъ тамъ въ первый разъ созналъ свое безсиліе и свою отчужденность отъ всего, чтò лежитъ за предѣлами ихъ бѣдной и темной деревни. И ему было теперь нисколько не стыдно и не страшно, и никто надъ нимъ не глумился, и чувствовалъ онъ себя не скотиной, а человѣкомъ.

Все небо было уже засыпано звѣздами, когда Митрій собрался домой. Андрей Сидорычъ вышелъ на крыльцо его провожать.

— Ну что же, Дмитрій, въ запряжку теперь?—пошутилъ онъ, прощаясь.—А книжки бросить?

— Нѣтъ ужъ, Андрей Сидорычъ, не поминайте!—сказалъ Митрій.—Ужъ ежели я теперь скажу эдакое,—самый послѣдній человѣкъ буду, и наплюйте мнѣ тогда въ глаза.

Онъ бодро зашагалъ по улицѣ. Но безмолвная ночь съ своими грустными звѣздами, и таинственные ночные шорохи, и разметавшіяся въ тяжеломъ мертвомъ снѣ косматыя избы разбудили его затихшую тоску. „А дома-то, дома-то, что теперь!“ подумалъ онъ. Слезы закипѣли-было у него на глазахъ, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и подавилъ ихъ. „Ахъ, Ванюшка, Ванюшка!.. не дожилъ ты до моей радости“...

Дома еще не спали, когда Дмитрій вошелъ въ избу. Ванюшку уже убрали, и онъ лежалъ въ переднемъ углу, накрытый бѣлымъ коленкоромъ. Передъ образами горѣла тоненькая восковая свѣчка, и въ избѣ разливался странный полусвѣтъ-полумракъ. Пламя, колеблясь, то вспыхивало, то пропадало; по стѣнамъ ползали какія-то сумрачныя тѣни, то выростая до потолка, то съеживаясь въ комокъ и прячась по угламъ. И среди этого непрерывнаго движенія и мельканія тѣней бѣлый коленкоръ подъ образами особенно поражалъ своей неподвижностью. Домна сидѣла за столомъ, у ногъ покойника, съ красными, распухшими отъ слезъ глазами и тихонько что-то причитала, а Анисья съ Николавной шептались у печки. Мужиковъ и ребятъ не было; ихъ выселили на дворъ, и они давно уже спали.

При входѣ Митрія бабы притихли. Онѣ боялись, кабы опять онъ не началъ лютовать, какъ давеча, когда прибѣжалъ съ гумна и засталъ сына мертвымъ. Больше всѣхъ трусила Анисья; это она накормила бѣднаго Ваньку огурцами, и хотя убѣждена была, что померъ онъ не оттого, но въ душѣ у нея все-таки что-то ныло и сосало, и она ревѣла цѣлый день.

— Хорошо, что ли, убрали-то, Митя?—робко сказала Домна.—Поди, погляди.

— Чего тамъ глядѣть?—горько вымолвилъ Митрій.—Теперь глядѣть нечего... Черви будутъ глядѣть, а не я!..

— О, Господи!.. — послышался у печи вздохъ. — Вѣдь что скажетъ-то...

— Чего же говорить еще? Лучше бы живого берегли, а померъ... теперь ужъ нечего! Эхъ вы!.. и съ огурцами-то своими...

— Да ужъ будетъ тебѣ!..—плачущимъ голосомъ отозвалась Анисья.—Огурцы, огурцы... съ огурцовъ это что-ль? Всего-то онъ, родименькій, можетъ, три огурчика и съѣ-ѣлъ...

И вспомнивъ, какъ она давеча кормила Ваньку огурцами, приговаривая: „кушай, кушай, Ваня, на здоровье!“ —Анисья залилась слезами.

Митрій хотѣлъ-было уйти, но не вытерпѣлъ, подошелъ къ покойнику и поднялъ саванъ. Ванюшка чистенькій, причесанный, словно на праздникъ, лежалъ, степенно сложивъ ручки на животѣ. Кривыя голыя ножки пятками врозь торчали изъ-подъ новой красной рубашки, подпоясанной подъ мышками голубымъ пояскомъ. Эти кривыя ноги особенно почему-то были жалки и милы Митрію; все сердце у него перевернулось, и сознаніе непоправимаго горя наполнило его душу нестерпимой болью.

— Э-эхъ!.. — вымолвилъ онъ и, схватившись за голову руками, сѣлъ у стола.

Глядя на него, заплакала и Домна, причитая: „закатилось ты, мое ясно солнышко, улетѣлъ ты, мой голубь сизокрылый!“... Анисья съ воплемъ выбѣжала изъ избы.

Не плакала только Николавна. Она подошла къ сыну, положила руку ему на плечо и сказала убѣдительно и спокойно:

— Ну будя, будя, Митрій... А ты лучше возьми, да Богу помолись... помолись Богу-то, вотъ оно и полегчаетъ.

Митрій, весь блѣдный, поднялся съ лавки, досталъ псалтырь, перекрестился и сталъ читать. И всю ночь до разсвѣта онъ читалъ, а Домна слушала эти торжественныя, непонятныя для нея слова и плакала, и торжественное, непонятное чувство просыпалось въ ея темной душѣ.

XV.

На дворѣ злилась и гудѣла сердитая ноябрьская вьюга, но тепло и уютно было въ школѣ у Павловскаго учителя, Дмитрія Иваныча. Вотъ уже вторую недѣлю онъ живетъ здѣсь и учительствуетъ; помѣщеніе ему отвели у старосты; сами хозева живутъ на другой половинѣ, черезъ сѣни, а онъ устроился въ школѣ, самъ по себѣ, и только обѣдать и ужинать ходитъ въ хозяйскую избу. Правда, у него и тѣсно, и сыро, и темновато немножко, но Митрію казалось, что пока лучше и не надо. Передъ открытіемъ школы Домна чисто-на-чисто вымыла и выскребла полы; въ углу повѣсили образъ съ розовой лампадкой, поставили въ рядъ нѣсколько столовъ и лавокъ для учениковъ, на деревянномъ примостѣ въ углу у печки устроили постель, и вышло хоть куда. Самъ Митрій прибилъ полку, на которой аккуратно разложилъ

буквари, учебники, грифеля, доски; надъ постелью повѣсилъ портретъ Некрасова, подарокъ покойнаго Петра Иваныча; а Андрей Сидорычъ далъ ему еще карту Европейской Россіи, которая и украсила одну изъ закопченыхъ стѣнъ. Когда же въ избѣ отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, и за столами разсѣлось десятка полтора учениковъ—стало и вовсе хорошо, совсѣмъ какъ настоящая школа... Митрій былъ счастливъ и усердно принялся за занятія. Весь октябрь и половину ноября онъ готовился къ этимъ занятіямъ,—аккуратно посѣщалъ школу и даже, подъ руководствомъ Андрея Сидорыча, давалъ пробные уроки. Въ началѣ это было очень конфузно, и Митрій совершенно терялся передъ толпой шаловливыхъ и насмѣшливыхъ ребятъ, которые его знали и для которыхъ онъ былъ „учителемъ-Митюхой". Они такъ и называли его: „Митюха, ну-ка покажи, какая энта съ закорючкой-то!"—и вообще обращались съ нимъ за панибрата, такъ что во время урока Митрій постоянно ждалъ, что вотъ-вотъ ученики выкинутъ какую-нибудь штуку, и ему стоило страшнаго труда сохранять спокойствіе и достоинство. Но на Павловскихъ хуторахъ онъ почувствовалъ себя иначе и скоро освоился съ своимъ положеніемъ. Во-первыхъ, учениковъ было здѣсь гораздо меньше и справляться съ ними было легче; во-вторыхъ, самъ онъ былъ здѣсь не „Митюха", а „дяденька—Митрій Иванычъ", и это обстоятельство много способствовало поддержанію школьной дисциплины въ надлежащемъ порядкѣ. И дѣло пошло какъ по маслу.

Павловскіе мужики тоже были пока довольны. Учитель свой, школа своя; ребятамъ не надо знобиться, бѣгая за 7 верстъ. Одно только было маленькое пятнышко на общемъ свѣтломъ фонѣ—это то, что Митрій отказался „спрыснуть училищу". Но и оно скоро затушевалось и было забыто.

И все было бы хорошо, если бы не отецъ... Иванъ Жилинъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что Митюха уходитъ въ учителя. Грозный призракъ, который, бывало, мерещился ему еще въ дѣтствѣ Митюхи, теперь всталъ передъ нимъ во-очію. „Что, братъ, ты думалъ отъ меня отдѣлаться? Анъ нѣтъ—вотъ онъ—я!".. Иванъ совсѣмъ упалъ духомъ. Онъ даже жалостныхъ словъ не сталъ говорить, а только крякнулъ и махнулъ рукой. Митрій всячески старался его успокоить, увѣрялъ, что вѣдь зимой все равно дѣлать нечего, а лѣтомъ онъ вернется домой и попрежнему будетъ работать,—Иванъ упорно отмалчивался, и по лицу его видно было, что онъ этому не вѣритъ. Какая ужъ тамъ работа!.. Избалуется парень на легкомъ хлѣбѣ, и не охота будетъ ворочать по-мужицки отъ бѣлой зари до темной ночи. Отрѣзанный ломоть,

что̀ тамъ ни говори... и огорченный Иванъ со страхомъ даже глядѣлъ на Кирюху. Ну какъ и этотъ тоже возьметъ, да и упретъ куда-нибудь на легкіе хлѣба? Живите, молъ, старички, какъ жили, доживайте свой вѣкъ, а я не хочу!.. И хотя простодушный Кирюха и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ, а сидѣлъ гвоздемъ на своемъ мѣстѣ, старческая подозрительность рисовала всякіе ужасы и съ часу на часъ ждала невѣдомой катастрофы.

Остальные семейскіе отнеслись къ учительству Митрія каждый по-своему. Домна испугалась и потихоньку упрашивала мужа взять и ее съ собою, но это было неудобно, и Митрій уговорилъ ее жить дома, а по праздникамъ приходить къ нему въ гости. Домна поплакала и согласилась, но не только въ праздники, а и въ будни при каждомъ удобномъ случаѣ бѣгала на Павловскіе хутора. То рубаху надо отнести мужу, то варежки, то будто видѣла она, что полушубокъ у него разорвался,—надо сбѣгать, починить. Эти экстренные походы ей очень нравились,—нравилась и новая обстановка Митрія, и длинные осенніе вечера вдвоемъ за самоваромъ, и то, что онъ теперь „учитель",—все это было новое, необычное въ деревенской жизни и очень занимало Домну. И вообще послѣ ссоры съ мужемъ и смерти Ванюшки она какъ-то вдругъ присмирѣла, отмякла, и какія-то смутныя мысли зашевелились въ ея головѣ.

Что касается Кирюхи, то онъ не представлялъ себѣ никакихъ ужасовъ и довольно равнодушно отнесся къ уходу Митрія. Его только заинтересовало, сколько жалованья будетъ получать Митрій, и узнавъ, что только 25 рублей за всю зиму, Кирюха выразилъ неодобреніе. Это въ батракахъ больше получишь... сто̀итъ изъ-за четвертного билета глотку надсаживать! Ужъ лучше бы къ попу въ работники поступить—хлѣба̀ хозяйскіе, вольные, и жалованье идетъ по положенію. Нѣтъ, прогадалъ Митюха, что̀ и говорить!... Больно простъ парень-то, всякій его обойдетъ.

— Да я бы за тыщу рублей не пошелъ на эдакую каторгу!—разсуждалъ онъ, лежа послѣ обѣда на полатяхъ.—Тутъ отъ своихъ ребятъ не знаешь куда дѣться, а тамъ съ чужими валандайся. Чистая каторга!

— А кто тебѣ еще дастъ тыщу-то!—иронически замѣтилъ 14-лѣтній братишка, Ленька, на котораго, какъ на подростка, никто еще не обращалъ вниманія, и который всегда былъ такъ тихъ и молчаливъ, что его въ избѣ и не слыхать было.

На это Кирюха ничего не нашелся возразить и только подумалъ, что пожалуй вѣдь и вправду „тыщу" ему никто не дастъ,

но Иванъ, слышавшій весь этотъ разговоръ, вдругъ разсердился и накинулся на Леньку.

— А ты чего, ты чего, щенокъ бѣлогубый?—закричалъ онъ.— Туда же умничать!.. Я-те поумничаю!

Ленька промолчалъ, только улыбнулся и вышелъ изъ избы. Эта молчаливая улыбка вонзилась въ сердце старика, словно острый ножъ.

— Еще скалится, поди-ка! А? Да что же это такое? Вотъ и въ школу не ходитъ, а ужъ голосокъ подаетъ... молчитъ-молчитъ, да и скажетъ! И откуда къ намъ эта зараза пришла?—о, Господи!..

Но мало-по-малу все вошло въ свою колею, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Только въ послѣобѣденные часы Кирюха, залѣзая на печь отдыхать, восклицалъ иногда:

— Эхъ, учителя-то нашего нѣту! Бывалыча разскажетъ чего-нибудь, — всѣ животики надорвешь, а теперича нѣтъ... некому!

И въ избѣ воцарялась сонная тишина, нарушаемая только жужжаньемъ Николавниной прялки. Какъ часто Митрій, сидя у себя на Павловскихъ хуторахъ, вспоминалъ всю эту знакомую обстановку, среди которой прожилъ цѣлыхъ 23 года, и каждый разъ почему-то при этомъ воспоминаніи ему становилось грустно... и—жалко...

Вотъ и теперь, въ этотъ сумрачный ноябрьскій день, распустивъ учениковъ и пообѣдавъ съ хозяевами, Митрій задумался о „своихъ". Что-то они теперь подѣлываютъ? Да все тоже небось... Бабы прядутъ. Мужики лежатъ на полатяхъ. Ребята возятся на лавкахъ. И каждый день одно и то же... эдакая тоска! У Митрія сжалось сердце. Какъ не похожа его теперешняя жизнь на прежнюю; каждый день что-нибудь новое, интересное; ребята ужъ двѣ буквы выучили, завтра надо третью показывать; басню прочиталъ имъ—понравилась: всѣ своими словами разсказали, а одинъ лучше всѣхъ... И еще просили прочесть какую-нибудь; вотъ тоже надо подумать, да выбрать, да сначала еще самому себѣ прочитать, чтобы лучше вышло... А Андрей Сидорычъ книжекъ надавалъ—на всю зиму хватитъ, только успѣвай читать. Одну ужъ и началъ,—о землѣ и небѣ; даже хозяевамъ пробовалъ читать—ничего, слушаютъ. Потомъ ариѳметикой сталъ по вечерамъ заниматься, задачи дѣлать, а то совсѣмъ позабылъ... Да мало ли дѣла?—просто жаль, что дни коротки, не хватаетъ; не то, что днемъ спать, а и ночью-то не спится, все думаешь о завтрашнемъ днѣ, объ ученикахъ, о словахъ, которыя можно сложить изъ выученныхъ буквъ и мало ли еще о чемъ!..

Митрій такъ раздумался обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, что и про своихъ позабылъ. Сухая метель съ шорохомъ билась и стучала въ запотѣвшія окна, вѣтеръ вылъ какъ бѣшеный волкъ, а у него въ избѣ было такъ тепло и славно. Тихо, никто не кричитъ, не ругается, самъ по себѣ сиди и что̀ хочешь дѣлай: хочешь—читай, хочешь—думай, хочешь—на деревню ступай... Нѣтъ, хорошо эдакъ жить... только вотъ своихъ-то все-таки жалко...

Вдругъ дверь растворилась, и вся занесенная метелью, съ краснымъ носомъ, съ побѣлѣвшими отъ холода щеками, въ избу вошла Домна.

— Ужъ и сиверко!—сказала она, постукивая нога объ ногу и отряхивая съ себя снѣгъ.

Обрадованный Митрій бросился къ ней помогать.

— Обморозилась, небось...—говорилъ онъ, стаскивая съ нея полушубокъ.—Ишь руки-то заколѣли! И съ чего тебѣ вздумалось по экой погодѣ!

— Скучилась!—сказала Домна, разоблачаясь и вытаскивая изъ-за пазухи какой-то узелокъ.—А ты что жъ, не радъ что-ль?

— Ну еще бы не радъ! Вотъ тебѣ... Только сейчасъ сижу да думаю: эхъ, чего-то тамъ наши дѣлаютъ!..

— А я тебѣ пирожка принесла съ картошкой,—у насъ нонѣ пекли. Это тебѣ батюшка прислалъ.

— Ну?—воскликнулъ Митрій весело.

— Право слово, онъ. Увидалъ, что я собираюсь, и велѣлъ... Ты, говоритъ, снеси Митюхѣ-то пирожка... да кланяйся! Кланяется...

— Это ладно!—сказалъ просіявшій Митрій.—Значитъ, все-таки думаетъ... Эхъ, вѣдь хорошій онъ у насъ старикъ, да землей обросъ дюже, вотъ въ чемъ сила. Такъ-то, Домна!

И схвативъ Домну за руки, онъ поцѣловалъ ее въ щеку. Отъ этой неожиданной ласки Домна такъ и расцвѣла.

— Ой, ну те!..—воскликнула она, жеманясь.—Что-й-то ты? неравно—кто увидитъ!..

— Ну, а чтожъ такое? И пущай ихъ видятъ! Чай ты мнѣ не чужая... Эхъ, Домна! Чтожъ, нешто плохо эдакъ-то жить, безъ брани, да безъ свары?

— Что-же... извѣстно... эдакъ лучше!

— То-то и есть!.. Вотъ бы и всегда такъ. Вѣдь ты думаешь, мнѣ что? Вѣдь мнѣ не работа гребтила—работать я сколько хошь могу. Мнѣ тошно было, что врозь мы всѣ! Одинъ—туда, другой—сюда, да брань, да попреки... эхъ! Вспомнить ажъ нехорошо...

— А ты ужъ не поминай... ну ее!—сказала Домна, потупясь.

— Вспомянешь... Да кабы не это, да я бы въ жизнь не ушелъ отъ васъ! Нешто тамъ-то нельзя тоже ребятъ учить? Собралъ къ Филиппу въ избу, да и учи. Такъ вѣдь всѣ бы глаза просмолили... Да ну ее, не хочу больше. Такъ ничего, батюшка-то?

— Ничего.

— И прочіе здоровы?

— Слава Богу, всѣ кланяются.

— Ну, молодецъ ты, что пришла. А то, знаешь, сидѣлъ я тутъ, да и того... И хорошо, думается, одному... и ку-быть скучно! И самъ не знаю, отчего.

— Это съ непривычки,—сказала Домна.

— Можетъ, и съ непривычки. Ну, а теперь пойду, у старостихи самоваръ возьму, приволоку воды и будемъ чай пить.

Онъ побѣжалъ къ хозяевамъ, притащилъ самоваръ и началъ хлопотать около него. Въ самый разгаръ его хозяйственныхъ хлопотъ въ избу вошла хозяйка, высокая, толстая баба, неся что-то въ фартукѣ.

— Иванычъ, а Иванычъ, я къ тебѣ!—сказала она.

Въ фартукѣ у нея что-то закопошилось и запищало.

— Чтò это такое?—спросилъ Митрій.

— Да, вотъ жильца новаго къ тебѣ принесла! Овца окотилась. Ужъ прими, а то у насъ въ избѣ и такъ тѣсно!

— Тащи!—воскликнулъ Митрій, смѣясь.—Это у меня, значитъ, новый ученикъ въ училищѣ!..

Новаго ученика водворили у печки на соломѣ, а черезъ минуту въ избѣ появилась и его мамаша.

Между тѣмъ самоваръ вскипѣлъ, и Митрій усадилъ жену разливать чай. Домна дѣлала это не совсѣмъ ловко, но Митрій былъ доволенъ, и вся эта обстановка, — чистота кругомъ, книги на полкахъ, пріодѣтая жена за самоваромъ, карты и Некрасовъ на стѣнѣ,—нравилась ему и наполняла его сердце спокойствіемъ и довольствомъ. Смутныя мечты его сбывались наяву...

Супруги пили чай, бесѣдовали и хохотали. Имъ было весело и все ихъ радовало, даже новорожденный ягненокъ. Митрій до того расходился, что по Кирюхиному схватилъ вдругъ Домну и началъ съ ней бороться. Но Домна не поддавалась; поднялась возня, слышался топотъ, задушенный смѣхъ, и наконецъ, все-таки, Митрій одолѣлъ.

— Съ ума спелъ, право, съ ума спелъ!—говорила запыхавшаяся Домна, поправляя сбившійся платокъ. — Эна взыгрался, чисто жеребецъ ногайскій... А еще учитель!

— А что же такое? Эка важность!—смѣялся Митрій.—Эхъ, Домна, радъ я!.. Гляжу—и глазамъ своимъ не вѣрю...

— Чему не вѣришь-то?

— Да какъ же... я—учитель, а ты у меня вдругъ — учительша!

— Ну, ужъ... учительша тоже! — небрежно сказала Домна, но въ душѣ была польщена и даже вспыхнула отъ удовольствія.

— Только вотъ одно не хорошо...—продолжалъ Митрій уже серьезно.—Грамотѣ ты не знаешь. А ужъ какъ бы хорошо было, кабы ты выучилась! Читали бы мы съ тобой... и каждую книжку ты бы понимать могла. Ты погляди-ка, сколько ихъ! — указалъ онъ на свою полку.—Черезъ нихъ, братъ, все узнаешь,—и какъ люди на свѣтѣ живутъ, и какъ они допрежде насъ жили, и какъ надо жить, чтобы по Божьему было... А то чего мы знаемъ въ деревнѣ-то?

Домна сидѣла въ раздумьѣ. Что-то бродило въ ея головѣ... но она не съумѣла и стыдилась высказаться.

— Нѣтъ ужъ!.. гдѣ тамъ, — сказала она наконецъ со вздохомъ.—Когда теперича учиться?.. Стыдно!..

— Да чего стыдно-то? Дуракомъ быть стыдно, а грамотѣ знать нисколичко не стыдно.

— Да... смѣяться станутъ...

— Дураки и станутъ смѣяться... а тебѣ-то что? Пущай ихъ смѣются на здоровье, отъ этого тебя не убудетъ. Эхъ, Домна, давай-ка, братъ, учиться, а?

Домна колебалась.

— А ты... какъ учить-то будешь?—нерѣшительно вымолвила она, краснѣя и не глядя на мужа.—При людяхъ, ай нѣтъ?

— Зачѣмъ при людяхъ? Одинъ на одинъ будемъ, вотъ какъ теперь сидимъ. Да вотъ, Господи благослови, давай нынче и начнемъ! Посидимъ часика два, глядишь, букву и выучимъ, а тамъ другую, а тамъ, мѣсяца черезъ три,—хлопъ! моя Домна-то и читать зачала!...

Домна засмѣялась и махнула рукой.

— Ну, ужъ... ладно что-ль! — весело сказала она. — Учи, что-ль... только, чуръ, Митюха, никому не сказывать!..

— Ай да Домна!—воскликнулъ восторженно Митрій.—Вотъ спасибо... вотъ за это люблю... удружила! Ну и заживемъ, братъ, мы съ тобой, держись только!..

Онъ радостно засмѣялся, но вдругъ осѣкся, смолкъ и задумался. Вспомнился ему другъ его, Семенъ Латневъ... гдѣ-то онъ мыкаетъ теперь свою буйную головушку?.. Какъ ушелъ изъ села,

съ той поры нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу,—и живъ ли онъ, померъ ли,—никто не знаетъ. Гдѣ же онъ теперь въ эту бурную, непогожую ночь? Тепло ли ему, сытъ ли онъ, веселъ ли?... или мерзнетъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, одинокій, безпріютный, проклиная свою горькую судьбу? Жуткій холодъ и тоска пронизали насквозь Митюхино сердце.

— Эхъ, Сенька, Сенька!..—глухо вымолвилъ онъ.—Мнѣ-то хорошо, я выплылъ,—а ты?..

Никто ему не отвѣчалъ. Въ избѣ было тихо и душно; съ потолка капало отъ пара, и ягненокъ, пригрѣвшись около матери, легонько чмокалъ во снѣ. Домна сидѣла, пригорюнившись, и молчала; ей тоже взгрустнулось, и вспомнился покойникъ-Ванюшка. А за стѣною плакала и стонала вьюга, и въ этихъ стонахъ и вопляхъ чудились Митрію голоса многихъ тысячъ людей, погибающихъ тамъ, въ темнотѣ отъ холода и нищеты...

В. Дмитріева.

ВОЛОСТНОЙ СУДЪ

ВЪ ВИДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ МѢСТНОЙ ЮСТИЦІИ.

I.

Одною изъ самыхъ важныхъ областей юстиціи, несомнѣнно, должна быть признана область народнаго суда, отправляемаго нынѣ на пространствѣ 36 губерній волостнымъ судомъ, образованнымъ по закону 12-го іюля 1889 года. Благодаря этому закону, волостной судъ изъ прежняго, спеціально крестьянскаго суда, домашней,—какъ принято выражаться въ циркулярныхъ разъясненіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ,— „расправы", превратился для уѣздныхъ обывателей въ нормальный судъ, вѣдающій, можно сказать безъ преувеличенія, почти три четверти всѣхъ судебныхъ дѣлъ. Такъ, въ двухъ, хорошо извѣстныхъ намъ уѣздахъ, дѣятельность волостныхъ судовъ (43) за періодъ 1892—94 гг. выразилась въ разрѣшеніи ежегодно, среднимъ числомъ: 4.287 дѣлъ уголовныхъ и 10.266 гражданскихъ. Если имѣть въ виду, что въ разсмотрѣніи земскихъ начальниковъ (14) за то же время было по 1.500 дѣлъ уголовныхъ и 1.528 гражданскихъ ежегодно, а въ разсмотрѣніи уѣздныхъ членовъ окружнаго суда и городского судьи (въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ этой должности нѣтъ) около 800 дѣлъ того и другого рода въ сложности; если, наконецъ, прибавить къ этому дѣла, разрѣшенныя окружнымъ судомъ, какъ первою инстанціею, такъ и съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (общее число этихъ дѣлъ никакъ не болѣе 400), то окажется, что подсудность волостного суда охватываетъ 71,5% всѣхъ дѣлъ, на долю же учрежденій министерства юстиціи приходится: въ первой инстанціи лишь около

8%, а во второй и того меньше, такъ какъ дѣла городского судьи въ эту инстанцію не попадаютъ. Положимъ, что имущественные интересы, вѣдаемые административными учрежденіями и волостными судами, относительно не велики (хотя это такъ только для статистиковъ, а не для тѣхъ лицъ, которыхъ эти интересы касаются), но сумма этихъ интересовъ весьма внушительна: если среднюю цѣнность, разрѣшеннаго волостными судами, дѣла принять лишь въ 20 руб., а эта цифра въ дѣйствительности, навѣрно, выше, то общая цѣнность разрѣшенныхъ волостными судами исковъ превыситъ за годъ 200 т. руб.; въ отдѣльности же взятыя, дѣла волостной подсудности нерѣдко касаются цѣлаго состоянія крестьянина.

Такое положеніе волостного суда создалось какъ-то неожиданно, не потому, чтобы предшествовавшая практика до-реформеннаго волостного суда выдвинула его достоинства (большинство изслѣдователей прежняго волостного суда относилось къ нему отрицательно), но скорѣе вслѣдствіе печальной необходимости замѣнить обреченный на упраздненіе выборный мировой судъ и невозможности передать всю подсудность мировыхъ учрежденій земскимъ начальникамъ, безъ отвлеченія ихъ отъ наиболѣе существенныхъ обязанностей ихъ административныхъ. Разумѣется, самые убѣжденные противники упраздненныхъ учрежденій не могли ожидать, чтобы дѣятельность волостного суда въ новой для нихъ сферѣ оказалась успѣшнѣе дѣятельности тѣхъ учрежденій, наблюденія же надъ практикой волостныхъ судовъ даютъ основаніе утверждать, что состояніе судебной части съ реформою 12-го іюля 1889 года значительно ухудшилось. Вотъ почему, въ виду предположенной реформы, казалось бы необходимымъ подвергнуть тщательной критикѣ результаты пятилѣтней дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій, и въ особенности волостныхъ судовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, и поставить вопросъ: имѣютъ ли эти суды право на сохраненіе за ними въ будущемъ столь же господствующей роли въ повседневномъ правосудіи для уѣзднаго населенія? Интересы этого правосудія нуждаются едва-ли не въ большемъ вниманіи къ себѣ, нежели, напр., дѣятельность суда присяжныхъ, по непосредственной связи его съ имущественными и нравственными интересами народной массы. Едва-ли когда-нибудь условія для изслѣдованія этого, несомнѣнно важнаго, вопроса были такъ благопріятны, какъ въ настоящее время. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ дѣятельность волостныхъ судовъ наблюдалась не по сухимъ матеріаламъ въ родѣ книгъ рѣшеній и не по отвлеченнымъ бесѣдамъ съ ли-

цами, совершенно непривычными къ юридическимъ обобщеніямъ, но по живымъ примѣрамъ; каждый судебный случай, рѣшенный волостнымъ судомъ, могъ подвергаться критикѣ смѣшанныхъ коллегій изъ лицъ, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ мѣстнымъ бытомъ, и профессіональныхъ юристовъ; выслушивались тѣ же спорящія стороны, обсуждались тѣ же доказательства, провѣрялась правильность рѣшенія волостныхъ судовъ по каждому отдѣльному случаю, а на основаніи такого матеріала получалась возможность болѣе или менѣе широкихъ обобщеній. Преимущества такого наблюденія очевидны. Въ то время, какъ прежніе изслѣдователи по сухимъ матеріаламъ имѣли дѣло съ какими-то юридическими загадками, въ способѣ разрѣшенія коихъ волостнымъ судомъ одни изъ изслѣдователей видѣли высшее проявленіе народной правды и мудрости, другіе же худшій видъ произвола судей невѣжественныхъ и доступныхъ всякимъ вліяніямъ, современные изслѣдователи стоятъ на болѣе твердой почвѣ, на которой такіе, діаметрально противоположные, выводы едва ли мыслимы. И это совершенно понятно. При крайнемъ разнообразіи и неустойчивости волостного суда въ разрѣшеніи, тождественныхъ, повидимому, случаевъ и при неизвѣстности мотивовъ того или другого рѣшенія, выводъ о достоинствѣ этихъ рѣшеній зависѣлъ, едва ли не исключительно, отъ принципіальнаго отношенія того или другого изслѣдователя къ институту волостного суда; и потому весьма возможно, что тѣ же изслѣдователи, призванные къ судебной критикѣ того или другого рѣшенія волостного суда, усмотрѣли бы актъ грубаго невѣжества или произвола тамъ, гдѣ издалека имъ представлялась идеальная Ѳемида, по выраженію лучшаго борца за волостной судъ, Оршанскаго. Если бы Высочайше учрежденная коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части признала своевременнымъ удѣлить волостному суду хотя бы нѣкоторую долю вниманія, котораго онъ, по справедливости, заслуживаетъ, то она въ короткое время могла бы собрать солидный матеріалъ чрезъ лицъ судебнаго вѣдомства, хорошо ознакомившихся съ практикою волостныхъ судовъ за истекшее пятилѣтіе. Но пока, очевидно, это признается излишнимъ и въ перечнѣ вопросовъ, обращенныхъ коммиссіею къ судебнымъ дѣятелямъ, нѣтъ ни одного, который бы касался волостного суда.

II.

Для того, чтобы сказанное выше не осталось голословнымъ, мы позволимъ себѣ привести рядъ данныхъ, полученныхъ путемъ непосредственнаго наблюденія за практикою 25 волостныхъ судовъ одного уѣзда за трехлѣтній періодъ 1892—94 гг. Хотя область наблюденія и ограничивается пространствомъ одного уѣзда и трехлѣтнимъ періодомъ времени, но въ дѣятельности волостныхъ судовъ, независимо отъ пространства и времени, оказывается такъ много общихъ, сродныхъ чертъ, что частные выводы изъ практики лишь одного уѣзда далеко не лишены серьезнаго общаго значенія. Волостной судъ, дѣйствовавшій на основаніи 95—110 ст. общаго полож. о крестьянахъ, вращался въ кругѣ дѣлъ маловажныхъ и, притомъ, предназначенъ былъ спеціально для крестьянской массы, только-что освобожденной отъ крѣпостного состоянія, въ которомъ она была отчуждена отъ общегражданскихъ законовъ и, подъ гнетомъ помѣщичьей власти, постепенно утрачивала сознаніе исконныхъ юридическихъ обычаевъ своихъ. Чуждая письменности въ своихъ юридическихъ отношеніяхъ, съ своеобразнымъ семейнымъ складомъ и земельнымъ устройствомъ, крестьянская масса и не могла быть отдана на жертву судебной волокитѣ печальной памяти старыхъ учрежденій и, потому, обособленіе ея въ сферѣ суда имѣло полное основаніе. Но старыя учрежденія смѣнились новымъ гласнымъ судомъ, и народная масса, вынужденная во многихъ случаяхъ вѣдаться съ этимъ судомъ, быстро оцѣнила многія преимущества этого суда въ сравненіи съ своимъ домашнимъ, и потянулась къ нему. Дѣятельность волостного суда стала предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій: частныхъ и правительственныхъ, и, надо сознаться, въ общемъ изслѣдованія эти приводили къ выводамъ скорѣе отрицательнаго свойства. Наиболѣе безпристрастный изъ изслѣдователей, М. Зарудный, мирился съ волостнымъ судомъ, какъ съ институтомъ временнымъ, переходнымъ, и склонялся къ ограниченію вѣдомства этого суда, къ уменьшенію, предоставленной ему общимъ положеніемъ, компетенціи. Случилось, однако, наоборотъ, и волостному суду пришлось значительно расширить свою дѣятельность и даже отчасти замѣнить упраздненный мировой судъ. Въ то же время интересъ общества и литературы къ волостному суду, столь живой прежде, смѣнился какимъ-то равнодушіемъ, и несмотря на обиліе новаго матеріала, статьи

гг. Обнинскаго и Леонтьева [1]) едва ли не единственныя, сколько-нибудь крупныя статьи, посвященныя этому вопросу. Значитъ ли это, что для государства и общества безразлично, какъ бы и кѣмъ бы ни удовлетворялась потребность народа въ правосудіи? Сомнѣваемся, чтобы это было такъ.

Посмотримъ же, какъ преобразованный закономъ 12 іюля 1889 г., волостной судъ справился съ своею задачею. При оцѣнкѣ требованій, которыя можно было предъявлять волостному суду, и результатовъ его дѣятельности, необходимо не упускать изъ виду, что самое существенное въ идеѣ волостного суда, составляющее его raison d'être, заключается въ томъ, что судъ этотъ близокъ по бытовымъ и духовнымъ условіямъ къ народной массѣ, а потому наиболѣе способенъ къ уразумѣнію возникающихъ среди нея своеобразныхъ юридическихъ столкновеній, къ разрѣшенію которыхъ прилагаетъ не обще-гражданскіе законы, а мѣстные обычаи.

Законъ 12-го іюля 1889 г. значительно расширилъ компетенцію волостного суда, какъ въ отношеніи лицъ, такъ и въ отношеніи дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ, а практика, путемъ циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ [2]) и опредѣленій общаго собранія правительствующаго сената, разрѣшала возникавшія по поводу подсудности сомнѣнія распространительно, въ пользу волостного суда. Наряду съ крестьянами, вѣдомству волостного суда были подчинены: мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, имѣющіе постоянное жительство въ селеніяхъ, а практика постепенно присоединила къ нимъ временныхъ купцовъ (изъ означенныхъ выше состояній), не причисленныхъ къ городскому сословію, мѣщанъ и проч., жительствующихъ хотя и не въ селеніяхъ, но въ предѣлахъ уѣзда,—въ противоположность городу,—и притомъ безразлично къ тому, постоянно ли они тамъ проживаютъ, или временно. Такимъ образомъ, волостному суду пришлось перейти за предѣлы знакомой ему деревни, въ мызу, и отъ дѣлъ чисто крестьянскаго оборота къ инымъ, которыя создались не на почвѣ крестьянскаго обычая, а на почвѣ закона, силою котораго и должны были разрѣшаться. И такихъ дѣлъ должно быть не мало. Характеръ уѣзда со времени изданія общаго положенія о крест. значительно измѣнился, и, съ постепеннымъ упадкомъ дворянскаго землевладѣнія, уѣздъ сталъ населяться землевладѣльцами, торговыми и промышленными людьми изъ разночинцевъ, нерѣдко весьма далекими по своему развитію

---

[1]) Журн. гражд. и угол. пр. 1892 г. кн. 2. Журн. юридич. об-ва 1894 г. кн. 9 и 1895 г. кн. 1 и 4.

[2]) Циркул. мин. внутр. дѣлъ: 1893 г. № 21, № 33 и др.

и бытовымъ условіямъ отъ крестьянской массы и привыкшими въ своихъ юридическихъ отношеніяхъ руководствоваться обще-гражданскими законами, а вовсе не обычаями крестьянскаго населенія. Невозможно, конечно, понять, во имя какихъ мотивовъ слѣдовало бы подчинить вѣдомству волостного суда разрѣшеніе возникающихъ между этими лицами споровъ по юридическимъ отношеніямъ, нерѣдко основаннымъ на обще-гражданскихъ законахъ и чуждымъ быту и пониманію крестьянской массы; еще менѣе понятно то обстоятельство, что законъ (25 ст. врем. прав. о вол. судѣ), предписывая волостному суду при разрѣшеніи споровъ между крестьянами руководствоваться мѣстными обычаями, не даетъ никакихъ указаній на то, чѣмъ долженъ руководиться этотъ судъ при разрѣшеніи споровъ между лицами иныхъ состояній. Министерство же внутреннихъ дѣлъ, въ заботахъ объ упрощеніи волостного разбирательства, разъясняетъ, что волостной судъ не связанъ въ своей дѣятельности ни однимъ закономъ матеріальнаго или процессуальнаго права. Помимо разрѣшенія споровъ, волостной судъ, въ силу подчиненія ему поименованныхъ выше лицъ и на основаніи 4 п. 15 ст. врем. прав., долженъ вѣдать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и дѣла о наслѣдствѣ послѣ этихъ лицъ, а такъ какъ законы о наслѣдствѣ для него не писаны, то этимъ самымъ онъ какъ бы приглашается и къ наслѣдованію лицъ другихъ состояній прилагать свои обычаи. По этимъ же своимъ обычаямъ ему приходится, очевидно, рѣшать наслѣдственныя дѣла между инородцами, напр., эстонцами, въ значительномъ количествѣ населяющими извѣстные намъ уѣзды, въ качествѣ частныхъ собственниковъ и арендаторовъ; но вѣдь эти лица имѣютъ свои обычаи и, быть можетъ, примѣненіе къ нимъ общаго закона было бы справедливѣе, нежели чуждаго имъ обычая. Въ отношеніи предметовъ вѣдомства волостной судъ по закону 12-го іюля 1889 года получилъ не менѣе широкую власть, постепенно расширенную практикой, и оставилъ далеко позади себя и земскихъ начальниковъ съ городскими судьями, и даже уѣздныхъ членовъ окружнаго суда. По циркулярамъ министерства внутреннихъ дѣлъ волостному суду предоставлено разрѣшеніе споровъ: о возстановленіи нарушеннаго владѣнія въ сферѣ частнаго землевладѣнія, и такъ какъ обязательный для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей 6-ти-мѣсячный срокъ предъявленія иска (п. 2 ст. 20 прав. о произв. суд. дѣл.) для волостного суда нимало не обязателенъ, то послѣдній можетъ принимать эти иски даже въ предѣлахъ земской давности, т.-е. при такихъ условіяхъ, когда сглаживается всякое различіе

между искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и искомъ о правѣ собственности; о правѣ участія частнаго, также внѣ зависимости отъ срока, установленнаго п. 5 ст. 29 уст. гр. суд. для подсудности этого рода дѣлъ члену окружнаго суда. Между тѣмъ дѣла послѣдняго рода имѣютъ важное значеніе для интересовъ частной собственности, въ ограниченіи которой надлежитъ соблюдать бо́льшую осторожность, нежели это замѣчается въ практикѣ волостного суда. Развитіе экономической жизни и гражданскаго оборота ушло за послѣднія тридцать лѣтъ далеко отъ того положенія, при которомъ представлялось цѣлесообразнымъ обособить юстицію освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости сельскаго населенія, предоставивъ ему судиться по своимъ обычаямъ; въ развитіи этомъ, однако, менѣе всего приняла участіе крестьянская масса. Поэтому, многія юридическія сдѣлки, чуждыя прежнему народному быту, ставятъ нерѣдко судей-крестьянъ въ затрудненіе при разрѣшеніи вопросовъ о значеніи и послѣдствіяхъ ихъ; въ такомъ положеніи оказываются судьи по дѣламъ, основаннымъ на векселяхъ, задаточныхъ роспискахъ и запродажныхъ актахъ. Намъ извѣстны случаи отказа въ присужденіи съ бланконадписателя, такъ какъ суду неизвѣстно, къ чему подписался отвѣтчикъ на оборотѣ векселя (мотивъ рѣшенія); разрѣшая искъ мѣщ. Ф. къ к-намъ А. и Е. о возвратѣ денегъ, уплаченныхъ за землю, и неустойки по запродажному акту, судъ постановилъ: предоставить истцу право пользоваться купленною отъ отвѣтчиковъ землею и сдавать ее въ аренду по своему усмотрѣнію, причемъ истецъ совершенно резонно указывалъ въ апелляціонной жалобѣ, что рѣшеніе суда не можетъ замѣнить ему крѣпостного акта и лишить наслѣдника отвѣтчиковъ права на отчужденіе этой земли постороннему лицу. При широкой, непосильной для волостного суда, компетенціи, требующей примѣненія не только обычаевъ, самое существованіе которыхъ проблематично, но и законовъ, законъ 12-го іюля 1889 г. ничѣмъ, однако, не обезпечилъ исполнимость рѣшеній волостного суда, такъ какъ суду не предоставлено допускать обезпеченіе или предварительное исполненіе рѣшеній. Вслѣдствіе этого бывали случаи продажи съ публичнаго торга при съѣздѣ единственнаго имущества должника, причемъ вырученныя деньги совершенно ускользали отъ кредиторовъ, въ пользу которыхъ состоялись уже рѣшенія волостного суда, не успѣвшія еще вступить въ законную силу. Вообще, во всемъ томъ, что касается исполненія рѣшеній, существуетъ полнѣйшая неопредѣленность, и для разрѣшенія, возникающихъ при исполненіи рѣшеній вопросовъ и споровъ, какъ, напр.,

споръ о правѣ собственности на описанное имущество, нѣтъ никакихъ указаній, вслѣдствіе чего, и при отсутствіи у волостного суда права обезпечивать иски, вполнѣ возможны случаи продажи за долги отвѣтчика имущества, принадлежащаго другому лицу; обращеніе взысканій на сумму не менѣе 50 р. на недвижимое имущество должника, допущенное 107 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ у земск. нач., признано возможнымъ, по циркуляру м. в. д. 1891 г. № 32, и для взысканій по рѣшеніямъ волостного суда, но никакихъ инструкцій на этотъ случай исполнителямъ не преподано, и потому въ этой области исполненія происходитъ постоянная путаница, такъ какъ, за отсутствіемъ инструкціи, волостнымъ старшинамъ остается руководствоваться уставомъ гражд. Суд., съ которымъ они вовсе не знакомы. Если вспомнить еще, что, при крайнемъ несовершенствѣ рѣшеній волостного суда, обжалованіе таковыхъ поставлено закономъ (31 ст. врем. прав. о вол. с.) въ зависимость, въ большинствѣ случаевъ, отъ усмотрѣнія земскихъ начальниковъ, притомъ дискреціоннаго, такъ какъ дѣйствія послѣднихъ въ этомъ отношеніи не могутъ быть обжалованы предъ съѣздомъ, то станетъ очевиднымъ, что для лицъ, подчиненныхъ волостному суду въ силу отд. VIII закона 12-го іюля 1889 г. и послѣдующихъ разъясненій, отправленіе правосудія поставлено нынѣ въ несравненно худшія условія, заключающія въ себѣ слишкомъ много произвольнаго и случайнаго. Поэтому, прежде всего, надлежало бы ограничить личную подсудность волостного суда, въ смыслѣ 95 ст. общ. полож., или въ буквальномъ смыслѣ отд. VIII зак. 12-го іюля 1889 г., т.-е. подчинивъ волостному суду только лицъ, имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ, слѣд. въ громадномъ большинствѣ тѣхъ же коренныхъ жителей деревни, которые почему-либо вышли изъ состава сельскаго общества, но остались жить въ тѣхъ же условіяхъ. Можно еще спорить о пригодности волостного суда для массы сельскаго населенія, но безспорно, что за предѣлами деревни всякій иной судъ будетъ лучше крестьянскаго.

III.

При указаніи наиболѣе существенныхъ недостатковъ въ дѣятельности волостного суда мы остановимся прежде всего на производствѣ дѣлъ гражданскихъ, какъ наиболѣе серьезныхъ для мѣстнаго населенія. Въ ряду этихъ недостатковъ особенно бросается въ глаза безсиліе волостныхъ судей въ оцѣнкѣ письмен-

ныхъ доказательствъ, постепенно занимающихъ и въ дѣлахъ волостной подсудности главное мѣсто. Малограмотные, а подчасъ и совсѣмъ неграмотные, не имѣющіе никакого понятія о формальныхъ условіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять письменный актъ, какъ судебное доказательство, неспособные иногда и прочитать документа, не только что уяснить его смыслъ, волостные судьи, ничтоже сумнящеся, основываютъ сплошь и рядомъ свои рѣшенія на рукописяхъ, лишенныхъ всякаго доказательнаго значенія: клочкахъ бумаги съ записями, никѣмъ не подписанными и даже неизвѣстно кѣмъ написанными, копіяхъ съ обязательствъ, иногда даже неудостовѣренныхъ въ тождествѣ съ подлинникомъ, неизвѣстно почему непредставленнымъ стороною, на отрывкахъ, содержащихъ въ себѣ лишь часть заключеннаго между сторонами соглашенія, тогда какъ послѣдующимъ текстомъ подлинника совершенно измѣняются условія первоначальнаго соглашенія. Не бѣда, если рѣшенное на такихъ основаніяхъ дѣло перейдетъ во вторую инстанцію, но, при существующемъ ограниченіи въ обжалованіи рѣшеній волостного суда, многіе промахи его остаются неисправленными. Примѣромъ подобнаго отношенія къ документу можно привести дѣло по иску кр-ки Д. съ кр. И., по которому волостной судъ присудилъ въ пользу истицы часть земли на основаніи выписи или копіи раздѣльнаго акта, состоявшагося въ 1877 г. между мужемъ истицы и отвѣтчикомъ, никѣмъ неподписанной и неудостовѣренной; при разсмотрѣніи дѣла въ съѣздѣ оказалось, что представленный истицею документъ составляетъ лишь копію, притомъ не совсѣмъ точную, первой половины подлиннаго раздѣльнаго акта,— подписаннаго сторонами и засвидѣтельствованнаго, — второю частію котораго мужъ истицы уступилъ отвѣтчику искомую землю за соотвѣтствующее вознагражденіе. По другому дѣлу, судъ принялъ за доказательство долга за товаръ ярлычки съ проставленнымъ количествомъ бут. пива, которыми отвѣтчикъ снабжалъ рабочихъ завода, направляемыхъ имъ въ качествѣ потребителей къ истцу, содержателю одной изъ пивныхъ лавокъ, и которые, какъ оказалось въ съѣздѣ, должны были служить для разсчета процентнаго вознагражденія отвѣтчику за коммиссію. Еще менѣе вниманія обращаетъ волостной судъ на очевидно позднѣйшія поправки, приписки на документахъ, совершенно измѣняющія, однако, первоначальное значеніе ихъ; такъ, напр., волостной судъ отказалъ въ возвращеніи земли, сданной отцомъ истцовъ въ 1879 г. въ аренду отвѣтчику на 12 лѣтъ, основавъ отказъ на представленномъ отвѣтчикомъ документѣ, въ которомъ, сверхъ

зачеркнутыхъ словъ „арендное пользованіе", было надписано: „полную собственность" и сдѣланы другія соотвѣтствующія измѣненія, причемъ представлялось очевиднымъ, что эти измѣненія сдѣланы въ другое время, иными чернилами и почеркомъ, и оговорки объ этомъ измѣненіи на документѣ не сдѣлано. Принимая въ основу рѣшеній столь сомнительные документы, волостной судъ въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ, игнорируетъ вполнѣ доброкачественные документы, какъ, напр., книги торговцевъ, и, не тратя времени и силъ на разсмотрѣніе подобныхъ доказательствъ, прямо отказываетъ въ искѣ по бездоказательности. Въ случаяхъ такого отказа, въ виду 2 п. 31 ст. врем. прав. о вол. суд., дѣла рѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе съѣзда, но между такими нельзя пройти молчаніемъ два случая: въ одномъ—истица представила книгу, по чистотѣ, ясности и очевидной разновременности записей не вызывавшую никакого сомнѣнія въ ея достовѣрности, и, притомъ, сослалась на свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что отвѣтчикъ, забирая при нихъ товаръ, просилъ записать его въ книгу, но судъ предпочелъ повѣрить голословному отрицанію отвѣтчика,—кстати сказать, состоявшаго приказчикомъ довольно крупнаго мѣстнаго лѣсопромышленика; въ другомъ случаѣ, истецъ представилъ книгу, въ которой, подъ перечнемъ забраннаго разновременно товара, была надпись о томъ, что по произведенному 8-го іюля 1892 г. разсчету отвѣтчикъ остался долженъ истцу 108 р. 40 к., послѣ чего была сдѣлана уплата въ 2 р. 25 к.; надпись была подписана отвѣтчикомъ въ присутствіи свидѣтелей, это обстоятельство подтвердившихъ; отвѣтчикъ признавалъ за собою долгъ лишь въ 6 р. 15 к., и волостной судъ повѣрилъ ему, высказавъ въ рѣшеніи, что „хотя истцомъ и представлена въ судъ записная книга съ надписью о разсчетѣ съ отвѣтчикомъ, но изъ таковаго совершенно не представляется никакой возможности правильно опредѣлить, изъ чего именно образовался долгъ и что подобная запись должна быть замѣнена формальнымъ документомъ, каковаго суду не представлено". Поставленный въ необходимость вѣдаться съ письменными доказательствами и, слѣд., со всякаго рода возраженіями противъ нихъ, волостной судъ естественно встрѣтился со споромъ о подлогѣ. Сознавая свое безсиліе въ разрѣшеніи такого спора, волостной судъ сперва пріостанавливалъ свое производство и передавалъ оспоренный документъ на распоряженіе земскаго начальника, но вѣдь взявшись за гужъ, нельзя говорить, что не дюжъ, и, вотъ, по циркуляру м. в. д. 1892 г. № 56, волостному суду пришлось производить повѣрку спора о подлогѣ. Въ

судѣ происходитъ комическая сцена сличенія почерковъ, причемъ недобросовѣстный тяжущійся умышленно искажаетъ свой почеркъ и самыми нехитрыми пріемами сбиваетъ съ толку малограмотныхъ судей, какъ это обнаруживается иногда на съѣздѣ; гораздо же чаще такая каллиграфическая экспертиза окончательно рѣшаетъ судьбу дѣла.

Лишенный средствъ справиться съ формальной стороной документа, волостной судъ не менѣе безпомощенъ и въ оцѣнкѣ его внутренняго содержанія и юридической силы. Документъ, и часто именно буква, а не смыслъ его, подавляетъ разумъ волостныхъ судей и положительно парализуетъ въ нихъ ту свободу сужденія по совѣсти и по жизненной правдѣ, которой ожидалъ отъ него, повидимому, законодатель и на которую всегда съ паѳосомъ указывали сторонники волостного суда. Практика показываетъ, что темнота, невѣжество, а можетъ быть, и другія, неблагопріятныя для цѣлей правосудія, условія связываютъ свободу сужденія волостныхъ судей хуже всякихъ уставовъ. Вотъ, напр., волостной судъ разбираетъ дѣло по иску К—на, мѣстнаго кулака, торговца и содержателя корчмы, будущаго туза, съ мѣщ. К—ва 100 р. неустойки. По условію истецъ взялъ въ аренду имѣніе отвѣтчика на 6 лѣтъ, причемъ отвѣтчикъ, въ случаѣ отчужденія имѣнія до срока аренды, обязался уплатить истцу неустойку въ 100 р.; чрезъ полгода истецъ совершаетъ съ отвѣтчикомъ запродажную запись, по которой, до совершенія купчей, вступаетъ во владѣніе имѣніемъ, отвѣтчикъ же возвращаетъ истцу 45 р. арендной платы за остальное время года. Казалось бы и дѣлу конецъ. Однако, К—нъ требуетъ еще неустойку съ К—ва, какъ нарушителя условія, и волостной судъ присуждаетъ ему таковую, опираясь якобы на буквальный смыслъ статьи, по которой К—въ повиненъ платить неустойку въ случаѣ продажи имѣнія, тогда какъ простой здравый смыслъ долженъ былъ подсказать суду, что искъ К—на, по своему желанію расторгнувшаго арендное условіе, не только неправиленъ, но и явно недобросовѣстенъ. Тотъ же К—нъ ищетъ съ кр. В. 100 р. по роспискѣ, которая, по объясненіямъ отвѣтчика и свидѣтелей, была взята съ В. въ состояніи сильнаго опьяненія, во время азартной игры, которая происходила между В. и К—нымъ въ отдѣльномъ номерѣ его корчмы; свидѣтели подробно описали, какъ пьяный В. ронялъ на полъ лежавшія возлѣ него деньги и какъ затѣмъ К—нъ, съ другимъ своимъ гостемъ, испытывали способность В—а къ рукоприкладству на чистомъ листѣ бумаги, прежде чѣмъ поднести къ его подписанію росписку, написанную К—нымъ. Несмотря на увѣ-

ренія В—а, что денегъ отъ К—на онъ не получалъ и не знаетъ, за что взята съ него росписка, судъ, оставаясь, очевидно, на формальной почвѣ, удовлетворилъ требованіе истца, хотя совѣсть должна была подсказывать ему иное рѣшеніе. Вообще, оспорить письменное обязательство посредствомъ ссылки на свидѣтелей въ волостномъ судѣ труднѣе, нежели въ какомъ-либо иномъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, волостной судъ, выслушавъ свидѣтелей, все-таки присуждаетъ по обязательству, поясняя, что отвѣтчикъ ничѣмъ уплаты не доказалъ. А между тѣмъ, волостнымъ судьямъ, конечно, не безъизвѣстно, что иногда долги погашаются частично, деньгами, или услугами, безъ надписи на документѣ, и доказать такое погашеніе едва ли возможно иначе, какъ свидѣтелями. Въ преклоненіи предъ несокрушимой силой документа волостной судъ иногда отвергалъ и такія недокументальныя доказательства, которыя съѣздъ признавалъ достаточными не только для отказа въ искѣ, но и для возбужденія противъ истцовъ уголовнаго преслѣдованія по 174 ст. уст. о нак. за вторичное требованіе платежа.

Вполнѣ естественно, что при такомъ направленіи волостного суда законъ 24-го мая 1893 г. противъ ростовщичества едва ли можетъ принести какую-нибудь пользу въ борьбѣ съ ростовщичествомъ, пустившимъ глубокіе корни въ деревнѣ. Волостнымъ судьямъ этотъ законъ, какъ и многіе другіе, конечно, неизвѣстенъ; но, если бы это и было иначе, во всякомъ случаѣ отъ волостного суда невозможно было бы ожидать какой-либо иниціативы въ возбужденіи преслѣдованія по этому закону. Ростовщики волостнымъ судьямъ извѣстны, извѣстны имъ и крайне тяжелый %, и благодарность, кромѣ того, въ видѣ разныхъ услугъ, но судьи безсильны предпринять что-либо. Въ нѣсколько лѣтъ практики имена ростовщиковъ стали знакомы и съѣзду, но громадное большинство дѣлъ заканчиваются въ судахъ, такъ какъ и должники теряютъ надежду побороть „вексель". Въ нашемъ уѣздѣ дѣлу народнаго кредита служатъ, между прочимъ, питомцы воспитательнаго дома, за которыхъ воспитатели получаютъ по билетамъ вознагражденіе отъ 4—10 р. въ треть; подъ эти билеты ростовщики выдаютъ воспитателямъ небольшія суммы, которыя и получаютъ сами по билетамъ, засчитывая въ % по 1 руб. въ треть независимо отъ размѣра получки, такъ что въ лучшемъ случаѣ за ссуду берется 30% год. помимо благодарности въ видѣ разныхъ услугъ по хозяйству; кромѣ того, для обезпеченія себя, на случай ли смерти питомца ранѣе окончанія расчетовъ, или на случай отобранія должникомъ билета, въ случаѣ какихъ-

либо недоразумѣній, ростовщики берутъ съ заемщиковъ росписки, векселя на занятыя суммы. При взысканіи съ нихъ по этимъ документамъ отвѣтчики постоянно указываютъ волостному суду, что или весь долгъ, или часть его уже выбрана истцами по билетамъ, — да это и вполнѣ вѣроятно, потому что ростовщикъ всегда успѣваетъ нѣсколько разъ получить по билетамъ, но эти возраженія остаются безъ всякихъ послѣдствій, хотя путемъ справки въ учрежденіи, производящемъ выдачи, можно было бы въ иныхъ случаяхъ провѣрить возраженія отвѣтчиковъ для болѣе правильнаго по существу, а не по формѣ, разрѣшенія дѣла. По цѣлому ряду подобныхъ дѣлъ, дошедшихъ до съѣзда, возбуждено было противъ истца П. преслѣдованіе по 1707 ст. улож. о нак. за ростовщичество по ремеслу.

Другимъ, весьма существеннымъ, недостаткомъ волостного суда слѣдуетъ признать крайнюю поспѣшность въ разрѣшеніи дѣлъ и полное отсутствіе какой-либо иниціативы въ разъясненіи обстоятельствъ дѣла. Черезчуръ строгое проведеніе принципа состязательности въ гражданскомъ процессѣ и пассивное отношеніе суда къ развитію процесса ставятъ обыкновенно въ укоръ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, но послѣднія и въ этомъ отношеніи должны уступить первое мѣсто волостному суду. Именно здѣсь все предоставлено самодѣятельности сторонъ, потому что судъ нерѣдко самъ не понимаетъ, что̀ именно нужно и можно сдѣлать для выясненія спора, и не только не помогаетъ сторонамъ своими запросами и указаніями, но, какъ видно изъ массы жалобъ, уклоняется и отъ обсужденія представляемыхъ сторонами доказательствъ. Въ то время, какъ въ общихъ судахъ, особенно единоличныхъ, тяжущійся всегда можетъ надѣяться на полученіе указаній на необходимыя съ его стороны доказательства, иногда даже въ императивной формѣ, въ силу 368 ст. уст. гр. суд.,— на волостномъ судѣ это обстоитъ иначе, ко вреду тяжущихся. А такъ какъ нашъ мужикъ о доказательствахъ, кромѣ свидѣтелей, думаетъ такъ же мало, какъ и волостной судья, и, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, идетъ въ судъ, надѣясь преимущественно на убѣдительность своей рѣчи, то нерѣдко случается, что доказательства такъ и остаются непредставленными, а положеніе истца, получившаго по этой причинѣ отказъ, оказывается большею частію непоправимымъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ жалоба его только по особому счастію можетъ дойти до съѣзда. Вообще, судя по большинству обжалованныхъ рѣшеній волостного суда, можно придти къ заключенію о поверхностности и спѣшности его работы, какъ будто цѣль его не разрѣшить дѣло по возмож-

ности правильно, а поскорѣе сбыть его съ своихъ рукъ. Этимъ объясняется, напр., удовлетвореніе совершенно голословныхъ исковъ, при неявкѣ отвѣтчика, хотя суду не можетъ не быть извѣстно, что въ деревнѣ повѣстки о вызовѣ рѣдко вручаются лично, но чаще идутъ чрезъ третьи руки и не всегда во время достигаютъ назначенія, такъ что неявка отвѣтчика не свидѣтельствуетъ ни о строптивости отвѣтчика, ни тѣмъ менѣе о правильности иска. А въ такихъ случаяхъ, если земскій начальникъ не опротестуетъ рѣшенія, на сумму до 30 р., послѣднее восприметъ законную силу, и отвѣтчикъ безсиленъ доказать свою правоту. Той же причиной объясняется крайне печальное положеніе тяжущихся въ дѣлахъ болѣе или менѣе сложныхъ, напр., въ разсчетахъ по какому-либо общему предпріятію, требующихъ, для своего уясненія, и навыка къ послѣдовательному мышленію, и немалаго терпѣнія. Приведемъ въ примѣръ одно изъ дѣлъ. Кр—не Н. и Б. вели въ компаніи операцію по покупкѣ и продажѣ прессованнаго сѣна; одинъ изъ нихъ дѣйствовалъ на мѣстѣ покупки, другой на мѣстѣ сбыта, вели дѣло по взаимному довѣрію, безъ документовъ, и чрезъ годъ запутались въ разсчетахъ, причемъ одинъ считалъ себя недополучившимъ около 450 р. Чтобы не идти далеко, истецъ, по совѣту деревенскаго юриста, началъ дѣло въ волостномъ судѣ двумя исками, чтобы обойти законъ о подсудности. Послушавъ препирательство сторонъ и не тратя времени и силъ на разъясненіе дѣла, волостной судъ отказалъ истцу Н., мотивируя отказъ по одному иску неимѣніемъ въ виду ясныхъ доказательствъ, а по другому тождествомъ этого иска съ первымъ. На счастье истца жалоба его была представлена земскимъ начальникомъ въ съѣздъ по нарушенію волостнымъ судомъ закона о подсудности, рѣшенія суда были отмѣнены, и истецъ Н., предъявивъ общій искъ у члена окружного суда, получилъ возможность доказать свое право, причемъ не представилось особыхъ затрудненій привести тяжущихся къ соглашенію по многимъ статьямъ расхода и выручки, а разногласіе ихъ по поводу нѣсколькихъ десятковъ руб. было устранено свидѣтелями. На какихъ, вслѣдствіе того, случайныхъ, неустойчивыхъ основаніяхъ зиждется подчасъ рѣшеніе волостного суда, можно пояснить двумя примѣрами. Мѣщанинъ Б. преслѣдовалъ кр. Д. за обманъ при мѣнѣ лошади и отыскивалъ убытки въ 150 р. и добился, какъ наказанія Д—а, такъ и присужденія 150 р.; когда же съѣздъ не нашелъ въ дѣйствіяхъ Д. уголовнаго проступка и предоставилъ Б—у искать убытки гражданскимъ порядкомъ, тотъ же самый волостной судъ, при тѣхъ же фактическихъ данныхъ, отка-

залъ начисто истцу. Кр. С—а отыскивала отъ кр. В. часы и телѣгу, обезпечивавшія долгъ ея за товаръ; судъ отказалъ ей въ искѣ на томъ основаніи, что „В.—всѣмъ извѣстный честный торговецъ"; когда же полгода спустя о тѣхъ же вещахъ предъявленъ былъ тотъ же искъ мужемъ С—ой, тотъ же судъ удовлетворилъ исковое требованіе на томъ основаніи, что В., честность котораго была опорою перваго рѣшенія, ничѣмъ долга ему С—ой не доказалъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣе грамотные предсѣдатели судовъ пишутъ рѣшенія съ мотивами, наивность послѣднихъ вызываетъ улыбку; такъ, разрѣшая искъ въ 50 р. за 2 собакъ, судъ пишетъ: а такъ какъ стоимость собакъ суду неизвѣстна, взыскать въ пользу истца 12 руб.; по иску за 17-лѣтнее пользованіе отвѣтчика огородомъ истицы въ ея отсутствіе, судъ постановляетъ: въ искѣ отказать „по дальнѣйшимъ временамъ и безусловному виду"; кр. Ф. купилъ у В. лошадь за 43 р., уплатилъ ему сразу 5 р. и далъ нетель въ 16 р., а затѣмъ, не имѣя возможности заплатить остальные 22 р., спустя двѣ недѣли предложилъ В—у размѣняться, на что тотъ согласился, какъ удостовѣрили свидѣтели, и истецъ привелъ къ нему лошадь, но ничего не получилъ; судъ отказалъ истцу Ф. въ отобраніи отъ В. нетели и 5 р., такъ какъ лошадь отдана В—ву въ возвратъ за 22 р. долга, оставшагося за нее.

Къ указаннымъ недостаткамъ волостной процедуры слѣдуетъ присоединить еще массу мелкихъ, обусловливаемыхъ темнотою судей и незнакомствомъ съ самыми элементарными началами процесса. Постоянное нарушеніе порядка представительства, въ особенности по дѣламъ сельскихъ обществъ; смѣшеніе въ резолюціяхъ представителей съ представляемыми, и вслѣдствіе того присужденіе въ пользу повѣреннаго вмѣсто довѣрителя; новое разсмотрѣніе дѣлъ, уже разрѣшенныхъ; редакція рѣшеній въ такой формѣ, что онѣ, или не разрѣшаютъ спора, или оказываются неисполнимыми; присужденіе съ лицъ, вовсе не участвовавшихъ въ процессѣ, — все это, вмѣстѣ взятое, порождаетъ массу путаницы, проволочекъ, затрудненій, иногда неразрѣшимыхъ, и подрываетъ довѣріе и уваженіе къ мѣстному правосудію. Наглядными признаками такого явленія могутъ служить чуть ли не постоянно встрѣчающіяся въ жалобахъ указанія на неспособность судей понять дѣло, на ихъ пристрастіе, небрежность, указанія, порою принимающія характеръ оскорбительный для волостныхъ судей, а также не совсѣмъ рѣдкіе случаи неуваженія къ суду во время самаго разбирательства, о чемъ свидѣтельствуютъ постановленія суда о наказаніи такихъ нарушителей порядка;

иногда недовѣріе къ суду выражается довольно оригинально: въ одномъ изъ рѣшеній суда говорится, что истецъ сослался на нотаріальный договоръ, у него имѣвшійся, но таковаго на разсмотрѣніе суду не повѣрилъ.

IV.

Съ особымъ интересомъ слѣдили мы за дѣятельностію волостного суда въ дѣлахъ, касавшихся крестьянскаго землевладѣнія и наслѣдованія, полагая, что въ этой, спеціально крестьянской, сферѣ отношеній должны лучше всего проявиться преимущества суда изъ лицъ, принадлежащихъ къ той же крестьянской массѣ, находящихся въ одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ съ судящимися, близкихъ имъ по развитію, обычаямъ и правовымъ воззрѣніямъ. Надежды наши, однако, не оправдались, и, какъ это ни странно, въ этой-то именно области дѣлъ слабыя стороны волостного суда выдаются съ большею рельефностію. Объясненіе этого, страннаго на первый взглядъ явленія довольно просто. Если для разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ вообще волостному суду нѣтъ надобности въ знаніи общегражданскихъ законовъ, мѣсто которыхъ, по ст. 25 врем. прав., заступаютъ обычаи и совѣсть судей, то въ спорахъ, касающихся крестьянскаго землевладѣнія, волостной судъ никоимъ образомъ не можетъ игнорировать законы, которыми установлено и регулируется это землевладѣніе, какъ-то: общее положеніе, положеніе о выкупѣ и мѣстныя положенія; и едва ли кто-нибудь возьметъ на себя смѣлость отрицать обязательность для волостного суда этихъ законовъ при разрѣшеніи споровъ о надѣльной землѣ. Между тѣмъ, законы эти, толкованіе которыхъ породило обширную сенатскую практику, нелегко усваиваемую лицами, непривычными къ юридическому мышленію, представляютъ для судей-крестьянъ такую же terra incognita, если не больше, какъ и обще-гражданскіе законы. Люди, имѣвшіе случай соприкасаться съ практикою прежняго устройства волостныхъ судовъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, въ качествѣ кассаціонныхъ надъ ними инстанцій, знакомы, конечно, и съ тою путаницею въ примѣненіи законовъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ, и съ тою страшною волокитой, которыя составляли почти нормальное явленіе въ дѣлахъ о надѣльной землѣ. Извѣстному намъ уѣздному съѣзду пришлось принимать участіе въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ, производство по которымъ начато было, по объясненію сторонъ, лѣтъ за 15—20

предъ тѣмъ, и нельзя было не удивляться энергіи истцовъ, которые, переходя изъ одной инстанціи въ другую, изъ одного волостного суда въ другой, гдѣ рѣшенія постановлялись, то за, то противъ, не утрачивали все-таки надежды защитить свое право. Бывали случаи, когда къ путаницѣ въ пониманіи закона присоединялась и неряшливость дѣлопроизводства уѣздныхъ присутствій, что одинъ и тотъ же споръ заканчивался двумя рѣшеніями волостныхъ судовъ, діаметрально противоположными, которыя, за оставленіемъ жалобъ на нихъ безъ послѣдствій, вступали въ законную силу; съѣзду, на первыхъ же порахъ, пришлось разрѣшать запросы волостныхъ старшинъ о томъ, которыя изъ такихъ, непримиримыхъ одно съ другимъ, рѣшеній подлежатъ исполненію. Съ реформой 12 іюля 1889 г. прежняя волокита, нескончаемость тяжбъ о надѣльной землѣ, конечно, немыслима; наоборотъ, теченіе такихъ процессовъ, по милости 31 ст. врем. пр. о вол. судѣ, можетъ быть сокращено до минимума: по буквѣ этого закона, жалобы на волостной судъ могутъ получать движеніе, независимо отъ усмотрѣнія земскаго начальника, лишь въ случаяхъ присужденія болѣе 30 руб., отсюда же, ad libitum, можно вывести, что свободное обжалованіе рѣшеній о надѣльной землѣ совсѣмъ не допускается, или же что оно допустимо лишь въ случаѣ присужденія участка стоимостью свыше 30 руб. (а не отказа хотя бы на сумму 300 р.). Къ сожалѣнію, практика судебно-административныхъ учрежденій, въ ихъ большинствѣ, примѣняетъ этотъ законъ въ цѣляхъ возможнаго стѣсненія въ обжалованіи рѣшеній волостныхъ судовъ и, потому, нынѣ, то или другое разрѣшеніе спора о надѣльной землѣ зависитъ едва-ли не единственно отъ усмотрѣнія земскаго начальника; а такъ какъ случаи представленія жалобъ на рѣшенія по такимъ дѣламъ, по 2 п. 31 ст. врем. прав., до крайности рѣдки, то, слѣд., усмотрѣніе земскаго начальника въ большинствѣ случаевъ сводится къ санкціонированію рѣшеній волостного суда, каковы бы онѣ ни были. Понятно, почему рѣдки случаи представленія земскими начальниками жалобъ по такимъ дѣламъ, на основ. 2 п. 31 ст., т.-е. по неправосудности рѣшенія: чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку рѣшенія по подобному дѣлу, нужно знать законы, касающіеся земельнаго устройства крестьянъ, умѣть правильно истолковать ихъ, внимательно обсудить всѣ обстоятельства дѣла, большею частью весьма запутаннаго сторонами и нимало не разъясненнаго судомъ, и терпѣливо выслушать стороны и провѣрить ихъ доказательства. Не всѣ земскіе начальники способны къ такой судебной критикѣ, да и

матеріалъ, заключающійся въ производствѣ волостного суда, обыкновенно совершенно недостаточенъ для того или другого вывода. Поэтому, не упуская опротестовать рѣшеніе суда, присудившее истцу какіе-нибудь 5—10 руб. безъ достаточныхъ доказательствъ, земскій начальникъ обыкновенно умываетъ руки, когда предметомъ судебнаго рѣшенія была земля, отъ которой нерѣдко зависитъ все благосостояніе тяжущихся. По этой причинѣ въ съѣздахъ, которыми право свободнаго обжалованія рѣшеній волостного суда допускается лишь въ предѣлахъ буквальнаго смысла 31 ст. времен. прав., тяжбы о надѣльной землѣ являются въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія, заканчиваясь безапелляціонно въ волостномъ судѣ. Между тѣмъ тяжбъ этихъ очень много; ими затрогиваются самые дорогіе интересы. По счастливой случайности, съѣздъ, матеріаломъ котораго мы располагаемъ, довольно продолжительное время допускалъ неправильное,—какъ потомъ разъяснило губернское присутствіе,—примѣненіе 31 ст. врем. пр., принимая къ своему разсмотрѣнію жалобы на всѣ рѣшенія волостного суда о присужденіи или объ отказѣ на сумму свыше 30 р. (деньгами или инымъ имуществомъ—безразлично), независимо отъ усмотрѣнія земскихъ начальниковъ. Вслѣдствіе этого съѣзду, какъ второй инстанціи, пришлось разрѣшить большое количество дѣлъ о надѣльной землѣ, составившихъ около трети всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, производившихся въ съѣздѣ. Въ области этихъ дѣлъ волостной судъ весьма нерѣдко обнаруживалъ непониманіе предѣловъ своей власти и вторгался въ сферу, предоставленную закономъ (пп. 5 и 6 ст. 51 Общ. Пол.) вѣдѣнію сельскаго схода, принимая къ своему разсмотрѣнію дѣла о раздѣлахъ надѣльной земли, прежде, нежели послѣдовало разрѣшеніе схода на семейный раздѣлъ, и дѣла по спорамъ отдѣльныхъ членовъ общества съ сельскимъ обществомъ о полевой землѣ; при разрѣшеніи же дѣлъ, ему подсудныхъ, проявлялъ весьма сбивчивое пониманіе тѣхъ спеціальныхъ узаконеній, которыми опредѣляются отношенія крестьянъ къ ихъ усадебной осѣдлости, иногда же и вовсе ихъ игнорировалъ.

Споры объ усадебной осѣдлости, бывшіе въ разсмотрѣніи волостного суда, сводятся къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: къ искамъ о возвратѣ земли, переданной отвѣтчикамъ истцами или ихъ правопредшественниками; къ искамъ о поравненіи усадебной осѣдлости соотвѣтственно количеству, состоящей въ пользованіи истцовъ полевой земли; и къ искамъ по праву наслѣдованія. Въ дѣлахъ *первой* категоріи истцами являлись, большею частью, лица, передавшія лѣтъ 15—20 и болѣе тому назадъ свои надѣлы, вмѣстѣ

съ усадьбами, другимъ членамъ общества, теперь же, въ силу измѣнившихся условій жизни, постепеннаго облегченія платежей и вздорожанія земли, пожелавшія вернуться къ легко когда-то покинутой землѣ, или же предполагавшія совершить съ возвращенною имъ землею новый коммерческій оборотъ. Иногда волостной судъ отказывалъ въ такихъ домогательствахъ, особенно, если въ роли отвѣтчика являлось лицо, имѣвшее какое-либо мѣстное вліяніе, въ большинствѣ же случаевъ легко удовлетворялъ исковыя требованія, ссылаясь на 110 ст. мѣст. пол., въ силу которой усадебныя земли переходятъ въ потомственное владѣніе проживающаго на нихъ семейства, и на рѣшеніе сената отъ 16 мая 1879 г. за № 357, въ которомъ высказано было, что крестьяне, не выкупившіе надѣловъ въ личную собственность, не могутъ и продавать таковыхъ. Положеніе, высказанное въ рѣшеніи сената, безспорно, такъ какъ продажа недвижимости совершается посредствомъ крѣпостного акта, для совершенія котораго продавецъ долженъ обладать актомъ укрѣпленія; но къ упомянутымъ выше искамъ рѣшеніе это не могло имѣть никакого отношенія въ виду того, что по 109 ст. мѣст. пол. и 164 ст. пол. о вык. уступка крестьяниномъ своего надѣла другому, съ согласія міра, представляется вполнѣ возможною, для чего нѣтъ никакой надобности въ совершеніи крѣпостного акта, такъ какъ предметомъ сдѣлки служитъ не право личной собственности, въ смыслѣ X тома, а потомственное пользованіе, по 110 ст. мѣст. пол. (для усадьбы), съ правомъ дальнѣйшаго выкупа. При удовлетвореніи исковъ этого рода волостной судъ только и ссылался на противность закону сдѣлокъ по передачѣ усадебной земли, упуская изъ виду приведенные законы. Никакихъ другихъ мотивовъ намъ открыть не удалось, такъ какъ, обыкновенно, въ пользу отвѣтчиковъ, кромѣ закона, говорили и нравственныя и житейскія соображенія: отвѣтчики уплатили истцамъ то или другое вознагражденіе, погашали своими трудовыми деньгами выкупную ссуду, нерѣдко улучшали землю насажденіемъ фруктовыхъ деревьевъ, возводили постройки, а иногда, передавъ, въ свою очередь, коренныя усадьбы свои другимъ лицамъ, основывали все свое хозяйство на пріобрѣтенныхъ усадьбахъ, которыя, однако, должны были терять потому только, что волостной судъ заблуждался относительно закона. Изъ словесныхъ объясненій сторонъ въ засѣданіи съѣзда иногда оказывалось, что истецъ, уже болѣе 20 лѣтъ основавшій свое хозяйство въ иномъ мѣстѣ, имѣлъ въ виду сдать отыскиваемую имъ землю подъ кабакъ, или что истецъ хлопочетъ для другого пріобрѣтателя: однажды, въ судеб-

номъ засѣданіи, отвѣтчикъ, не дорожившій особенно отбираемымъ отъ него клочкомъ земли, заявилъ, что готовъ возвратить таковой истцу, но желалъ бы получить обратно свои деньги, которыхъ истецъ, промотавшійся совершенно, не въ состояніи ему возвратить, и что истецъ завелъ дѣло въ интересахъ другого лица и полученныя отъ послѣдняго деньги снова промотаетъ; вслѣдъ за такимъ заявленіемъ, изъ среды публики выступилъ дѣйствительный искатель земли и вручилъ отвѣтчику требуемую имъ сумму. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ волостной судъ присуждалъ истца къ возврату отвѣтчику эквивалента, но присужденіе это не могло имѣть никакого реальнаго значенія, такъ какъ съ истцовъ взять было нечего, и причиняемый отвѣтчикамъ ущербъ, а иногда и прямое разореніе оказывались невознаградимыми. Дѣла *второй* категоріи начинались обыкновенно заявленіями истцовъ о томъ, что отвѣтчики захватили нѣкоторую часть ихъ усадебной осѣдлости и пользуются ею. Производство этихъ дѣлъ въ судѣ было коротко: не задаваясь вопросомъ, когда и какъ совершился захватъ, судъ производилъ промѣръ усадебъ и, затѣмъ, сообразуясь съ количествомъ душъ полеваго надѣла, находилъ у отвѣтчика „лишки“ и присуждалъ таковые истцу. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, однако, обнаруживалось, что никакого захвата, въ смыслѣ нарушенія владѣнія, со стороны отвѣтчика не было, что неравенство въ усадебной осѣдлости существуетъ между сторонами десятки лѣтъ, со времени какого-либо раздѣла, а иногда существовало и до 19 февраля 1861 года, и что на истца, съ теченіемъ времени, была накинута обществомъ какая-либо часть полевой земли (душа или полъ-души), отъ которой освободился отвѣтчикъ или его предки. Рѣшенія свои о поравненіи усадебъ волостной судъ не мотивировалъ ни закономъ, ни обычаемъ, ничѣмъ, кромѣ усматриваемаго имъ несоотвѣтствія усадебной осѣдлости съ количествомъ душъ въ полевомъ надѣлѣ; но, въ виду постоянства практики волостного суда въ дѣлахъ этого рода, возможно предположить, что въ основаніи такой практики лежитъ стремленіе уравнять выгоды пользованія землею съ повинностями, разверстываемыми обыкновенно по душамъ полевого надѣла. Но такая практика, несомнѣнно, противорѣчитъ закону, такъ какъ, по смыслу правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крест. вышед. изъ крѣпост. завис. (отд. I, ст. 4), 16 ст. пол. о вык. 110 ст. мѣст. пол. и разъясненію I д-та прав. сен. отъ 31 мая 1877 г. № 4400, крестьяне всецѣло сохраняли за собою усадебную осѣдлость, находившуюся въ ихъ пользованіи, — а при разверсткѣ выкупной ссуды сельскія общества

лишены были права произвольно уменьшать усадебные участки; затѣмъ участки эти поступили въ потомственное пользованіе тѣхъ или другихъ семействъ, безъ права сельскаго общества измѣнять размѣры усадебной осѣдлости, въ то время какъ подобныя измѣненія въ полевомъ надѣлѣ были въ извѣстныхъ случаяхъ предоставлены обществу (6 п. 51, 6 п. 188 ст. общ. пол.). Изъ этого ясно, что несоразмѣрность усадебной осѣдлости съ полевымъ надѣломъ являлась вовсе не результатомъ нарушенія чужого владѣнія, а совершенно естественнымъ послѣдствіемъ допущенной закономъ измѣнчивости полевого надѣла, соотвѣтственное же уравненіе повинностей и платежей могло бы быть достигнуто болѣе правильною ихъ разверсткою. Въ общемъ выводѣ, практика волостного суда по дѣламъ обѣихъ категорій свидѣтельствуетъ о крайней, ничѣмъ неоправдываемой легкости, съ какою судъ дозволяетъ себѣ измѣнять отношенія, установившіяся согласно закону и освященныя многолѣтнею давностью, спутывая народное правосознаніе и создавая полную необезпеченность въ той именно сферѣ имущественныхъ правъ, устойчивость которыхъ, съ точки зрѣнія закона и государственной политики, составляетъ основу экономическаго быта. Дѣла *третьей* категоріи касались также, преимущественно, усадебной осѣдлости. Практика волостного суда въ этомъ отношеніи представляется весьма неустойчивою и сбивается въ примѣненіи 110 и 111 ст. мѣст. пол. При отсутствіи наслѣдниковъ умершаго въ средѣ даннаго сельскаго общества, волостной судъ то признаетъ усадьбу выморочною, по 111 ст., то передаетъ ее въ пользованіе замужнихъ дочерей умершаго, вышедшихъ въ другое сельское общество, нарушая своими рѣшеніями то основное положеніе, въ силу котораго право на участіе въ мірской землѣ, слѣдовательно и право на владѣніе невыкупленною усадебною осѣдлостью, неразрывно связано съ принадлежностію къ составу даннаго сельскаго общества и съ выходомъ изъ такового утрачивается (Пол. о вык. ст. 173). При разрѣшеніи исковъ со стороны отдѣленныхъ членовъ семейства волостной судъ большею частью упускаетъ изъ виду, что по 110 ст. мѣст. пол. право наслѣдованія обусловливается не только родственною связью, но и принадлежностію къ составу проживающаго въ данномъ дворѣ семейства и что раздѣлившіеся члены семьи составляютъ особыя хозяйственныя единицы, особыя семейства, проживающія въ особыхъ дворахъ. Къ этому еще нерѣдко присоединяется и то ошибочное воззрѣніе волостного суда на смыслъ разверстки надѣленной по уставнымъ грамотамъ земли по числу ревизскихъ душъ семейства, подъ вліяніемъ котораго судъ при-

знаетъ за членами семейства, значившимися по Х-й ревизіи, личное право на опредѣленные на нихъ душевые надѣлы, тогда какъ количество ревизскихъ душъ въ моментъ отвода надѣловъ служило лишь мѣриломъ для размѣровъ надѣла какъ цѣлому обществу, такъ и отдѣльному семейству, но вовсе не значило, чтобы родившіеся впослѣдствіи члены семейства пользовались меньшими правами, чѣмъ ревизскія души. Къ какимъ, очевидно, несправедливымъ рѣшеніямъ, подъ вліяніемъ этихъ недоразумѣній, приходитъ волостной судъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ. Крестьянинъ Алексѣй Іудинъ, имѣвшій по ревизіи сына Игнатія, получилъ два надѣла и въ 1888 г. раздѣлился съ Игнатіемъ, который получилъ одинъ надѣлъ, какъ полевой, такъ и усадебной земли, остальная же половина осталась за Іудинымъ и другимъ его сыномъ, Иваномъ, родившимся послѣ ревизіи; по смерти Іудина, старшій его сынъ, Игнатій, требуетъ отъ Ивана половины оставшейся у него усадебной земли, „половины якобы отцовской души", и судъ, безъ всякаго колебанія, удовлетворяетъ это, явно несправедливое, требованіе, оставляя Ивану лишь одну четверть усадебной осѣдлости, тогда какъ Игнатій, неизвѣстно почему, долженъ былъ получить три четверти.—Крестьянинъ Осипъ Григорьевъ, имѣвшій четыре надѣла, въ 1868 г. раздѣлилъ свое семейство на два дома, причемъ половину земли оставилъ за собою и младшимъ сыномъ, Василіемъ, а другую передалъ старшему сыну, Ильѣ, имѣвшему одного сына; по смерти отца, Илья Григорьевъ потребовалъ отъ брата Василія половину отцовской души, и судъ уважилъ его неправое требованіе, не обративъ вниманія на то, что права обоихъ братьевъ, еслибы они были не въ раздѣлѣ, давали имъ возможность получить по половинѣ отцовской, или, что̀ то же, семейной усадьбы, и что послѣ раздѣла право старшаго брата никоимъ образомъ увеличиться не могло, а потому остается совершенно непонятнымъ, почему Илья Григорьевъ долженъ владѣть двумя съ половиною частями, а Василій лишь полуторыми.—Крестьянинъ Ефимъ Сергѣевъ за 15 лѣтъ до смерти раздѣлилъ двухъ сыновей своихъ: Максима и Григорія, давъ каждому по половинѣ усадьбы и полевого надѣла (на 2 души каждому), причемъ съ младшимъ сыномъ, Григоріемъ, остались оба родителя; предъ смертью Сергѣевъ выразилъ волю свою, чтобы его усадьба, т.-е. та, которая выдѣлена была Григорію, цѣликомъ осталась за нимъ и чтобы Григорій получилъ изъ купчей земли двѣ трети, а Максимъ одну треть,—распоряженіе, вполнѣ законное по усадебной землѣ и совершенно понятное въ отношеніи купчей, такъ какъ, по нашему мнѣнію, большее награжденіе сына, кормившаго

и похоронившаго родителей, представляется едва ли не единственнымъ, сколько-нибудь общимъ, народнымъ обычаемъ. Однако, по смерти отца, Максимъ Ефимовъ потребовалъ отъ брата полъ-души усадебной осѣдлости и половины купчей земли, и волостной судъ удовлетворилъ его, совершенно неправое и даже противное обычаю, требованіе.—Крестьянинъ Николай Ивановъ, имѣвшій по ревизіи сына Тимоѳея, получилъ надѣлъ на двѣ души; впослѣдствіи вдова его, съ сыномъ Тимоѳеемъ и двумя другими, родившимися послѣ ревизіи, получила, съ согласія общества, надѣлъ съ усадебной осѣдлостью въ 4 саж. шир. отъ крестьянки М—вой, и затѣмъ семейство раздѣлилось, причемъ Тимоѳей получилъ усадебную осѣдлость М—вой съ добавленіемъ одной саж. изъ коренной усадьбы, всего 5 саж., другіе два брата, съ матерью, остались на сдворкѣ въ 9 саж. ширины. По смерти матери, вдова Тимоѳея потребовала отъ деверьевъ третьей части своего мужа изъ кореннаго сдворка, и судъ, неизвѣстно почему, уважилъ ея требованіе, вслѣдствіе чего въ пользованіи истицы оказывалась усадьба 8 саж. ширины, а деверьямъ оставалось 6 саж. Сходныхъ съ выше описанными случаевъ встрѣчалось довольно много. Понять истинное основаніе подобнаго рода рѣшеній не было никакой возможности, за отсутствіемъ въ рѣшеніяхъ какихъ-либо указаній, кромѣ ссылки на 110 ст. мѣстн. пол., очевидно вовсе не идущую къ дѣлу. Можно только утверждать, что обычаи были тутъ ни при чемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ отвѣтчики заручались приговорами сельскихъ сходовъ, въ которыхъ заключалось признаніе ихъ права на спорную землю, но тѣмъ не менѣе успѣха не имѣли; конечно, приговоры эти въ отношеніи усадебной осѣдлости представлялись лишенными юридической силы, но въ смыслѣ удостовѣренія обычая они, во всякомъ случаѣ, могли бы поспорить съ рѣшеніями волостного суда, и если судъ ихъ игнорировалъ, то очевидно, что не на обычаяхъ основывались его рѣшенія. Вообще дѣятельность волостного суда по дѣламъ усадебнымъ казалась намъ наименѣе удовлетворительною въ виду его наклонности совершенно *произвольно* измѣнять существующія отношенія.

Насколько многочисленны дѣла объ усадебныхъ земляхъ, настолько же рѣдки въ практикѣ волостного суда дѣла о другомъ наслѣдственномъ имуществѣ, наблюденіе надъ которыми могло бы освѣтить вопросъ о значеніи обычнаго права въ современномъ волостномъ судѣ; текущая практика не представляетъ въ этомъ отношеніи почти никакого матеріала. Помнится лишь одинъ случай присужденія судомъ вдовѣ преимущественно предъ отдѣлен-

ными братьями всего имущества, хотя трудно было разобраться, лежалъ ли въ основаніи этого рѣшенія обычай, или вліяніе мѣстнаго земскаго начальника, не желавшаго дать въ обиду вдову, какъ это въ иномъ случаѣ могло произойти; затѣмъ другой случай раздѣла имущества между боковыми родственниками вдовы и такими же родственниками ея мужа, умершаго двумя годами ранѣе, по равной части, и, наконецъ, третій случай отказа въ искѣ наслѣдственной части 22-лѣтней дочери умершаго за пропускомъ земской давности, со ссылкою на рѣшеніе общ. собр. прав. сената за 1893 г. № 32, которымъ за волостнымъ судомъ признано право примѣнять къ разрѣшенію дѣлъ и общую земскую давность, несмотря на то, что волостной судъ не имѣетъ никакого понятія объ условіяхъ примѣненія ея и, въ данномъ случаѣ, совершенно неправильно призналъ давность истекшею, когда она только-что еще начала свое теченіе. Малочисленность дѣлъ этой категоріи находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что малоцѣнное имущество дѣлится, вѣроятно, безъ посредства суда, въ случаяхъ же наличности значительнаго имущества наслѣдники предпочитали утверждаться въ правахъ наслѣдства общимъ судебнымъ порядкомъ. Во многихъ случаяхъ обращеніе къ этому порядку было безусловно необходимо, напр., при наличности недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крѣпостнымъ порядкомъ, и при наличности сбереженій, хранившихся въ банковыхъ учрежденіяхъ. Совмѣстное существованіе двухъ порядковъ при разрѣшеніи наслѣдственныхъ дѣлъ должно было, во всякомъ случаѣ, отражаться крайне неблагопріятно на развитіи обычнаго права, сознаніе котораго, и безъ того слабое, еще болѣе ослабѣвало наряду съ точно опредѣленными законными долями.

Прежде, чѣмъ покончить съ практикою волостного суда по дѣламъ чисто крестьянскимъ, слѣдуетъ остановиться нѣсколько на пріемахъ суда въ разрѣшеніи этихъ дѣлъ. Г. Леонтьевъ, въ статьѣ, помѣщенной въ „Журналѣ юридическаго общества“ 1895 года кн. I, стр. 88, замѣтилъ въ практикѣ съѣзда стремленіе уклоняться отъ разрѣшенія крестьянскихъ дѣлъ по существу и передавать ихъ на новое разрѣшеніе въ другіе суды, по тому, якобы, соображенію, что только крестьяне и могутъ разобраться въ этихъ дѣлахъ. Мнѣніе самихъ крестьянъ, насколько намъ приходилось замѣчать, совершенно иное: они питаютъ болѣе надежды на опытность и безпристрастіе судей интеллигентныхъ. Лично мы совершенно не раздѣляемъ взгляда г. Леонтьева и высказываемъ это на основаніи наблюденій за практикой другого съѣзда, гдѣ принято было за правило разрѣшать по существу всѣ земельныя

дѣла крестьянъ, если только не было процессуальныхъ препятствій къ тому. Мнѣніе, что дѣла эти представляютъ неразрѣшимыя загадки, есть результатъ поверхностнаго отношенія къ предмету. Въ томъ видѣ, въ какомъ дѣла эти являются изъ волостного суда, онѣ, конечно, представляются мало понятными, не всегда даже возможно уяснить и существо искового требованія; но при терпѣливомъ и внимательномъ разспросѣ сторонъ и, въ особенности, при мѣстныхъ осмотрахъ и допросѣ свидѣтелей на мѣстѣ, каждое изъ этихъ дѣлъ получало надлежащее освѣщеніе. И въ этихъ дѣлахъ повѣрка доказательствъ на мѣстѣ нерѣдко обнаруживала небрежную работу волостного суда, полѣнившагося выйти на мѣсто спора, выясняла исторію дѣла, такъ какъ земельныя дѣла крестьянъ имѣютъ обыкновенно многолѣтнюю исторію, и служила основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшеній волостного суда и, притомъ, почти исключительно въ смыслѣ отказа въ неправильныхъ искахъ и охраненія существующаго владѣнія. Такимъ путемъ достигалось не только разъясненіе дѣла, но иногда и самое примиреніе сторонъ, оказавшееся невозможнымъ на волостномъ судѣ. Въ дѣлахъ этихъ вовсе нѣтъ секрета, доступнаго будто бы судьямъ лишь изъ крестьянъ; онѣ требуютъ только большого терпѣнія и никакъ не могутъ обойтись безъ умѣлаго примѣненія закона и того судейскаго безпристрастія, которое не всегда обезпечено въ неразвитыхъ, невѣжественныхъ судьяхъ, далеко не свободныхъ отъ воздѣйствія разныхъ мѣстныхъ интересовъ и отношеній.

V.

Въ области уголовнаго правосудія волостному суду отданы почти всѣ проступки, караемые уставомъ о нак., но, по несложности крестьянской жизни, сравнительно немногіе изъ этихъ проступковъ поступаютъ на разсмотрѣніе волостного суда: кражи, мошенничества, самоуправство, буйство и драки, личныя оскорбленія всякаго рода, изрѣдка нарушенія строительнаго устава,— вотъ обычный контингентъ дѣлъ волостной юстиціи; прочіе проступки восходятъ на разсмотрѣніе суда въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Конечно, разбираться въ уголовныхъ дѣлахъ волостному суду гораздо легче, нежели въ гражданскихъ, тѣмъ не менѣе и въ этой области дѣятельность волостного суда представляетъ много ненормальнаго. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе практика по дѣламъ о кражахъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, главнымъ образомъ, слабость репрессіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

недостаточную основательность обвиненія. Изъ числа 259 лицъ, осужденныхъ за кражи, приговорены были: къ смѣшанному наказанію (розги и арестъ, арестъ и ден. взыск.)—15 лицъ, къ розгамъ—53 лица, къ аресту на срокъ отъ 15 до 30 дней—27 лицъ, отъ 8 до 15 дней—61 лицо, и отъ 1 до 7 дней—93 лица и къ денежному взысканію отъ 50 коп. до 10 руб.—10 лицъ. Такимъ образомъ большинство осужденныхъ отдѣлалось арестомъ на нѣсколько дней и небольшимъ денежнымъ взысканіемъ, причемъ слабость наказанія въ иныхъ случаяхъ (1—3 дня ар., 50 коп. или 1 р. взыск.) граничила съ полною безнаказанностію преступленія. Съ другой стороны, дошедшіе до съѣзда обвинительные приговоры были основаны на столь слабыхъ уликахъ, что 50% изъ нихъ не могли быть оставлены въ силѣ. Волостной судъ, повидимому, слишкомъ много вѣритъ обвинителямъ, относясь къ ихъ объясненіямъ безъ должной критики, и черезчуръ скептически смотритъ на объясненія обвиняемыхъ, такъ что на волостномъ судѣ не обвинитель долженъ доказать виновность обвиняемаго, но, наоборотъ, обвиняемый долженъ доказать неосновательность взведеннаго на него подозрѣнія. Какъ слаба критическая дѣятельность волостного суда въ этихъ дѣлахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ деревню, въ праздничный день, прибылъ татаринъ съ возомъ краснаго товара и, раскрывъ возъ, ушелъ къ кому-то посидѣть. Одинъ изъ крестьянъ, старикъ 62 лѣтъ, исправный хозяинъ, никогда не бывшій подъ судомъ, желая подшутить надъ неосторожностію продавца, который, кстати, былъ давно ему знакомъ, взялъ съ воза одинъ тюкъ товара, занесъ его въ переулокъ и, положивъ тамъ, зашелъ въ избу сосѣда, которому разсказалъ о своемъ намѣреніи, и изъ окна сталъ наблюдать за тюкомъ; когда татаринъ, въ поискахъ исчезнувшаго тюка, заглянулъ въ переулокъ, обвиняемый вышелъ изъ избы и объявилъ татарину, что тюкъ взятъ имъ съ цѣлію дать понять, какъ опасно оставлять на улицѣ товаръ безъ присмотра; осмотрѣвъ тюкъ, развязанный имъ для этого, татаринъ отнесъ его на телѣгу и уѣхалъ вскорѣ изъ деревни, на другой же день явился снова и заявилъ, что обвиняемый похитилъ у него изъ того тюка нѣсколько штукъ ситца на 28 р. Несмотря на то, что всѣ изложенныя обстоятельства были удостовѣрены свидѣтелями и что запоздалое заявленіе татарина о кражѣ не выдерживало никакой критики, волостной судъ подвергъ обвиняемаго наказанію и взысканію убытковъ въ суммѣ, заявленной татариномъ. Можно предполагать, что легкость обвиненія и слабость репрессіи стоятъ въ тѣсной причинной связи и что неосмотри-

тельность въ обвиненіи судъ желаетъ уравновѣсить ничтожнымъ размѣромъ наказанія, но во всякомъ случаѣ такая практика суда должна быть признана крайне вредною для интересовъ правосудія. Для невиннаго наказаніе, какъ бы мало ни было, тяжело по своимъ послѣдствіямъ, налагая на него клеймо и служа, впослѣдствіи, поводомъ къ новому заподозриванію его въ подобныхъ преступленіяхъ, такъ какъ въ деревнѣ подозрѣніе обыкновенно, прежде всего, падаетъ на людей съ замѣтками, т.-е. съ прежней судимостію, и такимъ людямъ приходится уже доказывать свою невиновность, чтобы избѣжать новаго наказанія. Ничтожность наказанія, штрафъ въ 50 к. или день ареста, тѣмъ вреднѣе, что въ такихъ случаяхъ осужденный, хотя и безъ основанія, предпочтетъ подчиниться рѣшенію суда, нежели хлопотать изъ-за пустяковъ, расходуясь на писаніе жалобы, которой земскій начальникъ можетъ не дать хода. При такихъ условіяхъ, нынѣ, когда волостная судимость за кражи принимается къ учету для обвиненія въ 3-й кражѣ, окажется легко возможнымъ незаслуженно подвергнуться столь тяжкому обвиненію. Если же слабыя наказанія выпадаютъ на долю лицъ, дѣйствительно совершившихъ преступленія, то вредъ такихъ наказаній можетъ выразиться въ усиленіи преступности. Конечно, въ слабости репрессіи виноватъ прежде самый законъ (38 ст. врем. прав.), но волостной судъ во многихъ случаяхъ (въ 56 изъ 259) назначалъ наказанія ниже минимума, допускаемаго приведеннымъ закономъ (аресты до 5 дн. и денежныя взысканія), и вообще репрессія по дѣламъ о кражахъ, и абсолютно, и относительно, оказывается ниже, чѣмъ по дѣламъ о буйствѣ и личныхъ оскорбленіяхъ. Это, безспорно, явленіе ненормальное. Чѣмъ можно оправдать столь рѣзкое различіе въ преступности кражи изъ усадьбы землевладѣльца-дворянина и такого же преступленія, совершоннаго изъ усадьбы мѣщанина, что за первое изъ нихъ виновному грозитъ тюрьма до одного года, а за послѣднее кратковременный арестъ? Подсудность кражъ волостному суду имѣетъ своимъ послѣдствіемъ серьезныя неудобства: 1) волостной судъ, не имѣя понятія о многихъ квалифицированныхъ кражахъ и, вообще, не вникая въ составъ преступленія, нерѣдко разрѣшаетъ дѣла, выходящія изъ предѣловъ его компетенціи, надзоръ же земскихъ начальниковъ въ этомъ отношеніи настолько недѣйствителенъ, что по такимъ дѣламъ, дошедшимъ до съѣзда, не было ни одного указанія со стороны ихъ на превышеніе судомъ своей власти; 2) точный учетъ судимости представляется почти невозможнымъ, въ виду чисто мѣстнаго характера тѣхъ справокъ

о судимости, которыя ведутся при волостныхъ судахъ и съѣздахъ и неизвѣстны за предѣлами даннаго уѣзда; 3) создаются положенія, безвыходныя съ точки зрѣнія точнаго примѣненія закона; напр., по ст. 203 уст. уг. суд. дѣло, поступившее на разсмотрѣніе окружнаго суда съ присяжными засѣдателями, не можетъ быть обращено къ производству въ мировомъ судѣ, а слѣд. и въ волостномъ судѣ, хотя бы оказалось, что дѣло подсудно послѣднему; по дѣламъ мировой юстиціи есть совершенно законный выходъ—примѣненіе къ вердикту присяжныхъ засѣдателей устава о наказ., по дѣламъ же волостной юстиціи этого выхода нѣтъ, такъ какъ временныя правила о вол. судѣ могутъ быть примѣняемы только этимъ судомъ, въ виду ихъ спеціальнаго значенія и своеобразной лѣстницы наказаній; по 207 ст. уст. уг. суд. всѣ соучастники подлежатъ высшему суду и, въ этомъ случаѣ, опять-таки, нельзя примѣнить 38 ст. врем. прав. о вол. судѣ къ тѣмъ изъ соучастниковъ, которые подлежатъ наказанію за простую кражу, подсудную волостному суду. Случаи того и другого рода, весьма нерѣдкіе въ практикѣ окружныхъ судовъ, разрѣшаются въ смыслѣ примѣненія къ такимъ дѣяніямъ подсудимыхъ устава о нак. нал. мир. суд., но такая практика, очевидно, противорѣчитъ основному принципу уголовной юстиціи, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію свыше мѣры, опредѣленной закономъ, и крайне несправедлива по отношенію подсудимыхъ, подвергаемыхъ, вмѣсто краткосрочнаго ареста, заключенію въ тюрьмѣ срокомъ до одного года (170 ст. уст. о нак.). Практика волостного суда по дѣламъ о мошенничествѣ можетъ дать поводъ къ заключенію, что или подобныя преступленія еще чужды нашему сельскому быту, или же волостной судъ не въ состояніи уяснить себѣ состава этого преступленія. По *всѣмъ* подобнымъ поступавшимъ на разсмотрѣніе съѣзда дѣламъ обнаруживалось, что предметомъ обвинительныхъ приговоровъ служили дѣянія, совершенно безразличныя съ точки зрѣнія уголовнаго закона, какъ-то: неисполненіе договоровъ о продажѣ домашняго скота, напр., продажа не тому, кому было обѣщано, со взятіемъ задатка, или безъ него, безразлично, а другому лицу, неточное исполненіе заказа и т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ волостной судъ обнаруживалъ суровость, не имѣющую, повидимому, никакого разумнаго основанія; такъ, напр., разсмотрѣвъ 4 дѣла по обвиненію деревенскими бабами крестьянина Б—а, красильщика въ томъ, что, взявшись окрасить имъ ткани въ довольно затѣйливые цвѣта, въ родѣ: табачнаго, голубаго-волнистаго и т. под., онъ окрасилъ ткани въ лиловый, просто

голубой, словомъ въ несоотвѣтствовавшіе желаніямъ заказчицъ цвѣта, волостной судъ приговорилъ несчастнаго Б—ва, въ сложности, къ 50 днямъ строгаго ареста и 40 ударамъ розогъ, независимо отъ нѣсколькихъ десятковъ руб., присужденныхъ съ него въ удовлетвореніе потерпѣвшихъ. По сущности говоря, совершенно непонятно, почему законъ отнесъ столь рѣдкое въ сельскомъ быту, но въ то же время столь тонкое по своему составу, преступленіе къ компетенціи волостного суда, тогда какъ болѣе простое и общепонятное преступленіе, какъ растрата и присвоеніе, этому суду неподсудно. По дѣламъ о самоуправствѣ волостной судъ впадаетъ въ такую же юридическую ошибку, наказывая всякое нарушеніе чужого владѣнія и распоряженіе чужою вещью, какъ своею; поэтому изъ 34 обвинительныхъ приговоровъ волостного суда съѣздъ вынужденъ былъ отмѣнить 30 за отсутствіемъ состава преступленія. Разрѣшеніе дѣлъ о нарушеніяхъ строительнаго устава трудно для волостного суда, потому-что этого устава, за отмѣною и исключеніемъ большинства статей, почти не существуетъ, и судъ долженъ блуждать, какъ въ потемкахъ. И только въ дѣлахъ о буйствахъ и личныхъ оскорбленіяхъ волостной судъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ и дѣйствуетъ вообще удовлетворительно, если не ставить ему въ укоръ нѣкоторой суровости въ наказаніи и наклонности совершенно игнорировать 138 ст. уст. о нак. о взаимности обидъ; такая наклонность вызываетъ въ насъ даже симпатію и можетъ свидѣтельствовать въ пользу того предположенія, что по дѣламъ объ обидахъ волостной судъ смотритъ на наказаніе не только съ точки зрѣнія личнаго удовлетворенія потерпѣвшаго, но и съ болѣе широкой, съ точки зрѣнія общественнаго интереса.

Итоги дѣятельности волостного суда, по дѣламъ съѣзда, представляются въ слѣдующемъ видѣ: изъ числа 437 рѣшеній по дѣламъ уголовнымъ отмѣнено или измѣнено 283, т.-е. около 65°/о, по дѣламъ гражданскимъ изъ числа 971 отмѣнено или измѣнено 502, т.-е. около 52°/о. Для волостныхъ судовъ смежнаго съ нами уѣзда цифры эти еще внушительнѣе: изъ 719 рѣшеній уголовныхъ отмѣнено или измѣнено 514 и изъ 1.116 рѣшеній гражданскихъ 797, т.-е. болѣе 71°/о.

VI.

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы отмѣчали недостатки волостного суда, обусловленные такими его свойствами, которыя могутъ быть названы органическими и не могутъ быть устра-

нены, пока представителями волостного суда будутъ являться люди изъ темной, невѣжественной массы, и воздерживались отъ указаній на тѣ непривлекательныя его стороны, на которыя, обыкновенно, ссылались противники волостного суда: на доступность судей всякимъ вліяніямъ, на пристрастность рѣшеній и т. п. Мы воздерживались отъ этихъ указаній потому, что такого рода явленія могутъ быть названы скорѣе случайными, нежели присущими волостному суду; обусловливаясь личными качествами тѣхъ или другихъ судей, эти явленія могутъ не встрѣчаться при иномъ личномъ составѣ и, наконецъ, хотя въ видѣ рѣдкаго исключенія, могутъ встрѣчаться и при всякой другой организаціи суда. Но теперь, когда неудовлетворительность волостного суда представляется очевидною и помимо этихъ явленій, мы не можемъ пройти молчаніемъ и этихъ явленій, далеко не чуждыхъ волостному суду въ настоящей его организаціи. Хотя благодаря надзору со стороны земскихъ начальниковъ личный составъ суда улучшился и съ внѣшней стороны отправленіе суда далеко отъ безобразій прежняго времени, но въ отношеніи самостоятельности судей и безпристрастности ихъ рѣшеній и теперь имѣется много неблагопріятныхъ условій. Теперь, когда судьи должны руководствоваться временными правилами, дополняемыми то-и-дѣло новыми циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ, которыхъ судьи не только не въ состояніи понять и примѣнять, но и прочитать (въ 4-мъ изд. временныхъ правилъ 1894 г. циркуляры занимаютъ мѣста въ четыре раза болѣе чѣмъ законъ), когда суду необходимо вести протоколы засѣданій и излагать мотивы рѣшеній, вліяніе волостного писаря стало гораздо значительнѣе, нежели въ прежнее время; а такъ какъ личный составъ писарей нисколько не улучшился, то и вліяніе ихъ не можетъ считаться для суда благотворнымъ. Затѣмъ, каждый болѣе или менѣе энергичный волостной старшина не упускаетъ случая проявить свое вліяніе, особенно, если онъ заручился довѣріемъ земскаго начальника, а иногда и соотвѣтствующимъ указаніемъ со стороны послѣдняго; такъ, напр., намъ извѣстенъ случай присужденія волостнымъ судомъ, подъ такимъ вліяніемъ, многихъ жителей одной деревни къ разнымъ наказаніямъ, до 10 дней ареста включительно, за совершенно невинное съ точки зрѣнія уголовнаго закона вареніе пива къ мѣстному празднику. Наконецъ, сами волостные судьи тѣ же люди съ человѣческими слабостями, симпатіями и антипатіями, съ тою лишь разницею, что, благодаря низшему уровню развитія, отвлеченное понятіе служебнаго долга имъ менѣе доступно, а вліяніе родства, знакомства, непріязни и

разныхъ житейскихъ соображеній сказывается въ нихъ сильнѣе. На бѣду самъ законъ (ст. 9 врем. прав. о вол. судѣ) не позаботился оградить судей отъ такихъ, совершенно естественныхъ, искушеній и воспрещаетъ судьѣ принимать участіе въ разрѣшеніи тѣхъ только дѣлъ, которыя касаются его самого, или неотдѣленнаго члена его семейства. Совершенно понятно, что судъ, поставленный въ такія условія, мало ограждающія его безпристрастіе, не можетъ не возбуждать нѣкоторой подозрительности въ лицахъ, имѣющихъ тяжбу съ кѣмъ-либо изъ близкихъ тому или другому судьѣ; указанія на пристрастность рѣшеній часто приводятся въ апелляціонныхъ жалобахъ и, можно думать, не всегда безъ основанія. Всѣ эти явленія еще болѣе ухудшаютъ состояніе волостного правосудія, и намъ совершенно понятно, почему въ то время, какъ интеллигентные люди колеблются въ разрѣшеніи вопроса о дальнѣйшей судьбѣ волостного суда, народъ относится къ нему вообще отрицательно.

Заканчивая обзоръ дѣятельности волостного суда, мы должны сознаться, что весьма мало касались вопроса о значеніи обычнаго права въ практикѣ волостного суда, но это произошло не по нашей винѣ. Вопросъ о примѣненіи этого права очень занималъ насъ, ради него мы старались ознакомиться съ рѣшеніями до-реформеннаго волостного суда въ нашемъ уѣздѣ, но тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ и по сіе время остается для насъ открытымъ. Ни въ одномъ изъ рѣшеній мы не встрѣчали ссылки на какой-нибудь ясно формулированный обычай; что же касается выраженія: „руководствуясь мѣстнымъ обычаемъ", то оно встрѣчалось по преимуществу въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя представлялись явно незаконными; случалось, что различное разрѣшеніе тождественнаго спора сосѣдними волостными судами, а иногда и однимъ и тѣмъ же судомъ, но въ разное время, одинаково опиралось на мѣстный обычай, причемъ апелляторы, возражая противъ правильности рѣшенія, приводили доказательства разрѣшенія судомъ такого же спора въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Не было ни одного случая, когда бы кто-нибудь изъ тяжущихся сослался на какой-либо обычай, или же чтобы, по поводу заявленія апеллятора объ отсутствіи обычая, противная сторона настаивала на существованіи таковаго. Обыкновенно, по поводу выраженія: „руководствуясь мѣстнымъ обычаемъ", въ жалобахъ заявлялось, что ссылка на обычай есть выдумка волостного писаря. Требованія тяжущихся всегда сводились къ тому, чтобы споръ былъ разрѣшенъ по закону, который тяжущіеся, очевидно, противополагали произволу волостного суда. Такимъ образомъ на-

блюденія надъ практикою волостного суда приводятъ къ тому заключенію, что ни въ народѣ, ни въ волостныхъ судьяхъ нѣтъ сознанія о какихъ-либо опредѣленныхъ обычаяхъ, въ смыслѣ нормъ для разрѣшенія одинаковыхъ по своему характеру случаевъ, и что въ судебной дѣятельности своей волостной судъ, за невѣдѣніемъ закона, руководится, въ лучшемъ случаѣ, стремленіемъ рѣшить дѣло по совѣсти и своему разумѣнію.

VII.

Въ общемъ выводѣ, современный волостной судъ представляетъ собою такое судилище, которое, будучи по своему невѣжеству и неразвитости далеко ниже возложенной на него задачи, не обладаетъ никакимъ другимъ критеріемъ для разрѣшенія дѣлъ, кромѣ совѣсти судей,—критерія, слишкомъ субъективнаго и неустойчиваго; законы волостному суду неизвѣстны и къ руководству не преподаны; обычаи же, выражающіеся, по преимуществу, въ стремленіи суда рѣшать дѣло, „глядя по человѣку“ и по обстоятельствамъ того или другого случая, сводятся, въ сущности, къ той же совѣсти судей; а самое судопроизводство представляетъ, рѣдкое по своей полнотѣ, отсутствіе всего того, что̀ всегда и вездѣ считалось необходимой гарантіею правильности и законности судебнаго рѣшенія. Такое судоустройство не можетъ, очевидно, способствовать ни водворенію законности, ни укрѣпленію имущественныхъ правъ: произволъ судей, хотя бы истекающій изъ добрыхъ побужденій, неизбѣжно порождаетъ необезпеченность правъ, поставленныхъ подъ охрану такого суда. Карательная власть, примѣняемая безъ всякаго соотношенія со степенью преступности того или другого дѣянія, одинаково поражающая и преступное, и непреступное, производитъ въ области уголовнаго правосудія совершенно нежелательное смѣшеніе понятій и путаницу. Само собою разумѣется, подобное положеніе народнаго суда продолжаться не можетъ. Г. Леонтьевъ, о которомъ мы уже упоминали, въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Журналѣ юридич. общества“ за 1894 г., кн. 9 и за 1895 г. кн. 1, предложилъ проектъ реформы волостного суда, въ основу которой положены два условія: кодификація обычнаго права и участіе въ коллегіи одного профессіональнаго судьи, въ качествѣ предсѣдателя. Такимъ образомъ, еще новый опытъ, какъ будто у насъ было мало опытовъ въ области юстиціи за періодъ менѣе 30 лѣтъ! Къ счастію, въ основѣ проекта лежитъ такое условіе,

благодаря которому производство опыта можетъ быть отсрочено ad calendas graecas: условіе это—кодификація обычнаго права. Къ условію этому авторъ проекта подходитъ довольно неожиданно, послѣ весьма пространныхъ разсужденій о томъ, что для сохраненія и развитія обычнаго права въ нашемъ крестьянствѣ не было благопріятныхъ условій, что обычное право не переступало границы мелкой сельской общины, развиваясь въ каждой общинѣ своеобразно, что обычно-правовой строй въ крестьянствѣ давно расшатанъ и обычаи быстро забываются подъ могучимъ вліяніемъ X тома, что въ народѣ нашемъ сознанныхъ и обобщенныхъ обычно-правовыхъ нормъ не имѣется и что защищать неприкосновенность обычно-правового строя крестьянской жизни могутъ только лица, незнакомыя съ современнымъ правовымъ положеніемъ крестьянства. Какимъ образомъ можно совершить кодификацію такого права, авторъ не поясняетъ, и потому остается неизвѣстнымъ, имѣетъ ли авторъ въ виду какой-либо обобщенный кодексъ, который, въ сущности, будетъ чуждъ обычаямъ каждой отдѣльной общины, или же партикулярные кодексы. При нашей неторопливости во всякихъ кодификаціонныхъ работахъ и при быстромъ, по мнѣнію автора, вымираніи обычно-правовыхъ нормъ въ народѣ, можно безъ особаго риска сказать, что желаемая г. Леонтьевымъ кодификація едва ли когда-нибудь осуществится. Но если бы, путемъ чуда, желаемый кодексъ явился на свѣтъ, то не явилось ли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще лишнее основаніе къ упраздненію волостного суда, который такъ же плохо будетъ примѣнять и толковать этотъ кодексъ, какъ и всякій другой; профессіональные же судьи получили бы въ немъ тѣ нормы, которыхъ мы тщетно ищемъ въ сознаніи волостныхъ судей. Другое условіе проекта также не можетъ быть признано удачнымъ. Предвидя серьезное возраженіе въ томъ, что возможно претвореніе коллегіальнаго суда народнаго въ единоличный судъ предсѣдателя (тамъ же, кн. I, 1895 г., стр. 87), авторъ проекта ставитъ этого предсѣдателя въ оригинальное положеніе судьи, который самъ не судитъ, толкуетъ законъ, руководитъ преніями, но голоса при рѣшеніи не подаетъ; хотя авторъ допускаетъ, и при такомъ положеніи, возможность со стороны предсѣдателя вліянія на мнѣніе судей, но онъ думаетъ, что это вліяніе будетъ помощью для судей, а не замѣною ихъ, и что случаи злоупотребленія своею властью будутъ рѣдки со стороны предсѣдателей. Не знаемъ, уразумѣютъ ли будущіе предсѣдатели судовъ предѣлы своей власти, но мы ихъ не понимаемъ; самъ же авторъ видитъ якорь спасенія для предсѣдателей отъ превышенія власти въ

стремленіи скорѣе спихнуть съ себя отвѣтственность за рѣшеніе дѣла, стремленіе, замѣченное авторомъ и въ практикѣ съѣзда по крестьянскимъ дѣламъ, которое мы, наоборотъ, усмотрѣли въ дѣятельности самихъ волостныхъ судей. Мы полагаемъ, что отъ руководимыхъ такимъ стремленіемъ предсѣдателей пользы правосудію будетъ мало, не говоря уже о томъ, что изъ такого положенія неустойчиваго равновѣсія предсѣдатели будутъ выводимы, въ сколько-нибудь спорныхъ случаяхъ, самими волостными судьями, которые, надо думать, отлично сознаютъ, что главнѣйшее препятствіе къ правильному разрѣшенію спора—ихъ темнота и невѣжество, и потому всегда будутъ добиваться мнѣнія предсѣдателя и подчиняться ему, если у нихъ не будетъ какихъ-либо постороннихъ соображеній; предсѣдатель же, выслушавшій дѣло не для того, чтобы спихнуть рѣшеніе его съ своей отвѣтственности, а чтобы правильно и законно рѣшить дѣло, и пришедшій къ извѣстному убѣжденію, едва ли будетъ въ силахъ скрыть отъ своихъ меньшихъ коллегъ это убѣжденіе, если они обращаются къ его помощи, и не постараться удержать ихъ отъ того неправильнаго рѣшенія, къ которому они склоняются. Надежда автора, что на роль такого предсѣдателя, несущаго на себѣ, въ сущности, обязанности секретаря при нѣсколькихъ волостныхъ судахъ, найдутся охотники между почетными мировыми судьями, слишкомъ опрометчива: въ должности этой мало почета и слишкомъ много хлопотъ и труда, въ тяжелой для интеллигентнаго человѣка обстановкѣ. Совмѣщеніе же этой должности съ должностью участковаго судьи едва ли возможно. Въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ уѣздовъ 25 волостныхъ судовъ съ 6 т. дѣлъ въ годъ, въ другомъ—18 съ 8 т. дѣлъ, при порядочныхъ разстояніяхъ и плохихъ дорогахъ; если допустить, что участковыхъ судей будетъ 5—6 на уѣздъ, — а предположенія коммиссіи не идутъ дальше, — то каждый судья долженъ будетъ, помимо своихъ непосредственныхъ обязанностей, предсѣдательствовать и секретарствовать въ 4—5 судахъ, съ количествомъ отъ 1000 до 1500 дѣлъ, при разъѣздахъ и крайне тяжелой обстановкѣ въ волостныхъ избахъ. Мы увѣрены, что каждому судьѣ было бы легче выполнить всю эту работу у себя въ камерѣ, такъ какъ убѣждены, что загадочность крестьянскихъ дѣлъ только мнимая.

Итакъ, лучше отказаться отъ новыхъ опытовъ съ волостнымъ судомъ. Обойтись безъ этихъ судовъ совершенно мы, конечно, не можемъ по недостатку средствъ и въ силу разныхъ внѣшнихъ условій нашего уѣзднаго быта, но слѣдуетъ низвести эти суды съ того мѣста, которое они, безъ всякаго основанія и ко вреду право-

судія, заняли. Слѣдуетъ не только вернуть ихъ къ прежней компетенціи, но даже и ограничить ее. Изъ числа уголовныхъ дѣяній нужно изъять изъ волостной подсудности: кражи, мошенничества и нарушенія уставовъ; изъ числа гражданскихъ—дѣла свыше 50 или 100 руб. и спорныя земельныя дѣла, въ которыхъ устойчивость и законность рѣшеній особенно важны, и, кромѣ того, ограничить компетенцію волостного суда лицами, постоянно проживающими въ селеніяхъ; затѣмъ дѣятельность судовъ поставить подъ контроль участковыхъ судей. Конечно, при ограниченіи волостной подсудности, должно отказаться отъ мысли о расширеніи сферы судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ. Эта дѣятельность не вызвала симпатій общества и на практикѣ оказалась мало удовлетворительной, какъ по отсутствію у этихъ должностныхъ лицъ надлежащей подготовки, такъ и по неблагопріятному вліянію на ихъ судебную функцію привычекъ чисто административныхъ: отсутствіе первой порождало много промаховъ, иногда конкуррировавшихъ съ промахами волостного суда, вторыя не всегда уживались съ необходимыми для судьи спокойствіемъ и безпристрастіемъ. Въ цифровыхъ итогахъ дѣятельность эта недалеко уходитъ отъ дѣятельности волостного суда и даетъ около 50% отмѣненныхъ и измѣненныхъ рѣшеній и приговоровъ (205 на 421); тогда какъ по дѣламъ мировой юстиціи за предшествовавшій трехлѣтній періодъ (1888 — 1890 гг.) изъ 668 было отмѣнено лишь 87, т.-е. 13%. Что соединеніе судебной власти съ административною неблагопріятно для первой изъ нихъ, можно вывести изъ сопоставленія результатовъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, бывшихъ мировыми судьями, съ ихъ предшествовавшею дѣятельностію; по извѣстному намъ уѣзду, рѣшенія этихъ лицъ, какъ мировыхъ судей, давали 13% (51 на 394) отмѣны, а какъ земскихъ начальниковъ—35% (60 на 169).

Предстоящая реформа юстиціи, предпринятая для достиженія высокой цѣли, чтобы „наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи", дастъ возможность отнести изъятыя изъ волостной подсудности дѣла къ вѣденію имѣющихъ быть учрежденными мѣстныхъ участковыхъ судей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, будетъ признано цѣлесообразнымъ сосредоточить въ вѣденіи этихъ же судей и тѣ судебныя дѣла, которыя вѣдаются нынѣ земскими начальниками, и тѣмъ устранить излишнюю пестроту и путаницу, затрудняющія для обывателей обращеніе къ суду. Мѣра эта послужитъ къ освобожденію земскихъ начальниковъ отъ работы, которая, хотя и не велика по количеству (въ нашемъ уѣздѣ на каждаго изъ нихъ приходится въ среднемъ менѣе 200 дѣлъ

въ годъ), отнимаетъ, однако, порядочно времени, по словамъ самихъ земскихъ начальниковъ, не бывшихъ ранѣе судьями, затрудняетъ ихъ своими формами и потому ставитъ ихъ иногда въ зависимость отъ своихъ письмоводителей. Лучшіе изъ земскихъ начальниковъ, добросовѣстно сознающіе свою неопытность въ судебномъ дѣлѣ, въ освобожденіи ихъ отъ судейскихъ обязанностей видятъ возможность отдать болѣе силъ и времени той административно-попечительной дѣятельности, которая выдвинута на первый планъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 12-го іюля 1889 г. о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи и которая составляетъ главное ихъ назначеніе. Сокращеніе судейской функціи могло бы быть возмѣщено расширеніемъ другихъ обязанностей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей, долженствующаго, по мысли Высочайшаго указа, быть цѣлью дѣятельности земскихъ начальниковъ, причемъ оказалась бы невозможною коллизія между этими чинами и другими, принадлежащими къ тому же министерству. Въ первые годы дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій много говорилось объ антагонизмѣ чиновъ судебнаго и административнаго вѣдомствъ при совмѣстной ихъ работѣ. Антагонизмъ этотъ, посѣянный и взращенный нѣкоторыми органами печатнаго слова, постепенно сглаживался по мѣрѣ того, какъ чины административнаго вѣдомства убѣждались, что ихъ коллеги отъ юстиціи не преслѣдуютъ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ служенія общему дѣлу и, обладая большею опытностію и свѣдѣніями въ судебномъ дѣлѣ, несутъ на своихъ плечахъ большую часть общаго труда; антагонизмъ этотъ нынѣ можетъ быть смѣло отнесенъ къ области преданій, хотя и недавнихъ. Но антагонизмъ, о которомъ говорили и писали гораздо меньше,—антагонизмъ между земскими начальниками и чинами уѣздной полиціи, не только не сгладился, но со временемъ обѣщаетъ и большее развитіе, такъ какъ объ исчезновеніи его, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи. Судебнымъ чинамъ и земскимъ начальникамъ дѣлить нечего,—тутъ все можетъ быть сведено къ личному и служебному такту, тогда какъ съ чинами полиціи земскіе начальники должны неизбѣжно сталкиваться на почвѣ народнаго благосостоянія, которое они призваны созидать и охранять, и на почвѣ ихъ административной власти.

Извѣстно, что взысканіе повинностей съ крестьянъ — самое больное наше мѣсто, и ничто не дѣйствуетъ такъ гибельно на медленно созидающееся народное благосостояніе, какъ неосмо-

трительная крутость мѣръ взысканія, могущая въ одинъ пріемъ подорвать въ корень благосостояніе того или другого лица. Въ то время, какъ земскіе начальники должны по возможности щадить пошатнувшіяся подъ вліяніемъ разныхъ невзгодъ хозяйства, чины полиціи, положеніе которыхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ успѣшности поступленія платежей, не призванные созидать народное благосостояніе и за него не отвѣтственные, входятъ неизбѣжно въ коллизію съ земскими начальниками путемъ понудительной продажи крестьянскаго имущества, влекущей обыкновенно разстройство хозяйства, и путемъ взысканій съ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, прямо подчиненныхъ земскимъ начальникамъ. Бережное отношеніе къ податнымъ силамъ и неукоснительное взысканіе податей не могутъ уживаться въ одномъ и томъ же лицѣ, и потому бываютъ случаи, что лицо сельскаго управленія, заслуживающее, по мнѣнію уѣзднаго исправника, кары, въ глазахъ земскаго начальника заслуживаетъ поощренія. Отсюда неизбѣжныя столкновенія, подрывающія въ глазахъ подчиненныхъ и населенія авторитетъ той и другой власти. До какой степени легко сталкиваются эти власти на почвѣ мѣропріятій, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій, лично извѣстный намъ, случай: одинъ изъ земскихъ начальниковъ, въ заботахъ о благосостояніи народа, всѣми мѣрами сокращалъ торговлю крѣпкими напитками, совѣтуя обывателямъ пить чай, полиція же описывала за недоимки и пускала въ продажу самовары, какъ предметы излишніе въ хозяйствѣ, и вотъ, почва для столкновенія готова. Очевидно, что одна изъ этихъ властей должна быть устранена отъ взысканія платежей, и цѣлесообразнѣе было бы поручить это дѣло земскимъ начальникамъ, подъ надзоромъ чиновъ министерства финансовъ, въ лицѣ податныхъ инспекторовъ. Освобожденіе же чиновъ уѣздной полиціи отъ этой, непріятной и скользкой для нихъ, обязанности дало бы возможность приступить къ болѣе правильному урегулированію дѣятельности этой полиціи, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ самъ собою долженъ выдвинуться при обсужденіи реформы слѣдственной части. Теперь на чиновъ уѣздной полиціи, становыхъ приставовъ, возложено все: и наблюденіе за порядкомъ, и взысканіе платежей, и дознаніе, и исполненіе судебныхъ рѣшеній; исполнить все какъ слѣдуетъ, они не въ силахъ и потому стараются дѣлать какъ можно менѣе, заботясь, чтобы только казенные платежи взыскивались строже и объясняя всѣ упущенія по другимъ обязанностямъ слишкомъ большой работою по взысканію повинностей. При освобожденіи ихъ отъ этой работы, получится возможность обратить дѣятельность чиновъ уѣзд-

ной полиціи, главнымъ образомъ, на дознаніе и розыскъ по уголовнымъ дѣламъ, такъ какъ, съ реформой мѣстной юстиціи, чины эти могли бы совершенно быть освобождены отъ обязанностей по исполненію рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. Такимъ образомъ, правильная постановка мѣстной юстиціи и сосредоточеніе въ ея рукахъ всѣхъ чисто судебныхъ функцій могли бы способствовать разграниченію и спеціализированію функцій тѣхъ или другихъ органовъ административной власти, сообразно ихъ прямому назначенію, и тѣмъ устранить, наконецъ, коренной недостатокъ нашей административной машины, части которой, не выполняя своего дѣла какъ слѣдуетъ, тормозятъ, а иногда и совсѣмъ парализуютъ дѣятельность другихъ частей.

В. Ефимовъ.

МУЖЪ

РАЗСКАЗЪ.

Евгеній Петровичъ Рахмановъ угрюмо шагалъ, заложивъ руки за спину, по мягкому ковру своего обширнаго, роскошно убраннаго кабинета. Онъ былъ, видимо, не въ духѣ. У него болѣла немного голова, да и желудокъ тоже начиналъ, какъ будто, пошаливать. Проходя мимо большого зеркала, вдѣланнаго въ каминъ и кругомъ увѣшаннаго рѣдкимъ, стариннымъ оружіемъ, онъ кидалъ въ него недовольные взгляды: ему казалось, что сегодня его лицо какъ-то особенно желто. Наконецъ, онъ рѣшительно остановился у самаго зеркала и высунулъ языкъ. Языкъ былъ такъ себѣ: не особенно плохъ, но и не хорошъ, съ бѣлымъ налетомъ посрединѣ. Рахмановъ недовольно поморщился, пожалъ насмѣшливо плечами и, отойдя къ письменному столу, опустился въ широкое кожаное кресло, на спинкѣ котораго былъ выжженъ гербъ рода Рахмановыхъ. „Прекрасно"!—думалъ онъ. „Теперь, вотъ, заболѣю...—Стоило для этого оставаться!"

Крупный петербургскій чиновникъ и богатый человѣкъ, Рахмановъ имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто брать отпускъ и уѣзжать заграницу. Доктора увѣряли, что для его желудка полезенъ и даже необходимъ Карлсбадъ. Рахмановъ охотно имъ вѣрилъ, такъ какъ, если Карлсбадъ самъ по себѣ представлялъ мало привлекательнаго, то за нимъ обыкновенно слѣдовали Парижъ, Біаррицъ, Ницца съ Монте-Карло, что было уже гораздо интереснѣе. Нынѣшнимъ же лѣтомъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ. Случилось это совсѣмъ неожиданно. Въ его министерствѣ подготовлялись большія преобразованія. Работы было много; тѣмъ не менѣе онъ думалъ, какъ всегда, взять отпускъ и уѣ-

хать. Но однажды вечеромъ на какомъ-то раутѣ, когда онъ въ разговорѣ о морскихъ купаньяхъ заявилъ, что ему Біаррицъ надоѣлъ и что нынѣшней осенью онъ предполагаетъ поѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто,—его принципалъ, находившійся тутъ же, сдѣлалъ очень удивленное лицо и, немного погодя, взявъ его подъ руку, отвелъ въ сторону. Тутъ онъ сказалъ, что намѣреніе Рахманова взять отпускъ въ такое горячее для работы время его крайне удивило, что, конечно, онъ его удерживать не можетъ; но что если Рахмановъ уѣдетъ, онъ будетъ себя чувствовать, какъ безъ правой руки. Рахманову, пріятно польщенному этими словами, къ тому же застигнутому ими врасплохъ, ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ заявить, что онъ останется. Но когда наступило лѣто, онъ все чаще и чаще сталъ жалѣть о данномъ обѣщаніи. Съ непривычки лѣтній Петербургъ дѣйствовалъ на него угнетающимъ образомъ. Его мутило отъ запаха извести и перегорѣлаго масла, которымъ въ жаркіе дни, казалось, насквозь былъ пропитанъ уличный воздухъ, онъ возненавидѣлъ самое слово „ремонтъ“ и строго приказалъ кучеру дѣлать какіе угодно объѣзды, лишь-бы миновать улицы, на которыхъ стояли рогатки. Кружокъ близкихъ знакомыхъ весь разъѣхался. Осталось всего-на-всего какихъ-нибудь два-три дома, но и въ нихъ теперь, почему-то, было очень скучно. Загородныя удовольствія тоже быстро надоѣли. У Рахманова все чаще стала появляться тяжесть въ головѣ и желудкѣ, и онъ захандрилъ.

Лучшее средство отъ хандры, какъ говорятъ, усиленная работа, но Рахманову и работалось плохо. А работалось ему плохо, вѣроятно, потому, что онъ не особенно вѣрилъ въ свое дѣло. То-есть, вѣрнѣе, онъ и вѣрилъ и не вѣрилъ. Когда голова была свѣжа и желудокъ работалъ исправно, Рахмановъ не только вѣрилъ, но и гордился своимъ дѣломъ. Онъ охотно повторялъ и даже умилялся, повторяя, что „судъ, во всеоружіи одной лишь правды и милости, является той правомѣрной силой, которая поддерживаетъ общественное равновѣсіе“. Но стоило ему захандрить, а желудку зашалить болѣе или менѣе серьезнымъ образомъ, и мысли Рахманова принимали совсѣмъ странное направленіе. Въ его отуманенную голову, какъ-будто, вселялся какой-то лукавый бѣсенокъ и начиналъ тамъ нашептывать разныя непристойныя рѣчи. „Судъ хорошъ—слова нѣтъ“, шепталъ бѣсенокъ; „но подумай, однако, не лучше ли было-бы, еслибы суда совсѣмъ не было? Приближать судъ къ народу недурно, конечно; но еще лучше, еслибы народу судъ совсѣмъ былъ ненуженъ. Что̀ такое, въ сущности, судъ? Узда. Полезно улучшать форму

и качество узды, разъ она необходима; но дѣятельность, направленная къ тому, чтобы дѣлать ее все менѣе нужной, куда полезнѣе. Беря широко, судъ имѣетъ дѣло со зломъ; но источниковъ зла судъ не уничтожаетъ, и въ этомъ его слабая сторона. Идеальное человѣческое общество должно отличаться отъ теперешняго не тѣмъ, что въ немъ число судей будетъ больше, чѣмъ число судящихся, а тѣмъ, что „тропинки, ведущія къ храму правосудія, зарастутъ и заглохнутъ окончательно". А извѣстное реченіе: „Не судите, да не судимы будете", — забылъ?—Да и вообще, имѣетъ ли право человѣкъ, или общество людей, судить и наказывать другого человѣка?" И бѣсенокъ, лукаво ухмыляясь, покидалъ голову Рахманова, оставляя въ ней ядовитый туманъ отъ такихъ еретическихъ и вздорныхъ мыслей. Но цѣли своей онъ вполнѣ достигалъ: у Рахманова опускались руки, и работа становилась ему противной.

Рахмановъ не любилъ этихъ мыслей: онѣ нарушали его умственное и нравственное равновѣсіе, и онъ старался въ нихъ не углубляться. Человѣкъ обезпеченный и нечестолюбивый, не карьеристъ, онъ всегда увѣрялъ себя и часто высказывалъ это другимъ,—что служитъ лишь потому, что твердо убѣжденъ въ той пользѣ, которую приноситъ своей дѣятельностью. Было бы крайне печально поэтому, еслибы онъ вдругъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ ошибался, что работа полъ-жизни пошла на вздоръ и пустяки и, вмѣсто призрачной пользы, приносила косвенный вредъ, такъ какъ лишила его возможности посвятить себя какой-нибудь другой, болѣе полезной дѣятельности. Рахмановъ чувствовалъ это, а потому терпѣть не могъ своихъ приступовъ хандры. Хорошо еще, что они случались рѣдко, чаще всего весной. Они служили лучшимъ указателемъ, что Рахманову пора освѣжиться. Этой весной, благодаря, вѣроятно, любезнымъ словамъ принципала, Рахмановъ чувствовалъ себя сравнительно бодро, и хандры не было; но зато теперь, словно желая наверстать потерянное время, она накинулась на него съ удвоенной силою, и вотъ, почти уже мѣсяцъ, что онъ не можетъ отъ нея избавиться.

Большіе бронзовые часы, изображавшіе группу Минина и Пожарскаго, пробили четыре раза. Рахмановъ встрепенулся. „Пора ѣхать", тоскливо подумалъ онъ.—„Что сегодня? Воскресенье... Значитъ, къ Обидинымъ... Тоска!" Онъ нервно поморщился. „Идіотъ Лоло, мой другъ Ольга Ивановна — тоже въ своемъ родѣ штучка... Херувимъ... Нѣтъ, не поѣду...—ну, ихъ совсѣмъ!" Онъ вытянулъ ноги и опять уставился въ стѣну. „Жизнь есть повинность: чѣмъ скорѣе ее отбудешь, тѣмъ лучше...

Такъ, что-ли? Но въ такомъ случаѣ... Онъ пощупалъ себѣ животъ. „Не позвать ли Эдуарда Францовича?"

Но вдругъ онъ подтянулъ ноги, и взглядъ его оживился. „Конечно, конечно!"—выговорилъ онъ, немного погодя, и кивая головой. „Не вьючное же я животное, въ самомъ дѣлѣ... Могу и заболѣть! А Эдуардъ Францовичъ не выдастъ." Онъ бодрымъ движеніемъ чиркнулъ спичкой, закурилъ папиросу, потомъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ. Теперь онъ весело улыбался, какъ ребенокъ радуясь своей выдумкѣ. Онъ вызоветъ своего домашняго врача, Эдуарда Францовича, который лечитъ и у принципала, попроситъ его зайти къ послѣднему и сказать, что состояніе здоровья его, Рахманова, таково, что требуетъ обязательно заграничной поѣздки, но что онъ и слышать объ этомъ не хочетъ, стѣсняясь даннымъ обѣщаніемъ не брать нынѣшнимъ лѣтомъ отпуска. Затѣмъ докторъ попроситъ принципала, чтобы онъ уже самъ на него повліялъ и заставилъ его ѣхать.

„Эдуардъ Францовичъ—умница, прекрасно все обдѣлаетъ!"—думалъ Рахмановъ, возбужденно шагая по комнатѣ.—„И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову?! Ха-ха-ха!"

Мысль провести начальство и такимъ путемъ добыть себѣ свободу радовала его, какъ школьника.

„И пусть остается съ одной рукой, а я больше не могу... И нечего медлить, сейчасъ же и напишу." Онъ быстро набросалъ на визитной карточкѣ нѣсколько словъ и позвонилъ.

— Снести сейчасъ же. Закладывать лошадей и давай одѣваться, —приказалъ онъ камердинеру. Потомъ, глубоко вздохнувъ, словно освободившись отъ большой тяжести, весело тряхнулъ головой и прошелъ въ уборную.

Мягко и безшумно катилась коляска по асфальту Фонтанки. Чуть прислонясь къ пружинамъ подушекъ — онъ не любилъ, когда разваливаются, — Рахмановъ съ удовольствіемъ прислушивался къ ровному и твердому стуку копытъ двухъ чистокровныхъ хрѣновскихъ, сѣрыхъ въ яблокахъ, рысаковъ, съ такимъ же удовольствіемъ смотрѣлъ на толстый, красный затылокъ и необъятную спину своего кучера Андрея, съ пріятною усмѣшкой поглядывалъ на празднично разодѣтыхъ прохожихъ, длинной вереницею тянувшихся къ Лѣтнему Саду. Онъ всецѣло еще находился подъ впечатлѣніемъ своей выдумки и будущаго отъѣзда и ему казалось, что все окружающее сочувствуетъ ему и радуется вмѣстѣ съ нимъ. Садясь въ коляску, онъ не выдержалъ и объявилъ Андрею, что скоро уѣзжаетъ.

— Лошадей тогда на траву поставить,—добавилъ онъ только для того, чтобы объяснить причину своего доклада объ отъѣздѣ, такъ какъ былъ увѣренъ, что Андрей и безъ его словъ очень хорошо знаетъ, что̀ ему дѣлать съ лошадьми. Андрей, упитанный красавецъ, съ черной окладистой бородою и вьющимися волосами, сказалъ: „слушаю-съ" и широко улыбнулся, и Рахмановъ понялъ, что и онъ ему сочувствуетъ.

Проѣзжая по набережной, Рахмановъ рѣшилъ, что подобной набережной, съ такой роскошью построекъ, такою рѣкой, нигдѣ нѣтъ; но Дворцовый мостъ его нѣсколько разочаровалъ. „Пора бы выстроить что-нибудь порядочное. И чего только дума думаетъ?" И усмѣхнулся, сообразивъ, что изъ сочетанія словъ: дума и думаетъ можетъ составиться недурной каламбуръ. „Во-первыхъ, можетъ ли дума думать вообще и безъ головы — въ частности?.. Впрочемъ, что-то въ этомъ родѣ я уже слышалъ".

На Каменноостровскомъ Андрей отдалъ вожжи, лошади начали забирать, и Рахманову стало еще веселѣе.

Два велосипедиста, ѣхавшіе впереди, дали себя нагнать и, убѣдившись, что съ такими лошадьми стоитъ потягаться, нажали на педали и понеслись. Рахмановъ глядѣлъ на нихъ съ интересомъ. Какъ человѣкъ, шедшій наравнѣ съ вѣкомъ, онъ сочувственно относился ко всякаго рода спорту, а къ велосипедному въ особенности. Онъ даже и самъ подумывалъ не разъ завести бициклъ, но его останавливала мысль, что въ его годы и при его положеніи въ обществѣ это покажется, пожалуй, смѣшнымъ. Но теперь, глядя на здоровыя, загорѣлыя лица ѣздоковъ, на ихъ увѣренныя, смѣлыя движенія, онъ рѣшилъ, что станетъ учиться ѣздить, какъ только попадетъ за границу. „Ѣздитъ же Петръ Петровичъ"—Петръ Петровичъ былъ директоромъ департамента, сослуживецъ Рахманова—„и ничего. А онъ постарше меня. И на службу и со службы—все на велосипедѣ. Для портфеля особое даже приспособленіе выдумалъ. На его мѣстѣ я бы себѣ только бороду обрѣзалъ, а то съ длинной бородою какъ-то, дѣйствительно, смѣшно".

Нѣкоторое время велосипедисты равнялись съ коляской, видимо ожидая, не пошлетъ ли кучеръ лошадей. Но Андрей не удостоивалъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ и держалъ ровный ходъ. Наконецъ, велосипедисты переглянулись, согнулись „въ три погибели" и сразу вырвались на нѣсколько саженъ.

Андрей презрительно скосилъ на нихъ глаза, но тоже не выдержалъ; чуть слышно прищелкнулъ языкомъ, передернулъ вож-

жами, и лошади такъ наддали, что коляску стало бросать во всѣ стороны. Еще немного—и велосипедисты начали отставать.

„Ну, вотъ это ужъ гадость!"—думалъ Рахмановъ, глядя на красное, потное лицо передняго велосипедиста, у котораго съ натуги вылупились глаза, а голова какъ-то странно и быстро двигалась. „И зачѣмъ это они такъ гнутся, и почему передній вертитъ головой, какъ пойманная утка? Совсѣмъ некрасиво!"

У поворота на Стрѣлку, Андрей сдержалъ лошадей и, повернувшись на козлахъ, съ презрительной усмѣшкой произнесъ:

— Ишь чего захотѣли? Перегнать! Куда имъ, куцымъ!

— Почему куцые? — спросилъ Рахмановъ, улыбаясь и невольно въ то же время думая: „такъ и меня, пожалуй, куцымъ называть будутъ".

Андрей что-то пробормоталъ себѣ въ бороду, неодобрительно качая головой, и потомъ, взглянувъ впередъ, проговорилъ уже другимъ голосомъ:

— Ольга Ивановна идутъ-съ.

Ольга Ивановна, узнавъ еще издали лошадей, дѣлала привѣтственные знаки зонтикомъ, а шедшій рядомъ съ ней офицеръ, увидѣвъ Рахманова, снялъ фуражку и тоже замахалъ ею.

Рахмановъ почувствовалъ, что въ сущности онъ радъ видѣть Ольгу Ивановну. Расправивъ по привычкѣ усы, онъ молодымъ движеніемъ выскочилъ изъ коляски и сталъ переходить аллею, на ходу снимая перчатку.

— Хорошъ, нечего сказать, а еще другъ!.. Un ami, qui n'a pas un brin d'amitié',—пѣвучимъ голосомъ говорила Ольга Ивановна, пока Рахмановъ увѣренно и неторопливо, повернувъ ея руку ладонью кверху, цѣловалъ ее въ маленькое отверстіе, не закрытое перчаткой. — Двѣ недѣли — ни слуха, ни духа! Даже Борисъ Владиміровичъ—она насмѣшливо кивнула на офицера— и тотъ соскучился. Предлагалъ мнѣ съѣздить и узнать, въ чемъ дѣло и живы-ли вы, наконецъ.

— Вѣрно, соскучился! Честное слово! — сказалъ офицеръ, весело улыбаясь и глядя въ упоръ на Рахманова сѣрыми, наглыми—какъ опредѣлялъ ихъ выраженіе Рахмановъ—глазами. Каждый разъ, какъ Рахмановъ видѣлъ Гжатскаго—такъ звали офицера—онъ вспоминалъ о Долоховѣ. Ему казалось, что у Долохова должны были быть именно такіе глаза. Но глаза Гжатскаго обладали и другою странностью. Какъ ихъ цвѣтъ не соотвѣтствовалъ цвѣту волосъ—Гжатскій былъ сильный брюнетъ — такъ и выраженіе ихъ рѣзко отличалось отъ общаго выраженія лица— очень моложаваго, красиваго, добродушнаго, даже наивнаго.

Сначала Рахманова удивляло это несоотвѣтствіе, но, узнавъ Гжатскаго короче, онъ понялъ, что обманывали не глаза, а лицо. Гжатскій далеко не былъ такимъ добродушнымъ, какимъ желалъ казаться, и глаза его выдавали.

— Ну, разсказывайте,—сказала Ольга Ивановна, взявъ Рахманова подъ руку.—Чтò вы все это время дѣлали и почему пропадали?

Рахманова обдало запахомъ Véra violette, которымъ, казалось, даже воздухъ, ее окружавшій, былъ пропитанъ.

— Томился, болѣлъ, хандрилъ!—отвѣтилъ онъ усмѣхаясь.

— Вотъ какъ! И теперь? Что-то незамѣтно.

Она внимательно его оглядѣла большими темными глазами, искусно подведенными, отчего они казались еще темнѣе и больше.

— Это оттого, что я надумалъ коварный побѣгъ... Только вы, смотрите, меня не выдавайте.

И онъ оживленно сталъ разсказывать о томъ, какъ онъ все это время плохо себя чувствовалъ и какъ, наконецъ, рѣшилъ надуть начальство и уѣхать. — „И представьте себѣ: только я это надумалъ, и хандру, какъ рукой сняло!“

— Рада за васъ, но жалѣю себя... И на кого вы меня, сиротинку, покидаете, какъ говорятъ у насъ въ деревнѣ?

Она крѣпче прижала руку Рахманова и съ нѣжностью на него взглянула.

Между Ольгой Ивановной и Рахмановымъ существовали не совсѣмъ обыкновенныя отношенія. Рахмановъ былъ знакомъ съ Ольгой Ивановной уже нѣсколько лѣтъ, зналъ, что онъ ей нравится и что стоитъ ему захотѣть, и она изъ области невиннаго флирта очень охотно перейдетъ на болѣе существенное. Хотя ее нельзя было назвать красавицей, но она была очень миловидна, а, главное, въ высокой степени обладала тѣмъ, чтò принято называть породой. Даже ея мужъ — Лоло — не обращавшій на нее, вообще, никакого вниманія, отдавалъ ей въ этомъ отношеніи должную справедливость и часто говаривалъ, что онъ положительно не знаетъ, кто породистѣе: его ли пара извѣстныхъ всему Петербургу выводныхъ, цвѣта Isabelle, жеребцовъ, или его жена?

И Рахманову Ольга Ивановна нравилась. Не особенно, конечно, —онъ не былъ въ нее влюбленъ,—но все же достаточно для обыкновенной свѣтской интриги. Но Рахмановъ обладалъ одной странной — для того общества, къ которому принадлежалъ — чертой характера. Онъ считалъ нечестнымъ ухаживать за чужими женами. Это было странно и несовременно, надъ этимъ много смѣялись, но это было такъ. Ольга Ивановна называла его своимъ другомъ,

сильно съ нимъ кокетничала,—что не мѣшало ей, конечно, имѣть и другихъ обожателей; а Рахмановъ, которому льстило, что имъ интересуется одна изъ самыхъ модныхъ женщинъ Петербурга, съ удовольствіемъ поддерживалъ такія отношенія, держась, однако, въ извѣстныхъ границахъ. И теперь, не отвѣчая на ея пожатіе, онъ, чтобы перемѣнить разговоръ, обратился къ Гжатскому:

— Ну, что у васъ новенькаго въ Красномъ?

— Да, ничего. Скука. Скоро маневры.

Но сегодня въ Ольгѣ Ивановнѣ чувствовалось что-то особенное. Она еще ближе прижалась къ Рахманову и, заглядывая ему въ глаза, томно выговорила:

— Не уѣзжайте! Еслибы вы знали, какъ вы мнѣ теперь, именно теперь, нужны...

Она на мгновеніе остановилась, словно что-то обдумывая.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала она рѣшительно, перемѣнивъ тонъ и возвысивъ голосъ: — мнѣ необходимо до вашего отъѣзда поговорить съ вами очень серьезно.

Она черезъ плечо взглянула на Гжатскаго, который шелъ сзади и разсѣянно билъ по воздуху хлыстикомъ.

Гжатскій добродушно улыбнулся, но глаза его очень ясно и дерзко отвѣтили:

— Ищешь защитника... Не боюсь! Все равно, такъ не отдѣлаешься.

Ольга Ивановна невольно поежилась. Ее за послѣднее время не на шутку начиналъ пугать этотъ „херувимъ съ глазами негодяя", какъ кто-то мѣтко прозвалъ Гжатскаго. Еще сегодня утромъ онъ сдѣлалъ ей грубую сцену, требуя уплаты довольно крупнаго карточнаго долга. Ольга Ивановна возмутилась. Положимъ, она сама была виновата. Она сама въ началѣ ихъ сближенія и въ разгарѣ страсти пріучила Гжатскаго къ подаркамъ, зная, что у него ничего нѣтъ, такъ что являлось загадкой, чѣмъ онъ живетъ и какъ можетъ служить въ полку, который считался довольно дорогимъ. Но за послѣднее время, поостывъ, она подарки эти прекратила, и вотъ теперь онъ уже требуетъ и, требуя, грозитъ. Ольга Ивановна только теперь начинала понимать, какъ мало похожъ Гжатскій на прежнихъ ея обожателей; она чувствовала, что этотъ „мальчишка"—какъ она называла его въ раздраженіи—способенъ на все и что разорвать съ нимъ будетъ совсѣмъ нелегко. Обыкновенная свѣтская интрига начинала принимать угрожающій характеръ, а главное, Ольгѣ Ивановнѣ рѣшительно не было къ кому обратиться ни за совѣтомъ, ни, въ случаѣ нужды, за помощью. Не къ мужу же въ самомъ дѣлѣ?! И

не потому нельзя было обратиться къ Лоло, что пришлось бы ему открыть свои отношенія къ Гжатскому—онъ ихъ зналъ, да и вообще они въ этихъ дѣлахъ другъ друга не стѣсняли, — а просто потому, что онъ, навѣрное, откажется отъ всякаго вмѣшательства, да еще ее же на смѣхъ подыметъ. Одну минуту Ольга Ивановна даже думала куда-нибудь уѣхать; но, къ несчастію, Лоло какъ разъ въ это время былъ увлеченъ какой-то француженкой изъ Аркадіи и наотрѣзъ объявилъ, что до окончанія сезона съ мѣста не двинется. Сегодня, увидѣвъ Рахманова, ей пришло въ голову, что онъ единственный человѣкъ изъ всѣхъ ея знакомыхъ, къ которому можно было обратиться по такому щекотливому дѣлу, на котораго можно было положиться вполнѣ, и она тотчасъ же рѣшила, на всякій случай, заранѣе подготовить почву.

— Всегда къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Рахмановъ, немножко удивленный серьезностью ея тона.—А что̀ супругъ?— прибавилъ онъ, подумавъ, ужъ не Лоло-ли тутъ замѣшанъ?

— Лоло... Что̀ ему дѣлается! Я его и не вижу. Благодаря близости Аркадіи да Ливадіи, совсѣмъ отъ дома отбился. Впрочемъ, сегодня дома и, кажется, даже приготовилъ вамъ сюрпризъ.

— Кулинарный? — спросилъ улыбаясь Рахмановъ, знавшій страсть Обидина придумывать необыкновенныя кушанья.

— Ну, конечно. Развѣ онъ на что другое способенъ!

Она презрительно пожала плечами и потомъ, словно продолжая вслухъ внутреннюю мысль, выговорила съ горечью:

— Да, мой другъ, скверно, очень скверно!

— Ну, полноте,—сказалъ Рахмановъ успокоительно.—И что̀ можетъ быть у васъ такого ужъ сквернаго?

— Увидите, увидите!—загадочно повторила Ольга Ивановна.— Только не теперь, потомъ... Смотрите,—перемѣнила она вдругъ тонъ.—Каковъ! Не вытерпѣлъ... Мечта, Мечта! — крикнула она громко.

Изъ калитки одной изъ дачъ выходилъ, лѣниво переваливаясь, Обидинъ, а за нимъ выскочила бѣлая, какъ снѣгъ, борзая и, услышавъ голосъ хозяйки, пулей бросилась къ ней.

— Смотри, Мечта, кто пріѣхалъ,—говорила Ольга Ивановна, указывая на Рахманова.

Мечта, выгнувъ спину и извиваясь туловищемъ, бросилась передними лапами на грудь къ Рахманову, стараясь лизнуть его въ лицо.

— А послѣ собаки я... Хо-хо-хо! Прочь, Мечта!

Раскатисто хохоча, Обидинъ заключилъ Рахманова въ объятія и звонко расцѣловался съ нимъ.

— Что же это, братецъ, ты насъ совсѣмъ забылъ? Не хорошо! не хорошо!

Обидинъ со всѣми своими знакомыми былъ на „ты“ и со всѣми цѣловался, хотя въ настоящихъ дружескихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ никогда не находился. Къ Рахманову, впрочемъ, онъ чувствовалъ особое расположеніе, потому, во-первыхъ, что Рахмановъ лучше кого бы то ни было умѣлъ цѣнить его обѣды и воздавать имъ должное, а во-вторыхъ, потому, вѣроятно, что Рахмановъ никогда не позволялъ себѣ надъ нимъ насмѣхаться и его вышучивать, что̀ постоянно дѣлали другіе его пріятели. Онъ, видимо, искренно былъ радъ пріѣзду Рахманова и, глядя на него почти съ нѣжностью, торжественно объявилъ:

— А какой я тебѣ сюрпризъ приготовилъ! У-у-у!.. Восторгъ!

Онъ вытянулъ толстыя губы и аппетитно ими причмокнулъ.

Ему было лѣтъ за сорокъ. Невысокаго роста, тучный и неуклюжій, съ одутловатымъ, нечистымъ лицомъ и маленькими, безцвѣтными глазками, — онъ былъ очень некрасивъ. Его отецъ, извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, оставилъ ему огромное состояніе. Обидинъ состоянія не растратилъ, такъ какъ былъ скупъ, хотя на женщинъ, лошадей и ѣду — денегъ не жалѣлъ.

— Знаю,—кивнулъ головой Рахмановъ. — Но что̀ именно?

Лоло кинулъ на Ольгу Ивановну недовольный взглядъ.

— Не выдержала, объявила... Охъ, ужъ мнѣ эти бабы!.. Такъ я тебѣ и скажу!.. Идемте, идемте, однако. Я нарочно вышелъ къ вамъ, чтобы вы не опоздали.

Обѣдъ, какъ всегда, былъ превосходенъ. Передъ каждымъ блюдомъ Лоло начиналъ тревожно посапывать и успокоивался, лишь отвѣдавъ его. Тогда онъ, широко улыбаясь, взглядывалъ на Рахманова. Послѣ совсѣмъ молоденькихъ, по воробью, куропатокъ, поданныхъ на гренкахъ и таявшихъ, какъ выразился Лоло, во рту, онъ выскочилъ изъ-за стола и скрылся. Черезъ минуту онъ вернулся, предшествуемый дворецкимъ, съ серебрянымъ блюдомъ въ рукахъ. Когда сняли крышку, комната наполнилась какимъ-то, совсѣмъ особеннымъ ароматомъ. Замѣтивъ нѣсколько удивленный взглядъ Рахманова, увидѣвшаго, что знаменитый сюрпризъ нечто иное, какъ обыкновенная шарлотта, Лоло возбужденно замахалъ на него руками.

— Тс-тс! Сначала попробуй, а потомъ говори!

И, наклавъ себѣ полную тарелку, взялъ немножко на ложечку, положилъ въ ротъ, закрылъ глаза—и тотчасъ же на лицѣ его расплылась блаженная улыбка. Потомъ онъ съ торжествующимъ самодовольствомъ взглянулъ на Рахманова.

— Ну, что?

— Превосходно! Очень, очень вкусно!

— Молодецъ, Лоло!—похвалила и Ольга Иваноана.—Je disais toujours qu'il a manqué sa vocation.

Волнуясь и махая руками, Лоло сталъ объяснять, какъ это дѣлается.

— О, очень просто! Сначала, конечно, гренки... au petit feu. Потомъ на сутки—въ шоколадъ, а затѣмъ—въ кофе, dans du mòkka... это, понимаешь, pour ôter le gout douceâtre du chocolat. Потомъ—ананасы... du jus d'ananas... Et le tout abondamment arrosé de marasquin. Et voilà! Pas plus malin que ça!.. Какъ только буду у Кюба, выучу его. Пусть преподнесетъ своему другу, испанцу. То-то обрадуется!

— Charlotte à l'Obidine,—сказалъ улыбаясь Рахмановъ.

— Ха-ха-ха! И сколько я уже ему такихъ блюдъ придумалъ! Честное слово, скоро начну требовать съ него деньги.

Подали кофе.

— Ну, теперь рюмочку „fine“ и сигару.

— Сейчасъ принесу, — сказалъ Лоло. Онъ кряхтя и отдуваясь всталъ и принесъ ящикъ съ сигарами.

— Новыя... Перемѣнилъ. Тѣ что-то быстро стали сырѣть. Ничего, недурны.

У Рахманова боль въ головѣ прошла, тяжести въ желудкѣ не было и онъ чувствовалъ себя прекрасно. Тонкій обѣдъ, отличныя вина, ароматъ хорошей сигары, а также не покидавшее его сознаніе скорой свободы, привели его въ то благодушное настроеніе, въ которомъ человѣкъ становится добрѣе, терпимѣе и... глупѣе. Совсѣмъ животное выраженіе лица Лоло, который весь ушелъ въ процессъ пищеваренія, разстегнулъ жилетъ и, закрывъ глаза, лѣниво попыхивалъ сигарой,—казалось ему только добродушнымъ. Онъ ясно видѣлъ, какъ рука Гжатскаго, долго искавшая подъ столомъ руку Ольги Ивановны, наконецъ, нашла ее, и какъ его глаза подернулись маслянистою влагой, отъ чего ихъ выраженіе стало еще противнѣе; но Рахманову казалось, что они глядѣли добрѣе. Онъ не могъ также не замѣтить, что сама Ольга Ивановна, не обращавшая на Гжатскаго въ началѣ обѣда никакого вниманія, теперь, послѣ стакана рауенталера и рюмки алькермеса, стала взглядывать на него все чаще и чаще, при чемъ взглядъ ея былъ какъ-то страненъ и тяжелъ, а на блѣдно-матовыхъ щекахъ появились красныя пятна. Все это Рахмановъ видѣлъ, и все это его не возмущало. Ему казалось, что все это простительно, ибо понятно. „Savoir c'est pardonner“ — думалъ

онъ, вдыхая ароматъ сигары, а потому его какъ ножемъ рѣзнуло, покоробило, какъ рѣзкій диссонансъ коробитъ музыкально настроенное ухо, — когда ни съ того, ни съ сего, такъ, изъ-за пустяковъ, между Лоло и Гжатскимъ произошла маленькая, но довольно рѣзкая стычка.

Зашелъ разговоръ о томъ, куда теперь ѣхать. Лоло, не открывая глазъ, промычалъ: „конечно въ Аркадію. Куда же больше?" Но Гжатскій предложилъ Крестовскій.

— Тамъ новая французская пѣвица — Théosine Marot, — объяснилъ онъ.—Замѣчательна... Я ее на-дняхъ видѣлъ. Бѣлоконскій говоритъ: лучше Ivette, въ ея жанрѣ, но лучше. А интереснѣе всего, что она, будто бы, совсѣмъ и не француженка, а русская... какая-то аристократка, разводка. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Бѣлоконскій. Онъ познакомился съ ея покровителемъ... какой-то грекъ, или жидъ изъ Одессы, и тотъ ему говорилъ...

— Ну, ужъ твой Бѣлоконскій,—недовольно перебилъ Лоло: —ему бы о собакахъ разсуждать, а не о пѣвицахъ. Много онъ понимаетъ! Ivette, Ivette—это сама поэзія! А если—русская, то ужъ, конечно, ни къ чорту не годится... Въ Аркадіи, по крайней мѣрѣ, есть что̀ смотрѣть, а эти новыя—всегда дрянь какая-нибудь.

— Говорятъ тебѣ, что я ее слышалъ. Очень хороша.

— Хороша! Хороша!—передразнилъ его Лоло. — Ты-то въ этомъ дѣлѣ уже совсѣмъ ничего не смыслишь.

Было очень понятно, почему Лоло тянуло въ Аркадію; но Гжатскій обидѣлся.

— Удивляюсь!—сказалъ онъ насмѣшливо.—Ты и безъ того днюешь и ночуешь въ Аркадіи. Могъ бы одинъ вечеръ и въ другомъ мѣстѣ провести. Или боишься, что трепку зададутъ?

Лоло покраснѣлъ, какъ ракъ, и глазки его злобно забѣгали.

— А тебѣ какое дѣло, гдѣ я днюю и ночую! — закричалъ онъ визгливо.—Прошу мнѣ такихъ замѣчаній не дѣлать. Вѣдь я не удивляюсь, что вотъ ты постоянно торчишь у меня въ домѣ, хотя это и удивительнѣе!

Гжатскій взглянулъ на него такъ, что Лоло мгновенно остылъ, сдержался и лишь прикусилъ губу.

Ольга Ивановна встала и сухо выговорила:

— Только этого недоставало! Ты уже начинаешь говорить своимъ гостямъ дерзости!

— Ну, полно, полно... Вздоръ!.. Вѣдь я пошутилъ... Извини, голубчикъ,—пробормоталъ въ конецъ струсившій Лоло.—Я, что

же? Мнѣ все равно. На Крестовскій, такъ на Крестовскій... Я сейчасъ распоряжусь, телефонирую ложу.

И очень довольный, что можетъ улизнуть, онъ вышелъ изъ комнаты. Но и потомъ онъ еще долго находился въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи, такъ что когда подали догъ-картъ, запряженный знаменитыми жеребцами, цвѣта Isabelle, онъ даже забылъ ими похвастать.

На Крестовскій они попали поздно, ко второму отдѣленію. По случаю праздника, народу было много, но особеннаго, праздничнаго. Они прошли прямо въ театръ. Вся публика была въ саду, и какой-то холодной пустотой вѣяло отъ зрительной залы.

Какъ только Рахмановъ очутился въ толпѣ, хотя и праздничной, но скучающей, какъ всегда, по будничному, а потомъ въ пустой, тускло освѣщенной, съ тяжелымъ, специфическимъ воздухомъ залѣ, — онъ тотчасъ же почувствовалъ, что его хорошее расположеніе духа начинаетъ портиться. Ему стало какъ-то тоскливо и не по себѣ. Передъ отъѣздомъ Ольга Ивановна и Гжатскій куда-то исчезали, и теперь Гжатскій былъ совсѣмъ какой-то особенный, не спускалъ съ Ольги Ивановны глазъ и все время передъ нею лебезилъ. Рахмановъ гадливо морщился и старался имъ не мѣшать. Когда началось представленіе, и на сценѣ появилась русская пѣвица, г-жа Данилова, уродливая, съ лошадинымъ лицомъ, и стала, кривляясь, объяснять, какъ ей было страшно въ первую ночь послѣ свадьбы, Рахмановъ подумалъ, что ея мужу должно было быть въ десять разъ страшнѣе; когда же, послѣ пѣвицы, на сцену, какъ сумасшедшіе, выскочили три какія-то личности — одна женщина и двое мужчинъ — и начали, подъ звуки оркестра, кувыркаться и неистово визжать,—Рахмановъ почувствовалъ себя такъ скверно, что хотѣлъ встать и уйти. Но въ это время Гжатскій посмотрѣлъ въ афишу и объявилъ, что сейчасъ выйдетъ Моро. Рахмановъ подумалъ, что надо же посмотрѣть новую знаменитость, откинулся на спинку стула и закрылъ глаза. Онъ открылъ ихъ подъ громъ аплодисментовъ. У рампы, сверкая брилліантами и обнаженнымъ тѣломъ, стояла женщина,—красивая, полная, въ короткой юбкѣ. У Рахманова упало сердце, и онъ, широко открывъ глаза, перегнулся черезъ барьеръ ложи. Оркестръ игралъ что-то однообразное и тягучее. Обнаженная женщина вызывающе улыбнулась и дрыгнула ножкой; потомъ, скрестивъ руки на животѣ, состроила постное лицо, опустила глаза и, поддѣлываясь подъ народный говоръ, запѣла:

„Je voudrais me confesser,
Môsieur le curé!..“

У Рахманова захватило дыханіе и помутилось въ глазахъ. Онъ тихо застоналъ и, чтобы не упасть, ухватился за стулъ Ольги Ивановны.

— Чтò съ вами, другъ мой? — испуганно спросила та, со страхомъ глядя на его измѣнившееся лицо и безсмысленно вытаращенные глаза.

— Голова болитъ... Нездоровится... На воздухъ... Извините... —пробормоталъ, не понимая, чтò говоритъ, Рахмановъ и, шатаясь, вышелъ изъ ложи.

Очутившись на воздухѣ, онъ нѣсколько разъ глубоко передохнулъ и, не слушая Гжатскаго, посланнаго за нимъ вслѣдъ перепуганной Ольгой Ивановной, большими шагами, почти бѣгомъ, словно за нимъ кто гнался, направился къ выходу.

Гжатскій проводилъ его изумленнымъ взглядомъ и, насмѣшливо пожавъ плечами, вернулся въ ложу.

„Но чтò теперь дѣлать? Чтò дѣлать?"—въ сотый разъ безсмысленно повторялъ Рахмановъ, безпокойно ворочаясь на мягкихъ пружинахъ матраца. Онъ рѣзкимъ движеніемъ сбросилъ съ себя одѣяло. Онъ весь горѣлъ, а голова—тяжелая, словно налитая свинцомъ — рѣшительно отказывалась думать. Мысли—безсвязные обрывки мыслей, безъ начала и конца—то появлялись, то исчезали, то, тѣснясь и мѣшая другъ другу, сразу наполняли голову, и отъ этой безтолковой суетни стучало въ вискахъ и голова болѣла все сильнѣе.—„Хоть бы заснуть!"—промелькнула совсѣмъ ясная мысль.—„Все равно, сегодня ничего не придумаешь"... И онъ, повернувъ подушку на свѣжую сторону, самъ перевернулся на другой бокъ. На мгновенье въ головѣ стало пусто, какъ въ котлѣ, изъ котораго выпустили клокотавшій паръ. Но вотъ раздались аплодисменты, сверкнули обнаженныя плечи и руки, заныло въ сердцѣ—и Рахмановъ понялъ, что заснуть ему не удастся. Онъ сѣлъ и открылъ глаза. Короткая лѣтняя ночь прошла, и въ комнатѣ, несмотря на спущенныя занавѣсы, стоялъ неопредѣленный полусвѣтъ.—„Je voudrais me confesser, môsieur le curé"—зазвенѣло въ ушахъ. Рахмановъ рѣшительнымъ движеніемъ спустилъ ноги и отыскалъ туфли. Обливъ голову холодной водой, онъ, какъ былъ, въ ночной рубашкѣ, заходилъ по комнатѣ... Мысли поуспокоились и перестали прыгать. Вдругъ онъ остановился, схватился за голову и съ отчаяніемъ выговорилъ: — „за что? за что?" И такъ ему стало себя жаль, что онъ чуть не заплакалъ. Онъ думалъ и вспоминалъ о томъ, чтò было 17 лѣтъ

назадъ, и чѣмъ больше думалъ, чѣмъ яснѣе припоминалъ, тѣмъ тяжелѣе и тоскливѣе становилось у него на душѣ.

„Да, за что? Теперь-то за что?! Не достаточно ли онъ настрадался тогда? Почти четыре года сплошного страданія... Вѣдь въ сущности счастливъ онъ не былъ совсѣмъ. Первые три-четыре мѣсяца послѣ свадьбы, да и то... А какъ только они пріѣхали въ Петербургъ—и пошло, и пошло! Она сразу обратила на себя общее вниманіе. Да и немудрено! Красота, умъ, особый лоскъ заграничнаго воспитанія, чудный голосъ, замѣчательный сценическій талантъ,—все соединилось въ этой женщинѣ, чтобы сдѣлать изъ нея какой-то маленькій кумиръ, предъ которымъ все и всѣ преклонялись. Онъ думалъ, женившись, поселиться въ деревнѣ, въ Петербургѣ они остановились проѣздомъ... Но проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, они не уѣзжали, а послѣ первой же зимы онъ перестал о деревнѣ и думать. Онъ не служилъ, никогда служить не намѣревался—и черезъ годъ поступилъ въ министерство. Все перепуталось, все смѣшалось. Они оба, съ головой, очутились въ какомъ-то водоворотѣ и безпомощно — по крайней мѣрѣ онъ—кружились въ немъ вплоть до... катастрофы. Сначала его радовалъ ея выдающійся успѣхъ; ему льстило быть мужемъ такой женщины, хотя по временамъ его и коробило отъ сознанія, что для всѣхъ окружающихъ онъ лично, самъ по себѣ, ничего не представляетъ, являясь лишь мужемъ своей жены.— „M-r Рахмановъ“, знакомили его съ какимъ-нибудь новымъ лицомъ. „Le mari de la belle m-me Rakmanoff, vous savez“... И послѣ такой обязательной прибавки, до той минуты равнодушное лицо новаго знакомца озарялось привѣтливой улыбкой, и первое холодное пожатіе руки тотчасъ же повторялось съ особенной горячностью. Однако, онъ скоро сталъ замѣчать, что если для постороннихъ онъ и продолжалъ оставаться мужемъ своей жены, то для нея самой онъ, мало-по-малу, какъ-будто совсѣмъ пересталъ существовать. Начать съ того, что они почти никогда не бывали вдвоемъ, развѣ только по ночамъ, да и то лишь въ первое время. Когда же, не будучи дольше въ состояніи выносить постоянныхъ выѣздовъ, онъ пересталъ всегда и всюду ее сопровождать,—они и по ночамъ перестали видѣться. Она пріѣзжала, когда онъ уже давно спалъ, а вставала очень поздно, когда онъ былъ уже на службѣ. Если же они оставались дома,— чтò случалось очень рѣдко,—то постоянно бывали гости. И какъ у себя, такъ и гдѣ-нибудь внѣ дома, она его положительно не замѣчала... Ему часто приходилось видѣть въ ея глазахъ удивленіе, когда онъ чѣмъ-либо обращалъ на себя ея вниманіе. Какъ

будто она совсѣмъ забывала объ его существованіи и потомъ, вспомнивъ, удивлялась.

Какъ-то разъ, возвращаясь изъ министерства, онъ прошелъ по набережной въ Лѣтній садъ и присѣлъ на скамейку противъ часовни. Вскорѣ онъ увидѣлъ ее. Она переходила набережную съ одной изъ своихъ дальнихъ родственницъ, пріѣхавшей на время изъ провинціи. Ихъ сопровождали человѣкъ пять-шесть мужчинъ. Они громко разговаривали и смѣялись; но, войдя въ садъ, кто-то изъ нихъ его замѣтилъ, сказалъ другимъ, и они притихли. Вѣроятно сказали и ей, такъ какъ она обернулась, какъ-будто удивилась, но даже не остановилась, а, кивнувъ небрежно головой, свернула въ боковую аллею. Онъ и теперь помнитъ, какъ онъ тогда весь вспыхнулъ и какъ ему стало обидно и горько. И такъ вездѣ и во всемъ. А онъ, любя ее, мучился, но терпѣлъ. Да ему больше и дѣлать-то было нечего. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могъ онъ сдѣлать? Увезти ее въ деревню, въ глушь? Но на какомъ основаніи, по какому праву? Она уединенной деревенской жизни не вынесла бы; а онъ не думалъ, чтобы женщина, выходя замужъ, теряла право на личную жизнь. Переѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто? Но вездѣ, гдѣ будутъ люди, будетъ общество,— вездѣ будетъ то же самое. Вся бѣда была въ томъ, что она его не любила, но помочь этому было невозможно. Иногда, впрочемъ, онъ не выдерживалъ и, пользуясь случайными минутами, когда они оставались вдвоемъ, совсѣмъ наединѣ, говорилъ ей, въ шутливой формѣ конечно, что она его совсѣмъ забыла, знать его не хочетъ. Но она удивлялась и отвѣчала усталымъ голосомъ— когда они оставались вдвоемъ, у нея всегда бывали усталые видъ и голосъ—отвѣчала, что онъ ошибается и что она его любитъ по прежнему. Хорошо еще, что у него не было поводовъ къ ревности. Въ этомъ отношеніи она держала себя безукоризненно, и ни одинъ изъ ея поклонниковъ и обожателей—а ихъ постоянно бывала то̀лпа—не могъ похвастаться оказаннымъ ему предпочтеніемъ. Впрочемъ, какъ-то разъ,—это было, кажется, на второй же годъ ихъ свадьбы,—ему показалось, что она заинтересовалась однимъ господиномъ. Онъ тотчасъ же ей объ этомъ сказалъ и прибавилъ, что хотя онъ и не считаетъ себя въ правѣ посягать на ея свободу, а потому, если она захочетъ съ нимъ разойтись, онъ силой удерживать ее не станетъ, но что обмана не допуститъ и, въ случаѣ чего, немедленно съ нею разстанется. Она отнеслась къ его словамъ очень серьезно, и отвѣтъ ея вполнѣ его удовлетворилъ. Она сказала, что въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть совершенно покоенъ; что, быть можетъ,

она, вообще, передъ нимъ нѣсколько и виновата, такъ какъ совсѣмъ лишена качествъ, необходимыхъ для тихой семейной жизни, но что измѣнить ему—она никогда не измѣнитъ; что по своему характеру она не можетъ жить безъ поклоненія, но что именно поэтому, слишкомъ дорожа вниманіемъ всѣхъ, она никогда не увлечется кѣмъ-либо однимъ. Она такъ серьезно и правдиво высказала это и такъ, казалось, вѣрно было то, что̀ она говорила, что онъ и тогда тотчасъ же успокоился, да и впослѣдствіи вѣрилъ ей безусловно. Тѣмъ не менѣе, не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этого разговора, какъ"...

Рахмановъ остановился и приложилъ руку къ сердцу, словно желая умѣрить его неровные и сильные толчки. „О, какъ онъ помнитъ тотъ ужасный вечеръ! Они должны были ѣхать на балъ; у него же до бала была назначена коммиссія, въ которой онъ состоялъ дѣлопроизводителемъ. Вдругъ, передъ самымъ его отъѣздомъ, она объявляетъ, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой и на балъ не поѣдетъ. „А у вась не очень затянется? Возвращайся поскорѣй. Я тебя буду ждать съ чаемъ". И такъ она это сказала, и такъ на него взглянула, что онъ, влюбленный, какъ въ первый день свадьбы, затрепеталъ отъ счастья. Въ министерствѣ его ожидала новая радость. Предсѣдатель коммиссіи прислалъ записку, что нездоровъ, и засѣданіе было отложено. Рахмановъ поспѣшилъ домой. Перепрыгивая ступеньки, вбѣжалъ онъ на лѣстницу и позвонилъ. Никто не отворяетъ. Онъ звонитъ еще и еще и, наконецъ, слышитъ шлепанье туфель: передъ нимъ—старуха няня, няньчившая его ребенкомъ и теперь жившая у него на покоѣ. „Да что̀ вы тутъ всѣ перемерли?—говоритъ онъ съ раздраженіемъ.—И сколько разъ я тебѣ повторялъ, чтобы ты двери сама не открывала!"

— А не отворила бы и до ночи прозвонилъ бы... Кому отворять-то, коли никого нѣтъ!—обиженно проворчала старуха.

— Какъ никого нѣтъ? Развѣ Мари всѣхъ сразу отпустила?

— Чего отпускать, коли самой-то нѣтъ. Сами ушли...

— Какъ нѣтъ? Гдѣ же она? Вѣдь она нездорова...—растерянно выговорилъ онъ.

— Нездорова!.. Нездорова!.. Какъ для кого! Для тебя нездорова, а для другихъ — нѣтъ, — продолжала ворчать старуха, съ трудомъ вѣшая тяжелую шубу.—Гдѣ она? Знамо—гдѣ... Къ полюбовнику ушла, къ тонконогому.

Любя до обожанія Рахманова и видя, какъ ему нелегко живется, старуха всей душой ненавидѣла его жену. Она и прежде

не разъ наговаривала на нее, но никогда еще не случалось ей высказываться такъ ясно и опредѣленно.

Рахмановъ затрясся, бросился къ ней и схватилъ ее за руку.

— Чтò ты сказала? Къ кому ушла? Повтори!—прохрипѣлъ онъ, стискивая ей руку.

— Да чтой-то ты, право! Христосъ съ тобой! Бить меня, что ли, хочешь?!—огрызнулась старуха, вырывая руку.—За что? За правду? А чья вина? Говорила я тебѣ, не давай ей поблажки... нашу сестру во-какъ держать надо. А ты что? Распустилъ нюни и знать ничего не хочешь, хуже бабы всякой. Попомни-ка, чтò я тебѣ въ томъ мѣсяцѣ сказывала: наживешь ты бѣды съ тонконогимъ. Такъ куды тебѣ! Затопалъ, раскричался. „Не смѣй такъ про нее говорить!“ Ну что же? Не смѣй, такъ не смѣй... А теперь—все едино. Не одна я вижу да знаю, а почитай ужъ весь городъ болтаетъ... Машка цѣлый день на улицѣ, все письма таскаетъ, за каждое письмо по пяти рублей отъ него получаетъ, богачкой сдѣлалась. Вечоръ говорила—увольняться хочетъ. „Довольно съ меня,—смѣется:—капиталъ нажила, будетъ!“ Какъ ты вечеромъ на службу, такъ она — хвостомъ верть, только ее и видѣли... А назадъ тонконогій самъ уже привозитъ въ санкахъ... И швейцара озолотилъ. „Ну, и баринъ!—говоритъ. Вотъ такъ баринъ!“ На приданое, слышь, дочкѣ наколотилъ. Теперь замужъ за чиновника отдаетъ.

Рахмановъ чувствовалъ, что у него кружится голова и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Старуха помолчала, потомъ подошла къ нему и, перемѣнивъ тонъ, голосомъ, въ которомъ звучала глубокая любовь и нѣжность, тихо выговорила:

— А ты не убивайся, родной... Полно, брось! Не стоитъ она того... Плюнь ей въ безстыжіе ея глаза, и полно!..

И своей костлявой старческой рукой она нѣжно гладила его по головѣ.

Рахмановъ собралъ всю силу своей воли и выпрямился.

— Ну, будетъ, няня,—сказалъ онъ тихо.—Я теперь пойду, а ты ее безъ меня не пускай... Слышишь, ни за что не пускай!

Онъ вышелъ на улицу чернымъ ходомъ и остановился у воротъ. Подъѣздъ былъ въ десяти шагахъ, и онъ увидитъ, когда они вернутся. Припомнивъ послѣдніе мѣсяцы, онъ уже не сомнѣвался, что няня сказала правду. Тонконогій, какъ называла его старуха, былъ извѣстный всему Петербургу богачъ, князь Терьховской. Какъ настоящій кутила, Терьховской терпѣть не могъ общества и нигдѣ не бывалъ, но объ его безумной роскоши и

тратахъ, объ его дикихъ выходкахъ, говорили всѣ. Познакомившись гдѣ-то случайно съ Марьей Григорьевной, онъ сразу измѣнилъ образъ жизни, какъ разсказывали, пересталъ совсѣмъ пить и сталъ бывать всюду, гдѣ бывала она. По цѣлымъ вечерамъ, самъ не танцуя, простаивалъ онъ въ бальной залѣ, не спуская съ Марьи Григорьевны жадныхъ, влюбленныхъ глазъ. Понятно, что всѣ это видѣли и всѣ объ этомъ говорили. Да и сама Марья Григорьевна часто повторяла, что ей на томъ свѣтѣ навѣрное зачтется спасеніе хоть одной погибавшей души, и что она не успокоится до тѣхъ поръ, пока окончательно не обратитъ его на путь истинный.

„Хорошо обращеніе!—думалъ Рахмановъ со злобой. —Путь истины — тасканіе по ночамъ къ любовнику!“ Онъ продолжалъ смотрѣть, не отрываясь, на ярко освѣщенный фонарями подъѣздъ. Улица была бойкая, и мимо Рахманова сновалъ народъ; но онъ никого не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Прошелъ, возвращаясь домой, его камердинеръ Акимъ,—съ нахальной рожей лакея изъ богатаго дома, съ сигарой въ зубахъ, и узнавъ барина, сначала остолбенѣлъ, а потомъ, какъ встрепанный, бросивъ сигару, скрылся подъ воротами. Прошмыгнула, виляя задомъ и поднявъ носъ кверху, горничная Маша; прошелъ, еле держась на ногахъ, поваръ Степанъ и около самого Рахманова, оступившись, громко выругался. Крашеная дѣвица, внимательно оглядѣвъ Рахманова, остановилась передъ нимъ и выговорила хриплымъ съ перепоя голосомъ: „душка-купчикъ, дай папиросу!“ И Рахманову тотчасъ же пришло въ голову, которая лучше: добывающая себѣ этимъ хлѣбъ, или же та, для которой это—жажда сильныхъ ощущеній, слѣдствіе праздной сытости?

Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро отодвинулся подъ тѣнь воротъ. Мимо него, нетерпѣливо подергивая натянутыми вожжами, проходилъ великолѣпный вороной рысакъ. Въ узкихъ санкахъ, плотно другъ къ другу, сидѣли офицеръ въ красной фуражкѣ и Марья Григорьевна. Правой рукой офицеръ обнималъ ее за талію и, близко склонившись къ ея лицу, что-то тихо говорилъ. Изъ фонаря брызнуло свѣтомъ, и Рахманову бросилось въ глаза умоляющее, приниженное, просительно-собачье выраженіе лица офицера. Марья Григорьевна качала медленно головой, и Рахмановъ услышалъ, какъ она громко говорила:

— Non et non! N'insistez pas, c'est inutile.

Санки остановились. Швейцаръ, очевидно, сторожившій, со всѣхъ ногъ бросился открывать полость. Марья Григорьевна, не оборачиваясь, вошла въ подъѣздъ.

А Рахмановъ былъ уже въ передней и съ остановившимся сердцемъ прислушивался къ постепенно замиравшему звуку колокольчика. Еще звонокъ—сильный, властный, нетерпѣливый,—гулко наполнивъ металлическимъ звукомъ всю комнату, больно рѣзнулъ по натянутымъ нервамъ. Рахмановъ подошелъ къ самой двери и, съ трудомъ преодолѣвъ сжимавшую горло судорогу, проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы напрасно звоните... Эта дверь закрыта для васъ навсегда.

— Ну что за вздоръ! Отворяй скорѣй! — раздался полунедоумѣвающій, полураздраженный возгласъ.

— Ступайте туда, откуда пришли; я васъ больше своей женою не считаю.

Нѣсколько мгновеній мертвой тишины; лишь слышно было, какъ у Рахманова стучало сердце. Потомъ—тихій, умоляющій шопотъ.

— Евгеній, ради Бога...

Рахмановъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Еще одно—казалось, послѣднее—усиліе воли, и голосъ его прозвучалъ рѣзко и отчетливо:

— Никогда!

За дверью послышался тихій стонъ; потомъ, какъ-будто, заглушенное рыданіе. Зашуршало платье... все тише, тише .. Хлопнула внизу дверь...

. . . .

Рахмановъ отдернулъ занавѣсъ и отворилъ окно. Свѣжей волной ворвался въ комнату утренній воздухъ. Рахмановъ нѣсколько разъ вздохнулъ полной грудью и, облокотясь на подоконникъ, положилъ голову на руки и закрылъ глаза.

„Какъ вынесъ онъ это тогда, когда даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, при одномъ воспоминаніи, сердце мучительно ноетъ и сжимается? Положимъ, и тогда было тяжело, охъ, какъ тяжело!“

Онъ смахнулъ рукой набѣжавшую слезу и сталъ смотрѣть на улицу. Подъ окномъ задорно чирикали воробьи. Городъ начиналъ просыпаться. Изъ-подъ воротъ вылѣзали дворники съ метлами.

„Ну, а потомъ что же было? Да ничего. Когда улеглось возбужденіе, нѣсколько утихли обида и злоба, онъ сталъ надѣяться, что она придетъ, объяснитъ, оправдается. Но она не только не шла, но даже не писала; а дней черезъ пять прислала за вещами. Объ этомъ ему сказала няня, оставшаяся у него един-

ственной прислугой, такъ какъ всѣхъ остальныхъ онъ тотчасъ уволилъ. Потомъ онъ узналъ, опять-таки, отъ няни, что она уѣхала за границу, а года должно быть черезъ два, старуха какъ-то разъ съ злорадствомъ объявила, что „та-то, безстыжая, и тонконогаго ужъ бросила“. Вскорѣ послѣ того, старуха умерла, и съ тѣхъ поръ онъ уже больше ничего о Марьѣ Григорьевнѣ не слышалъ. Три мѣсяца онъ никуда не показывался и никого не принималъ, и когда вышелъ въ первый разъ, былъ удивленъ тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ его встрѣтили. Затаенная зависть, и прежде скрывавшаяся подъ чувствомъ удивленія, которое невольно вызывала выдающаяся личность Марьи Григорьевны, теперь заработала съ особенной силою, и на нее лились потоки грязи и помой. Тѣмъ сильнѣе и по той же причинѣ жалѣли и ласкали его. Но онъ весь ушелъ въ работу и сталъ быстро двигаться по службѣ. Такъ шли года за годами, онъ успѣлъ уже забыть, что былъ когда-то женатъ, и вотъ почти черезъ семнадцать лѣтъ, эта женщина снова является и вторгается въ его жизнь, угрожая ему тѣмъ, чего онъ боится всего болѣе на свѣтѣ—стыдомъ и позоромъ.

Лицо Рахманова болѣзненно сморщилось. Онъ открылъ глаза и выпрямился. Внизу дребезжала разбитыми колесами извозчичья пролетка. Ночной извозчикъ распустилъ вожжи и клевалъ носомъ. Пьяная парочка—мужчина и женщина—обнявшись, покачивалась изъ стороны въ сторону подъ движеніе лошади. Толсторожій дворникъ, разставивъ ноги и скаля зубы, кричалъ товарищу:

— А ты ихъ, Өедоръ, метлой-то по спинамъ, по спинамъ! Хо-хо-хо!

Рахмановъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ темную глубь комнаты.

„Какой позоръ! Его жена—шансонетная пѣвица! Да, его жена... вѣдь она носитъ его имя и завтра же на афишѣ можетъ появиться, вмѣсто Théosine Marot, Марія Рахманова! Боже мой! Уже сегодня Гжатскій говорилъ: „не француженка — русская, разводка“... А пройдетъ какая-нибудь недѣля—и все откроется, всѣ будутъ знать, говорить... Покровитель... какой-то еврей, грекъ... Содержанка!.. Въ лѣтнемъ притонѣ, полуголая, задираетъ ноги и поетъ неприличныя пѣсни... Господи, Господи, какой стыдъ, какой ужасъ! Но что же дѣлать, что дѣлать?!“

Рахмановъ невольно поежился. Его начинала пробирать утренняя свѣжесть, да и безсонная ночь давала себя чувствовать: глаза его слипались, а голова рѣшительно отказывалась сообра-

жать. „Эхъ, все равно, до завтра... Сегодня ничего не придумаешь!"—рѣшилъ онъ, махнувъ рукой.

Онъ закрылъ окно, задернулъ занавѣсъ и легъ. Тягучій мотивъ, тоненькой струйкой, опять сдѣлалъ попытку пробраться въ сознаніе, но занялъ его лишь на мгновеніе.

Рахмановъ забылся тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ.

Ольга Ивановна не на шутку обезпокоилась внезапнымъ нездоровьемъ Рахманова и, вернувшись домой, написала ему записку, приказавъ снести ее утромъ пораньше.

Въ десять часовъ утра, камердинеръ Рахманова, старикъ Никифоръ, вошелъ, какъ всегда, въ спальню, открылъ занавѣсы, а потомъ принесъ кофе. На подносѣ лежала и записка Ольги Ивановны. Обыкновенно, при входѣ Никифора Рахмановъ просыпался; но на этотъ разъ, утомленный безсонной ночью, онъ продолжалъ спать. Никифоръ, которому посланный Ольги Ивановны почему-то объявилъ, что записка очень важная, пройдя въ сосѣднюю комнату—уборную, сталъ нарочно съ шумомъ передвигать умывальныя принадлежности. Рахмановъ открылъ глаза и увидѣлъ записку; но она ему ничего не напомнила. Онъ разсѣянно разорвалъ конвертъ, прочелъ и только тогда вспомнилъ. А вспомнивъ, тотчасъ же и очень ясно сообразилъ и то, какъ ему слѣдовало теперь поступить. И такъ было просто то, что̀ ему слѣдовало сдѣлать, что онъ даже удивился, какъ не надумалъ онъ этого вчера же. Очевидно, слѣдовало сдѣлать такъ, чтобы Марья Григорьевна тотчасъ же уѣхала, а главное, не появлялась больше на сценѣ. Но сдѣлать это,—такъ по крайней мѣрѣ казалось Рахманову,—было совсѣмъ нетрудно. Не было основаній предполагать, чтобы ее привязывало къ Петербургу что-либо особенное. Если она находила возможнымъ не посѣщать его семнадцать лѣтъ, то и на восемнадцатый можетъ легко его оставить. Ну, а въ случаѣ чего, если она заупрямится, не захочетъ, онъ ей заплатитъ и купитъ ея отъѣздъ, дастъ ей, сколько она потребуетъ, взявъ съ нея обѣщаніе, что она никогда въ Россію больше не пріѣдетъ или, по крайней мѣрѣ, не будетъ выступать на русскихъ сценахъ; даже, быть можетъ, поговоритъ съ ней о разводѣ. Разъ она перестанетъ носить его фамилію—все легче будетъ. А ему не все ли равно? Возьметъ вину на себя—вотъ и все. Но главное, сдѣлать это надо какъ можно скорѣе, сейчасъ же, чтобы она уже сегодня вечеромъ не пѣла. Если у ней контрактъ, неустойка—онъ заплатитъ. Все это

очень просто и легко, и не понимаетъ онъ рѣшительно, чего это онъ вчера такъ разволновался, почему видѣлъ какой-то ужасъ въ томъ, въ чемъ, въ сущности, ничего ужаснаго не было. Вотъ только времени терять не слѣдуетъ, а надо дѣйствовать скоро и рѣшительно.

Онъ быстро одѣлся, написалъ двѣ записки: одну—Ольгѣ Ивановнѣ, въ которой говорилъ, что чувствуетъ себя прекрасно и что извиняется за причиненное вчера безпокойство; другую—въ министерство, въ которой, наоборотъ, объяснялъ, что не совсѣмъ здоровъ, а потому придти не можетъ. Потомъ велѣлъ закладывать лошадей; но тотчасъ же передумалъ, послалъ за извозчикомъ—почему-то ему показалось болѣе удобнымъ ѣхать на извозчикѣ—и поѣхалъ на Крестовскій. Тамъ въ буфетѣ онъ узналъ, что госпожа Моро остановилась въ гостинницѣ „Франція" и велѣлъ себя туда везти. Дверь ему открыла не молодая горничная, француженка въ кокетливомъ бѣломъ чепцѣ и передникѣ. Она объявила: „que madame est encore au lit".

— Eh bien, j'attendrai,—сказалъ Рахмановъ, входя.

— Mais, monsieur...—запротестовала-было горничная, но вынутая Рахмановымъ пятирублевая бумажка ее успокоила.

— Et comment doi-je annoncer monsieur?—спросила она, внимательно оглядывая Рахманова быстрыми маленькими глазками.

Послѣдній на секунду замялся.

— Dites tout simplement, qu'un monsieur desire voir madame pour une affaire très grave et très urgente.

Введя его въ роскошно убранную гостиную, горничная вышла. Рахмановъ оглядѣлся и подумалъ: „цѣлое отдѣленіе, рублей на пятнадцать, двадцать въ сутки, не меньше. Должно быть, содержатель-то съ деньгами".

Гадливая усмѣшка скривила его губы. Онъ сѣлъ и еще разъ попытался провѣрить то, что̀ онъ чувствовалъ. Онъ немного боялся за себя. Какъ-никакъ, а онъ эту женщину когда-то любилъ. Да, любилъ... но теперь отъ прежняго чувства не осталось, конечно, и слѣда. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ спокоенъ и сразу поставитъ разговоръ на дѣловую почву. Онъ ей скажетъ...

И онъ сталъ мысленно повторять то, что̀ онъ сейчасъ будетъ говорить. Выходило просто, ясно и убѣдительно. Однако, когда въ сосѣдней комнатѣ раздался громкій возгласъ: „Eh bien, ma bonne, où l'avez vous fourré, votre beau ténébreux?" и Рахмановъ всталъ, сердце его быстро и сильно забилось, и онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ. Тогда онъ стиснулъ зубы, и глаза его приняли сердитое выраженіе.

Заколыхалась портьера, и, напѣвая что-то веселое, съ лицомъ улыбающимся и оживленнымъ, быстрыми, легкими шагами вошла Марья Григорьевна; но, увидѣвъ стоявшаго прямо противъ дверей Рахманова, оборвала пѣніе и отшатнулась.

— Ты?! Вы?!—вырвался у нея удивленный возгласъ. Она вспыхнула, сжала строго губы, и лицо ея словно окаменѣло.

— Вы, конечно, очень удивлены меня видѣть,—началъ Рахмановъ, натянуто улыбаясь.—Извините, что побезпокоилъ. Но мнѣ необходимо было съ вами переговорить объ одномъ очень важномъ и нетерпящемъ отлагательства дѣлѣ, и вотъ я... а потому мнѣ...

И онъ спутался и замолчалъ, въ конецъ смущенный пристальнымъ и холоднымъ взглядомъ ея большихъ темныхъ глазъ.

Лицо Марьи Григорьевны измѣнило выраженіе, глаза загорѣлись насмѣшкой и, небрежно кивнувъ головой, она выговорила улыбаясь:

— Ну, полноте, что̀ за извиненія!.. Entre vieux amis... Я, конечно, удивлена вашимъ посѣщеніемъ и въ особенности тѣмъ, какое можетъ вамъ быть до меня дѣло?—Она иронически подчеркнула послѣднюю фразу и продолжала, указывая на кресло:

— Однако, что же это мы стоимъ, какъ на торжественной аудіенціи! Присядьте и излагайте свое дѣло. Je suis toute oreille... Вы знаете, между прочимъ, мнѣ удивительно смѣшно себя слышать говорящей по-русски. Я такъ вошла въ свою роль кровной парижанки, что обыкновенно позволяю себѣ коверкать не болѣе десятка русскихъ словъ.

Она засмѣялась, но въ смѣхѣ этомъ звучали странныя нотки, а глаза ея смотрѣли какъ-то безпокойно.

Рахмановъ поморщился. Смѣхъ Марьи Григорьевны показался ему и дѣланнымъ, и главное, очень неумѣстнымъ.

— Я видѣлъ васъ вчера на Крестовскомъ,—началъ онъ хмурясь.—Вы, конечно, понимаете, до ка́кой степени мнѣ непріятно, что женщина, носящая мою фамилію, подвизается на подмосткахъ кафе-шантана. О вашемъ псевдонимѣ я не говорю; это, конечно, вздоръ. Нѣтъ тайны, которая не открылась бы, и не сегодня-завтра—всѣмъ будетъ извѣстно, кто вы такая. Мнѣ думается, что васъ здѣсь ничто особенно задерживать не можетъ, а потому я и рѣшилъ убѣдительно просить васъ оставить Петербургъ и, во всякомъ случаѣ, до отъѣзда на сценѣ больше не выступать.

Марья Григорьевна презрительно поджала губы. Рука ея быстро вертѣла кисточку отъ толстаго шелковаго шнура, которымъ стягивался ея розовый, отдѣланный кружевами, капотъ.

— Очень мило!—протянула она иронически.—Ну, а если я откажусь?

Рахмановъ взглянулъ на нее съ безпокойствомъ.

— Я рѣшительно не вижу, почему вы могли бы отказаться,— сказалъ онъ поспѣшно.—Могутъ быть затрудненія финансоваго, такъ сказать, свойства, но ихъ устраненіе я, само-собой, беру на себя. Затѣмъ, я отлично понимаю, что если вы исполните мою просьбу, то это будетъ съ вашей стороны въ нѣкоторомъ родѣ одолженіе, требующее соотвѣтственнаго... вознагражденія, на что̀ я вполнѣ готовъ. Назначьте сами ту сумму, которую вы желаете получить,—я сочту своимъ пріятнымъ долгомъ немедленно вамъ ее вручить.

Онъ попытался улыбнуться, но взглянулъ на Марью Григорьевну, и улыбка кончилась гримасой. Въ ея взглядѣ было столько холода и непріязни, что ему стало жутко.

— Прекрасно!—голосъ Марьи Григорьевны звучалъ насмѣшливо. — Вы желаете купить мой отъѣздъ, пожалуй, за крупную сумму?..—Она выжидательно пріостановилась, и Рахмановъ поспѣшилъ кивнуть головой.—Даже, быть можетъ, согласны назначить мнѣ извѣстное постоянное содержаніе, лишь бы я въ Петербургъ никогда болѣе не являлась?..—Рахмановъ опять кивнулъ.—Очень хорошо! Я счастлива знать, что въ вашихъ глазахъ я не только не потеряла своей цѣнности, но что теперь вы даже оцѣниваете меня гораздо дороже, чѣмъ семнадцать лѣтъ тому назадъ... Повторяю, я счастлива, я тронута и, тѣмъ не менѣе, отказываюсь самымъ рѣшительнымъ образомъ... Да, отказываюсь. Изъ Петербурга я не уѣду и на подмосткахъ кафе-шантана подвизаться буду.

— Но почему же? Боже мой, почему?—тоскливо вырвалось у Рахманова.

— А потому, что не желаю... Вотъ и все.

Она насмѣшливо пожала плечами и, откинувшись на спинку кушетки, нервно заиграла туфлей, выставляя маленькую красивую ногу въ розовомъ шелковомъ чулкѣ.

Рахманову опять стало мучительно страшно, какъ въ прошлую ночь. Онъ видѣлъ, что его желаніе придать вопросу объ отъѣздѣ Марьи Григорьевны чисто дѣловой характеръ не исполнилось и что въ дѣловой разговоръ вмѣшалось нѣчто совсѣмъ недѣловое, и что это „нѣчто“ грозитъ его попыткѣ полнымъ неуспѣхомъ. Онъ сидѣлъ совсѣмъ растерянный, опустивъ голову; но вдругъ вспомнилъ вчерашній вечеръ, ярко освѣщенную сцену, оголенную, кривляющуюся женщину—свою жену, и густая краска залила его лицо. Онъ вскочилъ и заговорилъ, волнуясь и сбиваясь:

— Послушайте... Видитъ Богъ, когда я шелъ сюда, я не желалъ касаться прошлаго... Но, если вы не хотите... не понимаете... Вы уже разъ меня опозорили... чтò я тогда изъ-за васъ выстрадалъ!.. Но тогда вы, вѣроятно, любили, увлеклись... все-таки, хоть какое-нибудь оправданіе... и Богъ съ вами, я не упрекаю... Но теперь, теперь-то за что?! Вѣдь это просто безсовѣстно, жестоко!.. И, главное, безцѣльно, совсѣмъ безцѣльно!

Онъ замолчалъ, перевелъ дыханіе и смотрѣлъ на нее негодующимъ взглядомъ.

— Безсовѣстно! Жестоко! — повторила Марья Григорьевна, вспыхнувъ, и глаза ея сверкнули. Но она тотчасъ же сдержалась и продолжала медленно и вдумываясь въ каждое слово:

— Можетъ быть, и безсовѣстно, и жестоко, но не безсовѣстнѣе и не болѣе жестоко, чѣмъ то, чтò вы со мной тогда сдѣлали.

Онъ всплеснулъ руками.

— Да чтò же я-то сдѣлалъ?! Вы завели себѣ любовника, и я же виноватъ?!

— Да, виноваты... И не правду вы говорите: у меня не было тогда любовника... Постойте, — остановила она его, готоваго возражать:—я васъ слушала, выслушайте и вы меня. Признаться, и я не хотѣла касаться прошлаго—уже очень оно несладко,—но разъ вы сами начали, извольте... Вы, вѣроятно, помните тотъ чудный вечеръ, когда вы меня не пустили къ себѣ. Не знаю, чтò вы могли тогда слышать или видѣть, чтобы рѣшиться на такую грубую, жестокую и, главное, ничѣмъ не вызванную мѣру. Вся моя вина заключалась лишь въ томъ, что я въ тотъ вечеръ каталась вдвоемъ съ Терьховскимъ... Вы можете мнѣ возразить, что и этого не слѣдовало дѣлать, что замужней женщинѣ и не подобаетъ кататься вдвоемъ съ молодымъ и влюбленнымъ въ нее человѣкомъ. Согласна. Но неужели это настолько серьезный проступокъ, чтобы за него слѣдовало выгнать жену, порвать съ ней совсѣмъ? А затѣмъ, подумайте, не найдется ли и для него оправданіе въ самой жизни, въ той жизни, которую я вела? Будьте справедливы и согласитесь, что я все же стояла нѣсколько выше того, чтò меня окружало, что въ сущности меня эта жизнь не удовлетворяла, что я задыхалась въ этомъ воздухѣ... Я знаю, вы можете мнѣ отвѣтить, что кто же въ этомъ виноватъ, что эта жизнь была вполнѣ моя, а не ваша, такъ какъ вамъ она была всегда въ тягость... Но чтò же изъ этого? Чтò предлагали вы мнѣ взамѣнъ ея? Жизнь въ деревнѣ? Экая, подумаешь, сладость! Все то же, съ добавленіемъ тоски одиночества...

Боже мой! Очень возможно, что того, чего мнѣ надо было, жизнь и вообще дать не могла, что я жаждала чего-то невозможнаго, что я, въ концѣ концовъ, принадлежу къ тѣмъ натурамъ, которымъ не слѣдовало бы родиться совсѣмъ... Не знаю, не знаю! Все можетъ быть... Я знаю только то, что тогда я задыхалась... И вотъ, я встрѣчаю человѣка, представлявшаго изъ себя, во всякомъ случаѣ, явленіе далеко не обыденное... въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ—это все равно, и этотъ человѣкъ въ меня влюбляется, влюбляется такъ, какъ способна влюбиться лишь одна его дикая, звѣриная натура, и при этомъ дѣлается совсѣмъ другимъ, перерождается, или даетъ надежду на полное перерожденіе. Очень понятно, что меня это занимало, что мнѣ пріятно было то огромное вліяніе, которое я надъ нимъ имѣла, что мнѣ хотѣлось довести начатое дѣло до конца. При этомъ мнѣ невольно пришлось выйти изъ границъ общепринятыхъ правилъ приличія... ходить, напримѣръ, съ нимъ вдвоемъ по вечерамъ гулять, кататься... Но вотъ и все. Онъ не только не былъ тогда моимъ любовникомъ, но, если вамъ интересно знать, совсѣмъ мнѣ даже и не нравился... Болѣе того, въ тотъ самый вечеръ, когда вы меня прогнали, я порвала съ нимъ окончательно. Я поняла, что настоящей полной перемѣны отъ него не добьюсь, что „какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“,—и въ этомъ отношеніи не ошиблась. Тѣ два года, что̀ я съ нимъ прожила потомъ, доказали мнѣ это вполнѣ. Къ тому же я прямо начинала уставать, какъ отъ него, такъ и вообще отъ той жизни... Вы не повѣрите, но я рѣшила ѣхать въ деревню и хотѣла вамъ это объявить,—помните, за тѣмъ чаемъ, съ которымъ должна была ждать вашего возвращенія изъ министерства... А вмѣсто того... Повторяю, я не знаю, что̀ вы тогда подумали... Вы могли разгорячиться, выйти изъ себя, дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ. Это я поняла бы и такъ себѣ, уходя, и сказала: „завтра опомнится, и все объяснится“. Я переночевала въ гостинницѣ и на слѣдующее утро явилась къ вамъ. Ваша милая Ксенія—вотъ также не могла никогда понять, за что эта женщина меня такъ ненавидѣла—не отворила мнѣ даже дверей и объявила, что васъ нѣтъ дома, а меня пускать не велѣно. Я знала, что это не правда, т.-е. что вы дома, такъ какъ мнѣ это подтвердили и швейцаръ, и дворникъ; но дѣлать было нечего, я ушла. Вечеромъ зашла опять и получила такой же отвѣтъ. Тогда я стала писать. Я клялась вамъ, — о, какъ мнѣ стыдно теперь этихъ клятвъ и этихъ писемъ!—клялась, что не виновата, объясняла вамъ, какъ все было, умоляла извинить мнѣ тѣ вечернія прогулки, предла-

гала уѣхать въ деревню или куда угодно,—словомъ, унижалась передъ вами безконечно—и отвѣта не получила. Тогда я написала второе, третье письмо. Все тоже отвѣта нѣтъ. Между тѣмъ, положеніе мое было ужасно. Въ гостинницѣ, безъ копѣйки денегъ, не имѣя рѣшительно никого, къ кому могла бы обратиться... И вотъ я отправила вамъ четвертое и послѣднее письмо. Въ немъ я говорила, что разъ вы не желаете меня принять обратно, мнѣ ничего не остается больше, какъ покориться; но что надо же мнѣ чѣмъ-нибудь жить, что денегъ у меня нѣтъ и взять ихъ неоткуда; что вамъ слѣдовало бы, хотя на первое время, дать мнѣ возможность существовать, назначить мнѣ хоть какое-нибудь содержаніе. На этотъ разъ я отвѣтъ получила—отвѣтъ, вполнѣ достойный честнаго и порядочнаго человѣка! Пришла ваша Ксенія и объявила, чтобы я писать вамъ больше не трудилась, такъ какъ вы ни одному моему слову не вѣрите; насчетъ же денегъ, могу, молъ, обратиться къ своему любовнику, который достаточно богатъ, чтобы меня содержать... Тогда же она привезла кое-какія мои вещи—разныя тамъ тряпки, ничего цѣннаго—и была, кажется, очень обижена, что я за это ее не поблагодарила. Послѣ этого, я нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы цѣлыя сутки продумать, нѣтъ ли мнѣ какого другого выхода, кромѣ того послѣдняго, прибѣгнуть къ которому, хотя и по вашему совѣту, казалось мнѣ ужаснымъ. Ничего не придумала... и пошла къ Терьховскому.

Марья Григорьевна замолчала и прикрыла глаза рукой. Она дышала быстро, неровно и, видимо, старалась овладѣть охватившимъ ее волненіемъ.

Рахмановъ, сидѣвшій все время съ низко опущенной головой, рѣшилъ наконецъ ее поднять и смотрѣлъ теперь на Марью Григорьевну какимъ-то страннымъ, совсѣмъ потеряннымъ взглядомъ. Онъ все время слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ, со жгучимъ любопытствомъ, хотя каждое ея слово жгло его, какъ каленое желѣзо.

Вдругъ Марья Григорьевна порывисто встала и подошла къ нему. Онъ встрепенулся и также вскочилъ.

— И послѣ всего этого вы еще смѣете упрекать меня въ жестокости!—выговорила она звенящимъ голосомъ.—Да что же вы за человѣкъ?! Безъ сердца, безъ совѣсти, способный на всякую низость, лишь бы не явиться смѣшнымъ въ глазахъ такихъ же пошлыхъ людишекъ, какъ онъ самъ! Ну, знайте: я кафе-шантанная пѣвица, я — содержанка, но могу съ полнымъ правомъ сказать вамъ въ лицо, что я васъ презираю!

— Какой ужасъ, какой ужасъ!—простоналъ Ра́хмановъ, втягивая голову въ плечи, словно въ ожиданіи удара. Онъ схватилъ шляпу и смотрѣлъ на Марью Григорьевну умоляющимъ страдальческимъ взглядомъ. — Теперь я не могу, не въ состояніи... Простите...—и повернувшись, быстро вышелъ изъ комнаты.

Во взглядѣ Марьи Григорьевны мелькнуло какъ-будто удивленіе. Съ минуту она стояла неподвижно; но потомъ брови ея нахмурились, губы сердито сжались и, словно отвѣчая на внутреннюю мысль, она выговорила съ негодованіемъ:

— О, какъ люди гадки, гадки!

Рахмановъ не замѣтилъ, какъ добрался дò-дому. На него такъ подѣйствовало объясненіе съ Марьей Григорьевной, что въ первую минуту онъ совсѣмъ растерялся и ничего не могъ сообразить. Даже ея послѣднія, оскорбительныя для него слова произвели на него мало впечатлѣнія, какъ-то по немъ скользнули. Суть была, конечно, не въ нихъ, а въ томъ, что когда онъ ей говорилъ, что его дверь передъ ней закрыта навсегда, она не была любовницей Терьховскаго, а, слѣдовательно, не была и виновата; въ томъ, что не она его бросила, а онъ ее прогналъ; въ томъ, наконецъ, что своими тогдашними дѣйствіями онъ толкнулъ ее на путь разврата, на ту дорогу, которая и привела ее къ тому, чтò она теперь. Ни тѣни сомнѣнія не было въ немъ, когда онъ ее слушалъ, не сомнѣвался онъ и теперь, что она разсказала сущую правду. Во-первыхъ, ей не было никакой выгоды лгать и притворяться, да она и вообще никогда не отличалась лживостью; а, затѣмъ, все, чтò она говорила, было очень вѣроятно, должно было происходить именно та́къ, ка́къ она разсказывала. Въ сущности, какія данныя были у него тогда, чтобы утверждать, что она любовница Терьховскаго? Слова няни о томъ, что она съ нимъ въ перепискѣ, что они по вечерамъ видаются, что онъ привозитъ ее домой. Она и сама это говоритъ. Что же касается до ея прихода на слѣдующій день и до писемъ, то очень ясно, что это дѣло рукъ няни, которая, изъ-за любви къ нему, старалась, какъ могла, препятствовать возможному возстановленію прежнихъ отношеній.

„И, вотъ, къ чему можетъ привести иногда любовь!“ думалъ съ горечью Рахмановъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, заложивъ руки за голову и уставившись глазами въ одну точку. Теперь онъ немного успокоился, но чувствовалъ себя очень странно. Онъ понималъ, что въ сущ-

ности онъ не виноватъ. Онъ помнилъ, какъ ждалъ тогда и надѣялся, что Марья Григорьевна придетъ, объяснитъ, сознавалъ очень ясно, что, получи онъ хотя одно изъ ея писемъ, онъ непремѣнно простилъ бы ее. Упрекать себя въ жестокости онъ, по справедливости, не могъ. Но, съ другой стороны, кто же, какъ не онъ виноватъ въ томъ, что̀ случилось? Все вышло изъ-за того, что онъ ее тогда не пустилъ. Онъ не зналъ того, что̀ знаетъ теперь, а потому и не могъ предполагать, что его возбужденіе и горячность поведутъ къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Онъ ошибся, но ошибка эта сгубила чужую жизнь, а теперь перепутала и смѣшала его собственную. Семнадцать лѣтъ онъ считалъ себя жертвой чужой низости, семнадцать лѣтъ высоко носилъ голову, въ сознаніи собственной честности и благородства, и вдругъ, все перемѣшалось. Оказывается, что эти семнадцать лѣтъ были сплошнымъ недоразумѣніемъ, что въ основаніи ихъ лежала ложь, хотя и не сознательная, что, слѣдовательно, онъ не имѣлъ права жить такъ, какъ жилъ. Почва, на которой до сего времени онъ такъ твердо стоялъ, теперь ушла изъ-подъ его ногъ, провалилась. Надо было что-нибудь сдѣлать, найти какую-нибудь точку опоры, и онъ это хорошо чувствовалъ. Но что̀ слѣдовало ему сдѣлать, чтобы получить возможность снова жить та̀къ, ка̀къ онъ привыкъ, т.-е. въ согласіи со своей совѣстью и разумомъ, онъ не зналъ. Мгновеніями, его сознаніе озарялось проблесками какой-то странной, необычайной мысли, но проблески эти были еще такъ смутны и неясны, что уловить ихъ, остановить Рахмановъ никакъ не могъ. Впрочемъ, теперь онъ не особенно объ этомъ старался. Вдумываться въ свое положеніе ему мѣшало другое чувство. Еще тамъ, у Марьи Григорьевны, когда она стала говорить о томъ, какъ не получала отъ него отвѣта на свои письма и какъ пошла къ Терьховскому, ему вдругъ стало такъ ее жаль, что онъ готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни и просить, умолять, чтобы она его простила. Онъ, вѣроятно, такъ бы и сдѣлалъ, не останови его послѣднія рѣзкія слова ея. Теперь же это чувство жалости, становясь все сильнѣе, захватывало его все глубже. Онъ жалѣлъ и, жалѣя, страдалъ, но, въ то же время, на душѣ у него становилось спокойнѣе, такъ какъ, хотя еще безсознательно, но онъ начиналъ понимать, что въ немъ, въ этомъ чувствѣ, лежало разрѣшеніе вопроса, что̀ ему дѣлать.

Рахмановъ походилъ теперь на человѣка, который, гуляя свѣтлой ночью по знакомой мѣстности, внезапно проваливается въ яму. Этой ямы тамъ прежде не было, и онъ, смущенный

неожиданностью паденія, ничего не видя въ окружающемъ мракѣ, думаетъ, что ему оттуда не выбраться. Но приходитъ утро, становится свѣтлѣе, и онъ, успокоившись, начинаетъ понимать, что ему выйти удастся, но лишь тогда, когда станетъ совсѣмъ свѣтло. И въ душѣ Рахманова свѣтъ и тьма еще боролись, но онъ уже чувствовалъ, что мракъ начинаетъ разсѣиваться и что онъ скоро пойметъ, чтò ему надо дѣлать.

Рахмановъ взглянулъ на часы и вскочилъ. Онъ почувствовалъ безпокойство, почувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать, что его куда-то тянетъ. Но лишь только онъ понялъ, куда именно его тянетъ, онъ разсердился и сказалъ себѣ очень рѣшительно, что это глупо, дико и ни съ чѣмъ не сообразно. И только-что онъ это себѣ сказалъ, какъ на него опять напала тоска и защемило въ сердцѣ. Нѣкоторое время онъ стоялъ въ нерѣшительности, но потомъ, грустно улыбнувшись, махнулъ рукой и велѣлъ запрягать лошадей.

Первый, на кого онъ наткнулся на Крестовскомъ, былъ Обидинъ. Лоло встрѣтилъ его очень шумно и засыпалъ вопросами объ его здоровьѣ, потомъ удивился, зачѣмъ онъ сюда попалъ.

— Неужели и тебя, неуязвимаго, пробрало? Но вѣдь ты ее, кажется, совсѣмъ и не слышалъ... Но что за восторгъ! Вотъ такъ женщина! Ты знаешь,—онъ съ таинственнымъ видомъ наклонился къ Рахманову,—меня Бѣлоконскій обѣщалъ съ нею сегодня познакомить... Послѣ спектакля поѣдемъ съ ней ужинать... Не хочешь ли и ты съ нами, а?

Рахмановъ недовольно отмалчивался. Ему очень хотѣлось быть одному, и онъ сказалъ, что пойдетъ брать билетъ. Но отъ Лоло отдѣлаться было нелегко. Онъ взялъ Рахманова подъ руку и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, продолжая болтать.

— Ольга очень вчера насчетъ тебя безпокоилась... Она тоже отъ нея въ восторгѣ и хотѣла сегодня непремѣнно здѣсь быть. Но вдругъ къ завтраку является эта толстая дурища Щиглева и объявляетъ, что пріѣхала на цѣлый день. Да еще свою Ваву съ собой притащила... Ненавижу этихъ барышенъ. Нельзя совсѣмъ говорить. Чтò ни скажешь, все неприлично. Сегодня сталъ ей разсказывать про своихъ жеребцовъ, хотѣлъ изъ вѣжливости ее занять, понимаешь, а она, представь себѣ, какъ вспыхнетъ, да отъ меня въ садъ, прямо къ мамашѣ. А потомъ отъ Ольги цѣлая нахлобучка: и мужикъ-то я, и невоспитанъ и что мнѣ при порядочныхъ женщинахъ ротъ раскрывать не слѣдуетъ. А за что, подумаешь?! Ну я ей и обѣщалъ, что впредь этого слова

никогда употреблять не стану, а буду называть ихъ мужчинами. Мои выводные мужчины! Ха-ха-ха!

Рахмановъ хмурился все больше и больше. Онъ уже хотѣлъ объявить Лоло, чтобы тотъ уходилъ и оставилъ его въ покоѣ. Но въ самое это время стали звонить къ началу представленія, и Лоло, торопливо пожавъ ему руку, куда-то исчезъ. Войдя въ театръ, Рахмановъ увидѣлъ въ одной изъ ложъ француженку изъ Аркадіи, за которой ухаживалъ Лоло, а за ея спиной, въ глубинѣ ложи и самого Лоло. Рахмановъ прошелъ на свое мѣсто въ первомъ ряду, сѣлъ и весь ушелъ въ свои думы. И вдругъ ему стало страшно. И такъ силенъ былъ этотъ страхъ и такъ неожиданно и сразу былъ онъ имъ охваченъ, что онъ даже привсталъ, собираясь уходить. Однако, пересиливъ себя, остался и, судорожно повернувшись въ креслахъ, сталъ смотрѣть на сцену.

Какая-то очень полная дѣвица, въ короткой юбкѣ танцовщицы, старалась изо всѣхъ силъ доказать, что она очень легка и граціозна, но это ей плохо удавалось, публика не вѣрила и оставалась равнодушной къ ея прыжкамъ и улыбочкамъ. Послѣ нея появилась вчерашняя компанія кривлякъ, а когда и они ушли, Рахмановъ услышалъ, какъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ офицеръ, многозначительно и приготовляя руки къ хлопанью, сказалъ товарищу: „Ну, теперь Моро!“ Рахмановъ похолодѣлъ, сердце его упало, а потомъ сильно забилось, и онъ невольно закрылъ глаза. Когда онъ ихъ открылъ, Марья Григорьевна стояла у будки суфлера и, кокетливо охорашиваясь, играла большимъ китайскимъ вѣеромъ. Расширеннымъ, страдальческимъ взглядомъ смотрѣлъ на нее Рахмановъ и, словно повинуясь этому взгляду, Марья Григорьевна повернула къ нему голову. Глаза ихъ встрѣтились. Марья Григорьевна вспыхнула, и рука, державшая вѣеръ, задрожала. Но она быстро справилась. Губы ея сложились въ презрительную усмѣшку и, кивнувъ головой дирижеру, чтобы онъ началъ снова, такъ какъ она пропустила тактъ, она запѣла. Она пѣла что-то очень наивное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень неприличное, а лицо ея, въ особенности глаза, досказывали то, что высказать словами было уже совсѣмъ невозможно.

Жалость, жалость безъ конца охватила Рахманова. Сердце его сжималось отъ муки. Ему хотѣлось плакать, и въ широко открытыхъ ни на секунду не отрывавшихся отъ Марьи Григорьевны глазахъ стояли слезы. И, должно быть, въ его взглядѣ была какая-то особая сила, передъ которой нельзя было устоять, такъ какъ на самой серединѣ пѣсни Марья Григорьевна опять

къ нему повернулась. И вдругъ лицо ея болѣзненно задергалось, а голосъ, прозвенѣвъ на высокой нотѣ, задрожалъ и смолкъ, какъ оборванная струна. Она улыбалась какой-то безпомощной улыбкой, извиняющимся движеніемъ поднося руку къ горлу и, поклонившись публикѣ, повернулась и медленно удалилась. Дирижеръ сердито застучалъ палочкой. Оркестръ смолкъ. Публика съ недоумѣніемъ переглядывалась. На сцену вышелъ небольшого роста господинъ, еврейскаго типа, одѣтый въ черный сюртукъ, и объявилъ, что г-жа Моро, по внезапному нездоровью, пѣть не можетъ. Сверху послышалось шиканье, кое-гдѣ въ партерѣ захлопали.

Взволнованный, но уже не страдающій, немного растерянный, но съ блуждающей улыбкой на лицѣ, вышелъ Рахмановъ изъ театра, а вернувшись домой, еще долго не ложился спать, все ходилъ и думалъ. Когда же онъ, наконецъ, легъ, вопросъ о томъ, что̀ ему дѣлать, былъ рѣшенъ окончательно.

Утромъ, проснувшись, Рахмановъ опять увидѣлъ на подносѣ письмо. Почеркъ длинный и твердый показался ему знакомымъ, и онъ, вглядываясь въ конвертъ, старался угадать, отъ кого письмо. Вдругъ онъ покраснѣлъ и быстро разорвалъ конвертъ. Онъ узналъ почеркъ Марьи Григорьевны. Письмо состояло всего изъ нѣсколькихъ строкъ: „Успокойтесь. На сценѣ вы меня больше не увидите, а черезъ нѣсколько дней я и совсѣмъ уѣду. Надѣюсь, вы довольны?“

Рахмановъ еще разъ перечелъ написанное и усмѣхнулся. Доволенъ ли онъ? Съ одной стороны, конечно, доволенъ, но теперь ему надо совсѣмъ, совсѣмъ другого. И подумавъ, какая разница между тѣмъ, чего онъ хотѣлъ въ этотъ же часъ вчера, и тѣмъ, чего онъ желаетъ теперь, ему стало смѣшно на самого себя. „Можно ли повѣрить, чтобы желанія человѣка могли такъ измѣниться въ нѣсколько часовъ?!“

Не успѣлъ онъ отпить кофе, какъ Никифоръ доложилъ, что пришелъ курьеръ изъ министерства.

— Ихъ в—ву необходимо видѣть ваше п—во по важному дѣлу-съ. Просятъ непремѣнно побывать,—отрапортовалъ курьеръ, вытянувшись въ струнку.

„Его в—во, министерство, важное дѣло... какой вздоръ!“— думалъ Рахмановъ, съ любопытствомъ вглядываясь, словно видя въ первый разъ, въ давно знакомое глуповато-добродушное лицо курьера. „Навѣрное, и у него есть жена, дѣти; а онъ себѣ бѣгаетъ и также думаетъ, что дѣлаетъ что-то важное“.

— А жена у тебя есть?—спросилъ онъ вдругъ.

— Такъ точно, ваше п—во!

— И дѣти есть?

— Такъ точно, и дѣти есть.

— Ну, а жену свою ты любишь?

Курьеръ широко улыбнулся.

— Что ее любить-то, ваше п—во, вѣдь баба она... А, всячески, жалѣю.

„Жалѣю!.. И какъ хорошо: не люблю, а жалѣю. Да, да, именно—жалѣю... И какой онъ славный, симпатичный. Какъ это я его раньше не замѣчалъ".

— Ну, спасибо тебѣ, голубчикъ,—ласково улыбаясь произнесъ онъ.—Скажи его в—ву, что сегодня быть никакъ не могу.

Курьеръ сдѣлалъ оторопѣлое лицо.

— Какъ же такъ-съ?! всенепремѣнно приказали побывать... По важному, скажи, дѣлу-съ.

— Такъ, такъ и передай, голубчикъ: сегодня никакъ не могу... На́ тебѣ дѣтямъ на гостинцы.

— Бабѣ его радость будетъ,—сказалъ Никифоръ, по праву стараго слуги позволявшій себѣ иногда заговаривать съ Рахмановымъ.—Ужъ больно дѣтей у нихъ много: бѣдность одолѣла... А баба у него хорошая, старательная и ладно живутъ.

И старикъ грустно вздохнулъ.

„Вотъ кого спросить надо",—подумалъ Рахмановъ. Онъ вспомнилъ, что Никифоръ, женатый на второй женѣ, очень несчастливъ въ семейной жизни. Бабенка ему попалась взбалмошная, притомъ развратная. Говорили, что подъ пьяную руку она даже его поколачивала.

— Ну, а ты Дарью свою любишь?—спросилъ онъ.

Никифоръ, собиравшійся уносить кофе, остановился и подозрительно взглянулъ на барина. Онъ подумалъ, что Рахмановъ задалъ ему этотъ вопросъ въ насмѣшку. Въ свою очередь и Рахмановъ понялъ его взглядъ и смѣшался.

— Знаю, знаю, не то хотѣлъ я тебя спросить,—быстро сказалъ онъ.—А вотъ, зачѣмъ ты съ нею живешь, отчего не прогонишь?

— Прогонишь,—сердито забормоталъ Никифоръ.—Тоже скажете... Да и не вы одни, а и другіе—прочіе говорятъ: „гони ее, чего смотришь!" А какъ ее прогнать-то? Вѣдь пропадетъ она... какъ собака пропадетъ... Жаль вѣдь тоже... Душа-то у нея не собачья, а человѣчья... Вы какъ полагаете?

Онъ сердитымъ движеніемъ схватилъ поднось и, продолжая неодобрительно покачивать сѣдой головою, вышелъ изъ комнаты.

„Вотъ и онъ тоже!“ подумалъ Рахмановъ.

Одѣвшись особенно тщательно, онъ позавтракалъ и во второмъ часу поѣхалъ на Морскую. Войдя въ нумеръ, онъ изъ передней услышалъ звукъ голосовъ и между ними, какъ ему показалось, голосъ Обидина. И опять ему сдѣлалось жутко, и онъ остановился въ нерѣшительности. „На что ты идешь, несчастный?“ услышалъ онъ знакомый язвительный шопотъ. „На общее посмѣшище? Вѣдь тебя засмѣютъ, назовутъ юродивымъ... Уходи, пока есть еще время, а войдешь — поздно будетъ!“ „Ну, а потомъ что?“ тотчасъ же возразилъ другой голосъ. „Уйдешь—а дальше что? Еще вчера ты покончилъ съ этимъ совсѣмъ, а теперь опять колеблешься и трусишь!“

Рѣшительнымъ движеніемъ сбросилъ Рахмановъ пальто на руки, не мало удивленной его странной неподвижностью, горничной, въ бѣломъ чепцѣ, и съ сильно бьющимся сердцемъ, блѣдный, но наружно спокойный, отворилъ дверь.

Марья Григорьевна полулежала на кушеткѣ. Около нея стоялъ Обидинъ и, размахивая руками, что-то съ жаромъ говорилъ; а съ другой стороны, глубоко уйдя въ мягкое кресло, сидѣлъ какой-то черный, весь обросшій волосами, тучный господинъ восточнаго типа, съ характернымъ, длиннымъ, загнутымъ книзу носомъ и отвислымъ животомъ. Вытянувъ волосатыя руки по колѣнямъ, онъ съ снисходительной усмѣшкой глядѣлъ на Обидина и посапывалъ носомъ. Вспомнивъ слова Гжатскаго, Рахмановъ сразу понялъ, что это и былъ „покровитель“.

Увидѣвъ Рахманова, Марья Григорьевна удивленно ахнула и привстала. Обидинъ сначала вытаращилъ глаза, а потомъ громко захохоталъ. Одинъ лишь волосатый господинъ не перемѣнилъ даже положенія и, чуть двинувъ короткой шеей, смотрѣлъ на вошедшаго круглыми на выкатѣ, ничего не выражавшими глазами.

— Ха-ха-ха!—заливался Лоло.—Ну, удружилъ! Каковъ?! Вчера въ театрѣ, а сегодня ужъ на квартирѣ... Молодецъ! То-то удивится Ольга, когда я ей разскажу.

Но Рахмановъ, не обращая на него вниманія, подошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ и, протягивая ей руку, сказалъ по-русски.

— Здравствуйте, Мари! Я, кажется, опять не вѣ-время... Ужъ извините!..

— Вы развѣ не получили моей записки?—перебила она.

— Получилъ...

— Такъ зачѣмъ же вы пришли?

И она смотрѣла на него съ нескрываемымъ недоумѣніемъ.

Но Рахмановъ ничего не отвѣтилъ, а, повернувшись къ волосатому господину, сказалъ:

— Познакомьте меня, пожалуйста.

— Вы хотите, чтобы я васъ познакомила?—спросила Марья Григорьевна, продолжая внимательно и съ любопытствомъ его оглядывать.—Странно!.. Впрочемъ, извольте.—Она усмѣхнулась:

— Мой другъ и покровитель,—она сказала какую-то неудобовыговариваемую фамилію на о;—а это,—она улыбаясь кивнула на Рахманова:—m-r Рахмановъ, мой хорошій старый знакомый.

— Почему же знакомый? Не знакомый, а мужъ,—отчетливо произнесъ Рахмановъ, въ упоръ смотря на волосатаго господина.

— Ха-ха-ха!—взвизгнулъ Лоло.—Ты что сказалъ? Мужъ? Вотъ такъ исторія!

Рахманова передернуло. Онъ нахмурилъ брови и произнесъ рѣзко:

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного, и я совѣтовалъ бы тебѣ помолчать.—Потомъ, повернувшись къ волосатому господину, продолжалъ тѣмъ же тономъ:—А вы, милостивый государь, развѣ не слышали? Развѣ вы не понимаете, что вамъ здѣсь теперь не мѣсто!—И онъ смотрѣлъ на него гнѣвнымъ расширеннымъ взглядомъ.

Лицо волосатаго господина расплылось въ широкую глупую улыбку. Онъ растерянно ворочалъ круглыми глазами то на Рахманова, то на Марью Григорьевну, которая, закусивъ губу, чтобы не разсмѣяться, молча наблюдала эту сцену.

— Ну-съ, я жду!—угрожающе выговорилъ Рахмановъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

Волосатый господинъ пересталъ улыбаться, крякнулъ и, съ трудомъ вытянувъ свое тучное тѣло изъ кресла, всталъ.

— Est-ce vrai, ma pelle?—произнесъ онъ гортаннымъ звукомъ.

Марья Григорьевна молча кивнула.

— Et pien, alors ponjour... Au revoir.

Онъ искоса кинулъ на Рахманова сердитый взглядъ и, быстро сѣменя короткими ножками, вышелъ.

Рахмановъ повернулся къ Обидину.

— Неужели это правда?—произнесъ тотъ недовѣрчиво.

— Я, мой милый, ты могъ бы это знать, никогда не лгу.

— Значитъ, пожалуй, и мнѣ уходить надо?

Рахмановъ пожалъ плечами.—Мнѣ съ Марьей Григорьевной необходимо переговорить,—добавилъ онъ мягче.

Когда Лоло удалился, Марья Григорьевна опрокинулась на спинку кушетки и залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Ну, ужъ мнѣ-то вы не запретите смѣяться,—говорила она сквозь смѣхъ.—Одно изъ двухъ: или я съ ума сошла, или вы ненормальны. Какъ же? Вчера является и требуетъ, чтобы я уѣзжала, говоритъ, что я могу его опозорить, если узнаютъ, что я его жена, а сегодня самъ объявляетъ объ этомъ à qui veut l'entendre, да вдобавокъ еще самымъ серьезнымъ образомъ вступаетъ въ права мужа... разгоняетъ моихъ гостей. И это все послѣ моей записки, которой, надѣюсь, вы повѣрили... Богъ знаетъ, что такое! Объясните, пожалуйста, потому что я, говоря откровенно, ничего не понимаю.

Онъ сѣлъ и окинулъ ее долгимъ взглядомъ. „Да, постарѣла, конечно, но не особенно. Пополнѣла... На лбу кое-гдѣ морщинки, и лицо утомленное... Но, въ сущности, все такая же. Та же обворожительная, притягивающая улыбка, тѣ же глубокіе темные глаза, сверкающіе жизнью и умомъ, та же грація и плавность движеній; то же самообладаніе и увѣренность въ себѣ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія къ окружающимъ... Да, какъ ни ломала ее жизнь, а не сломила... И лишь странное безпокойство, изрѣдка пробѣгающее во взорѣ и котораго прежде не было, говоритъ о томъ, что тамъ, внутри нея, не все обстоитъ благополучно,—свидѣтельствуетъ о какой-то неуравновѣшенности, о несоотвѣтствіи внутренней жизни съ внѣшней". Онъ вздохнулъ и тихо началъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло. Вчера на мой упрекъ и совершенно, какъ оказывается, неосновательный—въ жестокости, вы мнѣ отвѣтили такимъ же упрекомъ. Но и мною онъ не вполнѣ заслуженъ. Вы, конечно, увѣрены, что я скажу одну лишь правду, а потому буду, по возможности, кратокъ. Дѣло въ томъ, что я тогда не зналъ о вашемъ приходѣ на слѣдующій день и не только не видѣлъ ни одного изъ вашихъ писемъ, но и не подозрѣвалъ, что вы писали. Затѣмъ, я помню очень хорошо, что̀ я тогда чувствовалъ, и знаю, что еслибы намъ удалось объясниться, еслибы я прочелъ хоть одно изъ вашихъ писемъ—все кончилось бы иначе. Я помню, какъ надѣялся, что вы придете, напишете, и какъ удивлялся и негодовалъ, что вы ни того, ни другого не дѣлаете. Такимъ образомъ вы видите, что я не такъ виноватъ, какъ кажется и какъ вы думали. Тѣмъ не менѣе, я сознаю вполнѣ, что я не имѣлъ права закрывать передъ вами дверь, не выслушавъ васъ, тѣмъ болѣе, что настоящихъ, неопровержимыхъ доказательствъ вашей вины не имѣлъ никакихъ. Не пустивъ васъ тогда и не сдѣлавъ

потомъ ничего, чтобы дать вамъ возможность объясниться и оправдаться, я явился виновникомъ всего того, что̀ случилось и, вполнѣ это сознавая, повѣрьте, глубоко раскаиваюсь. Я много думалъ о томъ, что̀ мнѣ теперь дѣлать и могу ли, хотя отчасти, загладить свою вину и, если могу, то какъ и чѣмъ. И вотъ, что̀ я надумалъ, и это—единственное, что̀ я могу и не только могу, но и долженъ сдѣлать! Между нами, семнадцать лѣтъ тому назадъ, произошло недоразумѣніе. Умоляю васъ, забудьте объ этомъ, выкиньте эти семнадцать лѣтъ изъ своей памяти и будьте снова моей женой.

Онъ замолчалъ и, глубоко передохнувъ, взглянулъ на Марью Григорьевну.

Пока онъ говорилъ, онъ не смотрѣлъ на нее и не видѣлъ того впечатлѣнія, какое на нее производили его слова. Сначала въ ея глазахъ замѣтно было только удивленіе, но потомъ лицо ея загорѣлось яркимъ румянцемъ. Онъ кончилъ, а она сидѣла неподвижно, не глядя на него и не отвѣчая. Наступило долгое молчаніе. Уйдя въ себя, она, казалось, совсѣмъ забыла о его существованіи.

Наконецъ Рахмановъ нетерпѣливо повернулся на стулѣ.

— Что же, Мари?

Она встрепенулась, медленно встала, подошла къ нему и взяла его руку.

— Благодарю васъ,—сказала она. И такъ нѣженъ былъ ея голосъ, такъ мягко смотрѣли на него ея глубокіе лучистые глаза, что у него радостно забилось сердце.—И простите меня: я въ васъ очень-очень ошибалась. Я никогда не забуду того, что̀ вы сейчасъ сказали, и вѣрьте мнѣ, давно не переживала такихъ хорошихъ минутъ... Но...—она пріостановилась и отвела отъ него глаза:—предложенія вашего я принять не могу.

— Но отчего же?—выговорилъ Рахмановъ упавшимъ голосомъ и стараясь удержать ея руку.

Она пожала плечами и отошла отъ него.

— Почему?... Вы хотите вычеркнуть изъ жизни семнадцать лѣтъ и какихъ еще лѣтъ! Развѣ это возможно?!

— Я понимаю, что это трудно, что воспоминанія, связанныя съ этими годами, такъ тяжелы, такъ..

— А, совсѣмъ не въ этомъ дѣло,—перебила она, сдвигая брови.—Не воспоминанія—а то, что̀ эти семнадцать лѣтъ изъ меня сдѣлали, а этого ни забыть, ни измѣнить нельзя. Что̀ я такое? Содержанка! И неужели вы не понимаете, что сойтись съ вами, быть опять вашей женой, я не могу.

Она горько усмѣхнулась и сѣла.

— Погодите, дайте мнѣ кончить,—продолжала она, останавливая его движеніемъ руки.—Я хорошо понимаю то чувство, которое вами руководитъ. Вы убѣдили себя въ томъ, что сгубили мою жизнь, и вотъ раскаянье, желаніе искупить свою вину заставляетъ васъ теперь принести себя въ жертву. Но вы дѣйствуете подъ впечатлѣніемъ минуты и забыли о многомъ. Вы забыли о своемъ положеніи въ обществѣ, о своей карьерѣ, забыли, что стоитъ мнѣ согласиться на ваше предложеніе, и все это рухнетъ сразу и окончательно. Вѣдь не только меня ваше общество не приметъ, но изъ-за меня оно и васъ отвергнетъ. А что будутъ говорить, какъ станутъ смѣяться?! Вѣдь намъ никуда нельзя показаться будетъ... Полноте, полноте!.. Повторяю, я вамъ благодарна отъ души, понимаю, какъ честно вы хотите поступить; но, право же, жертва слишкомъ велика, вы сами этого не вынесете, и принять ее я не могу.

— Вы ошибаетесь, — торопливо возразилъ Рахмановъ:—во всемъ ошибаетесь. И жертвы нѣтъ никакой, и дѣйствую я далеко не подъ впечатлѣніемъ минуты. Все то, о чемъ вы сейчасъ говорили, обо всемъ этомъ — я думалъ и думалъ много. Положеніе въ свѣтѣ, служба, общественное мнѣніе—со всѣми этими вопросами я покончилъ окончательно и остановить меня они не могутъ... Вотъ, что намъ нельзя будетъ жить въ Петербургѣ, особенно въ первое время,—это вѣрно. Но, Боже мой, неужели на свѣтѣ одинъ только Петербургъ и есть. Мы можемъ жить въ деревнѣ... впрочемъ нѣтъ: деревню вы не любите... Ну, гдѣ-нибудь за границей, гдѣ насъ никто не знаетъ. Свѣтъ великъ, и мѣсто, гдѣ жить, мы всегда найдемъ. Нѣтъ, нѣтъ, все это не важно и не можетъ служить причиной къ отказу.

— Ну, хорошо. Пусть такъ,—медленно и обдумывая каждое слово, продолжала Марья Григорьевна.—Хоть это и удивительно, но я согласна допустить, что все то, изъ чего именно состояла до сего времени ваша жизнь, теперь потеряло для васъ значеніе... Предположимъ—такъ. Предположимъ, что съ внѣшней стороной нашей будущей жизни вы справитесь. Но...—Марья Григорьевна взглянула на него очень пристально.—Вѣдь мнѣ слѣдуетъ быть вполнѣ откровенной, а потому вы должны знать, что Терьховской далеко не былъ единственнымъ — она засмѣялась—моимъ другомъ... Ихъ было нѣсколько. И вотъ въ этомъ отношеніи справитесь ли вы съ своимъ сердцемъ, въ состояніи ли будете забыть, такъ какъ въ противномъ случаѣ, вы понимаете сами, ваша жизнь, да и моя также, будетъ сплошнымъ

мученьемъ. Я не говорю про ревность... но все-таки... Я знаю человѣческое сердце и знаю, что есть вещи, съ которыми ему мириться трудно.

Рахмановъ вспыхнулъ и опустилъ глаза.

— Что же? Когда другого выхода не было! Боже мой, не умирать же съ голоду!

— Нѣтъ, нѣтъ... Играть въ жмурки не слѣдуетъ!—горячо возразила она.—Вы не имѣете никакого права думать, что избранная мною жизнь,—послѣ Терьховскаго, конечно, была единственно возможная и не должны забывать, что я могла бы пойти и по другой дорогѣ... Нѣтъ, нѣтъ, это для меня не оправданіе!

Лицо Рахманова страдальчески сморщилось.

— Перестаньте! — выговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Зачѣмъ вы меня мучаете? Поймите, что̀ я иначе не могу, что будь вы въ десять разъ хуже, чѣмъ хотите себя представить, я, все-равно, не могу забыть, что вы моя жена, что я васъ когда-то любилъ... Поймите, что послѣ того, что̀ я узналъ вчера, жить такъ, какъ я жилъ до сихъ поръ, я не въ состояніи. Я не могу жить безъ васъ... Это смѣшно, глупо, ни съ чѣмъ не сообразно,—онъ грустно усмѣхнулся:—согласенъ, такъ говорятъ одни влюбленные, да и то въ большинствѣ случаевъ лгутъ, а я и не влюбленъ, а тѣмъ не менѣе, это—сущая правда. Я чувствую это, знаю и еще разъ говорю вамъ: вы должны со мной сойтись, такъ какъ иначе я жить не могу.

Онъ вздохнулъ и съ усталымъ видомъ наклонилъ голову.

— Да, конечно, это очень смѣшно, — повторила медленно Марья Григорьевна.—И не только смѣшно, но и грустно, потому что... потому что... Вѣдь я вамъ не сказала еще главной причины моего отказа.

— Вы кого-нибудь любите?—испуганнымъ возгласомъ вырвалось у Рахманова. Эта мысль его все время мучила, такъ какъ въ этомъ случаѣ его положеніе казалось ему безвыходнымъ.

— О, нѣтъ! — усмѣхнулась она.—Совсѣмъ не то! Еще вопросъ, способна ли я и вообще-то любить?

Она задумчиво смотрѣла передъ собой, словно что-то припоминая.

— Ну, говорите же, какая еще причина?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Какая? А вотъ какая... Вы сейчасъ сказали, что жить безъ меня не можете. Это вы, а я... а что если я, наоборотъ, не могу съ вами жить?.. Я сейчасъ скажу вамъ одну странную вещь. Послѣ того, что̀ вы со мной тогда сдѣлали—не забудьте,

что я узнала лишь сейчасъ о томъ, что писемъ моихъ вы не получали и не знали, что я у васъ была—какое чувство, какъ вы думаете, должна была я къ вамъ питать? Вѣдь я должна была бы васъ ненавидѣть, глубоко ненавидѣть и презирать. Не такъ ли? А между тѣмъ, представьте себѣ, я не только не сохранила къ вамъ никакого дурного чувства, а, напротивъ, вспоминала о васъ всегда съ большой симпатіей и уже, навѣрное, не думала о васъ того, что̀ наговорила вамъ вчера. Но вчерашній разговоръ, вы сами понимаете, въ счетъ идти не можетъ. Согласитесь, что, не зная того, что̀ я узнала сегодня, меня могъ возмутить вашъ упрекъ въ жестокости. Скажу вамъ больше. Понимая очень хорошо, какъ непріятно вамъ будетъ мое присутствіе въ Петербургѣ, я семнадцать лѣтъ здѣсь не показывалась, хотя, признаюсь, меня и не разъ сюда тянуло. Если же я рѣшилась пріѣхать теперь, то лишь потому, что была увѣрена, что васъ нѣтъ, такъ какъ знала — вы-то меня давно потеряли изъ вида, я же васъ—нѣтъ,—что вы по лѣтамъ всегда уѣзжаете. Теперь я васъ и спрашиваю: какимъ образомъ объяснить это? Человѣкъ поступилъ со мной отвратительно, погубилъ, какъ будто, мою жизнь, а я не только на него не сержусь, а прямо-таки думаю и вспоминаю о немъ съ дружескимъ чувствомъ? Объяснить это можно, мнѣ кажется, лишь тѣмъ, что внутренно я чувствовала и сознавала, что, въ сущности, вы были правы,—т.-е. не въ данномъ случаѣ, конечно, такъ какъ тогда я еще не сдѣлала того, за что̀ вы думали, что меня прогоняете—а правы вообще; что дѣйствія ваши тогда были, такъ сказать, преждевременны, но и только, такъ какъ, въ концѣ концовъ, хотя не съ Терьховскимъ, а съ кѣмъ-либо другимъ, не черезъ годъ, такъ черезъ три,—а я навѣрное отъ васъ ушла бы. Вотъ вы теперь и подумайте, да подумайте хорошенько: а что̀, если я не могу жить иначе, чѣмъ живу теперь; что̀, если моя теперешняя жизнь для меня единственно возможная; если я не создана для семейной „честной“ жизни вообще; если я такъ люблю свободу и независимость и такъ къ нимъ привыкла, что меня перестала смущать соединенная съ ними грязь; если я такъ уже испорчена, что для меня эта грязь является, быть можетъ, необходимой приправой къ самой жизни; что̀, если, сойдясь съ вами, я не вынесу и очень скоро уйду—что̀ тогда?

Марья Григорьевна умолкла и откинулась головой на подушку. Она смотрѣла прямо передъ собой, и во взглядѣ ея широко открытыхъ глазъ опять прыгали искорки безпокойства, которыя Рахмановъ замѣтилъ и раньше.

Онъ вскочилъ и заговорилъ горячо, взволнованно:

— Неправда, неправда! Зачѣмъ вы клевещете на себя?! Я не вѣрю, не могу вѣрить, что вы любите эту жизнь и не можете съ нею разстаться... Вспомните вчера, въ театрѣ... Какого еще доказательства вамъ надо? И что̀ бы вы ни говорили, я никогда вамъ не повѣрю!

Марья Григорьевна окинула его долгимъ взглядомъ, улыбнулась и опять мягко и нѣжно звучалъ ея голосъ:

— Вы добрый, хорошій... Непремѣнно хотите, чтобы я была лучше, чѣмъ я есть... Впрочемъ, я не знаю, ничего не знаю... Дожила до сорока лѣтъ, а себя не знаю... Отчасти, вы правы: иной разъ мнѣ дѣлается и противно, и тошно... такъ бы, кажется, и убѣжала куда-нибудь, спряталась... совсѣмъ, навсегда... А, главное, иногда я чувствую себя такой усталою, такой усталою...

Она закрыла глаза и лицо ея сморщилось, какъ отъ физической боли.

У Рахманова задрожали губы. Онъ почувствовалъ такой приливъ жалости, что еле удерживался отъ слезъ. Онъ сѣлъ около Марьи Григорьевны и, взявъ ея руку, забормоталъ прерывающимся голосомъ:

— Ну, вотъ, я говорилъ... говорилъ... Бѣдная моя, бѣдная... Сколько выстрадала, и за что̀?.. Но теперь—все хорошо... все будетъ хорошо...

Онъ обнялъ и привлекъ ее къ себѣ. Не открывая глазъ, она ему улыбнулась и, прижавшись къ нему, выговорила тихо:

— Да, милый, приласкай меня... Мнѣ такъ нужна ласка... хорошая... дружеская...

— Мари!—сказалъ онъ вдругъ, порывисто.—Ѣдемъ сейчасъ, хочешь? Брось все, ѣдемъ сейчасъ!

Марья Григорьевна положила ему руки на плечи, отодвинула отъ себя и, смотря ему въ глаза, произнесла медленно и отчетливо:

— И ты вполнѣ увѣренъ въ себѣ? Ручаешься за себя? Ручаешься, что вынесешь?

— Да, да, да!—сказалъ онъ быстро, кивая головой и чувствуя, какъ сильно бьется его сердце.

— Ну, поцѣлуй меня... крѣпко, хорошо, какъ настоящій другъ... не такъ, какъ тѣ... О, какъ мнѣ надоѣли тѣ поцѣлуи...

Она опять къ нему прижалась, а онъ цѣловалъ ее въ лобъ и голову и ему становилось все лучше и лучше.

— Ну, что же, ѣдемъ... сказалъ онъ наконецъ.

Марья Григорьевна встрепенулась и встала.

— Спасибо тебѣ еще разъ, — проговорила она, крѣпко пожимая ему руку.—Ты хорошій, добрый, и я никогда не забуду сегодняшняго дня... Но теперь—ступай. Ты меня такъ взволновалъ, что я плохо соображаю... Говорила я много, а то ли, что̀ слѣдовало — не пойму. Приходи завтра, и мы рѣшимъ окончательно.

— Зачѣмъ же завтра?—протянулъ жалобно Рахмановъ, чувствуя, какъ у него опять, почему-то, тревожно замираетъ сердце.— Почему не сегодня, не сейчасъ?

Марья Григорьевна улыбнулась и закачала головой.

— Ты настоящій ребенокъ... Развѣ можно такія вещи рѣшать сразу? Вѣдь это—на всю жизнь. Мнѣ надо подумать, сообразить, какъ это лучше сдѣлать... Да мало-ли что?.. А теперь я не могу.

— Но, во всякомъ случаѣ, ты согласна?

И во взглядѣ, которымъ онъ на нее смотрѣлъ, ясно былъ виденъ страхъ.

— Да, да...—торопливо кивнула она головой.—Прощай, до завтра.

Но онъ не уходилъ, а стоялъ и что-то соображалъ.

— Вотъ что,—выговорилъ онъ наконецъ: — пріѣзжай ты ко мнѣ.—Пріѣзжай къ часу, и мы вмѣстѣ позавтракаемъ. Да? Пожалуйста... Такъ будетъ хорошо!

Марья Григорьевна немного подумала.

— Что-же? Отлично. Пріѣду.

— Ну, въ такомъ случаѣ, прощай, — сказалъ онъ со вздохомъ сожалѣнія. — Смотри только, не опаздывай; ровно къ часу, а то я буду ждать и безпокоиться.

Онъ поцѣловалъ ее и вышелъ.

Она долго смотрѣла ему вслѣдъ и вдругъ, закрывъ лицо руками, зарыдала судорожно, неудержимо.

Рахмановъ совсѣмъ засуетился. Онъ похожъ былъ на влюбленнаго, который ожидаетъ перваго тайнаго свиданія съ возлюбленной. Онъ цѣлое утро припоминалъ любимыя кушанья Марьи Григорьевны и самъ бѣгалъ въ кухню совѣщаться съ поваромъ. Въ половинѣ перваго все было готово, и онъ нетерпѣливо шагалъ по столовой, ежеминутно взглядывая на часы. Никифоръ былъ посланъ для встрѣчи внизъ, въ швейцарскую.

Около часа, швейцаръ, посланный Никифоромъ, подалъ ему письмо. У Рахманова заныло въ груди, но, прочитавъ его, онъ

поблѣднѣлъ, какъ полотно. Марья Григорьевна писала: „Простите, что я васъ вчера обманула, но у меня прямо не хватило духа сказать вамъ нѣтъ. Почему я отказываюсь — вы уже слышали. Я не могу быть увѣренной въ васъ, далеко не увѣрена и въ себѣ. Прощайте, и не поминайте лихомъ. Я знаю, что заставляю васъ страдать, а потому—простите еще разъ. Быть можетъ, когда-нибудь увидимся. Когда мнѣ будетъ очень скверно, приду и попрошу у васъ какого-нибудь угла для старыхъ костей... И я знаю,—и это доказываетъ, какой вы хорошій человѣкъ,—что мнѣ стыдно тогда не будетъ. Благодарю васъ за все!—Мари“.

Рахмановъ поспѣшно одѣлся и поѣхалъ на Морскую. Марья Григорьевна уѣхала еще вчера вечеромъ. На вопросъ его, не извѣстно ли куда, ему сказали, что билетъ былъ взятъ прямого сообщенія до Одессы.

Рахмановъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Онъ боялся, что Марья Григорьевна скроетъ свои слѣды. Вернувшись домой, онъ сѣлъ къ письменному столу, опустилъ голову на руки и сталъ думать. Думалъ онъ долго и, наконецъ, всталъ.

— Да, такъ,—выговорилъ онъ вслухъ.—Умомъ понять этого нельзя, сердцемъ только и можно. И я чувствую и знаю, что иначе поступить не могу.

Онъ опять сѣлъ и написалъ прошеніе объ отставкѣ. Потомъ позвонилъ.

— Уложи мнѣ большой чемоданъ,—сказалъ онъ Никифору.— Сегодня вечеромъ съ курьерскимъ я уѣзжаю.

— Куда, осмѣлюсь спросить?

— Въ Одессу.

— А надолго ли-съ? Съ бѣльемъ сообразить надо.

— Надолго-ли... — повторилъ Рахмановъ безсознательно, смотря на Никифора и не видя его.—Надолго-ли?—Онъ встрепенулся, провелъ рукой по волосамъ и, улыбнувшись какой-то дѣтской, безпомощной улыбкой, выговорилъ тихо, пожимая плечами:

— Не знаю, голубчикъ, не знаю.

С. Фонвизинъ.

ДОМА

Очерки современной деревни.

VI *).

Третья недѣля, какъ я живу дома. Въ прошлое воскресенье ко мнѣ приходили трое молодыхъ ребятъ, просили: „нѣтъ ли почитать чего?“ Выспрашивали о Петербургѣ. Всѣ трое—бывшіе ученики Өедора Петровича, и сохранили о немъ добрую память. Молодежь произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе. Въ первый разъ мнѣ довелось познакомиться съ взрослыми питомцами народной школы. Особенно понравился мнѣ Михайло Софроновъ, двадцатилѣтній юноша, красавецъ собой, умница и кумиръ нашихъ славутницъ [1]); отлично играетъ на гармоникѣ, лихо пляшетъ русскую и недурно поетъ. Михайло одинъ сынъ у отца и почитается первымъ женихомъ въ околоткѣ. Отличный парень и Тимоөей Родичевъ, ровесникъ и большой другъ Михайла. Тимоөей степененъ и разсудителенъ не по годамъ. Ихъ третій товарищъ, младшій годами, Павелъ Васильевъ, по своей внѣшности много уступаетъ пріятелямъ, но тоже славный парень и довольно начитанъ. Вскладчину молодежь выписываетъ газету „Свѣтъ“, но не очень довольны. „Мало хорошаго пишутъ“,—замѣтилъ Тимоөей. Просили указать имъ болѣе подходящую газету, но я, къ сожалѣнію, не могъ удовлетворить этой ихъ просьбѣ, такъ какъ лучшей газеты и самъ не знаю.

Малина, не житье, въ деревнѣ лѣтомъ. Я встаю въ шесть

---

*) См. выше: іюль, 252 стр.

[1]) Славутницами въ нашей мѣстности называютъ лучшихъ дѣвушекъ въ околоткѣ, красивыхъ дочерей зажиточныхъ родителей, первыхъ невѣстъ.

часовъ утра и до чаю отправляюсь въ хлѣбное поле. Утренняя свѣжесть бодритъ силы. Какое наслажденіе предупреждать пробуждающійся день! Золотистое солнце всходитъ все выше и выше, постепенно распаляясь и уменьшаясь въ діаметрѣ. Утренняя роса легкой дымкой поднимается къ небесамъ; прилегшія за ночь, обремененныя росой нивы поднимаются, каждый колосъ прибодряется, охорашивается, выпрямляется, какъ молодой солдатикъ передъ смотромъ, чтобы встрѣтить красное солнце во всей его красѣ и блескѣ. Вдали тихо шумитъ, оживляясь подъ дыханіемъ свѣжаго утренника, сосѣдній лѣсъ. Вотъ изо ржи взвился стрѣлой рѣзвый жаворонокъ и залился серебряной трелью. На душѣ такъ свѣтло, такъ радостно, дышется полною грудью... На обратномъ пути на встрѣчу попадаются ранніе косари. Въ деревнѣ раздается пастушій рожокъ. Началась монотонная музыка битья косъ. Легкія струйки синеватаго дыма потянулись изъ трубъ. День начался. Упредившій всѣхъ ранній косецъ уже гдѣ-то натачиваетъ свою только-что тонко отбитую косу, напѣвающую подъ песчаною лопаткою:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой,
Коса домой.
Коса любитъ лопатку
Лопатка—песокъ
Косецъ—пирожокъ.

По утрамъ невозможно не пойти покосить хоть часокъ до завтрака. Бросаешь всякую иную работу, берешь косу на плечо и спѣшишь въ поле съ дѣтской радостью въ сердцѣ.

Вернувшись съ покосу, я забрался въ садъ, о которомъ уже была рѣчь, и куда подавался чай и хлѣбъ съ масломъ. Ахъ, еслибъ каждый день, всю жизнь былъ такой удивительно вкусный завтракъ! Въ моей бесѣдкѣ, окутанной зеленью и цвѣтами, уютно и прохладно.

Разросшійся отцовскій садъ съ большимъ прудомъ по срединѣ, гдѣ обильно водятся караси и другая мелкая рыбица, вскорѣ сталъ моимъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ. На свободной площадкѣ, уже по моему почину, нынче были устроены качели, гигантскіе шаги и проч. Послѣднія сооруженія предназначались для гостей, собирающихся у меня по праздничнымъ днямъ. Ко мнѣ заходили отецъ Морошкинъ съ супругой и молоденькой свояченицей, учитель мѣстной школы съ сестрой, семнадцатилѣтней барышней, Ѳедоръ Петровичъ Лобовъ съ Настей

и др. Для завершенія пейзажа, я распорядился поставить на той же площадкѣ семисаженную мачту, на которую въ одинъ изъ праздничныхъ дней, въ присутствіи гостей, былъ поднятъ національный флагъ, чтò подало весьма основательный поводъ распить бутылочки двѣ-три, принесенныя „изъ подгорушки“. Трехцвѣтный флагъ, развѣвающійся надъ зеленью сада, выглядывалъ очень эффектно и господствовалъ надъ всей деревней, развѣваясь выше всѣхъ зданій. Съ закатомъ солнца флагъ спускался, а съ восходомъ снова взвивался на самую верхушку мачты, возвѣщая о наступившемъ днѣ. Какъ новинка для деревни, флагъ мой занималъ, конечно, больше всѣхъ нашихъ ребятишекъ, ежедневно собиравшихся на первыхъ порахъ поглазѣть на невиданную диковинку. Моимъ гостямъ также нравилась эта затѣя. И уже, конечно, никому и въ голову не могло придти, что этой самой мачтѣ суждено было сыграть весьма видную роль въ моихъ лѣтнихъ каникулахъ. Кажется, на что невиннѣе забавы, а между тѣмъ, изъ-за нея мнѣ пришлось вскорѣ познакомиться ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ ближайшимъ начальствомъ, сельскимъ старостой. Флагъ остался пока на своемъ мѣстѣ, но мнѣ ежеминутно грозила непріятность, что вотъ придетъ мужикъ съ топоромъ и вырубитъ мою мачту, чтобы стереть съ лица земли мой дерзкій флагъ, поднятый безъ „приказа“ изъ волости. Дѣло вышло такъ. На другой же день, рано утромъ, приходитъ ко мнѣ сельскій староста, мой сосѣдъ Василій Кострыгинъ, прозванный такъ за его колючій характеръ [1]). Костра пришелъ ко мнѣ не безъ нѣкоторой торжественности, при бляхѣ на груди, хотя онъ и былъ босикомъ и въ одныхъ порткахъ, безъ шапки. Характеру Костры соотвѣтствовала и его чрезвычайно невзрачная внѣшность. Къ довершенію, Костра еще заикался, почему иные называли его рыжимъ заикой, а иные, принимая во вниманіе его крикливость, величали рыжимъ псомъ, горланомъ. Однако, въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, Васька держалъ себя со всѣми довольно свободно. Причина тому—новыя полномочія, данныя сельскому старостѣ земскимъ начальникомъ, радикально преобразовавшія эту еще недавно скромную сельскую власть. Жалуя ко мнѣ, староста еще съ улицы звонко крикнулъ:

— Миколай Ивановъ дома?

---

[1]) Прозвище это Василій получилъ отъ слова костра, кострика или „костича“, какъ выговариваютъ это слово у насъ въ Ульевѣ. Костра — твердыя части, отбиваемыя отъ волоконъ льна, мелкія, колючія, прилипающія ко всему, что попадется. Въ виду такого свойства характера старосты, его всѣ называли просто Васька Костра. Кострыгинъ было его оффиціальное прозвище, „фамиль“.

Уже по сокращенному Васькой моему отчеству,—чего онъ раньше не позволялъ себѣ,—можно было понять, что онъ имѣетъ ко мнѣ серьезное дѣло, „до начальства касательно". Я не долюбливалъ Ваську, и предстоящая встрѣча съ нимъ мнѣ нисколько не улыбалась.

Не получивъ отвѣта, Костра вошелъ въ избу.

— А я къ тебѣ, Николай Ивановичъ, — заговорилъ онъ, садясь безъ приглашенія къ столу, подавъ мнѣ предварительно свою корявую руку.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я, полагая, что Васька пришелъ опять съ просьбой растолковать ему „строгій приказъ" изъ волости, который онъ разобрать-то разобралъ, а понять никакъ не можетъ; съ такими приказами онъ уже не разъ бывалъ у меня.—Приказъ, что-ли?

— Нѣтъ. А вотъ таперича, потому какъ я сельскій староста и долженъ давать отвѣтъ, ежели до чего касается, то все я долженъ отвѣчать.

— Да говори толкомъ, чтó такое?

— А вотъ эту самую машту, чтò у тебя въ загородѣ, и этотъ самый флюгеръ ты причалилъ къ ей... Мотри, чтобы грѣха не вышло. Не ровенъ часъ, земскому не полюбится. Я должонъ отвѣчать за все.

Костра при этихъ словахъ всталъ и подержался за бляху, болтавшуюся у него на шеѣ, какъ бы желая дать мнѣ почувствовать всю тяжесть отвѣтственности за мачту и флюгеръ.

Я понялъ опасенія старосты и попытался успокоить его насчетъ безопасности моего флага, замѣтивъ, что въ Петербургѣ такими флагами украшаютъ дома въ торжественные дни.

— Все можетъ статься тамъ въ Питерѣ, а здися за все должонъ отвѣчать,—твердилъ староста.

Впервые по пріѣздѣ домой мнѣ пришла охота поинтересоваться земскимъ, и я на этомъ уже пригласилъ Кострыгу присѣсть. Станъ земскаго начальника отъ насъ находился верстахъ въ тридцати и поэтому я не счелъ нужнымъ дѣлать ему визитъ. Кромѣ того, я вобще не имѣлъ никакой охоты знакомиться съ земскимъ, о которомъ еще въ Петербургѣ слыхалъ, какъ о человѣкѣ весьма „энергичномъ", въ томъ смыслѣ этого слова, какой придали ему земскіе начальники. Убирать флага теперь мнѣ не хотѣлось уже изъ амбиціи: это подало бы Васькѣ поводъ думать, что онъ полный хозяинъ надо мной. Я рѣшилъ не сдаваться, хотя бы пришлось изъ-за того имѣть „исторію" съ самимъ земскимъ.

— Чтò за человѣкъ вашъ земскій?—спросилъ я Ваську.

— А вотъ-то и человѣкъ, что все можетъ сдѣлать. Ужъ такой онъ человѣкъ нынче. Власть такая дана, что все можетъ. Самъ при всѣхъ сказалъ это самое слово въ волости, какъ пріѣхалъ. Что̀, говоритъ, захочу, то̀ и дѣлаю; нѣтъ, говоритъ, надо мной больше власти. Оно и точно нѣтъ. Раньше, бывало, въ городѣ подашь жалобу, тамъ другіе начальники сидятъ и все разберутъ, а нынче все земскій и въ городѣ. А земскаго и просить нечего, какъ присудитъ, такъ и будетъ. Больше идти некуда.

— Ну и что̀ же? — спросилъ я Ваську, заинтересовавшись его разъясненіями:—кто лучше, мировой или земскій?

— Да какъ тебѣ сказать?—съ одной стороны, пожалуй, земскій не хуже.

— Съ какой же это стороны?

— Да вотъ хоша бы: волокиты было много при мировомъ. Пріѣдетъ, разсудитъ и говоритъ: „ежели вы, мужички, судомъ моимъ недовольны, то жалуйтесь въ съѣздъ,—такой судъ есть въ городѣ,—тамъ разберутъ все снова". Ну, а кто бываетъ доволенъ?—всякій недоволенъ, ежели засудятъ. Одинъ по одному, всякій норовитъ въ городъ; иной, чтобы только оттянуть время. И конца дѣлу нѣтъ. Выйдетъ-то все равно, какъ мировой сказалъ спервоначалу, а волокита была. Теперь этого нѣтъ: что̀ сказалъ земскій, такъ и будетъ; а пойдешь въ городъ, онъ же тебя и тамъ упредитъ...

— Ну, а кто, по-твоему, судилъ правильнѣе?

— Кто праведнѣе? — переспросилъ Костра, замѣнивъ мое слово своимъ, болѣе ему близкимъ,—кто ихъ знаетъ! Только земскій не судитъ, а пріѣдетъ, посмотритъ и прямо скажетъ. Ну и выходитъ такъ, потому правительство...—прибавилъ Васька безапелляціонно.

Мнѣ показалось, что Кострыгинъ, какъ самъ до нѣкоторой степени начальство, не безъ умысла употребляетъ слово „правительство". Слово это для деревни новое, раньше оно замѣнялось „начальствомъ". Очевидно, новое слово введено въ отличіе новаго начальства отъ прежняго, и оно внушительнѣе прежняго. По мнѣнію мужика, начальство бываетъ всякое: и сельскій староста, и урядникъ, и старшина, и становой, и слѣдователь, и писарь—все начальство. Правительство совсѣмъ другая статья. Правительства ни въ деревнѣ, ни въ уѣздномъ городѣ нѣтъ; оно, значитъ, есть только въ Питерѣ.

Продолжая разговоръ со старостой, я поинтересовался узнать, какъ нынче мужики толкуютъ власть губернатора, ежели земскій — правительство. Староста рѣшилъ весьма просто мой вопросъ.

— Губернаторъ?—переспросилъ онъ,—очень просто: земскій —правительство у насъ въ волости, а губернаторъ—въ губерніи, вотъ какъ бы ежели сельскій староста и волостной старшина: я въ трехъ обчествахъ, а старшина въ своей волости голова.

— А кто изъ нихъ больше начальство?—пыталъ я сельскаго мудреца, почитающаго себя головой трехъ „обчествъ". Тутъ Васька нѣсколько задумался, но тотчасъ нашелся.

— Да вотъ я тебѣ скажу для примѣра: ежели губернаторъ ѣдетъ въ волость, ему дороги правимъ, и этимъ дѣломъ завѣдуетъ земскій, а губернаторъ для земскаго дорогъ править не станетъ. Вотъ топереча, ѣдетъ губернаторъ, такъ земскій съ ногъ сбился и мужичковъ загонялъ, вездѣ велитъ дороги править, а народу нѣтъ, всѣ на покосѣ, разбрелись кто куда.

Василій Кострыгинъ ушелъ отъ меня, еще разъ предостерегши меня на счетъ „машты и флюгера, что̀ къ ей причалилъ".

— Я долженъ за все отвѣчать, ежели что̀, не ровенъ часъ, земскому не полюбится, — въ десятый разъ повторилъ онъ.—Я ужъ сказалъ урядннку. Ежели што, на меня не пеняй. Дѣло это топереча не мое. Какъ знаетъ урядникъ.

Сваливъ свою отвѣтственность за мою мачту на у̀рядника, Васька вышелъ, совершенно неожиданно поставивъ меня лицомъ къ лицу съ новымъ начальствующимъ лицомъ—урядникомъ, какъ властью исполнительной.

Нежданное-негаданное появленіе Васьки Кострыги совершенно выбило меня изъ моей колеи—пріятнаго пребыванія въ садовой бесѣдкѣ, подъ сѣнью зелени и злополучной отнынѣ мачты.

Урядникъ, земскій, губернаторъ, а съ ними неразлучные спутники: г. исправникъ, становой и пр. Какіе могутъ проистечь отсюда результаты? Прежде всего, по всей вѣроятности, придетъ мужикъ съ топоромъ и вырубитъ мою мачту, а злополучный флагъ, какъ трофей, отнесутъ въ волость въ видѣ вещественнаго доказательства моей строптивости. Мачту все-таки я рѣшилъ оставить и флагъ поднимать по прежнему, хотя, признаюсь, не безъ затаеннаго трепета. Кострыгинъ, урядникъ и мужикъ съ топоромъ, во снѣ и на яву мерещились мнѣ. Мои тревожныя опасенія находили отдыхъ въ новой мысли, явившейся у меня при извѣстіи о предстоящемъ пріѣздѣ губернатора. Я сталъ очень разсчитывать на этотъ пріѣздъ. Дѣло въ томъ, что губернаторъ у насъ былъ новый, назначенный изъ Петербурга, и я былъ нѣсколько извѣстенъ ему, у насъ были общіе знакомые. Я рѣшилъ представиться губернатору, когда онъ будетъ въ нашей волости. Это сразу поставитъ меня на недосягаемую высоту въ глазахъ

нашего мѣстнаго начальства. Достаточно сказать ему со мной два слова на глазахъ у тѣхъ, кто можетъ притѣснять меня на каждомъ шагу, чтобы всѣ измѣнили обо мнѣ свое мнѣніе, начиная съ земскаго, не говоря уже о Кострыгинѣ и прочей власти. Мой планъ по-своему былъ недуренъ и тѣмъ болѣе, что исполненіе его не представлялось невѣроятнымъ.

VII.

Я поспѣшилъ отправиться въ волость, чтобы поскорѣй удостовѣриться въ справедливости слуха о губернаторѣ, да кстати хотѣлось мнѣ осмотрѣть и вновь выстроенное зданіе нашего волостного правленія, а также познакомиться съ волостнымъ персоналомъ: старшиной, писаремъ и другими лицами, такъ или иначе представляющими волостную власть. Меня особенно интересовалъ старшина. Онъ былъ не заурядный мужикъ, простой и темный или горластый самодуръ, какъ принято думать о волостномъ старшинѣ, и не просто честный, хорошій человѣкъ, каковые тоже допускаются въ деревнѣ. Нашъ старшина былъ совсѣмъ особаго рода человѣкъ.

Отъ Ульева до волости было около трехъ верстъ. Идучи туда, я припоминалъ все, что̀ мнѣ было извѣстно объ этомъ человѣкѣ. Ему уже подъ 60. Я съ дѣтства слыхалъ о немъ подъ именемъ Агапа Евдокимова. Лично съ Агапомъ я не былъ знакомъ, но я зналъ, что онъ весьма интересовался моей особой и еще до пріѣзда не разъ справлялся у моего отца, когда я пріѣду. Агапъ пользовался въ волости репутаціею неумолимаго законника и въ послѣднее время — общимъ нерасположеніемъ. „Житья нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Агапъ Евдокимовъ сѣлъ“,—говорили про него мужики:—„все по закону ладитъ, а кто его знаетъ, почему законъ хочетъ такъ, а не иначе; разоряетъ мужиковъ своимъ закономъ безъ толку, безъ нужды, ничего въ соображенье не беретъ, знай, крутитъ. Креста на вороту нѣтъ. Только бы земскому потрафить... И все по закону!“

— Зачѣмъ такого выбрали?—спросилъ я какъ-то одного изъ недовольныхъ,—да еще на другое трехлѣтіе выбрали?

— Поди-жъ ты вотъ, выбрали себѣ на шею, на грѣхъ... Топереча, говорятъ, и не спихнешь; всю жизнь придется маяться. Земскому больно любъ, къ наградѣ хочетъ представить. Выбрали такъ, для пробы: ужъ больно умничалъ, пока не сидѣлъ стар-

шиной, такимъ добренькимъ прикидывался, все „по закону“ толковалъ, ну и грамотенъ, мужикъ тертый.

— Отчего-же худо, что старшина все по закону?

— Оно, конечно, законъ хорошо, чтò и говорить! Жить надо въ законѣ, да ужъ какъ-то законъ-то этотъ у него все во зло всѣмъ приходится. Поставитъ мужичекъ избенку, либо какую иную хоромину. Все, кажись, по закону и по плану, какъ слѣдоваетъ, какъ показано мѣсто десяткомъ. Пріѣдетъ съ писаришкой, найдетъ вѣдь что-нибудь не такъ, хоть на четверть аршина выдвинулась хоромина изъ черты,— „не по закону“, говоритъ; и ужъ хоть чтò, не уступитъ, настоитъ на своемъ. Знаетъ, что разоритъ мужика, а велитъ переставляться; нѣтъ,—такъ оштрафуетъ, что и въ три года не справишься. Пробовали жаловаться земскому. Пусто. „Старшина, говоритъ, у васъ дѣловой, умный мужикъ, должны слушаться“. Такую волю взялъ,—житья нѣтъ!

Любопытно, что старшину Евдокимова недолюбливала не только молодежь, которой онъ не давалъ спуска, но и старики не хвалили его. Одинъ весьма почтенный старикъ разсказывалъ мнѣ, какъ Агапъ былъ избранъ вторично въ старшины. Слова старика подтверждали всѣ, къ кому я ни обращался. Мужики на частныхъ сходкахъ порѣшили, во чтò бы то ни стало, смѣстить Евдокимова, намѣтили и кандидата на его мѣсто. Сговорилась вся волость стоять на одномъ, стакнувшись начать съ того, что сбавить старшинѣ жалованья на сто рублей. Этимъ надѣялись заставить Агапа отказаться отъ кандидатуры на слѣдующее трехлѣтіе.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ обѣдни, въ правленіи собрался сходъ. Пріѣхалъ земскій для наблюденія за выборами.

— Ну, чтò ребята,—обратился земскій къ мужикамъ:—старшину выбирать собрались?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Дѣло хорошее. На это вамъ дано право. Только выбирайте хорошаго, вотъ какъ нынѣшній старшина Агапъ Евдокимовъ. Я имъ доволенъ. Человѣкъ онъ дѣльный, исправный, дѣло свое знаетъ. За все трехлѣтіе ни разу не провинился. По-моему, такого старшину вы должны благодарить.

— Благодарить, благодарить!—закричали горланы, сторонники Евдокимова.

— Кого же вы желаете ныньче избрать?—продолжалъ земскій.

— Стараго!—кричали тѣ же горланы.

— Ну, стараго, такъ стараго. Я имъ доволенъ.

— Не надо стараго!—раздались голоса въ толпѣ.

— Онисима Кузьмича желаемъ,—загудѣла толпа.

— Почему Анисима, а не стараго?—спросилъ земскій.—Чѣмъ не хорошъ Агапъ Евдокимовъ? Эй, кто тамъ глотку деретъ на задахъ? Выходи сюда и говори по совѣсти. Тогда и слушать будемъ.

Впередъ проталкивается Захаръ Ивановъ, мужикъ зажиточный и смѣлый.

— Этотъ стареневъ, ваше благородіе,—началъ Захаръ,—пора ему и на покой, будетъ, послужилъ. Спасибо.

— А еще что̀ скажешь?

— Да что, ваше благородіе, міръ обижается на Евдокимова. Больно трудно при немъ мужичкамъ. Тѣснитъ шибко.

— А ты докажи, братецъ, чѣмъ онъ тѣснитъ.

— Да всѣмъ. Ежели, къ примѣру взять... Не все можно и разсказывать.

— Нѣтъ, ты разсказывай, коли за міръ взялся хлопотать. Ты порочишь доброе имя человѣка. Говори, не отвертывайся.

Захаръ смѣшался и замолчалъ.

— Что̀ же ты молчишь? Вѣдь я знаю почему ты хлопочешь: племянника твоего Николку погладили. Такъ это, братъ, его заслуга. Что̀ заслужилъ, то и получилъ. Кто еще тамъ желаетъ сказать что̀? Выходи сюда. Что̀ кричать за спиной?

Проталкивается другой смѣльчакъ, Василій Кузнецъ, но съ этимъ случилась бѣда. Кузнецъ показался земскому пьянымъ. Его тотчасъ же отправили въ арестантскую.

Больше желающихъ говорить не оказалось. Всѣ молчали, да переминались съ ноги на ногу.

— Молчаніе—знакъ согласія,—рѣшилъ земскій.—Агапъ Евдокимовъ вновь единогласно избранъ на должность старшины. Анисима Кузьмина утверждаю кандидатомъ. Согласны?

— Согласны, ваше благородіе!

— Ну, а ежели согласны, такъ слушайте дальше,—продолжалъ земскій.—Старшина выстроилъ вамъ новое правленіе, завелъ вездѣ хорошій порядокъ, отлично исполняетъ всѣ мои приказы и распоряженія, я имъ доволенъ и желаю, чтобы труды его были вознаграждены волостью. Предлагаю прибавить ему жалованья сто рублей. Кто не согласенъ?

Мужики молча стали расходиться.

Идучи въ правленье, я попытался разобраться въ причинахъ общей ненависти къ старшинѣ. Законъ гласитъ, что никто не смѣетъ отговариваться незнаніемъ закона, но простой русскій человѣкъ вообще не знаетъ никакихъ законовъ, ибо и узнать

ему эти законы, если только онъ человѣкъ порядочный и нигдѣ не судился, негдѣ; да еслибъ и судился и даже не разъ, то все-таки всѣхъ законовъ и этимъ эмпирическимъ путемъ изучить ему невозможно. А вотъ Агапъ вездѣ добирается до закона.

Чтобы понять настоящее, надо заглянуть въ прошедшее. Агапъ родился и выросъ съ восемнадцати лѣтъ въ торговой семьѣ. Отецъ его велъ обширную торговлю и бывалъ въ Петербургѣ; онъ имѣлъ собственныя суда, которыя нагружалъ хлѣбомъ, яйцами, лѣсомъ и всякой всячиной, забираемой по деревнямъ. Агапъ былъ приказчикомъ у отца и одно время ворочалъ большими дѣлами; но въ одно неудачное лѣто онъ потерялъ отцовское состояніе: было мелководье и нѣсколько судовъ, принадлежащихъ отцу Агапа, утонуло, остальныя пришлось паузить по дорогимъ цѣнамъ. Въ то же время, Агапъ перевозилъ на отцовскихъ судахъ грузы и другихъ хозяевъ, своевременная доставка которыхъ обезпечивалась крупными неустойками. Эти неустойки похоронили дѣло Агапа. Молодой Евдокимовъ пошелъ по судовой части, нанявшись въ приказчики къ одному изъ бывшихъ своихъ поставщиковъ. Его отецъ послѣ разоренія сошелъ съ ума и вскорѣ повѣсился на вожжахъ въ хлѣвѣ. Агапъ, смышленый и трудолюбивый, добился у своего хозяина должности старшаго приказчика и, въ качествѣ таковаго, подряжалъ народъ на суда. Отсюда его широкая извѣстность. Лѣтъ двадцать провелъ Агапъ въ приказчикахъ и за это время съумѣлъ сколотить кругленькій капиталецъ,—отошелъ отъ хозяина и снова занялся прежнимъ ремесломъ — судоходствомъ. Но опять не повезло Агапу. Онъ снова прогорѣлъ отъ того же мелководья и на этотъ разъ порѣшилъ навсегда съ торговлей. Идти въ приказчики ему уже было поздно, да и рядъ неудачъ, понесенныхъ имъ въ торговлѣ, не прошелъ для него безслѣдно. Будучи человѣкомъ богобоязненнымъ, Агапъ всѣ свои неудачи объяснялъ промысломъ Божьимъ и не рѣшался больше пытать счастья. Съ небольшимъ остаткомъ отъ крупныхъ суммъ, онъ вернулся въ родную деревню „доживать свой вѣкъ". Агапъ не былъ женатъ и въ деревнѣ зажилъ одинокимъ бобылемъ; въ дѣлѣ вѣры онъ придерживался „старинки", но какой-то совсѣмъ особой: онъ не былъ раскольникомъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, ходилъ въ церковь, хотя чтилъ старыя книги и молился большимъ крестомъ, считая за большой грѣхъ куреніе табаку. Агапу и тогда уже было за пятьдесятъ. Большой начетчикъ въ старыхъ книгахъ, онъ прослылъ за знатока священнаго писанія и толковника всякихъ законовъ. Въ старшины Агапъ пошелъ не сразу. Его долго упрашивали „послужить міру". Старикъ согла-

сился, но выговорилъ себѣ разныя льготы. Очутившись у власти, Агапъ, въ которомъ еще не угасла жажда неудовлетворенной жизни—скоро увлекся своею ролью. Честолюбивый мужикъ понялъ, что въ должности старшины онъ можетъ вознаградить себя за всѣ неудачи, претерпѣнныя имъ въ молодости. Поблажки земскаго окрылили старика. Наши мужики разсказывали мнѣ, что земскій, несвѣдущій и неопытный человѣкъ, скоро подпалъ подъ вліяніе Агапа, богатаго знаніемъ народной жизни, народныхъ обычаевъ, и всячески благоволилъ старику; злые языки указывали и на другую причину верховенства Агапа: говорили, что земскій запутался въ долгахъ, старшина выручилъ его и съ тѣхъ поръ держитъ его въ своихъ рукахъ. Привыкнувъ разбираться въ старыхъ книгахъ, Агапъ и въ жизнь внесъ самое ревнивое отношеніе къ буквѣ закона, который для него былъ святъ. Несчастье Агапа состояло въ томъ, что онъ по своей неразвитости и односторонности ума, слишкомъ узко толковалъ букву закона, не допуская никакого „духа" закона, не допуская никакихъ толкованій, кромѣ собственнаго пониманія...

Но вотъ и правленіе. Оно стояло отдѣльно отъ деревни, на пригоркѣ, окруженное березовою рощей. Новое зданіе подъ желѣзной крышей, покрашенною охрой, глянуло на меня своими расписными окнами сквозь ряды деревьевъ. Роща была обнесена тесовымъ заборомъ. Боже мой, чего, чего не творилось въ тѣни этой рощи! Писарь здѣсь распивалъ пиво и водку въ отсутствіи старшины и совершалъ сдѣлки со своими темными, т.-е. неграмотными кліентами. Здѣсь же обыкновенно завершалась мировая между тяжущимися сторонами.

Старое зданіе правленія лѣтъ пять назадъ сгорѣло. Свидѣтели пожара могли удостовѣрить одно, что огонь показался сначала въ архивѣ, гдѣ хранилась цѣлая гора запутанныхъ дѣлъ. Кому собственно мѣшалъ этотъ архивъ, гдѣ покоились сномъ праведнымъ грѣхи многихъ волостныхъ міроѣдовъ, неизвѣстно. Новый старшина и началъ съ того, что распорядился постройкой новаго правленія, обложивъ волость особой данью. Мужики не роптали на этотъ новый налогъ: нельзя же въ самомъ дѣлѣ безъ правленья. Пока строилось новое правленіе, волостныя дѣла разсматривались въ обыкновенной крестьянской избѣ, что̀ конечно сильно умаляло репутацію „присутствія".

Новое зданіе правленія уже своею внѣшностью производило надлежащее впечатлѣніе. Фасадомъ зданіе выходило къ дорогѣ. Надъ средними окнами красовалась доска, на которой черными большими буквами было изображено: „Правленіе и волостной

судъ", и сверху государственный орелъ. Ничего подобнаго не было прежде. Всѣ и безъ того хорошо знали, что старая развалина, обшитая тесомъ, съ засиженными мухами стеклами, мѣстами заклеенными бумагой, а въ лѣтнее время и просто онучами правленскаго сторожа, съ черными тараканами, привольно гуляющими по полу и по столу днемъ и ночью, а за столомъ безсмѣнно сидитъ какой-то взъерошенный, съ запачканными черниломъ руками, субъектъ, не обращающій вниманія на вашъ приходъ,—что это и есть волостное присутствіе.

Подойдя къ подъѣзду нынѣшняго правленія, я сразу понялъ, что губернаторъ дѣйствительно ѣдетъ. Всюду шли приготовленія къ встрѣчѣ, всюду наводилась чистота; дорожка, ведущая къ крыльцу, была тщательно посыпана пескомъ и по ней никто не смѣлъ проходить: тутъ же стоявшій сторожъ энергично окрикивалъ всякаго дерзкаго, занесшаго свою нечистую ногу на путь, пріуготованный для начальства. На меня, одѣтаго по городскому, сторожъ Степанъ только сердито покосился, но ничего не сказалъ, когда я наслѣдилъ на дорожкѣ, и тотчасъ же схватился за метлу, чтобы сгладить слѣды. Ступеньки были начисто вымыты и устланы рогожкой, чтобы сохранить ихъ къ пріѣзду губернатора во всей невинности и чистотѣ. Взглянувъ на Степана, вѣрнаго и безсмѣннаго стража правленія въ теченіе многихъ десятилѣтій, прозваннаго почему-то Тяжелымъ, я не сразу понялъ, чѣмъ онъ былъ занятъ въ этотъ моментъ. Съ засученными рукавами старикъ стоялъ у чана съ водой и энергично полоскалъ что-то.

— Чтò ты стряпаешь, Степанъ?—спросилъ я старика.

Тутъ только Тяжелый призналъ меня и шамкающимъ ртомъ проговорилъ:

— Ахъ, это ты родной, Миколай Ивановичъ! А я думалъ, кто изъ города.

— Чтò у тебя за стирка?

— Шутъ ихъ возьми, совсѣмъ измучился: рубахи стираю; одна высохнетъ, несутъ другую, только поспѣвай.

— Чьи рубахи?

— Да писаря съ Овдокимычемъ. По семи смѣняютъ въ день. Губернатора ждемъ, такъ дѣловъ принакопилось.

Старикъ снова замахалъ руками.

Новое правленіе было построено во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ по образцу и подобію стараго. Миновавъ небольшія сѣнцы, вы попадете въ присутствіе съ зерцаломъ надъ большимъ столомъ, обитымъ зеленымъ сукномъ, залитымъ мѣстами чернильными пятнами. Налѣво отъ входа—архивъ, направо—дверь въ

безъимянную комнату, гдѣ въ обычные дни занимались старшина съ писаремъ и гдѣ вѣчно торчали просители обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Изъ сѣней брали свое начало двѣ другія комнаты, имѣвшія весьма серьезное значеніе для всего правленія, а одна изъ нихъ и для всей волости: первая—сторожка, гдѣ проживалъ Тяжелый.

Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ сторожкой, дверь противъ двери, находилась другая комната, безъ которой и самое правленіе немыслимо. Надъ дверями этой комнаты крупными буквами было изображено: „Арестантская". Къ моему удивленію, дверь арестантской заперта не на веревочку, какъ бывало раньше, а на ключъ, съ здоровеннымъ желѣзнымъ засовомъ. „Очевидно, ныньче дѣло это обстоитъ серьезно", подумалъ я. Не было и окошечка на двери, чрезъ которое „засажденные" обмѣнивались мыслями съ кѣмъ хотѣлось. Единственное крошечное оконце, освѣщавшее арестантскую, было заграждено желѣзной рѣшеткой. Размѣръ ея былъ увеличенъ почти вдвое. Окно въ прежней арестантской обыкновенное, безъ всякихъ рѣшетокъ, вѣчно было разбито или заткнуто онучами все того же Степана Тяжелаго. Кто не желалъ долго засиживаться въ „темной", тотъ обыкновенно вылѣзалъ чрезъ это окно и преспокойно удиралъ домой. Въ иныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, узникъ былъ неспокойный, самъ Степанъ не скучалъ о бѣглецѣ, а иногда и лично способствовалъ побѣгу, оставляя по ошибкѣ дверь арестантской совсѣмъ незакрытой.

Проходя мимо преобразованной арестантской, я не могъ не замѣтить перемѣны. Я подозвалъ Степана.

— Развѣ есть кто, что заперта?—спросилъ я. Степанъ только рукой махнулъ.

— Кажинный день,—вполголоса сказалъ старикъ, видимо опасаясь, чтобы кто не подслушалъ его словъ.—Вотъ и сегодня земскій троихъ прислалъ и всѣ съ утра сидятъ. Съ понедѣльника сидятъ двое.

— За что же?

— Кто ихъ знаетъ! Одного Овдокимычъ посадилъ за грубіянство, а тѣхъ земскій.

Такое обиліе заключенныхъ въ „темной", гдѣ раньше обитали одни клопы да тараканы, ясно указывало, что время за мое отсутствіе серьезно измѣнилось... Я не удержался, чтобы не спросить Тяжелаго:

— Кто сидитъ?

Тотъ назвалъ двухъ бабъ и десятилѣтняго мальчика Ивашку. Наталья Васина изъ деревни Дубровы была разлучена съ груд-

нымъ ребенкомъ, котораго за три версты приносили кормиться, и баба сидитъ другія сутки; сегодня обѣщали выпустить. Въ это время какъ разъ старшенькая дочка Натальи, Катька, притащила своего братишку къ матери. Ребенокъ пищалъ во всѣ свои голосовыя средства. ...Тяжелый пошелъ отпирать дверь, щелкнулъ ключемъ, загремѣлъ засовъ.

— Наталья!—позвалъ онъ, толкнувъ дверь; но звать было нечего: баба и безъ того уже давно слышитъ плачъ своего малютки. Она такъ и бросилась опрометью къ нему, какъ только дверь открылась. Пододвинувъ къ себѣ кузовъ съ припасами, Наталья, чтобы не терять времени, принялась и сама за обѣдъ. Смуглая Катька тутъ же стояла, робко поглядывая то на маму, то на Степана, то на меня, незнакомаго ей человѣка. Мать засыпала ее вопросами. Та подробно рапортовала ей, что въ полѣ все сегодня докосили, что сѣно еще не убрано, а вчера обмочило дождемъ копенъ двадцать, которыя были развалены утромъ, что сегодня въ поскотину забѣжалъ волкъ и унесъ у дяди ягненка, искусалъ ихнюю овцу, у которой тройники ныньче, что тятька ушелъ къ земскому и все еще не вернулся, какъ вернется, такъ и придетъ сюда и т. д., и т. д. Я спросилъ Наталью, за что̀ ее посадилъ земскій. Бойкая бабенка живо заговорила, что она не виновата, а виновата Марфушка Алёксина, ея сосѣдка, съ которой онѣ поссорились на сѣнокосѣ. Тутъ Наталья довольно откровенно обругала свою сосѣдку, которая нажаловалась на нее земскому, а земскій часто у нихъ останавливается, когда пріѣзжаетъ въ деревню, за то и посадилъ. Въ концѣ концовъ Наталья расплакалась и стала жаловаться на жизнь, на людей и попрекать земскаго, на что Степанъ нашелъ нужнымъ замѣтить ей:

— Ну, ну ты лишка-то не трещи. Безъ дѣла не посадилъ бы. Пора и на свое мѣсто. Неравно самъ пріѣдетъ.

Малютка, оторвавшись отъ груди, любопытными глазами осматривался кругомъ. Степанъ былъ видимо на сторонѣ Натальи и не торопилъ ея. Бѣдная баба не унималась, высказывая мнѣ свои жалобы. Я зналъ ее еще въ дѣвкахъ, и вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться... Чей-то голосъ, раздавшійся въ правленіи, и скрипъ какой-то двери заставили Степана понудить бабу. Наталья повиновалась и передала малютку дочери, наказавъ, чтобы та поскорѣй бѣжала домой и уложила его спать. Ребенокъ снова залился плачемъ. Я не могъ дольше оставаться свидѣтелемъ этой сцены и взволнованный отошелъ въ сторону.

Я вошелъ въ присутствіе. Здѣсь была образцовая чистота. Полъ вымытъ, и сюда никого не впускали, я прошелъ только по

недосмотру или попустительству Степана. Судейскій столъ былъ перекрытъ новымъ сукномъ, стулья и скамьи стояли въ вожделѣнномъ порядкѣ, окна раскрыты настежь. Посреди стола стояла большая чернильница и перо съ новенькой ручкой. Не видя никого въ присутствіи, я вышелъ обратно, чтобы проникнуть въ безъимянную комнату, гдѣ шла усиленная работа. Въ эту комнату можно было проникнуть только черезъ сторожку Степана, такъ какъ дверь изъ присутствія была закрыта въ виду генеральной чистки, въ ожиданіи губернатора.

Здѣсь за однимъ столомъ, стоящимъ у окна, сидѣли три человѣка; двое помоложе усердно строчили что-то, третій—старикъ, съ очками на носу, перечитывалъ, должно быть, только-что написанное. Мой приходъ прервалъ спѣшную работу. Двое первыхъ даже встали со своихъ мѣстъ, очевидно принявъ меня за какую-нибудь персону; старикъ же только разогнулся да скинулъ очки на лобъ. Я представился. Двое помоложе снова принялись строчить. Старикъ счелъ нужнымъ побесѣдовать со мной и отложилъ въ сторону работу. Это, конечно, былъ Агапъ Евдокимовъ, а молодые—писарь и его помощникъ. Старшина удивилъ меня прежде всего своей фигурой. Такихъ мужиковъ я еще не видалъ никогда. Это былъ воплощенный приказный дьякъ, какими тѣхъ изображаютъ на рисункахъ. Заостренный кверху лобъ лоснился; жиденькіе, темнорусые, съ просѣдью, волосы, сдобренные деревяннымъ масломъ, начинались съ полуголовы и были расчесаны на двѣ стороны, на концахъ вились въ стружку. Лицо казалось совершенно выцвѣтшимъ, только маленькіе каріе глазки лукаво высматривали изъ-подъ голыхъ бровей. Продолговатое лицо оканчивалось жиденькой бородой, тронутой кое-гдѣ сѣдиною. Агапъ былъ одѣтъ въ очень потертую бекешку, съ сборками назади. На немъ были такіе же поношенные штаны и резиновыя калоши на-босу ногу. Очки со складными оглобельками довершали фигуру старика. Роста онъ былъ средняго, но коренастъ и нѣсколько округлился.

— Пожаловали въ наши края? — началъ Агапъ, опершись руками о колѣна.—Доброе дѣло, пора стариковъ провѣдать.

— Съ новосельемъ поздравляю васъ,—продолжалъ я.

— Да, слава Богу. Въ январѣ освященіе было.

— Хорошо, хорошо,—прибавилъ я, желая вызвать старшину на разговоръ.—Чистота, порядокъ.

— Насчетъ порядку, оно точно, пришлось потрудиться малость. Покойничекъ, Яковъ Миколаевъ, не тѣмъ будь помянутъ,—чай, помните его? — позапустилъ волость, позагрязнилъ. На пер-

выхъ порахъ трудненько досталось, по колѣно въ грязи ходили въ присутствіи-то, а къ архиву и добраться было невозможно. Огонь поочистилъ малость... Охъ, было грѣха-то!—вздохнувъ, прибавилъ старикъ.—Да вотъ, не угодно ли?—я вамъ покажу... Астафій Максимычъ,—обратился Агапъ къ писарю:—покажь-ко намъ книгу номеръ 8-й и книгу литеру „буки". Пускай они поглядятъ, какое мы, дураки деревенскіе, благоустройство заводимъ.

Изъ-за стола всталъ, заложивъ перо за ухо, лохматый субъектъ, лѣтъ сорока, небритый, въ засаленномъ сюртукѣ, штаны „на улицу", какъ у насъ говорятъ о тѣхъ, кто носитъ брюки поверхъ сапогъ,—тоже съ очками на носу, и молча, какъ тѣнь, потянулся къ шкапу, откуда, немного порывшись, извлекъ книгу номеръ 8-й и книгу литеру „буки".

— Вотъ, неугодно ли?—предложилъ старшина:—въ этой книгѣ указаны... вотъ видите, всѣ прочія книги по номерамъ и гдѣ какая находится. Вотъ, все по порядку. Это леестръ обчій, а эта литера,—Агапъ указалъ на книгу литера „буки",—обозначаетъ когда и какое дѣло поступило. Это обчій леестръ дѣлъ по волости. Вотъ ежели потребуется мнѣ найти какое дѣло, примѣрно Василья съ отчемъ его, я спервоначалу гляжу въ книгу № 8-й и тамъ вижу, что оно занесено въ литеру буки за № 37, гляжу въ № 37, а здѣсь сказано, что дѣло это такого-то числа поступило въ имянной списокъ за №... которымъ, бишь, Астафій Максимычъ?

Астафій Максимычъ опять молча полѣзъ за какой-то книгой, заглянулъ въ нее и далъ отвѣтъ:

— „49".

— А тамъ дѣло это подшито въ самомъ лучшемъ видѣ. Вотъ неугодно ли? Петра, достань-ка книгу № 49!

Изъ-за стола всталъ подмастерье писаря, молодой парень, изъ окончившихъ начальную школу.

— Вотъ, изволите видѣть,—продолжалъ Агапъ,—эту самую книгу всякій разъ смотритъ господинъ земскій начальникъ, и отъ него ужъ, какъ говорится, ни скрыть, ни утаить ничего невозможно. А вотъ видите этотъ №; онъ указываетъ, ежели дѣло разобрано, на другую книгу, гдѣ вписано рѣшеніе по оному. Такъ, что все теченіе дѣла какъ на ладошкѣ. А вотъ еще книга, сутошная... Здѣсь господинъ земскій начальникъ ревизію свою вписываетъ и что ежели замѣтитъ, тоже вписываетъ.

Агапъ развернулъ „сутошную". Листы книги сплошь были испещрены подписями земскаго начальника: „Смотрѣлъ, и все нашелъ въ вожделѣнномъ порядкѣ", „Ревизовалъ и все хорошо",

„Смотрѣлъ". „№ 52 книги литера Б подчищенъ. Писарь Вислоуховъ оштрафованъ мною на три рубля, которые отнесены въ общій штрафной капиталъ".

Изъ всего показаннаго мнѣ старшиной явствовало, что канцеляризмъ процвѣталъ въ новомъ правленіи и что Агапъ буквально благоговѣлъ предъ новыми порядками.

— А вотъ, неугодно ли?—покажу и наше присутствіе. Пожалуйте.

Я снова осмотрѣлъ присутствіе и архивъ; въ послѣднемъ царилъ тотъ же порядокъ, чтò и въ канцеляріи. Я похвалилъ все и спросилъ объ арестантской. Арестантская интересовала меня больше самого присутствія. Она являла собою наглядные результаты новаго порядка въ нашей волости. Взглянувъ въ лицо Агапа, мнѣ показалось, что онъ не хотѣлъ касаться этого предмета, но тѣмъ не менѣе, помолчавъ немного, онъ отвѣчалъ:

— Арестантская новая, пришлось порасширить малость.

— Отчего же? Я помню, она обыкновенно пустовала. Неужели за десять лѣтъ народъ такъ испортился?

Агапъ прошелся по присутствію, шлепая калошами и какъ бы соображая, чтò отвѣтить мнѣ.

— Народъ сталъ больно дурить,—началъ онъ, — да и порядку при земскомъ стало больше: чтò раньше сходило съ рукъ, ныньче нѣтъ, пожалуйте къ отвѣту. Надо правду сказать, построже стало; да и нельзя иначе съ нынѣшнимъ народомъ. Волю взялъ, знать никого не хочетъ. А вотъ посидитъ день-другой въ этакую пору, когда день-отъ пять цѣлковыхъ стоитъ, такъ и будетъ поскромнѣе. Дѣло-то будетъ лучше. Иные штрафы отсиживаютъ.

— Какіе штрафы?—спросилъ я.

— За неуваженіе земскаго, за неисполненіе приказа,—мало ли за что приходится? Вонъ мальченку сичасъ посадилъ.

— За что же, чтò онъ сдѣлалъ?

— Земскій прислалъ съ запиской продержать сутки.

— Вы не знаете за что?

— Мальченка вретъ: шапку, говоритъ, не снялъ, какъ ѣхалъ земскій. Вретъ, нашалилъ вѣрно что-нибудь, попалъ на глаза земскому. Неладно, ежели и шапку такой соплякъ не снялъ. Это непочтеніе...

Видя, что Агапу не хочется много говорить объ арестантской, я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и спросилъ о губернаторѣ.

— Да, ждемъ, ждемъ. Безпремѣнно будетъ. Вотъ и подчищаемся.

— Когда же обѣщался быть?

— А этого не могу вамъ сказать. Самъ земскій не знаетъ. Вчера уѣхалъ навѣдаться въ городъ. Надо приготовиться къ встрѣчѣ. Лицо значительное. Говорятъ, изъ Питера, такой прозритель. Во все самъ вникаетъ. Ну, а у насъ, слава Богу, поглядѣть есть что!—при этихъ словахъ старшина обвелъ глазами присутствіе.

Теперь уже не оставалось сомнѣнія, что губернаторъ пріѣдетъ. Эта увѣренность придала мнѣ смѣлости.

— Скажите пожалуйста, почему это вы не выдали мою повѣстку брату, заставили меня тащиться къ вамъ за такими пустяками?

— Ахъ, повѣсточку-то?—не безъ нѣкотораго лукавства переспросилъ Агапъ, отъ котораго, конечно, не могло укрыться мое раздраженіе.—Оттого и не выдали, что и выдавать не слѣдъ. Вотъ почему,—прибавилъ старикъ, приподнявъ тонъ.

— Какъ не слѣдъ?—еще запальчивѣе продолжалъ я, задѣтый за живое отвѣтомъ Агапа:—что жъ, вы всякаго таскаете въ правленіе?

— И таскаемъ... Да вы не горячитесь, господинъ! Мы свое дѣло знаемъ. Не первому тебѣ не посылаемъ,—вдругъ перешелъ старшина на „ты".—Коли надо, такъ придешь и попросишь. Видали мы погорячѣе тебя, да отходили.

Агапъ снова зашлепалъ калошами и пошелъ въ канцелярію. Мнѣ не хотѣлось на первый же разъ такъ дурно разставаться со старшиной, и я попробовалъ доказать ему мое право быть недовольнымъ его дѣйствіями.

— Извините пожалуйста, господинъ старшина,—началъ я спокойнѣе:—я тоже знаю, что̀ говорю, и если я послалъ брата, такъ имѣлъ на то причину, и вамъ нечего было задерживать. Вѣдь вы знаете хорошо моего брата, да и посылка-то хлопотъ не стоила.

— Вы знаете въ Питерѣ, а я — вотъ здѣсь у себя дома. Вотъ, неугодно ли я?—покажу вамъ законъ... Это вамъ даже довольно стыдно не знать... Вотъ, укажите-ка имъ, — обратился Агапъ къ своему писарю,—гдѣ тутъ сказано, что повѣстки вручаются лично... Какъ же это заочно я могъ выдать тебѣ повѣстку! А вдругъ помимо тебя по ней деньги получатъ, что̀ ты мнѣ тогда скажешь? Вотъ то-то и есть. Разсуждать-то всѣ мы мастера, а вотъ законности-то и нѣтъ.

Съ этими словами Агапъ снова сѣлъ за столъ и углубился въ какую-то бумагу. Но онъ былъ несповоенъ, разговоръ порядочно взволновалъ старика. Я чувствовалъ себя довольно неловко, но продолжалъ оспаривать писаря. Вдругъ старикъ вскочилъ съ мѣста.

— Чтò ты кричишь у меня!—по-хозяйски прикрикнулъ на меня Агапъ.—Али я не хозяинъ здѣсь? Указывай поди въ Питерѣ. Слыхалъ я... Чтò такое!.. Какое имѣешь ты такое право кричать въ присутственномъ мѣстѣ? Въ арестантскую хошь! Вотъ хотѣлъ знать—и узнаешь!—Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ при мысли, что вѣдь Агапъ дѣйствительно можетъ сдѣлать мнѣ скандалъ.

— Не кричите, господинъ старшина,—возможно спокойнѣе отвѣтилъ я:—въ арестантскую вы меня не посадите, а вотъ губернаторъ пріѣдетъ, такъ мы посмотримъ...—на авось припугнулъ я и направился вонъ изъ правленія, не получивъ опять своей злополучной повѣстки.—Пущай земскій пріѣдетъ, я тебѣ покажу! —раздалось вслѣдъ за мной.

Въ самомъ мрачномъ настроеніи, вернулся я домой. Брань старшины задѣла меня за живое. Я зналъ, что стычка эта не останется въ четырехъ стѣнахъ правленія, что все это скоро станетъ предметомъ сплетенъ и пересудовъ улицы, которые не замедлятъ дойти и до Ульева. Кострыгинъ тогда окончательно выпуститъ когти, и мой отдыхъ превратится въ несносную пытку. Грубость и самонадѣянность старшины въ обращеніи съ человѣкомъ, котораго онъ видитъ впервые, ясно говорили, что въ нашей волости завелась дѣйствительно строгая и крѣпкая власть, центральная, на которую опирались всѣ остальныя власти включительно до Васьки Кострыгина. Стоитъ обезпокоить одну власть, какъ въ то же время окажутся совмѣстно безпокойными и всѣ прочія, и все это неминуемо обрушится на дерзкаго.

Власть земскаго начальника господствовала надъ всѣми, и подъ ея сѣнью орудовали всѣ, кому она такъ или иначе покровительствовала. Не удовлетворивъ требованія Васьки насчетъ мачты и флага и вызвавъ гнѣвъ Агапа, я очевидно тѣмъ самымъ обезпокоилъ и самого земскаго и вообще попалъ въ самые неудобные „промежутки“, какъ выражаются наши мужики, когда хотятъ сказать, что человѣкъ попалъ въ самое невозможное положеніе. Промежутки, по ихъ убѣжденію, означаютъ положеніе души на томъ свѣтѣ, когда та по недостатку грѣховъ въ адъ не попала,

да и въ рай не угодила, и такъ и остается въ промежуткахъ, т.-е. между адомъ и раемъ, въ виду адскаго пекла, пока дьяволы собираютъ о ней дополнительныя свѣденія. Стоитъ такъ человѣческая душа и вспоминаетъ всѣ свои прегрѣшенія. При ней неотлучно дежуритъ ея ангелъ-хранитель, добрый адвокатъ, который всякому новому грѣху, выставленному дьяволами, старается противоставить сохранившееся въ его памяти доброе дѣло. Мой ангелъ-хранитель—новый губернаторъ еще представлялся въ видѣ журавля въ небѣ. Конечно, никакая серьезная опасность мнѣ не угрожала, въ крайнемъ случаѣ я просто могъ уѣхать въ Петербургъ; но мое свѣтлое настроеніе было нарушено,—великолѣпный отцовскій садъ съ его бесѣдкой, такъ и манящей отдохнуть подъ ея сѣнью, уже не имѣлъ для меня и половины прежней привлекательности, даже флагъ какъ будто призатихъ; мачта какъ-то уныло гудѣла, точно оплакивая свою участь безталанную.

VIII.

Читателю, вѣроятно, кажется страннымъ, что авторъ, человѣкъ петербургскій, такъ побаивается Васьки Кострыгина, смиряется предъ старшиной и видимо совсѣмъ труситъ земскаго начальника, хотя въ то же время самъ какъ бы похваляется знакомствомъ съ губернаторомъ по Петербургу. На это авторъ долженъ дать нѣкоторыя объясненія. Начать съ того, что авторъ весьма скромный человѣкъ, особа не чиновная, а самый простой смертный. Предки его были простыми землепашцами. Это честное ремесло, а съ нимъ и простое званіе унаслѣдовалъ и сынъ ихъ, ставшій только впослѣдствіи волей судебъ „отрѣзаннымъ ломтемъ". Благодарный сынъ своихъ скромныхъ родителей, авторъ гордился своимъ происхожденіемъ, сознательно и добровольно рѣшилъ навсегда остаться въ томъ же чинѣ и званіи, какъ и его отецъ и братья, т.-е. „податной единицей", съ которой у насъ не принято церемониться. Авторъ—мѣстный крестьянинъ и въ качествѣ таковаго онъ обязанъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ сельскихъ властей, хотя бы тѣ были и „строптивы", какъ учитъ катихизисъ: безропотно безпрекословно, и брать ежегодно изъ волостного правленія паспортъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ тѣмъ, что̀ значитъ взять изъ волости „пашпортъ", въ особенности для проживающаго „во всѣхъ городахъ имперіи впредь до нижеписаннаго числа срокомъ на одинъ годъ", и съ которымъ, „буде онъ не явится къ сроку, будетъ по-

ступлено по закону", т.-е. какъ съ бродягой,—тотъ пойметъ волненіе автора, пойметъ и то, почему онъ не выгналъ Ваську Кострыгина, когда тотъ пришелъ и пригрозилъ ему земскимъ, пойметъ, почему Агапъ былъ съ нимъ такъ грубъ и безнаказанно перешелъ на „ты". На все это люди эти имѣютъ свои права. Старшина безъ особыхъ затрудненій могъ бы посадить автора подъ арестъ, даже наказать розгами; староста свободно могъ бы послать его вмѣстѣ съ прочими обывателями править ту дорогу, по которой ожидался проѣздъ губернатора: ослушаніе могло бы повлечь за собой вполнѣ законное взысканіе безъ всякихъ правонарушеній. Правда, сельскій староста отлично знаетъ, что работа „питеряка" была бы плохая, но онъ имѣлъ право заставить работать его такъ, для потѣхи. Какъ мѣстный крестьянинъ, хотя и фиктивный, такъ какъ съ дѣтства мало имѣлъ общаго съ деревней, авторъ однако имѣлъ за собой всѣ обязанности, вытекающія изъ его правъ члена общества, но уже не фиктивныя, а дѣйствительныя. Фактически утратившій всякія права въ деревнѣ, юридически онъ принадлежалъ этой деревнѣ и слѣдовательно всѣ свои дѣйствія повиненъ былъ подчинять усмотрѣнію міра или, вѣрнѣе, сельскихъ властей, представителей этого міра. Подыскать причины для наложенія самаго суроваго взысканія включительно до наказанія розгами для старшины нѣтъ ничего легче. Онѣ перечислены даже въ законѣ: ослушаніе, непокорство, озорство, сопротивленіе, неуваженіе къ старшимъ, угрозы и проч. Все это проступки, вполнѣ достаточные для старшины, чтобы самаго почтеннаго и благонамѣреннаго обывателя уравнять въ правахъ съ послѣднимъ пропойцей, т.-е. выстегать розгами. Невѣжественный самодуръ, охотно холопствуя предъ всякой чиновной или привилегированной ничтожностью, не терпитъ превосходства себѣ подобнаго. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы сломить непокорную голову. Осрамить „выскочку"—для него потѣха.

Таково правовое положеніе интеллигентнаго человѣка въ деревнѣ, если онъ лицо непривилегированное, нечиновное и вдобавокъ не денежный тузъ, предъ которымъ пасуетъ все... За нимъ, потерявшимъ фактически всѣ права на деревню, остаются однѣ обязанности, за которыя онъ и долженъ расплачиваться, безразлично, живетъ ли онъ въ деревнѣ или „во всѣхъ прочихъ городахъ имперіи".

Хорошо все это помня, я имѣлъ причину опечалиться, вернувшись изъ правленія послѣ разговора съ Агапомъ. Прелести деревенской жизни подъ родительскимъ кровомъ начали стуше-

ваться. Страхъ за свою независимость, за свою свободу, за свое неопороченное доброе имя, наконецъ, за свою личность, отравляли мое настроеніе, понуждая ежеминутно памятовать изреченіе Васьки Кострыгина, который и самъ вѣчно живетъ подъ страхомъ отвѣтственности: „не ровенъ часъ—земскому не полюбится". Нѣсколько дней подъ рядъ подъ видомъ лѣни я не поднималъ своего флага, тогда какъ въ дѣйствительности я чувствовалъ, что это была не лѣнь, а трусость, тайный страхъ отвѣтственности передъ формулой, выражаемой словами: „не ровенъ часъ". Это меня злило до крайности. Не желая расписываться въ явной трусости, я какъ-то поднялъ флагъ и не хотѣлъ уже спускать даже на ночь, какъ бы казня свою трусость негодную. Но и въ томъ было немного отрады: я хорошо сознавалъ, что эта храбрость—храбрость вымученная, а не результатъ свободной воли: все-таки я не былъ увѣренъ, что мужикъ не придетъ съ топоромъ и не срубитъ мою мачту, я не былъ увѣренъ, что я въ силахъ оградить себя отъ произвола даже Васьки Кострыгина. На дняхъ былъ у меня Лобовъ и подивился моей унылости. Я сослался на нездоровье. Этотъ визитъ Лобова еще больше подлилъ масла въ огонь моей трусости: онъ оказался гораздо смѣлѣе меня и, какъ мнѣ показалось, страшно подвелъ меня однимъ своимъ въ высшей степени нелѣпымъ поступкомъ. У меня былъ револьверъ. Лобовъ большой охотникъ и не утерпѣлъ, въ мое отсутствіе выпалилъ въ саду изъ револьвера. Страшный хлопокъ особенно перепугалъ двухъ особъ: мою мать, старушку, и другую такую же старушку, мать Васьки Кострыгина, бѣдовую Домну, которая какъ на зло проходила въ эту пору съ внучкой на рукахъ. Старуха такъ и присѣла, завопивъ не своимъ голосомъ: „ой, батюшки!" и уронила ребенка. А потомъ, когда узнала въ чемъ дѣло, долго ругалась, крича на всю деревню, и была права. Я въ первую минуту подумалъ, что Лобовъ пустилъ пулю себѣ въ лобъ. Къ счастію ошибся. Вотъ-то бѣда бы! А тотъ только глупо расхохотался на мой испугъ, когда я набросился на него съ упреками, что онъ меня подводитъ: „не ровенъ часъ!"...

Когда Лобовъ ушелъ, еще разъ посмѣявшись надъ моей трусостью, я отправился къ Домнѣ и ласковымъ разговоромъ пытался успокоить старуху, разсѣять ея опасенье стать какъ-нибудь жертвой пальбы. Старуха страшно расходилась и задала мнѣ вполнѣ заслуженную головомойку, наговоривъ Богъ вѣсть какихъ ужасовъ, могущихъ произойти отъ выстрѣла: я могъ убить ее, Домну, на старости лѣтъ, свести въ могилу безъ должнаго покаянія и напутствія, въ лучшемъ случаѣ перепугать,

отъ чего она могла бы съ ума сойти, а съ внучкой могъ бы приключиться родимчикъ. Мало того, я могъ запалить деревню: теперь время сухое, долго ли загорѣться гдѣ-нибудь соломѣ?—а въ деревнѣ ни души, кромѣ малыхъ да старыхъ, которые могли всѣ погибнуть въ пламени. Вотъ что̀ надѣлалъ Лобовъ. „Батюшки мои,—думалъ я:—вотъ и преступленіе готово". Выстрѣлилъ Лобовъ, но револьверъ мой, на держаніе котораго у меня нѣтъ установленнаго свидѣтельства. Я купилъ его по случаю. Васька, конечно, воспользуется этимъ глупымъ случаемъ и сдѣлаетъ мнѣ пакость, особенно, если узнаетъ, что я съ Агапомъ повздорилъ.

Опасенія мои дѣйствительно оправдались. Въ тотъ же день явился ко мнѣ снова Кострыгинъ, но уже безъ бляхи, что̀ однако не предвѣщало ничего добраго, такъ какъ безъ бляхи Васька—частный человѣкъ, а какъ таковой, онъ могъ дать себѣ полную волю.

— Ты что̀ же это дѣлаешь, Миколай Ивановъ?—прямо приступилъ Васька, едва войдя въ избу.—Это братъ не дѣло, эдакъ спалишь деревню. Я должонъ отвѣчать, и т. д. Васька повторилъ почти полностью всѣ обвиненія, взведенныя на меня его матерью. Я разсказалъ старостѣ какъ было дѣло, взваливъ все на Лобова.

— Это мнѣ все единственно. Я должонъ отвѣчать,—продолжалъ староста строго.—Что̀ ежели случится,—мы въ отвѣтѣ; ты вотъ набѣдокуришь и маршъ въ Питеръ, а тутъ за вашего брата раздѣлывайся. Хорошо—стрѣльнулъ благополучно, а кабы ежели, чего сохрани Богъ... Долго ли до грѣха! Вотъ урядникъ и то оногдысь въ правленіи спрашивалъ...

— Что̀ спрашивалъ?—въ ужасѣ перебилъ я потокъ рѣчи старосты.

— А что̀, говоритъ, онъ тамъ дѣлаетъ?

— А ты что̀ сказалъ?

— Сказалъ, что пока ничего не дѣлаетъ... А вотъ объ этомъ самомъ выстрѣлѣ я должонъ ему заявить, потому стрѣлять около жилыхъ хоромъ не приказано и за это строго взыскиваютъ. Вотъ прошлымъ лѣтомъ тутъ одинъ молодецъ стрѣльнулъ изъ ружья у себя въ избѣ и невзначай, такъ не радъ былъ и жисти, какъ земскій призвалъ его къ себѣ да приструнилъ. Вотъ что̀! Какъ же я топерича не заявлю, а коли безъ меня узнаетъ урядникъ, либо земскій, что̀ я стану говорить?

Съ этими словами Васька, не попрощавшись на этотъ разъ, вышелъ изъ избы. „Вотъ тебѣ на,—думалъ я:—не было печали, такъ черти накачали. Что̀ же я въ самомъ дѣлѣ дѣлаю?! Себя

подвергаю и другихъ подвожу. Этакъ, пожалуй, чортъ знаетъ до чего дойти можно!“ Урядникъ, старшина, земскій выросли въ моихъ преступныхъ глазахъ до грозныхъ посланниковъ Немезиды! Васька, конечно, донесетъ обо всемъ, и власть не замедлитъ проявить себя. Надо быть на все готовымъ. Чтò скажу я, напримѣръ, уряднику? А земскому? Хорошо еще, если они примутъ во вниманіе, что я не простой сермяжный мужиченко, а до нѣкоторой степени человѣкъ питерскій... А ежели не примутъ этого во вниманіе, а заглянутъ въ поземельные списки, отыщутъ тамъ меня, раба Божія, на ряду съ Сенькой Дробиной, поповскимъ работникомъ, да какъ съ таковымъ и поступятъ?.. И вѣдь они будутъ правы. Чортъ бы побралъ ихъ всѣхъ и Лобова, дурака, съ ними вмѣстѣ!..

Какъ на зло погода смялась: чудные лѣтніе дни смѣнились полуосенними, съ вѣтромъ, съ мелкимъ моросящимъ, какъ изъ сита, дождемъ. Приходилось большую часть дня просиживать дома, чтò еще болѣе усиливало мою хандру. Никакое начальство, однако, ко мнѣ не показывалось. Васька Кострыгинъ, отвлеченный работами, также повидимому бросилъ наблюдать за мной. Прошла недѣля, и никто не сказалъ мнѣ дурного слова. Я уже сталъ-было подумывать, что всѣ мои опасенія совершенно напрасны и что мнѣ ничто не грозитъ, какъ и моей злополучной мачтѣ съ ея подмокшимъ флагомъ. Мнѣ подумалось, что Васька, должно быть, не привелъ въ исполненіе своихъ угрозъ, но по временамъ съ этимъ утѣшительнымъ голосомъ въ глубинѣ моей души раздавался другой голосъ: а чтò, если это только отсрочка, если начальство собираетъ улики, чтобы затѣмъ нагрянуть во всеоружіи и сцапать меня молодца?

Чтобы встряхнуться нѣсколько отъ давящаго кошмара въ образѣ господина съ кокардой, я рѣшилъ отправиться въ нашъ уѣздный городъ, чему, впрочемъ, не суждено было сбыться по самой неожиданной причинѣ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда я готовился къ побѣгу изъ деревни, вдругъ послышался за околицей таинственный колокольчикъ. Я выбѣжалъ къ полю и сталъ тревожно прислушиваться: откуда и по какому направленію приближается колокольчикъ. Такъ и есть—къ Ульеву, слышенъ грохотъ экипажа. Кто жъ бы это могъ быть?—робко допрашивалъ я себя, — очевидно кто-нибудь изъ начальства: кому въ такую пору ѣхать съ колокольчикомъ?

Но у меня была одна дума: навѣрно, это земскій... Колокольчикъ въ деревенской тиши гудитъ какъ-то особенно тре-

вожно и подозрительно: его мѣрный звонъ какъ-то зловѣще раздается въ ушахъ даже самаго благонамѣреннаго обывателя, сроду не палившаго изъ револьвера. Кромѣ начальства, съ колокольчикомъ никто не ѣздитъ, тѣмъ болѣе въ рабочую лѣтнюю пору, а появленіе въ такую пору начальства въ деревнѣ всегда несетъ кому-нибудь бѣду. Этотъ страхъ таинственнаго звона на околицѣ я испытывалъ еще въ дѣтствѣ, и теперь онъ снова проснулся во мнѣ со всей свѣжестью. Я пробрался въ садъ и засѣлъ въ бесѣдку. Солнце, начинавшее послѣ нѣсколькихъ непогодныхъ дней проясняться, спускалось за горизонтъ въ разорванную сѣть облаковъ, окрасивъ громаднымъ заревомъ западъ. Потянулъ легкій вѣтерокъ, и мой флагъ усиленно начало трепать на семисаженной высотѣ; мачта по прежнему уныло гудѣла, листва шелестила вокругъ бесѣдки, а сердце мое ныло какой-то нелѣпой, непонятной тоской. Колокольчикъ между тѣмъ назойливо гремѣлъ уже у самой деревни; вотъ онъ звякнулъ отрывисто и замолкъ на минуту,—это значитъ ямщикъ осадилъ лошадей у отводка, ведущаго въ деревню. Такъ и есть, вотъ заскрипѣлъ отводъ и колокольчикъ снова загудѣлъ по деревнѣ. Слышу: прямо къ нашему дому! Теперь уже не было сомнѣнія, что причина пріѣзда начальства—я. Оставаться далѣе въ засадѣ мнѣ показалось уже черезъ-чуръ неприличнымъ и я пошелъ на встрѣчу опасности.

Изъ окна послышался голосъ моей матери.

— Николаша, къ тебѣ...

Я настолько былъ увѣренъ, что меня требуетъ именно начальство, а не кто другой, что мнѣ и въ голову не пришло спросить—„кто"? хотя такой вопросъ самъ напрашивался въ моемъ положеніи. На лѣстницѣ встрѣтилась мать.

— Павелъ Ивановичъ пріѣхалъ.

— Павелъ Ивановичъ?! — не своимъ голосомъ воскликнулъ я:—тьфу ты, чортъ возьми!

У меня сразу отлегло отъ сердца. Павелъ Ивановичъ—нашъ земскій фельдшеръ и мой старый пріятель.

— А, другъ-пріятель!—встрѣтилъ меня Павелъ Ивановичъ. —Чтожъ ты глазъ не показываешь?—допрашивалъ онъ меня, энергически потрясая руку.—Ждалъ, ждалъ,—нѣтъ; что̀, думаю такое? ужъ не осерчалъ ли на что, али, думаю, зазнался питерецъ. Не выдержалъ и вотъ заѣхалъ по пути изъ города... Ну что̀, разсказывай. Вѣдь давненько не видались. Какъ ты, братъ, осунулся!.. Не женился? здоровъ ли ты? какъ-будто того... и руки холодны, точно лихорадитъ малость.

Фельдшеръ былъ правъ: меня трясло, какъ въ лихорадкѣ, руки были потны и холодны, слова какъ-то вяло лѣзли съ языка. Послѣ обмѣна первыхъ словъ, мы разговорились.

— Надо выпить, — предложилъ Павелъ Ивановичъ. — Мы, братъ, по-деревенски. На дняхъ у меня былъ Ѳедоръ Петровичъ, выпили и за твое здоровье. Кстати, у меня имѣется отличная стклянoчка. Разлюли-малина...

Съ передряги я съ удовольствіемъ хлебнулъ съ Павломъ Ивановичемъ его „разлюли-малины". Какъ-то сразу полегчало. Мнѣ показалось, что Павелъ Ивановичъ уже не разъ прикладывался по дорогѣ къ своей неразлучной фляжечкѣ. Его веселость разогнала и мою хандру. Разговоръ оживился. Павелъ Ивановичъ служилъ въ нашей мѣстности безсмѣнно лѣтъ пятнадцать. Это былъ типичнѣйшій земскій фельдшеръ; съ деревней онъ сросся всѣмъ своимъ существомъ, хотя это ни чуть не мѣшало ему памятовать и о городѣ, о наукѣ, о литературѣ. Собственно говоря, это былъ самый интеллигентный человѣкъ въ нашей мѣстности. Получая сравнительно порядочное содержаніе и имѣя достаточно свободнаго времени, онъ шелъ впереди Ѳедора Петровича, обремененнаго семьей и хроническимъ безденежьемъ. Да и начальства разнаго у него было меньше: разъ въ мѣсяцъ наѣзжалъ къ нему докторъ, да и тотъ другъ-пріятель. Павелъ Ивановичъ выписывалъ журналы и ими дѣлился съ Ѳедоромъ Петровичемъ. Раньше фельдшеръ съ учителемъ были въ большой дружбѣ; нынче эта ихъ тѣсная связь была нарушена. Собственно говоря, отношенія между пріятелями остались прежнія, только они рѣже стали видѣться да при другихъ меньше откровенничать, но это было не по ссорѣ, а изъ политики: въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, друзья пришли къ заключенію, что по крайней мѣрѣ для виду, они должны быть въ ссорѣ и рѣже видѣться. Къ тому обязывало ихъ непрочное положеніе Ѳедора Петровича. Фельдшеръ, какъ наименѣе зависимый человѣкъ, иногда позволялъ себѣ и нѣкоторыя вольности, такъ: не соблюдалъ постовъ, позволялъ себѣ трунить надъ начальствомъ и проч. Въ глазахъ полицейскаго начальства и мѣстнаго училищнаго совѣта Павелъ Ивановичъ почитался за либерала и потому дружить съ нимъ для учителя было крайне рискованно.

За разговоромъ Павелъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ весьма прискорбную новость. Въ нашей деревнѣ — заразительная болѣзнь... и число жертвъ этой страшной язвы съ каждымъ днемъ возростаетъ. Помню, десять лѣтъ тому назадъ объ этой болѣзни у насъ знали больше по наслышкѣ. Меня крайне опечалила эта новость.

— Можетъ быть ты ошибаешься, Павелъ Ивановичъ?—спросилъ я фельдшера: — откуда у насъ ей взяться? Населеніе осѣдлое, отхожихъ промысловъ нѣтъ. Кто могъ занести страшную язву въ нашъ мирный, здоровый край, гдѣ даже въ арестантской до сихъ поръ не было надобности?

— Къ сожалѣнію, это вѣрно, дружище, — съ грустью отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ:—я самъ бы порадовался этой ошибкѣ, да нѣтъ: это не такая болѣзнь, чтобы ошибаться. Сомнѣнія нѣтъ. Я строго слѣжу за ходомъ заразы, веду особую запись. Да зло не въ томъ, что болѣзнь объявилась, — этого давно слѣдовало ожидать,—а въ томъ, что больные скрываютъ свое несчастье и узнаешь о нихъ только случайно, когда донесетъ кто-нибудь по злобѣ или ужъ когда зараза разовьется въ такой степени, что человѣку житья нѣтъ. Вотъ это скверно.

Далѣе зашла рѣчь о деревенской администраціи. Павелъ Ивановичъ, повидимому, недолюбливалъ Агапа и называлъ его не иначе, какъ Яковомъ вѣрнымъ, холопомъ примѣрнымъ земскаго.

— Представь, старый бѣсъ,—говорилъ онъ мнѣ про старшину,—просто загонялъ мужиченковъ; пора рабочая, а по цѣлымъ днямъ правятъ дороги; нѣтъ мужиковъ,—гоняетъ бабъ. Земскому смерть охота отличиться. Лошадей нѣтъ, не на чемъ за губернаторомъ ѣхать на пристань, а хвастнуть хочется. Любопытно, гдѣ они тарантасъ найдутъ?

Я въ свою очередь упомянулъ о стычкѣ въ правленіи.

— Пожалуй, земскому наговоритъ?—высказалъ я свое опасеніе.

— А чтожъ тебѣ земскій?

— Пакость можетъ устроить. Можетъ вызвать къ себѣ въ станъ.

— Ну, глупости!

— Все-таки. Впрочемъ, я братъ много разсчитываю на вашего губернатора. Я знакомъ съ нимъ нѣсколько по Петербургу.

Павелъ Ивановичъ такъ и привскочилъ при этихъ моихъ словахъ.

— Знакомъ?!—съ чувствомъ воскликнулъ онъ,—такъ какого ты чорта тутъ разнюнился? Да ты знаешь ли, довольно одного намека на это знакомство, чтобы не только ты, а и мы съ Ѳедоромъ Петровичемъ на аршинъ выросли въ глазахъ не только Якова вѣрнаго, а и самого земскаго! Увидишь, какъ дѣла перевернутся, какъ только Агапъ узнаетъ о твоемъ знакомствѣ. Да

знаешь, братъ,—новый губернаторъ, говорятъ, отличный человѣкъ и пытается смотрѣть въ корень вещей, во все вникаетъ...

Павелъ Ивановичъ не ошибся. Обстоятельства мои дѣйствительно вскорѣ довольно замѣтно измѣнились къ лучшему.

Сижу я какъ-то опять въ томъ же отцовскомъ саду и предаюсь по прежнему хандрѣ, измышляя разныя самыя невѣроятныя опасенья. Какъ вдругъ опять слышу колокольчикъ и опять кто-то подъѣхалъ къ нашему, какъ мнѣ показалось, дому. Но на этотъ разъ я ошибся. Колокольчикъ остановился у старостина дома, то были Агапъ съ писаремъ. Я, было, опять струсилъ. „Ну, думаю, теперь непремѣнно по моему дѣлу“. Такъ и есть, Васька идетъ за мной.

— Миколай Ивановичъ, выдь-ка сюда, — позвалъ онъ меня съ улицы, очевидно увѣренный, что я либо дома, либо въ саду. Я вышелъ.

— Вотъ тебѣ, Агапъ Овдокимовъ привезъ.

Смотрю, моя злополучная повѣстка на полученіе трехъ рублей. „Эге“, подумалъ я, сообразивъ въ чемъ дѣло: очевидно, фельдшеръ былъ въ правленіи. Я хотѣлъ быть благодарнымъ и подошелъ къ старшинѣ. Агапъ, не выходя изъ тарантаса, дѣлалъ какія-то распоряженія собравшимся мужикамъ. Рѣчь шла, кажется, все о тѣхъ же дорогахъ.

— Наше вамъ почтеніе, Николай Ивановичъ, — встрѣтилъ меня Агапъ. — Чтò къ намъ не навѣдываетесь? Завезъ, вотъ, повѣсточку-то. Думаю, по пути отчего не прихватить. Тягости нѣтъ.

„Эге“, подумалъ я, „Павелъ Ивановичъ былъ въ правленіи“.

— Чтò, какъ губернаторъ?—самодовольно спросилъ я, принимая протянутую руку Агапа.

— Ждемъ, ждемъ со дня на день, съ часу на часъ. Пожалуйте къ намъ, къ пріѣзду-то.

Покончивъ разговоръ съ мужиками и собираясь уѣзжать, Агапъ снова обратился ко мнѣ.

— Прощенія просимъ. Жалуйте, жалуйте къ намъ.

На этотъ разъ я вернулся въ свою бесѣдку ободренный и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на развѣвающійся флагъ.

Ив. Соколовъ.

УПРЯМАЯ

„A Rebel“ by A. Mathers.

Окончаніе.

IX *).

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ домѣ молодыхъ супруговъ Уильдфайръ случилось событіе, не столько важное для всего міра, сколько для самой м-съ Уильдфайръ: у нея родился сынъ.

Это событіе—самое мгновенное, самое поразительное, самое отрадное, какое только можетъ случиться въ жизни женщины. Мужъ никогда не доставитъ ей той чистой, той ни съ чѣмъ несравнимой радости, которую она чувствуетъ нѣдрами души своей при одномъ только прикосновеніи къ мягкой, бархатистой щечкѣ или ручкѣ ребенка, къ его полуоткрытымъ губкамъ. Любовь матери къ безпомощному крошкѣ—самая святая, самая возвышенно-чистая изо всѣхъ видовъ земной любви. Любовь къ мужу можетъ перемѣниться; любить можно и одного, и нѣсколькихъ въ своей жизни; но любовь къ ребенку никогда не остынетъ, не измѣнится, не перейдетъ на другого. Онъ—неотъемлемая собственность матери; онъ — ея сокровище, ея гордость, а не какой-нибудь другой ребенокъ, и ея чувства, ея беззавѣтная, горячая любовь принадлежатъ ему одному на свѣтѣ, безраздѣльно.

Послѣ долгихъ, жесточайшихъ мукъ, во время которыхъ надъ ея изголовьемъ жизнь и смерть вели роковую борьбу,—послѣ того, какъ сознаніе дѣйствительности снова къ ней вернулось, Бамъ

---

*) См. выше: іюль, стр. 197.

затихла, замерла въ нѣмомъ восторгѣ, въ упоеніи, что Богъ посѣтилъ ее своею благодатью, подаривъ ей малютку, котораго она держала въ своихъ объятіяхъ. Она вознеслась сердцемъ къ Богу и возблагодарила его за ниспосланную милость.

Въ такую минуту, когда для матери минуетъ самый опасный мигъ въ ея жизни, стремленіе вознестись сердцемъ къ Существу высшему, болѣе властному, чѣмъ мы, слабые люди, естественно должно возникнуть даже въ душѣ и такой женщины, которая отвергала бы его существованіе. Если же нѣтъ въ ней ни этого стремленія, ни даже намека на него,—значитъ, она плохая мать, и величайшій даръ божій напрасно ей ниспосланъ высшимъ божествомъ.

Лежа съ ребенкомъ на рукахъ тихо, безмолвно, молодая мать чувствовала, какъ тихо и отрадно становилось у нея на душѣ. Жизнь ея казалась теперь такой розовой, прекрасной; малѣйшія причины неудовольствія на Дениса сгладились безслѣдно подъ нѣжнымъ прикосновеніемъ крохотныхъ пальчиковъ его малютки-сына.

Денисъ всегда упорно утверждалъ, что у него дѣтская будетъ непремѣнно въ самой отдаленной части дома; а между тѣмъ самъ же выгадывалъ теперь минуты изъ своихъ занятій и проводилъ ихъ непремѣнно около жены и ребенка, что̀, конечно, было поразительно со стороны человѣка, до сихъ поръ приносившаго все остальное въ жертву наукѣ. Изумительно, до чего онъ небрежно относился теперь къ своимъ возлюбленнымъ книгамъ, до чего всѣ его интересы сосредоточились на маленькомъ окутанномъ живомъ сверточкѣ, который былъ для Бамъ дороже всего на свѣтѣ. Его новыя чувства пробудили въ немъ и новые таланты. Такъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ мысли, что музыка полезна для малютокъ, онъ возвращался нерѣдко домой съ цѣлой охапкой пѣсенъ и стиховъ... безъ музыки, и самъ придумывалъ для нихъ подходящія мелодіи. Мягкимъ теноромъ, слишкомъ миніатюрнымъ для его крупной фигуры, отецъ усердно напѣвалъ сыну то страстныя, то трогательныя пѣсенки.

— „Крошка цвѣточекъ увядшій“...—затягивалъ онъ; но мать въ негодованіи прерывала его строгимъ замѣчаніемъ:

— Напротивъ, нашъ цвѣточекъ даже очень крѣпенькій, здоровый!

А сама, въ то же время, соглашалась съ незатѣйливымъ концомъ той же пѣсенки:

— ...„Безмѣрно ты дорогъ для насъ!“...

Какъ знать? Можетъ быть, тѣ часы, которые Денисъ Уильд-

файръ провелъ у постели жены и ребенка, были для него самыми безмятежно-счастливыми, самыми свѣтлыми во всей его жизни? До тѣхъ поръ, пока онъ не познакомился съ своею женою, пока онъ на ней не женился, ему никогда не случалось встрѣчать женщины, хоть немного похожей на нее. Ему пришлось къ ней привыкать и такъ сказать приноравливаться къ ней. Она держалась, она говорила не такъ, какъ другія, и ему пришлось учиться съ нею говорить. И много времени прошло, пока онъ пересталъ бояться, что и она окажется такой же, какъ другія. А въ результатѣ получилось то, чтò случается нерѣдко въ супружеской жизни: по мѣрѣ того, какъ жена разочаровывалась въ мужѣ, мужъ отучался незамѣтно отъ своихъ дурныхъ привычекъ и поддавался обаянію жены, очаровывался ею.

Думалъ ли онъ еще когда-нибудь объ этихъ бѣдныхъ „другихъ" женщинахъ?—задавала себѣ иной разъ вопросъ м-съ Уильдфайръ, слушая, какъ мягко и любовно онъ напѣвалъ что-то своему малюткѣ. Напрасный трудъ! Развѣ мужчина (это ужъ дѣло женщины!) вспоминаетъ что-либо кромѣ того, чтò ему пріятно, чтò ему хочется вспомнить? И онъ, конечно, отнюдь не намѣренъ думать о томъ, о чемъ-бы „онѣ" желали, чтобъ онъ помнилъ. Теперь жена была его единственнымъ, всепоглощающимъ интересомъ, его любимою, единственной мечтою. Упорство и настойчивость въ мужчинѣ даже привлекательныя свойства, которыя больше чѣмъ подъ стать женскому непостоянству и чувствительности. Чуткая душой и увлекающаяся, Бамъ преклонялась предъ умственной, духовной силой мужа; его физическою красотой она гордилась; его дѣтски-чистая простота и довѣрчивость плѣняли ее и, несмотря на ея сравнительное мужество и твердость характера, ее трогала его сердечная доброта; но высшимъ его преимуществомъ въ ея глазахъ была его трогательно-нѣжная любовь къ сыну. Въ тѣ незабвенные, блаженные дни и недѣли, когда эта любовь въ немъ разгоралась, Бамъ часто вспоминала, что первое время своего замужества она думала, что пылкая любовь, о которой она мечтала, въ супружествѣ не существуетъ, потому что она не нашла въ немъ того, о чемъ мечтала. Теперь же ей казалось, что это чувство съ избыткомъ къ ней вернулось и охватило ее своимъ волшебнымъ обаяніемъ. Золотые дни любви текли, какъ ручей—быстро и невозвратно.

Но такое возмутительное блаженство не могло длиться безконечно; зато сохранившаяся часть его была еще и послѣ настолько значительна, что м-съ Уильдфайръ сіяла теперь всегда веселостью и довольствомъ, сообщая ихъ и обществу, которое не

могло не льнуть къ такому блестящему и милому созданію, какимъ неизмѣнно была молодая женщина, строго соблюдавшая свои обязанности, какъ жены и матери. Немало было въ обществѣ мужчинъ, которые жадно стремились въ уютную квартирку прекрасной м-съ Уильдфайръ и выходили оттуда пристыженные, въ горячемъ негодованіи, что ихъ вниманіе было непонято. Но м-съ Уильдфайръ продолжала, какъ ни въ чемъ не бывало, угощать всѣхъ своихъ посѣтителей, безъ различія пола и возраста, лицезрѣніемъ своего малютки, не подозрѣвая, что у кого-бы то ни было могли быть иные интересы или цѣли въ жизни, чѣмъ тѣ, которые были у нея на первомъ планѣ. Итакъ, всѣмъ и каждому напоказъ выносили маленькаго м-ра Уильдфайра, какъ какое-нибудь чудо; жужжали въ уши про его неисчислимыя совершенства и тѣмъ возбуждали къ нему отвращеніе, котораго не испытывала лишь сама молодая мать.

Она была слишкомъ блестящимъ явленіемъ въ свѣтскомъ обществѣ, по мнѣнію мужчинъ, для того, чтобы быть такой домовитой. Проклиная ее за ея равнодушіе и неприступность, они упорно утверждали, что женщина, которая водитъ такую тѣсную дружбу съ такой бѣдовой особой, какъ ея пріятельница—лэди Сью Уильдесартъ, можетъ быть, пожалуй, и чиста душой и невинна, но не настолько недогадлива или наивна, чтобы не понимать, по чьему адресу они расточаютъ свое драгоцѣнное вниманіе. Собственно говоря, она даже вовсе не думала о нихъ, и если Сью иной разъ поднимала на-смѣхъ ея обращеніе съ мужчинами, то все-таки не мѣшала ему и не дѣлала ни малѣйшихъ попытокъ его измѣнить.

Подруги какъ-бы молча условились не начинать больше споровъ о преимуществахъ и недостаткахъ мужчинъ; если же у лэди Сью и былъ среди нихъ любимецъ, то объ этомъ знать не желала да и не знала Бамъ. Сью, конечно, была настолько привлекательна своимъ изяществомъ, что не могла не нравиться мужчинамъ. Даже самъ м-ръ Уильдесартъ,—ея супругъ и повелитель,—не могъ не отдать ей дань восхищенія... когда ему случалось встрѣчаться съ нею.

Денисъ,—даже такой преданный наукѣ человѣкъ, какъ Денисъ Уильдфайръ, — порой поднималъ глаза на изящную аристократку и надѣлялъ ее одобрительнымъ взглядомъ, какимъ всякій провожаетъ красивую женщину, отдавая ей долгъ справедливости, но въ то же время не питая къ ней нѣжныхъ чувствъ. Сверхъ того, Сью была не въ его вкусѣ; жена—другое дѣло!.. Денисъ, не смущаясь, могъ носить шляпу или зонтикъ не по модѣ,—для

него это не имѣло никакого значенія; но онъ умѣлъ сразу отличить дурное отъ хорошаго и зналъ вообще толкъ въ вещахъ.

— На его выборъ можно положиться!—лукаво замѣчала Бамъ иной разъ, порхая вокругъ мужа и щебеча какъ птичка, со всей веселостью прежнихъ дней.

Мужъ не могъ, въ такія минуты, оторвать отъ нея своего восхищеннаго взора; сердце его ликовало, глядя на нее. Казалось, куда-бы она ни повернулась, какъ солнца лучъ, все освѣщалъ ея привѣтливый взглядъ. Какъ солнце, она щедро дарила всѣхъ своимъ животворнымъ блескомъ, озаряла лаской и оживленіемъ. Глядя на нее, никто-бы не сказалъ, что въ ея головкѣ роятся мысли, которыя несутъ съ собою злую волю, горькія испытанія—и не для нея одной. Но чѣмъ полнѣе она предавалась временнымъ наслажденіямъ, тѣмъ дороже онѣ были для нея.

— Этого крошку, этотъ мельчайшій изъ атомовъ вы любите больше, чѣмъ его отца,—замѣтила однажды Сью своей подругѣ.

У той на колѣняхъ красовался пышный, красивый, весь розовый трехмѣсячный малютка и, глядя на него, сама Бамъ словно расцвѣтала; на лицѣ ея и въ осанкѣ отражалась величавость, которая была бы подъ стать лишь самой царицѣ Савской.

— Нѣтъ! — возразила Бамъ:—эта любовь совсѣмъ другого рода. Мужъ и не можетъ быть никогда такимъ крохотнымъ, мяконькимъ, пухленькимъ созданіемъ, которое васъ треплетъ, хватаетъ своими теплыми рученками; муслитъ, прижимаясь ротикомъ къ вашимъ щекамъ, и счастливо, когда завидитъ издали мамино платье...

— Конечно, это совсѣмъ не то,—довольно сухо согласилась Сью.

— Конечно, и любить мужа приходится совсѣмъ иначе, чѣмъ ребенка...

— Послушайте, Бамъ: вы, какъ я вижу, прежде всего—мать, а потомъ ужъ жена и... любовница. Въ васъ чувство материнства развито сильнѣе страсти. Чтожъ, и такія женщины встрѣчаются на свѣтѣ! Ну, слава Богу, я не изъ такихъ!

— Бѣдняжка Сью!.. Но это вѣдь единственное, что̀ насъ примиряетъ съ необходимостью испытывать страданія матери и... и вообще съ необходимостью подчиненія мужчинѣ... О, вы не можете себѣ представить!..—Бамъ еще крѣпче прижала къ груди свое сокровище и зашептала надъ нимъ что-то несвязное, какъ дѣтскій лепетъ, но нѣжное и всеобъемлющее, какъ чувство матери къ своему первенцу. И голосъ ея звучалъ тихо, но звонко и пріятно, какъ музыка, какъ нѣжный, любовный напѣвъ.

Сью долго и задумчиво смотрѣла на нее.

— А много придется вамъ претерпѣть мученій, пока вы добьетесь толку и поставите на своемъ,—сказала она.

— Но почему-же?—спросила м-съ Уильдфайръ, и въ ней опять проснулся непонятный страхъ за свое счастье, который она неустанно въ себѣ подавляла, но который незримо шевелился у нея въ самой глубинѣ души. Ей стало жутко.

— Въ васъ слишкомъ сильно развита способность и потребность любить, для того, чтобы дать вамъ счастье. Этотъ самый ребенокъ, котораго вы теперь боготворите, въ одинъ прекрасный день полюбитъ другую женщину, и ея мизинецъ будетъ ему въ тысячу разъ дороже, нежели вы! Вашъ мужъ — онъ также можетъ измѣниться. Вы для него пока еще не потеряли прелести, неразрывной съ прелестью обновки или новой и любопытной игрушки; но вы-то сами такъ ужъ созданы, что „должны" любить и быть любимой,—иначе вамъ жизнь будетъ не мила, и вы погибли!

— Вотъ ужъ чего я не терплю, такъ это назойливыхъ женщинъ!—рѣзко возразила Бамъ, слегка поблѣднѣвъ отъ внутренняго волненія.—По-моему, что̀ выпало женщинѣ на долю, того ужъ и держись. Понятно, каждая изъ насъ ищетъ сочувствія, привязанности, взаимнаго чувства, которое для женщины такъ же необходимо, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ насущный. Если же это чувство есть въ обоихъ супругахъ, значитъ, такой бракъ освященъ волею небесъ, а сами счастливые супруги могутъ быть увѣрены, что путь ихъ всю жизнь будетъ устланъ цвѣтами—отъ алтаря и до могилы...

— Короче говоря, имъ суждено такое блаженство, какого ни вамъ, ни мнѣ не будетъ дано испытать!—довольно сухо замѣтила Сью.—Но ваша натура требовательнѣе моей. Дайте мнѣ все, что̀ мнѣ необходимо: здоровье, обиліе денежныхъ средствъ, постоянную перемѣну и разнообразіе, всеобщій восторгъ и поклоненіе,—а сочувствія, по мнѣ, хоть бы и вовсе не существовало: мнѣ его не надо!

— Нѣтъ, надо!—настойчиво, но съ оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ возразила Бамъ. Она восхищалась своей знатною подругой, но въ то же время и жалѣла ее отъ души, ей даже въ голову не приходило помѣняться съ нею своимъ положеніемъ.— У меня есть и привязанность, и взаимное чувство: *мнѣ* не надо желать ни того, ни другого. Дениса моего я ни на кого и ни на что не промѣняю!

— Ну, да еслибы? На свѣтѣ двуногихъ животныхъ столько,

что не оберешься, но рѣдко или вѣрнѣе—почти никогда между ними не встрѣтишь такого, котораго пріятно и вполнѣ безопасно было бы имѣть своимъ мужемъ. Конечно, такой мужъ, какъ вашъ, большая рѣдкость... Но, милочка моя, развѣ вы еще не собрались увеличить свое помѣщеніе? Оно уже обставлено прелестно, и платье на васъ, по всей вѣроятности, не изъ дешевыхъ. Вы уже получили свое долгожданное наслѣдство?

— Нѣтъ еще; но скоро получимъ,—смѣло отвѣчала м-съ Уильдфайръ, хотя въ сущности и не надѣялась его никогда дождаться.

Повѣренные и судьи не спѣшили своими хлопотами, и вдова съ ребенкомъ—„настоящимъ", законнымъ наслѣдникомъ спорнаго состоянія, несомнѣнно должна была выплыть на свѣтъ Божій.

— Совершенно напрасно вашъ родитель живетъ на свой капиталъ, а родной дочери не думаетъ помочь!—раздражительно замѣтила Сью.—Пусть бы онъ сократилъ число своихъ конюховъ и горничныхъ и выплачивалъ эти деньги вамъ съ Денисомъ, чтобы дать вамъ возможность какъ-нибудь дотянуть до болѣе благопріятнаго времени: онъ вѣдь у васъ такъ уменъ.

Лицо Бамъ зардѣлось румянцемъ, котораго она и не думала скрывать. Она имъ гордилась и говорила, что нѣжность кожи и румянца—родовое достоинство ея семьи.

— Денисъ никакой помощи и ни отъ кого бы не принялъ! Со временемъ, онъ пріобрѣтетъ извѣстность и никому этимъ не будетъ обязанъ. Его родной отецъ вѣдь тоже былъ богатъ и, умирая, оставилъ своимъ сыновьямъ пополамъ четверть милліона. Но повѣренный съумѣлъ поддѣлаться къ его вдовѣ и скрылся вмѣстѣ со всѣмъ наслѣдствомъ. Уцѣлѣло только приданое второй жены и ея кашемировыя шали.

Сью чуть не заохала отъ сочувствія къ участи Дениса.

— Ну, дѣло хуже, чѣмъ я ожидала. Хоть и то̀ еще слава Богу, что онъ тратится лишь на покупку книгъ, а не на что̀ другое... Кстати: давно вы видѣли Шольто̀?

— Да, давно не видала и вовсе не желаю видѣть!—съ негодованіемъ возразила Бамъ. — Онъ какъ-то заходилъ и спрашивалъ, буду ли я въ оперѣ сегодня; сказалъ, что онъ желалъ бы познакомить меня съ какимъ-то важнымъ сановникомъ, восторженнымъ и увлекающимся человѣкомъ, который зайдетъ къ намъ въ ложу... а про Дениса—ни полъ-слова! Понятно, я не согласилась...

— Но умно ли это съ вашей стороны?—задумчиво спросила

Сью.—Это особа весьма вліятельная и свой человѣкъ въ высшихъ сферахъ: онъ могъ бы цѣлую кучу одолженій оказать Денису.

— Ну, если такою цѣною надо помогать Денису, такъ пусть ужъ лучше онъ терпитъ неудачу!—горячо воскликнула молодая женщина.—Мужчина, который строитъ свою карьеру на благоволеніи разныхъ „особъ" къ его женѣ или на другихъ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, стоитъ того, чтобъ его пристрѣлили, какъ собаку!

— Бѣдняжка Бамъ!—проговорила Сью, качая своей черной красивой головой.—Съ вашей стороны это даже неблагоразумно. Жену, которая выводитъ мужа въ люди, этотъ самый мужъ обожаетъ; зато жену, которая толкаетъ его въ пропасть и сама туда стремится вмѣстѣ съ нимъ, ни одинъ мужъ не станетъ обожать: все въ ней его сердитъ, отталкиваетъ отъ нея.

— Сью! Или вы тоже въ заговорѣ противъ меня, какъ и всѣ?—печально прервала ее подруга.—Я до сихъ поръ всѣми силами старалась не замѣчать того зла и порочности, которыя меня окружаютъ; я жила, такъ сказать, съ закрытыми глазами и до нѣкоторой степени мнѣ это удавалось: прежде чѣмъ сказать мнѣ какую-нибудь гадость, люди сначала подумаютъ—и даже не разъ.—Я думала всегда, что для того, чтобы душа и умъ были у человѣка чисты и невинны, онъ самъ долженъ быть чистъ и невиненъ... Но люди могутъ ложно истолковать самое порядочное поведеніе и... и не дальше какъ на дняхъ я это испытала на себѣ. На улицѣ поднялся шумъ, собралась толпа. Я подбѣжала къ окну, а въ это время генералъ Бэрклэ подошелъ тихонько сзади и почти обнялъ меня за талію...

— Ну? Что-жъ вы сдѣлали?

— Я только *посмотрѣла* на него,—и онъ вскорѣ поспѣшилъ уйти. А я сказала слугамъ, чтобы его больше никогда не принимать.

— И вы нажили себѣ въ немъ смертельнаго врага!—пояснила Сью.—Какъ вижу, вы еще не скоро постигнете свѣтскую премудрость. Знаете поучительное изреченіе: Будь у тебя *милліонъ* друзей—ихъ еще слишкомъ мало; будь же хотя *одинъ* врагъ и его одного слишкомъ много!.. А что Денисъ: ревнуетъ?

— Нѣтъ. Онъ знаетъ, что можетъ вполнѣ на меня положиться.

— Ну, плохо дѣло, если онъ слишкомъ въ васъ увѣренъ! Онъ довѣряетъ вамъ всегда и во всемъ, и бѣда ваша, если онъ увидитъ... (она остановилась и пристально посмотрѣла молодой женщинѣ въ лицо). Еслибъ вы были не женой его, а... любовни-

цей, онъ бы васъ ревновалъ непремѣнно!..—прибавила Сью и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ непочтительности.

Бѣдная Бамъ, какъ ни старалась, не могла превозмочь страха, что изъ тьмы грядущаго явится какое-нибудь роковое обстоятельство, которое можетъ угрожать ея семейному счастью, и она мысленно окрестила это „обстоятельство“ тѣмъ самымъ названіемъ, которое дала ему когда-то лэди Сью: *другая женщина*!

— И къ чему вы такъ со мною говорите?—горячо воскликнула м-съ Уильдфайръ.—Къ чему поднимаете объ этомъ вопросъ здѣсь, надъ моимъ ребенкомъ? Онъ слышитъ все, но ничего изъ вашихъ словъ не понимаетъ... ну, и слава Богу. Я буду усердно молить Бога, чтобы Онъ далъ ему никогда, никогда въ жизни ихъ не понимать! Или вамъ жаль, что хоть одна женщина на свѣтѣ не будетъ чувствовать себя несчастной? Мнѣ еще не пришла пора страдать; но будьте покойны, и мое время не уйдетъ!

Бамъ отвернулась, чтобы слезы ея не падали на ребенка, и подперевъ голову рукою, заплакала. Лэди Сью молча смотрѣла на нее, совершенно озадаченная неожиданнымъ оборотомъ, который приняли ея слова. Она хоть смутно, но все же поняла, что затронула больное мѣсто въ душѣ подруги, и ей стало неловко.

— Бамъ, милая,—запинаясь, пробормотала она,—вы знаете вѣдь, какъ я васъ люблю? Вы единственная прямая, честная женщина изъ всѣхъ, которыхъ я когда-либо знавала! Еслибъ вы хоть чуть были на меня похожи, вамъ бы на половину меньше приходилось страдать...

— Бамъ! Я никакъ не могу найти свою...—прокричалъ Денисъ, влетая въ дверь, какъ вихрь; но вдругъ, замѣтивъ гостью, исчезъ такъ же быстро, какъ и появился.

Впрочемъ, гостья уже успѣла полюбоваться на его статную фигуру и добродушно-озадаченное выраженіе на красивомъ лицѣ.

— Онъ у васъ чудо, какъ хорошъ!—воскликнула она съ нескрываемымъ удивленіемъ.—Онъ даже гораздо красивѣе Уильдесарта. А, такъ вы, значитъ, не отходите отъ него, ухаживаете за нимъ? Ну, это ужъ нехорошо съ вашей стороны: можетъ случиться, что васъ не будетъ подъ рукою, а подвернется другая—и вашей власти конецъ! Онъ тогда ни минуты не будетъ обходиться безъ нея.

М-съ Уильдфайръ поспѣшно, но основательно отерла глаза и приняла такой видъ, что можно было положительно за нее не бояться: она съумѣетъ постоять за себя! Когда она встала и выпрямилась во весь ростъ, съ ребенкомъ на рукахъ, то она пока-

залась подругѣ воплощеніемъ здоровья и свѣжести: малютка, повидимому, не только не оттягивалъ ей руки, но былъ для нея легокъ, какъ перышко.

— Надо пойти къ нему,—сказала она: — онъ вѣрно потерялъ запонку или лупу, или просто растерялся. А вѣдь я для него все равно, что библейская Мареа—„пекусь о многомъ"... Я отнюдь не Марія!

И Бамъ ушла къ мужу, оставивъ одну „библейскую Марію", которой не за кѣмъ было ухаживать, некому было угождать. И эта Марія, впервые со времени ихъ знакомства и тѣсной дружбы, отправилась домой сильно недовольная на подругу. Она чувствовала, что та скрытничаетъ и что денежныя дѣла ея далеко не блестящи. И лэди Сью рѣшила про себя, что, по всей вѣроятности, Бамъ Уильдфайръ дошла уже до такого удрученнаго состоянія духа, когда человѣку дѣлается все равно, за меньшую или за бо́льшую долю ошибокъ придется ему отвѣчать. Одинъ ли долгъ или нѣсколько—не все ли равно? Таково, вѣроятно, было разсужденіе, которымъ объяснялись наряды молодой женщины и улучшенія въ домашней обстановкѣ.

X.

Въ концѣ лѣта, Бамъ и Денисъ Уильдфайръ, забравъ съ собою миніатюрную, но немаловажную для нихъ особу, которая управляла всей ихъ жизнью, отправились ненадолго за́-городъ, отдохнуть отъ городскихъ трудовъ и заботъ на чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Впрочемъ, надо полагать, что отдыхъ былъ не полный, потому что Денисъ никогда не выходилъ на прогулку безъ книги въ рукахъ, а жену его ни на минуту не оставляли тревожныя думы и безпокойство. Гдѣ же тутъ было предаваться наслажденію красотами природы?

Бамъ ни словомъ не проговорилась мужу о томъ, что̀ ее такъ смущало. Она ни на минуту не могла забыть, что противъ воли родителей, вопреки совѣтамъ друзей и знакомыхъ, сама, единственно по своему желанію, вышла замужъ за бѣдняка и лишила его скуднаго, но мирнаго существованія для того, чтобы приготовить ему самое тревожное и даже... позорное! Изъ ея замужнихъ сестеръ ни одной не было по близости; мать не особенно вникала въ темныя стороны жизни, а отецъ... отецъ охотился гдѣ-то у пріятеля, въ его шотландскомъ помѣстьѣ. Бѣдной женщинѣ, которая гордилась своей самостоятельностью, только

на нее и оставалась вся надежда: это свойство, слишкомъ сильно въ ней развитое, должно было одно поддерживать ее въ рѣшительныя минуты, замѣнить ей родныхъ и друзей и помочь до послѣдней возможности утаить отъ мужа плачевное положеніе дѣлъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Уильдфайры вернулись въ свою городскую квартиру, число неоплаченныхъ счетовъ и тому подобныхъ непріятныхъ бумагъ начало быстро возрастать. Событія въ молодой семьѣ пошли своимъ неизбѣжнымъ и роковымъ порядкомъ; а бѣдная Бамъ все еще не рѣшалась объясниться съ мужемъ.

— Громъ гремитъ грозно, а сама гроза подвигается не такъ скоро,—говорила она себѣ въ успокоенье и одна прислушивалась къ его отдаленнымъ раскатамъ въ то время, какъ мужъ ея безмятежно предавался наслажденію трудиться на пользу наукѣ.

Положимъ, плата за квартиру была произведена вѳ-время, и большинство передѣлокъ оплачено сполна; но деньги точно таяли не по днямъ, а по часамъ, и оставляли за собой незамѣстимые пробѣлы. Вскорѣ дѣла пошатнулись настолько, что Бамъ вздрагивала отъ малѣйшаго звонка, который могъ предвѣщать ей бурное и нежелательное... даже унизительное свиданіе и переговоры. На нее ложилась неизгладимымъ и постыднымъ бременемъ необходимость просить кредиторовъ „еще немножечко“ отсрочить, когда она прекрасно знала, что все равно не заплатитъ вѳ-время. Ей, бѣдной, уже начало казаться, что слуги и мальчишки изъ магазиновъ смотрятъ на нее насмѣшливо и дерзко. Безсонница ее одолѣвала: она рано вставала и невеселый день былъ у нея впереди; ей казалось, что ему никогда конца не будетъ. Даже свѣтъ октябрьскаго яснаго солнца не веселилъ ее когда она шла на прогулку со своимъ ребенкомъ. За одно только она, не переставая, радовалась и благодарила Бога,—что ея Денисъ ничего не подозрѣвалъ о грозѣ, собиравшейся надъ нимъ. Пока она жива, пока она тутъ, около него, ему, повидимому, даже дѣла нѣтъ до того, чтобы замѣчать, довольна жена или нѣтъ, весела она или грустна, красива или безобразна? Тѣмъ болѣе, что она усердно старалась всевозможными ухищреніями туалета и прически скрыть слѣды, которые заботы и безсонница уже успѣли наложить на ея молодое и еще не увядшее лицо.

Наконецъ, въ декабрѣ, насталъ злосчастный день, когда ей пришлось объясниться съ мужемъ,—когда скрывать отъ него правду стало больше невозможно. Упрямая, гордо идущая наперекоръ общему мнѣнію, Бамъ вспомнила въ эту рѣшительную для обоихъ минуту, что у нея,—сильной и рѣшительной,—не

достало рѣшимости и мужества удовлетвориться своимъ удѣломъ; между тѣмъ, онъ, Денисъ—сравнительно слабый и нерѣшительный, твердо шелъ по избранному имъ пути, довольствуясь малымъ. Тѣмъ страшнѣе, тѣмъ ужаснѣе была для нея эта минута, что еще ярче озарило ее сознаніе своей вины передъ нимъ.

Стиснувъ зубы, коротко и ясно, чтобы не успѣть выдать свое отчаяніе, Бамъ все сказала мужу, всю правду безъ прикрасъ!

Его лицо вдругъ измѣнилось и стало, какъ чужое. Даже ея мягкія, нѣжныя руки, обвившись вокругъ его шеи, не могли смягчить его выраженія, ни сгладить хмурыя, суровыя складки на лицѣ.

Онъ сидѣлъ передъ нею молча, словно окаменѣлый, и ихъ взглядъ встрѣтился, полный одинаковаго отчаянія и тревоги.

— Что же мы будемъ дѣлать? — спросилъ онъ глухимъ шопотомъ. Она сказала, что именно. Она уже успѣла предварительно съ кѣмъ должно посовѣтоваться и привела мужа въ еще бо̀льшій ужасъ: занять еще, чтобы выплатить настоятельнѣйшіе долги! Да это значило затянуть себѣ на шеѣ петлю, которая могла каждый мигъ его задушить.

Денисъ промолчалъ; но вздохъ его стономъ вырвался изъ стѣсненной груди. Ему не разъ случалось видѣть, къ чему приводитъ несчастныхъ должниковъ неизбѣжность подобныхъ займовъ, и онъ понималъ, что на лучшій исходъ не было и не можетъ быть никакой надежды.

— Знаешь что̀? Продадимъ все—и очистимся отъ долговъ!— воскликнулъ онъ вдругъ, и лицо его просвѣтлѣло при одной только мысли о возможности жить, не одолжаясь.—Я могу всегда заработать вамъ обоимъ на хлѣбъ, тебѣ и нашему мальчику; жить мы можемъ и въ другомъ кварталѣ; а съ меня самого довольно книгъ и моихъ занятій. Остального, по мнѣ, хоть вовсе не будь.

Но Бамъ и слушать не хотѣла. Она была страстно привязана къ своимъ стульямъ и столамъ и ко всѣмъ мелочамъ обстановки, которую она создала сама, своими заботами, своимъ стараньемъ. Впрочемъ, большинство женщинъ (конечно, не мужчинъ!) слѣдуютъ въ этомъ ея примѣру: эти мелочи входятъ въ составъ жизни женщины. Женщина скорѣе готова пройти сквозь огонь и воду, нежели съ ними разстаться: онѣ вѣдь составляютъ ту ежедневную, будничную, но близкую ея сердцу среду, въ которой протекаетъ ея жизнь.

М-съ Уильдфайръ, понятно, возстала противъ затѣи мужа и,

зная прекрасно, что надѣваетъ ему петлю на шею, все-таки настояла на своемъ,—доказала, что иначе нельзя. Онъ твердо вѣрилъ въ ея финансовыя познанія; онъ все еще былъ очарованъ ею и, какъ самъ былъ плохимъ дѣльцомъ, то ставилъ умѣнье жены выше, чѣмъ бы слѣдовало на самомъ дѣлѣ. Какъ ни противно это было его воззрѣніямъ, онъ все-таки согласился на все, что̀ она предлагала, и съ сокрушеннымъ сердцемъ, но сравнительно успокоенный, опять усѣлся за работу, въ которую—Богъ вѣсть, къ худу ли, къ добру ли?—имѣлъ способность быстро погружаться.

Какъ послѣ затишья наступаетъ буря,—такъ и наоборотъ.

Рождество пришло и прошло, принеся съ собою, какъ всегда, свою долю семейныхъ радостей и горестныхъ воспоминаній.

Въ самый день Рождества Христова пришло письмо отъ повѣреннаго съ извѣстіемъ, что вдова и сынъ покойнаго брата Дениса найдены и утверждены въ правахъ наслѣдства. Вдова покойнаго уже успѣла сочетаться вторымъ законнымъ бракомъ и ничего больше не желала и не ожидала со стороны перваго мужа. Бамъ, думая о ней, справедливо разсуждала, что имъ эти деньги были бы несравненно полезнѣе чѣмъ ей, потому что они въ нихъ нуждались.

Ребенокъ по прежнему былъ имъ дороже всего на свѣтѣ; но теперь вышло какъ-то такъ, что вся прелесть ихъ прежней супружеской жизни куда-то пропала. Мало-по-малу, взглядъ Дениса сталъ усталымъ, иногда раздраженнымъ; а раздражался онъ главнымъ образомъ, когда не сидѣлъ за работой; тогда ему не давала покою мысль, что сколько бы онъ ни работалъ, все равно —проку мало. Добывать деньги—надо много времени, а проживать ихъ—мало. Самъ для себя онъ въ деньгахъ не нуждался; но теперь, когда неудержимая веселость, которою онъ восхищался въ женѣ, исчезла безъ слѣда, онъ тревожно задавалъ себѣ вопросъ: какъ-же должны быть серьезны причины, которыя ее такъ рѣзко измѣнили?

Прежде ничего лучшаго, какъ общество жены, онъ и вообразить себѣ не могъ; теперь же, когда ея безпечная живость больше ее не оживляла, онъ понялъ, какъ глубоко должны были повліять на ея внутренній міръ тревоги и непрерывный страхъ, подъ которымъ она жила за послѣднее время. Его способность наблюдать обострилась, и онъ сталъ замѣчать гораздо больше, что̀ творилось около него, нежели жена могла предположить. Онъ убѣдился, что она чувствуетъ себя совершенно счастливой единственно тогда, когда возится со своимъ сыномъ; но чувство-

валъ ли онъ при этомъ ревность къ своему малюткѣ,—объ этомъ она никогда ничего не узнала. Какъ-то разъ, въ порывѣ откровенности, онъ и самъ признался женѣ:

— Мнѣ кажется иной разъ, что единственное, что меня примиряетъ со всѣми невзгодами, что даже даетъ мнѣ возможность на нѣсколько минутъ о нихъ забыть,—это сознаніе, что ты моя и мнѣ принадлежишь, и что мои объятія словно ограждаютъ тебя отъ всякаго зла!

А все-таки, нерѣдко ее охватывалъ паническій ужасъ передъ грядущимъ. Ей страшно было подмѣчать, что ея дѣтски-оживленное обращеніе съ мужемъ уже не возвращалось къ ней, а впереди (она не могла этого не предвидѣть) ей угрожало еще худшее: Сью не даромъ пророчествовала, что и самое обаяніе ея потеряетъ для мужа свою силу.

Вернувшись въ городъ въ мартѣ мѣсяцѣ, лэди Сью нашла, что Бамъ совершенно переродилась, а среди мужчинъ шла молва, что прелестная м-съ Уильдфайръ уже перестала быть очаровательнымъ полу-ребенкомъ, восхитительной ingénue,—какою была еще такъ недавно; женщины перешоптывались, глядя на нее, и говорили, что самая скоропроходящая изъ красотъ, это красота юной свѣжести. Но зато Бамъ научилась одѣваться какъ еще никогда; въ разговорѣ ея прибавились смѣлость, прямота и остроуміе, которое теперь сдѣлалось положительно блестящимъ, тогда какъ прежде оно было лишь невиннымъ и забавнымъ.

Кому какое дѣло до того, какія муки вы терпите въ душѣ; лишь бы вы были представительны, здоровы, умѣли наряжаться— и больше ничего не надо: успѣхъ вашъ обезпеченъ. Вамъ самимъ будетъ легче переносить житейскія труды и заботы, если тщеславіе ваше будетъ польщено всеобщимъ вниманіемъ. Если, вдобавокъ, вамъ случится иногда оказывать кому-нибудь маленькія любезности или услуги,—лицо ваше пріобрѣтетъ выраженіе доброты, которое сдѣлаетъ васъ окончательно неотразимой. Бамъ нельзя было упрекнуть въ эгоизмѣ, котораго въ ней не было и помину, а помогать бѣднымъ и несчастнымъ она всегда была готова. Положимъ, шумъ и блескъ общества, въ которомъ она вращалась, помогали ей забыться хоть ненадолго; но все-таки нигдѣ она такъ не отдыхала душою, какъ у изголовья своего ребенка. Она всегда летѣла домой съ одинаковымъ стремленіемъ поскорѣй очутиться въ родномъ гнѣздѣ, какъ птичка-домосѣдка. Она бѣгомъ поднималась на лѣстницу и спѣшила взять на руки любимаго крошку. Прижимая его къ своей груди, Бамъ чувствовала, что

все на свѣтѣ хорошо и прекрасно устроено, но что совершеннѣе и прекраснѣе ея сокровища нѣтъ ничего во всей вселенной!

— Да вы становитесь положительно прелестной!—воскликнула однажды лэди Сью, поглядывая на нее.

— О, вотъ вы какъ судите!—нетерпѣливо прервала ее Бамъ.— Быть прелестной слишкомъ дорого стоитъ: чтобы заслужить это прозваніе, придется, пожалуй, потерять свою независимость, прямоту мысли и сужденія. А послѣдствіемъ этого явятся неискренность, угодливость и вообще служеніе дьяволу...

— Какому? Ужъ не Шольто-ли вы окрестили этимъ лестнымъ названіемъ?—съ живостью подхватила Сью:—я слышала, какъ онъ къ вамъ приставалъ весь вечеръ, чтобы вы съ нимъ и съ его знакомыми поѣхали въ Сандаунъ. Почему-жъ бы и нѣтъ? Какъ я вамъ ужъ не разъ говорила, онъ во многомъ можетъ быть полезенъ Уильдфайру.

И она многозначительно посмотрѣла подругѣ въ лицо.

— Вотъ ужъ чего терпѣть не могу, такъ это смотрѣть крадучись на великихъ міра сего! — шутливо воскликнула Бамъ и обѣими руками повернула къ себѣ голову мужа.—Смотри на меня прямо, какъ я на тебя!...—и она пытливо заглянула ему въ глаза.

Былъ ли то плодъ воображенія, или дѣйствительно въ нихъ выражалась страшная усталость, а въ лицѣ болѣзненно-блѣдная окраска?

— Право, мнѣ думается иногда,—уже раздражаясь, продолжала она:—какъ это такъ могло случиться, что судьба соединила двухъ такихъ простофиль, какъ мы съ тобой? Мы вовсе другъ другу не пара: ты бѣлокурый и я также. Тебѣ бы лучше было взять въ жены рѣшительную характеромъ и пылкую брюнетку, а мнѣ въ мужья брюнета. Впрочемъ, ты знаешь, что я вовсе не потому такъ говорю, чтобы жалѣла о твоемъ выборѣ; если ты хоть ошибкой женился на мнѣ, а не на какой-нибудь другой, я этой ошибкѣ радуюсь всей душой!

Денисъ невольно замигалъ и прищурился.

Бамъ знала прекрасно, что такая ужъ у него привычка, когда онъ не хотѣлъ, чтобы жена въ глазахъ его прочла его мысли, но она и безъ того уже успѣла догадаться, о чемъ онъ думаетъ, и это ее разсердило.

— Тебѣ бы съ твоимъ ангельскимъ видомъ и кроткимъ характеромъ впору быть только пасторомъ! — проговорила она.— Ты граціозно простиралъ бы надъ своей паствой свою лилейную

десницу и ухаживалъ бы за женщинами! — заключила она поспѣшно свою маленькую рѣчь.

Денисъ шевельнулся въ сторону отъ нея и высвободилъ свою голову изъ ея рукъ. Въ глазахъ его загорѣлся взглядъ, отъ котораго ей бы должно было сдѣлаться жутко: этотъ взглядъ долженъ былъ ее во-время предупредить, что она зашла слишкомъ далеко въ своемъ раздраженіи.

— Если ты намѣрена придираться,—сказалъ онъ,—я ухожу!

Бамъ невольно подумала, что если мужчина бѣжитъ изъ дому вмѣсто того, чтобы спорить, онъ бѣжитъ къ той, „другой", которая умѣетъ ему угодить. Таково, видно, начало всѣхъ семейныхъ неурядицъ.

Жена дышала съ трудомъ и, сойдя съ колѣнъ мужа, отошла и сѣла поодаль тихо и хладнокровно. Ей ужъ казалось, что она видитъ, кàкъ онъ постепенно каменѣетъ, какъ его чувство къ ней день ото дня глохнетъ и черствѣетъ... Вспомнились ей (и уже не впервые) слова Поля Фабера, и она внутренно содрогнулась: ей стало ясно, что она надѣла мужу петлю на шею и что онъ начинаетъ чувствовать ея тяжесть.

Вдругъ, совершенно неожиданно для себя самой (еслибы она имѣла время разсуждать, она бы никогда этого не сдѣлала!), Бамъ встала и, подойдя къ мужу, приласкалась...

Холодно и молча (чего еще никогда не бывало) принималъ онъ ея ласки; куда дѣвался восторгъ и радостный трепетъ, съ которымъ Денисъ еще такъ недавно встрѣчалъ малѣйшее проявленіе ея нѣжности къ нему? Гдѣ пылкія объятія, изъ которыхъ онъ долго не рѣшался выпустить свое сокровище, точно боясь его утерять навсегда?

Долги и нужда держали теперь ихъ—и мужа, и жену,—въ своихъ безпощадныхъ, леденящихъ тискахъ и незамѣтно отдаляли ихъ другъ отъ друга. Пока еще надтреснувшее чувство незначительно пошатнулось; но и этой небольшой трещиной могла воспользоваться другая и болѣе ловкая женщина (можетъ быть, даже какая-нибудь забытая любовь), чтобы войти въ душу Дениса, привычнаго къ ласкамъ любящей и когда-то страстно любимой жены. И новое, пылкое чувство навсегда преградитъ охладѣвшей женѣ доступъ къ сердцу мужа...

— Надо быть сдержаннѣе!—сказалъ онъ внушительно и отвернулся отъ нея, какъ никогда еще не отворачивался съ самаго дня своей женитьбы.

Въ эту минуту она—уже второй разъ за минувшій день—почувствовала, что ея власть надъ нимъ ослабѣла, надломилась. Тихо,

смиренно она вышла вонъ и пошла прямо къ своему неоцѣненному малюткѣ, чтобы почувствовать на себѣ мягкое прикосновеніе его нѣжныхъ ручекъ, теплой грудки и ротика, румянаго, какъ вишня: они ей никогда не измѣняли!

Съ этого дня вліяніе, которое она нѣкогда безъ малѣйшаго труда пріобрѣла надъ мужемъ, значительно уменьшилось, а прелесть взаимности и пылкой любви, которая клонилась къ закату, уже ничто не могло возстановить, — скольких усилій это ни стоило обоимъ молодымъ супругамъ.

XI.

Поднявъ однажды глаза на Дениса, который сидѣлъ напротивъ нея, углубившись въ работу, Бамъ вдругъ почему-то надумала, что они, въ сущности, не были созданы для сердечной дружбы и товарищества. Любовь могла ихъ сблизить и сдѣлать настолько сносными другъ для друга, чтобы жить, какъ супруги, вмѣстѣ, могла даже помочь имъ во многомъ найти общій интересъ; но, въ сущности, въ глубинѣ ихъ воззрѣній оставалась та же рознь, которая лежала и въ самой ихъ основѣ.

— Да, да: тебѣ бы слѣдовало выйти за своего кругленькаго кузена и нажить себѣ такихъ же кругленькихъ ребятишекъ!— говорила она сама себѣ, покачивая головой въ знакъ подтвержденія. Женщина прежде всего, главнымъ образомъ, выходитъ замужъ въ видахъ товарищества и дружбы. Если ея нѣтъ между супругами, то и готова причина доброй половины всѣхъ семейныхъ драмъ на свѣтѣ. Жизненный путь готовитъ намъ, женщинамъ, вдоволь радостей и горестей, хотя бы спутникомъ нашимъ былъ и самый лучшій, самый блестящій изъ мужчинъ.

Жизнь человѣческая все-таки еще сравнительно пополняетъ свои темныя стороны свѣтлыми, что̀ Бамъ въ это время упускала изъ виду. У нея, напримѣръ, былъ такой свѣтлый пунктъ въ жизни, передъ которымъ стушевывались всѣ темныя стороны; у нея былъ ребенокъ,—ея радость, ея сокровище! Она была молода, здорова; у нея былъ мужъ, котораго она любила; были и заботы, которыя, если она ихъ не любила, то хоть вошли у нея въ привычку и не тяготили ее. Со временемъ у нея могло и не быть этихъ заботъ, но зато и радости, сопряженныя съ ними,— радости, которыя дороже серебра и золота, могли изсякнуть.

Между тѣмъ, лэди Сью жаловалась, что не можетъ вытащить изъ дому свою пріятельницу и что Шольто̀ надоѣдаетъ ей

своими разспросами: чтò сталось съ его „божествомъ“, его „богиней красоты и свѣжести“? Но м-съ Уильдфайръ, все-таки, не показывалась никому на глаза и Сью не могла заподозрить, до чего было натянуто положеніе денежныхъ дѣлъ у молодыхъ супруговъ въ Модной улицѣ.

Денисъ Уильдфайръ зналъ теперь, въ чемъ дѣло, и мало-помалу его ровный мягкій характеръ сталъ портиться. Страхъ передъ грядущимъ бѣдствіемъ по временамъ заставлялъ ихъ обоихъ искать успокоенія въ объятіяхъ другъ друга и отношенія между ними сглаживались на короткое время; но вскорѣ въ домѣ опять начинали слышаться раздраженные голоса и гнѣвные возгласы. Предсказаніе Фабера начало сбываться; но прежде, чѣмъ дойти до состоянія озлобленнаго притупленія, за которымъ слѣдуетъ полное равнодушіе ко всѣмъ и ко всему, Денисъ долженъ былъ пройти черезъ періодъ гнѣвныхъ вспышекъ и раздражительности.

Миновала весна; лѣто приходило къ концу и по мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ осени, Бамъ стала замѣчать, что мужъ ея какъ-то опускается нравственно и физически; что вкусъ его не такъ тонокъ, не такъ требователенъ и разборчивъ, какъ прежде; въ одеждѣ также онъ сталъ небрежнѣе. Ее сердило такое равнодушіе, такой упадокъ, которому онъ долженъ бы не поддаваться. Она и сама чувствовала за собой тѣ же погрѣшности, тѣ же поползновенія; но она всѣми силами души боролась съ ними, чтобы имъ не поддаться. Бамъ на себѣ ясно увидала, что если любовь насъ уже оставляетъ, память о ней еще остается и эта память надолго замѣняетъ самую любовь, даетъ намъ утѣшительную возможность заблуждаться, принимая за самое чувство лишь его внѣшній обликъ. Но раздраженіе, придирки ничему не помогутъ: онѣ скорѣе забросаютъ грязью бѣлое и чистое чувство, разъѣдая сердце несчастныхъ супруговъ, и не только не сохраняютъ, но даже безслѣдно изгоняютъ самое воспоминаніе о немъ.

Еслибы Денисъ спорилъ съ нею; еслибы онъ отнесся великодушно къ ея ужасному признанію, роковому для нихъ обоихъ, ея винѣ передъ нимъ,—ей было бы легче нести свое горе; она не тáкъ бы страдала, какъ теперь, когда ей приходилось одной, безъ его помощи или сочувствія нести весь гнетъ содѣяннаго ею зла. Ее убивала его безучастность и отчужденность отъ нея. Онъ зарывался въ свои книги и опыты и съ каждымъ днемъ все больше и больше отдалялся отъ жены, какъ въ отвлеченномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ.

Она ни разу не рѣшилась показать ему ни одной повѣсти;

а ихъ приходило не мало. Только разъ какъ-то, нечаянно, у нея вырвалось сожалѣніе, что она не настолько умна, чтобы работать и получать деньги за свои труды. Онъ вышелъ изъ себя.

— Что жъ, прикажете мнѣ за шиворотъ тащить къ себѣ людей, которые дадутъ мнѣ работу?—закричалъ онъ сердито.

— Нѣтъ,—возразила она сравнительно спокойно.—Но вѣдь даже самъ д-ръ Мозери говоритъ, что „человѣкъ, который могъ бы зарабатывать тысячу, а зарабатываетъ только пятьсотъ фунтовъ въ годъ и довольствуется этимъ,—не исполняетъ своего долга передъ самимъ собою". Чтобы хоть что-нибудь нажить, надо употребить къ тому *всѣ* свои силы.

— Какъ это похоже на женщину! — горячился онъ. — Она разоритъ человѣка, а потомъ и старается довести его до того, что онъ, во что бы то ни стало, достанетъ денегъ на расплату за ея расточительность... Мнѣ нужно, чтобы ты оставила меня въ покоѣ!—рѣзко оборвалъ онъ и его отуманившіеся глаза, не смотря на нее, заглядѣлись на что-то постороннее.

— Въ покоѣ?!

Да одно только это слово, само по себѣ, доводило Бамъ чуть не до сумасшествія! Она горѣла жаждой быть энергичной, какъ мужчина; не унывать, дѣйствовать и не сидѣть, сложа руки. Неужели же вся жизнь только и основана, что на снотворномъ состояніи покоя? Или надо мириться даже съ худшимъ, лишь бы не нарушать кажущагося „покоя"? Позоръ и безчестіе для каждаго порядочнаго человѣка — отказываться отъ всего, что намъ всего дороже. Наша обязанность поддерживать въ себѣ огонь надежды и не давать воли мраку отупѣнія...

— На столѣ у тебя столько писемъ съ предложеніемъ работы, — продолжала настаивать Бамъ: — а ты на нихъ не отвѣчаешь!

Она только о томъ и думала, какъ хорошо бы было не одолжаясь покрывать расходы: это Денису было такъ легко съ его познаніями и любовью къ труду!

— Это ужъ мое дѣло!—рѣзко оборвалъ ее мужъ и прибавилъ въ заключеніе, какъ это у него вошло въ привычку за послѣднее время:—Надо быть сдержаннѣе!

Бамъ перевела глаза съ своего шитья на мужа, и горькая улыбка искривила ея губы.

— Вотъ такъ они всегда, мужчины (думала она). Требуютъ, чтобы женщина обуздывала свой характеръ, а не подозрѣваютъ, что этимъ самымъ научаютъ ее притворяться. Чистосердечію и благородству уже не будетъ мѣста у нея въ душѣ, когда она

привыкаетъ, скрѣпя сердце, улыбаться, хотя ей вовсе не до улыбокъ. Неискренность, притворство,—вотъ чего добиваетесь вы сами своими требованіями! Вамъ нужды нѣтъ, чиста ли та улыбка, которой встрѣтитъ васъ жена, по возвращеніи домой: вы рады, что добились и вамъ... „спокойно"!

Но не такова была упрямая супруга м-ра Уильдфайра. Не разъ она горячо возставала противъ желаній мужа, въ своемъ стремленіи хоть чѣмъ-нибудь вознаградить себя за то, что ей приходится терпѣть отъ его несдержанности, отъ его характера. Разсудительность и хладнокровіе не были еще въ то время ея достояніемъ. Нерѣдко она забывалась до грубыхъ словъ.

Денисъ хранилъ упорное молчаніе и не благоволилъ ничѣмъ проявить свой гнѣвъ. Жена чувствовала, что сейчасъ выйдетъ изъ себя и готова убить его на мѣстѣ... ну, хоть швырнуть ему въ голову первую попавшуюся изъ его тяжелыхъ книгъ.

Между тѣмъ, всѣ знакомые Уильдфайровъ начали уже разъѣзжаться. Лэди Сью уѣхала въ Маріенбадъ, а Бамъ все еще не могла рѣшиться поѣхать погостить къ своимъ. Денисъ оказался рѣшительнѣе ея: онъ принялъ предложеніе одного изъ своихъ товарищей-холостяковъ, стараго пріятеля, съ которымъ связаны были его воспоминанія о дняхъ безпечнаго веселья и тихаго довольства. Противъ этого стараго холостяка Бамъ была особенно предубѣждена и сама чувствовала всю несправедливость своего предубѣжденія.

На прощанье мужъ съ женой обнялись горячо и съ прежней нѣжностью приникли другъ къ другу, словно жалѣя разставаться. Но вотъ они ужъ обмѣнялись послѣднимъ поцѣлуемъ и Бамъ осталась одна на порогѣ, глубоко задумавшись. Ей было ясно, что это возвращеніе къ холостой жизни, какъ бы временно оно ни было, не дѣло со стороны отца семейства. Въ его манерѣ передъ отъѣздомъ было что-то скрытное, неловкое, можетъ быть, онъ разсчитывалъ встрѣтить тамъ не однихъ только холостяковъ, но и женщинъ, съ которыми когда-то въ ихъ кругу веселился и съ которыми, какъ съ женою, не связано зловѣщее представленіе о долгахъ и повѣсткахъ, о нуждѣ и позорѣ...

Приливъ пылкой ревности и страха за свое счастье обуялъ ее, дрожь пробѣжала по тѣлу и ярче прежняго встали передъ нею слова подруги.

„Жену, которая выводитъ мужа въ люди, онъ боготворитъ, онъ ненавидитъ ее, если она вовлечетъ его въ нужду и позоръ!"

Она пошла въ комнату назадъ, но и тамъ эти слова не давали ей покоя. Она пошла по направленію къ дѣтской и

услыхала, что ея малютка-сынъ кричитъ и стучитъ кулачками въ ея дверь, требуя свою „мàмми“!

Ничего не думая, не соображая, она вернулась и прошла въ гостиную. Тамъ она сѣла одна, безъ воли, безъ желанья двинуться съ мѣста.

Длинныя французскія окна были открыты настежь. Площадь съ садомъ вся была въ зелени и въ цвѣтахъ. Чистый воздухъ прохладой вѣялъ въ маленькихъ хорошенькихъ комнаткахъ, разукрашенныхъ массой ненужныхъ бездѣлушекъ, которыя не входили въ опись имущества и не подлежали продажѣ въ случаѣ торговъ. Эта опись, какъ Дамокловъ мечъ, висѣла надъ головою обоихъ супруговъ...

— Да вотъ и еще повѣстка!—подумала она и вынула изъ кармана зловѣщую бумагу, которую въ это самое утро получила. Это была повѣстка, въ которой значилось, что если послѣдній взносъ не будетъ сдѣланъ,—судебный приставъ приступитъ къ продажѣ имущества съ публичнаго торга, согласно условію, заключенному обѣими сторонами; а это условіе было похуже Шейлоковскаго, Бамъ это знала и безъ всякихъ повѣстокъ.

— Но сегодня уже суббота,—разсуждала бѣдная женщина: —въ субботу ничего такого не дѣлается, даже банки всѣ закрыты по субботамъ, а завтра можно что-нибудь придумать, чтобы еще на этотъ разъ увернуться отъ судейской петли... Ахъ да, вотъ бы разъискать Поля Фабера!

Она задыхалась отъ волненія при одной только мысли объ этомъ и машинально перевела глаза на свой большой портретъ, подарокъ одного талантливаго художника, который восхищался цвѣтомъ ея лица. Только вчера онъ былъ окончательно поставленъ и теперь на стѣнѣ красовалась сама м-съ Уильдфайръ, въ соломенной шляпѣ съ оранжевыми бархатными лентами, выдѣлявшимися на ея бѣлой, атласистой шеѣ, въ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ „carré“ на груди и такого цвѣта, который почти сливался съ цвѣтомъ ея волосъ, а между ними выступало еще ярче ея нѣжно-румяное лицо съ бѣлоснѣжной кожей, придававшей ему особенно привлекательный, вызывающій видъ.

Но въ ея свѣжемъ, оживленномъ лицѣ чего-то не хватало.

Бамъ повернулась лицомъ къ зеркалу, но и оно ей ничего бòльшаго не сказало: то же лицо, и тотъ же необъяснимый недостатокъ. Долго всматривалась въ свое изображеніе прелестная м-съ Уильдфайръ и наконецъ увидѣла въ немъ отсутствіе того, чтò нѣкогда составляло главную ея прелесть: привѣтливости, доброты, которыя ее всю оживляли. Она могла быть добра и

привѣтлива, когда все шло хорошо, когда она сама хорошо поступала, но теперь, когда все шло какъ нельзя хуже, когда она знала, что она во всемъ сама виновата, когда зналъ объ этомъ и самъ Денисъ, все мягкое и доброе въ ней какъ бы стушевалось и обратилось во зло. Она не отрывала глазъ отъ своего лица и ей вдругъ стало ясно, почему оно измѣнилось и почему измѣнилось его вліяніе на мужа, почему ея обаяніе больше не дѣйствуетъ на него.

Бамъ подошла къ окну и лѣниво слѣдила за движеніемъ на улицѣ и за окнами сосѣдняго дома, на которыхъ красовались билетики, и удивлялась, что находятся еще люди, мѣняющіе свое мѣстожительство въ такое время года, когда возы, тянущіеся по улицѣ съ мебелью и съ другимъ домашнимъ скарбомъ, были рѣдкостью.

Въ эту минуту вошла ея бойкая, изящная горничная и сказала, что какой-то господинъ спрашиваетъ барыню.

— Прикажете принять?—заключила она.

Молодая хозяйка не замѣтила, что дѣвушка говоритъ торопливо и какъ бы смущенная, не обернулась даже на ея зовъ и отдала свое приказаніе, не глядя.

Вслѣдъ за вошедшей горничною на порогѣ появился господинъ, весьма прилично одѣтый, и вѣжливо поклонился.

Совершенно равнодушно, безучастно, она освѣдомилась: что̀ ему угодно, что̀ она можетъ сдѣлать для него?

Ея полное незѣденіе и дѣтски-милая беззащитность растрогали его, а милое личико и граціозность смутили этого привычнаго блюстителя правосудія. Онъ не зналъ, ка́къ ему приступить къ разъясненію того, что̀ ему приходилось исполнить по обязанностямъ службы.

Начальникъ не постѣснился послать его въ неурочный день и часъ, и одно это обстоятельство уже должно было сдѣлать еще труднѣе и безъ того тяжелую его задачу.

Невольно выбирая выраженія, стараясь говорить, какъ можно мягче, онъ отвѣтилъ:

— Мы явились... мы присланы сюда за вашими вещами... за вашей посудой!

И, движеніемъ руки, вѣжливый господинъ указалъ на пустыя подводы, остановившіяся у воротъ изящнаго крошки-домика, въ которомъ жили Уильдфайры.

XII.

Съ тѣхъ поръ, какъ бѣдная Бамъ не слыхала иной музыки, кромѣ топота рѣзвыхъ дѣтскихъ ножекъ, она такъ съ нею свыклась, такъ полюбила ее, что ей казалось особенно пусто и грустно въ ихъ отсутствіе. Эти быстрыя ножки бѣгали теперь по зеленымъ лугамъ „бабы“ и „дѣда“, а пухлыя рученки рвали цвѣты и плели изъ нихъ вѣночки, и даже весьма искусно для трехлѣтняго юноши.

Его папа и мама оставались пока одни въ тѣсной квартиркѣ, гдѣ было всего двѣ комнатки подъ самой крышей, въ высокомъ домѣ недалеко отъ Модной улицы. Они оба сидѣли согнувшись надъ работой: онъ—надъ книгой, она—надъ шитьемъ, безъ котораго она давно бы съума сошла. Мужу казалось за пятьдесятъ лѣтъ, жена чувствовала себя столѣтней старухой, а наружность ея перестала носить на себѣ отпечатокъ благовоспитаннаго, строгаго изящества, всегда отличавшій ее отъ массы остальныхъ хорошенькихъ женщинъ. Причина тому была простая, хотя и не сразу замѣтная: засаленные артельщики, увозившіе съ собою ея вещи и посуду, лишили ее не однихъ только этихъ бездушныхъ вещей, а вмѣстѣ съ ними непримѣтно увезли нѣсколько десятковъ лѣтъ ея жизни и беззаботной юности и даже, пожалуй, часть ея души.

Поль Фаберъ, не показывавшійся къ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ, пока длился ихъ ложно-блестящій родъ жизни, теперь явился какъ разъ во-время, чтобы помочь своимъ друзьямъ въ постигшей ихъ бѣдѣ. Онъ перекупилъ на торгахъ всѣ книги и научныя принадлежности Дениса; нашелъ и нанялъ для него комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ самъ жилъ, и перевезъ туда своего друга, окруживъ его всѣмъ тѣмъ, что тому было дорого. Только въ томъ и была разница, что около него не было въ ту минуту жены и ребенка; а то все происшедшее могло бы показаться ему лишь тяжелымъ сномъ, несмотря на то, что весьма осязательными существами были судебныя власти и артельщики и тѣмъ болѣе ощутительна сила закона, удвоившаго и даже утроившаго долгъ, который и безъ того разростался, какъ снѣжный комъ. Душа его изныла, истомилась подъ гнетомъ стыда и душевныхъ мукъ; чуткость ея притупилась и вся жизнь, вся будущность его, казалось, разсыпалась въ прахъ.

Денисъ боялся теперь глядѣть въ глаза своимъ друзьямъ и знакомымъ и всячески старался обѣгать ихъ, а подчасъ и въ

самомъ дѣлѣ не узнавая проходилъ мимо. Всѣ они валили всю вину на м-съ Уильдфайръ и проклинали ее единогласно, а на друга своего указывали какъ на примѣръ несчастнаго, но хорошаго и умнаго человѣка, который если и несетъ тяжелый крестъ долговъ, нужды и неудачъ, то лишь благодаря женѣ... по примѣру прочихъ. Не въ первый разъ разъигрывается эта старая пѣсня на новый ладъ: мало ли талантливыхъ и умныхъ людей погибаетъ жертвою расточительныхъ и безсердечныхъ женъ? Никому и въ голову не пришло подумать, что больше всего страдаетъ человѣкъ отъ своей собственной вины, отъ зла, содѣяннаго имъ самимъ; что на м-съ Уильдфайръ несчастіе отозвалось даже тяжелѣе, чѣмъ на ея мужѣ. Онъ не терялъ еще счастливой способности углубляться въ работу, которая была ему по сердцу; онъ могъ спать крѣпко по ночамъ и вставать отдохнувшимъ; въ немъ, мало-по-малу, вкоренялась привычка выносливости. Но ей, остававшейся цѣлый день наединѣ со своими думами, со своей совѣстью, въ отсутствіе мужа приходилось невыразимо тяжко и тоскливо. Совѣсть нещадно бичевала ее, а сердце рвалось неудержимо вслѣдъ за своимъ нѣжнымъ, неизмѣннымъ маленькимъ другомъ-сыночкомъ, который росъ и здоровѣлъ на чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Какъ ему, бѣдненькому, нехорошо жилось въ тѣсномъ и душномъ городскомъ помѣщеніи! Но хуже всего въ этой тѣснотѣ было для Бамъ сознаніе, что она утеряла свое вліяніе на мужа, что въ немъ угасло былое чувство къ ней; и вообще положеніе ея было въ то время настолько незавидно, какъ того могли бы желать, ей въ отместку, ея обманутые обожатели и женихи.

Еслибы Сью была въ городѣ, все было бы иначе; она все повернула бы на свой ладъ, но въ ея правилахъ было во всемъ и всегда опережать моду и дѣлать заблаговременно то, что всѣ дѣлали позднѣе. Такъ, напримѣръ, она даже мужа своего соблазнила перспективой баснословно разбогатѣть на золотыхъ рудахъ Южной Америки и умчалась туда вмѣстѣ съ нимъ, осыпавъ на прощанье свою любимую подругу тьмой обѣщаній обогатить ее, когда сама научится этой мудрой наукѣ.

Болѣе близкихъ подругъ, какъ леди Сью, у Бамъ не было. Ея друзья и знакомые сновали мимо ея новой квартиры, заворачивая въ Модную улицу. А тѣ немногіе, которые пожелали продолжать знакомство и съумѣли разъискать ее, не были приняты ни разу, по ея же собственному приказанію. Особенно строго легло это приказанье на лорда Шольтò, который упорно писалъ къ ней записки, но ни разу не удостоился отвѣта. Такимъ обра-

вомъ, Бамъ отчасти была сама причиной своего одиночества, изъ котораго Сью насильно вырвала бы ее, еслибы она не была, къ сожалѣнію, въ отъѣздѣ.

Бамъ, какъ и большинство любящихъ женъ и матерей, которыя несчастливы съ мужемъ, предпочитала хранить сознаніе своего несчастія про себя. Она могла бы уѣхать на время погостить къ роднымъ или въ опустѣлое помѣстье леди Сью, какъ ей совѣтовалъ Денисъ; но она не хотѣла разстаться съ мыслью, что она еще можетъ быть ему полезна даже въ такихъ мелочахъ, какъ варка кофе, починка бѣлья, чистка лампъ и т. п. Все это она дѣлала съ чувствомъ какой-то жалкой покорности, стремясь хоть чѣмъ-нибудь да угодить ему, хоть въ чемъ-нибудь загладить свою великую вину передъ нимъ. Еслибъ она страдала меньше въ глубинѣ души, она скорѣе примѣнилась бы къ нему, но, увы! Бамъ не умѣла сдерживать рѣзкостей, которыя просились ей на языкъ, когда на сердцѣ слишкомъ ужъ накипѣла горечь; а случалось это обыкновенно подъ конецъ ихъ бесѣды, которая всегда начиналась самоуничиженіемъ молодой женщины, а кончалась съ ея стороны упреками. Денисъ сначала отмалчивался, потомъ возражалъ и, чтобъ остановить себя во-время, кончалъ тѣмъ, что уходилъ вонъ изъ дома, объявляя, что не можетъ дольше сдерживать свой характеръ.

— И у меня не было его до тѣхъ поръ, пока я не вышла за тебя! — возражала она, а сама про себя прибавляла: — куда это онъ идетъ? Въ Модной улицѣ никогда съ нимъ этого не случалось. Къ кому онъ спѣшитъ?

Пытливо смотрѣла она на дверь, за которой исчезалъ Денисъ; и до самой зари, когда онъ приходилъ домой, ее мучали терзанія совѣсти и неудержимая, адская ревность. Онъ возвращался угрюмый, молчаливый, и ни словомъ не давалъ ей догадаться, гдѣ онъ провелъ весь вечеръ и всю ночь... безъ нея... безъ нея!

Можетъ быть, дневные труды и занятія и не давали ему предаваться заботамъ, не давали ему растравлять свои сердечныя раны, но все-таки можно сказать навѣрное, что съ женою было у него связано представленіе о нуждѣ и всяческихъ непріятностяхъ, тогда какъ о другихъ женщинахъ онъ могъ вспоминать лишь съ удовольствіемъ; съ ними онъ не испытывалъ ни нужды, ни лишеній; жизнь давалась ему тогда легко и беззаботно. Мало-по-малу, Бамъ стала дѣлать мужу намеки, которые больно на немъ отзывались и обижали его. Мало-по-малу, благодаря разсужденіямъ, которыя, какъ мужчина, онъ одинъ могъ бы объяс-

нить, онъ даже пришелъ къ заключенію, что имѣлъ бы въ сущности полное право оправдать женины подозрѣнія, чтобъ онѣ были не напрасны, ...еслибы ему пришла охота оправдать ихъ на дѣлѣ.

Случалось ли ему когда задаваться вопросомъ, какую ужасную тоску, сердечную пустоту и одиночество приходится испытывать его женѣ? Какъ бы то ни было, онъ не особенно торопился исполнить ея просьбу намѣтить ей книги для чтенія, чтобы она могла читать съ толкомъ и съ пользой для себя. День ото дня онъ все откладывалъ это до „другого раза".

— Ты никогда меня теперь уже не называешь своей „крохоткой-женщиной"!—сказала она однажды утромъ мужу.

Она уже вычистила, приготовила ему шляпу и платье и съ ужасомъ ожидала той минуты, когда онъ уйдетъ (по обыкновенію, на цѣлый день) и броситъ ее одну-одинешеньку. Ей страстно хотѣлось услышать отъ него хоть словечко участія... Еще бы! послѣ всего, что̀ ей пришлось отъ него вытерпѣть!..

Это была ошибка съ ея стороны, ждать выраженій сочувствія отъ человѣка, который, собственно говоря, никогда его не проявлялъ; ошибка еще бо̀льшая—принимать это къ сердцу и снова настаивать, пробовать вызвать въ немъ желаемое, но въ сущности небывалое участіе.

— Должны же быть у тебя свои занятія! — возразилъ онъ какъ-то, удивляясь, почему она не можетъ примириться со своимъ удѣломъ, если для него это оказалось возможнымъ!

Онъ одѣвался, бралъ въ уголку свой зонтикъ и уходилъ, а она оставалась одна,—наединѣ со своимъ упрямствомъ, со своей гордостью и своей тоской.

Въ одинъ прекрасный день, Бамъ пересматривала переписку свою съ мужемъ, тогда еще женихомъ. Она была невелика, но все-таки удовлетворительна по своему настроенію.

— „Красоточка моя!.. Красота!.. Крошка!"..

Такъ онъ когда-то называлъ жену, но всѣ эти ласкательныя ничего не говорили о его сочувствіи или о чувствѣ товарищеской дружбы; всѣ они были слишкомъ реальнаго свойства, безъ малѣйшей тѣни отвлеченности. Однакоже, вѣдь онъ любилъ ее тогда, и горячо любилъ? Можетъ быть, она потому только не замѣчала этого тогда, что сама шла за него по убѣжденію, но безъ любви? Какъ же, однако, она постаралась убить въ немъ это чувство, если отъ его страсти ничего не осталось? И надо же, чтобы ей эта мысль пришла теперь впервые, — когда вся ея власть надъ нимъ исчезла безъ слѣда!.. Чѣмъ больше она ду-

мала объ этомъ, тѣмъ больше она приходила къ убѣжденію, что эта власть рушилась подъ чьимъ-нибудь враждебнымъ вліяніемъ въ теченіе послѣдняго года ихъ супружеской жизни. Да, и это вліяніе постепенно, но увѣренно затягивало ея мужа въ свои сѣти.

Собственно говоря, Бамъ не могла бы сказать ничего опредѣленнаго; ей трудно было бы прослѣдить точный срокъ, начиная съ котораго въ обращеніи Дениса, въ его взглядѣ и голосѣ, даже въ его поцѣлуѣ, когда онъ приходилъ домой, появилось нѣчто новое, какой-то неуловимый, но жуткій оттѣнокъ. Онъ больно отзывался у нея на сердцѣ и угрожалъ чѣмъ-то еще невѣдомымъ, зловѣщимъ; тѣмъ болѣе, что въ такія минуты его обращеніе съ нею было снисходительнѣе, добрѣе, потому-что онъ зналъ, что ему никогда не отвѣтятъ рѣзкостью на его ласку, лишь бы онъ самъ не вызывалъ на грубость. Какъ большинство мужей, онъ зналъ конечно, что стòитъ ему только пожелать и дома онъ всегда найдетъ радушный пріемъ и живое участіе; никто, какъ жена, не съумѣетъ утѣшить труженика, ободрить.

Бамъ, не скрываясь, пытливо слѣдила взорами за мужемъ, открыто глядѣла ему въ лицо; между тѣмъ, Денисъ смотрѣлъ на нее исподтишка и словно крадучись. Сидя надъ книгой (и это обстоятельство не ускользнуло отъ ея наблюденій), Денисъ по получасу, иной разъ, не перевертывалъ страницы и, молча, не шевелился, въ то время, какъ лицо его выражало безнадежное равнодушіе солдата, увѣреннаго, что постъ, который онъ оберегаетъ, все-равно долженъ сдаться. Но за послѣднее время это равнодушіе и притупѣлость смѣнились рѣзкостью и раздраженіемъ, какъ-будто вмѣсто внутренняго холода по жиламъ его протекалъ огонь.

Бамъ съ презрѣніемъ относилась къ своему прежнему любопытству и только потому не рѣшалась убѣдиться въ своихъ подозрѣніяхъ, что стыдилась заглядывать въ его письма, слѣдить за тѣмъ, куда и къ кому онъ ходитъ.

Такая женщина, конечно, никогда бы не рѣшилась круто поступить съ мужемъ, пожурить его какъ журитъ добрая, строгая мать—свое любимое дѣтище, чтобы онъ не бросалъ родной очагъ, не мѣнялъ свою семью на чужую. Еслибъ она на это рѣшилась, онъ, по всей вѣроятности, одумался-бы и съ теченіемъ времени самъ сознал-бы ея правоту. Но Бамъ была не изъ такихъ;—и Денисъ это зналъ, равно какъ и то, что она не имѣетъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, ни даже подозрѣній о его измѣнѣ. Онъ даже такъ прямо и высказалъ ей это.

— Обмануть меня, когда я была еще почти ребенкомъ, было нетрудно; — не правда-ли? Но теперь это тебѣ не дастся такъ легко!—воскликнула она.

— Всему другому я предпочитаю миръ и тишину, — возразилъ онъ упрямо и снова склонился надъ книгой.—Оставь меня въ покоѣ!

— И оставлю, если ты этого заслужишь!—возразила Бамъ, сама пугаясь своихъ словъ и выраженій.—Только ты мнѣ скажи: что̀ эти люди дѣлаютъ такого, чтобы быть для тебя пріятнѣе меня? Или ужъ жена годна только для того, чтобы служить спопищемъ всѣхъ непріятностей и лишеній? Боже мой, Боже! Неужели я должна предъ тобою преклоняться все ниже и ниже, пока отъ меня ничего не останется? Я виновата—и я мучаюсь; я каюсь въ томъ злѣ, которое я совершила. Ты виноватъ—и ты не думаешь жалѣть, ты не раскаяваешься въ своей винѣ. Вотъ и вся разница между нами!

— Опять придирки!—проговорилъ онъ, повидимому спокойно переворачивая страницу, но въ глазахъ его загорѣлся зловѣщій огонекъ.

— Непорядочный ты человѣкъ, вотъ что̀! — внѣ себя уже кричала Бамъ. — Знаешь, твоя непорядочность, какъ пятно на волшебномъ мечѣ! Сколько его ни три, оно чуть сойдетъ—смотришь, — ужъ опять появилось на другомъ мѣстѣ! И чары эти можно уничтожить лишь разломивъ мечъ на куски. Такъ и съ твоимъ неисправимымъ недостаткомъ: онъ не пройдетъ, какъ волшебное пятно, пока ты самъ его не сломишь, пока ты не рѣшишься его преодолѣть!

Денисъ захлопнулъ книгу, которую читалъ, молча и не спѣша надѣлъ сюртукъ, шляпу и вышелъ вонъ, осторожно, безъ шума заперевъ за собою дверь.

— Ушелъ... къ „ней"! — громко сказала бѣдная женщина, стоя неподвижно посреди убогой комнатки и безпомощно опустивъ руки. Вотъ онъ каковъ, этотъ гигантъ ума, пигмей нравственности, рабъ своихъ порочныхъ привычекъ и наклонностей, послушная игрушка въ рукахъ той, которая съумѣла его обойти: онъ думаетъ, что у нея ему „спокойно". А я... я уже не могу дать ему успокоенія!

Голосъ ея оборвался глухимъ рыданіемъ, которое становилось все громче и громче.

— Да отдай я ему сейчасъ хоть всю свою душу—и то ему будетъ неугодно!—продолжала она.—И сто̀итъ-ли мнѣ еще понапрасну горячиться? Они теперь, все равно, забыли и думать

обо всемъ на свѣтѣ; имъ весело, спокойно... Они смѣются надо мной!

Какъ большинство людей, живущихъ въ одиночествѣ, Бамъ невольно взяла привычку говорить вслухъ сама съ собою.

Она знала прекрасно: какъ ни проси Дениса сказать правду, онъ ей не отвѣтитъ ни да, ни нѣтъ. Онъ будетъ продолжать идти своей дорогой, а ей останется лишь горевать одной пока сердце ея не разобьется... Выслѣживать его она не хотѣла—гордость до этого ее не допускала; да въ глубинѣ души она и не особенно стремилась добиваться правды. Ей казалось, что муки неизвѣстности все-таки легче, нежели сама извѣстность, которая иной разъ хуже ада.

— И кто бы она могла быть, эта „другая"? — неотвязно вертѣлось у нея въ умѣ. И вспомнилось ей, что, разрывая карточки мужа, она напала на женскія карточки, изъ которыхъ одна особенно бросилась ей въ глаза. То была подозрительно-золотистая блондинка (очевидно, съ крашеными волосами); глаза ея были замѣтно подведены тушью; лицо—сытое, откормленное, но слишкомъ беззастѣнчиво-открытое и съ напускнымъ выраженіемъ веселости. Теперь Бамъ знала, что это была женщина неприличнаго поведенія; но тогда она наивно спросила:

— А это—кто такая?

Денисъ вспыхнулъ и сухо отвѣчалъ:

— Все равно; ты ее не знаешь.

Онъ поспѣшилъ подсунуть карточку подъ кучку другихъ, но она вытянула ее опять наружу и убѣдилась въ ея странномъ видѣ, который теперь, много лѣтъ спустя, живо припомнился ей. Да, выраженіе лица было незлое, но настолько смѣлое, что подобной женщинѣ, очевидно, не стоило никакого труда удержать Дениса при себѣ.

— И этому знакомству вѣрныхъ десять лѣтъ! Конечно, всѣ преимущества старой привязанности и привычки—на „ея" сторонѣ. Ну, гдѣ съ нею тягаться молодой, неопытной дѣвушкѣ и молодой женщинѣ?

— Въ чемъ долгъ мой? Какъ должна поступать съ мужемъ его законная жена, которую онъ бросаетъ, мѣняетъ на другую, не освященную небомъ и закономъ? Бросить и мнѣ его,—бросить прямо въ объятія другой? Омыть руки отъ всего общаго съ нимъ?.. Или лучше закрыть глаза на всю неблаговидность его поведенія, не раздражать его,—оставить себѣ хотя слабую надежду въ будущемъ вернуть себѣ его привязанность, помочь ему вернуться къ прежней жизни? А между тѣмъ, молчаливое равнодушіе къ

его поступкамъ развѣ не можетъ быть принято за согласіе съ моей стороны? развѣ, поступая такимъ образомъ, я сама не устраню единственную и главную для него преграду—осужденіе и противодѣйствіе родной семьи?!

Такъ разсуждала бѣдная женщина и тяжело становилось у нея на душѣ.

Бываютъ въ жизни человѣка рѣшительныя минуты, когда жизнь его, которая, повидимому, идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ, незримо измѣняется, теряетъ свой прежній характеръ и пріобрѣтаетъ совершенно новый. Для молодой м-съ Уильдфайръ настала именно такая минута: жизнь ея, ни для кого непримѣтно, измѣнилась и уже больше никогда не возобновлялась въ прежнемъ своемъ внутреннемъ видѣ.

Подъ окномъ раздались звуки шарманки. Весело и звонко неслись они въ вышину и Бамъ узнала знакомый мотивъ, который прожужжалъ ей всѣ уши, когда она жила на Модной улицѣ. Заслыша его, она ужъ догадалась, что шарманщикъ навѣрно поглядываетъ вверхъ, на ея окно: онъ разыскалъ ее и здѣсь, твердо помня, что молодая барыня часто любила слушать его игру вмѣстѣ со своимъ „красавцемъ-сыночкомъ". Тогда, въ эти незабвенно-счастливые дни, она была счастливѣе всего, когда беззаботно болтала со своимъ малюткой и слушала его милый, оживленный лепетъ. Но ея любимецъ былъ далеко и какими-то далекими показались ей теперь его любимыя пѣсенки.

Вспомнилось ей вдругъ почему-то, что однажды ему вздумалось ее спросить:

— Мамми! Кого ты любишь больше: бабу или меня?

— Тебя, тебя больше, сокровище мое! — горячо отвѣчала она.

А малютка серьезно, съ укоризной, возразилъ своей мамми:

— Ахъ, нѣтъ: мамми свою надо любить больше всего на свѣтѣ!

Впослѣдствіи м-съ Уильдфайръ не разъ сожалѣла, что не записывала всѣхъ его забавныхъ, остроумныхъ и неизмѣримо-нѣжныхъ словечекъ, которыя съ улыбкой потомъ перечла бы не только она сама, но и каждая счастливая мать. Для бездѣтной женщины такое чтеніе было бы лишь печально и заставило бы ее неудержимо разрыдаться...

Бамъ и сама готова была счесть себя въ эту минуту такой несчастной, обездоленной матерью и, съ тоской въ душѣ, дала волю слезамъ, которыя ее душили. Машинально она взяла мелкія

деньги, завернула въ бумажку и бросила шарманщику. Онъ засмѣялся, глядя на нее вверхъ, какъ на знакомую, и снялъ шапку, а Бамъ внутренно порадовалась, что здѣсь никто изъ знакомыхъ не увидитъ ея заплаканнаго лица и не мѣшала шарманщику еще съ добрыхъ полчаса надрывать ей сердце звуками знакомаго напѣва...

Уже давно стемнѣло, а бѣдная женщина все еще сидѣла одна, пока не пробило полночь. Тогда она тихо встала и усталая, грустная, легла въ узкую постельку своего сыночка. Будущее больше не казалось ей свѣтлою мечтой, но она примирилась съ нимъ. Въ глубинѣ души она рѣшила, что для нея Денисъ не долженъ больше существовать; но въ то же время остановилась на твердомъ намѣреніи никому изъ общества или изъ друзей не дать повода заподозрить о настоящихъ отношеніяхъ, водворившихся между ней и мужемъ.

На зарѣ, подъ утро, вернулся домой Денисъ и не сразу разыскалъ жену. Наконецъ, замѣтивъ, что она спитъ въ постелькѣ сына, онъ долго, долго стоялъ надъ нею, задумчиво и пытливо глядя въ ея тихое и даже во снѣ грустное, истомленное лицо...

XIII.

— Кто это?... Да это м-съ Уильдфайръ,—проговорилъ м-ръ Уильдесартъ.

— Пожалуйста, представьте меня ей!—попросилъ вновь прибывшій и его просьбу поспѣшили исполнить.

— Позвольте вамъ представить сэра Дугласа Стрэнджа,—обратился къ м-съ Уильдфайръ мужъ ея подруги и на молодую женщину взглянули чьи-то открытые, умные и ясные глаза.

Обладатель ихъ сѣлъ рядомъ съ нею и время уже не тянулось, не шло, а летѣло. Смѣлый и ясный взглядъ ея новаго знакомаго, казалось, открылъ ей новый и свѣтлый міръ, въ которомъ и люди, и вещи приняли болѣе привѣтливый, желательный оттѣнокъ. Бамъ не могла оторвать отъ него своего завороженнаго взгляда и, какъ у ребенка, котораго скоро уведутъ спать, лицо ея становилось все сумрачнѣе и подернулось облачкомъ недовольства, когда ея новый знакомый всталъ, чтобы проститься.

Онъ, въ свою очередь, во время разговора съ удовольствіемъ подмѣтилъ легкій румянецъ, который пробивался сквозь нѣжную

кожу ея щекъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ еще слишкомъ блѣдныхъ для молодого и счастливаго созданія. И ему показалось, что у нея есть какое-то затаенное, ей одной извѣстное горе, о которомъ никто не подозрѣваетъ.

— Такъ я вамъ занесу эту книгу, — проговорилъ онъ, не сводя глазъ съ очертаній и складочекъ ея лица, которыя бываютъ только у очень молодыхъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не надо!— смѣло возразила она,—но еслибы вамъ оказалось удобнымъ отослать ихъ къ мужу на квартиру, на Модной улицѣ...

Его быстрый взглядъ далъ ей понять, что онъ, очевидно, былъ въ заблужденіи относительно ея настоящаго положенія; но она не хотѣла разъяснять, и онъ ушелъ ни съ чѣмъ. А минуту спустя ей уже начало казаться, что въ комнатѣ совершенно пусто... безъ него.

— Кто такой этотъ господинъ?—спросила она у леди Сью, которая уже успѣла проводить послѣдняго изъ своихъ гостей „на чашку чая".

— О! Это одинъ изъ друзей Уильдесарта... только не изъ моихъ!—поспѣшно прибавила она:—Это писатель, мыслитель, вообще человѣкъ скорѣе *замѣчательный*, нежели *замѣтный*... въ обществѣ, т.-е. онъ не въ модѣ. Его можно видѣть вездѣ. И какъ это вамъ до сихъ поръ еще ни разу не случалось встрѣчаться? Про него твердо установилось мнѣніе, что ни одна женщина не можетъ противиться его обаянію. А между тѣмъ, въ него много влюбляется и такихъ, къ которымъ онъ совершенно равнодушенъ, которыя ему даже вовсе не нравятся. Берегитесь, мой Іосифъ прекрасный... Считаю своимъ долгомъ васъ предупредить, хоть для насъ всѣхъ и было бы, въ сущности, настоящимъ торжествомъ, еслибы вы сами сошли съ пьедестала своей цѣломудренности.

— Онъ живой человѣкъ, — задумчиво сказала Бамъ. — Его умъ, его быстрое воображеніе спѣшитъ навстрѣчу мыслямъ собесѣдника и подхватываетъ ихъ на лету или даже раньше, чѣмъ онѣ успѣютъ сложиться въ опредѣленную форму. Никогда я не чувствовала себя такой умной, какъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

— Или, быть можетъ, его блестящая наружность и его тонкій умъ невольно способны растрогать женщину, которая возбуждаетъ его восхищеніе?—продолжала вслухъ думать леди Сью.— Слушайте, Бамъ! До сихъ поръ вы положительно были непохожи на обыкновенныхъ женщинъ. Въ васъ все было такъ особенно, незаурядно; вы были выдающимся явленіемъ въ кругу дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ. Смотрите же, не входите въ разрядъ

обыкновенныхъ—не вздумайте влюбиться въ Дугласа Стрэнджъ... Какъ хотите, а только онъ, сколько мнѣ кажется, уже успѣлъ немного повліять на васъ...

— Влюбиться?! — воскликнула Бамъ, съ горечью и вдругъ остановилась, въ боязни, что даже это восклицаніе могло дать поводъ заподозрить ея мужа въ недостаточной любви къ ней; а ей, во чтò бы то ни стало, хотѣлось уберечь свой низверженный кумиръ отъ нареканій. Или ужъ поздно? Глаза леди Сью какъ-то поразительно краснорѣчивы...

— Бѣдняжка Бамъ!—говорила та и въ глазахъ у нея стояли предательницы-слезинки.—Я была далеко; я веселилась и жила безпечно, а вы... Я никогда и ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы уѣхать, еслибъ могла подозрѣвать, чтò вамъ придется здѣсь безъ меня пережить! Воображаю, какіе ужасы пришлось вамъ пережить, если такіе пустяки могутъ доставлять вамъ отраду!

Бамъ подавила въ себѣ возроставшее волненіе и отошла къ окну, будто бы для того, чтобы посмотрѣть на улицу.

— О, моя душечка!—воскликнула леди Сью. — Собственно говоря, жизнь наша просто компромиссъ, и если вамъ, по пути, случится полюбить, пользуйтесь случаемъ! Любите и будьте счастливы, не бойтесь показаться заурядной и крѣпко уцѣпитесь за свое искреннее чувство: это единственное изъ сокровищъ, которое жизнь еще оставляетъ вамъ.

— У меня есть мой крошка-Пеглсъ!—возразила молодая мать, не оглядываясь на подругу.

— Но придетъ время, и Пеглсъ полюбитъ другую больше, чѣмъ мать свою... Чтò бы вамъ ни случилось пережить и перечувствовать, дитя мое, помните только, чтобы не погрязнуть въ житейской тинѣ, не участвовать въ общемъ застоѣ, не плеснѣть! А главное, не думайте, не разбирайтесь въ своихъ думахъ. Купите себѣ метелку и метите полъ, лишь бы двигаться и шевелиться, но не думать. Только бы не думать!

М-съ Уильдфайръ повернулась лицомъ къ подругѣ и ея оживленное, еще недавно чуть порозовѣвшее лицо, вновь поблѣднѣло, осунулось, рѣзкими чертами обозначая всѣ невзгоды, которыя пришлось ей пережить за минувшій годъ.

— Ну, да,—подхватила она:—я и сама не разъ просила мужа, чтобы онъ отпустилъ меня, далъ бы мнѣ разрѣшеніе пойти хоть въ горничныя или въ экономки, ну, куда бы то ни было... Но теперь мой мальчикъ дома; деревенская жизнь совершенно по-

правила его здоровье, вы тоже вотъ ко мнѣ вернулись... Ну, словомъ, все въ порядкѣ!

— Только не ваши волосы!—заворчала Сью.—Ихъ лоскъ пропалъ, они словно потускнѣли. Да и вы сами... ваша осанка никуда не годится: она не та, что̀ прежде. Бамъ, дорогая! Вы знаете, у меня куча денегъ... Ради Бога, ради всего святого, выберитесь вы изъ этого чердака и живите опять простой, но живой жизнью, для которой вы были созданы!..

— Никогда въ жизни, милая Сью! ни за что̀ на свѣтѣ не рѣшусь я пользоваться чужими деньгами!.. Но будьте спокойны: работы Дениса идутъ прекрасно; мы понемножку справляемся съ долгами и ничего не будетъ удивительнаго, если совсѣмъ очистимся отъ нихъ къ тому времени, когда я буду старой старухой... Но я вовсе не намѣрена такъ долго ждать; у меня есть на этотъ счетъ свой секретъ, и если только сэръ Дугласъ не откажется мнѣ помочь въ моей затѣѣ...

— Хорошенькой женщинѣ онъ ни въ чемъ не можетъ отказать,—сухо возразила леди Сью:—но не забывайте, что та, которой мужчина поможетъ, должна долго выплачивать ему своею благодарностью; особенно, если этотъ мужчина никто иной, какъ сэръ Дугласъ Стрэнджъ... Но отчего бы вамъ не принять его у себя? Это расшевелило бы немножко вашего безчувственнаго бирюка. Право же, душечка моя, Бельморъ можетъ утѣшиться: онъ отомщенъ блестяще!

Бамъ громко разсмѣялась и смѣясь простилась съ подругой; но даже послѣ того, какъ она ушла, Сью не могла успокоиться: ей не понравился этотъ смѣхъ. По ея мнѣнію, Стрэнджъ былъ такого рода господинъ, что могъ заставить любую женщину позабыть съ полсотни Бельморовъ и съ добрую сотню Уильдфайровъ. И Сью всей душой возсылала къ небу мольбы, чтобы сэру Стрэнджъ и въ голову не пришло объ этомъ постараться.

Итакъ, въ одинъ прекрасный день случилось, что во мракъ будничной жизни бѣдной Бамъ ворвался лучъ свѣта, озарившій для нея все вокругъ. Ея лицо, ея осанка, весь міръ въ ея глазахъ преобразился; а въ центрѣ его былъ *онъ*, ея новый другъ!

Ка́къ это случилось и что̀ именно открыло ему доступъ къ ея неприступному сердцу, она и са́ма не знала. Знала она только одно: что и для нея солнце теперь свѣтитъ ярче и вѣтерокъ дуетъ мягче и теплѣе, а улыбка невольно просится на порозовѣвшія губы.

Въ жизнь ея влилось что-то новое, но что именно, она не могла себѣ уяснить; она только чувствовала надъ собою чье-то благодѣтельное, бодрящее вліяніе и могла лишь благодарить за это Бога, Который сжалился надъ ея злополучной судьбой. Ежедневно, просыпаясь, она возносила Ему горячія мольбы и восхваленія за дарованный ей свѣтлый грядущій день и за то, что отваленъ камень, тяжкимъ бременемъ лежавшій у нея на душѣ и клонившій ее, какъ усталое, исчахнувшее растеньице къ землѣ.

Вернувшись домой отъ бабушки, Пегльсъ не могъ нарадоваться на свою маму: такой весельчакъ-товарищъ, какъ она, ему и во снѣ не снился. Денисъ только и зналъ, что переводилъ свой вопросительный взоръ съ малютки на жену, какъ бы спрашивая безъ словъ, откуда у нея опять взялась ея дѣтски-безпечная веселость, которая въ его глазахъ была нѣкогда ея главнымъ и неотразимымъ обаяніемъ, связаннымъ въ его представленіи съ блестящей и умною дѣвушкой, какою жена его была тогда, когда онъ съ нею познакомился впервые. Но не сразу и не легко было Денису догадаться, что заставило жену переродиться, и что за трагедія готовится его собственными стараніями. Могъ ли онъ быть въ претензіи на то, что въ число ея участниковъ попалъ посторонній, если онъ, мужъ своей жены, не дорожилъ своими законными правами?

— Знаете что?—сказала какъ-то разъ леди Сью, въ чудный майскій день, когда Бамъ сама расцвѣла, какъ пышный май, и ожила вмѣстѣ съ живительной весною.—Съ тѣхъ поръ, какъ у васъ съ сэромъ Дугласомъ завязалась дружба, вы стали вѣдь совсѣмъ другая. А между тѣмъ, онъ самый обыкновенный изъ людей, если не считать его умственнаго развитія и умнаго взгляда... Ну, самый простой, самый заурядный, какого мнѣ когда-либо случалось встрѣчать!—заключила она съ чистосердечнымъ недовольствомъ и тревогой.

— Сколько мнѣ кажется, онъ даже некрасивъ,—замѣтила Бамъ равнодушно, но глаза ея положительно сверкали счастьемъ.— Но для меня его смуглое, изящное лицо положительно красиво: рядомъ съ нимъ всѣ другіе мужчины, по-моему, все равно, что мастеровые!

— Бамъ!!.—воскликнула Сью въ безграничномъ удивленіи.— Позвольте спросить, достигало ли ваше увлеченіе такой высокой степени, когда вы собирались замужъ за своего Дениса... или когда влюблялись въ другихъ?

Но напрасно! У м-съ Уильдфайръ, конечно, были глаза, но

она ими,—до поры до времени,—ничего не видала: время прозрѣть для нея еще не пришло.

— Какъ же вы не можете понять,—серьезно продолжала молодая женщина: — что мое влеченіе къ сэру Дугласу чисто отвлеченнаго, умственнаго свойства и его ко мнѣ—также!

Леди Сью не дала ей продолжать и откинулась на диванъ въ припадкѣ неудержимаго смѣха:

— О, какъ вы еще молоды! — смѣялась она звонкими раскатами.—Послѣ урока, который вамъ пришлось вынести на себѣ съ Уильдфайромъ, это даже странно! Что же касается умственныхъ влеченій и сочувствій, — дорогая, куда дѣвалась ваша неприступность и... и все такое? Я всегда находила большое утѣшеніе для себя въ сознаніи, что хоть вы-то, по крайней мѣрѣ, сохранили въ неприкосновенности свою нравственную чистоту.

Бамъ была, правда, озадачена, но не очень: душевная отрада и спокойствіе такъ съ нею за послѣднее время сроднились, что она не могла съ ними разстаться ни за какія блага въ мірѣ, и всѣми силами за нихъ цѣплялась, чтобы ихъ не упустить...

— Дугласъ Стрэнджъ женатъ,—возразила она, чтобы дать подругѣ рѣшительный отпоръ:—Я тоже замужемъ.

— И оба—неудачно!—не смущаясь, замѣтила леди Сью.—Какъ умный человѣкъ, Дугласъ Стрэнджъ женился (простите, Бамъ!) на дурѣ! А между тѣмъ, онъ любитъ красивыхъ и блестящихъ женщинъ... Замѣтьте, я говорю во множественномъ числѣ!

— Онъ дѣлаетъ для меня то, чего я жаждала отъ своего мужа,—не унималась Бамъ:—Онъ будитъ во мнѣ мысль и здравый смыслъ; онъ меня пріучаетъ размышлять; онъ ни разу еще не ушелъ безъ того, чтобы не дать мнѣ надъ чѣмъ-нибудь призадуматься...

— Словомъ, онъ—возбуждающій человѣкъ!—пояснила Сью, сладко позѣвывая.—Но не могу сказать, чтобъ на меня онъ дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ. У него, правда, есть рѣдкій даръ—примирять каждую женщину съ ея личными свойствами, вѣрный знакъ частой практики, моя милая, и практики (замѣтьте!), которая отзывается на насъ же самихъ, принужденныхъ расплачиваться за нее.

— Я знаю только одно,—что онъ заставляетъ меня желать сдѣлаться лучше и добрѣе!—горячилась Бамъ и голосъ ея звенѣлъ отъ волненія.—Онъ заставляетъ меня сдерживаться и разумно обуздывать свои порывы,—къ чему я отъ природы склонна, тѣмъ болѣе, что всегда желала и даже стремилась къ разумному

подчиненію, котораго до сихъ поръ еще не требовалъ отъ меня никто. Но его умъ нѣчто высшее; въ его присутствіи я не испытываю и тѣни привычнаго желанія подразнить, раздражить кого бы то ни было; наговорить кучу того, чтò бы и не слѣдовало, какъ это у меня всегда бываетъ съ...

Бамъ спохватилась, что чуть-было не выдала себя.

— Я просто хочу сказать,—продолжала она:—что я лучше, умнѣе и добрѣе всего чувствую себя въ обществѣ Дугласа Стрэнджа.

— Вотъ какъ? — сухо замѣтила леди Сью.—Впрочемъ, вы, можетъ быть, и правы. Всѣ женщины, за исключеніемъ меня, безъ ума отъ него. Конечно, онъ въ высшей степени благовоспитанный человѣкъ. Онъ богатъ, — хоть даже слова — „деньги“ отъ него никогда не услышишь. Его ненавидятъ; но онъ самъ никогда ни словомъ не обидитъ своихъ ненавистниковъ или враговъ; онъ знаменитъ, всѣ его прославляютъ; — но онъ меньше объ этомъ знаетъ, меньше этимъ интересуется, чѣмъ кто-либо другой... А все-таки, я васъ предупреждаю, Бамъ: я сдѣлаю со своей стороны все возможное, чтобы вырвать васъ изъ его когтей! Вы влюблены въ него, голубчикъ, и сами о томъ не подозрѣваете!

— Я, влюблена?!—съ негодованіемъ воскликнула Бамъ.—Да развѣ женщина съ мужчиной не могутъ быть друзьями? Развѣ это такое уже страшное, непростительное преступленіе?

— Со стороны мужчины нѣтъ, конечно! Но со стороны женщины—непремѣнно,—съ убѣжденіемъ возразила Сью.—Любовь можетъ перейти въ страсть; но никогда страсть не переродится въ любовь.

— Вы говорите загадками,—холодно отвѣчала Бамъ.—Наконецъ-то я нашла, чего всю жизнь свою искала:—человѣка, который умѣетъ сдѣлать себѣ изъ женщины не игрушку, а друга и, главное, товарища; который считаетъ ее существомъ себѣ равнымъ... А вы хотите непремѣнно все дѣло испортить сравненіемъ съ первыми встрѣчными глупѣйшими Анжелинами и Эдвинами, какихъ только вамъ приходилось видѣть.

— Въ концѣ концовъ все приведетъ у васъ, какъ и у нихъ, къ одному и тому же!—горячилась леди Сью.—Но скажите, пожалуйста,—продолжала Сью:—онъ къ вамъ часто заходитъ и бесѣдуетъ съ вами на вашемъ... вашемъ...

— ...Чердакѣ?—хладнокровно подсказала молодая женщина. —Да, онъ часто заходитъ и сидитъ съ Пегльсомъ и со мною; а иногда и моего мальчика при этомъ не бываетъ, тогда я съ нимъ сижу одна.

— А что̀ на это говоритъ Денисъ?

— Его не спрашиваютъ,—сухо отвѣчала Бамъ и въ ея голосѣ послышался какой-то новый для Сью оттѣнокъ, сказавшій ей больше, нежели можно было угадать со словъ ея подруги: въ немъ вылилось невольно все, что̀ та претерпѣла за минувшіе года.

Разсудительная леди Сью встревожилась не на шутку.

— Дорогая моя! — серьезно и внушительно начала она: — еслибы вашъ Денисъ не былъ способенъ углубляться въ свои труды и въ науку, онъ никогда бы не позволилъ женѣ выбрать себѣ въ друзья сэра Стрэнджа.

Бамъ звонко разсмѣялась и этотъ смѣхъ удивилъ леди Уильдесартъ, а еще больше... ее самую. Въ переводѣ на слова, онъ означалъ смѣлый вызовъ всѣмъ и всему на свѣтѣ.

— Я свободна, какъ воздухъ! Я дѣлаю все, что̀ хочу и ни Денисъ, ни вы, ни кто-либо другой меня не остановитъ!

— Бамъ! — вскричала въ испугѣ леди Сью.—Люди самые лучшіе по своей природѣ, скорѣе другихъ ударяются въ крайности и чаще другихъ погибаютъ жертвою такой роковой перемѣны. Ради Бога, ради вашего ребенка остановитесь, опомнитесь, пока еще не поздно!

М-съ Уильдфайръ снова засмѣялась, но уже иначе,—и отвела отъ себя обнимавшую ее руку подруги.

— И какъ это у васъ хватаетъ смѣлости предполагать, что онъ можетъ сдѣлать мнѣ хотя бы малѣйшее зло?—воскликнула она съ негодованіемъ.—Кто, какъ не онъ, сдѣлалъ мнѣ больше добра, чѣмъ кто-либо другой во всей моей жизни? Да понимаете ли вы, что я могу теперь прощать всѣмъ, кто меня обидѣлъ, и что этимъ я обязана исключительно ему? Прежде я не могла и не умѣла быть снисходительной къ другимъ. Больше двухъ лѣтъ жила я, какъ въ темницѣ: онъ меня вывелъ на свѣтъ Божій! Изъ упорной, упрямой ненавистницы людей и всего земного, какою я была тогда, онъ превратилъ меня...

— Онъ превратилъ васъ въ друга человѣчества вообще и сэра Дугласа—въ особенности!

— Мы заключили между собой тайный договоръ, о которомъ вамъ еще ничего неизвѣстно, — съ негодованіемъ воскликнула Бамъ.—Но придетъ время и вы все узнаете, только пока мы еще держимъ свое намѣреніе въ тайнѣ.

— Да знаю, знаю! Мнѣ это все знакомо. Старая пѣсня, которую только глупцы могутъ считать новинкой. Но онъ не изъ такихъ, за что я ручаюсь, чѣмъ угодно.

При первомъ же удобномъ случаѣ, леди Сью отправилась и разыскала сэра Дугласа.

— Чтò вы еще затѣяли?!—съ гнѣвомъ и глубокимъ негодованіемъ крикнула она на него.—М-съ Уильдфайръ и безъ того уже держится слишкомъ смѣло и идетъ въ разрѣзъ съ законами общества, къ которому принадлежитъ. Она очень несчастлива въ своей и вообще въ родной семьѣ. Не дѣлайте же вы ее еще болѣе несчастной, нежели она была до знакомства съ вами!

— Вы ей горячо преданы,—тихо замѣтилъ онъ вмѣсто отвѣта и поглядѣлъ на нее своими блестящими, но добрыми глазами, которые какъ-будто говорили, что онъ видалъ всего на своемъ вѣку, но ищетъ чего-то еще невѣдомаго, новаго.

— И чтò вы еще вздумали вбивать ей въ голову?—горячилась леди Сью.—Вы первый изъ мужчинъ, котораго она допустила имѣть вліяніе на ея жизнь...

— И я твердо намѣренъ не отступать отъ нея ни на шагъ; я ее не оставлю!—проговорилъ онъ.

На этотъ разъ глаза его ужъ больше не показались леди Сью добрыми; они пронзали ее своимъ холодомъ, — рѣзкимъ и жуткимъ, какъ сталь, какъ ударъ холоднаго оружія.

XIV.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ этотъ холодный человѣкъ на другой день, когда онъ утромъ подходилъ къ дверямъ молодой м-съ Уильдфайръ, которую засталъ, какъ обыкновенно, за работой. Легко какъ перышко и весело какъ птичка вспорхнула она и полетѣла къ нему на встрѣчу. Это движеніе вышло у нея такъ невольно, такъ горячо и искренно, какъ горяча и искренна была радость, свѣтившаяся на ея оживленномъ лицѣ. Оно выразило, при видѣ его, такое полное, такое безграничное счастье, что сэръ Дугласъ на мгновеніе остановился и краска залила ему лицо. До глубины души растрогало и поразило его чистое и преданное чувство къ нему молодой женщины, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сознавалъ, что недостоинъ его.

— Ну чтò? Мы были умницей и прочли книги, которыя намъ прислали?—спросилъ онъ въ полу-шутливомъ тонѣ и усѣлся за столомъ рядомъ съ нею.

— Да, только ужъ очень трудно ихъ читать!

— Ничего; зато онѣ нѣсколько остудятъ вашу быстроту и

разбросанность мысли,—съ улыбкою возразилъ онъ.—Конечно, онѣ еще долго будутъ даваться вамъ тяжело; но зато потомъ, когда вы одолѣете эту премудрость, ваша смѣлость дастъ себя знать...

— Какъ? Моя смѣлость?

— Да; то-есть, проще говоря—ваше дарованіе, талантъ... зовите какъ хотите! Только въ нѣкоторыхъ людяхъ, гдѣ-то въ глубинѣ ихъ ума и сердца таится врожденная способность къ писательству такъ же точно, какъ у иныхъ бываетъ способность видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ и какъ мы съ вами никогда ихъ не увидимъ. Наша способность—облекать всѣхъ и все въ воображаемые нами образы—намъ присуща и можетъ такихъ, какъ мы съ вами, сдѣлать писателями, художниками или артистами.

Бамъ слушала его внимательно; но слушать было для нея сравнительно меньшимъ удовольствіемъ, нежели смотрѣть на него въ то самое время, какъ онъ говорилъ, и наблюдать, какое у него было при этомъ лицо. Когда онъ былъ тутъ, подлѣ нея, она испытывала чувство такого спокойствія, такого полнаго счастья и довольства, что для нея былъ доступенъ лишь страхъ передъ неизбѣжностью минуты, когда онъ долженъ будетъ встать, проститься и уйти. Ему одному принадлежалъ безраздѣльно даръ возвышать ея духъ, погруженный въ мелочныя заботы, и поднимать его до чистыхъ высотъ умственныхъ интересовъ. Ей казалось, что это чудо совершилось подъ вліяніемъ его умственныхъ и товарищескихъ къ ней отношеній, къ которымъ она такъ давно стремилась и ради которыхъ вышла за Дениса Уильдфайра. Но Денисъ не понялъ ея; Денисъ самъ сознательно отнялъ у нея желанное счастье.

— Если я когда-либо и буду въ состояніи что-нибудь написать, это будетъ единственно благодаря вамъ!

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ:—Это будетъ лишь благодаря вашей собственной природѣ. Онъ зналъ, что его собесѣдница дѣйствительно роскошно одарена красотою нравственно чистой женщины; зналъ, что струны ея души были натянуты и разстроены грубою рукою, которая могла бы, наоборотъ, извлекать изъ нихъ мелодичныя созвучія. Но струны порваны; мелодіи не слышно и долго еще, можетъ быть, она не будетъ звучать снова стройно и красиво...

Да проститъ ему Богъ, этому человѣку, безжалостно разстроившему такой дивный инструментъ!—подумалъ онъ съ горечью.

Въ зеркалѣ, которое висѣло напротивъ, ему было видно отраженіе двухъ лицъ: его собственнаго—выцвѣтшаго отъ жизни, которой онъ пользовался ежечасно, не давая самъ себѣ ни нравственнаго, ни физическаго покою; и ея юнаго, свѣжаго личика, полнаго нерастраченныхъ силъ, блещущаго своей нѣжностью и чистотой выраженія и чѣмъ-то такимъ, для него непонятнымъ, чего онъ не замѣчалъ еще ни въ одномъ женскомъ лицѣ... Долго ли оно еще останется такимъ для него? суждено ли ей будетъ затеряться въ толпѣ прочихъ женщинъ, любившихъ его, или она останется единственной, которая будетъ для него всегда дорога и священна, какъ нѣчто высшее, недосягаемое и для него недоступное, на вѣки окруженная въ его памяти ореоломъ нераздѣленной страсти и поклоненія?..

Вотъ отъ какихъ вопросовъ онъ не могъ удержаться и которые невольно отразились въ его взглядѣ, когда онъ обернулся лицомъ къ своей собесѣдницѣ.

Она отвѣтила ему нѣжнымъ, довѣрчивымъ, открытымъ взглядомъ, какой является у женщины помимо ея воли, когда она смотритъ на что-нибудь особенно ей близкое и дорогое.

Сэръ Дугласъ всталъ поспѣшно, тотчасъ же подмѣтивъ перемѣну въ лицѣ Бамъ, и сердце у него упало при мысли, что все-таки лучше удалиться отъ того, что̀ съ каждымъ часомъ все сильнѣе его привлекало.

Наконецъ, онъ простился и она проводила его глазами, пока онъ спускался по узкой лѣстницѣ и скрылся совершенно изъ вида; затѣмъ вернулась къ себѣ въ комнату и съ новой бодростью, съ новыми силами взялась за свой обычный трудъ.

Въ ея глазахъ сэръ Дугласъ игралъ роль того сказочнаго царевича, который разбудилъ спящую царевну, рыцаря-освободителя несчастной плѣнницы, узы которой онъ смѣло сокрушилъ, которую онъ спасъ отъ чудовища—Отчаянія. Какъ животворный вихрь, который разметаетъ землю и выводитъ наружу скрытыя въ ней сѣмена, несущія въ себѣ зародыши жизни, такъ и онъ, добрый, сочувствующій, разметалъ, разсѣялъ всѣ мрачныя свойства ея характера, и вывелъ на свѣтъ Божій все, что̀ въ немъ было лучшаго, свѣтлаго; далъ ей новую жизнь, новые интересы; пробудилъ въ ней бодрость и смѣлость прямо смотрѣть въ лицо всему міру и стремленіе покорить этотъ міръ силою своего слова.

Сэръ Дугласъ Стрэнджъ не разъ на своемъ вѣку испыталъ всю прелесть сознанія, что любимая женщина гордится имъ самимъ столько же, сколько и собою. Онъ зналъ, что они оба

упиваются теперь самымъ тонкимъ, самымъ привлекательнымъ изъ любовныхъ напитковъ, отъ котораго онъ не могъ,—да и не хотѣлъ,—оторваться. Онъ всей душой стремился продлить наслажденіе, которое было для него ново, потому что ему часто приходилось слышать объ ея неприступности; тѣмъ болѣе, что онъ и самъ,—при всей ея любви къ нему,—угадалъ въ ней присутствіе чего-то иного, чѣмъ въ другихъ женщинахъ, и это иное, по его мнѣнію, могло оказаться враждебнымъ всѣмъ его ухищреніямъ.

Малютка Пегльсъ чувствовалъ себя какъ-то неловко въ обществѣ своего новаго знакомаго; да и сэру Дугласу было не по себѣ въ присутствіи ребенка. Мальчикъ молча сидѣлъ, не сводя съ него глазъ и крѣпко стиснувъ себѣ колѣни сложенными ручками. Только по временамъ онъ на минуту отрывалъ отъ него свой пытливый взглядъ, чтобы перенести его на свою мàмми. Онъ удивлялся, въ глубинѣ своей дѣтской души, что они говорятъ такъ весело и оживленно, а онъ, Пегльсъ—ничего, какъ ни старается, не понимаетъ.

Ему становилось скучно; онъ тихонько отходилъ къ сторонкѣ и забавлялся одинъ, какъ умѣетъ забавляться только единственный ребенокъ въ семьѣ. Бѣдный мальчикъ никакъ не могъ понять, почему это его мама такъ непрерывно сидитъ за книгами или съ перомъ въ рукѣ и такъ мало времени удѣляетъ ему. Отчего ей некогда играть съ нимъ въ разныя игры, какъ бывало прежде, когда она только и знала, что придумывать для него развлеченія и забавы?..

Денисъ также замѣтилъ въ настроеніи жены большую перемѣну и не зналъ, чему приписать приливъ энергіи, который на нее вдругъ нахлынулъ. Онъ зналъ только одно, что потребность тратить свои природныя силы была въ ней подавлена благодаря грустнымъ обстоятельствамъ и нуждѣ и что теперь эта потребность вновь вырвалась наружу.

Какимъ-то внутреннимъ, сердечнымъ довольствомъ свѣтилась вся она: это сказывалось у нея въ лицѣ, въ осанкѣ, въ голосѣ и даже въ походкѣ. Это растрогало его и онъ сталъ чаще и внимательнѣе вглядываться въ жену; но не потому, чтобы онъ ей простилъ, а просто потому, что у всякаго виноватаго спокойнѣе на душѣ за свои грѣхи, если онъ видитъ, что никому не причинилъ ими особеннаго горя и ущерба. Глядя на Бамъ, онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что она счастлива и довольна;

и это мирило его съ самимъ собою и его озлобленіе мало-помалу смѣнялось сравнительной мягкостью въ обращеніи съ ней.

Однако, онъ ни разу не спросилъ ее (какъ это ужъ вошло у нихъ въ обыкновеніе), куда она идетъ и гдѣ была; къ кому она идетъ или кто у нея былъ; чѣмъ она занималась безъ него или что̀ думаетъ дѣлать завтра?

Совершенно случайно какъ-то такъ вышло, что и Пегльсъ ничѣмъ не намекнулъ отцу на посѣщенія сэра Дугласа и оба чрезвычайно удивились, когда вдругъ столкнулись въ темныхъ сѣняхъ тѣсной квартирки Уильдфайровъ. Быстрымъ и обоюдо-пытливымъ взглядомъ смѣрили они другъ друга и конечно были поражены рѣзкимъ между ними различіемъ. Особенно же не укрылось это отъ наблюдательнаго Стрэнджа.

— Бѣдная крошка!—подумалъ онъ и въ этихъ словахъ достаточно рельефно сказалась его оцѣнка внѣшности Дениса Уильдфайра, какъ супруга прелестнѣйшей изъ женщинъ.

— Кто такой этотъ господинъ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ?—спросилъ Денисъ жену, когда она его впустила.

На ея лицѣ еще не успѣлъ угаснуть тотъ особенный свѣтъ, которому не могло быть двухъ толкованій и который былъ ему знакомъ.

— У него вѣдь вставные зубы!—злорадно пояснилъ онъ, еще не успѣвъ выслушать ея отвѣта.

Весь вечеръ онъ былъ золъ и грубъ, какъ медвѣдь съ пришибленною лапой; а во время своей молитвы на сонъ грядущій крошка-сынъ вдругъ перервалъ мать на полусловѣ, чтобы сказать ей, подъ строжайшею тайной, свое новое умозаключеніе:

— Паппи сегодня злой-презлой старикъ!

Ни словомъ больше не обмолвился Денисъ и вообще ни въ чемъ не измѣнялъ своему обычному образу жизни; но мало-помалу у него вошло въ привычку наблюдать за женою, — что̀, впрочемъ, было для него нетрудно: на лицѣ Бамъ, какъ въ зеркалѣ, отражались открыто ея малѣйшія думы и желанія.

И по мѣрѣ того, какъ онъ наблюдалъ за нею, Денисъ все больше и больше изумлялся. Мрачной строптивости въ ней не осталось и слѣда; ссоръ и придирокъ не было и помину. Въ ея обращеніи съ нимъ проглядывалъ отблескъ той ласки и привѣта, которыми она была полна. Счастье било въ ней ключемъ и, отдаваясь его заманчивому теченію, Бамъ, казалось, забыла всѣ его несправедливости къ ней; она вновь стала добра и внимательна къ мужу, чего уже давненько съ нею не случалось. Вмѣстѣ съ добротою къ ней вернулось постепенно ея прежнее обаяніе и

свѣжесть, которыя даже ничего не потеряли отъ того, что были подавлены такъ долго. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ ея мужъ, и думалъ вполнѣ чистосердечно.

Между тѣмъ, молодая женщина перестала чувствовать себя всѣми отверженной, забытой и безличной, подчиненной прихотливымъ капризамъ мужа, изнемогающей подъ гнетомъ его законной власти надъ собою. Какъ утлый челнъ, расправивъ парусъ, она безстрашно неслась впередъ по волнамъ житейскаго моря: теперь она знала, куда ей держать путь и гдѣ ее ждетъ желанная пристань, въ которой ее ожидаютъ независимость и слава.

Часы, казавшіеся ей цѣлыми вѣками унынія и тоски, уже не тянулись, а летѣли какъ минуты... А когда наступала ночь, Бамъ ложилась въ постель съ сознаніемъ исполненнаго долга: все-таки съ нѣкоторыхъ поръ она видѣла, что у нея есть цѣль и что она ежедневно понемногу къ ней приближается. Послѣ дневныхъ трудовъ она отдыхала и тѣломъ, и душой. Но иной разъ случалось, что она вмѣсто отдыха ѣхала куда-нибудь на вечеръ вмѣстѣ съ леди Сью, и всѣ ея друзья и знакомые восторженно привѣтствовали ея возвращеніе къ свѣтской жизни, которое они въ шутку называли „пробужденіемъ спящей красавицы". И куда бы ни пошла „прелестная м-съ Уильдфайръ", вездѣ она встрѣчала сэра Стрэнджа. Это не проходило незамѣченнымъ и возбуждало всеобщіе толки. А между тѣмъ, презирая свѣтскую молву, Бамъ и Дугласъ не обращали на нее вниманія и еще болѣе цѣнили свои свиданія и тихія бесѣды съ глазу на глазъ, на „чердакѣ".

Видя сближеніе своей подруги съ Дугласомъ, Сью не переставая умоляла ее не разъигрывать, какъ она говорила, мелодрамы и не мстить Денису такимъ грубымъ, „глупымъ" образомъ.

— Не будемъ стремиться къ заурядности,—повторяла она убѣдительно.—Лучше умереть, нежели быть заурядньмъ человѣкомъ!

Денисъ продолжалъ наблюдать за женою, оставаясь гораздо чаще дома, хотя нельзя было про него сказать, чтобы она заразила его своей веселостью. Углубившись въ свои планы и соображенія, Бамъ лишь поверхностно замѣчала его тревожное состояніе, которое, впрочемъ, было довольно замѣтно, и только мимоходомъ улыбалась на его тревогу. Роли, очевидно, перемѣнились: теперь пришелъ и его чередъ волноваться за жену, какъ нѣкогда волновалась та изъ-за него.

— Тебѣ бы не мѣшало быть осторожнѣе,—сказалъ онъ какъ-то вечеромъ, когда она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ, а Пеглься уже крѣпко спалъ въ своей кроваткѣ. (И что бы такое ей тамъ дѣлать?—думалъ онъ, глядя на жену, углубившуюся въ

свое занятіе).—Я слышалъ кой-какіе замѣчанія и намеки на то, что ты часто одна принимаешь у себя сэра Дугласа Стрэнджа.

— Замѣчанія и намеки?! Это еще чьи? — съ презрѣніемъ спросила Бамъ.—Вѣрно, вашихъ же пріятелей? Неужели вы можете судить обо мнѣ по себѣ? Развѣ между мужчиной и женщиной не можетъ быть любви вполнѣ благопристойной? Послушай-же, разъ навсегда! Ты превратилъ жизнь мою въ адъ кромѣшный за эти годы; ты безжалостно наказалъ меня за мою „единственную" вину предъ тобою, какъ еслибы я во сто разъ больше была виновата. Ты отшатнулся ото всего, что касается меня; ты не мѣшаешь мнѣ поступать, какъ мнѣ вздумается... Я внѣ твоей власти, но знай!—тебѣ никогда не добиться того, чтобы я поступила такъ, какъ твое поведеніе могло бы заставить меня поступить! И впредь я буду идти по своему, особому пути, который я сама избрала, какъ и ты—свой!

Не вымолвивъ больше ни слова, Бамъ повернулась и вышла изъ комнаты, оставивъ мужа въ еще большемъ недоумѣніи о томъ, какъ бы остановить жену отъ поведенія, предосудительнаго въ глазахъ общества.

XV.

— Сэръ Дугласъ заходилъ? — спросила молодая женщина, вернувшись домой; но въ глазахъ у нея мутилось, въ ушахъ звенѣло и она не слыхала отвѣта горничной, хоть та и повторила его.

Съ трудомъ поднялась она на лѣстницу; ноги у нея подкашивались; она какъ во снѣ двигалась и смотрѣла вокругъ.

— Боже мой! Да я ли это?—думала она.—Гдѣ моя власть надъ собою? Развѣ „я"—эта женщина, слабая, пугливая? Я убѣжала вонъ изъ дому, чтобы только не встрѣтиться съ нимъ; но сама же спѣшила обратно и едва на ногахъ стою отъ горя, что онъ былъ безъ меня и ушелъ!

Дойдя до середины комнаты, она протянула руки къ нему, отсутствующему, и щеки ея запылали.

— Боже! Неужели тотъ же самый человѣкъ, который такъ энергично развивалъ во мнѣ самыя лучшія мои качества, пробудилъ во мнѣ въ то же время и все, что во мнѣ было самаго худшаго? Если любовь даже такая чистая, возвышенная, тяжкій грѣхъ—то, значитъ, я великая грѣшница?...—разсуждала она.

И вспомнилось ей невольное сравненіе сэра Дугласа съ Денисомъ. Она вѣдь любила мужа горячо, но совсѣмъ иначе; да

и теперь она все еще его любитъ, только эта любовь совсѣмъ другая. Теперь она поняла на себѣ, что можно любить двоихъ одновременно; но одного изъ чувства привязанности и человѣколюбія,—чувства, вытекающаго изъ общихъ привычекъ и воспоминаній; другого же со всѣмъ пыломъ страсти, вызванной воображеніемъ, прелестями идеальнѣйшей мечты и еще невысказаннаго чувства.

Бамъ чувствовала, что теряетъ почву подъ собою, она перестала себя уважать, но начала снисходительнѣе относиться къ себѣ, и это уже было большой ошибкой: стòитъ только спустить себѣ на іоту,—и придется спускать все больше и больше...

Ни разу сэръ Дугласъ ни словомъ не проговорился, не намекнулъ ей на свою любовь: ни разу не коснулся ея щеки поцѣлуемъ... Она знала, что все ея чувство къ нему тотчасъ бы тогда пропало; знала, что именно его самообладаніе и дало ему власть надъ нею. Она знала, что если мужчина въ свою страсть вложитъ всѣ лучшія качества своей души, онъ тѣмъ самымъ возвышаетъ ее, освящаетъ, вмѣсто того, чтобы ее унизить и опошлить. Но кто укажетъ шаткія границы между любовью, страстью или желаніемъ? Для многихъ между ними нѣтъ различія и они сливаются въ одно цѣлое. Чувство женщины опредѣленнѣе и тоньше; каждая любитъ такъ или иначе, совершенно различно и разнообразно. Трудно сказать, чтò лучше и чего слѣдуетъ желать: любви рыцарски-идеальной или обыкновенной; но, конечно, въ обоихъ случаяхъ необходимо принимать въ разсчетъ личныя свойства той женщины, которая внушила такую страсть. Какъ бы то ни было, взаимная любовь—довольно скользкій путь...

Вошла прислуга и подала барынѣ карточку, на которой было написано карандашомъ:

— Надѣюсь увидѣться съ вами сегодня на вечерѣ у Джерардовъ.—Д. С.

— Простите, барыня; я позабыла передать вамъ эту записку,—извинялась она смущенно, но Бамъ уже не слушала ее.

— Да,—думала она.—Да, я поѣду и увижусь съ нимъ!—и рѣшила въ послѣдній разъ принарядиться, чтобы понравиться ему.

Но ужаснѣе всего было для нея не сознаніе, что это ужъ въ послѣдній разъ, а мысль, что когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, при воспоминаніи о прошломъ въ ней можетъ шевельнуться сожалѣніе, что она не воспользовалась крупицей счастья, которое ей сулила свободная взаимная любовь; что она сознательно не пожелала прикоснуться къ чашѣ одуряющаго, но

сладостнаго зелья—единственной, которую судьба ей милостиво поднесла за все время ея жизненнаго пути...

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она, въ порывѣ страсти:—не любить его я не могу; но могу же не поддаваться животнымъ инстинктамъ. О, Боже, Боже! Куда и зачѣмъ я стремилась? Съ каждымъ днемъ падая въ своемъ собственномъ мнѣніи, Богъ вѣсть, до чего бы я могла дойти! Слѣдуя влеченію быть любимой и любить, я слѣдовала лишь тому роковому пути, на которомъ гибнетъ большинство женщинъ. О, въ тысячу разъ лучше прожить безъ любви, если она покупается такой дорогой цѣною!...

Она пришла уже къ ясному сознанію, что оба человѣка, дорогіе ея сердцу, въ цѣляхъ любви своей одинаково матеріальны и грубы, съ ея точки зрѣнія. Когда она открыла настоящую подкладку чувства, которое питалъ къ ней мужъ, она ужъ могла ближе познакомиться съ его недостатками и пороками. То же самое повторилось и съ Дугласомъ.

— Чѣмъ же онъ лучше Дениса?—спрашивала она себя съ разочарованіемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ она вошла въ гостиную Джерардовъ и первый, кто ее тамъ встрѣтилъ, былъ никто иной, какъ сэръ Дугласъ Стрэнджъ.

— Дорогая! — чуть слышно шепнули его губы; но и безъ того сердцемъ своимъ Бамъ угадала бы значеніе этого одного словечка: оно было написано на лицѣ и во взглядѣ любимаго человѣка.

Попозже, когда они оба проходили по зимнему саду и въ большомъ зеркалѣ отразились ихъ стройныя фигуры, сэръ Дугласъ нарочно подвелъ ее поближе и она увидала во всемъ блескѣ свой высокій ростъ, красивый станъ и бѣлоснѣжныя атласистыя грудь и плечи, которыя (по ея собственному признанію) были особенно хороши „en grande tenue“.

— Клянусь Богомъ!—воскликнулъ онъ твердо и настойчиво; —вы еще будете моей женой!

— Бѣдный Денисъ!..—вырвалось у Бамъ невольно и такъ жалостно, что рука Дугласа, ужъ готоваго обвить ея прелестный станъ, чтобы прижать ее къ своей груди, безпомощно, словно парализованная, упала.

Впервые сэръ Стрэнджъ почувствовалъ на себѣ, что самый опасный изъ его соперниковъ—мужъ прелестной м-съ Уильдфайръ...

Поутру, сидя въ постели, Бамъ молча, съ широко открытыми глазами слѣдила за мужемъ и сыномъ. Они оба стояли рядомъ на колѣняхъ и читали молитву.

Ей всегда особенно страннымъ и трогательнымъ казалось усердіе, съ которымъ мужъ относился къ молитвѣ, училъ молиться своего маленькаго сынка и никогда не забывалъ утромъ и вечеромъ возноситься мыслью къ Богу.

Всю ночь въ ушахъ у нея стоялъ страстный шопотъ.

— Дорогая!.. Дорогая!..

А на утро, сквозь этотъ шопотъ, до нея долетѣли слова молитвы, которую ея малютка-сынъ вдумчиво и набожно повторялъ вслѣдъ за отцомъ.

Какъ въ туманѣ, виднѣлись ей ихъ склоненныя головы, и ее впервые поразило сознаніе, что они оба молятся о ней и за нее. Между ними и ею словно протянулись невидимыя нити, невольно притягивавшія ее къ нимъ и отдѣлявшія отъ „него".

Машинально, незамѣтно для нея самой, губы ея зашевелились и тоже зашептали молитву. Бамъ сама начала молиться о себѣ, о нихъ обоихъ—о мужѣ и сынѣ...—но ни на мигъ не подумала о томъ, чтобъ вознести къ Богу мольбу, наравнѣ съ ними, и о томъ, „другомъ"...

Ей стало страшно за себя, за то, что она смѣла осуждать мужа, презирать его... Но какая же разница между нимъ и тѣмъ, другимъ, котораго она возводила въ степень рыцаря и героя? Тотъ хуже Дениса. Денисъ не искушаетъ другихъ, а лишь самъ поддается искушенію. Еще вопросъ, который изъ нихъ достойнѣе званія порядочнаго человѣка,—тотъ или другой?

— Вы еще будете моей женой!.. — сказалъ ей Дугласъ Стрэнджъ, и она не могла въ глубинѣ души не содрогнуться:— развѣ его желаніе могло осуществиться иначе, какъ посредствомъ смерти или вообще устраненія его жены или Дениса?

Эти ли слова его, высказанныя такъ твердо, или трогательное единеніе отца съ малюткой-сыномъ, — только чары обаянія, которому она столько времени подчинялась, забывая о своей собственной семьѣ, вдругъ разсѣялись, исчезли, какъ сонъ. Передъ ея духовными очами ничего и никого больше не осталось, какъ эти двѣ колѣнопреклоненныя фигуры, которыя къ одну эту минуту повліяли на нее, сами того не подозрѣвая, лучше и сильнѣе, нежели обаяніе чужого человѣка, казавшагося ей еще такъ недавно такимъ незамѣнимо близкимъ.

Денисъ окончилъ молитву и всталъ съ колѣнъ; вмѣстѣ съ

нимъ, благоговѣйно и тихо, какъ большой, поднялся на ножки и ребенокъ. И вдругъ Бамъ, въ неожиданномъ, неудержимомъ порывѣ нѣжности, позвала ихъ къ себѣ и, когда оба подбѣжали къ ней, крѣпко прижала ихъ обоихъ къ своей груди и покрыла страстными, искренними поцѣлуями...

А. Б—ѓ—

ПАЛОМНИЧЕСТВО

и

ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ СТАРОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Какъ вообще письменность древней Руси возникла подъ первыми вліяніями христіанскаго просвѣщенія, такъ изъ тѣхъ же религіозныхъ побужденій произошли первые опыты литературы путешествій. Двѣнадцатый вѣкъ, какъ мы видѣли, представляетъ особенно богатое проявленіе литературныхъ интересовъ — въ церковномъ учительствѣ, въ лѣтописи, въ поэмѣ; тому же вѣку принадлежитъ первое и знаменитѣйшее произведеніе древняго русскаго паломничества: хожденіе игумена Даніила. Какъ Начальная или Несторова Лѣтопись осталась до самыхъ временъ Петра основаніемъ стараго лѣтописанія, такъ хожденіе Даніила было знаменитѣйшимъ произведеніемъ старой паломнической литературы и ходило въ рукописяхъ не только въ теченіе всего древняго періода, но до самаго XIX столѣтія: это было не только назидательное чтеніе, но, видимо, и путеводитель для тѣхъ, кто предпринималъ странствіе къ Святымъ Мѣстамъ.

Начало нашего паломничества восходитъ вѣроятно къ самому первому періоду русскаго христіанства. Побужденія къ нему были понятны: въ умахъ людей, которые проникались истинами новообрѣтенной вѣры, страна, гдѣ совершались божественныя дѣянія Спасителя, должна была стать предметомъ величайшаго благочестиваго интереса, и этотъ интересъ преодолѣвалъ всѣ трудности

путешествія, которыя, кромѣ великой отдаленности Святыхъ Мѣстъ, увеличивались еще происходившей тогда борьбой крестоносцевъ и сарациновъ, а затѣмъ на цѣлые вѣка турецкимъ владычествомъ въ странѣ, заключавшей драгоцѣннѣйшія святыни христіанскаго міра. Въ этихъ условіяхъ паломничество становилось не только труднымъ странствіемъ, но подвигомъ. Первый паломникъ странствовалъ въ то время, когда Іерусалимъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ, но и въ это время посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ не было безопасно; впослѣдствіи оно стало еще затруднительнѣе и опаснѣе.

Игуменъ Даніилъ былъ впрочемъ только первымъ паломникомъ, записавшимъ свое странствіе; самыя хожденія начались гораздо раньше—какъ одинъ изъ признаковъ укрѣпленія въ умахъ христіанскаго вѣроученія, съ которымъ возникалъ и религіозный энтузіазмъ. Историческія свидѣтельства указываютъ, что еще около половины XI вѣка былъ въ Палестинѣ игуменъ дмитріевскій Варлаамъ (1062). Есть другія свидѣтельства (въ извѣстныхъ „Вопросахъ Кирика" архіепископу Нифонту), что къ XII вѣку уже до того распространилась страсть къ паломничеству, что церковная власть находила нужнымъ воздерживать не въ мѣру ревностныхъ паломниковъ, у которыхъ повидимому составлялось понятіе, что паломничество необходимо для настоящаго душевнаго спасенія. Надо думать, что уже въ это отдаленное время сталъ складываться спеціальный типъ „перехожаго калики", который ходилъ въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, потомъ странствовалъ по отечественнымъ святынямъ, и наконецъ дѣлалъ это странничество настоящей профессіей. Если въ XII вѣкѣ нужно было воздерживать эту благочестивую ревность, то вѣроятно она уже въ то время могла приводить не только къ преувеличеніямъ, но и къ злоупотребленіямъ. Исторія сохранила мало подробностей объ этой бытовой чертѣ стараго времени, но едва ли не очень далекому времени принадлежатъ тѣ сорокъ каликъ съ каликою, которыхъ изображаетъ былина, или „старчище пилигримище". Едва-ли сомнительно, что былина нѣсколько прикрасила ихъ изображеніе, когда сопоставляетъ ихъ съ самими богатырями; но во всякомъ случаѣ въ ея изображеніяхъ надо предполагать фактическую основу.

Когда именно странствовалъ въ Палестину игуменъ Даніилъ, это вызывало различныя мнѣнія. Судя по упоминаніямъ Даніила о русскихъ князьяхъ и о князѣ Балдуинѣ, который правилъ тогда въ Іерусалимѣ и съ войскомъ котораго нашъ паломникъ сдѣлалъ одно изъ своихъ путешествій, дѣлали заключеніе, что его хожденіе произошло въ 1113 — 1115 годахъ; но вѣрнѣе другое сообра-

женіе, которое точнѣе пріурочиваетъ событія крестоносныхъ войнъ и по которому путешествіе Даніила должно быть отнесено къ 1106—1108 годамъ. Объ его біографіи ничего неизвѣстно, только то обстоятельство, что Даніилъ, говоря объ Іорданѣ, сравниваетъ его съ рѣкою Сновью [1]), какая отыскалась въ нынѣшней черниговской губерніи, побудило митр. Евгенія, а затѣмъ и другихъ изслѣдователей считать Даніила уроженцемъ черниговскаго края; но это названіе рѣки встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, и гораздо болѣе можно заключать о южно-русскомъ происхожденіи Даніила изъ того обстоятельства, что въ его разсказѣ, когда онъ вспоминаетъ о далекой родинѣ, названы одни южно-русскіе князья. Путешествіе Даніила начинается и оканчивается Царьградомъ; поэтому думаютъ также, что оно предпринято было послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ византійской столицѣ: это весьма возможно, потому что кромѣ ближайшей зависимости русской церкви отъ цареградскаго патріарха, этотъ городъ представлялъ для благочестиваго странника множество поразительныхъ чудесъ и святынь. Впрочемъ вопросъ о происхожденіи Даніила большой важности не имѣетъ: пребывая въ Святой Землѣ, игуменъ Даніилъ постоянно чувствуетъ себя представителемъ всей русской земли: безъ какихъ-либо мѣстныхъ предпочтеній онъ приноситъ у гроба Господня молитвы о всей русской землѣ, онъ выпросилъ у князя Балдуина позволеніе поставить у гроба Господня свое „кандило" отъ всей русской земли [2]); и затѣмъ онъ

---

[1]) „Всѣмъ же есть подобенъ Іорданъ къ *рѣцѣ Сновьстѣй*, и вширѣ, и въ глубле, и лукаво течетъ и быстро велми, яко же *Сновь рѣка*. Вглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, яко же измѣрихъ и искусихъ самъ собою, ибо пребродихъ на ону страну Іордана, много ходимомъ по брегу его; вширѣ же есть Іорданъ яко же есть *Сновь* на устіи... болоніе имать яко *Сновь рѣка*". И въ другомъ мѣстѣ: „Течетъ же Іорданъ быстро и чисто водою, и лукаряво велми, и есть всѣмъ подобенъ *Сновѣ рѣцѣ*, въ ширѣ и въ глубину, и болоніемъ подобенъ есть Іорданъ *Сновѣ рѣцѣ*". Стр. 45—46, 90—100, по изданію Веневитинова: шесть разъ понадобилось Даніилу назвать свою Сновь.

[2]) Въ Великую пятницу, разсказываетъ онъ, „идохъ къ князю тому Балъдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: „что хощеши, игумене Русьскій?" Позналъ мя баше добрѣ и люби мя велми, якоже есть мужь благодѣтенъ и смѣренъ велми и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: „княже мой, господине мой! Молю ти ся, Бога дѣля и князей дѣля русскихъ, повели ми, да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на гробѣ святѣмъ отъ всея русьскыя земля!" Тогда же онъ со тщаніемъ и съ любовію повелѣ ми поставити кандило на гробѣ Господни и посла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Въскресенія и къ тому, иже держить ключь гробный" (стр. 127—128). Видя его „сущую любовь къ Гробу Господню", ключарь Гроба Господня далъ ему (на третій день послѣ Пасхи) малую часть святаго камня и, говоритъ Даніилъ, „изидохъ изъ гроба святаго съ радостію великою, обогатився благодатію Божіею и

говоритъ, что Богъ тому свидѣтель и святой гробъ Господень, что во всѣхъ мѣстахъ святыхъ онъ не забылъ именъ князей русскихъ, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископовъ, игуменовъ и бояръ, и дѣтей своихъ духовныхъ и всѣхъ христіанъ, и имена князей русскихъ онъ записалъ въ лаврѣ у святаго Саввы, „сколько упомнилъ ихъ именъ“, и они поминаются тамъ на ектеніи [1]).

По своему составу „Хожденіе“ Даніила стало какъ бы типическимъ образцомъ позднѣйшихъ произведеній этого рода. Это не есть путешествіе въ нынѣшнемъ смыслѣ слова: такъ какъ его единственнымъ побужденіемъ было благочестивое желаніе видѣть Святыя Мѣста, весь его разсказъ ограничивается ихъ описаніемъ, а передъ тѣмъ онъ даетъ только маршрутъ пути съ указаніемъ разстояній и иногда лишь съ самыми краткими извѣстіями о странѣ и жителяхъ. Читатель не находитъ у него разсказа объ особенностяхъ природы, о политическомъ положеніи видѣнныхъ земель, о бытѣ и нравахъ населенія; все вниманіе писателя поглощено разсказомъ о томъ, какъ добраться до Святой Земли, и затѣмъ обстоятельнымъ описаніемъ самыхъ святынь, которыя онъ упоминаетъ по порядку, перечисляя все достопримѣчательное: при каждой мѣстности онъ вспоминаетъ библейскую и евангельскую исторію, которую знаетъ съ большими подробностями, обильно дополняя ихъ легендою и апокрифическими сказаніями. Его описаніе обнимаетъ не только путь въ Іерусалиму отъ Царьграда (моремъ) и самый Іерусалимъ, но и другія священныя мѣста Палестины; путь въ Тиверіаду онъ совершилъ съ войскомъ князя Балдуина, такъ какъ путешествіе въ странѣ было небезопасно отъ сарацинъ. Въ самой Палестинѣ онъ пробылъ болѣе года и видимо употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы собрать самыя достовѣрныя и подробныя свѣденія. „Я, недостойный игуменъ Данилъ,—говоритъ онъ,—пришедши въ Іерусалимъ, пробылъ 16 мѣсяцевъ въ лаврѣ святого Саввы и потому могъ походить и разсмотрѣть всѣ его святыя мѣста. Потому что невозможно безъ добраго вожа (проводника) и безъ языка узнать и видѣть всѣ Святыя Мѣста. И что у меня было моего скуднаго добыточка, я давалъ изъ этого людямъ, хорошо знающимъ всѣ святыя мѣста въ городѣ и внѣ города, чтобы все мнѣ хорошо указали,—такъ это и было. И далъ мнѣ Богъ найти въ лаврѣ мужа святого и стараго деньми и весьма книжнаго. И этому святому мужу Богъ

нося въ руку моею даръ святаго мѣста и знаменіе святаго гроба Господня, и идохъ, радуяся, яко нѣкако скровище богатьства нося, идохъ въ келію свою, радуяся великою радостію“.

[1]) Стр. 139—140.

вложилъ въ сердце полюбить меня худого и онъ хорошо указалъ мнѣ всѣ тѣ святыя мѣста и въ Іерусалимѣ и во всей той землѣ"... И действительно, его указанія весьма обильны и обыкновенно точны. Разсказъ отличается большою простотой, безъ всякихъ попытокъ къ той книжной высокопарности, которая уже въ это время начинала проникать къ нашимъ книжникамъ.

Эта простота, точность, богатство историческихъ и легендарныхъ указаній, сдѣлали этотъ первый разсказъ русскаго паломника весьма любимымъ чтеніемъ древней Руси. Новѣйшій издатель „Хожденія" могъ указать до семидесяти списковъ, изъ которыхъ старѣйшіе не восходятъ впрочемъ дальше XV вѣка. Большая распространенность „Хожденія", какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, повела къ тому, что списки его распадаются на нѣсколько различныхъ редакцій. Новѣйшій издатель полагалъ, что въ этихъ редакціяхъ, представляющихъ литературную исторію „Хожденія", именно отразилось различное пониманіе этого произведенія въ разныя эпохи нашей письменности,—съ другой стороны можно думать, что различное отношеніе къ этому памятнику могло существовать въ одно и то же время. Уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ спискахъ сочиненіе Даніила является съ различными заглавіями: книга, глаголемая странникъ; странникъ, хожденіе Даніила игумена; паломникъ Даніила мниха игумена странникъ; житіе и хожденіе Даніила, русскія земли игумена; сказаніе Даніила игумена и т. д., такъ что различіе редакцій должно было существовать еще до XV вѣка. Думаютъ, что заглавіе „странникъ" ставилось надъ сокращенными списками именно въ смыслѣ путеводителя; заглавіе „житіе" могло явиться изъ того, что сочиненіе Даніила было внесено въ какой-нибудь древній списокъ Четьихъ-Миней (какъ впослѣдствіи оно внесено было въ Четьи-Минеи митрополита Макарія), и Даніилъ былъ принятъ за святого. Нѣтъ сомнѣнія, что хожденіе Даніила имѣло для послѣдующихъ паломниковъ значеніе путеводителя; содержаніе его смѣшивалось съ другими подобными книгами; въ концѣ концовъ забывалось даже точное имя древняго странника. Во всякомъ случаѣ книга Даніила осталась однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашей старой паломнической литературы [1]).

---

[1]) Хожденіе Даніила издано было нѣсколько разъ:

— Путешествія русскихъ людей въ чужія земли. Ч. I (изданіе Н. Власова). Спб. 1837; 2-е изд. 1837; Путешествія русскихъ людей по Святой землѣ, ч. I. Спб. 1839; Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, кн. VIII. Спб. 1849, стр. 1—45 (перепечатка предъидущаго).

— Путешествіе игумена Даніила по Святой землѣ, въ началѣ XII вѣка (1113—

Въ историко-литературномъ отношенiи „Хожденiе“ Данiила представляетъ большой интересъ. Какъ литературный памятникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ нашей письменности, оно важно какъ первый опытъ развившейся потомъ паломнической литературы и любопытно отраженiями быта и понятiй, и чертами стиля и языка; затѣмъ весьма важно его общее археологическое значенiе въ ряду средневѣковыхъ описанiй Святой Земли вообще. Мы видѣли какъ онъ заботился о полной точности своихъ описанiй, для которыхъ искалъ свѣдущихъ людей изъ мѣстныхъ церковныхъ старожиловъ. Поставленъ былъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли Данiилъ какое-нибудь руководство предшествующихъ памятниковъ письменности: его собственный разсказъ исключаетъ необходимость считать подобное раннее руководство необходимымъ, — то, что онъ написалъ, какъ о своемъ пути, такъ и о видѣнномъ въ Святой Землѣ, онъ могъ разсказать по собственному наблюденiю и непосредственнымъ разспросамъ у своихъ вожей. Его свѣденiя прiобрѣтаютъ большое значенiе для исторической топографiи Святой Земли. Нѣкоторымъ изъ нашихъ новѣйшихъ путешественниковъ въ Святую Землю (напр., извѣстному А. Н. Муравьеву) извѣстiя Данiила казались неточными, но дѣло именно въ томъ, что эти извѣстiя относятся къ XII столѣтiю, и когда Хожденiе во французскомъ переводѣ Норова стало извѣстно спецiалистамъ

1115). Издано Археографическою Коммиссiею подъ редакцiей А. С. Норова, съ его критическими замѣчанiями. Спб. 1864, съ картою Палестины, планомъ Iерусалима и первоначальной базилики гроба Господня и 6 палеографическими снимками.

— Pélérinage en Terre Sainte de l'Igoumène russe Daniel au commencement du XII siècle (1113—1115), traduit pour la première fois etc. par Abraham Noroff. Pétersbourg, 1864. (Греческiй переводъ съ русскаго изданiя Норова, Эпифанiя Маттеа. Спб. 1867).

Сахаровъ зналъ до десяти списковъ Хожденiя, Норовъ до тридцати пяти; изданiя Сахарова были неудовлетворительны; не вполнѣ удовлетворительно было и изданiе Норова, но его заслуга была въ томъ, что онъ впервые предпринялъ критику текста на ряду съ другими средневѣковыми паломниками и своимъ переводомъ сдѣлалъ Хожденiе доступнымъ для западныхъ изслѣдователей. Новѣйшее и наилучшее изданiе, имѣвшее въ виду до семидесяти списковъ, принадлежитъ г. Веневитинову:

— Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена, 1106—1108, подъ редакцiей М. А. Веневитинова, въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, т. I, вып. 3 и 9. Спб. 1883, 1885. Въ концѣ подробные указатели собственныхъ именъ, малопонятныхъ словъ, мѣстъ священнаго Писанiя; пути и разстоянiя по указанiямъ Данiила; карта Святой Земли въ XII вѣкѣ.

См. также его изслѣдованiя о текстѣ Данiила: „Хожденiе Игумена Данiила въ Святую Землю въ началѣ XII вѣка“. Спб. 1877; „Замѣтка къ исторiи Хожденiя Данiила Игумена“, въ Журн. Мин. Нросв., 1883; „Лицевой списокъ Хожденiя Данiила Паломника“. Спб. 1881, съ образчиками лицевыхъ изображенiй (изд. Общества любителей древней письменности).

по изученію средневѣковой Палестины, они напротивъ, ставили Даніила весьма высоко въ ряду средневѣковыхъ паломниковъ [1]).

Даніилъ вообще есть типическій, благочестивый паломникъ среднихъ вѣковъ. Онъ очень скромно говоритъ о своемъ странствіи, которое совершилъ онъ, „понуженъ мыслію своею и нетерпѣніемъ моимъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную". Но, хотя сильно было его собственное „нетерпѣніе", онъ проситъ не зазрить его худоумія и грубости въ написанномъ: самъ онъ человѣкъ грѣшный („азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобныя дѣла творя"), но написалъ все, что видѣлъ своими очами, „дабы не въ забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному", написалъ, „надѣяся на милость Божію и вашу (читающихъ) молитву", и убоявшись примѣра того лѣниваго раба, который скрылъ талантъ своего господина. Написалъ онъ свое хожденіе „вѣрныхъ ради человѣкъ", чтобы, слышавъ о Святыхъ Мѣстахъ, они поскорбѣли и помыслили о нихъ и приняли отъ Бога равную мзду съ тѣми, которые доходили до нихъ: онъ убѣждаетъ, что многіе, оставаясь добрыми людьми дома, больше заслужатъ отъ Бога, чѣмъ тѣ, которые, дошедши Святыхъ Мѣстъ и святаго града Іерусалима, возносятся своимъ умомъ „яко нѣчто добро сътворивше, и погубляють мзду труда своего". Такимъ образомъ и Даніилъ присоединяется къ тѣмъ предостереженіямъ, которыя, какъ мы упоминали, были уже надобны въ XII вѣкѣ, когда страсть къ паломничеству доходила до злоупотребленія.

Съ первыхъ шаговъ своего путешествія, когда Даніилъ плылъ отъ Царьграда по „лукоморью" и по островамъ Архипелага, онъ встрѣчалъ уже множество предметовъ, внушавшихъ благочестивое любопытство; видѣнные города и острова были исполнены воспоминаніями о святыхъ, чудными предметами и святынями. Онъ называетъ имена этихъ святыхъ, разсказываетъ, какъ рождается темьянъ (ѳиміамъ, ладонъ), падающій съ неба и собираемый на деревьяхъ; на островѣ Кипрѣ онъ видѣлъ на высокой горѣ великій крестъ, который поставила святая Елена „на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на исцѣленіе; и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ",—бываютъ отъ этого креста великія знаменія и чудеса и донынѣ: „стоитъ же на воздусѣ крестотъ, ничимъ же не придержится къ землѣ, но тако Духомъ Святымъ носимъ есть

[1]) Einer der best unterrichteter und selbstständig forschenden Pilger, der russische Abt Daniel, по отзыву вюрцбургскаго профессора Зеппа (Sepp, Neue architectonische Studien und historisch-topographische Forschungen in Palästina, 1867, стр. 208 и др.).

на воздусѣ. И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божію на мѣстѣ томъ и походихъ островъ тои весь добрѣ".

Въ Іерусалимѣ и на всемъ пространствѣ Святыхъ Мѣстъ Даніилъ видѣлъ множество священныхъ памятниковъ библейскихъ и евангельскихъ, которые описываетъ обыкновенно съ большою точностію, измѣряя большія разстоянія — верстами, малыя — какъ „дващи дострѣлити гораздо", „яко можетъ доверечи (докинуть) каменемъ малымъ"; измѣряя величину зданій и памятниковъ локтями, пядями и саженями (гробъ Господень онъ измѣрилъ „собою"); пересчитывая столпы, окна, иконы и т. п., и окруженъ былъ повсюду атмосферою легенды. Когда въ первый разъ бываетъ видѣнъ путнику Іерусалимъ „и бываетъ тогда радость велика всякому христіанину, видѣвше святый градъ Іерусалимъ и ту слезамъ пролитье бываетъ отъ вѣрныхъ человѣкъ. Никто же бо можетъ не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣже Христосъ Богъ нашъ претерпѣ страсти насъ ради грѣшныхъ. И идутъ вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму". Съ первыхъ строкъ описанія іерусалимскихъ святынь и въ теченіе всего разсказа, Даніилъ сопровождаетъ изложеніе постоянными эпизодами священной исторіи и легенды. Описывая Храмъ Воскресенія, онъ говоритъ подробно о гробѣ Господнемъ, объ его видѣ и размѣрахъ, о самомъ храмѣ и въ концѣ замѣчаетъ: „Ту есть внѣ стѣны за олтаремъ пупъ земли, и создана надъ нимъ комарка и горѣ написанъ Христосъ мусіею и глаголеть грамота: „се пядію моею измѣрихъ небо и землю". И затѣмъ онъ разсказываетъ о мѣстѣ распятія Господня: „А отъ пупа земнаго до распятія Господня и до края есть саженъ 12" [1]). Распятіе поставлено было на камнѣ: посреди его высѣчено было углубленіе, „скважня", въ которой водруженъ былъ крестъ. „Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежить первозданнаго Адама глава; и во распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть Духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и каменіе распадеся; тогда же и тъ камень просѣдеся надъ главою Адамлею и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча". Это была легенда, извѣстная во всемъ христіанскомъ мірѣ, прочно установленная сказаніями о крестномъ древѣ,—которыя возводили исторію этого древа до временъ первыхъ людей, продолжали ее исторіей Соломонова Храма и т. д., съ разнообраз-

---

1) „Края", т.-е. Краніева, Лобнаго мѣста.

ными комбинаціями апокрифическихъ сюжетовъ. Нашъ Даніилъ подтверждаетъ легенду фактомъ, какъ очевидецъ: „И есть разсѣлина та на камени томъ и до днешняго дне знати есть на деснѣй странѣ распятія Господня знаменіе то честное".

И затѣмъ Даніилъ видитъ въ самомъ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ множество мѣстъ, ознаменованныхъ великими священными событіями. Онъ видѣлъ жертвенникъ Авраамовъ, гдѣ онъ намѣревался принести въ жертву Исаака; не вдалекѣ святая темница, въ которой заключенъ былъ Христосъ, и въ 25 саженяхъ—то мѣсто, гдѣ святая Елена обрѣла честный крестъ, и вѣнецъ, и копье, и губу, и трость. Онъ видѣлъ и много другихъ мѣстъ, связанныхъ съ земною жизнію Спасителя, видѣлъ много мѣстъ, гдѣ совершались событія библейскія: пещеру, въ которой убитъ былъ пророкъ Захарія, и внѣ той пещеры камень, на которомъ Іаковъ видѣлъ свой сонъ и боролся съ ангеломъ; гробъ Святой Богородицы; пещеру, гдѣ преданъ былъ Христосъ, келью Іоанна Богослова, въ которой Христосъ вечерялъ съ учениками своими; въ Виѳлеемѣ видѣлъ вертепъ, гдѣ совершилось Рождество Христово, ясли Христовы; пень того древа, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, и т. д. Близъ Елеонской горы былъ столпникъ, „мужъ духовенъ вельми", Даніилъ видѣлъ гору Ѳаворъ съ пещерой Мелхиседека; Назаретъ, гдѣ домъ Іосифа Обручника, святой кладезь, у котораго совершилось благовѣщеніе, и т. д. Въ праздникъ Пасхи Даніилъ видѣлъ, какъ свѣтъ небесный сходитъ ко гробу Господню, и говоритъ объ этомъ въ благочестивомъ восхищеніи: „Така бо радость не можетъ быти человѣку, ака же радость бываетъ тогда всякому христіанину, видѣвши свѣтъ Божій святый; иже бо не видѣвъ тоа радости въ тъ день, то не иметь вѣры сказающимъ о всемъ томъ видѣніи; обаче мудріи и вѣрніи человѣци велми вѣруютъ и въ сласть послушаютъ сказаніа сего и истины сеа и о мѣстахъ сихъ святыхъ". Въ истинѣ разсказа онъ свидѣтельствуется Богомъ, гробомъ Господнимъ; этому были свидѣтелями „и вся дружина, русьстіи сынове, приключьшіися тогда во тъ день новгородци и кіяне... и иніи мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ и о сказаніи семъ". Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено: „моя дружина", и отсюда выводили заключеніе, что Даніилъ стоялъ во главѣ извѣстнаго числа паломниковъ, составившихъ его „дружину". Весьма вѣроятно и естественно, что странники, предпринимавшіе столь далекій путь, собирались въ группу, какъ дѣлаютъ это богомольцы и теперь, и понятно, что въ главѣ дружины сталъ здѣсь игуменъ. Далѣе, мы еще встрѣтимся съ этой дружиной.

Другимъ путешествіемъ, сохранившимся отъ древняго періода, былъ паломникъ архіепископа новгородскаго Антонія, въ мірѣ Добрыни Ядрѣйковича (или Андрейковича), который странствовалъ въ Царьградъ около 1200 года и оставилъ описаніе цареградскихъ святынь. Повидимому, онъ пробылъ въ Константинополѣ довольно долго, потому что видѣлъ многое. Полагають, что авторъ, принадлежавшій въ Новгородѣ къ знатному роду, сдѣлалъ путешествіе еще міряниномъ, что онъ чувствовалъ свою неумѣлость въ книжномъ дѣлѣ и потому ограничился только сухимъ перечетомъ видѣннаго; этимъ объясняютъ и то, что паломникъ Антонія былъ, повидимому, очень мало распространенъ въ чтеніи[1]). Можно думать впрочемъ, что сухость изложенія у Антонія отражаетъ ту же особенность, которая раньше была нами указана въ новгородской лѣтописи: мірянинъ Ядрѣйковичъ писалъ съ тѣмъ же дѣловымъ лаконизмомъ, какъ его землякъ лѣтописецъ.

Чтò остановило въ Царьградѣ вниманіе новгородскаго паломника? Мы не найдемъ здѣсь ни общей картины Константинополя, ни какого представленія о столицѣ греческой имперіи, какъ центрѣ просвѣщенія и искусствъ, вліяніе котораго простиралось далеко на востокъ и на западъ,—съ этой стороны новгородскій путешественникъ едва ли могъ себѣ составить понятіе о тогдашнемъ Константинополѣ: чудеса искусства возбуждали его изумленіе, но не приводили къ сознанію этого образовательнаго, какъ и политическаго значенія греческой столицы. Антоній видѣлъ въ Царьградѣ только одно—нескончаемое множество святыни: великолѣпные и знаменитые храмы, наполненные священными предметами библейской и евангельской исторіи, останками святыхъ и мучениковъ и т. п. Разсказъ Антонія и состоитъ почти въ перечисленіи этихъ чудесныхъ предметовъ, только намекая на

[1]) Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Саввантова. Изд. Археограф. Коммиссіи. Спб. 1872. Текстъ приведенъ здѣсь, во-первыхъ, въ буквальной передачѣ рукописи (XV вѣка) и, во-вторыхъ, въ чтеніи съ многочисленными объясненіями по топографіи Константинополя и по церковной археологіи, которыя служатъ къ паломнику необходимымъ комментаріемъ.

Впослѣдствіи нашелся отрывокъ паломника Антонія въ копенгагенскомъ сборникѣ XVII вѣка, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сказаніе о святыхъ мѣстѣхъ и чюдотворныхъ иконахъ и иныхъ чюдныхъ вещехъ иже суть въ Царѣградѣ, было во святѣи Софеи до взятія безбожныхъ латынъ написано бысть на вѣдѣніе и на удивленіе всѣмъ христіаномъ“. Это сказаніе издано было Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“, № LX (Спб. 1876, стр. 340—352). Наконецъ, еще списокъ, не совсѣмъ полный, находится въ сборникѣ XVII вѣка, вывезенномъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ олонецкаго края. См. „Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ“. I. Л. Майкова. Спб. 1890, стр. 4—5.

ихъ легенду. Не сказавъ ничего о своемъ путешествіи онъ съ первыхъ строкъ начинаетъ это перечисленіе.

Приводимъ эти первыя строки: „Се азъ недостойный, многогрѣшный Антоней, архіепископъ Новогородскый, Божіимъ милосердіемъ и помощію святыя Софіи, иже глаголется Премудрость, присносущное Слово, пріидохомъ во Царьградъ, преже поклонихомся святѣй Софѣи, и пресвятаго гроба Господня двѣ досцѣ цѣловахомъ, и печати гробныя, и икону пресвятыя Богородицы, держащую Христа, въ того Христа жидовинъ ударилъ ножемъ въ гортань, и изошла кровь; а кровь же Господню изшедшую изъ иконы, цѣловали есмя во олтари маломъ. Во святѣй же Софіи во олтари кровь и млеко святаго Пантелеимона во единой вѣти не смятшися, и глава его, и глава Кондрата апостола, и инѣхъ святыхъ мощи, и глава Ермолы и Стратоника; и Германова рука, ею же ставятся патріарси; и икона Спасова, юже послалъ святый Гермонъ чрезъ море безъ корабля посолствомъ въ Римъ, и блюдома въ мори; и трапеза, на ней же Христосъ вечерялъ со ученики своими въ великій четвертокъ; и пелены Христовы, и дароносивыя сосуты златы, иже принесоша Христу съ дары волсви; и блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду“ и пр. Далѣе, онъ видѣлъ „крестъ мѣрный, колико былъ Христосъ возвышенъ плотію на земли“; скрижали Моисеева Закона; кіотъ, въ которомъ манна; сверлы и пилы, которыми дѣланъ былъ крестъ Господень; мраморный камень отъ Самарійскаго кладезя, у котораго Христосъ говорилъ съ самарянкой; въ царскихъ златыхъ палатахъ онъ видѣлъ орудія страданія Спасителя, честной крестъ, вѣнецъ, губу, гвозди, багряницу, копье, трость, затѣмъ повой и поясъ Святой Богородицы; „убрусъ на немже образъ Христовъ“, то-есть Нерукотворенный образъ; видѣлъ трапезу, „на ней же Авраамъ со святою Троицею хлѣба ялъ; и ту стоитъ крестъ въ лозѣ Ноевѣ учиненъ, юже по потопѣ насадивъ; и сучецъ масличенъ туто же, его же голубь внесе, въ той же лозѣ есть“; далѣе, онъ видѣлъ еще трубу Іисуса Навина („Іерихонскаго взятія“) и рогъ Авраамова овна, въ которые „вострубятъ ангели во второе пришествіе Господне“, и еще много чудесныхъ и священныхъ предметовъ: ризу и посохъ, повой и поясъ Богородицы, „калиги Господня“ и пр... Лишь одинъ или два раза писатель приходитъ въ лирическое одушевленіе, напримѣръ, когда описываетъ величіе богослуженія въ святой Софіи и въ придворной церкви, богатыхъ притомъ чудесными святынями. „И егда,—говоритъ Антоній,—внидетъ царь въ церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много ксилолоя (алоэ) темьяна (ѳиміама,

куренія) и кладутъ на угліе и наполнится благоуханія вся церковь; пѣніе же воспоютъ калуфони (сладкогласно), аки ангели, и тогда будетъ стояти во церкви той аки на небеси или аки въ раи; Духъ же святый наполняетъ душу и сердце радости и веселія правовѣрнымъ человѣкомъ"...

Разсказъ Антонія не лишенъ важности для византійской археологіи, представляя описаніе цареградскихъ святынь до взятія Константинополя крестоносцами [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ его показанія остаются единственными. Какъ памятникъ русскаго паломничества, разсказъ Антонія стоитъ рядомъ съ Хожденіемъ Даніила и составляетъ важный историческій моментъ въ развитіи церковно-народной письменности и поэзіи. Тотъ и другой находится вполнѣ въ области церковнаго преданія и нераздѣльно съ этимъ въ области апокрифической легенды. Эта послѣдняя входила уже съ первыми памятниками нашей письменности и ее въ изобиліи слышали и отмѣчали первые паломники: по всей вѣроятности путемъ этихъ странствій благочестивыхъ людей приходили изъ Византіи, Аѳона, Болгаріи письменные памятники этой легенды, которая уже скоро широко разрослась въ древней русской письменности; несомнѣнно рядомъ шло и устное присвоеніе и развитіе легенды... Какъ обыкновенно, старая письменность оставила мало указаній о бытовыхъ проявленіяхъ этого церковно-народнаго, поэтическаго движенія; но о немъ возможно заключать по фактамъ позднѣйшимъ, которыхъ начало должно восходить къ болѣе отдаленному времени.

Такимъ позднѣйшимъ фактомъ были поэзія духовнаго стиха и ея носители, перехожіе калики. Если уже въ XII вѣкѣ мы видѣли осужденіе развивавшейся страсти къ паломничеству и если у самого Даніила мы могли видѣть косвенное неодобреніе, когда онъ осуждаетъ тѣхъ, которые въ своихъ странствіяхъ „возносятся умомъ своимъ, какъ будто сотворивши нѣчто доброе, и теряютъ мзду своего труда", тогда какъ, оставаясь дома, можно лучше послужить Богу,—то надо думать, что уже въ то время паломничество уже сильно развилось и уже вырабатывало самый обычай странствія.

Прежде всего этимъ обычаемъ стала, кажется, паломничья „дружина", какъ и въ извѣстной былинѣ насчитано было сорокъ каликъ съ каликою, составлявшихъ цѣльное общество. Это вовсе не были только тѣ скромные, часто убогіе люди, изъ какихъ со-

[1]) Какъ это упомянуто въ заглавіи копенгагенскаго списка.

стоятъ обыкновенно странники-богомольцы нашего времени; напротивъ, это бывали и люди богатые и сильные, которыхъ, напримѣръ, старая былина нерѣдко сравниваетъ и даже отождествляетъ съ богатырями. Припомнимъ, что каликою былъ и знаменитый новгородскій удалецъ, Василій Буслаевъ... Былина разсказываетъ намъ о нравахъ этой дружины. Сорокъ каликъ начали снаряжаться къ святому граду Іерусалиму изъ пустыни Ефимьевой, изъ монастыря Боголюбова. Прежде всего, ставши въ кругъ, они выбрали себѣ атамана, который положилъ имъ такой завѣтъ, что если кто украдетъ, солжетъ или сдѣлаетъ другой грѣхъ, того оставить въ чистомъ полѣ и по плечи закопать въ сырую землю. Такова была строгая дисциплина „дружины". Но странники вовсе не отличались благочестивымъ смиреніемъ. Подходя къ Кіеву, они встрѣтили въ раменьѣ на охотѣ самого князя Владиміра:

Становилися (калики) во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Дай-ка намъ, каликамъ, милостыню,
Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
Беремъ-то мы цѣлыми тысячами.
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали:
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

Владиміру нечѣмъ было надѣлить каликъ и онъ послалъ ихъ въ Кіевъ, къ княгинѣ Апраксѣевнѣ. Здѣсь —

Среди двора княженецкаго
Клюки-посохи въ землю натыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Подсумочья рыта бархата.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали.
Въ погребахъ питья всколебалися.

Таковы калики въ представленіи былинъ. Сами богатыри князя Владиміра не стыдились являться въ видѣ каликъ и даже какъ будто считали это почетомъ. Въ былинахъ объ Ильѣ каличище Иванище, въ былинахъ о Васильѣ Буслаевѣ старчище-пилигримище являются настоящими богатырями; по старымъ представленіямъ, несомнѣнно отвѣчавшимъ въ извѣстной степени самой жизни, калика могъ носить богатырскія черты, потому что самъ

бывалъ нѣкогда богатыремъ, — такимъ изображается напримѣръ Василій Буслаевичъ, который послѣ своихъ бурныхъ похожденій рѣшилъ отправиться во святымъ мѣстамъ: „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти".

Паломничья дружина отличалась и своимъ внѣшнимъ видомъ: у нея былъ свой обязательный костюмъ, приспособленый къ странствію. Скудные источники не дали и здѣсь прямыхъ свѣдѣній, и опять нѣкоторыя подробности можно извлечь только изъ сравнительно поздней былины. Сорокъ каликъ одѣты были такъ:

Лапотики на ножкахъ у нихъ были шелковые,
подсумочки шиты черна бархата,
въ рукахъ были клюки кости рыбьея,
на головушкахъ были шляпки земли греческой.

Илья, собираясь на Идолища поганаго, одѣвается каликою:

Обулъ Илья лапотики шелковые,
подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
на головушку надѣлъ шляпу земли греческой.
Не взялъ съ собой палицы булатныя, —

и потомъ взялъ клюку у каличища Иванища. Въ другомъ варіантѣ:

оболокаетъ Илейко платье каликино,
обуваетъ лапотки обтопочки,
накладаетъ шляпу земле-грецкую,
земле-грецкую шляпу сорокъ пять пудовъ.

Михайло Потокъ, переодѣваясь каликой, —

обулъ себѣ лапотики шелковинькіе.
клюку онъ бралъ кости рыбьея,
подсумокъ одѣлъ черна бархата,
на голову—шляпу земли греческой.

Лапотики бывали не только шелковые; на одномъ каликѣ —

Лапотки на немъ семи шелковъ,
подковырены чистымъ серебромъ,
личико унизано краснымъ золотомъ,
шуба соболиная, долгополая,
шляпа сорочинская земли греческой,
въ тридцать пудъ шелепуга подорожная.

Или даже:

Шили лапотики изъ семи шелковъ,
у нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ, носкѣ,
по ясному по камешку самоцвѣтному.

Прямое и постоянное упоминаніе о шляпѣ земли греческой или сорочинской; названіе каликъ, происходящее, какъ думаютъ,

отъ слова „калига" [1]); присутствіе слова пилигримъ (отъ peregrinus) въ самыхъ былинахъ („старчище-пилигримище" о богатырѣ каликѣ); слово „паломникъ", какъ называли богомольцевъ, которые приносили изъ Іерусалима пальмовыя вѣтви отъ заутрени вербнаго воскресенья,—заставляетъ предполагать, что одѣяніе нашихъ паломниковъ сложилось подъ вліяніемъ общаго пилигримскаго обычая греческаго и западнаго, съ которымъ наши паломники необходимо встрѣчались въ Греціи и Святой землѣ, въ тѣ вѣка принадлежавшей еще крестоносцамъ. Сравнивая нашу „каличью круту", т.-е. одѣяніе, съ одѣяніемъ средневѣковыхъ западныхъ пилигримовъ, Срезневскій находилъ ихъ совершенно схожими, — лишь съ тою оговоркою, что былина, которая является здѣсь единственнымъ источникомъ относительно русскихъ каликъ, могла утратить нѣкоторыя старыя черты и названія. Тамъ и здѣсь главныя подробности костюма однѣ и тѣ же. Между прочимъ упоминается еще одна принадлежность одѣянія въ разсказѣ о томъ старцѣ-пилигримѣ, который былъ учителемъ Василія Буслаева. Это былъ большой богатырь, и въ разныхъ варіантахъ былины его необыкновенное снаряженіе описывается такъ:

Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудовъ,
колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
клюку въ руки беретъ въ десять пудъ;

Или:

Стоитъ тутъ старецъ пилигримище,
на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
а вѣсомъ тотъ колоколъ въ триста пудъ.

Василій Буслаевичъ былъ раздраженъ вмѣшательствомъ старца, который хотѣлъ воздержать его буйство:

Ударилъ онъ старца во колоколъ
а и той-то осью телѣжною:
качается старецъ, не шевельнется;
заглянулъ онъ Василій старцу подъ колоколъ
а во лбѣ глазъ уже вѣку нѣту.

Въ концѣ концовъ Василій разбилъ колоколъ „на двѣ стороны" (или: „разсыпалъ колоколъ на ножевыя черенья") и убилъ старца.

Что же это былъ за колоколъ? Справедливо замѣчалъ Срезневскій, что въ былинахъ бываетъ путаница лицъ, событій, неумѣренная гипербола, но не бываетъ произвольной выдумки. Онъ

[1]) Caliga, обувь. Игуменъ Даніилъ разсказываетъ, какъ ключарь пустилъ его ко гробу Господню: „онъ же отверзе ми двери святыя и повелѣ ми *выступити изъ калиговъ* и тако босого введе мя единаго въ святый гробъ Господень" (стр. 128 — 129, изд. Веневитинова).

не находилъ и въ костюмѣ средневѣковыхъ пилигримовъ никакой параллели для этого колокола. Очевидно было одно, что колоколъ представлялъ принадлежность одѣянія калики. Позднѣйшіе пересказы былины очевидно потеряли смыслъ этого слова, и мы напримѣръ читаемъ:

Идетъ крестовой батюшка старчище-пилигримище,
на буйной головѣ колоколъ пудовъ въ тысячу,
во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ, —

такъ что часть одѣянія превратилась въ настоящій колоколъ. По объясненію Срезневскаго, этотъ первоначальный колоколъ,—превращенный позднею былиною въ колоколъ церковный [1]), — могъ быть опять повтореніемъ изъ западнаго пилигримскаго одѣянія. Въ средніе вѣка было именно названіе дорожнаго платья: въ средневѣковой латинской формѣ cloca, у англичанъ cloak, у французовъ cloche, clocette, въ средненѣмецкомъ clocca, glocca, glocke, въ старочешскомъ klakol, klakolca. Это былъ дорожный плащъ безъ разрѣза напереди, который бывалъ, напримѣръ, обязателенъ для священниковъ во время путешествій [2])... Само собою разумѣется, что наши пилигримы могли обходиться и съ обыкновенной одеждой, которая могла представлять тѣ же удобства; могъ прибавиться только посохъ и сума, также вещи обыкновенныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что перенимались также греческія и западныя принадлежности паломничьяго одѣянія: греческая шляпа, западный плащъ, калиги и т. п.

Новѣйшіе изслѣдователи былины думаютъ, однако, что подъ колоколомъ могъ подразумѣваться и дѣйствительный колоколъ — только въ качествѣ гиперболическаго выраженія богатырской силы [3]).

Наконецъ особую черту каликъ составила ихъ упомянутая роль въ распространеніи легенды. Уже изъ того, что мы видѣли въ путешествіяхъ Даніила и Антонія, ясно, что они стояли въ этомъ отношеніи въ условіяхъ, особенно благопріятныхъ усвоенію византійской и палестинской, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бого-

---

[1]) Нѣкоторымъ изслѣдователямъ былины казалось, что могъ здѣсь пониматься колоколъ вѣчевой, такъ какъ старецъ могъ быть поэтическимъ образомъ вѣча.

[2]) Срезневскій, Русскіе калики древняго времени, въ „Запискахъ“ Академіи Наукъ, 1862, т. I, кн. II, стр. 186—210; Крута каличья. Клюка и сума, лапотики, шляпа и колоколъ. Спб. 1862 (оттискъ изъ „Извѣстій“ Русскаго Археолог. Общества, т. IV).

[3]) Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1895, стр. 377—379. Еще раньше другія соображенія сдѣланы были Веселовскимъ: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“. Спб. 1872, стр. 181—188.

мильской легенды. Въ то время, какъ дома новые христіане были въ этомъ случаѣ ограничены лишь немногими книжными источниками, передъ паломникомъ открывалась цѣлая обширная масса апокрифическихъ сказаній, которыя онъ выслушивалъ при обозрѣніи самыхъ святынь: онъ могъ или самъ записать ихъ отдѣльными сказаніями, или найти объ этомъ готовыя тетрадки и въ переводѣ принести ихъ на родину; или могъ найти подобныя тетрадки въ готовой южнославянской формѣ, — какъ это и бывало. Впослѣдствіи изъ каликъ, смѣшавшихся съ низшими странниками, „калѣками", образовались профессіональные пѣвцы духовныхъ стиховъ, первое появленіе которыхъ должно, вѣроятно, восходить къ довольно далекому времени, хотя при данныхъ, имѣющихся теперь, время это опредѣлить трудно.

Игуменъ Даніилъ и архіепископъ Антоній надолго, почти до самаго конца древняго періода опредѣлили характеръ паломнической литературы, —не потому, впрочемъ, чтобы послѣдующіе писатели именно подражали имъ, а потому, что у Даніила въ первый разъ примѣнена была манера, отвѣчавшая простодушному благочестію странниковъ. У Антонія разсказъ превратился почти только въ каталогъ видѣнныхъ имъ святынь. И эту манеру мы увидимъ на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ.

Послѣ Антонія, въ наступившій вѣкъ татарскаго разоренія, когда письменность, повидимому, вообще упала подъ гнетомъ, какой испытывала народная жизнь, мы не находимъ новыхъ паломническихъ записокъ до самой половины XIV вѣка. Но въ періодъ затишья, странствія ко святымъ мѣстамъ, безъ сомнѣнія, продолжались—собирались опять „дружины", отправлявшіяся въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Палестину [1]). Такъ напримѣръ новгородскій архіепископъ Василій (1331 — 1352), авторъ знаменитаго посланія къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ,—посланія, занесеннаго въ лѣтопись, въ мірѣ носилъ имя Григорія Калики по всей вѣроятности потому, что именно былъ усерднымъ паломникомъ: онъ дѣйствительно былъ въ Палестинѣ, видѣлъ финиковыя пальмы, насажденныя Христомъ, видѣлъ врата Іерусалима, не открывающіяся съ тѣхъ поръ, какъ затворилъ ихъ Спаситель, и т. д.; ставши архіепископомъ, онъ не потерялъ любви къ легендѣ, и его посланіе о земномъ раѣ остается однимъ

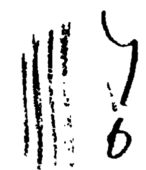
[1]) Ср. замѣчанія Л. Майкова объ этомъ періодѣ: „Матеріалы и изслѣдованія" и пр. I. Спб. 1890, стр. 41.

изъ самыхъ любопытныхъ образчиковъ средневѣковой фантастической легенды, достовѣрность которой онъ подтверждаетъ свидѣтельствомъ очевидцевъ („много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому"). Но если Василій не записалъ отдѣльно свое путешествіе, нашелся другой новгородецъ, его современникъ, Стефанъ, отъ котораго сохранилось сказаніе о путешествіи въ Царьградъ. Время путешествія опредѣляется упоминаніемъ константинопольскаго патріарха Исидора, котораго Стефанъ видѣлъ въ шестой годъ его патріаршества, такъ что путешествіе должно быть отнесено ко времени около 1350 года. Самъ Стефанъ былъ тогда уже старымъ инокомъ и отправлялся въ путь не одинъ, а „съ своими други осмью", т.-е. опять съ небольшой дружиной.

Разсказъ его ведется совершенно въ томъ же тонѣ, какъ за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ у Даніила и Антонія. Безъ всякихъ предисловій онъ начинаетъ прямо: „Въ недѣлю страстную пріидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ святой Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наполдни, на срацинскую землю къ Іерусалиму"... „А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери святыя Софіи; въ первыя двери поступивъ мало, идти въ другія, и третьи, и четвертыя, и пятыя, и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ святую Софію, въ великую церковь. И пошедъ мало обратитись назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона Святый Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати". Онъ упоминаетъ о чудѣ, которое совершилось передъ этой иконой, объ иныхъ святыняхъ знаменитаго храма и между прочимъ упоминаетъ еще о такомъ чудѣ: „ту бо есть въ великомъ олтарѣ кладязь отъ святаго Іордана явися. Бысть во едино утро стражи царскіе выняша изъ кладязя пахирь [1]), и познаша калиги русскія; греци же не яша вѣры. Русь же рѣша: нашъ пахирь есть; мы бо купахомся и изронихомъ на Іорданѣ... зане бо не яша Руси вѣры на томъ. Оле намъ страннымъ!.. Се бо сотворися кладязь Божіемъ повелѣніемъ, что се нарече: Іорданъ". Чудо съ пахиремъ русскихъ каликъ, — котораго не хотѣли признавать греки,—должно было подтвердить названіе кладязя Іорданомъ. Было столько чудныхъ

[1]) Дорожный сосудъ для питья.

вещей въ святой Софіи, что нельзя описать: „о святой Софіи Премудрости Божіей умъ человѣчь не можеть ни сказати, ни вычести". Далѣе, въ столпѣ правовѣрнаго царя Константина лежитъ сѣкира Ноева; въ церкви святой Богородицы странники поклонились выходной иконѣ: „ту бо икону Евангелистъ Лука написа, понарови самую Госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ и людіе изъ иныхъ городовъ! Икона-жъ та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поютъ красно, а народи вси зовутъ: Киріе елейсонъ! съ плачемъ". Стефанъ описываетъ чудо, происходившее при этомъ, впрочемъ нѣсколько невразумительно. По церквамъ и монастырямъ странники поклонились многимъ мощамъ и чуднымъ иконамъ; въ церкви апостольской „отъ великихъ дверей, на правой руцѣ, стоятъ два столпца, единъ, идѣ-же бѣ привязанъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а другій, на немъ же Петръ плакася горько; тіи бо столповъ привезены отъ Іерусалима святою Еленою Царицею. Единъ столпъ, иже бѣ Іисусовъ, отъ зелена камени, съ прочернью, а другій, Петровъ, тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣлъ, видомъ аки дятленъ". Въ монастырѣ Спаса Вседержителя лежитъ доска Господня, привезенная царицей Еленой, и въ алтарѣ „чаша отъ бѣла камени, въ ней же Іисусъ отъ воды вино сотвори вельми чудно". Во Влахернѣ, церкви святой Богородицы, „лежитъ риза и поясъ и скуфія, иже бѣ на главѣ ея была, а лежатъ во олтарѣ на престолѣ, въ ковчегѣ запечатана тако-жъ, яко и страсти Господни, еще и тверже того, приковано желѣзомъ; а ковчегъ сотворенъ отъ камени хитро вельми". У различныхъ святынь странники видѣли много исцѣленій. Царьградъ произвелъ на нихъ вообще сильное впечатлѣніе: „много бо видѣхомъ въ Царѣградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати; толико бо Богъ прославилъ святыя мѣста, еже не можно разстатися". Въ заключеніе Стефанъ замѣчаетъ, что „въ Царьградъ аки въ дуброву внити, и безъ добра вожа не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единаго святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ, и тогды видѣти и цѣловати". Упоминая о трапезѣ Авраама, Стефанъ замѣчаетъ, что они видѣли самый дубъ Мамврійскій, „егда быхомъ въ Іерусалимѣ и окрестъ его". Въ концѣ онъ говоритъ, что, осмотрѣвъ всѣ святыя мѣста въ Царьградѣ, они пошли въ Іерусалимъ, но описанія этого послѣдняго путешествія, кажется, еще не нашлось, и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ за разсказомъ Стефана слѣдуетъ Паломникъ Даніила.

Въ сказаніи Стефана находится, между прочимъ, много разъ цитированная подробность, что изъ Студійскаго монастыря „въ Русь посылали много книгъ", и что здѣсь наши странники встрѣтили случайно „своихъ новгородцевъ", Ивана и Добрилу, которыхъ считали безъ вѣсти пропавшими и которые жили здѣсь, списывая въ Студійскомъ монастырѣ книги, потому что очень искусны были книжному писанію [1]).

Тотъ же стиль въ описаніяхъ святыхъ мѣстъ представляетъ странствіе дьякона Игнатія, который въ 1389 году сопровождалъ въ Константинополь митрополита Пимена. Митрополитъ уже въ третій разъ отправлялся въ Константинополь, потому что не ладилъ съ великимъ княземъ и желалъ утвердить свое положеніе хлопотами въ Константинополѣ; онъ взялъ съ собой одного епископа, архимандрита, духовную свиту и слугъ и поручилъ своимъ спутникамъ, если кто захочетъ, описать это путешествованіе. Сохранилось только описаніе Игнатія. Путь былъ медленный и трудный; по дорогѣ митрополита торжественно встрѣчали въ Переяславлѣ рязанскомъ самъ князь рязанскій Олегъ съ дѣтьми и боярами, а далѣе послалъ проводить ихъ до рѣки Дона одного своего боярина „съ довольною дружиною", по случаю разбоевъ; кромѣ того везли на колесахъ нѣсколько небольшихъ судовъ. На Дону спустили суда на рѣку, путники распрощались съ провожатыми, которые вернулись назадъ. Путешествіе по Дону, разсказываетъ Игнатій, было „печально и унывливо: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни что же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію пустожь все и ненаселено; ни гдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыни велія и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великія". На пути встрѣтилъ ихъ еще князь Елецкій, посланный Олегомъ Рязанскимъ, и затѣмъ они окончательно разстались съ родиной. Они проплыли устья Тихой Сосны, Хопра, Медвѣдицы, миновали „Серклію", т.-е. древній Саркелъ, „не градъ же убо, но точію городище", т.-е. развалины. Затѣмъ пошли татарскіе улусы и путниковъ началъ одержать страхъ: „яко внидохомъ въ землю татарскую, ихъ-же множество оба пола Дона рѣки аки песокъ... Стада-жъ татарскія видѣхомъ толико множество, яко же умъ превосходящь, овцы, козы, волы, верблюды, кони". Впрочемъ татары не причинили имъ никакого зла; но за то въ Азовѣ

[1]) Издано у Сахарова. Сказ. р. народа, т. II.

напали на нихъ владѣвшіе этимъ городомъ „фряги и нѣмцы“: они догнали корабль нашихъ странниковъ, „наскакали“ на него „борзостію“ и, утверждая, что митрополитъ имъ долженъ, сковали его и его приближенныхъ, и отпустили только „довольну мзду вземше“. Странники выплыли въ Черное море, но буря занесла ихъ къ Синопу. Не доѣзжая до Константинополя, они услышали о турскомъ царѣ Амуратѣ, который пошелъ тогда ратью на сербскаго царя Лазаря [1]). Путники находились въ турецкой землѣ, и митрополитъ, убоявшись, отпустилъ впередъ смоленскаго епископа Михаила, который взялъ съ собой и дьякона Игнатія.

Прибывши въ Константинополь, нашъ странникъ прямо переходитъ къ описанію цареградскихъ храмовъ, святынь, царскихъ дворовъ, столповъ и т. д., „дивящесь чудесемъ святыхъ, и величеству и красотѣ безмѣрней церковней“. Въ Константинополѣ по ихъ прибытіи „пріидоша къ намъ Русь, живущая тамо; и бысть обоимъ радость велія“... Далѣе, помѣщенъ разсказъ о царскомъ вѣнчаніи императора Мануила, и затѣмъ Игнатій описываетъ свое хожденіе въ Іерусалимъ и, по обыкновенію, безъ всякихъ предисловій приступаетъ къ исчисленію достопримѣчательностей Іерусалима и прежде всего къ описанію церкви Воскресенія [2]); а именно, прежде всего упоминается „доска, на ней же Христа Бога нашего положили, со креста снемъ“, и далѣе съ тою приказной обстоятельностью, которая уже съ тѣхъ поръ отличаетъ московскихъ людей, онъ перечисляетъ церковныя службы разныхъ исповѣданій, какія совершались при гробѣ Господнемъ. „А противъ гроба Господня, — разсказываетъ дьяконъ Игнатій, — греческая служба, грецы служатъ; а съ правую сторону отъ гроба Господня римская служба, римляне служатъ; а на палатѣхъ съ правую сторону арменская служба, армени служатъ; а съ праву̀ю сторону отъ гроба Господня на землѣ ѳрязская служба, ѳрязи служатъ; а оттуду паки сирская служба, сиряне служатъ; а съ лѣвую сторону гроба Господня за гробомъ Господнимъ яковицкая служба, яковиты служатъ; а съ лѣвую сторону Господня гроба ѳрязская служба, ѳрязи служатъ; а оттуды паки нѣмецкая служба, нѣмцы служатъ; а отъ тое службы паки ѳрязская служба, ѳрязи служатъ“. Само собою разумѣется, что онъ видѣлъ въ

[1]) Въ путешествіе Игнатія, какъ напримѣръ оно издано у Сахарова (Сказ., т. II), включенъ и разсказъ объ Амуратѣ; но этотъ разсказъ Игнатію не принадлежитъ и прибавленъ позднѣйшимъ книжникомъ изъ житія сербскаго деспота Стефана Лазаревича (см. Андрея Попова, Обзоръ Хронографовъ, II, стр. 50).

[2]) „Сицеже ми случися видѣти недостойному и сущимъ со мною во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ: есть убо тамо церьковь Воскресеніе Христово“, и т. д.

Іерусалимѣ не мало тѣхъ же святынь, какія видѣли его предшественники, но иное онъ разсказываетъ съ варіантами; произошли перемѣны и въ мѣстностяхъ, напримѣръ: „на подолъ идучи во градѣ Іерусалимѣ была церковь греческая, а нынѣ срацынскій мезгитъ" (мечеть). Разумѣется также, что и у дьякона Игнатія, при всей краткости его разсказа объ Іерусалимѣ, большое мѣсто занимаетъ апокрифическая топографія и апокрифическая легенда. Укажемъ одинъ обращикъ: „за Давыдовымъ домомъ недалече Сіонъ гора, и на той горѣ монастырь дивенъ зѣло ѳрязскій, держатъ его ѳрязове и живутъ въ немъ ѳрязскіе чернцы, глаголютъ же сице: яко тамо Христосъ самъ обѣдню служилъ, и научилъ по плоти брата своего Іакова обѣдню служити, и предалъ ему таинство священныхъ и божественныхъ служеній; тамо горница, идѣже на святые апостолы Христовы Духъ святый сниде въ день пятидесятный; тамо съ лѣвыя страны церкви мѣсто есть, гдѣ Господь ноги умылъ ученикамъ своимъ; тамъ та храмина есть, гдѣ Господь затвореннымъ дверемъ вниде и невѣрующаго своего ученика Ѳому увѣрилъ по воскресеніи своемъ; въ той церкви во время вольнаго и спасеннаго распятія Христова завѣса раздрася на двое; въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Пречистая Богородица поклоны клала; таможъ въ той церкви два камени, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто" [1]).

Въ одно время съ Игнатіемъ былъ въ Царьградѣ какой-то дьякъ Александръ, который, по его собственнымъ словамъ, „ходилъ куплею" въ греческую столицу. Описаніе его очень кратко и заключается почти только въ перечисленіи видѣнныхъ святынь. О Святой Софіи онъ замѣчаетъ съ самаго начала, что „величества и красоты ея не мощно исповѣдати"; а въ концѣ онъ опять повторяетъ о невозможности описать чудеса Царяграда: „Сіи-жъ святые монастыри, и святыя мощи, и чудотворенія — ово видѣхомъ, иная-жъ не видѣхомъ; не мощно-бо исходити все и видѣти святыхъ монастырей, или святыхъ мощей, или списати, тысяща тысящами; а иныхъ святыхъ мощей и чудотвореній не мощно исповѣдати" [2]).

---

[1]) Сказаніе Игнатія занесено было въ лѣтопись, и въ составѣ ея издано было не однажды: въ Никоновской лѣтописи, въ Русскомъ Временникѣ, въ „Россійской Исторіи" Татищева. Затѣмъ оно было издано Сахаровымъ въ „Путешествіяхъ русскихъ людей" (въ послѣдній разъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа", т. II. Спб. 1849). Болѣе исправно въ ряду изданій Палестинскаго Общества: „Хожденіе Игнатія Смолнянина. 1389—1405 г". Подъ ред. С. В. Арсеньева. 1887. (Правосл. Палестинскій Сборникъ, вып. 12).

[2]) Издано у Сахарова, тамъ-же.

Съ XV вѣка число путешествій возростаетъ и они становятся разнообразнѣе. Типъ разсказовъ остается еще прежній, но условія странствій уже очень измѣнились, и паломникъ по необходимости долженъ вдаваться въ подробности о самомъ путешествіи, которыя въ прежнее время всего чаще умалчивались. Первый по времени странникъ XV столѣтія, описавшій свое путешествіе, былъ троицкій іеродіаконъ Зосима, ходившій въ 1420 году въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Это не былъ особенно искусный книжникъ; разсказъ его не всегда достаточно вразумителенъ; по обычаю паломниковъ, почти всеобщему, онъ былъ легковѣренъ, — это, впрочемъ, не мѣшало бы историко-литературному интересу его повѣствованій и даже увеличило бы этотъ интересъ, если бы къ его легковѣрію присоединилось книжное искусство. Свое писаніе онъ объясняетъ тѣмъ, что „тайну цареву хранити добро есть, а дѣла божія проповѣдати преславно есть: да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наноситъ душѣ своей“.

Сочиненіе свое онъ назвалъ „Ксеносъ, глаголемый странникъ, о хожденіи и о бытьи моемъ,“ — желая блеснуть греческой ученостью, впрочемъ, невеликой. Изъ Москвы онъ прибылъ въ Кіевъ, и захотѣвъ видѣть святыя мѣста, отправился оттуда, повидимому, опять въ составѣ цѣлой „дружины“, потому что отъ Кіева, по словамъ его, онъ пошелъ „съ купцы и вельможами съ великими“. Они шли на Бугъ, въ „поле татарское“, на Днѣстръ, перешли воложскій рубежъ, отъ устьевъ Днѣстра плыли до Царяграда цѣлыхъ три седмицы, потому что были бури. Описаніе Царяграда—обычное, съ разсказомъ о Святой Софіи, ея святыняхъ, иконахъ, мощахъ, съ трапезой Авраама, сѣкирой Ноя, камнемъ, изъ котораго Моисей источилъ воду, и т. д.,—но и съ нѣкоторыми варіантами и добавленіями. Мы видѣли, напримѣръ, у Стефана Новгородца описаніе Юстиніанова столпа; Зосима разсказываетъ о немъ нѣсколько иначе: „Предъ дверьми же св. Софіи столпъ стоитъ, на немъ царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь мѣдянъ, и самъ мѣдянъ вылитъ, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на срацинскіе цари; а срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастно. Въ друзѣй же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ“. Въ числѣ цареградскихъ чудесъ Зосима видѣлъ, между прочимъ, слѣдующее:

у церкви Апостольской „предъ враты великими церковными стоитъ ангелъ страшенъ великъ и держитъ въ руцѣ скипетръ Царяграда; а противъ его стоитъ царь Константинъ, аки мужъ живой, а держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ его на соблюденіе тому ангелу". У монастыря Пантократора другое чудо: „и въ сторонѣ того монастыря, съ два перестрѣлища большая, есть монастырь, еже ся зовутъ: Аполиканти; предъ враты того монастыря лежитъ жаба каменна: сія жаба, при царѣ Львѣ Премудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала, а метлы пометали сами, возстанутъ людіе порану, а улицы чистыя".

Зосима пробылъ въ Константинополѣ полъ-зимы и лѣто, затѣмъ посѣтилъ Аѳонъ, былъ въ Солуни и оттуда моремъ отправился въ „Палестинскія мѣста", но уже, говоритъ онъ, „съ нужею доидохомъ святаго града Іерусалима, злыхъ ради арановъ". Здѣсь онъ, какъ игуменъ Даніилъ, видѣлъ свѣтъ небесный у гроба Господня. Объ этомъ онъ говоритъ такъ: „О зажженіи же глаголютъ иніи: яко молнія сверкаетъ; а иніи-же глаголютъ: яко голубь во устѣхъ своихъ огнь носитъ; а все то есть лжа и не истина, зане же азъ видѣхъ Зосима, грѣшный дьяконъ. Не хвалюся, глаголю, никто же тако видѣ Іерусалимскія мѣста, яко азъ грѣшный видѣхъ Іерусалимская вся мѣста, занеже пребыхъ лѣто цѣлое во Іерусалимѣ и за Іерусалимомъ, ходя по святымъ мѣстомъ, и подъяхъ раны довольны отъ злыхъ арановъ, азъ грѣшный, и все терпя за имя Божіе; поминахъ апостоли и мученицы, что они подъяша за имя Божіе, азъ же то ни во что же вмѣнихъ и терпя съ благодареніемъ; занеже, аще кто дойде Іерусалима, уже гробъ быхъ видѣлъ; а за Іерусалимъ никто же поидти можетъ, злыхъ ради арановъ, бьютъ бо безъ милости". Кромѣ злыхъ арановъ въ самомъ Іерусалимѣ христіанъ угнетали сарацины: „окаяпніи срацыне всѣ церкви христіанскія запечатаютъ, глаголюще: нѣтъ у васъ праздника, откупайте... А черезъ весь годъ замчена церковь Святаго Воскресенія и прикрѣплена печатію султана царя египетскаго. Прилучившися поклонницы отъ которыхъ странъ, идутъ ко амиру, и амиръ, емля дары, церковь отпечатываетъ". „А кому поклонитися гробу Господню,—говоритъ онъ дальше,—тому дати златыхъ денегъ, венетическихъ флоринъ. То еще колико на пути арапомъ давати, откупати путь, идучи отъ Рамли ко Іерусалиму, то еще стороже̂мъ давати, 15 стражей у гроба Господня приставлено, лютыхъ срацинъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ апокрифическая легенда отмѣчена у него новыми подробностями. Та-

ковы разсказы о Сіонѣ: „...церковь святый Сіонъ, мати всѣмъ церквамъ. Глаголетъ бо писаніе, яко сія убо первая церковь стася, по распятіи Христовѣ, во Іерусалимѣ; ту жила Святая Богородица, по Вознесеніи Сына своего на небеса, и ту молилася Сыну своему, и донынѣ знати мѣсто то, идѣже клала поклоны на мраморѣ ...и ту лежатъ 2 камени, иже Пречистая восхотѣла видѣти тѣ камени, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстей; и принесе ангелъ 2 камени, еже ся зоветъ: Купина неопалимая; все то во святомъ Сіонѣ"; — о святомъ Георгіи: „....И оттолѣ идохомъ ко адовымъ вратамъ, и видѣ врата адова. И оттолѣ поидохъ къ Діоклитіяновѣ палатѣ, идѣже святаго великаго мученика Георгія Діоклитіянъ мучилъ и съ горы спущалъ на острыя желѣза. Палата Діоклитіянова велика добрѣ, съ городъ невеликой; нынѣ на томъ мѣстѣ церковь Святый Георгій, и есть во церкви той цѣпь желѣзна, въ чемъ мучили его, велика, въ стѣну вдѣлана; сею цѣпью болящіи знаменуются и исцѣленіе пріемлютъ"; — о крестномъ древѣ: „....и оттуду поидохъ въ монастырь Иверскій, идѣже усѣчено древо Кресту Господню; то бяше мѣсто подъ престоломъ, еже знати и донынѣ", и т. д. Нашему страннику пришлось и самому потерпѣть отъ злыхъ араповъ: „...И поидохъ возлѣ Мертваго моря, и наидоша на ны злые арапове, и возложиша на мя раны довольны и оставивше мя въ полымертва, отъидоша во свояси; азъ же изнемогая, едва возмогохъ доити до Саввина монастыря, на юдоль Іосафатову: и быхъ ту восемь дней и упокоиша мя святіи отцы". Наконецъ, испыталъ онъ и нападеніе морскихъ разбойниковъ. Возвращаясь изъ Іерусалима въ Константинополь моремъ, онъ былъ на Кипрѣ; оттуда они отправились на Родосъ, гдѣ видѣли родосскихъ рыцарей: „...идохомъ 500 миль, и видѣхомъ землю и горы, ихъ же есми и въ писаніи не слышахъ; и ходихомъ по лукоморью и пристахомъ къ острову Родосу. Сей же островъ предали апостоли ко Апостольской церкви въ Римъ; ту сидитъ отъ папы римскаго мистръ великій, и всѣ у него крестоносцы, а церковные люди носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портищахъ нашиваны; и ту есть митрополитъ греческій, и епископъ, и попъ міряninъ... И поидохомъ въ корабль и плыхомъ 2.500 миль, и, на среди пути, найде на насъ корабль котаньскій, разбойници зліи, и разбиша корабль пушками, аки дивіи звѣріе, и разсѣкоша нашего корабельника на части, и ввергоша въ море и взяша яже въ нашемъ караблѣ. Меня же убогаго ударили копейнымъ ратовищемъ въ грудь, и глаголюще ми: „калугере, поне дуката кърса", еже во-

вется: „деньга золотая“. Азъ же заклинахся Богомъ живымъ, Богомъ вышнимъ, что нѣтъ у меня; они же взяша мшелешъ мой весь, меня же убогаго во единомъ сукманцѣ оставиша; а сами скачуще по кораблю, яко дивіи звѣріе, блистающеся копьи своими и мечи, и саблями, и топоры широкими. Мню азъ, грѣшный Зосима, яко воздуху устрашитися отъ нихъ. Паки взыдоша на корабль свой и отъидоша въ море“. Въ Константинополѣ нашъ странникъ прозимовалъ, а затѣмъ, говоритъ онъ, „донесе мя Богъ русскія земли града своего, милостію его, и всѣхъ Іерусалимскихъ мѣстъ“ [1]).

Указывали на легковѣріе Зосимы [2]), что онъ слишкомъ довѣрчиво относился къ тому, что ему разсказывали и показывали „суевѣрные или хитрые греки“ (сѣкира Ноева, которою Ной дѣлалъ ковчегъ, трапеза Авраамова, камень, изъ котораго Моисей источилъ воду, и т. п.), но почти всѣ чудеса, какія видѣлъ Зосима, видѣли и его предшественники, начиная съ игумена Даніила, и точно такъ же имъ вѣрили. Если Зосима повторялъ иногда цѣлыя фразы изъ паломника Даніила (напримѣръ въ началѣ и въ концѣ), то не только потому, что у него недоставало книжническаго искусства, но и просто потому, что такое списыванье было общимъ обычаемъ.

1419

Чтобы закончить съ паломниками этого періода, надо упомянуть объ одномъ памятникѣ, которому дали названіе „Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда“; онъ нашелся въ сборникѣ XVII вѣка, который пріобрѣтенъ былъ Ѳ. М. Истоминымъ въ его странствіяхъ въ Олонецкомъ краѣ. Въ олонецкой рукописи (какъ и въ двухъ другихъ отыскавшихся экземплярахъ этой статьи) заглавія недостаетъ, но статья представляетъ бесѣду какого-то царя съ какимъ-то епископомъ, предметомъ которой служитъ душеспасительность паломничества, подтверждаемая примѣрами, а именно описаніями цареградскихъ святынь; самая „Бесѣда“ служитъ какъ бы рамкой для обыкновеннаго „паломника“. Необычная форма можетъ навести на мысль, что „Бесѣда“ была взята или переведена съ какого-нибудь греческаго образца, но самыя описанія святынь, по мнѣнію издателя этого памятника, составляютъ русское сочиненіе, такъ что

[1]) Странствіе Зосимы напечатано было въ первый разъ П. М. Строевымъ въ „Русскомъ Зрителѣ“ 1828, ч. VII — VIII, по Толстовскому списку Публ. Библіотеки; затѣмъ у Сахарова (имѣвшаго въ рукахъ 8 списка), тамъ же; наконецъ въ изданіяхъ Палестинскаго Общества: Хоженіе инока Зосимы. 1419 — 1422 г. съ рисунками, подъ ред. Х. М. Лопарева (Палест. Сборникъ, вып. 24).

[2]) Шевыревъ, История русской словесности, ч. IV. М. 1860, стр. 87.

въ ихъ авторѣ мы имѣли бы еще одного русскаго странника по Святымъ Мѣстамъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Главнымъ основаніемъ считать это описаніе Цареграда русскимъ сочиненіемъ служитъ то, что, при упоминаніи одной иконы Божіей Матери въ Софійскомъ храмѣ, замѣчено, что „та икона посылала мастеры на Кіевъ ставитъ церковь въ Печерѣ ко святому Антонію и Ѳеодосію",—извѣстіе, которое могло быть интересно только русскому человѣку: легенда дѣйствительно находится въ Печерскомъ Патерикѣ, съ тою разницею, что по Патерику эта икона была не въ святой Софіи, а во Влахернѣ. Съ другой стороны это извѣстіе могло бы быть простой прибавкой русскаго книжника, и памятникъ могъ быть и переводомъ греческаго путеводителя [1]).

Составленіе исторической части „Бесѣды" относятъ ко времени около 1300 года, такъ что о господствѣ латинянъ въ Константинополѣ (которое продолжалось съ 1204 по 1261 годъ), говорится какъ о фактѣ еще памятномъ. Полагаютъ съ другой стороны, что путеводитель, заключающійся въ „Бесѣдѣ", былъ извѣстенъ Стефану новгородцу и Зосимѣ, которые имъ пользовались. Что послѣдующіе странники пользовались своими предшественниками, это понятно и естественно; но примѣры, приведенные въ доказательство заимствованій Зосимы, не совсѣмъ убѣдительны [2]), и напримѣръ Зосима, говоря о памятникѣ Юстиніана, даетъ ему совсѣмъ иное толкованіе; и если Зосима спуталъ сказаніе о жабѣ, очищавшей улицы при Львѣ Премудромъ, то слова его не взяты изъ „Бесѣды". Притомъ Зосима такъ долго пробылъ въ Константинополѣ, что ему не было надобности непремѣнно только списывать чужой путеводитель.

Такъ складывался въ половинѣ XV вѣка составъ нашей паломнической литературы. Какъ мы видѣли, въ литературномъ отношеніи она не представляетъ особенныхъ красотъ стиля; какъ многія подобныя произведенія средневѣковой западной литературы, это почти только путеводители, и ихъ топографическія указанія сопровождаются лишь выраженіями благочестиваго чувства, ссылками и намеками на легенды. Лучшимъ остается старѣйшее произведеніе этого рода, Паломникъ игумена Даніила. Но эта литература остается важной по своему значенію для исторіи быта и народныхъ понятій: она заключаетъ любопытныя данныя

---

[1]) „Бесѣда" издана по тремъ рукописямъ (всѣ однако неполныя) Л. Н. Майковымъ: Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Спб. 1890.

[2]) Матеріалы и изслѣдованія, стр. 37—38.

для опредѣленія древняго благочестія и народно-церковной легенды. Приходится жалѣть, что наши паломники не дали о послѣдней больше подробностей,—мы безъ сомнѣнія имѣли бы чрезвычайно любопытныя указанія о распространеніи народной легенды, какъ она сложилась, напримѣръ, въ духовныхъ стихахъ. Вѣроятно, они предполагали эту легенду извѣстною, и дѣйствительно, въ однихъ случаяхъ апокрифическая топографія ссылалась прямо на показанія библейскія и евангельскія; въ другихъ, они видимо считали достаточно извѣстными тѣ факты, какіе могла сообщить литература житій, а съ другой стороны—обширная литература сказаній апокрифическихъ,—мы имѣли случай указывать, что каноническая несостоятельность этихъ послѣднихъ не мѣшала ихъ распространенію въ средѣ самихъ лицъ высшей іерархіи. Для изслѣдователей народной легенды, какъ она выразилась въ старой письменности и въ современномъ преданіи, эти паломники являются важнымъ указателемъ присутствія легенды въ данномъ періодѣ съ тѣми или другими ея чертами [1]).

Съ половины XV вѣка въ нашемъ паломничествѣ какъ будто совершается переломъ. Уже раньше мы видѣли въ разсказахъ паломниковъ жалобы и негодованіе на „срацынъ" и „злыхъ араповъ": одни держатъ на откупу палестинскія святыни, другіе грабятъ и убиваютъ путниковъ на дорогѣ; на морѣ нападаютъ пираты. Взятіе Константинополя турками окончательно предало христіанскія святыни Востока во власть невѣрныхъ: Царьградъ былъ совсѣмъ закрытъ для христіанскаго поклоненія; это была столица невѣрныхъ; святая Софія стала мечетью; много изъ древнихъ святынь должно было окончательно погибнуть; къ тому немногому, что̀ могло уцѣлѣть, — и неизвѣстно было, уцѣлѣло ли что-нибудь,—доступъ былъ невозможенъ... Въ то же время у русскихъ людей возникало, и съ теченіемъ времени все сильнѣе разросталось, представленіе о великомъ могуществѣ ихъ собственнаго государства, которое оставалось единственнымъ православнымъ

---

[1]) См. напримѣръ, „Разысканія въ области духовныхъ стиховъ", Веселовскаго: объ игуменѣ Даніилѣ—II, стр. 33—35; III, 12, 13, 15; VI—X 417 и др.; объ архіепископѣ Антоніи—II, 31; Игнатіи Смолнянинѣ—II, стр. 79; III, 13, 15, 16; о Зосимѣ—II, стр. 35; III, 17, VI—X, 377; далѣе, о Коробейниковѣ—III, стр. 18, 20; объ іеродіаконѣ Іонѣ—VI—X, стр. 377; о Сухановѣ и пр.

О камнѣ Алатырѣ, который, по взгляду Веселовскаго, примыкаетъ именно къ апокрифамъ о Сіонскихъ святыняхъ—III, стр. 1 и д. 23—25 и проч.; о пупѣ земли, находящемся въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія—III, стр. 42; о крестномъ древѣ и проч.

О паломничествѣ Василія Буслаевича—у Веселовскаго, въ изслѣдованіи о камнѣ Алатырѣ; у Жданова, „Русскій былевой эпосъ" и пр.

царствомъ: ему предстояло верховное господство въ православномъ мірѣ; самый Востокъ начинаетъ искать въ немъ помощи и возлагать на него послѣднія надежды, которыя внушало чувство глубокаго порабощенія политическаго и нравственнаго. У русскихъ людей появлялась мысль, которая развивалась потомъ въ XVI и XVII столѣтіи, что въ предѣлахъ русскаго царства хранится и самое чистое преданіе восточнаго православія: греки были слабы въ вѣрѣ; предъ паденіемъ Константинополя они готовы были вступить въ союзъ съ тою самою латиною, которую въ прежніе вѣка сами предавали осужденію и проклинали; готовы были на унію, которая была равносильна отступничеству. Теперь подъ турецкою властью греческая церковь была несвободна,—а въ русской церкви, давно уже фактически независимой, въ концѣ концовъ учреждено было патріаршество, при которомъ уже нельзя было видѣть на Востокѣ исключительный авторитетъ іерархіи. Была наконецъ еще причина, ослаблявшая русское паломничество на Востокъ, и дѣйствіе которой становится особенно замѣтно къ тому же времени, къ половинѣ XV вѣка. Это было великое размноженіе собственной русской святыни. Уже издавна религіозная ревность создавала эти святыни въ Кіевѣ, Новгородѣ, на сѣверовостокѣ, святыни, которыя становились патріотическимъ символомъ и въ этомъ смыслѣ совершали большое нравственное дѣйствіе. Съ того времени, когда политическій центръ перешелъ на сѣверовостокъ и послѣ Суздаля, Владиміра, Твери окончательно установился въ Москвѣ, рядомъ съ политическимъ подъемомъ шелъ своего рода подъемъ церковный — обширное распространеніе обителей, которыя славились своими подвижниками и начинали все больше привлекать поклонниковъ. Раньше мы указывали, что въ этой средѣ, хотя удаленной отъ мірской суеты, отразилось политическое броженіе времени: многіе изъ этихъ подвижниковъ были именно приверженцами Москвы и нравственно не мало содѣйствовали укрѣпленію единовластія. Вмѣстѣ съ образованіемъ новаго авторитета являлось сознаніе его нравственной самобытности. Если въ прежнее время благочестивые люди мечтали о посѣщеніи Святыхъ Мѣстъ востока, то теперь мы встрѣчаемся уже съ другимъ настроеніемъ. Ученикъ и біографъ Сергія Радонежскаго, Епифаній Премудрый, въ началѣ XV вѣка ставитъ ему въ особенную похвалу, что онъ не дѣлалъ этихъ странствій (какъ дѣлалъ ихъ самъ Епифаній), но находилъ святость во внутреннемъ исканіи Бога [1]). Нѣсколько

---

[1]) „Не взыска царьствующаго града, ни Святыя Горы, или Іерусалима, яко же

поздвѣе Пахомій Сербинъ въ житіи того же Сергія (около 1440) въ особенности указывалъ на то, что русскій великій подвижникъ „возсіялъ не отъ Іерусалима или Сіона“, а именно воспиталъ свое благочестіе „въ великой русской землѣ“. Такимъ образомъ для русскихъ людей находились уже дома пути благочестія и предметы поклоненія: въ каждомъ краѣ были свои святые, чудотворцы, слава которыхъ была близка, были знаменитые храмы и иконы; распространялась своя домашняя легенда... Такимъ образомъ и независимо отъ того, что съ завоеваніемъ Константинополя была закрыта или погибла цареградская святыня, еще болѣе затрудненъ былъ путь въ Святую Землю, паломничество на Востокъ ослабѣвало и отъ другихъ внутреннихъ причинъ [1]).

Цареградская святыня и вообще святыни востока издавна привлекали благочестивое любопытство. Первое выраженіе изумленія и восторга отъ Царьграда находится уже въ лѣтописной легендѣ о выборѣ вѣръ княземъ Владиміромъ; святая Софія, по примѣру константинопольской, строится въ Кіевѣ и Новгородѣ; построеніе храма въ Печерскомъ монастырѣ совершается при чудесномъ вмѣшательствѣ Влахернской Богоматери, которая прислала изъ Цареграда зодчихъ и живописцевъ, и самый планъ церкви былъ начертанъ на небѣ. Царьградъ, гдѣ былъ престолъ патріарха, которому подчинена была русская церковь, Царьградъ, котораго святыни и чудеса искусства отказывались исчислять русскіе паломники, былъ въ глазахъ русскихъ людей великой столицей христіанства, и какъ нѣкогда отсюда почерпалась увѣренность въ величіи православія, такъ послѣ сомнѣніе въ вѣрности самихъ грековъ этому православію послужило къ укрѣпленію увѣренности, что третьимъ Римомъ стала Москва и средоточіемъ и главою православія стала святая Русь. Понятенъ поэтому интересъ, съ которымъ русскіе паломники осматривали Царьградъ, заключавшій столько необыкновенныхъ святынь. Извѣстія о Царьградѣ находимы были также въ хронографахъ, и византійская исторія вообще была въ памяти книжниковъ, насколько они знали эту исторію. Свѣденія эти были однако невелики. Хронографъ не давалъ

азъ окаянныи и лишенныи разума; увы лютѣ мнѣ! нолъзаа сѣмо и овамо, и преплавая суду и овуду, и отъ мѣста на мѣсто преходя; но не хождааше тако преподобныи, но въ млъчаніи добрѣ сѣдяше и себѣ внимаше; ни по многымъ мѣстомъ, ни по далнимъ странамъ хождааше, но во единомъ мѣсте живяше и Бога въспѣвааше: не искаше бо суетныхъ и стропотныхъ вещій, иже не требѣ ему бысть, но паче всего взыска единаго истиннаго Бога, иже чимъ есть душа спасти“. (Житіе... Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ. Архим. Леонида. Спб. 1885, стр. 159).

[1]) Ср. замѣчанія Майкова, „Матеріалы и изслѣдованія“, стр. 44 и далѣе.

обстоятельной исторіи Византіи за послѣдніе вѣка, и только изрѣдка въ русской письменности являлись самостоятельные разсказы о событіяхъ греческой исторіи. Таковъ былъ любопытный разсказъ о взятіи Царяграда латинами, занесенный въ лѣтопись, или другая повѣсть, существующая въ различныхъ редакціяхъ, также внесенная въ лѣтопись, которая разсказывала объ основаніи Царяграда, а затѣмъ о взятіи его турками. Первая приписывалась нѣкоторыми тому же автору описанія Цараграда архіепископу Антонію, который около того времени, а можетъ быть и въ это время былъ въ Константинополѣ; вторая была составлена, если не очевидцемъ, то современникомъ или по разсказамъ современниковъ [1]).

Въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя мы встрѣчаемъ еще только путешествіе во Святымъ Мѣстамъ гостя, т.-е. купца, Василія, въ 1465—1466 годахъ. Откуда онъ былъ родомъ, неизвѣстно; что цѣлью его было именно паломничество, видно изъ первыхъ строкъ его разсказа [2]). Но гость Василій ни словомъ не упоминаетъ о Царьградѣ; свое путешествіе онъ начинаетъ прямо съ Бруссы:

„А се наше хоженіе отъ Бурсы ко Іерусалиму и къ морю: дѐнъ 2 до Нишары мѣсто, торги великыи. Градъ Колнокоу стоитъ межу каменныхъ горъ, на единомъ на камени, родится шафранъ, 6 дней ходу. Градъ Мурдоулукъ, 7 дѐнъ ходу. Градъ Поли 8 днiи ходу. Градъ Тоусъ много арменъ, а крестіанъ мало [3]) и турковъ, 14 дѐнъ ходу“... И такъ идетъ все описаніе путешествія, лишь иногда съ самыми краткими замѣчаніями, стоитъ ли городъ

---

[1]) Повѣсть о Цареградѣ находится, напримѣръ, во второй Софійской лѣтописи, въ лѣтописи Густинской и пр.; переводъ на современный языкъ (но безъ окончанія, заключающаго ироническія сравненія русскихъ внутреннихъ порядковъ съ турецкими) сдѣланъ былъ Срезневскимъ съ историческими примѣчаніями: Повѣсть о Цареградѣ. Спб. 1855 (изъ „Ученыхъ Записокъ“ русскаго отдѣленія Академіи). Другое краткое сказаніе о взятіи Цареграда турками, изъ рукописи XVI вѣка, въ „Изборникѣ“ Андрея Попова. М. 1869, стр. 87—91; Повѣсть о Цареградѣ Нестера Искендера, архим. Леонида. Спб. 1886 (изд. Общ. любителей древней письменности).

Въ подробной повѣсти о взятіи Царяграда итальянскія имена переданы по греческому произношенію, напримѣръ: Зустунѣя—Giustiniani, Зеновія—Genova (Генуя); въ краткой повѣсти у Андрея Попова: Іустіанъ, Генуя.

[2]) „Въ лѣто 6974 хоженіе нѣкоего гостя пре великомъ князѣ Иванѣ Васильевичи всеа Руси Московскомъ“.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ рабъ Божія многогрѣшныи Василей, и подвизахся видѣти святыхъ мѣстъ и градовъ, и сподоби мя Богъ видѣти и поклонихся святымъ мѣстомъ, за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь“.

[3]) Армянъ онъ не считаетъ христіанами.

на горѣ или въ полѣ, какія въ немъ стѣны, сколько воротъ и сколько градовъ въ одномъ градѣ („единъ во единѣмъ“), какіе торги, бани, кермасераи (караванъ-сераи), какъ проведена вода и т. п. Обыкновенно въ большихъ городахъ онъ хвалитъ хорошія бани и „торги велики“, отмѣчаетъ, какъ изъ рѣки проведена вода наверхъ большими колесами, много ли христіанъ и туровъ; также кратко отмѣчаетъ, гдѣ въ городахъ Малой Азіи и Палестины есть какая святыня: показанія впрочемъ часто не точны, и издатель его повѣствованія, архимандритъ Леонидъ, много разъ долженъ былъ дѣлать къ нимъ отмѣтку: „ошибочно“. На первый разъ гость Василій проѣхалъ изъ Малой Азіи мимо Іерусалима въ „градъ Египетъ“, какъ наши паломники называли Каиръ, и уже оттуда онъ попалъ въ Іерусалимъ.

Вотъ, напримѣръ, описаніе города Алепа: „Градъ Халяпъ великъ зело, въ полѣ чистѣ видѣти его за три дни, а гора сыпана вельми высоко, да отъ самаго долу стѣны градныя, мурованы каменіемъ, да входъ и выходъ едиными враты, да мостъ великъ, да конецъ мосту того стрѣльница высока, да двои враты желѣзныя скрозѣ ея, да верху ея бои, да среди мосту того такова же стрѣльница веліа ѕѣло; да пониже градскіа стѣны изо рва того стрѣльницы выводныя часты вельми, вкругъ всего града, и входы въ нихъ потайныя изъ града, да что мостъ изъ града чрезъ ровъ между стрѣльницъ тѣхъ, какъ градская стѣна и съ брамами. Да той градъ круголъ, да во рвѣ томъ, вкругъ всего града того, рѣка велика приводна и глубока, рыбы въ ней многое множество; да вокругъ града того большій градъ, множество торговъ и бань хорошихъ“. До „града Египта“ нашъ путешественникъ ѣхалъ сто дней. Въ описаніи его какое-то преувеличеніе: „Египетъ градъ вельми великъ, а въ немъ 14 тысящь улицъ, да во всякой улицѣ по двоа врата и по двѣ стрѣльницы, да по два стража, которыа зажигаютъ масло на свѣщницѣ; да въ иныхъ улицахъ домовъ по 15 тысячь, а въ иныхъ улицахъ до 18 тысячъ дворовъ, да на всякой улицѣ по торгу по великому, а улица съ улицей не знается, опроче великихъ людей“. Въ области Іерусалима и въ самомъ святомъ городѣ онъ конечно отмѣчалъ всѣ встрѣчавшіяся святыни: онъ видѣлъ и ясли, и „гдѣ звѣзда стала“, и мѣсто, гдѣ встрѣтили Христа жены мироносицы, и столбъ, гдѣ Христа мучили, и мѣсто, гдѣ Пилатъ умылъ руки передъ народомъ, и „то мѣсто, гдѣ Христа распяли и гора разсѣдеся отъ страха Его, и изыде кровь и вода отъ Адамовы главы: оттуда снидохомъ, гдѣ лежала глава Адамова, и поклонихомся ту“; видѣлъ: „среди церкви большія пупъ земли, и ту пріиде Христосъ

со ученики своими и рече: „содѣла спасеніе посреди земли"; и въ церкви Пречистой „на правѣ у олтаря, близь царскихъ дверей, то мѣсто, гдѣ Христосъ вывелъ Адама и Еву и весь родъ христіанскій". Наконецъ видѣлъ „Пречистыи келлію, тутъ же Іоанна Богослова келлія, тутъ же гдѣ сидѣла со Христомъ Господомъ нашимъ. И ту камень, что ангелъ господень принеслъ отъ Синайской горы, и ту близь гробъ св. мученика Стефана, и ту была церковь Сіонъ, святая святымъ церквамъ".

Обратный путь гость Василій сдѣлалъ опять къ Бурсѣ, т. е. къ Бруссѣ, но другой дорогой, гдѣ между прочимъ онъ проходилъ черезъ Антіохію: „Антея... стоитъ на седми горахъ, да седмь стѣнъ его, да рѣка сквозь его течетъ велика, да черезъ рѣку ту учиненъ мостъ великы, на многыхъ восходехъ каменныхъ, а стѣнъ у мосту того четыре, аки градскія каменныя, а врата среди мосту того желѣзныя, да стрѣльницы велики, а на ихъ бои многы: да внутри града того каменіе, какъ хоромы збиваны скобами желѣзными, да заливаны оловомъ. А средь града того церковь святая Софія, а величествомъ со цариградскую Софію, да въ ней не поютъ. А подобіемъ градъ той, аки Царьградъ, а *скончался*, былъ царскій градъ, нынѣ держать его срацины". Путь изъ Бруссы домой опять не указанъ, какъ и прежде [1]).

Гость Василій былъ человѣкъ мірской, но его разсказъ отличается отъ разсказовъ лицъ духовныхъ развѣ тѣмъ, что, идя сухимъ путемъ, онъ съ купеческимъ любопытствомъ отмѣчалъ великіе торги и кермасераи; но въ описаніи Святыхъ Мѣстъ онъ даетъ такую же номенклатуру съ тѣмъ же запасомъ апокрифическихъ познаній. Въ этихъ разсказахъ мы вполнѣ стоимъ на той почвѣ, на которой создавались духовные стихи и въ особенности стихъ о Голубиной книгѣ.

Но въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ первый разъ и путешествія совсѣмъ иного рода, далекія отъ паломническаго интереса. Таковы извѣстное хожденіе Аѳанасія Никитина въ Индію и путешествіе нѣсколькихъ духовныхъ лицъ на Флорентійскій соборъ.

Аѳанасій Никитинъ былъ тверской купецъ. Въ Москву, къ великому князю Ивану Васильевичу пріѣхалъ посолъ владѣтеля Шемахи; затѣмъ въ Шемаху отправленъ былъ русскій посолъ, и Никитинъ рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Шемаху,

---

[1]) Твореніе Василія въ первый разъ издано было архим. Леонидомъ въ 1884: „Хоженіе гостя Василья" 1884 (Палестинскій Сборникъ, вып. 6).

взявши товара. Онъ съ товарищами снарядилъ два судна, получилъ проѣзжую грамоту и поплылъ внизъ по Волгѣ. Это было въ 1466 г. Онъ возвратился только черезъ шесть лѣтъ, но на обратномъ пути умеръ, не доѣзжая до Твери, въ Смоленскѣ, въ 1472. Записки, веденныя имъ, сохранились, переданы были великокняжескому дьяку и конечно отсюда попали въ лѣтопись, куда занесены были подъ 1475 годомъ.

Мы не будемъ пересказывать этого путешествія, такъ какъ оно достаточно извѣстно. Никитинъ, очевидно, предпринялъ свое путешествіе по купеческому разсчету, надѣясь хорошо сбыть свой товаръ на востокѣ и привезти на Русь товара восточнаго. Надежды его не совсѣмъ осуществились. „Меня залгали,—говоритъ онъ,—псы-бесермены, а сказывали много всего нашего товара; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на бесерменскую землю, перецъ да краска—то и дешево; возятъ моремъ, пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много". Но разъ попавши на востокъ, онъ долго не могъ оттуда выбраться, завлекаемый, быть можетъ, отчасти любопытствомъ, отчасти тѣми же купеческими соображеніями или останавливаемый трудностью далекихъ путей. Не совсѣмъ легко понять, какъ онъ велъ свои дѣла, потому что не разъ онъ бывалъ ограбленъ и однако могъ продолжать свои странствія. Первоначальная цѣль, Шемаха, давно осталась позади: онъ прошелъ Персію и проникъ въ Индію до самаго Цейлона, дивясь невиданнымъ людямъ и обычаямъ; въ Индіи онъ пробылъ почти три года. Разлученный съ родиной, онъ часто скорбѣлъ, что не могъ исполнять христіанскаго долга, не могъ соблюдать правильно христіанскихъ постовъ и праздниковъ; живя годами среди людей чужой вѣры, онъ, кажется, даже задавалъ себѣ общій вопросъ о томъ, гдѣ можетъ быть истинная вѣра, и самыя записки оканчивалъ мусульманской молитвой [1]),—и вообще въ свой разсказъ вставлялъ много отдѣльныхъ выраженій и фразъ на языкахъ персидскомъ, тюркскомъ и арабскомъ: это отчасти молитвы, отчасти такія вещи, которыя онъ затруднялся сказать по-русски.

Общее значеніе Никитина такъ опредѣлялъ Срезневскій, который спеціально изучалъ его путешествіе въ сличеніи съ европейскими путешественниками того же времени, посѣщавшими эти страны. „Какъ ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ; все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ

---

[1]) Она переведена Казембекомъ при текстѣ Аѳанасія Никитина въ „Полномъ собраніи Лѣтописей", VI, стр. 357—358.

русскомъ человѣкѣ XV вѣка. И въ нихъ онъ рисуется какъ православный христіанинъ, какъ патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратовъ торговцевъ XV вѣка. По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы Ди-Конти и отчеты Васко ди-Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ Хоженіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хоженіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разсказамъ туземцевъ, заставлявшей его иногда повторять и невѣроятное. А что умно-разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ" [1]). Но сколько бы мы ни цѣнили это произведеніе Аѳанасія Никитина, его историко-литературное значеніе остается тѣснымъ и анекдотическимъ: оно было только дѣломъ его личной предпріимчивости, и какъ оно не было вызвано въ нашей письменности ничѣмъ предшествующимъ, такъ не оставило и потомъ никакого слѣда. Трудъ остался одинокимъ, и это указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на положеніе древней Руси въ дѣлѣ просвѣщенія: путешествія и изслѣдованія западныя были постоянными и прочными завоеваніями цѣлой науки, самое морское путешествіе Васко ди-Гама было географическимъ открытіемъ, которому предшествовали и за которымъ слѣдовали другія открытія, положившія основаніе новѣйшему землевѣдѣнію. Путешествіе Аѳанасія Никитина осталось въ этомъ отношеніи фактомъ одинокимъ и безплоднымъ. У насъ только долго спустя узнали о самомъ открытіи Америки, и долго не могли уразумѣть значенія этого открытія.

Нѣсколько раньше появляются первыя путешествія на европейскій западъ. Разсказы объ этомъ связаны съ поѣздкой митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ въ 1437 году и принадлежатъ двумъ его спутникамъ: суздальскому іеромонаху Симеону и суздальскому епископу Авраамію. Не касаясь извѣстной исторіи объ участіи Исидора въ дѣлахъ собора, имѣвшаго цѣлью возсоединеніе церквей или, другими словами, признаніе главенства папы (къ чему Исидоръ былъ уже заранѣе готовъ), мы

---

[1]) Срезневскій, Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина, въ 1466—1472 гг. Спб. 1857 (изъ „Ученыхъ Записокъ" II отд. Акад. Наукъ, кн. II).

коснемся только тѣхъ впечатлѣній, какія путешествіе по Европѣ производило на его спутниковъ. Это были, безъ сомнѣнія, вполнѣ русскіе люди, притомъ лица духовныя, впередъ застрахованныя противъ латинства (у большинства оно не считалось даже христіанствомъ), и тѣмъ не менѣе эти духовныя лица были поражены той культурой, которая встрѣтила их при первомъ вступленіи на европейскую почву. Это было при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ его сынъ Иванъ Васильевичъ впервые сталъ сознательно заботиться о томъ, чтобы ввести въ Русь европейскія художества, призывая для этого нѣмецкихъ людей: путешествія суздальскихъ духовныхъ лицъ представляли уже полное признаніе этого западно-европейскаго художества. Іеромонахъ Симеонъ, сказавши въ началѣ о поводѣ своего путешествія, по обычаю прямо начинаетъ маршрутъ съ изложеніемъ впечатлѣній отъ видѣннаго и, какъ всегда, съ указаніемъ числа верстъ или миль; весь разсказъ о путешествіи имѣетъ видъ короткихъ путевыхъ отмѣтокъ отъ города до города, несвязанныхъ потомъ ни въ какое цѣльное изложеніе впечатлѣній. Старыя путешествія бывали вообще медленны. Путники двинулись изъ Москвы на Тверь, на Торжокъ, Волочекъ, а оттуда водою въ Новгородъ [1]), изъ Новгорода поѣхали во Псковъ („а отъ Новагорода до Пскова 200 верстъ"); за торжественными встрѣчами и остановками путешествіе продлилось такъ, что выѣхавъ изъ Москвы на Рождество Богородицы (8-го сентября), путешественники были во Псковѣ только въ декабрѣ, на память отца Николы. Изо Пскова поѣхали наконецъ „въ нѣмцы". Въ первомъ нѣмецкомъ городѣ Юрьевѣ, потомъ въ Ригѣ, митрополита встрѣчали весьма торжественно: у этихъ нѣмцевъ еще господствовалъ безраздѣльный католицизмъ, цѣль путешествія была конечно хорошо извѣстна, и этимъ объясняются пышныя встрѣчи русскому митрополиту и его спутникамъ. Но эти спутники уже въ Ригѣ были поражены тѣмъ, что когда на встрѣчу митрополиту вышло латинское духовенство и „крыжъ изнесоша противу его, почести его ради", то Исидоръ, забывъ клятву, данную великому князю неизмѣнно сохранить православіе, ни мало не уклонился отъ этого крыжа; совсѣмъ напротивъ, „прежъ бо возрѣ, и поклонися, и притече любезно цѣлова и знаменася въ крыжъ латинскій; а по сихъ пріиде ко св. крестамъ православнымъ.

[1]) „А отъ Москвы до Твери двѣсти верстъ, безъ двадцати. А отъ Твери до Торжка 60 верстъ. А отъ Волочка пошолъ (митрополитъ) рѣкою Метою, въ лодьяхъ, къ Великому Новгороду, а кони пошли берегомъ. А отъ Волочка ѣхалъ рѣкою до Новагорода 300 верстъ", и т. д.

Послѣдовавше жъ, и провожаше и чтяше крыжъ латинскій, и иде съ нимъ до костела, сирѣчь до церкви ихъ, а о святыхъ крестѣхъ православія небрежаше, ни провожаше". Спутники ужаснулись, что митрополитъ уже теперь, „не дошедъ Рима, таковая богоотступная дѣяше",—но должно было довести путь до конца. Въ Ригу пріѣхали 4-го февраля и оттуда отправились дальше моремъ уже въ началѣ мая на Любекъ; замедленіе произошло оттого, что долго тянулись переговоры о проѣздѣ сухимъ путемъ черезъ Самогитію, но это оказалось невозможно.

Первый нѣмецкій городъ, Юрьевъ, вѣроятно не очень замысловатый, поразилъ однако нашихъ путешественниковъ. „Градъ же бѣ Юрьевъ великъ и каменнъ, нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны, намъ же, невидящимъ таковыхъ, дивящеся"..... „Горы жъ бяше у нихъ велики, и поля, и садове красны. Церкви христіанскія бѣ у нихъ двѣ: св. Никола и св. Юрій, христіанъ же мало" [1]). Но впереди ихъ ждалъ „славный городъ Любекъ", и онъ дѣйствительно поразилъ ихъ своимъ великолѣпіемъ: „Видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля бяху и горы велики, и садове красны; и палаты вельми чудны, съ позлащенными верьхами: и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны; и товара въ немъ много всякаго; а воды приведены въ него, и текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, и студены и сладки". Въ церквахъ они были изумлены богатствомъ священныхъ сосудовъ и множествомъ мощей. Ихъ зазвали въ одинъ монастырь, и здѣсь они изумлены были несчетнымъ множествомъ священныхъ сосудовъ, дорогихъ ризъ „съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ, и прошвы; а шитье нѣсть яко наше, но инако". Но всего больше изумило ихъ слѣдующее: „И увидѣхомъ ту мудрость недоумѣнну и несказанну: яко жива стоитъ Пречистая, и Спаса держитъ на руцѣ младенечнымъ образомъ; се бо яко зазвѣнитъ колокольчикъ, и слетаетъ ангелъ съ верху и сноситъ вѣнецъ въ рукахъ, и положитъ на Пречистую, и пойдетъ звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряху, идутъ волсви три, а предъ ними человѣкъ съ мечемъ, а за нимъ человѣкъ съ дарами. И внесоша дары Христу: злато, ливанъ и смирну, и пріидоша къ Христу и Богородицѣ, и поклонишась. И Христосъ, обратяся, благослови ихъ, хотяще руками взяти дары, яко дитя, играя у Богородицы на рукахъ; они же поклонишась и отдаша; и ангелъ же возлетитъ горѣ, и вѣнецъ взя". Показали имъ и библіотеку: „и видѣхомъ

[1]) Т.-е. православныхъ. Такимъ образомъ латинянъ онъ не называлъ, и не считалъ, христіанами.

болѣе тысячи книгъ, и всякаго добра неизреченнаго, и всякія хитрости, и палаты чудны вельми".

Изъ Любека поѣхали въ Люнебургъ, который опять удивилъ ихъ, особливо своими фонтанами и водопроводами. Дальше, градъ Брауншвейгъ, „и той бо градъ величествомъ *выше всѣхъ тѣхъ градовъ прежнихъ*, и палаты въ немъ видѣти вельми чудны состроены". Изъ Брауншвейга они попали въ градъ Амбергъ, который „величествомъ подобенъ Любеку есть, и по всему тому граду по улицамъ мраморныя палаты". Затѣмъ градъ Лейбисъ, и градъ Ерфуртъ, „великъ и чуденъ, богатъ имѣніемъ многимъ и хитрымъ рукодѣліемъ преумноженъ, и таковаго товара и хитраго рукодѣлія *ни въ коемъ градѣ преждеписанномъ не видѣхомъ*". Затѣмъ былъ городъ Бамбергъ, „великъ же и чуденъ", а въ одномъ поприщѣ отъ Бамберга нашли они „градъ зовомый Понтъ, а рѣка подъ нимъ зовется именемъ Тискъ, и того ради зовется градъ той именемъ Понтискъ. И той убо градъ бывшаго при распятіи Пилата: въ томъ во градѣ отчина его и рожденіе, и по тому граду зовется Понтійскій Пилатъ". Далѣе, они попали въ градъ Нирнбергъ, „вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и товара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ каменемъ великимъ, чудны и хитры, тако же и рѣки приведены ко граду тому, а иныя воды во столпы приведены *хитрѣе всѣхъ преждеписанныхъ градовъ*, и сказати о семъ убо не можно и не домысленно". Затѣмъ они пріѣхали въ городъ во имя Августа царя, который основалъ царь Юстиніанъ, на славной рѣкѣ Дунаѣ,—„и того ради зовется градъ той Августъ, а по-нѣмецки Аугсбургъ, и величествомъ *превзыде всѣхъ преждеписанныхъ градовъ*, и палаты въ немъ и воды, и иное строеніе вельми чудны", и т. д. Наконецъ, черезъ тирольскія горы, удивившія ихъ тѣмъ, что на этихъ горахъ съ ихъ сотворенія лежатъ снѣга, и „облаки въ полъ ихъ ходятъ", они попали во фряжскую землю, т.-е. въ Италію. Удивили ихъ и итальянскіе города—Феррара, Флоренція, Венеція. Въ Феррарѣ, на папинѣ дворѣ „возведенъ бысть столпъ каменнъ высокъ и великъ, надъ торгомъ, и на томъ столпѣ устроены часы, колоколъ великъ, и коли ударитъ, на весь градъ слышати. И у того столба отведено крыльцо и двои двери; и коли приспѣетъ часъ ударити въ колоколъ, и выдетъ изъ столба на крыльцо ангелъ, простѣ видѣти, яко живъ, и потрубитъ въ трубу, и входитъ другими дверцами въ столбъ; а людямъ всѣмъ видящимъ, слышати мочно гласъ его". Еще удивительнѣе Флоренція: „градъ Флоренція великъ вельми, и *таковаго не обрѣтохомъ въ преждеписанныхъ градѣхъ*. Божницы въ немъ вельми

красны и велицы, и палаты тѣ устроены бѣлымъ каменіемъ, вельми высоки и хитры... И есть во градѣ томъ божница устроена велика, камень мраморъ бѣлъ, да чернъ; и у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, тако жъ бѣлый камень мраморъ, и хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходихомъ во столпъ той вверхъ по лѣстницѣ и сочтохомъ ступени—четыреста и пятьдесятъ". Кромѣ удивительныхъ храмовъ, во Флоренціи остановила ихъ вниманіе великая лечебница и богадѣльня, между прочимъ и для пришельцевъ странныхъ иныхъ земель. Въ Венеціи поразила ихъ церковь св. Марка (здѣсь, кромѣ св. Марка, „мощей святыхъ много, иманы изъ Царяграда") и богатство города: „а градъ той великъ вельми, и палаты въ немъ чудныя, а иныя позлащены, и товара въ немъ всякаго много, занеже корабли приходятъ изъ иныхъ земель: отъ Іерусалима, отъ Царяграда, отъ Азова, отъ турецкія земли, отъ срацинъ, отъ нѣмецъ". Приведенные примѣры достаточно указываютъ, какъ поражало нашихъ путниковъ видѣнное ими въ Европѣ. Въ сравненіи съ простымъ домашнимъ бытомъ все было чудно, несказанно и недоумѣнно: каждый новый большой городъ превосходилъ „преждеписанные грады"...

Другой спутникъ Исидора, Авраамій, оставилъ любопытное описаніе одной удивительной вещи, какую онъ видѣлъ во Флоренціи. „Въ фряжской землѣ, въ градѣ Флорензѣ, нѣкій человѣкъ хитръ, родомъ фрязинъ, устрои дѣло хитро и чудно", а именно устроилъ по всему образу и подобію схожденіе съ небесъ архангела Гавріила въ Назаретъ къ Дѣвѣ Маріи благовѣстить зачатіе единороднаго Сына и Слова Божія. Устроено это было въ одномъ монастырѣ, въ немалой церкви во имя Пресвятой Богородицы. Словомъ, Авраамій суздальскій видѣлъ въ этомъ монастырѣ представленіе мистеріи Благовѣщенія, которое онъ старался изложить обстоятельно. Мистерія произвела на русскаго зрителя сильное впечатлѣніе. Иное въ этомъ зрѣлищѣ было „чудно и радостно и отнюдь несказанно"; другое было „дивное и страшное видѣніе". Въ концѣ разсказа авторъ опять повторяетъ: „Се же чудное то видѣніе и хитрое дѣланіе видѣхомъ во градѣ, завомомъ Флорензѣ; ели можахомъ своимъ малоуміемъ вмѣстити, написахомъ противо тому видѣнію, яко же видѣхомъ; иного же не мощно исписати, зане причудно есть отнюдь и несказанно" [1]).

---

[1]) Этотъ разсказъ былъ изданъ Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ изд. 2-е. М. 1791, ч. XVII, стр. 178—185, но съ большими неисправностями; новое изданіе, по списку XVI вѣка, сдѣлано было Андреемъ Поповымъ въ его книгѣ: „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ лати-

Съ половины XV вѣка, какъ мы замѣчали, измѣняются отношенія къ православному востоку и вмѣстѣ наступаетъ перемѣна въ паломничествѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Москва, по мнѣнію самихъ русскихъ, а отчасти и по признанію восточнаго христіанства, становится во главѣ православнаго міра, не столько русскіе стремятся на востокъ, сколько представители восточныхъ церквей, малые и великіе, приходятъ въ Москву искать покровительства и милостыни, предлагая взамѣнъ свои молитвы, а наконецъ и политическія услуги. Русская власть, раздѣляя чувства и мнѣнія самого народа, сохраняла великое почтеніе къ восточнымъ святынямъ, одаряла монаховъ, игуменовъ и самихъ патріарховъ милостынею, — хотя съ другой стороны держала себя независимо: московскіе люди не могли забыть, что восточная іерархія въ критическую минуту обнаружила слабость, и думали, что само православіе чище соблюдается въ Москвѣ, чѣмъ на востокѣ, подъ игомъ агарянъ... Проходитъ довольно много времени, когда появляются въ нашей письменности новыя хожденія, и уже чаще это бываютъ, такъ сказать, оффиціальныя паломничества— писанія людей, которые посланы были московскимъ правительствомъ на востокъ съ порученіями и милостынею.

Таково было хожденіе купца Василія Познякова при Иванѣ Грозномъ въ 1558—1561. Купецъ Позняковъ былъ родомъ изъ Смоленска, но велъ торговыя дѣла въ Москвѣ, былъ человѣкъ „чинный и благочестивый". Поводъ къ его путешествію состоялъ въ слѣдующемъ. Въ началѣ 1558 года прибыло въ Москву посольство отъ александрійскаго патріарха Іоакима и архіепископа синайской горы Макарія, просившихъ царя о милостынѣ для исправленія обветшавшей обители. Царь принялъ посланцевъ милостиво и не отказалъ въ просьбѣ. Между тѣмъ восточные старцы разсказывали о чудѣ, которое совершилось надъ патріархомъ, когда въ спорѣ съ жидовиномъ объ истинѣ христіанства онъ выпилъ ядъ, приготовленный его противникомъ, и остался невредимъ, а жидовинъ, выпивъ простой воды изъ той же чаши, погибъ ужасною смертію. Этотъ разсказъ такъ распространился въ свое время, что занесенъ былъ въ разные сборники и хронографъ. Но посылая милостыню, царь, быть можетъ, хотѣлъ съ одной сто-

---

янъ (XI—XV в.)". М. 1875, приложеніе, стр. 399—406. Разсказъ о мистеріи Вознесенія, у Тихонравова, въ „Вѣстникѣ Общ. древне-русск. искусства", 1874—1876.

Изслѣдованіе этой мистеріи, въ сличеніи съ итальянскими источниками, у Веселовскаго: Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrh. Brief an H. Prof. d'Ancona, въ Russische Revue, 1876, т. X, стр. 425 и далѣе. См. еще Морозова, Исторія р. театра. Спб. 1889, стр. 24 и дал.

роны удостовѣриться о доставкѣ денегъ по назначенію, а съ другой стороны дать милостыню и другимъ патріархамъ, а потому отправилъ съ восточными старцами и своихъ посланныхъ. Для этой цѣли былъ вызванъ изъ Новгорода софійскій архидіаконъ Геннадій и къ нему потомъ присоединился Василій Позняковъ съ сыномъ; Геннадію поручено было также „и обычаи во странахъ тѣхъ писати". Съ ними посланы были богатые подарки въ мѣхахъ и даны грамоты и письма о пропускѣ государямъ и предстоятелямъ церквей. Была грамота и къ королю Сигизмунду, но въ Литвѣ встрѣтили посланцевъ весьма негостепріимно: Василій былъ схваченъ и у него отняли часть подарковъ. Въ Царьградѣ Геннадій умеръ, и Василію пришлось продолжать путь одному. Какъ онъ путешествовалъ—неизвѣстно; его разсказъ начинается съ прибытія въ Александрію уже въ октябрѣ слѣдующаго года. Встрѣча съ патріархомъ Іоакимомъ, тогда уже древнимъ, почти столѣтнимъ старцемъ, была очень трогательная; изъ Александріи патріархъ возилъ Познякова въ Каиръ, потомъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ трудное путешествіе на Синай, гдѣ они пробыли двадцать дней. По возвращеніи въ Александрію, Позняковъ съ сыномъ, двумя старцами и толмачемъ отправился моремъ и сухимъ путемъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ былъ на Пасхѣ 1560 года. При отъѣздѣ черезъ три мѣсяца, Позняковъ получилъ отъ патріарха іерусалимскаго письмо, гдѣ патріархъ свидѣтельствовалъ о бѣдствіяхъ и убыткахъ, понесенныхъ Позняковымъ. Въ концѣ года Василій былъ въ Царьградѣ и здѣсь отъ патріарха константинопольскаго получилъ также письмо къ царю о полученіи милостыни. Въ началѣ слѣдующаго года Позняковъ былъ въ Москвѣ и въ апрѣлѣ представилъ свой докладъ.

Этотъ докладъ до насъ не дошелъ, но дошло описаніе путешествія, написанное или самимъ Позняковымъ, или кѣмъ-нибудь изъ его спутниковъ. Разсказъ Познякова начинается грамотой царя Ивана Васильевича „во Александрею къ папѣ и потріярху Іоакиму". За разсказомъ о пребываніи въ Александріи и на Синаѣ слѣдуетъ обычное описаніе Іерусалима съ различными варіантами того содержанія, какое мы видѣли уже у другихъ паломниковъ: то же описаніе храма Воскресенія, при чемъ опять упомянуто, что „на среди той церкви есть пупъ всей земли, покровенъ каменемъ". Позняковъ старательно перечисляетъ христіанъ (это — „гречане, сиріяне, сербы, ивери, Русь, арнаниты, волохи") и еретиковъ, которые называютъ себя христіанами (это— „латыни, хабежи, кофти, армени, аріяне, несторіяне, яковити, тетрадити, маруни и прочая ихъ проклятая ересь"), и много

разъ принимается говорить о турецкихъ притѣсненіяхъ. Въ великую субботу турки приходятъ къ вратамъ великой церкви и отпечатываютъ церковныя врата,—„и емлютъ турки со всякого христіянина по 4 золотыхъ угорскихъ, тоже и въ церковъ пустятъ; туже и мы грѣшніи дали есмы по 4 золотыхъ съ человѣка. А которому христіянину дать нѣчево, того и въ церковъ не пустятъ. А съ латыни и съ фрязовъ и съ еретиковъ по 10 золотыхъ; а золотой по 20 алтынъ; а съ чернорizцовъ мыта не емлютъ". Вообще многіе путники кончаютъ и свою жизнь въ Палестинѣ, „зане многи скорби на пути бываютъ отъ беззаконныхъ турокъ и араплянъ на морѣ и на сухѣ". И въ концѣ онъ опять повторяетъ: „много же во Іерусалимѣ и иныхъ святыхъ мѣстъ поклонныхъ и въ предѣлехъ его, ихъ же и невозможно писанію предати множества ради и гоненія отъ безбожныхъ турковъ" [1]).

Переходимъ къ произведенію, которое изъ всей паломнической литературы пріобрѣло величайшую славу и съ конца XVI вѣка осталось въ народномъ чтеніи до самаго настоящаго времени, заставивъ забыть все, что ему предшествовало и не уступая никакимъ новымъ описаніямъ Святыхъ Мѣстъ. Оно прославилось подъ названіемъ Путешествія или Хожденія Трифона Коробейникова. Новѣйшій издатель этого путешествія такъ изображаетъ историческую роль этого знаменитаго произведенія: „Безошибочно можно сказать, что изъ всѣхъ сочиненій русскихъ паломниковъ ни одно не пользовалось и такою громкою извѣстностію, и такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ такъ называемое „Хожденіе Трифона Коробейникова". Начиная съ XVI вѣка и кончая настоящимъ временемъ, это путешествіе до того сдѣлалось народнымъ, что рѣшительно заслонило собою всѣ другія книги такого же содержанія. О степени его распространенія можно заключить изъ громаднаго числа списковъ, въ которыхъ оно дошло до насъ,

[1]) Хожденіе Позднякова только недавно въ первый разъ обратило на себя вниманіе изслѣдователей стараго нашего паломничества. Въ первый разъ оно было издано г. Забѣлинымъ: „Посланіе царя Ивана Васильевича къ александрійскому патріарху Іоакиму съ купцомъ Васильемъ Позняковымъ и хожденіе купца Познякова въ Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ 1558 года". Въ Чтеніяхъ московскаго Общества исторіи и древностей, 1884, кн. I и отдѣльно (по списку XVII вѣка изъ библіотеки этого Общества).

— Второе изданіе сдѣлано было Палестинскимъ Обществомъ: „Хожденіе купца Василія Познякова по святымъ мѣстамъ востока". Подъ редакціею Х. М. Лопарева. Спб. 1887 (Палестинскій Сборникъ, выпускъ 18. Здѣсь употреблено шесть списковъ). По поводу легендъ о патріархѣ Іоакимѣ (о спорѣ христіанъ съ іудеями) см. у Веселовскаго, „Замѣтки по литературѣ и народной словесности", въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. XLV, 1883.

причемъ переписываніе его продолжалось даже и тогда, когда стали появляться уже печатныя его изданія, а эти послѣднія продолжають выходить чуть не ежегодно и по настоящее время. Доселѣ извѣстно намъ болѣе 200 списковъ и болѣе 40 печатныхъ изданій „Путешествія Трифона Коробейникова". Какъ высоко Хожденіе цѣнилось въ старину, видно изъ того, что оно помѣщалось иногда цѣликомъ въ хронографахъ,—честь, которой удостоивались лишь очень немногіе любимцы древне-русской грамотной публики... Наконецъ, въ глазахъ нашихъ предковъ „Хожденіе Коробейникова" получило чуть не священный авторитетъ, помѣщаясь въ сборникахъ иногда между житіями святыхъ, поученіями Златоустаго, церковными пѣснями и другими статьями религіознаго содержанія. До самаго послѣдняго времени, то-есть въ продолженіе равно трехъ вѣковъ, Хожденіе это пользовалось незыблемымъ авторитетомъ" [1]).

Первое изданіе путешествія Коробейникова сдѣлано было Рубаномъ въ 1783, въ подновленномъ видѣ противъ рукописи; 36-е изданіе путешествія этого типа сдѣлано было въ 1888 г. Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ; и кромѣ того было еще съ десятокъ изданій другого рода, между прочимъ изъ рукописей. Въ тридцатыхъ годахъ лучшее изданіе по шести рукописямъ было сдѣлано Сахаровымъ („Путешествіе московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова по святымъ мѣстамъ въ 1582 году"). Историки церкви и историки литературы говорили, что Коробейниковъ и его спутникъ Грековъ со всѣмъ простодушіемъ и легковѣріемъ разсказываютъ о видѣнномъ и слышанномъ ими въ разныхъ мѣстахъ востока; но замѣчали, что это сочиненіе заслуживаетъ вниманія не столько само по себѣ, сколько по тому, что было однимъ изъ любимыхъ чтеній для нашихъ предковъ, судя по многочисленности его списковъ; другіе замѣчали, что онъ обстоятельно описалъ Іерусалимъ и первый изъ русскихъ паломниковъ описалъ Синай. Въ новѣйшемъ изданіи для народнаго чтенія говорилось, что Коробейниковъ вездѣ побывалъ и все видѣлъ въ Святыхъ Мѣстахъ, что Коробейниковъ отправился въ путь, преисполненный благоговѣйныхъ чувствъ; сердце его трепетало и радовалось, что онъ, недостойный, увидитъ всѣ священныя мѣста; „исполнимся и мы такими же благоговѣйными чувствами и мыслями и послѣдуемъ за Трифономъ", присовокупляетъ издатель [2]).

---

[1]) Лопаревъ, въ его далѣе указанномъ изданіи Коробейникова, предисловіе.

[2]) Лопаревъ, тамъ же, стр. XIX.

Въ послѣднее время оказалось однако, что такой писатель Трифонъ, который такъ хорошо описалъ Іерусалимъ и Синай, съ которымъ мы должны исполниться благочестивыми чувствами, который наконецъ фактически съ конца XVI и до конца XIX вѣка былъ любимѣйшимъ паломникомъ русскихъ благочестивыхъ читателей, что такой писатель въ дѣйствительности не существовалъ. Ученая критика довольно давно видѣла необходимость болѣе внимательнаго изученія Трифона Коробейникова (между прочимъ говорилъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей палестинской литературы, Тоблеръ), замѣтила неясности и противорѣчія въ показаніяхъ объ его путешествіяхъ, и запутанный вопросъ сталъ впервые разъясняться съ тѣхъ поръ, какъ г. Забѣлинъ, издавая Хожденіе Познякова, обратилъ вниманіе на очень близкое сходство этого Хожденія съ тѣмъ, какое приписывается Коробейникову. На первый взглядъ изъ этого сличенія (хотя не доведеннаго до конца) представлялся такой выводъ, что Коробейниковъ и его сотоварищи не владѣли даромъ писательства, но, желая по возвращеніи въ Москву дать отчетъ о своемъ путешествіи, воспользовались забытымъ разсказомъ Познякова. Такимъ образомъ самостоятельнаго сочиненія о путешествіи Коробейникова не существовало; было только литературное издѣліе съ его именемъ, приноровившее къ своимъ цѣлямъ книгу Познякова: такъ какъ между двумя путешествіями прошло двадцать-пять лѣтъ, то изъ стараго путешествія исключено было не подходившее по времени и обстоятельствамъ, и прибавлено кое-что новое; „какъ широко распространенная статья древне-русской письменности, сочиненіе Коробейникова подвергалось въ рукахъ каждаго переписчика своей отдѣлкѣ; поэтому его книга становится всенародною запискою о Святыхъ Мѣстахъ, которая въ большей или меньшей степени передѣлывалась въ теченіе двухъ столѣтій, такъ что трудъ перваго автора теперь едва ли и возможно найти въ его первоначальномъ составѣ". Но еще дальше подвинутъ вопросъ о происхожденіи этого путешествія въ изслѣдованіи г. Лопарева, — и за Коробейниковымъ не остается уже никакого литературнаго имени.

Передъ нами любопытный образчикъ литературныхъ пріемовъ, которые господствовали въ старой нашей письменности: съ одной стороны господствовала безъименность, — нерѣдко писатель совсѣмъ не ставилъ своего имени (потому что важно было только благочестивое содержаніе), или даже ставилъ во главѣ сочиненія имя какого-либо славнаго писателя (такъ съ именемъ Іоанна Златоуста есть нѣсколько древнихъ русскихъ поученій); съ другой—сочиненіе, не за-

крѣпленное именемъ писателя, цѣнимое только по содержанію, наконецъ, имѣвшее для своего распространенія одинъ только путь—рукопись, даже тогда, когда было давно изобрѣтено книгопечатаніе, подвергалось всякимъ случайностямъ. Каждая рукопись составляла личную собственность писавшаго: она была дѣломъ его собственнаго труда, его собственной любознательности; владѣтель рукописи не обязывался и не могъ быть обязанъ передъ авторомъ въ сохраненіи неприкосновенности его труда; не было ни права литературной собственности и никакого представленія объ обязанности сохранять неприкосновенными чужія слова, чужія фактическія показанія. Сочиненіе представляло рядъ мыслей, рядъ благочестивыхъ излiяній,—отчего не исправить или не дополнить ихъ въ своей собственной рукописи новыми? Сочиненіе представляетъ историческій разсказъ, описаніе,—здѣсь представляется безконечное поприще для исправленія и дополненія, — и переписчикъ, дѣлавшій эти исправленія и дополненія, самъ становился участникомъ въ авторствѣ. Послѣдній любознательный читатель, вновь переписывая подобный исправленный текстъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія о подлинномъ видѣ сочиненія: онъ обыкновенно увѣренъ, что списываетъ то самое, что, напримѣръ, въ данномъ случаѣ писалъ Даніилъ, или Антоній, или новгородецъ Стефанъ, или смольнянинъ Игнатій, или Зосима и т. д. Мы имѣли случай замѣчать, что вообще въ старой литературѣ почти невозможно или даже совсѣмъ невозможно найти произведеніе, которое въ разныхъ спискахъ не представляло бы разночтеній,—развѣ только оно сохранилось въ единственномъ спискѣ. Въ паломнической литературѣ эта неустойчивость памятниковъ была особенно возможна: ничто не мѣшало, списывая хожденіе, прибавить изъ другого источника подробность, даже цѣлый разсказъ и т. д.; единство предмета, одинаковость благочестивыхъ чувствъ, нетребовательность читателя, невозможность чужой провѣрки открывали полную свободу для всевозможныхъ интерполяцій. Въ настоящемъ случаѣ доходило до того, что, напримѣръ, списки самого Хожденія Позднякова исправляемы были по той позднѣйшей передѣлкѣ, которая главнымъ образомъ изъ него же была заимствована,—другими словами, подлинную книгу настоящаго путешественника, Познякова, поправляли по несуществовавшему путешествію Коробейникова.

Какимъ же образомъ это могло произойти? Замѣтимъ прежде всего, что въ прежнее время путешествіе Коробейникова, въ которомъ описываются Царьградъ, Палестина и Синай, относимо было къ 1582 году: въ этомъ году Коробейниковъ дѣйствительно

ѣздилъ въ Царьградъ, но въ Палестинѣ и на Синаѣ не былъ. Впослѣдствіи нашли, что онъ ѣздилъ и въ другой разъ, въ 1593, и на этотъ разъ былъ въ Іерусалимѣ, но на Синаѣ все-таки не былъ. Обычный текстъ путешествія Коробейникова дѣлится на три части: предисловіе, въ которомъ говорится о посылкѣ его на востокъ; описаніе пути отъ Царьграда до Іерусалима; наконецъ, описаніе святынь іерусалимскихъ и синайскихъ. По всѣмъ даннымъ біографіи Коробейникова, извѣстнымъ изъ другихъ оффиціальныхъ источниковъ, оказывается, что самъ Коробейниковъ не могъ написать этого предисловія, что оно составлено мимо него какимъ-нибудь книжникомъ, знавшимъ нѣсколько данныхъ изъ его перваго и второго путешествія и собравшимъ ихъ въ видѣ предисловія къ Хожденію 1582 года. Подобнымъ образомъ не принадлежало Коробейникову и описаніе пути отъ Царьграда до Іерусалима и, наконецъ, окончательно не принадлежало ему описаніе іерусалимскихъ и синайскихъ святынь, которое взято цѣликомъ изъ Хожденія Познякова. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ сличеніе двухъ текстовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія.

Біографическія данныя о Коробейниковѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Въ 1582 году царь Иванъ Васильевичъ послалъ купца Мишенина съ милостынею въ Царьградъ и на Аѳонъ объ упокоеніи души царевича Ивана Ивановича (который передъ тѣмъ былъ убитъ Иваномъ Грознымъ). Въ этомъ посольствѣ, какъ видно изъ относящихся къ нему оффиціальныхъ бумагъ, находились также Трифонъ (Коробейниковъ) и Юрій (грекъ); въ ноябрѣ 1582 Мишенинъ прибылъ въ Константинополь, остался здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, передалъ по назначенію милостыню; лѣтомъ 1583 года поплылъ на Аѳонъ, вернулся въ сентябрѣ въ Константинополь и съ благодарственными грамотами патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго (послѣдняго онъ видѣлъ также въ Константинополѣ) и отъ святогорскихъ старцевъ возвратился черезъ Болгарію, Валахію и Литву въ Москву, въ февралѣ 1584, еще при жизни Грознаго. Изъ этихъ данныхъ не видно даже, чтобы Коробейниковъ и Грековъ были купцы,—и новѣйшіе изслѣдователи съ увѣренностью полагаютъ, что они не были вовсе купцами; купецъ былъ одинъ Мишенинъ [1]). Можно думать, что посланные были награждены за исполненіе порученія: въ 1588 году Коробейниковъ значится уже въ должности дворцоваго дьяка.

1) При весьма обычной небрежности старыхъ книжниковъ возможно предположеніе, сдѣланное г. Лопаревымъ, что былъ сдѣланъ пропускъ въ первоначальной фразѣ: „съ московскимъ купцомъ съ Иваномъ Мишенинымъ да съ подьячимъ съ Трифономъ“ и пр., такъ что Мишенинъ совсѣмъ исчезъ, а Трифонъ обратился въ купца.

Въ 1593, изъ Москвы было послано на востокъ новое посольство, на этотъ разъ съ заздравною милостынею по случаю рожденія царевны Θеодосіи Θедоровны (въ 1592). Во главѣ посольства былъ подъячій Огарковъ, уже раньше ѣздившій на востокъ, и Трифонъ Коробейниковъ. Посольству вручена была богатая милостыня (а именно 5564 золотыхъ венгерскихъ и множество пушного товара), которую надо было раздать въ Царьградѣ, Антіохіи, Іерусалимѣ, а также въ Египтѣ и на Синайской горѣ. Выѣхавъ изъ Москвы въ январѣ 1593, посольство прибыло въ Константинополь въ апрѣлѣ; здѣсь была роздана милостыня, между прочимъ, и находившемуся въ Константинополѣ патріарху александрійскому, такъ что ѣхать особо въ Египетъ не было надобности. Въ сентябрѣ того же года посольство прибыло въ Іерусалимъ, гдѣ, между прочимъ, передана была милостыня и синайскому архіепископу, такъ что не пришлось ѣхать и на Синай. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года, то-есть послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ Іерусалимѣ, посольство отправилось въ Антіохію, гдѣ опять роздало милостыню и, наконецъ, прибыло въ Россію [1]). По словамъ одного паломника XVII-го вѣка, Трифонъ Коробейниковъ привезъ въ Москву модель гроба Господня, вѣроятно, по порученію правительства.

Но если Коробейниковъ не былъ авторомъ Хожденія 1582 года, то съ его именемъ извѣстно Хожденіе его въ 1593 году, заключающее впрочемъ только описаніе пути отъ Москвы до Царьграда, и наконецъ отчетъ его по раздачѣ царской милостыни, извлеченный изъ статейнаго списка [2]).

Не имѣя въ виду исчислять всѣхъ старыхъ паломниковъ, мы остановимся еще на двухъ странникахъ первой половины XVII вѣка. Оба продолжаютъ обычный типъ хожденія, но въ особенности одинъ изъ нихъ представляетъ нѣкоторую оригинальность. Это были казанскій купецъ Василій Гагара и черный дьяконъ Троицкаго монастыря Іона, по прозвищу Маленькій.

Уроженецъ Плеса на Волгѣ, казанскій купецъ Василій Яков-

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что комментаторъ Коробейникова напрасно усумнился въ имени дворцоваго подъячаго: Сыдавной Васильевъ (предисловіе, стр. V).

[2]) Новыя изслѣдованія о Коробейниковѣ начаты, какъ мы сказали, г. Забѣлинымъ при изданіи Хожденія Познякова. Затѣмъ изданы были:

— Второе хожденіе Трифона Коробейникова. Съ предисловіемъ С. О. Долгова, въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей, 1887, кн. I, стр. 1—18.

— Хожденіе Трифона Коробейникова, подъ редакціею Хр. М. Лопарева. (Палестинскій Сборникъ, выпускъ 27). Спб. 1888. Здѣсь насчитано въ нашихъ библіотекахъ болѣе двухсотъ списковъ Хожденія Коробейникова, изъ которыхъ большинство были приняты въ соображеніе при изданіи.

левъ Гагара предпринялъ въ 1634 году странствіе къ Святымъ Мѣстамъ по собственному благочестивому побужденію. Велъ онъ жизнь грѣховную: „аки свинія въ калѣ грѣховнѣ пребыхъ", говорить онъ, и дѣйствительно въ немъ пребывалъ, судя по его откровенной автобіографіи. Наконецъ дѣла его (торговля съ востокомъ) разстроились: товаръ, посланный имъ въ персидскую землю, потонулъ въ морѣ; испыталъ онъ другія несчастія и далъ обѣтъ идти къ Святымъ Мѣстамъ, приложиться у гроба Господня, искупаться въ Іорданѣ и „многимъ патріархомъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ покаятися и потомъ отъ нихъ приняти благословеніе". Послѣ этого Богъ „невидимо" сталъ давать ему богатство и въ одинъ годъ онъ нажилъ вдвое противъ потеряннаго. Тогда онъ рѣшилъ исполнить свой обѣтъ, и отправился въ Іерусалимъ черезъ Малую Азію на Тифлисъ, Эривань, Ардаганъ, Карсъ, Эрзерумъ, Севастію, Кесарію, Алеппо, Амидонію, Дамаскъ и Самарію. Повидимому, во время пути онъ производилъ и свои торговыя дѣла, потому что ѣхалъ до Іерусалима цѣлый годъ, и между прочимъ заходилъ въ города, которые не были ему по пути. Въ дорогу онъ взялъ съ собой слугу своего Гараньку, съ которымъ прежде посылалъ товары въ персидскую землю. Въ Іерусалимѣ онъ не засталъ патріарха и, пробывъ тамъ на первый разъ только три дня, отправился въ Египетъ къ другому патріарху, александрійскому. Здѣсь онъ пробылъ больше трехъ мѣсяцевъ и не только видѣлъ патріарха, но и получилъ отъ него грамоту къ царю Михаилу Θедоровичу. Въ апрѣлѣ 1636 года онъ вернулся въ Іерусалимъ, пробылъ здѣсь нѣсколько недѣль, и обратный путь началъ опять черезъ Малую Азію, но потомъ повернулъ къ Черному морю, проплылъ мимо Константинополя къ Галлиполи и отсюда черезъ Адріанополь, черезъ Болгарію и Валахію проѣхалъ въ Польшу; здѣсь былъ задержанъ въ Винницѣ, потому что его приняли за московскаго посла въ Турцію; потомъ, освободившись, побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ видѣлся съ Петромъ Могилой, и наконецъ въ апрѣлѣ или маѣ 1637 прибылъ въ Москву. За свои странствованія и привезенныя „вѣсти" о восточныхъ дѣлахъ онъ былъ пожалованъ отъ царя Михаила званіемъ „московскаго гостя".

По отзыву архимандрита Леонида, описаніе Святыхъ Мѣстъ у Гагары „по простодушію и излишней довѣренности къ сказаніямъ „вожей", стоитъ несомнѣнно ниже таковыхъ же описаній нашихъ паломниковъ-писателей изъ духовныхъ лицъ, бывшихъ тамъ до и послѣ него, и замѣчательно лишь потому, что Василій Гагара первый изъ паломниковъ-писателей послѣ Трифона Коробей-

никова посѣтилъ Іерусалимъ, по минованіи нашего „смутнаго времени“, и, такъ сказать, возобновилъ сношенія русскихъ людей съ дорогою ихъ сердцу святынею“. Мы говорили уже, что довольно трудно рѣшать вопросъ о легковѣріи нашихъ паломниковъ, къ какому бы званію они ни принадлежали; отъ паломниковъ духовныхъ Гагара отличается развѣ отсутствіемъ обычныхъ цитатъ и воспоминаній изъ писанія; какъ человѣкъ менѣе книжный, онъ былъ и болѣе простъ въ передачѣ тѣхъ чудесъ, какія привелось ему слышать по дорогѣ.

По этой послѣдней чертѣ Гагара становится въ особенности интересенъ, какъ образчикъ средняго русскаго человѣка въ первой половинѣ XVII столѣтія. Судя по всему, это былъ не зауряднный дѣловой человѣкъ, достаточно книжный,—отсутствіе особыхъ литературныхъ достоинствъ въ его повѣствованіи то же, какъ у всѣхъ почти его предшественниковъ,—но онъ чрезвычайно любопытенъ первобытностью своихъ понятій. Не останавливаясь на томъ, въ какихъ варіантахъ представляются его показанія о достопримѣчательностяхъ святыхъ мѣстъ, сравнительно съ показаніями другихъ паломниковъ, приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ его легендарнаго міровоззрѣнія, гдѣ довѣрчивость къ разсказамъ „вожей“ была конечно типическою чертою почти всѣхъ безъ исключенія старыхъ паломниковъ.

Разсказъ Гагары съ самаго начала преисполненъ чудесами,—и надо жалѣть, что онъ не разсказываетъ о нихъ подробнѣе. Говоря о Тифлисѣ, онъ говоритъ, что „близъ тое рѣки Куры есть гора, а на ней просѣчены 4 окна болшіе, а жилъ въ той горѣ людоядъ, а ѣлъ на всякой день по человѣку“. У самаго Тифлиса оказываются знаменитые Гогъ и Магогъ, о которыхъ наша лѣтопись говорила еще съ XI вѣка, относя ихъ къ Югрѣ, а потомъ въ XIII вѣкѣ, предполагая за ними татаръ. Въ различныхъ варіантахъ разсказа Гагары, въ данномъ случаѣ происшедшихъ вѣроятно изъ его собственныхъ поправокъ и дополненій, такъ разсказывается объ этомъ чудесномъ предметѣ: „да въ той же грузинской земли есть межъ горъ щели, а въ тѣхъ щеляхъ заключены дверми желѣзными *цари* Гогъ и Магогъ, а заключилъ де ихъ судомъ божіимъ царь Александръ Македонскій“. Въ другой рукописи это топографическое пріуроченіе развито слѣдующими подробностями: „Да въ той же грузинской землѣ Башечютскою и Дадіямскою землею, межъ горами высокими снѣжными, и въ непроходимыхъ мѣстехъ есть щели земные, и въ нихъ загнаны *дивія звѣри* Гогъ и Магохъ, а загналъ тѣхъ звѣрей въ древнемъ законѣ царь Александръ Макидонскій. И мнози мнѣ о

тѣхъ звѣрехъ повѣдаша, что де недавно тѣ звѣри было, тотъ Гогъ и Магогъ, изъ тѣхъ щилей вонъ выдралися, и дадіянской де царь [1]) приходилъ со своею грузинскою землею и тѣ щили велѣлъ каменіемъ заваляти сверху горъ; а кои де были у тѣхъ щилей двери желѣзные, и тѣ двери въ землю ушли". Наконецъ, въ третьей рукописи читаемъ: „.....а въ тѣхъ щеляхъ заключены *звѣри* Гохи и Магохи, заключены желѣзными враты, кои писаны въ Апокалипсисѣ: они выдутъ при послѣднемъ времени. А заключены тѣ звѣри царемъ Александромъ Македонскимъ. А про тѣ щели мнѣ сказывали грузинской митрополитъ и архіепископъ: ходилъ де ихъ грузинецъ за зайцы съ собакою, и заецъ ушелъ въ тѣ щѣли, и за зайцемъ забѣжала собака. И тѣ было звѣри въ той пещерѣ тое собаку изъ щели начали хватати выбиватца, и отъ дверей внизу камень отбитъ, и тое собаку хотѣли ухватити, и собака завищала, и отъ нихъ ушла, и тѣ звѣри почали выдиратся; и тотъ грузинецъ подалъ вѣсть грузинцомъ и пришедъ тѣхъ звѣрей заклали великимъ каменіемъ. А въ прежнихъ годѣхъ тѣхъ звѣрей неслышетъ было, и въ двери не талкивалися".

Далѣе, Гагара сообщаетъ любопытныя свѣденія о горѣ Араратѣ. Въ одной рукописи говорится просто, что въ двухъ днищахъ (т.-е. дняхъ пути) отъ города Ровяни (Эривани) есть Араратскія горы, а на нихъ Ноевъ ковчегъ. Въ другой рукописи разсказывается подробнѣе: на порубежьи земли турской и кизилбашской (персидской) есть „горы арарацкія, а на нихъ снѣгъ лежитъ лѣто и зиму; а на тѣхъ горахъ стоитъ Ноевъ ковчегъ, и донынѣ на тѣхъ горахъ. Арарацкія же горы только двѣ; одна гора повыше, а другая—пониже; а около тѣхъ горъ иныя горы, тѣ и въ половину тѣхъ горъ нѣтъ. И многія армени и босурманы покусишася многажды на тѣ арарацкія горы взойти, и посмотрити Ноева ковчега; и какъ взойдутъ треть тоя горы, и на нихъ взойдетъ сонъ великъ; и какъ уснутъ, а ихъ Божіею силою снесетъ верстъ за 20, а иныхъ за 30, а ни единаго до полугоры не допуститъ взойти, а тѣ оби горы круглы и урядны зѣло. А видѣть тѣ горы изъ-за великихъ горъ днищъ за 50 и и болѣ; а кажется за 3 версты близностію". Въ третьей рукописи объясняется слѣдующее: „...гора Арарацкая, а на ней лежитъ все снѣгъ; а по верху тоя горы видети стоитъ Ноевъ ковчегъ, а потому его и знать, что концами стоитъ на двухъ горахъ, а промежъ тѣхъ горъ щиль велика, изъ тое щили толко того ковчега дно видѣти, понеже у ковчега дно черно, и на ков-

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о грузинскихъ князьяхъ Дадіани.

чегѣ снѣгъ же лежитъ той на горѣ. А гора Арарацкая велми высока, и мы до нее шли девять дней, и блиско является, а дойти не мошно".

Изъ дальнѣйшаго путешествія отмѣтимъ, что на него большое впечатлѣніе произвелъ Дамаскъ съ своими прекрасными садами: „овощія велми много всякаго, что ни есть на семъ свѣтѣ, нигдѣ таковаго града не обрѣлъ и такихъ садовъ". Объ Іерусалимѣ онъ замѣчаетъ: „А какъ будешь близъ Іерусалима и увидишъ святый градъ Іерусалимъ, и горы и холмы все кровавы".

Въ Іерусалимѣ его встрѣтили весьма гостепріимно. Его спросили: коей онъ вѣры и какой земли человѣкъ? „И я имъ сказа: вѣры христіанскіе, московскіе земли. И митрополитъ же о мнѣ многогрѣшнемъ возрадовася и вси греки, потому что опричь Трифона Коробейникова, да меня многогрѣшнаго раба, изъ такова изъ далнаго государства изъ христіанскіе вѣры не хто не бывалъ".

Само собою разумѣется, что въ Іерусалимѣ онъ старался высмотрѣть и вымѣрять все достопримѣчательное. Въ храмѣ Воскресенія онъ отмѣтилъ большое паникадило, „а подъ тѣмъ паникадиломъ есть пупъ земный" [1]).

Далѣе: „Да въ томъ же храмѣ есть щель, какъ человѣку пролѣсть головою, и въ той щели слышать зукъ, а тою щелію де сходилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во адъ; а глубина никому не вѣдома развѣ Бога" [2]).

О крестѣ Господнемъ онъ замѣчаетъ: „А подлинный крестъ, на коемъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, увезенъ въ нѣмцы, какъ былъ Іерусалимъ за нѣмцами"... О нѣмцахъ онъ упоминаетъ и въ другомъ мѣстѣ. Въ „старомъ Египтѣ" онъ смотрѣлъ, между прочимъ, палату, гдѣ жила Богородица съ Іисусомъ Христомъ во время бѣгства въ Египетъ отъ Ирода: описывая эту палату, нашъ путникъ замѣчаетъ: „а на коей доскѣ учился Господь нашъ Іисусъ Христосъ грамотѣ, и за ту доску по много лѣта нѣмцы давали казны много, и копты нѣмцомъ не продали, и нѣмцы тое доску украли и увезли къ себѣ", и такъ далѣе [3]).

---

[1]) Въ другой рукописи сказано: „подъ тѣмъ же паникадиломъ здѣланъ пупъ земной".

[2]) Въ другомъ варіантѣ прибавлено: „мнози было покушалися на испытаніе тоя пропасти и опускивали внизъ камень по веревкѣ на едину тысящу саженей, а домѣритца не могли; и называютъ тое щиль бездною".

[3]) Первое изданіе Гагары сдѣлано было Сахаровымъ (по двумъ рукописямъ). Сказанія русск. народа, т. II. Спб. 1849.

— Временникъ моск. Общ. исторіи и древностей; 1851, кн. X, стр. 14—23: Іерусалимское хожденіе, сообщ. І. М. (особый варіантъ).

Если въ сочиненіи Гагары мы видѣли разсказъ мірянина, отличающійся простодушнымъ и грубоватымъ реализмомъ стариннаго московскаго человѣка и безконечнымъ легковѣріемъ ко всему фантастическому, то въ путешествіи Іоны Маленькаго мы опять возвращаемся къ обычному типу паломниковъ, составленныхъ людьми, которые были болѣе знакомы съ писаніемъ, хотя, въ свою очередь, не мудрствовали лукаво. Его путешествіе продлилось три года, потому что патріархъ іерусалимскій Паисій, который обѣщалъ взять его съ собою въ Палестину, задержалъ его болѣе полутора года въ Яссахъ. Путь въ Іерусалимъ Іона сдѣлалъ моремъ, а возвращался до Царьграда сухимъ путемъ и оттуда опять плылъ Чернымъ моремъ [1]).

Въ одно время съ Іоной, выѣхалъ изъ Москвы съ патріархомъ Паисіемъ и Арсеній Сухановъ, авторъ извѣстнаго „Проскинитарія", игравшаго столь знаменательную роль въ преніяхъ о

— Почти сполна перепечатано по Сахарову, съ критическими примѣчаніями, въ статьѣ архим. Леонида: „Іерусалимъ, Палестина и св. Аѳонъ по русскимъ паломникамъ XIV—XVII вѣковъ", въ Чтеніяхъ, 1871, и отдѣльно.

— Житіе и хожденіе въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василія Яковлева Гагары 1634—1637 гг. Подъ редакціею С. О. Долгова (Палестинскій сборникъ, вып. 33, 1891).

По поводу легенды, занесенной въ путешествіе Гагары (Слово о кузнецѣ, иже молитвою сотвори воздвигнутися горѣ и поврещися въ Нилъ рѣку), см. у Веселовскаго, „Замѣтки по литературѣ и народной словесности", въ запискахъ Академіи наукъ, т. XLV. Спб. 1883,—о преніяхъ христіанъ съ іудеями.

[1]) Путешествіе Іоны издано было нѣсколько разъ:

— Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи іеродіакономъ Троицкой Лавры. М. 1836.

— Сказанія Сахарова, т. II. (Сахаровъ говоритъ, что печаталъ путешествіе Іоны по собственной рукописи, находящейся въ его библіотекѣ, впрочемъ, почти во всемъ сходной съ текстомъ Коркунова, но она „имѣетъ окончаніе, котораго недостаетъ въ двухъ спискахъ, бывшихъ у Коркунова". Архим. Леонидъ съ увѣренностію говорилъ, что это окончаніе сочинено было самимъ Сахаровымъ, а г. Долговъ полагалъ, что самое изданіе Сахарова составляетъ просто перепечатку Коркунова, потому что повторяетъ его случайныя особенности и типографскія ошибки).

— Архим. Леонидъ, „Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ по русскимъ паломникамъ XIV—XVII вѣковъ". Въ Чтеніяхъ, 1871, и отдѣльно.

— Хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго дьякона Троице-Сергіева монастыря, Іоны, по прозвищу Маленькаго, 1648—1652 (издаваемое впервые по полному списку). Спб. 1882 (изд. Общества люб. др. письменности).

— Повѣсть и сказаніе о похожденіи въ Іерусалимъ и въ Царьградъ Троицкаго Сергіева монастыря чернаго діакона Іоны, по реклому (должно быть: пореклому) Маленькаго, 1649—1652 гг. Подъ редакціею С. О. Долгова. (Палестинскій сборникъ, вып. 42, 1895).

вѣрѣ съ греками и въ вопросѣ объ исправленіи книгъ; о немъ мы имѣли случай говорить подробно [1]).

Историки литературы заносятъ въ разрядъ путешествій такія произведенія, какъ описаніе пути въ Китай Ивана Петрова и Бурнаша Елычева въ XVI столѣтіи, какъ разсказъ „О ходу въ персидское царство" московскаго гостя Ѳедота Котова при царѣ Михаилѣ, путешествіе въ Китай Байкова при царѣ Алексѣѣ (можно было бы присоединить путешествіе въ Китай Николая Спаѳарія и т. п.), но всѣ эти произведенія совсѣмъ не имѣли литературныхъ цѣлей: это были маршруты, составленные по оффиціальному порученію, иногда съ замѣтками о видѣнныхъ странахъ и людяхъ. Любознательность начинала однако проявляться, и въ старыхъ сборникахъ, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній о чужихъ земляхъ, помѣщались даже копіи статейныхъ списковъ, то-есть оффиціальныхъ отчетовъ русскихъ посланниковъ. Сами посланники, увлекаясь тѣмъ же любопытствомъ, нерѣдко весьма простодушнымъ, записывали и то, что̀ прямо не относилось къ ихъ дѣловымъ обязанностямъ, напримѣръ описывали театръ, — или можетъ быть думали, что и эти описанія должны найти мѣсто въ дѣловомъ отчетѣ [2]).

Типъ паломническаго хожденія достигъ до XVIII столѣтія. Паломники 1704 года, іеромонахи Макарій и Селивестръ многое взяли цѣликомъ изъ Трифона Коробейникова. Путешественникъ 1710—1711, московскій священникъ и старообрядецъ, Лукьяновъ, по всему характеру времени живѣе своихъ предшественниковъ, больше разсказываетъ своихъ впечатлѣній; книга его чрезвычайно оригинальна, но по своей непосредственности онъ не уступитъ Гагарѣ: въ Петровское время, это — вполнѣ человѣкъ XVI—XVII столѣтія. [3]).

Итакъ литература паломничества тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается со всѣмъ религіознымъ міровоззрѣніемъ древней Руси и въ его церковной формѣ, и въ формѣ церковно-народнаго преданія и апокрифической легенды.

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1894, сентябрь.

[2]) Указанія о подобныхъ описаніяхъ театра въ статейныхъ спискахъ, см. у Морозова, „Исторія русскаго театра". Спб. 1889, стр. 28—30.

[3]) Путешествіе въ святую землю старообрядца московскаго священника Іоанна Лукьянова. Въ царствованіе Петра Великаго. Москва 1862, 1864 (изъ „Русскаго Архива", т. I).

Иное, болѣе сознательное и критическое отношеніе къ изученію православнаго востока, принадлежитъ только позднѣйшему времени. Первымъ начинателемъ этого новаго изученія долженъ быть названъ знаменитый странствователь XVIII вѣка, Василій Барскій (1701—1747), но главнымъ образомъ эти изученія принадлежатъ XIX вѣку. Таковы были изслѣдованія А. Н. Муравьева, который между прочимъ въ первый разъ указалъ многіе паломники въ старыхъ рукописяхъ. Собраніе „Путешествій русскихъ людей" Сахарова было не малой заслугой для своего времени, хотя вообще его изданія были весьма мало критическія; и только въ послѣднее время начато правильное изданіе и изслѣдованіе старыхъ паломниковъ въ трудахъ Палестинскаго Общества. Съ другой стороны, историческое объясненіе паломничества пріобрѣтаетъ прочную почву въ расширяющемся все болѣе изученіи древней русской жизни, и въ частности отношеній древней Руси къ Востоку: таковы труды новѣйшихъ историковъ церкви и историковъ древней литературы; таковы были подвижническіе ученые труды епископа Порфирія и архимандрита Леонида, изслѣдованія Ѳ. И. Успенскаго, Малышевскаго, Каптерева; труды византинистовъ-археологовъ—Кондакова, Покровскаго и пр.; изысканія по древней и средневѣковой исторіи и топографіи Святыхъ Мѣстъ, въ трудахъ В. Г. Васильевскаго, А. Олесницкаго и др. (центромъ такихъ изысканій стало теперь Палестинское Общество); наконецъ изысканія въ области древней русской легенды и т. д. Какъ мы видѣли, въ „Палестинскомъ Сборникѣ" уже нашелъ мѣсто длинный рядъ старыхъ паломниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводятся въ извѣстность тѣ переводныя, обыкновенно съ греческаго, описанія святыхъ мѣстъ, Царяграда, Аѳона, Іерусалима, которыя служатъ дополненіемъ къ нашей собственной паломнической литературѣ: въ старыя времена подобныя произведенія могли быть руководствомъ для нашихъ странниковъ.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ САНДОРА ПЕТЕФИ

Съ венгерскаго.

I.

Страна, гдѣ золотомъ на солнцѣ блещутъ нивы,
Ты помнишь ли меня? Здѣсь нѣкогда, счастливый,
На скакунѣ моемъ носился вихремъ я...
О, милый край родной, узнай свое дитя!

Подъ тѣнью тополей, уединясь порою,
Нерѣдко грезилъ я тревожною душою,
Слѣдя, какъ осенью къ теплу чужой земли
Станицей по небу тянулись журавли...

Давно прошли часы тяжелаго прощанья,
Когда я отчій домъ покинулъ для скитанья,
И горькое „прости", и матери мольбы
Развѣялъ вѣтеръ злой безжалостной судьбы...

Все, все давно прошло!.. Настойчивый безъ мѣры,
За колесомъ судьбы я гнался, полный вѣры...
Но годы шли чредой!.. Я возмужалъ потомъ,
И все туманилось, мертвѣло все кругомъ!..

О, какъ обширенъ міръ! онъ служитъ людямъ школой
Заботъ, страданья, слезъ и горести тяжелой,
Дороги всѣ ведутъ по мрачнымъ пустырямъ,—
Лишь верескъ и кусты растутъ уныло тамъ.

Я это испыталъ!.. Сомнѣнья и печали
Нуждѣ и опыту жестоко научали,
Припавъ порой къ волнѣ житейскаго ручья,
Молилъ лишь объ одномъ, молилъ о смерти я...

Но мимо, мимо все! Восторженныя слезы,
Какъ радости лучи, смягчатъ былыя грозы!
Я снова юнъ теперь!.. Пускай умчатся вдаль
Воспоминанія и прежняя печаль!

Пускай летятъ туда съ тяжелою тоскою,
Гдѣ грудью вскормленъ я любимой и родною,—
Туда, въ отечество, гдѣ солнца лучъ, блестя,
Ласкаетъ вновь меня, свое дитя!

II.

СВИДАНІЕ.

Я въ нетерпѣніи весь путь
    Раздумывалъ о томъ,
Какъ упаду родной на грудь,
    Пріѣхавъ въ отчій домъ,—
Какъ рѣчи полныя любви
    Начну я ей шептать,
Когда объятія свои
    Ко мнѣ протянетъ мать...
Какъ сожалѣлъ я, что не могъ
    Часовъ ускорить ходъ!
Казалось мнѣ, что мой возокъ
    Не движется впередъ...
И вотъ я дома... Легкій крикъ...
    Бѣжитъ на встрѣчу мать...
И позабылъ я въ этотъ мигъ
    Все, что̀ хотѣлъ сказать!..

III.

ЧЕРНЫЙ ХЛѢБЪ.

Грустишь ты, матушка, о томъ,
Что черенъ хлѣбъ въ дому твоемъ.
Родная, твой сынокъ, повѣрь,
Ѣдалъ вкуснѣе, чѣмъ теперь.
Но вкусенъ хлѣбъ, хотя бъ сухой,
Коль данъ онъ любящей рукой...
Такъ вѣрь же, матушка, тому,
Что здѣсь съ тобой въ родномъ дому
И черный хлѣбъ вкуснѣе мнѣ,
Чѣмъ бѣлый,—тамъ, въ чужой странѣ!

В. Мазуркевичъ.

КАПИТАЛИЗМЪ

въ

ДОКТРИНѢ МАРКСА

II *).

Для того, чтобы капиталисты могли извлекать изъ рабочей силы „прибавочную цѣнность", необходимы два условія: во-первыхъ, существованіе значительнаго числа свободныхъ работниковъ, не имѣющихъ за собою ничего другого, кромѣ личной способности къ труду, и во-вторыхъ, принадлежность средствъ и орудій производства особому классу лицъ, покупателей рабочей силы. Оторванные отъ средствъ и орудій труда, рабочіе получаютъ свою долю въ продуктѣ въ видѣ заработной платы, а производимые ими товары приносятъ капиталистамъ чистый доходъ, который распредѣляется затѣмъ между различными классами общества, въ видѣ предпринимательской прибыли, процента съ капитала и поземельной ренты. Производство, основанное на отдѣленіи рабочей силы отъ средствъ и орудій труда, называется капиталистическимъ [1]); оно дѣлается возможнымъ только послѣ освобожденія и обезземеленія крестьянъ, въ связи съ отмѣною цеховъ и корпорацій.

Очерки послѣдовательнаго развитія новѣйшей крупной про-

*) См. выше: іюль, стр. 357 и слѣд.

[1]) Слово „капитализмъ" не употребляется Марксомъ; оно пущено въ ходъ Шеффле и сдѣлалось популярнымъ въ нѣмецкой литературѣ, но нигдѣ оно не пользуется такимъ общепризнаннымъ правомъ гражданства, какъ у насъ.

мышленности, или такъ называемаго „капиталистическаго производства“, составляютъ самую цѣнную—вѣрнѣе сказать, единственно цѣнную—часть книги Маркса. Яркія описанія и характеристики существующихъ или постепенно измѣняющихся формъ промышленнаго строя и движенія наиболѣе удаются автору „Капитала“; но теоретическія обобщенія и заключенія, дѣлаемыя изъ этихъ описаній и характеристикъ, по обыкновенію, крайне сбивчивы и не выдерживаютъ критики, какъ увидимъ ниже.

„Природа,—говоритъ Марксъ, — не производитъ на одной сторонѣ владѣльцевъ денегъ или товаровъ, а на другой—простыхъ обладателей собственныхъ рабочихъ силъ. Это отношеніе — не естественно-историческое, и столь же мало имѣетъ оно такой общественный характеръ, который былъ бы свойственъ всѣмъ историческимъ періодамъ. Оно само составляетъ, очевидно, результатъ предшествовавшаго историческаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, распаденія цѣлаго ряда старѣйшихъ формъ общественнаго производства“. Капиталъ „возникаетъ только тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ производства и существованія находитъ уже на рынкѣ свободнаго работника, какъ продавца своей рабочей силы, и это одно историческое условіе обнимаетъ цѣлую міровую исторію. Капиталъ поэтому съ самаго начала возвѣщаетъ собою новую эпоху общественнаго процесса производства“. Работники производили извѣстные продукты разрозненно, изъ своего собственнаго матеріала и при помощи своихъ собственныхъ орудій; капиталъ соединяетъ ихъ подъ своей командою, дѣлаетъ для нихъ излишними самостоятельныя орудія и средства производства, вводитъ болѣе сложное и точное раздѣленіе труда, превращаетъ частный разрозненный трудъ въ общественный, собирательный. Первая ступень этого капиталистическаго производства — мануфактура, представляющая въ своихъ зачаткахъ только расширенную мастерскую цехового ремесленнаго мастера. Комбинація многихъ рабочихъ силъ, занятыхъ въ одномъ и томъ же промышленномъ дѣлѣ, не только усиливаетъ производительность труда и вызываетъ большую экономію въ затратахъ на орудія и средства производства, но создаетъ еще особую производительную силу, отличную отъ суммы производительности отдѣльныхъ рабочихъ. Сто работниковъ, трудящихся отдѣльно, произведутъ гораздо меньше продуктовъ, чѣмъ тѣ же сто работниковъ, соединенныхъ для совмѣстнаго труда по опредѣленному плану. „Капиталистъ уплачиваетъ цѣнность ста отдѣльныхъ рабочихъ силъ, но онъ ничего не платитъ за комбинированную работу этихъ ста рабочихъ. Работники, какъ независимыя

отдѣльныя лица, вступаютъ въ извѣстныя отношенія къ одному и тому же капиталу, но не между собою. Кооперація ихъ начинается только въ трудовомъ процессѣ, въ которомъ они перестаютъ уже принадлежать самимъ себѣ. Со вступленіемъ въ этотъ процессъ производства, они дѣлаются принадлежностью капитала. Какъ работающіе совмѣстно, какъ члены производительнаго организма, они являются лишь особыми формами существованія капитала. Производительная сила, которую проявляетъ рабочій въ качествѣ общественнаго работника, есть поэтому производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ только рабочіе поставлены въ извѣстныя условія,—а капиталъ ставитъ ихъ въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила ничего не стоитъ капиталу, и такъ какъ, съ другой стороны, она проявляется работникомъ лишь послѣ подчиненія его капиталу въ качествѣ его принадлежности, то она оказывается производительною силою, которою капиталъ обладаетъ по природѣ,—постоянно присущею ему производительною силою" [1]). Съ развитіемъ коопераціи наемныхъ рабочихъ устанавливается распорядительная власть капитала, какъ необходимое условіе для выполненія трудового процесса, какъ условіе самого производства. „Власть капитала на полѣ производства дѣлается столь же неизбѣжною, какъ власть полководца на полѣ сраженія. Всякая общественная или совмѣстная работа въ большихъ размѣрахъ нуждается болѣе или менѣе въ управленіи, которое поддерживаетъ гармонію индивидуальныхъ дѣйствій и исполняетъ общія функціи, вытекающія изъ движенія общаго производительнаго организма въ отличіе отъ движеній его самостоятельныхъ органовъ. Отдѣльный скрипачъ самъ собою управляетъ, оркестръ нуждается въ капельмейстерѣ. Эта функція руководительства, надзора и посредничества дѣлается функціею капитала, какъ только подвластный ему трудъ становится кооперативнымъ. Какъ особая функція капитала, функція надзора получаетъ свои особыя характерныя черты... Но капиталистъ не потому считается

[1]) Мысль о томъ, что въ заработной платѣ заключается вознагражденіе только за работу отдѣльныхъ лицъ, а не за общіе результаты ихъ совмѣстнаго труда, высказана была весьма ярко Прудономъ, на котораго Марксъ, однако, не ссылается въ этомъ случаѣ. См. „Qu'est ce que la propriété", par Proudhon, Premier Mémoire. Paris, 1849, стр. 100 и др. Но Прудонъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что плоды коопераціи не могутъ принадлежать ни капиталистамъ, ни самимъ работникамъ въ отдѣльности, тогда какъ Марксъ остается при своемъ взглядѣ на „прибавочную цѣнность", какъ на продуктъ добавочнаго труда отдѣльныхъ рабочихъ, забывая свои собственныя замѣчанія объ особой „общественной производительной силѣ" комбинированной работы многихъ лицъ.

капиталистомъ, что онъ промышленный руководитель, а наоборотъ, онъ выступаетъ въ роли промышленнаго руководителя потому, что онъ капиталистъ. Высшее начальство въ промышленности дѣлается аттрибутомъ капитала, подобно тому, какъ въ эпоху феодализма главное начальство на войнѣ и въ судѣ было аттрибутомъ поземельной собственности". Общественная производительная сила труда, порождаемая коопераціею, представляется производительною силою самого капитала; точно такъ же сама кооперація является лишь специфическою формою капиталистическаго процесса производства, въ противоположность производству отдѣльныхъ независимыхъ рабочихъ или мелкихъ мастеровъ. Это первая перемѣна, которую испытываетъ дѣйствительный процессъ работы вслѣдствіе своего подчиненія капиталу. Эта перемѣна совершается естественно, сама собою. Ея предположеніе—одновременная работа большого числа наемныхъ рабочихъ въ одномъ и томъ же трудовомъ процессѣ—составляетъ исходную точку капиталистическаго производства. Этотъ исходный пунктъ совпадаетъ съ самымъ существованіемъ капитала. Если поэтому капиталистическій способъ производства представляетъ собою, съ одной стороны, историческую необходимость для превращенія трудового процесса въ процессъ общественный, то съ другой стороны эта общественная форма трудового процесса оказывается только средствомъ, употребляемымъ капиталистами для извлеченія наибольшихъ выгодъ изъ наемнаго труда возвышеніемъ его производительной силы.

Мануфактура есть классическое воплощеніе коопераціи, основанной на раздѣленіи труда. Какъ характеристическая форма капиталистическаго процесса производства, она господствуетъ въ теченіе всего собственно мануфактурнаго періода, который приблизительно продолжается отъ половины XVI-го вѣка до послѣдней трети XVIII-го. Мануфактура вводитъ раздѣленіе труда или развиваетъ его дальше; или же она объединяетъ ремесла, существовавшія раньше самостоятельно,—въ томъ и другомъ случаѣ она приводитъ къ созданію производственнаго механизма, органами котораго служатъ люди. Раздѣленіе труда въ мануфактурномъ производствѣ превращаетъ человѣка въ простое орудіе спеціальной частичной работы, отнимаетъ у него способность произвести что-нибудь цѣльное, самостоятельное, и закрѣпляетъ за нимъ значеніе безличной и безсильной принадлежности промышленнаго заведенія, устроеннаго и направляемаго капиталистомъ. Техническія познанія, предусмотрительность и энергія, которыя въ извѣстной степени развивались прежде въ независимомъ реме-

сленникѣ или земледѣльцѣ, требуются теперь только для завѣдыванія цѣлою мастерскою. Умственныя силы производства расширяютъ свой масштабъ на одной сторонѣ, тогда какъ на многихъ сторонахъ онѣ исчезаютъ. Чтò теряютъ частичные работники, то сосредоточивается теперь противъ нихъ въ капиталѣ. Мануфактурное дѣленіе труда противопоставляетъ рабочимъ духовные элементы матеріальнаго производственнаго процесса въ качествѣ чужой собственности и господствующей надъ ними власти. Этотъ процессъ раздѣленія начинается въ простой коопераціи, гдѣ капиталистъ олицетворяетъ собою единство и волю общественнаго рабочаго организма по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ. Онъ развивается въ мануфактурѣ, которая уродуетъ работника, низводя его на степень безсмысленнаго частичнаго рабочаго. Онъ завершается въ крупной промышленности, отдѣляющей науку отъ труда въ видѣ особой производительной силы и заставляющей ее служить капиталу. Такъ какъ ремесленное искусство спеціальныхъ рабочихъ остается основою мануфактуры, и дѣйствующій въ ней совокупный механизмъ не обладаетъ своимъ собственнымъ, независимымъ отъ работниковъ объективнымъ строемъ, то капиталъ постоянно борется съ непокорностью рабочихъ. Капиталистамъ не удается овладѣть всѣмъ свободнымъ временемъ мануфактурныхъ рабочихъ; предпріятія недолговѣчны и часто перемѣщаются изъ одной мѣстности въ другую, въ зависимости отъ выселенія или переселенія рабочихъ. Дѣятели промышленности и представители ихъ въ литературѣ настойчиво заявляютъ о необходимости водворить прочный порядокъ въ производствѣ. Желанный порядокъ водворяется прежде всего въ ткацко-прядильной промышленности, благодаря изобрѣтенію Аркрайта. Примѣненіе силы пара кладетъ затѣмъ начало крупному машинному производству. Мануфактура не могла ни обнять общественное производство во всемъ его объемѣ, ни преобразовать его въ глубинѣ. Она возвышалась, какъ продуктъ экономическаго искусства, на широкой основѣ городского ремесла и сельскаго домашняго промысла. Ея узкій техническій фундаментъ, при извѣстномъ уровнѣ промышленнаго развитія, впалъ въ противорѣчіе съ созданными ею же потребностями производства. Однимъ изъ ея наиболѣе совершенныхъ проявленій было производство рабочихъ орудій и особенно сложныхъ механическихъ аппаратовъ, вошедшихъ уже въ употребленіе. Этотъ продуктъ мануфактурнаго дѣленія труда произвелъ, въ свою очередь, машины. Послѣднія упраздняютъ ремесленную дѣятельность, какъ регулирующій принципъ общественнаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ, съ одной сто-

роны, техническое основаніе для пожизненнаго прикрѣпленія рабочаго къ отдѣльной частичной функціи, а съ другой стороны, рушатся преграды, которыя тотъ же принципъ ставилъ господству капитала.

Преобразованіе системы производства беретъ за исходную точку въ мануфактурѣ—рабочую силу, а въ крупной промышленности—орудіе работы. Всякое развитое машинное устройство предполагаетъ, во-первыхъ, двигательную машину, во-вторыхъ, механизмъ для передачи движенія, и въ-третьихъ, рабочую машину, исполняющую собственно то, что̀ требуется для производства и что̀ прежде дѣлалось руками человѣка. Обѣ первыя части механизма существуютъ лишь для приведенія рабочей машины въ движеніе, чтобы она захватывала и цѣлесообразно измѣняла предметъ трудового процесса. Рабочая машина именно и производитъ промышленный переворотъ XVIII-го вѣка; она всегда и до сихъ поръ образуетъ исходный пунктъ при переходѣ какого-нибудь ремесленнаго или мануфактурнаго производства въ машинное. Машина замѣняетъ работу отдѣльнаго человѣка, дѣйствующаго однимъ орудіемъ, цѣлою системою движеній многихъ одинаковыхъ или однородныхъ инструментовъ, направляемыхъ одною центральною двигательною силою. На мѣсто отдѣльной машины выступаетъ механическое чудовище, тѣломъ котораго наполняются обширныя фабричныя зданія, и котораго демоническая сила, сначала скрытая въ размѣренныхъ и почти торжественныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, прорывается въ бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ, собственно рабочихъ, органовъ. Средства и орудія труда получаютъ въ машинномъ устройствѣ такую матеріальную форму существованія, которая обусловливаетъ замѣну человѣческой силы силами природы, а испытанной рутины—сознательнымъ примѣненіемъ естественныхъ наукъ. Въ мануфактурѣ строй общественнаго трудового процесса—чисто субъективный, имѣя характеръ комбинаціи частичныхъ рабочихъ; въ машинной системѣ крупная промышленность имѣетъ вполнѣ объективный производственный организмъ, въ которомъ рабочій находитъ готовое матеріальное условіе производства. Въ простой и даже въ усовершенствованной раздѣленіемъ труда коопераціи вытѣсненіе отдѣльнаго рабочаго общественнымъ (обобществленнымъ, по терминологіи Маркса) все еще представляется болѣе или менѣе случайнымъ; машины, за немногими исключеніями, дѣйствуютъ только при помощи „обобществленнаго“ или совокупнаго труда. Кооперативный характеръ трудового процесса

предписывается теперь, какъ техническая необходимость, самою природою трудового средства или орудія.

Введеніе машинъ уменьшаетъ запросъ на мускульную силу, но побуждаетъ привлечь къ участію въ промышленномъ трудѣ рабочихъ съ неокрѣпшею тѣлесною организаціею и съ болѣе гибкими членами. Работа женщинъ и дѣтей была первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ. Могучіе замѣстители труда и рабочихъ, машинныя орудія производства, превратились тотчасъ въ средство включить въ число наемныхъ рабочихъ всѣхъ членовъ рабочихъ семействъ, безъ различія пола и возраста, и подчинить ихъ непосредственному владычеству капитала. Принудительный трудъ въ пользу капиталиста занялъ мѣсто не только дѣтскихъ игръ, но также свободной работы въ домашнемъ кругу, на почвѣ нравственныхъ традицій, для пользы самой семьи. Договорныя отношенія между капиталистомъ и рабочимъ измѣняются кореннымъ образомъ. Капиталистъ имѣетъ дѣло уже не съ свободными и самостоятельными работниками, какъ прежде; онъ покупаетъ теперь несовершеннолѣтнихъ. Рабочій отдавалъ прежде свою рабочую силу, которою располагалъ въ качествѣ человѣка, формально независимаго; теперь онъ продаетъ жену и дѣтей,— онъ дѣлается торговцемъ невольниками. Подчиняя капиталу недоступные ему прежде слои рабочаго класса и въ то же время освобождая значительное число вытѣсненныхъ машиною рабочихъ, машинное производство создаетъ избыточное рабочее населеніе, которому капиталъ можетъ диктовать свои законы. Отсюда тотъ экономическій парадоксъ, что могущественнѣйшее средство для сокращенія рабочаго времени становится вѣрнѣйшимъ средствомъ для превращенія всей жизни работника и его семьи въ подвластное капиталу рабочее время. Орудіе работы, въ видѣ машины, дѣлается тотчасъ же конкуррентомъ самого рабочаго. Рабочій утрачиваетъ свою цѣнность, подобно вышедшимъ изъ обращенія бумажнымъ деньгамъ. Гдѣ машина постепенно захватываетъ поле производства, тамъ она вызываетъ хроническое бѣдствіе въ соперничающемъ съ нею слоѣ рабочаго населенія. Гдѣ переходъ совершается быстро, тамъ она дѣйствуетъ круто и рѣзко. Всемірная исторія не знаетъ болѣе ужаснаго зрѣлища, чѣмъ постепенное, тянущееся десятилѣтія и закрѣпленное, наконецъ, въ 1838 году исчезновеніе англійскихъ ручныхъ ткачей. Многіе изъ нихъ умерли съ голоду, многіе долго прозябали съ своими семьями на ничтожную ежедневную плату. Въ Остъ-Индіи дѣйствіе англійскаго машиннаго хлопчатобумажнаго производства было болѣе острое: „кости ручныхъ ткачей,—какъ писалъ оттуда

вице-король въ половинѣ тридцатыхъ годовъ,—покрываютъ собою равнины Индіи". Орудіе работы убиваетъ рабочаго.

Чрезмѣрное, усиливающееся скачками, расширѣніе фабричнаго производства и его зависимость отъ мірового рынка неизбѣжно порождаютъ лихорадочное развитіе промышленныхъ предпріятій, переполненіе рынковъ товарами и недостатокъ соотвѣтственнаго спроса. Жизнь промышленности превращается въ рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризисовъ и застоя. Необезпеченность и непостоянство въ занятіяхъ и въ существованіи рабочаго, благодаря машинному производству, дѣлаются нормальными при этой смѣнѣ періодовъ промышленнаго круговорота. Между капиталистами ведется горячая борьба за индивидуальное положеніе ихъ на рынкѣ. Соперничество приводитъ къ дальнѣйшему усовершенствованію машинъ, къ удешевленію продуктовъ и къ болѣе энергическому угнетенію рабочихъ. Мануфактура, основанная на раздѣленіи ремесленнаго труда, упраздняется, и всѣ области промышленности преобразовываются на новыхъ началахъ, при помощи научной техники. Эксплуатація рабочихъ силъ распространяется далеко за предѣлы собственнаго рабочаго персонала фабричныхъ и мануфактурныхъ заведеній. Домашніе промыслы въ селахъ и городахъ включаются въ общее движеніе капиталистическаго производства, въ качествѣ внѣшнихъ департаментовъ фабрики, мануфактуры или товарнаго магазина. Кромѣ ремесленниковъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ, собранныхъ въ крупныхъ мастерскихъ подъ непосредственнымъ управленіемъ капитала, капиталисты невидимыми нитями приводятъ въ движеніе другую армію—домашнихъ и кустарныхъ рабочихъ, разсѣянныхъ въ большихъ городахъ и въ деревняхъ.

Современная крупная промышленность не знаетъ остановки въ своемъ развитіи;—ни одной существующей формы производственнаго процесса она не считаетъ окончательною. Ея техническая основа имѣетъ по существу революціонный характеръ, тогда какъ всѣ прежніе способы производства были консервативны. Своими машинами, химическими процессами и другими методами она постоянно опрокидываетъ, вмѣстѣ съ техническою основою производства, прежнія функціи рабочихъ и общественныя комбинаціи трудового процесса. Она постоянно переворачиваетъ существующее раздѣленіе труда внутри общества и непрерывно бросаетъ капиталы и массы рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Природа крупной промышленности обусловливаетъ поэтому перемѣну работы, непостоянство функцій,

всестороннюю подвижность работника. Въ то же время она воспроизводитъ въ капиталистической формѣ старое раздѣленіе труда съ его отвердѣвшими частностями. Всякое спокойствіе, прочность и увѣренность быта рабочихъ исчезаютъ; капиталъ постоянно грозитъ вырвать изъ ихъ рукъ орудія труда, и слѣдовательно средства къ жизни, и сдѣлать ихъ самихъ излишними. Необычайная растрата рабочихъ силъ и опустошительное дѣйствіе общественной анархіи въ промышленномъ производствѣ даютъ себя чувствовать все рѣзче и сильнѣе. Но если перемѣнчивость работы дѣйствуетъ теперь съ неодолимою силою закона природы, то крупная промышленность своими собственными катастрофами дѣлаетъ вопросомъ жизни и смерти признаніе перемѣны работы и слѣдовательно возможной многосторонности работника всеобщимъ общественнымъ закономъ производства, и обстоятельства должны приспособляться къ нормальному осуществленію этого закона. Для крупной промышленности является вопросомъ жизни и смерти, чтобы чудовищное положеніе бѣдствующей, оставляемой въ резервѣ для перемѣнчивыхъ потребностей капитала рабочей массы было замѣнено подготовленностью рабочихъ силъ къ измѣняющимся условіямъ труда; чтобы частичныя личности, простыхъ носителей спеціальной общественной функціи, замѣнить всесторонне развитыми людьми, для которыхъ различныя общественныя функціи были бы только смѣняющимися способами дѣятельности. На почвѣ крупной промышленности возникаетъ потребность политехническихъ и агрономическихъ школъ, равно какъ и профессіональныхъ училищъ, гдѣ дѣти рабочихъ получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по технологіи и обучаются искусству пользованія различными орудіями производства. Фабричное законодательство вынудило у капитала элементарное обученіе рабочихъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что технологическое образованіе, теоретическое и практическое, завоюетъ со временемъ свое мѣсто въ рабочихъ школахъ [1]). Мелочная спеціализація ремесленныхъ знаній и занятій потеряла уже смыслъ; пословица — „ne sutor ultra crepidam!“ — эта квинтъ-эссенція ремесленной мудрости, сдѣлалась страшною глупостью съ тѣхъ поръ, какъ часовой мастеръ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину, цирюльникъ Аркрайтъ

[1]) Марксъ говоритъ, что это будетъ достигнуто только послѣ „неминуемаго завоеванія политической власти рабочимъ классомъ“; онъ не замѣчалъ и не предвидѣлъ тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые краснорѣчиво доказываютъ, что и теперь техническое и общее образованіе можетъ считаться доступнымъ значительной части рабочаго класса въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя никакихъ соціальныхъ переворотовъ въ этихъ странахъ не происходило.

—ткацкій станокъ, ювелирный рабочій Фультонъ — пароходъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ распространенія фабричнаго законодательства на различныя отрасли промышленнаго труда, разрозненные трудовые процессы все болѣе поглощаются сложными и крупными предпріятіями; капиталы сосредоточиваются, и фабричная система пріобрѣтаетъ безраздѣльное владычество. Разрушаются старинныя и переходныя формы, за которыми еще отчасти скрывалось господство капитала, и замѣняются прямымъ, откровеннымъ его господствомъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ мелкаго промысла и домашней работы истребляются послѣднія убѣжища „избыточныхъ" рабочихъ, представлявшія еще клапанъ безопасности для всего общественнаго механизма. Въ области земледѣлія крупная промышленность дѣйствуетъ наиболѣе революціоннымъ образомъ, уничтожая оплотъ стараго общества—крестьянина,—и вытѣсняя его наемнымъ рабочимъ. Экономическія условія сельской жизни уравниваются съ городскими. На мѣсто обычнаго, лѣнивѣйшаго и неразумнѣйшаго производства, вступаетъ въ силу сознательное техническое примѣненіе науки. Капиталистическій способъ производства довершаетъ разрывъ первоначальнаго родственнаго союза между земледѣліемъ и мануфактурою, объединявшаго дѣтски неразвитыя формы обѣихъ отраслей промышленности. Въ земледѣліи, какъ и въ мануфактурѣ, капиталистическое преобразованіе производства является въ то же время процессомъ гибели производителя, при чемъ орудіе труда служитъ средствомъ угнетенія, эксплуатаціи и обѣднѣнія работника, а общественная комбинація трудовыхъ процессовъ—организованною формою подавленія его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности. Разбросанность сельскихъ рабочихъ отнимаетъ у нихъ силу сопротивленія, между тѣмъ какъ сосредоточеніе городскихъ рабочихъ даетъ имъ возможность борьбы. Всякій успѣхъ капиталистическаго земледѣлія есть успѣхъ въ искусствѣ не только обездоливать работника, но и грабить самую землю; всякій прогрессъ въ увеличеніи плодородія почвы на извѣстный срокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ въ разрушеніи постоянныхъ источниковъ этого плодородія. Чѣмъ болѣе какая-нибудь страна отдается развитію крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе идетъ этотъ процессъ разрушенія. Капиталистическое производство развиваетъ такимъ образомъ технику и организацію общественнаго производственнаго процесса, подрывая первые источники всякаго богатства—землю и работника.

Борьба между соперничающими капиталистами ведется путемъ удешевленія товаровъ; дешевизна достигается лишь при увеличеніи

размѣровъ производства и при болѣе крупныхъ затратахъ на усовершенствованіе машинъ. Побѣда поэтому всегда остается за крупнѣйшимъ капиталомъ. Наименьшій размѣръ капитала, необходимаго для успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія, все болѣе и болѣе возростаетъ; менѣе значительные капиталы по неволѣ бросаются въ отрасли производства, недостаточно еще затронутыя крупною промышленностью. Конкурренція свирѣпствуетъ тамъ съ особенною силою, и она всегда кончается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ и переходомъ ихъ капиталовъ въ руки побѣдителя. Въ связи съ этою борьбою образуется и крѣпнетъ совершенно новая сила—кредитная. Она не только дѣлается могучимъ оружіемъ конкурренціи, но стягиваетъ невидимыми нитями разсѣянныя въ обществѣ въ бо̀льшихъ или меньшихъ массахъ денежныя средства въ руки индивидуальныхъ или соединенныхъ капиталистовъ. Это спеціальная машина для сосредоточенія капиталовъ. Капиталы, непрерывно вновь создаваемые доходностью промышленныхъ предпріятій, прогрессивно расширяютъ капиталистическое производство, захватываютъ все новыя отрасли народнаго труда и постоянно измѣняютъ общія условія всего производственнаго процесса. Примѣненіе все новыхъ машинъ отражается на составѣ и дѣйствіи старыхъ капиталовъ: все бо̀льшія доли ихъ затрачиваются на орудія и средства производства, все меньшія—на рабочую силу. Такимъ образомъ, съ одной стороны, образуемые путемъ накопленія прибылей дополнительные капиталы привлекаютъ все меньшее число рабочихъ, сравнительно съ своими размѣрами, а съ другой—старые капиталы отталкиваютъ отъ себя все большее количество занятыхъ ими прежде рабочихъ. Капиталистическое накопленіе, соотвѣтственно своей энергіи и своему объему, производитъ относительный избытокъ рабочаго населенія; избытокъ этотъ то увеличивается, то уменьшается, въ зависимости отъ роста капиталовъ, отъ степени захвата ими новыхъ отраслей промышленности и отъ перемѣнъ въ техническихъ способахъ производства. „Это законъ народонаселенія, свойственный спеціально капиталистической системѣ производства, — такъ какъ въ дѣйствительности каждая историческая форма производства имѣетъ свой особый, исторически обязательный для нея законъ народонаселенія. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ, насколько въ дѣло не вмѣшивается человѣкъ“.

Будучи необходимымъ продуктомъ развитія промышленнаго богатства на капиталистической основѣ, избыточное рабочее населеніе дѣлается въ свою очередь рычагомъ дальнѣйшаго накоп-

ленія капиталовъ и даже условіемъ существованія капиталистическаго производства; оно составляетъ промышленную резервную армію, которая столь же безусловно принадлежитъ капиталу, какъ еслибы онъ выростилъ ее на свой собственный счетъ. Эта армія даетъ всегда готовый человѣческій матеріалъ для потребностей крупной промышленности, которая періодически предъявляетъ усиленный спросъ на большія массы рабочихъ силъ. Характеристическій жизненный круговоротъ современной индустріи, въ видѣ десятилѣтняго цикла періодовъ средняго благосостоянія, процвѣтанія, кризиса и застоя, основывается на постоянномъ образованіи, болѣе или менѣе значительномъ поглощеніи и затѣмъ опять возстановленіи промышленной резервной арміи или избыточнаго населенія. Перемѣны промышленнаго движенія вызываютъ и поощряютъ увеличеніе этой арміи. Внезапное, порывистое расширеніе производства имѣетъ своимъ послѣдствіемъ внезапное его сокращеніе; послѣднее опять порождаетъ порывы къ расширенію, а это расширеніе было бы невозможно безъ свободной массы рабочихъ, независимой отъ границъ дѣйствительнаго роста населенія. Резервная рабочая армія отдѣляется отъ активной благодаря тѣмъ условіямъ, которыя постоянно „освобождаютъ“ рабочихъ и превращаютъ часть занятыхъ рабочихъ силъ въ незанятыя или полузанятыя. Конкурренція многочисленнаго резерва оказываетъ давленіе на активныхъ рабочихъ, вынуждая ихъ къ чрезмѣрной работѣ и къ полному подчиненію капиталистамъ. Одна часть рабочаго класса обрекается на невольное бездѣйствіе, тогда какъ другая эксплуатируется до изнуренія. Съ распространеніемъ капиталистическаго производства на земледѣліе, дѣйствующіе въ этой области капиталы безусловно сокращаютъ спросъ на сельское рабочее населеніе, не обращаясь уже затѣмъ къ обратному призыву рабочихъ силъ, какъ это происходитъ въ другихъ сферахъ промышленности. Поэтому часть сельскаго населенія постоянно пребываетъ въ переходномъ состояніи, перемѣщаясь постепенно въ городскіе или мануфактурные центры. Эта струя прибавочнаго рабочаго населенія притекаетъ непрерывно; но ея постоянное теченіе предполагаетъ въ сельскихъ округахъ страны всегдашнюю наличность скрытаго избытка населенія, объемъ котораго обнаруживается лишь въ случаяхъ исключительно широкаго открытія выходныхъ каналовъ. Сельскій наемный рабочій при такихъ условіяхъ долженъ довольствоваться минимальною заработною платою и всегда стоитъ одною ногою въ болотѣ пауперизма. Избыточное населеніе образуетъ перемѣнную часть активной рабочей арміи, получая работу весьма неправильно, на

болѣе или менѣе краткіе сроки, такъ что капиталъ всегда располагаетъ здѣсь чрезвычайно значительною массою скрытой рабочей силы. Ея матеріальный бытъ гораздо ниже средняго нормальнаго уровня рабочаго класса, и именно это дѣлаетъ ее широкою основою дальнѣйшаго роста капиталистической эксплуатаціи.

Наконецъ, наиболѣе глубокій осадокъ относительныхъ излишковъ населенія входитъ въ сферу пауперизма. Пауперизмъ есть какъ бы инвалидный домъ активной рабочей арміи и мертвый балластъ промышленнаго рабочаго резерва. Относительная величина резервной рабочей арміи возростаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ богатства. Чѣмъ больше численность резервовъ сравнительно съ активною рабочею арміею, тѣмъ значительнѣе общая масса той части рабочаго класса, бѣдствія которой обратно пропорціональны усиліямъ и мукамъ труда, и слѣдовательно, тѣмъ многочисленнѣе армія оффиціальнаго пауперизма. Таковъ безусловный, всеобщій законъ капиталистическаго накопленія. Рабочій классъ не можетъ сознательно приспособлять свою численность къ производственнымъ потребностямъ капитала, какъ проповѣдывали многіе экономисты; напротивъ, самый механизмъ капиталистическаго производства и накопленія постоянно приспособляетъ къ этимъ потребностямъ составъ и численность рабочихъ силъ. Первое слово этого приспособленія — созданіе избыточнаго рабочаго населенія или промышленной резервной арміи; послѣднее слово—бѣдственное состояніе все болѣе возростающей части активной рабочей арміи или мертвая тяжесть пауперизма. Изъ этого видно, что по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе работника неизбѣжно ухудшается, какова бы ни была его заработная плата. Обязательное равновѣсіе между резервами рабочихъ силъ и энергіею и объемомъ накопленія сильнѣе приковываютъ работника къ капиталу, чѣмъ прикованъ былъ къ скалѣ Прометей булавой Гефеста. Накопленіе капитала вызываетъ соотвѣтственное накопленіе нищеты. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе бѣдности, трудовыхъ мученій, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія на другомъ полюсѣ. Этотъ общій фактъ неоднократно признавался публично оффиціальными представителями власти въ Англіи и выдающимися буржуазными экономистами. „Одна изъ самыхъ грустныхъ особенностей въ соціальномъ положеніи страны,—говорилъ въ 1843 году министръ Гладстонъ въ палатѣ общинъ, — заключается въ томъ, что одновременно съ пониженіемъ потребительной способности народа и съ возростаніемъ лишеній и бѣдствій рабочаго класса происходитъ постоянное накопленіе богатствъ въ высшихъ классахъ и постоянное

возростаніе капитала". Двадцать лѣтъ спустя, въ 1863 году, тотъ же Гладстонъ въ своей бюджетной рѣчи, приводя поразительныя цифры увеличенія богатства и могущества англійской промышленности за послѣдніе періоды времени, указывалъ опять, что это увеличеніе всецѣло относится къ классамъ собственниковъ и что крайности нужды въ массѣ рабочаго населенія не уменьшились. Черезъ годъ, при внесеніи слѣдующаго бюджета, Гладстонъ вновь напоминалъ, что заработная плата не увеличилась въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, что значительныя массы народа стоятъ на рубежѣ пауперизма и что „человѣческая жизнь въ девяти случаяхъ изъ десяти есть только борьба за существованіе". Профессоръ Фаусеттъ заявлялъ, что даже возвышеніе заработной платы оказывается только кажущимся, въ виду постояннаго вздорожанія необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, и что богатые становятся все богаче, тогда какъ въ бытѣ рабочаго класса не замѣчается улучшенія. Такъ и должно быть, по Марксу, въ силу внутреннихъ, „имманентныхъ" законовъ капиталистическаго производства.

Прежде чѣмъ дѣйствовать въ указанномъ духѣ и направленіи, капиталъ долженъ былъ существовать. Какимъ путемъ и на какой почвѣ совершается это предварительное или первоначальное накопленіе? Марксъ и на этотъ вопросъ находитъ готовый отвѣтъ въ экономической исторіи Англіи. Для превращенія денегъ и средствъ производства въ капиталъ, подготовляются свободные рабочіе,—свободные въ томъ двойственномъ смыслѣ, что ни они сами не принадлежатъ къ средствамъ производства, какъ невольники или крѣпостные, ни имъ не принадлежатъ средства производства, какъ у самостоятельно хозяйничающихъ крестьянъ. Дѣятельность капитала предполагаетъ уже отдѣленіе работниковъ отъ права собственности на средства и орудія работы. Когда капиталистическое производство встало крѣпко на ноги, оно не только поддерживаетъ это отдѣленіе, но воспроизводитъ его въ непрерывно возростающей степени. Процессъ, создающій капиталъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только процессомъ отдѣленія работника отъ собственности на его условія работы,—процессомъ, превращающимъ съ одной стороны общественныя средства жизни и производства въ капиталъ, а съ другой — непосредственныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ. Такъ называемое первоначальное накопленіе есть поэтому только историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства. Этотъ процессъ обнимаетъ собою, во-первыхъ, распаденіе старыхъ связей, дѣлавшихъ работника предметомъ собственности и средствомъ

производства, и, во-вторыхъ, разложеніе собственности непосредственныхъ производителей на ихъ средства производства. Такимъ образомъ процессъ отдѣленія заключаетъ въ себѣ въ сущности всю исторію развитія современнаго буржуазнаго общества. Исходною точкою было рабское положеніе работника; дальнѣйшее развитіе состояло въ перемѣнѣ формы этого рабства. Хотя капиталистическое производство уже въ XIV и XV столѣтіяхъ появляется мѣстами въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, но капиталистическая эра начинается лишь съ XVI вѣка. Тамъ, гдѣ она водворилась, отмѣна крѣпостного права состоялась давно и средневѣковое городское устройство успѣло уже перейти въ стадію упадка. Рѣшающее значеніе имѣютъ тѣ моменты, когда большія массы людей внезапно и насильственно отрываются отъ своихъ средствъ существованія и производства и бросаются на рабочій рынокъ въ качествѣ свободныхъ пролетаріевъ. Отнятіе земли у крестьянъ образуетъ основу всего процесса. Исторія этой экспропріаціи представляетъ свои особенности въ различныхъ странахъ и проходитъ различные фазисы въ неодинаковомъ порядкѣ. Только въ Англіи получаетъ она свою классическую форму. Въ концѣ XIV вѣка крѣпостное право въ этой странѣ фактически исчезло. Огромное большинство населенія состояло тогда и еще болѣе въ XV вѣкѣ изъ свободныхъ, самостоятельно хозяйничавшихъ крестьянъ, хотя и подъ прикрытіемъ феодальныхъ отношеній. Въ господскихъ имѣніяхъ прежніе крѣпостные управляющіе были вытѣснены вольными арендаторами. Наемные земледѣльческіе рабочіе были отчасти изъ крестьянъ, употреблявшихъ свое свободное время для работы у крупныхъ владѣльцевъ, и отчасти изъ особаго немногочисленнаго класса батраковъ. Послѣдніе имѣли въ то же время самостоятельное хозяйство, такъ какъ сверхъ денежной платы имъ давались участки земли съ постройками для жилья. Они пользовались также, наравнѣ съ крестьянами, общинною землею для пастьбы скота. Толчкомъ къ насильственному упраздненію крестьянскихъ хозяйствъ послужило возвышеніе цѣнъ на шерсть, вслѣдствіе развившагося производства шерстяныхъ продуктовъ. Превращеніе пашни въ луга для овецъ сдѣлалось лозунгомъ крупнаго землевладѣнія. Незаконные захваты общинныхъ крестьянскихъ земель вызывали энергическое противодѣйствіе законодательства, но никакія принимавшіяся мѣры не помогали. Для капиталистическаго производства именно и требовалось, чтобы народная масса была лишена земли и превратилась въ толпу наемниковъ. Конфискація монастырскихъ и церковныхъ имѣній послѣ реформаціи сопровождалась уничтоженіемъ всѣхъ

поземельныхъ правъ ихъ обитателей; множество наслѣдственныхъ арендныхъ и крестьянскихъ хозяйствъ подверглось разгрому при переходѣ земель въ руки новыхъ собственниковъ, королевскихъ фаворитовъ и городскихъ спекулянтовъ. Еще въ концѣ XVII вѣка независимыхъ крестьянъ было больше, чѣмъ арендаторовъ; они составляли главную силу Кромвелля; наемные сельскіе работники были еще совладѣльцами общинной земли. Въ половинѣ XVIII столѣтія самостоятельнаго крестьянства уже не существовало, а затѣмъ исчезаютъ послѣдніе слѣды участія земледѣльцевъ въ общинномъ владѣніи. Революція 1688 года вывела на сцену новыя колоссальныя хищенія, предметомъ которыхъ были главнымъ образомъ государственныя имущества. Общинныя земли присвоиваются ландлордамъ въ силу рѣшеній палаты общинъ; рядомъ съ мелкими годичными арендами возникаютъ большія арендныя хозяйства на началахъ чисто коммерческихъ. Представители господствующаго класса и солидарные съ ними экономисты съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ оправдывали эту систему земельнаго грабежа, насколько она казалась необходимою для подготовленія основы капиталистическаго производства. Послѣднимъ крупнымъ процессомъ экспропріаціи поселянъ было такъ называемое „очищеніе помѣстій" отъ остатковъ мелкаго крестьянства и отъ жилищъ сельскихъ рабочихъ. Выброшенныя на улицу массы бывшихъ земледѣльцевъ подвергаются суровымъ законодательнымъ мѣрамъ и проходятъ тяжелую школу страданій, преслѣдованій и принудительнаго труда; подготовка человѣческаго матеріала для наемной работы близится къ концу. Поднимающаяся буржуазія употребляетъ государственную власть, чтобы регулировать заработную плату, т. е. ограничить ее извѣстнымъ минимумомъ, продлить рабочій день и держать самого работника въ надлежащей зависимости. Средства къ жизни и орудія работниковъ накопляются въ рукахъ денежныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ создается внутренній рынокъ для промышленности. Арендаторы продаютъ теперь въ качествѣ товаровъ большія количества жизненныхъ средствъ и сырыхъ продуктовъ, которые прежде потреблялись на мѣстѣ непосредственными производителями. Мануфактуры даютъ имъ рынокъ для сбыта. Вмѣсто многихъ мелкихъ производителей, имѣвшихъ своихъ мѣстныхъ покупателей, образуется обширный общій рынокъ для промышленнаго капитала; значительная часть продуктовъ, вырабатываемыхъ прежде въ селахъ, производится уже въ городскихъ мануфактурахъ, и села превращаются въ рынокъ для ихъ покупки. Въ частности, по отношенію къ Ирландіи, „упраздненіе мелкихъ арендъ имѣло

свои неудобства. Накопленіе поземельныхъ доходовъ въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ сопровождается накопленіемъ ирландцевъ въ Америкѣ. Вытѣсненный овцами и быками, ирландецъ появляется на другой сторонѣ океана, какъ феній. И противъ старой повелительницы морей возвышается все грознѣе молодая исполинская республика".

Такъ идетъ рука объ руку съ экспропріаціею и отдѣленіемъ самостоятельныхъ крестьянъ отъ ихъ средствъ производства упадокъ сельскихъ побочныхъ промысловъ, процессъ раздѣленія мануфактуры и земледѣлія. Но окончательный переворотъ еще впереди. Уничтожая домашніе промыслы въ одной отрасли производства или въ однихъ мѣстахъ, мануфактура возрождаетъ ихъ тамъ, гдѣ это нужно ей для обработки сырого матеріала; она производитъ такимъ образомъ новый классъ мелкихъ сельскихъ промышленниковъ, для которыхъ воздѣлываніе земли служитъ побочнымъ занятіемъ, а промышленный трудъ для мануфактуры— главнымъ. Только крупная промышленность доставляетъ вмѣстѣ съ машинами прочную основу капиталистическому земледѣлію, радикально экспропріируетъ огромное большинство сельскаго населенія и довершаетъ разрывъ между земледѣліемъ и домашними сельскими промыслами, корни котораго—ткачество и пряденіе— она вырываетъ вполнѣ. Она завоевываетъ весь внутренній рынокъ для промышленнаго капитала. Двѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ формы капитала—ростовщическій и купеческій—находятъ теперь безпрепятственное и широкое примѣненіе въ промышленной дѣятельности. Различные моменты первоначальнаго накопленія систематически объединяются къ концу XVII вѣка въ колоніальной политикѣ, въ системѣ государственныхъ долговъ, въ современной податной системѣ и въ протекціонизмѣ. „Всѣ эти методы пользуются государственною властью, сосредоточенною и организованною силою, чтобы ускорить процессъ превращенія феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сократить переходы. Власть является помощницею при родахъ, когда старое общество беременно новымъ. Она сама есть экономическій факторъ". Покровительственная система была искусственнымъ средствомъ „фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимыхъ работниковъ, капитализировать національныя средства производства и существованія, насильственно облегчить переходъ отъ старинной формы производства къ современной". Частная собственность, основанная на личномъ трудѣ, падаетъ вмѣстѣ съ мелкимъ производствомъ, составляющимъ необходимое условіе развитія производительности и свободной индивидуальности самого

работника. Этотъ способъ производства процвѣтаетъ, выказываетъ всю свою энергію и пріобрѣтаетъ свою классическую форму, когда работникъ свободно владѣетъ и распоряжается средствами и орудіями своего труда, крестьянинъ — воздѣлываемымъ имъ полемъ, ремесленникъ—инструментомъ, которымъ онъ играетъ какъ виртуозъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ дробленіе почвы и другихъ производственныхъ средствъ. Не допуская сосредотеченія послѣднихъ, онъ устраняетъ кооперацію, дѣленіе труда въ различныхъ процессахъ производства, общественное господство надъ природою и регулированіе ея, свободное развитіе общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ тѣсными естественными рамками производства и общества. На извѣстной степени развитія онъ вырабатываетъ матеріальныя средства для своего собственнаго уничтоженія. Съ этого момента въ лонѣ общества движутся силы и страсти, чувствующія себя сдавленными мелкимъ производствомъ. Оно должно быть уничтожено, оно уничтожается. Собственность работника на средства труда вытѣсняется собственностью капиталистическою, основанною на эксплуатаціи чужой, формально свободной работы. Съ распространеніемъ силы и круга дѣйствія этого переворота, дальнѣйшее преобразованіе промышленной жизни, „обобществленіе" труда и средствъ и орудій производства, въ томъ числѣ и земли, и слѣдовательно дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ —получаютъ новую форму. Экспропріировать остается теперь уже не самостоятельно хозяйничающаго работника, а употребляющаго многихъ рабочихъ капиталиста. Эта экспропріація совершается игрою „имманетныхъ" законовъ самого капиталистическаго производства, путемъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ убиваетъ многихъ. Рядомъ съ этою концентраціею или экспропріаціею многихъ капиталистовъ немногими, развивается кооперативная форма трудового процесса въ возростающихъ размѣрахъ, сознательное технологическое примѣненіе науки, цѣлесообразное общественное утилизированіе земли, преобладаніе общественнаго, совмѣстнаго употребленія средствъ и орудій труда и господство комбинированной общественной работы въ производствѣ. „Съ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, монополизирующихъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса бѣдствій, гнета, вырожденія и эксплуатаціи, но въ то же время и раздраженіе непрерывно пополняющагося и механизмомъ самого капиталистическаго производства вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго рабочаго класса. Монополія капитала дѣлается уздою для системы производства, кото-

рая при ней и подъ ея крыломъ выросла и процвѣла. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такого пункта, когда не выносятъ уже своей капиталистической оболочки. Послѣдняя разрывается. Часъ капиталистической частной собственности настаетъ. Экспропріаторы въ свою очередь экспропріируются. Капиталистическая система производства и пріобрѣтенія, и слѣдовательно капиталистическая частная собственность, есть первое отрицаніе индивидуальной, созданной личнымъ трудомъ частной собственности. Отрицаніе капиталистическаго производства порождается имъ самимъ, съ необходимостью естественнаго процесса. Это — отрицаніе отрицанія. Индивидуальная собственность вновь возстановляется, но уже на основѣ пріобрѣтеній капиталистической эры — кооепраціи свободныхъ рабочихъ и ихъ общей собственности на землю и на произведенныя трудомъ средства производства. Превращеніе раздробленной, основанной на личномъ трудѣ собственности въ капиталистическую происходитъ несравненно медленнѣе и труднѣе, чѣмъ превращеніе фактически общественной капиталистической собственности въ прямую общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами, а здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народною массою".

Въ извѣстномъ „манифестѣ", изданномъ въ 1847 году, Марксъ еще рѣзче оттѣняетъ роль „обобществленія" труда и средствъ производства въ ходѣ экономическаго развитія современныхъ обществъ. „Прогрессъ промышленности, котораго невольною и безсильною носительницею является буржуазія, выдвигаетъ революціонное соединеніе рабочихъ путемъ ассоціаціи на мѣсто изолированія работниковъ путемъ конкурренціи. Съ развитіемъ крупной промышленности уходитъ такимъ образомъ изъ-подъ ногъ буржуазіи самая почва, на которой она (буржуазія) производитъ и присвоиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своего собственнаго гробовщика. Паденіе ея и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны. Изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, стоящихъ противъ буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонную силу. Остальные классы опускаются и падаютъ при крупной промышленности, тогда какъ пролетаріатъ есть ея собственный продуктъ. Средніе классы, мелкіе промышленники, мелкіе купцы, ремесленники, крестьяне, всѣ они ведутъ борьбу съ буржуазіею, чтобы обезпечить свое существованіе отъ гибели, въ качествѣ среднихъ сословій; они реакціонны, потому что стараются повернуть обратно колесо исторіи". Современное мѣщанское общество, создавшее такія могущественныя средства,

производства и обращенія, „напоминаетъ того волшебника, который не можетъ справиться съ вызванными имъ подземными силами. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли есть только исторія возстанія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ условій производства, противъ отношеній собственности, составляющихъ условія жизни и владычества буржуазіи. Достаточно назвать торговые кризисы, которые своимъ періодическимъ возвращеніемъ все сильнѣе подвергаютъ опасности существованіе всего мѣщанскаго общества. Въ торговыхъ кризисахъ регулярно уничтожается значительная часть не только наличныхъ продуктовъ, но уже созданныхъ производительныхъ силъ. Въ кризисахъ прорывается общественная эпидемія, которая для всѣхъ прежнихъ эпохъ считалась бы безсмыслицей, — эпидемія перепроизводства. Общество внезапно оказывается попавшимъ въ положеніе мгновеннаго варварства; крайняя нужда, всеобщая истребительная борьба подорвали какъ будто для общества всѣ средства къ жизни; промышленность и торговля кажутся уничтоженными,—и почему? Потому что общество имѣетъ слишкомъ много цивилизаціи, слишкомъ много жизненныхъ средствъ, слишкомъ много промышленности, слишкомъ много торговли. Производительныя силы, находящіяся въ его распоряженіи, не служатъ уже больше къ поощренію и поддержанію буржуазныхъ отношеній собственности; напротивъ, онѣ стали слишкомъ могущественными для этихъ отношеній; онѣ стѣснены имя, и какъ только онѣ преодолѣваютъ это стѣсненіе, онѣ приводятъ въ безпорядокъ все мѣщанское общество и подрываютъ существованіе мѣщанской собственности. Мѣщанскія отношенія сдѣлались слишкомъ тѣсными, чтобы быть въ состояніи обнять все порожденное ими богатство. Чѣмъ побѣждаетъ кризисы буржуазія? Съ одной стороны, вынужденнымъ уничтоженіемъ массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, завоеваніемъ новыхъ рынковъ и болѣе основательнымъ эксплуатированіемъ старыхъ рынковъ, т.-е. подготовленіемъ дальнѣйшихъ болѣе обширныхъ и всеобщихъ кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ для ихъ предупрежденія". Кризисы обнаруживаютъ такимъ образомъ органическій порокъ современнаго народнаго хозяйства. Необходимое преобразованіе совершается возникшимъ внутри мѣщанскаго общества пролетаріатомъ, который постепенно вырабатываетъ изъ себя особый классъ и организуется для борьбы съ буржуазіею, „неспособною уже оставаться господствующимъ классомъ общества и навязывать обществу, какъ регулирующій законъ, свои жизненныя условія и потребности". Буржуазія „неспособна господство-

вать, потому что она неспособна обезпечить существованіе своимъ рабамъ и вынуждена довести ихъ до такого положенія, при которомъ она сама должна кормить ихъ, вмѣсто того, чтобы они ее кормили. Общество не можетъ больше жить подъ ея властью, т.-е. ея жизнь несовмѣстима съ обществомъ". Скрытое междоусобіе внутри существующаго общества „доходитъ до того пункта, когда оно превращается въ открытое возстаніе, и пролетаріатъ утверждаетъ свое владычество насильственнымъ ниспроверженіемъ буржуазіи" [1]).

Мы привели существенныя разсужденія Маркса о капиталистическомъ производствѣ, отчасти его собственными словами. Мѣткость и сила многихъ его замѣчаній, выразительная краткость и образность характеристикъ, богатство фактическихъ свѣденій,—все это представляетъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ туманно-водянистою и необыкновенно многорѣчивою діалектикою теоретической части „Капитала". Очерки крупной промышленности въ разныхъ ея формахъ, проявленіяхъ и результатахъ написаны вообще сильно и ярко, хотя иногда изобилуютъ чрезмѣрными подробностями, лишенными общаго интереса. Марксъ обладалъ способностью, весьма важною и даже необходимою для организатора и руководителя новыхъ умственныхъ или общественныхъ движеній;—онъ умѣлъ облекать въ сжатыя, общедоступныя формулы тѣ неопредѣленныя реформаторскія требованія и идеи, которыя издавна высказывались и господствовали въ извѣстныхъ классахъ общества; онъ возводитъ на степень обязательнаго общественно-историческаго закона то, что̀ проповѣдывалось другими во имя отвлеченной справедливости, и этимъ прежде всего объясняется его необыкновенная популярность среди лицъ, сочувствующихъ рабочему классу. Точная положительная программа, соотвѣтствующая настроенію нѣкоторой части общества, легко овладѣваетъ умами и пріобрѣтаетъ прочный успѣхъ, хотя бы логическія основы ея были несостоятельны; она дѣлается вполнѣ авторитетною въ глазахъ большинства образованной публики, когда опирается на огромную массу литературнаго и фактическаго балласта, свидѣтельствующаго о необычайной учености. Людямъ всегда пріятно узнать, что ихъ завѣтныя мечты вытекаютъ изъ естественнаго

---

[1]) Воззрѣнія Маркса по вопросу о кризисахъ, въ связи съ его общею экономическою теоріею, изложены, безъ надлежащей критической оцѣнки, въ новѣйшемъ изслѣдованіи фонъ-Бергмана: Geschichte der National-oekonomischen Krisentheorien, von Eugen v. Bergmann, Stuttg. 1895, стр. 359—388. См. также г. Туганъ-Барановскаго, Промышленные кризисы въ современной Англіи. Спб., 1894.

хода исторіи и изъ незыблемыхъ положеній и выводовъ науки. Въ этомъ смыслѣ „Капиталъ" Маркса осуществляетъ, повидимому, тотъ союзъ между наукою и рабочимъ классомъ, о которомъ говорилъ Фердинандъ Лассаль. Но насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ только теоретическая сторона доктрины Маркса, и въ этомъ отношеніи мы съ самаго начала наталкиваемся на одну весьма существенную странность.

Марксъ очень хорошо и живо описываетъ ходъ развитія англійской промышленности, ея современное положеніе и ея печальное воздѣйствіе на бытъ рабочихъ; онъ пользуется исключительно матеріаломъ, касающимся Англіи, излагаетъ новѣйшую экономическую исторію одной лишь Англіи, говоритъ исключительно объ англійскихъ промышленныхъ условіяхъ, явленіяхъ и событіяхъ, совершенно не упоминая объ экономической жизни и исторіи Франціи, Германіи и другихъ странъ Европы, точно такъ же какъ и Америки,—а между тѣмъ онъ придаетъ своему изложенію и дѣлаемымъ изъ него выводамъ такой видъ, какъ будто рѣчь идетъ о повсемѣстныхъ типическихъ фактахъ и всеобщихъ законахъ промышленнаго развитія. Различныя формы крупной промышленности имѣютъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя общія черты, которыя должны были выразиться съ наибольшею характерностью и силою въ Англіи, какъ средоточіи новѣйшаго промышленнаго прогресса; но эти общія типическія явленія не выдѣлены Марксомъ изъ массы частныхъ спеціально-англійскихъ особенностей, а смѣшаны съ ними въ одну безразличную кучу, при чемъ именно частностямъ приписано общее обязательное значеніе. Даже своеобразныя поземельныя отношенія, вытекающія въ Англіи изъ давнишняго политическаго владычества аристократіи, возведены на степень „классическихъ" образцовъ аграрнаго строя, вырабатываемаго будто бы повсюду въ интересахъ свободнаго роста промышленности. Во Франціи землевладѣніе имѣло совершенно другую исторію, чѣмъ въ Англіи, и французское крестьянство не только сохранило право собственности на свои земли, но держитъ ихъ крѣпче въ своихъ рукахъ, чѣмъ когда-либо; во Франціи нѣтъ ни поземельныхъ лордовъ, ни особаго класса крупныхъ арендаторовъ-капиталистовъ, а процвѣтаетъ преимущественно мелкая крестьянская собственность, которой почти не существуетъ въ Англіи. А между тѣмъ во Франціи промышленная буржуазія господствуетъ, можно сказать, безраздѣльно, и французская промышленность развивается и ростетъ не хуже англійской, безъ помощи обезземеленія крестьянъ. По изложенію Маркса выходитъ, что присвоеніе крестьянскихъ земель крупными землевладѣльцами

въ Англіи и Ирландіи совершилось съ сознательною цѣлью содѣйствія интересамъ буржуазіи ради торжества капиталистической формы производства. Для промышленности требовалось обезземеленіе, и оно совершено съ безпощадною суровостью и послѣдовательностью. Въ дѣйствительности, устройство обширныхъ парковъ и луговъ на мѣстахъ прежнихъ крестьянскихъ поселеній противорѣчило насущнымъ потребностямъ экономической жизни, отнимая отъ промышленной эксплуатаціи значительную часть земель и налагая тягостныя стѣсненія на весь ходъ промышленнаго развитія; слѣдовательно, оно никакъ не могло входить въ планы и разсчеты буржуазіи, а было результатомъ того господства поземельной аристократіи надъ промышленнымъ классомъ, которое было сломлено только преобразованіемъ состава палаты общинъ, начиная съ билля о реформѣ 1832 года. Борьба между буржуазіею и поземельными лордами наполняетъ собою всю новѣйшую внутреннюю исторію Англіи, и до сихъ поръ стремленія представителей промышленности ограничить старыя землевладѣльческія привилегіи и примѣнить къ землѣ общія промышленныя понятія остаются безуспѣшными. Еслибы всѣ земли королевства сдѣлались доступными обработкѣ, еслибы охотничьи парки замѣнены были старательно воздѣлываемыми полями и еслибы цѣлые кварталы большихъ городовъ не находились въ монопольномъ владѣніи немногихъ лордовъ, т.-е. еслибы экономическіе принципы въ самомъ дѣлѣ управляли экономическою жизнью Англіи, то промышленный бытъ страны сложился бы, конечно, совсѣмъ иначе, и народное хозяйство развивалось бы болѣе правильно, равномѣрно и устойчиво; не было бы лихорадочныхъ скачковъ и кризисовъ промышленности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь; не было бы вѣроятно ни нынѣшняго пауперизма, ни спеціальнаго „закона народонаселенія“ для рабочаго класса.

Попытка Маркса представить экономическую исторію Англіи въ видѣ типической исторіи промышленнаго развитія вообще оказывается такимъ образомъ ошибочною въ существѣ. Но аристократическій поземельный строй, несогласный съ современными интересами промышленности, составляетъ только одно изъ существенныхъ отличій Англіи отъ другихъ европейскихъ государствъ. Англія отличается отъ странъ материка еще болѣе важными особенностями, которыя рѣшительно не допускаютъ возведенія ея промышленныхъ явленій и условій на степень общихъ нормъ. Англія—міровая торгово-промышленная держава, господствующая на моряхъ, владѣющая колоніями во всѣхъ частяхъ земного шара.

и работающая преимущественно для внѣшняго сбыта и для внѣшней торговли; она не только живетъ интересами мірового рынка, но она сама отчасти образуетъ этотъ міровой рынокъ и распоряжается имъ, въ силу своего исключительнаго географическаго и культурнаго положенія. Англійская промышленность подвергается колебаніямъ и кризисамъ, зависящимъ отъ всякихъ перемѣнъ въ ходѣ международной торговли и экономической политики чужихъ государствъ. Когда какой-нибудь мѣстный значительный рынокъ закрывается для англичанъ на дальнемъ востокѣ, то соотвѣтственная отрасль промышленности въ Англіи переживаетъ затрудненія, доходящія иногда до серьезнаго разстройства и застоя. Быстрое развитіе фабрично-заводскаго дѣла въ Японіи за послѣднее десятилѣтіе весьма чувствительно отозвалось на многихъ англійскихъ фабрикахъ и заводахъ, снабжавшихъ эту страну своими издѣліями; вмѣстѣ съ тѣмъ оно грозитъ отнять у англичанъ гораздо болѣе обширный сосѣдній рынокъ—Китай, гдѣ японскіе продукты и фабрикаты постепенно вытѣсняютъ англійскіе товары. Ланкаширскія хлопчато-бумажныя фабрики страдаютъ отъ того, что въ Индіи введена умѣренная ввозная пошлина для огражденія мѣстнаго фабричнаго производства отъ англійской конкурренціи. Усиленіе протекціонизма въ государствахъ Европы и Америки болѣзненно вліяетъ на англійскую промышленность, вызывая въ ней замѣшательство и стѣсненіе. Эти внѣшнія и далекія причины дѣйствуютъ на Англію съ неотразимою силою именно потому, что Англія прежде всего—страна міровой международной торговли и промышленности. Ни Франція, ни Германія, ни американскіе Соединенные Штаты не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Великобританіею, хотя американцы имѣютъ много данныхъ для успѣшнаго торговаго соперничества съ англичанами въ будущемъ. Зависимость отъ внѣшнихъ рынковъ порождаетъ въ Англіи ту перемѣнчивую промышленную атмосферу, которую Марксъ принялъ за общую неизбѣжную принадлежность капиталистическаго производства. Авторъ „Капитала" предполагаетъ, что производство для внѣшняго сбыта и развитіе міровой торговли неразрывно связаны съ водвореніемъ крупной промышленности, т.-е. онъ приписываетъ всѣмъ вообще культурнымъ странамъ спеціальныя промышленныя черты, свойственныя одной „владычицѣ морей". Въ этомъ случаѣ Марксъ поступаетъ подобно тому историку, который считалъ бы исторію Финикіи типическою для всего древняго міра или устанавливалъ бы законы историческаго развитія Европы на основаніи фактовъ, касающихся Гол-

ландіи въ періодъ ея процвѣтанія и могущества [1]). Крупное машинное производство развивается повсюду, гдѣ товары имѣютъ обширный и обезпеченный сбытъ, и гдѣ удобство и быстрота сообщеній облегчаютъ правильные торговые обороты; такъ называемая „капиталистическая эра" можетъ поэтому вполнѣ водвориться въ странѣ, довольствующейся фабрично-заводскимъ производствомъ только въ предѣлахъ внутреннихъ потребностей населенія, безъ разсчета на внѣшніе рынки, и при такихъ условіяхъ отпадаютъ многія явленія, происходящія въ Англіи и неправильно обобщаемыя Марксомъ.

Ограничивъ свой кругъ наблюденія исключительно англійскою промышленною жизнью, Марксъ отождествляетъ капиталистическое производство съ тѣми формами крупной промышленности, которыя выработались въ Англіи. Отсюда крайняя неопредѣленность самаго понятія о капиталистическомъ производствѣ, несмотря на многократныя и пространныя разъясненія. Что слѣдуетъ разумѣть подъ капиталистическимъ производствомъ? Марксъ даетъ на этотъ вопросъ два различные отвѣта,—одинъ теоретическій, другой прикладно-историческій. Во-первыхъ, это способъ производства, при которомъ орудія и средства труда принадлежатъ капиталистамъ, а живая рабочая сила покупается, т.-е. нанимается. Во-вторыхъ, это крупная промышленность, возникшая въ XVI вѣкѣ и господствующая нынѣ въ Англіи,—основанная на соединеніи многихъ наемныхъ рабочихъ подъ командою капитала, широко проводящая раздѣленіе труда, употребляющая усовершенствованныя орудія производства и тѣсно связанная съ развитіемъ міровой торговли. Иногда къ этимъ двумъ опредѣленіямъ присоединяется еще третье: капиталистическимъ называется вообще денежное хозяйство въ отличіе отъ натуральнаго. Существенное, принципіальное значеніе имѣетъ только одинъ признакъ—принадлежность средствъ и орудій производства покупателямъ или, вѣрнѣе, нанимателямъ рабочей силы. Если держаться этого теоретическаго понятія о капиталистическомъ производствѣ, то послѣднее представляетъ собою общее и весьма распространенное явленіе, свойственное различнымъ эпохамъ и народамъ, начиная

[1]) Въ одномъ мѣстѣ третьяго тома Марксъ замѣчаетъ, что исторія упадка Голландіи, какъ господствующей торговой націи, есть исторія подчиненія купеческаго капитала промышленному, т.-е. производительному, такъ какъ въ Голландіи не было данныхъ для развитія самостоятельнаго капиталистическаго производства (т. III, ч. I, стр. 317); при этомъ, однако, не объяснено, какихъ именно условій недоставало Голландіи въ этомъ отношеніи сравнительно съ Англіею. Промышленныя условія существовали и въ Голландіи, но они не имѣли тамъ той благопріятной политической обстановки, которая обезпечила Англіи полную независимость и свободу дѣйствій.

съ древнѣйшихъ. Понятіе капитализма могло бы пріурочиваться къ новѣйшему историческому періоду единственно лишь въ смыслѣ фактическаго владычества капитала надъ другими элементами экономической жизни. Взглядъ на капиталистическое производство, какъ на особую историческую форму крупной промышленности, очевидно, не вяжется съ общимъ теоретическимъ его опредѣленіемъ. Общіе теоретическіе признаки теряются и исчезаютъ среди частностей англійскаго промышленнаго развитія. Для читателя остается неяснымъ, къ чему собственно относятся разсужденія о „вѣчныхъ“ и „естественныхъ“ законахъ капиталистическаго производства, если послѣднее есть только временная преходящая форма, развившаяся преимущественно въ Англіи въ теченіе трехъ столѣтій.

Но самое поразительное—то, что сбивчивость понятія о капиталистическомъ производствѣ переносится Марксомъ на понятіе о капиталѣ и что такимъ образомъ одно изъ основныхъ понятій политической экономіи лишается точнаго теоретическаго смысла. Въ трехтомномъ „Капиталѣ“ нѣтъ никакого опредѣленія капитала, никакого точнаго указанія, что̀ собственно слѣдуетъ разумѣть подъ капиталомъ въ научно-экономическомъ смыслѣ этого слова! Многочисленныя объясненія, даваемыя Марксомъ, спутываютъ это понятіе до того, что оно дѣлается совершенно безсодержательнымъ и даже, можно сказать, фантастическимъ. Капиталъ „возникаетъ“ вмѣстѣ съ капиталистическимъ производствомъ; онъ появляется прежде всего въ формѣ денегъ, которыя пускаются въ оборотъ для извлеченія добавочной цѣнности и *этимъ* превращаются въ капиталъ. „Капиталъ возникаетъ лишь тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ жизни и производства находитъ на рынкѣ свободнаго работника, какъ продавца своей рабочей силы; поэтому капиталъ съ самаго начала возвѣщаетъ собою эпоху общественнаго процесса производства“. Капиталъ есть „власть надъ извѣстнымъ количествомъ чужой неоплаченной работы“. „Средства существованія и производства, будучи собственностью непосредственнаго производителя, самого работника, не составляютъ капитала; они дѣлаются капиталомъ только при такихъ условіяхъ, когда они служатъ средствами эксплуатаціи и подчиненія рабочихъ“. „Капиталъ—не вещь, а опредѣленное, общественное отношеніе производства, принадлежащее извѣстной исторической общественной формаціи, выражающееся въ вещи и придающее этой вещи специфическій общественный характеръ. Капиталъ не есть сумма матеріальныхъ и произведенныхъ средствъ производства. Капиталъ—это превращенныя въ капиталъ средства производства, ко-

торыя сами по себѣ столь же мало составляютъ капиталъ, какъ золото или серебро сами по себѣ — деньги. Это монополизированныя опредѣленною частью общества средства производства, противопоставленные живой рабочей силѣ продукты и условія примѣненія этой именно рабочей силы, которые этимъ противопоставленіемъ олицетворяются въ капиталѣ. Это не только продукты работниковъ, превращенные въ самостоятельныя силы, продукты въ роли распорядителей и покупателей своихъ производителей, но также общественныя силы и будущая форма этого труда, противостоящія рабочимъ въ качествѣ свойствъ ихъ продуктовъ. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, опредѣленную, на первый взглядъ очень мистическую общественную форму одного изъ факторовъ исторически образовавшагося („сфабрикованнаго") общественнаго процесса производства" [1]). Марксъ осмѣиваетъ Моммзена за то, что онъ въ своей экономической наивности говоритъ о капиталѣ и капиталистахъ въ древнемъ Римѣ, хотя въ ту эпоху не существовало ни свободныхъ работниковъ, ни системы кредита, т.-е. не было условій для капиталистическаго производства [2]).

Что̀ же такое капиталъ? Онъ появился на свѣтъ Божій только въ XVI вѣкѣ;—чѣмъ же были раньше тѣ запасы продуктовъ, тѣ средства и орудія труда, которыя всегда были необходимы для производительной дѣятельности? Рѣшивъ категорически, что капитала нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ капиталистическаго производства, Марксъ однако разсуждаетъ о двухъ формахъ капитала, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ и достигшихъ большого развитія еще въ древнемъ мірѣ,—о капиталѣ торговомъ и ростовщическомъ. Слѣдовательно, капиталъ вообще, существованіе котораго отрицается въ древности и въ средніе вѣка, оказывается только извѣстною формою капитала;—это капиталъ, которому затѣмъ присвоивается названіе промышленнаго или производительнаго. Однако, если капиталы торговые, купеческіе и заемные, ростовщическіе, какъ говоритъ Марксъ, развиваются и дѣйствуютъ въ самыя различныя экономическія эпохи, хотя въ наше время они несомнѣнно имѣютъ другое значеніе, чѣмъ въ старину,—то почему же промышленный или производительный капиталъ пріурочивается всецѣло къ новѣйшей эпохѣ, хотя онъ

---

[1]) Т. I, стр. 12?, 138, 155, 554 и 796; т. III, ч. II, стр. 349—350.

[2]) Т. I, стр. 152, примѣч. (что мнѣніе о вполнѣ развившемся капиталѣ въ древности — „безсмыслица"); т. III, ч. II, стр. 320 и прим. 48; ср. тамъ же, стр. 132—3, противоположное сужденіе о полномъ развитіи старыхъ формъ капитала въ древнемъ Римѣ.

столь же несомнѣнно существовалъ и дѣйствовалъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, у всѣхъ культурныхъ народовъ, въ самые различные періоды всемірной исторіи? Прежніе ростовщическіе капиталы превратились въ банкирскіе и кредитные; торговые капиталы значительно расширили свой кругъ дѣйствія и измѣнили свой характеръ; точно такъ же и промышленные, производительные капиталы дѣйствуютъ теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ въ прежнія времена. Значеніе и роль всѣхъ трехъ видовъ капитала одинаково мѣняются исторически; на какомъ же основаніи можно утверждать, что первые два вида принадлежатъ къ числу „допотопныхъ", а третій, самый главный, народился „чуть ли не со вчерашняго дня"? Притомъ однѣ формы капитала постоянно переходятъ въ другія: капиталъ, отдаваемый въ ростъ, или кредитный, есть въ то же время производительный, промышленный, когда онъ употребляется заемщикомъ для производительныхъ цѣлей. Одни и тѣ же матеріалы и орудія производства будутъ, по Марксу, капиталомъ или не-капиталомъ, смотря по тому, принадлежатъ ли они особымъ лицамъ, капиталистамъ, или самимъ производителямъ, рабочимъ. Въ какой-нибудь булочной участвуетъ капиталъ, такъ какъ въ ней средства производства принадлежатъ хозяину, нанимающему рабочихъ, а въ фабричномъ или заводскомъ предпріятіи, дѣйствующемъ съ дорого стоющими машинами, нѣтъ вовсе капитала, если оно перешло въ собственность рабочихъ. Совершенно постороннее обстоятельство — принадлежность капитала тѣмъ или другимъ лицамъ—вліяетъ здѣсь на судьбу самого понятія о капиталѣ, рѣшаетъ вопросъ о существованіи его, вопреки здравому смыслу. Капиталъ, помѣщенный въ какое-нибудь промышленное предпріятіе, не перестанетъ быть капиталомъ оттого, что перемѣнятся его владѣльцы; необходимыя предварительныя и текущія затраты, постоянные и оборотные капиталы, машины, сырые матеріалы, запасы средствъ для содержанія работниковъ,— все это остается и играетъ существенную роль въ производствѣ при всякой вообще промышленной организаціи, каково бы ни было распредѣленіе выгодъ между участниками. Наконецъ, политическая экономія имѣетъ дѣло съ общими понятіями и явленіями, а не съ частными и временными; она должна говорить о средствахъ и орудіяхъ производства, т.-е. о капиталѣ, независимо отъ вопроса о лицахъ, владѣющихъ ими,— подобно тому, какъ она говоритъ о поземельной рентѣ независимо отъ вопроса о чьихъ-либо правахъ на землю.

Странная мысль о возникновеніи капитала только въ XVI вѣкѣ ясно показываетъ, что Марксъ смѣшиваетъ капиталистическое

производство съ новѣйшею крупною промышленностью, а капиталъ—съ промышленнымъ капиталомъ въ современной его формѣ. Замѣняя общее теоретическое понятіе о капиталѣ какимъ-то частнымъ и специальнымъ, обнимающимъ только одну изъ побочныхъ практическихъ сторонъ предмета; авторъ „Капитала" обнаруживаетъ замѣчательное пренебреженіе къ основнымъ задачамъ и требованіямъ всякой вообще теоріи. Научно-экономическое представленіе о капиталѣ совсѣмъ его не интересуетъ, и оно не занимаетъ никакого мѣста въ его обширномъ трактатѣ; онъ изслѣдуетъ капиталъ единственно лишь какъ экономическую силу, враждебную рабочему классу, и потому современный антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ входитъ у него въ самое опредѣленіе капитала. Гдѣ нѣтъ этого коренного антагонизма, гдѣ капиталистамъ не противопоставлены эксплуатируемые ими рабочіе, тамъ нѣтъ и капитала,—хотя есть орудія и средства производства, для которыхъ Марксъ не предлагаетъ однако другого названія вмѣсто слова „капиталъ". Имѣя въ виду рабочій вопросъ въ тѣхъ рамкахъ, какія созданы для него новѣйшею крупною промышленностью, Марксъ просто уничтожаетъ общее понятіе о капиталѣ и ставитъ взамѣнъ его одну частную особенность — эксплуататорскій, хищный элементъ, связанный съ господствомъ капиталистовъ надъ наемными рабочими при современномъ промышленномъ строѣ. Капиталъ самъ по себѣ, какъ одинъ изъ необходимыхъ факторовъ экономической жизни и дѣятельности, безъ этого хищническаго элемента,—отбрасывается въ сторону и признается даже вовсе несуществующимъ. Пріемъ поразительный по своей простотѣ и необычайный даже для такой неустановившейся еще науки, какъ политическая экономія! Къ капиталу отнесено то, чтὸ свойственно капиталистамъ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, благопріятныхъ для хищныхъ инстинктовъ, и вся экономическая роль капитала изображается въ уродливомъ, извращенномъ видѣ. Но эта точка зрѣнія приводитъ Маркса къ безвыходнымъ логическимъ противорѣчіямъ. Капиталъ — „вампиръ, высасывающій изъ рабочихъ какъ можно больше живого труда"; „изъ всѣхъ поръ капитала сочится кровь и грязь" [1]). Вытекаетъ ли это ужасное значеніе капитала изъ его природы, или только изъ способовъ его употребленія? По мнѣнію Маркса, такова именно природа капитала; но стὸитъ только этому сказочному злодѣю-капиталу освободиться отъ безконтрольнаго владычества эксплуатирующихъ его капиталистовъ, какъ тотчасъ же исчезаютъ

[1]) Т. I, стр. 224, 790 и др.

его губительныя качества; а сблизившись съ рабочими, онъ внезапно перерождается въ невинную и даже благодѣтельную силу,—и слѣдовательно, злодѣйство не принадлежитъ къ числу естественныхъ свойствъ капитала. Капиталистическое производство истощаетъ рабочее населеніе, губитъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, требуетъ отъ рабочихъ непосильнаго труда и дѣлаетъ ихъ жалкими орудіями чужого обогащенія. Зависитъ ли это отъ самой формы производства, отъ ея сущности, или отъ степени пониманія и нравственнаго уровня капиталистовъ и окружающаго ихъ общества, отъ условій охраны и защиты общественныхъ и народныхъ интересовъ? По Марксу, капиталистическое производство не можетъ дѣйствовать иначе какъ убійственно для рабочихъ,—потому что такова его природа. Но множество фактовъ, излагаемыхъ въ „Капиталѣ", опровергаетъ это положеніе. Жизненные интересы капиталистическаго производства и самихъ капиталистовъ не только не требуютъ подавленія рабочихъ, но, напротивъ, выигрываютъ лишь отъ поднятія ихъ матеріальнаго быта, отъ развитія ихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, отъ улучшенія ихъ видовъ на будущее. Всѣ охранительныя мѣры въ пользу рабочаго класса, вызывавшія на первыхъ порахъ энергическіе протесты близорукихъ капиталистовъ, имѣли благотворные результаты для общаго хода промышленности и оказались выгодными для ея представителей, какъ видно изъ изложенія самого Маркса. Несомнѣнно, что капиталисты, предоставленные своимъ собственнымъ влеченіямъ, поощряемые духомъ конкурренціи и жаждою наживы, склонны низводить наемныхъ рабочихъ на степень простыхъ безправныхъ принадлежностей производственнаго механизма, и это вполнѣ убѣдительно доказывается въ „Капиталѣ"; но стремленія и наклонности капиталистовъ не выражаютъ еще дѣйствительныхъ насущныхъ потребностей капитала и капиталистическаго производства. Блестящіе отдѣльные опыты въ разныхъ отрасляхъ промышленности даютъ возможность наглядно провѣрить, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ непремѣнная связь между данными основами производства и системою эксплуатаціи рабочихъ. Марксъ съ сочувствіемъ упоминаетъ о Робертѣ Оуэнѣ и о произведенныхъ имъ реформахъ въ положеніи рабочихъ; онъ говоритъ также о постепенномъ практическомъ успѣхѣ его идей въ англійскомъ обществѣ въ новѣйшее время. Робертъ Оуэнъ прекрасно обставилъ матеріальный и нравственный бытъ рабочихъ на своей фабрикѣ въ Нью-Ланаркѣ, сократилъ ихъ рабочій день, ввелъ правильное обученіе дѣтей одновременно съ производительнымъ трудомъ, облегчилъ своимъ

рабочимъ пріобрѣтеніе экономической самостоятельности, — и не только не потерпѣлъ ущерба отъ своей филантропіи, но разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ. Еслибы существенное назначеніе капитала заключалось въ высасываніи жизненныхъ соковъ изъ рабочихъ, и еслибы капиталистическое производство было по существу несовмѣстимо съ разумною заботливостью о рабочемъ классѣ и объ его будущности, то дѣйствія Роберта Оуэна были бы безусловно убыточны для него, какъ для капиталиста; если же промышленныя дѣла могутъ процвѣтать при полномъ отказѣ отъ эксплуатаціи рабочихъ, то очевидно эксплуатація не составляетъ необходимой функціи капитала въ капиталистическомъ производствѣ.

Фабричное законодательство въ Англіи вырабатывалось и проводилось въ жизнь людьми, раздѣлявшими взгляды Оуэна на обязанности капитала и капиталистовъ; эти фабричные законы плохо мирятся сь теоріею непримиримаго антагонизма и классовой борьбы — теоріею, которую Марксъ настойчиво примѣняетъ къ англійскимъ отношеніямъ и условіямъ. Желаніе объяснить появленіе фабричныхъ законовъ при господствѣ капиталистическаго хозяйства заставляетъ автора „Капитала" прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ. Принудительная охрана рабочихъ законодательствомъ объясняется имъ двумя противоположными причинами, исключающими одна другую, — во-первыхъ, сознательнымъ рѣшеніемъ общества или государства спасти будущность націи отъ пагубныхъ послѣдствій капиталистическаго строя (т. I, стр. 231, 268, 506 и др.); во-вторыхъ, упорною и продолжительною борьбою рабочаго класса противъ капиталистовъ и вынужденною вслѣдствіе того уступкою государства въ пользу рабочихъ (стр. 284, 307 и др.). Такъ какъ въ англійскомъ обществѣ и государствѣ господствуютъ тѣ именно классы, которые, по мнѣнію Маркса, непосредственно заинтересованы въ угнетеніи рабочихъ, то выходитъ, что капиталистическое общество выступило съ рѣшительными мѣрами противъ самого себя; съ другой стороны, указаніе на вынужденность фабричныхъ законовъ, добытыхъ будто бы самими рабочими, остается вполнѣ голословнымъ и мало правдоподобнымъ, въ виду признаваемаго самимъ Марксомъ безсилія рабочихъ предъ организованнымъ могуществомъ господствующихъ классовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи государственную власть. Въ то же время авторъ „Капитала" невольно отдаетъ справедливость энергической защитѣ интересовъ рабочаго класса многими дѣятелями парламента и спеціальными парламентскими коммиссіями, фабричными инспекторами и отчасти также печатью;

краснорѣчивые факты подобнаго рода устраняютъ мысль о непримиримомъ антагонизмѣ между представителями труда и капитала, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о полномъ отсутствіи солидарности между значительною частью промышленнаго класса и бездушными эксплуататорами рабочаго населенія. Элементъ суровой классовой борьбы искусственно вносится Марксомъ въ современную экономическую исторію Англіи, безъ достаточнаго къ тому основанія; борьба рисуется мрачными красками и предвѣщаетъ будто бы общій насильственный переворотъ, хотя противъ этихъ мрачныхъ изображеній и выводовъ протестуетъ весь ходъ англійскаго общественнаго развитія, проникнутый духомъ взаимныхъ уступокъ и постепенныхъ реформъ. Англійскіе передовые экономисты не понимаютъ злобнаго тона разсужденій Маркса и его единомышленниковъ о предстоящемъ будто бы страшномъ паденіи капиталистическаго общества подъ ударами пролетаріата. „Мы въ Англіи смѣемся надъ всѣмъ этимъ, какъ надъ простымъ бредомъ, — говоритъ извѣстный защитникъ интересовъ рабочаго класса, Арнольдъ Тойнби,—настолько далека мысль о революціи отъ нашего медленнаго хода развитія и прогресса“, благодаря союзамъ рабочихъ и своевременному воздѣйствію государства [1]).

Описывая разлагающее вліяніе капиталистическаго производства на мелкіе народные промыслы, Марксъ дѣлаетъ двѣ весьма важныя ошибки, которыя слѣпо повторяются всѣми его послѣдователями. Вытѣсненіе мелкой промышленности крупною зависитъ не отъ торжества такъ-называемаго „капитализма“, а отъ усовершенствованій техники, одинаково неизбѣжныхъ и при артельной организаціи крупныхъ предпріятій. Еслибы Аркрайтъ и Уаттъ примѣнили свои изобрѣтенія при помощи рабочихъ ассоціацій, безъ участія капиталистовъ, то производство не было бы капиталистическимъ въ смыслѣ Маркса, и однако результаты были бы не менѣе разрушительны для домашнихъ и мелкихъ промысловъ. Въ этомъ случаѣ опять-таки обнаруживается неправильность смѣшенія крупной промышленности съ хозяйственною системою, основанною на отдѣленіи работниковъ отъ средствъ и орудій производства. Затѣмъ, вытѣсненіе народнаго промысла касается только извѣстныхъ отраслей предпріимчивости и вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго значенія для промышленнаго строя данной страны; многія значительныя предпріятія по самому своему характеру должны быть устроены на началахъ крупной промыш-

---

[1]) Arnold Toynbee, Lectures on the industrial Revolution in England. L. 1884, стр. 218.

ленности и всегда сохраняли и сохраняютъ этотъ типъ, какъ, напр., заводы желѣзодѣлательные, сталелитейные, машиностроительные, кораблестроительные, оружейные и т. п., относительно которыхъ не можетъ быть и рѣчи о народной или домашней организаціи производства. Эти отрасли крупной промышленности не подвергались и не подвергаются тѣмъ метаморфозамъ, которыя связываются съ представленіемъ о мнимой побѣдѣ „капитализма" надъ старыми формами производства. Марксъ не останавливается на этихъ обязательно-крупныхъ формахъ промышленной дѣятельности; онъ вообще не анализируетъ разнохарактерныхъ типическихъ явленій въ этой области, а нагромождаетъ непомѣрную массу мелкихъ фактовъ и подробностей, долженствующихъ освѣтить со всѣхъ сторонъ выставленные положенія, понятія и термины. Смѣшавъ безъ разбора существенно различные отдѣлы крупной промышленности, подъ именемъ новой и принципіально враждебной рабочимъ капиталистической системы производства, Марксъ положилъ начало невѣроятной путаницѣ экономическихъ понятій въ умахъ многихъ искреннихъ друзей рабочаго класса.

Что касается особаго капиталистическаго „закона народонаселенія", то онъ относится лишь къ распредѣленію различныхъ группъ рабочаго класса и никакъ не можетъ считаться общимъ „закономъ народонаселенія", обнимая только сравнительно небольшую часть массы народа. По цифрамъ 1861 года, приводимымъ въ „Капиталѣ" (т. I, стр. 468), считалось въ Англіи немногимъ болѣе полутора милліона наемныхъ рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, кромѣ земледѣльческой; если предположить еще полъ-милліона незанятыхъ рабочихъ, то въ предѣлахъ этого числа людей только десятки и сотни тысячъ могутъ чувствовать на себѣ вліяніе обычныхъ періодическихъ смѣнъ прилива и отлива въ сферѣ промышленности. Отъ такой ограниченной формулы, опредѣляющей внутреннее движеніе въ составѣ рабочаго класса, далеко еще до „закона народонаселенія" въ общепринятомъ смыслѣ этого слова.

Л. Слонимскій.

ВЪ ИМЕРЕТІИ

Какъ хорошо!.. Какъ будто рай земной!
Разросся лѣсъ, украшенъ такъ богато,
Что вся гора охвачена стѣной
Изъ багреца, и зелени, и злата;

И различить напрасно жаждетъ взоръ —
Каштанъ, кизилъ, пурпуровые клены,
Густыхъ ліанъ змѣящійся узоръ
И листъ инжира матово-зеленый!..

Вдоль ручейка, межъ грудами камней,
Висятъ съ обрыва кисти ежевики, —
Одна другой тяжеле и пышнѣй,
Невдалекѣ алѣетъ розанъ дикій...

А небосводъ такъ радостенъ и чистъ,
Такой глубокій, ярко-ярко-синій!..
И тишь кругомъ!.. Порою птичій свистъ
На мигъ прерветъ волшебный сонъ пустыни,

Да промелькнетъ по дикой крутизнѣ
Имеретинъ, на мулѣ крѣпконогомъ
Иль огневомъ куртинскомъ скакунѣ,
Богъ вѣсть куда взбираясь по отрогамъ.

На головѣ тюрбанъ изъ башлыка,
Надежная винтовка за спиною...
Раздастся звонъ подковъ издалека —
И снова міръ охваченъ тишиною!...

А ручеекъ струится и журчитъ;
Едва-едва лепечетъ онъ..... И странно:
То кажется, что онъ затихъ, молчитъ, —
То держитъ рѣчь — и эта рѣчь гортанна,

Туземная, таинственая рѣчь,
Скорѣй душѣ, чѣмъ разуму понятна...
— „Любуйся мной, но не мѣшай мнѣ течь!“ —
Такъ молвитъ онъ струями еле-внятно:

— „Я какъ дитя незлобивъ, я какъ другъ
„Готовъ свои текучіе кристаллы
„Всѣмъ жаждущимъ давать!.. Но если вдругъ
„Съ вершинъ крутыхъ посыплются обвалы,

„Иль потекутъ изъ черныхъ тучъ дожди, —
„Я разольюсь бушующимъ потокомъ!
„Тогда никто спасенія не жди:
„Разрушу все въ безуміи жестокомъ!...

„Такъ тѣ сыны, которыхъ я вспоилъ:
„Они любить, по-дѣтски вѣрить рады;
„Но не буди стихійныхъ, злобныхъ силъ:
„Нѣтъ мѣры имъ! Ни мѣры, ни преграды!!!...

Василій Величко.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1896.

Порядокъ взиманія податей.

Предлагаемая вниманію читателя статья составлена по отвѣтамъ податныхъ инспекторовъ на вопросы относительно установившагося на мѣстахъ порядка примѣненія узаконеній о взиманіи съ крестьянъ окладныхъ сборовъ. Программа вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ финансовъ своимъ агентамъ въ видахъ собранія матерьяла для работъ образованной при министерствѣ коммиссіи по пересмотру узаконеній относительно порядка взиманія податей, состоитъ изъ 59 пунктовъ, обнимающихъ различныя стороны даннаго дѣла, начиная съ порядка распредѣленія окладныхъ сборовъ между отдѣльными домохозяевами и оканчивая статистическимъ учетомъ финансовыхъ итоговъ примѣненія къ населенію тѣхъ или другихъ побудительныхъ мѣръ взысканія недоимокъ. Кромѣ вопросовъ, относящихся собственно къ порядку взиманія податей, въ программу включены пункты, касающіеся причинъ накопленія недоимокъ и вліянія на исправное поступленіе платежей хозяйственныхъ условій дѣятельности населенія даннаго района, и вопросъ о дѣйствующихъ системахъ разверстки общинной земли между домохозяевами.

Не всѣ отвѣты податныхъ инспекторовъ отличаются одинаковой точностью и обстоятельностью, что находится въ зависимости, какъ отъ свойства предмета, такъ и отъ вниманія, съ какимъ отнеслись къ своей задачѣ отдѣльные инспектора. Что касается послѣдняго обстоятельства, то, по большинству губерній, обстоятельные отвѣты на всѣ вопросы програмы получены отъ немногихъ лицъ; остальные же инспектора ограничиваются очень краткими, казенными отзывами. Но и тѣ лица, которыя старались въ своихъ отвѣтахъ, по возможности, исчерпать предметъ, не могли дать по всѣмъ пунктамъ програмы одинаково удовлетворительныя свѣдѣнія, такъ какъ и сами не имѣли надлежащихъ данныхъ. Сказанное относится въ особен-

ности къ цифровому выраженію какихъ-либо обстоятельствъ дѣла, потому что учетъ и правильная регистрація даже такихъ явленій, какъ продажа за недоимки крестьянскаго имущества, далеко не всегда производимы съ надлежащей точностью и самая продажа сплошь и рядомъ совершается безъ соблюденія требуемыхъ закономъ формальностей. Кромѣ того, на ряду съ указанными въ законѣ мѣрами взиманія податей, въ дѣйствительной жизни примѣняются мѣропріятія, нигдѣ непредусмотрѣнныя и неназванныя въ программѣ вопросовъ министерства финансовъ; и не всякій инспекторъ считалъ своей обязанностью указать на эти мѣропріятія.

Матерьялы, доставленные инспекторами по вышеупомянутой программѣ, разработаны подъ руководствомъ А. А. Рихтера, и опубликованы во всеобщее вѣденіе [1]). Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, въ нижеслѣдующемъ мы познакомимъ читателя съ процедурой взысканія съ населенія слѣдуемыхъ съ него прямыхъ податей и сборовъ.

Правила закона относительно взиманія съ крестьянъ окладныхъ сборовъ предусматриваютъ три момента этого процесса.

Взиманіе платежей съ отдѣльныхъ членовъ крестьянскаго общества (какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи землей отвѣчающаго за нихъ круговой порукой) возлагается закономъ на особо для этого избираемыхъ обществами лицъ, дѣйствующихъ подъ наблюденіемъ сельскаго и волостного начальства, которому предоставляется „принимать мѣры побужденія въ отношеніи неплательщиковъ и подвергать взысканію (кратковременному аресту и легкому штрафу) тѣхъ изъ неплательщиковъ, которые будутъ признаны таковыми по упорству или нерадѣнію“.

Въ случаѣ безплодности вышеуказанныхъ мѣръ, къ непосредственному участію во взиманіи сборовъ привлекаются сельскіе сходы, которымъ предоставляется примѣнять по отношенію къ недоимщикамъ слѣдующія мѣры: 1) обращать на возмѣщеніе недоимки доходъ съ недвижимаго имущества недоимщика; 2) отдавать недоимщика въ заработки; 3) опредѣлять къ нему опекуна или перемѣнить старшаго въ семьѣ; 4) подвергнуть продажѣ имущество недоимщика; 5) отобрать у него весь надѣлъ или часть его. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что къ послѣднимъ двумъ мѣрамъ общество должно обращаться лишь въ случаѣ, когда примѣненіе первыхъ трехъ оказалось недостаточнымъ для пополненія недоимки.

Недоимка, оставшаяся, несмотря на всѣ принятыя мѣры, за отдѣльными крестьянами, къ опредѣленному сроку, должна быть пополнена обществомъ.

---

[1]) „Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ“.

Въ случаѣ податной неисправности всего сельскаго общества дѣло взысканія недоимокъ поступаетъ въ руки уѣздной полиціи, до этого момента участвовавшей во взиманіи податей лишь побужденіемъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ къ энергичному дѣйствію, и теперь ей предоставляется, въ случаѣ надобности, произвести опись и продажу крестьянскаго движимаго имущества.

Такъ дѣло постановлено въ законѣ; но на практикѣ наблюдаются значительныя отступленія отъ указанныхъ правилъ, какъ это будетъ видно послѣ описанія дѣйствительнаго порядка взиманія крестьянскихъ платежей.

Взиманіе платежей съ отдѣльныхъ крестьянъ лежитъ на обязанности въ мелкихъ обществахъ—сельскихъ старостъ, а въ крупныхъ—особыхъ сборщиковъ, при близкомъ участіи старосты. На помощь сборщикамъ мѣстами избираются особыя лица—„гонители" въ черниговской губерніи — на обязанности которыхъ лежитъ сгонять недоимщиковъ въ расправу для взноса податей. Трудная задача предстоитъ сборщикамъ, дѣйствующимъ подъ постояннымъ опасеніемъ подвергнуться со стороны уѣздной полиціи взысканіямъ за неисправное поступленіе съ крестьянъ слѣдуемыхъ съ нихъ сборовъ. Зажиточные домохозяева сплошь и рядомъ затягиваютъ уплату своей доли, на томъ основаніи, что за ними не пропадетъ, предлагая сборщикамъ позаботиться прежде всего о взысканіи податей съ деревенской бѣдноты. У обыкновеннаго же хозяина такъ много неудовлетворенныхъ потребностей и такъ рѣдко бываютъ, притомъ-же небольшія, денежныя средства, что,—при нѣкоторомъ равнодушіи къ своимъ податнымъ обязательствамъ,—нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться ему недоимщикомъ. Зная это, сборщикъ задается цѣлью слѣдить за всѣми денежными получками каждаго крестьянина, являться къ нему въ эти интересные моменты и требовать уплаты хотя части слѣдуемаго съ него сбора. Что касается моментовъ крестьянскихъ денежныхъ получекъ, они являются съ одной стороны общими для цѣлыхъ селеній или даже районовъ, соотвѣтственно ихъ хозяйственнымъ условіямъ; съ другой—особенными для каждаго домохозяина. Въ кобелякскомъ у. полтавской губ., напр., въ началѣ года крестьяне пріобрѣтаютъ деньги отъ случайныхъ продажъ на ярмаркахъ и т. п., на Пасху идетъ усиленная рѣзка овецъ, излишки съ которыхъ, а также излишній скотъ, продаются на ярмаркѣ; во второй половинѣ года крестьяне зарабатываютъ деньги уборкой и продажей собственнаго сѣна и хлѣба.

Въ эти періоды денежнаго „богатства" крестьянъ, сборщики должны постараться взыскать полностью слѣдуемые съ населенія платежи; иначе имъ придется неустанно наблюдать за каждымъ

плательщикомъ и входить въ тысячи подчасъ безплодныхъ и всегда непріятныхъ столкновеній, нерѣдко заканчивающихся кутузкой.

Въ кіевской губерніи, напр., слѣдуемый съ крестьянина податной платежъ пополняется не сразу, а мелкими взносами; а чтобы добиться этого результата, сборщикъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за недоимщикомъ и требуетъ отъ него уплаты сбора всякій разъ, какъ заподозритъ у него существованіе денегъ, какъ-то: услыхавъ о сдѣланной имъ продажѣ, заставъ его въ трактирѣ и т. д. Недоимщикъ съ своей стороны принимаетъ разныя мѣры, чтобы избѣжать встрѣчи со старостой и сборщикомъ: уходитъ изъ дому, запираетъ избу, прячется въ укромные уголки и пр. Въ овручскомъ у. волынской губерніи сборщики отбираютъ у неисправныхъ плательщиковъ, по возвращеніи ихъ съ базара, деньги, вырученныя ими отъ продажи продуктовъ своего хозяйства, и зачисляютъ ихъ въ счетъ недоимки, повторяя эту операцію нѣсколько разъ. Сельскія власти въ воронежскомъ у. слѣдятъ за полученіемъ недоимщиками денегъ, напр., страховой преміи, денежнаго письма или продажи продуктовъ на ярмаркѣ, и пользуются этими случаями для взысканія податей и т. д.

Но извѣстны ли сборщику денежныя получки крестьянина или нѣтъ, ему во всякомъ случаѣ нужно взыскать съ него опредѣленную сумму; для достиженія этой цѣли принимается рядъ мѣропріятій.

По мѣрѣ своего усердія, сборщикъ болѣе или менѣе часто посѣщаетъ плательщиковъ, то напоминая имъ о приближеніи времени внесенія податей, то уже требуя уплаты сборовъ. При безуспѣшности этой мѣры, плательщикъ вызывается въ волостное правленіе, гдѣ получаетъ внушеніе отъ волостного старшины или сажается имъ подъ арестъ. Эта мѣра понужденія въ случаѣ надобности повторяется. При безуспѣшности указанныхъ мѣръ, по закону, на сцену должно выступить общество, вооруженное вышеприведенными средствами понужденія нерадивыхъ плательщиковъ. Но въ дѣйствительной жизни дѣло часто происходитъ нѣсколько иначе: во-1-хъ, прежде формальнаго вмѣшательства, нѣкоторыя общества принимаютъ, такъ сказать, нравственно понудительныя мѣры воздѣйствія на неплательщиковъ; во-2-хъ, сельскія и волостныя власти сами обращаются къ нѣкоторымъ средствамъ понужденія, не предоставленнымъ имъ закономъ.

Во многихъ мѣстностяхъ, преимущественно на югѣ Россіи, общества, кромѣ сборщиковъ, избираютъ еще нѣсколькихъ лицъ, спеціальная роль которыхъ заключается въ нравственномъ, такъ сказать, понужденіи нерадивыхъ плательщиковъ къ отбыванію лежащихъ на нихъ повинностей. Такъ, въ средне-погралинскомъ обществѣ, царицынскаго уѣзда, саратовской губерніи, сходомъ избирается двое стариковъ, которымъ обыкновенно удается, не прибѣгая къ насильствен-

нымъ мѣрамъ, добиться уплаты сборовъ нерадивыми хозяевами. Общества павловскаго и бирюченскаго уѣздовъ, воронежской губ., избираютъ отъ 3 до 10 такихъ „понудителей", которые осенью обходятъ дворы неплательщиковъ, провѣряютъ ихъ платежную способность и требуютъ внесенія податей (иногда эта процедура сопровождается попойкой). То же самое имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Въ павлоградскомъ уѣздѣ той же губерніи „нудители" избираются преимущественно изъ лицъ, отличающихся энергическимъ характеромъ. Въ кіевскомъ уѣздѣ выборные нудители носятъ названіе „заказчиковъ".

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ лицамъ предоставляется право прибѣгать къ продажѣ имущества недоимщиковъ (хвалынскій уѣздъ, саратовской губ.). Въ яранскомъ уѣздѣ, вятской губерніи „довѣренные" общества слѣдятъ за неисправными плательщиками и удерживаютъ ихъ отъ растраты имущества.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принимаются, такъ сказать, неформальныя мѣры нравственнаго давленія со стороны общества на недоимщиковъ. Такъ, въ конотопскомъ уѣздѣ, черниговской губ., къ особенно неисправному плательщику иногда является староста съ толпой сельчанъ („аравою") и стыдятъ его; въ россіенскомъ уѣздѣ, ковенской губерніи, сельчане идутъ толпой къ упорному неплательщику, берутъ у него топоръ или пилу, подушку, сапоги и т. п. и, въ видѣ наказанія, пропиваютъ ихъ за 50—60 коп.

Не достигнувъ цѣли безнедоимочнаго взысканія податей предоставленными закономъ мѣрами, сельское и волостное начальство нѣкоторыхъ мѣстностей, не обращаясь еще къ сходамъ, прибѣгаетъ къ средствамъ понужденія, выходящимъ изъ предѣловъ его юридической компетенціи. Оно производитъ собственной властью арестъ имущества неплательщика („грабежъ", по характерной терминологіи малоросса), и возвращаетъ его хозяину послѣ „выкупа" въ счетъ недоимки. Въ легкихъ случаяхъ примѣненія этой мѣры аресту подлежитъ какая-нибудь одна вещь, въ данный моментъ особенно крестьянамъ необходимая, напр., теплая одежда въ зимнее время (новозыбковскій уѣздъ, черниговской губерніи), носильное или праздничное платье (пальто). Арестуется эта вещь, очевидно, не ради продажной цѣнности, а чтобы неудобствомъ, связаннымъ съ ея отсутствіемъ, вынудить неплательщика скорѣе внести свою долю сборовъ; такой же характеръ имѣетъ практикующаяся въ россіенскомъ уѣздѣ, ковенской губерніи, мѣра отбиранія у пріѣхавшаго на базаръ недоимщика одной лошади (на Жмуди преобладаетъ парная запряжка), которая тотчасъ и выкупается. Въ кіевской губерніи иногда самъ неплательщикъ, въ обезпеченіе исправности своего взноса, отдаетъ старостѣ въ закладъ ка-

кое-либо имущество. Въ другихъ мѣстностяхъ примѣненіе этой мѣры расширяется въ томъ смыслѣ, что отобранію подлежитъ значительная часть имущества недоимщиковъ, при чемъ имѣется въ виду возможность ея продажи.

Такъ, напр., обычный порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ въ уѣздахъ пермскомъ, оханскомъ и осинскомъ, пермской губерніи, заключается въ слѣдующемъ: „Въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ, смотря по настоянію полиціи, пріѣзжаетъ въ деревню волостной старшина и обходитъ дворы неисправныхъ плательщиковъ, отбирая у нихъ полушубки, кафтаны, самовары, сарафаны, монисты (у татаръ), подушки, расписныя дуги, наборную сбрую и пр., безъ всякой описи. Отобранныя вещи складываются въ домъ старосты, который выдаетъ ихъ назадъ, если плательщикъ принесъ часть оклада и пообѣщалъ уплатить остальное въ опредѣленный срокъ. Въ болѣе неисправныя селенія со старшиною пріѣзжаетъ урядникъ и, обходя избы, отбираетъ и сдаетъ старостѣ или только домашнее имущество, или и скотъ — смотря по величинѣ недоимки за домохозяиномъ. Отобранное имущество или продается безъ дальнѣйшихъ формальностей волостнымъ старшиною, или же—въ очень рѣдкихъ случаяхъ—на продажу испрашивается разрѣшеніе схода".

Въ сергачскомъ уѣздѣ, нижегородской губерніи, „полиція предписываетъ волостному и сельскому начальству доставить имущество недоимщиковъ (скотъ и движимость) въ ближайшее базарное селеніе, гдѣ оно и продается; вырученная сумма сдается въ казначейство, и затѣмъ производится разсчетъ съ недоимщиками". Въ россіенскомъ уѣздѣ, ковенской губерніи, сельскія власти отбираютъ у недоимщика нѣсколько подушекъ, лишнее платье, утварь, сдаютъ отобранное на храненіе сосѣду или выборному волостнаго схода и назначаютъ день продажи, послѣ чего недоборъ обыкновенно уплачивается.

Арестъ имущества неплательщиковъ (платья, сундука, самовара, иногда скота) сельскимъ и волостнымъ начальствомъ, а иногда и полиціей, составляетъ обычную мѣру взысканія податей, напр., въ ахтырскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ кіевской и бессарабской губерніяхъ, и примѣняется также въ херсонской губерніи, въ славяносербскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи, въ большей части уѣздовъ подольской губ., въ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи, въ татарскихъ селеніяхъ саратовской губерніи, въ казанской губерніи, въ богородскомъ и рузскомъ уѣздѣ московской губерніи, въ рязанскомъ, скопинскомъ и касимовскомъ уѣздахъ рязанской губерніи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костромской губерніи (праздничное платье, самовары), въ лодейнопольскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи,

въ крестецкомъ уѣздѣ новгородской губерніи, въ оршанскомъ и мстиславльскомъ уѣздахъ могилевской губерніи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдаются слѣдующія модификаціи описанной мѣры понужденія хозяевъ къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ сборовъ. Въ двухъ волостяхъ летичевскаго уѣзда, подольской губерніи, старшина примѣняетъ къ упорнымъ неплательщикамъ мѣру такъ-называемой экзекуціи, въ формѣ водворенія къ нимъ на хлѣба 2—3 бѣдныхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній, на все время, пока не будетъ уплачена недоимка. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи экзекуція примѣняется въ формѣ приставленія къ недоимщику расторопнаго человѣка—обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ—обязаннаго не отходить отъ него, пока онъ не уплатитъ денегъ. За исполненіе такой миссіи „экзекуторъ" получаетъ съ недоимщика отъ 15 до 30 к. въ день и прогоны, въ размѣрѣ $2^1/_2$ к. съ версты.

Въ хотинскомъ уѣздѣ, бессарабской губерніи, при задержкѣ крестьянами платежей, сельскія власти иногда дѣлаютъ распоряженіе загнать съ поля весь скотъ, который тотчасъ же и выкупается селянами.

Аналогичной аресту имущества до выкупа является практикуемая сельскими обществами богородскаго уѣзда, московской губерніи, мѣра недопущенія недоимщика, прежде до уплаты части причитающагося съ него оклада, до покоса, рубки дровъ, продажи торфа и хмѣля.

Въ демянскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи, сельское и волостное начальство взыскиваетъ слѣдуемую съ недоимщика сумму съ состоятельныхъ членовъ общества, а въ обезпеченіе возврата послѣднимъ сдѣланнаго позаимствованія, отбираетъ у недоимщика часть его имущества.

Мы не знаемъ, насколько описанные, слишкомъ патріархальные, пріемы взысканія податей могутъ быть признаны обычными или исключительными. Наши матеріалы не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ, очевидно, далеко не всѣ податные инспектора считали нужнымъ указывать на существованіе этой мѣры взысканія. Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ описаннаго, въ дѣйствительности примѣняютъ и различныя другія, не совсѣмъ согласныя съ закономъ, средства понужденія неисправныхъ плательщиковъ къ внесенію податей,—не попавшія на страницы разсматриваемаго изданія министерства финансовъ, и о которыхъ мы почерпаемъ нѣкоторое понятіе изъ газетныхъ извѣстій. За неимѣніемъ о нихъ свѣденій въ нашихъ матеріалахъ, переходимъ къ ознакомленію съ тѣмъ моментомъ взиманія податей, когда законныя мѣры взысканія, находящіяся въ распоряженіи сельскихъ властей, оказались недостаточными, и на сцену выступаетъ сельское общество, вооруженное болѣе широкими полномочіями.

На вопросъ програмы о томъ, принимаются ли самими сельскими сходами, по мірскимъ приговорамъ, указанныя въ законѣ мѣры понужденія отдѣльныхъ домохозяевъ къ платежу текущаго оклада сборовъ,—огромное большинство податныхъ инспекторовъ отвѣтило, что такія мѣры примѣняются ими лишь по настоянію властей. Изъ этого факта нельзя дѣлать заключенія, что общества совершенно равнодушны къ вопросу о большей или меньшей податной исправности ихъ членовъ и никогда самостоятельно не прибѣгли бы къ мѣрамъ понужденія неисправныхъ плательщиковъ. Нельзя этого заключать потому, что само общество отвѣчаетъ за исправность внесенія слѣдуемыхъ съ него сборовъ. Фактъ его беззаботности относительно поступленія текущаго оклада показываетъ только, что общество въ цѣломъ относится къ этому предмету такъ же, какъ и отдѣльные его члены, т.-е., что всѣ заботы о поступленіи податей оно считаетъ лежащими на властяхъ, а со стороны плательщиковъ находитъ естественнымъ идти не на встрѣчу требованій сборщика, а вслѣдъ за послѣдними. Какъ бы, однако, ни было — волей или неволей, — а обществу приходится фигурировать въ качествѣ особой инстанціи въ процессѣ взиманія податей. Впрочемъ, нѣкоторыя общества нашли средство избавиться отъ всякаго активнаго участія въ этомъ дѣлѣ: въ приговорѣ о раскладкѣ платежа (составляемомъ ежегодно, или въ особо для этого составленномъ) они передаютъ свои права понужденія неисправныхъ плательщиковъ старостѣ или инымъ довѣреннымъ лицамъ. Такъ въ хвалынскомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, общества предоставляютъ право продавать движимое имущество упорныхъ неплательщиковъ тѣмъ „понудителямъ", которые въ числѣ 4—12 человѣкъ избраны въ помощь старостѣ и сборщику. Въ ряжскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи, староста или особо избранныя лица получаютъ отъ общества право примѣнять къ недоимщику всѣ указанныя въ законѣ мѣры понужденія, кромѣ отобранія надѣловъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ велижскаго уѣзда, витебской губерніи, на примѣненіе къ неплательщикамъ указанныхъ въ законѣ мѣръ уполномочиваются старосты совмѣстно съ выборными отъ сходовъ. Передача полномочій общества сельскому или волостному начальству имѣетъ мѣсто, между прочимъ, въ черноярскомъ уѣздѣ, астраханской губерніи, въ четырехъ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи, въ нѣкоторыхъ обществахъ четырехъ уѣздовъ черниговской губерніи, въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи и т. д. Въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, сельскія общества вообще принимаютъ очень слабое участіе въ процедурѣ взиманія податей.

Впрочемъ, сельское и волостное начальство и въ другихъ мѣст-

ностяхъ самостоятельно, или по требованію полиціи, весьма часто прибѣгаетъ безъ всякихъ полномочій со стороны обществъ къ мѣрамъ понужденія плательщиковъ, предоставленнымъ закономъ вѣденію послѣднихъ. Сказанное наблюдается во всей Россіи, но особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи южныя степныя губерніи, малороссійскія (черниговская, полтавская), нѣкоторыя центральныя (тульская, калужская, тверская, тамбовская, псковская) и сѣверныя (вологодская, вятская, пермская) губерніи. Всего чаще примѣняется опись, а въ случаѣ надобности, и продажа движимаго имущества недоимщиковъ, изрѣдка и недвижимаго. Иногда продажа имущества совершается полиціей безъ разрѣшенія уѣзднаго присутствія, какъ это, напр., имѣло мѣсто въ осинскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, гдѣ такимъ образомъ было продано имущество 470 домохозяевъ. „Въ томъ же уѣздѣ былъ случай продажи, по распоряженію урядника, не только построекъ, но и усадебныхъ мѣстъ недоимщиковъ, послѣ предварительныхъ побоевъ и сѣченія (дѣло 12 башкиръ елпачихинской волости)".

Остальныя мѣры, указанныя въ статьѣ 188, примѣняются сельскимъ и волостнымъ начальствомъ рѣдко. Въ частности, отобраніе у недоимщика земли наблюдается иногда въ сердобскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, вязниковскомъ уѣздѣ владимірской губерніи, примѣняется въ енотаевскомъ и царевскомъ уѣздахъ астраханской губерніи, въ богодуховскомъ, стародубскомъ и изюмскомъ уѣздахъ харьковской губерніи, въ кіевской губерніи, въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельское и волостное начальство назначаетъ недоимщиковъ на общественныя работы (тихвинскій уѣздъ новгородской губерніи, хотинскій уѣздъ бессарабской губерніи, нѣкоторые уѣзды пензенской, гродненской, подольской, могилевской губерніи, яранскій уѣздъ [1]) вятской губерніи и др.), или на частныя съ обращеніемъ заработанныхъ денегъ на уплату недоимки (вышневолоцкій уѣздъ тверской губерніи, рогачевскій уѣздъ могилевской губерніи и т. д.). Нерѣдко въ уплату недоимки обращаются заработанныя крестьянами деньги по вольному найму или задаточныя деньги, которыя сельскія власти получаютъ съ работодателей. Въ новоладожскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, это будетъ заработано у лѣсопромышленниковъ и плотопромышленниковъ, въ боровичскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи — на лѣсномъ промыслѣ и на

[1]) Въ яранскомъ уѣздѣ хотя волостные старшины и вызываютъ неисправныхъ плательщиковъ въ волость для общественныхъ работъ, но на дѣлѣ таковыя не производятся, и указанная мѣра понужденія неплательщиковъ сводится къ безпрестаннымъ поѣздкамъ недоимщика въ волость и обратно.

фабрикахъ, въ минскомъ уѣздѣ задатокъ при наймѣ на сплавъ лѣса, въ нерехотскомъ уѣздѣ костромской губерніи, въ московской, владимірской и кіевской губерніяхъ—заработокъ на фабрикахъ или заводахъ, который управленіе послѣднихъ не всегда, однако, соглашается передавать въ руки администраціи.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ витебскаго и велижскаго уѣздовъ, витебской губерніи, задатками при выдачѣ паспортовъ или при заключеніи условій съ нанимателями крестьянъ на сплавъ лѣса, уплачивается половина годового оклада. Во избѣжаніе удержанія задатковъ крестьяне стали-было предъявлять условія съ нанимателями для засвидѣтельствованія не въ волостныя правленія, а нотаріусамъ и становымъ приставамъ, но послѣдніе, по предписанію исправниковъ, перестали свидѣтельствовать договоры о наймѣ. Въ оршанскомъ уѣздѣ, могилевской губерніи, задатки, выдаваемые лѣсопромышленниками подряжаемымъ на работы крестьянамъ—для чего они сами пріѣзжаютъ въ волостныя правленія—сполна обращаются на уплату податей и т. д.

Во многихъ селеніяхъ уманьскаго уѣзда, кіевской губерніи, съ общиннымъ владѣніемъ землей, волостные старшины входятъ въ соглашеніе съ частными экономіями о допущеніи сельскаго старосты присутствовать въ конторѣ при разсчетѣ за работы съ крестьянами, при чемъ неуплаченная часть податей удерживается изъ заработка недоимщиковъ.

Мѣстами власти предаютъ неисправнаго плательщика, какъ нерадиваго или расточительнаго хозяина, волостному суду, который подвергаетъ его аресту или тѣлесному наказанію.

Переходя къ описанію порядковъ участія во взиманіи податей самого сельскаго общества, слѣдуетъ прежде всего напомнить, что, изъ числа указанныхъ въ законѣ мѣръ понужденія неисправныхъ плательщиковъ къ внесенію слѣдуемыхъ съ нихъ сборовъ, общества прежде всего должны обратиться къ одной изъ слѣдующихъ: возмѣщенію недоимки доходомъ съ недвижимаго имущества неплательщика, отдачѣ недоимщика въ заработки, опредѣленію къ нему опекуна или замѣщенію старшаго въ семьѣ другимъ членомъ послѣдней; и лишь послѣ безуспѣшности указанныхъ мѣръ оно имѣетъ право прибѣгнуть къ описи имущества неплательщика или отобранію у него надѣла. Это положеніе закона оказалось мертвой буквой: такъ какъ недоимка въ большинствѣ случаевъ образуется не по злой волѣ крестьянина, а по бездоходности его хозяйства, то общество обыкновенно не находитъ у недоимщика такого источника дохода, который бы можно было обратить на уплату его доли сбора, и считаетъ безцѣльнымъ вмѣшиваться въ хозяйственно-административные распорядки неплатель-

щика [1]); что же касается отдачи недоимщика или члена его семьи въ заработки—немного найдется нанимателей, которые согласились бы держать такихъ подневольныхъ рабочихъ. По высказаннымъ причинамъ указанныя понудительныя мѣры примѣняются далеко не во всѣхъ губерніяхъ Россіи; да и тамъ, гдѣ встрѣчается ихъ примѣненіе, къ нимъ прибѣгаютъ очень рѣдко. При нашей податной системѣ и въ виду отношенія, существующаго между лежащими на крестьянинѣ платежами и доходностью его хозяйства — при настоятельной необходимости во взысканіи съ плательщика податей, — въ большинствѣ случаевъ не остается ничего другого, какъ обратиться къ продажѣ его имущества или сдачѣ въ аренду его земли. Эти двѣ мѣры поэтому являются наичаще примѣняемыми, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прежде обращаются къ имуществу неплательщика, а затѣмъ — къ его земельному участку; въ другихъ, начинаютъ съ отобранія надѣла — иногда съ прямой цѣлью пріостановленія начатой полиціей распродажи имущества недоимщиковъ.

Изрѣдка общества, какъ и сельское начальство, примѣняютъ, кромѣ того, мѣры обращенія на уплату недоимки заработанныхъ неплательщикомъ на сторонѣ денегъ, назначенія недоимщика не въ очередь на общественныя работы и преданіе его волостному суду.

Если, несмотря на принимаемыя сельскими властями и самими обществами мѣры, отдѣльные домохозяева не внесутъ во-время всего, слѣдуемаго съ нихъ, платежа, то отвѣтственнымъ лицомъ за недоимку, по закону о круговой порукѣ, является общество, а въ случаѣ непокрытія имъ недоимки, взысканіе ея лежитъ на обязанности уѣздной полиціи, которой предоставляется принимать слѣдующія понудительныя мѣры: 1) запрещать отлучку на сторону хозяевъ недоимочнаго селенія, 2) замѣнить избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ назначенными по собственному усмотрѣнію, 3) распорядиться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ на заработки и 4) произвести опись и продажу крестьянскаго движимаго имущества.

Изъ числа указанныхъ мѣръ, обозначенныя въ пунктахъ 1 и 3 примѣняются крайне рѣдко; смѣна должностныхъ лицъ практикуется также не часто; самымъ же распространеннымъ средствомъ взысканія недоимки съ цѣлаго сельскаго общества служитъ опись, а если нужно, то и продажа крестьянской движимости. Хотя, по закону, продажѣ въ этомъ случаѣ подлежитъ имущество всѣхъ крестьянъ даннаго общества, безъ различія недоимщиковъ и исправныхъ пла-

---

[1]) Въ 1887 г. въ 5 волостяхъ козмодемьянскаго уѣзда, казанской губерніи, по настоянію исправника, опека была примѣнена къ 200 слишкомъ недоимщикамъ, но не привела къ цѣли.

тельщиковъ, такъ какъ недоимка числится на всемъ обществѣ, а не на отдѣльныхъ его членахъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внесенію въ опись подлежитъ только имущество недоимщиковъ (нѣкоторые уѣзды тверской губерніи, юрьевскій уѣздъ владимірской губерніи); въ другихъ, хотя и описывается движимость всѣхъ домохозяевъ, но отмѣтка о продажѣ дѣлается лишь противъ имени недоимщиковъ (тверской уѣздъ); въ суздальскомъ и ковровскомъ уѣздахъ владимірской губерніи, въ корочанскомъ и новооскольскомъ уѣздѣ курской губ. опись начинается съ имущества недоимщиковъ, къ описи же движимости остальныхъ хозяевъ приступаютъ лишь въ случаѣ, если продажею описаннаго имущества недоимка останется непокрытой. Изъ того, что̀ было сейчасъ сказано, не слѣдуетъ заключать, чтобы, до наступленія описаннаго третьяго момента процедуры взиманія съ крестьянъ платежей, уѣздная полиція въ этомъ дѣлѣ не принимала никакого участія. Напротивъ того, своевременное поступленіе податей составляетъ постоянную заботу исправника; но пока не приняты всѣ мѣры взысканія съ отдѣльныхъ плательщиковъ, участіе полиціи въ этомъ дѣлѣ выражается понужденіями сельскихъ властей къ энергической дѣятельности, арестомъ (рѣдко наложеніемъ денежнаго штрафа) сборщиковъ и старостъ селеній, неисправно уплачивающихъ текущій окладъ сборовъ (въ тульской губерніи общества даютъ старостѣ за проведенные подъ арестомъ дни особое вознагражденіе), а также и волостныхъ старшинъ. Нерѣдко, однако, чины полиціи прямѣе вмѣшиваются въ дѣло собиранія податей съ отдѣльныхъ крестьянъ. Они, напр., арестуютъ недоимщиковъ (зубцовскій уѣздъ тверской губерніи), предаютъ ихъ волостному суду для присужденія къ тѣлесному наказанію (вятскій и яранскій [1]) уѣзды вятской губерніи), арестуютъ движимое имущество неисправныхъ плательщиковъ, требуя его „выкупа“ путемъ внесенія недоимки (вятскій, елабужскій и яранскій уѣзды вятской губерніи, оршанскій уѣздъ могилевской губерніи, ахтырскій уѣздъ харьковской губерніи), производятъ опись и продажу имущества неплательщиковъ (нижегородская губернія, старобѣльскій и изюмскій уѣзды харьковской губерніи) или прямо продаютъ это имущество безъ производства описи (сергачскій уѣздъ нижегородской губерніи), и вообще примѣняютъ мѣры, предоставленныя статьями 188 общ. Полож. и 127 Полож. о выкупѣ усмотрѣнію сельскихъ обществъ (нѣкоторые уѣзды владимірской и полтавской губерній, орловская губернія).

---

[1]) „Въ яранскомъ уѣздѣ до реформы волостныхъ судовъ становые пристава, при разъѣздахъ по уѣзду, нерѣдко брали съ собой волостныхъ судей, которые на мѣстѣ приговаривали недоимщиковъ къ наказанію, что̀ немедленно и приводилось въ исполненіе“.

О дѣйствительной роли различныхъ инстанцій въ дѣлѣ взиманія съ крестьянъ податей можно составить понятіе по нижеслѣдующему описанію обычнаго порядка этого взиманія въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Образцомъ этихъ порядковъ въ мѣстностяхъ, гдѣ, благодаря исправности поступленій, дѣло не доходитъ до взысканія съ цѣлыхъ обществъ, можетъ служить каневскій уѣздъ кіевской губерніи.

Срокъ взысканія начинается здѣсь незадолго до наступленія перваго частнаго срока платежа полугодового оклада (15-го іюля) и продолжается до конца года. Дѣло начинается съ того, что староста со сборщикомъ, а иногда вмѣсто нихъ—сотскій и десятскій, обходятъ избы и напоминаютъ о наступленіи времени платежа. Черезъ нѣсколько дней староста опять обходитъ избы, но уже съ требованіемъ внесенія денегъ. Обходъ этотъ повторяется, послѣ чего приступаютъ къ мѣрамъ понужденія неисправныхъ плательщиковъ—обыкновенно въ извѣстной послѣдовательности. Сначала недоимщикъ арестуется на 1—2 дня по распоряженію старосты; затѣмъ онъ вызывается въ волостное правленіе, гдѣ выслушиваетъ внушеніе отъ старшины, а иногда оставляется имъ на 1 — 2 дня для работъ при волости. Затѣмъ слѣдуютъ: вторичный арестъ недоимщика, заборъ денегъ, получаемыхъ имъ по почтѣ или заработанныхъ на сторонѣ, арестъ его движимаго имущества, сдача въ аренду части надѣла, отобраніе всего надѣла и продажа движимости. Послѣднія три мѣры принимаются по приговору общества, согласно представленію старосты.

Въ елатомскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, въ первую половину года, если на обществѣ нѣтъ недоимки за прежніе годы, настойчиваго требованія внесенія текущихъ платежей къ крестьянамъ не предъявляется. По уборкѣ же хлѣба сельскіе старосты со сборщиками и писарями обходятъ домохозяевъ и требуютъ уплаты податей. Тѣхъ изъ нихъ, „которые, по упорству, нерадѣнію или пьянству, не взносятъ сборовъ, отправляютъ въ волостныя правленія, гдѣ старшина сажаетъ ихъ подъ арестъ. Если, вернувшись домой, крестьянинъ не уплатитъ въ назначенный старшиною срокъ, его снова отправляютъ подъ арестъ,—и такъ по нѣскольку разъ. Нерадивыхъ и нетрезвыхъ старшина отдаетъ на волостной судъ, который присуждаетъ ихъ къ наказанію розгами. Если поступленіе идетъ неуспѣшно, исправникъ подвергаетъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ штрафу и аресту при полицейскомъ управленіи — до 7 дней. Затѣмъ, по его распоряженію, волостное правленіе составляетъ опись движимаго имущества неплательщиковъ. По утвержденіи описи уѣзднымъ съѣздомъ, исправникъ назначаетъ торги на продажу этого имущества или оставляетъ опись безъ движенія“.

Въ ярославской губерніи исправникъ получаетъ изъ волостного правленія вѣдомость о поступленіи окладныхъ сборовъ (кромѣ мірскихъ) и дѣлаетъ отмѣтки въ ней по предъявленіи квитанцій казначейства сборщиками, обязательно являющимися къ нему съ квитанціями тотчасъ по внесеніи собранныхъ денегъ въ казначейство. Сборщики, исправно вносящіе платежи, получаютъ одобреніе, а остальные подвергаются выговорамъ, штрафамъ и арестамъ. Если платежи продолжаютъ опаздывать поступленіемъ, побуждается къ принятію мѣръ сельское и волостное начальство, а при безуспѣшности и оно подвергается тѣмъ же взысканіямъ. Такъ дѣло идетъ до 1-го іюля. Затѣмъ полиція дѣлаетъ распоряженіе волостному начальству составить опись движимому имуществу неплательщиковъ въ селеніяхъ, гдѣ недоимка (обыкновенно земскихъ сборовъ) достигла значительной величины и гдѣ поступленія въ теченіе года шли слабо, и вноситъ описи на утвержденіе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или уѣзднаго съѣзда.

Познакомившись съ внѣшней стороной процедуры взиманія съ крестьянъ платежей, попытаемся дать себѣ отчетъ о реальномъ, такъ сказать, содержаніи практикуемыхъ пріемовъ взысканія, о частотѣ и формѣ ихъ примѣненія.

Одной изъ первыхъ карательно-побудительныхъ мѣръ взиманія окладныхъ сборовъ, которой подвергается неисправный плательщикъ, является арестъ его лицами сельскаго и волостного правленія (а иногда и полиціей) или по приговору волостного суда. Мѣра эта пользуется вообще широкимъ распространеніемъ [1]), хотя встрѣчаются и мѣстности, гдѣ она примѣняется рѣдко. Точныхъ цифровыхъ свѣдѣній о примѣненіи этой мѣры нѣтъ и не можетъ быть, тѣмъ не менѣе нѣкоторые инспектора приводятъ на этотъ счетъ цифровыя данныя. Такъ за время съ 1887 по 1892 г. для меленковскаго уѣзда владимірской губерніи указано 1418 случаевъ (около 240 въ годъ) ея примѣненія. Для тверской губерніи даются слѣдующія данныя: въ ржевскомъ уѣздѣ бываетъ отъ 24 до 70 случаевъ ареста въ годъ, въ новоторжскомъ 80—100 случаевъ; въ тверскомъ уѣздѣ по однимъ письменнымъ постановленіямъ за 1887 — 92 г., было около 1000 случаевъ ареста; но нерѣдко та же мѣра примѣняется безъ письменныхъ постановленій: по одной быковской волости бываетъ до 100 такихъ случаевъ въ годъ; зато въ кашинскомъ уѣздѣ къ аресту недоимщика сельскія власти вовсе не прибѣгаютъ. Наложеніе на неисправнаго плательщика штрафа, какъ это и слѣдовало ожидать, встрѣ-

[1]) Въ уржумскомъ у. вятской губ., напр., „къ концу полугодія арестантскія при волостныхъ правленіяхъ всегда полны“.

чается повидимому не часто. Примѣненіе къ недоимщикамъ тѣлеснаго наказанія (по приговору волостного суда—за нерадѣніе и пьянство) встрѣчается, повидимому, рѣдко: по крайней мѣрѣ о немъ рѣдко упоминаютъ наши матерьялы. Они указываютъ примѣненіе этой мѣры въ новоладожскомъ уѣздѣ петербургской губерніи, яранскомъ, котельническомъ, малмыжскомъ и елабужскомъ уѣздахъ вятской губ., въ одной волости ядринскаго уѣзда казанской губерніи, въ даниловскомъ уѣздѣ („въ крайнемъ случаѣ") ярославской губ., въ петровскомъ и кузнецкомъ уѣздахъ саратовской губ., елатомскомъ уѣздѣ тамбовской губ. (довольно часто), ливенскомъ уѣздѣ орловской губ. (въ 1891 г. въ вышне-должинской волости наказано розгами 12 человѣкъ, а въ вахновской волости такой же приговоръ относительно 15 человѣкъ отмѣненъ крестьянскимъ присутствіемъ), въ астраханскомъ уѣздѣ, горбатовскомъ уѣздѣ нижегородской г., мстиславскомъ у. могилевской губ.

Слѣдующей, весьма распространенной мѣрой взиманія податей, примѣняемой уже во второй и третьей инстанціяхъ описываемой процедуры, служитъ опись, а въ случаѣ надобности и продажа крестьянскаго имущества. Хотя, по закону, примѣненіе этой мѣры къ отдѣльнымъ недоимщикамъ совершается по инціативѣ сельскаго схода, а къ цѣлымъ обществамъ—по распоряженію уѣздной полиціи, но въ дѣйствительности и тотъ, и другой видъ разсматриваемаго мѣропріятія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, осуществляется по инціативѣ полиціи, а составляемые (да и то не всегда), въ случаѣ примѣненія этой мѣры къ отдѣльнымъ домохозяевамъ, приговоры являются „лишь необходимою (въ виду указанія статьи закона) формальностью".

Хотя продажа имущества недоимщика есть мѣра не понужденія плательщика къ внесенію слѣдующаго съ него сбора, а принудительнаго взысканія платежа, который не вносится добровольно, и потому опись крестьянскаго имущества въ принципѣ есть первый приступъ къ этому принудительному взысканію, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности опись имущества недоимщиковъ является какъ бы особою мѣрою понужденія послѣднихъ къ уплатѣ лежащихъ на нихъ платежей, и въ большинствѣ случаевъ не ведетъ къ продажѣ описаннаго имущества. Дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ уѣздовъ существуетъ большая разница между числомъ произведенныхъ описей крестьянскаго имущества и количествомъ продажъ таковаго. Нерѣдко до продажи дѣло совершенно не доходитъ, несмотря на значительное число описей. Такъ, въ буинскомъ уѣздѣ симбирской губерніи съ 1887 по 1891 г. ежегодно описывалось имущество 17—38 селеній, но до продажи нигдѣ дѣло не доходило; въ лукояновъ-

скомъ уѣздѣ, новгородской губ., за послѣднія 6 лѣтъ, описи были произведены во всѣхъ селеніяхъ, а продажъ не было ни одной; въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи на 110 описей имущества цѣлыхъ селеній въ періодъ 1887—92 гг., не было ни одной продажи; въ тотъ же періодъ времени не было ни одной продажи при числѣ описей имуществъ цѣлыхъ селеній: въ судогодскомъ уѣздѣ владимірской губ.—73, въ таганрогскомъ уѣздѣ—173, данковскомъ уѣздѣ рязанской губерній—280, верейскомъ уѣздѣ московской г.—136, лихвинскомъ уѣздѣ калужской губ.—616, калужскомъ—838.

Въ другомъ рядѣ случаевъ, на десятки и сотни описей приходится 2—3 продажи. Такъ, за то же шестилѣтіе въ гдовскомъ уѣздѣ петербургской губерніи на 70 описей (имущества цѣлыхъ селеній) приходится 2 продажи, въ хоперскомъ округѣ донской области на 67 описей 3 продажи, въ духовщинскомъ уѣздѣ смоленской губерніи на 339 описей 3 продажи, въ перемышльскомъ у. калужской губ. на 319 описей 2 продажи, въ зарайскомъ у. рязанской губ. на 329 описей 1 продажа; въ крапивенскомъ у. тульской губ. на 298 описей 1 продажа; въ веневскомъ у. на 326 описей 2 продажи; въ горбатовскомъ у. нижегородской губ. на 126 случаевъ описи (цѣлыхъ селеній) было 2 случая продажи. Въ общемъ можно сказать, что въ большей части случаевъ примѣненія этой мѣры взиманія податей число продажъ не превышаетъ 10% числа произведенныхъ описей. Въ тульской губерніи, напр., на 5.128 описей за недоимки цѣлыхъ селеній произведено 527 продажъ. Правда, причины отсутствія продажи описаннаго имущества разнообразны. Иногда продажа не допускается крестьянскимъ присутствіемъ или съѣздомъ земскихъ начальниковъ (что довольно часто наблюдается въ теченіе послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ); въ другихъ случаяхъ въ промежутокъ между описью и днемъ продажи крестьяне успѣваютъ сбыть описанное имущество по вольной цѣнѣ; довольно часто назначенная продажа отмѣняется по причинѣ неявки покупателей. Но главнѣйшей причиной указаннаго явленія служитъ фактъ внесенія недоимщиками всего или въ большинствѣ случаевъ части состоящаго на нихъ податного долга. Коль скоро полиція получила хотя бы часть требуемой суммы, она считаетъ себя удовлетворенной и прекращаетъ начатое дѣло, какъ бы заявляя этимъ, что къ описи крестьянскаго имущества она приступила не въ видахъ покрытія недоимки, а ради побужденія плательщиковъ къ внесенію хотя бы доли числящагося за ними долга государству.

Вѣроятно указаннымъ двойственнымъ характеромъ описи имущества недоимщиковъ—какъ мѣры устрашающей и какъ перваго шага продажи—объясняется фактъ крайне различной распространенности

этой мѣры даже въ отдѣльныхъ уѣздахъ той же губерніи. Гдѣ полиція приступаетъ къ описи послѣ настойчиваго испытанія разныхъ понудительныхъ мѣръ взысканія податей, тамъ эта мѣра должна примѣняться рѣже, нежели въ случаяхъ, когда на самую опись смотрятъ, какъ на средство устрашенія, какъ напр., въ вышневолоцкомъ уѣздѣ тверской губ., гдѣ опись имущества производится, по распоряженію исправника, во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ своевременно не уплачена сумма, равная полугодовому окладу. О неравномѣрности въ примѣненіи разсматриваемой мѣры можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ періодъ времени 1887-9 гг. въ котельничскомъ уѣздѣ вятской губерніи была произведена опись имущества 2.000 селеній, а въ яранскомъ уѣздѣ—всего 12 Въ теченіе 1887—92 гг. въ новгородской губерніи произведено описей: въ устюженскомъ уѣздѣ въ 709 селеніяхъ, череповскомъ—въ 843 селеніяхъ, тихвинскомъ въ 604 селеніяхъ, а въ новгородскомъ и старорусскомъ уѣздахъ—описей не производилось. За тотъ же періодъ времени въ калужской губерніи произведено описей: въ лихвинскомъ уѣздѣ — 616, козельскомъ—838, тарусскомъ—897, а въ мещовскомъ—32, мосальскомъ—49, калужскомъ 19 и т. д.

Хотя въ общемъ количество продажъ составляетъ очень незначительную долю (до 15°/о) произведенныхъ описей крестьянскаго имущества, но въ отдѣльныхъ уѣздахъ процентъ продажъ значительно повышается. Сказанное въ особенности относится къ олонецкой и и владимірской губерніямъ, откуда слѣдуетъ, повидимому, заключеніе, что полицейскія власти этихъ мѣстностей осмотрительнѣе пользуются разсматриваемой мѣрой взысканія—описью. Въ александровскомъ уѣздѣ, владимірской губерніи, за шестилѣтіе было 116 случаевъ продажъ на 181 случай описи, въ суздальскомъ уѣздѣ 1.441 случай продажи на 1.474 случаевъ описи, въ юрьевскомъ 436 на 473. Въ пудожскомъ уѣздѣ, олонецкой губ., за время 1887—92 гг., на 1.100 случаевъ описи имущества отдѣльныхъ домохозяевъ было 224 случая продажи, что̀ составитъ 20°/о произведенныхъ описей; въ вытегорскомъ уѣздѣ приходится 427 случаевъ продажи на 1.027 случаевъ описи (41°/о); въ олонецкомъ уѣздѣ опись произведена въ 67 селеніяхъ, а продажа въ 23 (30°/о). Въ тихвинскомъ уѣздѣ новгородской губерніи описано имущество въ 600 селеніяхъ, а продано въ 200 (33°/о); въ глазовскомъ уѣздѣ, вятской губерніи, описано имущество 10.131 хозяевъ (75°/о этого числа приходится на 1887 годъ), а продано у 2.591, т.-е. у 25°/о и т. д. Было бы интересно знать, какъ часто примѣняется продажа крестьянскаго имущества, какъ мѣра взысканія, и чего сто́итъ населенію примѣненіе этой мѣры. Къ сожалѣнію точныхъ данныхъ по этому предмету въ нашихъ матеріалахъ

нѣтъ. Въ програму, по которой собирались свѣденія, включенъ лишь вопросъ о количествѣ случаевъ описи и продажи движимаго имущества цѣлыхъ обществъ за время съ 1887 по 1892 гг. Но и отвѣты по этому вопросу, во-1-хъ, неполны, во-2-хъ, недостаточно опредѣленны, причемъ не всегда можно рѣшить, относятся ли сообщаемыя свѣденія къ случаямъ продажи имущества за недоимку цѣлыхъ обществъ, отдѣльныхъ домохозяевъ, или тѣхъ другихъ вмѣстѣ. Обращаясь, однако, къ этимъ даннымъ, каковы онѣ есть, мы увидимъ, что есть губерніи, гдѣ продажа и даже опись имущества за недоимку цѣлыхъ обществъ почти или вовсе не встрѣчается (архангельская, вологодская, воронежская, таврическая, ковенская, астраханская, полтавская, гродненская, волынская, подольская, кіевская, виленская, могилевская, минская), и другія, гдѣ эта мѣра примѣняется очень рѣдко (южныя степныя губерніи, черниговская, костромская, ярославская и др.). Въ остальныхъ губерніяхъ то же самое можно сказать о нѣкоторыхъ уѣздахъ: въ большей части уѣздовъ, гдѣ продажа имѣла мѣсто, вырученная при этомъ за указанное шестилѣтіе сумма колеблется отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотъ рублей. Больше тысячи рублей получено за проданное имущество (по неполнымъ, повторяемъ, свѣденіямъ) при взысканіи съ цѣлыхъ обществъ напр. въ слѣдующихъ уѣздахъ: новгородской губерніи—устюженскомъ 5.467 р., череповецкомъ 4.663 р., тихвинскомъ (за 4 года) 1.755 р., въ вытегорскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи 1.028 р., въ никольскомъ уѣздѣ вологодской губ. 2.060 р.; въ уѣздахъ вятской губерніи—слободскомъ 2.400 р., глазовскомъ 8.295 р., самарской губерніи — бугульминскомъ 9.000 р,, половинѣ новоузенскаго уѣзда 1.172 р., въ казанской губерніи — свіяжскомъ уѣздѣ 3.400 р., лаишевскомъ 4.800, казанскомъ 5.834 р. и т. д. Приведенныя цифры показываютъ, что, въ общемъ, продажа крестьянскаго имущества для покрытія недоимокъ производится не въ такихъ размѣрахъ, чтобы она могла считаться виднымъ факторомъ разоренія крестьянскаго населенія. Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ также, чтобы она не играла такой роли по отношенію къ отдѣльнымъ домохозяевамъ, или отдѣльнымъ селеніямъ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ матеріалахъ имѣется очень немного данныхъ для выясненія этого вопроса, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ приводимыя цифры не сопровождаются никакими комментаріями. Какъ рѣдкіе случаи, попадаются замѣчанія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на вопросъ. Такъ, въ вятской губерніи, въ періодъ (1887—89 гг.) усиленнаго взысканія недоимокъ, продажа крестьянскаго имущества нерѣдко совершалась безъ соблюденія какихъ-либо формальностей: „отбиралось имущество неисправнаго плательщика, продавалось тутъ же, въ присутствіи старость и сборщика

податей, или на базарѣ, безъ вызова на торги, съ отмѣткой лишь карандашомъ на описи, что была произведена продажа, и даже безъ такой отмѣтки, иногда даже безъ составленія описи". „Какъ рѣдкое исключеніе, бывали продажи всего крестьянскаго рабочаго и рогатаго скота (уѣзды орловскій и малмыжскій)". Продажа всего скота недоимщиковъ имѣла мѣсто и въ оренбургскомъ уѣздѣ, что̀ вызвало массу жалобъ на неправильное дѣйствіе сельскихъ властей и лицъ, производившихъ продажу. Въ этомъ же уѣздѣ, гдѣ въ 1892 г. была произведена опись имущества по всѣмъ обществамъ, а продажа, за неявкою покупателей, состоялась лишь въ 4 селеніяхъ, „предварительной оцѣнки имущества сдѣлано не было, а была установлена при самой продажѣ примѣрная общая цѣна, напр., для лошадей 12 р., для телятъ и жеребятъ до 3 лѣтъ включительно—5 р., и т. д. Такимъ порядкомъ крестьянское имущество было продано за полъ-цѣны, а недоимки, лежащія на этихъ обществахъ, остались все-таки непокрытыми". Въ другихъ случаяхъ потеря крестьянъ значительно больше. Въ саратовской губерніи, „при продажахъ въ прежнее время были случаи выкупа проданнаго имущества у скупщиковъ по цѣнѣ, въ четыре-пять разъ высшей противъ заплаченной послѣдними на торгахъ; для выкупа недоимщики занимали деньги у тѣхъ же скупщиковъ". Въ осинскомъ у., пермской губерніи, „продажа крестьянскаго имущества производится полиціей иногда безъ разрѣшенія уѣзднаго присутствія. Здѣсь же былъ случай продажи, по распоряженію урядника, не только построекъ, но и усадебныхъ мѣръ недоимщиковъ (послѣ предварительныхъ побоевъ и сѣченія, — дѣло 12 башкиръ елпачихинской волости)". „Продажа (въ рязанской губерніи) сельскимъ сходомъ имущества недоимщиковъ, производимая подъ угрозою полиціи привлечь къ отвѣтственности всѣхъ домохозяевъ, совершается иногда съ крайней жестокостью и пристрастіемъ".

Но продажа имущества составляетъ заключительный моментъ извѣстнаго мѣропріятія, до котораго послѣднее доводится лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ. Въ остальныхъ достаточно бываетъ перваго шага въ этомъ дѣлѣ для того, чтобы неплательщики внесли всю или часть недоимки. Если не считать, что во всѣхъ такихъ случаяхъ покрытіе недоимки сдѣлано изъ свободныхъ средствъ, злонамѣренно укрываемыхъ отъ сборщика, а что весьма часто для полученія этихъ средствъ приходится прибѣгать къ различнымъ финансовымъ операціямъ, дѣйствуя при этомъ подъ висячимъ дамокловымъ мечомъ, то сдѣлается понятнымъ, что одной серьезно сдѣланной угрозы продажей имущества недоимщиковъ достаточно для того, чтобы вынудить цѣлое общество или отдѣльныхъ лицъ предпринять

рядъ весьма невыгодныхъ для нихъ дѣйствій съ цѣлью полученія денегъ.

Въ нашихъ матеріалахъ имѣются свѣденія объ одной изъ такихъ мѣръ—общественныхъ денежныхъ займахъ. Свѣденія по этому предмету очень неполны, почему указанное явленіе въ крестьянскомъ быту не подлежитъ, на основаніи этого матеріала, точному учету. Хотя въ очень многихъ, можетъ быть даже въ большинствѣ случаевъ, процентъ по такимъ займамъ не достигаетъ слишкомъ большихъ размѣровъ, тѣмъ не менѣе весьма часто займы дѣлаются на очень тяжелыхъ условіяхъ. Такъ, въ рязанской губерніи,—гдѣ займы заключаются въ виду настойчивыхъ требованій полиціи внести подати, и гдѣ обыкновенный процентъ по общественному займу колеблется около 9—15 годовыхъ,—въ касимовскомъ уѣздѣ (въ одномъ 1890 году 89 обществъ этого уѣзда, во избѣжаніе продажи полиціей крестьянскаго имущества за недоимку, заключили займы на сумму 18 т. р.) большею частью занимаютъ изъ 3—4% въ мѣсяцъ; но случается, что платятъ и 10—15% въ мѣсяцъ. Особенно тяжелы условія займовъ у купцовъ, которые требуютъ въ уплату долга сдачи имъ земли по очень низкой цѣнѣ. Нѣсколько обществъ одной волости тарусскаго уѣзда, калужской губерніи, въ періодъ времени 1887—92 гг. заключили 26 займовъ на сумму больше 10 т. р., частью подъ работу, за 1—12% въ мѣсяцъ, иногда съ условіемъ о неустойкѣ. „Большая часть такихъ займовъ дѣлается подъ давленіемъ полиціи; занимаютъ на 2—6 мѣсяцевъ. Въ мещовскомъ и перемышльскомъ уѣздахъ ищутъ деньги взаемъ только тогда, когда полиція приступаетъ ко взысканію; оттого и кредитъ дорогой. Взятая сумма долго переписывается, изъ года въ годъ, и долгъ иногда погашается отдачей кредитору общественнаго луга. Размѣръ процентовъ опредѣлить трудно, такъ какъ въ приговорѣ объ этомъ не упоминается, и крестьяне, опасаясь лишиться кредита, скрываютъ это обстоятельство". На низовской волости васильскаго у. нижегородской губ., при годовомъ окладѣ казенныхъ сборовъ въ 7.207 р. числится долговъ на сумму 20.450 р., по которымъ платится 22—35% годовыхъ. Въ четырехъ уѣздахъ нижегородской губ. общественные займы заключаются изъ 2—5% въ мѣсяцъ. Въ корочанскомъ уѣздѣ, курской губерніи, общественные займы суммами въ 2—5 т. р. заключаются изъ 4—6% въ мѣсяцъ, въ стародубскомъ у., черниговской губ., за 40—50% годовыхъ; въ суздальскомъ у., владимірской губ., по нѣкоторымъ займамъ общества платятъ 60—84% годов., въ ярославскомъ, сорокскомъ и кишиневскомъ уѣздахъ 60% годов.; въ карачевскомъ уѣздѣ, орловской губ., артельные займы заключаются изъ 60—100% годовыхъ и болѣе; въ малоархангельскомъ уѣздѣ той же губерніи процентъ иногда повы-

шается до 120 годовыхъ Обычный процентъ по общественнымъ займамъ въ нижегородскомъ у. 60—100 годовыхъ. Въ кіевской губерніи процентъ по общественнымъ займамъ колеблется отъ ½ до 8 въ мѣсяцъ. Такіе проценты платятся при займахъ подъ круговую поруку; можно же себѣ представить, какія потери, подъ давленіемъ сборщика податей, несетъ прибѣгающій къ займу отдѣльный домохозяинъ.

Общественные займы иногда совершаются съ условіемъ уплаты долга или процентовъ работой, по низкой, конечно, ея расцѣнкѣ [1]), сельско-хозяйственными продуктами и, что̀ вѣроятно всего болѣе разорительно, сдачей кредитору общественной земли. Къ сожалѣнію, свѣденія о названныхъ мѣрахъ покрытія недоимокъ въ нашихъ матерьялахъ крайне неполны.

Кромѣ прямыхъ и замаскированныхъ займовъ, — общественныхъ и индивидуальныхъ, энергичное взысканіе податей, сопровождаемое угрозой продажи крестьянскаго имущества, побуждаетъ плательщиковъ къ принятію другихъ разорительныхъ мѣръ для погашенія недоимокъ. Подъ вліяніемъ такой угрозы сельскіе сходы иногда рѣшаются на мѣру отобранія у недоимщиковъ надѣловъ для сдачи ихъ въ аренду, т.-е. на временное обезземеленіе неплательщиковъ, имѣющее слѣдствіемъ значительный подрывъ ихъ хозяйственной состоятельности, что̀, конечно, можетъ только усилить, а не ослабить ихъ податную неисправность. Извѣстно также, какое распространеніе имѣетъ несвоевременная продажа крестьянами по низкимъ цѣнамъ продуктовъ ихъ хозяйства съ послѣдующей покупкой ихъ по дорогой цѣнѣ, запродажа, по низшей же оцѣнкѣ, труда и т. д. Неудивительно поэтому, если въ числѣ указываемыхъ податными инспекторами причинъ накопленія на крестьянахъ недоимокъ является и энергичное взысканіе податей. Усиленное примѣненіе мѣръ взысканія во время очищенія старыхъ недоимокъ ослабило платежную силу населенія вятской губерніи, между прочимъ, несвоевременнымъ требованіемъ платежа тотчасъ послѣ жатвы. „Это вело къ продажѣ хлѣба по дешевымъ цѣнамъ, между тѣмъ какъ въ декабрѣ цѣны эти значительно повышались, напр., въ яранскомъ уѣздѣ, въ трехлѣтіе 1877—90 г.г. цѣна на рожь поднималась на 23—32% и на овесъ на 20—77%. Вмѣстѣ съ тѣмъ, осенняя распродажа зерна для уплаты податей вела къ необходимости покупать весной яровыя сѣмена, переплачивая, напр., въ 1891 г. до 44% выше цѣны, по которой овесъ продавался тѣми же крестьянами. Это отразилось по

---

[1]) „Въ ямбургскомъ уѣздѣ, петербургской г., нерѣдки займы на тяжелыхъ условіяхъ у лѣсопромышленниковъ, въ видѣ задатка при наймѣ рабочихъ; также въ новоладожскомъ у. (той же губерніи), гдѣ, случается, лѣсопромышленники уплачиваютъ подати за цѣлое селеніе“.

яранскому уѣзду сокращеніемъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ въ 1892 г. слишкомъ на 30%, что принесло населенію убытокъ свыше 1 милліона рублей". Энергичное взысканіе полиціей въ 1889—90 г. податей было причиной накопленія недоимокъ на крестьянскомъ населеніи ливенскаго уѣзда орловской губерніи. Оно является въ числѣ причинъ накопленія недоимокъ въ отзывахъ податныхъ инспекторовъ петровскаго и кузнецкаго уѣздовъ саратовской губерніи. Примѣненіе мѣръ взысканія недоимокъ къ цѣлому сельскому обществу имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее, будучи по закону отвѣтственнымъ „за каждаго изъ своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей", не внесетъ добровольно ту часть оклада, которая не могла быть уплачена отдѣльными домохозяевами. Общества, конечно, стараются не довести администраціи до необходимости примѣненія крайнихъ мѣръ и, какъ мы видѣли, нерѣдко прибѣгаютъ къ займамъ для погашенія недоимокъ. Другимъ средствомъ очищенія недоимки, лежащей на неисправныхъ членахъ общества, служитъ уплата ея изъ мірскихъ суммъ, гдѣ таковыя имѣются. Обыкновенно предполагается, что эта уплата дѣлается заимообразно, и взятая изъ общественной кассы сумма начисляется долгомъ на неплательщикахъ, причемъ иногда они обязываются возвратить эту сумму съ процентомъ. Но эти ожиданія, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, не осуществляются, такъ какъ значительная часть недоимщиковъ хронически пребываетъ въ этомъ состояніи. Полныхъ свѣдѣній о степени распространенія описываемаго способа погашенія недоимки не имѣется. Изъ приводимыхъ же въ нашихъ матеріалахъ данныхъ видно, что единовременная затрата на этотъ предметъ отдѣльныхъ обществъ колеблется отъ десятковъ до тысячи рублей. Такъ, пятницкое общество устюжскаго уѣзда вологодской губерніи въ теченіе двухъ лѣтъ внесло за недоимщиковъ 1.060 р. безвозвратно; въ двухъ волостяхъ уплачивалось, съ зачисленіемъ долга на недоимщикахъ, отъ 213 до 3.742 р. въ годъ. Въ двухъ волостяхъ сольвычегодскаго уѣзда въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ внесено за недоимщиковъ 43.112 р. изъ мірскихъ суммъ и больше 6.000 р.—изъ дохода съ общественной запашки. Въ одномъ селеніи царицынскаго уѣзда саратовской губерніи мірскими суммами покрыто недоимокъ на 900 р., въ другомъ—2.984 р., въ обоихъ случаяхъ съ зачисленіемъ долга на недоимщиковъ. Въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи 4 общества въ 1892 г. покрыли безвозвратно 974 р. недоимки, въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ за обѣднѣвшихъ домохозяевъ ежегодно уплачивается отъ 100 до 500 р. Въ ковровскомъ уѣздѣ, владимірской губерніи, сельскими обществами покрываются недоимки (обыкновенно съ зачисленіемъ долга на не-

доимщикахъ) въ среднемъ, въ размѣрѣ 30—40 р. въ годъ, и извѣстенъ одинъ случай уплаты 1389 р. Въ молитвинской волости, буйскаго уѣзда, костромской губерніи недоимки отдѣльныхъ хозяевъ ежегодно покрываются изъ мірскихъ суммъ и взыскиваются позже съ недоимщиковъ, вслѣдствіе чего передъ казной эта волость всегда исправна, но имѣетъ много мірскихъ недоимокъ; 2-е молвитинское общество этой волости, напр., уплатило изъ мірскихъ суммъ за безнадежныхъ недоимщиковъ 2.077 р.—и т. д.

По закону, неуплаченная отдѣльными крестьянами къ 1 октября часть податей „раскладывается сельскимъ сходомъ на прочихъ крестьянъ того же общества и должна быть очищена непремѣнно до 15 января слѣдующаго года, т.-е. къ концу льготнаго срока, предоставленнаго плательщикамъ для взноса денегъ за вторую половину года“. Еслибы эта статья закона соблюдалась, то накопленіе на обществѣ сколько-нибудь значительныхъ недоимокъ было бы невозможно. Между тѣмъ извѣстно, что въ цѣлыхъ большихъ районахъ—уѣздахъ, губерніяхъ — недоимка, въ среднемъ, достигаетъ иногда двойного, тройного годового оклада, при чемъ въ недоимкѣ состоитъ очень значительная, если не бо̀льшая, часть домохозяевъ даннаго района. Указанный фактъ служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ непосильности податнаго бремени, обращающей въ ничто весь богатый арсеналъ средствъ взысканія, фактически находящійся въ распоряженіи полиціи. Но вышеприведенная статья закона не выполняется и въ первой ея части, т.-е. обыкновенно недоимка отдѣльныхъ домохозяевъ не раскладывается въ концѣ года на всѣхъ членовъ общества, а числится состоящей на самихъ неплательщикахъ. Противоположное явленіе,—иногда въ формѣ причисленія недоимки текущаго оклада къ суммѣ податей, подлежащей раскладкѣ въ слѣдующемъ году,—судя по нашимъ матеріаламъ, встрѣчается рѣдко. Обыкновенно, если недоимка отдѣльныхъ домохозяевъ не будетъ покрыта заимствованіемъ изъ мірскихъ суммъ или путемъ общественнаго займа, и т. п., она числится изъ года въ годъ состоящей за самими неплательщиками. Раскладкѣ между всѣми членами сельскаго общества подвергаются въ большинствѣ случаевъ недоимки совершенно безнадежныя, т.-е. числящіяся на умершихъ или безвѣстно-отсутствующихъ членахъ общества или такъ-называемыя темныя, безымянныя, равно какъ и недоимки, снимаемыя съ домохозяина вмѣстѣ съ надѣломъ—въ случаѣ, если онѣ не могутъ быть покрыты сдачею послѣдняго въ аренду. Гораздо рѣже встрѣчаются случаи добровольной со стороны общества раскладки недоимки, накопленной наличными домохозяевами. Въ селѣ Семкинѣ, перкинской волости, моршанскаго уѣзда тамбовской губерніи, раскладкѣ между всѣми подлежатъ недоимки лицъ обѣднѣв-

шихъ или подвергшихся какому-либо бѣдствію. Въ мѣстечкѣ Ильинкѣ, елизаветградскаго уѣзда херсонской губерніи, въ 1891 г. общество разверстало 519 р. недоимки, числящейся за 40 погорѣвшими домохозяевами; въ селѣ Павловскѣ—500 р., накопленныхъ безнадежными плательщиками. Въ чернскомъ и новосильскомъ уѣздахъ тульской губерніи общества допускаютъ дополнительную разверстку въ случаяхъ временныхъ бѣдствій: пожаровъ и т. п. Подобныя же разверстки встрѣчаются и во многихъ другихъ уѣздахъ. Очень часто общества составляютъ приговоры о разверсткѣ (такъ-называемой дополнительной) недоимки, числящейся за отдѣльными домохозяевами, по требованію полиціи, и нерѣдки случаи, когда такая разверстка дѣлается администраціей, при чемъ крестьяне иногда отказываются признать ее. Сказанное имѣло мѣсто, напр., въ вятской губерніи въ періодъ времени 1887—9 гг., когда администрація задалась цѣлью взысканія старыхъ недоимокъ. „Въ виду уклоненія крестьянъ отъ производства разверстокъ и даже отказа ихъ подписать заранѣе составленные приговоры—лишь въ немногихъ уѣздахъ разверстка недоимокъ состоялась, хотя и по распоряженію полиціи, но съ составленіемъ о томъ общественныхъ приговоровъ. Въ большей же части уѣздовъ разверстки обыкновенно составлялись волостными правленіями и утверждались уѣздными присутствіями". То же самое можетъ быть сказано и о тверской губерніи. Разверстка недоимокъ самимъ сельскимъ сходомъ, если здѣсь и производится, то не иначе, какъ по требованію администраціи; иногда же общества отказываются отъ производства такой разверстки и отъ утвержденія раскладки, сдѣланной какою-либо изъ административныхъ инстанцій. Это наблюдалось, напр., въ тверскомъ и вышневолоцкомъ уѣздахъ, при чемъ въ тверскомъ уѣздѣ всѣ домохозяева, участвовавшіе въ сходѣ, отказавшемся исполнить требованіе крестьянскаго присутствія о разверсткѣ, подвергались присутствіемъ оштрафованію.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что, какъ общее правило, ст. 189 общаго Положенія о крестьянахъ, о разложеніи недоимки текущаго оклада отдѣльныхъ хозяевъ на всѣхъ членовъ общества, не соблюдается, и что систематическое примѣненіе этой, такъ называемой дополнительной, раскладки встрѣчается спорадически—когда администрація задается цѣлью энергическаго взысканія запущенныхъ недоимокъ. Это имѣло мѣсто, напр., какъ мы знаемъ, въ вятской губерніи въ періодъ времени 1887 — 89 гг., или въ тверскомъ уѣздѣ, гдѣ, по иниціативѣ податного инспектора, дополнительная раскладка производилась во всѣхъ случаяхъ обнаруженія недоимщиковъ, у которыхъ нѣтъ никакого хозяйства, въ случаѣ непогашенной растраты и запутаннаго счетоводства. Что же касается стати-

стики примѣненія разсматриваемой мѣры взысканія въ различныхъ районахъ Россіи, то совершенно точныхъ данныхъ по этому предмету не имѣется; основываясь же на имѣющихся, приблизительныхъ свѣденіяхъ, можно сказать, что дополнительная раскладка недоимокъ въ нечерноземной великороссійской мѣстности чаще примѣняется, нежели въ черноземной. Есть цѣлыя губерніи, гдѣ, въ періодъ времени 1887 — 92 г., эта раскладка совершенно не примѣнялась (оренбургская, уфимская, таврическая, гродненская, волынская, подольская, витебская, виленская и др.); въ другомъ рядѣ областей она встрѣчается, какъ исключеніе (бессарабская, курская, петербургская, самарская, тульская, нижегородская, могилевская, минская, ковенская) и найдется лишь немного губерній, гдѣ случаи примѣненія этой мѣры наблюдаются во всѣхъ уѣздахъ. Одной изъ такихъ мѣстностей является вятская губернія, гдѣ, въ періодъ времени 1887—89 гг., были произведены раскладки: въ малмыжскомъ уѣздѣ, въ одной волости и одномъ обществѣ 30 т. р., въ 8 обществахъ слободскаго у. 20.300 р., въ 7 селеніяхъ сарапульскаго у. 5.500 р., въ въ уржумскомъ у. 3.600 р. и т. д. Обыкновенно разсматриваемая мѣра примѣнялась по отношенію къ нѣсколькимъ обществамъ нѣкоторыхъ уѣздовъ той или другой губерніи. Общая сумма разложеннаго платежа иногда составляетъ довольно крупную величину. Такъ, въ чебоксарскомъ уѣздѣ казанской губерніи, въ шестилѣтіе 1887—92 гг., разложено между 6321 домохозяевами 86 селеній 75.782 р. недоимки, числившейся на 4572 плательщикахъ; въ козмодемьянскомъ уѣздѣ той-же губерніи между 15 тыс. домохозяевъ разверстано 13 тыс. рублей недоимки, накопленной 855 хозяевами. Въ тверскомъ уѣздѣ въ періодъ 1887 — 9 гг. дополнительная разверстка, въ суммѣ 10 тыс. рублей, произведена въ 55 селеніяхъ; въ керенскомъ уѣздѣ, за время 1887 — 92 гг., 12 тыс. р. въ 5 обществахъ. Крестьяне села Кривой Рогъ херсонской губерніи въ 1888 г. разверстали между собой 8 тыс. р. недоимки; одно общество корсунскаго уѣзда симбирской губерніи разверстало въ 1890 г. 5.700 р. и т. д.

При такихъ дополнительныхъ разверсткахъ каждой окладной душѣ приходится уплачивать отъ нѣсколькихъ копѣекъ до нѣсколькихъ десятковъ рублей, каковой платежъ можетъ повести къ полному разоренію небогатаго крестьянина. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 17 селеніяхъ, гдѣ была примѣнена дополнительная разверстка, душевая доля дополнительнаго платежа не достигала одного рубля; въ 16 селеніяхъ она колебалась между 1 и 3 руб., въ 28 селеніяхъ между 3 и 6 рубл. и въ 25 селеніяхъ между 6 и 15½ рубл. Въ вышеупомянутомъ обществѣ керенскаго уѣзда примѣненіе дополнительной раскладки имѣло слѣдствіемъ возрастаніе душевого пла-

тежа на 12 р. 14 к.; въ тихвинскомъ уѣздѣ новгородской губерніи—на 1—10 р.; въ одномъ обществѣ солигаличскаго уѣзда костромской губерніи на 10 р. 60 к. Въ вятской губерніи дополнительный платежъ обыкновенно превышаетъ 2 р. и доходитъ до 28 р. и выше. При разверсткѣ недоимки уѣзднымъ съѣздомъ малмыжскаго уѣзда этой губерніи въ смашевскомъ обществѣ между его домохозяевами, послѣдніе были раздѣлены по состоятельности на 4 разряда, изъ коихъ 62 бѣдныхъ домохозяина были вовсе освобождены отъ платежа; 88 хозяевъ, признанныхъ средними, обложены платежемъ въ 17 р. 54 к. съ души, что̀ составитъ 6 годовыхъ окладовъ; 38 зажиточныхъ должны были уплатить по 30 р. съ души или 11 годовыхъ окладовъ и 3 богатыхъ—50 р. съ души или 18 полныхъ окладовъ. Въ одномъ обществѣ котельничскаго уѣзда вятской губерніи дополнительный платежъ составляетъ отъ 13 до 164 р. на хозяипа. Въ этомъ же уѣздѣ былъ случай обложенія обществомъ богатаго крестьянина дополнительнымъ платежемъ въ 2000 р.!

На этомъ мы и остановимся въ своемъ обозрѣніи интереснаго матеріала, заключающагося въ послѣднемъ изданіи департамента окладныхъ сборовъ.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1896 г.

Миролюбіе дипломатіи и турецкія дѣла.—Кандіоты и ихъ возможные защитники.—Послѣдствія преувеличеннаго нейтралитета.—Внутреннія дѣла въ Италіи, Франціи и Англіи.—Кандидаты на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ.

Мирное настроеніе господствуетъ въ Европѣ, несмотря на продолжающуюся рѣзню въ Кандіи и въ различныхъ мѣстностяхъ азіатской Турціи. Державы дѣйствуютъ вполнѣ согласно въ критскомъ вопросѣ, и это согласіе даетъ себя чувствовать не только Портѣ, но и кандіотамъ и сочувствующей имъ Греціи. Надежды на освобожденіе Кандіи отъ турецкаго гнета падаютъ по мѣрѣ того, какъ дипломатія проникается единодушіемъ въ дѣлѣ сохраненія политическаго status quo. Англія была склонна къ болѣе энергическимъ рѣшеніямъ, но и она примкнула къ политикѣ нейтралитета и довольствуется теперь обычнымъ миролюбивымъ участіемъ въ переговорахъ объ улаженіи кризиса. Порта пошла на уступки, которыя по обыкновенію имѣютъ какой-то двусмысленный характеръ. Назначенъ новый гражданскій губернаторъ острова, христіанинъ Георгій-паша Беровичъ, выборъ котораго считается вообще удачнымъ; но главнокомандующимъ войсками остается Абдулла-паша, занимающій болѣе высокое служебное положеніе и могущій дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, въ духѣ прямо противоположномъ намѣреніямъ и усиліямъ гражданской власти. Абдулла-паша продолжаетъ усмирять критянъ по-своему, тогда какъ Георгій-паша хлопочетъ объ успокоеніи умовъ при помощи мирныхъ реформъ. На представленія о неудобствѣ такой двойственности властей въ Кандіи Порта отвѣчаетъ, что главнокомандующимъ долженъ быть генералъ высшаго ранга, въ виду значительнаго количества войскъ, сосредоточенныхъ на островѣ, и что Абдулла-паша, имѣя титулъ маршала, не можетъ подчиняться гражданскому губернатору; однако военному начальству предложено избѣгать по возможности наступательныхъ дѣйствій и ограничиться мѣрами обороны. Чтò считать наступленіемъ и обороной—это опять-таки предоставляется рѣшенію самого Абдулла-паши, сообразно съ обстоятельствами каждаго даннаго случая. Султанъ объявилъ амнистію возставшимъ, которые добровольно положатъ оружіе; онъ обѣщалъ также возстановить автономію на началахъ, принятыхъ въ

1878 году, и это возстановленіе такъ называемой Галепской сдѣлки представляется даже особенною монаршею милостью. Собраніе народныхъ представителей состоялось въ Канеѣ, но не привело ни къ чему положительному. Военные успѣхи кандіотовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подняли духъ населенія, и уступчивость Турціи кажется уже запоздалою. Турецкія обѣщанія, каковы бы они ни были, нигдѣ не встрѣчаютъ довѣрія. Если соглашеніе 1878 года оказалось фиктивнымъ, то и предполагаемыя нынѣ реформы не могутъ разсчитывать на серьезное примѣненіе. Державы формально исполняютъ свой долгъ, побуждая Порту дѣлать извѣстные примирительные шаги относительно Кандіи; но всѣ отлично понимаютъ, что это скромное дипломатическое вмѣшательство не произведетъ чувствительной перемѣны въ судьбѣ злополучнаго острова.

Положеніе могущественныхъ европейскихъ покровителей и защитниковъ турецкихъ христіанъ характеризуется однимъ маленькимъ фактомъ, о которомъ недавно сообщалъ лондонскій „Times". Съ англійскаго броненосца замѣчено было сильное движеніе между прибрежными жителями; командиръ распорядился спустить шлюпки съ матросами и направилъ ихъ къ берегу, чтобы принять бѣгущихъ и спасающихся, но вслѣдъ затѣмъ онъ отозвалъ шлюпки обратно, такъ какъ корабли другихъ націй не послѣдовали его примѣру и поступокъ его могъ бы быть признанъ нарушеніемъ нейтралитета. Турки могутъ рѣзать жителей на глазахъ иноземной эскадры, и вооруженные европейцы не имѣютъ права останавливать кровопролитіе, спасать преслѣдуемыхъ, давать имъ помощь и содѣйствіе; всякое активное заступничество было бы уже нарушеніемъ правъ Турціи. По здравому смыслу, право на избіеніе людей вовсе не существуетъ и не можетъ существовать; слѣдовательно, никакія турецкія права не были бы нарушены, еслибы командиры иностранныхъ броненосцевъ помѣшали башибузукамъ нападать на безоружныхъ обывателей побережья. Правила нейтралитета и невмѣшательства примѣнимы только къ случаямъ двоякаго рода: во-первыхъ, къ столкновеніямъ вооруженныхъ силъ, формально или фактически равноправныхъ, и во-вторыхъ, къ дѣйствіямъ правительства въ предѣлахъ государственной территоріи. Многіе кровавые эпизоды въ Кандіи, какъ прежде въ турецкой Арменіи, не имѣли ничего общаго ни съ междоусобною борьбою, ни съ государственными мѣрами наказанія или укрощенія непокорныхъ; это были односторонніе взрывы разнузданной мусульманской черни противъ христіанскаго населенія,—взрывы, поощряемые безсиліемъ и испорченностью администраціи, а иногда даже совершеннымъ ея отсутствіемъ. Въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о пассивномъ нейтралитетѣ

для тѣхъ, кто въ силахъ спасти погибающихъ и помочь страждущимъ,—какъ, напр., для военныхъ кораблей, стоящихъ около Крита. Не вмѣшиваясь въ битвы вооруженныхъ кандіотовъ съ турецкими войсками, они не должны были бы оставаться безучастными къ бѣдствіямъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, угрожаемыхъ мусульманскими фанатиками. Общечеловѣческая обязанность помогать ближнему вступаетъ здѣсь въ свои права; она становится особенно настоятельною для представителей культурныхъ европейскихъ націй, когда дѣло идетъ о невольныхъ жертвахъ старой ошибочной политики, поддерживавшей Турцію въ ущербъ подвластнымъ ей народностямъ. Примѣръ броненосца, не рѣшившагося предложить свои шлюпки обитателямъ побережья, охваченнымъ паникою, производитъ грустное впечатлѣніе; онъ показываетъ, какъ много безжизненнаго и мертвящаго заключаютъ въ себѣ условныя политическія формулы, которыя такъ хорошо звучатъ въ рѣчахъ и нотахъ дипломатовъ. Въ турецкія воды посылаются могучіе броненосцы для охраны интересовъ европейскихъ подданныхъ и для подкрѣпленія требованій дипломатіи; и эти броненосцы уклоняются отъ оказанія мѣстнымъ жителямъ даже той небольшой доли покровительства, которая не требуетъ никакихъ усилій и не связана ни съ какимъ рискомъ. Турки были бы гораздо сдержаннѣе въ своихъ расправахъ, еслибы знали, что стоящіе невдалекѣ корабли великихъ державъ вмѣшаются въ дѣло при видѣ кровавыхъ безчинствъ и повальныхъ опустошеній въ прибрежныхъ мѣстностяхъ острова.

Къ сожалѣнію, взаимное соперничество кабинетовъ составляетъ основу международной политики на востокѣ, и это соперничество служило до сихъ поръ вѣрнѣйшимъ элементомъ устойчивости для Турціи. Когда между державами устанавливается согласіе относительно турецкихъ дѣлъ, то это значитъ, что дипломатическое воздѣйствіе не сойдетъ съ почвы status quo. Устраненіе болѣе серьезныхъ предположеній и плановъ оправдывается обыкновенно желаніемъ сохранить миръ; но никакая опасность, конечно, не грозила бы общему миру, еслибы державы совмѣстно предложили Портѣ предоставить Криту полную автономію подъ гарантіею Европы. Дипломаты по крайней мѣрѣ видѣли бы предъ собою опредѣленную задачу, надъ разрѣшеніемъ которой стоило бы потрудиться, тогда какъ нынѣшняя возня съ безцѣльными полумѣрами, обѣщаніями и увертками представляетъ собою томительное повтореніе давно испытанной дипломатической игры, ни для кого не интересной. Турецкіе дѣятели настолько искусны въ этой игрѣ, что всегда съумѣютъ истощить терпѣніе противниковъ, а затѣмъ спорные вопросы затягиваются до того, что наконецъ сами собою сходятъ со сцены. Эта обычная турецкая

тактика значительно облегчается неясностью и неопредѣленностью цѣлей, которыя ставитъ себѣ дипломатія, подъ вліяніемъ преувеличеннаго стремленія къ наружному согласію и единству.

Миролюбіе все сильнѣе водворяется въ области наиболѣе щекотливыхъ международныхъ отношеній; тройственный союзъ, игравшій такую видную роль въ постоянныхъ газетныхъ спорахъ и угрозахъ, превратился въ невиннѣйшую комбинацію, о которой рѣдко приходится вспоминать въ печати. Публика привыкла уже къ тому, что объ этомъ союзѣ говорится лишь въ извѣстныхъ оффиціальныхъ случаяхъ, два или три раза въ годъ. Чаще всего вспоминаютъ о немъ въ итальянскомъ парламентѣ, такъ какъ въ Италіи „союзная" политика оставила самые сильные слѣды. Непомѣрное увеличеніе военнаго бюджета и завоевательныя предпріятія въ Африкѣ—главнѣйшіе плоды союза, открывшаго для Италіи эру высшей политики. Тройственный союзъ соединялся съ именемъ Криспи и не пользовался популярностью въ странѣ; понятно поэтому, что онъ долженъ былъ сдѣлаться предметомъ парламентскихъ запросовъ при министерствѣ маркиза ди-Рудини. Въ отвѣтъ на рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Сермонета, объяснилъ, что союзъ остается въ полной силѣ и что нѣтъ повода ослаблять его значеніе, а глава кабинета добавилъ, что въ условіяхъ договора могутъ быть произведены измѣненія и дополненія, если они окажутся нужными. Сохраняя близкія связи съ союзниками, Италія въ то же время дорожитъ сближеніемъ съ Англіею и имѣетъ въ виду поддерживать дружескія отношенія съ Франціею, съ которою надѣется заключить выгодный торговый договоръ. Эти оговорки не могли понравиться въ Берлинѣ, но казались вполнѣ естественными въ виду измѣнившагося характера прежней „лиги мира". Вполнѣ естественны были также преобразовательные проекты генерала Рикотти, направленные между прочимъ къ сокращенію военныхъ расходовъ; они вызывали рѣзкую критику спеціалистовъ, но были одобрены сенатомъ и имѣли шансы быть принятыми палатою депутатовъ. Радикальная группа палаты сочувствовала военному министру; при дворѣ онъ былъ фаворитомъ и по личному вліянію и авторитету имѣлъ нѣкоторыя преимущества предъ министромъ-президентомъ. Въ средѣ кабинета существовалъ скрытый разладъ: маркизъ ди-Рудини не могъ ужиться съ генераломъ Рикотти, находилъ его реформы слишкомъ смѣлыми, а его самого—слишкомъ самостоятельнымъ и популярнымъ. Такъ какъ планы Рикотти имѣли связь съ иностранною политикою и съ финансами и встрѣчали поддержку въ представителяхъ этихъ двухъ вѣдомствъ,

то разногласія обнимали довольно обширный кругъ интересовъ и вопросовъ.

Чтобы возстановить единство министерства и пріобрѣсть надлежащую свободу дѣйствій, Рудини устроилъ внѣпарламентскій министерскій кризисъ, удивившій публику своею неожиданностью. Получивъ еще наканунѣ выраженіе довѣрія со стороны палаты, онъ 11 іюля (нов. ст.) подалъ королю просьбу объ отставкѣ всего кабинета. Король уполномочилъ того же Рудини образовать новое министерство, и черезъ три дня выбраны были новые министры иностранныхъ дѣлъ, военный, казначейства и публичныхъ работъ: вмѣсто герцога Сермонета—маркизъ Висконти-Веноста, вмѣсто Рикотти—генералъ Луиджи Пелду, вмѣсто Коломбо—Луцатти, вмѣсто Кармине—Принетти. Всѣ они, кромѣ послѣдняго, были уже министрами и завоевали себѣ почетную извѣстность своею прошлою политическою дѣятельностью. Имя Висконти-Веносты тѣсно связано съ исторіею объединенія Италіи; онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ самыя трудныя эпохи новѣйшей итальянской политики, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; съ тѣхъ поръ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ оставался въ тѣни, изрѣдка поднимая свой голосъ въ сенатѣ. Въ настоящее время ему 67 лѣтъ. Военный министръ Пелду занималъ тотъ же постъ въ кабинетахъ Рудини и Джіолитти, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Луцатти—извѣстный экономистъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ хозяйственнаго положенія Италіи. Принетти—практическій инженеръ и фабрикантъ, консервативный депутатъ, горячій противникъ финансовыхъ мѣръ Криспи; какъ министръ публичныхъ работъ, онъ будетъ имѣть одно достоинство — склонность къ разумной бережливости и разсчетливости. Обновленный кабинетъ Рудини не богатъ новыми талантами; привлеченіе почти забытаго Висконти-Веносты показываетъ даже, что извѣстность имени и репутаціи стояла на первомъ планѣ при выборѣ нѣкоторыхъ лицъ. Положеніе министра-президента усилилось, благодаря достигнутой имъ однородности министерства; но самъ Рудини, при всѣхъ своихъ почтенныхъ качествахъ, имѣетъ мало данныхъ для роли политическаго вождя, и общая программа его политики можетъ быть только благонамѣренною, осторожною и безцвѣтною. Военный бюджетъ не уменьшится, широкія экономическія и общественныя реформы не будутъ поставлены на очередь, и правительство ограничится частными улучшеніями, поддержаніемъ духа честности въ администраціи, постепенною ликвидаціею запутаннаго наслѣдства, оставленнаго Криспи, и общимъ сохраненіемъ status quo.

Консервативнымъ слѣдуетъ назвать и республиканское министерство Мелина во Франціи: оно все болѣе сосредоточиваетъ около

себя умѣренныя партіи парламента и ведетъ одновременно борьбу противъ крайней лѣвой и противъ крайней правой. Ораторскіе турниры между радикалами-соціалистами и либеральными дѣятелями не выходятъ за предѣлы общихъ понятій и красивыхъ фразъ. Отъ имени соціализма разсуждаетъ наиболѣе изящно депутатъ Жорéсъ; всѣ слушаютъ съ удовольствіемъ его искусныя, иногда высокопарныя рѣчи, которыя производятъ впечатлѣніе на публику, но неизбѣжно теряютъ при первомъ прикосновеніи критики. Иногда выступаетъ Жюль Гедъ, оффиціальный предводитель партіи, старающійся говорить цифрами и фактами; онъ рѣдко вдается въ фразерство и избѣгаетъ повторенія тѣхъ грозныхъ формулъ, которыя должны будто бы ужасно пугать буржуазію. Противъ этихъ застрѣльщиковъ соціалистическаго движенія возстаютъ серьезные дѣловые люди и обстоятельно доказываютъ невозможность отрицать великія заслуги и права капитала; обѣ стороны хорошо понимаютъ, что капиталъ всѣмъ нуженъ, какъ буржуазнымъ ораторамъ, такъ и соціалистамъ, и что въ сущности спорить не объ чемъ,—но принципы горячо обсуждаются, хотя о примѣненіи ихъ на практикѣ нельзя и думать. Жорèсъ удовлетворенъ, когда сказалъ интересную рѣчь; противники его рады, когда имъ удастся ослабить эффектъ его доводовъ. Эта своеобразная идейная борьба входитъ въ кругъ занятій французскихъ министровъ и отнимаетъ у нихъ много времени, безъ всякой пользы для государства. Страсть къ общимъ принципамъ отодвигаетъ на задній планъ важные практическіе вопросы; полезные законопроекты въ пользу рабочаго класса гораздо меньше интересуютъ соціалистовъ, чѣмъ безплодныя словесныя схватки съ консерваторами или либералами.

Кабинетъ Мелина посвящалъ достаточно вниманія этимъ теоретическимъ спорамъ; но онъ очутился въ двусмысленномъ положеніи вслѣдствіе оригинальной тактики крайней лѣвой. Умѣренные нападали на министровъ, а соціалисты выступали ихъ защитниками; Жорèсъ насмѣшливо указывалъ на свою солидарность съ Мелиномъ, одобряя правительственный проектъ податной реформы. Министры, въ сущности вполнѣ консервативные, должны были воевать съ своими всегдашними друзьями и терпѣть поддержку и похвалы своихъ злѣйшихъ враговъ. Законопроектъ о преобразованіи прямыхъ налоговъ выработанъ былъ министромъ финансовъ Кошри только потому, что невозможно было обойтись безъ серьезной финансовой реформы послѣ смѣлаго проекта подоходнаго налога, внесеннаго кабинетомъ Буржуа. Идея подоходнаго налога перешла изъ области отвлеченностей на практическую почву; она возбудила сильную полемику въ печати, выяснила недостатки существующей системы податей и приготовила

умы въ необходимой перемѣнѣ. Новое министерство не могло возвратиться просто къ старымъ порядкамъ; оно должно было предпринять что-либо для удовлетворенія общественнаго мнѣнія. Кабинетъ отклонилъ подоходный налогъ, но одобрилъ обложеніе извѣстныхъ формъ дохода, въ томъ числѣ государственной ренты. Во Франціи рента есть самое популярное помѣщеніе капитала; она распространена во всѣхъ слояхъ населенія, отъ самыхъ вліятельныхъ до самыхъ скромныхъ обывателей. Рѣшимость коснуться этой общедоступной формы капитала пониженіемъ его процента взволновала значительную часть французскаго общества и печати; министры полагали только, что они придумали удобный источникъ государственнаго дохода, а между тѣмъ они задѣли слабую струнку патріотовъ всѣхъ партій и направленій. Послѣ долгой и безуспѣшной борьбы правительство взяло обратно свой проектъ, воспользовавшись рѣшеніемъ палаты по одному изъ второстепенныхъ пунктовъ реформы. Парламентское обсужденіе продолжалось десять дней, отъ 29 іюня до 9 іюля (нов. ст.); поочередно говорили оппортунисты, финансисты, консерваторы, соціалисты, и наиболѣе ядовитые удары наносились правительству мнимыми защитникам рабочихъ и отрицателями собственности. Министры и ихъ единомышленники могли мириться съ чѣмъ угодно, но только не съ зачисленіемъ ихъ въ одинъ лагерь съ соціалистами; они, наконецъ, прямо заявили, что неудача проекта вызвана главнымъ образомъ поведеніемъ Жорѐса и его группы. Министерство возвратилось къ старой системѣ четырехъ прямыхъ налоговъ, предложивъ принять ее только временно, въ ожиданіи пересмотра и вторичнаго внесенія законопроекта; но несомнѣнно, что будущій финансовый проектъ Кошри будетъ уже мало похожъ на отвергнутый нынѣ. Рента будетъ вѣроятно оставлена въ покоѣ, и устарѣлые налоги, взамѣнъ которыхъ она привлекается къ обложенію, сохранятъ пока свою силу, въ ущербъ многочисленнымъ разрядамъ плательщиковъ.

Распредѣленіе податного бремени во Франціи давно уже признается крайне неравномѣрнымъ: недвижимая собственность обложена несравненно тяжелѣе денежныхъ капиталовъ; налогъ на окна и двери слишкомъ обременителенъ для недостаточныхъ и многочисленныхъ семействъ. Проектъ Кошри устранялъ эту неравномѣрность, имѣя въ виду облегченіе наиболѣе отягченныхъ категорій плательщиковъ. Съ недвижимыхъ имуществъ предполагалось снять на 70 милліоновъ франковъ податей, въ томъ числѣ на 59 милліоновъ налога съ оконъ и дверей. Вмѣсто послѣдняго налога устанавливалась квартирная подать, которая по разсчету должна была доставить около 82 милліоновъ дохода; за то отмѣнялся личный налогъ съ движимаго имущества на сумму свыше 90 милліоновъ франк. Извѣстный минимумъ

квартирной платы освобождался отъ налога, при чемъ свободныхъ оказалось бы болѣе шести милліоновъ семействъ. Обложенію ренты приданъ былъ характеръ внутренняго налога, обязательнаго только для французскихъ плательщиковъ, такъ что рента сама по себѣ, находясь въ рукахъ иностранцевъ, была бы изъята отъ платежа; этимъ сохраняется значеніе ренты для государственнаго кредита. Государство не понижаетъ процента, даваемаго рентою, и слѣдовательно не колеблетъ условій кредита, а только взимаетъ подать съ извѣстнаго источника дохода. Въ общемъ, отъ реформы значительно выиграло бы землевладѣніе: между прочимъ, налогъ съ дохода незастроенныхъ участковъ земли былъ бы пониженъ, сравнительно съ застроенными, но и послѣдніе были бы все-таки облегчены на сумму около 52 милліоновъ. Реформа въ существенныхъ своихъ чертахъ вытекала изъ назрѣвшихъ потребностей экономической жизни; она отчасти возстановляла давно нарушенное равновѣсіе между платежными силами различныхъ классовъ населенія. Налогъ на ренту обѣщаетъ всего 35 милліоновъ дохода,—цифра ничтожная для бюджета въ $3^1/_2$ милліарда; но важенъ былъ принципъ, и около вопроса о рентѣ вращались всѣ споры о финансовомъ преобразованіи. Бывшій министръ финансовъ, Думè, отстаивалъ свой контръ-проектъ и доказывалъ преимущества всеобщаго подоходнаго налога. Рувье защищалъ неприкосновенность ренты; газеты ежедневно разсуждали о рентѣ и кредитѣ, а главнѣйшія стороны и частности проекта мало обращали на себя вниманіе. Мелинъ имѣлъ полное основаніе заявить въ палатѣ, что реформа облегчаетъ положеніе сельскаго хозяйства и менѣе зажиточныхъ классовъ населенія; это значеніе реформы никѣмъ не отрицалось, но большинство палаты, очевидно, не было увѣрено въ цѣлесообразности отдѣльныхъ частей и предположеній законопроекта, затрогивавшаго вообще слишкомъ много сложныхъ вопросовъ и интересовъ народнаго хозяйства. При большей настойчивости министерства можно было бы провести реформу съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками; но систематическія нападки утомили министровъ, и въ засѣданіи 9 іюля, когда палата отклонила повышеніе налога съ застроенныхъ поземельныхъ участковъ, докладчикъ бюджетной коммиссіи тотчасъ же заявилъ, что правительство и коммиссія отказываются отъ дальнѣйшаго обсужденія проекта, въ виду невозможности найти источникъ для пополненія дефицита въ 19 милліоновъ, созданнаго рѣшеніемъ палаты. Обѣщаніе внести переработанный проектъ черезъ три мѣсяца было встрѣчено съ понятнымъ недовѣріемъ, и самъ Мелинъ говорилъ затѣмъ о неудачѣ реформы, возлагая отвѣтственность за этотъ результатъ на радикальную оппозицію и особенно на соціалистовъ. Кабинетъ отрекся отъ труднаго и щекотливаго предпріятія, чтобы избѣг-

нуть крушенія. Министры ставили вопросъ о довѣріи, когда предстояло голосованіе по вопросу о подоходномъ налогѣ, предложенномъ бывшимъ министромъ финансовъ Думè; тогда дѣло шло о выборѣ между двумя системами, и палата высказалась въ пользу кабинета. Но при обсужденіи частностей проекта не было повода связывать судьбу министерства съ такимъ или инымъ рѣшеніемъ, и кабинетъ могъ остаться на своемъ мѣстѣ, когда проектъ провалился. Противники серьезно упрекали Мелина за то, что онъ такъ легко отдѣлался отъ финансовой реформы безъ ущерба для своего положенія въ парламентѣ. Министры обнаружили въ этомъ случаѣ тактъ и ловкость, но нисколько не поступились своимъ достоинствомъ. Кабинетнаго кризиса не произошло, и это несомнѣнный выигрышъ для страны.

Выдающихся политическихъ дѣятелей не особенно много въ современной Франціи, и большая часть ихъ принадлежитъ къ старому поколѣнію; новые и свѣжіе таланты показываются рѣдко—по крайней мѣрѣ, въ области общественной и парламентской жизни. Недавно умеръ Жюль Симонъ, 82 лѣтъ отъ роду; до послѣднихъ мѣсяцевъ и даже дней онъ оставался образцомъ трудолюбія, энергіи и душевной бодрости. Жюль Симонъ, бывшій долго однимъ изъ многихъ блестящихъ представителей республиканскаго движенія, оказывается почти одинокимъ гигантомъ сравнительно съ господствующими нынѣ типами политическихъ ораторовъ и дѣльцовъ. Жюль Симонъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Профессоръ философіи въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, политическій дѣятель въ бурную эпоху второй республики, эмигрантъ и публицистъ послѣ торжества второго Бонапарта, ораторъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ въ шестидесяхъ годахъ и, наконецъ, одинъ изъ основателей современнаго республиканскаго строя, Жюль Симонъ представлялъ собою какъ бы живую исторію новѣйшей Франціи. Въ теченіе болѣе половины столѣтія онъ дѣйствовалъ въ передовыхъ рядахъ французскихъ работниковъ мысли и слова; онъ написалъ десятки ученыхъ трактатовъ и популярныхъ сочиненій, произнесъ сотни рѣчей, помѣщалъ статьи въ журналахъ и газетахъ, былъ дѣятельнымъ членомъ многихъ обществъ, руководителемъ филантропическихъ предпріятій и непремѣннымъ защитникомъ всего хорошаго и симпатичнаго въ подростающихъ поколѣніяхъ. Жюль Симонъ никогда не терялъ вѣры въ будущее; онъ былъ оптимистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ обладалъ особымъ даромъ очаровывать и привлекать къ себѣ людей; онъ былъ замѣчательно остроумный „causeur", и въ остроуміи его не было слѣдовъ искусственности или придуманности. Непринужденный блескъ его остротъ, легкость стила и тонкость мысли дѣлали его однимъ изъ лучшихъ журнали-

стовъ Франціи; его газетныя статьи всегда оставляли пріятное впечатлѣніе, и самые скучные сюжеты дѣлались подъ его перомъ занимательными и живыми. Въ 1890 году онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ международной конференціи по рабочему вопросу въ Берлинѣ, и императоръ Вильгельмъ II почувствовалъ особую симпатію къ французскому делегату, умѣвшему оживлять своимъ юморомъ самыя серьезныя разсужденія. По случаю смерти Жюля Симона, Вильгельмъ II обратился къ президенту республики съ телеграммою, въ которой выразилъ свое сочувствіе и соболѣзнованіе по поводу великой потери, понесенной Франціею, и это краткое заявленіе императора Германіи говорило больше объ установившихся идеяхъ мира и солидарности между народами, чѣмъ многія объемистыя книги проповѣдниковъ миролюбія.

Мѣсяцемъ позже Жюля Симона умеръ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ и друзей Гамбетты, Спюллеръ, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ въ кабинетахъ Рувье и Тирара. Спюллеръ былъ прежде всего талантливый и опытный журналистъ, а въ ряду политическихъ дѣятелей онъ занималъ лишь второстепенное мѣсто. Онъ долго стоялъ во главѣ газеты „République française“, основанной Гамбеттою, и всегда отличался искренностью и безукоризненною честностью въ проведеніи своихъ идей, равно какъ и въ практической жизни.—Умеръ также Леонъ Сэй, либеральный экономистъ школы Сэя и Бастіà, большой знатокъ финансовыхъ дѣлъ. Старое поколѣніе республиканцевъ сходитъ со сцены, и люди, вызывавшіе еще недавно ядовитую критику, замѣтно выростаютъ въ общественномъ мнѣніи. Теперь торжественно открываютъ памятникъ Жюлю Ферри и превозносятъ его политическую мудрость. Жюль Ферри тоже кажется теперь великаномъ. Происходитъ ли это отъ пониженія умственнаго и политическаго уровня передовыхъ французскихъ дѣятелей сравнительно съ недавнимъ прошлымъ? Дѣлать такое заключеніе было бы преждевременно. Когда для извѣстной эпохи и ея дѣйствующихъ лицъ настаетъ исторія, то фигуры героевъ всегда представляются намъ болѣе крупными и значительными, чѣмъ прежде.

Въ Англіи консервативно-уніонистское министерство продолжаетъ терпѣть неудачи во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Молодой (въ англійскомъ смыслѣ) предводитель большинства въ палатѣ общинъ, Бальфуръ, былъ еще недавно любимцемъ и надеждой умѣренно-консервативной части англійскаго общества; его рѣчи и дѣйствія находили усердныхъ хвалителей и истолкователей въ печати, начиная съ „Таймса“ и кончая „Пончемъ“. То же самое было и съ Чамбер-

лэномъ; на него смотрѣли какъ на оплотъ новой демократической и вмѣстѣ „имперской" политики; имъ гордились представители средняго промышленнаго класса, къ которому онъ принадлежитъ по своему соціальному положенію. Чамберлэнъ и Бальфуръ должны были приблизить старую торійскую партію къ потребностямъ и условіямъ современной демократіи. Оба они считались возможными кандидатами на постъ премьера въ будущемъ, вѣроятными преемниками Гладстона и Сольсбери въ роли руководящихъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Теперь мы видимъ уже не то. „Times" рѣзко критикуетъ Бальфура за его неумѣнье справиться съ трудными и сложными задачами парламентскаго вождя; сатирическій „Punch" изображаетъ его въ видѣ неудавшагося атлета, который оказывается неспособнымъ поднять гири, легко поднимаемыя его конкуррентомъ, сэромъ Гаркортомъ. Говорятъ, что Бальфуръ не отличается дѣловитымъ трудолюбіемъ, что онъ слишкомъ большой эстетикъ для прозаической министерской работы, что онъ относится слишкомъ легко къ правительственной отвѣтственности и къ парламентскимъ успѣхамъ. Такъ же точно пострадала и популярность Чамберлэна. „Punch" высмѣиваетъ министра колоній за его исторію съ президентомъ Крюгеромъ; вліятельныя газеты осуждаютъ его за чрезмѣрную уступчивость и непослѣдовательность въ южно-африканскихъ дѣлахъ, за недостатокъ энергіи въ защитѣ трансваальскихъ англичанъ, за необдуманную и плохо обставленную экспедицію противъ племени матабеле.

Джемсонъ съ товарищами былъ преданъ суду, при участіи присяжныхъ. Процессъ его начался 20 іюня (нов. ст.) въ судѣ королевской скамьи, составляющемъ отдѣленіе высшаго суда Англіи, передъ лордомъ-главнымъ судьею, лордомъ Росселемъ Киллоуэнъ, при членахъ суда баронѣ Поллокѣ и Гаукинсѣ. Обвинителями были генеральный атторней, сэръ Уэбстеръ, генеральный соллиситоръ, сэръ Финлэй, и четверо частныхъ адвокатовъ; представителями Трансвааля были три юриста; подсудимыхъ защищали семь выдающихся адвокатовъ, съ сэромъ Эдуардомъ Кларкомъ во главѣ. Сверхъ ожиданія, судьи и присяжные строго отнеслись къ патріотамъ, мечтавшимъ завоевать для Англіи южно-африканскую республику. Подсудимые признаны виновными въ устройствѣ незаконнаго вторженія въ предѣлы дружественнаго государства; они приговорены къ тюремному заключенію за свой несвоевременный и безуспѣшный подвигъ, который превозносился газетами въ стихахъ и прозѣ. Независимые судьи нашлись въ Лондонѣ для Джемсона и его соратниковъ, вопреки предположеніямъ проницательныхъ иноземныхъ публицистовъ. Готовность трансваальскаго правительства отдать своихъ побѣжденныхъ враговъ въ руки англійскаго правосудія вполнѣ оправдалась.

Этотъ результатъ дѣлаетъ, конечно, честь англійскимъ судьямъ, но онъ не доставилъ никакого удовольствія англичанамъ, сочувствующимъ смѣлой колоніальной политикѣ. Чамберлэнъ ничего не достигъ своимъ заступничествомъ за англійскихъ „иноземцевъ" въ Трансваалѣ; онъ не удовлетворилъ патріотическаго чувства публики своимъ корректнымъ поведеніемъ въ дѣлѣ Джемсона; онъ напрасно хлопоталъ о соглашеніи съ президентомъ Крюгеромъ. Теперь на него нападаютъ за то, что онъ не съумѣлъ отстоять англійскіе интересы въ Южной Африкѣ, и приговоръ по дѣлу Джемсона далъ только новое оружіе его противникамъ. Между тѣмъ въ англійскихъ владѣніяхъ, прилегающихъ къ Трансваалю, положеніе становится все болѣе критическимъ. Племя матабеле рѣшительно возстало противъ англійскаго владычества; немногочисленныя англійскія войска подвергаются частымъ неудачамъ, и возстаніе постепенно разростается, не встрѣчая достаточно сильнаго отпора. Одинъ изъ наиболѣе энергическихъ южно-африканскихъ дѣятелей, Сесиль Родесъ, долженъ былъ отказаться отъ активнаго участія въ управленіи дѣлами привилегированной компаніи, представляющей на мѣстѣ англійскую власть; отставка его отъ должности директора была принята, въ виду безспорной отвѣтственности его за предпріятіе Джемсона, а возникшій вопросъ объ отнятіи у компаніи данныхъ ей полномочій отложенъ на неопредѣленное время. Сесиль Родесъ покрылъ всѣ расходы по экспедиціи Джемсона изъ личныхъ своихъ средствъ, чтобы выгородить компанію, у которой состояли на службѣ участвовавшія въ этомъ дѣлѣ военныя силы; въ пользу компаніи дѣйствовали также сильныя придворныя вліянія, такъ какъ въ ней заинтересованы знатные люди, въ родѣ герцога Файфа, зятя королевы Викторіи. Нравственный авторитетъ компаніи однако подорванъ; оффиціальная южноафриканская политика Англіи запуталась, и общественное мнѣніе не можетъ быть довольно руководителемъ этой политики, Чамберлэномъ.

Походъ въ Донголу принесъ пока мало пользы англійскимъ интересамъ въ Египтѣ; онъ самъ по себѣ могъ бы не повредить международнымъ и колоніальнымъ отношеніямъ Англіи, но изъ-за денежныхъ расходовъ на эту экспедицію возбуждаются правительствомъ непріятные вопросы, отражающіеся крайне невыгодно на общемъ политическомъ положеніи страны. Сначала испорчены были отношенія съ Франціею изъ-за полумилліона фунтовъ стерлинговъ, взятыхъ изъ кассы египетскаго государственнаго долга, вопреки протестамъ французскаго и русскаго правительствъ; затѣмъ вызвано неудовольствіе и раздраженіе въ Индіи желаніемъ, во что̀ бы то ни стало, взвалить часть издержекъ на индійское казначейство. Отрядъ индійскихъ войскъ привлеченъ къ участію въ военныхъ дѣйствіямъ въ Суданѣ; содер-

жаніе этихъ войскъ до конца года обойдется въ 35 тысячъ фунтовъ. Остъ-индское правительство полагало, что по справедливости эти деньги не могутъ и не должны быть уплачены Индіею, такъ какъ Донгола и Суданъ не входятъ въ кругъ индійскихъ интересовъ. Естественно, что индійскіе плательщики податей не обязаны отвѣчать за англійскихъ, когда дѣло идетъ о предпріятіяхъ, интересующихъ только англичанъ и ихъ правителей. Министерство однако не согласилось съ этимъ мнѣніемъ и настаивало на необходимости покрыть указанный расходъ изъ средствъ Индіи. Министры доказывали, что для Индіи важна безопасность Египта и Суэзскаго канала, а для безопасности Египта важно очищеніе Судана отъ враждебныхъ полчищъ дервишей; слѣдовательно экспедиція въ Донголу касается и Индіи, и часть расходовъ на нее должны уплатить индусы. Что само индійское населеніе смотритъ на дѣло совершенно иначе и что компетентная мѣстная власть не раздѣляетъ мнѣнія министровъ—это не принималось въ разсчетъ въ Лондонѣ. Министръ по дѣламъ Индіи, лордъ Гамильтонъ, въ засѣданіи палаты общинъ 6-го іюля, предложилъ отнести насчетъ индійскаго казначейства издержки по содержанію индійскаго отряда въ Египтѣ, при чемъ сослался на заключеніе индійскаго совѣта, состоящаго при министрѣ. Морлей возражалъ, говоря, что не стóитъ расходиться во взглядахъ съ остъ-индскимъ правительствомъ и вызывать неудовольствіе въ Индіи изъ-за ничтожной суммы въ 35 тысячъ фунтовъ. Послѣ рѣчи Бальфура, поправка Морлея была отвергнута большинствомъ всего 85 голосовъ, а затѣмъ предложеніе лорда Гамильтона принято, несмотря на возраженія многихъ сторонниковъ министерства. Палата лордовъ, 16 іюля, высказалась въ томъ же смыслѣ. Правительственная партія въ парламентѣ на этотъ разъ очень неохотно слѣдовала за своими вождями; только боязнь министерскаго кризиса заставляла большинство поддерживать министровъ въ такомъ вопросѣ, въ которомъ они были безусловно неправы. Печать, за немногими исключеніями, возставала противъ непонятнаго поведенія Бальфура и его товарищей; съ наибольшею энергіею дѣйствовалъ въ этомъ духѣ „Times". Никто не понимаетъ мотивовъ Бальфура и лорда Сольсбери въ данномъ случаѣ, а результатъ всего этого одинъ—упадокъ общественнаго довѣрія къ кабинету.

Въ Соединенныхъ Штатахъ обѣ главныя партіи выбрали своихъ кандидатовъ въ президенты;—республиканскій конвентъ въ Сенъ-Луисѣ, 18-го іюня, назначилъ Макъ-Кинлея, прославившагося своимъ протекціоннымъ тарифомъ, а демократическое собраніе въ Чикаго, 10-го іюля,—Брайана, малоизвѣстнаго, но краснорѣчиваго за-

щитника серобряной валюты. Кандидатура Макъ-Кинлея была извѣстна и подготовлена заранѣе; за него высказалось подавляющее большинство голосовъ при первомъ же голосованіи. Вопросъ о золотѣ и серебрѣ, какъ основахъ денежнаго обращенія, наибольше волнуетъ теперь умы американцевъ, и республиканцы не могли обойти его въ своей программѣ; они рѣшили его въ пользу золота. Избранникъ ихъ, Макъ-Кинлей, также объявилъ себя сторонникомъ „здравой, надежной монеты". Отъ партіи торжественно отдѣлились вѣрные приверженцы менѣе надежнаго будто бы серебра, и по этому поводу произошелъ нѣкоторый расколъ между республиканцами. Демократы съ своей стороны имѣли давно намѣченнаго кандидата Бланда, извѣстнаго защитника монетныхъ функцій серебра. Но 9-го іюля выступилъ въ ихъ конвентѣ ораторъ и довелъ аудиторію до полнаго экстаза своею необычайно страстною рѣчью противъ поклонниковъ золота. Это былъ Брайанъ, 36-ти-лѣтній адвокатъ изъ Небраски. Въ немъ „серебряники" нашли своего вождя. Рѣчь его продолжалась всего двадцать минутъ, но восторгъ, вызванный ею, сразу обратилъ въ ничто всѣ комбинаціи и разсчеты партійныхъ дѣльцовъ. На слѣдующій день выбранъ былъ Брайанъ, а не Бландъ. Президентскіе выборы могутъ выдвинуть еще третьяго кандидата, не предусмотрѣннаго конвентами обѣихъ партій; во всякомъ случаѣ избирательное движеніе представляетъ на этотъ разъ особый интересъ, такъ какъ оно отчасти выходитъ уже изъ рукъ профессіональныхъ политиковъ и пріобрѣтаетъ болѣе широкій народный характеръ.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНВЕНЦІЯ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, какъ извѣстно, самая децентрализованная страна въ мірѣ. Ни въ одномъ современномъ цивилизованномъ государствѣ центральная власть не имѣетъ такого незначительнаго, такого косвеннаго значенія въ народной жизни. Не только каждый штатъ, но и каждое графство въ сущности совершенно самостоятельны, и Америка составляетъ отдѣльную націю не по своимъ учрежденіямъ, не по единству власти, а только по духу народа. Ея федеральная конституція, а за нею и всѣ штатныя, даютъ только остовъ, только скелетъ, такъ сказать, ея государственнаго и штатнаго устройствъ,—всѣ подробности, весь ходъ всѣхъ ея учрежденій предоставлены безусловно самодѣятельности самого населенія: имъ дана полная возможность развиваться, измѣняться и расширяться сообразно требованіямъ времени. Основанія въ самыхъ широкихъ чертахъ остались неизмѣнными въ теченіе стадвадцатилѣтней исторіи существованія Союза, какъ самостоятельнаго государства, доказавъ не только свою жизненность и практичность, но и возможность безпримѣрной въ новѣйшей исторіи устойчивости республиканскихъ учрежденій; а методы и пріемы постоянно перерабатываются опытомъ и основаны не на писанныхъ законахъ, а на обычаяхъ, держащихся исключительно своей цѣлесообразностью. Костякъ тотъ же, что̀ и въ день провозглашенія независимости Союза, а мясо, мускулы и нервы существенно измѣнились, сообразно росту націи и ея постоянно измѣняющимся потребностямъ. Мнѣ кажется, что эта эластичность, эта способность государственныхъ и общественныхъ учрежденій Америки къ отзывчивости и общему удовлетворенію проистекаютъ именно, во-первыхъ, изъ ея децентрализаціи, во-вторыхъ, изъ подвижности организаціи ея политическихъ партій. Конституція Союза, ея писанный законъ, остается неизмѣнной, измѣняются же „платформы", пріемы и методы партій, сообразно потребностямъ отдѣльныхъ мѣстностей, времени, извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ теченій. Эта дуальность всѣхъ основъ государственной и общественной жизни всего рѣзче замѣчается при переѣздѣ изъ одного штата въ другой. Было бы крайне поверхностно судить вообще какъ о той, такъ и о другой по условіямъ жизни одного, или даже нѣсколькихъ штатовъ. Писанный законъ — конституціи федеральная и штатныя—вездѣ одинаковы; послѣднія отличаются одна отъ

другой только въ самыхъ несущественныхъ деталяхъ, а дѣйствительная жизнь и неписанные законы крайне различны. Теоретическое знакомство съ писаннымъ закономъ даетъ только самое отдаленное понятіе о дѣйствительности, болѣе поверхностное и несовершенное, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Всякія обобщенія будутъ крайне рискованны и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, невѣрны. Еще можно, пожалуй, говорить до извѣстной степени вообще объ извѣстныхъ районахъ,—штатахъ новой Англіи, приморскихъ штатахъ Юга, районѣ Великихъ Озеръ, Сѣверо-Западѣ, Тихо-океанскомъ побережьѣ—и то крайне осторожно, и съ многочисленными оговорками, такъ какъ даже въ такихъ, сравнительно узкихъ, районахъ встрѣтятся такія, напр., рѣзкія несходства, какъ между штатами Вермонтомъ и Массачузетсомъ, Южной Каролиной и Флоридой, Вашингтономъ и Калифорніей. Чѣмъ дольше я живу здѣсь, чѣмъ ближе знакомлюсь съ разными замѣчательными особенностями страны, чѣмъ глубже вникаю въ эти особенности, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что ея единство заключается единственно въ духѣ народа, а не въ его учрежденіяхъ, обычаяхъ и нравахъ; что это не компактное государство, а чрезвычайно остроумно и цѣлесообразно составленный, довольно поверхностный Союзъ изъ пятидесяти отдѣльныхъ самостоятельныхъ странъ, связанный до извѣстной степени единствомъ языка и географическими границами, и только весьма несущественно—своей конституціей. Федеральная конституція—это наткнутая канва, на которой каждый штатъ вышиваетъ свой собственный узоръ, выбирая по своему собственному усмотрѣнію и рисунокъ, и краски. Особенно рельефно выражается это разнообразіе при изученіи „платформъ“ главныхъ политическихъ партій, національныхъ, штатныхъ и графствъ. Настоящая президентская кампанія является особенно поучительной, такъ какъ обѣимъ главнымъ партіямъ, республиканской и демократической, вслѣдствіе чрезвычайно серьезныхъ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ потрясеній предшествовавшаго четырехлѣтія, приходится высказаться такъ или иначе по многимъ новымъ, только-что возникшимъ вопросамъ, и существенно переработать свои прежнія „платформы“. Основанія для національныхъ платформъ, т.-е. программъ, провозглашаемыхъ нашими партіями каждые четыре года, закладываются сначала политическими партійными конвенціями графствъ, затѣмъ штатовъ; платформы, выработанныя конвенціями графствъ, конденсируются конвенціями штатовъ, а платформы этихъ послѣднихъ—національными конвенціями партій. Платформа графства высказывается по мѣстнымъ, штатнымъ и національнымъ вопросамъ; штатныя—по штатнымъ и національнымъ, а національная — по національнымъ. Такимъ обра-

зомъ, каждая штатная платформа составляетъ нѣчто общее, компромиссъ платформъ графствъ по штатнымъ и національнымъ вопросамъ; національная же—компромиссъ платформъ штатныхъ по вопросамъ національнымъ. Судить по ней о положеніи, принятомъ по извѣстному національному вопросу какимъ-либо отдѣльнымъ штатомъ, совершенно невозможно, точно такъ же какъ невозможно по платформѣ штата судить о положеніи извѣстнаго графства по вопросамъ штатнымъ. Платформы національныя и штатныя представляютъ собою нѣчто отвлеченное, въ громадномъ большинствѣ случаевъ достаточно широкое для того, чтобы вся партія могла на нихъ умѣститься, несмотря на очень существенныя, можетъ быть, разногласія въ ея средѣ по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. При томъ разнообразіи и многочисленности національныхъ и штатныхъ вопросовъ, при той энергичной быстротѣ жизни, такъ обычной Америкѣ, въ Германіи или Франціи давно образовалось бы нѣсколько, можетъ быть, цѣлый десятокъ, рѣзкихъ политическихъ партій, получилась бы самая прискорбная, непримиримая разноголосица, — здѣсь же не только возможно, но и постоянно достигается единство, именно благодаря, во-первыхъ, ширинѣ платформъ, а во-вторыхъ, самостоятельности штатовъ и графствъ. Америка и до сихъ поръ обходится съ двумя только главными партіями—третья и четвертая никогда не играли въ ней существенной роли. Извѣстный штатъ, оставшись въ меньшинствѣ по какому-нибудь національному вопросу, остается въ то же время полнымъ хозяиномъ у себя дома; то же можно сказать и о графствѣ, оставшемся въ меньшинствѣ по вопросу штатному. Въ концѣ концовъ мѣстные вопросы имѣютъ всегда самое близкое, самое существенное значеніе для населенія; поэтому извѣстная мѣстность, извѣстное политическое подраздѣленіе, сохраняя за собою ихъ рѣшеніе, никогда окончательно не обезличивается, не затаптывается большинствомъ,—противныя мнѣнія могутъ вліять только на извѣстную, сравнительно ограниченную сферу, только на извѣстныя стороны всей общественной жизни штата или графства. Оказавшись побитыми по одному вопросу, тотъ или другое побѣждаютъ по другому; въ то же время, никакое рѣшеніе не можетъ быть признано окончательнымъ, всегда остается въ запасѣ надежда на возможность побѣды въ будущемъ. За исключеніемъ тѣхъ рѣзкихъ, немногихъ случаевъ, когда извѣстная партія организовалась съ спеціальной цѣлью принести все остальное въ жертву извѣстному вопросу, какими были, напр., аболиціонисты передъ междоусобной войной 1861—1865 гг. или прогибиціонисты со времени своего основанія, или какими грозятъ въ настоящее время сдѣлаться биметаллисты, ни одна американская великая политическая партія никогда не

была единодушна ни по одному существенному національному вопросу. Такъ, хотя главнымъ, кореннымъ различіемъ между современными демократами и республиканцами считается вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли, тѣмъ не менѣе въ средѣ демократовъ всегда существовала и въ настоящее время существуетъ весьма значительная фракція протекціонистовъ, тогда какъ въ рядахъ республиканцевъ не мало завзятыхъ фритрэдеровъ: ихъ аффиліація съ той или другой партіей обусловливается другими вопросами, кажущимися имъ болѣе существенными, чѣмъ вопросъ о протекціонизмѣ. Пользуясь всегда абсолютной самостоятельностью въ дѣлахъ мѣстныхъ, американецъ далеко не такъ непримиримъ въ дѣлахъ штатныхъ и государственныхъ, какъ, напр., французъ: онъ легче идетъ на компромиссъ и довольствуется либо частными уступками, либо надеждой на будущее—въ американской политикѣ немыслимы такіе частые и нерѣдко радикальные перевороты, какими, напр., такъ изобилуетъ исторія Франціи за послѣднюю четверть вѣка.

Необходимо замѣтить, что въ Америкѣ партизанскій духъ вообще далеко не такъ силенъ, какъ въ континентальной Европѣ и даже въ Англіи. Это особенно вѣрно относительно мѣстныхъ дѣлъ. Въ нихъ очень обыкновенны и все болѣе и болѣе входятъ во всеобщее употребленіе и часто оказываются наиболѣе успѣшными—такъ называемые Citizens-tickets, т.-е. списки кандидатовъ на общественныя должности, несмотря на ихъ принадлежность къ той или другой національной политической партіи. Именно такой „тикетъ“ разбилъ даже въ Нью-Іоркѣ бывшую тамъ долгое время всемогущей самую развращенную политическую организацію Америки—демократическое общество Таммани-Холлъ. Въ штатныхъ дѣлахъ такіе списки еще неизвѣстны, но на практикѣ нерѣдки случаи, когда всѣ чины штата перемѣшаны, т.-е. губернаторъ принадлежитъ къ одной партіи, государственный секретарь къ другой, и такъ далѣе: хотя обѣ партіи выставляютъ полные списки, народъ выбираетъ изъ обоихъ наиболѣе подходящихъ по его понятіямъ людей. Такъ въ Калифорніи въ настоящій моментъ губернаторъ—демократъ, а всѣ безъ исключенія остальные чины штата, начиная съ вице-губернатора — республиканцы, притомъ выбранные большинствомъ двадцати тысячъ голосовъ. Нашъ штатъ безспорно обладаетъ значительнымъ республиканскимъ большинствомъ, но народъ не могъ переварить непопулярнаго, назначеннаго этой партіей, кандидата и на выборахъ забраковалъ его самымъ безжалостнымъ образомъ и выбралъ его противника. Американскій избиратель всегда болѣе или менѣе самостоятеленъ, и здѣсь политическіе вожаки вообще не имѣютъ того значенія, что̀ въ Англіи, и выраженіе: to whip one into party lines, такъ общеупо-

требительное въ этой странѣ во время парламентскихъ выборовъ, здѣсь совершенно неизвѣстно. Національныя партіи рѣзко разграничиваются только въ національныхъ выборахъ и только то, какъ вотировалъ извѣстный гражданинъ на такихъ выборахъ, установляетъ его принадлежность къ той или другой партіи.

Такъ какъ, при современной организаціи политическихъ партій, кандидаты на мѣста назначаются и, главное, платформы партій составляются конвенціями, то, само собой разумѣется, политика страны и опредѣляется прежде всего работой этихъ конвенцій; а такъ какъ изъ вышеизложеннаго ясно, что основанія этой политики закладываются конвенціями графствъ, то и очевидно, что въ нихъ-то, въ сущности, и слѣдуетъ искать источники государственной и общественной жизни Америки и ея „злобу дня". Члены штатныхъ конвенцій выбираются конвенціями графствъ и получаютъ отъ нихъ свои инструкціи, члены національной—штатными. Платформы штатныхъ конвенцій и національной составляются сообразно инструкціямъ отъ конвенцій графствъ и, какъ уже выше было замѣчено, представляютъ собою нѣчто среднее, общее, консолидацію, компромиссъ, такъ сказать, изъ платформъ этихъ послѣднихъ. Это нѣчто въ родѣ композитныхъ фотографій цѣлыхъ классовъ учебныхъ заведеній, цѣлыхъ кабинетовъ или факультетовъ, вообще людскихъ группъ, такъ входящихъ въ моду за самое послѣднее время. Первоначальными источниками всегда и вездѣ являются, слѣдовательно, конвенціи графствъ. Кромѣ того, онѣ же даютъ и наиболѣе полную картину общественной жизни, обнимая собою вопросы и мѣстные, и штатные, и государственные. Калифорнія раздѣляется на 52 графства, и только изученіе платформъ обѣихъ главныхъ политическихъ партій во всѣхъ ихъ, въ связи съ обѣими штатными, и можетъ дать полное понятіе о всей общественной жизни штата. Я просмотрѣлъ платформы обѣихъ партій во всѣхъ графствахъ нѣсколькихъ штатовъ, и это-то сравнительное изученіе и привело меня ко всему тому, что̀ я сказалъ выше. Я пришелъ къ тому заключенію, что для того, чтобы имѣть ясное понятіе о политикѣ Союза, необходимо прежде всего быть основательно знакомымъ съ политическими конвенціями графствъ. Мнѣ приходилось не разъ участвовать въ такихъ конвенціяхъ въ штатахъ Флоридѣ и Сѣверной Каролинѣ, но тамъ въ то время республиканская партія была въ совершенномъ загонѣ, и могла только платонически заявлять о своихъ пожеланіяхъ, безъ малѣйшей надежды на ихъ исполненіе. Въ Калифорніи совсѣмъ другое дѣло. Я только-что вернулся съ конвенціи республиканской партіи нашего графства, куда ѣздилъ делегатомъ отъ нашего поселенія, и вотъ эту-то поѣздку я и опишу читателю. Организація и пріемы, въ сущ-

ности, одинаковы по всему Союзу для всѣхъ партій, и потому такое описаніе лучше и вѣрнѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій и обобщеній уяснитъ ему сущность дѣла.

Въ моей статьѣ: „Американская деревня", появившейся въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за текущій годъ, я уже разсказалъ, что̀ такое американское графство вообще и графство Санъ-Бернардино въ особенности. Это, въ сущности, большая волость. Въ Калифорніи, по послѣднему цензу 1890 г., насчитано съ небольшимъ 1.100.000 бѣлаго населенія на 52 графства. Если исключить 4 графства съ большими городами: Санъ-Франциско, Оаклендомъ, Аламидой и Лосъ-Анжелесомъ, считающихъ въ себѣ около 600.000 жителей, на остальныя 48 останется всего 500.000, т.-е. около десяти тысячъ жителей на графство. Среднее для всего Союза, въ особенности для центра и юга, будетъ гораздо ниже, не болѣе 5—6 тысячъ жителей на графство. Я самъ знаю въ Россіи волости съ гораздо бо̀льшимъ населеніемъ. Конечно, наше графство—волость безусловно всесословная, такъ какъ здѣсь сословій совсѣмъ не имѣется, каждый его житель, и горожанинъ, и фермеръ, и бездомный рабочій, является его полноправнымъ и равноправнымъ гражданиномъ. Для удобства голосованія въ день выборовъ, оно раздѣляется на 37 „присинктовъ" (voting pricinct), изъ которыхъ въ каждомъ имѣется особый комитетъ изъ представителей всѣхъ политическихъ партій для наблюденія за законностью порядка выборовъ. Я разскажу только о конвенціи республиканской партіи, къ которой принадлежу самъ и въ которой только-что участвовалъ—читатель пойметъ, что все то, что̀ я говорю о ней, приложимо и ко всѣмъ остальнымъ, имѣющимъ правильную организацію—ихъ здѣсь теперь четыре: республиканская, демократическая, популистская и прогибиціонная [1]).

Исполнительный комитетъ партіи въ графствѣ, согласно числу голосовъ ею поданныхъ на послѣднихъ общихъ выборахъ, установляетъ представительство отдѣльныхъ присинктовъ въ конвенціи графства. Выборъ этихъ делегатовъ называется primaries, т.-е. первоначальныя собранія партіи. Представительство это опредѣляется извѣстнымъ отношеніемъ числа делегатовъ къ числу членовъ партіи въ графствѣ. Принято за правило, что очень большія конвенціи, больше чѣмъ въ тысячу членовъ, непрактичны; ихъ организація и

[1]) По недавно введенному у насъ закону о принятіи австралійской системы выборовъ, политическая партія имѣетъ право на представительство, если на предшествовавшихъ выборахъ за ея кандидатовъ было подано не менѣе 5% всѣхъ голосовъ; если же она появляется въ первый разъ, то требуется именная петиція, подписанная не менѣе 5% всѣхъ имѣющихъ право на голосъ и зарегистрованныхъ въ графствѣ (вотеровъ) избирателей.

ходъ дѣлъ въ нихъ представляетъ значительныя трудности, поэтому во многолюдныхъ графствахъ отношеніе числа делегатовъ иногда спускается до полупроцента и даже менѣе. Тѣмъ не менѣе, каждому присинкту, какъ бы мало ни было число поданныхъ въ немъ голосовъ, дается представительство и въ конвенціи, и въ исполнительномъ комитетѣ. Дѣлается это, во-первыхъ, чтобы поддержать партійную организацію въ каждомъ присинктѣ, а во-вторыхъ, главное, чтобъ не лишить извѣстную мѣстность представительства вообще, несмотря на ея малонаселенность. Границы присинктовъ опредѣляются не числомъ жителей, а удобствами голосованія для нихъ; присинкты вообще очень неравномѣрны, иногда очень велики, какъ напр., въ большихъ городахъ, съ нѣсколькими тысячами голосовъ, иногда очень мелки, всего съ немногими десятками, какъ, напр., въ малонаселенныхъ пустыняхъ нашего графства. Предѣлами района присинкта считается физическая возможность для его жителей подать голосъ въ день выборовъ, при чемъ каждый избиратель могъ бы исполнить всѣ требованія закона и подать свой голосъ отъ восхода до захода солнца—срокъ, которымъ громадное большинство штатовъ, а въ томъ числѣ и Калифорнія, опредѣляетъ день выборовъ. На югѣ, гдѣ бѣлое населеніе всячески препятствуетъ неграмъ пользоваться правомъ голоса, предѣлы присинктовъ нерѣдко умышленно расширяются до такой степени, что негры лишаются физической возможности воспользоваться этимъ правомъ за короткостью дня. Въ данномъ случаѣ въ нашемъ графствѣ представительство было опредѣлено однимъ делегатомъ на каждый присинктъ, несмотря на его размѣры, однимъ на каждые десять голосовъ, поданныхъ на предшествовавшихъ выборахъ, и однимъ на каждую фракцію свыше каждыхъ десяти голосовъ. Такимъ образомъ присинктъ, подавшій всего одиннадцать голосовъ, получалъ право на трехъ делегатовъ; присинктъ, подавшій сто голосовъ, на одиннадцать. Въ то же время, въ сосѣднемъ съ нами графствѣ Лосъ-Анжелесъ былъ установленъ только одинъ делегатъ на каждые двадцать пять голосовъ, и одинъ на каждую фракцію свыше 13 голосовъ, такъ что тамъ присинктъ съ 37 голосами имѣлъ право только на двухъ делегатовъ, а присинктъ съ 112 только на 5, и все же въ конвенціи нашего графства участвовало 312 делегатовъ, а въ конвенціи графства Лосъ-Анжелесъ—890. Въ большихъ присинктахъ съ нѣсколькими сотнями или даже тысячами голосовъ, гдѣ не всѣ избиратели знакомы между собою, и гдѣ общественное мнѣніе не можетъ кристаллизоваться извѣстнымъ образомъ съ явной очевидностью для всѣхъ, передъ primary устраиваются частныя совѣщанія, называемыя caucus, которыя и составляютъ списокъ предлагаемыхъ делегатовъ, выбираемыхъ въ назна-

ченный для primary день съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и условій дѣйствительныхъ выборовъ, но, конечно, подъ наблюденіемъ одной производящей выборы партіи. Въ маленькихъ же присинктахъ, въ родѣ нашего, избиратели съѣзжаются въ извѣстный часъ въ извѣстное мѣсто и назначаютъ делегатовъ безъ особенныхъ формальностей.

Въ нашемъ присинктѣ, обнимающемъ только наше поселеніе, Кукамонгу, было подано на предшествовавшихъ выборахъ всего 40 республиканскихъ голосовъ, и потому намъ предстояло выбрать въ конвенцію графства пятерыхъ делегатовъ. Въ primary участвовало до 80 человѣкъ—поселеніе наше ростетъ очень быстро, и въ предстоящіе выборы подастъ не менѣе сотни республиканскихъ голосовъ. Собраніе было особенно оживленно потому, что кромѣ обычнаго интереса къ президентской кампаніи вообще, у насъ былъ и мѣстный, такъ какъ одинъ изъ нашихъ фермеровъ былъ кандидатомъ на должность вице-губернатора штата (lieutenant-Governor) — онъ человѣкъ сравнительно бѣдный, но способный и ловкій, и, въ предшествовавшую сессію нашей легислатуры, съ успѣхомъ занималъ мѣста спикера, т.-е. предсѣдателя палаты представителей штата. Кромѣ того, демократы, за послѣднее четырехлѣтіе безраздѣльно управлявшіе страной, выказали такое безсиліе, такую неумѣлость, такъ разстроили и финансы, и общее благосостояніе страны, что у нихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ шансовъ на успѣхъ — страна понимаетъ, что то лицо, которое назначитъ кандидатомъ въ президенты республиканская національная конвенція, будетъ несомнѣнно выбрано, и потому всѣ мы понимали, что участвуемъ, въ сущности, въ выборѣ будущаго президента. Списокъ кандидатовъ въ делегаты былъ быстро составленъ, и затѣмъ тутъ же единогласно провозглашенъ. Хотя я и живу въ поселеніи сравнительно только очень недолго, тѣмъ не менѣе мое имя оказалось первымъ, вѣроятно благодаря тому активному участію, которое я принималъ въ теченіе прошлой зимы въ волнующемъ насъ до крайности желѣзно-дорожномъ вопросѣ: намъ нужна желѣзнодорожная станція ближе къ центру нашего поселенія, мы не разъ собирались на общественные митинги по этому поводу, и я и теперь состою предсѣдателемъ комитета для переговоровъ съ желѣзнодорожнымъ управленіемъ, переговоровъ, обѣщающихъ намъ полный успѣхъ.

Наше поселеніе, Кукамонга, въ сущности не что иное, какъ большое село. Хотя мы и не живемъ скучившись, на одной улицѣ, а каждый изъ насъ сидитъ на своемъ rancho, тѣмъ не менѣе всѣ мы знаемъ другъ друга болѣе или менѣе, и я конечно зналъ лично и всѣхъ остальныхъ четырехъ делегатовъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что ни одинъ изъ нихъ, точно такъ же какъ и я самъ, не имѣлъ абсолютно никакихъ вожделѣній относительно общественнаго пирога. Вы-

браны мы были, во-первыхъ, съ строгимъ соблюденіемъ представительства различныхъ частей поселенія, во-вторыхъ, потому, что дѣйствительно представляли собою стремленія республиканской его партіи. Наши политическія убѣжденія и взгляды какъ на мѣстные вопросы, такъ и на личности различныхъ претендентовъ на штатныя и національныя должности, были хорошо извѣстны собранію; оно отлично знало, кого оно посылало своими делегатами на конвенцію, какъ знало и то, что всѣ мы не имѣли и не могли имѣть никакихъ личныхъ поползновеній. О продажности американской политики вообще исписаны цѣлые томы. Напр., Брайсъ, въ своей извѣстной книгѣ „the American commonwealth", весьма ярко подчеркиваетъ преобладающіе, якобы, у насъ „боссизмъ" и методы подкупа разныхъ политическихъ воротилъ, которымъ, будто бы, море по колѣно, и которые только и думаютъ, что о своихъ собственныхъ личныхъ выгодахъ и развратили всѣ наши государственныя и общественныя дѣла. Какъ общій выводъ, это положительно невѣрно. Если въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, съ огромнымъ разношерстнымъ космополитическимъ населеніемъ, въ родѣ Нью-Іорка или Чикаго, и существуютъ дѣйствительно плотно сплоченныя шайки безпринципныхъ политиковъ, нерѣдко успѣвающихъ порабощать народную волю съ помощью невѣжественныхъ, продажныхъ элементовъ, то этого отнюдь нельзя сказать о массахъ американскаго населенія. Если какой-нибудь ловкій проходимецъ, благодаря голосамъ заблаговременно искусно подобранной клики, и успѣетъ пробраться для своихъ личныхъ выгодъ въ городской совѣтъ Санъ-Франциско,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что вся политическая система штата Калифорніи развращена. Городъ Санъ-Франциско не представляетъ собою всего штата, точно такъ же какъ городъ Нью-Іоркъ не представляетъ собою всей Америки. У насъ, по послѣднему цензу 1890 года, 72% всего населенія живетъ въ деревнѣ; бо́льшая половина остатка—въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, жизнь которыхъ только весьма несущественно отличается отъ жизни деревни. Только какіе-нибудь 6—8% живутъ въ современныхъ Вавилонахъ, политическая жизнь которыхъ дѣйствительно иногда развращена до-нельзя. Но и въ ихъ числѣ есть многіе, муниципальныя учрежденія которыхъ могутъ, по всей справедливости, считаться образцовыми въ любой странѣ. Таковы Цинциннати въ Охайо, Мильвоки въ Висконсинѣ, Денверъ въ Колорадо, Канзасъ-Сити въ Мизури. Я ужъ не говорю о многихъ большихъ городахъ Новой Англіи. Бостонъ въ Масачуветсѣ, конечно, можетъ справедливо гордиться не только чистотой и успѣхомъ своего общественнаго управленія, но и дѣйствительно передовыми его методами и замѣчательнымъ развитіемъ и такихъ сторонъ общественной жизни,

которыя и доселѣ считаются роскошью въ старой Европѣ. Его публичная библіотека стòитъ милліоновъ, и безспорно представляетъ собою одно изъ самыхъ образцовыхъ, самыхъ богатыхъ учрежденій этого рода во всемъ мірѣ. Я давно собираюсь посвятить ей особую статью, до того и ея исторія, и ея современныя функціи интересны и поучительны.

Я лично вполнѣ понимаю основанія для такихъ поверхностныхъ, дѣлаемыхъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, описаній и разсужденій, какъ Брайса, такъ и многихъ другихъ современныхъ иностранныхъ нравоописателей Америки. Они, во-первыхъ, собираютъ свой главный матеріалъ именно въ большихъ городахъ, преимущественно въ Нью-Іоркѣ—оно, конечно, и легче, и удобнѣе; во-вторыхъ, они не умѣютъ отдѣлять пшеницу отъ плевелъ въ нашей печати вообще и ежедневной прессѣ въ особенности. Наша пресса чрезвычайно обманчива для незнающаго нашей жизни основательно иностранца, и крайне способствуетъ всякимъ промахамъ и заблужденіямъ. Приключись что-либо изъ ряда вонъ выходящее — убійство, растрата общественныхъ денегъ, сдача большого подряда, какой-нибудь сенсаціонный судебный процессъ, особенно если замѣшаны богатыя или почему-либо вліятельныя лица,—всѣ газеты прежде всего начинаютъ кричать о взяткахъ, подкупахъ, вліяніяхъ, и т. д. Во всемъ этомъ шумѣ нѣтъ обыкновенно и сотой доли правды, всего чаще ни малѣйшаго къ нему основанія—тѣмъ не менѣе газеты шумятъ и обличаютъ, такъ сказать, изъ принципа, для острастки кого слѣдуетъ, чтобы неповадно было. Иностранецъ, принимающій все за чистую монету и незнакомый съ нашими нравами, самымъ естественнымъ образомъ вдается въ обманъ и впадаетъ въ серьезныя ошибки. Въ дѣйствительности же, у нашей прессы просто очень своеобразные методы стоять на стражѣ общественныхъ дѣлъ. методы, можетъ быть, не вполнѣ правильные, но тѣмъ не менѣе цѣлесообразные—если она слишкомъ зарвется, на нее есть судъ и скорая расправа—и основывать на этихъ методахъ общіе выводы было бы и невѣрно и, по моему крайнему разумѣнію, недобросовѣстно въ серьезномъ описаніи цѣлой страны. Я отлично помню, какъ подобныя ошибки пониманія, открывшіяся передъ моими собственными глазами мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ я сживался со страной и ея нравами, удерживали меня въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ отъ стремленія взяться за перо и начать описывать то, чтò я и самъ еще не вполнѣ понималъ...

Да проститъ меня читатель за эти длинныя невольныя отступленія, но они необходимы какъ для добросовѣстнаго освѣщенія дѣла, такъ и для уясненія тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя могутъ ему встрѣтиться въ моихъ статьяхъ въ сравненіи съ описаніями

другихъ, вполнѣ казалось бы компетентныхъ авторовъ. Америка, къ сожалѣнію, далеко не идеальная страна, совсѣмъ непохожая на баснословную Аркадію, но ея дѣйствительные недостатки только иногда совпадаютъ съ тѣми продуктами умышленнаго и неумышленнаго непониманія, которыми часто угощаютъ Европу слишкомъ ретивые хулители ея порядковъ.

Въ назначенный день конвенція собралась въ одномъ изъ маленькихъ мѣстечекъ графства. Давно уже принято за правило мѣнять каждый разъ мѣсто сбора политическихъ конвенцій какъ графствъ, такъ и штатныхъ и національныхъ. Эти послѣднія съ теченіемъ времени даже сдѣлались одной изъ самыхъ значительныхъ доходныхъ статей партій. Всякая организація требуетъ расходовъ—на помѣщеніе, публикаціи, почту, телеграфъ, печатаніе и т. д. А всякая конвенція, въ особенности же національная, всегда привлекаетъ въ мѣсто сбора массу самой разнообразной публики, даетъ ему извѣстный престижъ, знакомитъ съ нимъ не только делегатовъ, но и посредствомъ прессы всю страну. Города постоянно соперничаютъ между собою, и заполучить штатную или, въ особенности, національную конвенцію одной изъ главныхъ политическихъ партій считается завиднымъ призомъ. Поэтому каждый разъ по поводу мѣста сбора, назначаемаго соотвѣтственнымъ исполнительнымъ комитетомъ, происходитъ настоящій аукціонъ, и городъ выбирается сообразно выгодности имѣющихся предложеній: только иногда принимаются въ соображеніе и политическія потребности минуты. Прежде всего, должно быть гарантировано удобное свободное помѣщеніе—иногда для этого выстраиваются городами на свой счетъ спеціальныя зданія; во-вторыхъ, городъ платитъ извѣстную сумму наличными. За національную конвенцію республиканской партіи въ настоящую кампанію городъ Санъ-Луисъ заплатилъ $ 60.000; за демократическую Чикаго—$ 40.000.

Въ каждомъ, даже самомъ маленькомъ мѣстечкѣ Америки непремѣнно имѣется большая зала для разныхъ общественныхъ собраній. Въ данномъ случаѣ къ услугамъ нашей конвенціи былъ цѣлый театръ, помѣщающійся во второмъ этажѣ общественнаго дома мѣстечка, со сценой и всѣми необходимыми аттрибутами. Уже рано утромъ различные поѣзда стали подвозить делегатовъ со всѣхъ концовъ графства. Къ девяти часамъ утра—конвенцію было назначено открыть въ десять—вся улица передъ ея помѣщеніемъ была запружена народомъ. На каждаго делегата было по крайней мѣрѣ по три зрителя, людей, интересующихся общественными дѣлами и не довольствующихся газетными сообщеніями. Эта толпа въ тысячу слишкомъ человѣкъ, представлявшая собою по крайней мѣрѣ одну шестую

часть всего имѣющаго право на голосъ населенія графства—единственными цензами являются возрастъ, извѣстный срокъ пребыванія въ штатѣ (годъ) и въ графствѣ (мѣсяцъ) и зарегистрованіе—давало внимательному наблюдателю превосходный матеріалъ для составленія общаго понятія о нашемъ порядкѣ. Я больше чѣмъ когда-либо убѣждался въ вѣрности моего представленія о населеніи нашей мѣстности вообще, именно въ томъ смыслѣ, что оно крайне разнообразно и разноплеменно, и, хотя главнымъ его занятіемъ и служитъ земледѣліе, не носитъ на себѣ никакихъ специфическихъ признаковъ этого. Никто бы, конечно, не принялъ этой толпы за земледѣльцевъ, хотя добрыхъ четыре пятыхъ ея и даже больше составляли именно мелкіе фермеры, настоящее крестьянское по своему существу населеніе. Одѣты всѣ въ гражданское платье разнаго покроя, на всѣхъ крахмальныя рубашки и галстухи, мягкія пуховыя шляпы, замѣняющія на западѣ котелки востока, ни одного мундира, ни одной свѣтлой пуговицы. Мое вниманіе особенно привлекло то обстоятельство, что во всей этой толпѣ было всего два-три молодыхъ человѣка: вся она состояла изъ людей или пожилыхъ, или уже старыхъ—я не думаю, чтобы въ ней было больше двухъ-трехъ десятковъ людей моложе тридцати или даже тридцати-пяти-лѣтняго возраста. Наша молодежь, очевидно, совсѣмъ не занимается политикой: будучи свободна, она не рвется и предоставляетъ дѣло управленія людямъ болѣе зрѣлаго возраста.

Вся эта толпа постоянно сбивалась и разбивалась на кучки, оживленно совѣщаясь, обмѣниваясь мнѣніями и приготовляясь къ формальному засѣданію. У меня оказалось множество знакомыхъ, какъ изъ столицы графства, такъ и изъ другихъ окрестныхъ мѣстностей —люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія, начиная съ богатаго банкира и кончая развозящимъ ежедневно мясо наемнымъ кучеромъ мясника сосѣдняго городка; но между ними не оказалось ни одного изъ выборныхъ чиновъ графства. Кандидаты на должности рѣдко присутствуютъ сами на конвенціяхъ, и никогда какъ делегаты. Это считается не то чтобы неприличнымъ, а какъ-то не принято.

Зала засѣданія, т.-е. въ данномъ случаѣ партеръ театра, была разукрашена звѣздными флагами и массой цвѣтовъ; сцена, помѣщеніе бюро конвенціи и представителей телеграфныхъ агентствъ и прессы, кромѣ того, была увѣшана портретами наиболѣе выдавшихся въ прошедшемъ представителей республиканской партіи—Линкольна, Гранта, Гарфильда, Блэна. Особыя надписи указывали мѣста для размѣщенія делегацій различныхъ мѣстностей. Ровно въ десять часовъ предсѣдатель исполнительнаго комитета графства взошелъ на

сцену и призвалъ конвенцію къ порядку. Засѣданіе началось. Весь партеръ былъ занятъ делегатами; сзади, по бокамъ и на обширныхъ хорахъ помѣстилась публика. Мгновенно воцарилась совершенная тишина. Тогда поднялся одинъ изъ самыхъ старыхъ, самыхъ сѣдыхъ делегатовъ и предложилъ предсѣдателя исполнительнаго комитета во временные предсѣдатели конвенціи. Другой такой же почтенный старикъ повторилъ это назначеніе—первый произвелъ голосованіе, и этимъ актомъ началось формальное засѣданіе.

Засѣданія всякой американской политической конвенціи распадаются на двѣ части — на подготовительную и дѣйствительную, и для каждой изъ этихъ частей выбирается особое бюро. Первая часть посвящается выбору комитетовъ, разсмотрѣнію полномочій делегатовъ, опредѣленію порядка работы конвенціи и составленію проекта личнаго состава постояннаго бюро и кандидатовъ на должности. Въ національныхъ конвенціяхъ это послѣднее дѣлается уже во второй части, когда вся остальная работа конвенціи исполнена. Различныя фракціи, какъ принципіальныя, такъ и личныя, всегда успѣваютъ удостовѣрить въ теченіе подготовительной части какъ свои силы, такъ и силы своихъ кандидатовъ. Только очень рѣдко, или когда противные фракціи или кандидаты въ сущности равносильны, или когда ихъ нѣсколько и исходъ сомнителенъ, борьба переходитъ и въ дѣйствительную, вторую часть конвенцій. Обыкновенно же всѣ вопросы и противорѣчія рѣшаются въ теченіе подготовительной части, такъ сказать, за кулисами. Въ данномъ случаѣ самымъ существеннымъ разногласіемъ, весьма остро выяснившимся до открытія засѣданія, во время совѣщанія на улицѣ, былъ вопросъ о томъ: ограничить ли делегатовъ на штатную конвенцію инструкціями, или нѣтъ? Громадное большинство конвенціи было, очевидно, въ пользу Макъ-Кинлея, какъ кандидата партіи на президентство Союза — но и у другихъ аспирантовъ были тоже горячіе сторонники, и они, соединившись по этому пункту, поставили себѣ задачей, если возможно, помѣшать конвенціи дать положительныя инструкціи своимъ делегатамъ на штатную конвенцію въ пользу Макъ-Кинлея, такъ какъ въ случаѣ полной ихъ свободы у нихъ сохранялись надежды на нѣкоторый шансъ въ штатной конвенціи и для ихъ фаворитовъ. Немедленно по выборѣ временныхъ предсѣдателей и секретаря, тотъ же древній старецъ предложилъ назначить три комитета, изъ пяти членовъ каждый, по полномочіямъ делегатовъ (on credentials), по составленію платформы (on resolutions), и по опредѣленію порядка дѣлъ и личнаго состава (on order of business and permanent organization). Комитеты эти, наружно, назначаются временнымъ предсѣдателемъ, въ сущности же—совѣщаніемъ всѣхъ делегацій между собою. Необ-

ходимо замѣтить, что делегаціи предварительно организуются и по своимъ присинктамъ, и по дистриктамъ, и всѣ эти совѣщанія значительно упрощаются на практикѣ участіемъ въ нихъ только предсѣдателей делегацій, уполномочиваемыхъ этими послѣдними. Засѣданіе было отсрочено на четверть часа, и началось оживленное сообщеніе между сценой и партеромъ. Отъ этихъ назначеній, въ сущности, зависѣли главныя рѣшенія конвенціи, и эта четверть часа была самымъ оживленнымъ, самымъ существеннымъ, самымъ дѣятельнымъ фазисомъ конвенціи, хотя формально она и была отсрочена.

Здѣсь я считаю необходимымъ опять сдѣлать отступленіе и выяснить самый существенный, основной принципъ американской системы представительства. Она прежде всего, всегда и вездѣ, является поборницей возможной равномѣрности представительства не мнѣній и лицъ, а мѣстностей. Личный составъ какъ временныхъ и постоянныхъ бюро конвенцій и ихъ комитетовъ, такъ и списковъ кандидатовъ на должности, прежде всего сообразуется съ равномѣрнымъ ихъ распредѣленіемъ между различными мѣстностями графствъ, штатовъ, націи, сообразно представительству партіи отъ этихъ мѣстностей. Можетъ случиться, и нерѣдко случается, что наиболѣе блестящіе, наиболѣе талантливые и вліятельные делегаты или кандидаты идутъ всѣ изъ одного или нѣсколькихъ городовъ или мѣстностей, тогда какъ другіе представлены заурядными, ничѣмъ особеннымъ не выдающимися личностями—это обстоятельство не лишаетъ этихъ послѣднихъ представительства, не отдаетъ всего болѣе почему-либо одареннымъ индивидуумамъ. Какъ кабинетъ президента и личный составъ министерствъ въ Вашингтонѣ строго распредѣлены по различнымъ районамъ Союза, такъ и чины штата или графства и личный составъ бюро конвенцій строго распредѣлены между различными ихъ мѣстностями. Если одинъ городъ или мѣстность получили, напр., предсѣдательство въ конвенціи, они ужъ не могутъ разсчитывать на членство въ комитетахъ, какъ бы ни способны для этого были ихъ другіе делегаты. Добросовѣстному, равномѣрному представительству мѣстности всегда дается предпочтеніе передъ личными способностями и талантами делегатовъ. Не можетъ случиться, какъ бывало во время оно въ тѣхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось участвовать, что одинъ или два уѣзда въ сущности ворочаютъ дѣлами всей губерніи, и въ принципіальномъ, и въ личномъ отношеніяхъ. Этотъ существенный принципъ, неизмѣнно примѣняемый по всему Союзу, добросовѣстнѣе, чѣмъ какой-либо писанный законъ,—и, насколько мнѣ извѣстно, постоянно упускаемый изъ виду европейскими наблюдателями Америки,—всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ, что развращающее вліяніе политикановъ

не можетъ быть такъ велико, какъ они его обыкновенно описываютъ, такъ какъ иначе они должны бы были быть повсемѣстнымъ явленіемъ. Если безпринципные вожаки и захватываютъ иногда рѣшающее значеніе, происходитъ это не отъ общей извращенности американской политической системы, а отъ частныхъ причинъ, иногда личныхъ, иногда мѣстныхъ,—къ сожалѣнію, нерѣдко способныхъ извращать самыя совершенныя творенія рукъ человѣческихъ, и не въ одной Америкѣ, а по всему цивилизованному міру.

Когда комитеты были назначены и объявлены, засѣданіе конвенціи было опять отложено до часу пополудни, чтобы дать имъ время приготовить свои доклады. Делегаты быстро очистили залу и разсыпались по мѣстечку, назначивъ каукусы дистриктовъ въ полдень.

Нашей конвенціи, между прочимъ, слѣдовало выбрать 13 делегатовъ отъ графства на штатную конвенцію, и столько же на конгрессіональную нашего дистрикта. И тутъ опять проявился во всей своей силѣ принципъ представительства мѣстностей. Делегаты эти собираются не большинствомъ голосовъ всей конвенціи, а пятью дистриктами, на которые раздѣлено графство по числу членовъ совѣта наблюдателей (Board of supervisors). На дистриктномъ каукусѣ, состоявшемъ изъ делегатовъ полудюжины отдѣльныхъ поселеній въ родѣ Кукамонги и имѣвшемъ выбрать трехъ делегатовъ, они были строго уравновѣшены между этими поселеніями; было принято въ соображеніе, что на предшествовавшую штатную конвенцію были выбраны делегаты отъ такихъ-то и такихъ-то поселеній, и что, слѣдовательно, очередь была за другими; вся исторія представительства партіи въ дистриктѣ за послѣднее десятилѣтіе была возстановлена; и, послѣ получасового совѣщанія, достигнуто единогласное соглашеніе относительно имѣющихъ быть выбранными лицъ въ обѣ конвенціи, и штатную, и конгрессіональную. Делегаты на послѣднюю получили инструкцію вотировать за извѣстнаго кандидата, уже нѣсколько лѣтъ представляющаго нашъ дистриктъ въ конгрессѣ Союза.

Когда засѣданіе конвенціи было опять открыто, прежде всего былъ прочтенъ докладъ комитета по полномочіямъ: было только два контеста, отъ двухъ мелкихъ присинктовъ, гдѣ различныя фракціи не могли достичь компромисса и выбрали противныя другъ другу делегаціи. Оба случая были рѣшены комитетомъ въ примирительномъ духѣ, давшемъ представительство членамъ обѣихъ фракцій. Чтеніе списка присутствовавшихъ лично и по довѣренности делегатовъ показало, что изъ общаго числа 312 отсутствовало всего 14, т. е. только около $4^0/_0$. Если принять въ соображеніе, что въ нашемъ графствѣ 22.000 квадратныхъ миль, что восточныя его поселенія по рѣкѣ Колорадо отстоятъ отъ мѣста сбора на 300 миль, что делега-

тамъ нѣкоторыхъ рудокопныхъ становъ на юго-востокѣ графства пришлось ѣхать на лошадяхъ черезъ пустыню около ста миль, и что ни одинъ членъ конвенціи не получаетъ никакого вознагражденія,—общій интересъ населенія къ его общественнымъ дѣламъ окажется достаточно очевиднымъ. Докладъ былъ принятъ единогласно, и съ этого момента началось дѣйствительное засѣданіе—права делегатовъ на ихъ мѣста были признаны конвенціей и ея рѣшенія дѣлались обязательными для партіи.

Затѣмъ послѣдовалъ докладъ комитета по опредѣленію порядка дѣлъ и личнаго состава. Онъ тоже былъ принятъ единогласно, и новый постоянный предсѣдатель конвенціи, имъ рекомендованный, былъ избранъ и затѣмъ немедленно выведенъ на сцену спеціально для этой церемоніи назначеннымъ комитетомъ изъ трехъ наиболѣе уважаемыхъ и извѣстныхъ всему графству делегатовъ. Коротенькая благодарственная рѣчь новаго предсѣдателя, очень популярнаго фермера изъ піонеровъ страны, была покрыта громомъ рукоплесканій; выборъ былъ очевидно удаченъ. Конвенція была теперь готова выслушать докладъ комитета по платформѣ, самаго существеннаго акта конвенціи. „Платформа" оказалась довольно длинной. Наши мѣстныя дѣла не составляютъ у насъ въ настоящее время злобы дня, такъ какъ идутъ они гармонично; республиканская партія въ нашемъ графствѣ въ громадномъ, подавляющемъ все остальное большинствѣ, и нѣтъ на очереди никакихъ спорныхъ вопросовъ. Зато тѣмъ болѣе возбуждаютъ интересъ штатныя, и, въ особенности, національныя дѣла. И финансовая, и тарифная политика настоящаго демократическаго федеральнаго правительства оказались самыми плачевными неудачами, и нація жаждетъ перемѣны. Вопросъ о серебрѣ также особенно щекотливъ, особенно многостороненъ. Тихо-океанское побережье и весь Западъ вообще стоитъ за свободную чеканку серебра въ отношеніи 16 къ 1; Востокъ и Центръ—за золотую монетную единицу. Эта распря глубока и серьезна, и грозитъ существенной перетасовкой существующихъ политическихъ партій. Я, впрочемъ, не буду останавливаться на положеніяхъ платформы нашего графства по этому вопросу, такъ какъ думаю дать въ свое время описаніе настоящей президентской кампаніи; а она несомнѣнно разрѣшитъ его такъ или иначе.

Высказавшись болѣе или менѣе обстоятельно по вопросамъ объ иностранной эмиграціи, тарифамъ, политическому столкновенію съ Англіей по поводу Венецуэльскихъ дѣлъ, о доктринѣ Монро, объ армянскихъ кровопролитіяхъ и кубанскомъ возстаніи, докладъ наконецъ дошелъ и до самаго интереснаго, самаго животрепещущаго пункта, кандидатуры президента, и рекомендовалъ конвенціи дать

самыя положительныя инструкціи своимъ делегатамъ на штатную конвенцію поддерживать всѣми средствами кандидатуру Макъ-Кинлея. Когда маститый предсѣдатель комитета, высокій, энергичный старикъ съ сѣдыми кудрями и бородой, дошелъ до этого магическаго въ настоящее время въ Америкѣ имени, драматично и умѣло возвысивъ при этомъ свой старческій голосъ, почти всѣ въ залѣ сорвались мгновенно съ своихъ мѣстъ, замахали шляпами и платками, и своими кликами потрясли, казалось, все зданіе. Въ тотъ же моментъ съ потолка сцены, какъ разъ передъ столикомъ предсѣдателя, былъ спущенъ изъ-за кулисъ на блокахъ украшенный флагами и цвѣтами большой портретъ Макъ-Кинлея, съ хоръ грянулъ скрытый тамъ духовой оркестръ „Hail to the Chief", или „привѣтъ вождю", одну изъ самыхъ знакомыхъ, изъ самыхъ распространенныхъ американскихъ музыкальныхъ народныхъ арій, а въ дверяхъ показалась процессія маленькихъ дѣвочекъ, лѣтъ 7—8, въ бѣлыхъ платьяхъ, несшихъ укрѣпленную на высокомъ шестѣ, очень искусно сдѣланную изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ монограмму Макъ-Кинлея. Эффектъ былъ чрезвычайный: вся конвенція стояла, махала шляпами, кричала, пока процессія эта медленно, въ тактъ музыкѣ, подвигалась къ сценѣ и передавала свой даръ вставшему ей на встрѣчу предсѣдателю. Монограмма сопровождалась письмомъ отъ школы мѣстечка, тутъ же громогласно прочитаннымъ предсѣдателемъ конвенціи,—въ немъ говорилось о преданности школы принципамъ республиканизма и Макъ-Кинлею, какъ его самому выдающемуся современному представителю. Конвенція, стоя, тутъ же особымъ голосованіемъ постановила искренно благодарить молодое поколѣніе мѣстечка за его находчивость — и привѣтствовала дѣвочекъ троекратнымъ, одушевленнымъ ура. Монограмма была поставлена въ центрѣ сцены, дѣвочки въ томъ же порядкѣ возвратились на свое мѣсто, оркестръ умолкъ, и конвенція опять перешла къ текущимъ дѣламъ. Демонстрація эта продолжалась минутъ десять, много пятнадцать — и она лучше какихъ-либо рѣчей или аргументовъ выясняла общее настроеніе и безполезность какихъ-либо попытокъ отвратить неизбѣжныя инструкціи делегатамъ.

Американскій народъ вообще умѣетъ обставлять надлежащимъ образомъ проявленія своей самодержавной воли. Торжественность и, въ то же время, спокойная величавость этой демонстраціи въ моментъ зарожденія новаго верховнаго конституціоннаго вождя семидесяти-миліонной націи были крайне многознаменательны. Смотря на эту тысячную толпу серьезныхъ, пожилыхъ и старыхъ людей, восторженно привѣтствовавшихъ этотъ портрэтъ, эту музыку и этихъ дѣвочекъ съ возбужденными, но серьезными дѣтскими личиками, зритель не могъ не чувствовать, что присутствуетъ при чрезвычайно

важномъ въ жизни народной актѣ, при сознательномъ проявленіи того великаго нѣчто, что̀ связываетъ и укрѣпляетъ этотъ замѣчательный, свободный народъ, этотъ, такъ недавно въ историческомъ смыслѣ выработавшійся новый образецъ новыхъ человѣческихъ отношеній.

Пунктъ объ инструкціяхъ, прерванный демонстраціей, заставили повторить — и опять цѣлыя пять минутъ продолжались сочувственные клики, на этотъ разъ безусловно единодушные. Немногочисленные протестанты сдались и присоединили свои голоса къ побѣдоносному большинству. Американецъ всегда умѣетъ уступить во̀-время и съ граціей. Докладъ былъ принятъ цѣликомъ и единогласно.

Затѣмъ предсѣдатели дистриктныхъ каукусовъ представили конвенціи имена назначенныхъ ими делегатовъ. Они были ратификованы конвенціей, затѣмъ вызваны на сцену, и имъ опять прочли, для памяти, вышеупомянутый пунктъ объ инструкціяхъ. Они, одинъ за другимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, заявили какъ о своемъ полномъ имъ сочувствіи, такъ и о согласіи слѣдовать имъ на штатной конвенціи. Примѣры измѣны такимъ инструкціямъ въ американской политикѣ крайне рѣдки, тѣмъ не менѣе они случаются время отъ времени, и наши конвенціи естественно стремятся по возможности ограждать себя отъ нихъ.

Нынче у насъ нѣтъ никакихъ мѣстныхъ выборовъ, а потому не было и мѣстныхъ назначеній—конвенція, избравъ, на этотъ разъ по избирательнымъ присинктамъ, новый исполнительный комитетъ графства для завѣдыванія предстоящей кампаніей, закрылась въ половинѣ третьяго, употребивъ на всю свою, сравнительно очень сложную, работу не болѣе двухъ часовъ времени.

П. А. Тверской.

Joamosa, San Bernardino County.
California.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1896.

— Вл. Черевапскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника. Иллюстраціи Л. Ф. Лагоріо, Н. Н. Каразина и др. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1896.

Дѣйствіе исторической хроники „Подъ боевымъ огнемъ" происходитъ въ ахалъ-текинскомъ краѣ, нынѣшней Закаспійской области; центръ событій—взятіе Геокъ-Тепе; дѣйствующія лица—настоящіе историческіе дѣятели этихъ событій, съ знаменитымъ Скобелевымъ во главѣ; къ числу дѣйствующихъ лицъ видимо принадлежалъ и авторъ, потому что подобный разсказъ съ мелкими подробностями, съ полнымъ знаніемъ мѣстности и разныхъ отношеній, могъ сдѣлать только очевидецъ. Мало того: этотъ очевидецъ знаетъ хорошо не только русскія отношенія, но и восточный туземный бытъ, нравы и обычаи, и самыхъ людей, которые воевали тогда противъ русскихъ. „Историческая хроника" не есть однако исторія, или одна исторія; къ ней присоединяется и доля фантазіи: авторъ описываетъ не только то, чтó происходитъ въ русскомъ лагерѣ, но и то, чтó совершается среди текинцевъ. Очевидно, что основные факты, которые авторъ могъ узнать въ ту минуту или впослѣдствіи, были перестроены въ цѣлое живое изображеніе при помощи фантазіи. Наконецъ, къ политическимъ военнымъ событіямъ присоединена романическая исторія, которая начинается въ княжеской усадьбѣ, на живописномъ берегу Волги, гдѣ-то въ извѣстныхъ Жигуляхъ (героиня—дочь стараго князя, любителя русской исторіи и археологіи), гдѣ между прочимъ читатель въ первый разъ встрѣчается и съ самимъ Скобелевымъ, и оканчивается въ Геокъ-Тепе и въ Энзели, на южномъ берегу Каспійскаго моря. Мы не будемъ разсказывать сюжета. Чтобы дать понятіе о томъ, что онъ въ большой степени обладаетъ романической занимательностью и разнообразіемъ, довольно сказать, что героиня дѣлается сначала женой англичанина, который гостилъ у князя, ея отца, и

покорилъ ее гипнотическимъ внушеніемъ; потомъ оказывается съ своимъ мужемъ въ Персіи и въ самомъ Геокъ-Тепе (именно во время осады), потому что англичанинъ есть англійскій агентъ и корреспондентъ; здѣсь героиня,—между прочимъ уже освободившаяся отъ гипнотизма,—встрѣчается съ своимъ прежнимъ поклонникомъ, дѣятелемъ русскаго военнаго контрольнаго вѣдомства; успѣваетъ, среди ужасовъ взятія текинской крѣпости спастись въ Персію и оттуда въ Энзели, гдѣ наконецъ романъ приходитъ къ благополучному окончанію, потому что и англичанинъ погибъ во время осады. Прибавимъ еще, что къ интересамъ романа и войны присоединяется и интересъ политики: авторъ ведетъ читателя въ Лондонъ, на митингъ, гдѣ ораторствуетъ противъ Россіи извѣстный ненавистникъ ея Вамбери, и гдѣ этого оратора изобличаетъ во лжи тотъ же дѣятель русскаго контроля; затѣмъ ведетъ его въ англійскую резиденцію въ Персіи, гдѣ совершается интрига противъ русскихъ, и т. д.

Такова въ общихъ чертахъ тэма „исторической хроники". За исполненіе тэмы взялся писатель опытный. Онъ съ большимъ искусствомъ разработываетъ сложный сюжетъ, умѣетъ найтись и на Волгѣ, и въ Лондонѣ, и въ Персіи, и въ самомъ Геокъ-Тепе, съ большимъ искусствомъ рисуетъ картину военнаго лагеря, похода, осады, не забывая разсказать продѣлки интендантства, рисуетъ типы восточныхъ людей и т. д. Не будучи спеціалистомъ въ восточныхъ нравахъ, трудно сказать, насколько вѣрны картины текинскихъ людей и нравовъ, занимающія много мѣста въ разсказѣ; но, повидимому, авторъ говоритъ съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла, какъ съ другой стороны онъ съ полнымъ знаніемъ говоритъ о подробностяхъ русскаго военнаго предпріятія въ текинской землѣ. Въ концѣ концовъ хроника читается съ живымъ интересомъ.

Но при всемъ несомнѣнномъ знаніи автора, при немаломъ литературномъ искусствѣ, произведеніе г. Черевянскаго оставляетъ какое-то двойственное, неопредѣленное впечатлѣніе. Читатель,—который хотѣлъ бы отдать себѣ точный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ,—съ трудомъ связываетъ впечатлѣнія совершенно разнаго рода, какія даетъ ему книга. Онъ желалъ бы чего-нибудь одного—или исторіи или романа. Это—не историческій романъ, къ какому мы привыкли, гдѣ сюжетъ болѣе или менѣе удаленъ отъ современности, и гдѣ фантазія получаетъ свое право; это—романъ со вчерашними событіями, съ дѣйствующими лицами, которыхъ извѣстенъ формуляръ, гдѣ иллюстрація представляетъ настоящій фотографическій портретъ, гдѣ, наконецъ, читатель невольно предполагаетъ видѣть самого автора. Мы вовсе не противъ свободы литературной формы, форма не должна связывать писателя въ своеобразныхъ стремленіяхъ его

творчества,— но думаемъ, что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, происходитъ соединеніе вещей трудно соединимыхъ.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній.

На страницѣ 10, авторъ изображаетъ князя въ его занятіяхъ русской древностью. Князь спрашиваетъ одного изъ своихъ пріѣзжихъ друзей:—„Помните, я просилъ васъ справиться въ сказаніи Курбскаго „о дѣлахъ, *аще* слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и *аще* видѣхомъ очими своими" (читай: очима своима) на счетъ происхожденія седьмой жены Іоанна Грознаго". — Авторъ напрасно заставляетъ князя, котораго изображаетъ знатокомъ русской древности, дѣлать такую грубую ошибку въ старомъ языкѣ и смѣшать: аще (если) и еже (что̀, который).

На страницѣ 12, князь приглашаетъ своихъ гостей: „Въ степь, къ Половецкой засѣкѣ! Историческое общество поручило мнѣ произвести основательную раскопку этого загадочнаго могильника, и ничто намъ не мѣшаетъ приняться сегодня же за дѣло. Тамъ все готово. Рабочіе въ сборѣ, и я надѣюсь, что у насъ выйдетъ пріятный пикникъ". На страницѣ 14, объясняется слѣдующее: „Подъ названіемъ Половецкой засѣки слылъ въ поволжьѣ курганъ, насыпанный въ незапамятныя времена многими тысячами человѣческихъ рукъ. Возвышаясь на равнинѣ, онъ былъ виденъ на десятки верстъ въ окружности. Ученые гробокопатели общипывали его со всѣхъ сторонъ и добытыми изъ него коробами всякой ржавчины наполняли цѣлые музеи (?). Въ монографіяхъ о немъ не было недостатка, но всѣ онѣ оканчивались добросовѣстнымъ приглашеніемъ: „относиться къ сказанному осторожно". Окрестное населеніе, также тиранившее курганъ, въ надеждѣ добыть изъ него что-нибудь поцѣннѣе ученой ржавчины, натыкалось на одни костяки". Наконецъ для разрѣшенія недоразумѣній „ученый міръ Петербурга" поручилъ князю „срыть курганъ до подошвы". Не будемъ спорить съ показаніемъ автора, что дѣйствительно подлѣ Волги около Жигулей существовала Половецкая засѣка; замѣтимъ только, что въ два-три дня (сколько повидимому продолжались раскопки) невозможно срыть до подошвы курганъ, который, по мнѣнію князя, былъ могилой послѣ цѣлой народной битвы. На страницѣ 18, въ курганѣ оказались „тысячи костяковъ" съ массою ржавчины: „Наконечники стрѣлъ и копій перепутывались съ какими-то запястьями и налобниками, несомнѣнно украшавшими половецкихъ дѣвъ. Вмѣстѣ съ большимъ круглымъ щитомъ нашли медальонъ и подобіе браслета. Рѣдкій черепъ не носилъ признаковъ пробоинъ, нанесенныхъ тяжелыми кистенями". „Въ могильникахъ, — говорилъ князь, — рѣдко такое смѣшеніе, какое мы здѣсь встрѣтили. Очевидно пострадала не одна боевая рать, но и

народъ, подвигавшійся подъ ея прикрытіемъ. Здѣсь дѣвичьи украшенія перепутались съ шестоперами и наголовьями великановъ. Въ этомъ медальонѣ, несомнѣнно разрубленномъ страшнымъ ударомъ кончара, хранились реликвіи". Если не ошибаемся, фантазія здѣсь слишкомъ удалилась отъ дѣйствительности.

Въ разсказѣ объ экспедиціи противъ Геокъ-Тепе, на заднемъ планѣ неизмѣнно является англійская интрига въ видѣ митинга съ Вамбери, или англійской дипломатіи въ Персіи, или въ видѣ злокачественнаго англичанина-корреспондента, который передъ тѣмъ женился на русской княжнѣ. Къ сожалѣнію, тонъ этого обличенія англійской интриги напоминаетъ иногда извѣстный тонъ газетнаго патріотизма, который едва-ли выражаетъ настоящее чувство національнаго достоинства. Больше простоты, вѣроятно, не повредило бы, а напротивъ, помогло интересу и внутреннему достоинству разсказа... Между прочимъ авторъ смѣется надъ нашими газетными разсказами о происходившихъ событіяхъ, при чемъ у текинцевъ оказывались „тюрбаны"; но самъ авторъ упоминаетъ, что русскихъ корреспондентовъ не пускали въ ахалъ-текинскую экспедицію; газетный невѣжда могъ говорить о тюрбанахъ, но въ цѣломъ фактѣ отсутствія корреспондентовъ была другая сторона, вовсе не смѣшная.

Въ языкѣ автора встрѣчается манерность, которой лучше было бы избѣгать. Говоря объ одномъ достойномъ человѣкѣ, томъ же князѣ, авторъ замѣчаетъ: „Вообще семья чистыхъ людей считала его *сосудомъ своего багажа и уклада*" (?); или: „Въ картинной галлереѣ природы выдаются мастерскіе пейзажи съ такимъ сочетаніемъ рисунковъ и красокъ, что человѣку остается, замирая передъ ними, плѣняться, и, плѣняясь, замирать" и т. п.

При всемъ томъ историческая хроника г. Черевапскаго является однимъ изъ лучшихъ произведеній въ современной нашей беллетристикѣ. Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ даромъ живого занимательнаго разсказа; картина послѣдняго русскаго движенія въ глубину средней Азіи написана яркими красками, съ близкимъ знаніемъ восточнаго быта, съ правдивымъ указаніемъ и лучшихъ и худшихъ сторонъ въ средѣ самого русскаго дѣла, съ пониманіемъ того цѣлаго историческаго движенія, въ которомъ описанныя событія были одною подробностью. Оригинальная форма романа дала автору возможность изобразить дѣйствительныя историческія лица, которыхъ онъ видѣлъ на самомъ ихъ историческомъ подвигѣ, — хотя съ другой стороны публицистика иной разъ мѣшаетъ роману, и наоборотъ.

Въ числѣ иллюстрацій читатель найдетъ портреты Скобелева, Петрусевича (убитаго при осадѣ Геокъ-Тепе) и другихъ.

— П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій“. Спб. 1896.

Г. Милюковъ предпринялъ трудъ чрезвычайно интересный, который пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если обратить вниманіе на то, что современное изученіе русской исторіи, хотя весьма усердное, рѣдко обращается къ объясненію тѣхъ основныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ и составляетъ истинную цѣль и достоинство исторической науки. Наша исторіографія почти исключительно поглощена деталями: очень важныя, какъ матеріалъ, онѣ конечно не составляютъ настоящаго историческаго изслѣдованія; и увлеченіе этой детальной работой такъ велико, что ученые (едва-ли не въ большинствѣ ихъ) относятся съ недовѣріемъ къ постановкѣ общихъ вопросовъ, считая это великимъ легкомысліемъ, — полагается, что очередь общихъ вопросовъ придетъ тогда, когда будутъ изучены эти детали. Очевидно однако, что это желанное время не придетъ никогда. Между тѣмъ не только должна существовать логическая и психологическая потребность обобщенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ развитіемъ самой науки возникаютъ новые вопросы, даже такіе, какихъ прежняя исторіографія совсѣмъ не знала, или по крайней мѣрѣ не придавала имъ того значенія, какое пріобрѣтаютъ они для современной исторической любознательности и самой науки. Такимъ образомъ требуется не только отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ было въ концѣ концовъ наработано прежними изслѣдователями, но и подвинуть изысканія на новый путь, который указывается самымъ движеніемъ теоретическаго содержанія науки. Таковы, напримѣръ, различные вопросы такъ называемой культурной исторіи, которые въ нашей исторіографіи вообще разработаны очень мало, а частію совсѣмъ не тронуты.

Правда, упомянутыя обобщенія дѣлались даже и въ послѣднее время, какъ, напримѣръ, въ послѣднее время много говорилось о теоріи культурныхъ типовъ Н. Я. Данилевскаго,—но эти обобщенія были не столько научныя, сколько публицистическія. Это были теоретическія предположенія, мало доказанныя историческимъ изученіемъ русской жизни, и частію вызванныя гораздо больше борьбою современныхъ общественныхъ взглядовъ, нежели спокойнымъ изученіемъ фактовъ.

Книга г. Милюкова ставитъ вопросъ именно о культурной исторіи, и ставитъ его съ желаніемъ опредѣлить историческое положеніе русской культуры по тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, какія заявляетъ новѣйшая наука.

Современное состояніе историческихъ изученій авторъ опредѣ-

ляетъ тѣмъ, что исторія „событій" отошла на второй планъ передъ исторіей „быта", учрежденій и нравовъ; изученіе *внѣшней* исторіи или, такъ называемой, прагматической, политической, должно было уступить мѣсто изученію *внутренней*, бытовой или культурной (стр. 3). Но,—говоритъ авторъ,—„относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи развитіе государства, другіе—развитіе соціальныхъ отношеній, третьи—экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи съуживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни человѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно стало употребительно въ нашей литературѣ". Авторъ предпочитаетъ пользоваться словомъ „культурная исторія" въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, гдѣ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Но „вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія—вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ"... „Еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей",—въ послѣднее время оно стало распространяться и у насъ. Къ счастію, авторъ не увлекается этой новой точкой зрѣнія: онъ находитъ оба взгляда одинаково односторонними и самый споръ о первенствѣ того или другого элемента культуры не считаетъ особенно плодотворнымъ. „Мы должны, конечно,—говоритъ онъ,—отличать болѣе простыя явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Какъ бы далеко мы ни пошли въ анализѣ элементовъ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ основа историческаго процесса не можетъ быть проще и однороднѣе, чѣмъ основа человѣческой природы, развивающейся въ этомъ процессѣ. И если гдѣ-нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ сторонахъ человѣческой природы, а въ различныхъ ступеняхъ ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простого и кончается сложнымъ". Авторъ справедливо замѣчаетъ, что споръ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ упомянутыхъ сторонъ культурной исторіи

принялъ острый характеръ потому, что рѣчь шла не о чисто теоретическомъ вопросѣ, но о спорѣ между двумя міровоззрѣніями, которыя искали себѣ подтвержденія на этой почвѣ.

Авторъ устраняетъ тенденціозныя вмѣшательства и старается установить чисто научную точку зрѣнія, которая должна выяснить законы историческаго развитія соціологическихъ явленій и затѣмъ примѣнить ихъ къ изслѣдованію культурной исторіи Россіи. Объ исполненіи своей задачи онъ говоритъ такъ: „Цѣль очерковъ заключается въ сообщеніи читателямъ тѣхъ *основныхъ* процессовъ и явленій, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію. Составителю казалось, что изображеніе этихъ существенныхъ чертъ русской культурной исторіи значительно выиграетъ въ ясности и отчетливости, если оставить въ сторонѣ хронологическія рамки и характеризовать разныя стороны историческаго процесса въ систематическомъ порядкѣ. Конечно, при такомъ способѣ изложенія отодвигается на второй планъ взаимная связь различныхъ сторонъ соціальнаго развитія. Авторъ старался устранить это неудобство перекрестными ссылками; но нѣкоторое впечатлѣніе искусственной изолированности отдѣльныхъ историческихъ эволюцій легко можетъ возникнуть у читателя, и автору остается только подчеркнуть еще разъ, что такая изолированность характеристики объясняется литературной формой „очерковъ", а вовсе не теоретическими взглядами автора" (стр. 18).

Указавъ извѣстные неровности и пробѣлы въ разныхъ частяхъ „Очерковъ", авторъ объясняетъ, что они были слѣдствіемъ того, что многое остается еще неразработаннымъ въ спеціальной литературѣ; и на возможное замѣчаніе критики, что самая попытка автора черезчуръ рискована и преждевременна при современномъ состояніи науки, онъ отвѣчаетъ: „Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самихъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. „Очерки по исторіи русской культуры", конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такой расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,—эти задачи такъ же дороги и близки автору, какъ важна и привлекательна для него роль попу-

ляризатора научныхъ свѣденій въ русскомъ образованномъ обществѣ" (стр. 19—20).

Этотъ взглядъ кажется намъ совершенно справедливымъ. Конечно, складъ нашей исторіографіи и вообще складъ изученія русской жизни самъ имѣетъ свое объясненіе въ положеніи нашей „культуры", но эти изученія дѣйствительно страдаютъ тою односторонностію, которую указываетъ авторъ, и которая въ концѣ концовъ не допускаетъ возможности цѣльнаго понпманія историческаго развитія со всѣмъ тѣмъ разнообразіемъ явленій, какія въ немъ переплетаются и только своимъ общимъ взаимнымъ дѣйствіемъ создаютъ различныя формы и ступени исторической жизни народа. Со стороны автора нужна была въ самомъ дѣлѣ извѣстная смѣлость, чтобы поставить научный вопросъ, который для спеціалистовъ (т.-е. для спеціалистовъ въ какой-либо одной области историческаго изученія) всегда будетъ казаться преждевременнымъ: самая постановка вопроса требуетъ широкаго знакомства съ самыми различными сторонами изученія Россіи и русскаго народа, и авторъ показалъ въ своемъ трудѣ не только обширное знаніе литературы предмета, но и самостоятельныя изученія.

Историческая точка зрѣнія, особенно когда она поставлена съ предположеніемъ глубокаго разнообразія силъ, дѣйствовавшихъ на историческое развитіе, одна способна привести къ вѣрному опредѣленію тѣхъ многихъ общихъ и частныхъ вопросовъ, которые столько разъ волновали и волнуютъ не только кругъ ученыхъ изслѣдователей, но и самое общество, создавая въ концѣ концовъ исключительныя ученія, дѣйствующія зловредно на самую общественную жизнь и науку. Нѣтъ надобности напоминать, какимъ образомъ подобныя исключительныя ученія, подъ видомъ самыхъ настоящихъ истинъ науки, становились источникомъ и опорой простого обскурантизма, въ которомъ даже люди съ извѣстной ученостью, добросовѣстно полагали принципъ не только государственной мудрости, но цѣлую національную идею... Къ такимъ результатамъ приводили нѣкогда споры о восточной и западной цивилизаціи, подновленные спорами о культурныхъ типахъ и т. п. Въ концѣ своей книги авторъ долженъ былъ коснуться и этого вопроса о нашихъ національныхъ началахъ. Авторъ указываетъ двѣ различныя точки зрѣнія, которыя и до сихъ поръ дѣлятъ на два лагеря не только нашу „науку", но и общество: одна настаиваетъ на полной исключительности и своеобразіи русскаго національнаго типа, такъ что между Россіей и Европой можетъ быть столько же общаго, какъ между разными типами зоологическими, между рыбами и млекопитающими, и вслѣдствіе того заимствованіе чужого будетъ только вреднымъ искаженіемъ національной жизни и измѣной; другая, исходя изъ наблюденія элементарности русскаго историческаго раз-

витія, полагаетъ напротивъ, что всѣ народности проходятъ одну лѣстницу общественнаго развитія и все различіе русской исторіи отъ западно-европейской заключается въ количествѣ пройденныхъ ступеней этой лѣстницы... Очевидно, что въ пониманіи этого вопроса заключается представленіе о всемъ дальнѣйшемъ движеніи русской жизни. „Такая важность вопроса,—говоритъ г. Милюковъ,—заставляетъ быть очень осторожными въ его разрѣшеніи. Мы поступимъ всего лучше, если не дадимъ вѣры ни тому, ни другому изъ двухъ крайнихъ взглядовъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ томъ и другомъ истина смѣшана съ ошибкой; и выдѣливъ изъ обоихъ долю истины, которая въ нихъ заключается, нельзя не придти къ заключенію, что, въ сущности говоря, оба взгляда не такъ непримиримы другъ съ другомъ, какъ это кажется съ перваго раза" (стр. 217).

Перенося вопросъ изъ чисто теоретическихъ или односторонне историческихъ соображеній на болѣе широкую почву наблюденія явленій въ ихъ цѣломъ соціологическомъ составѣ, авторъ приходитъ къ такому выводу: „Несомнѣнное своеобразіе русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ намъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и, еще болѣе, въ отдѣльныхъ элементарныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западно-европейскихъ государствъ. Наши націоналисты стараго времени, вѣрившіе въ то, что каждый народъ призванъ къ осуществленію какой-нибудь одной національной идеи и что эта послѣдняя вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, естественно, должны были находить, что это единство національной идеи должно выразиться и въ единствѣ національной исторіи, что, стало быть, завѣты историческаго прошлаго должны служить лучшимъ указаніемъ на задачи будущаго, а всякое заимствованіе со стороны есть не что иное, какъ измѣна національному преданію и искаженіе національной идеи. Въ наше время эти воззрѣнія, какъ будто, опять начали входить въ моду въ извѣстныхъ кругахъ. Тѣмъ болѣе необходимо бороться съ ними, такъ какъ подобныя идеи не только совершенно ошибочны, но и въ высшей степени вредны. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть общаго между тринадцати-милліоннымъ государствомъ съ плотностью трехъ человѣкъ на квадратный километръ и съ городскимъ населеніемъ въ 3% всего населенія,—и между тѣмъ же государствомъ полтора вѣка спустя, съ населеніемъ въ 9 разъ болѣе, съ плотностью въ 6 разъ бо̀льшею и съ городскимъ населеніемъ, увеличившимся въ 40 разъ абсолютно и въ 4 раза пропорціонально? Какую историческую традицію можетъ передать періодъ натуральнаго хозяйства и крѣпостного права періоду мѣнового хозяйства и гражданской равноправности? Какая историческая связь можетъ существовать между историческимъ

прошлымъ русскаго сѣвера и необычайно быстрымъ развитіемъ русскаго юга въ теченіе одного послѣдняго столѣтія — развитіемъ, которое одно совершенно перемѣстило центръ русской экономической жизни? Наши націоналисты жаловались на Петра Великаго, что онъ хотѣлъ только-что вышедшую изъ младенчества Россію одѣть въ костюмъ взрослаго человѣка; но, настаивая на поддержаніи въ настоящемъ исторической традиціи, не хотятъ ли они сами, во что бы то ни стало, сохранить на юношѣ дѣтскія пеленки"?

„Россія,—продолжаетъ авторъ,—выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи. Отрицать это—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста. Признавъ эти законы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаемъ возможность взглянуть иначе на необходимость заимствованій съ Запада, чѣмъ смотрѣли на это наши самобытники. Еслибы русскій историческій процессъ былъ дѣйствительно совершенно своеобразнымъ и несравнимымъ съ другими, тогда, конечно, всякое заимствованіе пришлось бы считать искаженіемъ національнаго процесса,—хотя тогда трудно бы было даже понять, какимъ образомъ такое искаженіе было бы возможно: ясное дѣло, что заимствованіе не имѣло бы тогда никакой возможности привиться". Но если есть общность въ историческомъ процессѣ, то должна быть и общность формы, и при какомъ-нибудь заимствованіи вопросъ можетъ быть только о томъ, какія формы могутъ быть пригодны для того, чтобы вложить въ нихъ наличное содержаніе самой русской жизни. „Сходство съ Европой,—продолжаетъ авторъ,—не будетъ при этомъ непремѣнной цѣлью при введеніи извѣстной новой формы, а только естественнымъ послѣдствіемъ сходства самихъ потребностей, вызывающихъ къ жизни и тамъ и здѣсь эти новыя формы. Само собою разумѣется, что сходство никогда не дойдетъ при этомъ до полнаго тождества. Итакъ, мы не должны обманывать самихъ себя и другихъ страхомъ передъ мнимой измѣной нашей національной традиціи. Если наше прошлое и связано съ настоящимъ, то только какъ балластъ, тянущій насъ книзу, хотя съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Эту слабость связи между нашимъ прошлымъ и настоящимъ съ грустью признаютъ и націоналисты: отъ требованій быть вѣрными исторической традиціи они нерѣдко переходятъ къ печальнымъ размышленіямъ о томъ, что настоящей традиціи у насъ нѣтъ" (стр. 220—221). Авторъ объясняетъ, что и относительно самой традиціи существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе.

Книга г. Милюкова исполнена интереса. Въ той части, какая вышла теперь, читатель найдетъ много важныхъ историческихъ объясненій относительно населенія, относительно тѣсной связи экономиче-

скаго состоянія и строя народной жизни съ ея строемъ государственнымъ и сословнымъ; само собою разумѣется, что авторъ имѣетъ дѣло очень часто съ фактами уже извѣстными, но они являются въ новомъ освѣщеніи, потому что ставятся въ новыя комбинаціи соціологическаго развитія. Продолженіе труда еще печатается въ журналѣ и для полной оцѣнки новаго взгляда необходимо имѣть въ виду это продолженіе: если самъ авторъ замѣчалъ неудобства изолированнаго изложенія отдѣльныхъ областей развитія (стр. 18), то для общаго сужденія объ его цѣломъ историческомъ взглядѣ нужно, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ бóльшимъ количествомъ этихъ эпизодическихъ объясненій. Не малое достоинство книги заключается въ сравнительной популярности изложенія: она будетъ доступна каждому образованному читателю, способному понимать важность поставленнаго историческаго вопроса; мы думаемъ, что трудъ г. Милюкова можетъ быть полезенъ и самимъ спеціалистамъ русской исторіи, которые въ большинствѣ слишкомъ мало вникали до сихъ поръ въ цѣлый вопросъ „культурной исторіи", хотя именно въ ней можетъ быть въ особенности выработано сознательное представленіе о прошломъ и настоящемъ русской народной и государственной жизни.

— Волга (отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани). Очеркъ А. С. Размадзе. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ (1896).

Въ послѣднемъ Литературномъ Обозрѣніи мы упоминали о книжкѣ г-жи Мунтъ, посвященной популярному описанію Волги; передъ нами другое описаніе, изданное г-мъ Кульженко, который нѣсколько лѣтъ назадъ сдѣлалъ прекрасное иллюстрированное изданіе: „Кіевъ прежде и теперь". Настоящая книга, исполненная также великолѣпно, въ большомъ форматѣ (4°), со множествомъ фототипій, изображающихъ главныя достопримѣчательности описываемой части Волги. Книга разсчитана конечно на нынѣшнихъ посѣтителей Нижняго-Новгорода, которые пожелали бы воспользоваться поѣздкой на выставку для того, чтобы познакомиться и съ дальнѣйшимъ теченіемъ великой рѣки. Книга, безъ сомнѣнія, можетъ очень хорошо удовлетворить этой цѣли. Она даетъ немало разнообразныхъ объясненій, интересныхъ для путешественника, и можетъ остаться прекраснымъ альбомомъ на память. Въ предисловіи самъ издатель рекомендуетъ разнообразное содержаніе очерка, составленнаго г. Размадзе, — хотя лучше было бы замѣнить эту рекомендацію подробнымъ оглавленіемъ и предоставить самому читателю опредѣлить достоинство очерка. Впрочемъ очеркъ составленъ дѣйствительно съ большимъ стараніемъ: авторъ заботился

о томъ, чтобы сообщить читателю и главныя историческія свѣдѣнія о Волгѣ и главныхъ ея городахъ, и указать характеръ пейзажа, дать понятіе объ этнографическомъ составѣ населенія, указать современное состояніе волжскихъ городовъ и ихъ достопримѣчательности, промыслы, торговое движеніе и т. д. Конечно, авторъ является горячимъ партизаномъ Волги и волжскаго путешествія и въ пользу ихъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ такое сравненіе путешествія по Волгѣ и по Рейну: „Сколько русскихъ людей прокатилось по Рейну, на его красивѣйшемъ протяженіи между Майнцемъ и Кельномъ! Сколько восхищенныхъ „аховъ" и „оховъ" раздавалось надъ его голубовато-зеленоватыми волнами! Какъ любовались эти туристы миловидною, слегка подстриженною, красотою Бибериха, мрачной прелестью скалы Лурлей и декоративными руинами старинныхъ замковъ, украшающихъ кое-гдѣ берега нѣмецкаго красавца, тщательно поддерживаемыхъ въ ихъ полуразрушенномъ состояніи и, по существу дѣла, напоминающихъ собою цементныя скалы и сооруженія, устраиваемыя для акваріумовъ. Но многіе ли изъ этихъ людей проѣхались по Волгѣ въ красивѣйшей части ея теченія, отъ Нижняго до Саратова? Многіе ли изъ нихъ знакомы съ естественными красотами праваго берега могучей рѣки? Между тѣмъ видъ Жигулей, увѣнчанныхъ грандіозными дѣвственными лѣсами, видъ Столбичей, бугра Стеньки Разина, да даже просто видъ береговъ у Тетюшей, Симбирска, Нижняго и множества другихъ мѣстъ, — несомнѣнно превосходитъ своей красотою то, что можетъ человѣкъ видѣть на Рейнѣ и Дунаѣ. Прибавьте къ этому еще то, что путешествіе на игрушечномъ рейнскомъ пароходѣ, въ чисто нѣмецкой тѣснотѣ, съ слабыми намеками на удобства, никоимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ путешествіемъ на роскошномъ волжскомъ пароходѣ, путешествіемъ, исполненнымъ такого широкаго комфорта, какого даже очень богатые люди не могутъ имѣть у себя дома" (стр. 3). Все это сравненіе крайне неумѣстно и по существу фальшиво. Начать съ того, что путешествіе по Рейну есть короткая partie de plaisir, поѣздка, которая всего чаще дѣлается по пути вмѣсто желѣзной дороги, не прерывая цѣлаго путешествія, — отправившись по Волгѣ даже отъ Нижняго (по настоящему надо было бы начинать настоящее путешествіе по Волгѣ раньше, напримѣръ, хотя бы съ Ярославля) до Астрахани,—на путь потребовалось бы не мало времени, а затѣмъ пришлось бы опять возвращаться по той же дорогѣ, потому что дальше путь лежитъ только или въ Баку или въ Закаспійскую область, словомъ, цѣлая экспедиція. Во-вторыхъ, нѣтъ ничего общаго между Волгою и Рейномъ по всему характеру страны: послѣдній исполненъ историческими воспоминаніями, которыя инте-

ресны даже не одному нѣмцу; рейнскіе города, начиная отъ Кёльна и до Майнца, представляютъ цѣлую иллюстрацію къ исторіи среднихъ вѣковъ, рядъ замѣчательныхъ памятниковъ средневѣковаго искусства. Если руины старинныхъ замковъ „тщательно поддерживаются въ ихъ полуразрушенномъ состояніи", это дѣлаетъ только честь людямъ, которые дорожатъ прошлымъ своего отечества,—у насъ предпочитаютъ уничтожать и то немногое, что̀ уцѣлѣло отъ старины, напр. замазывать древнія фрески, замалевывать историческіе портреты XVI вѣка (какъ, по газетамъ, это въ послѣднее время произведено въ церкви Кіевской Лавры), и продавать кулакамъ родовыя помѣстья вмѣстѣ съ портретами своихъ предковъ... Кромѣ этихъ историческихъ воспоминаній Рейнъ представитъ другую картину — оживленной современной культуры, достигшей замѣчательнаго развитія. Наконецъ, Рейнъ исполненъ поэтическими воспоминаніями, какъ изъ средневѣковой легенды, такъ и изъ новѣйшей литературы. Волга имѣетъ иныя красоты, для которыхъ это сравненіе совсѣмъ не нужно: это красота громаднаго горизонта, широкихъ линій, первобытной природы и быта,—но мы не найдемъ здѣсь и тѣни тѣхъ знаменательныхъ историческихъ воспоминаній, художественныхъ памятниковъ, которые непосредственно говорили бы даже русскому національному чувству, когда рейнскіе памятники говорятъ даже чувству образованнаго иностранца. Вмѣсто того, что на Рейнѣ въ смыслѣ культуры путешественника поражаютъ воспоминанія прошлаго и картины цвѣтущаго состоянія страны въ настоящемъ, на Волгѣ все еще не покидаетъ его мысль, что многое въ русской культурѣ еще должно ждать своего будущаго. Самая природа не имѣетъ опять ничего общаго съ рейнскими пейзажами. Затѣмъ интересъ Волги этнографическій и бытовой есть чисто-русскій.

Какъ мы сказали, разсказъ сопровождается множествомъ иллюстрацій. Въ изданіи подобнаго рода иллюстраціи составляютъ очень важное дѣло, почти половину дѣла. Большая часть изъ этихъ фототипій исполнены прекрасно и взяты съ удачныхъ оригиналовъ, то-есть фотографій. Но не всѣ. Здѣсь есть много изображеній городовъ. Снять удачную фотографію русскаго города нелегко: въ немъ обыкновенно очень мало выдающихся живописныхъ построекъ и масса города состоитъ изъ ординарныхъ, весьма мало интересныхъ домовъ, такъ что фотографія представляетъ всего чаще безформенную массу, а если дѣлается сверху, то изображаетъ весьма мало любопытную кучу крышъ. Очевидно, что фотографъ долженъ съ такой же заботливостью выбрать свой пунктъ, съ какой выбиралъ бы его живописецъ, именно, чтобы можно было схватить нѣчто цѣлое и характерное. Здѣсь представлены, напримѣръ, Симбирскъ, Саратовъ, Цари-

цынъ, Астрахань и ни одинъ изъ этихъ снимковъ мы не сочли бы удовлетворительнымъ. Симбирскъ снятъ съ Волги, но онъ расположенъ на такой высокой горѣ, что съ Волги города совсѣмъ не видно, и передъ нами только спускъ съ этой горы съ признаками города наверху въ видѣ нѣсколькихъ колоколенъ. Саратовъ въ текстѣ изображается очень красивымъ городомъ,—на картинкѣ, съ не совсѣмъ удачнаго пункта, снятъ только обрѣзокъ города, притомъ не главный. Царицынъ болѣе удаченъ, но опять не характеренъ. Астрахань также не вполнѣ удачна. Общій видъ Казани отсутствуетъ. Но изображенія Нижняго вообще хороши; не дурно сдѣланы Самара, Вольскъ, Чебоксары (на картинѣ неизвѣстно зачѣмъ названные „Чебакчарь"). Отдѣльныя части городовъ, замѣчательныя зданія и уголки легче поддавались фотографіи и вообще хороши. Очень хороши многіе волжскіе пейзажи, напримѣръ, отдѣльныя горы Жигулей,—здѣсь, какъ намъ кажется, могла бы быть схвачена самая линія Жигулей, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое пространство вдоль (въ нѣкоторыхъ пунктахъ это было бы возможно), чтобы дать понятіе объ ихъ общемъ очертаніи. Наконецъ, нѣкоторые рисунки могли бы отсутствовать безъ ущерба для книги. Напримѣръ, развалины Болгаръ (стр. 79, 80) мало удовлетворительны; изображеніе калмычки (стр. 144), борьбы калмыковъ (стр. 146), пляски калмычекъ (стр. 148) взяты повидимому съ какихъ-то рисунковъ, — между тѣмъ, еслибы понадобилось дать типы населенія, это можно было бы сдѣлать очень легко при содѣйствіи мѣстныхъ фотографовъ: еще лѣтъ десять тому назадъ мы видѣли, напримѣръ, любопытныя коллекціи этого рода въ Астрахани. Прибавимъ, что иллюстраціи нѣсколько неравномѣрны и иногда распредѣлены не по мѣстамъ. Напримѣръ, при описаніи Вольска помѣщено реальное училище въ Казани; читаемъ описаніе Саратова и видимъ фонтанъ въ Казани и гимназію въ Казани.

Наши замѣтки могутъ показаться слишкомъ требовательными; но самое предпріятіе такъ крупно и во многихъ отношеніяхъ исполнено столь прекрасно, что становится очень желательнымъ, чтобы оно избѣжало недостатковъ, весьма устранимыхъ. Въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая давала бы столь изящно исполненную картину великой русской рѣки.—Т.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакціи получены были слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аргутинскій-Долгоруковъ, А.—Закавказская желѣзная дорога и ея экономическое значеніе. Тифлисъ. 1896 (М. П. С.). Стр. 162 и 21.

Быкова, А.—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ семью рисунками въ текстѣ и картой. М. 96. Стр. V и 201. Изданіе кн. склада А. М. Мурииовой.

Вандергеймъ.—Въ походѣ съ Менеликомъ, негусомъ абиссинскимъ (двадцать мѣсяцевъ въ Абиссиніи). Сокращенный переводъ А. А. Бичъ-Богуславскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Одесса. 1896. Изданіе Высочайше утвержд. южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Стр. 123. Ц. 40 к.

Волкова, М. М., женщина-врачъ.—Больной ребенокъ. Уходъ за нимъ и поданіе первой помощи до прибытія врача. Спб. 96. Изданіе кн. маг. Ледерле. Стр. XII и 472. Ц. 2 р. 50 к.

Габриловичъ, Иванъ.—Чахотка и основы ея леченія. Спб. 96. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. IV и 144. Ц. 1 р. 20 к.

Гогебашвили, Яковъ.—Русское слово или учебное руководство къ русскому языку, для грузинскихъ школъ. Часть первая. Изданіе пятое. Тифлисъ. 95. Стр. 127. Ц. 30 к.

——— Часть вторая. Изд. третье. Тифлисъ. 93. Стр. 191. Ц. 40 к.

——— Руководство для учителей и учительницъ грузинскихъ начальныхъ школъ къ преподаванію по книгѣ того же автора „Русское Слово". Тифлисъ. 89. Стр. 96. Ц. 50 к.

——— Разборъ учебныхъ руководствъ по русскому языку. Тифлисъ. 96. Стр. 95. Ц. 50 к.

Горяевъ, Н. В.—Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ. 96. II, 451, XL, LXII стр. Ц. 2 р.

Дарвинъ, Чарльзъ.—Сочиненія. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова. О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. подъ ред. акад. А. О. Ковалевскаго. Съ приложеніемъ 27 таблицъ рисунковъ. Спб. 96. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. 421, 184. Цѣна по подпискѣ (за оба тома) 3 р., по выходѣ II тома 4 р. 50 к.

Джеромъ, К.—Втроемъ по Темзѣ. Съ англійскаго, Н. Ж. Спб. 96. Изданіе кн. маг. Ледерле. 16°. Стр. 406. Ц. 1 р.

Джорджъ, Генри.—Прогрессъ и бѣдность. Изслѣдованія причинъ упадка промышленности и увеличенія бѣдности, ростущей вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства. Средства помощи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія А. Г. Сахаровой, подъ ред. А. К. Шеллера (Михайлова). Спб. 96. Стр. 657. Ц. 2 р. Изданіе кн. маг. Ледерле.

Заринъ, А. Е.—Говорящая голова. Сборникъ разсказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. Спб. 96. Изданіе книжнаго магазина Ледерле. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Кадельбургъ, Гертруда.—Эльза. Повѣсть. Переводъ А. Погодина. Спб. 96. Изданіе кн. маг. Ледерле. Стр. 350. Ц. 80 к., въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 1 р. 40 к.

Кантъ, Иммануилъ. О педагогикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Любомудрова. Съ портретомъ Канта и краткой его біографіей. М. 96 (Педагогическая Библіотека, издав. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Стр. 92. Ц. 75 к.

Красовскій, А.—Легальный произволъ. Замѣчанія на проектъ уложенія о наказаніяхъ. Спб. 96. Стр. 66. Ц. 1 р.

Кривошлыкъ, М. Г.—Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей (съ краткими біографіями ихъ). Спб. 96. Стр. 154. Ц. 50 к., съ пересылкою 60 к.

Ломанъ, А. — Современное ученіе о государственной власти. М. 96. Стр. 58. Ц. 50 к.

Мержеевскій, И. П., академикъ.—Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Повременное изданіе. Годъ одиннадцатый, вып. II. Спб. 96. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. 405, 44.

Милль, Джонъ Стюартъ. — Автобіографія. (Исторія моей жизни и убѣжденій). М. 96. Изданіе магазина „Книжное дѣло". Стр. 280. Ц. 75 к.

Морье, Жоржъ. Трильби. Романъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Владимірова. Спб. 96. Изданіе кн. магазина Ледерле. Стр. 320. Ц. 1 р.

Мясоѣдовъ, А. Д. Бездомная.—Романъ. Спб. 96. Изданіе книжнаго магазина Ледерле. Стр. 662. Ц. 2 р.

Павловъ, С. К.—Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Съ рисунками. Съ предисловіемъ проф. гигіены Ф. Ф. Эрисмана. М. 96. Стр. 110. Ц. 1 р.

Рабле, Ф., и *Монтэнь*, М. — Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ „Гаргантуа" и „Пантагрюэля" Рабле и „Опытовъ" Монтэня. Переводъ съ французскаго В. Смирнова. Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтэня. М. 96. (Педагогическая Библіотека, издав. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Стр. 129. Ц. 1 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ.—Эмиль или о воспитаніи. Переводъ съ французскаго П. Первова. Съ портретомъ Руссо и статьей о жизни его и произведеніяхъ. М. 96. (Педагогическая Библіотека, издав. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Стр. XL и 651. Ц. 3 р. 50 к.

Сазоновъ, Г. П. — Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895). Т. II. Изданіе департамента земледѣлія. Спб. 96. Стр. 489—1087. Ц. 2 р.

Соколовъ, М. Е.—Былины историческія, военныя, разбойничьи. Воровскія пѣсни, записанныя въ саратовской губерніи. Петровскъ. 96. Стр. IX и 26. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. — Афоризмы изъ сочиненій. Извлечены и приведены въ систему Юліею Реймондъ Гинджеллъ. Съ портретомъ Г. Спенсера. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій, подъ редакціею Вл. Соловьева. Спб. 96. Изданіе Н. П. Карбасникова. Стр. XIII и 191. Ц. 1 р.

Фулье, Альфредъ. — Темпераментъ и характеръ. Переводъ В. П. Линда. М. 96. Стр. 341. Ц. 1 р.

Шерръ, Іоганнъ.—Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Переводъ съ 9-го нѣм. изданія подъ редакціей П. И. Вейнберга. М. 96. Выпуски IX—XII. Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ—6 руб., съ доставкою и пересылкою—8 р. Изданіе Д. В. Байкова и К°.

Шкателовъ, В. В., адъюнктъ-профессоръ въ ново-александрійскомъ институтѣ.—Коньякъ.—Производство коньяка во Франціи.—Способы приготовленія коньяка и распространившіяся его фальсификаціи и проч. Публичная лекція Варшава. 96. Стр. 26. Ц. 25 к.

Ѳирсовъ, Н. Н.—Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ую половину XVIII столѣтія. Казань. 96. Стр. 220.

— Bulletin russe de statistique financière et de législation. 3-me année. №№ 5 et 6. Mai-Juin 1896. St.-Pétersbourg. 1896. Стр. 285—412.

— *Wyzewa*, Theodor, de.—Écrivains étrangers. Paris. 1896. Стр. 326. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Проектъ Андре, съ историческимъ очеркомъ и таблицей рисунковъ. Спб. 1896. Стр. 42. Ц 35 к.

— Отчетъ особаго отдѣла по предупрежденію слѣпоты за 1895 годъ. Составленъ подъ редакціей проф. Л. Г. Беллярминова д-ромъ В. Н. Долгановымъ. Спб. 96. (Попечительство императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ). Стр. 64.

— Отчетъ харьковскаго временного комитета по завѣдыванію вывозомъ минеральнаго топлива и соли западной части Донецкаго бассейна за 1895 годъ. Харьковъ. 96.

— *Производительныя силы Россіи.* Краткая характеристика различныхъ отраслей труда, соотвѣтственно классификаціи выставки. Составлено подъ общею редакціею директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго. Изданіе министерства финансовъ (Высоч. утвержд. коммиссія по завѣдыванію устройствомъ промышл. и худож. выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ). Спб. 96. Большой томъ, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ по статьямъ.

— Промыслы крестьянскаго населенія нижегородскаго уѣзда. (Дополнительныя объясненія къ картограммамъ и діаграммамъ, представленнымъ на всероссійскую выставку нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ). Нижній-Новгородъ. 96. Изданіе нижегор. уѣзднаго земства. Стр. 24 и таблица.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—95 годы Спб. 96. Изданіе департамента торговли и мануфактуръ (мин. финансовъ). Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Стр. IV + 69.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Edmond de-Goncourt († 4 іюля). Houkasaï. Paris. 1896.

Въ шестидесятыхъ годахъ братья Эдмонъ и Жюль де-Гонкуръ выступили въ литературѣ книгой объ искусствѣ XVIII вѣка; съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ оба Гонкура вмѣстѣ, и потомъ, по смерти другого брата, старшій изъ нихъ отдѣльно, создали новый литературный жанръ, такъ называемый „импрессіонистскій романъ", и оказали сильное дѣйствіе на французскую сцену. Теперь старшій изъ двухъ братьевъ умеръ, перешагнувъ за семидесятилѣтній возрастъ и не покидая пера до послѣдней минуты, послѣднимъ же его трудомъ, вышедшимъ лишь около мѣсяца до его смерти, было обширное изслѣдованіе о знаменитомъ японскомъ художникѣ Гукасаи.

Въ этомъ совпаденіи сюжетовъ перваго и послѣдняго произведенія Гонкуровъ есть нѣчто характерное для всего ихъ творчества. Гонкуры были прежде всего артисты, для которыхъ смыслъ жизни сводился къ исканію красивыхъ деталей въ предметахъ и въ людяхъ. Общій философскій смыслъ бытія не существовалъ для нихъ;—въ своемъ пессимизмѣ они даже вполнѣ отрицали его, но все частное, обособленное, выражающее не типъ, а индивидуальность, не чувства и цѣльныя очертанія, а настроенія и оттѣнки, находило въ нихъ тонкихъ выразителей, не превзойденныхъ никѣмъ по виртуозности стиля и пониманію скрытыхъ элементовъ красоты. Артистичность сдѣлала ихъ всѣмъ, чѣмъ они стали, и опредѣляетъ собой всѣ разнородные элементы ихъ творчества. Начавъ съ изученія отжившихъ областей прекраснаго, какъ, напр., манернаго французскаго искусства XVIII вѣка, они создали во Франціи „le goût du bibelot", по выраженію Поля Бурже, открывая въ своихъ изумительныхъ описаніяхъ поэзію міра неодушевленнаго, душу предметовъ. Физіономія ушедшихъ вѣковъ рисуется имъ въ очертаніяхъ прихотливыхъ бездѣлушекъ, пріобрѣтающихъ въ глазахъ эстетовъ-психологовъ особый историческій и художественный смыслъ. Изощривъ свой вкусъ и наблюдательность на рѣдкихъ предметахъ искусства, они перенесли свою любовь къ обособленному, ко всему, чтò выдѣляетъ изъ типа инди-

видуальность, на изученіе человѣческой души. Этимъ путемъ создался „модернизмъ" Гонкуровъ, составляющій главную особенность ихъ романовъ. Не человѣкъ вообще интересовалъ этихъ искателей живописныхъ деталей; философскій синтезъ чуждъ ихъ таланту, и они, напротивъ того, искали дифференцирующихъ чертъ современнаго человѣка, изучали особенности его психологіи, сложившейся подъ вліяніемъ лихорадочной жизни вѣка. Привычка же къ изученію предметовъ перешла у романистовъ въ собираніе документовъ, въ изученіе дѣйствительности „sur le vrai, sur le vif, le saignant". Этимъ Гонкуры примкнули къ натуралистическому направленію въ французскомъ романѣ.

Свой документальный способъ изученія Гонкуры примѣняютъ даже не къ современному человѣку во всей сложности его душевной жизни, а лишь къ обособленнымъ, болѣзненнымъ явленіямъ современной психологіи. Они останавливаются на нервныхъ организаціяхъ писателей и артистовъ, или же на людяхъ, которыхъ наслѣдственность или болѣзнь наградила ненормально изощренными нервами,— на истеричныхъ женщинахъ, на послѣднихъ представителяхъ вырождающихся семействъ. Душевный міръ этихъ людей, чувствительныхъ къ всякому прикосновенію жизни, представляетъ необычайное богатство ощущеній, и художественное чутье Гонкуровъ воспроизводитъ всѣ оттѣнки ихъ, изученные ими главнымъ образомъ на собственной отзывчивости. Недаромъ Эдмонъ де-Гонкуръ называлъ своего младшаго брата и себя „des écorchés", т.-е. людьми съ обнаженными нервами, испытывающими боль отъ всякаго соприкосновенія съ окружающимъ міромъ.

Третья черта, характеризующая творчество Гонкуровъ, — ихъ „импрессіонизмъ" — тоже обусловлена основной артистичностью романистовъ. Воспроизводя какое-нибудь явленіе жизни, они стремятся передать его не во всей его исторической полнотѣ, а лишь въ тѣхъ чертахъ, которыя наиболѣе пластично выдвигаютъ его и передаютъ его эмоціональную сторону, т.-е. производимое имъ впечатлѣніе на художника. Отраженіе предмета въ сочиненіи художника важнѣе для нихъ сущности предмета самого по себѣ. Въ описаніе впечатлѣній они вносятъ всю силу своего художественнаго пониманія, и это придаетъ особый лирическій характеръ ихъ объективному творчеству, особую нервность и выразительность ихъ стилю.

Исторія своеобразной жизни двухъ братьевъ тѣсно связана съ ихъ литературной дѣятельностью. Гонкуры представляютъ рѣдкій, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ примѣръ поглощенія людей ихъ профессіей. — Ихъ называютъ творцами типа „gens de lettres" въ литературѣ и въ жизни, и въ самомъ дѣлѣ ихъ излюбленный ге-

рой, Шарль Демайли, такъ же какъ они сами, настолько поглощенъ отраженіемъ дѣйствительности, что даже собственная жизнь интересовала его лишь какъ психологическій матеріалъ, какъ документы душевной жизни. Перевѣсъ литературнаго инстинкта надъ всякими другими былъ настолько великъ у Гонкуровъ, что они же сами, т.-е. собственно старшій изъ нихъ, раскрывалъ печатно всѣ подробности ихъ личной жизни, озабоченный лишь вѣрной передачей психологическихъ моментовъ, хотя бы такой самоанализъ могъ дать не всегда благопріятное представленіе о силѣ и искренности ихъ чувствъ и отношеній къ окружающимъ людямъ и къ общественнымъ интересамъ. Лучшій источникъ для оцѣнки Гонкуровъ, это—собственныя признанія братьевъ въ разныхъ романахъ и показанія фактическаго характера въ „Journal des Goncourt“ и въ нѣкоторыхъ предисловіяхъ. Вчитываясь въ эти искреннія, порой циничныя, порой равнодушныя признанія, въ которыхъ страсть къ анализу убиваетъ всякую попытку рисовки, можно получить ясное представленіе объ этихъ двухъ исключительныхъ характерахъ, которые добровольно обрекли себя на роль созерцателей, энергично отталкивали отъ себя всякое активное участіе въ жизни, но такъ сильно воспринимали впечатлѣнія внѣшняго міра, что даже роль объективныхъ созерцателей была для нихъ источникомъ вѣчныхъ терзаній.

Изъ двухъ братьевъ Эдмонъ де-Гонкуръ былъ старшій; онъ родился въ 1822 г., на восемь лѣтъ раньше своего брата Жюля. Душевный складъ братьевъ былъ очень различенъ,—у старшаго преобладало трезвое пониманіе дѣйствительности, проницательность, у младшаго — болѣзненная впечатлительность и художественный инстинктъ. Общими у нихъ были—страсть къ искусству и литературѣ, и позже, когда началась ихъ писательская дѣятельность, одинаковое пониманіе задачъ искусства, направленіе вкусовъ, а часто мыслей и настроеній. Благодаря именно природному различію ихъ дарованій, при абсолютной общности духовной жизни и стремленій, и могло образоваться это единственное въ своемъ родѣ сотрудничество двухъ писателей, слившихъ воедино общія и различныя свойства своихъ натуръ. Эдмонъ де-Гонкуръ, разсказывая послѣ смерти брата объ ихъ совмѣстной жизни и работѣ, говорилъ, что ему принадлежала главнымъ образомъ теоретическая разработка созданной ими формулы искусства, а Жюлю та „écriture artiste“, которой такъ славятся романы Гонкуровъ, пріискиваніе „живописующихъ словъ“ и едва замѣтныхъ, едва существующихъ оттѣнковъ предметовъ и настроеній. Но, по свидѣтельству того же Эдмона де-Гонкура, это раздѣленіе ролей не всегда оставалось одинаковымъ; во время совмѣстныхъ прогулокъ по городу и окрестностямъ Парижа и безконечныхъ обсужде-

ній текущаго произведенія они такъ сливались духомъ, что невозможно было отдѣлить то, что̀ внесъ каждый въ общій трудъ,—имъ даже случалось произносить одновременно одну и ту же мысль, намѣчать одинаковую подробность. Нельзя поэтому и сказать, который изъ двухъ братьевъ былъ наиболѣе талантливъ. Переживъ болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ младшаго брата и сотрудника, Эдмонъ де-Гонкуръ продолжалъ дѣло, начатое сообща, и написалъ нѣсколько высокоталантливыхъ вещей; но въ нихъ уже не было той сосредоточенности художественнаго чувства, того особаго проникновенія въ душу современности и той безпощадной вивисекціи, которая составляла силу прежнихъ Гонкуровскихъ романовъ. Жюль и Эдмонъ де-Гонкуры настолько слились въ одного большого писателя, что одинъ изъ нихъ не могъ уже быть цѣльнымъ писателемъ хотя бы меньшей величины, а именно, оставался всю остальную жизнь половиной геніальнаго романиста.

Гонкуры написали сообща, кромѣ интересныхъ очерковъ по искусству, одну драму „Henriette Maréchal" и пять романовъ: „Charles Demailly", „Germinie Lacerteux", „Renée Mauprat", „Manette Salomon" и „Madame Gervaisais". Во всѣхъ ихъ рисуются исключительныя существа и патологическія явленія современности; въ большинствѣ изъ нихъ, кромѣ того, детали преобладаютъ надъ основнымъ содержаніемъ, и авторы вводятъ читателя въ своеобразный міръ французскихъ художниковъ, во всѣ тонкости ихъ профессіи, и включаютъ въ повѣствованіе блестящія страницы разсужденій объ искусствѣ, описаній Парижа, излюбленнаго авторами и изученнаго ими вполнѣ. Въ двухъ романахъ „Charles Demailly" и „Manette Salomon", Гонкуры разработываютъ свою любимую тему о томъ, что художникъ долженъ жить безъ семьи и привязанностей, долженъ всецѣло принадлежать своему искусству, — въ противномъ случаѣ гибель ожидаетъ и его искусство, и его самого. Шарль Демайльи — ихъ любимый герой; въ него Гонкуры вложили свои собственныя мечты и стремленія, надежды своей молодости, чувства той поры, когда пробуждается и крѣпнетъ талантъ художника и душа его полна безграничной жажды дѣла. Но Шарль Демайльи не умѣетъ устоять противъ соблазна свѣтскихъ успѣховъ и отдаетъ часть своей души— лучшую часть ея—любви къ легкомысленной женщинѣ, цѣнящей въ немъ не артиста, а внѣшнюю его славу. Женщина—bête noire Гонкуровъ; они видятъ въ ней гибель искусства и показываютъ на примѣрѣ своего героя, какъ разрушительно дѣйствуетъ на художника женщина съ ея коварствомъ и деспотизмомъ, разбивающимъ всякую энергію, съ ея узостью и практичностью, мѣшающей артисту стремиться къ идеалу. Жена Шарля играетъ его чувствомъ и его честью,

разбиваетъ его карьеру; сухая и практичная по натурѣ, она побѣждаетъ безкорыстнаго идеалиста; онъ быстро падаетъ и въ глазахъ свѣта и въ своихъ собственныхъ, терзается и любовью къ недостойной женщинѣ и сознаніемъ загубленнаго таланта. Въ концѣ концовъ больной, еле живой онъ попадаетъ съ пріятелями, которые хотятъ развлечь его, на какое-то гулянье и видитъ на открытой сценѣ пѣвицу, ухарски поющую непристойную шансонетку. При первыхъ звукахъ ея голоса онъ узнаетъ въ накрашенной, полураздѣтой женщинѣ свою жену, для которой онъ пожертвовалъ своимъ талантомъ, которой отдалъ всѣ мечты юности. Этотъ ударъ довершаетъ страданія долгихъ лѣтъ. Шарль сходитъ съ ума, и вмѣстѣ съ артистомъ умираетъ и человѣкъ.

Самая фабула этого романа, какъ видно изъ простой передачи, сентенціозна и придумана какъ бы въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ художниковъ. Но не въ сюжетѣ главный интересъ романа, а въ психологіи художника съ его болѣзненнымъ самоанализомъ, съ отсутствіемъ всякой непосредственности, наконецъ въ исторіи постепеннаго паденія истиннаго таланта, не подготовленнаго къ борьбѣ съ жизнью. Бытовая сторона романа рисуетъ закулисную исторію парижской прессы, намѣчаетъ типы журналистовъ, поражаетъ яркостью документальной части и блещетъ страницами объ искусствѣ, поэзіи, литературѣ и т. д.

Другая среда, близкая однако журнальному міру, описана въ „Manette Salomon“, романѣ изъ быта художниковъ. Тема романа опять та же: художника заѣдаетъ среда, если онъ не сохраняетъ храма своего искусства отъ вторженія внѣшняго міра. Героиня романа—молодая еврейка, приходящая позировать въ мастерскую извѣстнаго художника для его учениковъ. Красота модели описана Гонкурами съ строгостью и точностью классическаго рисунка и можетъ служить образцомъ ихъ живописующаго стиля: „Въ мастерской“,—такъ описывается первое появленіе Manette — „ея нагота сразу все освѣтила присутствіемъ шедевра красоты. Ея правая рука, положенная на слегка наклоненную голову, опустилась на волосы; лѣвая, опираясь на правую у самой кисти, скользила по ней тремя, слегка согнутыми, пальцами. Одна нога, скрещенная спереди, стояла на самомъ кончикѣ; равновѣсіе всей позы держалось вытянутой другой ногой, покоившейся на всей ступнѣ. Поставленная такимъ образомъ, найдя опору въ самой себѣ, она показывала прекрасныя удлиненныя и поднимающіяся линіи женщины, увѣнчивающей свою голову руками. Казалось, что свѣтъ ласкалъ ее съ головы до ногъ; отъ невидимаго колебанія контуровъ какъ бы дрожалъ рисунокъ тѣла, и распространялось вокругъ сіяніе красоты“. На этомъ примѣрѣ видно,

насколько Гонкурамъ удавалось приблизить литературу къ пластическимъ искусствамъ, уподобить живопись словами живописи красками.

Но эта прекрасная модель такова лишь до тѣхъ поръ, пока остается вдали. Художникъ Коріолисъ увлекается однако ея восточной красотой, поддается ея уловкамъ, и наконецъ женится,—чтобы изъ свободнаго художника сдѣлаться рабомъ не только капризной и тупой женщины, но и ея алчной семьи, которая заставляетъ его насиловать вдохновеніе, работать для рынка и уйти отъ друзей, отъ всего свѣтлаго и идеальнаго. Въ Коріолисѣ художникъ погибаетъ окончательно, и торжество женщины — полное. Тема, какъ мы видимъ, опять та же—преслѣдовавшая Гонкуровъ боязнь женщины и ея вліянія въ святомъ дѣлѣ искусства.

Вокругъ Коріолиса и Манеты романисты сгруппировали всѣ школы французской живописи за послѣднія тридцать лѣтъ. Будучи сами сторонниками независимаго искусства, они воскрешали споры романтизма и реализма и выставили представителей всѣхъ жанровъ живописи. Въ бесѣдахъ академиковъ и революціонеровъ искусства, въ шуточныхъ рѣчахъ представителя богемы и въ другихъ не менѣе удачныхъ типахъ художниковъ, ихъ покровителей и ихъ враговъ, воскресаетъ цѣлый міръ чрезвычайно интересный, изобилующій живописными подробностями. Одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ романа — первая сцена, въ которой неудачникъ Анатоль описываетъ Парижъ à vol d'oiseau съ высоты Jardin des Plantes. Въ этомъ романѣ Гонкуры могли отразить богатыя впечатлѣнія своей личной жизни, проведенной въ мірѣ художниковъ и преисполненной интересовъ искусства.

Къ другому типу относится одинъ изъ лучшихъ, быть можетъ, лучшій романъ Гонкуровъ—Germinie Lacerteux. Это истинно жестокая картина дѣйствительности, проникнутая жалостью къ роковымъ страданіямъ людей. Героиня—простая служанка, честная и гордая, которая подъ вліяніемъ истеріи проходитъ черезъ всѣ ступени нравственнаго паденія, становится жертвой своего чувства къ мелкому плуту, эксплуатирующему ее, обманываетъ и грабитъ свою госпожу и умираетъ въ больницѣ жалкой смертью. Романъ написанъ эпизодически, картинами, но тѣмъ рельефнѣе выступаютъ главныя фигуры; отдѣльныя сцены—какъ смерть Жермини, ея rendez vous съ Жупильономъ, которому она приноситъ краденныя деньги и мн. др.,—написаны съ реализмомъ, не превзойденнымъ школой Золя, съ той только разницей, что Гонкуры освѣщаютъ изображеніе дѣйствительности любовью къ людямъ и что въ величайшемъ паденіи они подсмотрѣли нѣчто святое.

Жюль Гонкуръ сдѣлался жертвой своей крайней впечатлительности: онъ состарился къ сорока годамъ и умеръ отъ нервнаго напряженія. Болѣе спокойный братъ его дожилъ до глубокой старости. Его романъ „Fille Elisa" принадлежитъ къ типу „Germinie Lacerteux" и описываетъ мрачную, монотонно-трагическую жизнь падшей женщины. Отсутствіе всякихъ событій въ повѣсти создаетъ особую тяжелую атмосферу и усугубляетъ впечатлѣніе безъисходности человѣческихъ страданій. „La Faustin"—исторія одной актрисы, входитъ въ разрядъ женоненавистническихъ произведеній Гонкуровъ.

Въ послѣдніе годы Гонкуръ, какъ извѣстно, издавалъ дневникъ свой и брата и возбудилъ не мало неудовольствій своими, не всегда деликатными, разоблаченіями.

Послѣднимъ своимъ томикомъ объ японскомъ искусствѣ Гонкуръ вернулся къ излюбленной имъ и его братомъ темѣ—къ старинному искусству, къ неодушевленнымъ предметамъ, къ тому, что̀ удаляется отъ жизни и облагораживаетъ сознаніе художника.

II.

Paul Marguerite. L'eau qui dort. Paris 1896. Стр. 334.

Въ французской беллетристикѣ послѣдняго періода распространенъ типъ писателей, творчество которыхъ рѣзко распадается на двѣ совершенно противоположныя половины: писатели эти выросли въ школѣ натурализма и начинали писать въ духѣ Золя или Гонкуровъ,—а затѣмъ, отрѣшившись отъ прежнихъ учителей, или совсѣмъ ушли отъ міра дѣйствительнаго и стали изображать мистическія грезы, какъ, напр., Шарль Гюисмансъ, или вносятъ въ романы психологическаго содержанія проповѣдь морали и религіозныя настроенія. Причиной раскола является несомнѣнно вліяніе русскихъ романистовъ, въ особенности Толстого, которымъ полны умы всей литературной молодежи во Франціи. Русскій романъ,—реалистическій въ высокомъ смыслѣ слова, т.-е. вносящій идейное освѣщеніе въ изображеніе жизни,—показалъ пустоту слѣпого фотографированія жизни и разрушилъ обаяніе французскаго натурализма. Крайности же натурализма, встрѣчающіяся даже у лучшихъ его представителей, способствовали развѣнчанію его. Послѣ „La Terre", нѣсколько изъ наиболѣе талантливыхъ и наиболѣе преданныхъ учениковъ Золя издали протестъ, въ которомъ отрекались отъ солидарности съ своимъ учителемъ. Въ числѣ пяти протестантовъ былъ и Поль Маргеритъ, молодой авторъ нѣсколькихъ повѣстей, менѣе

всего сдержанныхъ въ описаніи различныхъ жизненныхъ подробностей. Отрекаясь отъ Золя, Маргеритъ выразилъ свое негодованіе не столько противъ грубости тона въ „La Terre“, сколько противъ самаго замысла, безнадежно матеріалистическаго и низменнаго. Послѣ этого инцидента и произошелъ переломъ въ творчествѣ Маргерита;— дальнѣйшіе его романы все болѣе и болѣе удаляются отъ натуралистической формулы, и вліяніе Золя и Гонкуровъ смѣнилось въ нихъ несомнѣнными отголосками „толстоизма“. Темы разсказовъ становятся исключительно психологическими, и романистъ задается вопросами этическаго характера, заглядывая въ души своихъ героевъ.

Первая вещь Маргерита, „Tous quatre“, по выбору героя, литератора, и описанію его сложной психологіи, напоминаетъ ближе всего Гонкуровъ, но на психологическомъ фонѣ развертываются картины парижской жизни и парижской развращенности, достойныя писателя изъ школы Золя. Какъ во всѣхъ подобныхъ романахъ, здѣсь есть много совершенно лишнихъ подробностей, не имѣющихъ никакого художественнаго значенія и свидѣтельствующихъ о намѣренности, о выискиваніи грязныхъ сторонъ, замѣняющихъ изображеніе того, что̀ важно и интересно въ жизни—ея внутренній смыслъ.

Послѣ нѣсколькихъ разсказовъ въ духѣ „Tous quatre“ и съ тѣмъ же настаиваніемъ на будничныхъ и пикантныхъ подробностяхъ, появился рядъ другихъ романовъ: „Pascal Géfosse“, „Jours d'épreuve“, „Amants“ „Sur le Retour“, „Force des choses“. Въ нихъ на первомъ планѣ—психологическій интересъ, а иногда даже мораль, напр., доказательство, что нарушеніе брака безнравственно (Pascal Géfosse), а семейная добродѣтель ведетъ къ счастью (Jours d'épreuve). Но не эти два романа, написанные въ слащавомъ тонѣ, составляютъ лучшую славу Маргерита; гораздо выше ихъ три слѣдующихъ, въ которыхъ моралистъ уступаетъ первое мѣсто художнику и психологу. Въ нихъ разработывается одна и та же основная тема; сила воли человѣка противопоставляется силѣ вещей, и въ этой вѣчной борьбѣ между тѣмъ, что̀ есть въ душѣ святого, и тѣмъ, что̀ въ жизни есть рокового, Маргеритъ находитъ своего рода грустную поэзію покорности. На торжество жизни надъ отвлеченнымъ идеаломъ онъ смотритъ безъ пессимизма. Побѣда жизни бываетъ красивой и гармоничной по выводамъ Маргерита, и красота эта заключается въ искупительной силѣ страданія; къ этому сводятся развязки его романовъ, очевидно, навѣянныхъ Достоевскимъ и христіанскою религіей страданія. Нельзя сказать, чтобы такое нео-христіанство звучало искренно въ устахъ французскаго романиста; примирительные концы повѣстей кажутся сочиненными и заканчиваютъ назиданіемъ разсказы, задуманные въ

иномъ философско-созерцательномъ настроеніи, которое не вяжется съ категорическими выводами.

Въ „Force des choses“ Пьеръ Жоріэ теряетъ жену, которую безумно любилъ, изъ-за которой разошелся съ семьей, а съ ея смертью жизнь какъ бы кончается для него. Его тяготятъ всѣ люди, тяготятъ своимъ простодушнымъ эгоизмомъ старики-родители, примирившіеся съ нимъ во время его несчастія; если у него хватаетъ силы пережить день похоронъ, мучительный видъ его кроткой подруги въ гробу, то причиной является только его малютка сынъ. Ему онъ посвятитъ всю дальнѣйшую жизнь,—эта мысль его нѣсколько утѣшаетъ, а участіе близкихъ друзей покойной трогаетъ и умиляетъ его душу. Съ похоронъ онъ возвращается въ обществѣ подруги его жены, молоденькой, безпритязательной Сусанны, умѣющей бережно отнестись къ его горю. Она и другая родственная ему по духу женщина, овдовѣвшая почти одновременно съ нимъ, Лоренсъ де-Рейнисъ, облегчаютъ своимъ участіемъ его горе; ихъ общество съ теченіемъ времени и становится той „force des choses“, которая побѣждаетъ „вѣчную“ любовь Пьера къ умершей женѣ. Онъ часто бываетъ у Лоренсъ, говоритъ ей о своемъ горѣ, о своемъ сынѣ и чувствуетъ особую прелесть установившихся между нимъ и ею отношеній. Молодой вдовѣ приходится уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ, и Пьеру это вдругъ кажется почти измѣной; послѣ ея отъѣзда онъ чувствуетъ себя вдвойнѣ осиротѣлымъ и любовь къ умершей охватываетъ его съ новой силой. Въ годовщину смерти Клары его навѣщаетъ Сусанна, и онъ радъ присутствію молодого цвѣтущаго существа въ осиротѣломъ домѣ. Онъ возобновляетъ знакомство съ ней, и такъ какъ она всѣ дни проводитъ въ мастерской моднаго магазина, то онъ часто приходитъ за ней, къ закрытію мастерской, и они отправляются вмѣстѣ въ кафè или гулять. Эта дружба съ хорошенькой и доброй модисткой заканчивается обычной романической развязкой, и Пьеръ страдаетъ отъ своей первой измѣны памяти жены. Съ Сусанной однако его связываетъ лишь мимолетное увлеченіе, не серьезное съ обѣихъ сторонъ. Съ возвращеніемъ Лоренсъ де-Рейнисъ, Пьеръ снова подпадаетъ обаянію прежней дружбы, связь съ Сусанной обрывается, и несмотря на внутреннюю борьбу, на боязнь утратить старое святое чувство, образъ умершей жены блѣднѣетъ въ памяти Пьера, и новая любовь возрождаетъ его къ жизни послѣ долгаго періода безплодной тоски. Душа его очистилась страданіемъ, и романъ заканчивается примирительной нотой. „Сила вещей“ на этотъ разъ оказалась благотворной. Послѣ того, какъ Пьеръ открылъ свою любовь молодой женщинѣ и чувствуетъ приливъ счастья отъ сознанія ея взаимности, въ немъ вдругъ просыпается мысль о смерти и онъ ищетъ примиренія

между прошлымъ и настоящимъ: „Увы! та, которой нѣтъ, лежитъ подъ узкой плитой, въ гробу. Другіе тоже, отецъ и мужъ г-жи де-Рейнисъ, покоятся на чужбинѣ, на дальнемъ Востокѣ. Повсюду смерть борется съ жизнью, повсюду горе! Но въ нихъ самихъ, вокругъ нихъ, въ обаяніи окружающей природы, въ ихъ молодости было широкое теченіе жизни, захватывающее ихъ". Болѣе грустной оказывается власть жизни надъ иллюзіями сердца въ другомъ романѣ—„Sur le Retour". Сюжетъ романа представляетъ мало новизны. Человѣкъ „второй молодости", сорока пяти лѣтъ, любитъ молоденькую дѣвушку и, — какъ говоритъ поэтъ, — „на склонѣ нашихъ лѣтъ — нѣжнѣй мы любимъ, суевѣрнѣй"... Исходъ безнадежнаго чувства не можетъ быть счастливымъ: „законъ жизни" проявляетъ свою силу, и иллюзія или побѣждается разумомъ, или разбиваетъ жизнь въ послѣдней сердечной бурѣ. Всѣ эти комбинаціи чувства не разъ служили темой романистамъ, но Маргеритъ внесъ новую ноту въ трактованіе стараго сюжета. Въ романѣ „Sur le Retour" вся драма поздней любви происходитъ только въ душѣ героя разсказа, полковника де-Франкера; молодая дѣвушка, которую онъ полюбилъ, будучи въ гостяхъ одновременно съ ней у своего брата, не подозрѣваетъ о причиненныхъ ею страданіяхъ. Вслѣдствіе такого построенія фабулы, любовь немолодого полковника теряетъ всякую тѣнь комизма, присущаго несоотвѣтствію чувства и условій, въ которыхъ оно проявляется. Ивелина де Кержюзанъ пятнадцатилѣтняя креолка, въ полномъ расцвѣтѣ пышной южной красоты. Полковникъ любуется и занимается ею, не давая себѣ отчета въ грозящей опасности. Когда истина открывается ему, уже поздно: онъ любитъ Ивелину „исключительнымъ чувствомъ, съ ревнивой нѣжностью къ каждой ея мысли, каждому взгляду, съ дерзкимъ желаніемъ нравиться ей, любить ее не только какъ поэтическую мечту, а какъ женщину". Мысль о томъ, что она втрое моложе, не излѣчиваетъ его; ничего не говоря ей, онъ однако живетъ мечтами о ея любви, обманываетъ себя надеждами. Ему кажется иногда, что Ивелина поняла его, что она тронута его обожаніемъ. Онъ переживаетъ скрытое отъ чужихъ взоровъ интимное счастье,—быть можетъ, столь же большое и несомнѣнно болѣе поэтическое, чѣмъ дѣйствительность. Но его ждетъ катастрофа, и онъ самъ слышитъ приговоръ себѣ и своей любви изъ невинныхъ устъ любимой дѣвушки. Онъ случайно присутствуетъ незримый при разговорѣ Ивелины съ ея молоденькимъ кузеномъ Ивономъ, который тоже любитъ ее. „Ты ему нравишься", говоритъ дѣвушкѣ Ивонъ: „ты ему нравишься, и мнѣ это больно".— „Почему больно? Я къ нему совершенно равнодушна". „Но что, если онъ хочетъ жениться на тебѣ?" — „Онъ-то? — Вотъ безуміе!"—Мечта влюбленнаго полковника разбита—и онъ самъ пони-

маетъ роковую необходимость такой развязки. Слишкомъ неожиданный ударъ физически разбилъ его, — онъ тяжко заболѣваетъ, но выздоравливаетъ онъ уже просвѣтленный и съ влажнымъ, но спокойнымъ взоромъ слѣдитъ изъ своего окна за сценой отъѣзда той, которую онъ такъ много любилъ. Ивелина отошла для него въ далекое прошлое. Примиреніе съ роковыми законами жизни свершилось у героя Маргерита гармонично, путемъ искупительной силы страданія. Въ этомъ концѣ опять нельзя не замѣтить вліянія русскаго романа.

Трагизмъ, таящійся въ силѣ вещей, служитъ содержаніемъ третьяго большого романа Маргерита „Amants". Самое интересное въ романѣ—его героиня Фредерика Ильсэ, принадлежащая къ типу grandes amoureuses. Это молодая дѣвушка, нѣжная и хрупкая, душа которой пробуждается только подъ вліяніемъ страсти. Полюбивъ молодого князя д'Ансиза, Фредерика таитъ въ себѣ это чувство; Даніэль д'Ансизъ женатъ и, кромѣ того, имѣетъ репутацію легкомысленнаго сердцеѣда. Но роковая сила страсти охватываетъ благочестивую Фредерику и легкомысленнаго князя, и послѣ первыхъ встрѣчъ любовь ихъ становиться неизбѣжной и трагической. Даніэль уѣзжаетъ, и дѣвушка живетъ одними воспоминаніями, лелѣетъ свою любовь. Прочитавши въ газетахъ ложное извѣстіе объ его смерти, Фредерика тяжко заболѣваетъ, и природное предрасположеніе къ чахоткѣ принимаетъ форму опредѣленной болѣзни. Даніэль пріѣзжаетъ снова въ Алжиръ,—тамъ происходитъ дѣйствіе романа, — на этотъ разъ съ женой и ребенкомъ, и поселяется въ сосѣдствѣ съ домомъ отца Фредерики. Дремавшее чувство дѣвушки обостряется, и князь, шутливо относившійся сначала къ нравившейся ему дѣвушкѣ, увлекается ею серьезно. Любовь ихъ проходитъ всѣ неизбѣжные фазисы, но смертельная болѣзнь Фредерики дѣлаетъ каждую минуту жгучей и трагической. На фонѣ южной природы, въ контрастѣ съ величавымъ благочестіемъ жены Даніэля, гордой въ своемъ семейномъ горѣ, въ сопровожденіи вѣчнаго призрака, смерти, обвѣвающей дѣвушку, любовь Даніэля и Фредерики кажется чѣмъ-то стихійнымъ и неумолимымъ. Инстинктъ жизни молодого существа отражается весь въ ея страсти, которой она отдается, какъ высшей силѣ, не стыдясь ея, не упрекая себя ни въ чемъ, и все ближе становясь къ смерти, чѣмъ сильнѣе она живетъ минутнымъ счастьемъ. Она сама ускоряетъ развязку: зная о своей смертельной болѣзни и чувствуя, что становится матерью, она застрѣливается, чтобы не дать жизни существу, обреченному на горе. Эта развязка —единственно возможная въ романѣ, рисующемъ слѣпую и всепобѣдную страсть, трагическую по своему существу.

Такія же и подобныя темы психологическаго характера зани-

маютъ П. Маргерита и въ другихъ его романахъ и повѣстяхъ. Въ сборникѣ „L'eau qui dort“ помѣщены небольшіе разсказы эпизодическаго характера, безъ опредѣленной фабулы, легкіе силуэты отдѣльныхъ моментовъ чувственной жизни. Задуманные красиво, они написаны, однако, гораздо слабѣе другихъ вещей Маргерита.

III.

Gustave Larroumet. Études de littérature et d'art. Quatrième série. Paris, 1896. Стр. 398.

Критическіе очерки Густава Ларрумэ отличаются всегда гораздо бо̀льшимъ разнообразіемъ сюжетовъ, чѣмъ произведенія даже лучшихъ изъ современныхъ французскихъ критиковъ. Преимущество Ларрумэ заключается въ томъ, что онъ съ одинаковой компетентностью можетъ судить и судитъ какъ о вопросахъ литературныхъ, такъ и о живописи и другихъ пластическихъ искусствахъ; въ его книгахъ поэтому встрѣчается, кромѣ интересныхъ литературныхъ очерковъ, также много обстоятельныхъ свѣденій о новыхъ французскихъ художникахъ. Послѣдняго рода свѣденія тѣмъ болѣе интересны, что состоя много лѣтъ директоромъ секціи beaux arts, Ларрумэ находился очень близко къ міру художниковъ, и передъ его глазами прошло все, что̀ было болѣе или менѣе выдающагося въ новѣйшій періодъ французскаго искусства.

Въ разбираемой книгѣ есть два интересныхъ очерка—объ Альфонсѣ Додэ и Пьерѣ Лоти. Въ сущности Альфонсомъ Додэ критика мало занимается;—публика его охотно читаетъ, поэзія его провансальскихъ сказокъ и разсказовъ дѣйствуетъ обаятельно, и мѣсто его въ современной литературѣ установилось какъ-то само собой, помимо критическихъ обсужденій его романовъ съ идейной и психологической стороны. Причина такого отношенія критики къ писателю съ столь громкой извѣстностью, какъ Додэ, заключается, быть можетъ, въ томъ, что творчество Додэ, такъ сказать, на поверхности: онъ даетъ живые общественные типы, рисуетъ ихъ съ рельефностью, доходящей иногда до шаржа, умѣетъ отразить простой паѳосъ житейскихъ страданій, нерѣдко впадаетъ въ сентиментальность, рисуя обиженныхъ судьбой, и достигаетъ своего апогея въ пониманіи и описаніи юга и южанъ, живущихъ иллюзіями, какъ сама южная природа, освѣщенная волшебнымъ солнцемъ. Но этимъ и исчерпывается все творчество Додэ—ничего болѣе глубокаго, никакого общаго идейнаго замысла въ его романахъ нѣтъ, и вдумываться въ ихъ значеніе критикѣ не приходится.

Ларрумэ видитъ faculté-maîtresse Додэ въ томъ, что онъ—провансалецъ. Ни у кого изъ писателей родина не играетъ такой роли, какъ у этого вѣрнаго сына юга; все, что̀ онъ пишетъ, по существу своему пропитано красками и звуками Прованса и отражаетъ то воспоминанія юности, то душевный міръ самого автора, оставшагося провансальцемъ даже когда онъ сдѣлался парижаниномъ. Изъ такого стихійнаго проникновенія Провансомъ исходитъ вторая основная черта Додэ—автобіографическій характеръ его творчества; это своего рода южная экспансивность, находящая источникъ поэзіи въ самой себѣ. Въ „Petit Chose“ разсказана вся молодость романиста, его счастливое дѣтство, тяжелое время нужды „на сѣверѣ, въ холодномъ Ліонѣ“, затѣмъ учительство избалованнаго и тоскующаго по своимъ юноши и т. д.; другіе романы рисуютъ все, что̀ видѣлъ и перечувствовалъ „Petit Chose“, вышедшій въ люди и столкнувшійся съ всевозможными явленіями частной и общественной жизни. И опять, какъ истый южанинъ, Додэ не углубляетъ ничего изъ полученныхъ впечатлѣній; онъ все видитъ, все схватываетъ—и тотчасъ же отражаетъ эскизно, но ярко, не глубоко, но быстро. Ларрумэ справедливо изумляется разнообразію сюжетовъ, затронутыхъ Додэ въ своихъ романахъ, и столь же справедливо отмѣчаетъ южный характеръ этой блестящей скорописи.

Въ другомъ романистѣ, успѣвшемъ въ молодые еще годы стать „безсмертнымъ“, въ Пьерѣ Лоти, Ларрумэ находитъ тоже опредѣляющую все его творчество faculté-maîtresse; таковой оказывается—какъ ни странно звучитъ такое опредѣленіе—мусульманская, турецкая натура писателя, родившагося въ коренной французской семьѣ. Несмотря на происхожденіе, на то, что семья Лоти насчитываетъ гугеноговъ между своими предками, что самъ Лоти воспитался въ строгой дисциплинѣ протестантской семьи, а потомъ морской службы, онъ по природѣ своей—восточный выходецъ и магометанинъ. Онъ самъ много разъ говорилъ объ этомъ: „вслѣдствіе какого-то страннаго атавизма я всегда чувствовалъ себя на половину арабомъ душой“, повторяетъ Лоти въ множествѣ разсказовъ, которые по обыкновенію ведетъ отъ перваго лица. Въ немъ сильно восточное чувство фатализма, мечтательность, чувственность. Этимъ Ларрумэ объясняетъ обаяніе экзотическихъ разсказовъ Лоти; онъ совершенно искрененъ въ своихъ странныхъ романахъ съ женщинами дальнаго востока; онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, можетъ проникнуться поэзіей этихъ полуинстинктивныхъ существъ и раздѣлять ихъ страсть, ихъ грусть. Самъ онъ испытываетъ „роковую“ любовь къ турчанкѣ Азіадэ и не забываетъ своей любви даже когда судьба занесла его въ Японію и около него очаровательная м-мъ Кризантемъ; тоскуя по Азіадэ,

онъ вновь свершаетъ длинное путешествіе въ Константинополь, чтобы опять, облекшись въ восточное платье, отправиться на ея могилу вспоминать про единственную женщину, которую онъ любилъ. Прелесть всѣхъ этихъ и подобныхъ разсказовъ Лоти, Ларрумэ видитъ въ томъ, что они какъ-то написаны не для литературы, что они имѣютъ видъ мемуаровъ личной жизни, оригинальной, именно благодаря этому проникновенію современной европейской души восточными чувствами. Вотъ почему Ларрумэ видитъ гибель Лоти въ его академическомъ званіи. Когда Лоти сдѣлался оффиціальнымъ литераторомъ, съ него соскочила прелесть непосредственнаго творчества и все, что онъ писалъ намѣренно, имѣетъ уже или банальный, или риторическій характеръ. Лучшимъ образцомъ этого превращенія тонкаго художника въ ходульнаго журналиста являются его два тома о Палестинѣ: „Le Desert“ и „Jérusalem“, въ которыхъ нѣтъ ни одного искренняго слова, ни одного красиваго описанія.

Въ книгѣ Ларрумэ есть нѣсколько интересныхъ очерковъ о менѣе знаменитыхъ писателяхъ, какъ, напр., о Жюлѣ Бретонѣ, извѣстномъ живописцѣ и въ то же время поэтѣ. Критикъ показываетъ, что лучшія качества живописи Жюля Бретона, его пониманіе деревни, красота въ изображеніи тихаго сельскаго быта и т. д., повторяются и въ его поэзіи, которая выигрываетъ въ образности, благодаря тому, что въ поэтѣ таится живописецъ. Любопытенъ также очеркъ о военномъ писателѣ Арръ Роэ по высказываемымъ критикомъ взглядамъ на войну. Въ настоящее время, среди всеобщей проповѣди мира, странно звучатъ слова о томъ, что „идея родины тѣсно связана съ идеей войны“, что опасны книги, „парализующія воинственный духъ у націи, рожденной воевать“, и т. п. доводы въ пользу войны, которая будто бы упражняетъ самыя благородныя наклонности въ человѣкѣ.

Тонкимъ цѣнителемъ искусства, и въ частности живописи, Ларрумэ является въ очеркѣ, посвященномъ Густаву Моро, знаменитому современному живописцу, на которомъ сосредоточены симпатіи самыхъ разнообразныхъ группъ художниковъ. Ларрумэ имѣлъ возможность изучить всѣ картины Моро, находящіяся большей частью въ частныхъ галлереяхъ, и даетъ подробныя описанія ихъ, драгоцѣнныя для характеристики замѣчательнаго художника. На примѣрѣ Моро, яркаго выразителя новыхъ идеаловъ искусства, Ларрумэ изучаетъ отношенія старой аллегорической школы живописи во Франціи и новой. Различіе это рельефно выступаетъ въ сопоставленіи, которое дѣлаетъ Ларрумэ между знаменитой картиной Энгра „Сфинксъ“ и картиной Моро на ту же тему. „Сфинксъ Энгра,—говоритъ Ларрумэ,—прекрасный этюдъ человѣческаго тѣла и не стре-

мится быть ничѣмъ инымъ. Среди упрощеннаго пейзажа путешественникъ, остановившійся передъ чудовищемъ, не возбуждаетъ мысли о загадкѣ, которую онъ долженъ разрѣшить, и отъ которой зависитъ его жизнь. Точно такъ же чудовище, несмотря на лежащія передъ нимъ кости, не возбуждаетъ ужаса. Композиція разумна, ясна и холодна. Древняя легенда послужила художнику предлогомъ нарисовать великолѣпное тѣло, но несомнѣнно также, что разсказъ о сфинксѣ не волновалъ его и что онъ самъ не испытывалъ терзаній Эдипа. А между тѣмъ, Густавъ Моро хочетъ именно передать зрителю пережитый имъ ужасъ. Прежде чѣмъ воплотить свой сюжетъ въ опредѣленномъ образѣ, Моро долго обдумывалъ его и нашелъ въ немъ не только то, что хотѣли вложить въ него греки, но и то, что цѣлыя тысячелѣтія, пережитыя человѣчествомъ послѣ того, какъ греческая фантазія создала миѳъ, прибавили къ его значенію. Для Моро загадка, предложенная Эдипу, не кажется простой сказкой, лишенной внутренняго значенія. Онъ видитъ въ ней задачу, которую долженъ разрѣшить всякій странникъ подъ страхомъ пораженія на первой же ступени. Эта загадка—смыслъ жизни, и всѣ мы являемся Эдипами. Понятая такимъ образомъ легенда о сфинксѣ становится страшной. Чудовище на картинѣ Моро не стоитъ поэтому спокойно на краю дороги, какъ въ картинѣ Энгра. Оно вскочило на грудь странника и давитъ ему сердце. Отважный и грустный, со взглядомъ обращеннымъ на животное, Эдипъ не имѣетъ выраженія раздумья, какъ на картинѣ Энгра: онъ знаетъ, что на этотъ разъ избѣгнетъ опасности, но что это значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ его въ открывающейся передъ нимъ перспективѣ! Видъ этого ущелья, узкаго и глубокаго, тянущагося промежъ двухъ стѣнъ утесовъ, возбуждаетъ еще большій ужасъ, чѣмъ грозная встрѣча героя и чудовища. Побѣдитель въ первой встрѣчѣ съ жизнью, Эдипъ будетъ побѣжденъ ею, потому что она всегда сможетъ отомстить, а месть ея ужасна".—З. В.

ПО ПОВОДУ

„Опроверженія г. Директора народныхъ училищъ спб. губерніи“ [1]).

Въ іюльской книгѣ (№ 7) нашего журнала мы исполнили въ точности требованіе Устава о цензурѣ (ст. 138), на основаніи котораго г. Директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи препроводилъ въ редакцію для напечатанія въ ближайшей книгѣ журнала его „Опроверженіе“ по поводу *одного* изъ тѣхъ четырехъ положеній, которыя были оспариваемы у насъ въ іюньской книгѣ журнала [2]), въ статьѣ, вызванной „Разъясненіемъ директора народныхъ училищъ спб. губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ“, г. Латышева, опубликованнаго имъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ, издаваемомъ подъ его же редакціею.

Въ этомъ пунктѣ, нынѣ имъ опровергаемомъ, у насъ было сказано: „онъ (т. е. директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи) объявляетъ попечителей *низшими инстанціями*“. За симъ слѣдуютъ еще три другіе пункта, которые остались, впрочемъ, безъ опроверженія.

Такое извѣстіе, а именно, о томъ, что г. директоръ объявилъ попечителей „низшими инстанціями“, названо въ опроверженіи „совершенно ошибочнымъ“, на томъ основаніи, что *„низшею инстанціею* попечителей начальныхъ училищъ объявилъ Правительствующій Сенатъ, разъясненіе котораго имѣетъ обязательную силу“,—а не онъ, директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи. Ошибка наша, если она была, состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что мы приписали авторское право на выраженіе по адресу училищныхъ попечителей: „низшая инстанція“ — г-ну директору народныхъ училищъ, тогда какъ такое выраженіе было уже давно употреблено самимъ Правительствующимъ Сенатомъ. Къ сожалѣнію, оказывается, однако, что съ нашей стороны тутъ не было ни малѣйшей ошибки.

Вотъ подлинный текстъ того разъясненія Правительствующаго Сената къ закону 25-го мая 1874 г. („Положеніе о начальныхъ училищахъ“), которое касалось попечителей начальныхъ училищъ, и на которое ссылается „Опроверженіе“, тутъ же само приводя его ниже-

---

[1]) Помѣщено въ іюльской книгѣ журнала, стр. 458.

[2]) См.: іюнь, стр. 850—853.

слѣдующій текстъ: „Ближайшее же завѣдываніе училищами, т.-е. *завѣдываніе на мѣстѣ каждымъ училищемъ въ отдѣльности*, возлагается на попечителей и попечительницъ, избраніе коихъ предоставляется обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ училища, а утвержденіе сихъ лицъ въ должности и увольненіе отъ оной зависитъ отъ училищныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ,—продолжаетъ разъясненіе Сената,—въ установленномъ по „Положенію 25-го мая 1874 года" порядкѣ завѣдыванія училищами, учрежденіе званія попечителей и попечительницъ оныхъ является *одною изъ инстанцій* такого завѣдыванія, именно *низшею распорядительною властью по училищамъ*.

Итакъ, въ текстѣ сенатскаго разъясненія мы встрѣчаемъ относительно попечителей только такія выраженія, какъ: „одна изъ инстанцій" завѣдыванія училищами; „низшая мѣстная распорядительная *власть* по училищамъ"; выраженія же: „низшая инстанція" въ текстѣ разъясненія Сената—вовсе нѣтъ, а потому мы, въ свою очередь, можемъ сказать, что увѣреніе г. директора, будто „низшею инстанціей попечителей начальныхъ училищъ *объявилъ* Правительствующій Сенатъ"—по меньшей степени ошибочно. Авторское право на это выраженіе въ томъ видѣ, какъ оно было изображено въ „Разъясненіи директора народныхъ училищъ спб. губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ" и повторено въ „Опроверженіи"—безспорно принадлежитъ самому автору „Опроверженія" и не встрѣчается въ текстѣ сенатскаго разъясненія. Можно, конечно, сказать, что это выраженіе: „низшая инстанція" — хотя и составлено самимъ г. Директоромъ, но онъ при этомъ сдѣлалъ выводъ изъ текста разъясненія Сената; а въ такомъ случаѣ, это будетъ именно то, чтó утверждалось и у насъ въ той статьѣ, которая вызвала самое опроверженіе. Въ замѣткѣ, напечатанной у насъ, были приведены сначала всѣ законоположенія, относящіяся къ школьному дѣлу, и за симъ сказано: „Всѣ эти законоположенія очень мало походятъ на *выводъ* г. директора спб. народныхъ училищъ о томъ, что попечители—не чтó иное, какъ *низшія инстанціи*" по отношенію къ нему, директору народныхъ училищъ. Такого вывода нельзя было сдѣлать изъ разъясненія Сената, на что и было указано въ замѣткѣ. Сенатъ вполнѣ правильно объяснилъ, что общій надзоръ за училищнымъ дѣломъ и заботы о его преуспѣяніи лежатъ, по закону 25-го мая 1874 г., на училищныхъ совѣтахъ, но коллегіальное учрежденіе не можетъ фактически завѣдывать каждымъ училищемъ въ отдѣльности—и отсюда является необходимость въ попечителяхъ, на которыхъ училищные совѣты, утверждающіе ихъ въ этой должности и увольняющіе, возлагаютъ такое мѣстное завѣдываніе; попечители являются всюду, такъ сказать, óрганами училищныхъ совѣтовъ, а потому и состоятъ полноправными ихъ чле-

нами по дѣламъ своихъ училищъ. Если попечители, какъ утверждаемые и увольняемые училищными совѣтами, могутъ быть названы „низшею инстанціею", то высшею ихъ инстанціею должны служить только училищные совѣты, въ которыхъ они, впрочемъ, какъ было сказано, сами состоятъ членами.

Между тѣмъ, г. директоръ народныхъ училищъ спб. губ. сдѣлалъ другой выводъ, а именно, что если попечители училищъ составляютъ низшую инстанцію по отношенію къ училищнымъ совѣтамъ, то они по тому же самому подчинены и ему, и такой его выводъ ясно усматривается изъ его же заявленія, что онъ можетъ самолично рѣшать всѣ возбуждаемые учащими вопросы, т.-е. жалобы на попечителей, и требовать отмѣны тѣхъ распоряженій ихъ, какія ему лично покажутся неправильными, и ко всему этому присовокупилъ, что попечители на экзаменахъ „лишь" предсѣдательствуютъ, но экзаменуютъ—не они.

Итакъ, сущность замѣтки, помѣщенной у насъ въ іюньской книгѣ, вовсе состояла не въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ—ктò и когда первый употребилъ выраженіе: „низшія инстанціи", разумѣя подъ этимъ попечителей,—хотя и въ этомъ отношеніи утвержденіе г. директора, будто это выраженіе было объявлено уже прежде въ сенатскомъ разъясненіи, не оправдывается дѣйствительностью и во всякомъ случаѣ весьма неточно,—но дѣло шло о болѣе важномъ вопросѣ, отъ правильнаго рѣшенія котораго можетъ зависѣть иногда и судьба училищнаго дѣла, а именно, о вопросѣ: могутъ ли попечители училищъ быть одновременно подчинены и училищнымъ совѣтамъ, утверждающимъ и увольняющимъ ихъ отъ этой должности, и директору народныхъ училищъ, который однако не можетъ ни утверждать ихъ, ни увольнять, а только „сноситься" съ ними, и то чрезъ инспектора? Существующіе законы не допускаютъ послѣдняго подчиненія и не могутъ допустить того до тѣхъ поръ, пока назначеніе и увольненіе попечителей будетъ принадлежать училищнымъ совѣтамъ, а выборъ тѣмъ лицамъ, которыя содержатъ училища. Вотъ почему мы и утверждали, что—„званіе училищнаго попечителя никакъ нельзя считать *низшею инстанціею*, отданною въ личное распоряженіе директора народныхъ училищъ спб. губ.; оно служитъ звеномъ, соединяющимъ школу съ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы *вызвать общество къ содѣйствію успѣхамъ народнаго образованія и заинтересовать его въ судьбахъ школы*. Законодатель, поставивъ такъ высоко назначеніе попечителей, обставилъ его всѣми гарантіями противъ неудачнаго выбора: бездѣйствіе или неправильное дѣйствіе попечителя обсуждается губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, который можетъ его и уволить; съ другой стороны, и попечитель огражденъ отъ неправиль-

ныхъ, по его мнѣнію, постановленій совѣта правомъ подать жалобу на него Правительствующему Сенату. *Попытка директора народныхъ училищъ спб. губерніи*—приравнять попечителей къ чему-то въ родѣ служащихъ въ его канцеляріи — *идетъ вообще въ разрѣзъ съ тѣми благими намѣреніями, какія имѣлись въ виду закономъ, установившимъ это званіе — съ цѣлью привлечь лучшія общественныя силы къ содѣйствію въ столь обширномъ и вмѣстѣ важномъ дѣлѣ, каково народное образованіе*" (іюнь, 853 стр.).

Возвращаясь, въ заключеніе, къ разъясненію Правительствующаго Сената, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что, въ силу этого разъясненія, попечители училищъ составляютъ „одну изъ инстанцій", и притомъ, „въ установленномъ, по Положенію 25 мая 1874 г., порядкѣ завѣдыванія училищами"; этотъ „порядокъ" состоитъ, какъ извѣстно, изъ трехъ инстанцій, взаимно подчиненныхъ другъ другу: губернскій училищный совѣтъ, городской или уѣздный училищный совѣтъ, и, наконецъ, попечители, съ „низшею распорядительною властью по училищамъ". Отношеніе этого „порядка", по „Положенію о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 г.", къ другому „порядку", къ которому принадлежитъ инспекція и дирекція народныхъ училищъ, въ томъ же „Положеніи" опредѣляется весьма ясно: попечители могутъ вступать „въ сношенія" съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Въ этомъ послѣднемъ „порядкѣ", къ которому принадлежитъ инспекція и дирекція, попечители не являются никакой инстанціей, такъ какъ они, по разъясненію Сената, находятся совсѣмъ въ другомъ „порядкѣ". Такое разъясненіе Сената, въ силу котораго попечители служатъ, такъ сказать, органами училищныхъ совѣтовъ на мѣстѣ и вмѣстѣ членами ихъ по дѣламъ своихъ училищъ, представляетъ чрезвычайную важность, привлекая въ званіе попечителей лучшія общественныя силы для содѣйствія народному образованію, и имѣетъ обязательную силу—для всѣхъ.

М. С.

НЕКРОЛОГЪ.

М. А. Хитрово

† 30 іюня.

Неожиданная смерть Михаила Александровича Хитрово отняла у Россіи замѣчательнаго политическаго дѣятеля, оказавшаго въ послѣднее время важную услугу дѣлу общаго мира. Назначенный представителемъ Россіи въ Токіо, когда война Японіи съ Китаемъ была уже дѣломъ рѣшеннымъ, новый посланникъ не могъ ее предотвратить, но когда послѣ разгрома китайцевъ наше правительство сочло необходимымъ (при поддержкѣ Германіи и Франціи) остановить побѣдителей и лишить ихъ значительной части ихъ трофеевъ, на долю русскаго представителя при дворѣ микадо выпала труднѣйшая задача противодѣйствовать естественному возбужденію во всей японской націи враждебныхъ чувствъ къ нашему отечеству. Несомнѣнно былъ моментъ, когда малѣйшей неосторожности или неловкости было достаточно, чтобы разразилась война, которую едва ли было бы возможно локализировать и къ которой мы далеко не были готовы. Но вмѣсто грозившей войны явился между Россіей и Японіей торговый трактатъ, который при настоящихъ условіяхъ былъ особенно важенъ, какъ свидѣтельство установившихся мирныхъ отношеній.

Получивъ продолжительный отпускъ въ Россію, М. А. Хитрово и здѣсь старался противодѣйствовать враждебнымъ предубѣжденіямъ противъ Японіи, доказывая выгоду и необходимость мирнаго соглашенія съ нею въ виду неизбѣжнаго крушенія китайской имперіи. Онъ имѣлъ твердое намѣреніе къ зимѣ вернуться въ Токіо, чтобы продолжать дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Но несмотря на свою духовную бодрость и всегда живую и остроумную бесѣду, М. А. казался въ этотъ пріѣздъ физически утомленнымъ и сильно постарѣвшимъ, хотя никакъ нельзя было думать о близкой опасности. Онъ скончался скоропостижно отъ аневризма, среди своихъ домашнихъ.

Покойному еще не было 60 лѣтъ (род. въ 1837 г.). Получивъ военное воспитаніе и прослуживъ два года въ конно-гренадерскомъ полку, онъ перешелъ въ дипломатію, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе своими блестящими способностями, занимая различныя консульскія должности въ Европейской Турціи. Во время войны 1877 г.

онъ въ качествѣ начальника дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ сопровождалъ балканскую армію отъ Кишинева до Санъ-Стефано. Послѣ войны онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Салоникахъ, русскимъ представителемъ въ международной дунайской коммиссіи, въ Болгаріи (при князѣ Александрѣ) и въ Египтѣ, съ 1886 г. посланникомъ въ Румыніи; здѣсь, какъ и въ Болгаріи, онъ съ рѣдкою энергіей дѣятельно поддерживалъ политическіе интересы Россіи, какъ они тогда понимались. Въ 1891 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Португалію, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Японію.

Съ молодыхъ лѣтъ М. А. занимался литературой. Вышедшій незадолго до смерти вторымъ изданіемъ сборникъ его стихотвореній имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Въ большей части его стихотвореній господствуетъ серьезная мысль и возвышенное настроеніе; многія отличаются прекраснымъ стихомъ; нѣсколько переводовъ изъ Гёте и Гейне по точности и изяществу могутъ быть признаны образцовыми. Въ свѣтской средѣ очень извѣстны ненапечатанныя сатиры и эпиграммы М. А. Хитрово, въ которыхъ впрочемъ больше добродушнаго юмора, нежели желчи.

Происходя изъ старой русской знати, — онъ былъ прямой потомокъ боярина Богдана Матвѣевича Хитрово, которому принадлежалъ починъ въ низверженіи патріарха Никона,—покойный Михаилъ Александровичъ обладалъ многими, нынѣ исчезающими, привлекательными качествами этого сословія. Хотя ему рѣдко приходилось жить въ Россіи, но его потеря будетъ очень замѣтна въ русскомъ обществѣ; а для нашей политики на дальнемъ Востокѣ это есть утрата незамѣнимая.

В. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1896.

По поводу вопроса о пересмотрѣ земскаго (1890 г.) и городового (1892 г.) Положеній.— Что послужило поводомъ къ пересмотру городового Положенія 1870 года?— Зависимость успѣховъ городского управленія отъ свойствъ выборнаго начала.— Сравненіе строя городскихъ учрежденій по Положенію 1870 и 1892 гг.—Общій отчетъ о дѣйствіяхъ попечительствъ о бѣдныхъ въ г. Москвѣ за 1895 г.— М. И. Кази †.

Годъ или полтора года тому назадъ, въ печати появилось извѣстіе, что нѣкоторые частные недостатки новаго земскаго (1890 г.) и городового Положенія (1892 г.), обнаружившіеся при ихъ примѣненіи, вызвали мысль о необходимости ихъ пересмотра, и что предварительно будутъ спрошены всѣ губернаторы и градоначальники о томъ, какія были бы желательны измѣненія и исправленія при предполагаемомъ пересмотрѣ упомянутыхъ законовъ. Но, между тѣмъ, въ концѣ прошедшаго года уже произошли новые земскіе выборы; въ концѣ текущаго года должны начаться и городскіе выборы — на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, безъ всякаго пересмотра земскаго и городового Положеній, а потому надобно полагать, что—или то извѣстіе о предстоящемъ, будто бы, ихъ пересмотрѣ было преждевременно, или это дѣло отложено до слѣдующихъ выборовъ, т.-е. еще на три или четыре года. Если вѣрно послѣднее предположеніе, то едва ли такая отсрочка была вызвана мыслью о недостаточности времени трехлѣтняго опыта для полноты сужденія о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія обнаружились и въ земскомъ, и въ городскомъ общественномъ управленіяхъ, подъ вліяніемъ новыхъ Положеній — земскаго и городового. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣдствій уже успѣли обнаружиться и теперь съ такою ясностью и несомнѣнностью, и въ такомъ количествѣ, что уже и первыхъ лѣтъ практики вполнѣ достаточно, чтобы, пользуясь ея указаніями, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, сравненіе между городовымъ Положеніемъ 1870 года и измѣнившимъ его Положеніемъ 1892 года, а также земскимъ Положеніемъ 1864 г. и новѣйшимъ. Остановимся нынѣшній разъ на городовомъ Положеніи 1892 года, такъ какъ новые земскіе выборы уже совершились, а городскіе—все-таки еще предстоятъ.

Въ указѣ сенату, 11 іюня 1892 г., о введеніи новаго городового Положенія было признано, что и подъ дѣйствіемъ городового Положенія 1870 г. „благоустройство *городскихъ поселеній* (такъ вездѣ называются въ новомъ городовомъ Положеніи города) замѣтно подня-

лось и улучшились многія условія городской жизни“; но, тѣмъ не менѣе, оказалась надобность сдѣлать измѣненія въ прежнемъ городовомъ Положеніи 1870 г., въ виду необходимости устранить обнаружившіеся недостатки въ строѣ и дѣятельности городскихъ учрежденій. Изъ тѣхъ перемѣнъ, которыя испытало на себѣ прежнее городовое Положеніе 1870 г., можно теперь заключить, что̀ именно считалось недостаткомъ въ строѣ и дѣятельности городскихъ учрежденій, чѣмъ полагали устранить такіе недостатки, а опытъ истекающаго четырехлѣтія можетъ дать отвѣтъ на вопросъ: была ли достигнута въ настоящемъ случаѣ предполагаемая законодателемъ цѣль?

Успѣхъ дѣятельности городскихъ учрежденій зависитъ, однако, не отъ одного ихъ строя; гораздо болѣе рѣшительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и правильность ихъ рѣшеній оказываетъ та среда, изъ которой дѣлаются выборы представителей городскихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи, и само городовое Положеніе 1870 года представляло дѣйствительно существенные недостатки: оно вводило въ число избирателей массу лицъ вовсе не заинтересованныхъ въ городскомъ дѣлѣ и не представлявшихъ собою никакихъ гарантій въ томъ, что они могутъ сколько-нибудь правильно судить и постановлять по городскимъ дѣламъ: выборъ „жестянки“ на разносный торгъ, за какихъ нибудь 2—3 рубля, сообщалъ ея владѣтелю избирательныя права. Новое городовое Положеніе 1892 г. имѣло въ виду исправить въ этомъ отношеніи прежній порядокъ, но ограничилось лишь устраненіемъ нежелательныхъ элементовъ,—даже пошло такъ далеко, что лишило избирательныхъ правъ и тѣхъ, которые были купцами второй гильдіи; но въ замѣнъ того, оно не ввело ту часть населенія, которая была забыта и городовымъ Положеніемъ 1870 года, а именно квартиро-хозяевъ, въ средѣ которыхъ находится масса лицъ съ болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ, а многіе изъ нихъ занимаютъ высокія мѣста и въ правительственной администраціи; тѣмъ не менѣе, они разсматриваются въ качествѣ иногородныхъ, тогда какъ они-то въ большинствѣ и составляютъ коренное населеніе Петербурга, наиболѣе заинтересованное въ успѣхахъ и правильномъ ходѣ городского хозяйства. Въ самое послѣднее время эта важнѣйшая часть столичнаго населенія обложена непосредственно квартирнымъ налогомъ, правда, не въ пользу городской кассы,—но, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе вопроса о томъ: не слѣдуетъ ли въ соотвѣтствіи съ тѣмъ или другимъ размѣромъ квартирнаго налога дать квартиро-хозяевамъ такія же права, какими на подобномъ же основаніи пользуются домохозяева, какъ платящіе домовый налогъ—такое рѣшеніе не можетъ же быть поставлено

въ зависимость отъ того, что квартиро-хозяева платятъ государству, а не городу. Какъ то ни покажется страннымъ, но у насъ недостаточно быть членомъ государственнаго совѣта, или сенаторомъ, академикомъ, извѣстнымъ спеціалистомъ по той или другой части, для того, чтобы пользоваться, проживя всю жизнь въ Петербургѣ, избирательными правами, предоставленными по преимуществу лицамъ, нашедшимъ, по денежному разсчету, выгоду помѣстить свой капиталъ въ домà; такому лицу нѣтъ даже надобности постоянно проживать въ Петербургѣ—и тѣмъ не менѣе онъ будетъ полноправный гражданинъ.

Этотъ недостатокъ городового Положенія 1870 г. остался неисправленнымъ и въ Положеніи 1892 г.; другіе же, вышеуказанные недостатки прежняго выборнаго начала, хотя и были исправлены, но такое ихъ исправленіе привело только къ тому, что прежнее число лицъ, пользовавшихся избирательными правами, и безъ того ограниченное для милліоннаго населенія столицы, а именно, отъ 19 до 20 тысячъ,—сократилось на 7.000. При этомъ, лишеніе избирательныхъ правъ купцовъ второй гильдіи привело къ тому результату, что многія лица съ болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ и платившія повинности по второй гильдіи, какъ содержатели промышленныхъ заведеній, также не могутъ болѣе пользоваться избирательными правами, какими они пользовались по городовому Положенію 1870 г.

По этому поводу „С.-Петербургскія Вѣдомости" (22 и 23 іюня 1896 г.) справедливо замѣчаютъ,—что „при разнообразіи нуждъ городской жизни, удовлетворить которыя призвано общественное управленіе,—*расширеніе избирательнаго права* привлеченіемъ къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи обывателей, хотя и не владѣющихъ недвижимою собственностью и не содержащихъ торгово-промышленныхъ заведеній (впрочемъ, послѣднее, какъ мы видѣли, само по себѣ не даетъ избирательныхъ правъ по новому городовому Положенію), но имѣющихъ извѣстный образовательный цензъ и получающихъ ту или другую сумму ежегоднаго дохода,—несомнѣнно могло бы отразиться благопріятно на теченіи городскихъ дѣлъ". Но зато нельзя никакъ согласиться съ газетою, будто бы „ограниченіе круга избирателей по новому закону (1892 г.), отчасти, дало желалательные (?) результаты при выборѣ гласныхъ въ с.-петербургскую городскую думу въ 1893 году". Всѣ, конечно, помнятъ, что эти результаты состояли въ томъ, что городъ могъ избрать только съ небольшимъ 50 гласныхъ, вмѣсто комплекта въ 160 гласныхъ; что комплектъ такъ и остался на все 4-лѣтіе пополненнымъ только отчасти, и притомъ не на основаніи городового Положенія 1892 г.: по сепаратному закону число гласныхъ было доведено до 110 при помощи лицъ,

назначенныхъ изъ состава предъидущей думы, т.-е. не получившихъ большинства на новыхъ выборахъ. Первымъ дѣйствіемъ каждаго новаго состава думы должно быть избраніе двухъ кандидатовъ въ городскіе головы; но извѣстно, что дума, собранная въ первый разъ по новому городовому Положенію 1892 г., и тутъ оказалась безсильною: какъ городъ не могъ избрать полнаго комплекта думы, такъ и дума, въ свою очередь, не могла избрать городского головы, и городской голова былъ Высочайше назначенъ по одному представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Все это, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя назвать „желательными результатами", а они обнаружились на первыхъ же порахъ, вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе городового Положенія 1892 г., которое само ограничилось однимъ „ограниченіемъ круга избирателей", и въ тоже время оставило по прежнему загражденнымъ путь къ выборамъ именно той части населенія, которая наиболѣе заинтересована въ упорядоченіи городского хозяйства, и въ средѣ которой не мало найдется лицъ, обладающихъ вполнѣ удовлетворительнымъ образовательнымъ цензомъ.

Хотя вопросъ о наилучшемъ личномъ составѣ избирателей мы признаемъ коренным, и, по нашему мнѣнію, отъ того или другого способа его разрѣшенія зависитъ прежде всего успѣхъ дѣятельности городского общественнаго управленія; но мы не отрицаемъ также и значенія внутренняго *строя* городскихъ учрежденій, — того строя, несовершенства котораго, какъ мы видѣли, послужили поводомъ къ замѣнѣ городового Положенія 1870 года новымъ — 1892 года. Поэтому мы и обратимся къ сравненію прежняго строя городскихъ учрежденій, до 1892 г., съ тѣмъ строемъ, какой они получили въ настоящее время.

Изъ тѣхъ измѣненій, какія сдѣланы въ этомъ отношеніи въ прежнемъ городовомъ Положеніи, само собою очевидно, что подъ измѣненіемъ строя городскихъ учрежденій слѣдуетъ, прежде всего и главнымъ образомъ, разумѣть измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ городского общественнаго управленія и правительственной администраціи— въ смыслѣ увеличенія зависимости перваго отъ послѣдней. Приведемъ по этому поводу мнѣніе, уже высказанное профессоромъ новороссійскаго университета, В. Н. Ренненкампфомъ, о новомъ городовомъ Положеніи, при разборѣ имъ изслѣдованія Н. М. Коркунова, проф. спб. университета: „Пропорціональные выборы" [1]). „Безъ сомнѣнія, —говоритъ онъ,—мѣстное самоуправленіе есть организація подчи-

---

[1]) „Ж. Мин. Нар. Просвѣщенія", май, 1896 г., стр. 108—111.

ненная; авторитетъ его долженъ быть точно опредѣленъ законодательнымъ актомъ, какъ и авторитетъ всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій... Но законодательный актъ (городовое Положеніе) долженъ предоставить ему достаточную *самобытность и независимость* для исполненія своего назначенія, для охраненія и развитія своихъ мѣстныхъ силъ и интересовъ; обреченное же на одну *служебную* и *подчиненную* роль въ общемъ государственномъ устройствѣ, оно не только не исполнитъ своего призванія, но будетъ слабою и плохою поддержкою авторитету государственной власти. Мы позволимъ себѣ замѣтить по этому случаю, что нѣкоторыя новѣйшія измѣненія, внесенныя въ (новое) русское земское и городовое Положеніе (1892 г.), поставили наши городскія и земскія учрежденія въ *слишкомъ сильную зависимость* отъ мѣстной административной власти и едва ли послужатъ къ преуспѣянію мѣстныхъ обществъ и принесутъ предположенную пользу общегосударственному развитію. Правда, новыя Положенія, земское 1890 г. и городовое 1892 г., оставили предметы вѣдомства и задачи дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій почти въ прежнемъ видѣ и объемѣ, но *существенно измѣнили ихъ самостоятельность и характеръ*"...

Это послѣднее обстоятельство не представляетъ, конечно, ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію для всякаго знакомаго хотя бы поверхностно съ прежними и новыми Положеніями, земскимъ и городскимъ,— тѣмъ не менѣе проф. В. Н. Ренненкампфъ приводитъ въ доказательство своего взгляда нѣсколько примѣровъ такого измѣненія самостоятельности и характера земской и городской дѣятельности новыми Положеніями 1890 и 1892 г., но особенно онъ останавливается на одномъ изъ такихъ примѣровъ, какъ самомъ существенномъ.

„Изъ всѣхъ указанныхъ ограниченій, — говоритъ проф. Ренненкампфъ,—внесенныхъ новыми земскими и городовыми Положеніями, наиболѣе важное и наименѣе соотвѣтственное для самоуправляющихся обществъ заключается въ правѣ губернатора (или градоначальника) пріостанавливать не только тѣ постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ, въ которыхъ онъ усмотритъ нарушеніе закона общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ (зем. Пол., ст. 87; город. Пол., ст. 83), но и всѣ тѣ, въ коихъ онъ замѣтитъ неправильность, или „*явное* нарушеніе интересовъ мѣстнаго населенія". Это открываетъ путь для постояннаго вмѣшательства административной власти во всѣ разнообразные и даже мелкіе дѣла и вопросы, которые могутъ быть понятны и близки только мѣстнымъ обществамъ и учрежденіямъ. Выраженіе: „*явно* нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія", мало можетъ помочь въ настоящемъ случаѣ, потому что взгляды на пользу, нужды и интересы зависятъ отъ точки зрѣнія и

личнаго настроенія: то, что одна сторона можетъ находить *явно* полезнымъ, другой сторонѣ можетъ показаться *явно* вреднымъ"... „Мы думаемъ, что вообще достаточно было оставить губернаторовъ при прежней роли наблюдателей и охранителей *законности* дѣйствій земскихъ и городскихъ учрежденій"... „Наблюденіе администраціи не только за законностью, но и за правильностью веденія дѣлъ, опасность непрерывнаго вмѣшательства во всѣ разнообразные и мелкіе интересы земскихъ собраній и городскихъ думъ не могутъ служить къ развитію самосознанія и самодѣятельности общества и къ привлеченію на земскую и общественную службу лучшихъ мѣстныхъ силъ. Это необходимо имѣть въ виду тѣмъ болѣе, что административная власть, при обширности своихъ полномочій, неизбѣжной отчужденности отъ мѣстной жизни и частой смѣнѣ лицъ, не въ состояніи гарантировать правильность и соотвѣтствіе въ теченіи земскихъ и городскихъ дѣлъ. Это было достаточно испытано,—говоритъ въ заключеніе проф. Ренненкампфъ, — до совершенія въ 1864 и 1870 гг. коренной реформы въ земскомъ и городскомъ управленіи, когда административная власть, облеченная обязанностью не только охраненія закона, но и всеобъемлющаго надзора и руководства, несла на себѣ отвѣтственность за непосильное для нея бремя"...

Указаніе проф. Ренненкампфа на тотъ порядокъ, который предшествовалъ реформѣ общественныхъ городскихъ управленій въ 1870 г., и на его результаты, вполнѣ правильно, и городовое Положеніе 1892 г. во многихъ отношеніяхъ было именно возвращеніемъ къ началамъ городового Положенія 1846 года, въ смыслѣ ограниченія самостоятельности городского общественнаго управленія. Взглядъ проф. Ренненкампфа на особенно тяжелое значеніе статьи 83 новаго Городового Положенія, представляющей легкую возможность отмѣнить даже самое законное постановленіе думы, если оно покажется губернатору или градоначальнику не соотвѣтствующимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія—этотъ взглядъ раздѣляется и авторомъ вышеупомянутой статьи въ „Спб. Вѣдомостяхъ" (№ 170), и послѣдній при этомъ замѣчаетъ, что „за время дѣйствія Городового Положенія 1892 г. (три года), ст. 83-я имѣла *однажды* примѣненіе, которое дало достаточное доказательство возможности весьма широкаго толкованія ея смысла". Дѣйствительно, здѣшняя городская дума постановила вполнѣ *законно*, чтобы городскія училища продолжали управляться по прежнему, какъ они съ успѣхомъ ведены уже были болѣе 15 лѣтъ, а именно, особою коммиссіею съ особо избраннымъ предсѣдателемъ. Но это вполнѣ законное постановленіе, сдѣланное на основаніи ст. 103 Городового Положенія и въ виду удачнаго 15-лѣтняго опыта, было тѣмъ не менѣе опротестовано на

основаніи именно 83-й статьи, какъ не соотвѣтствующее, будто бы, общимъ государственнымъ польза мъ и нуждамъ и нарушающее мѣстные интересы города. Дѣйствительно, трудно себѣ представить другой примѣръ болѣе широкаго толкованія смысла 83-й статьи. Но благополучный для города исходъ этого дѣла, по которому состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 23 декабря 1894 г., сохранившее училищную коммиссію съ особымъ предсѣдателемъ, введеннымъ только въ составъ управы на правахъ ея члена, но безъ общихъ обязанностей членовъ управы, какъ то было по Городовому Положенію 1870 года,—а также и относительная рѣдкость подобныхъ случаевъ—дѣлаютъ то, что другія отступленія отъ прежнихъ порядковъ могутъ оказывать еще болѣе невыгодное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ.

Между такими отступленіями первое мѣсто занимаетъ совмѣстительство, по закону, предсѣдательства городского головы въ думѣ и въ управѣ, органѣ ей же подчиненномъ. По городовому Положенію 1870 г., такое совмѣстительство было только фактическимъ, но не узаконеннымъ, какъ оно является по новому Положенію 1892 г. Это Положеніе, какъ извѣстно, есть, говоря вообще, примѣненіе земскаго Положенія 1890 г. къ городовому; между тѣмъ, какъ разъ то, что̀ есть лучшаго въ земскомъ Положеніи, осталось безъ такого примѣненія. Въ земскихъ собраніяхъ, соотвѣтствующихъ думамъ, предсѣдательствуетъ одно лицо, а въ земскихъ управахъ—другое. Даже и въ новомъ городовомъ Положеніи 1892 г. признано невозможнымъ, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ городской голова, какъ предсѣдатель управы, является заинтересованнымъ лицомъ, наприм., при разсмотрѣніи думою ревизіи отчета городской управы, или когда дѣло идетъ о дѣйствіяхъ самого городского головы, предсѣдательствовалъ самъ же городской голова: законъ требуетъ, чтобы тогда въ думѣ предсѣдательствовало особо избранное думою лицо изъ гласныхъ. А между тѣмъ, собственно говоря, нѣтъ такого доклада управы, при обсужденіи котораго предсѣдатель ея не являлся бы иногда еще болѣе заинтересованнымъ въ исходѣ дѣла лицомъ, нежели при разсмотрѣніи въ думѣ ревизіи отчета управы, а тогда предсѣдатель управы закономъ устраняется отъ предсѣдательства. Медленный ходъ городскихъ дѣлъ и многіе другіе существенные недостатки общественнаго управленія являются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе упомянутаго совмѣстительства: предсѣдатель думы дѣлается вмѣстѣ и постояннымъ защитникомъ предсѣдателя городской управы, да даже было бы странно представить себѣ несогласіе между ними—это одно и то же лицо, и предсѣдатель думы, и предсѣдатель управы. Такая мысль о несовмѣстительствѣ предсѣдательствованія одного и того же

лица въ двухъ собраніяхъ, изъ которыхъ одно подчинено другому, высказывалась не разъ и прежде, и авторъ вышеупомянутой статьи въ „Спб. Вѣдом." также находитъ, что „было бы болѣе правильнымъ, въ интересахъ общественнаго управленія, еслибы предсѣдателемъ думы было особое лицо, а управа, какъ исполнительный органъ, имѣла своего предсѣдателя. Возможность раздѣленія этихъ обязанностей предусматривается закономъ 1870 г., въ которомъ сказано, что въ столичныхъ городскихъ думахъ городской голова предсѣдательствуетъ на общемъ основаніи только въ томъ случаѣ, когда Государю Императору не угодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ городскихъ думахъ С.-Петербурга и Москвы особыхъ лицъ (это нынѣ отмѣнено). Совмѣщеніе обязанностей предсѣдателя думы съ предсѣдательствованіемъ въ управѣ неудобно въ томъ отношеніи, что городской думѣ принадлежитъ надзоръ за своими исполнительными органами, и, такимъ образомъ, оказывается, что лицо, входящее въ составъ поднадзорнаго органа, т.-е. управы—является предсѣдателемъ надзирающей коллегіи".

Конечно, предсѣдателемъ управы долженъ быть всегда городской голова, такъ какъ все городское хозяйство, все исполнительное дѣло, сосредоточены въ управѣ, а дума даетъ только общее направленіе, рѣшаетъ всѣ предложенія, входящія въ нее, утверждаетъ доклады управы, бюджеты и т. д.; роль особаго предсѣдателя въ думѣ была бы такою же, какою она является и теперь, когда, въ извѣстныхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, въ думѣ предсѣдательствуетъ особое лицо, ею же избранное, а городской голова, предсѣдатель управы, отстаиваетъ въ думѣ права и интересы исполнительной городской власти, т.-е., управы, и защищаетъ ея дѣйствія, какъ это происходитъ во всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Не менѣе важнымъ измѣненіемъ въ новомъ городовомъ Положеніи по отношенію къ прежнему, слѣдуетъ считать и то, что по новому закону дума, ввѣряя городское хозяйство своему органу, управѣ, не можетъ свободно избрать членовъ ея изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ думы и извѣстныхъ ей своими способностями, такъ какъ избранныя ею лица утверждаются градоначальникомъ, и если онъ не утвердитъ ни тѣхъ, которые будутъ выбраны въ первый разъ, ни тѣхъ, кого дума изберетъ вторично, то градоначальникъ самъ назначаетъ членовъ управы. Можетъ ли въ такомъ случаѣ дума нести какую-нибудь отвѣтственность за успѣхъ городского хозяйства, когда вся управа будетъ состоять изъ лицъ, ей мало или вовсе неизвѣстныхъ, хотя бы они и имѣли избирательный цензъ,—и какой характеръ можетъ принять ихъ дѣятельность, когда они сочтутъ

нужнымъ позаботиться не только о городскихъ дѣлахъ, но также и о томъ, чтобы быть „назначенными" и на слѣдующее четырехлѣтіе?

Всѣ эти и другія перемѣны какъ въ земскомъ, такъ и въ городовомъ Положеніи были сдѣланы съ наилучшею цѣлью, ясно выраженною и въ указѣ правительствующему Сенату 12 іюня 1890 г. —„дабы учрежденія эти, въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ *единеніи* съ другими правительственными установленіями, съ вящшимъ успѣхомъ исполняли порученное имъ *важное государственное дѣло*". Но, какъ мы видѣли, въ самыхъ существенныхъ сторонахъ строя городскихъ учрежденій, упоминаемое въ указѣ „единеніе" явилось не путемъ согласованія дѣятельности городскихъ учрежденій и административныхъ, съ точнымъ опредѣленіемъ области каждаго, причемъ сохранялась бы самостоятельность какъ тѣхъ, такъ и другихъ, — но путемъ подчиненія однихъ другимъ, какъ это замѣчаетъ—мы видѣли выше—и проф. Ренненкампфъ, остановившійся поэтому особенно на 83-й статьѣ городового Положенія 1892 г. и на соотвѣтственной ей 87-й статьѣ земскаго Положенія 1890 г., по которымъ даже *законныя* дѣйствія городскихъ общественныхъ управленій и земствъ не могутъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользуются законныя дѣйствія частныхъ лицъ, а именно,—могутъ быть опротестованы, наравнѣ съ незаконными.

Въ приведенномъ нами выше указѣ Правительствующему Сенату, 12 іюня 1890 г., дѣло, порученное правительствомъ общественнымъ управленіямъ, будутъ ли то земскія, или городскія, названо „важнымъ государственнымъ дѣломъ",—и дѣйствительно, въ составъ этого дѣла входятъ такіе элементы, какъ народное образованіе, народное здравіе, общественная благотворительность, успѣшное развитіе которыхъ, вслѣдствіе ихъ необъятной для однѣхъ правительственныхъ силъ громадности, зависитъ вполнѣ отъ той степени самостоятельности, какая предоставляется силамъ самого общества. При этомъ, и правительству остается все-таки не малая задача: поддерживать частную инниціативу, гдѣ она представляетъ задатки живучести, и бдительный контроль, который, не стѣсняя общественной самодѣятельности, держитъ ее однако въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. До самаго послѣдняго времени, земскія и городскія общественныя управленія обращали наибольшее вниманіе на народное училищное дѣло и на больничное, и въ истекшую четверть вѣка въ этихъ двухъ областяхъ было сдѣлано ими несравненно болѣе, чѣмъ въ цѣлыя три четверти вѣка, предшествовавшія передачѣ начальныхъ (только начальныхъ) народныхъ училищъ и больницъ въ вѣденіе земства и городовъ.

Нельзя никакъ того же сказать объ общественной благотворительности, которая все еще ожидаетъ сама своей общей организаціи законодательнымъ путемъ. Одна Москва составляетъ выгодное исключеніе, и сдѣланный ею первый опытъ веденія дѣла городской благотворительности служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что общественная благотворительность не можетъ быть ведена съ успѣхомъ иначе, какъ при помощи привлеченія къ тому общественныхъ силъ и самостоятельной ихъ организаціи. Изъ вышедшаго въ свѣтъ полнаго общаго отчета всѣхъ попечительствъ о бѣдныхъ города Москвы за 1895 годъ видно, напримѣръ, что эти попечительства въ первый же годъ своей дѣятельности вызвали изъ среды самого городского общества свыше 1.700 лицъ, принявшихъ личное участіе въ общественной благотворительности; за тотъ же отчетный годъ собрали около 180.000 рублей посредствомъ членскихъ взносовъ, концертовъ, благотворительныхъ базаровъ; съ присоединеніемъ же къ той суммѣ еще 60.000 рублей, полученныхъ отъ московской городской думы, попечительства могли въ томъ же отчетномъ году израсходовать на пособія бѣднымъ около 238.000 рублей, разсмотрѣвъ до 22.000 просьбъ о вспомоществованіи... Въ убѣжищахъ, устроенныхъ попечительствами призрѣвалось свыше 660 престарѣлыхъ, а въ пріютахъ нашли себѣ мѣсто около 350 дѣтей. Все это такіе факты, которые говорятъ сами за себя, и которыхъ не состоялось бы безъ общественной организаціи помощи бѣднымъ. Но при этомъ обращаютъ на себя еще болѣе вниманіе тѣ преимущества, какими можетъ обладать общественная благотворительность предъ всякою другою, не исключая и правительственной. Каждое попечительство открыло на своей территоріи по одному или по нѣскольку пріютовъ для престарѣлыхъ и для малолѣтнихъ. Вмѣстѣ взятые, эти территоріальные пріюты замѣняютъ собою одну обширную богадельню; но при этомъ, „не менѣе важенъ —говорится въ отчетѣ,—новый и плодотворный принципъ, который введенъ попечительствами въ организацію призрѣнія престарѣлыхъ, и благодаря которому содержаніе престарѣлыхъ на половину удешевлено. Въ большихъ казенныхъ и общественныхъ богадельняхъ содержаніе каждаго призрѣваемаго обходится около 9 р.; попечительства тратятъ на содержаніе каждаго призрѣваемаго отъ 4 до 5 р. Это происходитъ отъ того, что въ попечительскихъ богадельняхъ ничего не тратится на управленіе и на служащихъ, что̀ поглощаетъ при казенномъ или общественномъ управленіи отъ трети до половины всѣхъ расходовъ. Такая система временныхъ подвижныхъ богаделенъ имѣетъ, между прочимъ, еще и то преимущество, что для самихъ призрѣваемыхъ переходъ отъ жизни на волѣ въ благотворительное учрежденіе гораздо легче".

Пособія, раздаваемыя по прошеніямъ на руки, представляютъ особое значеніе не размѣрами, а тѣми благодѣтельными послѣдствіями, которыя далеко превышаютъ самые размѣры, такъ какъ своевременно спасаютъ человѣка отъ полной нищеты и разоренія, какъ то наглядно объяснено въ текстѣ самого отчета.

„Передъ нами,—говорится въ отчетѣ,—поваръ безъ мѣста въ такомъ видѣ, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ держатъ поваровъ, такого искателя мѣста и на дворъ не пустятъ; вотъ техникъ въ такомъ одѣяніи, что никто не заподозритъ его профессіи, а всякій его причислитъ къ „золотой ротѣ"; вотъ оборванный подростокъ, исхудалое лицо и огромные глаза котораго показываютъ, какъ давно онъ голодаетъ; вотъ прилично одѣтый въ черный сюртукъ приказчикъ, принужденный въ этомъ сюртукѣ искать себѣ мѣста, хотя уже давно наступили морозы; всѣмъ этимъ лицамъ оказано пособіе въ видѣ платья; и всѣ они, благодаря этому и ходатайству попечительства, поступили на мѣста. Бываютъ случаи, когда для полученія мѣста нужна не одежда, а деньги; такъ, одной фельдшерицѣ, содержавшей старика-отца, были даны деньги на проѣздъ къ мѣсту,—эти деньги возвращены; одному отцу семейства выходило мѣсто разсыльнаго въ газетной экспедиціи, но для этого требовалось внесеніе залога,—залогъ былъ внесенъ попечительствомъ. Семейство, жившее небольшой пенсіей, вслѣдствіе смертнаго случая въ семьѣ не уплатило за квартиру и выселялось судебнымъ приставомъ; чтобы нанять другую квартиру и переѣхать, оказалась нужна помощь попечительства"...

Московская газета, „Русскія Вѣдомости", № 174, всегда внимательно слѣдившая за этимъ новымъ у насъ дѣломъ,—для нея притомъ мѣстнымъ,—даетъ отъ себя такое заключеніе: „Во всякомъ случаѣ,—говоритъ газета,—сводный отчетъ, какъ и ранѣе вышедшіе отдѣльные отчеты участковыхъ попечительствъ, поселяютъ убѣжденіе въ томъ, что попытка московскаго общественнаго городского управленія организовать благотворительную дѣятельность на раціональныхъ началахъ удалась. Въ виду этого, теперь вполнѣ выясненнаго факта можно присоединиться къ пожеланіямъ, которыми заканчивается разсматриваемый отчетъ. Составитель его „приглашаетъ" и другіе русскіе города „послѣдовать примѣру Москвы". Устройство попечительствъ о бѣдныхъ, дѣйствительно, было бы желательно въ большихъ городахъ, какъ *Петербургъ*, Кіевъ, Одесса. Кое-гдѣ (напр., въ Харьковѣ, въ Минскѣ), какъ слышно, уже приступаютъ къ учрежденію городскихъ благотворительныхъ органовъ, подобныхъ московскимъ. Будемъ надѣяться, что эти попытки будутъ успѣшными и не останутся единичными"...

Упомянутый городъ Петербургъ былъ приглашенъ одновременно

съ Москвою принять на себя организацію общественной благотворительности на выработанныхъ правительствомъ условіяхъ; но одна Москва не отклонила отъ себя этого предложенія. Правда, въ петербургской думѣ былъ вторично поднятъ вопросъ о томъ же, и, если мы не ошибаемся, была даже учреждена съ этою цѣлью подготовительная коммиссія чуть-ли не два года тому назадъ. Если это вѣрно, то какъ объяснить, что такое важное дѣло лежитъ столько времени безъ движенія?! Конечно,—какъ мы выше говорили,—еслибы въ думѣ предсѣдательствовало не то же самое лицо, которое предсѣдательствуетъ въ городской управѣ, то такое явленіе и многія ему подобныя были бы невозможны...

24-го іюня, въ Нижнемъ-Новгородѣ, внезапно скончался Михаилъ Ильичъ Кази, не достигнувъ и 60-ти лѣтъ отъ роду. Въ обществѣ его имя уже давно было извѣстно, какъ въ высшей степени энергическаго дѣятеля, смѣлаго и вмѣстѣ умѣлаго иниціатора и опытнаго руководителя во всякомъ дѣлѣ, которое онъ принималъ на себя—преимущественно въ области технической. Намъ наименѣе извѣстна его дѣятельность именно въ этой области; впрочемъ, газетные некрологи обратили вниманіе какъ разъ на нее; зато въ печати едва коснулись дѣятельности М. И. Кази, какъ гласнаго здѣшней думы, а также того участія, какое онъ принималъ въ самое послѣднее время въ выработкѣ новыхъ проектовъ особаго комитета русскаго технического общества по распространенію техническаго образованія; именно, объ этой-то сторонѣ дѣятельности М. И. Кази мы имѣли случайно наиболѣе подробныя свѣденія. Онъ былъ избранъ гласнымъ думы въ 1893 году—на послѣднее, нынѣ истекающее ея четырехлѣтіе, и игралъ, какъ мы слышали отъ очевидцевъ, хотя краткую, но весьма характерную для него, а еще болѣе для другихъ, роль—въ исторіи постройки постояннаго Троицкаго моста. Когда послѣ многихъ перипетій, заключившихся отказомъ коммиссіи по постройкѣ моста отъ дальнѣйшихъ занятій, дума рѣшилась, года полтора тому назадъ, избрать новую коммиссію,—всѣ обратили вниманіе на гл. М. И. Кази, какъ бы въ убѣжденіи, что если онъ возьмется за это дѣло, то оно непремѣнно будетъ доведено до благополучнаго и вмѣстѣ скораго окончанія, какъ это онъ уже не разъ доказывалъ, и притомъ въ дѣлахъ не менѣе трудныхъ. Онъ былъ избранъ въ члены, а затѣмъ и въ предсѣдатели коммиссіи,—но оставался въ ней едва ли болѣе мѣсяца! Въ первомъ же соединенномъ засѣданіи новой коммиссіи съ городскою управою, финансовою коммиссіею и нѣсколькими гласными, назначенными для того думой, М. И. Кази въ самомъ началѣ засѣданія нашелся вынужденнымъ сложить съ себя званіе предсѣдателя

коммиссіи по постройкѣ Троицкаго моста, вслѣдствіе столкновенія его съ городскимъ головою, предсѣдательствовавшимъ въ собраніи, а выходя изъ залы, и какъ бы въ отвѣтъ на представившійся ему еще другой вопросъ, онъ прибавилъ: „слагаю съ себя и званіе гласнаго"! М. И. Кази просилъ объ отсрочкѣ этого засѣданія въ виду того, что онъ не успѣлъ, да и не могъ успѣть, какъ новый человѣкъ, ознакомиться съ предшествующими работами прежней коммиссіи, а потому и теперь затрудняется съ пользою высказаться по дѣлу; но ему было отказано въ такой просьбѣ на томъ основаніи, что дѣло это тянется-молъ слишкомъ долго, а потому отсрочка не можетъ быть допущена. Такая отсрочка, можетъ быть, потребовала бы двухъ-трехъ мѣсяцевъ, которые, впрочемъ, не много обременили бы цѣлые уже пропущенные года. Дѣло, однако, не было отсрочено, и по удаленіи Кази собраніе немедленно приступило къ обсужденію его, но, какъ послѣ оказалось, дѣло оттого не подвинулось ни на шагъ: съ того времени прошло не только два или три мѣсяца, которые были нужны М. И. Кази для ознакомленія съ дѣломъ, но и цѣлый годъ... Собраніе, однако, понимало, что потеря такого дѣятеля дороже, чѣмъ потеря двухъ-трехъ мѣсяцевъ на отсрочку, и потому поручило лицу, предсѣдательствовавшему—отъ имени собранія просить М. И. Кази—взять свое рѣшеніе назадъ; но это, какъ и надобно было ожидать — ни къ чему не привело...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣденія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. дѣйствительный членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно

сказать, что его мыслью питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены, благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1896.

Книга седьмая. — Іюль. стр.

Книга восьмая. — Августъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб., 1896. Стр. 205.

Въ весьма интересныхъ и поучительныхъ очеркахъ проф. Исаева указываются наиболѣе характерныя черты нашего современнаго экономическаго положенія и развитія, въ связи съ существующими въ обществѣ и литературѣ направленіями и идеями относительно будущаго хода русскаго народнаго хозяйства. Разбирая общіе вопросы экономической жизни, авторъ неизмѣнно остается на почвѣ фактовъ и избѣгаетъ всякихъ отвлеченностей, что́ придаетъ его изложенію большую ясность и простоту. Въ первыхъ двухъ главахъ онъ говоритъ о преобладающей роли экономическихъ интересовъ въ частной и общественной дѣятельности, причемъ освѣщаетъ свои взгляды убѣдительными фактическими примѣрами и свѣденіями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разъясняетъ ошибки и увлеченія проповѣдниковъ односторонней теоріи такъ называемаго „экономическаго матеріализма". Исторія западно-европейскихъ промышленныхъ ассоціацій и рабочихъ союзовъ, по справедливому мнѣнію проф. Исаева, показываетъ наглядно, какую крупную роль играетъ сознательное творчество въ организаціи и направленіи народнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, это творчество слишкомъ часто подчиняется эгоистическимъ разсчетамъ, вдохновляющимъ представителей крупной промышленности, и подъ вліяніемъ послѣднихъ торжествуютъ экономическія формы и условія, неблагопріятныя для большинства населенія. По словамъ автора, „Россія переживаетъ тотъ періодъ экономическаго развитія, который западъ переживалъ 50 лѣтъ тому назадъ", и при существующихъ обстоятельствахъ не предвидится поворота въ другую сторону. Послѣ разбора нѣкоторыхъ утвержденій и иллюзій нашихъ народниковъ, проф Исаевъ приходитъ къ тому заключительному выводу, что прочныя улучшенія въ народномъ хозяйствѣ не мыслимы безъ широкихъ общественныхъ и культурныхъ успѣховъ на почвѣ личной и общественной самодѣятельности.

Н. Невзоровъ. Изъ путевыхъ педагогическихъ замѣтокъ о школахъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Австріи. Спб., 1896. Стр. VIII+93.

Въ этихъ замѣткахъ приводится много любопытныхъ свѣденій о постановкѣ учебнаго дѣла въ западно-европейскихъ школахъ, дающихъ среднее и преимущественно классическое образованіе. Авторъ скромно предупреждаетъ читателя въ предисловіи, что его замѣтки „носятъ характеръ мимолетныхъ впечатлѣній и случайныхъ набросковъ, способныхъ только натолкнуть любознательнаго русскаго педагога на дальнѣйшее и болѣе основательное ознакомленіе съ интересными и поучительными сторонами въ жизни заграничныхъ школъ"; но эти наброски и впечатлѣнія касаются весьма важныхъ вопросовъ школьной организаціи и учебной практики, и безъ сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе лицъ, интересующихся или обязанныхъ интересоваться подобными вопросами.

Наша публицистическая печать и экономическіе вопросы. Ярослава А. Сербиновича. Спб., 1893. Стр. 58. Ц. 50 к.

Г. Сербиновичъ разсуждаетъ въ своей брошюрѣ о современныхъ экономическихъ явленіяхъ и задачахъ съ точки зрѣнія наблюдателя, свободнаго отъ всякихъ предвзятыхъ теорій; онъ высказываетъ при этомъ вполнѣ оригинальныя мысли, которымъ не можетъ сочувствовать значительная часть нашей печати, но которыя носятъ на себѣ печать искренняго и безкорыстнаго убѣжденія. Авторъ пишетъ сжато и кратко, хотя и не всегда складно, объ интеллигентномъ трудѣ, о капиталистическомъ производствѣ и особенно о подоходномъ налогѣ. Въ заключеніе онъ выражаетъ увѣренность, что „какъ въ мірѣ физическомъ ничто не пропадаетъ даромъ, такъ и въ мірѣ духовномъ всякая мысль, хотя бы шла въ разрѣзъ со взглядами современнаго настроенія, не пропадаетъ, если высказана въ цѣляхъ общественной пользы"; на этомъ основаніи онъ надѣется, что и его идеи будутъ замѣчены и не пропадутъ даромъ.

Разводъ и положеніе женщины. М. И. Кулишера. Спб, 1896. Стр. XV+288. Ц. 1 р. 50 к.

Въ книгѣ г. Кулишера собрано очень много интересныхъ свѣденій о бракѣ и разводѣ у разныхъ народовъ и въ разные періоды исторіи, въ связи съ постановленіями законодательствъ и съ данными судебной практики. Въ изложеніи автора юридическія правила и традиціи освѣщаются культурно-историческими и этнографическими фактами, любопытными сопоставленіями и примѣрами. Это рядъ занимательныхъ этюдовъ, написанныхъ легко и живо, несмотря на спеціальность сюжета въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги. Авторъ вноситъ въ свое изслѣдованіе богатые матеріалы, доставляемые англійскою судебною практикою; онъ пользуется также малоизвѣстными у насъ данными объ еврейскихъ законахъ и обычаяхъ.

В. Святловскій 2-й. Л. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Л. Брентано. Москва, 1896. Стр. IX + 212. Ц. 1 р 25 к.

Мюнхенскій профессоръ Луйо Брентано принадлежитъ къ числу самыхъ симпатичныхъ и талантливыхъ представителей нѣмецкой „историко-реалистической" школы политической экономіи. Обстоятельный этюдъ объ его научной и литературной дѣятельности написанъ г. Святловскимъ на основаніи не только книжныхъ свѣденій, но и продолжительнаго личнаго знакомства съ Брентано и многими изъ его учениковъ, какъ видно изъ предисловія. Проведши нѣсколько лѣтъ въ различныхъ университетскихъ городахъ Германіи, авторъ хорошо изучилъ особенности системы преподаванія и міровоззрѣнія нѣмецкихъ выдающихся экономистовъ; оттого его книга даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ простого этюда объ одномъ изъ современныхъ ученыхъ писателей. Авторъ добросовѣстно излагаетъ содержаніе главныхъ сочиненій Брентано, не принимая на себя общей оцѣнки ихъ въ связи съ работами другихъ экономистовъ; онъ прежде всего имѣлъ въ виду „намѣтить нѣкоторые изъ болѣе важныхъ пунктовъ воззрѣній Брентано, преимущественно по экономіи крупной промышленности и связаннаго съ нею рабочаго вопроса". Книга г. Святловскаго читается вообще съ большимъ интересомъ; но нельзя не пожалѣть, что впечатлѣніе отчасти портится чрезмѣрнымъ обиліемъ опечатокъ.